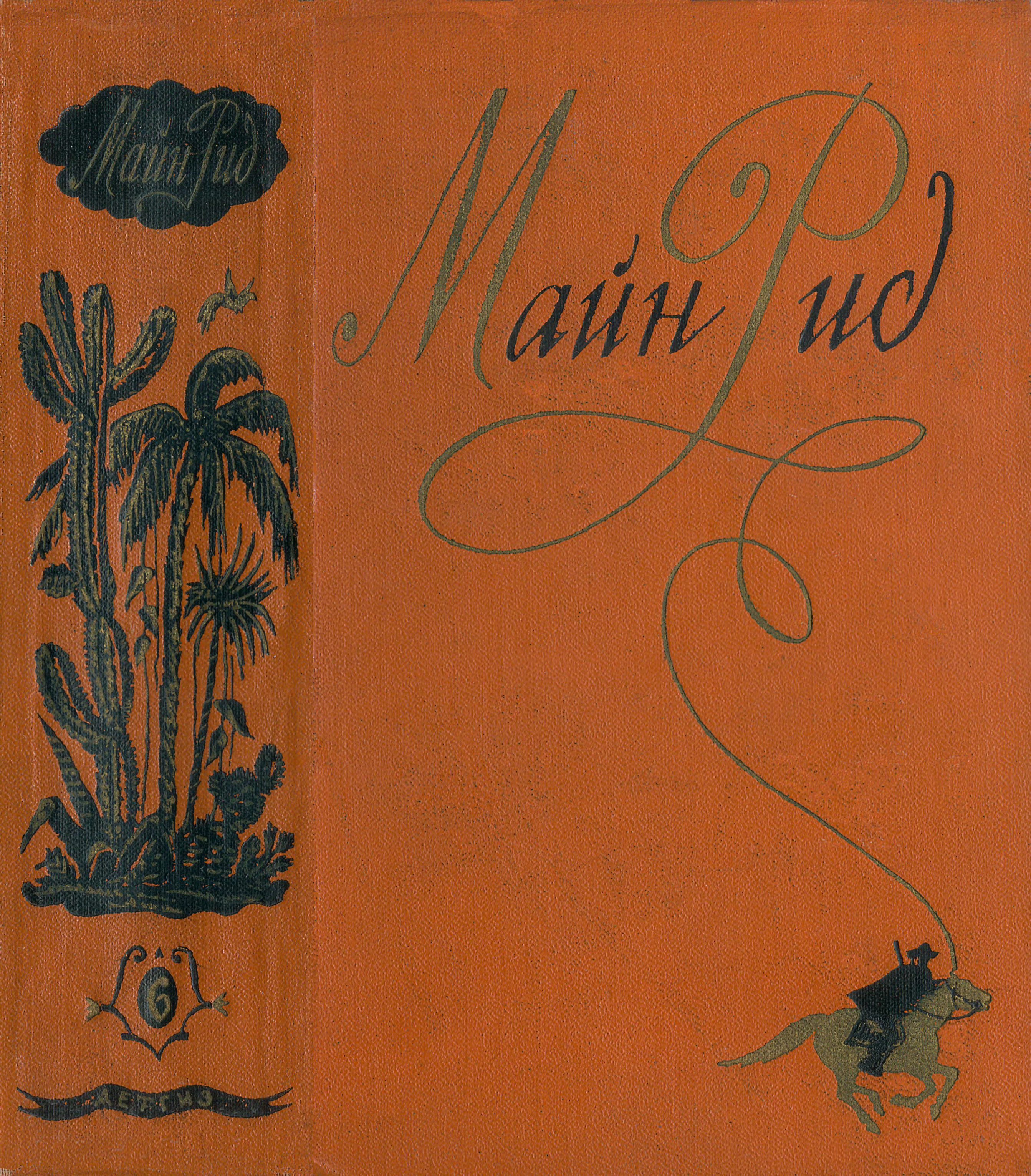

Майн Рид
Майн Рид
6
ДЕТГИЗ

Майн Рид

Demiurz

МАЙН РИД
СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

МАЙН РИД

ТОМ ШЕСТОЙ

МАРОНЫ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва – 1958

Издание выходит под общей редакцией

проф Р М САМАРИНА

МАРОНЫ

Роман

Перевод с английского

Н А Дехтеревой

Редактор

И. Г. Гурова

N
S
КАРАИБСКОЕ МОРЕ
ДОРОГА В ФАЛМУТ
Монтего бей
ДОРОГА В ЛУСЕА
Замок Монтегю
Грейт-ривер
ГОРЫ ТРЕЛОНИ
Поместье Вогана Горный Приют
Ущелье дьявола
Поляна сейбы
Ферма Джеффорина Гостеприимная Долина
Поместье Мирная Равнина
Негрит хижина
ДОРОГА В САВАННУ
ДОРОГА В СПАНИШ ТАУН
мили
км
Карта действия романа «Мароны»

Пролог

ОСТРОВ РОДНИКОВ

СКИТАЯСЬ, как бездомный бродяга, по морям вест-индских островов, я случайно оказался в бухте Монтего-Бей, на северо-западном побережье Ямайки. Передо мной раскинулся величавый полукруглый залив, по берегам которого зеленым полумесяцем протянулись высокие лесистые горы. Внутри этого полумесяца расположился город. Его белые стены и окна с жалюзи весело блестели среди гущи зелени, где сплеталась листва пальм и бананов, лимонных и тутовых деревьев, папайи и клещевины. На склонах гор я без труда разглядел сахарную и кофейную плантации, загоны скотоводческой фермы. Дома владельцев этих поместий стояли на самом виду под сенью апельсиновых рощ, среди

зарослей душистого ямайского перца; с обеих сторон каждого дома шли крытые веранды.

Тишиной и покоем веяло от этой картины, и город можно было бы принять за мирную деревушку, если бы высокие мачты, пересекавшие горизонтальную линию берега, не указывали на то, что Монтего-Бей — морской порт. Их было не больше двадцати, этих мачт, тонких и прямых, как свечи. Их малочисленность и полный покой в заливе (наш корабль был единственным судном, бороздившим его воды) отнюдь не свидетельствовали о процветании порта.

Попади я сюда на полстолетие раньше, передо мной открылось бы иное зрелище. Я увидел бы сотни кораблей у причала или на якорях в гавани: одни только что прибыли, другие уходят в открытое море, а те подняли паруса и готовятся отплыть; по заливу проворно снуют шлюпки и баркасы, на берегу толпятся и снуют люди, — короче говоря, я заметил бы ту кипучую деятельность, какая обычно наблюдается на пристанях процветающего порта.

То была пора напряженной духовной жизни, когда народы, в чьих сердцах долго росло и зрело стремление к освобождению, как растет и копит силы пламя в жерле вулкана перед могучим взрывом, восстали наконец во имя свободы, чтобы разбить по обе стороны Атлантического океана тысячи и тысячи оков. Кроме того, на Ямайке, как и повсюду, это была пора расцвета. Вскоре, однако, процветание острова достигло своего апогея, и наступил кризис, за которым быстро последовал упадок. Но кто станет оплакивать падение торговли, основным товаром которой был человек? Да возрадуется человечество ее гибели!

По мере того как наш корабль приближался к берегу и мы могли различать отдельные предметы, открывавшееся перед нами зрелище становилось все заманчивее. Животные и люди на берегу и в близлежащих полях, пестрые, красочные одежды, богатство оттенков яркой тропической зелени, стройная симметрия пальм и папайи — все сливалось в единую картину, заслуживающую названия восхитительной.

Но взгляд мой недолго задерживался на ней. Гораздо сильнее манили меня голубые вершины, еле видимые в отдалении и легким силуэтом вырисовывающиеся на еще более ярком голубом небе, — я знал, что это горы Трелони. Не сами горы привлекали меня, хотя я люблю смотреть на эти величавые черты лика Земли. Я слишком часто любовался Кордильерами, чтобы меня мог поразить вид Голубых гор Ямайки. Однако с ними связана одна история, хотя и малоизвестная свету, но от этого не менее волнующая. Романтический интерес ее по меньшей мере равен тому, который вызывают исчезнувшие храмы Монтесумы [1] или разрушенные дворцы перуанских инков [2]. В анналах истории различных рас и народов Нового Света, по-моему, нет ничего более увлекательного и захватывающего, чем повесть о ямайских маронах.

Тот, кто любит свободу, кто ратует за равенство людей, не может не испытывать искреннего восхищения перед мужественными людьми с темной кожей, которые в течение двух столетий боролись за свою независимость против белого населения всей Ямайки. Глядя на горы Трелони, я невольно вспомнил отважных «охотников за кабанами» [3], нашедших себе пристанище среди этих далеких вершин. Там ютились их скрытые в банановых рощах хижины. Там в мирное время, сидя в тени тамаринда, темнокожие матери следили за состязаниями своих сыновей, обучая их охотничьему искусству отцов, которые тем временем преследовали диких кабанов в чаще леса. Там тихим тропическим вечером перед живописными хижинами собирались веселые группы их обитателей, слушали воинственную песнь племени коромапти или грустные напевы племени эбо и плясали, как некогда в Конго, под манящие звуки гумбоя и меривангa. И там же, когда их вынуждали к войне, совершали мароны свои доблестные подвиги. В этих лесистых

[1] Монтесума (ок. 1466—1520 гг.) — вождь индейского племени ацтеков. Убит во время завоевания Мексики испанцами.

[2] Инки — индейское племя, обитавшее в Перу (Южная Америка); завоевано испанцами в XVI веке.

[3] Так звали маронов.

горах таились их своеобразные, самой природой созданные крепости, которые мароны стойко защищали, хотя противники в десять раз превышали их численностью. И каждая тропа была орошена кровью побежденных врагов, каждое ущелье освящено подвигами величайшего мужества.

Не восхваляйте Фермопил [1], не превозносите Вильгельма Телля и долину Грютли [2] и почтите молчанием ямайских маронов! Среди горстки темнокожих, двести лет живших свободно среди Голубых гор Ямайки, найдутся герои, столь же достойные славы, как герои Спарты и Швейцарии. Маронов не удалось сломить. Их гордый дух не изведал позора поражения.

Неудивительно, что, предавшись воспоминаниям об этом замечательном народе, я не мог отвести взора от цепи гор Трелони, и неудивительно также, что, едва ступив на землю Ямайки, я тотчас направился в Голубые горы.

Я шел туда не только затем, чтобы испить из сладостного источника великого прошлого, — я хотел удостовериться, сохранились ли в местах, освященных геройскими подвигами, потомки этого замечательного племени. Меня не постигло разочарование. Я убедился, что в горах Трелони мароны не забыты, хотя после отмены рабства они смешались с остальным темнокожим населением острова. Я встретил многих потомков маронов. Мне даже посчастливилось близко узнать одного из старейших участников великих событий, настоящего, подлинного марона, семидесятилетнего, седовласого ветерана, который в те далекие годы был неустрашимым воином.

---

[1] Фермопилы — название горного прохода в Греции, который в 480 году до н. э. отряд спартанцев во главе с царем Леонидом героически оборонял против войска персидского царя Ксеркса.

[2] Вильгельм Телль — легендарный герой эпохи освободительной войны швейцарского народа против австрийского владычества. В 1307 году представители всех кантонов Швейцарии собрались в долине Грютли и образовали союз против тирании австрийских феодалов, которым тогда принадлежала значительная часть нынешней Швейцарии.

Окидывая взглядом все еще внушительную, почти гигантскую фигуру старика, я без труда поверил в его геройские подвиги. «Каким, должно быть, величественным зданием были когда-то эти руины!» — подумалось мне невольно.

Некоторые обстоятельства, о которых здесь говорить излишне, сблизили меня с этим необыкновенным старцем, и я стал желанным гостем в его горной хижине, где выслушал не одну повесть о далеком прошлом. Рассказы старика равно волновали нас обоих. Помимо многих увлекательных эпизодов, услышанных мною от старого марона, я узнал от него ряд подробностей той истории, которую ныне здесь предлагаю. И, если читатель сочтет ее достойной внимания, этим он будет обязан не столько мне, сколько почтенному марону Квэко.

Глава I

ПОМЕСТЬЕ ГОРНЫЙ ПРИЮТ

Одна из богатейших сахарных плантаций на Острове родников принадлежит поместью Горный Приют. Она расположена в десяти милях от Монтего-Бей, в широкой долине между двумя пологими горными хребтами, которые тянутся параллельно больше чем на милю, постепенно становясь все выше, а потом вдруг сближаются и круто вздымаются вверх. В месте их соединения образуется высокая гора — отсюда и название поместья. Склоны почти сплошь зеленеют глянцевитой листвой пимента — душистого ямайского перца; ниже они покрыты рощицами и кустарниками, которые порой перемежаются веселыми лужайками.

Дом владельца стоит у подножия горы, как раз там, где сходятся два хребта. Архитектора, по-видимому, соблазнила естественная, ровная площадка, возвышающаяся на несколько футов над уровнем долины. Здание мало отличается от обычных построек такого рода. Это типичный дом ямайского плантатора. Нижний этаж — из камня, второй, он же и последний, — простой дере-

вянный, крыша из дранки. Собственно, заднюю и боковые стены верхнего этажа едва ли можно назвать стенами, ибо они почти сплошь состоят из жалюзи. Из-за этого дом напоминает клетку, но зато в нем прохладно, что очень важно в тропическом климате.

Широкая наружная лестница с каменными ступенями и крепкими железными перилами ведет прямо на второй этаж, так как первый занят только под склады и различные служебные помещения. Дверь с лестницы открывается непосредственно в большой крестообразный зал, дважды пересекающий все здание из конца в конец — вдоль и поперек. Жалюзи свободно пропускают потоки свежего воздуха и в то же время защищают от ослепительного солнечного света, который в тропиках почти так же невыносим, как и жара. Пол из твердых местных пород дерева ежедневно тщательнейшим образом протирается и не застелен коврами, что также помогает сохранять в помещении приятную прохладу.

Просторный зал — главная комната в доме. Это и столовая и гостиная одновременно. Буфеты и шифоньеры стоят там бок о бок с кушетками, креслами и оттоманками, а с потолка свисает великолепная люстра. Угловые комнаты служат спальнями. В них также окна с жалюзи, одновременно впускающими свежий воздух и защищающими от знойных солнечных лучей.

В Горном Приюте, как и в любом загородном ямайском доме, сразу бросается в глаза несоответствие между внешним видом здания и внутренним его убранством. Постройка кажется грубоватой и даже недостаточно прочной. Но именно эта архитектурная особенность — отсутствие дорогих, прочных материалов — и делает дом пригодным для местных климатических условий. В то же время богатство обстановки: массивные столы из дерева ценных пород, резные полированные буфеты, обилие серебра и хрусталя, элегантные диваны и кресла, сверкающие люстры и канделябры — все говорит о том, что мнимая убогость жилища ямайского плантатора ограничивается стенами дома. Футляр, может быть, и скромен, но содержащиеся в нем драгоценности сто́ят немало.

Все же и снаружи дом выглядит довольно внушительно. Широкий фасад, белизна которого приятно контрастирует с темно-зелеными жалюзи, каменная лестница и на заднем плане высокая лесистая гора; прекрасная аллея, идущая от дома на целую милю и обсаженная двойным рядом тамариндов и кокосовых пальм, — все это придает дому величие почти дворца. Впечатление это не рассеивается, даже если подойти ближе. На площадке, где расположен дом, остается место для большого сада, простирающегося почти до подножия горы, от которой его отделяет высокая каменная ограда.

Самая заметная черта пейзажа — гора. Не потому, что она особенно высока, ибо неподалеку имеются и другие, равные ей, а в отдалении вырисовываются силуэты и значительно более высоких гор. Можно даже различить знаменитый Голубой пик, на сотни футов возвышающийся над окружающими его вершинами. Гора приметна и не потому, что стоит особняком. Наоборот, это всего лишь один из отрогов длинной горной цепи. Разрезанная глубокими и узкими, похожими на ущелья долинами, она возвышается на тысячи футов над уровнем Караибского моря и известна под названием Голубых гор Ямайки. Вся площадь острова покрыта этими гигантскими складками земной коры, и потому поверхность Ямайки неровна, морщиниста, как испещренный прожилками капустный лист. «Остров гор» было бы для нее более подходящим именем, чем ее древнее индейское название — Остров родников.

Гора, о которой идет речь, возвышается всего на две тысячи футов над уровнем моря, но она примечательна геометрической точностью своих очертаний и необычайной формой вершины. Если смотреть на гору снизу, она кажется совершенно правильным и довольно острым конусом, стороны которого, ярдах в пятидесяти от вершины, становятся почти вертикальными и неожиданно резко обрываются, завершаясь ровной квадратной площадкой футов пятидесяти в диаметре. По общему виду эта срезанная вершина несколько напоминает знаменитую гору Кофр ди Пероте в Мексике.

Как уже говорилось, вся гора покрыта густыми первобытными лесами, особенно склон, обращенный к долине. И только самая вершина ее совсем лишена растительности, как макушка францисканца. Эта квадратная, похожая на огромный сундук вершина, эта голая скала как будто не подпускает к себе зеленых великанов, толпящихся у самого ее основания. Некоторые из них протягивают к ней свои огромные сучья, словно руки, готовые не то задушить, не то обнять ее. Лишь одному-единственному дереву удалось взобраться на крутую, как крепостные валы, стену. Подвиг этот совершила благородная арековая пальма. Она стоит на плоской вершине, и ее перистые листья гордо колышутся в вышине, как победное знамя на башне захваченного замка. Венчающая гору скала являет собой причудливое зрелище. Покрытая трещинами и рубцами, поверхность ее и при солнечном свете и даже под мягкими лучами луны сверкает темным тусклым блеском, как металлическая кольчуга.

Жители долины называют эту скалистую вершину Утесом Юмбо. Это имя рождено связанными с ним суевериями. Хотя гора всегда перед глазами и до ее вершины можно за час добраться по лесной тропе, в окрестностях не сыщется негра, который осмелился бы один отправиться на утес. Большинство, если не все они, знают об Утесе Юмбо не больше, чем о вершине Чимборасо [1].

Но я рассказываю о том, что происходило полстолетия назад. В ту пору страх перед этой скалой имел своим источником не одно лишь суеверие. Отчасти он был вызван ужасным происшествием: вершина горы послужила местом казни, по своей бесчеловечной жестокости граничившей с преступлением.

Эта плоская вершина, подобно орошенным кровью храмам Монтесумы, стала алтарем, на который была возложена человеческая жертва. Сделано это было не в столь отдаленные времена и не кровожадными жрецами ацтеков, а европейцами, людьми с белой кожей, из-

[1] Чимборасо — потухший вулкан в Андах (Южная Америка).

бравшими своей жертвой чернокожего африканца. Случай этот, иллюстрирующий правосудие на Ямайке в мрачные дни рабства, заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробно.

Глава II

СЛУЖИТЕЛЬ КУЛЬТА ОБИ

За несколько лет до отмены рабства немало тревог в Вест-Индии вызывало широкое распространение обиизма—настолько широкое, что почти в каждом крупном ямайском поместье был свой «проповедник» этого мрачного культа. Впрочем, термин «проповедник», хотя этих знахарей часто так называли, не совсем точен, так как открыто проповедовать обиизм было опасно — по крайней мере, в присутствии белых: это каралось смертью.

Эти таинственные колдуны обычно были мужчинами и чаще всего уроженцами Африки — как правило, преклонного возраста и устрашающе уродливые. Внешнее безобразие весьма способствовало успеху их преступной деятельности. Они занимались ворожбой и знахарством и якобы обладали способностью воскрешать мертвых. Во всяком случае, их невежественные чернокожие собратья верили в это, не подозревая, что «воскресший» находился всего-навсего в глубоком обмороке, хотя и действительно похожем на смерть, ибо вызван он был сильным ядом одного из видов каладиума, которым опоил несчастного сам колдун.

Я не стану подробно описывать таинства культа Оби, который, в сущности, очень незамысловат. Я сталкивался с подобными верованиями повсюду, где мне приходилось путешествовать. И, хотя верования эти распространены главным образом среди дикарей, их можно найти и в темных закоулках цивилизованного мира. «Служитель культа Оби» — это примерно то же, что шаман североамериканских индейцев, «пиуче» в странах юга, «низвергающий дожди» на мысе Доброй Надежды, колдун на побережье Гвинеи. Короче говоря, имеется столько названий служителей подобных куль-

тов, сколько существует на свете нецивилизованных племен.

Повторяя уже сказанное, а именно, что в каждом большом поместье имелся среди негров-рабов свой служитель Оби, надо добавить, что поместье Горный Приют не являлось исключением. Судьба тоже наградила или, вернее сказать, наказала его служителем Оби. Это был старый негр из племени короманти. Звали его Чакра. Благодаря свирепому, устрашающему облику он пользовался большим влиянием среди последователей обиизма. Чакру давно подозревали в том, что он отравил своего господина, прежнего владельца поместья, скончавшегося скоропостижно и таинственно. Его, впрочем, никто не оплакивал: это был жестокий рабовладелец. Во всяком случае, теперешний собственник Горного Приюта имел меньше всего оснований для сожалений, так как в результате он получил поместье, о котором мечтал.

Гораздо больше огорчений доставило ему другое обстоятельство: с тех пор как он стал владельцем желанного поместья, несколько из его самых ценимых рабов окончили свое существование столь неожиданно и при столь таинственных обстоятельствах, что это могло объясниться только вмешательством колдуна Чакры. Он был обвинен и предан суду. Судили его трое судей, все мировые судьи округи. Суд такого состава имел право вынести смертный приговор рабу. Председателем был владелец подсудимого, плантатор Лофтус Воган, хозяин Горного Приюта.

Чакру обвиняли в «отправлении культа Оби». О смерти бывшего хозяина Чакры в обвинении не было сказано ни слова. Доказательства преступлений были не очень ясны, но они показались суду достаточно убедительными, и Чакре был вынесен смертный приговор.

Как ни странно, хозяин Чакры — председатель суда — был заинтересован в этом больше всех. Чтобы добиться такого приговора, он пустил в ход все свое влияние. Один из судей, надо заметить, высказался сначала за оправдание, но, пошептавшись с мистером Воганом, отказался от первоначального мнения и подал голос за смертную казнь.

Ходили слухи, что Лофтус Воган руководствовался более низменными мотивами, нежели неподкупная справедливость и желание положить конец культу Оби. Поговаривали о фамильных тайнах, которые были известны Чакре, и о некой сделке, единственным живым свидетелем которой он был, — сделке столь предосудительного характера, что даже показания негра-раба могли быть достаточно компрометирующими. Подозревали, что именно поэтому, а вовсе не за колдовство, предстояло Чакре поплатиться жизнью. Так или иначе, но он был осужден на смерть.

Столь же беззаконным, как и судебное разбирательство, был и способ казни, избранный судьями, облеченными неограниченной властью. Он был и причудлив и жесток: несчастного преступника должны были приковать цепями к пальме на вершине Утеса Юмбо и оставить там.

Почему был избран такой необычный вид смертной казни? Почему Чакру не повесили, не сожгли на костре, что обычно проделывали с преступниками такого рода? Ответ на это прост. Как уже было сказано выше, распространение обиизма заставляло трепетать всю Ямайку. Таинственная смерть настигала часто не только черных рабов, но и белых рабовладельцев и даже их жен. Африканский бог был вездесущ, но невидим. Необходимо было дать жестокий урок его почитателям. Это было единодушное требование всех плантаторов, и Чакра должен был послужить примером для остальных: страшная казнь колдуна повергнет в трепет всех его последователей.

Расправу над преступником решили учинить на Утесе Юмбо, и прежде нагонявшем страх на негров. Судьи полагали, что это окажет требуемое воздействие на суеверных рабов и навеки сокрушит их веру в силу Оби.

И вот осужденного отвели на вершину утеса и приковали там, подобно новому Прометею [1]. Стражи не поставили никакой, да ее и не требовалось. Цепи и тот

---

[1] Прометей — в греческой мифологии титан, похитивший с неба огонь для людей и в наказание за это прикованный Зевсом к скале.

ужас, который должна была вызвать казнь, считались достаточными, чтобы воспрепятствовать всякой попытке спасти Чакру. По истечении нескольких дней жажда, голод и грифы довершат роковую церемонию так же верно, как веревка или топор палача.

* * * * * * * * * *

Прошло немало времени, прежде чем Лофтус Воган сам поднялся на гору убедиться в гибели несчастного раба. Когда, подстрекаемый любопытством, а может быть, и более сильным чувством, он наконец решил подняться на вершину утеса, то увидел, что не ошибся в своих расчетах. В цепях, прикованных к стволу пальмы, висел человеческий скелет, дочиста обглоданный стервятниками. Ржавая цепь, обвивавшая скелет, не дала ему рассыпаться.

Лофтус Воган не имел ни малейшего желания задерживаться там дольше. Это зрелище заставило его содрогнуться. Он только взглянул и поспешил обратно. Но гораздо страшнее, гораздо ужаснее было то, что, как ему показалось, он увидел, спускаясь с горы, — привидение, дух Чакры, а может быть, и самого Чакру, живого и невредимого.

Глава III

ЗАВТРАК В ЯМАЙСКОМ ПОМЕСТЬЕ

Прекрасным майским утром — а май на Ямайке прекрасен, как и повсюду, — колокол в просторном зале поместья Горный Приют возвестил час завтрака. Однако в зале пока не было видно никого, кроме пяти—шести чернокожих слуг, которые только что явились из кухни, принеся подносы и блюда с различными кушаньями. Хотя к столу были придвинуты всего два стула и приборы на нем ясно указывали, что завтрак сервирован на двоих, обилие блюд, расставленных на белоснежной дамасской скатерти, могло навести на мысль, что ожидается большое общество. Тут были и

котлеты с соусом, и маринованная рыба, и закуски из дичи, и лососина, и еще многое другое. Центр стола занимали два больших блюда — одно с окороком, другое с копченым языком.

Из «хлебных изделий» на столе находился пудинг из ямса, печеные бананы, горячие булочки, поджаренные хлебцы, пирожки и сладкий картофель. Если бы не великолепный кофейный сервиз и небольшой сверкающий серебряный кофейник, можно было бы предположить, что стол накрыт к обеду, а не к первой утренней трапезе. Ранний час — только что пробило девять — также опровергал предположение об обеде. Но, для кого бы ни предназначалось все это угощение, оно было весьма обильным. Так повторялось каждое утро: роскошная сервировка, разнообразие блюд — все это было обычным для дома богатого ямайского плантатора.

Едва затихли удары колокола, как явились те, кого они призывали к столу. Пришедших было двое, и вошли они с противоположных концов зала.

Первым появился пожилой дородный джентльмен, крепкий и румяный. На вошедшем был просторный нанковый костюм. Открытый сюртук позволял видеть широкие складки белой, как кипень, сорочки тончайшего льняного полотна. Отложной воротник оставлял открытыми шею и красный, чисто выбритый подбородок. Из кармашка на поясе брюк спускалась массивная золотая цепь, на одном конце которой висела целая связка печаток и ключей от часов. На другом ее конце были прикреплены большие старомодные золотые часы с крупными черными цифрами на белом циферблате. Войдя в зал, владелец часов вынул их, проверяя пунктуальность слуг. В этих вопросах его требовательность доходила до педантизма.

Таков был Лофтус Воган, плантатор, владелец поместья Горный Приют, мировой судья и председатель окружного суда. Испытующе осмотрев расставленные на столе яства и, очевидно, удовлетворенный их видом, хозяин дома уселся за стол. Его лицо расплылось от предвкушения приятного завтрака.

Едва мистер Воган опустился на стул, как в комнату

впорхнула очаровательная молодая девушка, свежая и розовая, словно первые лучи зари. Легкий белоснежный пеньюар из тонкого батиста плотно облегал ее спину. На груди ткань лежала свободными складками, спадающими до самого пола, позволяя видеть лишь самые кончики крохотных атласных туфелек, которые, словно белые мышки, поочередно мелькали из-под края платья, пока юная красавица легко скользила по блестящему паркету. Прелестную шейку обвивала нить янтарных бус. В густые волнистые волосы был воткнут алый цветок. Темно-каштановые кудри были расчесаны на пробор и обрамляли щеки, окраской своей соперничающие с цветком. Лишь очень опытный глаз мог бы заметить, что в венах девушки течет не только европейская кровь. Легкая волнистость волос, скорее округлое, чем овальное лицо, темно-карие глаза с необычайно блестящими зрачками, на редкость яркий, словно нарисованный, румянец — все говорило об этом.

Красавица была единственной дочерью Лофтуса Вогана и составляла всю его семью: владелец Горного Приюта был вдов.

Войдя в зал, девушка не сразу села за стол. Порхнув, как бабочка, к отцу, она нежно обняла его и поцеловала в лоб. Это обычное ее утреннее приветствие показывало, что сегодня они еще не виделись. Впрочем, оно не означало, что они только что встали с постели. Как принято на Ямайке, и отец и дочь поднялись спозаранку, вместе с солнцем. Мистер Воган вошел в зал, держа в руке соломенную шляпу и трость. Он, как видно, уже успел совершить утренний обход своих владений, проверил, хорошо ли идут работы в сахароварнях, посмотрел, как обстоят дела на плантации. Дочь полчаса назад вернулась домой с хлыстом в руке: она совершила утреннюю верховую прогулку.

Поздоровавшись с отцом, молодая девушка села перед кофейником и приступила к обязанностям хозяйки. Ей помогала девушка приблизительно одного с ней возраста, но совершенно на нее не похожая. Это была ее горничная. Она вошла в зал следом за мисс Воган и тотчас встала за стулом своей госпожи.

Во внешности второй девушки—в лице, фигуре, цвете кожи — сразу бросалось в глаза что-то необычное, своеобразное. У нее были те пластичные, изящные линии, которые мы находим в классических статуях и которые ничем не напоминают негроидный тип. Цвет ее кожи был иной, чем у негритянок; еще менее напоминал он окраску кожи мулаток или квартеронок. Это был цвет каштана или красного дерева. Смуглый румянец отнюдь не нарушал общего приятного впечатления. Лицо ее также было совсем не таким, как у негритянок. Тонко очерченные губы, овальное лицо, почти орлиный нос — подобные лица можно видеть на египетских барельефах и в странах Аравии.

Волосы у девушки были не курчавые, но и не такие, как у европейцев. Прямые, гладкие, иссиня-черные, они свободно падали на плечи, придавая смуглянке совсем юный вид. Нет, она отнюдь не казалась безобразной. По-своему она была очень красива. Тонкая фигура, изящество которой подчеркивала легкая туника без рукавов, чалма из мадрасской шали на голове, непринужденные, грациозные движения, быстрый взгляд прекрасных пламенных глаз, жемчужные зубы — все это дышало очарованием. Молодая красавица была рабыней. Ее звали Йолой.

Глава IV

ДВА ПИСЬМА

Накрытый к завтраку стол помещался не в центре комнаты, а был придвинут вплотную к открытому окну, где было прохладнее и откуда открывался поистине великолепный вид. Почти прямо от дома шла длинная, обсаженная пальмами аллея, вдали виднелась река Монтего, за ней—городские крыши и шпили, корабли, бухта и лазурное Караибское море.

Мистер Воган, однако, и не думал любоваться прекрасным ландшафтом. Его внимание было целиком поглощено блюдами на столе, а когда он все же на мгновение выглянул в окно, то посмотрел лишь туда, где

находилась его сахарная плантация. Он только хотел убедиться, исправно ли идет работа на полях, усердно ли выполняют свои обязанности надсмотрщики.

Взгляд мисс Воган чаще обращался к открытому окну. Обычно к этому часу из города возвращался слуга с утренней почтой. В поведении девушки ничто не выдавало особенного нетерпения. Просто она испытывала то легкое волнение, которое обычно чувствуют все молодые девушки, ожидающие прихода почтальона. Всегда есть надежда получить «короткое» письмецо страниц на двенадцать, покрытых тесными, то и дело перечеркнутыми строчками, расшифровать которые стоит немалого труда. Но чтение таких писем заманчивее самого увлекательного модного романа.

Но вот в конце аллеи показался темный силуэт, напоминающий кентавра, и спустя несколько минут к подъезду подскакал на лохматой, невзрачной лошаденке черномазый, похожий на бесенка мальчуган. Это был Квеши, юный почтальон Горного Приюта.

Если мисс Воган рассчитывала получить какое-нибудь нежное послание, то ей предстояло разочароваться. В сумке Квеши лежали всего два письма и газета с английскими марками, и все это было адресовано ее отцу. Узнав почерк на одном из конвертов, мистер Воган просиял от удовольствия. Улыбка не сходила с его лица, пока он ломал печать и вскрывал письмо. Он улыбнулся еще шире, когда через несколько минут ознакомился с его содержанием.

Встав со стула, мистер Воган зашагал по комнате, прищелкивая пальцами и восклицая довольным голосом:

— Превосходно! Впрочем, я так и предполагал.

Дочь смотрела на него с удивлением. Отец отличался сдержанным, порой доходящим до суровости нравом. Такой взрыв веселья был необычен для Лофтуса Вогана.

— Приятные новости, папа?

— Да, плутовка, весьма приятные.

— А мне можно узнать, в чем дело?

— Да... Впрочем, нет, позже, не теперь.

— С твоей стороны просто жестоко скрывать их от меня, папа. Мне хочется разделить твою радость.

— Ну конечно! Если ты не обрадуешься, то, значит, ты просто дурочка...

— Дурочка?! Я не позволю, чтобы меня так называли!

— Я хочу сказать, ты будешь дурочкой, если не обрадуешься, когда узнаешь, что... Нет, я все расскажу тебе в свое время, дитя мое... Отлично! Превосходно! — продолжал он восклицать в неудержимом восторге. — Я знал, я был уверен, что он приедет!

— Значит, ты кого-то ждешь, папа?

— Да. Угадай — кого?

— Как я могу угадать? Я ведь не знаю твоих друзей в Англии.

— Однако я не раз тебе о них рассказывал, ты видела их письма ко мне.

— Ах, да, ты часто упоминал мистера Смизи. До чего смешное имя! Ни за что на свете не хотела бы иметь такую фамилию!

— Ну-ну, дитя мое, Смизи — прекрасная фамилия! Особенно, когда перед ней стоит Монтегю. Монтегю! Это звучит великолепно! Кроме того, мистер Смизи — владелец замка Монтегю.

— Ах, папа! Разве от этого его фамилия звучит хоть капельку лучше?.. Так это его приезда ты ожидаешь?

— Да, моя дорогая. Он пишет, что отправляется со следующим кораблем — «Морской нимфой». Значит, в ближайшие дни следует ожидать его приезда. Бог ты мой! Надо успеть приготовиться к приему гостя! Ты ведь знаешь, замок Монтегю в настоящее время непригоден для жилья. Поэтому мистер Смизи временно остановится у нас. И, выслушай меня, Кэтрин, — продолжал плантатор, наклоняясь к дочери и приглушая голос, чтобы его слова не долетели до ушей слуг: — тебе следует полюбезнее принять мистера Смизи. Говорят, это весьма благовоспитанный, светский молодой человек и к тому же, как мне известно, богатый. В моих интересах сохранить с ним дружеские отношения, — добавил ми-

стер Воган еще тише и как бы про себя, но все же так, что дочь могла его слышать.

— Дорогой папа, — ответила она, — разве я позволю себе нелюбезность в отношении гостя? Уже ради тебя...

— Ради себя самой,—прервал ее отец, смеясь и хитро поглядывая на дочь. — Но, дорогая Кэтрин, — продолжал он, — у нас еще хватит времени обсудить все как следует. Сейчас мне нужно прочитать второе письмо. От кого оно, ума не приложу. Почерк совершенно незнакомый.

Известие о предполагаемом визите мистера Монтегю Смизи, сопровождаемое восхвалениями его многочисленных достоинств, о которых Кэт слышала уже не впервые, по-видимому, не вызвало в сердце девушки особой радости. Она отнеслась к нему с полнейшим равнодушием. Если в ней и шевельнулось какое-нибудь чувство, то разве только неприязнь. То, что ей довелось слышать о мистере Смизи, не располагало Кэт в его пользу. Говорили, что он самодовольный щеголь, а таких людей она не терпела.

Зародившаяся в сердце Кэт антипатия к владельцу замка Монтегю объяснялась также и поведением отца. Говоря о мистере Монтегю Смизи, он то и дело на что-то намекал, говорил недомолвками, которые она, впрочем, отлично понимала.

Ни одна девушка не любит, когда ее сердцем распоряжаются без ее ведома. Мистер Воган, не зная этой довольно простой истины, чинил препятствия собственным планам, воображая, что успешно расчищает путь от всех предполагаемых преград. Он был никуда не годным сватом, хотя и задумал сватовство.

— Нет, почерк совершенно незнакомый, — повторил мистер Воган, ломая печать на втором конверте.

Если содержание первого письма привело его в восторг, то чтение второго вызвало совершенно противоположную реакцию.

— А, черт возьми! — воскликнул он, комкая письмо и снова нервно вскакивая со стула. — Мой неудачник братец как будто задался целью досаждать мне и при

жизни и после смерти! Пока был жив, ему вечно требовались деньги, а теперь, после смерти, навязал мне на шею своего сынка. Конечно, такой же бездельник, как и отец, можно не сомневаться. Теперь только и жди от него всяческих неприятностей, а то и позора!

— Что случилось, отец? — Кэт поразили не столько сами слова, которые она не вполне расслышала, так как они были произнесены вполголоса, сколько тон их. — В письме плохие вести?

— Да, хуже не придумаешь. Вот! На́, читай сама.

Снова усевшись, он перекинул ей через стол злополучное письмо и опять жадно принялся за еду, словно надеясь восстановить этим душевное равновесие. Кэт взяла письмо и, разгладив смятый листок, стала читать. Чтение не заняло много времени. Письмо, совершившее столь длинное путешествие, само было весьма кратким.

«Дорогой дядя!

Я вынужден сообщить Вам печальную весть: Ваш брат, а мой дорогой отец, скончался. Перед смертью он выразил настойчивое желание, чтобы я ехал к Вам. Поступая согласно его воле, я отправляюсь на Ямайку. Мой корабль — «Морская нимфа» — отплывает восемнадцатого. Не знаю, сколько времени мы будем в пути, но, надеюсь, не слишком долго.

Все имущество отца пошло на уплату долгов, и мне приходится ехать третьим классом. Говорят, это далеко не роскошный способ путешествовать, но я молод, здоров и способен вынести любые неудобства.

Любящий Вас

Герберт Воган».

В девушке это письмо не вызвало негодования. Наоборот, на ее лице появилось выражение сочувствия, с губ сорвалось еле слышное восклицание: «Бедный!»

О Герберте Вогане ей было известно лишь, что он ее кузен. Слово «кузен» всегда приятно для слуха молодой девушки, порой даже приятнее, чем «брат».

Как ни тихо прошептала она «бедный», мистер Воган услышал и бросил на дочь недовольный взгляд.

— Ты поражаешь меня, Кэт, — сказал он. — Говоришь тоном сожаления о том, кого совершенно не знаешь, кто ничем не заслужил твоего сострадания! Ленивый бездельник, точно такой же, как его отец. Подумать только — едет третьим классом! И на том же корабле, что и мистер Монтегю Смизи. А, черт возьми! Какой стыд! Мистер Смизи, конечно, узнает, кто он такой, хоть и не будет якшаться с подобным сбродом. Но все же мистер Смизи, наверно, заметит его... А когда снова увидит здесь, то, уж конечно, сразу вспомнит. Нет, необходимо принять меры. Нельзя допустить, чтобы это случилось. «Бедный»! Да, он действительно бедный — жалкий бедняк! В точности, как отец. Тот всю жизнь возился с красками да палитрами, вместо того чтобы заняться путным делом. И все для того, чтобы называться художником. «Бедный»! Как бы не так! Чтобы я больше не слышал от тебя подобных глупостей!

Произнеся этот гневный монолог, мистер Воган сорвал с газеты бандероль и попытался чтением отвлечь мысли от автора злосчастного письма.

Его дочь, изумленная и расстроенная непривычно резкими упреками, сидела молча, опустив глаза. Краска залила ее щеки. Но, несмотря на обиду, ее сострадание к бедному неизвестному кузену не стало меньше. Вместо того чтобы заглушить или уничтожить это чувство, отец своим поведением только разжег его. Мистер Воган забыл поговорку: «Запретный плод сладок».

Глава V

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ

Жаркое вест-индское солнце быстро склонялось к Караибскому морю, как будто спеша окунуть свой огненный диск в прохладные голубые воды, когда, обогнув мыс Педро, в бухту Монтего-Бей вошел корабль. Это было трехмачтовое судно водоизмещением в три-

ста—четыреста тонн. Судя по косому парусу бизань-мачты, это был барк.

Дул легчайший бриз, и корабль шел на всех парусах. Их потрепанный непогодой вид красноречиво говорил о том, что судно проделало немалый путь по океану. О том же свидетельствовали облупившаяся краска на бортах и темные пятна возле клюзов [1] и шпигатов [2].

Кроме флага владельца судна, развевавшегося на мачте, как вымпел, на корме реял второй флаг. Когда порыв ветра развернул его полотнище во всю ширь, стало видно голубое, усеянное звездами поле и чередующиеся алые и белые полосы. Полосы и самый цвет их были на этом флаге как нельзя более уместны. Хотя этот флаг называли флагом свободы, здесь он прикрывал собой позорное рабство. Это был невольничий корабль.

Дойдя почти до середины бухты, но все еще держась на значительном расстоянии от берега, где находился город, корабль неожиданно лег на другой галс и, вместо того чтобы идти к пристани, повернул к южному, незаселенному берегу залива. На расстоянии мили от него на корабле убрали паруса. Грохот цепи в клюзе возвестил, что якорь брошен. Несколько секунд корабль дрейфовал, но вот якорный канат натянулся, и барк замер.

Почему невольничий корабль не зашел в гавань, почему он стал на якорь вдали от нее?

Догадаться об этом было нетрудно, стоило лишь подняться на борт судна. Однако привилегия эта не была дарована посторонним зрителям. На палубу допускались лишь посвященные — те, кто был заинтересован в покупке груза.

Издали казалось, что жизнь на корабле замерла. Но в действительности на палубе его разыгрывалась страшная драма. Груз судна состоял из двухсот человек, или «штук» — на профессиональном языке работорговцев. «Штуки» эти были не вполне одинаковы. Это был, как

---

[1] Клюз — труба для пропуска якорной цепи.

[2] Шпигат — отверстие для удаления воды с палубы.

острил корабельный шкипер, «разносортный товар» — его набирали вдоль всего африканского побережья, и, естественно, здесь попадались представители различных темнокожих племен. Тут были светло-коричневый, живой и сметливый мандинг и рядом с ним черный, как смола, йолоф. Свирепый, воинственный короманти был скован с кротким, послушным поупо, желтокожий, похожий на павиана, унылый эбо — с каннибалом моко или же беспечным, веселым уроженцем Конго или Анголы. Однако сейчас никого из них нельзя было назвать ни беззаботным, ни веселым. Ужасы путешествия в трюме сказались на каждом. Жизнерадостный уроженец Конго и угрюмый лукуми равно пребывали в состоянии полнейшего уныния. Яркая картина, открывавшаяся их глазам, пейзаж, сверкающий всеми оттенками тропической флоры, не вселяли в их сердца радостных чувств. Одни смотрели на берег равнодушно, другим он напоминал родную Африку, откуда их силой увезли грубые, жестокие люди. Некоторые поглядывали на него со страхом, думая, что это Куми, страна великанов-людоедов, и что их привезли сюда на съедение.

Беднягам стоило лишь немного поразмыслить, и они сообразили бы, что едва ли таковы были намерения белых мучителей, привезших их сюда из-за океана. Твердый, неочищенный рис и грубые зерна кукурузы служили невольникам единственной пищей за все время плавания. Такими яствами едва ли кого откормишь для пиршества людоедов. Когда-то гладкая и блестящая кожа пленников стала сухой и дряблой от болячек и рубцов, оставленных страшным бичом, «кра-кра», как они его называли. Самые темнокожие за время пути стали пепельно-серыми; более светлая, коричневая кожа других приобрела болезненный, желтоватый оттенок. И мужчины и женщины — среди живого груза на корабле было немало и женщин — носили на себе следы бесчеловечного обращения и длительного голодания.

На корме стоял шкипер — долговязый, тощий субъект с нездоровой кожей, а рядом с ним его помощник — отталкивающего вида чернобородый человек. По кораблю сновало еще десятка два негодяев рангом пониже,

находившихся в подчинении у этих двух. Время от времени один из них, расхаживая по палубе, разражался гнусной бранью или из одной лишь жестокости осыпал ударами какого-нибудь несчастного.

Тотчас после того, как был брошен якорь, развернулось следующее действие этой отвратительной драмы. Живой товар, находившийся внизу, был выведен — вернее, вытащен — на палубу. Рабов тащили по двое, по трое. Каждого, едва он показывался из люка, грубо хватал матрос, стоявший тут же с большой мягкой кистью, которую он обмакивал в ведро с черной жидкостью — смесью пороха, лимонного сока и пальмового масла. Этой смесью обмазывали покорного пленника. Другой матрос втирал эту жидкость в черную кожу африканца, а затем тер ее щеткой до тех пор, пока она не начинала блестеть, как начищенный сапог. Подобная процедура могла бы вызвать недоумение у всякого непосвященного. Но для всех присутствовавших на корабле подобное зрелище было привычным. Не первый раз эти бесчувственные скоты подготавливали к продаже несчастных чернокожих рабов.

Одна за другой жертвы человеческой алчности появлялись из люка, и их тут же подвергали обработке дьявольской смесью. Пленники всему подчинялись с видом покорного смирения, словно овцы в руках стригальщиков. На лицах многих можно было прочесть страх: что, если это подготовка к ужасному жертвоприношению?

Глава VI

ДЖОУЛЕР И ДЖЕСЮРОН

Едва барк стал на якорь, как небольшой ялик отчалил от пустынного берега и направился к кораблю. В ялике находилось три человека. Двое сидели на веслах — это были негры, и весь наряд их состоял из грязных холщовых штанов и шляп.

Третий сидел на корме и правил лодкой. Ни цветом кожи, ни костюмом он ни в малейшей степени не похо-

дил на двоих гребцов. Впрочем, во всем мире вряд ли отыскался бы похожий на него человек.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был белый, но вест-индское солнце и грязь в складках и морщинах щек придали его коже цвет табачного листа. От природы узкое лицо с возрастом высохло и заострилось так, что фас почти исчез. Чтобы разглядеть лицо как следует, требовалось встать сбоку и смотреть на него в профиль. Зато профиль в полном смысле слова был выдающийся: особенно примечателен был нос, напоминавший клешню омара. Прибавьте к этому острый, выступающий вперед подбородок и глубокий провал на месте рта—все это придавало ему разительное сходство с попугаем. Когда страшный, провалившийся рот раскрывался в улыбке, — что, кстати сказать, случалось весьма редко, — обнаруживалось всего два далеко отстоящих друг от друга зуба — словно два часовых, стерегущих мрачную, темную пещеру.

Эту своеобразную физиономию освещали два черных слезящихся глаза, сверкающих, как глаза выдры. Сверкали они постоянно и закрывались, лишь когда их обладатель погружался в сон — состояние, в котором его почти никогда не заставали.

Глаза казались особенно блестящими по контрасту с густыми седыми бровями, сросшимися на узкой переносице. На голове волос не было — вернее, их не было видно, так как всю ее закрывал надвинутый на уши грязновато-белый полотняный колпак. Поверх него красовалась белая касторовая шляпа, продавленная тулья и обтрепанные поля которой красноречиво свидетельствовали о долголетней службе. На горбатом носу сидели огромные зеленые очки — очевидно, чтобы защищать глаза от солнца, но, может быть, и для того, чтобы скрывать светившуюся в них злобную хитрость. Светло-синий, выцветший от долгой носки полотняный сюртук с когда-то яркими золотыми, а теперь тусклыми, словно оловянными, пуговицами, короткие засаленные штаны из казимира, длинные чулки и нечищеные сапоги — таков был костюм этого странного субъекта. На коленях у него лежал голубой полотняный зонт. На-

рисованный здесь портрет — или, вернее, профиль — изображает работорговца Джекоба Джесюрона. Гребцы были его рабами.

Лодка неслась с необычайной быстротой. Джесюрон то и дело понукал чернокожих гребцов, и те изо всех сил налегали на весла. Время от времени он оборачивался и с опаской поглядывал в сторону города. По-видимому, работорговец боялся конкурентов и стремился во что бы то ни стало попасть на корабль первым.

Намерения его увенчались успехом. Утлому суденышку понадобилось немало времени, чтобы покрыть расстояние от берега до корабля, хотя оно было не больше мили, но все же, когда ялик прибыл на место, на волнах залива еще не было видно ни одной лодки.

— Эй, на барке! — закричал Джесюрон, как только лодка приблизилась к левому борту судна.

— Эге-гей! — ответил голос с корабля.

— Капитан Джоулер?

— Я! Кому я там понадобился? — откликнулся голос с кормы, и минуту спустя над бортом показалась бледная, землистая физиономия капитана Аминадаба Джоулера. — А, мистер Джесюрон! Решили первым взглянуть на моих черномазых? Ну что ж, первым пришел, первым получай. Такое уж у меня правило. Рад видеть вас, старина! Как живете?

— Превосходно! Превосходно! Надеюсь, и вы благополучно здравствуете, капитан Джоулер? Хорош ли нынче товар?

— Первый сорт, приятель! На этот раз товар отличный. Всех цветов и размеров! Ха-ха-ха! Выбирайте любых по вкусу. Давайте-ка, карабкайтесь на борт! Гляньте на мой товарец!

Получив такое приглашение, работорговец ухватился за спущенный ему веревочный трап и, взобравшись по нему с проворством обезьяны, мигом оказался на палубе.

Обменявшись рукопожатиями и другими приветствиями, показывающими, что торговец и покупатель — старые дружки и отлично понимают друг друга, Джесюрон поправил очки и принялся осматривать «товар».

Глава VII

ФУЛАХСКИЙ ПРИНЦ

Из каюты вышел и остановился неподалеку от люка молодой человек, своей внешностью резко выделяющийся среди всех других на корабле. Костюм, манера держаться, целый ряд мелочей — все свидетельствовало о том, что он не относится ни к белым, составлявшим команду судна, ни к темнокожим, составлявшим его груз. Он не был невольником, поскольку мог свободно расхаживать по кораблю. Однако одежда и цвет кожи заставляли отказаться от предположения, что это белый, — и то и другое указывало на африканское происхождение. Но черты лица не были типичны для африканца. Характер их был скорее азиатским, точнее, арабским. В сущности, лицо было бы почти европейским, если бы не бронзовый, с красноватым оттенком цвет кожи.

На вид молодому человеку было лет восемнадцать— девятнадцать. Он был хорошо сложен и красив. Тонкие дуги бровей над большими глазами, нос с легкой горбинкой, правильной формы губы, белоснежные зубы, кажущиеся особенно белыми рядом с темным пушком на верхней губе, густые черные как смоль, слегка вьющиеся, но отнюдь не курчавые волосы — такова была его внешность.

Но особенно резко выделялся он среди нагих черных невольников своим роскошным одеянием. На нем было нечто вроде желтой атласной туники без рукавов и короткая, едва прикрывающая колени юбка. Талию охватывал алый китайского шелка кушак с золотой бахромой. Через левое плечо был перекинут синий шарф, наполовину скрывающий в своих складках кривую саблю в богатых ножнах и с резной рукояткой слоновой кости. Костюм довершали тюрбан и кожаные сандалии.

Несмотря на азиатский характер его одеяния, несмотря на то, что внешностью он больше всего походил на индуса, это был чистокровный африканец, хотя и не принадлежал к обычному, всем знакомому типу, заключающему в себе явные негроидные черты. Молодой человек принадлежал к великому воинственному пасту-

шьему племени фулахов, населяющих области от Дарфура до побережья Атлантического океана. Около него стояло четверо человек, тоже отличавшихся по виду от остальной массы невольников. Более скромная одежда и ряд других признаков говорили о том, что это слуги молодого фулаха. Почтительные позы, внимание, с каким они ловили каждый его взгляд и жест, указывали на привычное раболепное повиновение.

Богатая одежда фулаха и сквозившая в его поведении надменность показывали, что он — человек не простой и, может быть, даже вождь какого-нибудь африканского племени. И действительно, это был фулахский принц с берегов Сенегала. Там, на родине, его лицо и костюм не привлекли бы к себе слишком большого внимания, но здесь, у западного берега Атлантического океана, на борту невольничьего корабля присутствие роскошно одетого принца требовало объяснения. Было совершенно очевидно, что он здесь не в качестве пленника. Напротив, с ним обходились почтительно.

Каким же образом очутился он на барке, везущем черных невольников? Может быть, в качестве пассажира? И что за люди составляют его свиту? Такие вопросы задал работорговец Джесюрон, когда, вернувшись с палубы, где происходил осмотр живого товара, впервые увидел молодого фулаха.

— Лопни мои глаза! — воскликнул он, всплеснув руками и в изумлении уставившись на живописную группу в восточных тюрбанах. — Лопни мои глаза! Это еще что такое? Бог ты мой! Да неужто это тоже рабы, капитан Джоулер?

— Да нет. Вон у того, в шелках и атласе, у самого есть рабы. Это принц.

— Принц?

— Ну да. Что, не верится? А мне не впервые приходится перевозить африканских принцев. Этот вот — его высочество принц Сингуес, сын великого султана Фута-Торо. А вокруг него — свита, или... как их там?.. придворные. Тот, с желтым тюрбаном на голове, зовется «золотой слуга», а с голубым — «серебряный слуга». А вон тот — «первый камердинер».

На физиономии старого Джесюрона появилось выражение,

— Султан Фута-Торо! — От изумления Джесюрон забыл опустить воздетые кверху руки, в одной из которых был зажат голубой линялый зонт. — Царь Каннибальских островов? Ого, куда хватили! Но шутки в сторону... Зачем вы их так разрядили, капитан Джоулер? За яркие перья вам не очень-то надбавят.

— Да говорю же вам, они не продаются! Ей-богу, это самый настоящий африканский принц.

— Африканский принц! Так я и поверил! — Джесюрон недоверчиво пожал плечами. — Ну-ну, милейший мой капитан, объясните, что это за маскарад?

— Да право же, хотите — верьте, хотите —нет, этот черномазый — принц и мой пассажир. Только и всего. Он оплатил свой проезд по-царски, как полагается.

— Но что ему нужно здесь, на Ямайке?

— А, это любопытная история, мистер Джесюрон. Вам ни за что не угадать.

которое нельзя было объяснить простым любопытством.

— Так расскажите ее, милейший капитан!

— Ну что ж, слушайте. С год назад отряд мандингов напал на столицу старого Фута-Торо и разграбил ее. При этом утащили одну из дочерей султана, родную сестру вот этого самого принца, что перед вами. Ее продали какому-то вест-индскому работорговцу, а тот, конечно, привез ее сюда, на один из островов. Только неизвестно, на какой. Старый Фута-Торо думает, что всех рабов везут в одно место. Он был сам не свой из-за пропажи дочки. Она была его любимицей и вроде первой красавицей при дворе. И вот султан послал на поиски ее брата, чтобы тот выкупил ее и привез обратно. Вот вам и вся история.

Во время рассказа капитана на физиономии старого Джесюрона появилось выражение, которое нельзя было объяснить простым любопытством. Но в то же время он старался не выдать своих чувств.

— Господи, боже ты мой! — воскликнул он, как только капитан закончил свой рассказ. — Клянусь, презанятная история! Но как он думает разыскать сестру? С таким же успехом можно найти иголку в стоге сена.

— Да, верно, — согласился капитан. — Но уж это не моя забота, — добавил он с полнейшим хладнокровием. — Мое дело было переправить его через океан. Я готов хоть сейчас везти красавчика обратно за ту же цену, если у его высочества есть чем заплатить.

— А он порядочно вам заплатил? — осведомился Джесюрон с явным интересом.

— По-царски, я же вам сказал. Видите вон там толпу мандингов возле кабестана? [1]

— Да-да!

— Их там всего сорок человек.

— Да? Ну и что же?

— А то, что два десятка из них я получаю в оплату за перевозку принца. Дешево они мне достались, а?

— Куда уж дешевле, милейший капитан! Ну, а остальные двадцать?

— Принадлежат принцу. Он захватил их, чтобы отдать как выкуп за сестру, если разыщет ее.

— Да, в этом-то все и дело — если разыщет. Нелегкая это будет задача, капитан Джоулер!

— Клянусь Христофором Колумбом! — воскликнул вдруг Джоулер, как будто его внезапно осенила какая-то мысль. — Знаете, что мне пришло в голову? Ведь как раз вы и можете помочь принцу в розысках! Уж кто лучше вас сумеет указать ему верную дорожку! Вы же здесь все вдоль и поперек знаете. Принц вам щедро заплатит, можете не сомневаться. Да мне и самому хочется, чтобы он отыскал сестру. Султан Фута-Торо — главный мой поставщик. Если девчонка сыщется и я доставлю ее отцу, черномазый не забудет услуги, когда я в следующий раз приеду к нему за черным товаром.

— Ах, достойнейший мой капитан, право, не знаю! Боюсь зря обнадеживать его высочество. Ведь я теперь уже не такой проворный, как бывало. Но для вас-то постараюсь. Может, мне что-нибудь и удастся... Но мы все

[1] Кабестан — приспособление для подъема якоря.

это потом обсудим как следует. Сперва покончим со сделкой, а то скоро сюда явятся десятки покупателей. Так вы говорите, принц дает выкуп в двадцать рабов?

— Да, двадцать мандингов.

— А больше у него ничего не имеется?

— Наличными? Ни гроша. Люди — вот их ходовая монета. У него еще, как видите, свита из четырех человек. Тоже невольники, как и остальные.

— Значит, двадцать четыре человека. Господи, боже ты мой! Счастливчик этот принц! Может, мне все-таки удастся помочь ему. Вот в каюте за стаканчиком вина обо всем и переговорим. Я бы не прочь выпить винца, достойнейший мой капитан. Ах! — воскликнул он, когда, обернувшись, заметил несколько темнокожих девушек. — Господи, боже ты мой! Вот это красотки! Как раз подойдут для горничных. И сколько же их у вас, капитан?

— Добрая дюжина, — ухмыльнулся тот.

— Ценный товар, что и говорить... Ну, пока спустимся вниз, — продолжал Джесюрон, направляясь к люку. — Да, красотки первый сорт. Ценный, очень ценный товар.

Прищелкивая пальцами и причмокивая, старый негодяй спустился в каюту. Капитан шел следом за ним.

Мы можем лишь догадываться о подробностях разговора в каюте. Условия сделки, как это обычно бывает, когда торгуются капитан невольничьего корабля с работорговцем, остались в тайне. В результате весь груз был закуплен оптом. Очень скоро, едва солнце скрылось за морем, с корабля спустили на воду баркас, гичку и катер. И под покровом ночи живой товар переправили на берег. Среди перевезенных с корабля оказались и двадцать человек мандингов, и слуги принца, и все молодые темнокожие девушки.

Вслед за судовыми лодками плыл ялик Джесюрона. Но теперь в нем находился еще один пассажир. Он сидел на корме лицом к хозяину лодки. По яркому наряду, сверкавшему даже в темноте, было нетрудно узнать в нем фулахского принца. Волк и ягненок плыли в одной лодке.

Глава VIII

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

На следующий день после прибытия в бухту невольничьего корабля мистер Воган, случайно выглянув рано утром в окно, заметил на ведущей к дому аллее одинокого всадника. Вскоре он разглядел, что четвероногое — мул, а его хозяин — старик в синем сюртуке с металлическими пуговицами и огромными боковыми карманами, в казимировых штанах и порыжевших от долгой носки высоких сапогах. Потрепанная касторовая шляпа, из-под которой виднелся край грязно-белого колпака, зеленые защитные очки на носу и огромный голубой зонт в правой руке, которым всадник пользовался вместо хлыста, позволили мистеру Вогану тут же узнать одного из своих ближайших соседей, Джекоба Джесюрона, владельца скотоводческой фермы, плантатора и работорговца.

— Старый мерзавец! — пробормотал мистер Воган тоном, в котором явно сквозило неудовольствие. — Что ему понадобилось в такую рань? Должно быть, хочет навязать партию рабов. Вчера в бухте стало на якорь какое-то судно — наверно, привезли новый груз невольников. И, уж конечно, Джесюрон не зевал. Ну, здесь ему их не продать! У меня, к счастью, и своих хватает... Доброе утро, мистер Джесюрон! — крикнул он старику, когда тот слез с мула у подъезда. — Как всегда, на ногах чуть свет. Что вас привело? Дела?

— Да-да, мистер Воган. Дела всегда в первую очередь. В теперешние трудные времена бедняк, вроде меня, не может позволить себе спать допоздна.

— Ха-ха-ха! «Бедняк»! Вы охотник пошутить, мистер Джесюрон. Входите. Вы уже завтракали?

— Да, благодарю вас, мистер Воган, — ответил работорговец, поднимаясь по лестнице. — Я всегда завтракаю в шесть.

— Так рано? Тогда стакан прохладительного?

— Благодарю вас, мистер Воган, вы очень добры. Стаканчик прохладительного будет очень кстати. Утро сегодня жаркое.

Чаша «прохладительного» — смеси рома, сахара, воды и лимонного сока — стояла на буфете. Поперек нее лежала серебряная разливательная ложка, вокруг были расставлены стаканы. В доме любого ямайского плантатора всегда найдется такая чаша. Это, можно сказать, неиссякаемый или, во всяком случае, постоянно восполняемый источник.

Подойдя к буфету, возле которого стоял чернокожий слуга, Джесюрон проворно опрокинул в рот стакан «прохладительного». Затем, причмокнув и бросив на ходу: «Отличная штука!» — он вернулся к столу, где для него уже поставили стул рядом со стулом хозяина.

Посетитель снял касторовую шляпу, оставив, однако, на голове свой не слишком опрятный колпак.

Как человек воспитанный, или, во всяком случае, имевший претензии считать себя воспитанным, мистер Воган любезно предоставил гостю первому начать разговор.

— Так вот, мистер Воган, — заговорил тот, — у меня к вам небольшое дельце. Совсем маленькое — даже неловко беспокоить вас по таким пустякам...

Тут говоривший умолк, как будто подыскивая слова.

— Что, наверно, есть свежий товар? — спросил мистер Воган. — Вчера, я слышал, пришел корабль с грузом. Небось не один десяток штук закупили, а?

— Да, кое-что купил, только очень мало. Не на что покупать, денег нет. Господи, боже ты мой! Рабы с каждым днем все дорожают. Откуда же мне деньги взять? Эта болтовня о запрещении работорговли, того и гляди, всех нас разорит. Как по-вашему, мистер Воган?

— Уж вам-то бояться нечего. Если даже парламент издаст такой закон, он останется только на бумаге. Разве можно уследить за всем африканским побережьем, да и ямайским тоже! Да, я думаю, вы, мистер Джесюрон, при всех обстоятельствах ухитритесь переправить сюда партийку черномазых, а?

— Что вы, что вы, мистер Воган! Нет-нет! Я ни за что не пойду против закона. Если запретят торговлю невольниками, мне придется прикрыть дело. Слишком

дорого станет вести такое предприятие. Оно и сейчас-то мне не по карману!

— Да это все вздор, будто негры подорожают. Впрочем, вы-то это недаром говорите, мистер Джесюрон. Наверно, пришли предложить что-нибудь?

— Не сейчас, мистер Воган, не сейчас. Может, денька через два у меня будет небольшая партия, а пока нет ни одной продажной штуки. Я и сегодня пришел не за тем, чтоб продать, а за тем, чтоб купить.

— Купить? У меня?

— Да, мистер Воган, если вы не возражаете.

— Это что-то новое, сосед. Я знаю, вы всегда не прочь продать, но в первый раз слышу, что вы скупаете негров с плантаций.

— Сказать вам по правде, мистер Воган, у меня есть покупатель, которому требуется красивая молодая негритянка прислуживать за столом. Среди моего товара не нашлось ничего подходящего. Вот я и вспомнил, что у вас есть одна рабыня, как раз такая, как нужно. Я бы купил ее у вас, если вы ничего не имеете против.

— О ком это вы?

— Я говорю о молодой фулахской девушке, которую я сам продал вам в прошлом году осенью.

— А, вы имеете в виду Йолу?

— Да, кажется, так ее зовут. Она досталась вам от меня почти даром, так я готов накинуть вам наличными... ну, скажем, фунтов десять.

— Да нет, что вы! — Плантатор пренебрежительно пожал плечами. — За такую сумму? Да у меня и нет ни малейшего желания продавать девушку.

— Ну ладно, пусть будет не десять, а двадцать фунтов придачи. Согласны?

— Нет, сосед. Даже если вы предложите мне дважды двадцать. Ни при каких обстоятельствах за эту девушку меньше чем двести фунтов взять нельзя. Она оказалась превосходной служанкой, и я...

— Двести фунтов! — Джесюрон даже подпрыгнул на стуле. — Ах, мистер Воган, что вы только говорите! На всей Ямайке не сыщется девушки, за которую стоило бы отдать даже половину таких денег! Двести фун-

тов! Господи, боже ты мой! Вот так цена! Да я бы за двести фунтов отдал двух своих лучших рабов!

— Вот как, мистер Джесюрон! А мне показалось, будто вы жаловались, что рабы нынче сильно вздорожали?..

— Да, конечно, но это уж слишком дорого. Вы просто шутите, мистер Воган.

— Я говорю вполне серьезно. Даже если бы вы предложили мне двести фунтов...

— Ни слова больше! — прервал его работорговец.— Ни слова! Я согласен. Двести фунтов! Господи, боже ты мой! Я вконец разорюсь!

— Напрасно волнуетесь. Я ведь не дал согласия продать Йолу за двести фунтов. И даже за сумму вдвое больше.

— Мистер Воган! Да вы просто смеетесь надо мной! Почему бы вам не согласиться на двести фунтов? Почему? У меня и деньги с собой.

— Мне жаль отказывать вам, сосед, но дело в том, что я решительно не могу продать Йолу ни за какие деньги без согласия дочери. Йола — ее горничная. Дочь моя очень к ней привязана. Нечего и думать, что она захочет продать Йолу.

— Право, мистер Воган, я не понимаю... Неужели вы допустите, чтобы дочь помешала вам заключить выгодную сделку? Двести фунтов—немалые деньги, очень даже немалые! Эта невольница не стоит и половины такой цены. Я бы, во всяком случае, и столько не дал бы. Но не хочется упускать хорошего покупателя, который не постоит за ценой.

— Вашему покупателю, как я вижу, что-то уж очень приглянулась наша Йола! — Мистер Воган бросил испытующий взгляд на гостя. — Неудивительно: она хороша собой. Но если он именно поэтому так стремится приобрести ее, то я тем менее склонен с ней расстаться. А если и моя дочь заподозрит подобную возможность, всех ваших денег, мистер Джесюрон, не хватит, чтобы купить Йолу!

— Мистер Воган, вы ошибаетесь, уверяю вас! Покупатель, о котором идет речь, никогда и в глаза не ви-

дел Йолы. Ему просто нужна хорошая горничная прислуживать за столом. Вот я и подумал, что ваша Йола подойдет как нельзя лучше. И почему вы думаете, что мисс Воган непременно откажется продать рабыню? Я обещаю вашей дочери достать другую молодую невольницу, еще лучше Йолы.

— Ну что ж, — подумав немного, сказал плантатор, которого, очевидно, все же соблазняла высокая цена. — Раз уж вам так хочется приобрести Йолу, я поговорю с дочерью. Но я мало надеюсь на успех. Я знаю, она очень дорожит своей молоденькой служанкой. Я слыхал, что Йола — дочь какого-то туземного царька... Нет, я совершенно уверен — Кэт ни за что не согласится расстаться с ней.

— Даже если таково будет ваше желание, мистер Воган?

— Если я буду настаивать, Кэт, разумеется, не ослушается меня. Но я пообещал ей не продавать Йолу без ее согласия, а я никогда не нарушаю данного слова, мистер Джесюрон, в особенности слова, данного собственной дочери.

Произнеся эту несколько высокопарную тираду, плантатор вышел из комнаты, предоставив Джесюрона собственным размышлениям.

— Воган просто спятил, провалиться мне на этом месте! — бормотал старик, оставшись один. — Совершенно спятил с ума. Отказаться от двухсот фунтов за какую-то черномазую девчонку! Господи, боже ты мой!

— Ну, что я вам говорил? — сказал мистер Воган, возвращаясь в комнату. — Дочь моя неумолима. Она наотрез отказалась продать Йолу.

— Прощайте, мистер Воган, — проговорил работорговец. Схватив шляпу и зонт, он направился к двери. — Прощайте, сэр. На сегодня у меня к вам больше дел не имеется.

Нахлобучив шляпу и с нескрываемой злобой сжав ручку зонта, Джесюрон быстро спустился по лестнице, вскарабкался на своего мула и, хмурый, как туча, отправился восвояси.

— Что-то он сегодня расщедрился, — сказал плантатор, глядя вслед Джесюрону. — Я, по-видимому, помешал осуществлению очередной гнусной затеи. Ну что ж, очень рад, что досадил старому скряге. Сколько раз он сам мне досаждал...

Глава IX

ЮДИФЬ ДЖЕСЮРОН

Работорговец ехал по широкой, обсаженной пальмами и тамариндами аллее в самом скверном расположении духа. Он был так рассержен неудачным исходом переговоров, что забыл раскрыть зонт, хотя солнце уже сильно пекло. Вместо этого он то и дело принимался колотить им по бокам мула, словно желая выместить досаду на ни в чем не повинном животном. Всю дорогу старик не переставал поносить человека, чей кров он только что покинул. Не пощадил он и дочери плантатора, и брань его перемежалась угрозами:

— Чтоб тебе провалиться! Будь ты трижды проклят! Было время, когда ты с радостью ухватился бы за эти двести фунтов. «Ни за какие деньги»! Ну, погоди! Какая, подумаешь, важная особа твоя мисс Воган! «Мисс Воган»! Как бы не так! Мисс Квашеба — вот она кто! Я кое-что знаю, кое-что знаю... Когда-нибудь эта гордячка будет рада, если за нее самое дадут такую цену! Ха-ха-ха! Я заплатил бы и вдвое за то, чтобы увидеть это. Нет, Лофтус Воган, ноги моей больше у тебя в доме не будет! А ведь стоило мне только намекнуть кое на что, и ты бы даром отдал мне девчонку. Ну, подожди, придет еще мое время!

Он приподнялся в стременах и, полуобернувшись, мстительно погрозил зонтом в сторону дома Вогана, сопровождая свой жест злобным взглядом.

Едва Джесюрон снова погнал мула, как на дороге показалась всадница, которая быстрой рысью ехала ему навстречу. Поравнявшись со стариком, она повернула коня и поехала обратно бок о бок с ним.

Всадница, молодая женщина редкой красоты, казалась ангелом рядом с похожим на самого дьявола старым работорговцем.

Очевидно, она ожидала его за поворотом, так как непринужденность, с которой они заговорили, доказывала, что в это утро они уже виделись.

Кто же была эта прекрасная амазонка?

Посторонний наблюдатель не преминул бы задать себе такой вопрос, глядя на нее со смешанным чувством: восхищаясь ее редкой красотой и удивляясь странному обществу, в котором она оказалась. И в самом деле, она была поразительно красива. Высокий, благородный лоб, черные дуги бровей, сверкающие темно-карие глаза, нос с легкой горбинкой, изящные раздувающиеся ноздри — поистине полный контраст с безобразным стариком, который ехал рядом. Так несходны меж собой колючий терновник и роза, на кусте которого она цветет. И эта прекрасная роза, эта красавица была дочерью старого Джесюрона. Грустно признаться, но разница между ними ограничивалась внешностью. В отношении духовного их облика можно было бы сказать: «Яблочко от яблоньки недалеко падает». По виду сущий ангел, душой Юдифь Джесюрон была достойной дочерью своего отца.

— Не выгорело? — тотчас осведомилась красавица. — Да нечего и спрашивать, по лицу видно. Хотя, надо заметить, твоя прекрасная физиономия не очень-то выдает мысли. Ну, так как же отнесся к твоему предложению чванливый Воган? Согласен продать рабыню?

— Нет, отказался наотрез.

— Так я и думала. Сколько же ты ему предложил?

— Мне даже совестно тебе признаться, Юдифь.

— Ну-ну, старый плут, от меня тебе таиться нечего. Сколько же?

— Двести фунтов.

— Двести фунтов? Да, сумма изрядная. Если верить тому, что ты мне рассказывал, так его собственная дочь столько не стоит. Ха-ха-ха!

— Тише, Юдифь, тише! Умоляю тебя, молчи об этом. Ты можешь расстроить все мои планы.

— Не бойся, почтенный мой родитель. Я, кажется, еще ни разу не расстраивала твоих планов.

— Да-да, ты всегда была хорошей дочерью.

— Ну, говори же, почему судья не пожелал продать рабыню? Он любит деньги не меньше, чем ты. Двести фунтов — высокая цена за медно-красную девчонку. Вдвое больше того, что она стоит.

— От них отказался не Лофтус Воган, а его дочь.

— Как! Она? — воскликнула Юдифь, скривив губы и раздувая ноздри, от чего ее лицо сразу стало отталкивающим. — Она, ты говоришь? Этого еще недоставало! Возомнившая о себе метиска! Сама-то она не лучше рабыни!

— Тише, тише, Юдифь! — остановил ее отец, беспокойно оглядываясь. — Помолчи об этом до поры до времени. Даже у деревьев могут быть уши.

Приступ неудержимой злобы помешал красавице возразить отцу, и некоторое время они ехали молча.

Первой снова заговорила дочь:

— Ты простофиля, отец, ты старый простофиля! Тебе вовсе незачем покупать эту девчонку.

— Бог ты мой! Как это — незачем?

— Что с тобой, почтенный мой родитель? Обычно ты бываешь понятливей. Ну, скажи, на что она тебе понадобилась?

— Ты сама знаешь. Принц отдаст мне за нее двадцать мандингов. Она его сестра, это несомненно. Два десятка сильных, здоровых мандингов стоят две тысячи фунтов. Бог ты мой! Целое состояние!

— Разумеется, целое состояние. Ну, и что же?

— Как «ну и что же»? Ты рассуждаешь о двух тысячах фунтов, как будто это сор.

— Достойный мой родитель, ты меня плохо понял. Я ценю две тысячи фунтов больше, чем ты полагаешь. Поэтому-то я и хочу, чтобы ты непременно их получил.

— Но ведь именно этого я и добиваюсь!

— Да, а сам повел дело так глупо, что рискуешь упустить их.

— А как бы ты поступила на моем месте?

— Просто взяла бы их.

Старик дернул за уздечку, остановил мула и бросил на дочь недоумевающий взгляд. Юдифь тоже придержала коня.

— Отец, ты становишься бестолковым. Пока я дожидалась тебя у ворот этого надутого плантатора, я задавала себе вопрос: чего ради, собственно, ты к нему поехал? И ответ на это очень прост: ты поехал попусту.

— Да, ты права. Дело не вышло. Двадцать мандингов — ты только подумай!

— Чепуха!

— Чепуха? Что ты только говоришь, Юдифь!

— Я говорю, что ты мог бы завладеть мандингами без малейших хлопот. Полагаю, возможность эта еще и теперь не упущена. А в придачу нам достанется еще и сам принц.

— Объясни, Юдифь, я ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь. Ты ведь сам говорил, что капитан Джоулер имеет причины не появляться на берегу — не так ли?

— Капитан Джоулер? Да он скорее высадится на Каннибальских островах, чем в бухте Монтего! Ну и что?

— Отец, у меня скоро лопнет терпение! Подумай— принц уже на берегу, а капитан Джоулер боится сойти на берег.

— Да-да, — сказал старик. Он начинал догадываться, куда клонит дочь.

— Так кто же, скажи на милость, помешает тебе распорядиться и принцем и его мандингами как тебе заблагорассудится?

— Бесценная дочь моя!— воскликнул старик, вскинув вверх руки и восхищенно глядя на Юдифь. — Бесценная дочь моя! Ну конечно! А мне это и в голову не пришло.

— К счастью, отец, пока еще не поздно наверстать упущенное. Я все обдумала. Я заранее знала, что Кэт Воган ни за что не отпустит Йолу. Я ведь тебя предупреждала. Кстати, надеюсь, ты не выболтал, зачем тебе понадобилась Йола? Если ты проговорился, то...

— Нет-нет, ни словом, ни намеком.

— Смотри же, не проболтайся. А что касается капитана Джоулера...

— Джоулер не осмелится и носа показать на берег. Вот почему он разгружал товар в море. А кроме того, мы с ним отлично понимаем друг друга. Ему наплевать, что случится с принцем, раз тот сошел с корабля. Да и корабль-то через сутки уйдет в море.

— Значит, через сутки мандинги будут твоими и владетельный принц со всей своей свитой — тоже. Но времени терять нельзя. Поспешим домой: надо общипать пышные перья с его высочества, пока их еще не успели высмотреть наши не в меру любопытные соседи. Ты понимаешь, могут пойти слухи... Что касается нашего управляющего...

— Ах да, Рэвнер! Ему все известно. Пришлось рассказать, когда мы перевозили товар на берег.

— Ну конечно. Тебе придется поступиться одним, а то и двумя мандингами, чтобы Рэвнер держал язык за зубами. Остальное нетрудно. А что скажут эти дикари — неважно. Кто станет слушать, что болтает какой-то черномазый!

— Дорогая моя дочь! — восклицал отец. — Тебе просто цены нет, ты — чистое золото! Получить даром двадцать пять рабов! И еще при этом один из них — чистокровный принц! Две тысячи фунтов стерлингов! Вот это доход! За год столько не заработаешь! Боже ты мой!

С этим благочестивым восклицанием старый работорговец, погоняя мула, последовал за своей «бесценной» дочерью, которая, хлестнув коня, быстрой рысью направилась к дому.

Глава X

«МОРСКАЯ НИМФА»

На третий день после того, как невольничий корабль бросил якорь в бухте Монтего, на взморье показалось большое судно, на всех парусах направлявшееся

к пристани. На его мачте развевался английский флаг. Всевозможные ящики, тюки, чемоданы и саквояжи, вынесенные перед выгрузкой на палубу, открытые, простодушные лица корабельной команды — все убеждало в том, что прибывает обычное добропорядочное торговое судно. На корме красовалась надпись: «Морская нимфа», Ливерпуль». Это действительно был торговый корабль, но, судя по тому, что на палубе находилась целая группа людей, одетых не так, как моряки, на нем, очевидно, перевозили и пассажиров.

Большинство из них были местные плантаторы, которые, погостив на родине, вместе с семьями возвращались обратно. Одни везли домой сыновей, окончивших английские университеты, другие — дочерей, завершавших образование в модных английских пансионах. Тут, возможно, находились два—три адвоката, непременные члены английского общества в Вест-Индии. Тут же были, вероятно, два молодых врача. Врачи и адвокаты ехали сюда, с полным основанием рассчитывая разбогатеть в стране беззаконий и нездорового климата. Кроме того, на палубе стояло еще несколько лиц, профессию и положение которых нельзя было определить с первого взгляда.

Среди них находился молодой человек, внешность которого сразу бросалась в глаза. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать в нем лондонского щеголя. Ему недавно исполнился двадцать один год, но его лицо, носившее на себе печать разгульной жизни, казалось старше. Белокурые волосы молодого человека были старательно завиты и казались темнее от душистой помады. Тщательно подстриженные и приглаженные усики и бачки того же соломенного цвета явно составляли предмет особой гордости их владельца. Белесые брови были цветом вполне под стать волосам. Цвет глаз определить было не так-то легко, ибо один из них был постоянно закрыт, а другой скрывался за моноклем в черепаховой оправе. Через стекло монокля, впрочем, глаз казался зеленовато-серым и напоминал поросячий.

Черты лица молодого человека были, в общем, довольно правильны, но ничем не примечательны. Чаще

всего его физиономия выражала презрительное высокомерие, и он старался улыбаться как можно более скептически. Завитым напомаженным волосам и моноклю вполне соответствовал и его щегольской наряд: сюртучок из тонкого, песочного цвета сукна, крылатка, едва прикрывавшая плечи, белая касторовая шляпа, безупречные жилет и панталоны из дымчато-серого казимира, лайковые перчатки и необычайно блестящие лакированные сапожки. Все это было чрезвычайно модно, и обладатель изысканного туалета держался с развязностью, которая сразу выдавала столичного франта. Это подтверждалось и нарочитым грассированием, когда он снисходил до беседы со спутниками.

Хотя большинство пассажиров смотрели на него с плохо скрываемым презрением, многие все же почти заискивали перед ним. А раболепие стюардов «Морской нимфы» не оставляло сомнений в том, что от молодого джентльмена можно ждать хороших чаевых. И действительно, он мог щедро раздавать чаевые, ибо мистер Монтегю Смизи — а это был именно он — был отпрыском знатной и состоятельной семьи и собственником великолепных ямайских сахарных плантаций, оставленных ему в наследство одним из родственников. Посещение этих владений и являлось целью поездки мистера Монтегю Смизи на Ямайку. Он никогда еще не видел своего поместья, ибо ему впервые приходилось пересекать Атлантический океан. Но он нисколько не сомневался в существовании своей земельной собственности. Солидный доход, получаемый им уже в течение нескольких лет и позволявший вести самую широкую жизнь и вращаться в самых фешенебельных кругах лондонского общества, являлся достаточно веским доказательством того, что замок Монтегю на Ямайке — отнюдь не воздушный замок. До совершеннолетия мистера Монтегю Смизи имением управлял опекун — некий мистер Воган, владелец сахарных плантаций, граничивших с плантациями замка Монтегю.

Мистер Смизи вовсе не собирался поселиться в своем ямайском поместье. Такая идея, как он сам выразился, ему никогда и в голову не приходила. Променять

Лондон и все его развлечения на жизнь среди каких-то негров — брр! Он даже и не помышлял о таком добровольном изгнании. Нет, он положительно умер бы там со скуки. Ему просто захотелось побывать в тропиках. Ему рассказывали о них столько занятного. И кстати взглянуть на свои сахарные плантации. И на негров тоже. И, кроме того, ему хотелось одним глазком поглядеть на креолочек — они, говорят, чертовски хорошенькие!

Так мистер Монтегю Смизи объяснял цель своего путешествия тем из пассажиров, кого это интересовало.

В третьем классе «Морской нимфы» пассажиров было немного. Беднякам нечего делать в Вест-Индии, где тяжелую, черную работу выполняют рабы. На борту «Морской нимфы» таких пассажиров было всего четверо, но одному из них предстояло сыграть весьма значительную роль в нашем повествовании.

Тот, о ком идет речь, был ровесником мистера Смизи, но во всем остальном полной его противоположностью. Он был среднего роста, статный и крепкий. Хотя молодого человека и нельзя было назвать брюнетом, цвет его волос для англичанина был довольно темен. В чертах его лица сквозило благородство, и весь его облик привлек бы внимание даже самого равнодушного зрителя. У него были красивые темно-карие глаза, вьющиеся каштановые волосы и задорные завитки на висках. В общем, он вполне заслуживал названия красивого молодого человека. На нем был самый лучший его костюм, впервые за все время плавания надетый им по случаю прибытия к месту назначения. Темно-синий короткий сюртук с черными отворотами, плотно облегающие ноги лосины и высокие сапоги придавали ему изящный вид, несмотря на то что ткань в швах была несколько потерта.

Занятие, в которое был погружен молодой человек, свидетельствовало об известной степени утонченности натуры. Стоя возле брашпиля, он на листке альбома делал набросок пристани, к которой приближался корабль. Рисунок обнаруживал недюжинные способности юноши, но тем не менее он не был профессиональным

художником. К его крайнему сожалению, у него не было никакой профессии. Бедный студент, он приехал в Вест-Индию, как многие едут в колонии, с неопределенной надеждой, что в чужих краях фортуна окажется к нему благосклоннее, чем на родине. Но надежды юноши, очевидно, были не слишком радужны. Его обычно жизнерадостное лицо то и дело омрачала тень.

Но вот корабль уже подошел к берегу, молодой человек закрыл альбом и теперь стоял, окидывая взглядом роскошный тропический пейзаж, впервые представший его взору.

Хотя подобная картина могла вызвать только приятные чувства, на лице юноши отражалось волнение. Пожалуй, даже тревога: как-то его встретят в этом прекрасном краю? Но уже в следующее мгновение его мысли были прерваны голосом, раздавшимся у него над самым ухом. Обернувшись к говорившему, он узнал великолепного пассажира первого класса, мистера Монтегю Смизи.

Так как всю дорогу от Ливерпуля до Ямайки сей джентльмен ни разу не решился переступить ту черту, которая отделяет священные пределы привилегированных пассажиров первого и второго классов от плебейского третьего, появление щеголя возле кабестана было несколько неожиданным. Впрочем, это легко объяснялось тем обстоятельством, что «Морская нимфа» подходила к пристани, и пассажиры всех рангов сбились на носу, чтобы иметь возможность лучше полюбоваться развернувшейся перед ними величественной картиной. Невзирая на неоднократно выраженное им отвращение к «мерзкому запаху смолы», мистер Смизи все же, естественно, поддался охватившему всех любопытству и вместе с остальными оказался на плебейской части палубы.

Заняв удобную позицию наверху кабестана, он поправил монокль и принялся разглядывать берег, приблизившийся уже настолько, что стали различимы многие детали пейзажа. Впрочем, мистер Смизи недолго предавался созерцанию природы. Он не мог долго хранить молчание, сосредоточенность не была свойственна

его натуре. Красота тропической природы, по-видимому, вызвала в нем некий поэтический трепет, который нашел свое выражение в следующей речи:

— Чертовски красиво, честное слово! Нет, серьезно, превосходные театральные декорации! Как по-вашему, любезный?

Последние слова были обращены к молодому пассажиру третьего класса, который во все время пути так же старательно избегал аристократической кормы, как мистер Смизи избегал плебейского носа. Поэтому услышанный теперь голос был ему совершенно незнаком, так как он впервые видел нашего изысканного денди. Поняв, что последний адресуется к нему, он почувствовал себя несколько задетым покровительственным тоном, но раздражение его мигом улетучилось, едва он увидел, с кем имеет дело. Он посмотрел на франта добродушно, хотя и несколько презрительно.

— Ах, это вы, милейший! — произнес мистер Смизи, только теперь заметив, кому он, собственно, задал свой вопрос. — Да-да, припоминаю, я вас часто видел с кормы. Честное слово, вы странная личность. Нет, серьезно, положительно странная. Прошу простить вольность: каким ветром вас занесло сюда? На Ямайку, я хочу сказать.

— Тем же, что и вас, — ответил пассажир третьего класса, которого опять слегка уязвили тон и форма вопроса. — Тем самым, который надувал паруса нашей «Морской нимфы».

— Как? Ах, да... Остроумно, очень остроумно. Но, милейший, я имел в виду другое. Я хотел узнать, зачем вы приехали на Ямайку. Может быть, у вас есть какая-нибудь профессия, и вы...

— Нет, у меня нет профессии, — коротко ответил молодой человек, подавляя желание оборвать бесцеремонного щеголя.

— Тогда, может быть, вы знаете какое-нибудь ремесло?

— Тоже нет, к сожалению.

— Ни профессии, ни ремесла? Что же, черт возьми, вы предполагаете делать на Ямайке? Рассчитываете

— У меня нет профессии, — коротко ответил молодой человек.

получить место счетовода на плантациях или надсмотрщика за рабами? Полагаю, обе эти должности не требуют особого опыта. Мне говорили, что счетоводу здесь, собственно, и не приходится вести счетов. Ха-ха-ха! И, уж конечно, любой неуч сумеет командовать неграми. На такую должность вы, вероятно, и рассчитываете, милейший?

— Я ни на что не рассчитываю, — ответил тот беззаботно. — А род занятий моих будет зависеть от воли другого.

— Вот как! От кого же, если не секрет?

— От моего дяди.

— Ага! Значит, у вас на Ямайке есть дядя?

— Да, если только он жив.

— Как! Вы даже не знаете точно, жив ли ваш дядя? Как интересно! У вас давно нет от него известий?

— Уже много лет, — ответил молодой человек, которого это напоминание о неопределенности его положения заставило отказаться от иронического тона. — Уже много лет, — повторил он. — Но я все-таки написал дяде, что еду.

— Чрезвычайно странно! И, простите, могу я осведомиться, кто ваш дядя?

— Кажется, плантатор.

— У него сахарные плантации?

— Да, как будто.

— В таком случае, он может подыскать для вас работу получше, чем присматривать за черномазыми. Скажем, сделает вас своим управляющим. Простите, могу я узнать ваше имя?

— Сделайте одолжение. Меня зовут Герберт Воган.

— Воган? — повторил щеголь, и в тоне его почувствовался какой-то новый интерес. — Ваше имя — Воган? А имя вашего дяди?

— Тоже Воган. Он брат моего покойного отца.

— Неужели Лофтус Воган, плантатор, владелец усадьбы Горный Приют?

— Да, дядю зовут Лофтус Воган, и поместье его, кажется, носит именно такое название.

— Чрезвычайно странно! Непостижимо! Представь-

те себе, милейший, мы, очевидно, направляемся в одно и то же место. Лофтус Воган — мой прежний опекун и ныне доверенное лицо по моим владениям на Ямайке. Я именно к нему и направляюсь. Как странно, просто чертовски странно, что вы и я окажемся гостями под одной и той же кровлей!

Последнее замечание сопровождалось высокомерным взглядом, не ускользнувшим от внимания собеседника. Взгляд этот, не оставлявший сомнения в подлинном смысле сказанного, был воспринят Гербертом Воганом как прямое оскорбление. Он готов уже был дать резкий ответ, когда франт неожиданно повернулся и пошел прочь, промямлив что-то на прощанье и выразив надежду, что они еще встретятся. Секунду Герберт Воган стоял, глядя ему вслед с презрительной усмешкой. Но через мгновение лицо его приняло прежнее добродушное выражение, и он спустился на нижнюю палубу подготовить к выгрузке свой довольно скудный багаж.

Глава XI

ЛОФТУС ВОГАН ЖДЕТ

Со дня получения двух писем из Англии Лофтуса Вогана можно было ежедневно видеть у окна с подзорной трубой, направленной на взморье. Он хотел как можно раньше заметить «Морскую нимфу», чтобы еще до того, как судно войдет в гавань, отправить туда карету и достойно встретить многоуважаемого Смизи, едва тот ступит на берег.

В ту пору еще не существовало пароходов, которые могут ходить точно по расписанию. Хотя письмо было отправлено за несколько дней до отплытия «Морской нимфы» из Англии, никто не мог сказать, когда она придет на Ямайку — все зависело от ветра. Поэтому корабль, везший Монтегю Смизи, можно было ожидать с часу на час.

Домочадцы Горного Приюта все уже знали, что ожидается приезд важного гостя. Из города ежедневно

привозили дорогую мебель, и в доме были заново отделаны все комнаты. Горничные и вся домашняя прислуга получили новые платья, а некоторых слуг нарядили в ливреи — большая редкость для Ямайки. Слуг даже заставили надеть обувь. Большинство из них впервые в жизни познакомились с ней и охотно отказались бы от мучительной чести щеголять в чулках и башмаках.

Едва ли нужно пояснять, что владелец Горного Приюта пошел на это мотовство исключительно для того, чтобы подобающим образом принять мистера Монтегю Смизи. Все это проделывалось ради него одного. Если бы дело шло о приезде племянника, само собой разумеется, Лофтус Воган и не подумал бы высматривать его в подзорную трубу и устраивать все эти пышные приготовления.

Также едва ли нужно пояснять, какими соображениями руководствовался при этом мистер Воган. Читатель, наверно, уже и сам обо всем догадался. У Лофтуса Вогана была дочь-невеста, и на его взгляд мистер Монтегю Смизи был не только подходящим, но весьма желанным для него зятем. Молодой человек был владельцем превосходного поместья, что было известно мистеру Вогану лучше, чем кому бы то ни было. Почтенный плантатор являлся не только окружным судьей, но и опекуном владельца поместья замок Монтегю и знал его стоимость с точностью до одного шиллинга.

Границы поместий Горного Приюта и замка Монтегю соприкасались. Лофтус Воган давно уже завистливо поглядывал на обширные плантации и толпы черных рабов соседа, и в конце концов желание заполучить в свои руки замок Монтегю, хотя бы в качестве тестя хозяина, перешло у него в настоящую манию. Если объединить оба поместья, получилось бы великолепное именпе, одно из богатейших на всей Ямайке. Давно уже это стало заветной мечтой Лофтуса Вогана.

Не будем скрывать, что у мистера Вогана была и другая, более благородная причина желать этого брака. Как ни прекрасна была Кэт, как ни образованна, как ни любил ее отец, — а надо отдать ему справедливость, отцовские чувства в нем были очень сильны, — все же

он знал, что мать ее была квартеронкой и дочь его поэтому тоже не считается настоящей белой. Пусть в ней лишь ничтожная доля «цветной» крови, пусть это ничуть не заметно по ее внешности, — он знал, что ни один подходящий жених из местных плантаторов никогда не сделает ей предложения. Он знал также, что молодые англичане в первое время пребывания на Ямайке склонны не считаться с такими «пустяками»; но, пожив здесь, они тоже проникаются взглядами ямайского «светского общества».

За это желание устроить судьбу своей дочери мистера Вогана можно упрекнуть не больше, чем сотни других родителей, — как в Англии, так и в иных странах. Он был даже менее грешен, чем многие другие. Любовь к дочери, желание создать ей прочное положение в обществе, — ибо такой брак как бы смывал с нее «пятно», — вот главные мотивы, побуждавшие мистера Вогана проявлять особое внимание к мистеру Монтегю Смизи. Но, к сожалению, необычайно пышный прием, который он готовил богатому владельцу замка Монтегю, был совсем не похож на ту нелюбезность, с какой он собирался встретить молодого родственника.

Узнав из письма Герберта, что тот едет третьим классом, Лофтус Воган преисполнился горькой досады. Его очень мало удручало бы это обстоятельство, если бы племянник плыл на любом другом корабле. Однако мистера Вогана чрезвычайно беспокоило, что Монтегю Смизи проведает о родственных отношениях между ним, Лофтусом Воганом, и этим нищим. Чего доброго, мистер Смизи усомнится в респектабельности своего бывшего опекуна. Плантатора так терзала мысль об этом компрометирующем его родстве, что он охотно вовсе бы от него отрекся, если бы это было возможно. Он надеялся, впрочем, что молодые люди не успеют познакомиться во время пути, зная, как высокомерно относится лондонский щеголь к тем, кого считает ниже себя. А уж здесь, на Ямайке, он постарается, чтобы знакомство это так и не состоялось. Дабы не подвергать себя никакому риску в этом отношении, мистер Воган задумал план, одновременно ребяческий и жестокий: он решил убрать

своего племянника куда-нибудь подальше от глаз высокородного мистера Смизи.

Этот план он продумал задолго до прибытия «Морской нимфы». Он решил встретить мистера Монтегю Смизи прямо на пристани и немедленно увезти в Горный Приют. Туда же намеревался он затем отправить и Герберта, но уже не в карете, и по прибытии его в пределы поместья тут же переправить по другой дороге к управляющему, домик которого стоял в укромном уголке, в полумиле от господского дома. Здесь Герберт будет жить в качестве гостя управляющего до того времени, пока дядя не придумает способ избавиться от племянника, подыскав ему какое-нибудь место в Монтего-Бей или устроив счетоводом где-нибудь на отдаленной плантации. Всесторонне разработав этот «остроумный» план, мистер Воган поджидал приезда обоих молодых людей.

* * * * * * * * * *

Только на третий день после получения писем, когда время уже близилось к полудню, плантатор, наведя, как обычно, на море подзорную трубу, увидел у входа в бухту большое трехмачтовое судно, направлявшееся прямо к пристани. Это могла быть и «Морская нимфа» и любой другой корабль. Во всяком случае, плантатор решил не рисковать и немедленно приступил к выполнению своего плана.

Зазвонили звонки, созывающие слуг, загудел рог, призывая мистера Трэсти, управляющего, и через какие-нибудь полчаса семейное ландо — превосходный экипаж, запряженный парой отличных, холеных лошадей, — уже катил по дороге к пристани. Сзади скакал верхом сам управляющий. Поодаль ехал фургон, который тащили восемь крупных быков, а за фургоном, замыкая шествие, плелся на прескверной лошаденке уже знакомый нам почтальон Горного Приюта, чернокожий Квеши. Но сейчас он направлялся не за почтой. На этот раз ему было дано поручение гораздо более деликатного свойства.

Большой зал Горного Приюта в этот час являл собой зрелище довольно любопытное для того, кто незнаком с вест-индскими обычаями. На полу, на некотором расстоянии друг от друга, стояли на коленях шесть или семь молодых негритянок, и около каждой из них лежал разрезанный пополам апельсин, кусок воска и что-то вроде мочала из волокнистой оболочки кокосового ореха. Пол был не просто дощатый. Это был мозаичный паркет, составленный из кусочков твердого дерева, различных по цвету, среди которых можно было узнать красное дерево и хлебное дерево. Черные рабыни должны были придать блеск этому великолепному мозаичному полу с помощью апельсинного сока и воска.

Для жителей Ямайки это повседневная, хорошо знакомая картина. Паркет зала в доме плантатора — предмет семейной гордости, как ковер в лондонской гостиной. Каждый день в один и тот же час в зале появляются чернокожие служанки и восстанавливают блеск паркета, несколько потускневший за предыдущий вечер. Обычно это происходит перед обедом, часа в три или четыре. И, чтобы не испортить блеска паркета, босоногая служанка прибегает к способу, заслуживающему внимания благодаря своей оригинальности. Расстелив на полу две холщовые или полотняные тряпки, она становится на них. Пальцы ног у вест-индской служанки столь же ловки и подвижны, как и пальцы рук, и для нее не составляет никакого труда удерживать тряпку между большим пальцем ноги и его непосредственным соседом. В такой своеобразной обуви она может скользить по полу, ни в малейшей степени не опасаясь испортить блеск только что натертого паркета.

Иная, но столь же кипучая работа шла на кухне. Кухня находилась несколько в стороне от дома и была соединена с его нижним этажом крытой галереей. По этой галерее непрестанно сновали взад и вперед черные и коричневые служанки, каждая со своей ношей: куском оленины, окороком дикого кабана, черепахой, домашними голубями, крабами — со всем тем, что пред-

назначалось для вертела, кастрюли и сковородок. Подобную сцену можно было наблюдать здесь ежедневно, но обычно разнообразие и обилие продуктов были не столь разительны, так же как и количество служанок, спешащих в кухню и обратно. Их поспешность и суетливость также указывали на то, что им нынче предстояло пустить в ход все умение и приготовить необычайно пышный пир.

Все эти приготовления шли под личным наблюдением самого хозяина. С того момента, как корабль был замечен на горизонте, мистер Воган успел побывать повсюду: в конюшне дал указания конюхам и грумам; на кухне распорядился относительно всех деталей, касающихся угощения гостя; в большом зале проверил, как натирают пол. И наконец, вновь вооружившись подзорной трубой, он стал всматриваться в обсаженную тамариндами аллею, на которой в любую минуту могло показаться ландо с дорогим гостем.

Глава XII

КЭТ И ЙОЛА

В левом крыле дома, наиболее отдаленном от кухонного шума и стука, находилась небольшая комната, обставленная элегантно и со вкусом. Свет проникал в нее через жалюзи двух больших окон с балкончиками. Одно из окон выходило в сад, за которым виднелись покрытые лесами уступы горы; из другого был виден тянувшийся до самого хребта густой кустарник.

Если бы даже в комнате никого не было, по обстановке сразу можно было бы догадаться, что здесь живет особа прекрасного пола. В углу стояла кровать из светлого дерева, украшенного резьбой. Над кроватью висел белый, как будто кисейный, полог, который, однако, при ближайшем рассмотрении оказывался тончайшей, как газ, москитной сеткой.

В одной из оконных ниш стоял туалетный стол, инкрустированный перламутром. На нем помещалось

круглое зеркало в раме из великолепного испанского красного дерева. Перед зеркалом лежало и стояло множество туалетных принадлежностей различных форм и фасонов, говоривших об изящном женском вкусе. В комнате стояло несколько китайских стульев, небольшой столик с инкрустацией, черепаховая рабочая шкатулка на черепаховой же подставке и небольшое бюро черного дерева. Ни камина, ни печи здесь не было — вечное ямайское лето делало их ненужными. Кисейные занавески на окнах были расшиты розовыми цветами и украшены бахромой из розовых и белых кистей.

Ветерок, напоенный ароматом тысяч цветов, проникая через поднятые створки жалюзи, колыхал легкие занавеси, навевая приятную свежесть. Прохладой дышал и гладкий паркетный пол, сверкающий, словно зеркало. Всякого, заглянувшего в эту прелестную девичью комнатку, поразило бы своеобразное сочетание богатства и скромности. Комната была достойна бриллианта, которому она служила оправой.

Это была спальня и будуар Лили Квашебы, наследницы Горного Приюта. Немногие удостаивались чести заглянуть в эту изящную комнату. Кроме самой хозяйки комнаты, входить сюда без приглашения могла лишь Йола, горничная мисс Кэт.

* * * * * * * * * *

В описываемый день, вскоре после того, как колокол возвестил о прибытии английского судна и вся челядь кинулась готовиться к парадному приему, в комнате Кэт находились сама юная хозяйка и ее горничная. Первая сидела на китайском стульчике у окна, вторая стояла позади госпожи, расчесывая ее волосы.

Она только что принялась за дело, если так можно назвать то, что многие почли бы за удовольствие. Разложив на столе целую коллекцию гребней, щеток и шпилек, Йола распустила длинные каштановые волосы своей госпожи. Они упали свободными волнами на бархатистые плечи, белые как снег, без малейшего наме-

ка на смуглость. Иола невольно остановилась, залюбовавшись.

— Вы красавица, мисс! — воскликнула она вполголоса. — Вы такая красавица!

— Что ты, Йола, ты просто льстишь мне. Ты и сама очень хороша собой, только по-иному. У себя на родине ты, наверно, слыла первой красавицей.

— Ах, мисс, а вы везде будете первой красавицей — и у белых и у черных!

— Спасибо за комплимент, Йола, но, право, мне не очень по душе быть предметом всеобщего восхищения. Я пока еще не знаю ни одного мужчины, которому мне хотелось бы понравиться.

— Может, мисс заговорит иначе, когда приедет кавалер из Англии.

— Какой кавалер? Мы ожидаем двоих.

— Йола слышала только об одном. Хозяин говорил только про одного.

— Вот как! Только про одного? А ты слыхала, как он его называл?

— Да-да, очень важный господин, султан Монгю. У него есть еще и другое имя, только язык Йолы не может его выговорить.

— Ха-ха-ха! Ничуть не удивительно, мой язык тоже произносит его с трудом. Не то Смизси, не то Смизи.

— Да-да, мисс, он самый. Хозяин говорит: прекрасный джентльмен, красавец.

— Ах, Йола, твой хозяин, как все мужчины на свете, плохой судья мужской красоты. Может быть, султан Монгю, как ты его называешь, вовсе не такое совершенство, каким описывает его папа. Но мы очень скоро сможем составить о нем собственное мнение. А о втором «кавалере» папа ничего не говорил?

— Нет, мисс, ничего. Только об одном он говорил — вот об этом султане Монгю.

С губ юной креолки сорвалось легкое восклицание досады. Она задумчиво смотрела на блестящий паркет. Трудно объяснить, почему она так расспрашивала Йолу. Может быть, она заподозрила намерения своего

отца... Во всяком случае, она чувствовала, что за его поступками скрывается какая-то тайна, и хотела ее разгадать.

На тонком смуглом лице Йолы, по-прежнему любовавшейся мисс Кэт, вдруг появилось удивление, словно ей в голову пришла странная мысль.

— Аллах! — тихонько воскликнула она, не спуская глаз с госпожи.

— Почему ты вдруг призываешь аллаха, Йола? — осведомилась та, взглянув на служанку. — Что тебе пришло на ум?

— Ах, мисс, вы совсем как один мужчина!

— Я — как один мужчина? Ты хочешь сказать, что я похожа на какого-то мужчину? Верно я тебя поняла?

— Да-да, мисс. Йола только сейчас это заметила. Очень, очень похожа.

— Ну, Йола, теперь ты безусловно мне не льстишь. Кто же этот мужчина?

— Горный марон, мисс.

— Час от часу не легче! Я похожа на марона? Господи помилуй! Право, ты, наверно, шутишь, Йола.

— Ах, мисс, он очень красивый! У него круглые черные глаза, они блестят, как светлячки в лесу ночью. У него глаза, как у вас, — очень, очень похожи!

— Что ты только болтаешь, глупая! — произнесла девушка тоном притворного упрека. — Разве ты не знаешь, что не следует сравнивать меня с мужчиной, да еще с каким-то мароном!

— Ах, мисс, но ведь он красавец! Право же, настоящий красавец!

— Ну, в этом я сильно сомневаюсь. Но даже если так, все равно ты не должна сравнивать меня с ним.

— Простите, мисс, простите! Больше я так говорить не буду.

— Смотри же, глупышка, а то я возьму и скажу папе, чтобы он продал тебя!

Это было сказано мягким, шутливым тоном — несомненно, мисс Кэт не собиралась приводить эту угрозу в исполнение.

— Кстати, Йола, — продолжала девушка, — я мог-

ла бы получить за тебя много денег. Как ты думаешь, сколько мне предлагали на днях?

— Не знаю, мисс. Аллах не допустит, чтобы мне пришлось расстаться с вами. Я тогда и жить не хочу...

— Спасибо, Йола, — сказала Кэт, тронутая искренним тоном девушки. — Не бойся, я тебя никогда не отдам. Вот тебе доказательство: мне за тебя давали очень большие деньги, а я отказалась. Один человек предлагал за тебя целых двести фунтов.

— Кто же это, мисс?

— Да тот самый, кто продал тебя папе, — мистер Джесюрон.

— Аллах да поможет бедной Йоле! Ах, мисс, это очень злой господин, дурной человек! Йола умрет. Кубина убьет ее. Йола сама себя убьет, Йола ни за что не пойдет к этому злому человеку! Добрая госпожа, прекрасная госпожа, не продавайте меня ему!

Охватив голову руками, девушка упала к ногам мисс Кэт и несколько мгновений оставалась неподвижной.

— Не бойся, не бойся, я не продам тебя, и уж во всяком случае не ему. Ты правильно сказала: он очень гадкий человек. Ну, Йола, не бойся. Повтори, какое имя ты назвала, — Кубина, кажется?

— Да, мисс.

— Кто же этот Кубина, скажи на милость?

Девушка медлила с ответом. На ее смуглых щеках показался румянец.

— Если это секрет, можешь не говорить, я не настаиваю, — сказала Кэт, заметив смущение Йолы.

— Нет, мисс, у меня нет от вас секретов. Кубина — молодой марон, он живет в горах.

— Не тот ли это марон, на которого я похожа?

— Да, мисс.

— Теперь понятно, почему ты считаешь меня красивой. Наверно, он твой возлюбленный, этот Кубина?

Йола молчала, опустив голову. Румянец на ее щеках заиграл ярче.

— Хорошо, можешь не отвечать, — сказала юная креолка, лукаво усмехнувшись. — Я уже сама догада-

лась. Мне кажется, я что-то слышала про твоего Кубину. Но будь осторожна, Йола. Мароны — не то что негры с плантаций... Так мы с ним похожи? Ха-ха! — И юная красавица кокетливо взглянула в зеркало. — Нет, Йола, я не сержусь на тебя за твое сравнение. В глазах влюбленной милый ее всегда прекрасен. Разумеется, на твой взгляд Кубина — настоящий Аполлон... Ну, Йола, — прибавила она, весело встряхнув волосами, — мы и так уже потеряли много времени. Папа рассердится, если я не буду готова к приезду нашего важного гостя. Причеши меня так, как приличествует молодой хозяйке Горного Приюта.

Залившись веселым смехом при мысли о том, как напыщенно прозвучала эта последняя фраза, Кэт поручила свои прекрасные шелковистые волосы ловким рукам служанки.

Глава XIII

КВЕШИ

Через какие-нибудь полчаса после краткой беседы между мистером Монтегю Смизи и молодым пассажиром третьего класса «Морская нимфа» вошла в порт и встала у пристани. С берега перекинули сходни, и по ним мужчины и женщины всех цветов кожи двинулись, толпясь, на борт корабля. А пассажиры, уставшие от корабельной качки и всех неудобств, связанных с путешествием по морю, поспешили сойти на сушу. Возле багажа засуетились полунагие темнокожие носильщики, таща куда попало, но только не туда, куда следовало, сундуки, саквояжи и баулы и болтая между собой, как сороки. Приехавших уже поджидали на пристани экипажи — не наемные повозки, как в европейских портах, а экипажи частных владельцев: элегантные ландо, запряженные парой и с черным кучером в ливрее на козлах; одноконные коляски и совсем уж скромные двуколки — все это в зависимости от богатства тех, за кем был выслан экипаж. Неподалеку, у пристани, стояли запряженные быками фургоны для багажа. Полунагие

черные возницы слонялись тут же, иногда обращаясь к своим четвероногим, называя их по именам и разговаривая с ними так, будто те действительно их понимали.

Среди экипажей особое внимание привлекало щегольское ландо, запряженное парой великолепных буланых рысаков. На козлах восседал мулат в блестящей светло-зеленой ливрее с золотыми позументами. Возле ландо наготове, чтобы открыть дверцу, стоял лакей в ливрее того же цвета.

Герберт все еще медлил на палубе, не решив окончательно, стоит ли сходить на берег сейчас. Но тут он заметил этот великолепный экипаж. Пока он разглядывал его, к экипажу подошли два джентльмена. За ними следовал белый слуга, а сзади шли еще двое «цветных» слуг, которые несли массу каких-то свертков и пакетов. В одном из джентльменов Герберт без труда узнал мистера Монтегю Смизи. И тут он вспомнил, что его спутник «направляется», как он сам выразился, в поместье Горный Приют.

Как только мистер Монтегю Смизи уселся в ландо, а лакей взобрался на козлы, предоставив запятки своему английскому собрату, экипаж быстро покатил по дороге. Второй джентльмен — по-видимому, управляющий — последовал за ними верхом в качестве эскорта. Герберт, не двигаясь с места, следил за удалявшимся экипажем, пока тот не скрылся за поворотом. В голове у него шевелились не очень-то веселые мысли.

А вот его никто не приветствовал на чужом берегу. Тень грусти омрачила лицо молодого человека. Он уставился в пространство невидящим взглядом.

— Господин! — прервал его размышления чей-то голос, и Герберт увидел возле себя чернокожего подростка.

— Что тебе? — спросил Герберт, заметив, что тот смотрит на него во все глаза. — Что тебе надо, мальчуган? Денег? У меня их нет.

— Зачем Квеши деньги? Квеши выполняет приказание хозяина. Молодой господин готов ехать?

— Ехать? Куда? О чем ты толкуешь?

— Ехать в Горный Приют.

Герберт с недоумением смотрел на негритенка:

— Откуда ты знаешь, что мне надо в Горный Приют?

— Квеши знает. Ему управляющий сказал. Управляющий с пристани показал Квеши молодого господина на палубе. Управляющий велел привезти молодого господина в Горный Приют. Молодой господин готов ехать?

— Так, значит, ты оттуда?

— Да, Квеши помогает там на конюшне и еще привозит письма и газеты. Управляющий повез в ландо важного английского господина. Багаж поедет в фургоне.

— Где же лошадь для меня?

— На пристани, господин. Вы готовы ехать, господин?

— Ну что ж, поедем, — сказал Герберт, начиная понимать, в чем дело. — Возьми-ка этот саквояж, брось его в фургон. Куда же мне ехать, по какой дороге?

— Дорога простая, господин, заблудиться нельзя. Ехать все время прямо по берегу реки, потом будет брод — и там свернуть. Только не влево. Оттуда уже виден большой дом.

— Далеко это?

— Миль семь — восемь, господин. До заката доедем. Это очень быстрая лошадь. Только пусть молодой господин не сворачивает влево после брода.

Получив все эти указания, пассажир третьего класса покинул корабль, предварительно попрощавшись с добродушными матросами, так дружелюбно относившимися к нему во все время тягостного путешествия. Вскинув на плечо охотничью одностволку, Герберт спустился по сходням на пристань. Там, подойдя к лошади, привязанной позади фургона, он отвязал ее, вскочил в седло и легкой рысью поехал по дороге, указанной ему темнокожим Квеши.

Шум улиц, новые впечатления на каждом шагу заставили Герберта на время позабыть о себе. Но едва лишь юный путник миновал город и очутился в полном одиночестве под темным шатром лесной зелени, как его

опять охватили мрачные предчувствия. Теперь дорога вилась по сырой, болотистой местности, и Герберт совсем загрустил. Нетрудно было догадаться, о чем он угрюмо размышлял. Он заметил — да и как было не заметить? — разницу в приеме, оказанном ему и его спутнику. Того встречали с почетом, богатого гостя ждал великолепный экипаж, а за ним выслали плохонькую лошадь — и только.

— Клянусь памятью отца, — бормотал Герберт сквозь зубы, — я не забуду этого оскорбления, задевающего его даже больше, чем меня! Я должен выполнить последнее желание умирающего, а то я бы и шагу не ступил дальше.

Он даже приостановил неказистого коня, как будто в самом деле готовясь привести в исполнение свою угрозу, но тут же снова тронул поводья.

«Впрочем, — раздумывал он с новым проблеском надежды, — возможно, это просто ошибка? Да нет, нет! Какая тут может быть ошибка! Этот пустой хлыщ — любимый сын судьбы, а я... а я ее пасынок... — Герберт горько усмехнулся своему сравнению. — Да, вот почему нас встретили по-разному. Ну что ж... Пусть я беден, но мой надменный родственник узнает, что я горд не менее, чем он. На презрение я отвечу презрением. Я потребую объяснения его поступка — и немедленно!»

Словно подгоняемый обидой и решением защитить свою честь, молодой «пасынок судьбы» стегнул хлыстом неказистого конька и галопом поскакал вперед.

Глава XIV

НА КОНСКОМ ХВОСТЕ

Почти целый час скакал конь Герберта, ни разу не остановившись, не замедлив бега. Дорога была широкая, изрезанная глубокими колеями, и шла все время прямо, никуда не сворачивая. Герберт решил поэтому, что едет правильно. Время от времени за деревьями

сверкала полоска воды — несомненно, река, о которой упоминал чернокожий Квеши. Вот наконец и брод. Герберт придержал коня, готовясь переехать реку. Воды было всего по колено, и лошадь не колеблясь вошла в реку.

Выехав на противоположный берег, Герберт остановился и задумался. Здесь дорога разветвлялась. Правда, Квеши предупреждал его об этом и говорил, что не надо ехать влево. Но отсюда шли не два, а три пути! Ясно было только, что влево ехать не следует, но какую выбрать из двух других дорог? Обе были совершенно одинаковы, любая из них могла вести к Горному Приюту. А что, если положиться на коня? Он, наверно, выберет правильный, уже знакомый ему путь.

Так Герберт, вероятно, и поступил бы, если бы не сообразил вдруг, что надо проверить, на какой из дорог есть свежие колесные следы — ведь здесь должен был только что проехать экипаж. Но в это мгновение он совсем рядом услышал как будто уже знакомый ему голос. Обернувшись, Герберт, к немалому своему удивлению, увидел Квеши.

— Влево нельзя ехать, господин, — это дорога на ферму старого Джесюрона. И вправо не ездите — это в замок Монтегю. А средняя дорога — в Горный Приют, она идет прямо к большому дому.

Некоторое время Герберт от изумления не мог вымолвить ни слова. Ведь он оставил Квеши на палубе присмотреть за багажом! Герберт готов был поклясться, что, отъезжая от пристани, собственными глазами видел мальчишку все еще на палубе. И ведь всю дорогу лошадь скакала галопом! Какому пешеходу под силу догнать скачущего коня? Как очутился здесь Квеши?

Несколько опомнившись от неожиданности, Герберт задал ему этот вопрос.

— Квеши бежал за господином.

Это мало что объяснило Герберту. Он никак не мог себе представить, что кто бы то ни было мог бежать со скоростью скачущей лошади.

— Бежал? Подожди-ка... Ты хочешь сказать, что

бежал за мной всю дорогу без остановки от самой пристани?

— Да, господин, всю дорогу.

— Но ведь ты еще не сошел с корабля, когда я отъехал! Как же ты меня догнал?

— Это было совсем нетрудно, господин. Квеши положил вещи господина в фургон и побежал догонять. Господин сперва ехал медленно, его легко было догнать, а потом надо было только не отставать. Это нетрудно.

— «Нетрудно»! Ах ты, чертенок, да ведь я ехал со скоростью десяти миль в час! Как же это ты ухитрился не отставать? Ну, скажу тебе, ты первоклассный скороход! Я держал бы за тебя пари против кого угодно... Так ты говоришь, ехать по средней дороге?

— Да-да. Скоро покажутся ворота.

Герберт двинулся вперед. Мысли его все еще витали вокруг случившегося. Немного отъехав, он почувствовал искушение обернуться назад и проверить, следует ли за ним Квеши. Его ждала новая неожиданность — негритенка и след простыл!

— Куда же, черт возьми, провалился мальчишка? — недоуменно сказал Герберт, оглядываясь по сторонам.

— Я здесь, здесь! — послышалось вдруг сзади, совсем близко.

И тут Герберт увидел за крупом коня курчавую голову Квеши. Теперь все стало ясно: мальчишка бежал, держась за хвост лошади.

Зрелище было до такой степени комично, что молодой англичанин забыл на мгновение все свои невзгоды и разразился неудержимым хохотом. Мальчуган присоединился к его веселью и смеялся, раскрыв рот до ушей, хотя понятия не имел, что так рассмешило молодого господина. Сам он не видел ничего смешного в своем способе путешествия, к которому прибегал далеко не впервые.

Проехав еще с полмили, Герберт увидел ворота поместья. От ворот был уже виден и дом: его белые стены и зеленые жалюзи четко рисовались в конце длинной, обсаженной пальмами и тамариндами аллеи. Ве-

ликолепие это не явилось для Герберта неожиданностью. Он знал, что брат его отца — человек чрезвычайно богатый. Собственно, только это и было известно о Лофтусе Вогане как отцу, так и сыну. Ландо, высланное за важным гостем и проехавшее, очевидно, по этой самой аллее за час до появления на ней Герберта, также свидетельствовало о роскоши поместья. Богатым выглядел и дом. У Герберта не оставалось сомнения, что дядя — важная персона в здешних краях.

Эта мысль была скорее неприятна молодому человеку. Гордость его была задета еще раньше, и теперь, когда он глядел на дом в конце величественной аллеи, его охватило предчувствие, что впереди можно ждать лишь еще бо́льших унижений.

— Скажи мне, Квеши, — обратился он к мальчугану после минутного тягостного раздумья: — тебе сам хозяин велел привести меня сюда?

— Хозяин не говорил с Квеши, господин. С Квеши говорил управляющий.

— Что же именно он велел тебе сделать? Повтори как можно точнее. А я постараюсь в ближайшее же время отблагодарить тебя.

— Слушаю, господин. Я расскажу все, как было. «Квеши, — говорит он мне, — ступай на большой корабль, там ты увидишь молодого господина. Забирай его багаж, клади в фургон, а его самого сажай на Коко, — так зовут коня, — и пусть господин едет прямо к моему дому». Вот как сказал управляющий.

— К его дому? Может, он сказал — к хозяйскому дому?

— Нет-нет, господин. Надо ехать к дому управляющего... Вон как раз и дорога к нему. Вон туда, туда!

Квеши указал на тропу, ответвлявшуюся от главной аллеи, — она уходила к боковому хребту и терялась где-то в гуще леса.

Герберт придержал лошадь и в изумлении посмотрел на своего чернокожего проводника.

— Туда, господин, туда! — повторял Квеши. — Вон дымок над теми высокими деревьями. Это и есть дом управляющего.

— Но к чему мне дом управляющего?

— Мы должны туда ехать, господин.

— Почему «мы»? Ты должен ехать.

— Мы оба, господин, и Коко тоже.

— Ты в своем уме, черномазый чертенок?

— Квеши только выполняет приказание, господин. Так ему велели.

— Слушай, мальчуган, ты что-то напутал... Мне надо к самому хозяину. Это поместье моего дяди — понимаешь?

— Нет, господин, Квеши ничего не напутал. Управляющий сказал — не везти молодого господина в большой дом, а везти в его дом. Это чистая правда, господин.

Получив такой категорический ответ, молодой англичанин некоторое время стоял, не двигаясь с места. Он был потрясен. Грудь его высоко вздымалась, он еле сдерживал бушевавшие в нем чувства. Но тут Квеши схватил коня под уздцы и повел было его к боковой тропе...

— Нет! — воскликнул Герберт гневно. — Пусти, слышишь? Не то отведаешь хлыста! Вот моя дорога!

Вырвав повод из рук Квеши и сильно хлестнув коня, Герберт галопом поскакал прямо к «большому дому».

Глава XV

СКОЛЬЗКИЙ ПАРКЕТ

Ландо, в котором сидел мистер Монтегю Смизи, подъехало к дому за час до того, как Герберт Воган на своем жалком скакуне и в сопровождении Квеши добрался до ворот усадьбы. Мистер Смизи прибыл в половине четвертого, а в доме обедали ровно в четыре. Оставалось всего полчаса на то, чтобы лакей мистера Смизи успел распаковать вместительные сундуки и чемоданы своего хозяина и переодеть его к обеду.

Мистеру Вогану хотелось, чтобы Кэт и мистер Смизи при первой встрече произвели друг на друга как

можно более выгодное впечатление. Он был достаточно умудрен жизненным опытом и знал, насколько это важно. Поэтому он оттянул знакомство молодых людей вплоть до обеда, когда оба они должны были появиться к столу в парадных костюмах. Что касается дочери, то здесь расчет мистера Вогана удался вполне: она явилась поистине в полном блеске, свежая и яркая, как цветок, алеющий в ее волосах. Элегантный туалет еще больше оттенял ее красоту.

Сердце лондонского щеголя дрогнуло — может быть, впервые в жизни — от чувства искреннего восхищения. Даже не отличавшийся особой наблюдательностью Лофтус Воган и тот заметил, что творилось в душе мистера Смизи. Но долго ли может цвести цветок любви на столь неподходящей почве? Чтобы ответить на подобный вопрос, потребовался бы более тонкий психолог, чем Лофтус Воган.

Плантатор мысленно поздравил себя с успехом. Сомневаться не приходилось: Смизи был сражен. Но если бы мистер Воган поинтересовался, насколько это впечатление взаимно, он был бы разочарован. Холодность или, во всяком случае, полное равнодушие Кэт было столь же явным, как восхищение мистера Смизи.

Надо заметить, что уже при церемонии знакомства столичного франта постигла весьма досадная неудача. В тот решающий момент, когда его представляли молодой хозяйке дома, с ним случился досадный конфуз. Мистер Воган сделал тактическую ошибку, допустив, чтобы церемония знакомства состоялась в зале. Паркет был скользкий, как лед. Последствия были неизбежны. Едва галантный мистер Смизи собрался принять грациознейшую позу, как немедленно растянулся на полу у ног той, кому намеревался всего-навсего отвесить поклон. Это была катастрофа. Теперь у него не оставалось ни малейшего шанса завоевать сердце Кэт Воган. Тысячи доказательств ловкости, тысячи героических поступков уже не помогли бы ему после рокового падения. Положение его было безнадежным.

Мистер Смизи, однако, был настолько самоуверен, что не обнаружил заметного смущения по поводу тако-

Эго была катастрофа. Теперь у него не оставалось

го, на его взгляд, пустяка. Лакей поднял его на ноги в одно мгновение. Издав громкое «ха-ха-ха!» и заметив, что пол «дьявольски скользкий», мистер Смизи, осторожно ступая, добрался до стула и прочно на него уселся.

Столичному жителю не в диковинку были пышные обеды, но все же роскошное пиршество, которое устроил мистер Воган, не могло не вызвать у него удивления. В те времена, когда дела ямайских плантаторов процветали, их обеды поистине заслуживали названия пиров. Черепаховый суп считался самым обычным кушаньем. Стол бывал заставлен всевозможными лакомыми блюдами. И пили за столом не какой-нибудь портвейн или херес, а старую мадеру, шампанское, кларет и искрящийся рейнвейн. Вина подавались в больших графинах и в таком изобилии, словно обыкновенное пиво.

ни малейшего шанса завоевать сердце Кэт Воган.

То были неплохие времена для вест-индских плантаторов, дни пиров и разгула, когда у белых рабовладельцев еще не отняли черную опору их богатства и роскоши.

Таким превосходным обедом в добром старом стиле и угощал Лофтус Воган гостя из Англии. По паркету бесшумно скользили десятки черных слуг. Они двигались из зала и в зал непрерывным потоком, принося и унося блюда, тарелки, винные графины в серебряных ведерках с холодной водой. За креслами обедавших стояли темнокожие рабыни с опахалами из павлиньих перьев. Монтегю Смизи был в восторге. Даже в любезной его сердцу столице не доводилось ему присутствовать на таком роскошном обеде.

— Шикарно! Нет, честное слово, шикарно! Обед просто царский! — то и дело разражался он комплиментами по адресу хозяина.

После множества изысканных, ароматных кушаний на стол был подан десерт. Здесь было представлено все, что дарит щедрый юг, как если бы Помона [1] опрокинула на стол свой золотой рог изобилия. Со стола удалили скатерть и на его блестящую, полированную поверхность поставили сверкающие хрустальные графины. Вина были превосходны. Лофтус Воган успел уже изрядно выпить в честь дорогого гостя. Он был в самом безоблачном настроении.

Но в это время на ясном небе показалась тучка. Это была очень маленькая тучка и еще очень далеко на горизонте, но внимательный наблюдатель не преминул бы заметить, что тень ее тотчас омрачила чело хозяина. Переходя с языка поэтических метафор на язык прозы, надо лишь сказать, что в дальнем конце аллеи показался всадник. Он направлялся к дому. И, по мере того как он приближался, плантатор все чаще и чаще бросал украдкой в окно беспокойные взгляды.

Сперва лицо мистера Вогана не слишком выдавало его внутреннюю тревогу. Во всяком случае, ни дочь, ни гость вначале ничего не заметили. И только, когда всадник, несколько задержавшись у боковой тропы, решительно поехал дальше, оба они обратили внимание на странное поведение мистера Вогана.

Его волнение стало так очевидно, что Кэт не удержалась от тревожного восклицания, а мистер Смизи тут же спросил:

— Что с вами, сэр?

— Ничего, пустяки, — ответил тот, запинаясь. — Просто... просто некоторая неожиданность.

— Неожиданность, папа? Ах, понимаю, к нам кто-то приехал! Какой-то молодой человек... Послушай, папа, он на нашей лошади! И за ним бежит Квеши. Ничего не понимаю... Объясни, папа!

— Тише, тише, дитя мое! Сядь и успокойся. — В голосе мистера Вогана чувствовалось явное замешательство. — Сядь, слышишь? Кто бы он ни был, мы всё в

---

[1] Помона — в древнеримской мифологии богиня древесных плодов.

свое время узнаем. Послушай, Кэт, это неприлично! Ты вскакиваешь из-за стола, когда мы еще не покончили с десертом!.. Мистер Смизи, прошу вас — стакан мадеры!

— Мерси.

И мистер Смизи вновь обратил свое благосклонное внимание на графин.

Кэт повиновалась, но с лица ее не исчезло недоуменное выражение. Она была немного испугана — не столько строгими словами, сколько почти свирепым взглядом отца. Девушка молчала, вопросительно поглядывая на него, а тот болтал с гостем, как будто не замечая ее.

Вновь прибывший, очевидно, уже подъезжал к дому, о чем извещал стук подков, становившийся все более громким. Мистер Воган старался казаться спокойным и силился поддерживать беседу, но было совершенно ясно, что спокойствие это напускное. В конце концов он совсем умолк. За столом воцарилось тягостное молчание.

Стук подков оборвался. С лестницы донеслись голоса, довольно громкие и резкие. Затем раздались шаги — кто-то поднимался по каменным ступеням. На лице мистера Вогана отразилось полное смятение. Все его так тщательно продуманные планы рушились. В них оказался маленький недочет — Квеши провалил свою роль.

— Ах! — облегченно воскликнул плантатор, когда в дверях показалась вкрадчивая холеная физиономия управляющего. — Очевидно, мистеру Трэсти нужно поговорить со мной. Прошу извинить, мистер Смизи, — одну минуту...

Мистер Воган встал из-за стола и поспешил навстречу управляющему, как будто желая помешать ему войти в комнату. Но Трэсти уже успел перешагнуть порог и, будучи плохим дипломатом, тут же принялся докладывать о случившемся. Правда, он говорил приглушенным голосом, но все же достаточно громко, чтобы кое-что из сказанного донеслось до стола. Вся обратившись в слух, Кэт явственно разобрала слова «ваш пле-

мянник». Она частично расслышала и ответ отца: «Отведите его в павильон. Пусть подождет».

Мистер Воган вернулся к столу несколько успокоенный. Он полагал, что ему удалось хотя бы на время отсрочить неприятность. Но выражение лица дочери вновь вызвало в нем тревогу. Он почувствовал, что не все сошло гладко. Кэт тут же подтвердила его опасения, радостно воскликнув:

— Что я слышу, папа! Неужели приехал наконец кузен? Я слышала, как мистер Трэсти сказал «ваш племянник». Значит, это он...

— Кэт, дитя мое, — торопливо прервал ее отец, как будто не расслышав вопроса, — можешь идти к себе. Мы с мистером Смизи хотим выкурить по сигаре, а ты ведь не выносишь табачного дыма. Ступай, дитя мое, ступай!

Девушка немедленно встала из-за стола, охотно выполняя приказание отца, хотя мистер Смизи принялся усиленно упрашивать ее остаться, явно предпочитая сигаре общество юной красавицы. Но отец настойчиво повторял: «Ступай, дитя мое, ступай», сопровождая свои слова все тем же строгим взглядом, который уже раньше напугал и обидел Кэт. Но, еще не выйдя из комнаты, она повторяла вполголоса вопрос, на который ей так и не ответил отец:

— Неужели это приехал кузен?

Глава XVI

В ПАВИЛЬОНЕ

Как уже говорилось, позади дома был разбит сад с прекрасными, редкими растениями. Посреди него, неподалеку от дома, стояла небольшая беседка, или павильон, выстроенный из красивого дерева, которым так богаты леса Вест-Индии. Павильон был украшен богатой резьбой и напоминал миниатюрный храм с куполом, увенчанным позолоченным флюгером. Внутри была всего одна комната. Окна закрывались жалюзи из красно-

го дерева. Пол устилали китайские циновки; бамбуковый столик и с полдюжины таких же стульев составляли почти всю обстановку. На столике стояла серебряная чернильница тонкой ювелирной работы, возле нее лежали гусиные перья, писчая бумага, облатки, сургуч и печатка. К стене был придвинут секретер, на котором лежало несколько десятков книг. Еще с десяток книг были разбросаны по стульям — все вместе они составляли библиотеку Горного Приюта. Посреди стола лежали также журналы и стоял ящик с гаванскими сигарами — очевидно, павильон служил иногда и курительной. Он назывался «кабинетом», хотя мистер Воган использовал его для самых разных целей и иногда принимал здесь деловых посетителей, которых не удостаивал чести приглашать в «большой дом». Вот сюда-то, как раз в ту минуту, когда Кэт покидала столовую, и вошел вновь прибывший в сопровождении управляющего. Этим вновь прибывшим был не кто иной, как Герберт Воган.

Узнав от Квеши, какой прием приготовил ему дядя, Герберт, оскорбленный и разгневанный, направился прямо к дому. Встретив у лестницы мистера Трэсти, охранявшего вход, Герберт заявил, что он родственник Лофтуса Вогана и желает с ним переговорить. Требование свое он предъявил в такой категорической форме, что поколебал обычную невозмутимость управляющего и заставил его подняться наверх и доложить о нем дяде.

Герберт был так возмущен, что готов был сам, без дальнейших церемоний, подняться наверх, если бы мистер Трэсти не пустил в ход самые вкрадчивые, самые мягкие увещевания, стремясь любой ценой предотвратить катастрофу.

— Подождите немного, сэр, прошу вас, — уговаривал он Герберта, загородив собой лестницу. — Мистер Воган непременно примет вас, но только чуть попозже. Сейчас он занят, у него гости. Они обедают.

Этот последний довод отнюдь не подействовал на Герберта успокаивающе. Наоборот, это было новой горькой обидой. Обедает с гостями! Конечно, это тот

пассажир первого класса. Даже не родственник! А он, Герберт, родной племянник... Да, это новое, и умышленное, унижение!

Взяв себя в руки, Герберт поборол искушение и отказался от намерения подняться наверх. Пусть он беден, но он джентльмен. Он не будет врываться в дом непрошеным гостем. Но как теперь поступить? Герберт был уже готов повернуться и уйти, не заходя в дом.

Но в конце концов он решил все же остаться и подождать.

Его провели в павильон и оставили там одного. Ему не захотелось даже присесть, и он нервно расхаживал из угла в угол. Он почти не обратил внимания на окружающую обстановку, хотя ему все же бросились в глаза роскошь и элегантность дома и сада с его аллеями и великолепными цветниками. Но вся эта красота не доставила ему радости. Она только еще острее дала ему почувствовать все свалившиеся на него невзгоды, подчеркнула, как велико расстояние между ним, одиноким бедняком, и спесивым богачом дядей.

Мельком посмотрев через открытое окно на живописный ландшафт, Герберт устремил взор на выходившее в сад заднее крыльцо дома, в сердитом нетерпении ожидая появления дяди.

Если бы он увидел чудные глаза, рассматривавшие его в эту минуту сквозь жалюзи из окна напротив, может быть, гнев, царивший в его душе, утих бы. Но Герберт и не подозревал, что на него с любопытством и даже с восхищением устремлена пара самых прелестных глаз на всей Ямайке. Не переставая шагать, он, уже по крайней мере на двадцатом повороте, чтобы убить время, досадливым жестом поднял одну из лежавших на стуле книг и раскрыл ее. Том, попавшийся ему в руки, едва ли способен был умиротворить взволнованную душу Герберта. Это был свод законов, печально знаменитый «черный кодекс» Ямайки. Герберт прочел в нем, что человек может мучить другого человека, может даже запытать его до смерти и за это будет наказан всего-навсего пустяковым штрафом; что

человек с черной кожей, или даже с белой, если в его жилах есть хоть капля африканской крови, лишен права владения недвижимым имуществом, лишен права занимать общественные должности, лишен права давать свидетельские показания в суде, даже если он был очевидцем убийства; он не имеет права владеть лошадью, не имеет права носить оружие, не имеет права защищаться, если на него напали, не имеет права защищать своих близких. Короче говоря, Герберт прочел, что человеку с темной кожей остается одно право — уподобиться во всем покорному, безропотному скоту!

Гневно топнув ногой, он швырнул мерзкую книгу на прежнее место. И как раз, когда возмущение его достигло апогея, Герберт услышал легкий шум — это в доме скрипнула входная дверь.

Разумеется, он ожидал увидеть хмурого, старого дядю и решил встретить его не менее хмурым взглядом. Можно себе представить, как он опешил, когда вместо Лофтуса Вогана в дверях появилась очаровательная молодая девушка, смотревшая на него приветливо, как на старого знакомого. В одно мгновение в его душе пронесся целый вихрь чувств. Гнев на его лице уступил место восхищению, и, будучи не в состоянии произнести ни слова, Герберт замер на месте, не спуская глаз с прелестного видения.

Глава XVII

СМЕЛОЕ РЕШЕНИЕ

Для мистера Вогана, — во всяком случае, для успеха его планов, — было бы лучше обойтись с племянником по-родственному, пригласить его к столу, представить прямо и открыто дочери и важному гостю. Он бы, конечно, так и поступил, если бы предвидел, какой оборот примут события. Это избавило бы его от неприятной необходимости выслушать рассказ мистера Смизи о встрече с Гербертом на корабле. Мистер Смизи завел разговор на эту тему тотчас же, как Лофтус Воган так бесцеремонно выпроводил дочь из зала.

Смизи также кое-что уловил из ответа управляющего, во всяком случае и до его слуха долетели слова «ваш племянник». И тут он вспомнил молодого пассажира третьего класса. Он с неудовольствием припомнил также насмешливый, иронический тон его ответов. Секрет, таким образом, открылся, и спесивому плантатору пришлось выпутываться из затруднительного положения.

Было уже невозможно более поддерживать обман, и Лофтус Воган вынужден был признать свое родство с Гербертом, что еще больше настроило его против племянника. Стараясь выйти из неловкого положения, он сказал, что Герберта не ожидали так скоро. Смизи знал, что это ложь, но промолчал. На этом разговор о Герберте и закончился.

Лофтус Воган, как показывало все его трусливое поведение, был человеком столь же недалеким, как и эгоистичным. Недостойное отношение к племяннику наделило оскорбленного юношу в глазах Кэт романтическим ореолом, чего при других обстоятельствах вовсе не произошло бы, или, во всяком случае, произошло бы не в такой степени. Гонимый всегда вызывает сочувствие в благородном сердце, а сердце у Кэт было благородное. Кроме того, уже самая таинственность, с какой было обставлено появление Герберта в доме, то, что его прятали, словно тюк с контрабандой, — уже одно это должно было подстрекнуть любопытство тех, от кого предполагалось скрыть его приезд. Поэтому, едва покинув зал, — что, надо признаться, она сделала с большим удовольствием, — и вернувшись к себе, Кэт немедленно подбежала к окну, выходившему в сад, и стала с живейшим любопытством глядеть сквозь жалюзи в сторону павильона.

Кэт расслышала слова отца, обращенные к мистеру Трэсти: «Отведите его в павильон». Ее непреодолимо потянуло посмотреть на новоявленного кузена. Любопытство девушки было удовлетворено — прямо перед собой она увидела расхаживавшего по павильону Герберта. Сюртук с отворотами, плотно застегнутый на груди, блестящие высокие сапоги на стройных ногах, красивая треуголка, слегка надвинутая на темные куд-

ри, выгодно оттеняли его внешность, которая была не из тех, что способны испугать или оттолкнуть молодую девушку. Гневное, даже яростное выражение лица, отражавшее негодование, кипевшее в его душе, не портило, по мнению Кэт, привлекательной наружности молодого человека. Да, кузен не внушил ей ни страха, ни отвращения. Наоборот, лицезрение незнакомого родственника, по-видимому, доставило ей удовольствие. Иначе зачем бы смотреть на него, не отрывая глаз?

Некоторое время Кэт продолжала молча смотреть, затем, не отводя глаз от окна, воскликнула вполголоса и как будто невольно:

— Йола, ты только посмотри, как он хорош собой!

— Кто, мисс? — спросила Йола, еще не видевшая предмета восхищения своей госпожи.

— Как — кто? Ну конечно, мой кузен! Видишь? Вон он! Встречала ты когда-нибудь такого красавца?

— Правда, мисс, правда, красавец. Только сердитый.

— Сердитый?

— Очень сердитый. Все ходит и ходит, взад и вперед, взад и вперед. Словно гиена в клетке.

— Это от нетерпения, ему надоело ждать. Но, право, ему к лицу быть сердитым. Смотри, как сверкают его глаза! Ах, Йола, как он обаятелен, как не похож на здешних молодых людей! Ну, согласись, Йола, — он необычайно хорош собой.

— У него кудри, как у Кубины.

— У Кубины? Ха-ха-ха! Твой Кубина не только Адонис [1], но и Протей [2]. А больше ты ни в чем не усмотрела между ними сходства?

— У Кубины темнее кожа, мисс.

— Ха-ха-ха! Весьма вероятно!

— Но Кубина такого же роста и такой же статный.

— Тогда можно поверить, что твой Кубина действи-

---

[1] Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша.

[2] Протей — в древнегреческой мифологии морское божество, которому приписывалась способность произвольно менять свой вид.

тельно строен. Я не видела мужчины стройнее моего кузена. Посмотри, какие у него сильные руки! Кажется, этими руками он смог бы вытащить с корнем вон тот высокий тамаринд... Боже, он, кажется, это и собирается сделать! Да, он в самом деле полон нетерпения. Ведь он приехал так издалека, а папа заставляет его столько времени ждать. По-моему, мне следует самой пойти к нему. Как ты думаешь, Йола, прилично мне пойти поздороваться с ним? Он мой кузен.

— А что такое кузен, мисс?

— Это вроде как брат, только не совсем. Но почти как брат — понимаешь?

— Брат? Ах, мисс, если бы он был брат Йолы, Йола побежала бы к нему бегом, пусть он даже сердитый.

— Да, и я бы так поступила, будь у меня родной брат, но, увы, у меня его нет. Кузен — это не совсем то же, что родной брат. Вот я и колеблюсь. И потом, папа почему-то его невзлюбил. Не понимаю, что он может иметь против него... Я, во всяком случае, ничего против него не имею. И раз он мой родственник, я пойду и поговорю с ним. И потом, — уже как бы про себя продолжала Кэт, — видно, что терпение его истощается. А папа может заставить его прождать бог знает сколько времени. Он так увлечен этим Монтегю... как, бишь, его дальше?.. Может быть, я поступаю неправильно, и папа на меня рассердится? А может, он ничего об этом и не узнает. Как бы то ни было, я иду!

Схватив шарф, висевший на спинке кресла, юная креолка накинула его на плечи и неслышно выскользнула из комнаты в коридор, ведущий к двери в сад.

Глава XVIII

ВСТРЕЧА

Кэт открыла дверь и неуверенно остановилась на пороге. Она вдруг почувствовала смущение и робость, мешавшие ей поступить согласно принятому несколько второпях решению. Но колебания ее длились одно

мгновение. Она решительно вышла в сад и, слегка покраснев, направилась к павильону. Герберт еще не успел прийти в себя, когда нежный голос спросил:

— Вы мой кузен?

Вопрос, заданный столь наивно, некоторое время оставался без ответа. Приветливый тон был для Герберта новой неожиданностью. Молодой человек слишком смутился и не смог сразу ответить. Впрочем, он скоро снова обрел дар речи:

— Если вы дочь мистера Лофтуса Вогана...

— Да, я его дочь.

— В этом случае я счастлив назваться вашим кузеном. Я — Герберт Воган из Англии.

Все еще памятуя о нанесенной ему обиде, Герберт произнес последние слова несколько сухо, что не ускользнуло от внимания молодой девушки. Между ними как будто пробежал холодок, и Кэт, которую привела сюда только доброжелательность, была смущена резкостью его тона, причины которой не понимала. Это не помешало ей, однако, вежливо продолжать начатый разговор.

— Отец получил ваше письмо, и мы вас ждали. Но не сегодня. Папа сказал, что вы прибудете не раньше завтрашнего дня. Добро пожаловать на Ямайку, кузен!

Герберт отвесил глубокий поклон. И вновь юная креолка почувствовала, что ее сердечный порыв не нашел отклика. Покраснев от растерянности, Кэт стояла, не зная, как вести себя дальше. Герберт, сердце которого таяло, как снег под тропическим солнцем, почувствовал, что он говорит с несвойственной ему грубостью, которая к тому же стоит ему некоторых усилий. Почему за грехи отца должна отвечать дочь?

Молодой человек поспешил отбросить натянутый, холодный тон.

— Спасибо за добрый прием, — признательно сказал он. — Но, кузина, я еще не знаю вашего имени.

— Кэтрин. Хотя обычно меня называют Кэт.

— Кэтрин? Наше семейное имя. Мать моего отца — и вашего тоже, конечно, — в общем, нашу бабушку так же звали Кэтрин. А ваша мать носила это же имя?

— Нет. Ее звали Квашеба.

— Какое необычное имя!

— Старики на плантации, знавшие мою мать, и меня иногда называют Квашебой — Лили Квашебой. Но папа им это запрещает.

— Ваша мать была англичанкой?

— О нет, она здешняя уроженка. Она умерла, когда я была еще совсем маленькой. Я не помню ее. Сказать правду, я даже не знаю, что такое иметь мать.

— Я тоже. Моя мать умерла рано. Но скажите, вы моя единственная кузина? У вас есть сестры или братья?

— К сожалению, нет.

— Почему к сожалению?

— Ах, как вы можете спрашивать? Конечно, потому, что мне не хватает общества сверстников.

— Я полагаю, милая кузина, стоит вам только пожелать, и вы сыщете себе сколько угодно друзей на этом чудесном острове.

— Да, разумеется. Но мне здесь никто не нравится. Во всяком случае, нет никого, к кому я относилась бы, как к сестре или брату. Да, — прибавила Кэт задумчиво, — порой я чувствую себя очень одинокой! Впрочем, теперь, когда у нас гости, может быть, все изменится. Мистер Смизи такой забавный!

— Мистер Смизи? Кто это?

— Как! Вы не знаете мистера Смизи? Разве вы не ехали с ним на одном корабле? Папа мне так сказал. Только он думал, что вы приедете к нам не раньше завтрашнего дня. Он был, по-моему, просто поражен, что вы прибыли сегодня. Но почему вы не приехали с мистером Смизи? Он опередил вас всего на час и только что отобедал с нами. Они с папой остались в зале курить. Но, простите, кузен, может быть, вы еще не обедали?

— Нет, — ответил Герберт довольно уныло. — И не очень надеюсь, что мне придется сегодня пообедать.

Бесхитростные расспросы Кэт разбередили утихшую было обиду.

— Но почему же? — спросила Кэт удивленно. —

Если вы еще не успели пообедать, это не поздно исправить. Ведь вы пообедаете у нас?

— Нет! — Молодой человек гордо выпрямился. — Я предпочту остаться голодным, чем обедать там, где я — нежеланный гость.

— Что вы, кузен!

Но в этот момент скрипнула дверь, и из дома вышел Лофтус Воган.

— Кэт! — сурово крикнул плантатор. — Мистер Смизи выразил желание послушать твою игру на арфе. Я заходил к тебе в комнату, я искал тебя по всему дому. Что ты здесь делаешь?

Его манеры были вульгарны, и чувствовалось, что за обедом он много пил.

— Ах, папа, приехал кузен Герберт!

— Кэт, немедленно возвращайся в дом, мистер Смизи ждет тебя! — сказал отец повелительно и, круто повернувшись, исчез за дверью.

— Кузен, я должна вас оставить.

— Да, конечно, другой гость, более достойный, требует вашего общества. Поторопитесь же! Терпение мистера Смизи иссякает!

— Ах, это все папа!

— Кэт! Где ты? Что ты? Что ты мешкаешь? — вновь послышался голос мистера Вогана.

— Идите же, мисс Воган. И прощайте!

— «Мисс Воган»? «Прощайте»?

Удивленная и огорченная, молодая девушка несколько секунд стояла в нерешительности, но новый сердитый зов отца заставил ее покориться. С упреком и недоумением посмотрев на Герберта, Кэт неохотно покинула павильон.

Глава XIX

НЕЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Юная креолка скрылась в дверях, а Герберт остался стоять, не зная, как ему поступить. Ему уже не хотелось разговаривать с дядей, требовать у него объясне-

ний. Теперь нечего было и сомневаться в том, что он нежеланный гость в доме дяди, и никакие извинения не заставили бы его забыть те обиды, которые ему пришлось здесь вынести. Юноше хотелось уехать немедленно, не сказав никому ни слова, и в то же время он испытывал потребность расквитаться за все. И он решил остаться хотя бы только затем, чтобы, оказавшись с глазу на глаз с Лофтусом Воганом, высказать ему в лицо все, что он о нем думает. А что из этого получится, Герберту было совершенно безразлично. Скорее всего, грубую натуру дяди не проймут упреки. Пусть так, но Герберту просто необходимо было высказать все начистоту, чтобы хоть этим удовлетворить уязвленное самолюбие.

Из дома донеслись приглушенные звуки арфы. Они не оказали на Герберта умиротворяющего действия. Наоборот, музыка еще больше разожгла его гнев. Она казалась насмешкой над его жалким, унизительным положением. Но он тут же откинул подобные мысли. Нет, не может быть, чтобы его намеренно терзали этими сладкими звуками — ведь это играла Кэт!

Мелодия была знакома Герберту — она как нельзя более соответствовала его печальному положению. Вскоре к звукам арфы присоединился женский голос. Герберт сразу узнал голос прелестной кузины.

Он внимательно вслушался, и ему удалось разобрать слова. Как подходили они к его думам!

«Печален мой жребий, — поведал мне горестно странник. —
И зверю лесному найдется приют в непогоду.
Один лишь я крова не ведаю, бедный изгнанник,
И нет мне защиты в дни тяжкой и горькой невзгоды».

Слова романса проникли в самую глубину его души, преисполнив его грусти и нежности. Может быть, певица выбрала этот романс, чтобы выразить ему сочувствие?

Но очарование длилось недолго. Едва замерли последние аккорды, как раздался громкий хохот плантатора и его гостя. Может быть, оба потешаются на его счет, смеются над «бедным изгнанником»?

Вскоре послышались тяжелые шаги. Дядя наконец решил почтить племянника своим присутствием. На лице его не было и следа веселости, которой он предавался всего минуту назад. Всегда красное, сейчас оно казалось почти багровым — очевидно, он выпил слишком много вина. Тяжелый, массивный лоб его был зловеще нахмурен, что не сулило любезного приема бедному родственнику.

Первые произнесенные им слова были оскорбительно холодны и грубы:

— Так, значит, ты сын моего брата?

Он не подал племяннику руки, даже не потрудился придать лицу сколько-нибудь приветливое выражение.

Герберт подавил возмущение и коротко ответил:

— Да.

— Каким это ветром, скажи на милость, занесло тебя на Ямайку?

— Если вы получили мое письмо, —а вы его получили, я полагаю, — вы должны были найти в нем ответ на этот вопрос.

— Ах, вот как! — Мистер Воган не ожидал, очевидно, такого решительного и даже дерзкого ответа. — И чем же ты собираешься здесь заняться?

— Понятия не имею, — ответил Герберт с нарочитой небрежностью.

— Есть у тебя профессия?

— К сожалению, никакой.

— Ну, владеешь ты хоть каким-нибудь ремеслом?

— Тоже нет.

— На какие же средства ты рассчитываешь существовать?

— Как-нибудь проживу.

— Попрошайничеством займешься, наверно, как твой отец. Всю свою жизнь он клянчил у меня.

— В этом отношении я ему не уподоблюсь. Вы — последний человек, к которому я обращусь за помощью.

— Ты что-то уж очень заносчив! И это еще в довершение к тому позору, какой ты навлек на меня своим приездом. Ехал, словно нищий, третьим классом! И еще

хвастал своим родством со мной, всем разболтал, что ты мой племянник.

— Хвастал родством с вами? — Герберт презрительно рассмеялся. — Вы, очевидно, имеете в виду мой ответ на расспросы этого огородного пугала, которому вы расточаете любезности. Хвастать родством с вами! Знай я тогда, что́ вы такое, я постыдился бы признаться, что вы мой дядя!

— Ах, вот как! — совсем побагровев от злости, загремел Лофтус Воган. — Вон отсюда! Чтобы ноги твоей в моем доме не было!

— Это вполне совпадает с моими намерениями. Я только хотел перед уходом высказать вам свое мнение о вас.

— Как ты смеешь, дерзкий мальчишка! Как ты смеешь!

Взбешенный юноша уже собирался бросить дяде в лицо самые обидные слова, какие только мог вспомнить, но, взглянув случайно вверх, увидел в окне напротив обворожительное личико юной креолки. Кэт смотрела на отца и кузена. Она слышала весь разговор — об этом свидетельствовал ее взволнованный вид. «Он ее отец, — подумал Герберт. — Нет, ради нее я смолчу».

И, не добавив больше ни слова, он вышел из павильона.

— Подожди! — крикнул ему вслед плантатор, несколько огорошенный непредвиденным оборотом дела. — Прежде чем уйти...

Герберт остановился.

— В письме ты писал, что остался без средств. Пусть не говорят, что родственник Лофтуса Вогана вышел из его дома, не получив помощи. Вот, возьми кошелек, в нем двадцать фунтов. Только при одном условии: никому не рассказывай, что здесь произошло. И не болтай, что ты племянник Лофтуса Вогана.

Герберт молча взял протянутый ему кошелек, но через мгновение послышался звон золотых монет о гравий, и кошелек упал на дорожку к ногам Лофтуса Вогана. Смерив изумленного плантатора уничтожаю-

щим взглядом, Герберт повернулся на каблуках и, высоко вскинув голову, пошел прочь.

Брошенное ему вслед «Вон!» он оставил без всякого внимания. Возможно, он даже ничего не слышал, ибо выражение его лица явно говорило, что мысли его заняты другим. Он шел, глядя на окно, в котором только что мелькнуло прекрасное лицо. Но жалюзи были опущены, за ними никого не было видно.

Герберт обернулся. Дядя стоял нагнувшись, подбирая рассыпавшиеся по дорожке золотые монеты. Кусты скрывали от него Герберта. Молодой человек уже собирался подойти к окну, чтобы окликнуть кузину, как вдруг услышал, что кто-то совсем рядом, как будто за углом дома, шепотом произнес его имя.

Герберт поспешил на голос. Едва он завернул за угол дома, как в ту же минуту наверху открылось окно и в нем показалась та, кого он искал.

— Ах, кузен, не уходите от нас так! — умоляющим тоном сказала Кэт. — Папа поступил плохо, очень плохо, я знаю. Но он выпил лишнее за обедом. Он не такой уж бессердечный. Кузен, не сердитесь, простите его!

Герберт хотел было ответить, но Кэт снова заговорила:

— Я знаю, у вас нет денег, и вы отказались взять их у папы. Но вы ведь не откажетесь принять помощь от меня? Здесь немного — это все, что у меня есть. Возьмите!

Какой-то блестящий предмет со звоном упал к ногам Герберта. Он увидел, что это шелковый кошелечек. Герберт поднял его. В нем лежала одна золотая монета.

Герберт постоял, раздумывая, готовый, казалось, принять дар, но затем пришел к иному решению.

— Спасибо, — сказал он. И прибавил более сердечно: — Спасибо, кузина Кэт. Вы были добры ко мне, и хотя, может быть, мы никогда больше не встретимся...

— Не говорите этого! — прервала его молодая девушка, умоляюще на него глядя.

— Да, нам едва ли суждено встретиться, — продолжал он. — Ваш дом для меня чужой. Мне остается

только покинуть его. Но, где бы я ни был, я не забуду вашей доброты. Как знать, удастся ли мне отплатить вам за нее — чем может быть полезен вам такой бедняк, как я? Но, если вам понадобятся сильная рука и преданное сердце, помните, Кэт Воган, — на свете есть человек, на которого вы можете твердо положиться. Спасибо вам за все!

Оторвав от кошелька голубую ленту, Герберт кинул его вместе с монетой обратно в окно. Затем, прикрепив ленту к пуговице на груди сюртука, он сказал:

— С этой лентой я буду чувствовать себя богаче, чем если бы мне подарили все имение вашего отца. Прощайте, милая кузина, и да благословит вас бог!

Кэт не успела сказать ни единого слова совета и утешения, как Герберт повернулся и скрылся за углом.

Глава XX

ФЕРМА ДЖЕСЮРОНА

Пока в доме Вогана разыгрывались только что описанные сцены, еще более волнующие события происходили на плантации Джесюрона.

У работорговца Джекоба Джесюрона, помимо «загона» в укромном месте в бухте, где он держал рабов, предназначавшихся для продажи, имелось большое поместье, в котором он проживал вместе с дочерью. Оно находилось по соседству с сахарными плантациями Горного Приюта и отделялось от них грядой лесистых холмов. Когда-то, до того, как земля оказалась в руках Джесюрона, на ней также были сахарные плантации, но теперь поля, на которых прежде под легким южным ветерком колыхался золотистый сахарный тростник, поросли сорняками. С быстротой, характерной для тропической растительности, здесь в самый непродолжительный срок успели вырасти и огромные деревья — сандаловые, хлебные, тыквенные, сейбы. Лишь кое-где сохранились открытые лужайки, но на них ничего не выращивали. Они были покрыты посеянными самой

природой дикорастущими цветами: мексиканским маком, ласточкиным цветом, вест-индской вербеной и мелким страстоцветом. Порой среди гущи зелени виднелся кусок ограды, сложенной из камней, не скрепленных ни известью, ни цементом и потому большей частью развалившейся. Руины эти были почти сплошь увиты всевозможными ползучими растениями. И, все собой оплетая, как паутина гигантского паука, буйно разрослась желтая безлистная американская повилика.

Посреди плантации, вновь почти отвоеванной у человека природой, находился «большой дом». В сущности, это было не одно, а несколько строений, скучившихся под общей крышей: самое жилище владельца и бывшие сахароварни. Неподалеку стояли хижины невольников, конюшни, сараи, и все это было окружено высокой стеной, что придавало усадьбе вид тюрьмы или казармы. Стена была возведена уже при новом владельце и служила целям, не имеющим ни малейшего отношения к производству сахара.

Сада не было, но повсюду имелись признаки того, что когда-то он существовал. Еще сохранились фруктовые деревья — полудикие лимоны и груши, манго, гуавы, папайи. Одни были увешаны роскошными плодами, другие стояли все в цвету, источая аромат. И кокосовые пальмы высоко вздымали над более скромными обитателями одичавшего сада свои подобные коронам верхушки, изогнув книзу длинные перистые листья, как будто оплакивая окружающее запустение.

Возле дома росло несколько необычайно мощных деревьев. По узловатым сучьям, в это время года лишенным листвы, легко было узнать сейбу. Сучья, каждый толщиной в ствол большого дерева, были сплошь оплетены различными паразитическими растениями. Испанский мох, длинными фестонами развевающийся по ветру словно седая борода, напоминал белый саван, что служило как нельзя более подходящим пологом для гнезда черных грифов, постоянно восседавших в мрачном молчании почти у самых вершин деревьев.

В давние времена поместье именовалось «Счастливой Долиной», но, когда оно оказалось в руках Джесюрона,

название это, казавшееся уж очень малоподходящим, постепенно вышло из употребления. Он устроил там скотоводческую ферму, и теперь поместье иначе не называли, как «ферма старого Джесюрона». Плантации, ныне заросшие ценными кормовыми травами, служили прекрасными пастбищами для скота.

Разводя лошадей и коров на продажу плантаторам, а также поставляя их на городской рынок, старый делец обнаружил, что это приносит не меньший доход, чем его прежнее занятие, — хотя он и не оставил торговлю рабами, но теперь она стала для него второстепенной статьей дохода. К старости у него сильно развилось честолюбие, он жаждал занять видное место в обществе. Он надеялся, что более почетная торговля скотом заставит забыть о торговле людьми, и действительно вскоре добился того, что стал мировым судьей. На Ямайке, как и повсюду, должность эта всегда оказывается в руках не наиболее достойного, а наиболее богатого.

Свои доходы Джесюрон пополнял также разведением пряностей — вернее, их сбором, ибо заросли ямайского перца, покрывавшие холмы в пределах поместья, не требовали никакого ухода — оставалось только собрать и просушить душистые перечные зерна.

На ферме целый день кипела работа. И неподалеку от дома и на более отдаленных пастбищах — повсюду слышалось конское ржание и мычание стад полудикого рогатого скота. По полям носились на лошадях черные, почти нагие пастухи. На холмах, в рощах ямайского перца, постоянно раздавались возгласы и болтовня негритянок, собиравших перечные стручки. Наполнив большие корзины, негритянки ставили их себе на голову и, распевая песни, шли к сушильням.

За воротами, на широкой аллее, выходившей к большой проезжей дороге, негры-невольники ежедневно объезжали только что пригнанных из табуна двухлеток. В огромном загоне ежедневно закалывали тучных быков для рынка в Монтего-Бей. На куче отбросов с бойни пировали тощие псы, а чернокожие мясники, обнаженные по пояс, ходили по загону, размахивая

окровавленными топорами, ножами и другими орудиями своей кровавой профессии.

Подобные зрелища были обычными на ферме Джесюрона. Но на следующий день после того, как работорговец безуспешно побывал в Горном Приюте, на ферме должна была разыграться иная сцена.

Прямо перед широкой, но запущенной и грязной верандой хозяйского дома тянулся большой двор. В конце его против веранды стояло второе здание. От обеих сторон каждого из них шли высокие, массивные стены, образуя квадратный двор, двумя другими стенами которого служили сами здания. В середине одной из стен были крепкие двойные ворота, выходившие в наружный двор.

Отсутствие окон и дверей и весьма примитивная архитектура второй постройки могла дать повод думать, что это сарай или склад для зерна. Но стоило заглянуть внутрь, чтобы убедиться в ошибочности такого предположения. Там находились люди — десятки людей с темной кожей всех оттенков: от черной, как эбен, до цвета охры. Они сидели, стояли и лежали на полу; многие были скованы попарно.

Выражение лиц несчастных и их позы не отличались разнообразием. Почти все здесь были печальны и хмуры. Некоторые пугливо осматривались, словно только что очнулись от кошмарных сновидений и еще не вполне пришли в себя. Иные смотрели перед собой бессмысленным взглядом. Другие, сбившись в кучку и, очевидно, откинув всякие помыслы о прошлом, будущем и настоящем, беспечно болтали на неведомых наречиях.

Да, это был склад, но хранившимся в нем товаром были люди. «Запасы» были только что пополнены грузом с невольничьего корабля. От прежнего «запаса» оставалось всего несколько человек. Они в качестве хозяев знакомили новичков с местными порядками. Гостеприимство их было по необходимости скудным, о чем свидетельствовали пустые тыквенные бутыли и дочиста выскребанные деревянные миски, расставленные прямо на полу. От жалких порций грубой пищи не осталось

ни единой крошки, ни единой капли. Хоть бы зернышко риса, хоть бы ложка перечной похлебки или огрызок банана!

Некоторым посчастливилось избегнуть духоты тесного помещения — их разместили прямо во дворе. После корабельного трюма и это казалось привольем. Новички небольшими группами теснились возле ранее попавших сюда земляков, которые уже испытали горести рабства и могли поведать, какая участь ждет здесь каждого. Все то и дело настороженно поглядывали в сторону веранды, очевидно чего-то ожидая.

Во дворе находилось и трое белых. У двоих из них кожа была весьма смуглой; многие из толпившихся здесь невольников были не темнее их. Один из них сидел на ступеньках веранды, другой стоял рядом. У ног каждого лежала свора псов, привязанная веревкой к поясу. Костюмы обоих были незамысловаты: клетчатые рубашки, холщовые штаны, широкополые шляпы из пальмового листа, грубые короткие сапоги. На боку у каждого в ножнах висел длинный нож — мачете. У обоих волосы на голове были коротко острижены, лицо гладко выбрито, и только на подбородке оставлен клочок волос — так называемая эспаньолка. Их худые лица с правильными чертами производили бы приятное впечатление, если бы не лежавшая на них печать жестокости и порока. Они перебрасывались короткими испанскими фразами, а одежда, оружие и собаки указывали на то, что это уроженцы острова Куба, «касадоры», охотники за неграми.

Третий находившийся во дворе белый заметно отличался от первых двух не столько цветом кожи, ибо она была у него не светлее, сколько внешностью, костюмом и родом занятий. На ногах у него были высокие, доходящие до бедер, сапоги из конской кожи, а на них — тяжелые шпоры с колесиками в три дюйма диаметром. Он был в куртке из толстого сукна, весьма неподходящей для местного климата. Под ней виднелся жилет из алого плюша с потускневшими металлическими пуговицами. Шею окутывал шарф того же огненного цвета. Довершая наряд, на голове красовалась

фетровая шляпа, которая, как и остальные принадлежности туалета, недвусмысленно говорила о том, что ей приходилось видывать виды, что она знала и солнце, и дождь, и пыль, и ветер. Густая копна совершенно черных курчавых волос, черная как смоль борода, почти скрывающая рот, ярко-желтые глаза, всегда горящие зловещим огнем, губы неестественно красного цвета, заметные даже сквозь бороду, орлиный нос — вот полный портрет Рэвнера, управляющего фермой Джесюрона.

Он всегда носил с собой символ своей власти — длинный бич. Он не расставался с ним ни днем, ни ночью, ибо и ночью и днем находил применение гнусному орудию истязания. И жертвами его страшных ударов были не лошади, не рабочий скот, — нет, люди: мужчины и даже женщины! Пощады не было никому. С утра до вечера, а порой и ночью раздавалось его громкое щелканье. Говорили, что управляющий Джесюрона никогда не спит.

Вот и теперь он расхаживал по двору, очевидно наслаждаясь возможностью показать свою власть новоприбывшим невольникам и без всякого повода раздавая удары направо и налево.

Глава XXI

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Наступил полдень. Джесюрон с дочерью вышли на веранду и встали возле балюстрады. На их лицах, как и на лицах толпившихся за их спинами слуг, был написан интерес — очевидно, во дворе должно было произойти нечто не совсем обычное.

Внизу у крыльца находилась небольшая железная жаровня с раскаленными углями. Около нее в выжидательных позах стояли несколько негров и мулатов свирепого вида. Вот один из них наклонился над жаровней и повернул лежавший на углях железный прут. Это было страшное клеймо. Большинство темнокожих уже испытали прикосновение раскаленного металла.

Они объяснили новоприбывшим, что их ожидает, и те в молчаливом страхе следили за приготовлениями к ужасной процедуре.

Негры племени короманти не выражали страха перед тем, что должно было произойти, и беспечно болтали между собой, иногда даже разражаясь смехом, как будто им предстояло развлечение. Этих храбрых воинов, чья черная кожа была покрыта множеством шрамов от старых ран, не мог испугать простой ожог.

Вскоре началась бесчеловечная церемония. Появление Джесюрона с дочерью послужило сигналом. Бородатый управляющий знал по опыту, что и хозяин и хозяйская дочь любят присутствовать при этом чудовищном спектакле.

— Начинайте, мистер Рэвнер! — крикнул ему Джесюрон. — Сперва вот этих.

Он указал на дрожавших в углу двора негров племени эбо. По знаку управляющего, не любившего тратить лишних слов, несколько невольников Джесюрона схватили несчастных и потащили к жаровне.

Едва те увидели раскаленное докрасна железо на пылающих углях, как лица их исказил невообразимый ужас. Несколько юношей закричали и рванулись прочь; их остановили крепко державшие руки. Мольбы, жалобные взгляды были встречены жестокими шутками и взрывами хохота, к которым присоединился и сам хозяин и, увы, — сколь ни покажется это невероятным,— его дочь. Да, на лице Юдифи появилась не только улыбка — красавица звонко рассмеялась, обнажив два ряда ровных белоснежных зубов.

Пленников одного за другим подводили к жаровне, крепко держа за плечи. На мгновение в воздухе сверкало раскаленное железо и в ту же секунду с глухим стуком опускалось на влажную человеческую кожу. Слышалось шипение, кожа дымилась, воздух наполнился запахом горелого мяса. Несчастные жертвы пытались вырваться, дико кричали, но все было тщетно. Каждому невольнику, одному за другим, поставили клеймо с инициалами владельца, которое ему суждено было носить до самой могилы.

Всех эбо, получивших страшное крещение огнем, увели прочь, а на их место поставили других — несколько человек племени поупо из Видо. Они вели себя совсем иначе, чем их собратья. Они не проявляли ни особого страха, ни особого мужества. Они покорно подчинялись тому, что считали неизбежным. Им быстро поставили клеймо; ни жалобами, ни проявлениями страха — ничем не дали они повода для безжалостного глумления зрителей. За эту смиренную покорность особенно ценили невольников из Видо.

Подошла очередь короманти. Их смелая, воинственная осанка говорила о том, что они совсем не похожи ни на пугливых эбо, ни на покорных поупо. Не дожидаясь, чтобы их повели силой, они прошли вперед и подставили обнаженную грудь удару раскаленного прута, на который глядели с высокомерным презрением. Один молодой короманти даже выхватил из рук палача страшное орудие, сам прижал его к груди и держал, пока задымившаяся кожа не показала, каким глубоким получился ожог. Затем, швырнув прут обратно на угли, он пошел прочь с видом гладиатора-победителя.

Гнусную процедуру на некоторое время приостановили, но это был еще не конец драмы, а лишь перерыв после первого акта. Рэвнер поднялся на веранду и, подойдя к хозяину, сказал ему что-то вполголоса, но не потому, что боялся быть услышанным, — оба касадора в эту минуту были заняты своими собаками; негров на их глазах клеймили не впервые, и это зрелище не занимало их.

— Кого теперь? — спросил управляющий. — Мандингов?

— Их или принца, безразлично, — ответил Джесюрон.

— Начните с принца, — предложила Юдифь с улыбкой, как бы предвкушая удовольствие. — Ведите его, мистер Рэвнер. Мне любопытно, как его высочество выдержит испытание огнем.

Управляющий пошел выполнять приказание молодой хозяйки. Он пересек двор и зашел в дверь отдельного помещения, в котором находился принц. Несколько

Отец и дочь, глядя на муки своей жертвы,

минут спустя Рэвнер появился вновь, ведя за собой невольника, в котором, если бы не особое благородство черт, трудно было узнать молодого фулаха, принца Сингуеса, которого читатели видели на борту невольничьего корабля. Великолепный его наряд: тюрбан, богатая шелковая туника, сандалии, сабля — все исчезло. Он был одет теперь, как все негры на плантации, — в грубые холщовые штаны и рубаху. Вид у юноши был несчастный, но, казалось, он все же не пал духом. Он бросал на Рэвнера и Джесюрона взгляды, полные едва сдерживаемого гнева и возмущения. С губ его, однако, не сорвалось ни единого слова упрека или протеста — что толку было протестовать? Свое негодование он уже высказал тогда, когда с него срывали дорогие одежды и оружие. Теперь оставалось лишь подчиниться грубой силе.

Сингуес хранил мрачное молчание, стараясь сдержать гнев. Он еще не подозревал, что́ в этот момент го-

казалось, испытывали удовольствие.

товила ему судьба. В его клетушке не было окон, и он не видел того, что происходило во дворе. Догадываясь, что ему предстоит нечто ужасное, он все же не знал, что именно. Но он недолго оставался в неведении.

Рэвнер рванул пленника за руку и потащил его к жаровне. Над несчастным занесли раскаленный прут. Принц понял все, но не дрогнул. Он смотрел не на орудие пытки — нет, он впился взглядом в старого Джесюрона. Затем он перевел взгляд на ангелоподобного демона, стоявшего рядом. Пламенные глаза обманутого фулаха горели гневом и ненавистью. Старый работорговец отпрянул, не выдержав этого взгляда, но его дочь продолжала насмешливо улыбаться.

Мгновение — и раскаленный железный прут с шипением опустился на грудь фулаха: принц Сингуес стал рабом Джекоба Джесюрона. До его сознания как будто только теперь дошла страшная истина. С громким кри-

ком он одним прыжком очутился на веранде и вцепился в горло старика. Оба упали. Сингуес продолжал душить Джесюрона. К счастью для последнего, противник его был безоружен, но и голыми руками он прикончил бы своего мучителя, не подоспей на помощь хозяину Рэвнер и оба касадора. Но даже им едва удалось вырвать старика из крепких, как сталь, рук принца.

— Убейте его! — завопил Джесюрон, как только снова обрел способность дышать. — Нет-нет! — тут же спохватился он. — Сперва я придумаю ему наказание... И уж такое наказание, что...

— Выпороть дикаря! — крикнула прекрасная Юдифь. — Пусть это послужит примером для остальных, чтобы знали, как поднимать на нас руку!

— Да-да, выпороть! Дать ему сотню плетей для начала, слышите, Рэвнер?

— Не беспокойтесь, — заверил его достойный управляющий, стаскивая жертву вниз по ступеням. — Все сполна получит!

Последовавшая за этим расправа превзошла даже только что описанные ужасы клеймения. Молодого фулаха привязали к столбу, специально поставленному во дворе для подобных целей. Началось истязание. И, когда в воздухе просвистел последний, сотый удар, залитое кровью бесчувственное тело скользнуло к подножию столба.

Стоявшие на веранде не проявили ни малейших признаков жалости. Наоборот, и отец и дочь, глядя на му́ки своей жертвы, казалось, испытывали удовольствие. Они оставались на веранде, пока не были заклеймены все захваченные хитростью мандинги.

Глава XXII

НОЧЛЕГ В ЛЕСУ

Расставшись с прекрасной кузиной, а также с домом негостеприимного дяди, Герберт Воган углубился в густой кустарник и зашагал к правой цепи холмов. Как

ни велико было его душевное смятение, он все же подумал о том, что не следует возвращаться прежней дорогой. Он не хотел встречаться ни с кем из обитателей плантации. Оскорбленному юноше казалось, что все уже осведомлены о том, каким унижениям он здесь подвергся, какой прием оказал ему дядя. Дойдя до конца сада, он перепрыгнул через невысокую ограду и стал подниматься по лесистому склону.

Сначала он никак не мог успокоиться. В душе его боролись два чувства, столь же противоположные, как тьма и свет, горе и радость, ненависть и любовь. Но он был слишком одинок и беззащитен, чтобы долго предаваться бесплодным переживаниям — для него они были слишком большой роскошью. И понемногу буря, кипевшая в нем, утихла. Добравшись до гребня холма, Герберт, прежде чем войти в лесную чащу, начинавшуюся на противоположном склоне, обернулся и сквозь просвет между деревьями в последний раз взглянул на белые стены и зеленые жалюзи Горного Приюта. В его взгляде можно было прочесть скорее сожаление, чем досаду. И когда, наконец, он отвернулся и вступил под мрачные своды леса, на душе его стало ещё безотраднее.

Вернуться в Монтего-Бей, поискать себе там скромного пристанища, дождаться, когда вернут ему скудный багаж, все еще находящийся на пути к Горному Приюту, — таков был незамысловатый, сам собой напрашивающийся план ближайших действий. Герберт был еще слишком взволнован, чтобы обдумывать дальнейшее. Он шел по лесу, почти не замечая, куда несут его ноги. Со стороны можно было подумать, что он заблудился. На самом деле Герберт полагал, что, свернув влево, он рано или поздно выйдет на дорогу, по которой еще так недавно подъезжал к воротам Горного Приюта. Во всяком случае, он рассчитывал, что без труда разыщет речку, через которую переправлялся вброд, и, идя вниз по течению, доберется до города. Но он был так поглощен происшедшим, что действительно вскоре сбился с дороги.

Деревья скрывали от него солнце, уже клонившееся к закату. Но, если бы Герберт его и видел, он не сумел

бы найти по нему путь, так как по дороге не обратил внимания, в каком направлении от бухты лежит Горный Приют. Однако все это не слишком беспокоило молодого человека. Куда было ему спешить? Что ждало его в Монтего-Бей? Он не мог даже твердо рассчитывать на то, что там для него найдется лучшая крыша над головой, чем огромные, густые ветви гигантских сейб здесь, в лесу.

Солнце спустилось совсем низко. Герберт остановился на краю открывшейся за деревьями поляны и заметил, что небо уже начинает лиловеть. Близились сумерки. Найти дорогу в темноте не представлялось возможным, и Герберт решил переночевать в лесу. Для него было готово и ложе — под огромной сейбой мягкие, как пух, древесные семена покрывали толстым светло-коричневым ковром всю почву, и под пологом вест-индского неба это могло служить отличной постелью. Нельзя ли раздобыть здесь и ужин? Герберт сильно проголодался. Со времени завтрака, состоявшего из заплесневелого сухаря и куска свинины, он не проглотил ни крошки. Голод давал себя знать. У Герберта было с собой ружье, и он все время, пока шел, посматривал, не видно ли подходящей дичи. Попадись она ему на глаза, Герберт не упустил бы добычи — он был метким стрелком. Но нигде не было видно ни пернатых, ни четвероногих. Правда, до слуха юноши долетали незнакомые птичьи голоса и среди листвы мелькали крылатые создания с ярким оперением, но ни одна из птиц не приблизилась на расстояние выстрела.

Остановившись передохнуть, Герберт вглядывался в расстилавшуюся перед ним поляну, надеясь, что покажется какая-нибудь птица, перелетающая с дерева на дерево в поисках корма.

Наступал час, когда вылетают на охоту совы. Герберта так разбирал голод, что он готов был поужинать даже совой. Однако и совы не показывались. Но тут он вдруг заметил нечто съедобное, что сразу могло утолить муки голода.

Неподалеку от сейбы стоял другой лесной великан, не уступающий по высоте первому, но в остальном ни-

сколько на него не похожий. Прямое, как копье, дерево поднималось на высоту в добрую сотню футов. Оно было совершенно лишено сучьев, и ствол его напоминал малахитовую или мраморную колонну. И только на самом верху качались изогнутые длинные зеленые листья, похожие на пучок страусовых перьев. Даже ребенок определил бы, что это пальма, но Герберт знал больше: он сообразил, что перед ним благородная арека, которую на Ямайке называют «горной капустой». Он знал, что в самой сердцевине раскидистой зеленой кроны находится сокровище ценнее золота и алмазов, ибо оно не раз служило спасению человеческой жизни.

Но как раздобыть это сокровище? Крона пальмы находилась на недоступной высоте. Как ни молод и ловок был Герберт, как ни хорошо умел он лазить на деревья, он все же не смог бы взобраться по высокому гладкому стволу ареки. Без лестницы высотой в сотню футов об этом нечего было и думать. Но пальма стояла не одна — огромная черная лиана протянулась от земли до самой верхушки дерева. Конец лианы затерялся где-то в листьях — казалось, что огромный дракон, обвив свою жертву, пожирает ее. Герберт некоторое время разглядывал этот прочный, самой природой сплетенный канат. Вот нашлась и лестница! Голод подгонял его. Прислонив ружье к стволу сейбы, он начал карабкаться по лиане.

Без особых усилий Герберт добрался до верхушки и стал пробираться через огромные резные листья, каждый зубец которых был длиной в несколько футов. Выбрав самый молодой, еще свернутый у основания в трубочку лист, Герберт срезал ножом его верхушку, сбросил ее вниз и затем, спустившись с дерева, поужинал сырыми, но сладкими и сочными побегами «горной капусты».

Подкрепившись таким образом, он набрал охапку рассыпанных по земле пушистых семян сейбы и, уложив их между выступавшими, словно щиты, огромными корнями, устроил себе постель. Если бы не мрачные мысли, ему спалось бы на ней с таким же комфортом, как на пуховой перине.

Глава XXIII

ДЕРЕВО-ВОДОЕМ

Ночь была тепла, постель мягка. Но заботы о будущем не давали ему уснуть. Несколько раз его будили кошмары. Когда Герберт окончательно проснулся, он увидел, что воздух над его головой насыщен мягким голубоватым светом, а в колышущихся листьях трепещут первые солнечные лучи. Вокруг, в чаще деревьев, еще царил предрассветный серовато-голубой полумрак.

Не надеясь больше уснуть, Герберт поднялся со своего ложа, намереваясь немедленно отправиться в путь. Сборы его были несложны — надо было только стряхнуть приставшие к одежде шелковистые хлопья семян и, вскинув на плечо ружье, пуститься в дорогу. Но голод мучил его еще сильнее, чем накануне вечером, и, хотя сырая «горная капуста» была не слишком соблазнительным завтраком, он решил закусить ею на дорогу, благоразумно следуя пословице «Лучше синица в руки, чем журавль в небе».

Утолив голод остатками вчерашнего ужина, Герберт почувствовал, что его начинают терзать муки более сильные, чем голод, — его одолевала жажда. Она становилась невыносимой. «Горная капуста», содержащая в себе довольно едкий сок, не утолила, а только усилила ее.

Герберт хотел было поискать воду в лесу. Он надеялся найти реку. Но тут ему пришло в голову, что незачем искать воду, что она должна быть где-нибудь поблизости. Но где? Пока он не заметил ни ручья, ни источника, ни пруда, ни реки. И все же ему смутно вспоминалось, что он видел воду где-то неподалеку. Вдруг он вспомнил — он видел ее на верхушке огромной сейбы!

Накануне, взобравшись на пальму, он мельком взглянул сквозь ее листья на верхушку соседней сейбы. Как и все большие деревья тропического леса, она была сплошь увита эпифитами — ползучими растениями с воздушными корнями. Особенно разрослась, обвивая сучья в самой гуще листвы, тилландсия. Казалось, корни ее питает плодороднейшая почва — так пышна была ее

зелень. Повсюду среди широких трубчатых листьев выглядывали ярко-алые цветы с острыми лепестками. Вот в углублении этих огромных листьев с загнутыми внутрь краями Герберт и заметил вчера, как ему показалось, воду. Убедиться в этом было делом нескольких секунд — следовало только взобраться на сейбу. Весь ее ствол обвивали толстые лианы; подгоняемый жаждой, Герберт полез на дерево.

Вскоре он добрался до главной развилины сейбы, где росла тилландсия. Да, он не ошибся — в глубине широких листьев хранилась живительная влага, скопившаяся от рос и дождей. Солнечные лучи никогда сюда не добирались.

Едва Герберт коснулся одного из этих водоемов, как из него выпрыгнула зеленая древесная жаба. Перескакивая с листа на лист и не боясь упасть, так как ее лапки снабжены особыми губчатыми присосками, она скоро исчезла среди листвы. Голос этого странного создания Герберт слышал всю ночь. Когда к нему присоединялся еще целый хор подобных же голосов, Герберту вспоминались стоны, скрип и потрескивание «Морской нимфы» во время бури.

Присутствие древесной жабы в ее законном убежище не отпугнуло Герберта. Палящая жажда заставила его забыть о брезгливости; нагнувшись над листом тилландсии, он припал губами к прохладной воде и пил, не отрываясь, пока не напился вдоволь. Влезая на дерево, Герберт несколько устал и, прежде чем спуститься, решил немного отдохнуть на широком суку сейбы.

«Ну, — подумал он, — если люди тут негостеприимны, этого нельзя сказать о здешних деревьях. Вот два дерева, первые, к которым я обратился, и они дали мне все самое необходимое для существования: еду, питье и убежище. Да еще в придачу отличную постель, какую найдешь далеко не во всякой гостинице. Что еще нужно человеку? К чему стены и крыша под таким небом? Право, спать в лесу — одно наслаждение. И, честное слово, если бы не страх перед одиночеством, — ведь человек не может обходиться без общества себе подобных, — я готов был бы провести всю жизнь

в этих дивных лесах, без труда и забот. Здесь, несомненно, водится дичь, и мне говорили, что на Ямайке она не охраняется законом. Я могу охотиться сколько душе угодно... Но что я вижу? Неужели лань? Нет, это свинья. Ну да, конечно, свинья. Но почему у нее такой странный вид — острые уши, рыжая щетина, длинные ноги, клыки? Да ведь это, кажется, дикий кабан!»

Это действительно был дикий кабан ямайских лесов, прямой потомок кабана Канарских островов, завезенного сюда испанцами.

Молодой человек, никогда не видевший кабана в его естественной, природной обстановке, некоторое время еще сомневался, но уже в следующую минуту сомнения его рассеялись. Короткие торчащие уши, длинные ноги, морда и туловище, заросшие косматой щетиной, рыжей, как мех лисицы, быстрые, резкие движения, свирепые глазки — да, это был настоящий дикий кабан, а не домашнее животное. Когда он захрюкал — отрывисто, громко, свирепо, — это очень мало напоминало поросячье хрюкание на скотном дворе.

Дикий кабан! И так близко! Как пожалел Герберт, что оставил ружье внизу на земле, а сам в эту минуту сидит высоко на дереве! Но спуститься за ружьем, не спугнув зверя, было трудно: легкий шум, треснувший сучок — и кабан немедленно скроется в лесу. Герберт решил пока оставаться наверху и молча наблюдать за зверем, с которым его так неожиданно свел случай.

Глава XXIV

ОХОТНИК ЗА КАБАНАМИ

Кабан стоял под сейбой, принюхиваясь к лежавшей на земле «горной капусте» — остаткам завтрака Герберта. Дернув поросшим щетиной хвостом и отрывисто, удовлетворенно хрюкнув, зверь принялся уничтожать разбросанные листья, перетирая их могучими зубами. И вдруг, в мгновение ока, мирная картина изменилась. Кабан подпрыгнул и, подняв кверху морду, издал осо-

бый, пронзительный визг, в котором одновременно звучали тревога и угроза. Щетина на его спине встала дыбом.

Герберт посмотрел вокруг, стараясь понять, что вспугнуло зверя, и ничего не заметил. Но кабан, очевидно, что-то увидел или услышал; он уже готов был обратиться в бегство, но в то же мгновение прогремел ружейный выстрел, просвистела пуля, кабан с диким визгом перевернулся в воздухе и упал на спину. Из раны на передней ноге брызнула кровь. Однако зверь тут же снова вскочил. Ярость удержала его от бегства. Он отступил немного ближе к стволу дерева, встав как раз между толстыми корнями там, где молодой англичанин провел ночь. Тут, защищенный с боков и с тыла, грозно хрюкая, он поджидал врага.

Тот не замедлил появиться. Из лесной чащи выскочил человек, вооруженный длинным прямым ножом. Несколькими прыжками он пересек поляну и схватился с раненым зверем.

Несмотря на полученную рану, кабан был опасным противником. Требовалась исключительная ловкость, чтобы уклоняться от его страшных клыков. Враги попеременно бросались друг на друга. Охотник старался пронзить зверя длинным ножом, а кабан, раскрыв пасть, яростно кидался на противника, пытаясь проткнуть его острыми клыками.

Простреленная нога мешала зверю, но он продолжал отчаянно защищаться и нападать. Высокие корни служили ему защитой. Враги стояли прямо друг против друга. Выставленный вперед нож охотника не раз скользил по твердому черепу зверя, не причиняя ему никакого вреда, и не раз с лязгом стукался о его клыки. Битва длилась уже несколько минут. Герберт следил за ней с живейшим интересом, ничем не выдавая своего присутствия. Все произошло так неожиданно, зрелище было столь волнующим, что он забыл обо всем на свете. Но вот борьба человека и зверя подошла к концу. Охотник, обладавший, по-видимому, необычайной силой и ловкостью, пустил в ход прием, позволивший ему прикончить кабана. Прием этот таил в себе определенную

опасность и для человека, но тот был так быстр и проворен, что Герберт, сам охотник, почувствовал изумление и восхищение.

Кидаясь на противника, кабан неосторожно вышел из-под прикрытия высоких корней — вернее, охотник умышленно выманил его оттуда — и таким образом потерял выгодную позицию. Не успел еще зверь разгадать намерений врага, как охотник ринулся вперед, напряг все силы, подпрыгнул высоко в воздух и буквально перелетел через кабана, очутившись теперь позади него. Одно мгновение положение охотника казалось критическим, но он рассчитал точно: не успело рассвирепевшее животное повернуться и наброситься на него, как он взмахнул длинным ножом и всадил его по рукоятку между ребрами зверя. Взревев от боли, кабан свалился замертво. Из бока у него хлынула кровь, залив устроенную накануне Гербертом постель.

До сих пор Герберт сидел неподвижно. Теперь он решил спуститься, поздравить охотника с удачей и выразить свое восхищение его ловкостью. Но тут у него мелькнула мысль, заставившая его несколько помедлить. Уж очень необычна была внешность охотника, особенно на взгляд англичанина, незнакомого с типами и костюмами Вест-Индии. Помимо весьма живописной одежды, в лице и движениях незнакомца было действительно что-то из ряда вон выходящее.

В целом он, безусловно, производил приятное впечатление. Он не был белым, но не походил и на негра; его нельзя было принять даже за мулата. Кожа у него была почти светлой, на щеках сквозил румянец. Может быть, именно румянец и красивый разрез блестящих глаз придавали лицу особую привлекательность. Охотник был молод. Герберт решил, что они ровесники. Сходство было и в росте и в сложении, но цвет волос, цвет кожи, самые черты лица — все было иное. Лицо у молодого англичанина было овальным — у незнакомца почти круглым. Но оно не казалось ни безвольным, ни бесхарактерным благодаря твердо очерченному, решительному подбородку. Наоборот, это лицо дышало энергией и решимостью. Судя по цвету кожи, в жилах мо-

лодого охотника текла смешанная европейская и африканская кровь. О том же свидетельствовали слегка вьющиеся иссиня-черные волосы. Густую копну их прикрывал головной убор, который Герберт Воган скорее ожидал бы увидеть на Востоке, чем здесь, так как сначала принял его за чалму. Но, вглядевшись, он убедился, что это яркий клетчатый платок, ловко обернутый вокруг головы.

На охотнике было нечто вроде блузы из светло-голубой ткани. Из-под нее виднелась открытая на груди нижняя сорочка тонкого белого полотна, отделанная рюшем. Костюм довершали штаны из того же материала, что и блуза, и бурые сапоги из невыделанной кожи. С плеч охотника спускались, перекрещиваясь на груди, узкие ремни; справа на них болтались большая тыквенная бутылка, оплетенная прутьями, кожаный мешочек для дроби и изукрашенный резьбой рог для пороха. На левом боку висел на ремне второй, коровий, рог, служивший, очевидно, для других целей, так как он был открыт с обоих концов. Пониже, на бедре, висели черные кожаные ножны для оружия, по которому все еще стекала кровь убитого кабана. Оружие это — не то меч, не то охотничий нож, с длинным лезвием и роговой рукояткой — можно найти в любом доме Латинской Америки — от Калифорнии до Огненной Земли. Его называют «мачете». Даже там, где испанцев давно нет, как на Ямайке, мачете можно увидеть и в руке охотника и в руке крестьянина как постоянное напоминание о колонистах-завоевателях.

Глава XXV

БЕГЛЕЦ

Пока распростертый на земле кабан не дернулся в последний раз и не замер, охотник был слишком поглощен борьбой со свирепым зверем, чтобы обращать внимание на окружающее. Только нанеся врагу последний, смертельный, удар, он выпрямился и огляделся вокруг. В то же мгновение он заметил прислоненное к дереву

ружье Герберта и разбросанные по земле светлые листья «горной капусты».

— Ружье? — удивленно воскликнул охотник, все еще тяжело дыша. — Откуда оно? Беглый раб украл его у хозяина? Но почему он оставил его здесь?.. Да вот и он сам...

Охотник, крадучись, пробрался поближе к дереву и спрятался между его корнями. Герберт сверху хорошо видел человека, которого охотник счел за владельца ружья.

У вновь появившегося была кожа цвета меди и прямые черные волосы, растрепанные и свисающие на лоб. Лицо, чрезвычайно красивое, несмотря на темный цвет, было все в кровоподтеках; на теле виднелись следы бесчеловечных пыток. Грубая холщовая рубаха была пропитана кровью, поперек спины шли длинные алые полосы, как будто рубцы от плетей.

Человек не шел, но полз, передвигаясь, однако, с необычайной быстротой. Очевидно, его преследовали, и он принял эту позу, чтобы стать менее заметным. Добравшись до поляны, он поднялся и, пригибаясь, побежал к сейбе, на которой сидел Герберт.

Герберт подумал, что он хочет укрыться на сейбе; но охотник, который и не догадывался о сидящем на дереве владельце ружья, решил, что беглец вернулся за своим оружием.

Еще несколько секунд — и беглец добрался до подножия дерева.

— Стой! — крикнул охотник, выходя из засады навстречу ему. — Ты беглый, и ты мой пленник!

Беглец упал на колени, скрестил руки на груди и произнес несколько слов на незнакомом языке, из которых Герберт разобрал только одно — «аллах».

Охотник, по-видимому, тоже ничего не понял, но поза, жесты и выражение лица несчастного не оставляли сомнения в том, что он молил о пощаде.

— Черт возьми! — воскликнул охотник, наклонившись и вглядываясь в грудь беглеца: на ней красными рубцами горели инициалы «Д. Д.». — Не мудрено, что с таким клеймом на коже ты удрал от хозяина. Бедня-

га! Я вижу, на спине они наставили тебе клейма еще почище.

Охотник приподнял рубашку раба и некоторое время смотрел на его обнаженную спину. Вся она вдоль и поперек была покрыта багрово-красными кровавыми рубцами.

— Милосердный христианский бог! — вырвалось у охотника: он кипел негодованием. — Если так дозволено поступать по твоим законам, так уж лучше поклоняться африканским богам моих предков!

Но тут пленник вновь начал молить его на незнакомом языке. Жестами он красноречиво просил защиты от преследователей. Сочувствие на лице охотника вызвало доверие беглеца.

— Понимаю, за тобой погоня, — проговорил охотник. — Пусть только явятся сюда! На этот раз их дело не выгорит, ты им не достанешься! Правда, закон велит мне вернуть тебя хозяину... Чу! Это они! И с ними собаки. Это подлые касадоры со своими псами. Я знаю, что у Джесюрона состоит на службе два самых отъявленных негодяев. Сюда, скорее!

Охотник почти потащил за собой своего пленника и спрятал его между могучими корнями сейбы.

— Стой здесь, а я встану впереди. Вот твое ружье. Оно, я вижу, заряжено. Надеюсь, стрелять ты умеешь? Смотри стреляй, только когда будешь уверен, что не промахнешься. Нам понадобятся и пули и сталь, чтобы защититься от кровожадных псов. Им что я, что ты — все одно!.. Вот они!

Он едва успел произнести последние слова, как два огромных пса, очевидно мчавшиеся по следу беглеца, выпрыгнули из чащи по ту сторону поляны. Морды у них были словно изранены — вероятно, собак недавно поили свежей кровью. Она успела засохнуть и почернела, и от этого особенно белыми казались острые клыки раскрытых пастей. Оба пса были помесью гончей с мастифом, но по следу они шли, как чистокровные гончие. В одну секунду они домчались до сейбы, где стояли беглый раб и его защитник.

У этих псов не был развит инстинкт самосохране-

ния, они умели только отыскивать и уничтожать. Не остановившись, не залаяв, даже не замедлив бега, они оба бросились на свою добычу. Первый пес наткнулся на выставленный вперед мачете охотника, с воем свалился наземь и тут же издох. Второй пес, кинувшись к беглецу, получил в морду весь ружейный заряд и также покатился бездыханным на землю.

Глава XXVI

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СХВАТКА

Зрителю, сидевшему наверху, начинало казаться, что он грезит. За какие-нибудь двадцать минут он оказался очевидцем стольких необычайных происшествий! У себя на родине ему не довелось бы увидеть подобное и за долгие годы. Но драма, очевидно, не приблизилась к развязке. Судя по жестам беглеца и его спасителя, в ней предстоял по меньшей мере еще один акт.

Молодой англичанин резонно рассудил, что ему лучше оставаться зрителем, чем стать участником происходящей внизу вест-индской драмы. Не его дело, если какой-то меднокожий охотник убил дикого кабана, захватил беглого раба, а затем вместе с ним стал обороняться от нападения свирепых псов. Единственное, что касалось лично его, Герберта, — это бесцеремонное обращение с принадлежащим ему ружьем. Но, что говорить, он и сам охотно одолжил бы его им.

Нет, Герберт не собирался вмешиваться. Он предпочел пока оставаться на своем наблюдательном посту.

И тут появилось еще трое новых действующих лиц. Первым шел рослый чернобородый человек, в красном плюшевом жилете и высоких сапогах из конской кожи. Его спутники, худощавые и гибкие, были в клетчатых рубашках, холщовых штанах, в широкополых шляпах из пальмового листа, бросавших тень на физиономии с резкими чертами, выдававшими в них испанцев. Чернобородый нес ружье, сбоку у него висело два пистолета. Двое других, по-видимому, не имели при себе ника-

кого огнестрельного оружия, но на бедре у каждого висели ножны, а в руке сверкал мачете — точно такой же, каким только что так искусно орудовал молодой охотник.

Завидев его, вновь прибывшие остановились, и во взглядах их можно было прочесть удивление, тут же сменившееся злобой и возмущением, едва они заметили бездыханные трупы своих ищеек. Чернобородый — очевидно, начальник — первым нарушил молчание.

— Что все это значит? — гаркнул он, побагровев от бешенства. — Кто ты такой, что осмеливаешься вмешиваться в наши дела?

— Карамба! Он убил наших собак! — завопил один из испанцев.

— Дьявол! Ты заплатишь за это своей жизнью! — присоединился к нему второй, угрожающе поднимая мачете.

— Ну, и что из того, что я прикончил ваших псов? — ответил охотник с полным хладнокровием, вызвавшим восхищение у зрителя наверху. — Мне что ж, надо было дать им прикончить себя?

— Они бы тебя не тронули, — возразил один из испанцев. — Карамба! Они гнались вот за ним. Зачем ты вмешался? Чего ради ты вздумал брать его под защиту? Тебя это вовсе не касается.

— Тут ты ошибаешься, приятель, — сказал охотник, насмешливо улыбаясь. — Как же мне было не защищать его? Ведь это в моих интересах. Он — мой пленник, моя добыча.

— Твоя добыча? Это почему же?

— Ну, разумеется, моя! Как же я мог допустить, чтобы его загрызли собаки? За мертвого я получил бы всего два фунта, а за живого — вдвое, да еще за доставку. Хотя, судя по буквам «Д. Д.», за доставку заплатят немного. Ну, какие еще у вас ко мне претензии, уважаемые джентльмены?

— Что это мы слушаем тут всякий вздор? — рявкнул чернобородый. — Мне на тебя наплевать — я уже догадываюсь, кто ты такой. Но, повторяю, лучше не вмешивайся в наши дела! Я — управляющий Джесюро-

Герберт вытащил пистолет и взвел курок

на, а это его беглый раб. Он захвачен на земле его господина. Значит, ты не имеешь права считать его своим пленником и должен вернуть его нам.

— Да, черт возьми! — выкрикнули испанцы оба разом, и все трое двинулись к беглецу.

— Попробуйте! — воскликнул охотник насмешливо и сделал знак беглецу приготовиться к защите. — Ну что же вы, нападайте! Но первого, кто поднимет на него руку, я уложу на месте. Вас трое, а нас двое, и один при этом еле живой от вашей бесчеловечной жестокости.

— Трое против двух? Нет, это нечестно! — воскликнул Герберт, спрыгивая с дерева и присоединяясь к меньшинству. — Вот теперь нас поровну!

Он вытащил пистолет и взвел курок — очевидно, с твердым намерением пустить оружие в ход, как только того потребуют обстоятельства.

с твердым намерением пустить оружие в ход.

— Кто вы такой, сэр? — надменно спросил управляющий. — Кто вы такой, что нарушаете ямайские законы?

— Если я нарушил закон, то, конечно, должен буду отвечать перед судом. Но пока мне еще неизвестно, в чем состоит мое преступление, и, во всяком случае, не вы будете моими судьями.

— Вы помогаете укрывать беглого раба...

— Неправда, — прервал охотник. — Я уже поймал раба. Я уверен, что молодой джентльмен, которого я, как и вы, вижу впервые, не собирается способствовать побегу моего пленника.

— Чепуха! — заорал управляющий. — Все, что ты мелешь, — чепуха! Ты не имел права захватывать этого раба и мешать нам. Наши собаки выследили его, мы бы захватили его и без твоего участия. Это наша добыча. Я требую, чтобы ты его немедленно нам выдал!

— Как бы не так! — насмешливо отозвался охотник.

— Я требую именем Джекоба Джесюрона! Я его управляющий!

— Да будь ты хоть сам Джекоб Джесюрон — что из того? — снова ответил охотник совершенно невозмутимо и без всякой бравады.

— Значит, ты отказываешься выдать его?

— Отказываюсь, — последовал решительный ответ.

— Ну ладно, ты раскаешься в этом... И вы, сэр, также. — Управляющий бросил свирепый взгляд на Герберта. — Вы ответите перед судьей. Нечего сказать, отличное поведение для белого на Ямайке! Если появятся еще такие, как вы, то как, спрашивается, будем мы управляться с черномазыми? Но погодите, мы с вами еще встретимся!

— Не имею особого желания, — насмешливо улыбнулся Герберт. — Честное слово, мне еще не доводилось видеть более отталкивающей физиономии. Любоваться ею вторично не доставит мне ни малейшего удовольствия.

— Ах, вот вы как! — закричал управляющий. — Вы пожалеете еще, подождите! Месяца не пройдет, как вы поплатитесь за это оскорбление, будь я проклят!

И негодяй в бешенстве пошел прочь. Оба испанца последовали за ним.

— А мои собаки? — завопил вдруг один из них. — Ты заплатишь мне за них по двести песо за каждую, ни одним песо меньше!

— И гроша не дам ни за ту, ни за другую! — засмеялся охотник. — Разве я не доказал, что обе они никуда не годятся? Хвастаете своими ищейками, а взгляните-ка на них!.. Идите-ка, мои красавчики, восвояси, охотьтесь за беглыми у себя на родине, если угодно. А здесь предоставьте это тем, кто половчее вас, — нам, маронам!

Герберт заметил, что при этих словах охотник выпрямился и, гордо вскинув голову, с презрением взглянул на приунывших касадоров.

— Черт бы тебя побрал! — прошипели они и поплелись вслед за чернобородым.

Глава XXVII

МАРОНЫ

Едва все трое скрылись из виду, охотник повернулся к Герберту. В глазах его светилась признательность.

— Господин! — Он отвесил низкий поклон. — После того, что вы сделали, нельзя словами выразить вам благодарность. Если отважный белый джентльмен, рискнувший жизнью ради бесправного темнокожего, соблаговолит назвать свое имя, марон Кубина его не забудет.

— Марон Кубина? — машинально повторил Герберт, пораженный странным именем, равно как и внешностью и поведением незнакомца. — Ну, а я англичанин, и зовут меня Герберт Воган.

— Может быть, господин, вы в родстве с владельцем Горного Приюта?

— Он — мой дядя.

— Тогда едва ли вам сможет быть полезным бедный марон-охотник. Но простите за дерзкий вопрос: почему вы оказались в лесу в такой ранний час? Солнце только что показалось, а Горный Приют в трех милях отсюда. Неужели вы добирались сюда в темноте? Это не так просто в наших лесных дебрях.

— Я провел ночь в лесу, — ответил Герберт, улыбнувшись. — Я спал там, где сейчас лежит кабан.

— Значит, это ваше ружье, а не его? — Охотник кивнул в сторону беглеца.

Тот стоял в нескольких шагах от них, бросая на своих спасителей взгляды, преисполненные признательности, к которой, однако, примешивалась некоторая доля страха.

— Да, это мое ружье, — подтвердил Герберт. — Очень рад, что оно оказалось заряженным и дало возможность прикончить эту свирепую тварь. Иначе пес, конечно, перегрыз бы несчастному горло. Вид у бедняги жалкий, но оружием он владеет недурно. Кто он и что собиралась сделать с ним та троица?

— Ваш вопрос, мистер Воган, показывает, что вы чужестранец. Вы хотите знать, кто этот человек, изби-

тый до полусмерти? Я думаю, не требуется большой учености, чтобы прочитать знаки на его спине. А на груди у него клеймо «Д. Д.». Следовательно, он раб, собственность Джекоба Джесюрона. А мое мнение о Джекобе Джесюроне лучше не спрашивать.

— Что же это они с тобой сделали, бедняга? — Герберт, полный сострадания, смотрел на раба.

Тот, видя, что обращаются к нему, принялся что-то долго и горячо объяснять, но ни Герберт, ни молодой марон ничего не поняли. Герберт разобрал лишь два слова: «фулах» и «аллах», которые беглец повторял особенно часто.

— Должно быть, нездешний, как и вы, мистер Воган, — сказал марон. — Хотя, как видите, его уже успели познакомить с нашими порядками. Клеймо у него совсем свежее, кожа вокруг букв вся красная. Наверно, он совсем недавно из Африки. А знаки на спине — следы игрушки, которой так любят забавляться плантаторы, их управляющие и надсмотрщики. Его нещадно били плетьми.

Марон осторожно приподнял на беглеце окровавленную рубашку. Глазам Герберта предстала ужасная картина. Он не выдержал и, содрогаясь, отвернулся.

— Вы говорите, он из Африки? На негра он не похож.

— Не все африканцы — негры. Я думаю, он фулах.

— Фулах! Фулах! — закричал беглец и снова принялся что-то пространно рассказывать, стараясь жестами сделать свой рассказ понятнее.

— Жаль, что я не знаю его языка, — сказал охотник. — Он действительно фулах. Поэтому-то мне его особенно жалко.

Он умолк на минуту, задумавшись, потом заговорил снова:

— Не очень-то мне хочется возвращать его хозяину.

— А это необходимо?

— Да. Мы, мароны, не имеем права укрывать беглых рабов. Если откроется, что я... А ведь эти негодяи Джесюрона уже всё знают. Но мне трудно будет его выдать. Притом он так похож на нее...

— На нее? О ком вы? — с недоумением спросил Герберт.

— Прошу прощенья, меня уж очень удивило его сходство с одной девушкой... Но скажите, как вы все-таки очутились в лесу ночью? — Казалось, ему хотелось переменить тему. — Наверно, охотились допоздна и заблудились?

— Да, я действительно заблудился, но не на охоте.

— Так это остатки от вашего завтрака? — Марон указал на валявшиеся вокруг листья «горной капусты».

— И завтрака и ужина. А за питьем я взобрался на дерево, и тут появился кабан и принялся подъедать то, что осталось от моей вечерней и утренней трапезы.

Марон улыбнулся.

— Ну, — сказал он, — если вы не очень торопитесь добраться до Горного Приюта, минут через пять я смогу угостить вас кое-чем получше сырой «горной капусты».

— Нет, я не спешу туда. Скорее всего, я больше никогда туда не вернусь.

Тон, каким это было сказано, не ускользнул от наблюдательного марона. «Здесь что-то кроется», — подумал он, но деликатность не позволила ему настаивать на дальнейших объяснениях. «Меня это не касается»,— решил он про себя.

— Так не желаете ли отведать моего лесного завтрака, мистер Воган? — предложил он Герберту.

— Весьма охотно.

— В таком случае, я сейчас позвоню моим слугам.

Охотник поднес к губам украшенный резьбой рог, и по лесу прокатился протяжный, вибрирующий звук.

— Сейчас у нас будет и угощение и хорошее общество, — сказал охотник. — А вот и мои приятели! — продолжал он почти в ту же минуту. — Я знал, что они неподалеку.

Из леса с разных сторон донеслись ответные звуки рогов.

— Вот, мистер Воган, — сказал охотник скромно, но с ноткой торжества, — те трое стервятников были, в сущности, не так уж нам страшны — мои соколы нахо-

дились поблизости! Конечно, это не уменьшает моей благодарности вам. Но я знал, что трусливые негодяи дальше пустых угроз не пойдут, и не считал необходимым звать на помощь своих людей. Смотрите! Вот они!

— Кто?

— Мароны!

На дальнем конце поляны зашуршали кусты, и в ту же минуту оттуда показалось больше десятка вооруженных людей, быстро направлявшихся к месту, где стояли охотник и Герберт.

Глава XXVIII

ЗАВТРАК В ЛЕСУ

Герберт с интересом следил за приближавшимся к ним отрядом. Он состоял из десятка негров и одного или двух мулатов. Среди них он не заметил ни одного малорослого, тщедушного — все они были отлично сложены, высокого роста, сильные, мускулистые. В глазах их светилось чувство собственного достоинства. Какой твердой, какой смелой была их поступь, каким уверенным шаг! Все убеждало Герберта, что перед ним свободные и независимые люди. Во всем их обличье не было ничего рабского. И притом они были вооружены — ружьями, ножами, а некоторые — копьями. У рабов оружия не бывает. Да и снаряжение их ясно говорило, что это охотники, а если потребуется, то и воины. У каждого был рог и перекинутая через плечо сумка. И, так же как у марона Кубины, у каждого на ремне висела оплетенная прутьями тыквенная бутыль для воды. У некоторых за спиной висела небольшая корзинка из ивовых прутьев или пальмового волокна. Корзинка держалась на двух ремнях: один пересекал грудь, другой шел вдоль лба. В корзинках, вероятно, находилась провизия и все необходимое для странствий по лесу.

Костюмы их были довольно разнообразны — среди них нельзя было бы найти и двух одинаковых, — но

чрезвычайно живописны. И в то же время между ними было много общего. На головах у одних были шляпы из пальмового листа, у других — платки, свернутые в виде чалмы. Лишь на нескольких были рубахи и штаны; большинство были без рубашек. А двоим или троим единственной одеждой служила белая набедренная повязка. Но обувь имелась у всех: каменистые, усыпанные колючками лесные тропы не позволяли ходить босиком. Эта обувь у всех была одинакова: плотно охватывающие ногу сапоги из грубой рыжей кожи, щетина на которой указывала, что это шкура дикого кабана, снятая с задней ноги животного и натянутая на ногу еще теплой. Постепенно засыхая, она обтягивала ногу, как чулок. Потом ее немного подравнивали ножом, и таким образом получались своеобразные мокасины, которые снимались с ног лишь тогда, когда пронашивалась подошва: ямайскому охотнику за кабанами не приходится ежедневно надевать и стаскивать сапоги.

Неудивительно, что Герберт во все глаза смотрел на прибывших. Их мгновенный, как эхо, отклик на призыв рога и затем такое же мгновенное появление — все это произошло, как на сцене театра. Будь охотник белым, а люди, вынырнувшие из лесной чащи, одеты в зеленые куртки, молодой англичанин мог бы вообразить, что он в Шервудском лесу и перед ним Робин Гуд и его веселые товарищи [1].

— Скажи, Квэко, что там у вас в корзинах? Молодой господин еще не завтракал.

Слова эти Кубина адресовал высоченному, черному, как смоль, негру с серьезным и в то же время несколько лукавым выражением лица. По-видимому, это был помощник, правая рука Кубины, — так сказать, Маленький Джон [2] лесного отряда.

---

[1] Робин Гуд — легендарный разбойник герой английского фольклора. По преданию, жил в XII—XIII веках; стойко боролся против норманнов-захватчиков и был главарем ватаги «изгнанников» — людей, объявленных вне закона. Народные баллады рисуют Робина Гуда врагом феодалов, защитником бедняков.

[2] Маленький Джон — помощник и товарищ Робина Гуда, силач огромного роста.

— Если у господина хороший аппетит, то кое-что для него найдется.

— Так что же у вас там? Дай-ка я посмотрю, — сказал Кубина, заглядывая в корзинки. — Ага, копченый кабаний окорок! Белым господам обычно по вкусу наши копченые кабаньи окорока. Еще что?.. Связка раков. Ну что ж, не так уж плохо! О, тут еще пара голубей и дикая цесарка! А у кого сахар и кофе?

— Здесь, Кубина, — отозвался один из негров, ставя свою корзину на землю и вынимая из нее кульки с кофе и сахаром.

— Развести огонь, да поживее! — скомандовал Кубина.

Охотники достали кремень и огниво, собрали в кучу сухие листья и ветки, и вот вспыхнули искры и затрещал огонь. Воткнули в землю рядом две толстые палки с развилинами на концах, на эти развилины положили поперечную палку, и вскоре на ней повисли два котелка. Поваров было много, и приготовление завтрака отняло мало времени. Голубей и цесарку немедленно ощипали, опалили над костром, выпотрошили и бросили в больший из котелков. Раков постигла та же участь; туда же отправились и несколько кусков копченого окорока. Затем в котелок кинули пригоршню соли, бататы, несколько ломтиков банана и немного красного перца — все это было извлечено из корзин.

Сильное пламя костра быстро нагрело котел, вода в нем бурно закипела. Квэко, который, по-видимому, исполнял также обязанности шеф-повара, неоднократно попробовав содержимое котелка, заявил наконец, что перечная похлебка готова. На свет были извлечены тарелки, миски, чашки различных форм, все сделанные из тыквы. И как только Герберт и Кубина первыми получили свою порцию, остальное было разделено между другими. Не забыли и пленника. Квэко позаботился о том, чтобы тот получил свою долю. Рассевшись на земле, все с такой жадностью принялись за еду, что было очевидно, это их первый утренний завтрак.

За перечной похлебкой последовало жаркое, приготовленное из мяса только что убитого кабана. Хлеба не

было, но его отлично заменили испеченные в золе ломтики банана и бобы какао. Во втором котелке, кипевшем над огнем, варился кофе. Пили его из тыквенных чашек, но он не был бы вкуснее и ароматнее, даже если бы его подавали в чашках севрского фарфора.

Молодому англичанину очень хотелось побольше разузнать о своих лесных хозяевах, но осторожность удерживала его от прямых вопросов. Может, это просто разбойники, шайка чернокожих грабителей? Их одежда и оружие невольно наталкивали на такое предположение. Они называли себя маронами, но Герберт не знал, что это такое. «Однако если это разбойники, — думал он, — то самые добродушные разбойники на свете».

* * * * * * * * * *

Покончив с завтраком, мароны собрали всю утварь и припасы и приготовились уходить. Кабан был уже весь разрублен на небольшие части и разложен по сумкам.

Кровавые рубцы на спине беглеца Квэко смазал какой-то целебной мазью и затем жестами объяснил, что тот должен следовать за отрядом. Бедняга не только не протестовал, но повиновался с живейшей радостью. Они обошлись с ним так хорошо, что все его опасения улеглись. Мароны, из почтения к своему начальнику Кубине, к которому относились с большим уважением и которому повиновались беспрекословно, отошли немного в сторону, чтобы он мог наедине побеседовать с гостем-англичанином. Герберт, вскинув ружье на плечо, начал прощаться.

— Вы, должно быть, недавно поселились у вашего дяди, мистер Воган? — полувопросительно сказал Кубина.

— Да, — ответил Герберт, — вчера я встретился с ним впервые в жизни.

— Как! — удивленно воскликнул охотник. — Значит, вы только что приехали на Ямайку? В таком случае, мистер Воган, вы едва ли сможете сами найти дорогу в Горный Приют. Потому-то я и спросил, давно ли вы здесь. Один из наших людей проводит вас.

— Нет, спасибо. Я как-нибудь доберусь сам.

Герберту не хотелось говорить, что он не собирается возвращаться в поместье дяди.

— Дорога туда очень путаная. По ней просто идти лишь тому, кто ее хорошо знает. Вас проводят, но только не до самого дома, хотя ваш дядя позволяет нашим людям ходить по его земле, не то что другие плантаторы. А без проводника вы заблудитесь.

— Сказать вам правду, — решил признаться Герберт: — мне не нужен проводник, потому что я иду не в Горный Приют.

— Вы не хотите туда возвращаться?

— Нет.

«Вчера только прибыл, всю ночь провел в лесу и теперь не хочет возвращаться к дяде — странно!» — быстро промелькнуло в голове у Кубины. Он уже и раньше заметил на лице Герберта тень озабоченности и печали. И потом, почему у него в петлице сюртука голубая лента? Что все это значит?

Марон Кубина был в том возрасте и в том душевном состоянии, когда всякий намек на нежные чувства привлекает особое внимание. А печальный взгляд и голубой бант уже говорили о многом. Кубина знал довольно много об обитателях Горного Приюта. Не объясняется ли загадочное поведение молодого англичанина какой-нибудь семейной ссорой?

Но вежливость не позволила охотнику высказать свои догадки.

— Куда бы вы ни шли, мистер Воган, вам необходим проводник. Вокруг этой поляны широкой полосой тянутся почти непроходимые леса. Дороги здесь нет.

— Вы очень добры, — ответил Герберт, который был тронут вниманием и любезностью лесного охотника. — Мне нужно добраться до Монтего-Бей. Если кто-нибудь из ваших людей поможет мне выйти на проезжую дорогу, я буду чрезвычайно признателен. Но, к сожалению, мне нечем будет его вознаградить, кроме слов благодарности.

— Мистер Воган, — проговорил марон, вежливо улыбаясь, — не будь вы чужестранцем, я мог бы оби-

деться. Вы говорите так, будто я сейчас представлю вам счет за завтрак. Разве вы позабыли, что всего час назад подставляли грудь под дуло пистолета, защищая жизнь марона, темнокожего, отщепенца с гор!

— Простите меня. Уверяю вас...

— Ни слова больше, мистер Воган. Я вижу, ваше сердце не отравлено кастовыми и расовыми предрассудками. Сохраните его таким подольше. Встретимся мы еще или нет — помните, там, в Голубых горах, — марон показал на лиловые очертания горного хребта, видневшегося за верхушками деревьев, — живет человек... правда, с темной кожей, но умеющий чувствовать благодарность не хуже любого белого. И, если вы пожелаете почтить этого человека своим посещением, под его скромной кровлей вы найдете дружбу и гостеприимство.

— Благодарю! — воскликнул молодой англичанин, взволнованный искренностью и великодушием охотника. — Может быть, наступит день, когда мне придется воспользоваться вашим любезным предложением. Прощайте!

— Прощайте! — ответил марон, горячо пожимая протянутую ему руку. — Квэко! — крикнул он своему помощнику. — Проводи господина до проезжей дороги на Монтего-Бей... Прощайте, мистер Воган! От всей души желаю вам удачи!

Глава XXIX

КВЭКО

Герберт не без сожаления расстался с новым другом. И, пока он шел следом за Квэко, мысли его долго еще были заняты происшедшим — всем тем, что привело его к такому необыкновенному знакомству. Квэко, по натуре не особенно разговорчивый, не пытался прерывать размышления Герберта.

Они прошли уже мили две.

— Отсюда расходятся две дороги, господин, — сказал вдруг марон, остановившись. — Можно идти по любой, но вон та короче и удобнее.

— Так по ней и пойдем.

— Лучше не стоит.

— Вот как! Почему же?

— Видите вон там крышу за вершинами папайи?

— Да. Ну и что же?

— Это ферма Джесюрона. Нам тогда придется проходить мимо нее. Кто-нибудь из его людей заметит нас, а Джесюрон — мировой судья, мы можем попасть в беду.

— А, из-за этого беглого раба! Кажется, ваш начальник Кубина сказал, что раб — собственность какого-то Джесюрона?

— Больше из-за собак. Кубина имел право считать беглеца своей добычей — ведь он его поймал. Но эти проклятые испанцы поднимут шум из-за убитых псов. Они скажут, что Кубина убил их назло. И присягнут в этом. Конечно, им поверят. Все знают, что мы, мароны, не любим тех, кто вмешивается в наши дела.

— Но ведь ни ты, ни я не убивали собак!

— Ах, господин, вы помогали! Ведь убили-то вашим ружьем! Кроме того, вы встали на сторону марона.

— За свои поступки я готов отвечать перед судьей, будь то Джесюрон или кто угодно другой, — сказал молодой англичанин, уверенный в своей правоте.

— От Джесюрона справедливости ждать нечего, господин. Мой совет — держаться подальше от правосудия. А потому лучше пойти по левой дороге.

— А нам тогда придется сделать не очень большой крюк? — спросил Герберт. Доводы Квэко показались ему не слишком убедительными, и он не хотел шагать лишнюю милю.

— Нет-нет! — заверил его Квэко. Но он кривил душой: предложенная им дорога была значительно длиннее той, которая вела мимо фермы Джесюрона.

— В таком случае, — заявил Герберт, — мне безразлично. Веди по какой хочешь.

Не тратя лишних слов, Квэко двинулся вперед, по левой дороге, и Герберт так же молча последовал за ним.

Путь их лежал через сплошную лесную чащу. Порой

стоило немалого труда пробраться через колючий кустарник, порой приходилось подниматься на неожиданные кручи или спускаться со столь же неожиданных, почти отвесных обрывов. Но в конце концов они вышли на вершину гряды, и дальше дорога пошла рощами пимента, где деревья уже не стояли сплошной стеной.

С вершины хребта Герберт увидел большой белый дом с зелеными жалюзи и узнал Горный Приют. Но они направлялись не прямо к дому, а наискось к центральной аллее.

Герберт попросил проводника остановиться. Ему не хотелось выходить на аллею — он опасался встретить там кого-нибудь из слуг, которые не преминут затем рассказать об этом дяде. Поэтому он попросил Квэко взять немного правее, чтобы, миновав аллею, выйти на проезжую дорогу, не будучи замеченным никем из обитателей поместья. Квэко согласился, но с видимой неохотой.

— Надо бы держаться подальше от Джесюрона, — пробормотал он.

Они снова углубились в лес, и довольно скоро Герберт с удовольствием увидел, что они подошли к дороге на Монтего-Бей. Он больше не нуждался в проводнике, и Квэко готов был уже его покинуть, когда из-за поворота неожиданно показалось человек семь всадников. Они ехали довольно быстро, словно по какому-то важному делу. Квэко, едва завидев их, бросился в чащу, крикнув Герберту, чтобы тот последовал его примеру. Но молодой англичанин счел ниже своего достоинства прятаться и остался стоять посреди дороги. Тогда Квэко вернулся и встал рядом, вслух высказывая недовольство поведением своего подопечного.

— Мне что-то не нравится эта компания, — сказал марон, с опаской поглядывая на приближающихся всадников. — Что, если это... Так и есть! Среди них злодей Рэвнер, управляющий Джесюрона! Мы пропали! Теперь уж от них не скроешься!

Всадники подъехали ближе и остановились в двух шагах от них.

— Вот он! — закричал тот, что был впереди осталь-

ных. (По черной бороде Герберт тотчас узнал в нем Рэвнера.) — Сам явился! Ну-ка, мистер Сарпи, не теряйте времени. Посмотрим, как-то молодчик станет выворачиваться перед судом!

— Именем закона, вы арестованы! — заявил Герберту тот, кого Рэвнер назвал мистером Сарпи. — Я здешний главный констебль.

— Какое же обвинение мне предъявляется? — спросил Герберт негодующе.

— Мистер Рэвнер изложит свои обвинения перед судом. Мое дело — представить вас судье... Кто из судей этого округа живет поближе? Мистер Воган? — обратился констебль к спутникам.

Он сказал это негромко, но Герберт расслышал. Он пришел в ужас. Как! Вновь оказаться лицом к лицу с дядей, с которым у него только что произошло такое резкое столкновение? И в качестве нарушителя закона? Чтобы свидетелями его унижения были прелестная кузина и этот лондонский франт? Нет, это уж слишком!

Поэтому он вздохнул с облегчением, когда Рэвнер, к мнению которого констебль, очевидно, прислушивался, предложил отправить арестованного не к Вогану, а к другому судье, также живущему поблизости, — к Джекобу Джесюрону, владельцу Счастливой Долины. Посоветовавшись между собой, они согласились, что данный случай действительно подлежит компетенции мирового судьи Джесюрона.

Арестованных Герберта и Квэко повели под конвоем. Квэко бурно протестовал и грозил расквитаться и с Рэвнером и с констеблем, осмелившимися незаконно задержать свободного марона.

Глава XXX

ЯМАЙСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Джесюрон чинил суд на той же довольно неопрятной веранде, с которой накануне наблюдал гнусную процедуру клеймения. Но теперь он восседал в кресле за небольшим столом, покрытым зеленым сукном. На

столе лежали перья, бумага, чернильница, золотая табакерка и два толстых тома. На переплете одного из них можно было прочесть громкое название: «Ямайское судопроизводство». Черный кожаный переплет как бы символически указывал, кого главным образом касались изложенные в книге законы, ибо добрые четыре пятых всех законоположений и правил относились только к людям с темной кожей.

Ради такого случая судья облачился в парадный костюм — в синий сюртук с золочеными пуговицами, синие панталоны и высокие сапоги. Порыжевшая касторовая шляпа была снята: священное таинство судопроизводства неукоснительно требовало, чтобы даже судья обнажил голову. Однако белый полотняный колпак все-таки остался на голове почтенного мистера Джесюрона. Ямайские судьи не так уж строго придерживались буквы закона.

Нацепив очки на нос и придав своей костлявой физиономии важное, надменное выражение, судья Джесюрон выжидал, пока рассядутся по местам все участники разбирательства. Собственно, в его лице был представлен весь суд... впрочем, предстоял только «предварительный допрос». Для вынесения приговора над белым требовалось присутствие присяжных и среди них — окружного судьи. Джесюрон располагал лишь правом заключить предполагаемого преступника в тюрьму до формального судебного процесса.

Герберта подвели к столу. Позади него выстроились констебль и его помощники. Справа от него стал Рэвнер, за ним — оба касадора. Квэко оставили во дворе и без стражи, поскольку против него не было выдвинуто никакого обвинения.

На суде присутствовал и зритель. Прекрасная Юдифь не пропускала ни одного важного дела, где участвовал ее многоуважаемый родитель. Но теперь она держалась на заднем плане. Она села у окна, выходившего на веранду, и ее красивое лицо скрывалось за кисейной занавеской. Таким образом, Юдифь отлично видела все происходившее на веранде. Хотя считалось, что ее никто не видит, но ажурная занавеска не вполне

скрывала белый гладкий лоб и блестящие черные глаза, — полупрозрачная кисея делала их еще более загадочными и привлекательными.

Да прекрасная дочь Джесюрона, очевидно, и не хотела остаться незамеченной. Вместе с констеблем пришли несколько помогавших ему красивых молодых плантаторов, которым только того и надо было, что поглазеть на нее. С той минуты, когда они появились во дворе, молодая хозяйка Счастливой Долины уже больше не отходила от окна.

Но лишь когда разбирательство уже началось, она села за занавеской и принялась разглядывать присутствующих. Сперва взгляд ее, насмешливый и небрежный, блуждал от одного лица к другому, но вдруг он стал более напряженным. Презрительная усмешка исчезла с ее губ.

Кто же так привлек внимание красавицы?

Не кто иной, как сам «подсудимый», молодой Герберт Воган.

Что выражал ее взгляд? Сочувствие? Неужели в груди прекрасной Юдифи шевельнулось благородное чувство жалости к молодому незнакомцу, историю которого она уже знала от Рэвнера? Нет, ее душа едва ли была способна на высокие порывы. И, однако, в ней впервые заговорило какое-то особое, новое чувство. Она даже отдернула занавеску и во все глаза смотрела на подсудимого, нимало не беспокоясь о том, какое впечатление это может произвести на окружающих.

Джесюрон, сидевший к ней спиной, ничего не видел, но от остальных это не ускользнуло. Молодой англичанин, как ни мало он был склонен в этот момент предаваться размышлениям о чем бы то ни было, кроме своего плачевного положения, не мог не заметить прелестного лица прямо перед собой. Заметил он и взгляды, которые бросала на него красавица. «Не дочь ли это старика, сидящего за судейским столом?» — подумал он.

Рэвнер изложил суть обвинения, после чего начался допрос обвиняемого.

— Ваше имя, молодой человек? — обратился к нему судья.

Джесюрон с удивлением посмотрел на обвиняемого.

— Герберт Воган.

Джесюрон поправил очки и удивленно взглянул па обвиняемого.

Констебль и все остальные были не менее поражены. Квэко, чей огромный рост позволял ему видеть все, что происходило на веранде, удовлетворенно пробормотал что-то, услышав фамилию, хорошо известную всей округе. Но у дочери Джесюрона это имя вызвало не только удивление: черные глаза ее метнули искры, выражение сочувствия сменилось злобой. Было очевидно, что это имя ей ненавистно.

— Герберт Воган? — переспросил судья. — Уж не родня ли вы мистеру Вогану, владельцу Горного Приюта?

— Я его племянник, — последовал лаконичный ответ.

— Племянник? Да неужели? Нет, вы действительно доводитесь ему племянником?

В голосе судьи слышалась радость. Он, Джекоб Джесюрон, будет судить родного племянника Лофтуса Вогана, обвиняемого в серьезном преступлении! Вот когда представился случай поквитаться с тайным недругом, отомстить за десятки обид, которые ему пришлось вытерпеть от высокомерного, заносчивого соседа!

Работорговец потер костлявые руки, взял понюшку табаку и злорадно усмехнулся. Некоторое время он сидел молча, продолжая усмехаться, погруженный в размышления. Затем стал внимательно разглядывать обвиняемого.

— Первый раз слышу, что у мистера Вогана есть племянник. Вы приехали из Англии, молодой человек?.. А еще у мистера Вогана есть племянники в Англии?

— Насколько мне известно, я его единственный племянник — во всяком случае, в Англии.

Проницательный Джесюрон понял, что молодой человек плохо осведомлен о семье дяди.

— Давно вы на Ямайке?

— Вот уже приблизительно сутки.

— Только-то? Как же это вы не в поместье у дяди?.. Вы виделись с ним?

— Да, конечно, — ответил Герберт небрежно.

— Вы остановились у него?

Герберт промолчал.

— Вы у него ночевали? Прошу прощения, молодой человек, но в качестве судьи я обязан...

— Я готов ответить, ваша милость. — Герберт иронически подчеркнул это официальное обращение. — Нет, я не ночевал в доме дяди. Я провел эту ночь в лесу.

— В лесу?! — воскликнул Джесюрон вне себя от изумления. — Вы провели ночь в лесу?

— Да, я спал в лесу под деревом. И не могу пожаловаться на постель, — добавил Герберт шутливо.

— А дяде вашему известно, где вы ночевали?

— Полагаю, что нет. Да, я думаю, это мало его интересует, — ответил Герберт, не задумываясь над тем, какое впечатление произведут его слова.

Небрежность его тона не ускользнула от проницательного старика, и он заподозрил, что между дядей и племянником не все ладно. В его глубоко сидящих глазках вспыхнула радость. Он вдруг прекратил допрос и, зна́ком подозвав к себе Рэвнера и констебля, начал с ними шептаться.

Ни Герберт, ни остальные присутствовавшие не догадывались, о чем идет разговор, и поэтому результат его был для всех полной неожиданностью.

Когда Джесюрон вновь обратился к обвиняемому, в тоне и выражении лица старика произошла резкая перемена. Перед Гербертом был уже не сурово нахмурившийся судья, а скорее друг и покровитель — приветливый, улыбающийся, почти заискивающий.

— Мистер Воган! — Джесюрон приподнялся со своего судейского кресла и протянул обвиняемому руку. — Прошу прощения, если мои люди обошлись с вами грубо. Видите ли, в наших краях помощь беглому рабу — большое преступление. Но, раз вы приезжий и не знаете наших законов, суд должен отнестись к вам снисходительно. Да к тому же беглецу — одному из моих рабов — не удалось скрыться. Его захватили мароны, и они обязаны мне его выдать. Я ограничусь нало-

жением на вас штрафа. Вы обязаны его уплатить. А штраф вот какой: вам придется у меня отобедать. Полагаю, это достаточное для вас наказание... Мистер Рэвнер! — крикнул он управляющему, указывая на Квэко: — Отведите-ка его в дом да накормите как следует... А вас, мистер Воган, прошу пожаловать ко мне. Разрешите представить вас моей дочери.

Было бы противоестественно, если бы Герберт не обрадовался неожиданно приятному обороту дела. И предстоящее знакомство с дочерью судьи, конечно, не умалило его радости. Всякий, даже самый нечувствительный человек, взглянув на эти прелестные глаза, испытал бы желание познакомиться поближе с их обладательницей. Презрительное выражение в них давно исчезло. И, когда молодой англичанин, приняв приглашение своего бывшего судьи, пошел с ним к двери в дом, очаровательное лицо у окна засияло нежнейшей, лучезарнейшей улыбкой.

Глава XXXI

НЕОЖИДАННЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ

Таким образом, события, приведшие Герберта на скотоводческую ферму Джекоба Джесюрона, приняли совершенно неожиданный оборот. Но этим дело не кончилось. Впереди его ждало еще много сюрпризов.

Герберт был поражен. Он не понимал, почему отношение к нему вдруг так круто переменилось. Может быть, фермер-скотовод сменил гнев на милость из-за добрососедского отношения к владельцу сахарных плантаций? «Они с дядей в приятельских отношениях, вот и все», — решил Герберт.

Соображение это, однако, не было для него приятно. Напротив, Герберт чувствовал, что попал в неловкое положение. Ведь гостеприимство, собственно, оказывается не ему, а его обидчику и даже врагу, хотя он ему и родня. Дядя, конечно, не замедлит узнать всю эту историю и еще обвинит Герберта в том, что он воспол-

зовался своим родством с ним. Все это очень беспокоило самолюбивого, щепетильного юношу. Если бы еще дело касалось только дяди! Но кратковременное и малоприятное пребывание в Горном Приюте дало ему возможность познакомиться с Кэт. Ее образ не исчез из его памяти, хотя сейчас ему приветливо улыбались другие столь же алые губки и, может быть, не менее прекрасные глаза.

В его воображении Кэт стояла как живая, в ушах все еще звучал ее милый, задушевный голос. Упасть в ее мнении? Нет! Он все скажет Джесюрону, объяснит начистоту, в каких отношениях он со своим чванным родственником.

Однако только после обеда, когда дочь хозяина, улыбаясь, встала из-за стола и ушла к себе в комнату, Герберт, несколько разгоряченный вином, ничего не утаивая, рассказал Джесюрону все, что произошло между ним и дядей. Может быть, выпитое вино, которым его усердно потчевали, помешало ему заметить на лице собеседника хотя бы тень неудовольствия. Будь молодой человек понаблюдательнее, он подметил бы в лице старика даже нечто совсем иное: темные, глубоко сидящие, скрытые зелеными очками глаза сверкали радостью.

— Очень, очень сожалею, мистер Воган, — заговорил он наконец. — Искренне сожалею, что вы в таких отношениях с вашим дядюшкой. Будем надеяться, что со временем все переменится к лучшему. Я, со своей стороны, постараюсь помочь уладить эту маленькую семейную ссору. Вы не собираетесь вернуться обратно в Горный Приют?

— После того, что произошло? Никогда!

— Ну, не следует быть таким злопамятным. Мистер Воган — человек гордый и, надо признаться, поступил с вами нехорошо, очень нехорошо, но все-таки он ваш родственник.

— Он вел себя не по-родственному.

— Да-да, совершенно верно, почтенный джентльмен был неправ. Но почему же он так плохо обошелся с родным племянником?.. Да, очень печально. И что же

вы думаете теперь делать? Я полагаю, вы человек состоятельный?

— Нет, мистер Джесюрон.

— Как, у вас совсем нет денег?

— Ни гроша! — подтвердил Герберт, беспечно рассмеявшись.

— Да, это скверно. Куда же вы предполагаете направиться, раз не хотите возвращаться в Горный Приют?

— Да вот думал вернуться в город, — ответил Герберт все тем же шутливым тоном. — Я туда и направлялся, когда меня — к счастью, на полпути — перехватили ваши люди. Я говорю — «к счастью», иначе я, вероятно, остался бы сегодня без обеда и уж во всяком случае не попал бы на такой роскошный пир.

— Ну что вы, что вы! Разве мой жалкий обед может идти в сравнение с тем, какой вам подали бы в доме мистера Вогана, вашего дяди? Я ведь только бедный, скромный фермер. Но все, чем я располагаю, — к вашим услугам.

— Благодарю, — сказал Герберт. — Право, мистер Джесюрон, не знаю, как я сумею отплатить вам за ваше гостеприимство... Не буду, однако, злоупотреблять им. Я вижу по солнцу, что мне давно пора отправляться в Монтего-Бей.

Герберт поднялся, готовясь уйти.

— Что вы, куда? — Хозяин насильно усадил его в кресло. — Уж во всяком случае не сегодня. Не могу обещать вам постель столь же удобную, как в доме вашего дядюшки, но все-таки она будет получше той, на которой вы спали прошлой ночью. Ха-ха-ха! Вы проведете эту ночь под моим кровом. А вечерком Юдифь вам поиграет... Нет-нет, ни слова! Я не принимаю отказа!

Искушение было велико, и после непродолжительных уговоров Герберт сдался. Он знал, что в городе его ждет самый нищенский ночлег. Соблазняла его и обещанная музыка.

Разговор вернулся к прежней теме: как Герберт думает устроиться дальше, есть ли у него надежда получить место в Монтего-Бей и какое именно.

— Не знаю, удастся ли мне там обосноваться... Да я и сам не знаю, какого места искать, — сказал Герберт мрачно.

— У вас нет профессии?

— Увы, никакой. Отец умер, когда я еще был в колледже. А там меня обучали главным образом латыни и греческому.

— Да, от этого толку мало, — согласился практичный Джесюрон.

— Я умею немножко рисовать... Рисую пейзажи, — скромно добавил молодой человек. — Но пишу и портреты — довольно сносно. Этому я научился от отца.

— Ах, мистер Воган, на Ямайке эти таланты ничего не стоят! Здесь вам от них не будет ни малейшего проку. Вот если бы вы умели покрасить дом или фургон или написать вывеску лавочнику — дело другое. Тут можно было бы кое-что заработать, во всяком случае побольше, чем писанием портретов. А что вы скажете насчет должности счетовода?

— К несчастью, я ничего не смыслю в счетоводстве. Этой полезной специальности меня не обучили.

Джесюрон рассмеялся:

— Вы еще зелены, мистер Воган, как у нас говорят. В нашем деле на Ямайке счетоводу незачем вести бухгалтерские книги. Ему даже не приходится и браться за перо.

— Как это так? Я уже не впервые здесь об этом слышу, но не понимаю...

— Я вам объясню, мистер Воган. По закону, рабовладелец обязан на каждых пятьдесят негров держать одного белого служащего. Глупый закон, но закон. Этих белых служащих мы зовем счетоводами, хотя, как я вам сказал, никаких счетов они не ведут. Теперь вам понятно, как обстоит дело?

— Но в чем же все-таки заключаются обязанности этого так называемого счетовода?

— Зависит от обстоятельств. Присма́тривать за неграми, то да се... А знаете ли, ведь мне самому как раз нужен такой человек. Я только что купил новую пар-

тию невольников и не хочу нарушать закон. Обычно я плачу счетоводу пятьдесят фунтов в год на всем готовом, но вам, из уважения к вашему дядюшке, я эту сумму удвою. Что вы на это скажете, мистер Воган: согласны вы принять такое место?

Неожиданный оборот дела вызвал у Герберта сомнения и колебания. Впрочем, они длились недолго. У него не было ни гроша в кармане, не было даже крыши над головой — все эти обстоятельства настойчиво требовали определенного решения. Короче говоря, Герберт согласился и принял столь великодушное, как ему казалось, предложение. И с этого часа Счастливая Долина стала его домом.

Глава XXXII

ЗАБОТЛИВЫЙ ОТЕЦ

Но Джекоб Джесюрон не был способен на бескорыстное великодушие. Никогда еще не истратил он и гроша без расчета вернуть потом свое в многократном размере. Но какую выгоду мог он извлечь, оказывая благодеяния молодому англичанину — бездомному, нищему, не способному ничем отплатить за поддержку и гостеприимство? Почему он назначил столь щедрое жалованье человеку, который явно не годился для такой работы? Ведь, говоря по правде, какой надсмотрщик за невольниками мог получиться из Герберта? А именно в этом и заключается суть обязанностей «счетовода» на ямайской плантации. Несомненно, Джесюрон что-то замыслил, но, как обычно, держал свои замыслы в тайне. Даже его «драгоценная Юдифь» была не вполне осведомлена на этот счет, хотя кое-что и поняла из разговора с отцом, происшедшего на следующее утро после появления Герберта в Счастливой Долине.

— Будь полюбезнее с молодым человеком, Юдифь. Не жалей усилий, постарайся во что бы то ни стало понравиться ему.

— Почему я должна проявлять к нему какую-то особую любезность, мой достойный родитель?

— Тише, тише, Юдифь! Бога ради, тише! Вдруг он услышит! Молодой англичанин очень щепетилен. У меня есть причина добиваться его расположения.

— Потому что он племянник спесивого Лофтуса Вогана? Только поэтому?

— Тише, говорю тебе! Он в соседней комнате, может услышать. Одно неосторожное слово — и все мои планы рухнут.

— Ну, если желаешь, можем говорить шепотом... Но что ты затеял? Надеюсь, ты не собираешься передо мной скрытничать?

— Нет, конечно, нет. Все скажу, только попозже, не теперь. У меня возникла идея — блестящая идея. Если все сойдет гладко, моя Юдифь станет самой богатой женщиной Ямайки!

— Быть самой богатой женщиной Ямайки и чтобы у меня лакеем был принц — ничего не имею против. Кто не позавидует тогда Юдифи Джесюрон, дочери работорговца!

— Тсс... Помни, Юдифь, в его присутствии надо поменьше упоминать о рабах. И чтобы не вздумали на его глазах наказывать плетьми и тому подобное. Пусть сперва попривыкнет. Надо будет предупредить Рэвнера, чтобы он сдерживался. Я знаю немало случаев, когда вот такие молодые люди из-за подобной ерунды бросали место. Надо, чтоб ему вовсе не приходилось иметь дела с рабами на плантации. Я позабочусь об этом. Но помни, Юдифь: все зависит от тебя. А я знаю: ты всего добьешься, стоит тебе пожелать.

— Да о чем ты, отец?

— От тебя зависит, захочет ли Герберт Воган остаться у нас.

Эти слова сопровождались многозначительным взглядом. Но Юдифь сделала вид, что понимает их буквально.

— Я думаю, ты напрасно беспокоишься. Если он действительно так беден, как ты говоришь, он будет только рад получить выгодное место и, уж конечно, постарается удержать его.

— Как знать... Он горд и запальчив. Ведь ушел же

он от богатого дяди, да еще наговорил ему всяких дерзостей! А у самого в кармане пусто. Признаться, порядочный глупец этот родственничек Лофтуса Вогана. Надо его приручить — понимаешь, Юдифь? — приручить! Вот эта задача тебе и предстоит.

— Право, отец, послушать тебя, так можно подумать, что речь идет не о каком-то нищем юнце, а о богатом поместье, которое может принести большие доходы.

— Вот именно! Он и есть вроде как богатое поместье. Посмотрим, может...

— Если бы речь шла о госте, который осчастливил своим присутствием Горный Приют, — продолжала Юдифь, как будто не слыша отца, — если бы ты просил меня приручить владельца замка Монтегю, это мне было бы еще понятно...

Она многозначительно улыбнулась.

— Нет, Юдифь, это безнадежно.

— Что безнадежно? — резко оборвала его дочь.

— Ну, понимаешь... — замялся Джесюрон.

— Что, боишься сказать? Ничего, дражайший родитель, говори. Я и так вижу, куда ты клонишь. Ты думаешь, что у меня, дочери старого работорговца. нет никакой надежды пленить аристократа Монтегю Смизи — так, что ли?

— Ты ведь знаешь, Юдифь, Воган припасает его для своей дочки. Она, как тебе известно, считается первой красавицей, и нам нечего и думать...

— Первой красавицей? — Юдифь гордо вскинула голову и раздула ноздри. — Во всяком случае, на последнем городском балу не она была признана первой красавицей, могу тебе поручиться! И полагаю, дочь работорговца ничем не хуже дочери рабыни. В конце концов, сама-то она всего-навсего простая рабыня...

— Тише, Юдифь, об этом ни слова, даже шепотом! Ну, вдруг он услышит? Ты ведь знаешь, он ее двоюродный брат, и...

— Хотя бы и родной, что из того? — гневно прервала его дочь. Тон Юдифи ясно говорил, какую злобную зависть питает она к красоте Кэт Воган. — Будь он ее

братом, ему у нас пришлось бы не сладко. Но, к его счастью, он всего-навсего кузен. И притом рассорился с ее отцом — значит, и с ней также... А он что-нибудь тебе о ней говорил? — спросила вдруг Юдифь, и по голосу чувствовалось, что она ожидает ответа с волнением.

— О ком? О Кэт Воган?

— О ком же еще? — грубо отрезала Юдифь. — Кажется, в Горном Приюте нет другой молодой особы, о которой он мог бы говорить. Или у тебя все еще в голове эта медно-красная девчонка Йола? Разумеется, я говорю о Кэт Воган. Что он о ней рассказывал? Как ни короток был его визит, а уж наверно он успел с ней встретиться. Вы сидели за вином вчера так долго, что могли бы перебрать все местные сплетни.

Она говорила деланно-небрежным тоном, но сама от волнения наклонилась вперед, и в глазах ее была тревога, выдававшая зарождающуюся любовь.

— Да, действительно, разговор зашел и о дочери Вогана. Я сам спросил у него, какого он о ней мнения. Я надеялся, что он успел и с ней поссориться, но, увы, нет, отнюдь нет!

— А тебе-то что за дело?

— Очень даже большое дело, дочка, очень!

— Ты говоришь что-то уж очень таинственно, отец. Кажется, за двадцать лет я успела тебя достаточно изучить, но сейчас ничего не понимаю... Так что же он все-таки сказал о Кэт Воган? Видел он ее?

— Да. И говорит, она отнеслась к нему необычайно сердечно. На нее он не обижен, нет!

Ответ не доставил, очевидно, удовольствия прекрасной Юдифи. Опустив глаза, она некоторое время молчала.

— Отец, — сказала она вдруг, — что это за голубая лента у него в петлице? Ты ее заметил, конечно. Может быть, это какой-нибудь орден? Он тебе об этом ничего не говорил?

— Нет, но ленту я заметил. Это не орден. Откуда у него орден? Отец у него был нищий художник. Да ты спроси у него сама, это вполне удобно.

— Вот еще! Мне-то что за дело?

Она даже в лице изменилась, словно устыдившись, что невольно обнаружила женскую слабость, выказав любопытство.

— Да это неважно, Юдифь. Главное, если ты сумеешь понравиться ему...

— Ты что, хочешь, чтобы он в меня влюбился?

— Да, именно.

— Чего ради, скажи на милость?

— Не спрашивай пока. У меня есть определенные соображения. В свое время все узнаешь. Да, Юдифь, постарайся, чтобы он влюбился в тебя по уши.

Эта просьба не была неприятна Юдифи. Глаза ее выражали что угодно, только не возмущение. Подумав немного, она засмеялась и сказала:

— А что, если, увлекая его, я и сама попадусь в любовные сети? Говорят, иногда паук запутывается в собственной паутине.

— Ты только поймай мушку, мой милый паучок, остальное неважно. Но сперва надо поймать муху. Пусть струны твоего сердца помалкивают, пока его сердце еще не в твоих руках. Ну, а потом влюбляйся сколько душе угодно... Но тише... кажется, он идет!.. Смотри же, Юдифь, поласковее с ним, поласковее! Не жалей улыбок!

И Джесюрон пошел навстречу гостю, чтобы пригласить его в зал.

«На этот раз, достойный мой родитель... — со странным выражением глядя вслед отцу, сказала про себя красавица, — на этот раз я буду послушной дочерью. Но не ради твоих, а ради моих собственных планов — они для меня важнее. Говорят, с огнем играть опасно, но именно поэтому я буду с ним играть... А вот и наш гость! Какая гордая у него поступь! Можно подумать, что он здесь хозяин, а мой отец — его счетовод. Ха-ха-ха! Но у него в петлице по-прежнему эта голубая лента! — Красавица нахмурилась. — Почему он носит ее на груди?.. Ничего, я все разузнаю, я сорву тайну с этого шелкового лоскутка, пусть даже разорвется на лоскутки мое собственное сердце!»

Глава XXXIII

ПОЧТИ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

А в это самое время в Горном Приюте происходила сцена, поразительно похожая на только что описанную. Лофтус Воган, как и Джекоб Джесюрон, вел беседу с дочерью. Тема разговора была сходной, и родительские хитрости диктовались столь же низменными мотивами.

— Ты посылал за мной, папа? — спросила Кэт, входя в зал.

— Да, Кэтрин.

Мистер Воган говорил с дочерью непривычно торжественным тоном. Уж одно то, что отец назвал ее полным именем, ясно говорило, что он настроен чрезвычайно серьезно.

Он указал ей на кресло напротив себя:

— Выслушай меня, дочь моя. Я должен поговорить с тобой о важном деле.

Девушка послушно опустилась в кресло. На лице ее появилось то выражение, какое бывает у пациента перед врачом или у нашалившего ребенка, выслушивающего родительские нотации. Но не так-то легко было подавить присущую Лили Квашебе жизнерадостность. Напыщенность отца, вместо того чтобы настроить на серьезный лад, произвела на нее совершенно иное действие. Уголки ее губ слегка дрогнули, как будто она силилась сдержать невольную улыбку.

Отец это заметил.

— Послушай, Кэтрин, — сказал он уже тоном упрека, — я позвал тебя не для шуток. Я хочу, чтобы ты отнеслась к тому, что я тебе сейчас скажу, с полной серьезностью.

— Ах, папа, но я же понятия не имею, что именно ты собираешься мне сказать! Что случилось? Надеюсь, ты здоров?

— Мое здоровье не имеет никакого отношения к теме нашей беседы. На состояние нашего здоровья нам с тобой, слава богу, жаловаться не приходится. Но речь идет не о нем. Речь идет о нашем благосостоянии, о наших денежных делах, — ты понимаешь, Кэтрин?

Он произнес последние слова с особой внушительностью.

— Неужели, папа, у тебя денежные неприятности? Ты потерпел убытки?

— Нет, дитя мое, — отечески сказал мистер Воган. — По счастью, — а может быть, и благодаря моим стараниям, — у нас все благополучно. Нет, Кэтрин, речь идет о барышах, о выгоде, а не об убытках. И тут ты можешь мне помочь.

— Я? Что ты, папа! Я ничего, совсем ничего не смыслю в делах.

— Для тебя, Кэтрин, это не дела, а одно развлечение, — рассмеялся мистер Воган. — По крайней мере, я так надеюсь.

— Развлечение? Ах, папа, скажи скорее, какое развлечение? Ведь я до них большая охотница!

— Кэтрин, ты знаешь, сколько тебе лет?

Отец снова принял торжественный вид.

— Ну, разумеется, папа. Мне уже исполнилось восемнадцать.

— А известно ли тебе, о чем полагается думать девушке в таком возрасте?

Кэт не понимала или делала вид, что не понимает, на что намекает отец.

— Ну, Кэт, ты же отлично знаешь, что я имею в виду, — шутливо сказал мистер Воган.

— Право, папа, ума не приложу, о чем ты говоришь. Я бы сказала прямо, если бы знала. У меня нет от тебя секретов.

— Я знаю, Кэт, ты у меня хорошая дочь. Но есть девичьи секреты, которые даже отцу не открывают.

— Папа, но, право же, мне нечего скрывать. Объясни, о чем ты спрашиваешь.

— Послушай, Кэт. Обычно девушки твоего возраста... и это вполне понятно и естественно... ну, в общем, они начинают думать о молодых людях.

— Ах, вот ты о чем! Тогда могу ответить тебе: да, папа, я думаю об одном молодом человеке.

— Вот как! — Мистер Воган был приятно удивлен. — Он уже занимает твои мысли?

— Да, папа, — наивно ответила Кэт. — Я все время думаю о нем.

— Гм... — Мистер Воган несколько опешил от такой полной откровенности. — С каких же пор это началось?

— С каких пор? — повторила Кэт задумчиво. — Со вчерашнего дня — сразу, как только я увидела его после обеда.

— Во время обеда, ты хочешь сказать, — поправил ее отец. — Впрочем, очень может быть, что в первые минуты знакомства ты еще ничего не почувствовала. Это бывает. Мешает неловкость, смущение. — Отец радостно потирал руки, не замечая озадаченного выражения на лице Кэт. — Значит, он тебе нравится? Скажи, Кэт, нравится?

— Ах, папа, очень! Еще никто никогда мне так не нравился, если, конечно, не считать тебя, милый папа!

— Это совсем другое дело, глупышка. Дочерняя привязанность — одно, а любовь к молодому человеку — другое. Всякому свое. Ну. раз ты у меня такая умница, то слушай: я приготовил тебе приятный сюрприз.

— Скажи, скажи скорее, папа!

— Уж не знаю, говорить ли... — Мистер Воган шутливо потрепал дочь по щеке. — Во всяком случае, не сейчас, а то ты от радости бог знает что натворишь.

— Ну, папа! Ведь я ответила тебе на твой вопрос, теперь твоя очередь. Ну скажи, что за сюрприз?

— Хорошо, дочка, скажу. — Мистер Воган наклонился к дочери и произнес почти шепотом: — Он отвечает тебе взаимностью, ты ему нравишься.

— Боюсь, что нет, — сказала вдруг Кэт грустно.

— Уверяю тебя! Он влюблен по уши. Это было видно сразу. Слепой бы и то заметил. Но влюбленные девушки, должно быть, видят хуже слепых. Ха-ха-ха!

Лофтус Воган разразился долгим хохотом, довольный собственной шуткой. Он был в восторге. Его заветная мечта близилась к осуществлению. Монтегю Смизи влюблен в его дочь, а Кэт призналась, что неравнодушна к Смизи, что он ей нравится. Но что значит «нравится»? Она тоже влюблена, это ясно!

Насмеявшись вдоволь, Лофтус Воган снова заговорил:

— Да, детка, ты просто слепа, если ничего не заметила. Ведь по всему видно, какое ты произвела на него впечатление.

— Нет, отец, по-моему, мы произвели на него плохое впечатление. Он слишком горд, чтобы...

— Что ты еще выдумала! «Слишком горд»! Просто у него такая манера держаться. Я уверен, что он никакой гордости перед тобой не выказывал.

— Я его не обвиняю... — Кэт продолжала говорить все с той же серьезностью. — Он не виноват. Твое обращение с ним... — теперь я могу сказать тебе это прямо, папа, я знаю, ты не рассердишься, — твое обращение с ним задело его самолюбие, оскорбило его гордость.

— Ты просто бредишь, Кэт! Обойтись с ним лучше, чем я, просто невозможно! Я сделал все, чтобы оказать ему самое широкое гостеприимство. А относительно его гордости — это все чепуха. Напротив, он вел себя очаровательно. Право, трудно вести себя любезнее и обходительнее, чем мистер Смизи!

— Мистер Смизи?

Появление в эту минуту самого мистера Смизи помешало Лофтусу Вогану заметить, каким тоном дочь произнесла это имя и какое выражение было у нее на лице. Если бы разговор их не был так неожиданно прерван, мистер Воган услышал бы от Кэт совсем не то, что ожидал, и сел бы завтракать не с таким превосходным аппетитом. Повернувшись к гостю, он не только не заметил тона и выражения лица девушки, но даже пропустил мимо ушей то, что она проговорила вполголоса:

— А я была уверена, что мы говорим о Герберте!

Глава XXXIV

В ОЖИДАНИИ ЛЮБИМОЙ

После ухода Герберта и Квэко отряд Кубины по команде своего начальника разбился на группы по два и по три человека, которые разошлись в различных

направлениях, исчезнув в зеленых зарослях так же бесшумно, как и появились. На поляне остались лишь Кубина да беглец, сидевший, скорчившись, на бревне под деревом. Несколько минут предводитель маронов стоял, опершись о ружье, которое ему принес один из людей его отряда, и озабоченно смотрел на пленника. Кубину терзали сомнения: как поступить с несчастным? Это была сложная проблема. Беглец с самого начала понравился Кубине, а теперь, когда он как следует рассмотрел благородные черты молодого фулаха, для него все более нестерпимой становилась мысль, что он обязан вернуть раба в руки жестокого хозяина, клеймо которого было выжжено на груди страдальца.

Закон повелевал вернуть беглого раба господину. Несоблюдение этого закона грозило марону суровым наказанием. Были времена, когда мароны не очень-то боялись идти против властей, но теперь они утратили прежнюю силу, и, хотя еще сохраняли независимость и свои поселения в горах, им приходилось подчиняться не только закону, но и произволу любого мирового судьи. Поэтому Кубина, укрыв у себя беглого раба, подвергал опасности собственную свободу. Он отлично знал это.

— До чего похож на Йолу! — не переставал он удивляться. — Да, наверно, они одного племени. Цвет кожи, волосы, лицо — все, как у Йолы. Конечно, он тоже фулах.

— Фулах! Фулах! Не раб, не раб! — воскликнул вдруг пленник, ударяя себя в грудь.

— Не раб? — повторил за ним изумленный марон. — Кто-то успел научить его этому гнусному слову. Что он хочет мне сказать?.. Что он не раб? Странно... Ведь на нем клеймо. Может, пытается объяснить, что у себя на родине он был свободным? Бедняга, скоро он убедится, что здесь это не имеет значения. Нет, просто позор возвращать его этим зверям! — Во взгляде марона сверкнула благородная решимость. — Пожалуй, все-таки рискну, попробую помочь ему спастись. Если бы хоть не знали, что он в моих руках! Но и надсмотрщик и эти негодяи испанцы видели... Ну и пусть! Во всяком

случае, я ничего не буду делать, пока не покажу его Йоле. Если он фулах, она сумеет с ним поговорить, и все выяснится. Узнаем, кто он такой... — Тут Кубина поднял глаза и взглянул на солнце. — Скоро она будет здесь. Надо пока спрятать его куда-нибудь. Да и дохлых псов тоже. А то моя робкая пташка перепугается. Здесь пролито столько крови, всюду следы борьбы... Йола не узнает наше обычное место встреч... Послушай, фулах! — поманил он пленника. — Иди-ка сюда. Сядь вон там и сиди, пока не позову.

Пленник понял его жест и послушно спрятался между корнями. Марон, схватив за хвост сперва одного, а потом и второго пса, оттащил оба трупа в кусты. Затем, еще раз приказав фулаху сидеть тихо в своем убежище, он стал ждать Йолу.

Глава XXXV

СВИДАНИЕ ПОД СЕЙБОЙ

Тот, кого любят, может не бояться разочарования. Точно в назначенный час на поляне показалась возлюбленная Кубины. Робкой, но грациозной походкой приближалась она к сейбе. Улыбка, доверчивая и немного кокетливая, светилась в ее темных глазах, играла в уголках хорошеньких губок — все говорило об уверенности во взаимной любви. Кубина пошел навстречу девушке, и влюбленные остановились посреди поляны. Присутствие постороннего, скрытого, впрочем, от взоров, не помешало Кубине расцеловать возлюбленную и на мгновение заключить ее в объятия.

Первой заговорила Йола:

— Ах, Кубина, я должна тебе что-то сказать...

— Говори, дорогая. Что-нибудь неприятное? У тебя такой встревоженный вид.

— Плохие новости, Кубина.

— Наверно, Синтия что-нибудь тебе наговорила. Ты ее не слушай.

— Нет, Кубина, я не обращаю внимания на ее сло-

ва. Я знаю, что Синтия скверная, злая девушка. Нет, это мисс Кэт мне кое-что рассказала.

— Вот не думал, что тебя может обидеть мисс Воган! Но, милая Йола, что же все-таки произошло? Может, какие-нибудь пустяки?

— Ах, Кубина, боюсь, что нашим встречам с тобой конец...

— Что ты говоришь! Неужели мисс Кэт против?

— Нет-нет, другое. Я боюсь, что...

— Да говори же, Йола! — Кубина видел, что девушка колеблется, не решаясь договорить, и даже порозовела от волнения. — Ведь мы с тобой обручены, у нас не должно быть секретов друг от друга. Ну, что ты хотела сказать?

— Я боюсь, что-нибудь помешает нам пожениться, — еле слышно пролепетала девушка, с любовью глядя в глаза Кубины.

— Вот что тебя тревожит! Успокойся, Йола, дорогая. Я уже накопил почти сотню фунтов. Уж конечно, судья не потребует за тебя больше. — Кубина нежно взглянул на Йолу. — Но пока, увы, тобой распоряжаются другие. А от этих извергов можно ожидать чего угодно. Ах, Йола, мне даже страшно подумать, на какие злодеяния они способны! Сегодня утром я лишний раз убедился в их бесчеловечной жестокости. Я не могу забыть, что и ты во власти одного из них, и каждый час ожидания той минуты, когда я наконец тебя выкуплю, кажется мне вечностью. Я всегда боюсь: а вдруг мне что-нибудь помешает? Хотя, как я уже сказал тебе, у меня накоплено почти сто фунтов, и я полагаю...

— Милый Кубина, одной сотни не хватит! — Девушка вздохнула. — Вот это и есть мои дурные новости. Два дня назад за меня предлагали двести фунтов.

— Двести фунтов? — Марон нахмурился. Он знал, что никто не станет платить за рабыню такую сумму. Разве только красота Йолы... Он сразу почуял недоброе. — Кто?

— Тот злой старик, который купил меня у капитана корабля и продал мистеру Вогану.

— Как? Джекоб Джесюрон? Старый негодяй! Про-

клятие! Зачем ты ему понадобилась? — Лицо Кубины все более мрачнело. — И что же мистер Воган?

— Мисс Кэт не дала ему меня продать. Она сказала: «Никогда, ни за какие деньги не продам мою Йолу этому скверному человеку».

— Так и сказала? Да, если бы не она, судья не упустил бы выгодной сделки. Двести фунтов! Большие деньги. Ну что ж! Буду трудиться день и ночь, пока не соберу столько. А если судья мне откажет? Что тогда?

Кубина умолк, но, казалось, он не ждал ответа и задал этот вопрос только самому себе.

— Ничего! — На лице Кубины вновь появилось выражение надежды и непреклонной решимости. — Не бойся, Йола. Что бы ни случилось, ты будешь моей! Пусть даже нам придется скрываться. Ты уйдешь со мной в горы.

— Что ты, Кубина! — воскликнула девушка, испуганная горящим взглядом и гневным тоном возлюбленного. И как раз в эту минуту она увидела на земле лужу крови, там, где прежде лежали убитые псы. — Что это? Кровь?

— Это кровь животных, Йола. Здесь были убиты кабан и две собаки. Успокойся, родная! Тебе надо учиться мужеству, если ты решилась стать женой марона. Жизнь маронов полна опасностей.

— С тобой, Кубина, я ничего не боюсь. Я пойду за тобой куда хочешь — далеко в горы и даже на Утес Юмбо!

— Спасибо, дорогая. Как знать... может быть, настанет время — и нам придется бежать, скрываться в горах. Пока постараемся найти иной выход. Но, если твой хозяин вздумает тебя продать, для нас выбора нет: надо бежать. Ты согласна, Йола?

— Йола всегда будет рядом с Кубиной.

Обещание это было скреплено поцелуем. Помолчав немного, Кубина сказал:

— Будем надеяться на лучшее. Мои товарищи — люди надежные, они мне помогут. Наверно, я еще не скоро смогу назвать тебя своей женой, но ничего, пока будем почаще встречаться. А теперь запомни, Йола:

если какой-нибудь белый вздумает тебя обидеть или если тебя захотят продать — тогда беги на эту поляну и жди меня здесь. Я сам или кто-нибудь из моих товарищей непременно будет на месте. Я буду каждый день посылать сюда одного из наших. Не бойся, Йола, я пойду на все, я сумею защитить тебя!

— Ах, Кубина, какой ты храбрый! — восхищенно воскликнула девушка. — Ты совсем не страшишься опасностей!

— Опасность не столь велика, — заверил ее Кубина. — Если мы решимся на бегство, то не так уж трудно будет скрыться от преследования. А зато потом будем жить, не трепеща перед белыми тиранами! Но я не хочу, чтобы меня травили, как дикого зверя. Лучше всего выкупить тебя. Тогда мы поселимся неподалеку от плантации и будем жить спокойно. Как знать... может быть, со мной судья будет более сговорчив, чем со старым Джесюроном. Твоя молодая госпожа добра, она нам может помочь.

— Она меня любит, Кубина, и не захочет никому отдать.

— Она не отдаст тебя никому против твоей воли. Но если предложу тебя выкупить я — дело другое. Не признаться ли ей во всем? Впрочем, сперва я еще должен кое-что разузнать... Лучше пока не говори ей ни слова. А теперь, — продолжал марон уже другим тоном и поворачиваясь к сейбе, — я хочу показать тебе одного человека. Тебе когда-нибудь приходилось видеть беглых?

— Беглых? Нет, Кубина, никогда.

— Тут неподалеку находится беглый, я захватил его сегодня утром. Знаешь, мне кажется, он похож на тебя.

— На меня?

— Да, и поэтому мне стало особенно жалко возвращать его хозяину. Он принадлежит бессердечному негодяю, Джекобу Джесюрону. Насколько я понял, бедняга фулах — значит, твой соплеменник, и ты можешь поговорить с ним. Мне интересно узнать, кто он и как попал на Ямайку. Он вон там, за деревом.

— Ты думаешь, он фулах? — Глаза девушки загорелись, она обрадовалась возможности повидаться и поговорить с земляком.

Кубина подвел ее к дереву; беглец сидел скорчившись, укрывшись за корнями. При их приближении он поднял голову и, завидев Йолу, с радостным криком вскочил на ноги. Йола ответила ему таким же радостным криком. Обменявшись несколькими словами на незнакомом Кубине языке, Йола и захваченный им беглый раб кинулись в объятия друг друга.

Кубина застыл, онемев от удивления. Что все это значит? Кто этот человек? Йола его знает. Ее прежний возлюбленный?

В его сердце вспыхнула жгучая ревность. Но вот Йола, высвободившись из нежных объятий незнакомца, обернулась к Кубине и произнесла сразу успокоившие его слова:

— Это мой брат!

Глава XXXVI

ОХОТНИЧИЙ КОСТЮМ МИСТЕРА СМИЗИ

Вот уже несколько дней мистер Монтегю Смизи гостил в поместье Горный Приют, и хозяин не жалел ни трудов, ни издержек, чтобы доставить гостю всевозможные развлечения. К его услугам всегда были лошади для верховой езды, коляска для прогулок, в его честь давались обеды и приглашалось самое избранное общество. Вся знать города и окрестных поместий была представлена молодому богачу, владельцу огромных сахарных плантаций, к которым, как уже начали поговаривать, вскоре должно было присоединиться и соседнее, тоже немалое имение. Матримониальные планы судьи Вогана, о которых все подозревали с самого начала, стали теперь предметом самых оживленных толков. Нечего и говорить, что подобные надежды питал не один мистер Воган. Немало других плантаторов, которых судьба наградила хорошенькими дочерьми, посматрива-

ли на владельца замка Монтегю, как на весьма желанного зятя. Стараясь перещеголять друг друга, они задавали пышные званые обеды в честь молодого богача, приманивая светского льва своими невинными овечками. Столичный денди весьма благосклонно принимал все эти знаки лестного внимания, расценивая их как нечто само собой разумеющееся, как должную дань своей особе.

Так весело и беспечно прошли первые две недели пребывания мистера Смизи на Ямайке.

В одно прекрасное утро в лучшей комнате Горного Приюта, предназначенной для особо почетных гостей, неотразимый мистер Смизи прихорашивался перед зеркалом: камердинер облачал своего господина в особый туалет. В богатом гардеробе лондонского щеголя имелись костюмы на всевозможные случаи жизни: утренние, дневные и вечерние; костюм для верховой езды и костюм для прогулки в коляске; спортивный костюм для охоты пешком и особый костюм для верховой охоты; матросский костюм для катания на лодке и великолепный бальный фрак.

В описываемое утро камердинер облачал августейшую персону своего хозяина в костюм для охоты пешком. Английский сквайр или настоящий вест-индский охотник, наверно, высмеяли бы этот шутовской наряд. Он состоял из отделанной мехом куртки зеленого бархата, шапочки в форме шлема и пурпурового жилета, расшитого золотым шнуром. Высоким сапогам мистер Смизи предпочел лосины — длинные узкие панталоны из тонкой оленьей кожи палевого цвета, мягкие, словно замша. Они плотно облегали ноги, которыми, впрочем, мистеру Смизи не следовало бы особенно хвастаться. Панталоны заканчивались штрипками, застегивавшимися поверх блестящих лакированных сапожек. Да, заправский охотник только усмехнулся бы, поглядев на подобный «охотничий костюм», но сам мистер Смизи был чрезвычайно удовлетворен своим нарядом, считая его «именно тем, что требуется».

— Дьявольски удачный костюм для охоты! Как вы находите, Томс? — обратился он к лакею.

— Клянусь богом, сэр, костюм преотличный! Вы одеты, как на картинке!

Но зачем понадобился мистеру Смизи такой наряд? Куда он собрался?

Мистер Смизи решил испробовать новое развлечение: отправиться в горы с ружьем, дабы произвести смятение и опустошение в царстве пернатых. Ему говорили, что голуби и цесарки водятся здесь в изобилии.

Предполагаемая экспедиция не носила продуманного характера — нет, это была импровизация, мгновенное решение. Наш охотник отправлялся один. Судья Воган с утра уехал в город по неотложному делу, и мистеру Смизи пришло в голову, что недурно до завтрака побродить с ружьем в соседнем лесу. Для этой экскурсии ему нужен был только темнокожий проводник.

— Право... — заметил вдруг щеголь, вдоволь налюбовавшись на себя в зеркало, — право, Томс, здешние креолочки — премиленькие создания, честное слово! Таких не сыщешь ни в балете, ни в опере. Какие глаза! Какие дивные фигуры! И как нетрудно их пленить! Нет, честное слово, я уже могу насчитать по крайней мере дюжину побед! — Он самодовольно хихикнул. — Впрочем, тут, собственно, нет ничего удивительного, не правда ли, Томс?

— Совершенная правда, сэр. Такой красавец, как вы...

— Ха-ха-ха! Да, признаться, устоять им мудрено!

То ли великий сердцеед рассчитывал увеличить число своих жертв до «чертовой дюжины», то ли не был вполне уверен в окончательной победе над одной «прелестной креолочкой», но он вдруг обратился к Томсу уже в более серьезном тоне:

— Послушайте, Томс, вы малый сообразительный, — нет, честное слово!

— Благодарю вас, сэр. Находясь все время около вас, сэр...

— Да-да, конечно. И я хочу воспользоваться вашей смекалкой. Вы знаете молодую темнокожую служанку — ту, что с тюрбаном?

— Горничную мисс Воган?

— Ну да. Ее зовут не то Эла, не то Ола — что-то в этом роде. Я думаю, для вас не составит труда вступить с ней в разговор?

— Да я уж не раз с ней разговаривал.

— Отлично! При первом же случае постарайтесь кое-что из нее выкачать.

— Выкачать, сэр?

— Ну да, вытянуть из нее.

— Вытянуть, сэр?

— До чего вы бестолковы, Томс!

— Находясь все время около вас, сэр...

— Что вы хотите этим сказать? Что поэтому вы?..

— Я хочу сказать, сэр, что, находясь все время около вас, я непременно стану толковее.

— Ну, это другое дело. Но слушайте внимательнее, сейчас вы все поймете. Мне надо, чтобы вы выведали у служанки одну маленькую тайну.

— Ага, понял... — протянул Томс, приложив палец к кончику носа. — Все понял, сэр. Только — какую тайну?

— Выпытайте у нее, что она обо мне говорит, — не служанка, конечно, а ее госпожа.

— Что служанка говорит о госпоже?

— Да нет, Томс! Вы сегодня просто тупоголовы! Вы должны узнать, что молодая госпожа говорит обо мне. Обо мне — понимаете?

— Понимаю, сэр, понимаю! Все разузнаю, все до единого словечка!

— Получите гинею. А если проведете дельце ловко, то и две. Поняли?

— Это я отлично понял, сэр. Не беспокойтесь, сэр, уж я заставлю девчонку все выболтать, если даже для этого придется подергать ее за язык.

— Что вы, Томс! Никакой грубости! Помните, мы здесь в гостях, это вам не трактир. Надо не силой брать, а стратегией, как сказал Шекспир или какой-то другой писака. Стратегией добьешься большего.

После сего туманного назидания — то ли Томсу, то

ли самому себе — мистер Смизи счел разговор оконченным.

Томс подал ему охотничью шапочку — последний штрих безупречного туалета — и перекинул через плечо несколько ремешков, на которых болтались сумка с дробью, медный пороховой рожок, фляга, кружка и охотничий нож в кожаных ножнах. Вооружившись таким образом, бравый охотник величественно прошествовал в зал, очевидно надеясь застать так прелестную Кэт и поразить ее своим умопомрачительным костюмом.

Глава XXXVII

МИСТЕР СМИЗИ НА ОХОТЕ

Самодовольная улыбка, игравшая на губах мистера Смизи, когда он наконец направил свои стопы к зеленым дебрям, свидетельствовала о том, что желанная встреча состоялась и что покоритель сердец не сомневается в произведенном впечатлении. Выйдя на открытую лужайку, отделявшую поместье от лесистых склонов, он засеменил по ней, слегка приплясывая и то и дело оглядываясь, очевидно уверенный, что за ним наблюдают. Так оно в действительности и было. На него смотрели из окна Йола и мисс Воган. Обе улыбались. Что до Йолы, то мистеру Смизи было, конечно, совершенно безразлично, какое впечатление он произвел на служанку. Главное, что в глазах ее госпожи он, как ему казалось, прочел восхищение. Правда, на таком расстоянии — он отшагал уже сотни три ярдов — нельзя было утверждать это с полной уверенностью, но Смизи почти не сомневался, что мисс Кэт смотрит на него с обожанием. Будь он поближе к дому, он, пожалуй, усомнился бы в этом. А если бы замечание Йолы и веселый, звонкий смех Кэт достигли его ушей, его сомнения перешли бы в неприятную уверенность.

— Вы только взгляните, мисс Кэт, какой важный вид у мистера Смизи! Настоящая ворона в павлиньих перьях!

Но наш охотник ничего этого не слышал. Он уходил все дальше, сохранив свое приятное заблуждение. За ним шел слуга — чернокожий мальчуган, весь наряд которого состоял из длинной холщовой рубахи; на плече у него висел огромный ягдташ, болтавшийся чуть не до колен. Это был наш старый знакомый Квеши, грум, гонец, почтальон и все прочее. В данной экспедиции на Квеши была возложена обязанность проводить молодого господина в места, особенно славящиеся обилием дичи, и затем таскать за охотником переполненную добычей сумку. На охоту за голубями и цесарками собаку с собой обычно не брали, и поэтому Квеши должен был также находить и приносить охотнику убитую птицу.

Ретивый охотник отшагал уже добрую милю через кусты, леса и долы. Квеши следовал за ним неотступно, как тень. Но в ягдташ пока еще не попала ни одна жертва. Голуби были пугливы, а цесарок нигде не было видно. Только иногда вдали слышался их пронзительный крик, напоминающий визг пилы, и охотник, надеясь добраться до них, все больше углублялся в лесные дебри.

Они прошли еще милю, истек еще час времени — все никаких результатов. Правда, было сделано несколько выстрелов по голубям. Но, надо полагать, густое оперение на красных грудках красивых птиц было крепче настоящей брони, — во всяком случае, двустволка лондонского щеголя не причинила им ни малейшего вреда.

Еще миля, еще час — ягдташ по-прежнему оставался пустым. Неуспех, однако, не помешал охотнику изрядно проголодаться, и к концу третьей мили он начал испытывать настоятельную потребность заполнить неприятную пустоту в желудке. Мистер Смизи знал, что Квеши несет завтрак, приготовленный заботливым дворецким Горного Приюта. Настало время подкрепиться. Усевшись в тени развесистого дерева, мистер Смизи приказал Квеши подать завтрак.

Это приказание Квеши не нужно было повторять дважды. Раздутые бока увесистой сумки говорили, что и ему будет чем поживиться от господского завтрака. Уж конечно, здесь хватит на двоих, да еще и останется.

Вывернув сумку, Квеши вывалил на траву все разом: каплуна, ломти хлеба, ветчину, копченый язык, соль, перец и горчицу. На самом дне сумки оказалась бутылка кларета. Если прибавить к этому флягу с коньяком, которая висела на боку мистера Смизи, живительной влаги было вполне достаточно, чтобы запить всю эту вкусную снедь.

На свет появились нож и вилка. Этими орудиями, в отличие от ружья, мистер Смизи владел в совершенстве.

В два счета каплун был разрезан на аккуратные порции, и почти столь же молниеносно все они, одна за другой, исчезли во рту мистера Смизи. Туда же отправились толстые ломти ветчины и копченого языка.

Квеши не получил приглашения разделить завтрак. Он сидел у ног господина и грустно следил за каждым его движением. Жевательные способности лондонского щеголя оказались столь необыкновенными, что взгляд Квеши выражал все большее удивление и тревогу. Он начинал опасаться, что для него ничего не останется. Исчезла уже половина каплуна, а с ним почти вся ветчина и прочая снедь.

«Проклятый обжора подберет все до крошки и вылакает все до капли!» — мрачно подумал Квеши, увидя, как охотник единым духом осушил стакан кларета. Вместительный желудок мистера Смизи легко принял и вторую такую же порцию. Утомительный путь и жара пробудили у охотника сильную жажду.

К полному отчаянию Квеши и немалой досаде самого мистера Смизи, остатки кларета постигла плачевная участь. Ставя бутылку на землю, мистер Смизи проделал это так неловко, что она опрокинулась и содержимое ее вылилось на траву.

Да, терпение и добродушие Квеши были подвергнуты слишком жестокому испытанию. Но вот наконец мистер Смизи утолил и голод и жажду, и остатки, еще довольно внушительные, перешли в распоряжение Квеши. Он не замедлил приняться за них с настоящим остервенением — можно было не сомневаться, что в дальнейшем ягдташ уже не будет тяжелой обузой, если

Еще миля, еще час — ягдташ по-прежнему оставался пустым.

только, конечно, охотничьи успехи Смизи после завтрака не окажутся более значительными.

Пока Квеши расправлялся с остатками завтрака, мистер Смизи, чувствуя после кларета особый прилив энергии, решил немного побродить по лесу в одиночку. Терять времени больше было нельзя. Его уже начинала пугать перспектива появления в Горном Приюте с пустым ягдташем. Такой великолепный костюм, такое торжественное отбытие — и такое плачевное возвращение! Нет, это слишком унизительно! Он принял твердое решение во что бы то ни стало добиться успеха. Нацепив на себя ремни с пороховым рожком и сумкой с дробью и вскинув на плечо ружье, охотник удалился, предоставив юному проводнику обгладывать косточки каплуна.

Глава XXXVIII

ИНДЮК

Вероятно, святой Губерт, покровитель охоты, принял пролитое на землю вино за жертвенное возлияние в свою честь и решил вознаградить охотника. Не успел мистер Смизи отойти и на двести шагов, как взору его представилось приятное зрелище: на самом верху сухого дерева со сломанной вершиной сидела большая птица. Сперва он принял было ее за цесарку, но, заметив темно-бурое оперение птицы, понял, что ошибся. На голове и шее перья у нее вовсе отсутствовали, как у индюка. Да, птица весьма напоминала этого всем хорошо знакомого представителя пернатых.

— Индюк! — не удержался Смизи от восклицания. — Нет, честное слово, это дикий индюк!

Лондонскому денди приходилось слышать, что в Америке водятся дикие индейки. А раз Ямайка — это часть Америки, то, значит, они водятся и на Ямайке. Не давая себе труда убедиться в правильности своих умозаключений, Смизи, глубоко убежденный, что перед ним дикий индюк, решил взять его хитростью.

Дерево стояло на краю небольшой полянки, шагах в

ста от Смизи. Желая действовать наверняка, наш охотник быстро опустился на колени и проворно, но соблюдая всяческие предосторожности, пополз вперед. Он хотел подобраться к индюку поближе, шагов на семьдесят... Тогда уж его ружье промаха не даст.

С большим ущербом для своих палевых лосин Смизи одолел наконец шагов тридцать. Индюк, не шевелясь, сидел на прежнем месте.

Ружье поднято, щелкает курок, гремит выстрел. Птица переворачивается в воздухе и исчезает. Ликующий охотник устремляется к дереву подобрать добычу.

Но что это? Где же птица? Неужели не убита, а просто улетела? Нет, не может быть. Ведь он своими глазами видел, как индюк упал, словно камень. Конечно, убит наповал! Не мог же он вдруг ожить?

Мистер Смизи облазил соседние заросли вдоль и поперек, обойдя вокруг ствола по крайней мере раз десять, исследовав каждый кусочек площади шагов на двадцать от дерева. Все тщетно! Индюк как сквозь землю провалился. Если бы злополучный охотник хоть сколько-нибудь сомневался в том, что действительно подстрелил его, он скоро отказался бы от дальнейших поисков. Но Смизи был абсолютно уверен, что не промахнулся. С упрямой настойчивостью он продолжал разыскивать своего индюка. Он решил осмотреть все вокруг до последнего камешка, до мельчайшей щепки и громко позвал Квеши.

Несмотря на неоднократные призывы, Квеши не появлялся. Мистер Смизи вынужден был прийти к выводу, что его чернокожий проводник либо заснул, либо ушел с места привала. Охотник уже подумывал отправиться на розыски Квеши, но тут его осенила догадка, куда могла исчезнуть птица.

Дерево, на котором сидел индюк, было сломано на высоте пятнадцати футов и напоминало уцелевшую башню разрушенного замка. Оно было сплошь опутано густой сеткой листьев множества вьющихся растений. Только на самом верху сквозь листву виднелся сам ствол. «Именно там, а не внизу, — решил Смизи, — и лежит убитая птица!»

Это было вполне правдоподобно, так как диаметр ствола достигал футов пяти — шести. Смизи решил немедленно удостовериться в правильности своей догадки. Разумеется, он охотнее поручил бы это Квеши, но чернокожий помощник отсутствовал, приходилось действовать самому.

От низа до самой верхушки по стволу тянулись лианы, толстые, как канаты. Вот удобная лестница! Хотя столичный франт не умел лазить по деревьям и вообще не отличался особой ловкостью, данная задача показалась ему не очень сложной. Скинув ружье, он начал карабкаться по лианам. Дело оказалось не столь легким, как он предполагал. Но, подгоняемый желанием положить наконец что-то в пустой ягдташ, Смизи напряг все силы и успешно добрался до цели.

Да, он оказался прав: птица была там, только не на стволе, а внутри — в углублении, образовавшемся в выгнившей сердцевине. Охотник не удержался от радостного восклицания. Добыча в руках! То есть стоит только протянуть руку...

Он опустился на колени и сунул руку в углубление, вытянув ее во всю длину. Однако он не смог коснуться птицы даже кончиками пальцев.

Впрочем, это его не обескуражило. Надо просто спуститься за птицей самому — до нее не больше четырех футов, а углубление достаточно широко.

Не раздумывая долго, Смизи встал во весь рост и прыгнул. К сожалению, он не вспомнил в эту минуту мудрый родительский совет, который дала старая лягушка молодому лягушонку: прежде чем прыгнуть, подумай!

Прыжок, совершенный мистером Смизи, оказался для него роковым. Дно углубления, где лежала птица, выглядевшее вполне прочным и надежным, оказалось трухлявым. Вся сердцевина дерева совершенно сгнила. На поверхности этой кучи трухи, мусора и пыли могла удержаться птица, но не человек. Владелец замка Монтегю исчез в бурых облаках пыли столь же мгновенно, как если бы прыгнул с реи «Морской нимфы» в самую пучину Атлантического океана.

Глава XXXIX

СМИЗИ В ДУПЛЕ

Как ни стремительно было падение, как ни темна поглотившая его «пучина», охотник оказался жив и даже не очень пострадал. Труха, в которую он провалился, задержала падение, и на самое дно он опустился довольно мягко. Но, оставшись в живых и даже не оглушенный падением, Смизи на некоторое время совершенно потерял способность мыслить и двигаться.

Мало-помалу он пришел в себя и сообразил, что остался цел и невредим и отделался одним испугом. Прежде всего он постарался высвободить ноги, так как, падая, ухитрился согнуться почти пополам. Приняв после некоторых усилий вертикальное положение, Смизи устремил глаза вверх, туда, откуда проникал к нему слабый свет.

Он не сразу понял, где находится. Вокруг плавала такая густая пыль, что он почти ничего не видел. Она набилась ему в рот и в нос и заставила отчаянно чихать. Но вот тучи пыли понемногу улеглись, и Смизи смог осмотреться. Над головой он видел светлое круглое пятно — это был кусочек неба. Вокруг стояли темно-бурые стены, уходящие в высоту на много футов. Смизи находился внутри ствола, и его окружала трухлявая, полусгнившая древесина.

По мере того как у него прояснялось в голове, он все четче представлял себе постигшую его неудачу. Сначала он не был склонен считать происшедшее большой бедой. Он даже готов был посмеяться над комизмом своего положения. Только попытавшись выкарабкаться наверх, Смизи понял, насколько это трудно. Его охзатила тревога. Вторая попытка оказалась не удачнее первой. Также и третья, и четвертая, и пятая. После шестой попытки Смизи уселся на кучу трухи. Его охватил неописуемый ужас. Все яснее сознавал он безвыходность своего положения. Нет, это не просто маленькая неприятность, смешное приключение. Это даже нельзя назвать неудачей. Ему грозила смертельная опасность. Вот к какому малоутешительному выводу пришел постепенно наш

злополучный охотник. Если он сам не выберется из этой темницы, в которой он очутился из-за неосторожности, кто выручит его из беды?

Рассчитывать на Квеши нечего было и думать. Темнокожий проводник не откликнулся на его зов и, значит, либо спит, либо ушел. А если не Квеши, то кто другой разыщет его? Кто может очутиться здесь поблизости, кто придет на помощь?

Никто! Сгнившее дерево, в дупле которого находился Смизи, стояло в самой гуще леса. Вокруг была сплошная чаща и ни единой тропинки поблизости. Пройдет месяц, прежде чем кто-нибудь случайно забредет в эти места. А уже через неделю Смизи не будет в живых. Да, через неделю, а то и раньше он умрет от голода!

Смизи охватил такой неудержимый страх, что он перестал что-либо соображать и погрузился в мрачное оцепенение.

Но человеку свойственно надеяться до конца. Инстинкт самосохранения, присущий и низшим животным, подстегнет даже самого слабого духом.

Поднявшись на ноги, незадачливый охотник снова стал карабкаться по отвесным стенкам дупла, но и эта попытка не увенчалась успехом. Но тут он заметил, что больше всего ему мешают его собственные узкие палевые лосины, прилипшие к покрывшейся испариной коже, штрипки, туго охватывающие сапожки, а также сами сапожки. Необходимо было избавиться от всех этих помех. Это не казалось трудным.

Но на деле вышло иначе. Узкое пространство не давало возможности наклониться, чтобы расстегнуть штрипки. А с пристегнутыми штрипками нечего было и думать снять сапоги. Смизи попробовал сесть по-турецки, скрестив и поджав под себя ноги, но штрипки при этом натянулись так туго, что расстегнуть их уже не было никакой возможности. Слабым, изнеженным пальцам денди это оказалось не под силу.

«Нужда — мать всякой выдумки» — гласит пословица. Она оказалась справедливой и в данном случае. Мистер Смизи сообразил, что вместо штрипок можно

расстегнуть подтяжки и таким образом вовсе избавиться от панталон.

Он снова встал на ноги, но тут ему пришла в голову еще более блестящая мысль. Что, если обрезать лосины повыше колен? Тогда легко будет избавиться разом и от них, и от сапожек, и от штрипок. Охотничий нож Смизи остался на траве возле фляги с вином, но, по счастью, у него в жилетном кармане оказался перочинный ножик.

Палевые лосины были обрезаны. Упираясь то носком, то пяткой, Смизи сумел освободиться от всего, что ему мешало, и остался в одних носках. Он недолго бездействовал. Страх подгонял его. Опять Смизи полез по стенке дупла, но, увы, после неоднократных и равно бесплодных попыток он пришел к ужасному выводу, что таким образом ему отсюда никогда не выбраться.

Он никак не мог преодолеть последних четырех футов: верхняя часть стенок, которая давно уже была открыта действию ветра и воды, стала совершенно гладкой, а недавние дожди сделали ее к тому же влажной и скользкой, и каждая попытка кончалась тем, что Смизи снова летел вниз.

Эти повторяющиеся падения измучили и оглушили его: он падал с довольно значительной высоты, футов в десять — одиннадцать. Если бы не мягкая труха внизу, смягчающая удар, одного такого полета было бы достаточно, чтобы Смизи переломал себе руки и ноги. Он окончательно пал духом. Отчаянию его не было границ.

Глава XL

ТРОПИЧЕСКИЙ ЛИВЕНЬ

Когда несчастный мало-помалу снова пришел в себя, мысли его приняли иное направление. Он уже больше не пытался выкарабкаться наружу, ибо предыдущий опыт убедил его в полной невозможности этого. У него оставалась лишь надежда, что близ дерева его разыщет Квеши или какой-нибудь случайный путник. Шансы на

это, разумеется, невелики. Даже если кто-нибудь пройдет мимо дерева — кому придет в голову, что ствол внутри полый и в нем сидит человек? Кто догадается, что в этом деревянном саркофаге заживо погребен Смизи?

Прохожий может заметить лежащее возле ствола ружье. Но разве это поможет ему сообразить, где находится хозяин ружья? Но если его, Смизи, нельзя увидеть, то можно услышать!

Едва это соображение мелькнуло у него в голове, как Смизи тут же принялся вопить во всю силу легких. Он горько пожалел, что не додумался до этого раньше. Может быть, за это время кто-нибудь уже успел пройти мимо...

Смизи испускал непрерывные громкие вопли, чередуя отрывистые, резкие выкрики с протяжным завываньем. Добрый час тянул он свою унылую арию, но единственным ответом было лишь эхо его собственных стенаний, гулко разносившееся в пустом дупле. Печальное соло из стонов и воплей изредка прерывалось паузами: страдалец прислушивался, не откликнется ли кто-нибудь на его зов. Но никто не откликался.

Новое обстоятельство сделало его положение еще более плачевным. Небо над его головой затянулось тяжелыми свинцовыми тучами, и вдруг хлынул дождь.

Это был тропический ливень, когда вода падает не отдельными каплями, а сплошным, непрестанным потоком, словно выплеснутая из ушата. От ветра Смизи был вполне защищен, но крыши над ним не было, и дождь лил прямо на его голову. Казалось, в дупло направлена струя насоса. Вверху дупло несколько расширялось и поэтому, как воронка, собирало воду. Если бы она не уходила сквозь труху дальше, в землю, то жизнь мистера Смизи окончилась бы раньше, чем он успел бы умереть с голоду.

Утонуть он не утонул, но выкупался изрядно. На нем не осталось ни одной сухой нитки. Бархатная охотничья куртка, пурпуровый жилет и то, что осталось от лосин, — все намокло, пропиталось влагой, как губка. Даже бачки и закрученные кверху усики промокли и

грустно повисли. По ним ручьями стекала вода. Надо было обладать сильным воображением, чтобы в этом унылом, насквозь промокшем, дрожащем существе узнать элегантного охотника мистера Монтегю Смизи, которого мы видели утром.

Сколь ни мрачен был его вид, мысли его были еще мрачнее, еще трагичнее. Его разбирала злость — он бесился на судьбу, на Квеши, на мистера Вогана, давшего ему такого нерадивого проводника. Он изрыгал самые яростные проклятия. Да, в этот критический момент владелец замка Монтегю, тонный щеголь Смизи, бранился самым непристойным образом, понося на чем свет стоит и Квеши и его хозяина. Досталось и голубям, и цесарке, и деревьям, и диким индюкам, и самой Ямайке!

— Треклятый островишко! — кричал он в исступлении. — Какого дьявола меня на него понесло!

Ах, чего бы он только не дал сейчас, чтобы снова очутиться в любезной его сердцу столице! С каким восторгом променял бы он свое теперешнее место заключения на самую худшую камеру лондонской тюрьмы! Бедняга Смизи! Он не знал, что впереди его ждут новые испытания, по сравнению с которыми теперешние его горести — ничто. Только когда что-то скользкое проползло у него по ногам и начало обвиваться вокруг лодыжек, когда Смизи почувствовал сквозь тонкие шелковые носки холодное прикосновение, — только тогда он испытал подлинный ужас. В мгновение ока он вскочил и подпрыгнул так стремительно, словно наступил на горячие угли. Но прыжок мало помог, ибо в следующий момент Смизи снова очутился на прежнем месте и почувствовал под ногами скользкое извивающееся тело змеи.

Глава XLI

ОПАСНЫЙ ТАНЕЦ

Не оставалось никаких сомнений — он стоял на змее; вернее — танцевал на ней. Чувствовать, что под ногами у тебя извивается сильное, мускулистое тулови-

ще чешуйчатой рептилии, и оставаться спокойно на таком пьедестале было бы противно человеческой природе. Смизи отчаянно подскакивал, каждое мгновение ожидая, что в ногу ему вопьются острые ядовитые зубы. Если бы кто-нибудь видел его в эту минуту — его побелевшее от ужаса лицо, вылезающие из орбит глаза!..

На мгновение в его душе мелькнул легкий луч надежды. Смизи вспомнил, что ему говорили, будто на Ямайке не водятся ядовитые змеи. Но это было слабое утешение. Пусть змея не ужалит, но она все же может укусить! Только представить себе, каков будет укус чудовища, покрывающего своими кольцами все дно дупла!

А что, если это не одна, а несколько, целое семейство змей свивается под его ногами в кольца и восьмерки? Тогда они искусают его всего, разорвут на клочки и сожрут. Какая разница, ядовиты они или нет? Не все ли равно, умереть от змеиного яда или от змеиного укуса?

Смизи не ошибся: под ногами у него шевелился целый клубок змей. К его счастью, змеи были сонные, а то не миновать бы ему их зубов. Отвратительные пресмыкающиеся были погружены в спячку, от которой их только что пробудил дождь, проникший в их разрушенное логово. Они были еще совсем вялы после сна и не разбирали, где друг и где недруг. Вот почему шелковые чулки и ноги мистера Смизи пока оставались в целости. Но охвативший его ужас от этого не становился меньше.

Было только одно средство спастись от змей: вскарабкаться как можно выше по стенке дупла. Смизи высоко подпрыгнул, стряхнув с себя змеиные кольца. Несколько секунд царапанья и карабканья — и ему удалось подняться футов на десять. Присев на небольшой выступ и упершись обеими руками и ногами в противоположную стенку, Смизи делал отчаянные усилия удержаться...

Это было мучительно трудно и не могло долго продолжаться, что он, к своему ужасу и понимал. Силы его быстро иссякнут, ноги затекут и онемеют, и тогда он сорвется и неизбежно упадет на чудовищ внизу. На этот

раз они, возможно, не так миролюбиво примут его появление и, не мешкая, пустят в ход зубы.

Такая страшная перспектива заставила Смизи напрячь все силы, чтобы удержаться. Почувствовав, что они тают и что он сейчас сорвется, Смизи испустил душераздирающий вопль.

Этот крик спас ему жизнь, ибо в тот же миг над отверстием дупла показалось нечто, что дало нашему герою силы продержаться еще секунду, хотя пальцы ног его, казалось, вот-вот вывернутся из суставов... Сперва Смизи различил только невероятно широкую, черную, как уголь, физиономию и на ней пару блестящих глаз с желтоватыми белками. Потом он увидел осклабившиеся лиловые губы и два ряда необыкновенно крупных зубов. В затуманившемся сознании Смизи пронеслась мысль, что его окружили демоны: внизу — в образе змей, а наверху какое-то иное устрашающее исчадие ада. Но он все же предпочел это последнее. Как-никак, черное страшилище по образу и подобию походило на него больше, чем извивающиеся рептилии. И, когда в дупло просунулась огромная, мускулистая черная ручища, Смизи не отверг ее, но, жадно схватившись за эту гигантскую лапу, стремительно взлетел наверх, словно на качелях. И вот Смизи снова на свободе!

Ослепленный ярким солнечным светом, он не смог разглядеть, кто стоит с ним рядом, но зато тут же почувствовал, что неведомое чудовище вновь хватает его одной рукой и легко, словно перышко, опускает к подножию дерева. Оказавшись на земле, Смизи постепенно освоился с ярким светом и разглядел своего спасителя. Перед ним стоял черный как смоль негр, настоящий колосс, почти совершенно нагой. На голой груди его и плечах перекрещивались ремни и ремешки с охотничьим рогом, сумкой с дробью и еще какими-то непонятными предметами. На голове у негра был довольно странный головной убор, состоящий из тульи старой касторовой шляпы, надвинутой до ушей, что придавало его физиономии комичный вид. Негр выглядел весьма внушительно, и Смизи показалось, что перед ним чело-

век не совсем обыкновенный. Так это и было на самом деле, ибо спасителем благородного Монтегю Смизи оказался не кто иной, как наш старый знакомый Квэко. Но Смизи никогда и не слыхал о маронах. Его начало тревожить опасение: уж не попался ли он в лапы разбойника? Впрочем, пусть даже так — Смизи истратил весь свой страх на змей. Увидев, что негр благодушно осклабился и не проявляет никаких враждебных намерений, Смизи поведал ему обо всех своих злоключениях. Едва он окончил рассказ, Квэко, не говоря ни слова, полез обратно на дерево.

Обвязав вокруг ствола веревку, он ухватился за ее конец и бесстрашно спустился в темное змеиное логово, откуда только что с таким восторгом выбрался Смизи. Через полминуты на верхушке ствола появилось что-то блестящее — длинная, золотисто-желтая змея. Извиваясь и корчась, она несколько секунд висела на краю дупла, а затем гулко шлепнулась оземь. Ее крупные размеры и ярко-желтые и черные полосы не оставляли сомнения в том, что это ямайская желтая змея.

Следом за ней из дупла вылетела и вторая точно такая же рептилия, за ней третья, и еще, еще, пока на траве у дерева не оказалось больше десятка этих отвратительных созданий. Совершенно ошарашенный Смизи постарался держаться от них подальше.

Когда из дупла была выброшена последняя змея, оттуда вдруг вылетел какой-то грязный, бурый, бесформенный предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся одним из щегольских сапожек мистера Смизи; на сапожке все еще болтался обрывок лосины со штрипкой. За первым сапожком появился и второй, а напоследок шлепнулся в траву индюк, вовлекший Смизи в такие беды. Измятая, растрепанная птица, растерявшая часть своих перьев, выглядела не очень-то соблазнительным охотничьим трофеем. Да Смизи больше и не помышлял о лаврах охотника. Он был без памяти рад, что спасся, и мечтал только поскорее, наикратчайшим путем добраться до дому. Получив обратно свои сапожки, Смизи, не теряя времени попусту, натянул их коекак на ноги, бросив обрезки лосин со штрипками возле

индюка, который, как разъяснил Квэко, лучше осведомленный в местной орнитологии, на деле оказался самым обыкновенным стервятником-грифом.

Глава XLII

КВЕШИ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Но куда же ушел Квеши?

Мистера Смизи это больше не занимало. Он так торопился поскорее покинуть сцену столь тягостных происшествий, что даже не осведомился о своем нерадивом оруженосце. Он не собирался разыскивать его и возвращаться к месту привала, тем более что Квэко предложил себя в качестве проводника и повел нашего охотника по дороге, которая вела совсем в другом направлении. Пустой ягдташ, оставшийся у Квеши, больше не интересовал Смизи. А про флягу с коньяком и про охотничий нож черномазый плут, уж конечно, не забудет.

В своих предположениях мистер Смизи, что называется, попал в точку — во всяком случае, относительно фляги с коньяком. Квеши проявил к ней такое внимание, что забыл про все остальное — не только про свои обязанности, но и вообще про все на свете. Не прошло и двадцати минут после того, как Смизи скрылся в лесу, а Квеши, уже успевший неоднократно поднести флягу к губам, пришел в такое состояние, что не хуже самого мистера Смизи принял бы любого стервятника за индюка.

«Живительная влага» оказывает на негра действие прямо противоположное тому, какое она оказывает на ирландца. Квеши не стал шумливым и буйным. Наоборот, его охватила приятная истома, и через пять минут после последнего глотка негритенок свернулся калачиком на траве и мгновенно заснул. Он спал так крепко, что не только не слышал выстрела мистера Смизи, но не проснулся бы, если бы даже над самым его ухом начали палить из десятка полевых орудий. Трудно сказать,

сколько времени пролежал бы Квеши в этом пьяном полусне, если бы его не пробудил и отчасти не протрезвил дождь, обрушившийся, как холодный душ, на его голую спину.

Квеши успел все же соснуть часок до того, как разразился ливень. Может быть, поэтому коньяк уже утратил свою силу. Когда Квеши проснулся, он сообразил, что провинился, выпив коньяк молодого господина. Храбрость, внушенная ему «живительной влагой», успела испариться, и Квеши побаивался встречи с белым джентльменом. Он охотно уклонился бы от нее, но отлично понимал, что вернуться домой одному — значило бы навлечь на себя гнев мистера Вогана. Квеши не сомневался, что ему тут же всыплют десяток плетей.

По более зрелом размышлении Квеши пришел к выводу, что самым благоразумным будет дождаться возвращения мистера Смизи и придумать какую-нибудь историю в свое оправдание. Он скажет мистеру Смизи, что все время разыскивал его. А относительно коньяка, который он допил весь до капли, догадливый мальчишка придумал другую уловку. Она была подсказана ему случаем с кларетом. Квеши объяснит мистеру Смизи и уж заставит поверить своей выдумке, что он сам, то есть мистер Смизи, вытащил пробку из фляги и что коньяк постигла такая же печальная участь, как и бутылку с вином.

Придумав это убедительное оправдание, Квеши стал спокойно поджидать возвращения охотника. Мало-помалу небо прояснилось, вновь ярко засияло солнце, но мистер Смизи все не появлялся. Квеши охватило нетерпение, а затем и беспокойство. А вдруг англичанин заблудился в лесу? И что тогда сделают с ним, с проводником? Его непременно строго накажут. Бедняге уже чудился свист плетей...

Прождав еще некоторое время, Квеши не выдержал, пошел на поиски, не забыв прихватить пустую сумку, такую же пустую флягу и охотничий нож. Он видел, что мистер Смизи пошел к поляне, и отправился туда же. Но, оказавшись там, он растерялся. Он не имел ни малейшего понятия, куда теперь идти.

Подумав немного, он свернул вправо, к засохшему дереву, которое заметил издалека.

Квеши не случайно избрал это направление: ему почудилось, что оттуда слышится голос. Подойдя к сухому дереву поближе, Квеши заметил, что возле него на траве что-то блестит. Он остановился, решив, что это змея: негры с плантаций очень боятся змей. Но, вглядевшись повнимательнее, Квеши, к своему удивлению, увидел, что это блестит ружейный ствол. Подойдя еще ближе, он убедился, что это ружье молодого господина. Как оно здесь очутилось? Где сам охотник? Уж не случилось ли с ним чего-нибудь? Почему он бросил ружье? Что, если он застрелился? Или, может, кто-нибудь другой его застрелил?

В этот момент до слуха Квеши донеслись жуткие стоны, словно чья-то душа в муках расставалась с телом. Глухой голос, казалось, исходил из могилы.

Негритенок замер от ужаса, его черная кожа приобрела пепельно-серый оттенок. Он, конечно, пустился бы наутек, но его остановило одно соображение: вдруг это его зовет на помощь молодой господин, с которым стряслась беда? Если он покинет господина в беде, то будет наказан. Вопли слышались как будто из-за дерева. Может быть, охотник лежит раненый по ту сторону ствола?

Призвав на помощь все свое мужество, Квеши начал потихоньку обходить дерево. Он продвигался осторожно, еле ступая, зорко глядя себе под ноги. Вот он уже по ту сторону ствола. Квеши огляделся вокруг. Никого! Ни мертвых, ни раненых!

Стоны и крики раздавались совсем рядом. Но не мог же человек скрываться в листве лиан, обвивающих ствол дерева! А кустов вокруг не было. У Квеши хватило мужества заглянуть даже в листву. Никого!

Тут раздался новый стон, совсем над ухом перепуганного мальчугана. Стон был все такой же протяжный, унылый, идущий как будто со дна колодца.

И опять он доносился откуда-то из-за ствола. Но теперь он слышался с того места, которое только что покинул Квеши и где он ничего не заметил. Квеши при-

шло в голову, что, может быть, раненый переполз на другую сторону, пока он сам двигался в противоположном направлении. Он быстро повернул обратно, чтобы таинственное существо, издававшее стоны, не успело от него скрыться.

Дойдя до места, с которого он начал обход, Квеши оторопел. Ни души! Ружье лежит на прежнем месте. Никто его не касался. Ясно, что здесь никого не было.

И снова раздался все тот же голос. Но на сей раз это был отчаянный, пронзительный крик. Мальчуган задрожал от ужаса. Пот выступил у него на лбу и заструился по щекам крупными каплями, словно слезы. Но голос теперь больше походил на человеческий, и это несколько умерило страх Квеши. Нет, конечно, голос идет из-за ствола.

Квеши возобновил поиски.

Все еще уверенный в том, что существо, неведомо почему издающее крики, прячется от него за деревом, Квеши устремился вперед, полный решимости любой ценой нагнать его. Он начал кружить вокруг ствола, сперва рысцой, но, слыша время от времени стоны и крики как будто каждый раз с противоположной стороны, все ускорял бег и наконец помчался изо всей мочи. Он обежал таким образом вокруг дерева несколько раз, пока не убедился, что никто не мог все это время бежать впереди и остаться незамеченным.

Это соображение заставило Квеши остановиться как вкопанного. Значит, кричит не человек? Тогда кто же? Злой дух? Сам дьявол?

Квеши не выдержал.

— Дьявол! Юмбо! — завопил он, стуча зубами, и, вытаращив глаза, со всех ног бросился прочь от страшного места.

Глава XLIII

ПАНТАЛОНЫ С ИЗЪЯНОМ

Мистер Смизи понуро брел за своим великаном-проводником. Кто бы узнал в этой жалкой, унылой фигуре щеголеватого, самоуверенного охотника, который еще

сегодня утром покидал Горный Приют в таком отличном расположении духа! Настроение мистера Смизи было столь же плачевным, как и костюм. Смизи уже не пугал позор вернуться с пустым ягдташем. Он страшился другого унижения: как появиться в поместье в том виде, в каком он оказался после злополучного приключения?

Сейчас он выглядел еще нелепее, чем в тот момент, когда Квэко извлек его из дупла. Дождь давно прошел, светило жаркое солнце, и палевые лосины съежились и сели так, что их обрезанные концы едва доходили до колен, оставляя обнаженными покрытые синяками икры. Сказать правду, нашему столичному франту теперь больше всего пристало бы название огородного пугала. Он, не задумываясь, назначил бы управляющим своего богатого поместья любого, кто снабдил бы его сейчас парой целых панталон.

Квэко тут ничем помочь не мог. На нем самом было надето нечто весьма куцее. Нет, какой кошмар явиться в таком виде в Горный Приют! Как бы прокрасться к себе в комнату никем не замеченным? Трезво поразмыслив, Смизи понял, что шансы на удачу невелики. Как все здания на Ямайке, дом мистера Вогана был открыт со всех четырех сторон. Где тут пробраться незаметно!

Но надо все же попытаться. Ах, если бы у него была шапка-невидимка! Если бы он мог одолжить ее у какого-нибудь волшебника хотя бы на десять минут! Но, если невозможно получить шапку-невидимку, почему бы не воспользоваться покровом ночи? С наступлением темноты он осторожно проберется в дом и избежит конфузной встречи с его обитателями.

Смизи остановился, взглянул на солнце, затем на свои голые коленки. Через два часа начнет смеркаться. Под прикрытием сумерек он доберется до дома, и, пока там не успеют еще зажечь ламп, не так уж трудно будет пройти незамеченным. А если его и заметят, то не сумеют как следует рассмотреть, в каком он виде.

Квэко распрощался и ушел, а Смизи притаился за кустами и стал выжидать захода солнца. Он сидел и подсчитывал часы, минуты и секунды, прислушиваясь к голосам, доносившимся из негритянских хижин. Ме-

лодичные птичьи трели, восхитительный вид — все, чем мог бы наслаждаться Смизи, прячась в своем убежище, не доставляло ему радости. Время тянулось невыносимо медленно. Тревога за успешный исход задуманного лишала Смизи способности любоваться окружающими его красотами.

Наконец настало время действовать. Солнце спряталось за холмы, туда, где простирались собственные владения Монтегю Смизи. Мягкие сумерки накрыли долину легкой, прозрачной лиловой завесой. Смизи поднялся и, тщательно осмотревшись, двинулся вперед.

Благоразумие заставляло его держаться в тени деревьев, но лес скоро сменился невысокими рощицами пимента, а затем кустарником, окаймлявшим цветник возле дома Лофтуса Вогана. Смизи удалось проскользнуть мимо негритянских хижин, не привлекши к себе внимания. Ему удалось незамеченным добраться почти до самого дома.

Но опасность еще не миновала. Ему предстояло пересечь большой открытый газон. Уже совсем стемнело, и поблизости никого не было. Во всяком случае, Смизи не заметил никого ни в окнах, ни на лестнице. Пока все шло отлично. Теперь оставалось броситься к открытой двери и промчаться к себе в комнату, где верный Томс облачит его в более пристойный костюм.

Смизи успел добежать до середины газона, когда из-за угла внезапно появилась целая толпа людей. В руках у них были пылающие факелы. Это были слуги и несколько невольников с плантаций во главе с мистером Трэсти. Можно было подумать, что это торжественная процессия, если бы ее участники так не торопились и если бы среди них не было Квеши.

Смизи понял: они шли искать его! Сердце злополучного охотника дрогнуло. Его опередили! Вот толпа уже возле лестницы. От факелов вокруг стало светло, словно в небе снова ярко зажглось солнце.

Нечего было и рассчитывать прошмыгнуть незамеченным при таком ярком свете. Смизи оставил последнюю надежду и застыл на месте. Он, может быть, бросился бы назад в кусты, если бы не побоялся, что этот

маневр привлечет к нему внимание. И тогда все будет кончено. Его злоключения завершатся самым нежелательным финалом. Он стоял не шелохнувшись, словно пригвожденный к месту.

И в этот момент на лестнице появились плантатор и его дочь. За ними следовала Йола. Мистер Воган вышел из дома отдать последние распоряжения, касающиеся поисков. Все трое стояли лицом к толпе и лицом к Смизи.

Плантатор только было открыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг Йола вскрикнула. Вслед за ней вскрикнула и Кэт. Остроглазая служанка первой увидела Смизи. Сперва она приняла его за одну из статуй, расставленных на газоне, — так мертвенно бледно было его лицо, на которое падали отсветы огней. Но Смизи стоял возле кустов, там, где, как Йола отлично знала, никакой статуи не было. Это-то и заставило ее испуганно вскрикнуть. Глаза присутствующих мгновенно обратились на несчастного, и вся толпа с мистером Трэсти во главе бросилась к нему. Уклониться от встречи было невозможно. Горе-охотника увидели и повели к дому под двойным огнем факелов и взглядов. И среди тех, кто глядел на него во все глаза, была она, его любовь! И не соболезнование, не сочувствие выражал ее взор — нет! В нем искрилась веселая насмешка!

То была последняя капля в его чаше горестей.

Протискавшись сквозь толпу, Смизи, не теряя ни секунды, опрометью кинулся в дом. Очутившись наконец у себя и там подбодренный заботами Томса, он скоро утешился и вновь приобрел вполне презентабельный вид.

Глава XLIV

ГЕРБЕРТ В СЧАСТЛИВОЙ ДОЛИНЕ

Соседи считали, что название «Счастливая Долина» мало подходит к поместью Джесюрона, но Герберт не имел оснований разделять их мнение. С того часа, когда он приступил к исполнению обязанностей счетовода,

жизнь его была скорее сменой различных удовольствий, чем цепью скучных обязанностей. Вместо того чтобы вести счета, присматривать за неграми или вообще делать что-либо полезное, он проводил время в приятных прогулках и экскурсиях. Поездка в город вместе с Джесюроном, где тот представил его знакомым коммерсантам, визиты на соседние фермы и плантации вместе с красавицей Юдифью, которая ввела его в свой круг, рыбная ловля на реке и пикники в лесу — все это сыпалось на Герберта, как из рога изобилия.

В его распоряжении были превосходная верховая лошадь, собаки, охотничьи ружья — короче говоря, все, что может понадобиться имеющему досуг молодому джентльмену. Ему выдали авансом полугодовое жалованье, хотя он и не просил об этом, деликатно дав возможность обзавестись приличным гардеробом. Судьба молодого пассажира третьего класса явно изменилась к лучшему. Благодаря щедрости неожиданного покровителя он играл в его доме роль, довольно сходную с той, какая выпала на долю мистера Монтегю Смизи в доме судьи Вогана. И так как оба они вращались в одном и том же обществе, естественно было ожидать, что рано или поздно они встретятся, но уже на равной ноге.

К чести Герберта надо заметить, что его скорее удивлял, чем восхищал новый для него роскошный и праздный образ жизни. В щедрости и великодушии старого фермера было что-то странное, что немало озадачивало молодого человека. Чем объяснить такое необычайное гостеприимство?

Так гладко и безмятежно, на взгляд постороннего наблюдателя, проходили дни с тех пор, как Счастливая Долина стала домом Герберта Вогана. Если у него и возникали какие-нибудь недоумения, то их мгновенно и ловко рассеивал сам хозяин, в вину которому Герберт мог поставить разве что чрезмерную любезность. Герберт не замечал многих странностей в окружавшей его обстановке.

Будь он менее почетным гостем на ферме Джесюрона, он, может быть, оказался бы более наблюдательным. Но у арабов есть пословица: «Не брани коня, вынесшего

тебя из опасности». А мудрость что на Западе, что на Востоке — везде приблизительно одна и та же. У Герберта была благородная душа, но все же он был только человеком. Поругивать мост, через который ты только что благополучно перешел реку, — это было бы противно человеческой природе. Если у Герберта и возникали сомнения относительно честности своего хозяина, он держал свои мысли при себе. Не потому, что он готов был поступиться своей независимостью или был лишен чувства собственного достоинства, но потому, что выжидал, хотел понять, куда, собственно, клонит любезный хозяин.

Любезным был не только сам Джесюрон. Его дочь тоже была очень внимательна к Герберту и умела облечь это внимание в гораздо более тонкую форму. Действительно, среди всяческих метаморфоз, происшедших за последнее время в Счастливой Долине, особенно удивительной была перемена в характере прекрасной Юдифи. Хотя властный и высокомерный нрав ее иногда и давал о себе знать, но чаще она была настроена лирично, порой даже грустно. Иногда, правда, вдруг прорывалась наружу ее обычная злобность, ноздри красавицы презрительно вздрагивали, темные глаза метали молнии. Но эти вспышки случались не часто, ибо особых причин для раздражения не было: имя Кэт Воган почти никогда не упоминалось в присутствии ревнивой завистницы.

Ненависть ее к дочери Лофтуса Вогана объяснялась их давнишним соперничеством. Обе они были признанными красавицами, и богатые бездельники в городе часто спорили, кому из двух принадлежит первенство. Кое-что из этих споров доходило до ушей Юдифи, и, к ее невообразимой досаде, решение молодых людей не всегда оказывалось в ее пользу. Отсюда и началась ее вражда к мисс Воган. Сперва это была просто зависть. Высокомерно вскинув голову и раздув ноздри, Юдифь обычно переставала думать на эту неприятную тему. Но за последнее время зависть сменилась ненавистью. Стоило случайно упомянуть в ее присутствии имя Кэт, как в глазах Юдифи Джесюрон вспыхивало пламя рев-

ности, губы ее начинали вздрагивать, словно бормоча проклятия, и та, что мгновение назад казалась сущим ангелом, сразу превращалась в демона.

Объяснить все это было нетрудно: она влюбилась в Герберта Вогана.

Сперва в ее отношении к нему преобладали тщеславие и кокетство, но уже с самого начала к ним примешивалось и чувство подлинного восхищения. К тому же ей страстно хотелось досадить Кэт Воган, в которой она сразу заподозрила соперницу. Ревнивица чутьем угадывала, что, как ни кратка была встреча Герберта и Кэт, она оставила глубокий след в их душах. Конечно, клочок голубой ленты в петлице символизирует нежные чувства! Но, как ни выспрашивала она Герберта, проникнуть в подлинную тайну голубой ленты ей так и не удалось. Он ни единым словом не обмолвился о своем отношении к кузине. Однако подозрения Юдифи не улеглись. Наоборот, они усиливались, по мере того как росло ее собственное чувство к Герберту. Она не допускала и мысли, чтобы девушка — будь то Кэт Воган или кто угодно другой, — взглянув хоть раз на Герберта Вогана, могла устоять там, где не устояла она сама.

Герберт Воган не прожил и недели под кровлей Джекоба Джесюрона, а молодая хозяйка была уже по уши влюблена в гостя и терзалась муками безумной ревности. Что касается самого Герберта, то он в ту пору едва ли отдавал себе отчет в собственных чувствах. Правда, властная и хитрая красавица сумела произвести на него некоторое впечатление, но не настолько, чтобы вытеснить из его сердца образ Кэт Воган. В ту короткую встречу Герберт решил, что увидеть такую девушку и не полюбить ее — просто невозможно. Вот та, кто достойна его любви, достойна того, чтобы посвятить ей всю жизнь! Едва увидев ее, он интуитивно почувствовал это. Потому-то и предложил он ей так рыцарски свою сильную руку и верное сердце, потому-то и отказался от кошелька, предпочтя ему голубую ленту. Нет, конечно, Герберт не считал этот прощальный сувенир залогом любви. Он понимал, что ласковые слова Кэт и предложенные деньги объяснялись лишь добрым

сердцем девушки и скорее указывали на отсутствие любви, чем на ее наличие.

Понимая, что у него не может быть никаких притязаний на иные отношения с Кэт Воган, кроме родственных, Герберт, как это ни странно, все же надеялся пробудить в ее сердце более нежные чувства. Но сладкая надежда жила недолго. Она была слишком мимолетна, чтобы выдержать испытание временем. Шли дни, и до него все чаще доходили слухи о веселье, царящем в Горном Приюте. Особенно часто упоминалось, как довольна мисс Кэт обществом кавалера, приглашенного ее отцом. Надежды Герберта быстро таяли...

Окружавшая его обстановка, может быть, несколько смягчала горечь утраченных иллюзий. Да, прелестная кузина, очевидно, к нему равнодушна, но все же у него нет оснований считать себя совсем одиноким и покинутым. Ведь он постоянно находится в обществе редкостной красавицы, и эта красавица дарит ему самые обворожительные улыбки. Если бы Герберту начали расточать их всего лишь днем раньше, до встречи с Кэт Воган, — как знать... он, может быть, с большей легкостью поддался бы их чарам. И в то же время, знай он, как прочно запечатлелся его образ в сердце милой кузины, он, вероятно, упорнее сопротивлялся бы сладким песням новой сирены.

Вот какие противоречивые чувства наполняли сердце Герберта Вогана, и он сам не понимал, что с ним творится.

Приблизительно в таком же состоянии находилось и сердце Кэт Воган, хотя в ее чувствах разобраться было значительно легче: оно попросту трепетало от первой любви. В жизни ее появились в один день и час два молодых человека. Один — богатый, светский щеголь, другой — бесприютный сирота. У первого к тому же было еще одно дополнительное преимущество: он был представлен ей раньше. Со вторым ее даже не познакомили. И, хотя в доныне молчавшем сердце юной креолки впервые запечатлелся образ возлюбленного, это не был образ мистера Монтегю Смизи.

Кэт тоже кое-что узнавала о Герберте. Роль посред-

ницы с внешним миром играла для нее Йола. От нее Кэт услышала, что Герберт живет по соседству в довольстве и вполне удовлетворен своей судьбой. Не странно ли, что последнее обстоятельство вызвало у Кэт только горькие чувства? Не будем описывать здесь страхи и мечты Кэт. Всякий знает, что́ такое первая любовь, и мало кто не пережил этих сменяющих друг друга надежд и разочарований.

Глава XLV

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Взаимная неприязнь плантатора Вогана и скотовода Джесюрона возникла давно: они невзлюбили друг друга с первой минуты знакомства. Причиной послужило какое-то недоразумение, возникшее при торговой сделке. Дальнейшие их отношения сложились так, что неприязнь не только не ослабевала, но перешла в настоящую вражду к тому времени, когда Джесюрон, став владельцем Счастливой Долины, оказался ближайшим соседом Лофтуса Вогана, почти не уступая последнему в богатстве. В последнее время Воган стал его бояться. Это началось после того, как был казнен Чакра, жрец культа Оби, потому что Лофтусу Вогану передали некоторые высказывания Джекоба Джесюрона по этому поводу.

Хотя опасения Вогана пока ничем не подтверждались, его неприязнь получила новую пищу. Протекция, оказанная Джесюроном отвергнутому им племяннику, его демонстративно любезное обращение с молодым человеком вызвали у Лофтуса Вогана крайнюю досаду. Почти ежедневно ему приносили очередную неприятную сплетню на эту тему. Ненависть плантатора к Джесюрону дошла до предела. Он отдал бы десять бочек своего лучшего сахара, только бы кто-нибудь помог ему унизить соседа.

Счастье ему благоприятствовало, предоставив желанную возможность, причем он не только не должен был что-нибудь отдавать, но даже рассчитывал положить в карман порядочную сумму.

Это произошло накануне того дня, когда Смизи провалился в дупло. Мистер Воган сидел в павильоне, покуривая сигару и предаваясь своему излюбленному занятию: изучению параграфов «черного кодекса». Вдруг в дверях показался мистер Трэсти.

— Вас дожидается какой-то человек, сэр, — доложил он.

— По какому делу?

— Не знаю, сэр, не говорит. Сказал только, что дело важное и он может сказать о нем только вам лично.

— Негр или белый?

— Нет, сэр, очень светлый мулат. Марон — из тех, что живут в горах Трелони. Зовут его Кубина.

Лофтус Воган начал как будто проявлять некоторый интерес:

— Кубина, Кубина... Я уже слышал это имя. И даже, кажется, видел как-то мельком Кубину. Помнится, совсем еще молодой человек.

— Да, сэр, но, говорят, один из вожаков горных маронов.

— Что понадобилось от меня марону, хотел бы я знать? Может, привел беглых?

— Нет, сэр. Да у нас никто и не числится в бегах. Благодаря вашему умелому обращению, сэр, у нас не было беглых с тех пор, как покончили со старым негодяем Чакрой.

— Благодаря не моему, а вашему умелому обращению, мистер Трэсти! — вернул ему комплимент хозяин. При упоминании о Чакре мистеру Вогану стало как-то не по себе, и он поспешил переменить тему. — Так, значит, дело касается не поимки беглых? Наверно, пришел посоветоваться по спорному судебному вопросу. У маронов постоянно какие-нибудь неприятности с плантаторами. Интересно, на кого он собирается жаловаться?

— Относительно этого я, кажется, могу вам кое-что сообщить, сэр. (Очевидно, управляющий знал больше, чем хотел показать.) Если не ошибаюсь, дело касается нашего соседа, владельца Счастливой Долины.

— Как? Жалоба на Джекоба Джесюрона? — В гла-

зах мистера Вогана вспыхнул живейший интерес. — Марон так и сказал?

— Нет, сам он ничего не говорил, но я слышал на днях, что от Джесюрона сбежал невольник, который затем каким-то образом очутился у маронов. И они не хотят выдавать беглого.

— Откуда вы все это знаете?

— Да, правду сказать, мне совершенно случайно довелось подслушать чужой разговор. Один из маронов — здоровенный такой молодец, он иногда приходит к Черной Бетти — рассказывал ей всю эту историю, как раз когда я проходил мимо.

— Мароны не хотят выдавать беглого? Странно! Вы не знаете, почему?

— Нет, сэр. Я слышал только обрывки разговора.

— И именно по этому поводу явился ко мне марон?

— По-видимому, так, сэр. Но он не захотел мне ничего сказать. Говорит, все объяснит только вам.

— Ну хорошо, проводите его сюда. И послушайте, мистер Трэсти! Загляните-ка к Черной Бетти, выпытайте у нее все, что удастся. Тут что-то не так... Чтобы марон отказался выдать беглого раба! Пообещайте ей новое платье или еще что-нибудь. А сейчас проведите ко мне марона. Я его выслушаю.

Мистер Трэсти поклонился и вышел. Судья, приняв официальный вид, стал дожидаться посетителя, раздумывая о цели его прихода.

«Неужели правда, что старый каналья повздорил с маронами? Впрочем, этого следовало ожидать. С тех пор как он нанял этих испанцев, мароны его возненавидели. Мне думается, старик тайно ведет какие-то темные дела. И что-то заважничал последнее время. А ведь никто не знает, откуда у него берутся деньги. Если у марона зуб против старого негодяя, я позволю ему рассказать его историю со всеми подробностями... А вот и он! Что ж, весьма недурен собой. Да это, кажется, тот молодчик, который приударяет за Йолой! Помнится, Кэт подтрунивала над ней. Неудивительно, что девчонка в него влюбилась. Пожалуй, следует положить этому конец... Мароны — опасный народ для черномазых краса-

виц. А наша Йола все-таки принцесса... — Он усмехнулся. — Ну, во всяком случае, не простая негритянка. Надо будет сразу втолковать это молодцу».

Кубина, в том самом охотничьем снаряжении, в каком мы видели его в лесу, вошел в павильон, почтительно поклонился и стал ждать, когда судья заговорит с ним. Лофтус Воган, кратко ответив на приветствие, некоторое время молча рассматривал юношу.

Что-то в лице молодого марона вызвало у него неприятное чувство, которое он, однако, постарался подавить. Сделав над собой усилие, он со снисходительной любезностью улыбнулся и начал разговор.

Глава XLVI

СУДЬЯ И МАРОН

— Ну, что скажешь? Ты, кажется, из тех маронов, которые живут в горах Трелони?

— Да, сэр, — спокойно ответил Кубина.

— Начальник целого поселения?

— Всего нескольких семей, ваша милость. Нас очень мало.

— И тебя зовут...

— Кубина.

— Слыхал. Кажется, — добавил мистер Воган, многозначительно улыбнувшись, — у нас есть девушка, которая тебя знает.

Кубина покраснел и кивнул.

— Не смущайся, — успокоил его плантатор, — в этом нет ничего предосудительного, если у тебя самого нет предосудительных намерений. А теперь говори. Мистер Трэсти сказал, что ты пришел по делу. Оно касается Йолы?

— Йолы, ваша милость? — Видно было, что вопрос застал Кубину несколько врасплох.

— А что? Надеюсь, ты не станешь отрицать, что она твоя возлюбленная?

— Нет, мистер Воган, я не стану отрицать этого.

Мы любим друг друга. Но я пришел по другому делу, хотя, раз уж разговор зашел о Йоле, я бы хотел поговорить и о ней, если вы не возражаете, ваша милость.

— Что ж, говори.

— Мистер Воган, я хотел бы выкупить Йолу.

— Вот как! Хочешь, чтобы она сменила узы рабства на узы брака? — Он рассмеялся собственной остроте.

— Да, получается так, ваша милость, — сдержанно улыбнулся Кубина.

— А Йола хочет стать миссис Кубиной?

— Иначе я не стал бы выкупать ее, ваша милость.

— Значит, она согласна?

— Да, ваша милость. Не то чтобы ей хотелось расстаться с молодой госпожой, но, видите ли, ваша милость, есть...

— Есть кто-то, кого она любит больше своей госпожи, то есть тебя, мистер Кубина?

— Ваша милость, это любовь другого рода, и...

— Согласен, согласен, — прервал его мистер Воган, считая, что разговор на эту тему пора закончить. — Ну, предположим, я не возражаю против того, чтобы продать Йолу. Сколько же ты собираешься предложить за нее? Помни, я сказал «предположим, я не возражаю», но, в сущности, девушка принадлежит моей дочери, и придется спросить ее мнения.

— Ах, сэр, — с жаром вырвалось у Кубины, — мисс Воган добра и великодушна! Я постоянно ото всех это слышу. Я уверен, она не захочет помешать счастью Йолы.

— И ты не сомневаешься, что сделаешь Йолу счастливой?

— Надеюсь, ваша милость, — ответил марон.

— Но дело есть дело. Моя дочь не сможет продать тебе Йолу дешевле, чем за нее дают на невольничьем рынке. А Йола стоит немало. Сколько, ты думаешь, мне на днях за нее давали?

— Я слыхал, ваша милость, что ее хотели купить за двести фунтов.

— Да, именно. И я отказался — понимаешь?

— Может быть, мистер Воган, вы не откажетесь продать ее за эту сумму мне?

— Не знаю, не знаю... Да и откуда у тебя возьмутся такие деньги?

— У меня их еще нет, ваша милость. Мне удалось скопить только сто фунтов. Я думал, что этого хватит, но вот услышал, что за нее дают дороже. Но если, ваша милость, вы согласитесь подождать, месяца через два я доберу другую сотню, и тогда...

— Вот тогда, милейший, и поговорим. Пока могу обещать, что не продам ее никому другому. Это тебя удовлетворит?

— Спасибо! Большое спасибо, мистер Воган! Я не забуду вашей доброты. Раз Йола будет...

— Йола будет в надежных руках моей дочери... Ну, а теперь перейдем к делу, которое привело тебя сюда.

— Я хотел бы просить вашего совета, мистер Воган. Дело касается мистера Джесюрона.

Лофтус Воган насторожился:

— Ну-ну, говори! — Он торопил Кубину, словно боялся, как бы тот не отвлекся в сторону.

— Дело неприятного свойства, мистер Воган. Я бы не стал надоедать вам, да оказалось, что несчастный, которого обманом обратили в рабство, не кто иной, как родной брат Йолы. История, в общем, очень странная. Я бы не поверил, если бы не знал, что все это дело рук старого Джесюрона.

— Но что же произошло? Говори, Кубина! Если была совершена несправедливость, обещаю тебе, что виновный понесет наказание.

И, произнося эту обычную формулу, судья весь обратился в слух.

— Я скажу всю правду, если даже это мне повредит, — ответил марон.

И он рассказал о том, что захватил беглого, оказавшегося братом Йолы, о том, что беглый этот — африканский принц, отправившийся на поиски похищенной сестры; что он взял с собой богатый выкуп, что капитан Джоулер поручил принца попечению Джесюрона,

а тот обманул принца, отобрав у него все его имущество и поставив пленнику свое клеймо; что несчастный принц бежал и, попав в руки Кубины, остался у него, несмотря на то что Джесюрон уже несколько раз посылал за беглым, грозя всякими карами.

— Прекрасно! — Лофтус Воган даже вскочил с кресла — так он обрадовался рассказанной мароном истории. — Настоящая мелодрама, не хватает только последнего акта. Я не прочь сыграть в ней некоторую роль, пока не опустился занавес. — Тут его осенила какая-то мысль. — Постой! Так вот почему старый негодяй так выпрашивал у меня Йолу! Впрочем, мне еще не совсем понятно, какая ему от этого была бы выгода... Но мы все это распутаем. Так, значит, принцу принадлежало двадцать четыре мандинга и все они попали в лапы Джесюрона?

— Да, ваша милость. Двадцать рабов и четыре служителя. А остальных Джесюрон купил у капитана. Он забрал у него весь груз. Среди невольников было несколько негров коромантн. Квэко, один из моих людей, разговаривал с ними, и они подтвердили то, что рассказывал принц.

— Какая досада, что свидетельство чернокожего ничего не стоит! Но постараемся обойтись и так. Принц уверен, что капитана звали Джоулером?

— Да, ваша милость. Принц хорошо его знает. Капитан постоянно ведет торговлю в Гамбии, на родине принца.

— Я давно уже приглядываюсь к этому Джоулеру. К сожалению, у меня нет повода арестовать каналью. А впрочем, нам это не помогло бы: он наверняка сам в этом замешан и против Джесюрона не пойдет. Как бы нам раздобыть белого свидетеля? Это сложно... Впрочем, постой-ка... Ты, кажется, сказал, что Рэвнер присутствовал при сделке?

— Да, мистер Воган, он принимал во всем самое деятельное участие. Он-то и отнял у принца одежду и драгоценности. У принца было много ценных вещей.

— Ограбление! Самое настоящее ограбление! Ну, Кубина, — заговорил судья серьезным, деловым то-

ном, — я этого так не оставлю, обещаю тебе! Я еще пока сам не знаю, что́ именно предприму. Тут много всяких затруднений. Особенно трудно достать надежные свидетельские показания. И притом Джесюрон сам — мировой судья. Но не беспокойся. Пусть он судья, мы все равно до него доберемся! Надо только выждать. Судебная сессия в Саванне начнется через месяц. Тогда мы и начнем это дело. Но пока никому ни слова — понимаешь?

— Я буду молчать, мистер Воган.

— А принца держи у себя. Ни в коем случае не возвращай его Джесюрону! Я позабочусь о том, чтобы тебе была оказана защита. Учитывая все обстоятельства, Джесюрон, я думаю, едва ли решится на крайние меры. У него самого рыльце в пушку. И, если все пойдет гладко, я думаю, тебе будет не так уж трудно добыть вторую сотню фунтов, чтобы выкупить невесту.

Лофтус Воган желал показать, как он может быть щедр и милостив, когда ему приносят приятные вести.

— Спасибо, мистер Воган! — Кубина радостно поклонился. — Я буду помнить ваше обещание.

— Теперь спокойно отправляйся домой. Я пошлю за тобой, когда понадобится. Завтра я посоветуюсь с адвокатом. Может быть, ты нам потребуешься довольно скоро.

Глава XLVII

ЗАТМЕНИЕ СМИЗИ

Знаменитое затмение, которым хитрый Колумб так ловко обманул простодушных жителей открытого им острова, не единственное, заслуживающее того, чтобы его записать в анналы Ямайки. Автор считает своим долгом поведать и о другом — может быть, недостойном занесения в эти анналы, но, во всяком случае, заслуживающем того, чтобы посвятить ему хотя бы одну главу этого романа. Затмение это, хотя и не приведшее к столь важным результатам, как первое, представляет все же известный интерес, особенно для тех

действующих лиц нашей драмы, на судьбы которых оно оказало немалое влияние.

Случилось оно недели две спустя после приезда достославного Смизи. Могло даже показаться, что солнце затмилось именно по этой причине, как бы желая достойно завершить весь тот блистательный ряд праздников и увеселений, которые давались в честь владельца замка Монтегю. Вот почему затмение это по справедливости следует назвать «затмением Смизи».

Накануне дня, когда ожидалось вышеупомянутое небесное явление, наш лондонский щеголь загорелся блестящей идеей полюбоваться им с горных высей, а именно с Утеса Юмбо.

Собственная выдумка показалась ему верхом оригинальности. Он отправится на утес с Кэт Воган. Он спросил на то разрешения у мистера Вогана и, разумеется, получил его, а тем самым и согласие Кэт: за последнее время она научилась понимать, что воля отца — для нее закон.

Смизи не без умысла предложил отправиться на Утес Юмбо, эту самой природой созданную обсерваторию.

В час, когда земля окутается тьмой, как покровом вечности, — в этот торжественный час полумрака Смизи решил задать роковой вопрос. Почему избрал он для подобной цели столь мрачное место и время, навеки останется тайной. Может быть, он предполагал, что романтическая репутация утеса в соединении с необычной обстановкой смягчит сердце юной креолки и склонит ее к положительному ответу. А может быть, — и это даже вероятнее, — этому заядлому театралу вспомнилась какая-нибудь эффектная сцена, и он захотел воспроизвести ее в жизни.

Чтобы дойти до назначенного места не спеша, Смизи отправился на Утес Юмбо заблаговременно, за два часа до ожидаемого сближения великих светил. И, конечно, в обществе прелестной Кэт. Других спутников у них не было. Предстоящее объяснение требовало разговора наедине, и поэтому Смизи отказался от предложенного мистером Воганом чернокожего проводника.

Утро выдалось прекрасное. Солнце еще светило ярко, на ясном небосводе не было ни облачка. Путь Смизи и очаровательной креолки лежал среди мест, природная красота которых не имеет ничего равного на земле. Сады и цветники Горного Приюта радовали глаз необычайным богатством и разнообразием пышных растений: одни — посаженные лишь затем, чтобы давать тень, другие—из-за прекрасных цветов, третьи— ради их сочных плодов. Тут росли прославленный на Востоке тамаринд, различные виды пальм, папайя и своеобразное так называемое «трубное дерево». Всюду радовали глаз олеандры, «розы южных морей», а также чудесная магнолия и душистая персидская сирень. Сучья плодовых деревьев сгибались под тяжестью роскошных плодов. Тут росли манго, малайские яблоки, гуава, апельсины и лимоны всех сортов. Стволы деревьев были сплошь увиты множеством растений-паразитов, в том числе редкими по красоте орхидеями. Душа ботаника возликовала бы при виде этого великолепного ботанического сада, оранжереи, крышей которой служили лазурные небеса.

Для юной креолки, с рождения привыкшей к пышной тропической природе, зрелище это не представляло ничего нового. Еще меньше цветы и деревья занимали воображение городского франта. Последнее приключение отбило у него любовь к лесу, и, на его взгляд, капустная пальма была ничем не интереснее обыкновенной капусты. Но Смизи, завсегдатай оперы и балета, был, однако, не лишен музыкальности и с изумлением слушал певчих птиц Западного полушария, голоса которых почему-то считаются неприятными.

И действительно, в то утро птичий хор, казалось, давал праздничный концерт. Из рощи доносился похожий на звук кларнета голос одной пичужки, к нему присоединялся воркующий голосок другой. С верхушки высокого мангового дерева слышались нежные трели колибри. Она выводила свою волшебную песенку с таким воодушевлением, как будто вкладывала в нее всю свою крохотную душу. В темных лесах на горе раздавались голоса других певцов. Тянул свою протяж-

ную, бархатную мелодию черный дрозд; время от времени доносился жалобный крик отшельника, скорбный и торжественный, как церковные напевы. И над всем этим хором царил звучный, сильный голос пересмешника, этого соловья Нового Света. Прибавьте к этому жужжание пчел, непрерывное стрекотание кузнечиков, цикад и ящериц, металлическое кваканье древесных лягушек, шелест ветра среди копьевидных листьев высокого бамбука, гул далекого водопада, прибавьте сотни других звуков — и вы представите себе, какой музыкой приветствовала природа мистера Монтегю Смизи и его юную спутницу, пока они поднимались по горному склону.

Смизи разделял общую радость. Томс вырядил его в самый любимый костюм, и молодой денди ликовал, предвкушая победу над сердцем прекрасной креолки. Достигнув расселины, которая вела к вершине утеса, Смизи проявил должную храбрость, мужественно пройдя вперед и атаковав крутую тропинку. Он бы, конечно, предложил спутнице руку, но ему самому понадобились обе его руки, чтобы как-нибудь удержаться на круче. Впрочем, Кэт следовала за ним без всяких усилий. Она привыкла взбираться по крутым тропинкам и сама могла бы помочь своему кавалеру. Через несколько секунд оба они добрались до ровной вершины скалы и очутились под пальмой.

Страшиться здесь им было нечего: прикованный к дереву скелет давно куда-то таинственно исчез. Мистер Смизи посмотрел на свой хронометр. Затмение должно было начаться через пять минут.

Но для произнесения торжественного монолога Смизи решил избрать не миг сближения двух светил и не мгновение, когда все погрузится во тьму, — нет, он сделает это, когда вновь покажется солнце, своим ослепительным блеском как бы символизируя чувство влюбленного. Смизи заранее подготовил изящные фразы, которыми собирался украсить свое признание. Он сравнит с солнцем свое собственное, пылающее страстью сердце. Оно, как солнце, то ярко горит, то погружается во мрак отчаяния, то вновь загорается надеж-

дой при мысли, что Кэт сделает его счастливейшим из смертных.

Свою любовную декларацию Смизи выучил наизусть еще накануне вечером и повторил утром перед Томсом по крайней мере раз двадцать, проведя перед уходом последнюю, генеральную репетицию «в костюмах». Если только от затмения солнца у него не отнимется язык, все должно сойти гладко. Вполне уверенный в своем красноречии, а также и в своем успехе, романтически настроенный Смизи водворил часы на прежнее место и, держа в руке закопченное стекло, стал дожидаться начала затмения.

Глава XLVIII

ПРЕРВАННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Медленно, неслышно и все еще незаметно приближалось ночное светило к пылающему диску. Но вот на краю его обозначилась узкая темная полоска.

— Начинается затмение! — возвестил Смизи, поднося к глазам стеклышко. — Солнце и луна целуются, как двое влюбленных. Прелестно! Не правда ли, очаровательная Кэт?

— Для поцелуя влюбленных расстояние, пожалуй, несколько велико: между ними около девяноста миллионов миль.

— Ха-ха-ха! Очень, очень мило! Да, в таких случаях большое расстояние нежелательно. Лучше быть рядом, вот как мы с вами. Не правда ли, очаровательная Кэт?

— Это зависит от обстоятельств. Если любовь взаимна...

— Взаимна? Да, конечно, в известной степени вы правы.

— В очень большой степени, мистер Смизи. Будь я, например, мужчиной и предмет моей любви смотрел бы на меня хмуро — вот как сейчас луна хмурится на солнце, я бы постаралась держаться как можно дальше. Ну, скажем, на расстоянии девяноста миллионов миль.

Если бы мистер Смизи на мгновение оторвался от закопченного стеклышка и взглянул на свой «предмет любви», он бы, пожалуй, уразумел по выражению лица Кэт, что в свои слова она вкладывала отнюдь не тот смысл, какой ему заблагорассудилось в них усмотреть.

— Ха-ха-ха! Очень мило, честное слово! Но не забудьте, очаровательная Кэт, у луны два лица, и в этом отношении она похожа на женщину. Светлым ликом она повернута к солнцу — несомненно, она сейчас улыбается этому своему поклоннику. А хмурится она в нашу сторону — на нас, на все человечество. Совсем как преданная подруга. Не правда ли, очаровательная Кэт?

Кэт была вынуждена ответить улыбкой, и на мгновение она бросила на Смизи взгляд, ошибочно принятый им за выражение восхищения. Аналогия, проведенная Смизи, действительно произвела на Кэт впечатление. Она свидетельствовала о наличии некоторого остроумия, тем более поразительного, что Кэт никак не ожидала его от Смизи. Взгляд ее поэтому выражал откровенное удивление, но самоуверенный Смизи истолковал его по-своему.

— Ваше сравнение, мистер Смизи, — сказала Кэт, — не лишено основания. Я считаю, что любящая женщина должна расточать улыбки только тому, кого она любит. Пусть он даже далек от нее, как солнце, — в сердце своем она будет улыбаться только ему.

Юная красавица опустила глаза, задумавшись и забыв про затмение. «Да, — произнесла она мысленно, — пусть он далек и пусть им никогда не суждено встретиться, — улыбаться она станет только ему».

Несколько секунд Кэт молчала, погруженная в свои мысли. Смизи, заметив, как изменился ее голос, опустил стеклышко и повернулся к девушке. Ее задумчивый вид тщеславный и самонадеянный щеголь приписал влюбленности в его собственную особу. По доброте душевной он почти готов был отказаться от намеченной и тщательно продуманной программы и тут же излить свои чувства. Но он вспомнил так усердно отрепетиро-

ванные цветистые фразы... Мысль, что он лишится удовольствия наблюдать, какой ошеломляющий эффект они произведут на Кэт, заставила его временно отложить объяснение. Однако он не мог не предаться сентиментальным размышлениям:

«Бедняжка! Как она страдает! Ни расстояние, ни отсутствие любимого не смогут заставить ее отказаться от любви! Нет, честное слово, я, кажется, не удержусь и сейчас же успокою ее, заверив, что она любима... Впрочем, нет, не следует поддаваться мгновенному порыву. Пусть еще чуточку пострадает, в том нет большой беды. Недаром говорит пословица: «Самый темный час — час перед рассветом».

И нежный, самоотверженный влюбленный вновь направил свое внимание на солнечный диск. Видя это, Кэт отошла и, став на самом краю утеса, устремила взгляд вниз, в долину. Величественное небесное явление, очевидно, мало ее интересовало. Глаза и мысли Кэт были обращены к земле, и на прекрасное лицо девушки, как и на дивный лик природы, легла печальная тень.

За последние несколько секунд вокруг все изменилось.

Воцарилась полная тишина. Хор пернатых умолк. Лишь изредка раздавался одинокий, тревожный крик испуганной птицы. Все живое притаилось. Слышен был только унылый, как вздох, шелест листвы да по-прежнему шумел вдали водопад. Эта перемена напомнила Кэт то, что произошло за последние несколько дней с ней самой. Когда-то жизнерадостная и беспечная, теперь она стала грустной и молчаливой. Смизи верно угадал причину задумчивости Кэт. Ее породила нежная страсть. Он ошибся только относительно предмета этой нежной страсти, самомнение привело его к ошибочным заключениям. Он был бы очень разочарован, если бы мог в эту минуту заглянуть в сердце Кэт.

Вдали среди пышной листвы весело белели стены Горного Приюта. Но Кэт смотрела не туда. Ее взгляд был обращен на безобразные постройки, сгрудившиеся в тени огромных сейб.

— Счастливая Долина! — невольно сорвалось еле слышным шепотом с губ девушки. — Да, конечно, для него она счастливая. Там он обрел приют и сердечное тепло — то, в чем было ему отказано в семье родственников. У чужих он встретил радушие, и там...

Кэт запнулась: так тяжко было ей это произнести.

— Нет, я не должна закрывать глаза на правду! — укорила она себя. — Да, там он нашел ту, которой отдал свое сердце.

Кэт испустила глубокий, тоскливый вздох. Ах, он предлагал свою сильную руку и верное сердце! Как горько вспоминать эти теперь уже невыполнимые обеты! И, кроме того, он обещал вечно хранить голубую ленту. Как радостно было это слышать! Что ж, еще одно обещание, которому суждено быть нарушенным.

И Кэт снова вздохнула.

— «Может быть, нам не суждено больше встретиться», — таковы были его собственные прощальные слова. Увы, они оказались пророческими. Да, лучше никогда с ним больше не встречаться. Лучше вечная разлука, чем видеть рядом с ним Юдифь Джесюрон, его жену... его жену... Ах!

Смизи услышал это невольно вырвавшееся у нее восклицание и вздрогнул, выронив стеклышко. Обернувшись, он только тут увидел, что Кэт незаметно отошла, стоит опустив голову и на лице ее глубокая печаль. Сердце Смизи растаяло. Уж кому, как не ему, знать, почему болит ее сердце! И он знает, как его исцелить. Имеет ли он право откладывать дольше? Ведь одно его слово — и грустное личико Кэт расцветет счастливой улыбкой. Сказать это слово или еще подождать?

Сказать! — требовало чувство гуманности. Сказать! — вторило ему отзывчивое сердце Смизи. Непременно сказать! Пусть погибнет превосходный план, погибнет все, что было так продумано, так подготовлено, — пусть! Главное — поскорее положить конец мукам бедняжки.

Полный благородной решимости, пылкий влюбленный направился к Кэт и остановился футах в трех от

Смизи готовился приступить к любовному объяснению.

нее. Твердость и непреклонность были написаны на его лице: Смизи готовился к весьма ответственной церемонии.

Удивленный взгляд, которым встретила его юная креолка, отнюдь не остановил Смизи и не согнал с его физиономии выражения глубочайшей торжественности. Встав на одно колено и приложив левую руку к области сердца, а правой приподняв шляпу на шесть дюймов над раздушенными кудрями, он готовился приступить к своему вытверженному наизусть любовному объяснению и уже раскрыл было рот, чтобы предложить Кэт руку, сердце, любовь и поместье, но в этот миг из-за края утеса показались голова и плечи мужчины, а за ними касторовая шляпа с черными перьями, обрамляющая лицо прекрасной женщины. Это были Герберт Воган и Юдифь Джесюрон.

Глава XLIX

ЗАТМЕНИЕ

— Нам помешали! — воскликнул Смизи, проворно вскакивая на ноги. — Чертовски досадно! — Он вытащил из кармана носовой платок и смахнул пыль с колена. — Кто это вторгся сюда?.. Да это же тот молодой человек, ваш кузен! Ну конечно, он! И с ним хорошенькая... нет, честное слово, прехорошенькая девушка!

Иронический смешок, достаточно громкий, чтобы его услышали, сорвался с губ мисс Джесюрон. Это несколько смутило Смизи. Он сообразил, что она смеется над живой картиной, где он был главной фигурой. Но апломб, порожденный непомерным самомнением, выручил его и теперь. Он вспомнил, что рядом на земле лежит оброненное им закопченное стеклышко. Снова опустившись на колено и приняв позу, подобную той, в которой его только что застали, Смизи поднял стекло и, встав с колен, подал его покрасневшей и опустившей головку Кэт. Уловка была недурно придумана и

успешно выполнена. Но мистер Смизи имел дело с особой не менее хитрой, чем он сам. Мало что ускользало от зоркого взгляда дочери Джекоба Джесюрона. Она снова расхохоталась, на этот раз громче и с явной насмешкой.

Смизи решил, что самое лучшее — присоединиться к ее смеху, что он и сделал. Несмотря на комичность положения, Герберт не разделил их веселья. Наоборот, едва он увидел коленопреклоненного Смизи, лицо его сразу помрачнело.

— Мисс Воган? — Юдифь Джесюрон легко вспрыгнула на площадку утеса и подошла к юной креолке и ее спутнику. — Вот неожиданная и приятная встреча! Надеюсь, мы не помешали?

— Нет-нет, нисколько, уверяю вас! — с глубоким поклоном ответил Смизи.

— Мистер Смизи — мисс Джесюрон, — с холодной вежливостью представила их Кэт друг другу.

— Мы взобрались на утес наблюдать солнечное затмение, — заявила Юдифь. — И вы тоже, я полагаю?

Она бросила ядовито-насмешливый взгляд в сторону Кэт.

— Да-да, разумеется, — запинаясь, произнес Смизи. Его несколько смутил подчеркнуто многозначительный тон мисс Джесюрон. — Ради этого и мы поднялись на Утес Юмбо. Первоклассная обсерватория, не правда ли?

— Вы нас опередили, — иронически сказала Юдифь. — Я опасалась, что мы придем слишком поздно. Или, может быть, мы явились раньше, чем следовало?

Но Кэт, по-видимому, не почувствовала нарочитой двусмысленности вопроса, на этот раз адресованного непосредственно ей. Во всяком случае, она на него не ответила. Глаза и мысли ее были обращены в другую сторону.

— Что вы, как раз вовремя, мисс Джесюрон! — заверил ее Смизи. — Сейчас затмение вступает в наиболее интересную фазу. Через несколько минут солнце совершенно померкнет. Если вы будете так любезны

ступить вот сюда, вам будет видно лучше. Разрешите предложить вам мое стеклышко... А, это вы, милейший? — обратился он к подошедшему Герберту. — Рад вас видеть.

И он милостиво протянул Герберту один палец.

Герберт отклонил предложенную ему честь, ограничившись вежливым поклоном. Смизи, вновь обернувшись к обольстительной мисс Джесюрон, подвел ее к самому краю утеса любоваться постепенно меркнущим солнцем. Таким образом, Кэт и Герберт остались одни, и едва ли это им было неприятно. До сих пор они обменялись лишь сухими, официальными поклонами. Некоторое время молодые люди стояли молча. Герберт первым нарушил неловкую паузу.

— Очень сожалею, мисс Воган... — начал он, стараясь скрыть волнение, которое, однако, выдавал его дрожащий голос, — очень сожалею, если наш приход помешал вам. Я намеревался тотчас удалиться, но моя спутница предпочла остаться.

«Мисс Воган»! Сухое обращение резануло слух Кэт и вынудило ее ответить иначе, чем она предполагала сначала:

— Раз вы не вольны поступать по собственному желанию, для вас, конечно, было благоразумнее остаться. Что касается меня, то успокойтесь: вы мне ни в коей мере не помешали. А мой спутник, как видите, вполне доволен.

Веселые голоса, взрывы смеха, доносившиеся оттуда, где стояли Смизи и Юдифь, не оставляли сомнения в том, что там идет оживленный разговор.

— Мне все же неприятно, что наш приход разлучил вас, хотя бы временно, с вашим спутником. Может быть, вам угодно, чтобы я занял место мистера Смизи и дал ему возможность вернуться к вам?

Кэт по-своему истолковала это предложение, и ее ответ еще больше расширил образовавшуюся между ними пропасть.

— Разумеется, если вам этого хочется! — сказала она вызывающе и в то же время с горечью.

На этом неприятный для обоих разговор оборвал-

ся. Герберту следовало бы как-то ответить, но это оказалось нелегко. Он промолчал.

И тут наступила полная тьма. Луна закрыла солнечный диск, и земля погрузилась во мрак. На небе показались звезды, как бы оповещая, что Вселенная еще существует. Послышались голоса ночных птиц — они напоминали, что жизнь продолжается и на Земле.

В сердцах влюбленных царил не меньший мрак. Кэт и Герберт стояли рядом, но были бесконечно далеки друг от друга. Мгла вокруг не могла сравниться с мраком, заполнившим их души. На черном небе были хотя бы звезды, радовавшие глаз, из леса доносились птичьи голоса, веселившие сердце. А для Герберта и Кэт все было темно и безнадежно, как в могиле.

Они продолжали стоять, не произнося ни слова. Умолкла и вторая пара. Все почувствовали торжественность минуты. На фоне темного неба все четыре фигуры, казалось, застыли, неподвижные, как сам утес. Кэт и Герберт стояли так близко, что каждый слышал дыхание другого.

Положение было бы совсем невыносимым, если бы не темнота, скрывавшая лица. Но все это длилось секунды. Звезды одна за другой исчезли, и небо снова заиграло лазурью. Ночные звери и птицы, дивясь внезапному возвращению дня, попрятались, охваченные безмолвным страхом. Солнце вновь появилось из мрака и снова на землю полились радостные потоки света.

А Кэт и Герберт все стояли, не переменив позы. Ни тот, ни другой ни разу не шевельнулись, не произнесли ни слова. Как ни больно задела Герберта колкость девушки, он все же помнил свои обещания, помнил, что он перед ней в долгу. Неужели он окажется непостоянным и неблагодарным? Недаром он хранит на груди спрятанную от постороннего взгляда голубую ленту, хотя это, как он всегда понимал, всего лишь знак дружеского расположения. Кэт никогда не признавалась ему в любви, никогда не брала на себя никаких обязательств. Ее не за что упрекнуть. Разве она не имеет права любить кого угодно? В том, что Кэт любит дру-

гого, Герберт был теперь уверен. Он убедился в этом, едва ступил на вершину утеса. Сцена, представшая его глазам, не оставляла места надежде. Конечно, Смизи преклонил колено, чтобы сделать предложение. Положим, он еще не получил ответа, но можно ли сомневаться, каков будет этот ответ?

Герберт пытался заглушить в себе горькие чувства, подавить ревность, обиду и на обломках несбывшихся надежд построить заново отношения, единственно возможные между ним и Кэт, — отношения дружбы. Сделав над собой сверхъестественное усилие, он решил, что добился желаемого, и как будто действительно подавил в себе сердечное влечение к прелестной Кэт, и вновь обрел спокойствие. Увы, торжество такого рода может быть лишь временным. Еще никому и никогда не удавалось справиться со своим сердцем. Взаимная любовь еще может перейти в спокойную дружбу, но любовь отвергнутая — никогда.

Но Герберт был слишком молод, слишком неопытен в сердечных делах, слишком плохо разбирался в собственных чувствах. Иначе он не стал бы и пытаться погасить в себе любовь, а отказавшись от всякой борьбы с самим собой, предался бы бессильному отчаянию.

Глава L

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Пока Герберт предавался нерадостным размышлениям, сквозь угрюмую тьму начал постепенно пробиваться солнечный свет, словно поднимая вуаль с личика Кэт. Герберт, не устояв перед искушением, взглянул на кузину и заметил происшедшую в ее лице перемену. Перемена эта поразила его. Пока они разговаривали, лицо ее пылало, глаза горели гордым и надменным огнем. Все это исчезло. Глаза блестели иным, мягким блеском, по щекам разлилась бледность, как будто тьма похитила с них розы. Исчезла и надменность. Теперь на лице Кэт была печаль и даже боль.

Что вызвало эту внезапную перемену? Почему так скорбно сжаты дрожащие губы? Какие горькие мысли заставили побледнеть эти щеки? Может быть, ей показалось, что Смизи слишком наслаждается обществом Юдифи Джесюрон? Его восторженный смех не умолкал ни на минуту.

Именно так истолковал Герберт перемену в настроении Кэт.

Подавив в себе ревность, он молчал, не в силах оторвать глаз от грустного, милого ему лица. Из груди его вырвался вздох. Кэт его не услышала: невольный вздох вырвался в эту секунду и у нее.

Справившись со своим волнением, Герберт уже готов был дружески заговорить с девушкой, как вдруг взгляды их — впервые за все это время — встретились. Несколько мгновений оба они стояли лицом к лицу как зачарованные. Они затаили дыхание и не могли произнести ни слова. Каждый искал в глазах другого, в этом правдивом зеркале души, ответа на вопрос, занимавший их больше всего на свете.

Этот немой вопрос был прям и бесхитростен. В нем не было и тени кокетства. Они смотрели друг на друга, забыв о том, что за ними могут наблюдать. Что за дело влюбленным до затмения, до солнца, до луны, до звезд, до целой Вселенной и тем более до людей, которые стояли поблизости? Но про них не забыли: за ними следили глаза прекрасного демона.

Ах, Юдифь, все твои ухищрения потерпели фиаско! Твои стрелы обратились против тебя самой. Засиявший вновь солнечный свет не принес тебе радости. Золотые лучи осветили всех четверых, стоявших на утесе, — четверых влюбленных, но лишь двоих любящих! Острые глаза дочери Джесюрона успели поймать на лету взгляд, которым обменялись Кэт и Герберт. Она разгадала его тайный смысл.

Какой ураган страстей, какая буря чувств разрывала грудь надменной красавицы! Привыкшая читать немые речи взглядов, Юдифь поняла, что хотел выразить своим взглядом Герберт, и едва не вскрикнула, словно ужаленная змеей.

Она тут же перестала кокетничать с мистером Смизи и самым бесцеремонным образом покинула столичного франта, предоставив ему одному любоваться затмением. Подойдя к Герберту и Кэт, она заговорила, и дуэт сменился трио, а затем, когда к ним присоединился Смизи, — квартетом, однако очень ненадолго.

Первой стала прощаться Юдифь. Веселое настроение оставило ее. Она мысленно проклинала и затмение солнца и самое себя за то, что ей взбрело в голову выбрать для астрономических наблюдений столь неудачное место. Ведь продлись встреча Герберта и Кэт несколько дольше, они, возможно, лучше поняли бы друг друга, и их расставание было бы не столь холодным и церемонным.

Смизи и Кэт опять остались вдвоем. Влюбленный мог бы продолжить свое столь досадно прерванное признание. Можно было ожидать, что он тотчас снова упадет на колени и закончит свою пылкую речь. Но нет. В настроении мистера Смизи за это время также произошла некоторая перемена. Самоуверенность покинула его. Момент был упущен. Солнце сияло вовсю, и заранее разученные изысканные метафоры и сравнения с упоминанием дневного светила казались теперь неуместными.

Это ли обстоятельство замкнуло уста Смизи или он вдруг утратил уверенность в благосклонном ответе — неизвестно. Сам Смизи об этом никому не поведал. Известно лишь, что объяснение на сей раз так и не состоялось и было отложено на неопределенное время.

Глава LI

БАЛ В ЧЕСТЬ СМИЗИ

Через несколько дней после описанных выше событий, как будто солнечное затмение оказалось недостаточно торжественным апофеозом для длинного ряда увеселений, устроенных в связи с приездом мистера Смизи, в честь молодого столичного льва был затеян

грандиозный бал. Он должен был состояться в Монтего-Бей, который, будучи всего-навсего провинциальным городом, издавна, однако, славился пышностью своих праздников, начиная с тех далеких времен, когда старые испанские мясники отплясывали фанданго[1], и вплоть до того дня, когда мистер Монтегю Смизи почтил своим присутствием салоны ямайского высшего общества, познакомив его с наимоднейшими столичными танцами.

Бал обещал быть невиданно великолепным. На нем должны были присутствовать все сливки местного общества. Конечно, приедет и Кэт Воган в сопровождедии отца, судьи Лофтуса Вогана.

Героем праздника должен был быть мистер Смизи. Его, несомненно, окружат лучшие представительницы прекрасного пола, настоящее созвездие ослепительных звезд, а также целая армия папенек и маменек, столь же страстно, как и Лофтус Воган, мечтающих выдать замуж своих дочек. Конечно, присутствие Кэт на балу совершенно необходимо. Надо, чтобы она все время была на глазах у мистера Смизи. Достойный судья хорошо знал поговорку: «Слаще всего пахнет тот цветок, что ближе к носу».

Мистер Воган предвкушал удовольствие показать «ямайскому свету», что он в дружеских отношениях с владельцем замка Монтегю и что отношения эти скоро станут еще более близкими. Он не сомневался, что мистер Смизи будет приглашать Кэт на танцы так часто, как только это допускают правила хорошего тона. Он знал, какие чувства питает к ней молодой денди. Ретивый родитель неусыпно следил за их развитием и видел, что сердце мистера Смизи пылает любовью, насколько только способно пылать любовью подобное сердце. Но одно обстоятельство смущало мистера Вогана: он недавно узнал, что в день затмения Кэт встретилась с Гербертом.

Мистер Воган ухитрился разузнать от мистера Смизи все подробности утренней сцены. Его начинало бес-

[1] Фанданго — испанский народный танец.

покоить поведение дочери. Вскоре после изгнания Герберта из Горного Приюта она довольно прямо высказала отцу то, что было у нее на душе, и вырвавшиеся у нее неосторожные слова возбудили подозрения мистера Вогана. Ему было крайне неприятно, что случай вновь свел молодых людей. Он даже был уверен, что Герберт пришел на утес нарочно, зная заранее, что увидит там Кэт.

В Горном Приюте больше никто не говорил о Герберте. Даже Кэт не упоминала о нем — то ли потому, что стала благоразумнее, после того как отец выбранил ее, когда она как-то ненароком произнесла имя кузена, то ли потому, что перестала думать о нем. И все-таки мистера Вогана тревожило отношение дочери к Герберту. Он решил предупредить всякую возможность их дальнейших встреч.

Пустив в ход весь свой родительский авторитет, он после встречи на Утесе Юмбо заставил Кэт дать торжественное обещание никогда больше не разговаривать с Гербертом, даже делать вид, будто она не замечает его.

Нелегко было бедной девушке дать такое обещание, и это было бы еще мучительнее для нее, знай она, что творится в сердце Герберта. Она поняла, что отец опасается их встречи на балу в честь Смизи. А встреча с кузеном была там не только возможна, но даже почти неизбежна. Ведь туда приедет Юдифь Джесюрон с отцом, и, уж конечно, с ними будет и Герберт.

Лофтус Воган теперь просто ненавидел племянника. При первой встрече он был взбешен его независимым тоном. Гордый плантатор был слишком низменной натурой, чтобы уважать гордость в других. До него доходили слухи о том, как любезно обошелся с его племянником Джекоб Джесюрон, как щедро расточает он ему свое покровительство. Не понимая причин этого неожиданного гостеприимства, Лофтус Воган в конце концов решил, что Джесюрон все это проделывает в пику ему, Лофтусу Вогану, и надо сказать, если это было так, то он вполне добился своего, ибо главный судья был раздражен до крайности.

Наступил вечер бала. Огромный зал, где обычно устраивались городские празднества, был разукрашен так, как того требовал случай. Вдоль стен развесили флажки и гирлянды, а в подъезде — транспарант, по краям которого укрепили флаги: с одной стороны английский национальный флаг, а с другой — знамя святого Георгия. Транспарант возглашал огромными буквами, каждая размером в полтора фута: *«Добро пожаловать, Смизи!»*

Вот пробил долгожданный час. Оркестр уже на месте, и к залу потянулись вереницы экипажей, доставляя на бал десятки... нет, сотни жаждущих потанцевать. Двадцать миль в подобных случаях считаются на Ямайке пустяком. Прибыло и ландо мистера Вогана, в котором восседали судья, его красавица дочь и, главное, тот, кого следовало бы упомянуть в первую очередь: сам герой бала.

Каким торжеством преисполнилось его тщеславное сердце под великолепной плоеной манишкой, с какой победоносной улыбкой повернулся он к прелестной Кэт, чтобы насладиться тем впечатлением, которое, безусловно, произвела на нее лестная надпись на транспаранте!

«Добро пожаловать, Смизи!» — сорвалось с целой сотни уст, едва экипаж мистера Вогана приблизился к подъезду. Раздались громкие рукоплескания и приветственные крики, и почетный гость прошествовал в бальный зал. Приняв эффектную позу и простояв так несколько секунд под перекрестным огнем по крайней мере двух сотен пар глаз, почетный гость подал пример остальным, выведя свою даму на середину зала. Грянул оркестр, и бал начался.

Стоит ли говорить, с кем танцевал мистер Смизи первый танец! Разумеется, с Кэт. Об этом позаботился мистер Воган. Смизи был великолепен: Томс колдовал над ним целый день. Волосы цвета соломы были все в мелких кудряшках, бачки расчесаны до пушистости, кончики нафабренных усов торчали вверх, как стрелки, а на щеках лежал тончайший слой румян.

Юдифь Джесюрон прибыла несколько позже. Она явилась к вальсу. Ее сразу заметили. Что привлекло к

ней всеобщее внимание? Роскошное платье алого бархата, жемчужная диадема в волосах, блестящих и черных, как вороново крыло? Ослепительно белые зубы, сверкающие за полуоткрытыми губами, подобными лепесткам роз? Смуглый румянец? Пламенный взгляд черных глаз? Да, все это, вместе взятое, составляло величественную картину, невольно притягивающую к себе взоры. Не одна пара глаз устремилась на нее, не одна пара глаз зажглась немым восхищением.

Ее партнер был вполне достоин такой прекрасной дамы. Она кружилась в объятиях молодого человека, которого почти никто из присутствующих не знал, но взгляды прелестных женских глазок, то робкие, то вопрошающие, то откровенно восхищенные, говорили о том, что многие хотели бы с ним познакомиться.

Однако счастливчик, так щедро одаренный природой, казалось, мало думал о своей привлекательной внешности и ничуть не ценил удовольствия танцевать с блестящей красавицей. Напротив, он был грустен, и даже упоительный вихрь вальса не разогнал туч на его лице. Кавалером Юдифи Джесюрон был Герберт Воган.

* * * * * * * * * *

Бальный зал можно сравнить с калейдоскопом. Фигуры все одни и те же, но они непрерывно группируются по-разному. Умышленно или случайно, во время танцев или в перерыве, рано или поздно, но вы непременно столкнетесь лицом к лицу или окажетесь рядом с каждым из присутствующих в зале. Так произошло и на балу в Монтего-Бей. Обе пары — Кэт и Смизи, Юдифь и Герберт — оказались друг против друга. Это случилось, когда все отдыхали после головокружительного вальса. Смизи отвесил глубокий поклон, согнувшись чуть не до полу. Красавица в ответ надменно кивнула. Герберт сдержанно поклонился кузине — в глазах его светились неуверенность, мольба и вопрос. Она ответила ему так сухо, так небрежно, что даже Лофтус Воган, зорко следивший за всеми участниками этого квартета, ничего не заметил.

Бедняжка Кэт! Она помнила о своем обещании отцу и знала, что родительское око не дремлет. Она не обменялась с Гербертом ни единым словом. Да и стояли они рядом всего несколько секунд. Герберт, уязвленный ледяным, почти оскорбительно небрежным поклоном Кэт, обвил рукой стан своей дамы, с готовностью принявшей приглашение, и увлек ее в толпу танцующих.

Танец следовал за танцем, но больше обе пары ни разу не очутились рядом. Когда судьба, казалось, готова была вновь свести их вместе, случайность или чей-то умысел опять разводил их в разные стороны. Почти всю ночь Герберт протанцевал с прекрасной Юдифью. Грусть исчезла с его лица, теперь оно, казалось, дышало безудержной веселостью. Никогда еще Герберт не был так внимателен к дочери Джесюрона, и в первый раз со времени их знакомства она почувствовала, что ее страстная любовь не остается безответной. На мгновение ее жестокое сердце исполнилось настоящей женской нежности. Кружась в вальсе, она на миг прильнула к своему партнеру, прижавшись щекой к его плечу, изнемогая от блаженства.

Она не спрашивала себя, почему вдруг Герберт так внезапно воспылал к ней страстью. Сердце, ослепленное любовью и жаждущее взаимности, распахнулось, готовое принять ответную любовь, не думая, искренна она или притворна. Какие муки терзали бы ее, если бы она угадала, что таится в груди Герберта! К счастью для нее, она и не подозревала, что он любезничает с ней только для того, чтобы вызвать ревность в другой.

Знал об этом только сам Герберт. Когда в пестром калейдоскопе нарядных танцующих пар он видел вдруг лицо Кэт, они обменивались мимолетным, нарочито равнодушным взглядом. Оба играли сходные роли. Заметив поведение Герберта и не разгадав истинной его причины, неискушенная в кокетстве девушка приняла все за чистую монету. Каждый был совершенно уверен в равнодушии другого. Одно обстоятельство окончательно убедило их в этом.

Прислушиваясь к пересудам в переполненном бальном зале, можно узнать много всяких секретов. Попозже, после того, когда шампанское за ужином развязывает языки и танцоры повышают голос, словно вокруг одни глухие, тот, кто незаметно бродит или спокойно стоит среди толпы, часто ловит обрывки разговоров, не предназначенных для посторонних ушей и, может быть, меньше всего для его собственных. Многие таким образом узнавали неприятные для себя вещи. Именно так случилось на этом балу с Гербертом и Кэт.

На некоторое время Герберт остался один. Юдифь танцевала с другим. Не потому, разумеется, что ей наскучил Герберт, а ради соблюдения приличий. Но танцевала она не с мистером Смизи, нет! Она старательно избегала его весь вечер. Она помнила, что произошло на утесе, и боялась повторения той сцены. Кокетство с мистером Смизи ее теперь совсем не привлекало. Уверенная в своей победе над Гербертом, Юдифь была на седьмом небе и ничем не хотела огорчать предмета своей любви.

В толпе, почти рядом с Гербертом, стояли, беседуя между собой, два молодых плантатора. Они изрядно выпили за ужином и поэтому говорили громко. Герберт невольно слышал их, а как только понял, о чем идет речь, стал уже прислушиваться нарочно. Тема разговора заинтересовала его не своей оригинальностью — об этом на балу судачили весь вечер. Разговор шел о Смизи. Но рядом с его именем упоминалось имя Кэт Воган. Герберт навострил уши, и вот что он услышал:

— Когда же это произойдет? — спрашивал один из собеседников. — Скоро?

— Точно день еще не назначен, но, полагаю, очень скоро.

— Наверно, это событие будет отпраздновано со всей помпой: завтрак, обед, ужин и бал.

— Само собой разумеется. Судья не упустит случая пустить пыль в глаза.

— А где молодые проведут медовый месяц?

— Хотят уехать в Лондон. Я думаю, что они там и останутся. Мистеру Смизи не по вкусу жизнь в коло-

нии. Говорит, ему здесь не хватает оперы. Жаль! С их отъездом на Ямайке станет одной красавицей меньше!

— Одно можно сказать: Лофтус Воган недурно сбыл свой товар.

— Фу, стыдись, Торндайк, — так выражаться о прелестной мисс Воган!

Торндайк и не подозревал, что был на волосок от того, чтобы получить пощечину — не от собеседника, а от незнакомца, который стоял рядом. Но Герберт обуздал свое негодование. Кэт его не любит! Ей будет неприятно его заступничество.

А Кэт в это время невольно слушала почти аналогичный разговор. Мистер Смизи, конечно, не мог весь вечер танцевать с ней одной: слишком многие жаждали этой чести. И вот он ненадолго покинул Кэт. Она молча стояла в толпе рядом с отцом, слыша, как сплетничали за ее спиной две представительницы прекрасного пола.

— Да кто он такой?

— Говорят, приезжий англичанин, родня судьи Вогана. Только мистер Воган почему-то не признает своего молодого родственника.

— Зато его, кажется, вполне признает та дерзкая особа в алом бархате. Кстати, кто она?

— Некая мисс Джесюрон. Дочь богатого скотовода, который раньше вел широкую торговлю неграми.

— Только и всего? Она держится с ним очень развязно!

— Совершенно справедливо, но они обручены, и это касается только их самих. Он здесь новичок и еще плохо разбирается, какое, собственно, общественное положение занимает его красавица. Жаль его — очень приятный на вид молодой человек. Впрочем, пусть сам на себя пеняет. Никто не виноват, что он позволил себе плениться прекрасной розой, не заметив, что у нее довольно много шипов. Ха-ха-ха!

«Что одному — смех, то другому — горе», — говорит пословица. Когда Кэт уезжала с бала, сердце ее истекало кровью. И дома, уже в постели, прижимаясь щекой к подушке, она твердила себе всю бессонную ночь:

— Потерян, навек потерян!

— Победа! — воскликнула Юдифь, бросившись на диван у себя в гостиной. — Герберт Воган мой!

— Потеряна, навек потеряна! — сказал Герберт, закрывая дверь своей скромной комнаты.

— Победа! — воскликнул неотразимый Смизи, входя к себе в элегантную спальню. — Кэт Воган моя!

Глава LII

ПОСЛЕ БАЛА

Время шло. Скоро должно было выясниться, суждено ли сбыться честолюбивым замыслам Лофтуса Вогана или они обречены на провал. Сам он неудачи не боялся. Хотя Смизи, упустив удобный случай во время солнечного затмения, еще не успел до сих пор сделать официального предложения, мистер Воган знал, что он сделает его в ближайшее время. Собственно говоря, Смизи откладывал объяснение с Кэт по совету самого мистера Вогана, которого он посвятил в свои планы.

Мистер Воган не опасался возможности отказа со стороны Кэт. Властный отец отлично знал, что дочь будет покорна его воле. Мистера Вогана беспокоило иное. Некоторые соображения заставляли его не торопить ход событий.

Самому же мистеру Смизи и в голову не приходило, что ему могут отказать. Поведение Кэт на балу лишний раз подтвердило его уверенность в том, что очаровательная мисс Воган влюблена в него без памяти и что для нее жизнь без Смизи — непроглядный мрак. Бледное личико, томный, задумчивый взор — такой Кэт появилась за завтраком наутро после бала. Смизи было ясно, что она может быть счастлива, только став миссис Смизи.

В это утро ему пришло в голову, что, пожалуй, больше не следует откладывать предложение. Оно послужит достойным финалом ко вчерашнему балу. Ощущая на своем челе лавровый венок вчерашней славы,

он, торжествующий и неотразимый, явится перед своей красавицей.

После завтрака мистер Смизи отвел судью в угол и еще раз выразил желание стать его зятем.

Из-за странного поведения дочери на балу, — а может быть, и по другой причине, — мистер Воган решил, что откладывать больше не стоит. Ему только хотелось предварительно самому переговорить с Кэт, подготовить дочь к предстоящей ей чести стать супругой Монтегю Смизи.

Встав из-за стола, Кэт тотчас удалилась в павильон. Туда же направился и мистер Воган, а вслед за ним вышел в сад и Смизи. Пылкий любовник не стал бродить вокруг павильона, а принялся разгуливать по дорожкам: там сорвет цветок, тут погонится за бабочкой, радужной и беспечной, как его собственные мечты.

Все это утро на лице Кэт лежало облачко грусти. Приход отца не развеял его. Наоборот, взгляд девушки стал еще более грустным, когда в дверях появилась фигура Лофтуса Вогана, казалось закрывшая собой последний слабый луч надежды. Кэт поняла, что наступила минута выбора: или подчиниться воле отца и обречь себя на несчастную жизнь, или ослушанием вызвать гнев, неизвестно еще что ей суливший.

Кэт твердо знала одно: мистера Смизи она не любит и никогда не полюбит. Она не питает к нему ненависти, он не внушает ей отвращения. Она чувствует к нему только равнодушие и легкое презрение. Смизи совершенно безобиден, и муж из него получится вполне безобидный. Но не о таком муже мечтала юная креолка, не таков был избранник ее сердца. И, однако, отец и поклонник избрали удачный миг, чтобы склонить ее на свою сторону. Хотя презрение Кэт к столичному франту за последнее время лишь усилилось, она, прежде твердо решившая отказать ему, теперь была преисполнена сомнений.

Отец и мистер Смизи неверно истолковали подавленное настроение Кэт, но оно, тем не менее, было в их пользу. Она страдала не от любви к Смизи — она томилась безнадежной любовью к другому, но именно

безнадежность этой любви благоприятствовала планам владельца замка Монтегю. К отчаянию девушки примешивались чувства обиды и гнева. Уязвленная гордость часто толкает на отчаянные решения — пусть даже это повлечет за собой гибель всех надежд. Как будто счастье можно купить, отомстив тому, кого любишь!

Отчаяние Кэт Воган достигло той степени, когда любящий, убедившись, что его отвергли, ищет утешения в мести. Бал, доставивший столько радости тому, в честь кого он был дан, оказался роковым для Кэт Воган. До него она еще надеялась на что-то. Без надежды любовь гаснет. Она все еще помнила прощальные слова Герберта. Как ни хрупка была эта опора, вера в возможность счастья не умирала; Кэт лелеяла мечты, несмотря на отсутствие любимого, несмотря на все слухи и сплетни.

Время шло, надежды тускнели. Начались терзания и сомнения. После встречи на утесе мечты Кэт вновь было ожили, но на балу они развеялись без остатка. Все рушилось. Герберт всего один раз, и то непреднамеренно, оказался возле нее. А его поклон! Сухой, холодный, почти насмешливый.

Кэт не вспомнила, как сух и холоден был ее собственный поклон. Она глазами искала Герберта в толпе, часто находила его, но от нее ускользнуло то, что точно так же поступал и Герберт, ибо оба они старались не встретиться взглядами.

Ни разу больше за весь вечер он не подошел к ней, не попытался заговорить. А возможностей было сколько угодно. Ведь не все время отец следил за ней. Весь вечер Герберт ухаживал за другой, оказывая ей всяческие знаки внимания. Он любит эту самоуверенную красавицу! Можно ли еще сомневаться в этом!

Ужасная мысль не оставляла Кэт ни на минуту. Он любит другую! Из нечаянно подслушанного разговора Кэт узнала, что скоро влюбленные поженятся, что они обручены. Все пропало... Будущее рисовалось ей безрадостным, черным, как ночь, без единого светлого проблеска.

Вот почему лучи утреннего солнца упали на бледные щеки, вот почему лицо Кэт было печальным. В таком настроении застал свою дочь Лофтус Воган. Кэт и не пыталась скрыть свою печаль хотя бы притворной улыбкой. Она встретила отца, сурово сдвинув брови, и в глазах ее даже мелькнул гнев. Может быть, в это мгновение ей невольно пришло в голову, что, если бы не отец, судьба ее сложилась бы иначе, и не Монтегю Смизи, а Герберт Воган готовился бы стать ее мужем. А теперь ее удел — вечная разлука с любимым.

Никогда не испытать ей высшего блаженства, которое дано человеку на земле и которое, может быть, равно небесному блаженству! Никогда уже не предаваться ей сладостным девичьим мечтам! Любовь ее — как цветок, аромат которого рассеялся в воздухе. Горькие, бесплодные терзания—вот ее удел до конца жизни.

Если бы знал, тщеславный отец, что собственными руками готовишься разрушить счастье своей единственной дочери, хочешь разбить ее юное сердце, ты, может быть, не так радостно спешил бы совершить церемонию жертвоприношения!

Глава LIII

ПОДГОТОВКА ПОЧВЫ

— Кэтрин!

— Да, отец.

Кэт ответила еле слышно, не поднимая глаз от лежавшего перед ней на столе предмета. Это был маленький шелковый кошелек. Одна из голубых ленточек, которыми он завязывался, была оборвана. Лофтус Воган взял со стола кошелек и внимательно посмотрел на него:

— Хорошенькая вещица. Жаль, что лента оборвана. Кто же ее оторвал?

Он, впрочем, мало интересовался ответом. Меньше всего он мог подозревать, в какой непосредственной связи находится исчезнувшая голубая лента с грустным

настроением его дочери. Он просто задал этот вопрос, чтобы как-нибудь начать предстоящий серьезный разговор.

— Это пустяки, папа. Стоит ли беспокоиться из-за клочка ленты! Его так легко заменить другим.

«Да, Кэт, ты без труда найдешь для кошелька другую ленту, но не так-то легко обретешь ты снова спокойствие духа! С голубой лентой исчез твой сердечный покой».

Должно быть, именно такие мысли и промелькнули в голове девушки, ибо взгляд ее стал еще грустнее. Мистер Лофтус помолчал, затем посмотрел в окно. Он увидел Смизи, гонявшегося за бабочками, и попытался привлечь к нему внимание дочери. Это было тем более просто, что Смизи можно было не только видеть, но и слышать, ибо музыкальный денди напевал песенку:

Если б мне родиться
Легким мотыльком,
Целый век кружиться,
Виться над цветком...

И тут же, словно опровергая воспеваемые им приятности жизни легкокрылых созданий, мистер Смизи, поймав великолепную бабочку, раздавил хрупкое создание пальцами, обтянутыми лайковой перчаткой.

— Какой достойный молодой человек! Не правда ли, Кэт? — воскликнул мистер Воган с преувеличенным энтузиазмом и посмотрел на дочь в ожидании ответа.

— Наверно, правда, папа, раз все так говорят.

— А разве ты сама не разделяешь этого мнения?

— Его разделяешь ты, папа, и поэтому этого достаточно.

Тут снова донесся голос Смизи:

Мне не нужно почестей,
Золота и власти.
Власть приносит горести,
Золото — напасти.
Я мечтать не стану
О рабах покорных...

— Еще бы! — подхватил мистер Воган. — Уж конечно, ему ни о чем мечтать не нужно — у него и так все есть. Ведь ему принадлежит замок Монтегю, этих рабов у него пять сотен.

А Смизи все распевал:

Слава за собою
Много бед приносит,
А богатство счастье
От людей уносит...

— Слышишь, Кэт? Как он умеет выражать тонкие чувства!

— Чувства и выражения тонки, но ни то, ни другое ему не принадлежит, — не без сарказма заметила Кэт. — Впрочем, раз он их разделяет, это почти то же самое.

— А какое имение! — вернулся мистер Воган к теме, интересовавшей его больше, чем благородные чувства, которыми была полна песенка. Иронического тона дочери он не заметил. — Просто великолепное имение! Лучше трудно сыскать, смею тебя уверить. А если присоединить его к нашему, то получится самое крупное поместье на всей Ямайке. Да что я говорю — на Ямайке! Во всей Вест-Индии! Слышишь, дочка?

— Слышу, папа. Но разве мистер Смизи собирается покупать Горный Приют? Или это ты думаешь купить замок Монтегю?

Кэт говорила нарочито простодушно. Она отлично знала, куда клонится разговор, и ее раздражала неопределенность, становившаяся для нее невыносимой. Ей хотелось все окончательно выяснить и решить. В этом ее желания вполне совпадали с отцовскими.

— Ах ты, плутовка! — сказал отец, довольный, что разговор сам собой перешел на нужную тему. — Ну, ты прямо попала в цель! Ты угадала, Кэт: речь идет о продаже, только мы оба с мистером Смизи покупатели. Он собирается приобрести Горный Приют, это верно. Но чем он собирается заплатить, как ты думаешь? Угадай-ка!

— Право, папа, понятия не имею. Но, во всяком случае, мне будет жаль расстаться с нашим домом. Хотя теперь и здесь мне нечего ждать радостей, все-таки в другом месте я буду, мне кажется, еще несчастнее.

Мистер Воган был слишком увлечен ходом своих мыслей и не заметил, как явно подчеркнула Кэт слово «теперь». Не понял он и скрытого смысла слов дочери.

— Нет, мистер Смизи не лишит нас Горного Приюта, — рассмеялся он. — Не бойся, детка. Ты лучше угадай, чем он нам заплатит.

— Я не стану даже пытаться, отец. Все равно я ошибусь на несколько тысяч фунтов.

— Он нам не даст ни единого фунта, если только не считать, что не одну тысячу фунтов весит его великодушное сердце и щедрая рука. Потому что, Кэтрин, это и есть та цена, которую он нам заплатит!

Мистер Воган завершил свою витиеватую речь многозначительным и торжественным взглядом. Он был поражен собственным красноречием и выжидательно посмотрел на Кэт, полагая, что дочь с восторгом примет радостную весть. Его ждало разочарование: Кэт упрямо не хотела понять, что имеет в виду отец.

— Не думаю, чтоб сердце и рука мистера Смизи весили так много, — сказала она. — И не слишком ли это мало за целое поместье, в котором столько рук и сердец?

Мистера Вогана начинало раздражать явное нежелание Кэт понять.

— Я уже сказал тебе, — снова начал он с особой внушительностью, — что в этой сделке мы с мистером Смизи оба приобретаем. Каждый свое. Он получит Горный Приют, а я — замок Монтегю. Он отдает в уплату свои руку и сердце, а я плачу ему тем же: отдаю твои руку и сердце.

— Мои?

— Ну, разумеется. Надеюсь, тебя это радует?

— Отец! — Теперь и Кэт заговорила тоном глубочайшей серьезности. — Никакого обмена сердцами между мной и мистером Смизи быть не может. Положим, что он готов отдать мне свое. Мне это безразлично.

Я не стану обманывать тебя, отец: я никогда не полюблю его, это не в моих силах.

— Вздор! — Неожиданное заявление дочери совершенно сбило с толку Лофтуса Вогана. — Ты не понимаешь, что говоришь, дитя мое. Не любишь мистера Смизи? Такого любезного, такого одаренного, такого красивого молодого человека? Да ты просто шутишь, Кэт! Неужели он тебе не нравится, неужели он противен тебе?

— Нет, он мне не противен. Он не совершил ничего такого, чтобы внушить к себе отвращение. Я считаю его весьма достойным человеком.

— Но это все равно, что сказать, что он тебе нравится!

— Нравится человек или ты его любишь — это не одно и то же, — прошептала Кэт.

— Одно легко переходит в другое. Так часто бывает, особенно после брака. Даже не так уж хорошо, когда влюбляются сразу, с первого взгляда. «Скоро полюбили — скоро разлюбили», — говорит пословица. Ничего, Кэт, ты полюбишь мистера Смизи, когда станешь хозяйкой замка Монтегю и первой дамой на Ямайке. Это ли не счастье для женщины, малютка!

«С ним я была бы счастлива и в хижине», — подумала Кэт, но она, как, наверно, легко догадался читатель, имела в виду не мистера Смизи.

— Став миссис Монтегю Смизи, — продолжал судья, стараясь пробудить в дочери тщеславие, — ты будешь вращаться в самом фешенебельном обществе, приобретешь тóлпы друзей. Пойми, пока все это для тебя закрыто. Ты же знаешь, Кэтрин...

Он намекал на что-то, как будто обоим им хорошо известное. Даже не обратив внимания, какое действие произвели на дочь его намеки, он продолжал расписывать в розовых тонах картину будущей жизни Кэт в роли миссис Монтегю Смизи.

— Да, детка, на тебя будут устремлены взгляды всего общества. Выездные лошади, кареты, наряды, толпы слуг — все будет к твоим услугам. А великолепная, упоительная поездка в Лондон! В столице ты све-

дешь знакомство с важными, знатными лордами и леди, станешь посещать оперу и балы, где будешь блистать и прослывешь первой красавицей, — слышишь, дочка? О тебе заговорят, тобой будут восхищаться. Ну неужели все это тебя не прельщает?

— Ах, папа, мне это совсем не по душе, — сказала Кэт, мало плененная перспективами роскоши и величия. — Знатность, богатство, балы — нет, меня никогда это не влекло, ты же знаешь. Все это не может дать счастья, во всяком случае мне. Я буду страдать вдали от родного дома. Какие радости найду я в шумной столице? Никаких. Я стану тосковать по нашим горам и лесам, по нашим чудесным деревьям, усыпанным яркими, ароматными цветами, по нашим птицам, по их нежным песням. Опера и балы! Я терпеть не могу балов. Блистать на них, слыть первой красавицей? Право, папа, мне неприятно об этом думать.

Кэт снова вспомнила о бале в честь Смизи. Тягостные воспоминания были вдвойне неприятны, потому что в тот вечер ей не раз приходилось слышать слова «первая красавица» по адресу той, которая отняла у нее счастье.

— Как только ты попадешь в высшее общество, твои вкусы переменятся. Так всегда бывает с молодыми девушками. И в балах нет решительно ничего дурного, если молодая дама посещает их в сопровождении мужа... Но, Кэт, давай перейдем к делу. — Мистер Воган нервничал и терял терпение. — Мистер Смизи ждет.

— Ждет? Чего ждет, папа?

— Оставь, Кэт! — Его просто бесила непонятливость дочери. — Неужели ты все еще не догадываешься? Кажется, я дал тебе понять достаточно ясно. Мистер Смизи делает тебе предложение. И ждет ответа. Полагаю, ты не собираешься ему отказывать? Это было бы недопустимо. Ты должна принять его предложение!

До сих пор мистер Воган говорил мягко, благодушно, но последние его слова прозвучали, как приказ, почти как угроза. Они резанули слух Кэт и могли бы

вызвать в ней чувство протеста. Так бы, наверно, и случилось, если бы разговор с отцом происходил накануне бала. Но теперь, когда она уже совершенно изверилась в возможность счастья с Гербертом, у нее не было силы сопротивляться воле отца. И с каким-то покорным отчаянием она согласилась принести жертву, которую требовал от нее отец.

— Я сказала тебе правду, — произнесла она твердо и решительно, глядя отцу в глаза. — Я никогда не отдам сердца мистеру Смизи и скажу это ему самому.

— Нет-нет, ни в коем случае! — поспешно остановил ее отец. — Ни в коем случае! Скажи, что согласна выйти за него замуж, а про сердце вообще не упоминай. Сердце ты ему подаришь после, когда вы поженитесь.

— Никогда! — Бедная девушка горько вздохнула. — Даже ради тебя, отец, я не пойду на обман. Мистер Смизи должен знать всю правду, я не стану подавать ему ложные надежды. И если он готов довольствоваться моей рукой без моего сердца...

— Значит, ты согласна, ты отдаешь ему свою руку?

Судья был в восторге.

— Это ты отдаешь ее, отец, а не я...

— Ну хорошо, хорошо, пусть я, — быстро прервал ее мистер Воган, ища глазами беспечного любителя бабочек. — И я немедленно передам ему, что ты согласна... Мистер Смизи!

По-видимому, Смизи, в чаянии радостных известий, подошел очень близко к павильону, потому что немедленно отозвался на призыв и через секунду уже стоял на пороге.

— Сэр! — с подобающей случаю торжественностью провозгласил Лофтус Воган. — Вы просили руки моей дочери. Счастлив сообщить вам, что дочь моя выразила согласие стать вашей супругой. Горжусь честью назвать вас своим зятем, сэр!

Судья остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ах, право, — запинаясь, выговорил Смизи, — я так счастлив, что... Право, вот сюрприз... Никак не

ожидал. Честное слово, мисс Воган, я не ожидал, что меня ждет такое счастье...

— Ну, дети мои, — игриво прервал его судья, желая прийти на помощь смутившемуся жениху, — я соединил вас, а теперь оставлю одних.

Крайне довольный исходом дела, мистер Воган вышел из павильона и скрылся за углом дома.

Не будем мешать оставшимся наедине жениху и невесте, не будем подслушивать их беседу. Скажем только, что, когда Смизи с несколько вытянутой физиономией вышел из павильона, вид у него был скорее унылый и недоумевающий, чем ликующий. Тень, омрачавшая лицо Кэт, как будто легла и на лицо Смизи.

— Ну как? — с беспокойством обратился к нему будущий тесть.

— Превосходно, — промямлил Смизи, — превосходно! Только, право, странно... Весьма странно.

— Что весьма странно, мистер Смизи?

— Все прошло как-то слишком уж спокойно. Я ожидал, что будет волнение, радость... Нет, ничего похожего! Она выслушала мое объяснение совершенно равнодушно.

Даже хуже, чем просто равнодушно, добавим мы. Кэт сдержала слово, сказав Смизи, что отдает ему руку, но не сердце.

Глава LIV

УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

На обращенном к Счастливой Долине склоне горы неподалеку от Утеса Юмбо бьет родник. Струясь по склону, он соединяется с другими подобными же родниками, и все вместе они образуют поток, который, пенясь, стремительно льется с уступа на уступ. На середине склона он встречает на своем пути глубокую продолговатую впадину — вернее, ущелье, куда и падают прозрачным каскадом его воды. Ущелье напоминает кратер потухшего вулкана: стены его уходят вниз

на добрые двести футов. Но по своим очертаниям оно похоже на корпус корабля. Водопад свергается как бы на корму этого корабля и затем вытекает через узкую щель в носовой части.

Русло потока идет сперва прямо, рассекая дно ущелья надвое. Но вскоре, встретив на пути какое-то препятствие, оно широко разливается, от чего образуется озеро.

Выйдя через темный, узкий проход внизу ущелья, окруженный с обоих боков высокими отвесными скалами, вода из озера свергается вниз, образуя второй, более мощный водопад, высотой в несколько сот футов, и, стекая дальше по склону, сливается с водами Монтего-ривер.

Первый, или верхний, каскад низвергается на ложе из черных камней, над которыми постоянно висит белое облако водяной пыли, словно пар, поднимающийся из гигантского котла. Когда на эту сторону светит солнце, белое, словно пуховое, облако начинает сверкать, окрашиваясь во все цвета радуги. Но мало кому удается видеть это редкое явление природы, ибо Ущелье Дьявола, как называют его негры, пользуется столь же дурной репутацией, что и Утес Юмбо. Немногие отваживались подойти к самому краю ущелья, еще меньше нашлось храбрецов, которые осмелились бы спуститься вниз.

Последнее, впрочем, объяснялось не только суеверным ужасом — спуск в ущелье был почти невозможным. На обступивших его со всех сторон отвесных утесах не было ни троп, ни выступов, на которые могла бы опереться нога человека. Только в одном месте, над самым озером, можно все же спуститься до дна ущелья, цепляясь за низкорослые деревья, ютящиеся в расселинах скал. Ловкий человек сумел бы спуститься вниз, но на другую сторону ущелья можно было переправиться только вплавь. Это было, однако, очень опасно из-за сильного течения в сторону второго водопада. И все же кто-то не отступил перед этими опасностями. Внимательно всмотревшись в переплетающиеся ветви деревьев на утесах, в одном месте можно было

заметить нечто вроде лестницы. Ступенями служили корявые сучья, связанные между собой лианами. Из глубины ущелья поднималась порой тонкая струйка дыма. Она вилась над самыми верхушками деревьев и затем таяла в воздухе. Только стоя на самом краю ущелья и раздвинув листву, представлялась возможность разглядеть этот дымок, похожий на небольшое облачко, отделившееся от огромного облака водяной пыли. Однако дымок этот был серовато-голубым — несомненно, дым костра, зажженного руками человека.

Дым поднимался со дна ущелья трижды в день — утром, в полдень и вечером, как если бы костер разводился, чтобы стряпать завтрак, обед и ужин. Все это говорило о присутствии человека. Очевидно, кто-то, не поддавшись суеверному страху, поселился в Ущелье Дьявола.

Имелись и другие признаки того, что в ущелье живет человек. У берега озера, скрытый ветвями склонившегося к воде дерева и свисающими с него серебристыми фестонами испанского мха, стоял небольшой, грубо выдолбленный челнок. Ивовый прут, которым челнок был привязан к дереву, не оставлял сомнений в том, что лодка попала сюда не случайно, что у нее есть хозяин, рассчитывающий к ней вернуться.

Края озера, как уже говорилось, поросли высоким строевым лесом: по форме стволов и листвы глаз опытного ботаника немедленно узнал бы великолепные местные породы, которыми так славятся леса Ямайки. Здесь росла гигантская кедрела и ее родственник — ложный кедр, с листьями, как у вяза, а также известное всему миру красное дерево. Там и здесь виднелись копьевидные стебли бамбука, иногда образующие целые заросли вперемежку с гигантскими папоротниками, изящные, словно кружевные, листья которых казались ажурной сеткой на фоне синего неба. На богатой почве буйно разрослись капустные пальмы — «принцессы ямайских лесов», как часто называют это благородное дерево. А рядом, вызывая восхищение своей мощью, стояла сейба — величественный патриарх вест-индских лесов. Седой испанский мох, ниспадающий с

раскидистых ветвей сейбы, напоминал бороду, вполне подобающую этому почтенному старцу.

На каждом дереве можно было заметить паразитические растения, и не одного, а сотен видов и самых причудливых форм. Некоторые обвивались вокруг стволов и сучьев, как огромные змеи или канаты, другие разрослись в развилинах ветвей, а иные свисали с самых верхушек, напоминая корабельные вымпелы. Многие растения-паразиты, перекинутые с дерева на дерево, были сплошь усыпаны яркими цветами, и потому весь лес казался огромной беседкой. Почти у самого подножия утеса, там, где низвергался водяной каскад, стояло дерево, заслуживающее особого упоминания. Это была сейба колоссальных размеров — диаметр ее массивного ствола достигал пятидесяти футов. Дерево поднималось почти до вершины утеса, а под его ветвями вполне могли расположиться пятьсот человек; листва его была довольно скудной, но сплошь покрывший его ветви испанский мох образовал настоящую крышу, не пропускающую солнечных лучей.

Но не величина дерева выделяла его среди многочисленных собратьев. Оно привлекало к себе внимание стоящей между его двумя огромными, выступающими над землей корнями хижиной — весьма примитивным сооружением, которому эти огромные плоские корни служили боковыми стенами. Переднюю стену хижины заменял частокол из бамбуковых палок. Из них же была сделана и дверь — вернее, калитка, державшаяся, как на петлях, на ивовых прутьях. Устройство крыши также было нехитрое. На выступы корней, образующих боковые стены, было настлано несколько поперечных шестов и на них положены длинные перистые листья капустной пальмы.

Хижина получилась треугольной, но не такой уж тесной. Во всяком случае, она была достаточно просторна для своего обитателя — единственного, судя по бамбуковому настилу, служившему кроватью, который был слишком узок для двоих; все постельные принадлежности состояли из камышовой циновки и драного одеяла. Тут же валялись кое-какие предметы муж-

ской одежды. Значит, здесь жил мужчина. Обстановка отличалась необыкновенной скудостью. Собственно говоря, кроме настила, служившего, по-видимому, не только постелью, но и столом и стулом, старого жестяного котелка и нескольких тыквенных бутылок и мисок, в хижине не было ничего, что заслуживало бы название домашней утвари.

Зато здесь находилось множество вещей, характер и назначение которых было трудно определить. По стенам висели странные предметы; некоторые — просто смешные, другие — внушающие ужас. Среди последних особенно бросались в глаза кожа безобразной ямайской ящерицы, двухголового змея, череп и клыки дикого кабана, высушенные ящерицы гекко, огромные летучие мыши, морды которых были похожи на человеческие лица, и другие отвратительные создания. Еще более таинственным было содержание небольших мешочков, подвешенных к стропилам крыши: комочки белой глины, когти филина, клювы и перья попугаев, зубы кошек, аллигаторов и агути, тряпицы, кусочки битого стекла и целый ворох совершенно непонятных вещей. В углу стояла корзина, наполненная ядовитыми корешками и травами.

Чужестранец, случайно попавший сюда, решительно ничего не понял бы, но житель Ямайки, знакомый с верованиями короманти, сразу определил бы, что странные предметы — африканские фетиши, что хижина — храм Оби и что хозяин ее — жрец этого культа.

Глава LV

ЧАКРА, ЖРЕЦ ОБИ

Солнце уже опускалось в голубизну Караибского моря, окрашивая в кармин блестящую, искрящуюся поверхность Утеса Юмбо, когда на тропинке, ведущей к вершине утеса, показалась человеческая фигура. Несмотря на царивший в тропическом лесу мрак, сгущавшийся вместе с быстро надвигавшимися сумерка-

ми, можно было без труда определить, что это женщина и, судя по цвету кожи, мулатка. Она и одета была так, как обычно одеваются «цветные» женщины на Ямайке: платье из пестрого ситца с широким вырезом на груди, на голове пестрый платок. Из этого и состоял весь ее костюм, если не считать рубашки сомнительной белизны, вышитый край которой виднелся в вырезе платья. Ноги мулатки были босы.

Это была высокая, крупная женщина. Лицо ее нельзя было назвать некрасивым, хотя оно не отличалось тонкостью черт. Но красота была грубой, чувственной.

Мулатка шла твердой походкой, говорившей о смелости и решимости. И в самом деле, требовалась немалая решимость, чтобы отважиться в такой поздний час отправиться одной на Утес Юмбо. Но есть чувства более сильные, чем страх. Он отступает перед страстной любовью и перед жгучей ревностью.

Наверно, одинокую путницу терзала одна из этих страстей.

Сквозившее во взгляде женщины нервное беспокойство, переходящее временами в сильную тревогу, заставляло предполагать скорее ревность. Любовь не так мрачна, она всегда таит в себе надежду. Только необычное дело могло привести мулатку ночью на Утес Юмбо, но какое, догадаться было невозможно. В руке она несла корзинку с провизией. Из-под полуоткрытой крышки виднелись бататы, помидоры, бананы, стручковый перец и большой кусок жареной цесарки.

Могло бы показаться, что она идет на рынок. Но поздний час, обеспокоенный вид мулатки, самое место — все это не допускало предположения, что провизия предназначена для продажи. Да и кто бы купил ее на Утесе Юмбо! Впрочем, мулатка направлялась не туда. Вот она дошла до места, откуда уже видна его вершина, постояла минуты две, огляделась по сторонам, как будто проверяя, не сбилась ли с пути, и затем свернула влево. Не страх погнал ее прочь от утеса, ибо она шла теперь к месту, пользующемуся не менее дурной репутацией: она направлялась к Ущелью Дьявола.

Теперь уже не оставалось сомнений, что мулатка шла именно туда. Хотя тропы к ущелью не было, она выбирала направление с уверенностью, ясно показывавшей, что она здесь не впервые. Она смело пробиралась сквозь путаницу ветвей и лиан, пока не дошла до края ущелья, откуда начинался спуск к озеру. Тут мулатка остановилась и стала подавать кому-то сигналы.

Вынув из кармана небольшой белый платок, она повесила его на сук дерева, росшего над самым обрывом, и, опершись рукой о древесный ствол, устремила внимательный взгляд на озеро внизу. В сгустившейся темноте даже белый платок мог остаться незамеченным, но мулатку это, по-видимому, не беспокоило. Лицо ее выражало уверенность, словно она не сомневалась в том, что тот, кому подан знак, заранее уведомлен и ждет его.

Она не обманулась в ожиданиях. Не прошло и пяти минут, как из-за темных ветвей и мхов у дальнего края озера показался челн и поплыл к месту, где стояла женщина.

В лодке находился только один человек. Даже в вечерней темноте можно было заметить, как безобразна его наружность.

Это был старый негр огромного роста, о чем свидетельствовала громадная ширина плеч, на которых сидела большая, почти без шеи, голова. Он был горбат. Неимоверно длинные, обезьяньи руки давали ему возможность дотягиваться до бортов лодки без всяких усилий, не меняя положения: туловище его все время оставалось неподвижным.

Одет он был причудливо и странно. Только штаны на нем были такие, какие обычно носят все рабы на сахарных плантациях — из грубого белого холста. Грязновато-желтый оттенок их ясно говорил, что штаны давно не знали стирки, а буро-красные пятна свидетельствовали о том, что если их и касалась влага, то не вода, а кровь. На плечи негра был накинут плащ из звериных шкур, доходивший ему до ляжек, а у горла стянутый кожаным ремнем. Негр был бос, да он и не

Из-за темных ветвей и мхов показался челн.

нуждался в обуви — так заскорузли и огрубели подошвы его ног. На голове у него красовался совсем уже фантастический убор — что-то вроде шапки из меха дикого зверя, плотно облегающей огромный череп. Полей не было, их заменяло чучело большой желтой змеи. Голова пресмыкающегося приходилась как раз над серединой его лба. В глазницы были вставлены два сверкающих камешка, отчего змея казалась живой. Впечатление создавалось на редкость страшное и отталкивающее.

Впрочем, физиономия старика и сама по себе была достаточно отвратительна и внушала ужас. Угрюмо-злобный взгляд глубоко посаженных глаз, широкие вывернутые ноздри, сверкающие заостренные зубы, похожие на акульи, лиловые губы и красная татуировка на щеках и широченной груди, обнажавшейся всякий раз, когда горбун отводил назад весло, — все вместе взятое делало его облик столь чудовищным, что, и не будь змеи, на старика было бы жутко смотреть. Казалось, он наводил ужас даже на пернатых обитателей ущелья. Сидевшая в осоке цапля взметнулась вверх с испуганным криком, а фламинго, расправив крылья, поднялись над утесами и скрылись за их вершинами.

Как ни была смела и полна решимости мулатка, поджидавшая негра, и она содрогнулась, когда челн подплыл ближе. Мгновение она, казалось, сомневалась, стоит ли доверяться такому чудовищу, но вскоре, движимая чувствами посильнее страха, обрела прежнюю решимость и, когда из челнока послышался приказ спуститься, сняла с ветки платок, ухватила покрепче корзинку и начала спускаться по оплетающим утес ветвям и лианам.

Челн снова вышел на середину озера. Теперь на корме сидела мулатка, а негр греб, напрягая все силы, чтобы легкое суденышко не снесло к водопаду, который с шипением и ревом несся вниз. Достигнув дерева, где прежде находилась лодка, негр вновь привязал ее к стволу. Затем, выбравшись на сушу, он зашагал к храму Оби, жрецом и оракулом которого являлся. Женщина последовала за ним.

Глава LVI

ВОСКРЕСШИЙ МЕРТВЕЦ

Дойдя до хижины возле сейбы, жрец прошел внутрь. Тоном скорее приказания, чем просьбы, он предложил женщине следовать за собой. Мулатка колебалась. Внутри хижины было темно, как в аду, хотя и снаружи теперь было уже немногим светлее. Мох на ветвях сейбы не пропускал ни единого луча лунного света. Негр заметил нерешительность женщины.

— Входи! — грубо приказал он. — Что ты, не знаешь меня, что ли? Чего ты испугалась?

— Я не испугалась, Чакра, — ответила она, хотя дрожь в ее голосе говорила о другом. — Только там такая темь...

— Тогда подожди здесь. Сейчас я зажгу огонь.

Вскоре послышался звук ударов стали о кремень. Вспыхнули искры. Жрец дал разгореться щепке, затем зажег светильник, сделанный из щитка черепахи, где в жире дикого кабана плавал фитиль из древесного лыка.

— Теперь можешь войти, Синтия. — Жрец поставил плошку на пол. — Что, все еще трусишь? И это ты, дочь Юноны! Твоя мать не боялась старого Чакры. Ей и сам дьявол был не страшен.

Женщина, наверно, подумала, что дьявол едва ли многим страшнее человека, стоявшего сейчас перед ней.

— Как здесь жутко, Чакра! — сказала она, еще больше оробев при виде зловещего убранства стен. — Уж очень все страшно...

— Не страшнее, чем на Утесе Юмбо, — ответил ей жрец, сопровождая эти слова многозначительным взглядом и угрюмой усмешкой.

— Верно, Чакра, — согласилась мулатка, постепенно приходя в себя. — Верно. Уж тебе ли это не знать! Но скажи, — продолжала она, уступая чувству женского любопытства, — как тебе удалось уйти с утеса? Люди говорили, что видели твой скелет, прикованный к стволу пальмы.

— Люди говорили правду. Это был мой скелет.

Женщина посмотрела на старика. Взгляд ее выражал изумление и страх.

— Твой скелет? — пробормотала она недоумевающе.

— Ну да, вот эти самые старые кости: череп, ребра, суставы, руки и ноги. Что, Синтия, тебя это удивляет? Что, ты не знаешь, кто такой Чакра? Не знаешь, что он служит великому Оби? Тот, кто служит Оби, знает, как возвращать жизнь мертвецу. Можешь быть спокойна, Чакра отлично все это знает. Его нельзя убить никогда! Никто не в силах его умертвить — ни белые, ни черные. Пусть в него стреляют пулями, пусть вешают, отрубают голову — он снова оживет, как синяя ящерица или стеклянная змея[1]. Его пробовали прикончить, тебе это известно. Его морили голодом, и он умер от голода и жажды. Стервятники выклевали ему глаза, склевали мясо с костей старого Чакры. И остался один голый скелет. А все-таки Чакра жив! Видишь, у него новые кости, новое тело. И он все такой же здоровый и сильный.

Заливаясь хохотом, страшный старик стоял перед мулаткой, вскинув вверх руки, словно предлагая ей убедиться, что действительно воскрес из мертвых. Синтия окаменела от ужаса. Она поверила каждому слову Чакры. Страх перед сверхъестественным сковал ей язык, она не в состоянии была произнести ни слова. Жрец заметил, какое он произвел впечатление. Видя, что любопытство ее вполне удовлетворено и что у нее не осталось ни малейшей охоты выслушивать и дальше его рассказы о воскрешении, он благоразумно заговорил на более обыденную тему:

— Ты принесла корзинку?.. Ага, вот она! Овощи для похлебки, дичина... А выпить ты мне принесла? Не забыла? Это самое главное.

— Не забыла, Чакра. На дне корзинки бутылка рому. Уж как трудно было мне ее выкрасть!

---

[1] Стеклянная змея — безногая ящерица, похожая внешне на змею; стеклянной прозвана за необычайную хрупкость длинного хвоста, который легко разламывается на мелкие кусочки.

— У кого же ты ее украла?

— У хозяина, конечно. Он что-то последнее время никому не доверяет, держит все ключи при себе. Нам, цветным слугам, запрещает и близко подходить к погребу.

— Ладно, ладно, Синтия! Подожди, Чакра еще доберется до твоего хозяина!.. Эх, хорошо винцо! — Он вытащил из корзинки бутылку и рассматривал ее на свет. — Белый священник говорит, что запретный плод сладок. Может, и запретный ром тоже сладок? Ха-ха-ха! Сейчас проверим.

Негр выдернул пробку и засунул глубоко в рот горлышко бутылки. Послышалось бульканье. Только опустошив бутылку наполовину, старик оторвался наконец от рома.

— Ух! — Он хрюкнул, как дикий кабан, и огромной лапищей похлопал себя по животу. — Пусть кто хочет ест запретные плоды, а мне подавайте запретного рому! Ха-ха-ха! Ты молодчина, Синтия, что принесла еду и питье старому Чакре.

— И еще принесу, как только наберу.

— Старайся, старайся, Синтия!.. А теперь скажи-ка, — заговорил он уже другим тоном и взглянул на мулатку: — что привело тебя ко мне сегодня? Говори!

Синтия колебалась. Есть тайны, которые женщины открывают неохотно: о своей любви они готовы поведать лишь тому, кому эта тайна принадлежит по праву.

— Что ж молчишь? Говори, не бойся старого Чакры. Он все равно уже знает твой секрет. Ты любишь Кубину, марона с гор.

— Да, Чакра. От тебя ничего не скроется.

— Чакра знает все. Ну, так что же? Кубина на тебя не смотрит?

— Нет, Чакра, нет! Он меня не любит... — Лицо Синтии мучительно исказилось. — Раньше мне думалось, что я мила ему, но теперь...

— У него другая на уме?

— Да.

— Кто же эта другая?

— Йола.

— Йола? Первый раз слышу это имя. Кто она?

— Из Горного Приюта, служанка мисс Кэт.

— «Мисс Кэт»! Лили Квашебы, ты хочешь сказать? — Старик хитро усмехнулся. — Но расскажи-ка мне про Йолу. Откуда она?

— Ее купили у старого Джесюрона. Это уже после того, как ты ушел из поместья.

— Ушел?.. Ну да, ушел по своей доброй воле, чтобы сдохнуть на Утесе Юмбо! Ха-ха-ха! Ну, что же? Говоришь, Кубина заглядывается на эту девчонку?

— Да.

— А она что?

— Она? Конечно, тоже его любит. Разве можно не любить его!

Синтия, очевидно, считала молодого марона совершенно неотразимым.

— Что тебе от меня нужно? Хочешь отомстить Кубине за измену? Хочешь, чтобы я наслал на него смерть?

— Нет-нет! Что ты, Чакра! Только не это!

— Значит, тебе требуется любовное зелье?

— Ах, если бы Кубина снова полюбил меня! Скажи, Чакра, нельзя ли заставить его?

— Все подвластно старому Чакре. И он докажет это, вернув тебе любовь Кубины.

— Спасибо, спасибо тебе, Чакра! — с жаром благодарила Синтия, простирая руки к старику. — Чем мне только отплатить тебе, Чакра? Я принесу тебе все, что ни попросишь. Я украду для тебя рому, всякого другого вина. Каждый вечер я буду приносить тебе вкусную еду.

— Это все не плохо, Синтия, но ты должна сделать больше.

— Проси что хочешь!

— Ты должна помочь мне в колдовстве. Для того дела, что я задумал, мне нужна помощница.

— Ты только скажи — я все сделаю! Я поступлю, как ты велишь.

— Тогда слушай. Садись вон там, на скамью. Разговор будет долгий.

Синтия послушно уселась на бамбуковый настил, молча и с неослабным вниманием следя за каждым движением отвратительного старика. Не без тайного страха она ждала, что он ей сейчас скажет и чего от нее потребует.

Глава LVII

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

Лицо жреца стало торжественным. Мулатка почувствовала, что в оплату за свои услуги старик потребует от нее значительно большего, чем еда и питье. Его таинственное поведение пугало ее. Он расхаживал по хижине, наклоняясь то перед одним, то перед другим жутким украшением на стене или роясь в мешочках и корзине в поисках чего-то. Царившую кругом тишину нарушал только несмолкающий, наводящий уныние шум водопада. Несмотря на природную храбрость, несмотря на пожирающую ее жгучую страсть, мулатка все больше поддавалась безотчетному страху.

Жрец Оби, вознеся молитвы каждому фетишу по очереди, снова обратился к бутылке с ромом — очевидно, самому могучему божеству во всем его пантеоне. Вновь влив в себя изрядное количество рома и издав кабанье хрюканье, он поставил бутылку и, усевшись на щит гигантской черепахи, бывший одним из предметов утвари храма, принялся давать указания мулатке.

— Слушай, Синтия, — сказал он. — Любовные чары не действуют, если вместе с ними не готовится и зелье, которым напускают порчу.

— Как! — воскликнула Синтия в тревоге. — Порчу на Кубину?

— Да нет! Но, чтоб Кубина снова полюбил тебя, надо напустить порчу на кого-нибудь другого.

— На кого же? — спросила она с живостью. У нее мелькнула мысль о той, кого она считала своим злейшим врагом.

— Кому ты желаешь зла? Кто тебе ненавистнее всех?

— Йола, — без колебания ответила Синтия тихим голосом.

— Нет, не годится. Надо, чтобы это был мужчина. Твой Кубина вернется к тебе, только если будет напущена порча на белого господина — так сказал мне Оби.

— Ах, если бы! — страстно воскликнула мулатка, загораясь надеждой. — Я сделаю все, что угодно!

— Так помоги мне напустить порчу на белого человека. Он и твой враг, и мой тоже.

— Кто же это?

— И ты спрашиваешь? Кто обманул тебя, когда ты была еще совсем молоденькой? Или ты забыла, Синтия?

Мулатка медленно подняла глаза на старика.

— Масса Лофтус Воган? — спросила она шепотом.

— Ну да! Кто же еще? Он и мой враг и твой!

— И я должна...

— ...помочь мне напустить на него порчу, — докончил за нее жрец.

Некоторое время женщина молчала, погруженная в размышления.

— Он, только он нам и нужен! — продолжал искуситель. — Никто другой. Так велит Оби, великий бог.

— Если этой ценой я верну себе Кубину, мне все равно, будь это он или кто другой.

— Тогда не будем тратить слов попусту. Ты должна помочь Оби.

— Что же мне нужно сделать? — Голос у Синтии дрожал. — Скажи, Чакра, не томи...

— Все скажу, но не сегодня. Прежде надо все обдумать, подготовить. Великий Оби не сразу склоняется к мольбам, даже к мольбам старого Чакры. Приходи, когда увидишь мой знак на дереве. А пока — держи язык за зубами. Ты одна из немногих, кто знает, что старый Чакра жив. Остальные видят меня только в маске служителя Оби. Никто и не подозревает, кто я такой на самом деле. Запомни: если скажешь хоть слово...

— Что ты, что ты, Чакра! Никому на свете!

— Смотри же! А то наведу порчу на тебя. Все в моей власти! — Старик поднялся. — Теперь иди. Я под-

жидаю одного человека. Вам незачем встречаться. Забирай свою корзинку и иди за мной.

Он опорожнил корзинку, подал ее женщине, и оба они вышли из хижины.

Глава LVIII

ВОСКРЕСШИЙ ЧАКРА

Итак, в Ущелье Дьявола два заговорщика замыслили убийство судьи Вогана. Почему же Синтия так легко пошла на это? Здесь потребуются некоторые разъяснения.

Синтия, одна из многочисленных невольниц поместья Горный Приют, в ранней молодости была недурна собой. Нельзя сказать, что теперь вся красота ее исчезла, но от былого девичьего очарования не осталось и следа. В наружности Синтии было слишком много грубого и чувственного.

Не будь Синтия рабыней и живи она в другой стране, ее судьба, возможно, сложилась бы иначе. Но здесь, в стране рабства, красота Синтии оказалась для нее роковой. Синтия пошла по плохой дороге.

В свое время у Синтии было немало поклонников. Но лишь к одному человеку воспылала она любовью, или, правильнее сказать, страстью такой силы, что ей суждено было угаснуть лишь вместе с жизнью Синтии. Предметом этой страсти оказался молодой начальник маронов Кубина. И, хотя любовь эта вспыхнула сравнительно не так давно, она целиком овладела Синтией. Синтия была готова на все, лишь бы добиться взаимности.

Надо отдать справедливость Кубине: он никогда не любил Синтию. И, хотя она утверждала обратное, это не соответствовало истине. Но так легко принять желаемое за действительное! Кубина не раз обменивался дружеским словом с Синтией, им приходилось часто встречаться. Но слова дружбы Синтия принимала за слова любви, истолковывая их по-своему.

За последнее время страсть Синтии разгорелась еще сильнее, разжигаемая ревностью к Йоле. Кубина и Йола познакомились недавно, но Синтия успела подметить достаточно, чтобы убедиться, что в Йоле она встретила соперницу. Ревность требовала мести, и Синтия начала придумывать страшные способы отомстить. И тут как раз на ее путь пала тень Чакры. Синтия часто бродила по ночам в лесу, надеясь встретить Кубину и проверить свои подозрения относительно Йолы. И вот однажды она встретила там человека, вид которого повергрг ее в ужас. И неудивительно: ведь сначала она подумала, что это не человек, а призрак — дух Чакры, служителя Оби!

Что ей действительно повстречалось привидение, Синтия не усомнилась ни на минуту и осталась бы при этом убеждении, если бы ей удалось тут же скрыться. Но длинные, обезьяньи руки колдуна мгновенно схватили ее, и тут она убедилась, что это не дух Чакры, а сам Чакра, живой и невредимый. Встреча эта произошла не совсем случайно. Чакра давно искал ее. Синтия была нужна ему как сообщница.

Мулатка никому не открыла тайны Чакры. Ведь когда-то он был другом ее матери и часто качал на коленях маленькую Синтию. Но не только чувство старой привязанности заставило молчать Синтию, дочь Юноны: страх сковал ей язык. Была еще и третья причина: у нее мелькнула мысль, что старый колдун может оказаться полезным. Кто, как не он, способен послужить орудием мести, о которой Синтия уже втайне помышляла? Вот почему она так быстро договорилась со стариком. Эта встреча произошла всего за несколько дней до только что описанной сцены в хижине Чакры.

Зачем понадобилась мулатка старому колдуну? Ему нужна была ее помощь, чтобы погубить его врага, плантатора Лофтуса Вогана. Чакра отлично знал характер Синтии, знал также, что ей, служанке в доме плантатора, может представиться тысяча случаев совершить убийство. Обещание приворожить ей Кубину давало в руки Чакры власть над влюбленной мулаткой, давало возможность заставить ее служить его собственным це-

лям. Но Синтия не знала, что в намерения колдуна входило и другое: он собпрался в один прекрасный день расправиться и с молодым мароном, как в свое время расправился с его отцом, старым Кубиной, вражду к которому он перенес и на его сына, и ожидал только подходящего случая для осуществления своих гнусных замыслов. Синтия, разумеется, не имела об этом никакого понятия.

Что касается убийства судьи Вогана, то тут в мотивах Чакры не было ничего таинственного, и его поведение до некоторой степени можно было оправдать. Жестокий приговор и зверская расправа на Утесе Юмбо пробудили бы желание мести даже в человеке менее свирепом по натуре, чем Чакра.

Но каким образом Чакра воскрес? Об этом знал только он, да еще некто — не африканский бог, всемогущий Оби, но наш старый знакомый, Джекоб Джесюрон!

Это был довольно нехитрый трюк — освободить Чакру от цепей и приковать вместо него к пальме труп одного из рабов Джесюрона. На плантации последнего смерть негра не была большой редкостью.

Но почему же Джесюрон вызволил Чакру? Из человеколюбия? О нет! Если бы у Джесюрона не было других побудительных причин, сгнить бы старому колдуну в тени пальмы! Нет, у Джесюрона были свои ему одному известные цели, ради которых он и спас осужденного преступника.

«Воскреснув», Чакра с еще большим жаром принялся за свои прежние занятия, но теперь уже в строжайшей, тщательно соблюдаемой тайне. Приняв новое имя и никогда не снимая маски, колдун скоро собрал вокруг себя немало сообщников. Он встречался с ними только по ночам, и никто из них и не подозревал о храме в Ущелье Дьявола.

Хотя последователи культа Оби редко открывают местопребывание жреца, — даже сами жертвы колдовства не решаются на это, — Чакра принимал дополнительные меры предосторожности. Он знал, что над ним тяготеет смертный приговор и что вторично ему едва

ли посчастливится спастись. Если его схватят, то на этот раз просто накинут петлю на шею и вздернут на первом суку.

Все это оживший колдун отлично знал и остерегался приближаться к Горному Приюту. В горах он чувствовал себя увереннее. Его охранял суеверный страх местных жителей перед Утесом Юмбо и Ущельем Дьявола. По ночам, однако, колдун, как хищный зверь, отваживался доходить до самых отдаленных плантаций. Рабы, принадлежавшие разным владельцам, мало общались между собой. Вот на этих-то отдаленных плантациях Чакра и завел себе почитателей, преданных, надежных людей. Вот уже год, как он снова занимался своей преступной деятельностью, а лишь очень немногие знали, кто он такой. Все были убеждены, что Чакра умер. А те, кому он иногда неожиданно встречался, клялись потом, что видели в лесу дух старого колдуна, давно умершего, и встреча эта отбивала у них охоту бродить ночью по глухим лесам.

Глава LIX

СДЕЛКА С БОГОМ ОБИ

В течение некоторого времени после ухода Синтии храм Оби оставался пустым, если не считать находившихся там немых божков. Жрец вышел, чтобы переправить через озеро свою новую сообщницу. Через несколько минут он вернулся один. Разговор с мулаткой, как видно, привел его в отличное расположение духа. Даже при тусклом свете светильника можно было видеть на его свирепом лице выражение сатанинской радости.

— Один уже мертв! — раздался его ликующий возглас. — Второй на смертном одре. Теперь дело за третьим, последним и самым ненавистным. Ха-ха-ха! Скоро и он почувствует, что такое месть Чакры, жреца Оби!

Взрывы дикого, безумного смеха трижды раздались под развесистыми ветвями сейбы и, отраженные от скал,

глухо раскатились по всему ущелью. Смех этот вспугнул обитателей темного озера. Закричал журавль, послышался пронзительный вопль ибиса. Не успели замереть эти звуки, как сверху, с края ущелья, донесся другой, совсем иной звук — как будто кто-то свистнул, вложив пальцы в рот.

Чакра не испугался: он знал, что это условный сигнал от того, кого он ждет.

— Вот и старик явился, — пробормотал колдун, пряча под настил бутылку с остатками рома. — Побудька пока здесь, — обратился он к бутылке, как к живому и любимому существу. — А гостя мы попотчуем приятными новостями. Старая ящерица взовьется от радости, как услышит их. Чакра не стал бы с тобой связываться, со старым плутом, да только нам с тобой здесь по пути... Ну, чего ты там рассвистелся?

Последнее было сказано потому, что сигнал повторился. Он прозвучал ближе, где-то возле озера. Очевидно, гость успел спуститься вниз и поджидал там хозяина.

Свист раздался в третий раз. Не медля больше, странный перевозчик, мрачный, как сам Харон [1], направился к лодке и снова повел ее через озеро. Когда челн подплыл к берегу, там уже стоял человек, только что спустившийся по лианам и сучьям с крутой скалы. При свете луны можно было рассмотреть синий сюртук, касторовую шляпу, темные очки и огромный зонт. Чакре не нужно было вглядываться в лицо, чтобы узнать посетителя: он знал его и ждал. Они не обменялись ни словом. Только когда Джесюрон, ухватившись за ветку, хотел прыгнуть в челн, Чакра предупредил его:

— Осторожнее, масса Джек, не толкните лодку, ее может снести к водопаду. Я и так еле-еле удерживаю старую посудину. Если я не совладаю с течением, тогда конец и ей и нам.

— Вот как! Настолько опасно? — Джесюрон взглянул туда, где грохотал водопад, и по спине у него про-

[1] Харон в древнегреческой мифологии перевозил через Стикс в подземное царство души умерших.

бежали мурашки. — Ничего, Чакра, не бойся. Я войду в лодку легонько, как перышко.

И Джесюрон опустил в лодку сперва зонт и уж потом последовал за ним и сам, ступая так осторожно, словно на дне лодки стояла корзина с яйцами. Гребец благополучно пересек озеро и, привязав лодку, повел своего посетителя к хижине.

Войдя в храм и взглянув на фантастические украшения на стенах, Джесюрон, однако, в отличие от мулатки, не обнаружил признаков ни удивления, ни страха. Ясно было, что он здесь не впервые. Он не высказал также и особого почтения к храму, развязно усевшись на бамбуковый настил и удовлетворенно хмыкнув. Потом он вытащил из широченного кармана сюртука нечто, оказавшееся бутылкой. Этикетка на ней сообщала, что в ней содержится коньяк. Радостное восклицание жреца показывало, насколько он доволен таким началом беседы.

— Стакан у тебя найдется? — обратился Джесюрон к хозяину.

— Нет. А это не сойдет? — И Чакра протянул гостю небольшую тыквенную кружку.

— Великолепно! Такое питье отлично пьется из любой посудины. Капитан Джоулер привез мне эту бутылочку в прошлый раз, когда вернулся из плавания. Глотнем разочек, друг мой Чакра, а уж потом приступим к делу.

Довольное хрюканье возвестило, что предложение принято.

— Ух! — крякнул колдун, выпив свою порцию.

— Да, недурно, — подтвердил Джесюрон, проделав то же самое.

Затем достойные собутыльники приступили к разговору. Первым заговорил Джесюрон.

— До меня дошли довольно странные слухи, — сказал он. — Может, и ты уже слышал? Знаешь, кто умер?

В глазах жреца вспыхнула свирепая радость.

— Ага! — воскликнул он.— Значит, он наконец протянул ноги?

— Кто это «он»? Я, кажется, не называл ничьего

имени. — Джесюрон с притворным удивлением поглядел на колдуна. — Правда, ты знал, что судья Бэйли болел, очень тяжело болел, и что надежды на его выздоровление не было. Да, он уже в гробу. Вчера скончался, бедняга...

Жрец Оби испустил глубокий вздох. Не сожаления, нет. Напротив, то был вздох полнейшего удовлетворения, какое не выразишь словами.

— И какое совпадение, — продолжал Джесюрон деланно простодушным тоном: — ведь совсем недавно перед этим умер мистер Риджли. Кажется, это двое из тех судей, которые приговорили тебя к смерти, Чакра, — не так ли? Видно, их покарала за тебя рука провидения.

— А может, рука дьявола? — Чакра многозначительно ухмыльнулся.

— Бог ли, черт ли — нам все равно. Главное, Чакра, ты отомщен, а кто тут вмешался, не так уж важно. Двое злейших врагов больше не опасны тебе, Чакра. А третий...

— ...скоро последует за ними, — докончил за него Чакра и хитро подмигнул.

— А что? — перешел вдруг на серьезный тон его собеседник. — Ты что-нибудь слышал? К тебе приходила Синтия?

— Только что ушла, всего с четверть часа назад.

— И что же? Она согласна?

— Не беспокойтесь, все сделает, что понадобится. Она теперь во власти Оби — он заставит ее сделать все, что ему угодно. Оби, великий бог, всесилен...

— Да-да, все это я знаю, — прервал его Джесюрон. — А если Оби не подействует, то тогда ты, Чакра, не оплошаешь. Знаю, у тебя найдется зелье посильнее чар Оби и всех богов, вместе взятых.

Они понимающе поглядели друг на друга.

— Сколько времени потребуется, чтобы твое снадобье оказало нужное действие? — спросил Джесюрон, помолчав и как будто мысленно произведя какие-то расчеты.

— Столько, сколько надо. Если нужно, Чакра самого сильного здоровяка отправит на тот свет за три дня.

А можно и за три часа, только это опаснее. Будет больше похоже на яд, чем на чары Оби. Да и три дня тоже слишком короткий срок. Три недели — вот самое подходящее. Тогда получится похоже, будто это болезнь — горячка или тиф. И ни у кого никаких подозрений.

— Три недели, говоришь? И никаких симптомов, никто ничего не заподозрит? Ты уверен, что этого достаточно? Помни, Чакра, Лофтус Воган силен, как бык.

— Через три недели сил у него останется не больше, чем у новорожденного теленка. Трех недель не пройдет, как ему будет крышка. Но бог Оби ведь не негр, он, как белый господин, любит, чтобы ему платили. Оби не станет ничего делать, пока ему не заплатят.

— Да-да, разумеется, Оби свое получит. Но сколько же все-таки он хочет за работу?

— Если самому Оби это дело не нужно, он берет сто фунтов, а если дело ему по душе, то всего пятьдесят.

— Пятьдесят фунтов! Деньги немалые, друг Чакра. Ведь дельце для Оби очень даже соблазнительное, а? Это также и его враг, он должен отомстить.

— Верно, Чакра это знает. Вот потому Оби и требует только пятьдесят. Враг сильный, одолеть его трудно. Другой колдун запросил бы все сто. Но, кроме Чакры, никто за это не возьмется, одному только старому Чакре дана такая сила.

— Ладно, пусть будет пятьдесят. Вот, получай задаток — ровно половину. — Джесюрон швырнул в протянутую руку старика кошелек с деньгами. — Остальные через три недели. И тогда наконец оба мы расквитаемся с судьей Воганом. У тебя свои, а у меня свои с ним счеты.

— Через три дня приходите в ущелье, масса Джек. Узнаете все, что нужно.

Тут снова появилась на свет бутылка, и, приложившись к ней напоследок, достойная пара покинула хижину. Хозяин, перевезя гостя через озеро, вернулся к себе и стал приканчивать остатки коньяка.

— Ух! — Он на минуту оторвался от бутылки. — Что это ему так не терпится доконать судью Вогана?..

Да мне до этого дела нет. У меня с ним свои счеты. Если Синтия не подведет, то и месяца не минет, как жирный плантатор, осудивший меня на смерть, станет обглоданным скелетом. А когда судья ляжет в могилу, Лили Квашеба, дочь той Квашебы, которая предпочла мне какого-то желтолицего марона, попадет в мои руки!

Глубоко запавшие глаза колдуна сверкнули зловещим блеском. Раздвинув рот в отвратительной гримасе, заменявшей ему улыбку, он снова принялся за ром и коньяк и пил до тех пор, пока винные пары не одолели его. Не переставая бормотать страшные угрозы врагу, Чакра, мертвецки пьяный, свалился на пол.

Глава LX

ПОЧЕМУ ДЖЕСЮРОН ХОТЕЛ СМЕРТИ СУДЬИ ВОГАНА

Читатель знает, почему Чакра жаждал смерти Лофтуса Вогана. Но почему так желал смерти богатого соседа Джекоб Джесюрон?

Ни одна живая душа не знала, какой секрет хранит коварный старик. Пора раскрыть читателю его тайные помыслы.

Джесюрон был отлично осведомлен о семейной истории плантатора Вогана еще в ту пору, когда тот управлял замком Монтегю. А когда, унаследовав поместье Горный Приют, Лофтус Воган стал его ближайшим соседом, Джесюрон разузнал всю подноготную его домашних дел и секретов. Он получил эти сведения, прислушиваясь к сплетням и заключая сделки, а больше всего — через Чакру. Колдун знал все, что происходило в Горном Приюте. Он знал даже слишком много — это, как уже говорилось, и привело его в свое время на Утес Юмбо. Джесюрон не раз прибегал к содействию Чакры в своих темных делах. Это тайное содружество длилось уже долгие годы. Но о семейных делах Вогана Джесюрон знал даже больше Чакры.

Чакра не подозревал, что у Лофтуса Вогана есть брат, а у того — единственный сын.

Джесюрон проведал, что судья Воган не любит своих английских родственников, не интересуется ими и не поддерживает с ними переписки. Но Джекоба Джесюрона эта родня соседа весьма интересовала. И вот почему.

Он пронюхал, что Лофтус Воган не состоял в законном браке с квартеронкой Квашебой. Это не имело бы никакого значения, будь она белой. Отец все равно мог оставить дочери свое имущество по завещанию.

Но мать Лили Квашебы, или, иначе, мисс Кэт, была квартеронкой и считалась «цветной», так что даже по завещанию Кэт могла унаследовать от отца не более полутора тысяч фунтов стерлингов. Раз Кэт не считалась белой, никакое завещание Лофтуса Вогана не сделало бы ее полной наследницей всего его имущества.

Он имел право завещать свое состояние кому угодно при одном условии, что это будет *белый*. Если же после смерти Лофтуса Вогана не останется такого завещания, то и поместье и все остальное имущество, движимое и недвижимое, перейдет к ближайшему прямому родственнику — то есть к его племяннику Герберту.

Неужели из этого положения не было никакого выхода? Нет, выход существовал: для этого требовалось специальное постановление гражданских властей.

Судья Воган все это знал и твердо намеревался добиться такого постановления. Он все собирался съездить в столицу Спаниш-Таун, но каждый раз по той или иной причине поездка откладывалась. Вот этой-то поездки и страшился Джекоб Джесюрон, и, чтобы помешать ей, он отправился в храм Оби, ища содействия жреца Чакры. Ведь если судья не успеет осуществить своего намерения, после его смерти Горный Приют достанется Герберту Вогану. А сердце Герберта уже отдано Юдифи Джесюрон. Во всяком случае, так полагали она сама и ее почтенный родитель. Любовные чары Юдифи — это первый шаг к тому, чтобы заполучить богатое поместье соседа. Вторым шагом к достижению этой цели явится смертоносное зелье Чакры.

Глава LXI

СМЕРТОНОСНОЕ ЗЕЛЬЕ

На следующий вечер после посещения Джесюрона и приблизительно в тот же час старый колдун сидел у себя в хижине, поглощенный каким-то, очевидно, очень важным занятием. Посреди хижины в очаге, сложенном из четырех крупных булыжников, был разведен огонь. Он горел очень ярко, хотя над ним поднимались густые клубы дыма. Топливом служили бурые, слежавшиеся глыбы, напоминавшие торф или уголь. Чужестранец затруднился бы определить, что это такое, но любой житель Ямайки, не задумываясь, с одного взгляда понял бы, что это обломки термитных «гнезд». Их можно часто видеть в тропических лесах: это большие, величиной с кабанью голову, куски, прикрепленные к стволам деревьев.

Дым от такого топлива менее едок, чем от древесины, и вдобавок является более сильным средством против москитов — этого бедствия южных стран. Может быть, именно поэтому колдун и избрал такое топливо. Во всяком случае, оно отлично выполняло свое назначение.

На очаге стоял небольшой железный котелок. Старик кидал на него озабоченные взгляды, непрестанно то помешивая кипящую жидкость, то, зачерпнув ее ложкой, поднося поближе к светильнику. Очевидно, это была не кулинарная, но скорее химическая стряпня. Когда он наклонялся над варевом, его проворные движения и бегающий взгляд говорили о каких-то дьявольских замыслах.

Это подтверждалось лежавшими рядом снадобьями, часть которых уже отправилась в котелок. На полу стояла корзина с ядовитыми корешками и травами. Особенно выделялась среди них смертоносная кутра с изогнутым стеблем и золотистым венчиком. Возле нее можно было заметить противоядие — орехи нхандиробы, ибо жрец умел не только убивать, но и лечить, когда это требовалось.

Такая «провизия» явно говорила, что в котелке го-

товится не похлебка на ужин. Там кипело смертоносное зелье Оби.

Для кого же предназначалось адское варево?

— Пока ты силен, судья Воган, не спорю, но скоро могучий Оби заставит тебя дрожать, как малое дитя,— бормотал старик, помешивая в котелке. — Оби? Ха-ха-ха! Ну, это все для простофиль-негров. Мои корешки и травы посильнее всякого Оби. От них затрепещут и рассыплются в прах все враги Чакры?

Он еще раз зачерпнул ложкой кипящую жидкость и нагнулся над ней.

— Готово! — произнес он. — И цвет и густота — все, как следует.

Сняв котелок с огня, он охладил варево в тыквенной бутылке, а затем перелил яд в бутылку из-под давно выпитого рома. Плотно заткнув бутылку пробкой, колдун поставил ее на видном месте. Затем, собрав свои «припасы» и сунув их обратно в корзину, он подошел к выходу и, опершись обеими руками о притолоку, встал там, прислушиваясь. Он кого-то ждал.

— Скоро полночь. Пора бы ей быть, — бормотал он про себя. — Спущусь-ка вниз. Может, из-за шума воды я ее не услышал...

Он не успел ступить за порог, как послышался женский голос, заглушаемый ревом водопада.

— Она! Я знал, что она придет. Любовь погонит ее теперь хоть к самому дьяволу!

И старик торопливо зашагал к лодке, спеша скорее приступить к выполнению давно вынашиваемой злобной мести.

Глава LXII

МОЛЕНИЕ БОГУ АКОМПОНГУ

Челн совершил свой обычный рейс и вернулся с Синтией. Как и в прошлое свое посещение, она несла корзинку с провизией. Не была забыта и бутылка рома. Как и в прошлый раз, Синтия последовала за Чакрой в хижину, но на этот раз более уверенно и, уже не дожи-

даясь приглашения, присела на бамбуковый настил. Все же в ее поведении можно было заметить некоторую робость. Она вздрогнула, увидев бутылку, которую Чакра поставил на самом виду. Синтия сразу догадалась о ее содержимом.

— Эту ты захватишь с собой, — сказал горбун, перехватив взгляд мулатки, — а вот эту, — он потянулся к бутылке рома в корзинке Синтии, — возьму...

Даже не закончив фразы, он тут же сунул в рот горлышко бутылки. Через некоторое время колдун знаком показал Синтии, что готов перейти к делу.

— Этот напиток вернет тебе любовь Кубины, — сказал он. — Теперь Кубина будет твой до скончания века. Такого срока с тебя хватит, а?

— В бутылке любовное зелье? — Взгляд Синтии выражал и надежду и недоверие.

— Любовное? Нет, не совсем... Подожди, сейчас дам тебе и любовного зелья.

Он достал откуда-то со стропил скорлупу кокосового ореха, в которой вместо обычной белой жидкости находилось нечто вроде пасты морковного цвета.

— Вот это для Кубины. Будете ворковать, как пара голубков.

— Скажи, Чакра, зелье ему не повредит?

Ревность мулатки, как видно, еще не перешла в жажду мести.

— Не бойся, ничего ему, кроме пользы, от него не будет. А бутылка для судьи Вогана.

Женщина взяла бутылку, хотя руки у нее тряслись.

— И что же я должна с ней делать? — спросила она нерешительно.

— Что делать? Я уже тебе объяснял. Подливай эту настойку нашему общему врагу.

— Но что это за настойка, Чакра? О Чакра, скажи: это яд?

— Да нет, пустоголовая ты женщина! Если бы это был яд, он убил бы сразу на месте. Нет, судья не отравится сразу, но он начнет чахнуть. Долго будет чахнуть и умрет еще не скоро. Это не яд, говорю тебе!.. Ты что, идешь на попятную?

Мулатка колебалась. В ней шевельнулась совесть. Но это длилось лишь одно мгновение.

— Смотри, откажешься — не получишь приворотного снадобья для Кубины! И еще напущу порчу на тебя!

— Нет-нет, Чакра, я не отказываюсь. Я согласна. Я все сделаю, что прикажешь...

— Так-то лучше. А теперь слушай и запоминай.

И мерзкий горбун уселся напротив своей сообщницы, вперив в нее взгляд, словно стараясь запечатлеть в ее сознании то, что он собирался сказать.

— Каждый день твой хозяин на ночь выпивает стакан пунша. Это у него старая привычка, и, уж наверно, он ее не бросил, а?

— Да, перед сном он всегда выпивает стакан или два.

— А я бы всегда пил не меньше двух. А то и три! Ха-ха-ха! Ну ладно. Теперь скажи мне, Синтия, кто готовит ему пунш? Прежде это была твоя обязанность.

— Я и теперь это делаю.

— Вот и прекрасно! Видишь пометки на бутылке? Вот постольку и подливай каждый раз в пунш. Ты кладешь в стакан сахар, лимон, наливаешь воды, потом рому и уж после всего — мою настойку. Запомнишь?

— Запомню, — произнесла мулатка, стараясь говорить твердым голосом. Она боялась выдать свой страх.

— И знай: не выполнишь все, что надо, — плохо тебе придется! Если Оби требует жертвы, он не успокоится, пока ее не получит. Сейчас пойду разбужу бога Акомпонга. Он всегда является, когда его зовет Чакра. Он является в пене водопада. Но на глаза женщине никогда не показывается. Ты услышишь только его голос...

Приняв таинственный вид, колдун снял с гвоздя старую котомку, сплетенную из пальмового листа. В котомке лежало что-то тяжелое. Он вышел с ней из хижины, прикрыв за собой дверь.

— А не то, — сказал он мулатке, — бог вдруг случайно увидит тебя и разгневается.

Синтии и эта мера показалась недостаточной, и,

Мулатка колебалась. В ней шевельнулась совесть.

чтобы бог не мог ее заметить, она кинулась к светильнику и погасила его. Потом, ощупью добравшись до настила, бросилась на него, вся трепеща от страха. Вскоре за дверью послышался голос. Если он и не принадлежал самому богу Акомпонгу, то, во всяком случае, был вполне под стать этому африканскому божеству.

Услышав этот голос, Синтия тотчас признала его за человеческий, ибо то был, конечно, голос самого Чакры. Но он звучал очень странно и все время менялся: то становился медленным и тягучим, когда жрец читал нараспев какие-то молитвы, то переходил в скороговорку, когда он принимался лопотать заклинания. Потом вдруг раздался пронзительный выкрик, напоминающий звук рожка. За ним загудел тягучий бас надтреснутого тромбона. И затем начался диалог между Чакрой — и кем еще? Конечно, это был сам Акомпонг!

Синтия сидела ни жива ни мертва, трепеща при мысли, что божество совсем рядом. Если бы она не задула светильник, бог бы ее заметил. Ведь они с Чакрой там, прямо за дверью! Можно было разобрать каждое их слово. Только не все слова были понятны Синтии. Сперва пел Чакра.

Вынь-ка пробку, вынь-ка пробку!
Зелье страшное готово.
Ненавистный белый враг наш,
Ты зари не встретишь новой!

— Ты зари не встретишь новой! — повторил Акомпонг глухо, словно из бочки.

А Чакра продолжал:

Пусть скорей сойдет в могилу,
Пусть он чахнет, пусть он сохнет!
Помни — враг наш должен сгинуть,
Пусть рука твоя не дрогнет!

— Пусть рука твоя не дрогнет! — снова подхватил Акомпонг.

И Чакра запел дальше:

Если сердцем оробеешь,
Если в помощи откажешь, —
Ждет тебя лихая участь:
Ты сама в могилу ляжешь!

— В могилу ляжешь! — опять подхватил африканский бог громко и настойчиво, словно показывая, что никаких поблажек от него не будет.

На короткое время все смолкло, затем снова прозвучали пронзительное гудение рога и басистый, раскатистый рев тромбона. Этим и завершилась церемония. Чакра открыл дверь и стал у входа.

— Зачем ты погасила свет? Но все равно... Слышала ты голос бога?

— Д-да... — вся дрожа, еле выговорила мулатка.

— И ты слышала, что он приказал?

— Да.

— Так вот, не вздумай ослушаться, — советую тебе как друг. Не то берегись! Ну, теперь все. Помни: каждый день на ночь точную порцию. Ну, а теперь пойдем.

Мулатка с готовностью повиновалась. Ей не терпелось выбраться из этого страшного места, где мужество ее подвергалось стольким испытаниям. Подхватив корзинку, в которой уже лежала зловещая бутылка, Синтия выскользнула из хижины, и колдун перевез ее через озеро.

Глава LXIII

ПОЛНОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Молодой марон и его возлюбленная снова встретились на обычном месте, под гигантской сейбой, но уже не ярким солнечным полднем, а почти в полночь. Йола так рвалась повидаться с милым, что пренебрегла опасностями, которые всегда таятся в ночном лесу. Страшны были не только свирепые хищные звери и пресмыкающиеся, опасаться приходилось не только клыков кабана и острых зубов аллигатора. Гораздо страшнее

были скрывавшиеся в лесу люди — и они находились неподалеку от сейбы, где стояли наши влюбленные. Но любовь не пуглива. Кубина и не помышлял об опасностях, а Йола, когда с ней рядом был ее возлюбленный, не боялась ничего на свете.

Высоко в небе плыла луна. Лучи ее заливали поляну серебристым сиянием. Было светло почти как днем. Цветы и на земле и на деревьях раскрылись, жадно впивая сладкую росу. Легкие, воркующие шумы ночного леса и мягкий, еле слышный ветерок ласкали слух. И каждый звук, словно эхо, повторял пересмешник, соловей Запада.

Влюбленных скрывала тень сейбы. Свидание это было, может быть, счастливее всех предыдущих. Они принесли друг другу добрые вести. Кубина сообщил Йоле, что брат ее цел и невредим и по-прежнему под его защитой. Йола же рассказала Кубине, что ее молодая хозяйка обещала отпустить ее на свободу. За те несколько дней, что они не виделись, произошло немало важных событий. Храня в строгой тайне от слуг историю злоключений брата Йолы, судья рассказал ее своей дочери, и мисс Воган упросила отца отпустить Йолу на свободу. Он согласился, но сказал, что даст Йоле «вольную» только в день свадьбы Кэт. Но ведь этот день не за горами.

Кубина пришел в восторг. Теперь деньги, накопленные для выкупа Йолы, можно потратить на устройство дома, на покупку всего необходимого для их новой жизни вдвоем. Впрочем, эта новость не была для него неожиданной. Последнее время он неоднократно встречался с судьей, и между ними установились отношения, позволявшие Кубине меньше страшиться за будущее. Мистер Воган и ему посулил освободить Йолу, но при этом добавил, что многое будет зависеть от того, насколько успешно пойдет процесс против работорговца Джесюрона. Поскольку обвинителем должен был выступить сам Лофтус Воган, Кубина не сомневался в благоприятном исходе дела. Однако до поры до времени необходимо было все держать в строжайшей тайне. Даже Йоле он только намекнул, что принимаются меры к воз-

вращению похищенной у ее брата собственности. Как и где это будет сделано, она узнает позже, когда против их врага поведется открытая война.

— Каким счастливым будет для нас день свадьбы мисс Воган! — воскликнул молодой марон. нежно глядя на возлюбленную. — Он всем нам принесет счастье. Впрочем, нет... — Лицо Кубины вдруг омрачилось. — Нет, не всем. Есть человек, которому этот день принесет только горе.

— И я знаю такого человека, — сказала Йола. Она тоже вдруг опечалилась.

— Значит, мисс Воган рассказала тебе? Неужели она еще хвастается этим?

— Хвастается? Чем?

— Да тем, что разбила его сердце. Вот представь себе, каково бы мне было, если бы ты обещала выйти замуж за другого! Да, невесело будет бедняге в день свадьбы мисс Воган!

Йола удивленно подняла брови:

— Невесело? Ему-то? Что ты, Кубина, он ведь счастлив! А вот бедная мисс Кэт... Да, для нее это большое горе.

— Горе? Я не понимаю, Йола...

— Ах, мисс Кэт будет так несчастна, когда выйдет замуж за мистера Монгю!..

— Как! — Кубина насторожился. — Ты хочешь сказать, что мисс Воган не рада выйти замуж за мистера Смизи?

— Рада? Она его не любит.

— Вот оно что! — Взгляд Кубины просветлел. — И ты это знаешь наверное?

— Мне сама мисс Кэт сказала. Она от меня ничего не скрывает.

— И это правда, что она не любит жениха?

— «Любит»! Она потешается над ним. А если девушка над кем-нибудь смеется, значит, он ей не мил.

— Ты-то никогда не станешь смеяться надо мной, а?.. Но скажи, милая, почему же она согласилась идти замуж за нелюбимого?

— Отец заставил. Мистер Монгю очень богат, у него много плантаций.

— Так-так... Я чувствовал, что здесь не все ладно. Почему же мисс Воган не любит мистера Смизи, такого знатного, богатого господина?

— Она любит другого, вот и все.

— Она не называла тебе имени того, другого?

— Сколько раз! Да ты и сам знаешь его. Это двоюродный брат мисс Кэт. Он только всего раз и приходил к нам. Но она полюбила его сразу, как только увидела.

— Ты уверена, что это так?

— Ну как же, Кубина! Мисс Кэт столько раз рассказывала мне об этом. Она очень по нему горюет. Говорят, он женится на очень красивой, но злой леди. На дочке старого Джесюрона — ты его знаешь.

— Да, я слыхал кое-что, — сказал Кубина, утаивая от возлюбленной, что у него на этот счет имеются вполне точные сведения. — В конце концов, может случиться, что оба брака расстроятся. Знаешь, Йола, есть такая поговорка: «Ото рта до ложки — длинная дорожка». Как знать! Может, так оно и получится с мистером Воганом и мисс Джесюрон. В общем, то, что ты мне сказала, кое-кого очень обрадует. А день свадьбы твоей хозяйки уже назначен?

— Пока еще нет, но хозяин говорит, что скоро. Вот как только он вернется из своей длинной поездки. Так он сказал вчера мисс Кэт.

— Куда же это судья собрался? Ты не слыхала?

— В Спаниш-Таун, большой город, далеко отсюда,

«Что ему там понадобилось?» — подумал Кубина, а вслух произнес очень серьезным тоном:

— Слушай, Йола, как только мистер Воган соберется в дорогу, немедленно дай мне знать. Когда он уезжает?

— Завтра утром.

— Так скоро? Ну что ж, тем лучше для нас, а может быть, и еще для кого-нибудь. Значит, завтра же вечером приходи сюда. Скажи мисс Кэт, что это очень важно, что дело касается ее самой... Впрочем, нет, не говори ничего. Она и так тебя отпустит. Незачем зря

ее беспокоить. Возможно, что мои опасения... Во всяком случае, ты непременно приходи. Буду ждать тебя в это же время.

Йола охотно согласилась. Влюбленные разговаривали еще некоторое время. Кубина клялся в вечной любви всем на свете: деревьями, что росли вокруг, облаком над головой, яркой луной, синими небесами. Он клялся уже десятки раз и до этого, и клятвы его не вызывали сомнения у той, кому они давались. Но влюбленным клятвы никогда не надоедают — ни тому, кто их дает, ни тому, кто им внимает.

Молодая африканка отвечала столь же пламенными клятвами верности. Она уже не тосковала по родине, не сетовала на горькую судьбу, превратившую принцессу в рабыню. Несчастья, казалось, остались позади, а будущее сулило радость и счастье.

Прошел еще час, и влюбленные начали прощаться. Марон обнял гибкий стан девушки и привлек ее к себе. В тени высокого дерева Йола казалась египетской бронзовой статуэткой. Они прощались снова и снова, не в силах расстаться.

Вдруг послышались голоса, и на освещенную луной поляну вышли двое. Они быстро направились к сейбе. Кубина и Йола бесшумно отступили в густую тень дерева. Заметить их там было почти невозможно.

Люди приближались... То были мужчина и женщина. В ярком лунном свете их нетрудно было узнать. Но влюбленные еще раньше узнали их по голосам. Это были Джекоб Джесюрон и Синтия.

— Черт возьми! — пробормотал Кубина. — Какие могут быть общие дела у этой пары ночью в лесу? Готов поручиться, затевают какую-то гнусность!

Дойдя до сейбы, Джесюрон и Синтия остановились. Каждое слово их разговора было отчетливо слышно Кубине и его подруге.

— Послушай, Синтия, голубушка, — начал Джесюрон, — ты еще не сказала мне, зачем он послал за мной.

— Я и сама не знаю, мистер Джесюрон. Разве только...

— Разве только что?

— Когда я отнесла ему корзину с провизией, я сказала при этом, что мистер Воган собирается уезжать завтра утром.

— Да неужто? — Лицо старика выразило сильнейшее беспокойство. — Господи, боже ты мой! И ты это наверное знаешь, что мистер Воган уезжает?

— Да, масса Джесюрон, я сама укладывала ему сорочки в саквояж. Он едет верхом.

— Но куда, куда он едет? — в тревожном нетерпении допытывался работорговец.

— Кажется, далеко, в Спаниш-Таун.

— В Спаниш-Таун? — Тон, каким он задал этот вопрос, показывал, что новость не доставила ему удовольствия. — В Спаниш-Таун! Так я и знал! Так я и знал!

Он яростно воткнул в землю зонт. И вдруг засуетился.

— Пойдем, пойдем! — заторопил он Синтию. — Скорее, мешкать нельзя. Нельзя терять ни секунды...

Он быстро и молча зашагал прочь. Синтия последовала за ним.

— Тут кроется что-то недоброе! — пробормотал марон. — Они что-то затевают против судьи. Слышала, как старик встревожился, когда Синтия упомянула про Спаниш-Таун? Надо пойти проследить их. Куда это они отправились среди ночи? Ведь пошли-то они не к ферме Джесюрона, а в противоположную сторону. Послушай, Йола, мне надо идти, не то потеряю их из виду. До скорой встречи, любовь моя!

Поспешно поцеловав девушку, марон быстро пошел за Джесюроном и Синтией.

Глава LXIV

ПО СЛЕДУ

Марону нетрудно было сообразить, в каком направлении ушли старик и его спутница. От поляны шла заброшенная тропа к Утесу Юмбо. Другой дороги поблизости не было. Рассудив, что едва ли Джесюрон и его

спутница углубились прямо в лесную чащу, Кубина пошел по тропе. Вскоре он увидел тех, кого искал. Тени гигантских деревьев позволяли ему самому оставаться незамеченным и в то же время видеть и слышать тех, кого он преследовал.

Джесюрон был слишком поглощен собственными мыслями и почти не замечал окружающего. А мулатке и в голову не приходило, что за ними могут следить. Знай она, что по пятам за ней идет Кубина, она, наверно, шла бы не так спокойно.

Они начали подниматься к Утесу Юмбо.

«Чудно́! — подумал Кубина. — Что им там понадобилось в полночь? И кто это «он», пославший за Джесюроном? Синтия носила ему корзинку с провизией. Значит, это беглый раб? Но неужели Джесюрон поднимется с постели среди ночи и потащится три мили по темному лесу из-за беглого раба? Правда, говорят, старик почти никогда не смыкает глаз. Ночное время для него, должно быть, самое приятное время суток, как для филина... Да, они что-то затевают против судьи Вогана, чует мое сердце. Не то чтобы я очень за него беспокоился — он не так уж многого стоит. Ведь он помогает мне только потому, что ненавидит Джесюрона. Но для его дочери, для мисс Кэт, я готов на многое. Она столько делает для моей Йолы... Хотел бы я отплатить мисс Кэт услугой за услугу... Но что это? Почему они остановились?»

Кубина застыл на месте, притаившись в тени кустов. Через секунду Джесюрон и его спутница пошли дальше, но уже в другом направлении.

«А, они идут не к утесу, а к Ущелью Дьявола! Ну да, теперь вспомнил: там, где они остановились, дорога расходится. То-то мне товарищи рассказывали, что из ущелья в последнее время доносятся порой странные звуки. Квэко даже клялся, что видел неподалеку от ущелья привидение колдуна Чакры».

Предположение Кубины вскоре подтвердилось. Джесюрон и Синтия дошли до обрыва и остановились. То же сделал и Кубина. Он едва успел пригнуться в тени, как раздался пронзительный свист. Очевидно, они подавали

сигнал тому, кто находился в ущелье. Ответного сигнала не последовало, только по лесу как будто раскатилось эхо, повторившее свист. Кубина знал, что это кричит пересмешник, и не обратил на него внимания. Он напряженно следил за каждым движением странной пары. Их фигуры темными силуэтами рисовались на фоне светлого неба.

Но вдруг оба исчезли, как будто провалились сквозь землю. Кубина, впрочем, знал, что они просто спустились вниз, на дно ущелья, но он не понимал, как это им удалось.

Уже в следующее мгновение Кубина сам стоял на краю пропасти, там, где только что находились Джесюрон и Синтия. Даже при неверном свете луны Кубина все же разглядел, что сложное сплетение ветвей и лиан на склоне — дело человеческих рук. Но ему некогда было рассматривать его. Внимание его привлекло нечто более интересное.

На поверхности озера, неподвижной и блестевшей под луной, как зеркало, оправой которому служили темные берега, скользил челн, а в нем сидела странная, скорченная фигура.

Неужели это человек? Длинные, обезьяньи руки, горб, сверкающие акульи зубы... Но Кубина узнал его. Если это не привидение Чакры, то, значит, сам Чакра — живой!

Глава LXV

СИНТИЯ МЕШАЕТ

В душу отважного молодого марона на мгновение закрался страх, когда он узнал колдуна. Как все окрестные жители, он знал, какой ужасный приговор вынесли старику, на какие страшные муки его обрекли. Как и все, Кубина не сомневался в его смерти. Неудивительно, что сердце храброго марона все же дрогнуло, когда он своими глазами увидел в лодке Чакру. Некоторое время Кубина оставался недвижим. Но тут он вспомнил, что рассказывал ему Квэко. Как большинство

негров, Квэко твердо верил и в дьявола и в Юмбо и не сомневался в том, что ему действительно повстречалось привидение Чакры. Объятый суеверным ужасом, он, вместо того чтобы проследить за «привидением» и убедиться, призрак это или же создание из плоти и крови, бросился бежать сломя голову, оставив «духа» хозяином положения. Кубина, гораздо менее склонный к суевериям, лишь на секунду усомнился, не дух ли это. Случай с Квэко и присутствие здесь Джесюрона и Синтии, — оба эти факта привели его к выводу, что в лодке живой Чакра.

Как случилось, что старик остался жив и на свободе, марон сразу понять не мог. Но он был человек сообразительный, и присутствие Джесюрона навело его на некоторые догадки относительно чудесного воскрешения Чакры. Удостоверившись в том, что перед ним именно Чакра, марон занял позицию, позволявшую ему наблюдать за действиями всех троих: Чакры, Джесюрона и Синтии.

Вот лодка скрылась: она проходила под кустами, росшими у подножия утеса, и поэтому сверху ее не было видно. Но голоса, хотя и не очень явственно, — их заглушал шум водопада, — были слышны. До Кубины долетали лишь отдельные слова, и при всем желании он не мог понять, о чем идет разговор.

Вскоре голоса смолкли, и на озере вновь показалась лодка. В ней сидело только двое — Джесюрон и Чакра. Синтия, к большой досаде Кубины, осталась на берегу. Это нарушало его планы: проследить колдуна до его логова. Ясно, что оно где-то в ущелье. Если понадобится, позже можно будет разыскать его там. Это обстоятельство несколько успокоило Кубину, но его тревожил Джесюрон. Зачем он здесь? Что они задумали? Последовав за ними, он мог бы подслушать их разговор и помешать их намерениям.

Марон-охотник знал, что спуститься в ущелье нелегко. Ему уже приходилось это проделывать. В поисках дичи он как-то вместе с товарищами спускался на самое дно пропасти с помощью веревочной лестницы и охотился там в лесных зарослях. Но это было давно, за-

долго до казни Чакры. Тогда они не обнаружили в этом пустынном мирке никаких следов человека.

Он мог бы переплыть озеро вслед за лодкой — ему уже приходилось проделывать это раньше, — но ему мешало присутствие Синтии. Значит, нечего и думать о том, чтобы выслеживать Чакру дальше. Оставалось одно: притаиться здесь, на краю ущелья, и дожидаться возвращения Джесюрона и Чакры.

Размышления его были прерваны шорохом и треском ветвей: кто-то поднимался по склону. Кубина заглянул вниз. Среди листвы мелькнул яркий клетчатый платок. Это возвращалась Синтия.

Кубина немедленно спрятался в кусты и, притаившись там, стал ждать, что будет делать мулатка дальше. Может быть, ее роль уже сыграна, по крайней мере на сегодня, и она просто возвращается домой?

Догадка его оказалась верной. Взобравшись наверх, мулатка остановилась лишь на минуту, чтобы поправить висевшую на руке корзинку, из которой торчало горлышко бутылки. Затем, глядя прямо перед собой, Синтия ступила на тропинку и углубилась в непроглядную тьму леса.

Спустившись вниз, Кубина постоял еще немного, выжидая, пока лодка доберется до противоположного берега. Он зорко всматривался и напрягал слух. Убедившись, что лодка доплыла, Кубина неслышно погрузился в воду и поплыл.

Луна освещала лишь две трети поверхности воды, на остальную треть падала тень от утеса. Стараясь держаться в пределах этой тени и плывя беззвучно, словно рыба, Кубина добрался до противоположного берега незамеченным.

Под густой листвой девственного леса была кромешная тьма, в которую не проникал ни один луч луны. Кубина предположил, что от места стоянки лодки должна идти тропинка. Пробираясь вдоль берега озера, он скоро обнаружил челн, привязанный к дереву.

Отыскав тропинку, Кубина, не теряя ни секунды, бесшумно, словно кошка, начал красться вперед. Иногда он останавливался, прислушиваясь. Но до его слуха

не долетало ничего, кроме шума верхнего водопада, к которому он теперь приближался.

Там, у самой воды, деревья росли реже. Марон осторожно прошел еще немного и остановился. Неожиданно во мгле блеснул огонек. Прямо перед Кубиной была хижина с бамбуковой дверью. Из нее доносились голоса. Еще мгновение — и Кубина очутился возле самой двери. Здесь он притаился, готовясь подслушать то, что будет говориться в хижине.

Глава LXVI

НЕОЖИДАННЫЕ ОТКРЫТИЯ

Заговорщики не понижали голоса, полагая, что здесь им нечего опасаться подслушивания. Но из-за свистящего шума водопада Кубине удавалось разобрать далеко не все. Но и то, что ему удалось услышать, повергло его в величайшее изумление. Он и не подозревал, что на земле существуют такие негодяи, как Чакра и Джесюрон!

Кубина не только слышал заговорщиков, но и видел их сквозь широкие щели в двери. Джесюрон, очевидно устав от лазания по горам, сидел на бамбуковом настиле, а колдун стоял перед ним, прислонившись к огромному корню, служившему боковой стеной хижины.

Разговор, по-видимому, только что начался. Ведь они добрались до хижины всего за несколько минут до Кубины и едва успели зажечь светильник. «Значит, — рассуждал марон, — я услышу все с самого начала». Но скоро он понял, что это была уже не первая встреча заговорщиков, готовящих убийство.

Джесюрон только что закончил злобную речь. Он снял очки, и видны были его маленькие свирепые глаза. Правой рукой он крепко сжимал ручку зонта, словно угрожая Чакре. Тот, очевидно, трусил и умолял о чем-то. Хотя ростом и физической силой он вдвое превосходил Джесюрона, в этот момент колдун робел перед ним.

— Право, масса Джек, — говорил он просительным тоном, — откуда же я мог знать, что судья соберется ехать так скоро? Вы и сами наказывали не торопиться, чтобы никто ничего не заподозрил. Если бы я знал, я бы прикончил проклятого судью Вогана разом, в мгновение ока! Уж я бы сумел, не беспокойтесь!

— Ведь он так, чего доброго, ускользнет от нас! — горестно воскликнул Джесюрон. — Именно теперь, когда так важно убрать его с дороги! Синтия говорит, он там что-то против меня готовит. Она подслушала его разговор в павильоне.

— Что он может вам сделать, масса Джек?

— Что сделать? Он замыслил меня погубить, — он и еще этот проклятый марон Кубина. Знаешь ты его?

— Еще бы мне не знать!

— А Лофтус Воган, этот надутый индюк, и не подозревает, что его жена, красавица Квашеба, была любовницей марона! Ха-ха-ха! Любила-то она его посильнее, чем чванливого судью Вогана. Ха-ха-ха! Нашему гордецу и невдомек, что молодой Кубина, с которым они готовят каверзу против меня, в некотором роде его собственный сын. Ха-ха-ха!

Кубина стоял, как громом пораженный. Впервые он узнал, кто была его мать. В раннем детстве до него доходили смутные толки, но со временем они стерлись у него в памяти. Отца он хорошо знал, но матери не помнил. Неужели квартеронка Квашеба, о которой он столько слышал, — его мать? Значит, Лили Квашеба, красивая, образованная дочь судьи Вогана, — его сводная сестра? Сомневаться в этом теперь не приходилось. Из дальнейшего разговора Джесюрона и Чакры он узнал еще ряд подробностей, убедивших его в том, что все это правда. Да, подобные истории были не редкостью на Ямайке.

Молодого марона охватили неведомые ему доселе чувства. Вдруг возникли новые кровные узы, о которых он не знал, новые привязанности. Подавив душевное волнение, Кубина продолжал прислушиваться.

Он узнал, что у него есть сводная сестра. Это было ошеломляющее открытие. Но вскоре ему пришлось

услышать нечто, еще более его поразившее: негодяи задумали убить не только судью, но и его самого!

— Надо убрать и этого, — сказал Джесюрон. — С него все и началось. Если даже мы покончим с Воганом, Кубина все равно пойдет с этим делом к другому судье. Найдется много охотников помочь ему подставить мне ножку. Так ты, Чакра, не мешкай, пускай поскорее в ход свою ворожбу. Времени больше терять нельзя, — понимаешь?

— Все будет сделано, масса Джек, все, что нужно. Только дело это нелегкое. Двадцать лет потратил я на то, чтоб расправиться с отцом, и давно уже добираюсь до сына. Он, как и его отец, стоит у меня поперек горла. Вы-то знаете, за что я их обоих ненавижу.

— Знаю, знаю! Давно все знаю.

— Так я постараюсь, масса Джек. На Синтию надежда плохая. Она не отказалась бы угостить Кубину — она думает, что я дал ей приворотное зелье. Но Кубина ее к себе и близко не подпустит. Ничего, Чакра сам все устроит! Недолго осталось ходить по земле сыну Квашебы!

«Подожди — может, дольше, чем ты полагаешь», — мысленно ответил ему тот, кому сулили такой скорый конец.

— Но главное не он, а судья Воган, ты про это не забывай! — в новом приступе ярости воскликнул Джесюрон. — Все, все может ускользнуть от меня — имение и все, все! Ты подвел меня, старик. Ты все юлишь, ведешь двойную игру. Смотри берегись, Чакра!

Он даже вскочил на ноги и, угрожающе сжимая зонт, двинулся на колдуна.

— Нет-нет, масса Джек, — повторил тот виноватым и покорным тоном. — Вы же знаете, я сам жду не дождусь, как бы поскорее разделаться с судьей Воганом. Обещаю вам, моя ворожба свое дело сделает.

— Да сделает, когда будет поздно! Потом мне его смерть будет не нужна. Если он успеет побывать в Спаниш-Тауне, если он раздобудет там необходимые бумаги, тогда я разорен. Понимаешь? Тогда хоть меня самого пои своим зельем!

Чакра слушал, очевидно не вполне его понимая. Он не знал главной цели Джесюрона.

— Я тебе не доверяю! — продолжал Джесюрон все так же грозно. — Ты только о себе думаешь. Мечтаешь получить Лили Квашебу? Помни, Чакра: если ты вовремя не покончишь с судьей и он успеет доехать до Спаниш-Тауна живым и невредимым, то смотри, со мной шутки плохи! Не только и в глаза не увидишь обещанного вознаграждения, но можешь даже поплатиться собственной шкурой. Стоит мне шепнуть кому следует — и в Ущелье Дьявола обыщут каждый кустик!

Джесюрон направился к двери. Марон нырнул в тень сейбы. Он не услышал, чем кончился разговор, который продолжался еще несколько минут. Джесюрон все грозил Чакре, а колдун клялся, что на него можно положиться.

— Судья не уйдет от наших рук, масса Джек. Я сегодня передал Синтии бутылку с новым снадобьем. Через сутки судьи не станет.

— Это наверное?

— Да-да! Так же верно, как то, что меня зовут Чакра. Не сомневайтесь, масса Джек. Мне судья Воган так же «мил», как и вам. Вот его дочка — дело другое...

Вскоре оба негодяя покинули хижину. Марон неотступно следил за ними. И только после того, как Чакра перевез через озеро Джесюрона и вернулся к себе, марон переплыл под прикрытием тени на другой берег и выбрался из ущелья.

Глава LXVII

БУРНАЯ СЦЕНА

Покинув Ущелье Дьявола, работорговец торопливо зашагал к дому. Его гнало не только желание поскорее добраться до постели. Хотя был уже поздний, или, вернее, ранний час, так как брезжил рассвет, в глазах старика не было и намека на сонливость. Напротив, он собрался, не откладывая, осуществить одно важное намерение. Он то и дело что-то недовольно бормотал. Его

томили беспокойство и неуверенность. Старому колдуну далеко не всегда удавалось выполнить свои обещания. Неужели враг ускользнет и хитроумный план, так тщательно продуманный, потерпит неудачу? Правда, бутылка с ядом в руках Синтии. Но что, если яд недостаточно силен и не окажет желанного действия? Что, если Синтии не удастся подлить его в питье судьи? Лофтус Воган собирается выехать рано утром. У нее просто может не представиться удобного случая. Или, чего доброго, в последний момент мулатка не осмелится выполнить возложенную на нее опасную обязанность. Или же сама жертва заподозрит неладное и откажется принять питье из рук Синтии...

«Да, «ото рта до ложки — длинная дорожка», — повторял он про себя свою излюбленную поговорку. — Неужели дело сорвется? Только бы не дать ему добраться живым до Спаниш-Тауна! Ведь от этого зависит счастье моей Юдифи! Да и мое тоже. Горный Приют станет моей собственностью. Он достанется Герберту Вогану, а сам Герберт Воган — моей, *моей* дочери! И вдруг после всех моих стараний все сорвется, все рухнет? Даже подумать страшно... Тогда я разорен. Юдифь все-таки захочет выйти за Герберта Вогана — ведь она в него влюблена. А у него за душой ни гроша! Бог ты мой, надо это немедленно приостановить! Сейчас же поговорю с Юдифью».

Подгоняемый этими соображениями, Джесюрон ускорил шаги и через несколько минут был уже возле стен своего неприглядного дома. Сторож-негр открыл ему ворота. Джесюрон крадучись, словно вор в чужом доме, поднялся по деревянным ступеням на веранду: он боялся разбудить того, кто спал в гамаке, подвешенном в ее дальнем конце. Старик на цыпочках прошел в другой конец веранды — там в одной из комнат горел свет. Это была спальня его дочери. Джесюрон негромко постучал и шепотом окликнул дочь по имени.

— Кто там? Ты, старик?

И тут же послышались шаги. Юдифь или еще не ложилась, или уже успела встать. Дверь открылась, и достойный отец вошел в комнату своего детища.

— Ну, почтенный родитель, думаю, незачем спрашивать, где ты бродил всю ночь? Очередная сделка, новая партия живого товара? Но с какой радости я должна была сидеть и дожидаться тебя чуть не до рассвета? Я до смерти хочу спать!

— Юдифь, выслушай меня. Дела наши из рук вон плохи. Все идет прахом...

— Да, судя по твоей унылой физиономии, дела у тебя не блестящи. Что с тобой стряслось, многоуважаемый родитель?

— Мне нужно сообщить тебе нечто весьма важное.

— Ну, говори, не тяни. Я хочу спать.

— Юдифь, перестань кокетничать с молодым человеком.

— С каким молодым человеком? Что ты болтаешь?

— С Гербертом Воганом.

— Ого! Теперь ты запел по-другому? Говори, в чем дело?

— У меня есть на то серьезные причины.

— Говори скорее, да потолковее: что случилось?

— Видишь ли, Юдифь, тебе следует держаться подальше от молодого Вогана, пока не выяснится одно очень важное обстоятельство. Я полагал, что в недалеком будущем его ждет богатство, но сегодня ночью до меня дошли сведения, что богатство может пройти мимо его носа. А за нищего тебе выходить замуж нечего.

— Вот что, отец... — Юдифь оставила обычный насмешливо-саркастический тон и заговорила серьезно: — теперь уже поздно что-либо менять. Помнишь, я говорила, что паук может ненароком попасть в собственную сеть. Вот так оно и случилось. Я оказалась в роли неудачливого паука.

— Что ты говоришь, Юдифь? — Старик поглядел на нее встревоженно.

— Да, представь себе. Вон там в гамаке спит муха, которую я задумала поймать. Муха цела и невредима. А я... Слушай: пусть он нищий, без всякого положения в обществе, — мне все равно. Для меня он достаточно богат и знатен. Не моя будет вина, если он все же не станет моим мужем.

Последние слова выдали, что гордая красавица не вполне уверена в чувствах Герберта Вогана.

— Замуж за нищего? — вне себя от ярости завопил старик. — Никогда! Выкинь из головы эту чушь!

— Можешь бранить его нищим сколько хочешь. Нам с ним это совершенно безразлично.

— Я лишу тебя наследства! — прошипел Джесюрон.

— Сделай милость. Но помни: ты сам затеял игру. Боишься потерять ставку? Смотри, как бы тебе не пришлось потерять меня. Если только он...

Какая-то печальная мысль омрачила ее прекрасный лоб. Но она не договорила — отец прервал ее.

— Не будем спорить попусту, дочка, — сказал он.— Ложись спать. Но прошу запомнить твердо: если Герберт Воган не разбогатеет, я согласия на ваш брак не дам. Оба вы не получите от меня ни гроша. Ты поняла, Юдифь?

И, не дожидаясь ответа, старик поспешно вышел из спальни дочери.

Глава LXVIII

КУДА ТЕПЕРЬ?

Выбравшись из ущелья, марон на минуту остановился, обдумывая план дальнейших действий. Неожиданное открытие преисполнило его новыми чувствами. В голове и в душе у него царил одинаковый хаос. Ему нужно было собраться с мыслями, прийти в себя. Особенно его поразило то, что он — сводный брат мисс Воган. Но эта неожиданная странная новость не требовала от него никаких немедленных поступков. Впервые зародившееся в нем чувство братской привязанности усилило ту симпатию, какую он всегда питал к девушке, но, судя по только что подслушанному разговору, его неожиданно обретенной сестре пока ничто не грозило. Правда, гнусные намеки Чакры и Джесюрона заставляли страшиться за ее будущее. Но жизни ее отца грозила непосредственная опасность — в этом не

было никаких сомнений. Против судьи готовились какие-то дьявольские козни, его собирались убить! Надо немедленно принимать меры. Завтра уже может быть поздно...

Сообщение Синтии, что судья завтра должен уезжать, совершенно очевидно застало заговорщиков врасплох, и теперь они торопятся привести в исполнение свой план. Все это марон отлично понял из разговора колдуна и Джесюрона. Он понял также, каким оружием решили они поразить своего врага: самым надежным и незаметным — смертоносным зельем Оби! Кубина и раньше подозревал, что его отец был отравлен Чакрой. Теперь он был в этом совершенно убежден. И, если бы не необходимость поспешить на помощь судье и не уверенность в том, что теперь уже не составит труда разыскать Чакру в любое время, Кубина, несомненно, отомстил бы за смерть отца, не покидая Ущелья Дьявола.

У молодого марона благоразумие сочеталось с поразительным хладнокровием, он никогда не совершал поспешных, необдуманных поступков. Временно оставив Чакру в покое, он твердо решил непременно заняться им, как только позволят обстоятельства. В таинственном «воскрешении» жреца Оби, которое, конечно, не могло не поразить Кубину в первый момент, он теперь уже не видел ничего сверхъестественного. Присутствие Джесюрона объяснило все. Кубина понял, что Джесюрон освободил колдуна, сняв с него цепи, и заковал в них труп какого-нибудь негра, чей скелет впоследствии и был принят за скелет казненного Чакры. Зачем Джесюрону понадобилось все это проделывать?.. У такого негодяя для этого могло найтись много причин.

Но сейчас размышлять об этом марону было некогда. Надо было думать не о прошлом, а о настоящем и будущем — о спасении судьи. Нельзя отрицать, что Кубина испытывал в какой-то степени дружеское расположение к нему. Прежде его отношение к плантатору было не слишком горячим, но их сблизил недавно заключенный союз против общего врага. Открытия этой ночи еще более повысили интерес марона к Лофтусу

Вогану, и нет ничего удивительного в том, что он почувствовал искреннее желание спасти отца той, которую с сегодняшней ночи считал своей сестрой. Именно этим были заняты теперь все его помыслы.

То, что жрец Оби жаждал смерти судьи Вогана, было Кубине вполне понятно: колдун мстил ему за ужасный приговор. Но почему хотел смерти судьи Джекоб Джесюрон? Из подслушанного разговора Кубина выяснить этого не мог. Ведь даже Чакра ничего не знал о цели своего покровителя. Может быть, его так сильно пугает предстоящий суд, о котором он каким-то образом ухитрился проведать? Подумав, марон решил, что тут скрывается нечто другое. Из их разговора явствовало, что они задумали убить судью задолго до того, как Джесюрон мог получить какие-либо сведения о намерениях соседа. Нет, причина другая. Но дело сейчас не в этом. Лофтус Воган, отец великодушной девушки, которая обещала вызволить из рабства его дорогую невесту и которая оказалась его, Кубины, сводной сестрой, — ее отец в опасности!

Нельзя терять ни минуты. Надо немедленно предпринимать решительные меры, во что бы то ни стало предотвратить угрозу и наказать злодеев. Но с чего начать? Отправиться прямо в Горный Приют и предупредить судью, рассказать о подслушанном разговоре?

Это было первое, что пришло ему в голову. Но в такой поздний час мистер Воган уже наверняка в постели, и его, Кубину, могут и не впустить в дом, если только он не представит явных доказательств неотложности своего дела и необходимости потревожить сон судьи. Именно так Кубина и поступил бы, если бы знал точно планы заговорщиков. Но, как уже было сказано, Кубина не слышал последних слов Чакры о бутылке с ядом, которую он дал Синтии. Он слышал только смутные намеки на какие-то меры, которые должны были сорвать поездку судьи в Спаниш-Таун.

Кубина рассудил, что не поздно будет пойти в Горный Приют и утром. Он успеет побывать там до отъезда судьи. Надо пойти туда пораньше, но все же не настолько рано, чтобы его приход вызвал ненужные тол-

ки. Полагая, что важный плантатор едва ли встанет рано, марон и не подумал о том, что может опоздать. И он отложил посещение Горного Приюта до утра, решив привести в исполнение намеченный им накануне план относительно уже совсем другого дела.

Первым пунктом в этом плане была встреча с Гербертом Воганом. Она была назначена на следующее утро и на том самом месте, где молодые люди встретились впервые: на поляне возле сейбы. Инициатива исходила от Герберта. Хотя им не пришлось видеться с того самого дня, когда они вдвоем спасли беглого невольника, они поддерживали связь через Квэко.

У Герберта были основания желать этой встречи. Он надеялся получить от Кубины разъяснения некоторых обстоятельств, которые за последнее время вызывали в нем тревогу и недоумение. Его смущала та версия истории с беглым рабом, которую преподнес ему Джесюрон. От Квэко Герберт узнал, что раб все еще находится среди маронов и даже принят в их общину, то есть сам стал мароном.

Это не совпадало с тем, что говорил Джесюрон. От Квэко Герберт ничего не мог добиться. Кубина обещал судье Вогану молчать, и его товарищи-охотники ровно ничего не знали о намерениях своего предводителя относительно Джесюрона.

Но не одна эта подозрительная история смущала молодого человека. Он ждал, что Кубина прольет свет и на кое-что другое. Герберт был в затруднении: положение, которое он занимал на ферме, становилось все более странным и двусмысленным. И тут Герберт подумал о своем новом знакомом, предводителе маронов. Кубина поможет ему разобраться во всех этих сложных вопросах. Никогда в жизни не был ему так нужен добрый советчик, как теперь, и умный мулат казался самым подходящим для этого человеком. Герберту вспомнилось данное ими друг другу обещание помогать в беде. Теперь одному из них уже понадобилась дружеская услуга. Вот почему Герберт назначил Кубине свидание под сейбой.

С не меньшим нетерпением ждал этой встречи и мо-

лодой марон. Он с благодарностью вспоминал о бескорыстном поступке Герберта Вогана, когда тот вмешался в неравную схватку, став на сторону более слабых. И, хотя с тех пор Кубина ни разу не видел своего благородного союзника, он часто думал о нем, что являлось свидетельством той глубокой признательности, которую он чувствовал к Герберту. Кубина с нетерпением ждал случая, чтобы выразить ее. Но у него были и другие причины желать свидания с молодым англичанином именно теперь. С Йолой в этот вечер он также встречался не только для того, чтобы повторять любовные клятвы, произносившиеся уже десятки раз.

Ночь близилась к концу, скоро должно было наступить утро. Марон, вместо того чтобы направиться к себе в горы, решил пойти обратно на поляну и оставшиеся несколько часов провести там под сейбой. Возвращаться домой уже не было времени. Через три — четыре часа взойдет солнце, а они сговорились встретиться сразу после восхода. Нечего и думать, что он успеет добраться до своей хижины в горах и вернуться обратно. А провести ночь в лесу под деревом было для Кубины не в новинку. Ему никогда и в голову не пришло бы считать такую постель неудобной. Во время охоты ему часто доводилось по нескольку дней и даже недель спать на холодной земле, на охапке сухих листьев, а то и прямо на камнях — в общем, где придется. Для любого марона не имело значения, спит ли он под крышей, охраняет ли его сон листва дерева или же над головой у него сверкает звездами небесный шатер.

Итак, решив провести остаток ночи под сейбой, Кубина не стал мешкать и зашагал по тропинке к поляне. Он двигался медленно и осторожно. Зачем было спешить? Разве только затем, чтобы соснуть лишний часок под деревом. Но о сне Кубина и не думал. Его слишком взволновали поразительные открытия этой ночи. Осторожность же он соблюдал, так как знал, что Джесюрон, возвращаясь к себе на ферму, должен пройти по той же дороге. Стоит старику замешкаться в пути — он ведь отправился всего несколько минут назад, — и Кубина

нагонит его. А он предпочел бы больше не видеть сегодня Джесюрона или, во всяком случае, самому не попасться тому на глаза. Чтобы избежать всякой возможности встречи, Кубина время от времени останавливался и всматривался в дорогу впереди.

Он добрался до поляны, не встретив ни души. Джесюрон прошел здесь уже давно. Охотник понял это по тому, что у самой тропы, усевшись на нижней ветке дерева, громко распевал пересмешник. Марон услышал его пение задолго до того, как вышел на поляну. Если бы здесь недавно проходил человек, птица улетела бы, что она и сделала при появлении Кубины.

Первой заботой Кубины было развести костер. Нечего было и думать о том, чтобы заснуть в сырой одежде, а он промок до нитки, когда переплывал озеро. Только с этой целью он и развел огонь, так как готовить ему было нечего. Да Кубина и не был голоден — он успел вечером поужинать. Костер, который марон развел с ловкостью, выдававшей человека, привыкшего к лесной жизни, быстро разгорелся, и Кубина стоял возле него, то и дело поворачиваясь, чтобы получше просушить все еще мокрую одежду.

Вскоре от нее стали подниматься клубы пара. Чтобы скоротать время, Кубина закурил трубку. Он затянулся с наслаждением. Возможно, от курения у него прояснилось в голове. Он не успел затянуться и десятка раз, как у него мелькнула новая мысль.

«Допустим, — думал он, — Воган придет через час после восхода. Нам понадобится еще час, чтобы дойти до Горного Приюта. Как бы это не оказалось слишком поздно... Кто знает, когда вздумает выехать судья? Глупо, что я не справился у Йолы. Нет, нельзя полагаться на случай, когда дело идет о человеческой жизни. Неизвестно, что готовят ему те два негодяя. Я ведь не все слышал. Будь молодой Воган сейчас здесь, мы могли бы сразу отправиться в Горный Приют. Как бы он ни был сердит на дядю, он вряд ли захочет, чтобы судью убили. К тому же эти новые обстоятельства могут их примирить, что будет к лучшему для всех, и особенно для нее, для моей сестры. То-то взбесится старый Дже-

сюрон, подлая собака! Я ему подставлю ножку! Я все до словечка передам молодому Вогану. Уж если он и после этого захочет стать зятем Джекоба Джесюрона, то чего он тогда стоит? Нет, быть этого не может! Никогда не поверю, чтобы...»

Он вдруг вспомнил о другом. Через два часа после восхода солнца судьи Вогана может уже не быть в живых. Нет, надо сейчас же пойти к ферме старика и караулить, пока не появится молодой Воган. К рассвету он, наверно, поднимется с постели, и это сэкономит целый час. Сообщить ему все в нескольких словах и сразу же — к Горному Приюту.

Не дожидаясь, пока его платье окончательно просохнет, марон покинул поляну. Свернув на заросшую тропку, он направился к Счастливой Долине.

Глава LXIX

ГНУСНЫЙ ДОГОВОР

Оборвав неприятное объяснение с дочерью, Джесюрон удалился к себе в спальню, которая, как и все комнаты в доме, выходила окнами на веранду. Проходя по веранде, он взглянул мимоходом на висевший в конце ее гамак. Там спал Герберт Воган. Долгое путешествие по морю приучило его к такой постели. Он предпочитал ее, особенно в жаркую погоду, своей кровати в спальне рядом.

Джесюрон забеспокоился, не слышал ли Герберт их спора. В пылу ссоры и дочь и он сам забыли, что следовало говорить потише. Но гамак висел почти неподвижно, лишь еле заметно покачиваясь от легкого ночного ветерка. Очевидно, Герберт спал крепким сном.

Успокоившись на этот счет, Джесюрон пошел к себе. В комнате у него не было света, но он не стал зажигать его. Света луны было достаточно для того, чтобы разглядеть кресло, в которое Джесюрон тут же опустился, вместо того чтобы лечь в кровать. Так он и остался сидеть, погруженный в свои мысли.

«Бог ты мой, она ведь ни на что не посмотрит, она выйдет за него замуж! — сверлило у него в мозгу. — Ни уговорами, ни угрозами мне ее не удержать. Она упряма, как мул, она настоит на своем. Что делать, что предпринять?»

Он искал решения и не находил его.

«Как предотвратить брак дочери с этим нищим? Она сбежит с ним, она ни перед чем не остановится. Запереть ее? Не поможет. Она ухитрится сбежать из-под замка. Нельзя же все время держать ее взаперти! Нет, это невозможно. А если она выйдет за Герберта Вогана? Что будет тогда? Тогда — полное разорение. Нет, этого допускать нельзя. Если он станет ее мужем, он должен стать владельцем Горного Приюта. Но как это устроить, что сделать, чтобы он унаследовал Горный Приют?»

И вдруг его осенило.

— Ба! — воскликнул он громко и, вскочив с кресла, стукнул зонтом об пол. — Мои касадоры! Вот кто мне все устроит, лучше всякого Чакры с его зельем! Их лекарство подействует уж наверняка. Да, это будет самым верным и надежным. Не радуйся, судья, ты от меня еще не ушел! А ты, дочка, получишь своего красавчика!

Джесюрон снова уселся в кресло и глубоко задумался.

Но уже через несколько минут он опять вскочил на ноги.

— Нет, нельзя терять и часа! — Он поспешно двинулся к двери. — Дорога́ каждая минута. Судья выезжает на рассвете — так сказала Синтия. Надо повидать их сейчас же. Они успеют нагнать его в дороге... Бог ты мой, солнце уже всходит!

Нахлобучив шляпу и схватив свой неизменный зонт, он кинулся на веранду, пробежал через весь двор и, выйдя за ворота, очутился в поле. На мгновение он остановился и огляделся, желая убедиться, что вокруг никого нет, а затем двинулся дальше. В нескольких сотнях ярдов от дома стояла хижина, почти скрытая деревьями. Туда-то и направился Джесюрон. Через

пять минут он был уже возле хижины и зонтом стучал в дверь.

— Кто там? — раздался голос изнутри.

— Мануэль, это я, — последовал ответ.

— Это хозяин, — проговорил Мануэль, обращаясь к товарищу, так как в этой хижине жили оба касадора. — Что понадобилось старому бездельнику в такую рань, черт бы его побрал? — продолжал он по-испански, потому что Джесюрон не знал этого языка. — Не очень-то приятно, когда тебя силком стаскивают с постели. А мне как раз привиделся отличный сон. Знаешь, будто я всадил мачете в шкуру того парня, что убил моих собак. Жаль, что пока это только сон.

— Прикуси-ка язык, Мануэль. Или не слышишь, что старик колотит в дверь как сумасшедший? Видно, что-нибудь спешное... Сию минуту, сеньор!

— Живее! — кричал старик за дверью. — Безотлагательное дело!

Мануэль открыл дверь, и Джесюрон вошел, не дожидаясь приглашения.

— Зажечь свечу, сеньор? — осведомился Мануэль.

— Нет-нет, — поспешно остановил его старик. — Можно разговаривать и в темноте.

Да, кромешная тьма, как в аду, лучше всего подходила к последовавшему затем разговору: обсуждался план убийства Лофтуса Вогана! Джесюрон предложил этим отпетым негодяям, словно созданным для роли наемных убийц, прикончить судью, когда тот будет в пути. Где-нибудь в гуще леса, где придется, только бы не дать ему добраться до Спаниш-Тауна. Им была обещана награда по пятидесяти фунтов каждому.

План действия был разработан во всех деталях. От Синтии Джесюрон знал, что судья поедет южной дорогой, чтобы по пути заехать в Саванну. Это был более дальний, кружной путь до столицы, но Джесюрон догадывался, почему Лофтус Воган выбрал его. В Саванне как раз начиналась судебная сессия. Воган, наверно, решил обратиться туда по вопросу, касающемуся его, Джекоба Джесюрона, а также принца Сингуеса и двадцати четырех невольников-мандингов. Джесюрон не

посвятил касадоров во все эти соображения — на лишние разговоры времени терять было нельзя.

Через какие-нибудь двадцать минут Джесюрон вышел от касадоров. Поступь его была проворной и легкой, физиономия сияла радостью.

Глава LXX

ВО ДВОРЕ ФЕРМЫ

Оказавшись вблизи владений Джесюрона, Кубина стал продвигаться с еще большей осторожностью. Он знал, что работорговец держит ночных сторожей и спускает на ночь цепных псов, охраняя не только четвероногих в хлевах и конюшнях, но и рабов в бараках. Марон понимал, что его отказ выдать беглого раба явился как бы объявлением войны между работорговцем и маронами, а его переговоры с Лофтусом Воганом, которые, как он только что убедился, не остались тайной для Джесюрона, не могли не вызвать к нему, Кубине, самой жгучей ненависти злобного старика. Если сторожа заметят его на ферме, его непременно схватят и представят на суд Джекоба Джесюрона, а от такого судьи справедливости ждать было нечего.

Кубина приближался к дому врага, соблюдая всяческие предосторожности. Он обошел усадьбу, чтобы не подходить к дому с той стороны, где были загоны для скота и где, по его расчетам, находились сторожа.

На поле, теперь наполовину заросшем лесом, легко было скрыться от посторонних взглядов. За густой порослью кампешевых, хлебных и тыквенных деревьев начинался старый сад, совершенно запущенный, но все еще изобиловавший одичавшими фруктовыми деревьями. Тут росли гуавы, манговые деревья, папайя, апельсины, лимоны; кокосовые пальмы вздымали над вершинами остальных деревьев свою крону, похожую на пучок перьев. Их длинные перистые листья покачивались от беззвучного дыхания ночного ветерка.

Кубина остановился неподалеку от дома. Он хотел

найти себе такой наблюдательный пост, откуда можно было видеть веранду. Он дождется здесь рассвета, и тогда на ней появится Герберт. Марон знал, что все комнаты в доме выходят на веранду. Надо тут же постараться привлечь к себе внимание Герберта, окликнуть его, и тогда они смогут быстрее выполнить намеченный план.

Небольшое возвышение из камней, представлявшее собой развалины старой ограды, могло служить прекрасным наблюдательным пунктом. На него и забрался марон. Отсюда была видна вся веранда. Хотя сам дом был весь залит ровным лунным светом, веранда находилась в тени, так же как и двор перед ней. И только в одном конце веранды лежало пятно лунного света, исчерченное тенями столбиков балюстрады.

Марон не пробыл на своем посту и нескольких минут, когда его внимание привлек какой-то предмет на веранде. Когда глаза Кубины привыкли к окружающей темноте, он разглядел, что это гамак, подвешенный поперек веранды чуть повыше балюстрады. Луна теперь опустилась ниже к горизонту, ее лучи скользнули дальше вдоль веранды, и гамак стал виден лучше. Судя по туго натянутым веревкам, в нем кто-то спал.

«А что, если там Герберт?» — подумал Кубина.

Если так, то нечего дожидаться рассвета, надо разбудить его немедленно. Но как проверить, действительно ли в гамаке Герберт? Вдруг там кто-нибудь другой — например, управляющий Рэвнер? С ним Кубине беседовать не хотелось. Как выяснить, кто же все-таки в гамаке?

Тут Кубина заметил, что лунные лучи подбираются к спящему и сейчас осветят его. Кубина уже различал, хотя и очень смутно, лицо человека в гамаке. Надо взобраться на что-нибудь повыше и поближе к дому — тогда можно будет рассмотреть как следует, кто спит на этом зыбком ложе.

Он быстро огляделся. Неподалеку от ограды росла кокосовая пальма. Листья ее, как опахало из перьев, склонялись к самой веранде. Если бы незаметно добраться до дерева!

Кубина колебался не дольше секунды. Он бесшумно пополз вперед, обвил ствол пальмы руками и ногами и мигом вскарабкался наверх. Для него это было нетрудно — он лазил по деревьям как белка.

Добравшись до верхушки пальмы, он устроился в центре ее густой кроны, откуда веранда была хорошо видна. Гамак оказался как раз под ним, и лицо спящего теперь было ярко освещено луной. Кубина узнал его с первого взгляда. Да, в гамаке спал Герберт Воган.

Как разбудить его, не поднимая шума?

И вдруг Кубина услышал, как во дворе что-то скрипнуло. Кубина взглянул туда и увидел, что калитка медленно открывается и в нее входит человек. Калитка снова закрылась за ним, а человек зашагал к дому и, поднявшись по ступенькам, вошел на веранду. Еще когда он пересекал двор, свет луны упал ему на лицо, и Кубина увидел отталкивающую физиономию хозяина дома.

«Должно быть, я обогнал его по дороге, — подумал марон. — Но нет, — тут же поправил он себя, — я же видел на земле его следы, ведущие к ферме. Значит, он пришел сюда раньше меня. Просто он зачем-то еще раз уходил из дома. Какие-нибудь темные делишки, как всегда. Черт возьми, правду говорят про него, что он никогда не спит... Наши все время встречают его в лесу по ночам. Теперь понимаю почему — он ходит к своему дружку в ущелье. Только подумать, — старый колдун Чакра, оказывается, жив!»

Размышляя таким образом, марон в то же время не спускал глаз с темной фигуры, которая, как злой дух, безмолвно скользила вдоль веранды. Кубина надеялся, что старик скоро уйдет к себе в комнату. До этого нечего и пытаться разбудить Герберта. Но, что еще хуже, Кубину и самого теперь легко было заметить. Ничем не защищенный, кроме нескольких листьев пальмы, он мог быть обнаружен в любой момент. Что, если Джесюрон вдруг поднимет голову? Он тут же увидит четкий силуэт человека на фоне темной синевы неба.

Кубина сильно опасался такой возможности — и не без оснований. Это не только помешает ему поговорить

с Гербертом, но может кончиться тем, что его самого поймают и задержат. Последнее было особенно опасно.

Понимая все это, марон сидел тихо, боясь шевельнуть рукой или ногой. В таком положении он казался статуей на вершине коринфской колонны, капителью которой служила крона резных листьев пальмы.

Глава LXXI

ОХОТНИКИ ЗА ЛЮДЬМИ

Некоторое время Кубина сидел так, не шелохнувшись. Джесюрон все не уходил с полутемной веранды, то расхаживая взад и вперед, то останавливаясь у деревянного крыльца и подолгу глядя на ворота, через которые сам только что вошел сюда.

«Видно, поджидает кого-то», — подумал Кубина — и не ошибся.

Вот высокие ворота снова повернулись на петлях, и во двор вошли двое, сказав что-то на ходу чернокожему сторожу. Кубина тотчас узнал острые черты смуглых лиц, гибкие, кошачьи движения: это были касадоры. Они направились прямо к веранде и остановились возле крыльца. Джесюрон, завидев их еще издали, вошел в комнату, почти немедленно вернулся и теперь стоял, поджидая.

Один из касадоров молча протянул руку, и старик передал ему что-то. Кубина не видел, что именно, но услышал, как Джесюрон сказал при этом:

— В этой фляге самый лучший коньяк, какой только сыщешь на Ямайке. А теперь не теряйте ни минуты! Помните, вас ждут большие деньги. Смотрите не упустите его!

— Не беспокойтесь, сеньор Джекоб, — ответил тот, кому была передана фляга с коньяком. —Карамба! Ему от нас не уйти, какие бы длинные ноги у него ни были!

И, не произнеся больше ни слова, негодяй сошел с крыльца и вместе со своим достойным товарищем торопливо пошел прочь. Оба они исчезли за калиткой.

«Ловят какого-нибудь беднягу-раба, — решил Кубина. — Авось мерзавцам не удастся его поймать... Впрочем, они не так ловки и смелы, как хвастаются».

Марон снова посмотрел на темный силуэт старика на веранде.

«Что ж, отправится когда-нибудь старый ворон спать или нет? Неужто все еще не закончил свои грязные дела? Пока он здесь, мне нельзя даже пошевелиться!»

Тут, к радости Кубины, старик вдруг направился к себе в комнату, дверь которой все время оставалась открытой.

«Наконец-то! — мысленно воскликнул марон. — Теперь, надо полагать, он окончательно заползет в свою нору и до утра из нее не вылезет. Мне уже надоело им любоваться».

Но радость Кубины была недолгой, ибо отвратительный старик снова показался на веранде. Только теперь вместо синего сюртука на нем был широкий, длинный халат. Джесюрон снял и шляпу, оставшись в своем неизменном грязном колпаке. К отчаянию Кубины, старик выволок из комнаты на середину веранды кресло с высокой спинкой и уселся в него.

Послышались удары стали о кремень, вспыхнули искры... Джесюрон высекал огонь. Зачем он ему понадобился? Запах табака, защекотавший ноздри Кубине, объяснил все. Джесюрон закурил сигару. Сколько может это продлиться? Полчаса, а то и час? А что, если он останется сидеть тут до рассвета?

Положение становилось крайне затруднительным. Марон не имел никакой возможности разбудить Герберта, не мог сделать ни малейшего движения, не рискуя выдать свое присутствие Джесюрону. О том, чтобы слезть с дерева, не могло быть и речи. Кубина понимал, что оказался в ловушке. Выхода не было. Оставалось одно: ждать, пока Джесюрон докурит сигару, хотя и это еще не гарантировало ничего определенного.

Набравшись терпения, Кубина, испытывая душевные и физические муки, по-прежнему неподвижно сидел на вершине пальмы.

Это испытание длилось по меньшей мере час. Под конец руки и ноги у Кубины совершенно онемели, он чувствовал, что еще немного — и он не выдержит. А старик все сидел в кресле, словно приклеенный, молча и неподвижно, как и Кубина.

Кубине казалось, что тот выкурил не одну, а две, а то и три сигары — красный огонек все не мерк под ястребиным носом старика. И вот Кубина заметил то, чего опасался: над верхушками деревьев заголубело небо. Занимался рассвет. Слегка повернув голову, Кубина увидел, что первые солнечные лучи уже позолотили вершину Утеса Юмбо. Что делать?

Если он будет продолжать сидеть здесь, его, конечно, скоро обнаружат. Еще немного — и выйдут на работу невольники-рабы, а с ними управляющий и надсмотрщики. Кто-нибудь непременно заметит фигуру на дереве. Уж нечего и думать, чтобы разбудить Герберта. Только бы самому выбраться отсюда...

Раздумывая, как бы незаметно спуститься с пальмы, Кубина еще раз взглянул на старика в кресле. Лучи зари, так напугавшие марона, принесли ему и радость: он увидел в их свете, что Джесюрон уснул. Очки свалились, морщинистые веки закрыли хитрые глаза, ноги обмякли, руки повисли по бокам кресла, а голубой зонт свалился на пол. Но во рту старика все еще торчал окурок сигары.

Глава LXXII

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СИГНАЛЫ

Теперь Кубину мучили сомнения. В нем боролись благоразумие и желание все-таки довести до конца задуманное — то есть он не знал, уйти ли ему отсюда одному, пока не поздно, или все же попытаться разбудить спящего в гамаке. В первом случае он просто вернется к поляне и станет там ждать прихода Герберта. Но так он потеряет по меньшей мере два часа драгоценного времени. Да еще будет ли пунктуален молодой англичанин? Его может что-нибудь задержать, что весь-

ма вероятно, если учесть, как все беспорядочно в доме скотовода. Но предположим даже, что Герберт придет вовремя, — все равно надо ждать еще два часа. За два часа Лофтус Воган может уже расстаться с жизнью!

Все эти мысли вихрем пронеслись в мозгу марона, привыкшего быстро оценивать обстановку. Не отправиться ли немедля в Горный Приют одному? Или все же разбудить Герберта?

Вероятно, он принял бы первое решение, если бы знал все. Но он не предполагал, что плантатору угрожает непосредственная опасность, он не подозревал, зачем в действительности касадоры ушли ночью с фермы. Если бы Кубина только знал, куда и зачем они отправились, если бы он знал, что оба они — наемные убийцы, подосланные Джесюроном, он сделал бы все, чтобы помешать преступлению. Но он думал, что нет крайней необходимости немедленно бежать в Горный Приют, хотя и понимал, что терять время нельзя.

В этот момент лежавший в гамаке вдруг повернулся и зевнул.

«Кажется, просыпается, — подумал Кубина. — Пора действовать».

Но, к досаде марона, спящий больше не шевелился.

«Как бы мне шепнуть ему хоть словцо! Нет, невозможно. У старой лисицы слух потоньше. Брошу-ка я в него чем-нибудь — авось проснется».

Кубина вытащил из кармана трубку — единственное, что было у него под рукой, — и, метко прицелясь, швырнул ее в гамак. Она упала прямо на грудь Герберта. Но трубка была слишком легка и не разбудила его.

«Ах, черт! Спит, как сова в полдень! Что же еще попробовать? Если бросить в гамак мой мачете, я окажусь безоружным. А как знать... он может очень скоро мне понадобиться. Ба! Брошу-ка я в него орехом с пальмы. Уж это его разбудит!»

И марон, нагнувшись и просунув руку в глубину листвы, сорвал огромный кокосовый орех.

Тщательно прицелясь, он бросил тяжелый орех па грудь Герберту. К счастью, сетка гамака не дала ореху,

когда он соскользнул в сторону, упасть на пол. Иначе шум падения непременно разбудил бы того, кто спал неподалеку в кресле.

Молодой англичанин открыл глаза и, приподнявшись на локте, удивленно огляделся. Хорошо, что Герберт был человек сдержанный и не издал возгласа изумления, хотя его крайне удивил лежащий рядом с ним в гамаке кокосовый орех.

— Откуда свалился на меня этот дар Помоны?

Но тут в сероватом утреннем свете он увидел прямо перед собой ствол величественной кокосовой пальмы. Он отлично знал ее, изучил во всех подробностях ее изящный силуэт и потому сразу заметил что-то постороннее, непривычное на ее вершине. Он увидел там скорчившуюся человеческую фигуру.

Было уже настолько светло, что Герберт узнал в ней своего старого знакомого, того, кто угощал его под сейбой. Но он не успел еще ничем выразить своего удивления, как марон приложил палец к губам.

— Тсс! Ни слова, мистер Воган! — донеслось до него еле слышно с верхушки пальмы, и он заметил, что Кубина бросил выразительный взгляд в сторону веранды. — Тихонько вылезайте из гамака, берите шляпу и следуйте за мной в лес. Важные новости, очень важные! Речь идет о жизни и смерти. И, бога ради, осторожнее, чтобы он вас не заметил!

— Кто? — также шепотом спросил Герберт.

— Взгляните! — И марон указал на спящего в кресле Джесюрона. — Скорее! Встретимся на поляне! Нельзя терять ни секунды. Те, кто дорог вашему сердцу, — в большой опасности!

— Иду! — последовал ответ, и Герберт проворно вылез из гамака.

— Вы найдете меня под сейбой, — сказал марон напоследок и тут же покинул опасную позицию, неслышно соскользнув по тонкому стволу пальмы, как матрос по корабельной мачте.

Он бросился бежать и быстро скрылся в зарослях.

Герберт также не стал мешкать. Его подгоняли слова Кубины: «Те, кто дорог вашему сердцу, — в большой

опасности». На свете есть лишь одно дорогое ему существо — Кэт Воган. Неужели Кубина имел в виду ее?

Но раздумывать было некогда. В одну секунду схватив плащ и шляпу, висевшие рядом в комнате, и не забыв взять ружье, Герберт поспешил за Кубиной. Он был слишком взволнован, в нем слишком кипела энергия, чтобы степенно сойти с крыльца. Да и сидевший там старик мог проснуться. Поэтому Герберт быстро перекинул ноги через балюстраду и спрыгнул вниз. Нырнув в кустарник следом за Кубиной, он также исчез среди зелени запущенного сада.

Глава LXXIII

ЧЕРНЫЙ ДИК

Задержись Герберт хотя бы на десять минут, его непременно бы заметили и задержали. Во всяком случае, ему учинили бы допрос: куда это он отправляется в такую рань? И, по всей вероятности, за ним устроили бы слежку.

Едва он вышел за пределы фермы, как раздались удары колокола, резко прозвучавшие в утренней тишине. Это не был сигнал тревоги, — Герберт знал, что так созывают рабов на плантации. Но, конечно, колокол разбудил и спящего в кресле. Герберт мысленно поздравил себя с удачей. Как хорошо, что он успел выбраться из дома до первого удара колокола! И он ускорил шаги, торопясь нагнать марона.

Кубина, хотя он ушел далеко вперед, тоже услышал колокол и, так же как и Герберт, подумал, что Джесюрон, наверно, проснулся. Оба они не ошиблись. При первом же звуке колокола старик вскочил с кресла и тревожно огляделся.

— Бог ты мой! — Он выплюнул окурок сигары. — Уже совсем день! Я проспал не меньше двух часов. Нет, сейчас не время спать, надо быть начеку. Судья уже в пути. Если мои касадоры не подведут, сегодня ночью он будет спать таким крепким сном, что его уже

не разбудишь. Ну, а если им не удастся его нагнать? Или вдруг их захватят с поличным? Что тогда? Да, здесь таится опасность. Об этом я и не подумал. Они меня выдадут — скажут, что это я их послал. Тогда мне самому не миновать суда — мне, судье! А не теперь, так потом, рано или поздно, Мануэль проболтается. У него слишком длинный язык. Надо будет убрать его с Ямайки. Да и второго тоже, и поскорее...

Про Чакру он забыл, полагая, что черное дело совершат его наемные убийцы, что сталь, а не яд прервет жизнь судьи Вогана. Если даже Синтия и успела дать судье смертельную дозу яда, Чакры опасаться было нечего: он не выдаст. А с мулаткой Синтией он, Джесюрон, переговоров не вел, она не сможет дать против него никаких показаний.

— Надо что-то предпринять, — сказал себе Джесюрон, направляясь в спальню переодеться. В дверях он остановился. — Что же сделать?.. Ага, нашел! Пошлю кого-нибудь в Горный Приют, будто по делу. Правда, это будет выглядеть несколько странно — всем известно, что мы с Лофтусом Воганом не в ладах. Ничего... Судья, наверно, уже уехал. Мой Рэвнер пошлет когонибудь из рабов к мистеру Трэсти. Что-нибудь придумаем... Эй, Рэвнер! — позвал он управляющего, который с хлыстом в руке проходил по двору. — Пойдите сюда.

Рэвнер, буркнув что-то в ответ, поднялся на крыльцо и молча стал, ожидая приказаний.

— У вас не найдется дела к мистеру Трэсти, чтобы послать к нему кого-нибудь?

— Сколько угодно. Вот как раз проклятые свиньи судьи Вогана забрались к нам на поле и повытоптали рассаду. Пусть возместит нам убытки.

— Отлично! Очень хорошо!

— Вы бы не сказали «очень хорошо», если б видели, что они там натворили. Когда придет время собирать урожай, радоваться будет нечему.

— Ничего. Мы этого так не оставим, можете не беспокоиться. Но сейчас у меня другие заботы на уме. Вы пошлите кого-нибудь к мистеру Трэсти, будто насчет этой потравы. Да выберите такого, чтоб попусту не бол-

тал, а разузнал все толком. Мне надо выяснить, дома ли судья. Только пусть прямо об этом не спрашивает, а выпытает поосторожнее, обиняками. До меня дошли слухи, что судья собирается уехать. Так вот я и хочу узнать, уехал он или нет. Понятно?

— Понятно, — ответил Рэвнер. — Все будет выполнено. Пошлю Черного Дика, на него можно вполне положиться.

— Верно, верно! Черный Дик не подведет. И слушайте, Рэвнер: скажите ему, чтоб он повидал там мулатку Синтию.

— Что ей сказать?

— Пусть передаст ей, чтобы пришла сюда. Мне нужно с ней поговорить. Но предупредите Черного Дика, чтобы вел себя поосмотрительнее, не сболтнул лишнего. И чтобы их никто не подслушал.

— Ладно, я ему все растолкую. Сейчас послать?

— Да-да, сию минуту. Дело не терпит отлагательств.

Не тратя лишних слов, Рэвнер отправился выполнять хозяйское приказание, и через десять минут Черный Дик уже шагал по дороге от Счастливой Долины к Горному Приюту.

Глава LXXIV

ТАИНСТВЕННОЕ ОТСУТСТВИЕ

Краткий разговор между Джесюроном и Рэвнером велся вполголоса, чтобы их не услышал тот, кто, как полагал Джесюрон, спал в гамаке на расстоянии каких-нибудь десяти шагов. Однако самого гамака с крыльца не было видно, он висел, как уже говорилось, в другом конце веранды.

Отпустив управляющего, Джесюрон пошел к себе и через минуту снова появился на веранде в преображенном виде. Вновь на нем красовался знаменитый синий сюртук, застегнутый на все пуговицы, потертые штаны, касторовая шляпа и очки. По-видимому, старик куда-то собрался. Это было тем более очевидно, что он поднял

упавший на пол зонт и подошел к крыльцу, держа его в руке.

Куда же и с какой целью он отправлялся так рано?

— Да-да, — бурчал он про себя, — необходимо повенчать их сейчас же, пока не пришло известие о смерти судьи. А то еще неизвестно, как поведет себя Герберт Воган, когда узнает, что ему на голову свалилось целое состояние. Кажется, Юдифь не слишком уверена, что поймала молодого красавчика. Сама вчера о том говорила. Значит, тем более необходимо действовать немедленно. Незачем и посылать за приходским священником. Он — приятель судьи, еще заартачится. Надо позвать другого. Тот беден и не станет ломаться. Все равно узы брака будут так же нерушимы, как если бы брачную церемонию совершал сам епископ Ямайки. А если и этот не согласится, найдем третьего. Я знаю такого, который за деньги пойдет на что угодно...

Старик начал было уже спускаться с крыльца, как вдруг его остановила какая-то мысль. Он повернулся и, тихонько ступая, пошел к гамаку.

— Наш молодой джентльмен, наверно, еще изволит почивать. Сегодня он и вправду станет джентльменом, а богатых молодых джентльменов не полагается тревожить, когда они нежатся в постели. Пусть спит... Но что это?.. Гамак пуст? Рано же поднялся мой счетовод! Где он? У себя в комнате?

Джесюрон подошел к спальне Герберта. Дверь была полуоткрыта. Джесюрон бесцеремонно заглянул внутрь. Комната была пуста.

— Мистер Воган! Вы здесь? — на всякий случай спросил Джесюрон, вытягивая шею и тщетно стараясь обнаружить хозяина комнаты. — Куда же он делся? Нет ни плаща, ни шляпы. И ружье взял. У него всегда висело вот тут ружье. И как это он ухитрился пройти мимо меня так, что я ничего не слышал? Уж, кажется, я сплю чутко — и кошку услышу. Ну да, он просто перепрыгнул через перила... Ага, вот и следы! Кроме него, некому. И куда это его понесло на рассвете?

Впрочем, вначале отсутствие Герберта не вызвало у Джесюрона тревоги. Просто молодой человек вздумал

побродить по лесу. И ружье захватил, чтоб подстрелить какую-нибудь раннюю птаху. Он уж не раз так делал. Только, правда, никогда не уходил до завтрака. Впрочем, ни ранний уход тайком, — он, наверно, просто не хотел будить хозяина, — ни взятое ружье не давали еще оснований для беспокойства. Но кое-что другое пробудило у Джесюрона подозрения.

Герберт взял ружье, он решил поохотиться — но тогда почему же он оставил сумку с пулями и пороховницу? И то и другое висело на своих местах. Если Герберт отправился пострелять дичи, почему он не захватил с собой всех необходимых охотничьих принадлежностей? Может быть, он увидел дичь неподалеку от дома и, торопясь, боясь упустить ее, схватил ружье, думая обойтись двумя зарядами? Тогда, значит, минут через десять он вернется.

Десять минут прошли, прошло еще много минут... наконец, целый час. О счетоводе по-прежнему не было ни слуху ни духу.

Джесюрон разослал на поиски негров, но и они не нашли Герберта, хотя обшарили лес на полмили вокруг.

Джесюрон, которому пришлось отложить визит к священнику, помрачнел.

— Странно, — сказал он дочери, которая уже встала и выглядела тоже не очень весело. — Странно, что он ушел, не предупредив ни тебя, ни меня.

Юдифь ничего не ответила. Поступок Герберта сильно задел ее. Она, может быть, имела больше оснований подозревать неладное, чем почтенный родитель. Между нею и Гербертом накануне произошла неприятная размолвка. И теперь красавица была одновременно печальна и раздражена.

Настроение ее не повысилось, когда служанка, снимавшая гамак Герберта, сообщила своей госпоже, что нашла два предмета, неизвестно как туда попавшие: кокосовый орех и курительную трубку. Последняя не могла принадлежать Герберту — он никогда не курил трубки. А кокосовый орех был, очевидно, сорван с росшей неподалеку пальмы. На стволе ее виднелись царапины, как будто кто-то недавно по нему карабкал-

ся. И наверху пальмы оказался свежесломанный стебель.

Зачем понадобилось Герберту лезть на пальму и швырять оттуда к себе в гамак кокосовые орехи?

А тут еще выяснились новые факты, усугубившие загадочность исчезновения Герберта.

Один из пастухов, посланный на розыски Герберта, вернувшись, рассказал, что у садовой ограды на влажной земле обнаружил след молодого англичанина, ведущий в горы. Рядом с этим следом — другой, причем двойной: к ферме и от нее. Следовательно, кто-то проходил там дважды. Пастух был опытным следопытом и вряд ли мог ошибиться.

Все это произвело весьма неприятное впечатление и на Джекоба Джесюрона и на его дочь. Волнение их все возрастало. Время шло, а Герберт не возвращался. Джесюрон тревожился, злился и в конце концов начал угрожать. Герберт Воган — его должник. Он не только обязан ему за широкое гостеприимство — он получил вперед большое жалованье. Неужели он отплатит за все неблагодарностью и обманом? Хотя, конечно, не это было главным.

Юдифь же беспокоили не меркантильные соображения. В груди ее бушевали иные чувства.

* * * * * * * * *

Черный Дик вернулся. Он ловко справился с поручением. Да, судья уехал на рассвете.

— Отлично! — сказал Джесюрон. «Но где его племянник?» — добавил он про себя.

Черный Дик повидал Синтию и передал ей все, что было приказано. Она обещала прийти при первой же возможности.

— Отлично! — повторил Джесюрон. — Но где молодой мистер Воган, куда он девался?

«Где он?» спрашивала себя и Юдифь.

В небе уже ярко светило полуденное солнце, но на челе прекрасной дочери Джесюрона собирались черные тучи.

Глава LXXV

ТОМИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Солнечные лучи, начавшие золотить крутые склоны Утеса Юмбо, еще не коснулись долины внизу, когда свет от лампы, струящийся сквозь жалюзи в доме мистера Вогана, возвестил, что обитатели дома встали с постелей. Свет был и в спальне судьи и в спальне Кэт, но особенно ярко сияли передние окна: это зажгли люстру в зале.

Только в спальне мистера Смизи шторы были спущены и царила тьма. Хотя все вокруг давно были на ногах, великосветский щеголь продолжал спать как убитый. Может быть, ему снилась прекрасная креолка, принявшая вчера его предложение и таким образом округлившая число сердечных побед нашего героя до желанной «чертовой дюжины»...

В этот ранний час отец и дочь уже сидели за столом в зале. Завтрак был подан. Но ел только мистер Воган. Кэт выполняла роль хозяйки, наливая отцу кофе.

Судья был одет по-дорожному: камзол из плотной материи и с большими карманами, сапоги с высокими голенищами, за поясом два пистолета на случай встречи с беглыми неграми. Фетровая шляпа и камлотовый плащ на соседнем стуле показывали, что время отъезда близится. На сапогах мистера Вогана были серебряные шпоры. Очевидно, он собирался ехать верхом. Это подтверждалось и тем, что у подъезда стояли два коня, еле различимые в предрассветной мгле. Оба были оседланы; их держал чернокожий конюх, также одетый по-дорожному. Через седла были перекинуты саквояжи и баулы.

Мы знаем о цели поездки Лофтуса Вогана и можем только добавить, что сам он не сомневался в ее успехе. Будь он скромным счетоводом или мелким торговцем, он был бы менее уверен, но первый судья округи, имеющий сколько угодно друзей и приятелей в канцелярии губернатора, мог смело рассчитывать на то, что его просьбу удовлетворят. На этот счет он был спокоен. Его только раздражала перспектива долгого, утомительного путешествия. Судья любил комфорт и ненавидел всякие

мелкие жизненные неудобства, которые неизбежны в длительной поездке.

Ему портило настроение еще одно обстоятельство. За последние дни здоровье его заметно пошатнулось. Он потерял аппетит и быстро худел. Его непрестанно мучила жажда; он тщетно пытался утолить ее, много пил, но она не проходила. Приглашенный им врач был сбит с толку непонятными симптомами, и лекарства его не помогали. Лофтус Воган чувствовал себя так скверно, что уже готов был отказаться от поездки, отложив ее до более удобного случая, если бы не надеялся найти в столице опытного врача, который сумеет его вылечить. Преисполненный таких надежд, Лофтус Воган решил ехать, какого бы труда это ему ни стоило.

Надо сказать, что его терзала еще одна забота, и, может быть, она отягчала его душу сильнее всех прочих. Со времени казни Чакры, или, точнее, с того дня, как он повстречался с духом Чакры, Лофтуса Вогана не покидал суеверный страх. Он часто мысленно возвращался к непостижимому явлению, пытаясь в нем разобраться. Если бы привидение повстречалось только ему одному, он, может быть, поборол бы страх, приписав все воображению — он был слишком взволнован, когда возвращался в тот день с Утеса Юмбо. Но дело в том, что привидение видел и мистер Трэсти, управляющий, а мистера Трэсти никак нельзя было назвать человеком с богатым воображением. Да и как могут два человека одновременно вообразить одно и то же?

Во всем этом было что-то необъяснимое, заставлявшее сердце мистера Вогана сжиматься всякий раз, как ему вспоминался Чакра. Кроме описанного случая, судья больше ни разу не поднимался на утес, страшась встречи с «духом» Чакры. Со временем страх его, наверно, постепенно улетучился бы, хотя, конечно, воспоминания о колдуне и об ужасных подробностях казни не могли никогда стереться в его памяти. Но одно обстоятельство вновь оживило все страхи Лофтуса Вогана.

Это случилось в тот день, когда мистер Смизи провалился в дупло. Чернокожий мальчишка Квеши клялся,

что, оказавшись тогда случайно возле Ущелья Дьявола, он увидел «дух старого Чакры».

Квеши рассказывал об этом происшествии выпучив глаза, стуча зубами от страха. И, хотя слуги только посмеялись над мальчуганом, рассказ его произвел весьма тягостное впечатление на самого владельца Горного Приюта, вновь пробудив в его душе страхи, начинавшие было ослабевать. И вот в таком-то угнетенном настроении судья отправлялся теперь в далекий путь.

Глава LXXVI

«ПРОЩАЛЬНЫЙ КУБОК»

Если в то утро Лофтус Воган не был весел, то его дочь казалась еще печальней, как будто разделяла все отцовские заботы. Посторонний наблюдатель решил бы, что ей просто передалось дурное настроение отца, но, вглядевшись внимательнее, он понял бы, что источник ее печали иной, гораздо горше и глубже.

Одной из причин ее грусти была цель поездки отца. Он посвятил ее во все только накануне вечером. Впервые Кэт узнала о странных обстоятельствах своего рождения, о сложной проблеме наследования отцовского имущества. Она впервые осознала, как ложно, неустойчиво и унизительно ее положение в обществе, которое она привыкла считать своим. И теперь отец отправлялся в столицу ради нее, чтобы избавить ее от унижений.

Юная креолка испытывала горячую благодарность к отцу. Но, может быть, она оценила бы его заботы еще больше, если бы он не подчеркивал так свое великодушие и щедрость, используя их как оружие, которым старался сломить нежелание дочери выйти замуж за Монтегю Смизи.

За коротким, длившимся всего несколько минут завтраком Лофтус Воган обменялся с дочерью лишь немногими словами. И к еде он едва прикоснулся. Обильные, вкусные кушанья остались почти нетронутыми. Он только старался утолить мучившую его жажду.

Выпив залпом несколько чашек кофе, Лофтус Воган встал из-за стола.

Вошел мистер Трэсти и объявил, что лошади и конюх, который должен сопровождать хозяина в пути, уже готовы и ждут внизу.

Судья надел шляпу и с помощью Кэт и Йолы облачился в дорожный плащ. Утро было сырое и прохладное.

Во время завтрака и последних приготовлений к отъезду в зале находилась также рабыня Синтия. В ее поведении было что-то странное. Она явно нервничала, без видимой цели переходила из одного конца комнаты в другой. Она ходила как-то крадучись, взгляд у нее был неуверенный и бегающий. Человек, настроенный подозрительно, тотчас заметил бы все это, но никто из присутствовавших не обращал на Синтию никакого внимания.

Синтия вдруг подошла к буфетному столику и наполнила пуншевую чашу прохладительным напитком, который она приготовила в соседней комнате. Кто-то осведомился, почему она вздумала заниматься этим в такое неурочное время. Ведь его пьют только днем, в жару, а хозяин уезжает сейчас.

— А если масса Воган пожелает выпить стакан перед отъездом? — возразила Синтия.

Она не ошиблась. Судья уже выходил из дому, как вдруг, почувствовав приступ острой жажды, приказал подать напиться.

— Не желает ли господин прохладительного? — тотчас спросила Синтия, подходя к нему. — Я только что приготовила, совсем свежее...

— Да. Подай мне мой большой бокал.

Он не успел обернуться, как она уже протянула ему полный до краев бокал. Судья не заметил, что руки Синтии дрожат и что она испуганно отвела глаза в сторону. Жажда так мучила Лофтуса Вогана, что он ничего не замечал вокруг. Он схватил бокал и залпом, не отрываясь, выпил его до дна.

— Напиток сегодня не очень хорош, — сказал судья, возвращая Синтии пустой бокал. — Он горчит.

Но, может, у меня нынче дурной вкус во рту... Впрочем, прощальный бокал всегда не очень сладок.

После этой не очень веселой шутки Лофтус Воган распрощался с дочерью, взобрался в седло и тронул коня.

Если бы знал ты, судья, что твой прощальный кубок — последний, который тебе суждено выпить! К напитку была примешана отрава — ты выпил смертельный яд! Итак, пророчеству Чакры суждено сбыться, «чары» колдуна скоро окажут свое действие. Не пройдет и суток, как ты будешь мертв, Лофтус Воган!

Глава LXXVII

ЗВУК РОГА

Оказавшись за пределами фермы, Кубина, не теряя времени, направился к поляне; дойдя до сейбы, он уселся на лежавшее подле нее бревно и стал дожидаться появления молодого англичанина. Он провел так несколько минут, все больше беспокоясь, по мере того как время текло, а тот не показывался. У Кубины не было с собой даже трубки, чтобы скоротать время, — ведь он оставил ее в гамаке Герберта.

Волнение Кубины все росло... Теперь никакая трубка уже не смогла бы его успокоить.

Что могло задержать Герберта? Может быть, Джесюрон проснулся и помешал ему? Прошло уже десять минут, а и пяти достаточно для того, чтобы одеться. Так почему же его все нет? Ведь Кубина достаточно ясно дал ему понять, как необходимо спешить. Герберт должен был, не теряя ни минуты, идти в лес.

Почему же его нет?

Марон ничего не мог понять. Оставалось только предположить наихудшее: Джесюрон проснулся и по той или иной причине задержал Герберта. А что, если Герберт просто заблудился? Сюда ведет только заросшая тропинка, ходят по ней редко. Вокруг десятки подобных тропок, они пересекаются и расходятся в самых

Жажда мучила Лофтуса Вогана.

разнообразных направлениях: полудикие бычки и жеребята скотовода Джесюрона свободно бродят по чаще. Следы их повсюду, и нужно хорошо знать местность, чтобы найти дорогу в таком лесу. Да, очень вероятно, что молодой англичанин заблудился. Только теперь такая возможность пришла в голову Кубине. Он упрекал себя за то, что не догадался об этом раньше. Ему следовало подождать Герберта неподалеку от фермы и идти вместе с ним.

— Как глупо с моей стороны, что я не сообразил этого раньше! Вот обидно! — Марон нервно шагал взад и вперед: нетерпение давно уже заставило его подняться с бревна. — Ну, ясно, он сбился с дороги. Пойду обратно по тропинке — может, найду его. Во всяком случае, если он пошел правильно, мы с ним встретимся.

Кубина быстро пересек поляну и направился обратно к ферме.

Его предположение, что Герберт заблудился, было совершенно правильным. Молодой англичанин с того самого дня, когда он встретил здесь стольких странных людей, ни разу не был на месте своего необычайного приключения. Не то чтобы у него не было желания сходить туда — наоборот, ему этого очень хотелось, но его отвлекали другие дела, и ему никак не представлялось удобного случая исполнить свое желание. Он плохо ориентировался в лесу и особенно в вест-индском лесу, сбился с нужной тропки в тот самый момент, как ступил на нее, и теперь бродил по чаще, разыскивая поляну, на которой росла гигантская сейба.

В конце концов он нашел бы ее или набрел бы на нее случайно, ибо, зная от Кубины, что время дорого, рыскал по лесу во всех направлениях с усердием молодого пойнтера в его первый охотничий сезон. А в это самое время марон быстро возвращался назад к ферме, не встречая ни англичанина, ни его следов.

Кубина снова прошел по заброшенным полям бывшей сахарной плантации и уже завидел дом Джесюрона, но поиски оставались безуспешными. Он осторожно переступил через разрушенную садовую ограду — теперь осторожность была особенно необходима. Уже со-

всем рассвело, и, если бы его не защищал кустарник, он был бы немедленно замечен. Марон добрался до того места, откуда он ночью наблюдал за верандой, и взглянул на нее...

А вот и Джесюрон. Только он уже не спит в кресле, а мечется по веранде с озабоченной физиономией. Его чернобородый управляющий стоит у крыльца и выслушивает приказания хозяина. Гамак висит на прежнем месте, но сразу видно, что он пуст. А Герберта нет ни на веранде, ни где-либо поблизости.

Может быть, он в доме? Но спальня его пуста: дверь распахнута, и там как будто никого нет...

Не подождать ли здесь и последить за теми двумя на веранде?.. Но тут марону пришло в голову, что если Герберт последовал за ним, то, перелезая через ограду, он непременно оставил следы на влажной почве.

Пригнувшись, осторожно пробираясь среди кустов и деревьев, Кубина вернулся к ограде и с первого взгляда увидел, что не ошибся. На сырой земле ясно отпечатались следы, и они вели к лесу! Это были не его, Кубины, следы. Надо полагать, что это следы Герберта.

Кубина шел по следу, пока тот не затерялся, как только влажная земля сменилась сухой. Дальше почва всюду была твердой и покрыта жесткой, короткой травой. Даже копыто лошади не оставило бы на ней отпечатка. Но след обрывался как раз возле тропинки, ведшей к сейбе. Таким образом, Кубина убедился, что хотя бы в начале пути Герберт шел правильно. Значит, он последовал за Кубиной в лес. Но где же он сейчас?

«Может, пока я отсутствовал, он добрался до поляны и ждет меня там?» — подумал марон.

Подгоняемый этой мыслью и огорченный, что все так неудачно сложилось, он бегом вернулся к сейбе.

Никого!

Отдышавшись, Кубина подумал, не покричать ли ему. Герберт услышит и придет на голос. Кубина теперь был уже уверен, что англичанин заблудился.

Охотник крикнул несколько раз подряд, сперва не очень громко, потом погромче и наконец во всю силу легких. Никто не откликнулся.

«Затрублю-ка я в рог! — сообразил он вдруг. — Если он не дальше чем за милю отсюда, он меня услышит».

Марон поднес рог к губам и издал протяжный, громкий звук. Еще и еще...

Ответ последовал, но совсем не такой, какого ждал Кубина. В ответ на его призыв, словно эхо, раздался троекратный звук рога. Кубина понял. Он стоял и вслушивался. Вот опять трубит рог, и все с той же стороны.

— Три и затем один, — пробормотал марон. — Это Квэко. Я узнаю звук его рога из тысячи. Он возвращается из Саванны, но я не ждал его так скоро. Тем лучше, он может мне понадобиться. Но, — продолжал он озабоченно, — что же все-таки случилось с молодым англичанином? Надо потрубить еще, а то рог Квэко мог сбить его с толку.

Кубина протрубил еще раз, стараясь, чтобы рог звучал по-иному, не так, как в первый раз. Немного погодя он повторил сигнал. Еще и еще...

Квэко больше не откликался, но вскоре появился на поляне собственной персоной.

Глава LXXVIII

РАССКАЗ КВЭКО

Квэко вышел на поляну, неся за плечами большой узел. Он тащил его всю дорогу от Саванны. Кроме холщовых штанов и старой шляпы без полей, на Квэко ничего не было. Это был всегдашний его наряд, другого у него и не водилось. Хотя он и являлся правой рукой начальника, его одеяние ничем не отличалось от тех, которые носили его товарищи-мароны. Поэтому Кубина не был удивлен при виде такого костюма. Удивило его другое.

Огромный негр вспотел так, что, казалось, влага струится из каждой поры его темной кожи. Может быть, это результат долгой ходьбы с тяжелой ношей под палящим солнцем? Узел весил по крайней мере фунтов пятьдесят, да на нем еще лежало большое старинное

ружье. Но эти обстоятельства, однако, не могли объяснить загадочного поведения Квэко и странного выражения его лица. Негр шел торопясь, жестикулируя на ходу, вращая глазами. Все это Кубина сразу увидел, но, привыкнув сдерживать свои чувства в присутствии товарищей, притворился, что ничего не замечает.

— Рад видеть тебя, Квэко, — сказал он просто.

— И я рад, что нашел тебя. Я спешил так, что у меня подошвы горят.

— Что же тебя так гнало?.. Да, скажи, тебе не встретился в лесу молодой англичанин, тот, что служит на ферме старого Джесюрона? Я жду его. Боюсь, не заблудился ли он...

— Нет, его я не видел. А вот судью Вогана я повстречал.

— Черт возьми! — Кубина так и подскочил. — Где, когда ты его встретил?

— Его я встретил сегодня утром, когда он проезжал по Кэрион-род.

От Кубины не ускользнуло, что Квэко подчеркнул слово «его».

— Ты что, еще кого-нибудь встретил? — спросил он быстро, с видимым волнением ожидая ответа.

— Дд-а... — медленно протянул Квэко. Он видел, что Кубина не торопится, раз поджидает молодого англичанина, и, значит, ему, Квэко, нечего особенно спешить со своим сообщением. — Да, встретил еще старого Плутона, главного конюха Горного Приюта. Он ехал рядом с судьей Воганом.

— И больше никого?

— С ними больше никого не было. Но вот попозже...

Квэко оставил наиболее интересное на конец.

— А попозже кого?.. Да говори же, Квэко, кого ты еще видел в лесу?

Повелительный тон начальника заставил Квэко поспешить с ответом. Он надул щеки и вытаращил глаза, явно готовясь сообщить важную новость.

— Попозже на той же дороге я увидел не человека, а привидение!

— Привидение?— недоверчиво переспросил Кубина.

— Да, клянусь великим богом Акомпонгом! Это было то же привидение, что и в прошлый раз. Я опять видел дух Чакры!

Кубина невольно вздрогнул. Квэко приписал это удивлению, и Кубина не стал его разубеждать.

— Где, где ты его встретил? — в волнении спросил Кубина.

— Не то чтобы встретил — он шел впереди, в сотне шагов от меня. Но все равно я готов поклясться чем хочешь — это был дух Чакры! Он выглядел точь-в-точь как и в прошлый раз. Видно, старому разбойнику не лежится в могиле, все бродит по лесам...

— А ты увидел его много позже, чем судью?

— Да нет! Прошел еще с четверть мили — тут и увидел привидение. Но дух, как только заметил меня, сейчас же шмыгнул в кусты и скрылся. Уже светало, в усадьбе Джобсона пропели петухи. Может, петушиный крик прогнал духа — он и спрятался в реку.

— Вот что, Квэко: больше ждать нельзя. Надо идти.

И Кубина зашагал было прочь...

— Подожди, Кубина, — остановил его Квэко. — Ведь я еще кое-кого встретил.

— Кого еще?

— Да такую парочку, что под стать духу колдуна Чакры. Не прошел я и двух миль, как мне попадается на дороге... Кто, как ты думаешь?

— Говори, — сказал Кубина, уже догадываясь.

— Да эти проклятые ищейки — касадоры с фермы Джесюрона!

— О дьявол! — воскликнул Кубина в тревоге, сразу все поняв. — Касадоры, говоришь? Они отправились в погоню за судьей... Скорее, Квэко! Бросай узел в кусты, куда придется... Нельзя терять ни секунды. По счастью, ружье при мне. И ты вооружен. Оружие нам может пригодиться еще до наступления ночи. Следуй за мной!

— Подождите! И я с вами! — донесся вдруг из кустарника голос. — У меня тоже есть ружье.

И в ту же минуту на поляну вышел Герберт Воган.

Глава LXXIX

ДЯДЯ В ОПАСНОСТИ

— Вы, как видно, очень спешите, Кубина, — сказал Герберт. — Объясните же, что случилось?

— Многое... Но теперь не время разговаривать. Надо поскорее добраться до дороги в Саванну.

— Вы собираетесь в Саванну? Я буду рад сопровождать вас туда, но я не хозяин своего времени и хотел бы прежде узнать, зачем надо туда идти.

— Причина очень серьезная: надо помочь вашему дяде.

— А... — разочарованно протянул Герберт. — Ну, это еще не такая веская для меня причина, как вы полагаете... Так вы его имели в виду, когда сказали, что тот, кто дорог моему сердцу, в опасности?

— Да, — ответил Кубина.

— Слушайте, Кубина, я не имею ни малейшего желания помогать своему дяде...

— Но ведь дело идет о его жизни! — прервал его марон.

— Вот что! Ну, если так, тогда...

— Опасность грозит не одному ему, — снова прервал его Кубина. — Тот же враг грозит и вам. А может быть, и той, кто...

— Как? — воскликнул Герберт уже совсем другим тоном. — Объясните же, в чем дело?

— Не теперь, не теперь! Я вам все объясню по дороге.

— Согласен. Раз речь идет о спасении человеческой жизни, я готов идти с вами хотя бы до Саванны... Сегодня мистер Джесюрон обойдется без своего счетовода, — сказал Герберт и мысленно добавил: «А Юдифь Джесюрон — без моего общества». — Идемте, Кубина, я готов!

Они тронулись в путь.

— Лошадей у нас нет, — сказал Кубина, — ногам нашим придется потрудиться немало. Негодяи касадоры сильно нас опередили.

Они шли по тропе, ведущей в горы: впереди Кубина,

за ним Герберт. Квэко, не отягощенный более ношей, замыкал шествие. Герберт заметил, что они идут в направлении к Горному Приюту. Им придется зайти туда? Это поставило бы его, Герберта, в неловкое положение. Он спросил Кубину, нужно ли им непременно заходить в дом мистера Вогана.

— Нет, — ответил тот, — теперь уже незачем. Судья уехал. Мы не узнаем там ничего нового, да и пришлось бы делать лишний крюк в полмили. Только зря потеряем время. Сейчас мы выйдем на тропу, которая идет через горы мимо Утеса Юмбо. Это кратчайший путь на дорогу к Саванне.

Так как Герберт пока еще не получил от Кубины никаких разъяснений и не знал, куда и зачем они спешили, он наконец спросил у марона, какая опасность грозит его близким. И Кубина рассказал ему все, что знал сам, описав в первую очередь ужасное положение, в каком очутился судья. Сообщил он и о том, как спускался в Ущелье Дьявола, какие разговоры там подслушал и какие выводы из них сделал.

Нечего и говорить, что Герберт был потрясен. Он был бы потрясен еще больше, если бы не целый ряд подозрительных фактов, которые последнее время все больше бросались ему в глаза и которым он тщетно искал объяснения. Теперь он решительно откинул самую мысль вернуться под кров Джекоба Джесюрона. Пользоваться гостеприимством убийцы, хотя бы и совершающего свои злодеяния чужими руками? Об этом не могло быть и речи. Нет, как ни выгодна его должность, он не вернется в Счастливую Долину. Даже чары обольстительной Юдифи не настолько сильны, чтобы удержать его там.

Кубина выслушал все эти категорические заявления с чувством глубочайшего удовлетворения. Марон, однако, еще не рассказал Герберту много такого, что, несомненно, вызвало бы в молодом человеке живейший интерес. Все это Кубина припас для более подходящего случая, когда не будет так дорога́ каждая минута. А Герберт, поняв, что дядя его на краю гибели, думал только о том, чтобы успеть прийти к нему на помощь.

Забыты были и обиды и унижения. Он все забыл и простил, даже самую горькую обиду, особенно задевшую его: оскорбительно-холодный поклон на балу в честь Смизи.

По ту сторону Утеса Юмбо, куда пробирались наши путники, лежали земли маронов. Кубине стоило лишь приложить к губам рог, и его непременно услышит кто-нибудь из товарищей, охотящихся в лесу. Но Кубина рассудил, что крепкий, молодой англичанин и силач Квэко — достаточно надежные помощники, и не стал никого звать.

Глава LXXX

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Весь день Джесюрон не выходил из дому. Загадочное отсутствие Герберта заставило его отложить визит к священнику. Да, кроме того, Джесюрон ожидал прихода Синтии, рассчитывая получить от нее самые последние сведения, которые неизвестны даже Чакре. Во всяком случае, она скажет, удалось ли ей дать судье «лекарство», когда и как это произошло. А эти факты интересовали Джесюрона больше всего, и он остался дома, ожидая Синтию.

Юдифь вела себя иначе. Снедаемая безысходным отчаянием, она не в состоянии была оставаться бездеятельной и решила искать вне дома если не успокоения, то хотя бы отвлечения от тягостных мыслей. Тотчас после завтрака она велела оседлать себе коня и уже готовилась выехать...

Ее тревожили странные обстоятельства исчезновения Герберта. И почему это случилось как раз в тот день, когда его дядя уехал?

Она приказала позвать пастуха, обнаружившего следы у садовой ограды:

— Ты вполне уверен, что там был след молодого мистера Вогана?

— Да, мисса Джесюрон. Один след был его, это уж наверняка.

— А другой? Тоже след мужчины?

— Да, мисса. Такой большой ноги у женщины я никогда не видел. Это мужской след. Но только сапоги не такие хорошие, как у массы Вогана.

Юдифь стояла с хлыстом в руке, размышляя. Может быть, за Гербертом прислали? Кто? Кто же еще, как не Кэт Воган! Ведь у него здесь больше нет никаких знакомых. Но почему такая таинственность? Комья сырой земли, обнаруженные на стволе пальмы, ясно указывали, что на нее взбирался тот же, кто оставил следы у ограды. Трубка и кокосовый орех были брошены в гамак, конечно, для того, чтобы разбудить Герберта. Загадочная история... Что хотел передать Герберту тот, кто его разбудил? Предложил ему пойти поохотиться? Да, Герберт захватил с собой ружье, но это еще не доказывает, что он пошел пострелять дичи. Герберт всегда брал ружье, когда уходил в лес или в поля. Но на этот раз он почему-то не взял с собой ни пороха, ни пуль. Нет, не на охоту он пошел. Герберта звали на свидание, и Герберт очень торопился...

— Если так... — воскликнула охваченная ревностью Юдифь, вскакивая на коня, — если так, я отомщу!..

Первой жертвой ее гнева стал конь. Он получил сильный удар хлыстом, и в его бока вонзились острые шпоры. Конь взвился и помчался к горам. Юдифь была отличной наездницей и справлялась с любой лошадью не хуже самого опытного объездчика отцовской фермы. Нельзя было не залюбоваться Юдифью, когда она сидела в седле. Гневное возбуждение только подчеркивало ее яркую красоту. Щеки ее пылали, темные глаза горели мрачным огнем. Только тот, чье сердце было уже занято, мог устоять перед ее чарами, как это и случилось с Гербертом Воганом.

Одним прыжком перескочив через садовую ограду, она остановилась там, где виднелись следы на земле. Не слезая с коня, она наклонилась, рассматривая их... Да, вот отпечаток его маленькой ноги. А другой... Конечно, это след негра — башмаки подбиты деревянными гвоздями. Белые люди таких не носят. Наверно, раб из усадьбы Воганов. Его послала Кэт. Она вызывала

Герберта на свидание где-нибудь в лесу. Может быть, как раз сейчас они там...

Ревнивая догадка заставила красавицу снова пустить в ход хлыст и шпоры и стремглав ринуться вперед по тропинке, уводящей в горы.

Зачем она ехала туда? Она и сама не знала. Острое нетерпение, жгучая ревность, слабая надежда найти ключ к таинственному исчезновению Герберта — вот что гнало ее вперед. Может быть, перед ней наконец откроется страшная правда... Пусть! Неопределенность становилась невыносимой.

Мысленно Юдифь рвалась в Горный Приют, но она не могла поехать туда. Ей никогда не доводилось быть гостьей в доме судьи Вогана. И она не могла придумать никакого предлога явиться туда без приглашения. У нее возник другой план. Она остановится неподалеку от дома. Да, на Утесе Юмбо. Это будет отличный наблюдательный пункт. С вершины утеса вся усадьба Воганов перед глазами, как будто вычерчена на карте, и видно все, что там происходит. Особенно, если смотреть в бинокль, который Юдифь не забыла захватить с собой.

Яростно понукая коня, Юдифь стала взбираться по крутому склону Утеса Юмбо.

Глава LXXXI

СМИЗИ СРЕДИ СТАТУЙ

В тот самый час, когда сердце Юдифи рвали на части любовь и ревность, такое же глубокое, хотя и не столь бурное, чувство сжигало сердце Лили Квашебы. И обе они думали о Герберте Вогане.

Тщетно юная креолка старалась забыть его, тщетно силилась покориться воле отца и относиться к Смизи по-иному. Все получалось наоборот: любовь к Герберту росла, а Смизи казался все несноснее. Так всегда происходит в отношении сердечных склонностей. Чем больше их стараются задушить, тем сильнее они становят-

ся. С того дня, как, подчиняясь воле отца, Кэт дала согласие на брак с Монтегю Смизи, она лишь острее чувствовала тяжесть приносимой жертвы. И не было никого, кто встал бы на ее защиту, кто спас бы ее. Где сильная рука и верное сердце, которые выручат ее в этот страшный час? Напрягая последние душевные силы, Кэт старалась примириться со своей несчастной судьбой.

Только одна мысль поддерживала и утешала ее — мысль, что она не пренебрегла своими дочерними обязанностями. Она исполнила желание отца. Как ни был он суров с окружающими, к ней он всегда относился ласково и с любовью. Особенно теперь, когда он ради нее отправился в дальний и трудный путь, Кэт чувствовала его доброту. Но все это не могло побороть в ней любви к Герберту. Не могла она и скрыть уныния, зная, как безнадежны ее мечты. Вот почему в утро отъезда отца лицо Кэт было еще печальнее обычного.

Ее поклонник — теперь он уже приобрел право называться ее женихом — заметил, как грустна Кэт, но не понял истинной причины этой грусти. Вполне естественно, что дочь скучает в отсутствии отца, никогда не покидавшего ее больше чем на несколько часов или, в редких случаях, на один день. Но она скоро освоится и повеселеет. К такому заключению пришел оптимист Смизи.

Все утро он был особенно внимателен к невесте. Ведь он остался единственным ее защитником и покровителем и теперь жаждал показать, что достоин оказанного ему доверия. Увы! Усердие его вызывало у Кэт лишь досаду. Ей хотелось только, чтобы он оставил ее в покое, не мешал ей грустить в одиночестве.

Вскоре после завтрака Смизи предложил Кэт пройтись по саду. Он не был любителем долгой, утомительной ходьбы, а после памятного происшествия на охоте и вовсе не отваживался заходить далеко в лес и горы. Он предпочитал прогулки возле дома, среди статуй и цветов. Погода стояла прекрасная, и у Кэт не было благовидного предлога для отказа. Печально вздохнув, она приняла его приглашение.

Смизи тотчас принялся разглагольствовать по поводу статуй в саду, полагаясь на сведения по древней истории и мифологии, полученные в университете. Особенно красноречиво рассуждал он о Венере, Купидоне и Клеопатре; эти темы как нельзя более соответствовали его романтическому настроению, на что он уже не один раз намекнул Кэт. Но, как ни старался Смизи угадать, какой эффект производят на мисс Кэт его выспренние речи, он не усмотрел ничего, что дало бы ему почувствовать себя вознагражденным. Лицо его спутницы хранило все то же выражение меланхолии и внутренней сосредоточенности, не сходившее с него все утро. В самый разгар красноречивых излияний появился преданный Томс и доложил, что к мистеру Монтегю Смизи пожаловал с визитом знакомый: лондонский щеголь уже успел обзавестись множеством друзей. Гость был важный и не допускал небрежного к себе отношения, и гордый наш владелец замка был вынужден покинуть свою прекрасную спутницу. Мисс Воган не почтет его невежей, если он на минуту оставит ее одну?

— О, пожалуйста! — ответила она с почти оскорбительной поспешностью.

Смизи последовал за своим лакеем в дом, а юная креолка осталась одна среди статуй, которым не уступала в красоте.

Глава LXXXII

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

Некоторое время Кэт Воган стояла молча и неподвижно, как мраморные статуи вокруг нее. Затем она подняла глаза к вершине Утеса Юмбо, весело блестевшей под яркими лучами солнца.

— Там... — тихо прошептала Кэт, — там, на этой скале, единственный раз в жизни испытала я мгновение подлинного счастья, которое считала выдумкой романистов! Теперь я знаю: оно существует и в жизни. Это — счастье смотреть в глаза любимому и думать, что

ты любима. О, какое это было блаженство, какое упоительное блаженство!..

Воспоминания о краткой встрече с Гербертом нахлынули на Кэт с такой силой, что у нее перехватило дыхание и слова застыли на губах.

— Да, то было лишь мгновение счастья, но я с восторгом отдала бы весь остаток жизни, только бы еще раз испытать его!

Кэт все смотрела, не отрывая глаз, на вершину, которая сверкала, казалось, для того, чтобы напоминать ей об этих сладостных минутах.

— А что, если пойти туда, стать там, где я стояла тогда? Может быть, в воображении я вновь переживу все то, что тогда произошло? Я представлю себе, что он снова стоит возле меня. Восстановлю в памяти его взгляд и те сладкие чувства, какие он во мне вызывал. Пережить еще раз все это, окунуться в дивный, восхитительный сон! Почему бы нет! Пойду туда и хоть на миг отдамся мечте, предамся грезам...

И, набросив на свои роскошные косы белый батистовый шарф, Кэт, никому ничего не сказав, легким шагом пошла в конец сада. Выйдя за калитку, она очутилась на тропинке, которая зигзагами поднималась по горному склону, — на той самой, по которой шла наблюдать солнечное затмение.

В то памятное утро ее занимали совсем иные мысли. И тогда, правда, они были не очень радужны, но все же у нее еще была какая-то надежда. В ту пору Кэт еще не предполагала, что Герберт стал к ней равнодушен, что он предпочел ее более счастливую соперницу. А потом слухи и то, чему она сама была свидетельницей на балу, — все подтверждало, что Герберт увлечен другой. Последние проблески надежды исчезли.

Теперь она еще более несчастна и унижена. То, что перед отъездом сообщил ей отец о ее сомнительном положении в обществе, не могло не произвести на нее удручающего впечатления. Ей невольно приходило в голову, что, может быть, потому Герберт и отвернулся от нее. Неужели он презирает ее за то, что в жилах ее течет смешанная кровь? Сколько раз задавала она себе

этот вопрос! Что же ей еще осталось? Оживить в памяти былое счастье, чтобы любовь, несущая ей вечное горе, стала еще сильней.

Но все равно терять больше нечего. Смелым, решительным шагом девушка быстро углубилась в лес, и на фоне темной листвы ее светлая, изящная фигурка мелькнула, как яркий метеор.

Глава LXXXIII

РОКОВОЕ МГНОВЕНИЕ

Достичь вершины Утеса Юмбо можно лишь, пробираясь по узкому ущелью, по которому нетрудно подняться пешком, но верхом почти невозможно. Подскакав к подножию утеса, наездница, в груди которой бушевала буря ревности, слезла с коня, привязала его к дереву и, сняв шпоры, стала взбираться по склону.

Достигнув плоской вершины утеса, она остановилась на самом ее краю. Перед глазами Юдифи лежала как на ладони вся усадьба Горный Приют: плантации, сад, строения. Даже невооруженным глазом были видны сновавшие там люди.

Возле самого дома царил полный покой. Проскачет пятнистый олень по газону, покажутся среди зелени павлины, раскрыв веером пестрые хвосты, переливающиеся на солнце множеством оттенков, — вот и все. Других живых существ заметно не было. Подальше, на плантации, можно было различить толпы черных невольников за работой. Среди них шнырял надсмотрщик.

Но не они интересовали ту, которая стояла на утесе. Едва скользнув по ним взглядом, Юдифь начала всматриваться в сад перед домом, надеясь обнаружить что-нибудь такое, что послужило бы ключом к разгадке мучившей ее тайны.

Вскоре она действительно увидела кое-что, до известной степени успокоившее ее ревнивые подозрения. Из дома вышли двое, мужчина и женщина, и направи-

лись в сад, туда, где стояли статуи. Сперва это встревожило Юдифь, но, наведя бинокль на идущую по саду пару, она, к своему облегчению, различила соломенного цвета шевелюру и бачки и сразу узнала Смизи. Она еще больше успокоилась, когда в женщине узнала Кэт Воган и даже разглядела, как печально лицо девушки.

— Прекрасно! Значит, с Гербертом она не виделась, а то бы выглядела повеселее.

Но тут в саду появилась вторая мужская фигура в темном костюме. Герберт носил темный костюм, — неужели это он?

Обуреваемая беспокойством, Юдифь вновь поднесла бинокль к глазам.

— Нет, это пришел из дома слуга с поручением... Вот Смизи уходит вместе с ним. Но она осталась! Он покинул свою даму, оставив ее одну! Нечего сказать, любезный кавалер!

Насмешливо захохотав, Юдифь, обрадованная, что ее подозрения не подтвердились, опустила бинокль и некоторое время стояла спокойно. Герберта в Горном Приюте нет; судя по всему, они с Кэт не виделись. А если и виделись, то это свидание закончилось ссорой. Иначе Кэт Воган не была бы такой унылой.

Юдифь вновь подняла бинокль, чтобы насладиться горем соперницы.

— Эта мулатка посреди статуй — сама настоящий истукан! Ха-ха-ха! Но теперь она смотрит сюда, в мою сторону. Неужели заметила меня? Нет, без бинокля это невозможно, и, кроме того, оттуда видна только моя голова. Но эта дрянь улыбается! Предается сладким воспоминаниям? Переживает вновь, как Смизи стоял перед ней на коленях? Ха-ха-ха!.. Но что это?

Юдифь перестала смеяться, увидев, что Кэт накинула на голову шарф и быстро направляется к калитке за садом.

— Что это значит? Куда она так спешит? Одна? Обходит дом крадучись, словно боится, что ее заметят... Проходит через сад, через калитку... Она идет сюда!

Бинокль задрожал в руках Юдифи, и сама она вся затрепетала.

— Зачем она идет сюда? На свидание с Гербертом?

Из ее груди вырвался сдавленный крик, и ослабевшие пальцы едва не выпустили бинокль.

Глава LXXXIV

В ЗАСАДЕ

Случалось ли вам видеть гордую, вольную птицу с подбитым крылом, когда она трепещет в воздухе и вдруг падает наземь? Такой раненой птицей забилось и замерло вдруг сердце Юдифи. Веселость ее мгновенно исчезла. Куда, как не на свидание, спешит креолка? И с кем, как не с Гербертом? Она ушла из дому тайно, так, чтобы Смизи не видел; она торопится и испуганно оглядывается, очевидно опасаясь, что ее заметят. А чего ей бояться, если она отправилась просто погулять? Мистер Смизи ей не отец и пока еще не муж. Почему ей надо таиться от него? Только в том случае, если она идет на свидание с другим — с возлюбленным.

Юдифь была настолько в этом уверена, что, как молния, скользнула на противоположный край площадки, чтобы проверить, не идет ли оттуда Герберт. Правда, она там никого не увидела, но это мало ее успокоило. Может быть, Герберт уже неподалеку, но его не видно за деревьями... Но где, где они назначили встречу?

Ее вдруг охватил страх, что она потеряет их из виду и не сможет помешать счастливой встрече. Нет, не бывать этому! Обезумев от ревности, Юдифь готова была на все. Будь что будет — она не допустит, она...

Единственный способ узнать место свидания — это не выпускать из виду Кэт Воган. Герберт, наверно, уже ждет ее. Конечно, он пришел первым. Юдифь подбежала к краю площадки и снова стала следить за белым шарфом Кэт, мелькавшим среди темной листвы. С вершины утеса была видна почти вся тропинка, вьющаяся по склону.

Не теряя из виду белый шарф, Юдифь в то же время быстро и внимательно разглядывала в бинокль под-

ножие утеса, его склоны, тропинку, ожидая каждую секунду увидеть Герберта Вогана. Стоило вспорхнуть птице, вспугнутой легкими шагами Кэт, и сердце ее ревнивой соперницы судорожно сжималось. Увидеть, как радостно вспыхнут лица влюбленных, как Герберт и Кэт кинутся друг другу в объятия, как губы их сольются в поцелуе, — какая мука!

И гордая, надменная красавица поникла и затрепетала, как сломленная бурей тростинка

* * * * * * * * *

Все выше быстрым, упругим шагом поднималась юная креолка по склону, легко, как птичка, не подозревая, что за ней следит та, кого ей следовало опасаться больше всего на свете. Наконец она остановилась, достигнув нижнего конца ущелья. Юдифь с удивлением поняла, что Кэт собирается подняться на утес. Зачем? Впрочем, она тут же нашла объяснение. Разумеется, они выбрали для свидания эту вершину, где впервые обменялись взглядами, полными любви!

Юдифь решила уклониться от встречи с соперницей. Но не страх, не чувство деликатности диктовали ей это решение. Мотивы ее были совсем иными.

Недалеко от места, где ущелье выходило на вершину, была расселина глубиной в несколько футов, скрытая густой порослью вечнозеленого кустарника. Но острый глаз Юдифи тотчас ее приметил. Вот удобное укрытие! Спрятавшись там, можно видеть всю площадку, оставаясь незамеченной. Там, под мрачным сводом темной листвы, она станет свидетельницей сцены, которая разобьет ей сердце. Но пусть! Ей все равно!

Улучив момент, когда Кэт опустила голову, Юдифь быстро скользнула в расселину и укрылась за листвой.

Чувства ее были в таком смятении, что она уже не могла рассуждать спокойно. Предположения о вероломстве Герберта, — молодой человек действительно оказывал ей знаки внимания, или, во всяком случае, никак не проявлял своего равнодушия к ней, — перешли теперь в полнейшую уверенность. Ослепленная

страстью, Юдифь ждала, что сейчас покажется Герберт, и напряженно вслушивалась в каждый шорох, ожидая услышать его голос, окликающий возлюбленную, услышать его торопливые шаги... Он, наверно, спешит, браня себя за опоздание.

Глава LXXXV

ПРЕДОТВРАЩЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Юдифь еще не придумала никакого плана, ожидая дальнейшего хода событий. Она решила только как можно дольше сдерживать свою жажду мести: позволить влюбленным пройти на поляну, своими глазами увидеть, как они встретятся, какими ласками осыплют друг друга. И тогда наступит ее час!

Юная креолка, не подозревая о близком соседстве злобной соперницы, прошла совсем рядом и остановилась как раз там, где стояла в то знаменательное утро. Сняв повязанный под подбородком шарф, она держала его обеими руками прямо перед лицом, защищая от солнца глаза, и глядела. Но не туда, где виднелся отцовский дом, а на долину, в которой жил тот, кто ее сердцу был дороже всех. Она не могла оторвать взгляда от угрюмого строения, почти скрытого в тени. Но для Кэт это место казалось раем. Само солнце меркло перед светом любви, который исходил для нее оттуда. Чего бы только не отдала она, чтобы упиться лучами этого света, чтобы быть на месте своей соперницы!

— Увидеть его еще хоть раз! — шептала Кэт. — Потом ведь даже мысль о нем будет грехом. Увидеть его, поговорить напоследок... Пусть он меня не любит, он все же пожалеет меня. Даже это будет отрадой. Зачем здесь, на этом самом месте, он поглядел на меня так, что я не могу этого забыть! Ах, Герберт, Герберт!

Последнее восклицание вырвалось у нее совсем громко, и Юдифь Джесюрон его услышала. Оно пронзило ее сердце, как отравленная стрела. Да, теперь не оставалось и тени сомнений...

В то же мгновение ужасная, чудовищная мысль шевельнулась в ее воспаленном мозгу. Уничтожить соперницу, убить Кэт Воган!

Та стояла в двух шагах от края площадки. Легкий толчок — и... Нет почти никакого риска. Кусты у подножия утеса на долгое время скроют тело убитой, а когда его обнаружат, все сочтут это самоубийством. Даже отец погибшей поверит в это, решив, что дочь покончила с собой потому, что он хотел насильно выдать ее замуж. Вспомнят, что она ушла из дома украдкой. И никто не видел, что Кэт направилась к утесу и что она, Юдифь, также была там в это время. Ведь ей никто не попался на пути. Свидетелей убийства не будет. Даже если кто-нибудь посмотрит на вершину утеса, на таком большом расстоянии ничего не разглядишь. Да и кто взглянет? Невольники в этот час на плантациях; они работают, не разгибая спины; им не позволят бросать праздные взгляды по сторонам.

Все эти мысли с бешеной быстротой мелькали одна за другой в мозгу Юдифи, и ее решимость все более крепла. Она уже не в силах была владеть собой, она была вся во власти страстной, безумной ревности. Обстоятельства как будто сами толкали ее на месть. Бросив взгляд вниз и убедившись, что оттуда никто не наблюдает за утесом, и проверив, что Кэт по-прежнему стоит не поворачивая головы, Юдифь неслышно выбралась из расселины и ступила на скалу. Крадучись, беззвучно, словно тигрица, приближалась она туда, где стояла ее жертва, не помышлявшая о смертельной опасности... Неужели ничей голос не предупредит ее?

И тут голос раздался — это был голос Смизи!

— Вот вы где, дорогая Кэт! Нет, честное слово, я думал, что никогда не взберусь на эту кручу! Я еле дышу, честное слово! Ха-ха-ха!

Услышав его, Юдифь в то же мгновение, как вспугнутая тигрица, готова была скрыться в свое логово, но, заметив, что Кэт оборачивается, отказалась от этого намерения. В мгновение ока она приняла другую позу и придала лицу иное выражение. Она сделала вид, будто только что спокойно поднялась на вершину.

Кэт смотрела на нее с удивлением и тревогой, ибо она не могла не заметить странного, горящего взгляда Юдифи, в котором читалась ненависть. Но обе они еще не успели произнести ни слова, как внизу послышался возглас Смизи:

— Кэт, дорогая, сейчас я к вам присоединюсь!

— Прошу прощения, мисс Воган! — Юдифь сделала глубокий реверанс и насмешливо поглядела на Кэт. — Приношу мои глубочайшие извинения. Я вторично нарушаю вашу идиллию. Уверяю вас, я оказалась здесь случайно, совершенно непреднамеренно, в доказательство чего немедленно удалюсь, пожелав вам доброго утра!

И с этими словами дочь Джекоба Джесюрона повернулась, шагнула вниз по тропинке и исчезла, прежде чем негодующая и удивленная Кэт нашлась, что ей ответить.

— Нет, честное слово! — Смизи вышел наконец на площадку, совсем запыхавшись. — Вы здесь были не одни? Мне показалось, что отсюда спускалась дама в амазонке.

— Здесь была мисс Джесюрон.

— Ах, это прелестное создание! Говорят, она выходит замуж за вашего кузена. Что ж, у него будет очаровательная жена, если только она не покажется ему слишком своевольной. Ха-ха-ха! Что вы думаете по этому поводу, дорогая Кэт?

— Я ничего не думаю по этому поводу, мистер Смизи. Прошу вас, вернемся домой.

Смизи уловил тоскливые нотки в голосе Кэт, но ничего не понял.

— Отлично! — согласился он. — Рад вернуться. Но какая же вы плутовка, очаровательная моя Кэт! Удрать от меня тайком! Ни за что бы вас не разыскал, если бы не ваш белый шарф. Он мелькал среди деревьев и указывал мне, куда спешит моя прелестная Кэт. Ха-ха-ха! Скрылась от меня и как ловко!

Он и не подозревал, что, явись он секундой позже, он мог бы потерять невесту. А Кэт и в голову не могло прийти, что Смизи спас ее от смерти.

Глава LXXXVI

РАССКАЗ СИНТИИ

Синтия не замедлила явиться на ферму Джесюрона. Работорговец имел на нее некоторое влияние, хотя и не столь сильное и менее таинственное, чем жрец Оби. Тут действовала иная сила — сила денег. Мулатка была корыстолюбива.

Итак, Синтия уже рано утром появилась на ферме Джесюрона. Ее сообщение, хотя и не пролившее света на тайну исчезновения молодого счетовода, все же содержало некоторые немаловажные для Джесюрона факты. Прежде всего он узнал, что Синтия успела подлить яд в «прощальный кубок» Лофтуса Вогана. Джесюрона это особенно порадовало, ибо он уже начал сомневаться, что касадоры сумеют справиться с возложенным на них делом. Если яд действительно был таким быстродействующим, как утверждал Чакра, судья умрет, прежде чем его успеют настичь наемные убийцы.

Синтия принесла и другое важное известие. Утром, уже после отъезда судьи, она повидалась с Чакрой, встретившись с ним в условленном месте. Хотя Чакра и не сказал этого прямо, она поняла, что он решил сам отправиться вслед за Лофтусом Воганом. Она видела, что колдун пошел не в Ущелье Дьявола, а по дороге в Саванну.

Получив щедрое вознаграждение за хорошие вести, Синтия вернулась домой. Но Джекоб Джесюрон все же не был спокоен.

Он еще не узнал, где скрывается Герберт. Время шло, приближался вечер... Отец и дочь все больше тревожились.

Юдифь теперь уже не думала, что Герберт ушел на свидание с Кэт. Спустившись с утеса, она не сразу направилась домой, но некоторое время выжидала, полагая, что вот-вот покажется Герберт... Так и не встретив его, она обрадовалась, поняв, что его предполагаемая встреча с Кэт — плод ее собственной фантазии. Правда, появление Кэт Воган на утесе оставалось непонятным,

но ведь следом за ней явился Смизи. Они заранее условились там встретиться — вот и все.

Ревность Юдифи Джесюрон немного улеглась. Но лишь очень немного. Все-таки отсутствие Герберта казалось ей зловещим: она помнила разговор, который произошел между ними накануне. И она не испытывала ни малейшего раскаяния в том, что чуть не стала убийцей. Конечно, она столкнула бы Кэт в пропасть, если бы не внезапное появление Смизи. Юдифь помнила, чье имя сорвалось с губ Кэт, когда та стояла, не отрывая взора от Счастливой Долины. Нет, Юдифь не раскаивалась в своем намерении.

Она ничего не рассказала отцу, считая, что ему незачем знать о ее поездке на Утес Юмбо.

Глава LXXXVII

ДЕНЬ ДОГАДОК

К заходу солнца было сделано новое открытие. Джесюрон пошел лично смотреть на следы у садовой ограды и снова допросил пастуха, первым их заметившего. Тот неожиданно увидел кое-что еще. Тщательно вглядевшись во второй след, не принадлежавший Герберту, пастух распознал в нем отпечаток охотничьего сапога Кубины, начальника маронов.

Это вызвало у Джесюрона заметное беспокойство, которое еще усугубилось, когда ему донесли, что арестованного вместе с Гербертом марона Квэко недавно снова видели в обществе молодого англичанина: они вели какие-то таинственные переговоры.

Джесюрон с самого начала подозревал, что тут замешан Кубина. Теперь это подтверждалось. А когда рассмотрели обнаруженную в гамаке трубку, сомнений уже не оставалось. Это была необычная трубка: чашечка ее была железная, а черенок костяной, из голени ибиса. Она безусловно принадлежала Кубине, пастух не раз видел ее у марона.

Значит, Герберта выманил из дому Кубина. Джесю-

рон был теперь в том совершенно уверен, так же как и его дочь, принимавшая деятельное участие во всех этих расследованиях. Она была довольна их результатами. Возможно, дело объяснялось очень просто: Герберт пошел навестить Кубину. Юдифь знала от Герберта все подробности их знакомства. Молодому англичанину стало любопытно посмотреть, что представляет собой горное жилище марона. Вот и вся тайна!

Некоторые обстоятельства, правда, оставались непонятными. Зачем марон очутился на ферме в такую рань? Почему след его вел к дому дважды? Почему Герберт ушел так поспешно, никого не предупредив? Хотя, как было уже сказано, ревность красавицы несколько поутихла, особенно радоваться ей еще было нечего.

На отца ее, однако, последнее открытие произвело совсем иное впечатление. Его отнюдь не утешило, а, наоборот, чрезвычайно напугало то обстоятельство, что Герберт ушел куда-то с начальником маронов. Джесюрон помнил, как настойчиво расспрашивал Герберт об участи сбежавшего с фермы, до полусмерти избитого раба, темнокожего принца. И ему, Джесюрону, пришлось давать довольно уклончивые ответы. А теперь, конечно, Кубина рассказал Герберту всю правду, а это грозит работорговцу весьма неприятными последствиями.

Узнав все подробности этой скверной истории, молодой англичанин едва ли пожелает после этого назвать Джекоба Джесюрона своим тестем. Старик не сомневался в этом — ему было известно благородство Герберта. Вернее всего, он совсем покинет Счастливую Долину. Может быть, именно это и произошло? Тогда хитроумный план полностью провалился и убийство совершено зря. А в том, что судья уже мертв, Джесюрон не сомневался. Яд Чакры или ножи касадоров к этому времени должны были сделать свое дело.

Но как, когда и где это совершилось? И неужели все впустую?

Вот какие мысли терзали Джесюрона всю долгую бессонную ночь. Он почти не смыкал глаз, сидя в крес-

ле на том же самом месте, что и накануне. Но не угрызения совести, а страх не давал ему спать. Под утро его тревога стала настолько невыносимой, что Джесюрон решил отправиться к Чакре. Колдун, конечно, уже вернулся.

Джесюрон не понимал, зачем Чакре понадобилось идти следом за судьей. Наверно, старик побаивался, что яд окажется недостаточно быстрым, и пошел сам, чтобы в случае надобности прикончить Лофтуса Вогана собственноручно. А может быть, Чакра хотел своими глазами увидеть гибель ненавистного врага? Или просто ограбить его труп?

Итак, работорговец покинул кресло и, одевшись, зашагал к Ущелью Дьявола.

Глава LXXXVIII

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ

Покинув пределы своих владений, Лофтус Воган некоторое время ехал проселочной дорогой, а затем выбрался на проезжий тракт, пересекающий остров с севера на юг, от Монтего-Бей до Саванны. Чтобы добраться до столицы, надо ехать в Саванну верхом, а дальше морем из любого ближайшего порта.

Когда едут в Спаниш-Таун по суше, то пользуются северной дорогой, ведущей к гавани Фалмут, а оттуда берут направление на Сент-Аннис-Бей и далее через весь остров до места назначения. Иногда ездят и южной дорогой, минуя Саванну. Тогда надо ехать от Лаковии до района Сент-Элизабет.

Но мистер Воган предпочел более легкий способ путешествия. Он решил плыть морем и потому держал путь к порту Саванна. Он знал, что каботажные суда постоянно совершают торговые рейсы между Саванной и портами южного побережья острова, и надеялся быстро добраться до Кингстона.

У него были на то и другие причины, о которых уже упоминалось. Саванна была судебным центром запад-

ного округа острова, куда входили пять больших районов: Сент-Джеймс, Гановер, Вестморленд, Трелони и Сент-Элизабет, а тем самым и город Монтего-Бей. В Саванне заседал окружной суд, а дело, которое Лофтус Воган намеревался начать против Джекоба Джесюрона, входило в его компетенцию. Присвоение двадцати четырех рабов — нешуточное преступление. Это не обычная кража. Лофтус Воган еще не решил, как сформулировать обвинение против работорговца. В Саванне он рассчитывал получить совет опытного юриста.

До Саванны был только день пути, и поэтому судья Воган выехал в сопровождении одного слуги. Если бы он решил добираться до столицы сушей, дело обстояло бы иначе: по обычаям Ямайки, такую важную особу сопровождал бы целый отряд слуг.

* * * * * * * * *

День выдался на редкость знойный. Особенно жарко стало к полудню, когда солнечные лучи начали падать отвесно на меловую дорогу. Ехать было очень трудно. В довершение судья, который выехал из дому больным, с каждым часом чувствовал себя все хуже. Несмотря на жару, у него дважды повторился приступ сильнейшего озноба, который сменялся лихорадкой и нестерпимой жаждой. Эти приступы сопровождались рвотой и судорогами.

Лофтус Воган сделал бы привал задолго до наступления ночи, но остановиться было негде. Первую половину дня дорога шла по довольно населенным местам, где было расположено много плантаций. Но тогда судья еще не чувствовал себя так скверно и отказывался отдыхать. Он только дважды остановился напиться и пополнить запасы воды. По-настоящему плохо ему стало только к вечеру. Но теперь они ехали по глухой части Вестморленда, где на много миль не встретишь ни одного жилья.

Ближе всего была большая сахарная плантация, носившая название «Мирная Равнина». Там Лофтус Воган мог рассчитывать на самый радушный прием, ибо

хозяин плантации не только славился своим гостеприимством, но и был к тому же его личным другом. Судья с самого начала собирался переночевать в Мирной Равнине. Не желая отступать от намеченного плана, он продолжал путь, несмотря на ужасную слабость. Он с трудом держался в седле. Время от времени ему приходилось останавливаться, чтобы набраться немного сил.

Из-за этих задержек они достигли границы поместья Мирная Равнина только на закате. Лофтус Воган увидел это поместье с гребня холма, на который они выехали как раз в тот момент, когда солнце спускалось в Караибское море за далеким мысом Негрил. В широкой долине, где сгустились лиловые сумерки, Лофтус Воган различил дом плантатора, окруженный просторными сахароварнями и живописными негритянскими хижинами. Оттуда доносился шум работы, гул людских голосов, звенящих в свежем вечернем воздухе; видны были проворно снующие по усадьбе фигуры мужчин и женщин в светлых одеждах. Но Лофтус Воган смотрел на все это помутневшим взором, и все звуки казались ему неясным шумом. Как моряк, потерпевший кораблекрушение, смотрит на сушу, не надеясь добраться до нее, так смотрел Лофтус Воган на Мирную Равнину. Нет, у него не хватит сил ехать дальше. Он уже не мог держаться в седле и, соскользнув с него, рухнул на руки слуги.

У обочины дороги, наполовину скрытая деревьями, стояла негритянская хижина, окруженная жалким подобием изгороди, за которой когда-то находился огород. Все было в полном запустении. Огород совсем зарос, для чего в тропическом климате достаточно и одного года. Хижина была необитаема. И в эту-то лачугу был отведен слугой — вернее, отнесен — судья. Идти сам он уже был не в состоянии.

В углу хижины виднелся бамбуковый настил. Сюда слуга и уложил судью, подстелив ему попону, а сверху накрыв плащом. Затем, напоив больного, он по его приказу сел на коня и помчался в Мирную Равнину.

Лофтус Воган остался один.

Глава LXXXIX

СТРАШНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ

Но одиночество Лофтуса Вогана скоро было нарушено.

Еще не смолк стук подков, как через дверь на пол легла тень человека. Больной, лежавший на бамбуковом ложе, непрерывно стонал от ужасных болей, но он заметил, что в хижине вдруг потемнело, как будто кто-то заслонил вход.

Казалось бы, в эту минуту больного должно было обрадовать появление любого человека — да, человека, но не призрака... Дверь хижины выходила на запад, и перед ней не было деревьев. Ничто не преграждало доступа лучам заходящего солнца, бросавшим красноватый отблеск на глиняный пол, — ничто, кроме зловещей фигуры, в которой Лофтус Воган узнал того, кого считал давно умершим, — Чакру, жреца Оби.

От ужаса больной не мог произнести ни звука. Чакра вошел в лачугу. Мысли Вогана мешались, зрение мутилось, но он понимал, что перед ним не плод его пустой фантазии, не призрак, а нечто более опасное: существо из плоти и крови, живой Чакра.

С губ Лофтуса Вогана сорвался исступленный крик. Он попытался подняться, но угрожающий жест старого колдуна приковал его к месту. В бессильном отчаянии Лофтус Воган снова повалился навзничь.

— Ха-ха! — рассмеялся Чакра, становясь между умирающим и дверью. — И не старайся — все равно тебе крышка! Даже если б ты и выбрался отсюда, сотни шагов не пройдешь — свалишься, как новорожденный телок. Лучше и не пробуй, старый дурак!

Умирающий снова вскрикнул.

— Ха-ха-ха! — смеялся Чакра, оскалив свои акульи зубы. — Кричи, кричи, надрывайся! Кричи, пока не треснет глотка. Яд тебя все равно скоро доконает. Он в тебе — слышишь? Еще солнце не зайдет, а ты уже присоединишься к двум приятелям-судьям. Ха-ха-ха! Там-то уж тебе не быть важным господином! И знай: тех двоих, что тебя обогнали, — их тоже послал туда

От ужаса больной не мог произнести ни звука.

Чакра. Вот и твой черед пришел. Тебя, судья Воган, я под конец приберег — ведь ты из них самый главный!

— Пощади, пощади! — молил умирающий, но ответом ему был все тот же злорадный хохот.

— Пощады просишь? А ты пощадил меня, когда приковал цепями к дереву?.. Нет? Теперь Чакра мстит, и ты умрешь!

— Послушай, Чакра! — Судья приподнялся и с мольбой протянул руки к горбуну: — Спаси меня, не дай мне умереть... Я дам тебе все, что только пожелаешь... Я обещаю тебе свободу, деньги...

— Ха-ха-ха! — злорадно перебил его Чакра. — Свободу, ты говоришь? Ты мне ее уже дал. А деньги для Чакры — что скорлупа кокосового ореха. За свои любовные зелья да за смертельные яды он получит все, что душе угодно. А то, что нужно Чакре, он возьмет сам.

— Что же это? — машинально спросил умирающий, не спуская полного ужаса взгляда с лица горбуна.

— Лили Квашеба — вот что нужно Чакре! — торжествующе крикнул колдун. — Да, Лили Квашеба! — повторил он, чтобы получше насладиться впечатлением, которое произвели его слова. — Что ж, так будет по справедливости, судья, — продолжал он издеваться. — Ты женился на матери, хоть она и любила не тебя, а марона — ты это знаешь. Теперь ты умрешь, и Чакра заберет ее дочь!.. Эге! — сказал он другим тоном, наклоняясь над судьей. — Да он, никак, уже умер!

Лофтус Воган был действительно мертв. Услышав имя дочери и чудовищную угрозу колдуна, он испустил душераздирающий крик, откинулся на спину и машинально закрыл себе лицо плащом, словно отгораживаясь от невыносимого зрелища. Пока жрец Оби старался насмешками усугубить муки своей жертвы, яд довершил свое дело.

Чакра сдернул плащ с лица судьи и несколько мгновений вглядывался в черты ненавистного врага, теперь неподвижные и застывшие. Затем, как будто вдруг устрашившись присутствия смерти, колдун опустил плащ и крадучись выбрался из хижины.

Глава XC

ДВА РАЗГОВОРЧИВЫХ ПУТНИКА

Солнце опускалось в синеву Караибского моря, и сумерки, давно сгустившиеся в долине, теперь начинали окутывать лиловой дымкой хижину на холме. Постепенно очертания хижины, ставшей обиталищем смерти, растаяли в темноте наступающей ночи.

Внутри хижины царила глубокая, торжественная тишина. Снаружи доносились унылое уханье филина, уже вылетевшего на охоту, печальные крики козодоя да глухие удары: это быстро и нетерпеливо бил копытом привязанный к дереву конь. Его донимали москиты.

Тело Лофтуса Вогана все еще лежало на бамбуковом настиле, ничья участливая рука не поправила грубой подушки, не закрыла остекленевшие, невидящие глаза. Слуга Плутон не возвращался, да теперь помощь и не нужна была. Хотя до Мирной Равнины оставалась всего миля, но дорога была слишком трудна. Нестись вскачь по ней было небезопасно, а темнокожий раб не собирался ломать себе шею ради спасения жизни господина. Следовательно, раньше чем через час Плутон вернуться не мог.

Когда прошло двадцать минут после его отъезда и пятнадцать минут после ухода Чакры, в хижине появились новые люди. Если бы, выйдя из лачуги, Чакра направился по проезжей дороге в Монтего-Бей, он непременно столкнулся бы с двумя странными путниками. Но служитель Оби только в случаях крайней необходимости показывался на больших проезжих дорогах. И на этот раз он предпочел пробираться боковой тропинкой, проложенной среди кустарников, и потому избежал встречи с двумя не менее отъявленными негодяями, чем он сам.

То были наемные убийцы Джесюрона, касадоры Мануэль и Андрес.

Двуногие ищейки целый день крались по следам Лофтуса Вогана, иногда отставая, иногда почти настигая преследуемого. Не раз они видели его издали. Но Лофтус Воган был не один — рядом с ним ехал огром-

ный негр. Это удерживало преступников, а кроме того, им не хотелось нападать днем. Они решили дождаться темноты.

И вот наступил ожидаемый час. Солнце зашло, и, когда настоящий убийца уже ушел из хижины, касадоры спешили к ней, стремясь поскорее настичь жертву и пустить в ход ножи.

— А, карамба! — выругался тот, кто был постарше и потому чувствовал себя начальником. — Как бы он не ускользнул от нас, Андрес... Ведь Мирная Равнина совсем рядом, а ее хозяин — его друг. Помнишь, старик Джесюрон говорил, что судья, наверно, остановится на ночь в Мирной Равнине.

— Да, правда, — согласился Андрес.

— Ну, если он успеет доехать туда засветло, этой ночью мы уже ничего не сможем сделать. Тогда придется отложить дело до завтра.

— Кабы не пара пистолетов у него за поясом да еще этот черномазый верзила рядом, мы бы давно его прикончили. А что, если он успеет добраться до Саванны? Что тогда?

— Тогда наше дело плохо. Саванна — большой город, не так-то просто прикончить человека прямо на улице. Это тебе не в лесу: прохожие молчать не будут, не то что деревья. А пятьдесят фунтов — не такие уж большие деньги за убийство важного судьи. Надо быть начеку, а то как бы за такие гроши не повиснуть... Одного судью убьешь, так на тебя десяток кинется.

— А что, если... — начал Андрес. Будучи младшим из двух, он был, однако, более осторожным. — А что, если даже в Саванне не представится случая подстеречь судью?

— Тогда, считай, пропали наши денежки. Из Саванны судья поедет морем: тут нам придется с ним распрощаться. А гнаться за ним по морю — нет, благодарю покорно! Я не любитель морской болезни.

— Тогда вот что, — заявил рассудительный Андрес: — надо покончить с ним, пока он еще не в Саванне, это ясно. Поспешим — может, мы его еще нагоним, прежде чем он доберется до Мирной Равнины.

— Верно! Давай прибавим шагу. Нынче ночью во что бы то ни стало!

И, боясь упустить добычу, убийцы что было духу помчались вперед.

Глава XCI

НЕТ КРОВИ!

Красный диск солнца уже исчез за горизонтом, когда касадоры поднялись на холм и приблизились к лачуге, где лежал мертвый Лофтус Воган.

— Слушай, Мануэль, что это? — шепотом спросил Андрес, увидев лошадь у дерева. — Конь оседлан, взнуздан... Чей он?

— Конь судьи. Видишь, он серый. Негр ехал на гнедом, а судья на сером.

— Верно. Но где же вторая лошадь?

— Где-нибудь неподалеку. Наверно, стоит привязанная по ту сторону дома. А сами они, должно быть, внутри. Но зачем понадобилось им сюда забираться? Здесь ведь никто не живет, это мне доподлинно известно. Неделю назад мне пришлось здесь побывать. И ведь до поместья, где судья мог остановиться, рукой подать. Что их тут задержало?

— Послушай, — сказал младший, бросив жадный взгляд на сумки и баулы, привязанные к седлу, — а ведь тут есть чем поживиться.

— Так-то так, только об этом пока рано думать. Сперва надо сделать главное... Но где же они все-таки? И где лошадь негра?

— А может, негр поехал за подмогой? Может, что-нибудь стряслось с Лофтусом Воганом? — догадался вдруг Андрес. — Помнишь, встречный на дороге сказал нам, что один из всадников выглядит совсем больным.

— Верно, верно! Должно быть, так оно и есть. Ну, если черномазого нет поблизости, надо действовать. Этот здоровенный негр для нас опаснее, чем судья с его пистолетами. Ведь если судья действительно захво-

рал, он не очень-то сможет защищаться. Надо только сразу захватить у него оружие, прежде чем он сообразит, в чем дело.

— Не обойти ли нам сперва вокруг дома? — предложил осторожный Андрес. — Лучше все-таки проверить, не стоит ли там вторая лошадь. Вот если ее там нет, значит, будем считать наверняка, что негр уехал вперед. Пройдем за кустами — тогда нас не заметят.

— Ладно, так и сделаем. Торопись, время дорого! Другой такой случай не подвернется. Ну, пошли! Да шагай полегче, будто ступаешь по корзине с яйцами.

И Мануэль нырнул в чащу, куда за ним последовал его товарищ. Пробравшись сквозь кусты, они очутились по другую сторону хижины. Гнедого коня там не оказалось. Значит, не было и его всадника. Касадоры окончательно убедились в этом, заметив свежие следы копыт, ведущие от хижины к Мирной Равнине. Глубина следов ясно говорила, что негр гнал свою лошадь галопом.

Убийцам оставалось лишь убедиться, где тот, кто им нужен. Крадучись они подошли к хижине и заглянули в широкую щель. Сначала они ничего не могли рассмотреть, но вскоре их глаза привыкли к темноте. Касадоры увидели, что в углу на бамбуковом настиле лежит человек, накрытый плащом, из-под которого видны были только ноги в сапогах со шпорами. Это был тот, кого им предстояло убить!

Казалось, судья был погружен в глубокий сон. Он лежал неподвижно, даже дыхания не было заметно. На полу возле скамьи валялись шляпа и кобура с пистолетами. Если бы судья сейчас и проснулся, он все равно не успел бы схватить оружие.

Убийцы переглянулись: случай им благоприятствовал. Не сговариваясь, держа наготове острые мачете, они ринулись в хижину.

— Смерть ему! — завопили касадоры, подбадривая друг друга, и каждый нанес несколько ударов по неподвижному телу под плащом.

Наконец убийцы решили, что судья мертв. Они уже собрались покинуть хижину, чтобы заняться привязан-

ными к седлу сумками, как вдруг сообразили, насколько неестественной была неподвижность их жертвы под ударами. Пока они яростно кололи лежащего ножами, они ничего не замечали. Но теперь касадоры забеспокоились: неужели Лофтус Воган скончался от первого же удара, угодившего в сердце? Но даже удар ножа прямо в сердце не вызывает мгновенной смерти, и, кроме того, на лезвиях не оказалось ни капли крови. Неужели она стерлась об одежду? Нет, этого произойти не могло: сколько-нибудь крови на ножах все же осталось бы... И, однако, хотя сталь клинков была влажной, крови на ней не было ни единого пятнышка.

— Непонятно... — проговорил Мануэль. — Ну-ка, приподними плащ...

Андрес сдернул плащ с лица лежащего. Рука его случайно коснулась холодной кожи. Он увидел окостеневшие черты, тусклые, подернутые пленкой глаза, в которых свет давно погас.

С воплем ужаса Андрес опустил плащ и бросился к двери. Мануэль, также вне себя от страха, кинулся за ним.

Еще мгновение — и оба они бежали бы прочь, забыв про сумки, привязанные к седлу серого коня... Но едва Андрес коснулся ногой порога, как тут же замер, остановившись как вкопанный. Мануэль со всего размаха налетел на него сзади.

Что остановило их?

В дверях стояло трое, и каждый держал их на прицеле. То были Герберт Воган, начальник маронов Кубина и его помощник Квэко.

Глава XCII

ПРЕСТУПНИКИ СХВАЧЕНЫ

Первым заговорил Квэко.

— Ни с места! — крикнул он зычным голосом. — Только шевельнитесь — и я всажу в каждого по куску свинца!

— Сдавайтесь! — властно и твердо приказал Кубина. — Немедленно бросайте ножи! Сопротивление будет вам стоить жизни.

— Ну, мои испанские друзья,—произнес Герберт,— вы меня знаете, и я советую вам исполнить приказание. Если вы ни в чем не виноваты, обещаю: никакого вреда вам не будет... Ни с места! — быстро воскликнул он, видя, что касадоры поглядывают через плечо, как будто собираясь сбежать другим ходом. — Не пытайтесь удрать — вам это не удастся. В моей двустволке зарядов хватит на двоих.

— Что вам от нас надо? — прошипел сквозь зубы Мануэль.

— С какой стати вы нам угрожаете? — оскорбленным тоном добавил Андрес.

— Что вы сделали?.. Это как раз мы и желаем знать и сейчас узнаем,—решительно заявил Кубина.

— Да чего нам скрывать? — прикидываясь простачком, заговорил Андрес. — Мы с товарищем направлялись в Саванну...

— Ну-ну, подожди болтать! — нетерпеливо прервал его Квэко, угрожающе встряхивая ружьем. — Слышали, что сказал начальник? Сейчас же бросьте свои кухонные ножи, не то, смотрите, вам не поздоровится!

Андрес хмуро бросил мачете на пол. Мануэль немедленно последовал его примеру.

— А теперь, голубчики, — продолжал чернокожий охотник, не отводя от груди Андреса дула своего длинного ружья, — живо опускайтесь на пол и сидите смирно, пока я раздобуду веревки, чтобы вас связать.

Прекрасно понимая, чем грозит им ослушание, касадоры опустились на пол там, где стояли. Квэко подобрал оба мачете и предусмотрительно положил их подальше. Передав затем ружье Кубине, который вместе с Гербертом остался охранять пленников, Квэко вышел из хижины. Почти тут же он снова вернулся, волоча за собой длинные лианы, напоминающие веревки. Кроме того, он принес две короткие палки, каждая длиной фута в три. Все это он раздобыл так быстро, что мож-

но было подумать, будто он вытащил их из кладовой рядом.

Кубина и Герберт продолжали держать пленников под прицелом, ибо негодяи, несомненно, улизнули бы при первой возможности. Ночная мгла мгновенно скрыла бы их из глаз — поймай-ка их в лесной темени! Нет, такую добычу выпускать из своих рук было нельзя. Хотя мрак, царивший в хижине, скрывал от глаз Герберта и Кубины лежавший в углу труп, они не сомневались, что негодяи-касадоры задумали какое-то преступление, а может быть, и совершили его.

Особенно подозрительным показалось им то обстоятельство, что к дереву у входа была привязана оседланная лошадь. Они не узнали в ней коня судьи Лофтуса Вогана, но тем не менее сразу почуяли недоброе. Стремительность, с которой касадоры бросились вон из хижины, почти убеждала их, что они опоздали. Они были готовы найти в хижине труп, а может быть, и не один. Ведь они еще не знали, куда делся Плутон.

Квэко быстро и ловко связал касадоров по рукам и ногам, и затем все трое — Герберт и оба марона — вошли внутрь хижины. В ней было темно, как в могиле. Некоторое время они, напрягая зрение, старались что-нибудь разглядеть. Они стояли не шелохнувшись, затаив дыхание — так, что слышно было, как бились их сердца. Наконец они разглядели человека, лежащего на низком настиле. Квэко не без внутреннего трепета подошел поближе, осторожно дотронулся до него и пробормотал:

— Он спит или... мертв! — воскликнул Квэко, когда рука его случайно коснулась холодного, как лед, лба.

Кубина и Герберт подошли ближе. Чей это труп? Неужели это Лофтус Воган? Или Плутон, негр-слуга?

Нет, это был не чернокожий. Чтобы убедиться в этом, достаточно было коснуться его волос.

— Нужно раздобыть свет... Набери-ка светляков, — сказал Кубина своему помощнику.

Квэко вышел из хижины.

На ветвях деревьев сверкали искорки — целые созвездия крохотных движущихся огоньков. Это были

мелкие светлячки. Но Квэко искал не их. Среди искорок там и здесь мерцали более крупные золотисто-зеленые огни. Это светились жуки кокуйо. Сняв шляпу, Квэко начал ловить ею, как сачком, светящихся жуков и вскоре накрыл одного из них. Вернувшись в хижину, Квэко поднес жука к лицу трупа.

Квэко не довольствовался тем золотисто-зеленым светом, который насекомое испускает из похожих на глаза бугорков, находящихся у него на грудке. Прожив всю жизнь в лесах, он научился добывать более яркий свет. Раздвинув пальцами надкрылья, Квэко надавил насекомому на брюшко — и блеснул тот оранжевый огонь, который обычно бывает заметен, только когда жук летит. Фосфорический свет озарил пространство на несколько шагов вокруг, и все сразу узнали в страшном мертвеце судью Лофтуса Вогана.

Глава XCIII

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО

Ни один из троих не вздрогнул от изумления, ни для кого из них это не было неожиданностью.

Но отнеслись они к этому открытию по-разному. Квэко не удержался от приглушенного восклицания. Кубина стоял молча, огорченный и подавленный: со смертью судьи рушились его сокровенные надежды. Для Герберта смерть дяди была все же горем, хотя и не очень сильным.

Убедившись, что судья мертв, и не сомневаясь, что он погиб от рук касадоров, не успевших даже скрыться, они стали осматривать труп.

Они были поражены. На трупе оказалось больше десятка ножевых ран, но при этом ни капли крови. Что за таинственная смерть? Раны в груди, на животе, в сердце — и нигде ни кровинки!

— Кто убил его? Кто нанес ему эти удары? Вы, негодяи? — крикнул Герберт, свирепо глядя на касадоров.

— Карамба! Зачем бы нам понадобилось его убивать? — самым невинным тоном спросил Андрес. — Он был уже мертв, когда мы пришли.

— Врете! — воскликнул Квэко. — Да ваши клинки и сейчас еще не обсохли. Смотрите-ка! — Он приложил мачете к одной из ран. — Видите? Рана нанесена этим ножом, сразу видно. Вы убийцы, это ваших рук дело!

— Клянусь святой девой Марией, — заверил его Андрес, — вы ошибаетесь, сеньор Квэко! Я готов присягнуть, что не мы убили судью. Мы сами были поражены так же, как и вы, когда увидали, что он лежит в углу бездыханный.

Он говорил так убедительно, что ему трудно было не поверить. Конечно, они собирались убить судью, но подлинным убийцей оказался кто-то другой. Кубине это было ясно.

— А зачем вы кололи его ножами? — обратился он к пленникам. — Вы же не можете этого отрицать.

— Сеньор, — сказал Андрес вкрадчиво (он был похитрее товарища и умел быстро приноравливаться к обстоятельствам), — мы этого не отрицаем. Это правда, хоть мне и стыдно в этом признаваться. Мы действительно раза два прокололи труп судьи нашими мачете.

— «Раза два»! Двадцать раз, мерзавцы!

— Не буду спорить, сеньор Квэко. Двумя больше, двумя меньше — я уже не помню. Это все он, все из-за него! — Он кивнул в сторону Мануэля. — Мы с ним поспорили.

— Из-за чего же? — спросил Герберт.

— Да видите ли, сеньор Воган, мы шли в Саванну. И вдруг видим — к дереву привязана лошадь. Ну, и решили зайти в хижину, узнать, кто там. Входим и видим — лежит покойник. Мы были ошарашены не меньше вашего, сеньоры.

— Полная для вас неожиданность, а? — иронически осведомился Кубина.

— Да, мы прямо ошалели от страха, сеньор. Потом, как пришли немного в себя, Мануэль мне и говорит: «Послушай, Андрес, а что, потечет из трупа кровь, если

его проткнуть?» — «Ну ясно — нет», — говорю я ему. «Нет, потечет, — отвечает он. — Спорю на пять пезо, что потечет». Ну, признаюсь, я принял вызов, и мы попробовали. Судье-то ведь все равно, раз он мертвый!

— Чудовища! — воскликнул Герберт. — Это почти так же гнусно, как убийство! Как ни хитра ваша выдумка, негодяи, вам не уйти от петли!

— Ах, сеньор, право, мы ее не заслужили! И мы оба раскаиваемся, поверьте!.. Правда, Мануэль?

— Конечно, раскаиваемся, — с глубокой искренностью сказал Мануэль.

— Мы потом оба пожалели, что так поступили, — продолжал Андрес. — И даже накрыли тело плащом, чтобы почтенный судья почивал в мире.

— Врешь! — крикнул Квэко, поднося светящегося жука к телу покойного. — Вы проткнули его ножами прямо через плащ! Смотрите!

И Квэко указал на прорезы в плаще.

— Да-да... — запинаясь, произнес Андрес. — Вспоминаю: мы сперва его накрыли, а уж потом стали биться об заклад... Верно, Мануэль?

Ответа Мануэля никто не расслышал, ибо в эту минуту снаружи послышался стук копыт, и к двери подъехали два всадника. Это вернулся Плутон в сопровождении надсмотрщика с плантации Мирная Равнина. Следом за ними шли несколько негров с носилками: больного намеревались перенести в усадьбу. Но они опоздали: теперь им предстояло перенести туда его тело.

Глава XCIV

ЧАКРА НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Один из троих судей, в свое время подписавших смертный приговор Чакре, уже шесть месяцев спал в могиле; второй умер всего дней шесть назад, и вот третий, Лофтус Воган, также стал трупом. И всех их убил Чакра.

В двух первых случаях смерть выглядела естест-

венной; если какие-нибудь подозрения и были, то недостаточно серьезные для того, чтобы вызвать расследование. Оба умерли после длительной болезни, которая у того и другого протекала почти одинаково. Эта болезнь сильно напоминала изнурительную тропическую лихорадку, но были и другие совершенно непонятные симптомы, сбившие с толку всех докторов.

Тогда Чакра не опасался ничего, но с убийством судьи Вогана дело обстояло иначе. Он был вынужден действовать чересчур поспешно, и при вскрытии трупа нетрудно будет обнаружить в организме покойного следы яда. Смерть столь внезапная, не объяснимая никакими естественными причинами, вызовет, несомненно, подозрения. Будет произведено вскрытие. И Чакра знал, что диагнозом «болезни», от которой скончался Лофтус Воган, будет «отравление» или, точнее, «убийство».

Такие мысли никак не успокаивали Чакру. Он опасался Синтии. Он не думал, что она выдаст его добровольно, но мулатка может запутаться на допросе, и тогда...

Колдун трусил и, едва покинув труп судьи, начал измышлять способ заставить Синтию молчать или, другими словами, как с ней покончить.

Джесюрон тревожил его меньше. Для него раскрытие этого преступления было не менее опасно, чем для самого Чакры. Впрочем, колдун скоро перестал думать о Синтии. Не так уж сложно будет разделаться с ней. Есть вещи поважнее. Чакра спешил поскорее осуществить свои давно лелеемые планы.

Покинув хижину, где лежало тело его жертвы, колдун некоторое время пробирался, прячась среди кустарника, но ночная тьма скоро позволила ему выйти на открытую дорогу, и он торопливо зашагал вперед. Завидя впереди путника, Чакра, что случалось не раз, чтобы избежать нежелательной встречи, проворно сворачивал в лес и выжидал, пока минует опасность. Если же прохожий шел в одном с ним направлении, колдун шел напрямик через лесную чащу, далеко обгоняя его, а затем снова выходил на дорогу.

Торопливость Чакры показывала, что убийство

судьи Вогана — только часть задуманного им адского плана.

Наконец колдун дошел до поворота к Горному Приюту и скоро увидел Утес Юмбо. В ярком лунном свете он блестел словно стеклянный. Тут Чакра снова свернул на лесную тропу, огибающую подножие утеса, на ту самую, по которой Герберт с двумя маронами в это утро шел из Счастливой Долины.

Но Чакра ничего не знал об этом, не знал он и о цели Кубины и его товарищей. Не подозревал колдун и о том, что Джекоб Джесюрон на случай, если почему-либо сорвется план отравления судьи, послал за ним вслед своих касадоров. Хотя в течение дня Чакра не раз замечал, что позади идут какие-то люди, ему и в голову не приходило, кто это.

Добравшись до подножия утеса, Чакра остановился, что-то обдумывая. Он поднял глаза кверху, чтобы определить время по звездам, как днем определял его по солнцу. Созвездие Ориона склонилось к серебристой поверхности моря — значит, через два часа звезд на небе уже не будет.

— Еще часа два... — бормотал колдун. — Есть еще время, есть... Успею добраться к себе, взять фонарь и вернуться сюда, чтобы повесить его... Нет, так не годится. Адам и его люди смогут добраться сюда только через час, а тогда уже рассветет. Надо делать дело ночью, а то нас выследят, и мне уж нельзя будет прятаться в Ущелье Дьявола. Да нет, чего мне так торопиться? Все успеется завтра ночью. Раньше чем через два—три дня судью сюда не привезут. А если прискачет негр, сообщит раньше, так тем лучше: в доме поднимется суета, а мне это только на руку. Завтра к этому времени Лили Квашеба, дочь гордой квартеронки, будет в моих руках!

На физиономии колдуна отразилась сатанинская радость, он громко расхохотался.

— А теперь, — продолжал он бормотать, — на ферму Джесюрона. Этих двух часов мне хватит, чтобы побывать у него и вернуться к себе. Надо рассказать старому грешнику, что дело выгорело, да получить свои

пятьдесят фунтов. Денежки-то мне очень кстати, раз у меня будет молодая жена.

И новоявленный жених, заливаясь довольным смехом, зашагал к ферме Джесюрона.

Глава XCV

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Йола, верная своему слову, отправилась в лес на свидание с возлюбленным. Они должны были встретиться ровно в полночь. Чтобы прийти вовремя, девушка вышла из дома задолго до назначенного часа. С недавних пор мисс Воган узнала о ночных отлучках молоденькой служанки. Йола во всем призналась своей госпоже. Кэт слышала о Кубине много хорошего, и, так как в честности его намерений сомневаться было нельзя, Кэт не препятствовала Йоле встречаться с возлюбленным. Эта снисходительность во многом объяснялась состоянием ее собственного сердца. Искренняя любовь не могла не вызвать у нее сочувствия, ибо она знала, что значит быть отвергнутой.

На этот раз разрешение было дано тем охотнее, что Кэт сама с нетерпением ждала этого свидания. Объяснялось это просто. В прошлое свидание Кубина рассказал Йоле кое-что, относящееся к ее хозяйке. Йола не замедлила передать это Кэт. Все было очень неопределенно и неясно, но внушало сладостные надежды.

Кэт знала, что Герберта и Кубину связывает романтическая дружба. Об этом ей давно рассказала Йола, так же как и о происшествии, которое положило ей начало. Можно себе представить поэтому, с каким трепетом ждала Кэт интересных новостей, на которые намекнул марон.

Йола сказала ей не все. Она не стала передавать собственные соображения Кубины. С женским тактом она умолчала о том, что являлось лишь догадками и могло вызвать ложные надежды в сердце молодой госпожи, к которой Йола была искренне привязана. Вот

почему она ни словом не обмолвилась о том, что слухи о предполагающемся браке между Гербертом и Юдифью, вероятно, не имеют никаких оснований. Йоле хотелось дождаться, пока Кубина принесет более точные сведения.

Йола почла так же за лучшее до поры до времени ничего не рассказывать своей хозяйке о подслушанных ими с Кубиной в лесу подозрительных переговорах между старым Джесюроном и Синтией. Йоле не хотелось зря волновать мисс Кэт.

Когда Йола ушла, Кэт не ложилась и не гасила лампу, дожидаясь ее возвращения.

* * * * * * * * *

Хотя Йола уходила с разрешения госпожи, она постаралась выйти из дому незаметно, соблюдая большую осторожность. Отчасти это делалось по привычке, укоренившейся с детства, но в данном случае осторожность была внушена сознанием опасностей, которые могли подстерегать ее на каждом шагу.

Однако, несмотря на все предосторожности, уход Йолы был кое-кем. замечен. Она и не подозревала, что через поле и лес за ней украдкой следует темная женская фигура.

Очутившись в глубине леса, Йола пошла спокойнее, не боясь более, что ее выследят. Может быть, потому она и не заметила зловещей фигуры, упорно, как тень, следовавшей за ней. Дойдя до сейбы, ставшей в глазах влюбленных священным деревом, Йола остановилась под сенью ее могучих ветвей и стала ждать.

Она пришла немного рано и не предполагала, что Кубина ждет ее. Она знала, что полночь еще не наступила, так как с плантации не донесся бой часов. Несколько минут она простояла неподвижно, погруженная в сладкие мечты.

Из состояния мечтательности ее вывел шум крыльев алого кардинала, испуганно вспорхнувшего в кустах, росших в нескольких шагах от сейбы. Птица с тревожным криком скрылась в лесу. Йола не понимала, что

вспугнуло ее и заставило покинуть гнездо. Сама Йола едва ли могла ее потревожить: ведь она стоит здесь уже несколько минут, спокойно, не двигаясь. Кто напугал птицу? Наверно, какой-нибудь враг — крыса, сова или змея...

Придя к такому выводу, Йола тут же забыла про птицу. Но если бы она догадалась подойти к кустам, она увидела бы там совсем не то, что ожидала. В кустах притаилась женщина. Она сидела скорчившись, лицо ее было перекошено от ярости, глаза метали молнии. Йола легко бы узнала ее: это была Синтия, рабыня с плантации Вогана. Но Йола не подозревала о ее присутствии. А Синтия смотрела на соперницу, не отрывая глаз. Им долго суждено было пробыть здесь почти рядом; каждую привела сюда страсть, но одну — любовь, а другую — ревность.

Шли часы, а Кубина все не появлялся. Йола чутко прислушивалась к каждому шороху. В ее груди росли тревога и нетерпение. Синтия, не покидая своего убежища, также терзалась муками, но это были муки ревности.

Обе облегченно вздохнули, заслышав шаги на тропинке: наконец-то! Однако и радость одной и отчаяние другой оказались напрасными. Вместо Кубины на поляну вышел совсем другой человек, и тут же с противоположного конца показался второй. Не обменявшись ни словом, они остановились под сейбой друг против друга. Яркая луна освещала их лица. Йола узнала лишь одного из пришедших, но и этого было достаточно, чтобы она решила скрыться не мешкая. На лицо второго она взглянула лишь мельком: оно было устрашающе безобразно, хотя напугало ее не больше, чем первое. Прячась за ствол, бесшумно двигаясь в тени, Йола скользнула в чащу и скоро была далеко от тех, кто помешал долгожданному свиданию.

Синтия не могла последовать за ней, если бы даже захотела. Пришедшие остановились всего шагах в шести от того места, где она укрылась. Вокруг кустов было открытое пространство, залитое луной. Даже кошка не могла бы вылезти оттуда незамеченной.

Мулатка узнала тех, кто стоял под сейбой. Оба были ее сообщниками и оба внушали ей страх. Она все же решилась бы подойти к ним, но как сделать это на глазах у соперницы? Выдать себя? А когда Йола ушла, Синтия предпочла не показываться уже по другой причине. Она невольно подслушала то, что ей, наверно, слушать не полагалось, и теперь боялась выдать свое присутствие. Она решила не вылезать из засады и оставаться там до конца.

Глава XCVI

СИНТИЯ В ЗАПАДНЕ

Кто же нарушил безмолвную сцену у сейбы?

Джекоб Джесюрон и колдун Чакра.

Когда Чакра, сойдя с Утеса Юмбо, направился к ферме Джесюрона, ее владелец уже шел к Ущелью Дьявола, чтобы повидать колдуна. Оба шли по одной тропе и должны были неминуемо встретиться. Так и случилось. Поляна, где росла огромная сейба, лежала как раз на середине пути между утесом и фермой. Здесь и произошла встреча.

Они подошли к поляне почти одновременно. Всегда осторожный Чакра не сразу вышел на открытое место. Но он тотчас убедился, что навстречу идет именно тот, кто ему нужен.

Сообщники не поздоровались, как будто встретились в джунглях два диких зверя. Им не к чему было тратить время на пустую болтовню. Они отлично понимали друг друга, и оба желали только одного: как можно скорее перейти к самому главному.

— Ну? — сразу приступил к делу Джесюрон. — Говори, побывал ты там? Удалось ли?..

Колдун смотрел торжествующе и даже попытался расправить горбатые плечи и выпятить грудь.

— Удалось ли? — начал он хвастливо. — Сердце у него теперь холодное, как арбуз, и он валяется, совсем одеревенев, как... скелет старого Чакры!

Колдун закатился неистовым смехом. Сравнение, которое он с трудом подобрал, привело его в восторг. Он ликовал — месть его совершилась.

— Так, значит, все кончено?

— Еще бы!

— Итак, твое средство подействовало, и незачем было...

Тут Джесюрон спохватился и умолк.

— И незачем было тебе, — продолжал он, — тащиться за ним всю дорогу.

Чакра насторожился:

— А кто вам сказал, масса Джек, что я шел за ним следом?

— Синтия, мулатка.

— Эта черномазая слишком распускает язык! Давно пора заткнуть ей глотку! Ладно, я и об этом позабочусь... А теперь, масса Джек, как насчет моих пятидесяти фунтов? Я свое дело сделал, пора платить.

— Правильно, Чакра, правильно. На вот, получай. — Джесюрон протянул колдуну кошелек. — Можешь пересчитать — тут ровно столько, сколько обещано.

Чакра сунул кошелек за пазуху, хрюкнув при этом, по своему обыкновению.

— А теперь, Чакра, — сказал Джесюрон, — у меня к тебе новое дельце. Мне еще раз понадобится твое зелье. И я заплачу за него опять столько же. Но сперва скажи: ты никого не видел в лесу?

— Мне в лесу много народу повстречалось.

— А из тех, кого ты знаешь, тебе никто не попался?

— Ну, как же! Судью видел. Едва узнал его — кожа да кости, один скелет остался, как от Чакры. Ха-ха-ха!

— А еще кого?

— Еще негра, раба. Он ехал рядом с судьей. И еще людей видел, только не очень их разглядел. Я от них держался подальше. Одного только узнал — марона Квэко.

— Квэко?.. Кубину и молодого белого джентльмена не видел?

— Нет. А зачем они вам, масса Джек?

— Молодой белый, о котором я говорю, — мой счетовод. Сегодня утром он исчез. Понятия не имею, куда и почему он скрылся. Но у меня есть основания думать, что он ушел с мароном Кубиной. Может, я ошибаюсь и он скоро вернется. Но что-то мне кажется тут подозрительным. Если он сбежал, зря мы затеяли все дело с судьей...

— Ну, может, он еще вернется.

— Понимаешь, я из-за этого просто спать не могу! Слушай, готовь еще зелье.

— Великий бог Оби всегда готов помочь. Для кого же теперь?

— Для этого негодяя, Кубины.

— А! Для него бог постарается.

— Он строит против меня козни. Теперь, когда судью мы с дороги убрали, марону едва ли удастся вывести дело на чистую воду. Но как знать? Лучше поскорее отделаться и от этого молодчика. Так что, Чакра, постарайся покончить с ним так же быстро, как и с судьей. И денежки — пятьдесят фунтов.

— Не сомневайтесь, масса Джек, все будет сделано, как надо. Чакра рад подработать.

— Тут тебе опять Синтия поможет?

— Нет, на этот раз с ней не сторгуешься. Да Кубина ее к себе и не подпустит. Он и смотреть на нее не хочет. Нет, с ней стало опасно иметь дело. Она и так уже слишком много знает. Того и гляди, натравит на меня ищеек. Она сослужила свою службу, пора ее отправить вслед за судьей. Только так и заставишь женщину молчать.

Он умолк, словно уже обдумывая, как расправиться с мулаткой.

— Где же ты найдешь себе помощника, Чакра?

— Не тревожьтесь, масса Джек. Старый Чакра не подведет вас. Он и без помощников обойдется.

— Тогда считай, что деньги твои. Пятьдесят фунтов. Я бы дал тебе вдвое, вдесятеро, будь я уверен, что молодой Воган... Нет, но куда же он все-таки делся?

Он уже раз десять задавал себе этот вопрос в течение дня. Видно, эта забота мучила его больше всех

остальных. Он поднял зонт и стоял, держа его над головой.

— Бог ты мой! Если он не вернется, все попусту. Все престу... все заботы мои — все напрасно!

— Ничего, масса Джек. Что бы там ни было, мы с вами избавились от общего врага. Это уже немало. А теперь я сразу займусь другим.

— Да-да, Чакра! Как можно скорее. Иди, не буду тебя задерживать. Скоро рассветет. Надо мне хоть немного соснуть. Я всю ночь глаз не сомкнул. Все думаю, где же Герберт Воган? Пойду узнаю, нет ли новостей о нем.

Не попрощавшись, он повернулся и ушел.

Глава XCVII

РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

«Старик сам не свой, — подумал Чакра, оставшись один. — Что это он так растревожился из-за своего счетовода? Пропал счетовод, говорит. Ладно, в свое время все узнается, что и зачем. Пойду-ка вздремну немного. Тоже всю нынешнюю ночь глаз не закрыл. Да и прошлую тоже. А уж завтра и вовсе спать не придется. Но зато Чакра заполучит первую красавицу Ямайки — Лили...»

Но тут Чакре почудилось, будто кто-то совсем рядом чихнул. Это чихнула, не удержавшись, Синтия. После того, что мулатка услышала, она готова была отдать все на свете, даже отказаться от Кубины, только бы очутиться подальше, в безопасности, хотя бы в спокойной кухне господского дома Горного Приюта, — где угодно, только не здесь. Нет, только бы выбраться отсюда, и она уж постарается держаться подальше от этого колдуна! Но сейчас делать было нечего. Чакра не мог не слышать, как она чихнула.

Чакра, грозно хрюкнув, молниеносно повернул голову туда, где раздалось чихание, и стоял неподвижно, вслушиваясь.

— Что это? — сказал он громко. — Кто это тут расчихался? Неужто кусты нанюхались табаку? А? Кто же это все-таки? Ну-ка, возьми понюшку, чихни еще разок! Тогда я, пожалуй, догадаюсь, кто ты: куст, дерево, птица или человек.

Но все было тихо. В кустах ничто не шелохнулось, будто никто и не таился в их зловещей тени.

— Что, больше не чихается? Ладно, сейчас узнаем. Деревья, птицы, змеи, ящерицы чихать не умеют. Стало быть, ты человек. Вздумал подслушивать? Ну, раз ты слышал, что здесь говорилось, дни твои сочтены!

Нагнувшись, Чакра осторожно приблизился к кустам и стал шарить в них своими длинными, обезьяньими руками. Вскоре он заметил скорченную женскую фигуру и, схватив ее за плечи, повернул к свету.

— Синтия! — воскликнул он.

— Да, это я, Чакра, — еле ворочая языком, ответила перепуганная насмерть мулатка.

— Что ты здесь делаешь? Подслушивала?

— Нет-нет, Чакра! Я пришла не за тем... Я...

— Давно ты здесь?

— Я пришла...

— Помолчи! Ты спряталась до того, как мы пришли, не то мы бы тебя увидели. Значит, ты все слышала.

— Чакра, я ведь не нарочно! Я бы с радостью ушла, да...

— Нет, теперь тебя уже отпустить нельзя!

Свирепо хрюкнув, как дикий зверь, страшный горбун бросился на Синтию. Железные пальцы сжали горло несчастной, стиснув его, как клещами. Синтия даже не успела крикнуть.

— Чакра... Чакра... — с трудом прохрипела она и смолкла.

Железные пальцы на горле разомкнулись, и в кусты упало бездыханное тело.

— Лежи здесь! — проговорил колдун. — Так ты ничего не выболтаешь. А теперь пойду и отосплюсь как следует. Завтра спать не придется...

Чакра невозмутимо запахнул плащ и углубился в лес.

Глава XCVIII

ЧАКРА ГОТОВИТ ФОНАРЬ

Уже рассвело, когда горбун добрался до своего логова. Его мучил голод. Последний раз он ел ровно сутки назад. В жестяном котелке, стоявшем в углу хижины, оставалось немного перечной похлебки. Колдун слишком устал, чтобы возиться и разжигать огонь. Он схватил котелок и стал есть застывшую похлебку. Затем, чтобы подогреть холодное варево, он вытащил бутылку с недопитым ромом и мигом осушил ее. Повалившись на свой настил так, что заскрипели тонкие бамбуковые палки, старик уже в следующее мгновение спал мертвым сном.

Он лежал навзничь, запрокинув голову. Изголовьем ему служил чурбан, подушкой — жидкая охапка волокнистых семян сейбы. Одна рука повисла, касаясь пальцами пола; в огромном раскрытом рту, как в пасти зверя, сверкал двойной ряд заостренных зубов. Колдун громко, раскатисто храпел.

Что снилось ему? Старые преступления или те, которые он только готовился свершить?

Чакра проспал весь день и проснулся в сумерках. Солнце заходило. Во всяком случае, на дне ущелья его уже не было видно, лишь красноватый отблеск на верхушках деревьев, росших по краю утесов, указывал, что дневное светило еще не скрылось за горизонтом.

Колдун ничего этого не видел. В хижине царила кромешная тьма, дверь была плотно прикрыта. Но через щели можно было заметить, что наступил вечер. Пронзительные крики выпи и козодоя, доносившиеся с озера сквозь шум водопада, уханье совы, — эти голоса ночи возвещали колдуну, что наступил его час.

Он вскочил и хрюкнул. Первым делом надо было поесть. Котелок, из которого он ел утром, стоял прямо на полу посреди хижины. В нем еще оставалось немного похлебки.

— Нет, холодной ее есть больше нельзя, — пробормотал колдун и стал разжигать огонь. — Дел впереди много — надо сил набраться.

Горбун разжег очаг, разогрел похлебку и съел ес. На все это ушло немного времени.

— Пора готовить сигнал, — пробормотал он и стал шарить вокруг, что-то разыскивая. — На мое счастье, сегодня нет луны. И раньше полуночи она и не покажется. Мне только того и надо. Потом пусть светит сколько ей угодно... Но где мой фонарь? Я и не помню, когда пускал его в дело. Не под настилом ли?.. Так и есть.

Он вытащил из-под настила пустую яйцеобразную тыкву величиной с большую дыню. Держа тыкву за веревку, продетую сквозь утолщение у основания стебля, Чакра некоторое время рассматривал ее, поднося к самому светильнику.

Это была не совсем обыкновенная тыква. С одной стороны в ней было вырезано треугольное отверстие. В наполнявшем тыкву почти до самого отверстия жире плавал фитиль, скрученный из хлопка, а за фитилем помещались два осколка зеркала, расположенных под небольшим углом друг к другу. В общем, все это своеобразное устройство было похоже на лампу с рефлектором.

Убедившись, что его фонарь в порядке, подлив в него немного жира и подровняв фитиль, Чакра отставил тыкву в сторону и принялся собирать все остальное, необходимое для его ночного похода: палку длиной фута в четыре, кусок крепкой веревки, нож с длинным лезвием, кремневый пистолет, который он тщательно вычистил и зарядил. Нож и пистолет Чакра заткнул за пояс под плащом.

— Наверно, — бормотал он, пряча оружие, — они мне и не понадобятся. Кто там будет сопротивляться? Приезжий расфуфыренный щеголь? Он, говорят, трус. И челядь тоже. Помаши у них перед носом пистолетом — у них и душа в пятки уйдет. А коли этого мало, скину маску. Один вид старого Чакры всех их обратит в бегство. Ни один негр потом от страха целую неделю не покажет носа из дома.

Колдун счел нужным прихватить с собой еще одно надежное средство: из потайного места он извлек боль-

шую непочатую бутылку рома и спрятал ее в широченный карман плаща.

— Давно ее приберегаю! — Чакра ухмыльнулся. — Стоит им отведать этого — они на все пойдут.

Тут он выглянул наружу.

— Эге, совсем темно! Пора. Пока Адам увидит мой сигнал и доберется сюда, пройдет порядочно времени.

Прихватив свой самодельный фонарь, горбун поспешно вышел.

Глава XCIX

СИГНАЛ

Короткие тропические сумерки кончились, и на Ямайку опустилась ночь. Она обещала быть непроглядно черной. Небо было сплошь покрыто густыми облаками, сквозь которые не сверкало ни единой звездочки. Окрестные долины и горы были погружены в полную тьму. И даже Утес Юмбо, самая высокая и заметная вершина на многие мили вокруг, был окутан глубоким мраком.

Поэтому никто не заметил, что кто-то взбирается по узкому ущелью, ведущему к его вершине. Нечего и говорить, что это был наш старый знакомый, горбатый колдун Чакра. Кому бы еще вздумалось забираться на Утес Юмбо в столь поздний час?

Но что привело его сюда?

Вот Чакра на самой вершине. Он снял плащ и расстелил его на скале. Захваченную с собой палку он положил на самый край плаща, крепко привязал к нему веревкой, а затем прикрепил палку перпендикулярно к стволу пальмы на высоте своей вытянутой руки. Таким образом, плащ, свисая с палки, развернулся во всю ширину, лицевой стороной к Горному Приюту, а изнанкой — к горам Трелони, где не было ни одной плантации, ни одного поместья, ни одного жилища. Там скрывались беглые рабы, преступники и целые шайки грабителей, с которыми власти острова ничего не могли поделать.

Чакра знал все это как нельзя лучше, и некоторые из разбойников были его хорошими знакомыми. Вот для того, чтобы вызвать своих «дружков», Чакра и поднялся на Утес Юмбо.

Повесив плащ, колдун прицепил к нему фонарь со стороны, обращенной к горам. Затем взял кремень и огниво, высек огонь и зажег фитиль. Через минуту фонарь ярко горел, и свет, отраженный осколками зеркал, был виден на расстоянии многих миль. Но со стороны плантаций заметить его было нельзя, так как его загораживал плащ.

Чакра стоял сложив руки, глядя на фонарь. Никогда еще колдун не казался столь отвратительным — плащ все же несколько скрывал его уродство. Сейчас горб был прикрыт только грубой рубашкой из красной фланели. Свирепый взгляд, шапка со змеей, за поясом нож с длинным лезвием и пистолет — кто не отшатнулся бы при виде такого чудовища? Эту неподвижную безобразную фигуру можно было принять за самого дьявола. Чакра стоял так, не отрывая взгляда от далеких гор, еле различимых во мраке ночи. Но уже через несколько минут он оживился, глаза его загорелись.

— Я знал, что они увидят огонь! Вот уже сигналят в ответ, — пробормотал он довольный.

В самом деле, на далекой горе вдруг вспыхнул и тут же погас яркий огонь. Вот он появился опять и так же мгновенно исчез. То же повторилось и в третий раз. Это вспыхивали подожженные горстки пороха.

Чакра задул фонарь, отвязал плащ, надел его и, подойдя к самому краю площадки, сел, свесив ноги со скалы.

Глава С

НОЧНОЕ СБОРИЩЕ

Долина внизу, где находилось поместье Горный Приют, была окутана непроницаемым мраком. Но местоположение господского дома все же можно было определить по свету, струившемуся сквозь жалюзи. Чакра

знал, что это огни в зале. Он недаром прожил сорок лет на плантации Лофтуса Вогана и отлично знал расположение комнат.

— Никак, в доме гости? Значит, весть о смерти судьи еще не успела до них дойти, — вслух рассуждал Чакра. — Никому и в голову не приходит, что главный хозяин дома лежит сейчас мертвый. Веселятся? Ничего, ничего! Может, и Чакра отведает этих кушаний и унесет с собой эти блюда, ложки и вилки... Да нет! Не то мне требуется. Серебро да золото — на что они мне? Мне нужна Лили Квашеба. Сколько лет прождал я ее! Пусть Адам забирает себе весь хлам. Нет! — Поразмыслив, он пришел к выводу, что подобная щедрость с его стороны излишня. — Нет, пожалуй, мне и самому понадобятся серебряные блюда, ложки и вилки. У меня будет молодая жена — придется обзавестись хозяйством. И деньги мне нужны. Но где мы с ней поселимся? В моем ущелье? Опасно — слишком близко. За ней небось бросятся в погоню, начнут всюду рыскать — доберутся и туда. Но это в том случае, если догадаются, что ее утащили. А я уж постараюсь сделать так, чтобы никто об этом не догадался...

Вдруг Чакра вскочил, услышав негромкий звук. Звук повторился. Вот он раздался и в третий раз. Чакра быстро перебежал на другой конец площадки.

Для ушей, привыкших к голосам ямайских лесов, звук этот не показался бы странным. Это был голос птицы-отшельника. Необычайным было лишь то, что он раздался среди ночи. В ночное время никогда не услышишь нежного, похожего на звук флейты, голоса этой птицы. Но Чакра не удивился: он ждал его. Он знал, что это Адам подает ему сигнал.

Приложив к губам тростинку, Чакра ответил криком выпи.

В ущелье послышались приглушенные голоса. Затем что-то заскрежетало по камням, все громче и громче... Затрещали сучья. Через минуту из темноты появилась человеческая фигура. Человек осторожно ступил на площадку. За ним появился второй, третий, четвертый, и вот на вершине утеса их стояло уже шестеро.

— Адам, это ты? — окликнул Чакра того, кто первый появился на утесе.

— Я. Ты, Чакра?

— Он самый.

— Ну, приятель, как видишь, явились сразу, едва заметили твой сигнал.

— Да, я вас раньше чем через час и не ждал.

— Выкладывай, зачем нас звал? Нам хорошее дельце будет очень кстати — уже давно животы подвело. Целый месяц слоняемся зря. Мы не прочь поживиться хотя бы чем-нибудь съестным.

— Съестным? — презрительно хрюкнул колдун. — Нет, тут кое-что получше. Такая будет пожива, что вам и не мерещилось! Все богачами станете!

— Ловко! — воскликнул Адам под одобрительный шепот остальных. — Уж не то ли это дельце, о котором мы с тобой толковали в последний раз?.. Что, угадал я, старый горбун?

— Угадал. То самое.

— Ну, говори. У нас с собой все, что надо. Видишь?

Говоривший — очевидно, главарь всей шайки — указал на своих достойных товарищей. Но Чакра, несмотря на темноту, и сам успел разглядеть, что все они вооружены, хотя и весьма разнообразно. Один держал ржавый мушкет, другой — не менее заржавевшее охотничье ружье. У некоторых имелись пистолеты, и почти у каждого был мачете. Ясно, что дело, к которому они готовились и для которого их вызвал Чакра, не носило мирного характера.

Если бы вдруг осветить это странное сборище на вершине утеса, то обнаружились бы физиономии не менее отталкивающие и жестокие, чем физиономия самого Чакры. Ведь это была шайка Адама, известного по всему острову безжалостного разбойника и грабителя.

Чакра не выразил никакого удивления по поводу того, что все явившиеся вооружены: на это он и рассчитывал. Чтобы еще усилить их рвение, он обратился к сильному, безотказно действующему средству: к бутылке с ромом.

— Вот что, приятели, — сказал он благодушным тоном. — Вы тащились сюда впотьмах, дорога была длинная и нелегкая. Надо вам малость согреться. Как вы насчет того, чтобы промочить глотку, а?

Предложение было встречено всеми присутствующими полным одобрением. Трезвенников в этой почтенной компании не имелось. Чакра не захватил тыквенной кружки, но это никого не смутило. Все они по очереди прикладывались к бутылке, пока она не опустела.

— Ну, старый горбун, — сказал Адам, отводя Чакру в сторону (видно было, что это давнишние приятели),— наступил тот самый удобный случай, о котором ты говорил?.. Хозяин в отлучке?

— В отлучке? Ха-ха-ха! Он теперь навек в отлучке.

— Что это ты мне загадки загадываешь? Как это — навек в отлучке?

— Да так... перебрался в другие края.

— Как! Неужто судья...

— Ладно, это пока оставим. Сейчас думай лучше не о судье, а о его серебре. Попусту болтать некогда. Пока мы доберемся до дома и наденем маски, все уже начнут ложиться спать. Надо бы дать им уснуть, но тогда луна взойдет, а нам надо все кончить до нее.

— И то правда. Мы готовы.

— Тогда идем! Об остальном договоримся по дороге. Пошли!

И Чакра, а за ним и вся шайка стали спускаться с утеса.

Глава CI

ТРАУРНОЕ ШЕСТВИЕ

В тот же вечер, еще до того как село солнце, по дороге, ведущей к Горному Приюту, двигалось странное шествие. Люди шли медленно, лица их были серьезны и сосредоточенны. Четверо несли грубо сколоченные носилки, на которых лежал человек. Хотя он и был накрыт с головой камлотовым плащом, не приходилось сомневаться в том, что это покойник.

Похоронная процессия состояла из десяти человек. Двое ехали верхом, немного впереди остальных. За всадниками следовало четверо, несших носилки; остальные четверо замыкали шествие. Они шли попарно. У первой пары руки были связаны за спиной, а двое других, очевидно, составляли стражу.

Кто же были все эти люди?

Верхом ехали Герберт Воган и марон Кубина. Их лошади были те самые, которые днем везли Лофтуса Вогана и его слугу. В пленниках со связанными руками нетрудно было узнать касадоров Мануэля и Андреса, а охраняли их Квэко и Плутон. Носилки несли четверо рабов с плантации Мирная Равнина. Едва ли стоит пояснять, чей окоченевший труп лежал на носилках. Да, это были останки гордого плантатора Лофтуса Вогана.

Среди всех участников погребальной процессии не было ни одного, кто искренне горевал бы о покойном. Но лица всех участников процессии, кроме касадоров, были строги, как приличествовало обстоятельствам.

Со смертью дяди обида на него совершенно исчезла из сердца Герберта. Может быть, он острее чувствовал бы потерю, если бы не только что услышанная новость, которая наполнила его радостью. Ему лишь с трудом удалось удержаться от счастливой улыбки, которая была бы, конечно, совершенно неуместна.

Да, несмотря на присутствие смерти, душа Герберта ликовала. Нетрудно догадаться, что виновником его радости был Кубина. За сутки, которые Герберт и Кубина провели вместе, марон рассказал молодому англичанину много такого, о чем он раньше и не подозревал. Читатель знает, что́ так обрадовало Герберта, стоит только вспомнить последний разговор Кубины и Йолы под сейбой.

Каждое слово этого разговора Кубине пришлось повторять снова и снова, пока Герберт не выучил все наизусть. Марон открыл ему еще и многое другое. Он обрисовал ему подлинный характер Джекоба Джесюрона. Герберт и сам последнее время относился к своему патрону настороженно и недоверчиво, но теперь старый

работорговец предстал пред ним во всей своей невообразимой гнусности. История принца Сингуеса, дотоле неизвестная Герберту, и все те события, которые развернулись перед ним в течение последних суток, окончательно убедили его, что Джесюрон — настоящий преступник. Хотя было ясно, что не касадоры убили судью, но не оставалось также сомнений, что они собирались его убить и только опоздали. Но и Кубина и Герберт были совершенно уверены, что в смерти судьи все-таки повинен Джесюрон. Нечего и говорить, что Герберт, еще не дослушав всех рассказов марона, твердо решил порвать всякие отношения со своим бывшим хозяином.

Более того, он поклялся, что страшное преступление работорговца не останется безнаказанным. Он потребует тщательного расследования всех обстоятельств безвременной кончины Лофтуса Вогана. Покойного решено было немедленно перенести в Горный Приют, чтобы власти могли тотчас начать расследование.

Как не похоже было теперешнее душевное состояние Герберта на то, с каким он впервые подъезжал к дому своего еще не знакомого родственника! Сейчас он был весь во власти столь противоречивых чувств, что их невозможно описать.

Глава CII

ПОХИЩЕНИЕ

Глядя на освещенные окна зала, Чакра решил, что в Горном Приюте гости. Но он ошибся. С тех пор как там появился достойный мистер Смизи, в зале каждый вечер зажигали и люстру и все канделябры. Так распорядился сам хозяин дома, и приказ этот строго выполнялся и в его отсутствие.

Яркий свет играл на тщательно натертом полу, на полированных буфетах и столах, искрился в хрустале и серебре. Все выглядело богато и парадно. Однако посторонних в доме не было, если, конечно, не считать

мистера Смизи. Но разве можно считать посторонним человека, на попечение которого хозяин оставил весь дом!

В великолепном зале находилось только двое: Смизи и сама юная хозяйка дома. Оба еще ничего не знали о страшном событии, не только сделавшем Кэт Воган круглой сиротой, но и лишившем ее всех прав на отцовское имущество. Смизи был во фрачной паре, шелковых чулках и туфлях с серебряными пряжками. К концу дня он всегда облачался в вечерний туалет, неукоснительно следуя этому светскому обычаю, даже если в доме не было никого, кроме чернокожих слуг. Он соблюдал требования светского этикета столь же ревностно, как монах — церковные обряды.

Смизи был в отличном расположении духа — острил и смеялся. Как ни странно, но Кэт в этот вечер была веселее обычного, чем, возможно, и объяснялось оживление Смизи.

Он не знал, почему уныние и печаль вдруг покинули Кэт Воган. Он был склонен объяснять эту перемену предвкушением радостного события, которое, несомненно, произойдет в ближайшие же дни. Через неделю, самое позднее — две, мистер Воган вернется, и тогда не будет больше никаких причин откладывать соединение замка Монтегю и Горного Приюта. Смизи даже начал высказывать свои соображения о подвенечном платье и о медовом месяце, который собирался провести в Лондоне. И сейчас, когда Кэт по его просьбе села за арфу, Смизи пустился в рассуждения о столь милой его сердцу опере.

Обычно разговоры на подобные темы неизбежно приводили к тому, что Кэт становилась еще печальнее. Но теперь, как ни странно, этого не случилось. Пальчики Кэт скользили по струнам, извлекая из них совсем не грустные мелодии. Дело в том, что юная красавица пропускала мимо ушей красноречивые разглагольствования Смизи. Мысли ее витали далеко, в сердце таились иные мечты...

Бедняжка не подозревала, что в это самое время в каких-нибудь пяти милях от дома несут на носилках

безжизненное тело ее отца. Не чуяло ее сердце и того, что с другой стороны к дому все ближе и ближе подкрадываются безжалостные злодеи...

Ничто не вызывало подозрений ни у нее, ни у Смизи, ни у слуг, находившихся в доме. Ни шороха, ни звука, и вдруг... Что это?

С дикими, нечеловеческими криками полдюжины страшных существ в черных масках ворвались в зал, и началось разграбление дома. Один из разбойников, огромного роста, закутанный в кожаный плащ, не скрывающий, однако, уродливого горба на спине, сразу кинулся к прекрасной музыкантше и, отшвырнув в сторону арфу, схватил девушку за руку, прежде чем она успела вскочить со стула.

— Ага! — завопил он торжествующе. — Наконец ты у меня в руках! Сколько лет я этого ждал! Твоя мать оттолкнула меня, но зато ее дочка станет моей женой! Идем!

Робкая, неуверенная попытка Смизи вмешаться привела лишь к тому, что он был отброшен на пол ударом огромной, обезьяньей руки.

Насмерть перепуганный щеголь больше уже не помышлял о сопротивлении. Кое-как поднявшись со скользкого паркета и не дожидаясь второго удара, он опрометью бросился в открытую дверь и понесся вниз по каменной лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу.

Не обращая внимания на окружающие богатства, Чакра со своей бесчувственной жертвой на руках выбежал вслед за Смизи, спустился с лестницы и нетерпеливо дожидался своих сообщников.

К этому времени испуганные крики разносились уже по всему дому. Со всех сторон сбегались слуги, но пара мушкетных и пистолетных выстрелов — и вся толпа слуг, среди которых находился и Томс, в мгновение ока рассеялась.

Весь дом оказался в руках грабителей. Им понадобилось всего несколько минут, чтобы распахнуть шкафы и буфеты и извлечь оттуда наиболее ценные вещи. Через четверть часа все было кончено.

Когда Адам и его товарищи, нагруженные добычей, стали спускаться вниз, Чакра, поручив свою пленницу охране одного из них и приказав остальным следовать за собой, снова бегом поднялся в зал.

Оттоманки, диваны, кресла, арфа — все было свалено в кучу. Туда же были брошены сорванные с петель жалюзи. Затем все это подожгли. Сухое дерево мгновенно запылало. Еще несколько минут — и пламя объяло весь дом.

На красном фоне огня медленно и осторожно, стараясь укрыться в тени, двигались черные силуэты. Это уходили грабители, таща серебряную посуду, тускло поблескивающую в отсветах пожара.

А один из них, самый огромный и уродливый, нес в руках не вещи, а потерявшую сознание Кэт Воган.

Глава CIII

ВОРЫ! ГРАБИТЕЛИ! УБИЙЦЫ!

Похоронная процессия медленно двигалась по пустынной дороге. Вот показалась вершина Утеса Юмбо, позолоченная последними лучами заходящего солнца. Уже недалек и дом, который скоро станет домом скорби и печали.

У поворота дороги, где росло несколько гигантских деревьев с пышной кроной, кортеж остановился. Герберт и Кубина спешились. Остановились они не для того, чтобы дать отдохнуть носильщикам — это были люди сильные и выносливые, — но необходимо было обсудить, как сообщить дочери печальную весть о смерти отца.

Решено было выслать вперед гонца, чтобы он сперва предупредил обо всем управляющего, мистера Трэсти, а уж тот возьмет на себя заботу постепенно подготовить дочь.

Герберт сам бы поехал вперед, но деликатность заставила его отказаться от этого, и к управляющему был послан Плутон.

Самый огромный и уродливый пес в руках Кэт Воган.

Получив точные указания, слуга вскочил на коня и понесся со всей скоростью, какую допускала наступившая темнота. Остальные, выждав около часа, чтобы дать ему время доехать до места назначения, медленно продолжали путь. Кубина теперь шел пешком, ведя под уздцы лошадь Герберта.

Захваченных касадоров, которые были связаны между собой, конвоировал теперь один Квэко. Для него это было несложной задачей. Он обвязал вокруг шеи одного из пленников — того, кто был к нему поближе, — крепкую веревку, и таким образом ни один не мог скрыться, воспользовавшись темнотой. Впрочем, они и не делали попытки сбежать, опасаясь тяжелой дубины Квэко.

Через некоторое время кортеж снова остановился, на этот раз потому, что впереди послышался все приближающийся стук подков. Кто-то во весь опор скакал навстречу.

Кто мог это быть?

Это не Плутон. Ему велено остаться в поместье. Тогда кто же?

Тем не менее, когда всадник подъехал ближе и на всем скаку осадил лошадь, они узнали в нем своего посланца. Задыхаясь и заикаясь от волнения, Плутон сообщил, что на дом напали воры, грабители и убийцы, что они все растащили, убили мистера Смизи, стреляли из ружей и пистолетов во всех, кто находился в доме, и схватили молодую хозяйку, мисс Воган. Все это Плутон разузнал от слуг, бросивших дом и попрятавшихся кто куда. А мистера Трэсти он даже не видел. Перепуганный страшными рассказами и выстрелами, которые он слышал собственными ушами, Плутон почел за благоразумие скакать назад, чтобы поскорее подоспела помощь.

Все это Плутон передал кое-как, впопыхах, сбивчиво, то и дело ахая и восклицая, но главное было ясно. Ужасные вести поразили как громом Герберта и Кубину.

Воры, грабители, убийцы! Мистер Смизи погиб, мисс Кэт в руках негодяев... А где же Йола?

— Квэко! — крикнул Кубина своему помощнику.— Труби в рог, созывай наших! Зови всех! В Горном Приюте беда. Скорее, скорее!

— Ну, — сказал Квэко, бросив веревку, связывавшую пленников, и поднося к губам рог, — если они на Ямайке, то я заставлю их меня услышать. А вы смотрите! — пригрозил он касадорам. — Только шелохнитесь — и я выпущу в ваши подлые шкуры пару пуль! Так что берегитесь!

Марон дунул в рог с такой силой, что его можно было слышать на мили вокруг. По горам раскатилось оглушительное эхо — казалось, оно докатится до противоположного конца острова. Во всяком случае, те, кому сигнал предназначался, его услышали, ибо не успели замереть последние отголоски, как со всех сторон раздались шесть ответных сигналов.

Кубина больше не стал ждать.

— Их придет шестеро. Этого достаточно. Ты, Квэко, оставайся здесь, жди, пока подойдут товарищи, и с ними вместе немедленно отправляйся в Горный Приют. Только смотри, чтобы не удрали эти два негодяя!

— А может, сразу всадить в них по пуле, а? Так оно будет спокойнее, — простодушно предложил Квэко.

— Нет, Квэко, веди их с собой. Мы передадим преступников в руки правосудия.

И начальник маронов вскочил на коня, на котором прискакал Плутон.

Герберт уже был в седле, и оба они, не тратя слов, понеслись что было духу вперед.

Глава CIV

СТРАШНЫЕ ДОГАДКИ

Молодые люди молча неслись вперед. Мысли и чувства их были сходны. Они боялись задать друг другу роковой вопрос, каждый страшась за участь любимой. Они нетерпеливо понукали коней, стремясь как можно скорее добраться до Горного Приюта.

Что, если они опоздают? Что, если...
Они летели, как ветер.

* * * * * * * * *

Они уже приближались к цепи холмов, отделявшей поместье Вогана от замка Монтегю. Лес кончился, и в то же мгновение у Кубины вырвался крик; за ним вскрикнул и Герберт. Оба на всем скаку остановили коней.

Над вершинами холмов разливалось алое зарево.

— Пожар! — крикнул Кубина. — Горит дом судьи!

— Неужели мы опоздали? — воскликнул Герберт.

Не произнося больше ни слова, побуждаемые одним стремлением, молодые люди вновь погнали коней, взбираясь вверх по склону. Еще минута — и они достигли вершины холма. Оттуда все было видно как на ладони. Да, сомнений не оставалось: дом был объят пламенем!

Треск горящих бревен оповестил их об этом еще до того, как они увидели огонь. Дома больше не существовало. На том месте, где он стоял, бушевало и ревело пламя, огромными языками поднимаясь высоко к небу и выбрасывая снопы искр и черные клубы дыма.

— Опоздали! — в отчаянии прошептали Герберт и Кубина.

Исполненные страшных предчувствий, они, не разбирая дороги, скакали сломя голову вниз по крутому склону. Еще несколько секунд — и они приблизились к пожарищу настолько, насколько можно было заставить подойти измученных, выбившихся из сил коней.

Соскочив наземь, держа ружья наперевес, молодые люди подошли еще ближе. Здесь не было ни души. Они обогнули угол дома. И там пусто. Не обнаружили они никого и в саду. Никто не подал голоса. Ничего, кроме рева и свиста пламени.

Они метались по саду, несколько раз обежали вокруг пылающего дома, обшарили каждый укромный уголок в саду, каждый куст, где мог бы притаиться друг или недруг. Но, сколько они ни искали, сколько ни звали, никто не отозвался.

Они умолкли и стояли, не зная, что предпринять.

Пожар, как видно, начался давно. Верхний, деревянный этаж уже догорал. Оставалось только каменное основание — первый этаж, заваленный дымящимися обугленными бревнами.

Кубина и Герберт бросились к хозяйственным постройкам. Там никого не оказалось, но они были целы. Очевидно, здесь грабители не побывали; вокруг царила тишина, казавшаяся особенно зловещей после оглушительного гула бушующего пламени. Тогда они побежали к негритянским хижинам. Уж конечно, там они разыщут хоть кого-нибудь: не все же в панике удрали куда глаза глядят...

Едва молодые люди свернули на тропинку, ведущую к негритянским хижинам, как перед ними прямо из кустов вынырнула черная, как уголь, фигурка. Герберт узнал старого знакомого. Это был Квеши.

— Масса Герберт! — завопил мальчуган. — Дом в огне! Все сгорели!

— Это мы и без тебя знаем. Кто его поджег? Ну? — нетерпеливо допрашивал мальчугана Кубина.

— Ты видел тех, кто поджигал дом? — взволнованно спросил и Герберт.

— Да, масса, видел. Квеши видел, как они все кинулись на лестницу.

— Да говори же, говори, не тяни! Кто они, как они выглядели?

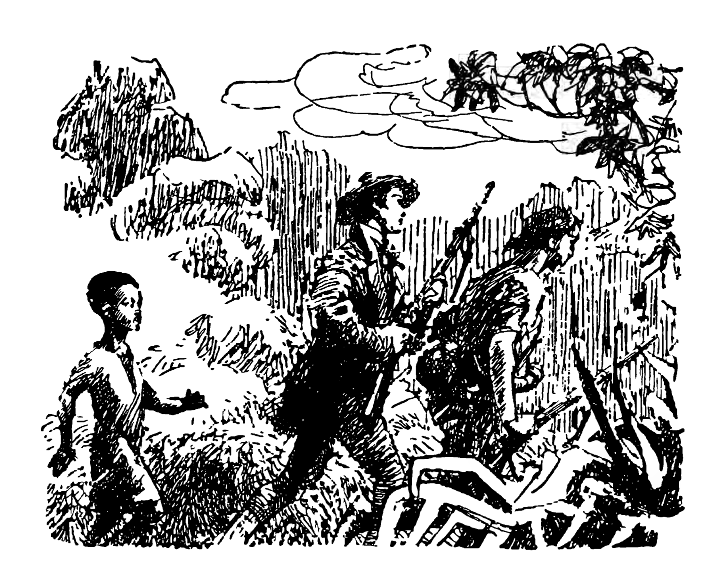
— Ох, масса, это примчались сами дьяволы! Черные и в масках! Наши говорят, будто это мароны, но Черная Бетти сказала, что нет, что мароны не грабят, а что это разбойники, которые прячутся в горах. Они пришли, чтобы утащить...

— Что? Кого?.. Мисс Кэт? Да? Ну, отвечай же! Где она?

Герберт задыхался от волнения.

— Йола? Где Йола? Ее ты видел? — прибавил Кубина.

— Не видел ни молодой мисс, ни Йолы. Обе они были в зале, а Квеши туда не ходил. Квеши боялся, что разбойники его убьют. Квеши остался внизу и ви-

Герберт и Кубина помчались к дому...

дел, как мистер Смизи бежал по лестнице. Ох, как он бежал! Скакал сразу через пять ступенек! И потом побежал под лестницу. Там и спрятался, наверно. Тут Квеши бросился наутек со всеми остальными. И мы спрятались в кустах. Масса Томс и другие слуги — те убежали в лес, и никто оттуда не вернулся.

— Неужели все это правда? — воскликнул Герберт, трепеща от ужаса. — И ты не видел молодой хозяйки? — снова обратился он к негритенку.

— И ее служанки Йолы? — добавил Кубина, также потрясенный рассказом Квеши.

— Да нет же, нет!.. Ой! — завопил он вдруг, указывая туда, где пылал огромный костер. — Ой, ой! Смотрите! Разбойники! Они еще не ушли!

Герберт и Кубина обернулись в сторону пожара и действительно увидели несколько темных фигур, бродящих возле горящего дома. От них ложились гигантские черные тени. Ни секунды не колеблясь, не по-

И вдруг до их слуха донесся звук рога.

мышляя об опасности, Герберт и Кубина бросились туда, готовые мстить, если даже для этого понадобится расстаться с жизнью.

Глава CV

СМИЗИ ЦЕЛ И НЕВРЕДИМ

Держа ружья наперевес, готовые немедленно пустить их в ход, Герберт и Кубина помчались к дому... И вдруг до их слуха, как сладкая музыка, донесся звук рога. Кубина сейчас же узнал сигнал Квэко. Подойдя ближе, они увидели и его самого и еще шестерых маронов.

Квэко оставил носилки с телом Лофтуса Вогана и обоих пленников на попечении двоих товарищей, а сам во главе своего маленького отряда поспешил вперед, полагая, что Кубине и Герберту может немедленно понадобиться помощь. Она оказалась бы весьма кстати,

если бы они столкнулись с врагами, но где враги? Где те, кто ограбил и поджег дом? Где мисс Кэт? Где Йола? Успели они убежать вместе со слугами или...

Нет, об этом страшно было даже подумать. Но и у Кубины и у Герберта мелькнула одна и та же мысль: что, если обе они погибли в пламени?

Молодые люди стояли молча, беспомощно глядя на разбушевавшуюся огненную стихию, уже почти превратившую великолепное здание в бесформенные, дымящиеся обломки.

И вдруг неожиданно из темного угла под каменной лестницей раздался не то крик, не то стон... Квэко, схватив горящую головню, бросился на голос. Герберт и Кубина немедленно последовали за ним. Размахивая головней, как факелом, Квэко осветил темные своды под лестницей. И глазам всех троих представилось зрелище, в другое время вызвавшее бы у них взрыв веселого хохота.

В углу стояла большая кадка, накрытая тяжелой крышкой с вырезанным в ней квадратным отверстием, через которое можно было черпать из кадки, не снимая крышки. И вот из этого самого отверстия на них глянула физиономия с усиками и бачками. И, хотя она была сплошь измазана не то дегтем, не то патокой, все трое немедленно узнали изысканного Смизи.

— Мистер Смизи! — крикнул подбежавший в эту минуту Квеши. — Я же говорил...

— Это я, друзья мои, это я! — перебило его смехотворное существо, сидящее в кадке. Смизи тотчас узнал своего прежнего спасителя Квэко. — Я укрылся от ужасных разбойников. Прошу вас, окажите любезность, поднимите крышку и помогите мне выбраться отсюда! Я уж начал бояться, что утону. Я сижу в патоке!

С трудом подавив смех, Квэко, не теряя времени, снял крышку и извлек страдальца из сладкого, но тем не менее не особенно приятного плена. В кадке, куда залез Смизи не помня себя от страха, и в самом деле оказалась патока, и, пока над его головой разыгрывалась трагедия, он сидел, погрузившись по горло в липкую жижу. Вымазанный патокой с ног до головы, гор-

дый владелец замка Монтегю являл собой еще более комичную и жалкую фигуру, чем в тот раз, когда Квэко выудил его из дупла. Великан-марон, припомнив эту сцену, не выдержал и расхохотался во все горло. К нему присоединился Квеши. Им не о чем было горевать.

Но Герберту и Кубине было не до смеха. Они закидали Смизи вопросами. Тот рассказал все, как было, не утаив, что со страху дал тягу, но пытался выгородить себя, добавив, что бросился бежать лишь после того, как его сшибли с ног. Что же еще оставалось делать? Противником его оказался настоящий великан сверхъестественной силы.

— Настоящее чудовище! — заключил свой рассказ Смизи. — С длинными руками и горбом — прямо как у верблюда, честное слово...

— А Кэт? Где Кэт? — нетерпеливо прервал его Герберт, с презрением глядя на щеголя.

— Ах да! Кэт, моя бедная Кэт! Боюсь, что разбойники похитили ее. Я слышал, как она кричала, когда ее тащили из дома по лестнице.

— Слава богу! — воскликнул Герберт. — Она жива!

Кубина не стал дожидаться дальнейших рассказов Смизи. Упоминание о горбатом чудовище сразу все ему объяснило. Он выбежал из-под лестницы и затрубил в рог. Заслышав сигнал, мароны, разбредшиеся по саду, немедленно окружили своего предводителя.

— За мной, товарищи, по следу! Я знаю теперь, какой дикий кабан поднял всю эту кутерьму! Я знаю, где его логово! Не пройдет и часа, как я заставлю его заплатить жизнью за все его преступления!

Глава CVI

ПО СЛЕДУ ЗЛОДЕЯ

Отдав приказ следовать за собой, Кубина кинулся в сторону Утеса Юмбо. Он уже подходил к садовой калитке, но вдруг остановился как вкопанный. Среди тоски и отчаяния блеснул вдруг луч света. И не одно

лишь его сердце радостно забилось. Вместе с маронами, которые пришли с Квэко, находился и тот, кто страдал едва ли менее Герберта и Кубины. Он тоже потерял близкого и родного человека — свою сестру, ради которой переплыл безбрежный океан, попал в рабство, был ограблен, клеймен, жестоко избит плетьми, претерпел все муки унижения. Да, здесь был и молодой фулах, несчастный принц Сингуес.

Что же так обрадовало Кубину и принца?

Читатель, наверно, уже догадался. Кубина увидел свою возлюбленную, а принц — сестру: через калитку навстречу им шла Йола. Через секунду они уже обнимали ее.

Затаив дыхание они выслушали ее страшный рассказ. У Герберта сердце разрывалось от муки. Как ни краток был этот рассказ, он едва мог дослушать его до конца. Его терзали страх за любимую и жажда мести.

Йола находилась в соседней комнате, когда грабители ворвались в зал. Не думая об опасности, она бросилась туда. Как и мистера Смизи, ее сбили с ног, и она несколько минут лежала без сознания. Придя в себя, Йола увидела, что молодой госпожи в зале нет, а разбойники поджигают дом. Вдруг она услышала крик и узнала голос мисс Кэт. Вскочив на ноги, Йола проскользнула в открытую дверь и сбежала вниз по лестнице. Разбойники были слишком поглощены своим делом: кто тащил награбленное добро, кто поджигал дом. Они не заметили Йолы или просто не сочли нужным с ней возиться. Выбравшись из дома, она увидела, что ее госпожу уносит огромный горбатый урод. На нем была маска, но Йола узнала его: это он разговаривал тогда в лесу со старым Джесюроном.

Здравый смысл подсказывал Йоле, что она ничем не может помочь своей госпоже. Она решила идти тайком вслед за похитителем, чтобы потом, вернувшись в Горный Приют, указать дорогу тем, кто отправится на розыски мисс Кэт. Йола кралась за разбойником, ни на секунду не теряя его из виду. Темнота ей благоприятствовала. Снизу хорошо была видна идущая в гору тропинка, сама же Йола оставалась незамеченной. Так

она дошла до какого-то ущелья, и тут, к ее полнейшему изумлению, похититель вместе со своей ношей вдруг словно сквозь землю провалился.

Йолу охватил суеверный страх, но она все же приблизилась к месту, где только что находился горбун. Страхи ее несколько улеглись, когда она увидела, что стоит на краю обрыва, а глубоко на дне ущелья блестит вода. Как ни темно было вокруг, Йола все же разглядела на крутом склоне уступы и поняла, что ничего сверхъестественного в исчезновении горбуна не было.

Йола не пошла дальше. Теперь она знала дорогу и повернула обратно, торопясь за помощью. Она думала о своем дорогом Кубине, об отважных маронах. Как жаль, что их нет здесь! И вдруг при свете пожара она увидела как раз тех, кто занимал ее мысли...

Дослушав Йолу, Кубина и его товарищи, не теряя ни минуты, двинулись по крутой гористой дороге, а девушка осталась возле дома, куда отовсюду начали сходиться разбежавшиеся слуги.

Кубине не требовался проводник: он уже знал, кто всему виной и где надо искать злодея. Кто бы ни был зачинщиком преступления, исполнение его было делом рук колдуна Чакры.

Глава CVII

ПОЗДНО!

Как гончие по свежему следу, нетерпеливо рвались вперед преследователи. Словами не опишешь те муки, которые разрывали сердце Герберта. Ему не приходилось встречаться с Чакрой, но Кубина накануне рассказал ему о колдуне все, что знал сам. Неудивительно, что у Герберта кровь стыла в жилах при мысли о том, что Кэт попала в лапы подобного чудовища.

Кубина, хотя и несколько успокоился после встречи с Йолой, тем не менее горячо стремился настигнуть преступника и расправиться с ним по заслугам. Это чувство разделяли с ним все его товарищи. Все они видели, что молодой англичанин — друг Куби-

ны, все они поэтому готовы были принять участие в спасении несчастной молодой девушки, о которой все они слышали только хорошее.

Наверно, никто и никогда не шел по этой тропе с такой быстротой. По счастью, луна уже взошла и освещала им дорогу. И вот уже — края обрыва и внизу Ущелье Дьявола. Они заглянули в темную пропасть, где надеялись найти похитителя и его жертву. Не мешкая, один за другим они проворно спустились вниз. Первым спускался Кубина, за ним Герберт, затем все остальные. Опытные охотники сохраняли полное молчание. Только уже очутившись внизу, Кубина не удержался от возгласа разочарования.

— Лодка! — шепнул он, указывая на почти скрытый густыми ветвями челн.

— Вижу, — ответил Герберт. — Но почему это тебя беспокоит?

— Значит, их здесь уже нет.

— Боже! — проговорил Герберт еле слышно. — Мы опоздали!

— Терпение, друг, терпение! Может, уплыл один Чакра или кто-нибудь из разбойников, который ему помогал и который собирается снова вернуться. Во всяком случае, надо обыскать все ущелье... Вы садитесь в лодку — в одежде ведь не поплывешь. Кладите оружие в челн, а сами — в воду и плывите как можно тише. Чтоб не было слышно всплесков, понимаете? Держитесь поближе к скале, в тени, и плывите прямо к тому берегу.

Не мешкая, мароны сложили оружие в лодку, передавая его из рук в руки. Кубина и Герберт сели в утлое суденышко, и марон начал грести. Челн неслышно заскользил в тени утеса. Вслед за ним плыли, держа над водой лишь голову и стараясь не шуметь, остальные охотники. Вот челн коснулся берега. Кубина выпрыгнул на сушу, знаком предлагая Герберту последовать его примеру. Почти тут же вышли из воды и их товарищи. Взяв ружья, все они двинулись к верхнему водопаду, с трудом пробираясь сквозь сплошной кустарник. Но заблудиться они не боялись: дорогу им

указывал шум водопада. Кубина помнил, что хижина колдуна в той стороне.

Кусты поредели, идти стало легче, и маленький отряд ускорил шаг.

Вот они у цели. Прямо перед ними хижина. Сквозь ее открытую дверь виден огонь. Отсвет его падает на землю, которую покрывает тень могучего дерева, и тянется дальше, туда, где уже нет тени и земля вся посеребрена луной. При виде этого огонька в сердце Герберта затеплилась надежда. Значит, там кто-то есть!

Сделав остальным знак не выходить из-под прикрытия деревьев, предводитель маронов и Герберт крадучись, под защитой тени, подобрались к хижине.

Крик отчаяния сорвался с их губ, едва они заглянули в нее. Она была пуста!

Глава CVIII

ТРУП КЭТ ВОГАН

Да, в храме Оби никого не было. Только по стенам корчили гримасы безобразные африканские божки. Тем не менее Кубина и Герберт бросились внутрь хижины. Мгновенно окинув взглядом все вокруг, они заметили, что здесь только что кто-то был. Об этом свидетельствовал зажженный светильник. Кто, кроме Чакры, мог сделать это? А зажжен он недавно — жира выгорело еще совсем немного.

Естественно было прийти к заключению, что здесь только что находился Чакра с похищенной им девушкой. Но почему колдун внезапно покинул такое надежное убежище? И он сделал это второпях, даже не успев погасить светильник. Куда он скрылся? Об этом Герберт в тоске спрашивал Кубину, но тот ничего не мог ему ответить. Он и сам недоумевал, куда девался старый колдун. Неужели покинул ущелье? Это как будто подтверждалось и тем, что лодка оказалась на противоположном берегу. Но зачем колдуну понадобилось уходить отсюда? Заметил, что его выследили,

увидел Йолу, скользившую за ним легкой тенью, и, боясь, что его найдут, решил укрыться подальше от места своего преступления? Но почему он скрылся так поспешно, не погасив светильника, не захватив своих идолов? Как знать... может быть, он еще тут поблизости, а на лодке переправился его сообщник... Может быть, Чакра заметил их отряд, схватил свою жертву и спрятался где-нибудь в темной чаще деревьев...

Такое предположение казалось вполне вероятным. Кубина бросился вон из хижины и, подозвав знаком товарищей, велел им приготовить факелы и обшарить весь лесок. Квэко было приказано вернуться к лодке и караулить ее, чтобы отрезать врагу путь к тому берегу.

Пока мароны изготовляли факелы, их предводитель вместе с Гербертом принялись обыскивать все вокруг.

У самой воды, где деревья росли реже, луна давала достаточно света, и, когда Кубина подошел поближе к водопаду, в глаза ему бросился предмет, заставивший его невольно вскрикнуть. Над пенистой, бурлящей водой нависли угрюмые скалы, и на одной из них лежал какой-то белый предмет. Герберт тоже заметил его, и оба бросились туда. Белый шарф! Смятый и изорванный, как будто он свалился с плеч во время отчаянной борьбы. Они не знали, чей это шарф, но разве мудрено было догадаться, кому он принадлежит? Кому, как не той, кого они здесь так безуспешно ищут!

Кубину заинтересовал не столько сам шарф, сколько место, где его нашли. Он лежал почти у самого подножия утеса, там, где поток стремительно свергается вниз. За сплошной стеной рушащейся воды был узкий уступ, по которому можно было пройти под водопадом. Кубина знал о существовании этого уступа. Ему не раз приходилось проходить по нему, когда во время охоты он забирался в ущелье. Он знал также, что под водопадом в скале есть большой грот. Шарф лежал неподалеку от грота. Это навело Кубину на мысль, что именно тут и укрылся Чакра. Очевидно, они вспугнули колдуна, и он решил спрятаться в гроте, где, как он, наверно, полагал, его невозможно обнаружить.

Все эти догадки заняли у Кубины не более двух секунд. Он опрометью кинулся к хижине, схватил приготовленный его товарищами факел и побежал обратно к водопаду. Затем, знаком предложив Герберту и двоим маронам следовать за собой, Кубина скользнул под завесу стремительно падающей воды. Он действовал с крайней осторожностью. В гроте, кроме Чакры, могли быть и его сообщники. А Кубина знал, что разбойники будут защищаться до конца — ведь плен для них означал смерть.

Держа в одной руке мачете, а в другой факел, Кубина бесшумно подкрался ко входу в грот. Герберт не отставал от марона. Он держал ружье наготове, чтобы немедленно выстрелить, если враг окажет сопротивление. Освещая себе путь факелом, Кубина ворвался в грот, за ним Герберт. Пламя факела заиграло тысячами отсветов в бесчисленных сверкающих сталактитах, и в первый момент вошедшие ничего не могли разобрать.

Но вот глаза их освоились с этим ослепительным блеском, и тут оба — и Кубина и Герберт — застыли на месте. Из груди каждого вырвался сдавленный крик. Они взглянули друг на друга с невыразимым отчаянием. На земле, посреди грота, между двумя огромными сталагмитами, лежала женщина в белом платье. Она лежала на спине, вытянувшись во весь рост, и совершенно неподвижно. Не к чему было всматриваться при свете факела в застывшее, бледное, как полотно, лицо — она была мертва, и это была Кэт Воган!

Глава CIX

СОННОЕ ЗЕЛЬЕ

Но где же был Чакра?

Убедившись, что дом Вогана объят пламенем, колдун схватил потерявшую сознание Кэт и постарался поскорее скрыться. Очутившись за калиткой сада, он на ходу договорился с Адамом, что тот отнесет награб-

ленную добычу в тайник среди гор, куда он позже явится за своей долей сам. Сейчас ему было не до дележа.

Адам не возражал, и вся шайка, взвалив на плечи узлы, направилась к себе — в далекие горы Трелони. А Чакра, словно тигр, который, убив добычу, тащит ее в свое логово, понес несчастную девушку в Ущелье Дьявола. Она уже не кричала, не звала на помощь: ужас парализовал ее. Она впала в забытье, похожее на смерть.

На свое счастье, она так и не пришла в себя, пока горбун тащил ее по лесной тропе, спускался с крутого обрыва и переправлялся в челноке через темное озеро. Она ничего не ощущала с той минуты, когда страшный урод схватил ее и понес по дороге, освещенной пламенем, пожиравшим дом, в котором она родилась и выросла. Кэт очнулась в трехстенной лачуге, где тусклое пламя маленького светильника озаряло хорошо знакомое ей лицо — лицо колдуна Чакры, жреца Оби. Старик снял маску и предстал теперь перед Кэт во всем своем безобразии.

Пытаться разжалобить его, звать на помощь?

Кэт поняла, что все будет напрасно. Ее охватил неописуемый ужас. Сознание еще не полностью вернулось к ней, но она уже понимала, что все это не бред, не кошмарный сон, но беспощадная явь. Перед ней стоит Чакра, она слышит его хриплый, насмешливый и торжествующий голос. Кэт попыталась подняться с бамбукового настила, куда положил ее колдун, когда она была в обмороке. Девушка не осмелилась вскочить на ноги. Она только приподнялась и так оцепенела, скованная безумным страхом.

А Чакра? К ее удивлению, он не угрожал ей — наоборот. Она с ужасом услышала, что он шепчет признания в любви. О боже! Это было страшнее угроз. Помертвев, Кэт почти не слышала того, что бормотал колдун.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта сцена, но в эту минуту снаружи раздался пронзительный свист.

Посреди грота лежала женщина в белом платье.

— Это старый Джесюрон! — злобно прошипел колдун. — Что ему понадобилось среди ночи? Все разыскивает счетовода? У меня он его не найдет.

Свист повторился еще, и еще, и еще...

— Четыре сигнала. Что-то неладно... Надо идти. А ты, Лили Квашеба, не тревожься. Я еще вернусь. Может, к тому времени ты станешь добрей. Иди-ка сюда... Здесь я тебя не оставлю. Нельзя, чтоб тебя увидели.

Схватив Кэт за руку, он хотел было вытащить ее из хижины.

— Нет! — остановился он вдруг. — Нет, не годится. И старый Джесюрон не должен знать, что она здесь. Чего доброго, она еще прибежит обратно в хижину. Нет, надо ее связать, заткнуть ей рот, чтобы не вздумала кричать.

Не выпуская руки Кэт, колдун огляделся, ища, чем бы связать несчастную пленницу.

— Ха! — Его осенила другая мысль. — Зачем связывать, когда есть средство понадежнее! Немного сонного зелья — и все. Она и не пикнет.

Свободной рукой он пошарил под кровлей и вытащил узкий закупоренный пузырек с темной жидкостью.

— Ну, мисс Кэт, — проговорил колдун, вытащив зубами пробку из пузырька и поднося его к губам обезумевшей от страха девушки, — хлебни-ка. Не бойся, вреда тебе не будет. Даже лучше станет. Ну, пей!

Бедная девушка инстинктивно отпрянула назад, но колдун схватил ее за волосы и, накрутив на свои костлявые пальцы роскошные, шелковистые пряди, откинул ее голову. Сунув Кэт в губы горлышко пузырька, Чакра разжал ей зубы и заставил выпить часть его содержимого. Кэт покорно проглотила напиток. Даже если бы она знала, что это смертельный яд, она и тогда не в силах была бы оказать ни малейшего сопротивления.

Но в узком пузырьке была не отрава, хотя действие напитка весьма походило на действие яда, ибо Чакра заставил Кэт выпить сок калалуэ, то есть дал ей сильнейшее снотворное средство.

Уже через несколько секунд по лицу девушки разлилась смертельная бледность, по телу прошла мелкая дрожь, мускулы расслабились, и Кэт упала бы на пол, если бы колдун вовремя не подхватил ее. Казалось, не сон, а смерть сковала тело несчастной.

— Так... — проговорил колдун. — Теперь, моя красавица, ты будешь мирно спать, пока я тебя не разбужу. Поспи-ка на свежем воздухе — там тебя Джесюрон не заметит, а то еще, чего доброго, старый разбойник сам на тебя позарится.

Чакра поднял Кэт на руки и вынес ее из хижины.

У входа он остановился и огляделся, как будто ища, куда положить свою ношу. Луна уже поднялась над горизонтом, и ее бледные лучи проникли в мрачное ущелье. Неподалеку от хижины росло несколько низких кустов. Туда и направился было Чакра, но, взглянув на водопад, передумал. Ему пришло в голову другое.

Он подошел к самому подножию утеса, с которого свергался водопад, и, покрепче охватив безжизненное тело девушки, шмыгнул за пенящуюся водяную лавину.

Через несколько секунд страшный горбун снова появился на берегу, но уже один. Услышав новый сигнал, колдун направился туда, где был привязан челнок.

Глава CX

ЧАКРЕ ДАЮТ НОВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Едва выбравшись из ущелья, Чакра тут же увидел Джесюрона. Работорговец был в состоянии сильнейшего злобного возбуждения. Он метался среди деревьев, то и дело стуча зонтом оземь, и непрерывно восклицал:

— А, черт возьми! Черт возьми!

Он был просто сам не свой.

— Что еще стряслось, масса Джек? — Колдун подошел к Джесюрону. — Я слышал, вы четыре сигнала дали.

— Да-да! Дела из рук вон плохи. Что ты там копался столько времени?

— Спал, масса Джек.

— Спал? А как же это ты услышал все четыре сигнала?

Чакра несколько смутился:

— Да первый-то мне послышался как бы во сне, а от второго я проснулся. Когда вы в третий раз свистнули, я вскочил с постели. А уж когда в четвертый раз...

Джесюрону было не до подробностей. Он нетерпеливо прервал Чакру:

— Ладно, теперь не время болтать. Слушай, дом Вогана горит. Тебе это, полагаю, известно? Нечего и спрашивать, кто его поджег?.. Адам? Я знаю, он там побывал.

— Надо полагать, Адам приложил к этому руку.

— Да, Адам и еще кое-кто. Скажешь, нет? Но это меня не касается, и не за тем я сюда пришел. Есть дела похуже.

— Что еще за дела, масса Джек? — с притворным, а может быть, и с подлинным удивлением спросил колдун. — Счетовод так и не вернулся?

— А, это все пустяки! Надвигается настоящая беда. Мне грозит опасность.

— Что же такое случилось, масса Джек?

— Сперва скажи, где Адам. Мне необходим он и вся его шайка.

— Они вернулись в горы.

— Давно?.. Ты не мог бы их догнать?

— Идут они не с пустыми руками — значит, далеко не ушли. А зачем вам понадобился Адам, масса Джек?

— Дело идет о жизни и смерти. Черный Дик побывал в Горном Приюте и узнал там страшные новости. Туда прискакал гонец, и от него стало известно, что оба мои касадора схвачены. Захватили их марон Кубина и этот неблагодарный негодяй, Герберт Воган. Касадоров обвиняют в убийстве Лофтуса Вогана.

— А вам-то чем это грозит, масса Джек? Что тут для вас опасного?

— Что опасного? Неужели сам не видишь? Думаешь, если касадоров начнут допрашивать, они станут держать язык за зубами? Как бы не так! Они меня выдадут, и тогда меня арестуют, я погиб! Зачем только поручил я этим тупоголовым скотам такое дело!

— Да, что верно, то верно, масса Джек. Оба они дурни.

— Ну, теперь поздно сожалеть о том, чего не поправишь. Надо принимать меры, чтобы предотвратить еще худшее. Слушай, Чакра, ступай догони Адама. И сейчас же, немедленно!

— Ладно, масса Джек. Уж постараюсь для вас — догоню. А что ему сказать?

— Ничего не говори. Приведи его на Утес Юмбо. Я буду ждать вас там. Скорее же, Чакра! Беги, не жалея ног. Если не успеешь вернуться до рассвета, все будет потеряно. Беги же!

— Будьте спокойны, масса Джек. Я зря ни минуты не потеряю. Далеко он не ушел — мигом нагоню.

И Чакра уже направился было к Утесу Юмбо, но Джесюрон окликнул его:

— Постой! Я пойду с тобой вместе до утеса. Там и дождусь твоего возвращения. Домой идти мне нет смысла: все равно не засну, пока все не уладится. Слушай... пожалуй, ты все-таки скажи Адаму, для чего он мне нужен. Пускай идет прямо к Горному Приюту, а оттуда по дороге навстречу тем, кто сопровождает тело судьи. Только чтобы его никто не видел! А тогда пусть как хочет выручает моих касадоров! И сам иди с Адамом и его молодчиками, а то они сдуру могут только все дело испортить. И чтоб все были как следует вооружены! Носилки с трупом несут негры с плантации Мирная Равнина. Это ничего не значит: они мигом все разбегутся, как только вас завидят. Но с другими будет не так просто. Там Кубина и этот негодяй, Герберт Воган. Да еще громадина Квэко. И Плутон... Как, Чакра, справитесь вы с ними?

— Справимся!

— Вам надо напасть на них из засады.

— А если мы кого-нибудь из них подстрелим?

— Это сколько угодно. Главное, чтобы касадорам удалось бежать.

— А почему бы их просто не укокошить? Ведь надо ж быть такими дураками, чтобы попасться!

— Нет, Чакра, убивать их не следует. Они мне еще пригодятся. Посули Адаму щедрую награду. Я не поскуплюсь, только бы вы обстряпали мне это дельце чистенько.

— Ладно, масса Джек, положитесь на нас с Адамом. Мы не оплошаем.

И с этими словами Чакра зашагал за Джесюроном к Утесу Юмбо.

Глава CXI

СМЕРТЬ ИЛИ СОН?

Увидев мертвую, как он решил, Кэт, Герберт Воган в порыве горя издал душераздирающий вопль, бросил ружье и опустился на колени перед телом. Приподняв голову девушки и глядя в ее дивное даже в смерти лицо, Герберт прижался к нему и не переставая целовал холодные, бесчувственные губы, как будто надеясь жаром любви вернуть ей жизнь. Он забыл о стоявших рядом темнокожих охотниках. Они же, из уважения к его горю, хранили полное молчание. Никто не проронил ни слова, ни звука. Только у Кубины вырвалось рыдание. Он оплакивал трагическую кончину только что обретенной сестры.

Не скоро смог Герберт оторваться от любимого лица, долго еще осыпал он его нежными поцелуями. В первый и в последний раз целовал он эти губы. Факел Кубины почти догорел. И только тут, заметив, как замелькало угасающее пламя, Герберт опомнился и бережно опустил на землю голову Кэт. Поднявшись на ноги и слабо махнув рукой товарищам, он понуро зашагал к выходу.

Осторожно подняв девушку, мароны понесли ее к хижине и там положили на бамбуковый настил. Сами они из чувства деликатности тотчас вышли. Остались

лишь Герберт и Кубина. Некоторое время оба они молчали.

— Я не могу понять, — сказал наконец Кубина хриплым от волнения голосом, — что ее убило... Может быть, она умерла от страха, увидев Чакру?

У Герберта вырвался стон: говорить он не мог.

— Ведь на ее теле нет ран, нет следов ударов... Бедняжка! У нее на губах что-то запеклось, но это не кровь...

— Боже! — воскликнул Герберт, охваченный новым приступом горя. — В один день погибли оба — и отец и дочь! И оба пали жертвами злодеяния.

— И жертвами одного злодея, — добавил Кубина. — Готов поручиться: кто подстроил убийство судьи, тот так или иначе погубил и дочь. Чакра — только послушное оружие. Задумано было все это другим — и вы знаете кем.

Герберт не успел ничего ответить: дверь заслонила громадная фигура. Это Квэко, узнав про беду, поспешил сюда, как только один из товарищей сменил его на страже у лодки. Подавленные горем, Герберт и Кубина почти не обратили на него внимания.

Не дожидаясь приглашения, Квэко вошел и некоторое время стоял у настила, печально глядя на прелестные, неподвижные черты Кэт. Но вдруг выражение его лица начало меняться. С каждой секундой оно становилось все веселее и веселее. Как ни были поглощены горем Герберт и Кубина, они это наконец заметили. Их охватило негодование.

— Послушай, Квэко, — с упреком обратился к нему Кубина, — сейчас не место и не время предаваться веселью! Как можешь ты улыбаться, когда рядом с тобой люди в таком горе?

— Да, право же, Кубина, — весело ответил Квэко, — я не знаю, с чего это вы вздумали печалиться? Ведь не по судье же проливать слезы? Мы его уже давно оплакали.

Такой шутливый, легкомысленный ответ поверг Герберта и Кубину в изумление. Они во все глаза смотрели на Квэко. Что с ним? Не сошел ли он с ума?

— В присутствии смерти, — сказал Кубина, бросая уничтожающий взгляд на своего помощника, — тебе следовало бы оставить свои неуместные шутки и дурачества. Не пристало тебе...

— Смерти, говоришь? А кто же здесь умер?

От удивления они не могли вымолвить ни слова и только смотрели на Квэко.

— Если вы это насчет мисс Кэт, — продолжал Квэко, — то готов биться об заклад, что она так же мертва, как мы с вами. Умерла? Да она просто спит!

Герберт и Кубина вздрогнули. У них вырвалось невольное восклицание, в котором слышалась нотка надежды.

— У кого есть с собой зеркало? — деловито осведомился Квэко. — А, вот как раз то, что нам нужно! — добавил он тут же, когда на глаза ему попался кое-как приткнутый к стене осколок.

Он снял его и протер тряпицей.

— Видите? — обратился он к присутствующим. — На нем нет ни пятнышка.

Те только молча кивнули.

— А теперь, — сказал Квэко, — смотрите!

Приложив зеркало к холодным устам девушки, Квэко держал его так с минуту. Затем он поднес зеркало к свету и внимательно осмотрел его поверхность.

— Ну, что я говорил! — воскликнул он торжествующе. — Видите? Оно затуманилось!

И он показал слегка потускневшее зеркало.

— Теперь понятно? Она не умерла — она спит. А то как же могла бы она дышать?

Герберт и Кубина от волнения не могли раскрыть рта.

— А, вот оно что! — Квэко отбросил зеркало и схватил только что замеченный им валявшийся на полу пузырек. — Посмотрим, что там.

Он вытащил зубами пробку и поднес пузырек к своим широким ноздрям.

— Сонное зелье! Так я и думал. От него-то она и спит так крепко. Ну что ж, есть средство разбудить ее, надо только его поискать. Ручаюсь, оно где-нибудь тут

запрятано у колдуна. Только бы найти его — и через десять минут ваша покойница заговорит!

С этими словами Квэко принялся обшаривать лачугу, заглядывая во все многочисленные щели стен и кровли.

Герберт и Кубина стояли как зачарованные, не двигаясь с места, ни словом, ни жестом не вмешиваясь в действия Квэко. Затаив дыхание они ждали, что будет дальше.

Глава CXII

КВЭКО В РОЛИ ЗНАХАРЯ

Трудно описать состояние Герберта. Переход от глубокого горя к радостной надежде был слишком внезапен.

Сомнений не оставалось — Кэт дышит, она жива! Еще не понимая, что могло вызвать этот загадочный, подобный смерти сон, он уже начал находить в словах Квэко ключ к этой тайне. На Квэко можно было положиться: он уже доказал, что понимает кое-что в знахарстве. Он ведь не только был помощником Кубины, но и выполнял среди маронов обязанности врача. Поэтому он знал многие приемы знахарей и колдунов.

— Жрец Оби заставил ее выпить сонного зелья — вот и все, — говорил Квэко, продолжая поиски. — Надо найти средство от дурмана. Хотя, в конце концов, она и сама придет в себя... А, вот и то, что нам нужно!

В руках у него блеснул небольшой пузырек. Квэко тут же откупорил его и понюхал налитую в него жидкость:

— Ну да, это самое. Через десять минут она очнется, будет жива и весела, как птичка. Ну, мистер Воган, подержите-ка ее голову — я волью ей в рот одну — две капли.

Герберт радостно повиновался. Квэко со всей осторожностью, на какую только были способны его толстые, грубые пальцы, приоткрыл побелевшие губы девушки, поднес к ним пузырек и влил в рот спящей

несколько капель снадобья. Затем он поднес открытый пузырек к ее ноздрям и подержал его так немного. Потом стал растирать холодные ручки Кэт в своих широких, шершавых ладонях. Сердце Герберта бешено билось. Он переводил тревожный взгляд с лица спящей на лицо Квэко. Он не мог скрыть безумного волнения. Уверенный тон Квэко внушал ему надежду, но что если все же...

Не прошло и пяти минут, показавшихся Герберту часом, как девушка чуть слышно вздохнула. Герберт был больше не в силах сдерживаться. Обезумев от счастья, он с криком бросился к любимой, называя ее по имени, и припал губами к ее губам.

— Осторожнее, мистер Воган, — остановил его Квэко. — Так она только дольше не проснется. Запаситесь терпением: пусть снадобье сделает свое дело. Не так уж долго этого ждать.

Герберт послушался совета и молча отошел в сторону, не сводя глаз с прекрасного, постепенно начинающего оживать лица.

Квэко не ошибся: снадобье не замедлило оказать надлежащее действие. Грудь девушки начала прерывисто вздыматься: дыхание восстанавливалось. Время от времени с уст Кэт срывался вздох, теперь уже ясно различимый. Она дышала все ровнее, губы начали слабо шептать. Шепот становился все явственнее, и вот Герберт с неописуемым восторгом услышал свое имя!

Забыв благоразумные советы Квэко, не в силах более сдерживать бурную радость, Герберт снова запечатлел пылкий поцелуй на губах возлюбленной, лепеча слова любви и ободрения.

Его голос как будто разрушил последние остатки колдовских чар. Дрогнули длинные, изогнутые ресницы, и Кэт открыла глаза.

Сперва взгляд их был затуманен, как будто они глядели, но не видели, не узнавали... Но вот выражение их изменилось, в них затеплилась искра сознания, все ярче, все сильнее... Кэт окончательно пришла в себя. И тут же она увидела перед собой того, о ком грезила.

Он не отрывал от нее взгляда — именно такого, какой ей только что снился, каким смотрел на нее однажды и наяву в тот незабываемый миг... Но теперь в этом взгляде не было уже ничего неясного, недосказанного, ибо не помнящий себя от счастья Герберт шептал ей нежные, страстные признания.

— Герберт! — воскликнула Кэт, как только вновь обрела дар речи. — Неужели это вы?.. Где я?.. Хотя все равно, раз вы со мной.

— Да, дорогая кузина, я с вами! Говорите, говорите же! Скажите мне, что вы действительно живы!

— Жива? Вы решили, что я умерла?.. Ах, я все вспомнила! Где этот страшный урод?.. Его здесь нет?.. Неужели я спасена? Кузен, это вы спасли меня от участи страшнее самой смерти!

— Нет, дорогая кузина, это не моя заслуга. Вот мужественный человек, которому мы оба обязаны вашим спасением.

— Кубина?.. А где Йола? Где она? Удалось ли ей спастись? О, какой это был ужас!..

— Кэт, дорогая, Йола невредима, но не вспоминайте сейчас о том, что было. Главное, вы живы и все опасности позади.

— Бедный отец! Если бы он знал... Чакра, страшный злодей Чакра жив...

Герберт молчал. Кубина вышел из хижины отдать какие-то распоряжения охотникам.

— Скажите, кузен, что это у вас в петлице? — спросила вдруг Кэт. — Да ведь это лента от моего кошелька! — Она дотронулась рукой до шелкового лоскута. — И вы не расставались с ней все это время?

— Ни на миг с того мгновения, как вы мне ее дали... О, Кэт, наконец-то я могу сказать вам, что я люблю, люблю вас! Но я слыхал... Нет, скажите мне сами, я хочу слышать это из ваших уст. Скажите, любите ли вы меня?

— О Герберт! Люблю, люблю!

Герберт поцеловал уста, произнесшие сладостное признание, и этот поцелуй навеки соединил два любящих сердца.

Глава CXIII

НАПАДЕНИЕ

Но вернемся к Джесюрону, который решил подождать у подножия Утеса Юмбо возвращения Чакры и разбойников. Еще не дойдя до утеса, он отказался от своего первоначального намерения. Почему бы в отсутствие Чакры — он едва ли вернется скоро — не отправиться в Горный Приют, самому посмотреть, что там делается? И он договорился с Чакрой, что будет ждать его за садовой оградой усадьбы.

Они разошлись каждый в свою сторону. Джесюрон, однако, пошел не по дороге, а прямо через лес. Наверно, уже приняты меры к розыску преступников, а Джесюрон не имел ни малейшего желания встретиться с теми, кто отправился в погоню. Лесом идти, конечно, труднее, зато значительно безопаснее.

Зарево догорающего пожара указывало ему путь. Добравшись до калитки, он осторожно заглянул в сад. Дома не существовало. На его месте дымилась груда развалин, а неподалеку, возле грубо сколоченных носилок, стоящих прямо на земле, толпились люди. На носилках лежал человек. Стоило взглянуть на его белое, как мел, лицо, на которое падали багрово-красные блики, чтобы сразу понять, что это покойник. В одном из стоящих рядом с носилками Джесюрон узнал управляющего мистера Трэсти. Остальные были негры — слуги и рабы с плантации. Несколько поодаль Джесюрон заметил вторую, совсем небольшую группу людей. Двое лежали на траве, и руки у них были крепко связаны. Темно-оливковые физиономии этих двоих были отлично знакомы Джесюрону. Как было не узнать ему своих собственных касадоров Мануэля и Андреса!

Их стерегли три негра. Одежда, оружие, независимый вид всех троих, стоявших на страже, говорили о том, что это не забитые, бесправные рабы. Это были мароны, которых Квэко оставил стеречь пленников.

Разглядев все это, Джесюрон вернулся назад, к условленному месту, где вскоре не замедлил появиться и Чакра вместе с шайкой разбойников. Ему удалось

без особого труда нагнать Адама и его молодцов, потому что те устроили привал неподалеку от Утеса Юмбо.

Джесюрон рассказал Чакре и разбойникам обо всем виденном, и они пошли к садовой ограде. Решено было действовать немедленно, пока не подоспел Кубина и остальные мароны, очевидно отправившиеся на поиски грабителей. Негры с плантации сдадутся без боя, а с тремя маронами, охраняющими связанных касадоров, справиться будет нетрудно.

Прячась за кустами, разбойники, и с ними Чакра, стали ползком пробираться в сад. Грянули выстрелы. Негры и мистер Трэсти обратились в бегство, два марона упали, сраженные пулями. Оставалось только развязать пленников и всем вместе скрыться в горах, что и было проделано без промедления.

Добежав до Утеса Юмбо, Адам со своей шайкой повернул в горы, а Чакра, Джесюрон, Мануэль и Андрес отправились к Ущелью Дьявола. Джесюрон рассудил, что его касадорам до поры до времени следует оставаться в этом надежном месте, пока не представится удобный случай переправить их с Ямайки обратно на Кубу. Согласие Чакры на это пока еще получено не было. Для переговоров с ним Джесюрон и отправлялся в ущелье — уже вторично в эту ночь.

Глава CXIV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Только после полуночи влюбленные покинули Ущелье Дьявола. Герберт медлил расстаться с ним по ряду причин. Прежде всего он боялся возвращения в усадьбу, где перед Кэт должны будут раскрыться все ужасные происшествия минувшего дня. Какой удар для юного сердца, только что познавшего величайшее счастье взаимной любви! Он понимал, что рано или поздно придется сказать ей правду. Ему хотелось только как можно больше оттянуть минуту, ко гда придется все раскрыть. Необходимо подождать хо-

тя бы, пока девушка несколько оправится после пережитых потрясений.

Вместе с Кубиной они решили отвести Кэт в дом мистера Трэсти. О том, что большой дом сгорел, ей уже было известно. Когда похититель нес ее по горной тропе, Кэт, раньше чем потерять сознание, успела увидеть зарево пожара. Ей покажется вполне естественным искать временного приюта в доме управляющего.

Ни Герберт, ни Кубина еще не знали, успела ли похоронная процессия дойти до усадьбы. Второпях Квэко не отдал никаких распоряжений ни носильщикам, ни маронам, оставшимся сторожить касадоров. Возможно, они все еще на дороге, ждут возвращения начальника. Если так, то, может быть, удастся проводить Кэт прямо к домику управляющего, и никто не успеет сообщить ей печальную весть. А когда она уже будет под кровлей мистера Трэсти, легко будет предупредить всех, чтобы никто не проговорился. Пусть Кэт пока останется в полном неведении о трагической смерти отца.

Обдумав все, Герберт и Кубина начали приводить свой план в исполнение.

Вместе с Кэт они стали выбираться из ущелья, медленно карабкаясь по скалам. Квэко с остальными маронами остался в хижине. Им было поручено захватить Чакру. Кубина также остался бы с ними, но ему не терпелось поскорее увидеться с Йолой. Впрочем, он вполне полагался на своего ловкого и находчивого помощника и на храбрость остальных товарищей. Они отлично справятся и без него. Покидая хижину, он почти не сомневался, что к утру, а то и раньше, колдун будет в их руках.

Кубина шел впереди, чтобы в случае опасности успеть предупредить Герберта и Кэт. Идти было легко — лунный свет озарял тропинку. Но молодая пара не спешила. Юная креолка опиралась на руку Герберта. Он весь трепетал от прикосновения этой мягкой, нежной ручки. А Кэт порой сильнее опиралась на его руку — не от слабости, но от желания выразить ему любовь и нежность.

Силы почти полностью вернулись к девушке. Действие сонного зелья кончилось, она оправилась и душевно, чему в значительной степени способствовало присутствие Герберта. Пережитый кошмар сменился вдруг величайшим счастьем и душевным покоем. Герберт любит ее! В этом он успел заверить ее уже не один раз на протяжении последнего часа, и Кэт без утайки, без пустого кокетства, доверчиво и чистосердечно призналась ему в безграничной любви.

Но ведь она дала обещание другому! Герберт осторожно спросил ее, правда ли, что, как он слыхал, она дала согласие на брак с мистером Смизи? Опустив глаза, девушка некоторое время молчала. Пальчики, лежавшие на его руке, вздрогнули, выдавая мучительную внутреннюю борьбу.

Но вот лицо ее приняло решительное выражение, и она ответила тихо, но твердо:

— Да, Герберт, я дала обещание. Его вырвали у меня в минуту глубокого отчаяния. Я думала, что ты меня не любишь... До меня дошли слухи, что ты собираешься жениться на другой... О, Герберт, я не по доброй воле дала это обещание, поверь мне! Меня вынудили угрозами и мольбами...

— В таком случае, данное тобой слово тебя не связывает! — с жаром прервал ее Герберт. — Ты не давала клятвы? Вы не обручены? Хотя и в этом случае...

Кровь прилила к щекам девушки, глаза ее сверкнули.

— Да, ты прав: даже и в этом случае! — воскликнула она пылко. — Я не давала клятв. Но как бы то ни было, после того, что произошло сегодня ночью, когда он покинул меня в минуту опасности, я считаю себя свободной. Нет-нет, я ни за что не выйду за него замуж! Никакая клятва не заставит меня стать женой труса! Пусть отец исполнит свою угрозу и лишит меня наследства, пусть! Конечно, он так и поступит, как только вернется домой. Но лучше умереть, чем навеки связать свою жизнь с жалким трусом!

Герберт молчал, не зная, что сказать. Ведь теперь Лофтус Воган уже не сможет привести в исполнение

свои угрозы. Но как сказать ей правду? Сказать, что теперь она сама полновластная хозяйка Горного Приюта? Нет, еще рано. Надо подождать.

Задумчивость и некоторое смущение Герберта навели Кэт на неприятные предположения.

— Скажи, Герберт, — спросила она, — ты сердишься на меня? Ты осуждаешь меня?

— Нет-нет, что ты! — с жаром заверил ее Герберт.— Поведение этого субъекта освобождает тебя от всяких обязательств по отношению к нему. Я не об этом сейчас думаю...

— О чем же, Герберт?

Она с тревогой заглянула ему в глаза. Герберт растерялся, не зная, что ответить. Его молчание вызвало у Кэт еще большее беспокойство. Ее мучили сомнения, и, не дождавшись ответа, прерывающимся от волнения голосом она спросила:

— Может быть, ты сам связан обещанием?

— Я? Каким обещанием? Кому?

— Ах, Герберт, не вынуждай меня произносить ее имя! Ты знаешь, о ком я говорю.

Этот вопрос вывел Герберта из затруднения. Он рассмеялся:

— Кажется, я догадываюсь, кого ты имеешь в виду. Обещание ей? Уверяю тебя, я не давал решительно никаких обещаний. Хотя послушай, Кэт... Раз ты с полной откровенностью призналась мне во всем, я тоже не стану ничего утаивать о моих отношениях с той, которую ты не пожелала назвать по имени. Поверь, никакой любви тут не было — во всяком случае, с моей стороны. Но, должен признаться, уязвленный твоей холодностью и введенный в заблуждение слухами, которые, по счастью, оказались пустыми сплетнями, я чуть было не произнес слов, в которых потом, конечно, раскаивался бы всю жизнь. Благодарение богу, случайные обстоятельства спасли меня, спасли нас обоих! Правда, Кэт?

— Я так счастлива, Герберт! Значит, мы теперь никогда не расстанемся, мы будем вместе всю жизнь! — воскликнула Кэт.

— Кэт, дорогая, мое сердце бьется только для тебя! — ответил Герберт. — Но смею ли я предложить тебе руку? Ты богата, а я нищий, у которого нет даже крова над головой!

— Увы, Герберт, ты многого не знаешь. Будь я в десять раз богаче, я все равно дала бы тебе свое согласие. Но на самом деле я, вероятно, так же бедна, как и ты. Я ничего от тебя не скрою. Знай же: моя мать была квартеронкой, и поэтому я не считаюсь белой и не имею права наследовать имущество отца иначе, как только по особому завещанию. И при этом еще необходима санкция судебной палаты. Именно для этого отец и отправился в Саванну и Кингстон. Но теперь все это не имеет для меня никакого значения. Ведь так или иначе он лишит меня наследства, потому что я ни за что не пойду замуж за человека, которого он избрал мне в мужья. Ни за что!

— Ах, Кэт, — сказал Герберт, глубоко растроганный ее твердым, непреклонным тоном, — если ты согласна стать моей женой, мне не нужны никакие богатства! Твое сердце — вот клад, которого я ищу. Пусть мы оба бедны! Я молод, я могу работать. Я буду стараться изо всех сил. У нас найдутся друзья, нам помогут. Да мы и без них справимся! Только скажи: ты моя?

— Твоя, Герберт, и на всю жизнь!

Глава CXV

СИРОТА

Сердечные излияния влюбленных были внезапно прерваны. Тишину ночи нарушили тревожные крики. Путники уже подошли близко к усадьбе и сквозь листву растущих вдоль тропинки кустов давно уже видели багровые языки время от времени вспыхивающего пламени, слышали, как с треском рушатся обгоревшие бревна, различали отдаленный гул спокойных голосов... И вдруг — крики мужчин, отчаянные вопли женщин, выстрелы!

Кубина обернулся, во взгляде его была тревога.

— Что случилось? — с не меньшей тревогой спросил Герберт.

— Вернулись разбойники, но не понимаю почему... Я узнаю голос их главаря... А, черт бы его побрал! Сегодня же ночью заткну ему глотку!.. Но кто это еще так мерзко и пронзительно кричит? Клянусь, это Чакра, старый колдун!

— Но чего ради они вернулись! Ведь они забрали все ценное имущество. Ничего не осталось...

— Нет, осталось! — воскликнул вдруг Кубина. — Они вернулись за Йолой!

Он готов был тут же броситься вперед, но какая-то мысль на мгновение удержала его.

— Мистер Воган! — воскликнул он умоляюще. — Я помог вам спасти ту, кто вам дорог. Теперь в опасности девушка, которую люблю я.

Герберта не надо было упрашивать: он уже стоял рядом с Кубиной, готовый на все.

— Герберт! — воскликнула перепуганная Кэт. — Не ходи, заклинаю тебя! Ведь это так опасно! Не покидай меня!

Кубина пожалел, что стал просить Герберта о помощи:

— В самом деле, пожалуй, вам лучше остаться здесь. — Он сказал это серьезно, без тени обиды.—Ваша жизнь теперь принадлежит не вам одному. Я сразу не подумал об этом, мистер Воган...

— Я был бы недостоин ее любви, если бы покинул товарища в беде. Нет, Кубина, я вас не оставлю... Кэт, дорогая, ведь Йоле, которой мы оба с тобой так многим обязаны, грозит опасность. Если бы не она, я не знал бы, что ты меня любишь, и тогда бы мы...

— Йоле грозит опасность? — Эта мысль заставила Кэт наполовину забыть свой страх за любимого. — Да, Герберт, иди, но только позволь и мне быть с тобой рядом. Я умру, если ты не вернешься! Да, я не переживу тебя! Герберт, прошу тебя, не оставляй меня здесь!

— Но ведь я сейчас же вернусь, Кэт! Очень, очень скоро! Не бойся. Кубина и я справимся с целым десят-

ком этих негодяев. Ты не успеешь и до ста сосчитать, как мы вернемся. Спрячься пока в этих кустах и жди нас. Я тебя окликну. Здесь ты будешь в безопасности. Ради бога, молчи и не двигайся, пока не услышишь, что я тебя зову!

Герберт отвел девушку в чащу и, запечатлев на лбу любимой быстрый поцелуй, вместе с другом побежал туда, откуда доносились крики и выстрелы.

Через несколько секунд они очутились у ограды, вбежали в сад... Но странно: крики, вопли, ружейные залпы — все вдруг прекратилось, как по мановению волшебной палочки.

Они добежали до пожарища. Никого!.. Но тут же при свете луны глазам их представилось леденящее кровь зрелище.

На земле стояли носилки с мертвым судьей, а возле лежало еще три мертвеца. Это были мароны, охранявшие пленников.

Но где же пленники?.. Убежали? Скрылись?

В мгновение ока Кубина понял все, понял, какая трагедия разыгралась здесь. Острый взгляд его тотчас заметил валявшиеся в траве обрывки лиан. Разбойники вернулись, чтобы освободить касадоров.

Это сразу несколько успокоило Кубину. Значит, им была нужна не Йола.

Герберт и Кубина уже готовы были вернуться обратно к поджидавшей их в лесу Кэт... Но они еще не знали, какой смелой и даже безрассудной бывает подлинная любовь.

Едва они повернулись к лесу, как увидели на горе тонкую фигурку в белом. Она бежала так легко, что казалось, будто летит быстрокрылая чайка. Это Кэт покинула убежище в лесу и кинулась вперед, стремясь разделить опасность с тем, кто был ей дороже всех на свете.

Они не успели остановить ее — она вбежала в сад и радостно кинулась к ним, счастливая, что возлюбленный ее жив и невредим... И тут же из груди Кэт вырвался душераздирающий крик — она увидела на носилках неподвижное тело отца...

Глава CXVI

НЕЧАЯННОЕ САМОУБИЙСТВО

Кэт, не помня себя от горя, упала на колени перед трупом отца. Она целовала холодные, немые уста, она горько рыдала. Лицо покойного было открыто, но на тело был наброшен камлотовый плащ: хотя и бескровные, раны были скрыты от взоров дочери. Она не доискивалась причины смерти отца. Изможденное, исхудалое лицо напоминало Кэт о тяжкой болезни, которой он последнее время страдал. «Она и убила его», — решила Кэт, и Герберт не пытался ее разубеждать. Сейчас не время было вдаваться в подробности. Самый тяжкий удар уже обрушился на Кэт: она узнала, что осиротела. К чему еще сильнее растравлять ее боль?

Не тратя слов на праздные и бесполезные утешения, Герберт обнял девушку за талию, бережно поднял ее с земли и отвел в сад.

Догоравшие бревна бросали все еще довольно сильный свет на дорожку к павильону и на самый павильон, который пламя пощадило. Сюда и повел Герберт убитую горем девушку. Он посадил ее на бамбуковый диванчик и сам сел рядом на стуле.

Вскоре в павильон вбежала Йола. Верная служанка устроилась у ног своей госпожи и смотрела на нее, не отрываясь, любящим и преданным взглядом. Кубина отправился на поиски управляющего и тех из домашней челяди, кто, может быть, спрятался неподалеку. Ему следовало бы соблюдать бóльшую осторожность, памятуя, как внезапно было вторичное нападение разбойников. Но он не боялся: он был уверен, что на этот раз они явились только затем, чтобы вызволить касадоров. Это им удалось, и уж больше они, конечно, не вернутся.

Казалось, кроме трех человек в павильоне, кругом не было ни души. Возвращение разбойников напугало всех еще сильнее, чем их первое появление. Все обитатели усадьбы, и белые и чернокожие, снова разбежались и попрятались. Белые — управляющий и над-

смотрщики, — вообразив, что это восстание рабов, ускакали в Монтего-Бей. Среди этих объятых паникой беглецов — вернее, не среди, а впереди них — был недавний почетный гость Горного Приюта, небезызвестный нам мистер Монтегю Смизи.

Когда те, кто обнаружил его в кадке с патокой, ушли и Смизи остался один, он со всех ног кинулся к конюшне и с помощью Квеши оседлал лошадь. Даже не смыв с себя налипшую патоку, наш герой вскочил на коня и понесся галопом в порт, чтобы с первым же отходящим кораблем вернуться в любезную его сердцу столицу. Нет, с него достаточно! Он сыт по горло Ямайкой, ее «прелестными креолочками» и в особенности «ужасными черномазыми»!

Кубина вернулся вместе с Квеши, единственным, кого ему удалось найти. Мальчишка, как и в тот раз, выскочил к нему навстречу откуда-то из-за кустов. От него он и узнал, что Смизи покинул Горный Приют. Кубина сообщил эту приятную весть остальным, но они не обратили на нее внимания. Когда-то богатый владелец замка Монтегю вызывал жгучую ревность в сердце Герберта Вогана и играл немаловажную роль в жизни Кэт, но сейчас о нем уже все забыли.

Но никто не подозревал, что неподалеку таится враг гораздо страшнее безобидного Смизи. Едва Кубина покинул павильон, — он пошел туда, где лежали его погибшие товарищи, — как в калитку проскользнула темная фигура. Осторожно крадучись, она стала пробираться к павильону. Несмотря на широкий плащ, легко было догадаться, что это женщина.

В ту минуту, как женщина в плаще приблизилась к павильону, от рухнувшего бревна на пожарище взвился сноп искр, осветив не только внутренность павильона, но и порядочное пространство вокруг него. Огонь осветил лицо, которое было бы прекрасным, если бы его не искажала отвратительная ярость, — лицо Юдифи Джесюрон.

Стоит ли объяснять, как и почему она очутилась здесь! Пламя ревности сжигало ее сердце. Она украдкой заглянула в павильон. То, что она там увидела, не

способствовало умиротворению ее мятущейся души. Она пришла в исступление и уже не помнила себя от бешенства.

Она увидела свою соперницу. Кэт сидела на диванчике, а подле, совсем рядом, — Герберт Воган. Он ласково обнимал кузину за талию.

Всякий, взглянувший на эту нежную пару, не усомнился бы, что их связывают узы нежной взаимной любви. Юдифи не потребовалось много времени, чтобы прийти к этому выводу, ей не нужны были никакие объяснения. Все было ясно. Даже не заметив Йолу, караулившую вход в павильон, Юдифь одним прыжком очутилась возле влюбленных.

— Предатель, изменник, негодяй! — вскричала она, кипя яростью и обидой. — Ты обманул меня...

— Неправда! — перебил ее Герберт. Он вскочил на ноги, опомнившись от неожиданности. — Неправда! Я никогда не имел ни малейших намерений...

— Ах, вот как! — Ярость Юдифи достигла предела. — Каких же намерений?

— Я не собирался жениться на вас, я не давал вам никаких обещаний.

— Ложь! — закричала Юдифь. — Но все равно — раз ты отверг меня, то и она тебе не достанется!

Обезумевшая от ревности женщина сунула руку под плащ и выхватила оттуда что-то блестящее, отливающее серебром. Это был небольшой пистолет с рукояткой из слоновой кости — небольшой, но вполне достаточный для того, чтобы с его помощью убить человека. Юдифь подняла пистолет и направила его... нет, не на Герберта Вогана, а на свою счастливую соперницу!

Грянул выстрел. Павильон наполнился дымом.

Когда дым рассеялся, то все увидели, что на полу в предсмертных судорогах лежит женщина.

Еще мгновение — и все было кончено. Она была убита наповал...

Но на полу лежала не Кэт Воган, а Юдифь Джесюрон.

Все случилось так благодаря вмешательству Йолы. Поняв, что госпоже ее грозит неминуемая гибель, Йола

быстрее молнии кинулась к Юдифи Джесюрон и успела отвести ее руку, совершенно непреднамеренно направив дуло на ту, кто замышлял убийство. Юдифь Джесюрон нечаянно покончила с собой.

Глава CXVII

КВЭКО В ЗАСАДЕ

Покидая Ущелье Дьявола, начальник маронов отдал своему помощнику точные распоряжения относительно поимки Чакры. Теперь все уже были уверены, что колдуна в ущелье нет. Были осмотрены все кусты и даже деревья, куда мог бы забраться человек. Ничего. Чакры и след простыл. Но никто не знал, куда он скрылся. Искать его ночью в непролазных лесных зарослях было бы пустой тратой времени.

Здравый смысл подсказывал другое. Надо устроить в ущелье засаду и ждать, пока колдун вернется.

Квэко и остальные мароны спрятались в надежных укрытиях. Кубина уже сообразил, что они допустили ошибку, обыскивая ущелье. Ведь Чакра все это время мог находиться наверху, на краю обрыва, и оттуда заметить свет их факелов. Если так, то нечего и думать, что он вернется этой ночью к себе, как бы ни жалел он об оставленной там добыче.

Кубина сильно сокрушался и считал, что поймать Чакру совершенно необходимо. В конце концов, Чакра мог не заметить факелов. Может быть, он все это время находился совсем в другом месте, далеко отсюда, и теперь скоро приползет к себе в нору. Разве мог он надолго оставить свою прекрасную пленницу!

Кубина сам разработал план засады. Квэко и несколько его товарищей спрятались за высоким деревом, к которому Чакра обыкновенно привязывал челн. Остальные забрались на самое дерево, чтобы оттуда спрыгнуть на колдуна, как только тот приблизится к лодке. А лодку они опять переправили к скале и поставили точно так же, как ее оставил колдун, чтобы у по-

го не возникло ни малейшего подозрения, что ее трогали в его отсутствие. Окончив все эти приготовления, мароны, и среди них Сингуес, не сводя глаз с обрыва, стали терпеливо ждать в своей засаде появления колдуна.

Все держали оружие наготове, но в их планы вовсе не входило убивать Чакру. Напротив, Кубина отдал распоряжение во что бы то ни стало захватить его живым. Пусть он преступник, но они не вправе сами вершить над ним суд. Кроме того, они были уверены, что Чакра все равно понесет наказание по заслугам и что ему не миновать смертного приговора. Но оружие могло им понадобиться в том случае, если Чакра вернется не один, а с кем-нибудь из шайки Адама. Тогда не избежать кровопролитной схватки.

Отряд охотников разделился надвое: половина сторожила, другие легли спать. Квэко также прилег отдохнуть. Вот уже двое суток, как он не смыкал глаз. Но он не успел улечься, как тут же уснул. Из широких ноздрей лесного охотника раздался такой могучий храп, что, если бы не заглушавший его рев водопада, он неминуемо выдал бы Чакре место засады еще до того, как колдун подошел бы к лодке. По счастью, рев воды полностью заглушал трубные звуки храпа, и товарищи не тревожили Квэко, предоставив ему храпеть сколько душе угодно.

Глава CXVIII

ПРИГОВОР СУДЬБЫ

Так похрапывая, Квэко проспал почти до рассвета. Чакра все не появлялся. Но едва заря позолотила верхушки деревьев, как наверху, как раз над спуском к лодке, появилась темная фигура, а за ней другая, третья, четвертая. Все четверо некоторое время стояли совершенно неподвижно. Может быть, они переговаривались, но голоса их заглушал шум водопада. Но вот тот, кто появился первым, начал спускаться с утеса. За ним последовали другие.

Сингуес уже тряс за плечи спящего Квэко. Остальные мароны тоже были разбужены. Заметив многочисленность врага, все схватились за оружие. Уже забрезжил рассвет, но разглядеть тех, кто спускался в ущелье, было невозможно. Только когда двое, спустившиеся первыми, сели в лодку и поплыли, Квэко узнал, кто пробирается в тайное убежище Чакры.

— Слушай, — шепнул он Сингуесу, — один из них сам Чакра, а вот кто другой? Если глаза меня не обманывают, это твой старый приятель, Джесюрон.

Но фулах уже узнал своего мучителя. Все издевательства и унижения, которые ему пришлось перенести, вспыхнули в его памяти с новой силой. Его охватила жгучая, неутолимая жажда мести. Прежде чем Квэко успел удержать его, фулах с пронзительным, гневным криком прицелился и выстрелил.

Молодой африканец был метким стрелком, и если бы не Квэко, успевший толкнуть ружье, Джекоб Джесюрон простился бы с жизнью. Впрочем, часы его и так были сочтены. Когда рассеялся дым, оказалось, что ни один из сидевших в лодке не ранен, но выстрел все же не пропал даром. Пуля вышибла весло из рук Чакры, и оно быстро неслось по воде, увлекаемое течением.

Чакра издал вопль ужаса. Он один понимал, какая им грозит опасность, он один знал, что водоворот неминуемо поглотит и челн и их обоих. Не медля ни секунды, он опустился на колени и, сильно перегнувшись вперед, стал ожесточенно грести огромными ладонями. Он пытался вывести лодку из течения.

Это продолжалось несколько минут. Лодка держалась на одном месте, не двигаясь ни назад, ни вперед. За это время успели спуститься вниз двое других пришельцев. Они бросились к берегу, очевидно привлеченные тем, что происходило на озере. И тут их узнал тот, кто давно хотел свести с ними счеты.

— Это негодяи-испанцы! — крикнул Квэко, завидев своих недавних пленников. — Они бежали! Стреляйте в них, друзья! Не дайте им удрать от нас вторично!

Громовой голос Квэко, покрывший все остальные звуки, сразу был услышан обоими касадорами. Они ки-

нулись обратно к скале и стали карабкаться по ней проворно, как обезьяны. Но было поздно: они не достигли и середины склона, как щелкнуло сразу несколько курков, и тела преступников одно за другим с тяжелым всплеском рухнули в воду.

А Чакра все боролся с потоком — не на жизнь, а на смерть. Он силился повернуть лодку против течения, но ее относило к стремнине. Мароны перезаряжали ружья и на минуту забыли про колдуна, предоставив его собственной участи.

Даже злейшие враги Чакры пожелали бы ему, чтобы поскорее кончилась эта безнадежная борьба. Но Чакра все не сдавался. А тот, кто сидел с ним рядом, оцепенел от страха, уже поняв, что его ждет.

Кто победит — железные мускулы Чакры или силы потока? Одно мгновение чаши весов колебались, но вот человек начал слабеть, а мощь воды не убывала. Победа должна была остаться за стихией. И Чакра понял это. Он бросал вокруг безумные, дикие взгляды. И вдруг он как будто что-то придумал... Ему померещилась надежда на спасение. Он бросил всякие попытки остановить лодку, а вместо этого внезапно обернулся и наклонился к Джесюрону, словно шепча ему что-то на ухо... Но нет, он задумал другое!

Быстрым рывком схватил он Джесюрона. Длинные руки колдуна, словно гигантские паучьи лапы, обвили жертву. Невероятным напряжением мускулов Чакра поднял Джесюрона высоко в воздух и швырнул его за борт. Громкий крик — и Джекоб Джесюрон исчез в темных водах озера. На поверхности его остались только зонт и шляпа старика, быстро увлекаемые потоком.

Голова Джесюрона показалась над водой, но спасения ждать было неоткуда. Единственным утешением ему могло послужить лишь то, что его вероломный сообщник не замедлит последовать за ним. Освободив челн от лишнего груза, Чакра надеялся выбраться из потока, но расчеты его не оправдались. Борясь с Джесюроном, он потерял драгоценное время. Лодка попала в водоворот. Теперь даже с помощью весел было бы невозможно из него выбраться. В несколько секунд

Чакра поднял Джесюрона высоко в воздух.

лодка оказалась у самой стремнины и с быстротой стрелы понеслась вниз.

В последнем отчаянном усилии Чакра успел уцепиться за куст, росший у самого края водопада. Куст тут же вырвало с корнем, и в следующее мгновение и колдун и лодка вслед за Джесюроном сверглись с высоты в сто футов на черные острые скалы.

Глава CXIX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот, кто взглянул бы на усаженную пальмами и тамариндами аллею на следующее утро после описанных трагических событий, увидел бы в конце ее груду черных, обугленных и еще дымящихся развалин. Но, если бы он оказался там ровно через год в такое же ясное утро, взору его представилось бы гораздо более отрадное зрелище. Он увидел бы опять сверкающие на солнце белые стены и веселые, зеленые жалюзи, как будто дом, словно феникс, вновь возник из пепла. Во всех своих деталях новый дом представлял собой точную копию прежнего. Снаружи все выглядело в точности так же, как когда-то. Но внутренние перемены были значительны. Сменились некоторые его обитатели. Вместо краснолицего и грубоватого сорокалетнего толстяка появился новый хозяин — очень еще молодой человек такой благородной наружности и столь же благородных манер, что он был вполне достоин владеть этим прекрасным домом.

А рядом с ним — о, всегда рядом с ним! — юная красавица. Это дочь прежнего и жена нового владельца. Она даже сохранила девичью фамилию, только теперь она уже не мисс, а миссис Воган.

В это утро молодая пара сидит в просторном зале, где пол так навощен и гладок и где так блестит полированная мебель. Сейчас время завтрака, когда можно ожидать прибытия почты. Но никто не ждет почтальона. Какое дело счастливой влюбленной паре до того, что

творится на белом свете! Что интересного может принести им почта? Но почтальону безразлично, ждут его или нет. Одинаково равнодушно идет он к мрачным и веселым, несет радость скорбящим или горе тем, кто только что пребывал в беспечной радости.

Молодые супруги нежно смотрят в глаза друг другу и не видят, что по длинной аллее к дому движется всадник. Впрочем, если бы они его и заметили, то не выразили бы никакого удивления. Ведь это всего-навсего возвращается из города Квеши на своей кляче.

Читатель, может быть, уже насторожился, опасаясь, не везет ли Квеши в перекинутой через плечо сумке послание, содержащее черные вести. Опасения эти напрасны. Он действительно везет письмо, но в нем нет ничего, сулящего беды.

Вот письмо передано в руки адресата. Оно долго пролежало бы нераспечатанным, если бы не совсем обычный штемпель на конверте. Оно из Африки, из порта в устье Гамбии, и адресовано: «Герберту Вогану, эсквайру, Горный Приют, Ямайка». Герберт вскрывает конверт и быстро просматривает письмо.

— Это от твоего брата Кубины, дорогая, — говорит он жене. — Он пишет, что возвращается на Ямайку.

— Как я рада! Я так и думала, что Кубина не сможет жить там, хотя они и сделали его принцем... Но как же Йола?

— Разумеется, она едет с ним. Конечно, он ее там не оставит. Йола скучает по Ямайке, чему я нисколько не удивляюсь. Если есть на свете благословенный уголок, где находят друг друга любящие сердца, то это наша Ямайка. Для меня она — земной рай!

— И для меня, милый мой Герберт!

— Послушай! — воскликнул он, прочитав письмо дальше. — Кубина спрашивает, не продадим ли мы ему участок земли за Утесом Юмбо. Деньги ему дал отец Йолы. Кубина хочет разводить там кофе.

— Как это чудесно! Значит, мы будем соседями.

— Мы не позволим ему покупать участок, мы ему его подарим. У нас достаточно земли. Как ты считаешь, моя дорогая? Ведь это все твое, а не мое. Решай сама.

— Ну что ты, Герберт! — мягко упрекнула его жена. — Ты меня огорчаешь. Я невольно вспомнила о печальных событиях прошлого года. Ты же знаешь, я тогда хотела все отдать тебе, полагая, что я действительно полная хозяйка...

— Теперь ты меня огорчила, дорогая Кэт. По праву ты законная наследница. Если бы мы даже не поженились, я бы никогда в жизни не отнял у тебя твоих владений... Так скажи, Кэт, подарим мы Кубине участок?

— Ну конечно!.. Как хорошо все-таки, что он решил уехать оттуда! — добавила Кэт. — Нет, право, я буду счастлива, когда Кубина с Йолой снова поселятся здесь, на нашем чудесном острове. Ты рад этому, Герберт?

— Конечно, дорогая. Ведь мы им так многим обязаны.

— Да. Я часто думаю об этом. И, не верь я в судьбу, я бы, пожалуй, считала, что если бы не они...

— Ну, это уж пустяки, дорогая, — шутливо прервал ее муж. — Это все глупые суеверия. Ни судьбы, ни рока не существует. Не отнимай у Кубины и Йолы их заслуг. Скажи откровенно, моя прелесть, ведь, если бы не они, ты бы теперь была миссис Смизи, а я... я...

— Ах, Герберт, не будем вспоминать прошлое! Забудем его. Ведь мы теперь так счастливы.

— Согласен. Но все же, дорогая, не будем забывать, как мы обязаны Кубине и его жене. Поэтому я предлагаю не только подарить им земельный участок, но и построить на нем дом, чтобы по приезде сюда они сразу имели собственную крышу над головой.

— Вот будет для них сюрприз!

— Значит, решено, так мы и сделаем... Какое дивное утро, Кэт! Правда? — Герберт выглянул в открытое окно.

Утро было вполне обычное, но Кэт на все смотрела глазами Герберта, и оба они все видели в розовом свете.

— В самом деле, прекрасное утро, — сказала Кэт и вопросительно посмотрела на мужа.

— Не прогуляться ли нам немного, дорогая?

— С большим удовольствием, Герберт. Куда же ты предлагаешь пойти?

— Попробуй догадаться!

— Нет, скажи сам!

— Ты забыла, Кэт, что, по обычаю креолов, медовый месяц длится целый год и все это время распоряжается новобрачная. Приказывай же, куда нам пойти?

— Куда угодно, Герберт. С тобой мне везде хорошо. Решай ты.

— Ну, раз ты предоставляешь мне право выбора, я предлагаю пойти на Утес Юмбо. С его вершины отлично виден тот участок земли, который, я думаю, мы подарим твоему брату. Можно сразу выбрать и место, где поставить дом. Ты не возражаешь?

— Милый Герберт, — сказала Кэт, беря мужа под руку и глядя на него с любовью, — мне и самой хотелось бы побывать на утесе.

— Почему, Кэт? Скажи!

— Как тебе не стыдно! Неужели ты сам не догадываешься? Напомнить тебе? Ведь я тебе уже не раз говорила.

— Скажи еще. Мне так приятно слушать, как ты рассказываешь о том часе, когда...

— Часе! Это длилось всего одну минуту, но за эту минуту можно было отдать всю жизнь. Ведь именно тогда мне все открылось. Язык взглядов правдивее языка слов. Если бы не этот взгляд, я впала бы в полное отчаяние. Воспоминание о нем поддерживало меня в дни невзгод. Наперекор всему я все-таки надеялась...

— Да-да, моя дорогая! То же было и со мной. Так пойдем же туда!

* * * * * * * * *

Час спустя они стояли на священном для них утесе. Герберт, казалось, забыл о своем намерении выбрать участок и место для дома Кубины, забыл обо всем на свете. Тяжелое прошлое осталось позади, в памяти сохранилась лишь та мимолетная встреча. Только о ней могли они думать и говорить.

— И ты уже тогда любила меня?

Вопрос был задан только для того, чтобы еще раз насладиться ответом, в котором Герберт был заранее уверен.

— Разве могла я тебя не любить? У тебя были такие дивные глаза...

— Были? А теперь разве нет?

— Ты дразнишь меня. Теперь они во сто раз прекраснее. Тогда я смотрела в них, почти не смея надеяться, а теперь я уверена, что они мои. Тогда радость моя продолжалась одну минуту, а теперь вся моя жизнь — беспредельное счастье!

И это было правдой. Взаимная любовь Герберта и Кэт была безгранична, и это доказывает, что даже в нашей печальной земной юдоли существует райское блаженство!

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНУ «МАРОНЫ» [1]

В романе «Мароны» Майн Рид снова обратился к теме, волновавшей его на протяжении всей жизни, — к борьбе негров против векового порабощения, против бесчеловечной эксплуатации, которая была их уделом всюду, куда добирались торговцы живым товаром.

Действие романа развертывается в одной из британских колоний, все благосостояние которой зиждилось на труде сотен тысяч негров. Ямайка — ад для негров: так называли этот красивый остров в течение трех столетий, пока на нем господствовали страшные законы рабства.

Открытая и захваченная испанцами еще на рубеже XV—XVI веков, Ямайка быстро лишилась своего коренного населения — индейцев. Они либо погибли в упорных и безнадежных схватках с колонизаторами, либо вымерли от непосильного труда на плантациях, куда их сгоняли испанские помещики, объявившие себя господами острова.

Так как климат Ямайки весьма благоприятен для разведения различных ценных культур — в том числе сахарного тростника, — то недостаток в рабочей силе испанцы еще в XVI веке стали восполнять неграми, которых они покупали у арабских работорговцев на африканском побережье.

---

[1] Точное значение и происхождение этого слова до сих пор является предметом споров; видимо, первоначально «марон» значило «свободный охотник», «охотник-беглец».

В 1655 году Ямайку захватили англичане, сделавшие ее своим форпостом в той части Атлантического океана. Подобное обстоятельство еще более способствовало расцвету страшного плантаторского хозяйства на Ямайке. Следует подчеркнуть, что во второй половине XVII века на плантациях Ямайки наряду с черными рабами трудились и умирали тысячи белых: английские сахарозаводчики покупали у капитанов военных кораблей их пленных, у государства — осужденных на каторгу. Среди белых рабов Ямайки в конце XVII века было немало врагов английской монархии, участников революционных восстаний, вновь и вновь вспыхивавших в разных углах Англии.

Уже в XVII веке испанцам, а затем и англичанам пришлось столкнуться с нарастающим сопротивлением беглых негров. Географические особенности острова — наличие горных и лесных районов — способствовали тому, что на нем легко можно было укрыться довольно значительному числу беглых. Негры-беглецы, ушедшие из-под власти белых, составляли отдельные общины — подобия племен, — возвращались к тем формам жизни, к которым они привыкли у себя на далекой родине. Ямайская земля подходила для возделывания растений и злаков, к которым негры привыкли в Африке; восстанавливались и старые обычаи, племенные религиозные культы. Налаживание новой жизни на первых порах затруднялось тем, что новая община нередко объединяла представителей самых различных народов Африки, но постепенно эти различия стирались.

Как и в некоторых других странах Южной и Центральной Америки, беглых негров на Ямайке называли маронами. Поселения маронов возникали еще при испанском владычестве: колониальная администрация старой Испании не смогла с ними справиться. Добиться подчинения маронов не удалось и англичанам, хотя они упорно пытались сделать это в нескольких войнах, которые вели против них. Борьба маронов заметно активизировалась на рубеже XVIII—XIX веков, когда, в результате французской революции 1789—1794 годов, возникло самостоятельное негритянское государство на территории бывших французских колоний в Гаити.

Героическое сопротивление маронов — славная, хотя и трагическая страница в истории колоний. Поселки маронов сжигали и сравнивали с землей; маронов вешали, жгли, расстреливали, сгоняя в особые огороженные пространства, где за ними

следила беспощадная стража, составленная из английских солдат и местных испанских колонистов. Маронов тысячами выселяли с Ямайки в другие колонии Англии, отрывая детей от родителей, навсегда разрушая семейные связи, пытаясь таким образом сломить сопротивление маронских общин.

Но мароны были непобедимы. Вновь и вновь возникали тайные маронские поселки, где беглец, независимо от цвета кожи и языка, находил пристанище и спасение. Мароны еще держались в своих орлиных гнездах, когда англичане отменили в 1831 году рабство на Ямайке. А когда в 1865 году на острове вспыхнуло восстание негров, возмущенных злоупотреблениями колониальной администрации, потомки маронов вновь поднялись с оружием в руках.

Выше мы сказали об отмене рабства на Ямайке. Английская буржуазная пресса, разумеется, изображала этот акт как проявление особой гуманности английского правительства. На самом деле такой решительный поступок объяснялся совсем другими причинами: подневольный труд был столь ненавистен невольникам-неграм, — а их было на Ямайке так много (свыше 800 тысяч при весьма незначительном проценте белого населения), — что работы на плантациях почти приостановились, перестали быть выгодными для плантаторов-рабовладельцев. Из года в год ширилось и углублялось это своеобразное пассивное сопротивление негров, дополняемое выступлением маронов. Под угрозой полной катастрофы английское правительство вынуждено было пойти на отмену рабства и на некоторые земельные реформы.

Майн Рид весьма сочувственно относился к отмене рабства на Ямайке. Он прямо пишет об этом в начале своей книги, вспоминая о времени, когда порты Ямайки были гораздо оживленнее и богаче, чем стали они к середине XIX века. Однако время действия своего романа Майн Рид перенес именно в 20-е годы XIX века, в пору, предшествовавшую освобождению рабов. Почему же обратился писатель к прошлому Ямайки? Для того чтобы, как это бывало и в других лучших его произведениях, прославить смелых людей, борющихся за свою свободу, не примиряющихся с неволей и принуждением. Таков и герой этого произведения Майн Рида — молодой марон Кубина, вождь одной из маронских общин.

Характерные черты этого героя в общем известны читате-

лю и по другим романам нашего автора. Кубина похож на Оцеолу, на Белого вождя. Как это нередко бывает в романах Майн Рида, Кубина не чистый негр: в его жилах течет и кровь белых; но, подчеркивая свое презрение к расизму в любом его проявлении, Майн Рид показывает, что, независимо от цвета кожи, человек может быть героем, как марон Кубина, или негодяем, как белые плантаторы Воган, Джесюрон и им подобные.

Жизнь маронской общины противопоставлена в романе бесчеловечным отношениям, царящим в обществе плантаторов-рабовладельцев. Мароны и их вождь — настоящие люди, обладающие возвышенными чувствами, готовые защищать добытую с таким трудом свободу и берущие под свою защиту тех, кто в ней нуждается — например, молодой фулахский принц или Герберт Воган. Повествуя о жизни маронов, Майн Рид сравнивает их с вольницей Робина Гуда: это говорит и о дружеском отношении писателя к маронам, и о его желании приблизить к ним английского читателя, растолковать благородный характер борьбы маронов.

Но о маронских обычаях, о своеобразной жизни маронов и их славной борьбе Майн Рид мог бы рассказать и побольше, как и о других негритянских племенах, о которых он упоминает в своем романе. К сожалению, этнографическая часть романа слабее, чем в других произведениях Майн Рида: в книге немало ошибочного в изображении африканских нравов и культов, сохранившихся в среде маронов, есть ошибки в названиях племен и местностей. Нередко и вожди маронов были людьми гораздо более развитыми, с бóльшим политическим кругозором, чем Кубина.

Впрочем, надо помнить, что в те годы, когда появился этот роман, о жизни народов Африки и о жизни негров в колониях знали еще очень мало. Важно уже и то, что Майн Рид с такой прямотой говорит о трагедии маронов и других негров, вынужденных сносить тяжкое бремя рабства, навязанное им белыми.

Если все симпатии Майн Рида на стороне Кубины и его друзей, живущих независимым и свободным бытом вольной общины, то с какой ненавистью и презрением пишет он о плантаторах, о торговцах живым товаром! Не в первый раз обращается Майн Рид к этой теме, но в «Маронах» его гневный протест против преступлений работорговцев и рабовладельцев прозвучал с особой силой.

С большим знанием дела описывает Майн Рид нечеловеческие условия жизни на плантациях Ямайки — вспомним, например, описание плантации Джесюрона. В юные годы, оказавшись в одном из южных штатов, Майн Рид сам служил на плантации. И хотя писатель пробыл на плантации недолго, но то, с чем он познакомился там воочию, сделало его навсегда врагом рабства и врагом тех, кто защищал и отстаивал интересы рабовладельцев. С большой обличительной силой описаны в романе белые хозяева Ямайки — все эти Воганы, Джесюроны, Смизи и их прислужники. Майн Рид наглядно свидетельствует, что беззакония, творимые плантаторами на Ямайке, ими же и одобряются и поддерживаются — недаром работорговец Джесюрон оказывается вместе с тем и мировым судьей. Его приказчик — констебль, то есть представитель исполнительной полицейской власти. Все на Ямайке в руках Воганов и Джесюронов, которые расправляются со своими противниками при помощи варварского «черного кодекса» — этого свода беззаконий, придуманного колонизаторами. Впрочем, помогая друг другу наживаться, они и ненавидят друг друга, так как они — конкуренты. В описании смертельной вражды между Воганом и Джесюроном так же много правды, как и в раскрытии их общих интересов.

То, что Джесюрон и Воган называют «законом», на самом деле — кровавое беззаконие. Их господство создает на острове условия, в которых безнаказанно действуют банды разбойников, охотно служащих Вогану и Джесюрону. Вполне понятно, что в зловещей атмосфере взаимной ненависти и преступлений благоденствует Чакра, соединяющий в себе черты старого африканского колдуна и наемного бандита; но ведь и Чакра — жертва жестокого режима рабовладельцев. Вполне понятно, что в этой атмосфере становится моральным уродом красивая дочь Джесюрона.

Но не все характеры обрисованы с такой четкостью. Насколько убедительно даны Кубина, Чакра, Воган, Джесюрон, даже несчастная Синтия — одна из жертв Чакры, настолько небрежно и поверхностно нарисованы другие персонажи романа. А их немало: среди них и сам Герберт Воган, весьма бледная схема благородного молодого человека. Правда, Герберт привлекателен тем, что он юноша передовых убеждений, с презрением относящийся к Смизи и к своему дядюшке; но это не мешает Герберту служить у Джесюрона.

Наивно обрисованы и обе героини — мисс Воган и мисс Джесюрон. Они ведут спор из-за сердца Герберта Вогана, но роли их неопределенны и очерчены Майн Ридом весьма поверхностно. Насколько обаятельна и мила мисс Воган, настолько же зла и бесчеловечна мисс Джесюрон. А молодой фулахский принц? И он — только набросок, впрочем правдивый в одной верной и неприятной детали: разыскивая сестру, попавшую в рабство, он не только торгует своими рабами — пленными неграми из племени мандингов, но и сам становится рабом. Этот мотив — черный вождь-работорговец, вкушающий затем от горькой участи раба, — был весьма распространен в литературе середины XIX века и основывался на ряде фактов: нередко черные работорговцы сами попадали на невольничьи корабли. Конечно, этот эпизод введен Майн Ридом для разоблачения рабства и порожденных им уродств. Но добрая воля автора еще не делает его убедительным, как неубедителен и примитивен образ самого принца.

Читатели, наверное, обратили внимание на нередкие в романе политические отступления, в которых Майн Рид, верный своей традиции свободолюбца и защитника угнетенных, заявляет себя решительным сторонником полного и безусловного освобождения негров, противником колониального режима. Это важные страницы «Маронов». Они напоминают снова и снова о том, что и этот роман полон отзвуков ожесточенной политической борьбы, которая происходила в европейском общественном мнении тех лет вокруг вопроса об освобождении негров.

В 60—70-х годах [1] эта борьба обострилась, во-первых, событиями в США, где шла гражданская война между Южными и Северными штатами, приведшая к ликвидации рабовладельческой системы, и, во-вторых, многочисленными столкновениями английских колонизаторов с народами Африки и Азии. Английская буржуазная пресса усиленно клеветала на негров в США и в Африке, изображая их варварами, не способными на самоуправление и на культурное развитие. Многие английские журналисты старались внушить своим читателям мысль о том, что негры в США и в Африке нуждаются в руководстве белого человека, что негритянские государства должны войти в империи белых. Надо вспомнить, что именно в последней трети XIX века

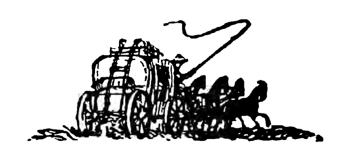
[1] Роман «Мароны» вышел в 1862 году.

Англия, Франция, Германия, Бельгия лихорадочно делили великий черный континент, пуская в ход оружие, деньги, дипломатию, миссионеров и оправдывая свои действия в прессе.

Позиция Майн Рида в вопросе о свободе негров и других колониальных народов совершенно ясна. Майн Рид был убежден, что негры США и Африки найдут свою историческую дорогу без помощи европейских и американских торгашей и политиканов, но вместе с теми белыми, которые, как и молодой Воган, видят в них равных себе. Каковы бы ни были слабости этого романа, главное в нем — ненависть к порабощению и эксплуатации, призыв бороться против них, вера в то, что борьба эта будет успешна.

Р. Самарин

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

Роман

Перевод с английского

Аллы Макаровой

Редактор *И. Г. Гурова*

ФОРТ ИНДЖ
р. Леона
Каса-дель-Корво
Асиенда дона Сильвио Мартинеса
N
E
S
W
МЕЛОВАЯ
ПРЕРИЯ
Место убийства Генри
Дубрава
Пастбище мустангов
Хижина Мориса
Место пикника
Рио-де-Нуэсес
0 1 2 3 4 5 км
10 км
0 1 2 3 4 5 миль
Карта
действия
романа
«Всадник
без головы»

ПРОЛОГ

Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны[1], вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Но он не покидает своего зеленого ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы — дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову — над высокой травой показываются его рога — и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

[1] Саванна — американская степь, покрытая высокой сочной травой.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении. Он стремительно вскакивает и мчится по прерии; но скоро он останавливается и оглядывается назад, недоумевая: кто потревожил его сон?

В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага — человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника — что-то неестественное — приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть — в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

Что же заставило оленя так долго вглядываться в странную фигуру?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, оседланный, взнузданный, — в нем нет ничего, что могло бы вызвать удивление или тревогу. Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать — в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы силясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. Он не останавливается до тех пор, пока не переплывает Леону и бурный поток не отделяет его от страшного всадника.

Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву. Ни голосом, ни движением не подгоняет он ее, когда, испуганная лаем койотов, она вдруг вскидывает голову и, храпя, останавливается.

Кажется, что он во власти каких-то глубоких

чувств и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полуночная луна — единственные свидетели его молчаливых раздумий.

На плечи всадника наброшено серапе [1], которое при порыве ветра приподнимается и открывает часть его фигуры; на ногах у него гетры из шкуры ягуара. Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним, беззаботный, как цикады, стрекочущие в траве, как ночной ветерок, играющий складками его одежды.

Наконец что-то, по-видимому, вывело всадника из задумчивости, — его конь ускорил шаг. Вот конь встряхнул головой и радостно заржал — с вытянутой шеей и раздувающимися ноздрями он бежит вперед рысью и скоро уже скачет галопом: близость реки — вот что заставило коня мчаться быстрее.

Он не останавливается до тех пор, пока не погружается в прозрачный поток так, что вода доходит всаднику до колен. Конь с жадностью пьет; утолив жажду, он переправляется через реку и быстрой рысью взбирается по крутому берегу.

Наверху всадник без головы останавливается, как бы ожидая, пока конь отряхнется от воды. Раздается лязг сбруи и стремян — словно гром загрохотал в белом облаке пара.

Из этого ореола появляется всадник без головы; он снова продолжает свой путь.

Видимо, подгоняемая шпорами и направляемая рукой седока, лошадь больше не сбивается с пути, а бежит уверенно вперед, словно по знакомой тропе.

Впереди, до самого горизонта, простираются безлесные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; он постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света.

---

[1] Серапе — широкий мексиканский плащ.

Глава I

ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ

Полуденное солнце ярко светит с безоблачного лазоревого неба над бескрайней равниной Техаса около ста миль южнее старого испанского города Сан-Антонио-де-Бехар. В золотых лучах вырисовываются предметы, необычные для дикой прерии, — они говорят о присутствии людей там, где не видно признаков человеческого жилья.

Даже на большом расстоянии можно разглядеть, что это фургоны; над каждым — полукруглый верх из белоснежного полотна.

Их десять — слишком мало для торгового каравана или правительственного обоза. Скорее всего, они принадлежат какому-нибудь переселенцу, который высадился на берегу моря и теперь направляется в один из новых поселков на реке Леоне.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по саванне так медленно, что их движение почти незаметно, и лишь по их взаимному положению в длинной цепи обоза можно о нем догадаться. Темные силуэты между фургонами свидетельствуют о том, что они запряжены; а убегающая в испуге антилопа и взлетающий с криком кроншнеп выдают, что обоз движется. И зверь и птица недоумевают: что за странные чудовища вторглись в их дикие владения?

Кроме этого, во всей прерии не видно никакого движения: ни летящей птицы, ни бегущего зверя. В этот знойный полуденный час все живое в прерии замирает или прячется в тень. И только человек, подстрекаемый честолюбием или алчностью, нарушает законы тропической природы и бросает вызов палящему солнцу.

Так и хозяин обоза, несмотря на изнуряющую полуденную жару, продолжает свой путь.

Каждый фургон запряжен восемью сильными мулами. Они везут большое количество съестных припасов, дорогую, можно даже сказать — роскошную, мебель, черных рабынь и их детей; чернокожие невольники идут пешком рядом с обозом, а некоторые устало плетутся

позади, еле переступая израненными босыми ногами. Впереди едет легкая карета, запряженная выхоленными кентуккскими мулами; на ее козлах черный кучер в ливрее изнывает от жары. Все говорит о том, что это не бедный поселенец из северных штатов ищет себе новую родину, а богатый южанин, который уже приобрел усадьбу и едет туда со своей семьей, имуществом и рабами.

И в самом деле, обоз принадлежит плантатору, который высадился с семьей в Индианоле, на берегу залива Матагорда, и теперь пересекает прерию, направляясь к своим новым владениям.

Среди сопровождающих обоз всадников, как всегда, впереди едет сам плантатор, Вудли Пойндекстер — высокий, худощавый человек лет пятидесяти, с бледным, болезненно желтоватым лицом и с горделиво суровой осанкой. Одет он просто, но богато. На нем свободного покроя кафтан из альпака, жилет из черного атласа и нанковые панталоны. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, вдетых в стремена, — башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей соломенной шляпы на лицо плантатора падает тень.

Рядом с ним едут два всадника, один справа, другой слева: это юноша лет двадцати и молодой человек лет на шесть — семь старше.

Первый — сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши совсем не похоже на суровое лицо отца и на мрачную физиономию третьего всадника — его кузена.

На юноше французская блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, панталоны из того же материала; этот костюм — самый подходящий для южного климата — очень к лицу юноше, так же как и белая панама.

Его двоюродный брат—отставной офицер-волонтер—одет в военную форму из темно-синего сукна, на голове у него суконная фуражка.

Еще один всадник скачет неподалеку; у него тоже белая кожа — правда, не совсем белая. Грубые черты

его лица, дешевая одежда, плеть, которую он держит в правой руке, так искусно ею щелкая, — все говорит о том, что это надсмотрщик над чернокожими, их мучитель.

В «карриоле» — легкой карете, представлявшей нечто среднее между кабриолетом и ландо, — сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительно белая, у другой — совсем черная. Это — единственная дочь Вудли Пойндекстера и ее чернокожая служанка.

Путешественники едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана.

Сам плантатор — не уроженец этого штата; другими словами — не креол[1]. По лицу же его сына и особенно по тонким чертам его дочери, которая время от времени выглядывает из-за занавесок кареты, легко догадаться, что они потомки французской эмигрантки, одной из тех, которые более столетия назад пересекли Атлантический океан.

Вудли Пойндекстер, владелец крупных сахарных плантаций, был одним из наиболее надменных, расточительных и хлебосольных аристократов Юга. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свой дом на Миссисипи и переехать с семьей и горсточкой оставшихся негров в дикие прерии юго-западного Техаса.

Солнце почти достигло зенита. Путники идут медленно, наступая на собственные тени. Расслабленные нестерпимой жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, менее чувствительные к зною, прекратили свою болтовню и, сбившись в кучки, безмолвно плетутся позади фургонов.

Тишина, томительная, как на похоронах, время от времени прерывается лишь резким, словно выстрел пистолета, щелканьем кнута или же громким бархатистым «уоа», срывающимся с толстых губ то одного, то другого чернокожего возницы.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Она обозначе-

---

[1] Креолы — потомки французов или испанцев, ранних переселенцев в Америку. Они сохраняют свой национальный язык и обычаи.

на только следами колес проехавших ранее повозок, следами, заметными лишь по раздавленным стеблям сочной травы.

Несмотря на свой черепаший шаг, лошади, запряженные в фургоны, делают все, что в их силах. Плантатор предполагает, что до новой усадьбы осталось не больше двадцати миль. Он надеется добраться туда до наступления ночи. Поэтому он и решил продолжать путь, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик делает знак возницам, чтобы они остановили обоз. Отъехав на сотню ярдов вперед, он внезапно натянул поводья, как будто перед каким-то препятствием.

Он мчится к обозу. В его жестах — тревога. Что случилось?

Не индейцы ли? Говорили, что они появляются в этих местах.

— Что случилось, мистер Сансом? — спросил плантатор, когда всадник приблизился.

— Трава выжжена. В прерии был пожар.

— Был пожар? Но ведь сейчас прерия не горит? — быстро спрашивает хозяин обоза, бросая беспокойный взгляд в сторону кареты. — Где? Я не вижу дыма.

— Нет, сэр, — бормочет надсмотрщик, поняв, что он поднял напрасную тревогу, — я не говорил, что она сейчас горит, я только сказал, что прерия горела и вся земля стала черной, что твоя пиковая десятка.

— Ну, это не беда! Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

— Глупо, Джош Сансом, поднимать шум из-за пустяков!.. Эй вы, черномазые, пошевеливайтесь! Берись за кнуты! Погоняй! Погоняй!

— Но скажите, капитан Колхаун, — возразил надсмотрщик человеку, который так резко отчитал его, — как же мы найдем дорогу?

— Зачем искать дорогу? Какой вздор! Разве мы с нее сбились?

— Боюсь, что да. Следов колес не видно: они сгорели вместе с травой.

— Пустяки! Как будто нельзя пересечь выжженный участок и без следов. Мы найдем их на той стороне.

— Да, если только там осталась другая сторона, — простодушно ответил надсмотрщик, который, хотя и был уроженцем восточных штатов, не раз бывал и на западной окраине прерии и знал, что такое пограничная жизнь. — Что-то ее не видно, хоть я и с седла гляжу!..

— Погоняй, черномазые! Погоняй! — закричал Колхаун, прервав разговор.

Пришпорив лошадь, он поскакал вперед, давая этим понять, что распоряжение должно быть выполнено.

Обоз опять тронулся, но, подойдя к границе выжженной прерии, внезапно остановился.

Всадники съезжаются вместе, чтобы обсудить, что делать. Положение трудное, — в этом все убедились, взглянув на равнину, которая расстилалась перед ними.

Кругом не видно ничего, кроме черных просторов. Нигде никакой зелени — ни стебелька, ни травинки. Пожар прошел недавно — во время летнего солнцестояния. Созревшие травы и яркие цветы прерии — все превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Впереди, направо, налево, насколько хватает зрения, простирается картина опустошения. Небо теперь не лазоревое — оно стало темно-синим, а солнце, хотя и не заслонено облаками, как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Надсмотрщик сказал правду: не осталось и следов дороги.

Пожар, испепеливший созревшие травы прерии, уничтожил и следы колес, указывавших раньше дорогу.

— Что же нам делать? — Этот вопрос задает сам плантатор, и в голосе его звучит растерянность.

— Что делать, дядя Вудли?.. Конечно, продолжать путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили, мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз... Там видно будет.

— Но, Кассий, ведь этак мы заблудимся!

— Вряд ли... Мне кажется, что выгоревшее пространство не так велико. Не беда, если мы немного со-

бьемся с дороги: все равно, рано или поздно, мы выйдем к реке в том или ином месте.

— Хорошо, мой друг. Тебе лучше знать, я положусь на тебя.

— Не бойтесь, дядя. Мне случалось бывать и не в таких переделках... Вперед, негры! За мной!

И отставной офицер бросает самодовольный взгляд в сторону кареты, из-за занавесок которой выглядывает прекрасное, слегка встревоженное лицо девушки. Колхаун шпорит лошадь и самоуверенно скачет вперед.

Вслед за щелканьем кнутов слышится топот копыт восьми—десяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы идут быстрее. Черная поверхность, непривычная для глаз животных, словно подгоняет их; едва успев коснуться пепла копытами, они тотчас же снова поднимают ноги. Молодые мулы храпят в испуге. Мало-помалу они успокаиваются и, глядя на старших, идут вслед за ними ровным шагом.

Так караван проходит около мили. Затем он снова останавливается. Это распоряжение отдал человек, который сам вызвался быть проводником. Он натягивает поводья, но в позе его уже нет прежней самоуверенности. Должно быть, он озадачен, не зная, куда ехать.

Ландшафт, если только его можно так назвать, изменился, но не к лучшему. Все по-прежнему черно до самого горизонта. Только поверхность уже не ровная: она стала волнистой. Цепи холмов перемежаются долинами. Нельзя сказать, что здесь совсем нет деревьев, хотя то, что от них осталось, едва ли можно так назвать. Здесь были деревья до пожара — алгаробо [1], мескито [2] и еще некоторые виды акации росли здесь в одиночку и рощами. Их перистая листва исчезла без следа, остались только обуглившиеся стволы и почерневшие ветки.

— Ты сбился с дороги, мой друг? — спрашивает плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

— Нет, дядя, пока нет. Я остановился, чтобы огля-

---

[1] Алгаробо — рожковое дерево.
[2] Мескито — колючий кустарник.

деться. Нам нужно ехать вот по этой долине. Пусть караван продолжает путь. Мы едем правильно, я за это ручаюсь.

Караван снова трогается. Спускается вниз по склону, направляется вдоль долины, снова взбирается по откосу и на гребне возвышенности опять останавливается.

— Ты все же сбился с дороги, Каш? — повторяет свой вопрос плантатор, подъезжая к племяннику.

— Черт побери! Боюсь, что ты прав, дядя. Но скажи, какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу на этом пожарище!.. Нет-нет! — вдруг восклицает Колхаун, увидев, что карета подъехала совсем близко. — Мне теперь все ясно. Мы едем правильно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан шпорит лошадь, по-видимому сам не зная, куда ехать. Фургоны следуют за ним, но от возниц не ускользнуло замешательство Колхауна. Они замечают, что обоз движется не прямо вперед, а кружит по долинам между рощицами.

Но вот ободряющий возглас вожатого сразу поднимает настроение путников. Дружно щелкают кнуты, слышатся радостные восклицания.

Путешественники вновь на дороге, где до них проехало, должно быть, с десяток повозок. И это было совсем недавно: отпечатки колес и копыт совершенно свежие, как будто они сделаны час назад. Видимо, по выжженной прерии проехал такой же караван.

Как и они, он, должно быть, держал свой путь к берегам Леоны; очень вероятно, что это правительственный обоз, который направляется в форт Индж. В таком случае, остается только двигаться по его следам. Форт находится в том же направлении, лишь немного дальше новой усадьбы.

Ничего лучшего нельзя было и ожидать. От замешательства Колхауна не остается и следа, он снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдает распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть, и больше караван идет по найденным следам. Они ведут не прямо вперед, но кружат среди обгоревших рощ. Самодоволь-

ная уверенность Кассия Колхауна переходит в мрачное уныние. На лице его отражается глубокое отчаяние, когда он наконец догадывается, что следы сорока четырех колес, по которым они едут, были оставлены каретой и десятью фургонами — теми самыми, что следуют сейчас за ним, и с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.

Глава II

СЛЕД ЛАССО

Не оставалось никаких сомнений, что фургоны Вудли Пойндекстера шли по следам своих же колес.

— Наши следы! — пробормотал Колхаун сделав это открытие, он натянул поводья и разразился проклятиями.

— Наши следы? Что ты этим хочешь сказать, Кассий? Неужели мы едем...

— ...по нашим собственным следам. Да, именно это я и хочу сказать. Мы описали полный круг. Смотрите: вот заднее копыто моей лошади — отпечаток половины подковы, а вот следы негров. Теперь я узнаю и место. Это тот самый холм, откуда мы спускались после нашей последней остановки. Вот уж чертовски не повезло — напрасно проехали около двух миль!

Теперь на лице Колхауна заметна не только растерянность — на нем появились горькая досада и стыд. Это он виноват, что в караване нет настоящего проводника. Тот, которого наняли в Индианоле, сопровождал их до последней стоянки; там, поспорив с заносчивым капитаном, он попросил расчет и отправился назад.

Все это, а также чрезмерная самоуверенность, с которой он вызвался вести караван, заставляют теперь племянника плантатора испытывать мучительный стыд. Его настроение становится совсем мрачным, когда приближается карета и прекрасные глаза видят его замешательство.

Пойндекстер больше не задает вопросов. Для всех теперь ясно, что они сбились с пути. Даже босоногие

пешеходы узнали отпечатки своих ног и поняли, что идут по этим местам уже во второй раз.

Караван опять остановился; всадники возбужденно совещаются. Положение серьезное: так думает и сам плантатор. Он потерял надежду до наступления темноты закончить путешествие, как предполагал раньше.

Но это еще не самая большая беда. Кто знает, что ждет их впереди? Выжженная прерия полна опасностей. Быть может, им предстоит провести здесь ночь, и негде будет достать воды, чтобы напоить мулов. А может быть, и не одну ночь?

Но как же найти дорогу? Солнце начинает клониться к западу, хотя все еще стоит слишком высоко, чтобы уловить, в какую сторону оно движется; однако через некоторое время можно было бы определить, где находятся страны света.

Но что толку? Даже если они узнают, где находятся восток, запад, север и юг, ничего не изменится — они потеряли направление!

Колхаун стал осторожнее. Он уже больше не претендует на роль проводника. После такой позорной неудачи у него не хватает на это смелости.

Минут десять они совещаются, но никто не может предложить разумный план действий. Никто не знает, как вырваться из этой черной прерии, которая заволакивает черной пеленой не только солнце и небо, но и лица тех, кто попал в ее пределы.

Высоко в небе показалась стая черных грифов. Они всё приближаются. Некоторые из них опускаются на землю, другие кружат над головами заблудившихся путников. В поведении хищников есть что-то зловещее.

Прошло еще десять гнетущих минут. И вдруг к людям вернулась бодрость: они увидели всадника, скачущего прямо к обозу.

Какая неожиданная радость! Кто бы мог подумать, что в таком месте можно встретить человека! Снова надежда засветилась в глазах путников — в приближающемся всаднике они видят своего спасителя.

— Ведь он едет к нам, не правда ли? — спросил плантатор, не веря своим глазам.

— Да, отец, он едет прямо к нам, — ответил Генри и стал кричать и размахивать шляпой высоко над головой, чтобы привлечь внимание всадника.

Но это было излишне — всадник и без того заметил остановившийся караван. Он скакал галопом и скоро приблизился настолько, что можно было окликнуть его.

Он натянул поводья, только когда миновал обоз и подъехал к плантатору и его спутникам.

— Мексиканец, — прошептал Генри, взглянув на одежду незнакомца.

— Тем лучше, — так же тихо ответил ему отец. — Тогда он наверняка знает дорогу.

— Ничего мексиканского в нем нет, кроме костюма, — пробормотал Колхаун. — Я сейчас это узнаю... Buenos dias, cavallero! Esta Vuestra Mexicano! (Добрый день, кабальеро! Вы мексиканец?)

— О нет, — ответил тот, улыбнувшись. — Я совсем не мексиканец. Я могу объясняться с вами и по-испански, если хотите, но, мне кажется, вы лучше поймете меня, если мы будем говорить по-английски — ведь это ваш родной язык? Не так ли?

Колхаун подумал, что допустил какую-то ошибку в своей фразе или же не справился с произношением, и поэтому воздержался от ответа.

— Мы американцы, сэр, — ответил Пойндекстер с чувством уязвленной национальной гордости. Затем, как бы боясь обидеть человека, от которого ждал помощи, добавил: — Да, сэр, мы все американцы, из Южных штатов.

— Это легко определить по вашим спутникам, — сказал всадник с едва уловимой презрительной усмешкой, взглянув в сторону негров-невольников. — Нетрудно заметить также, — добавил он, — что вы впервые путешествуете по прерии. Вы сбились с дороги?

— Да, сэр, и у нас нет никакой надежды найти ее, если только вы не будете так добры и не поможете нам.

— Стоит ли говорить о таких пустяках! Совершенно случайно я заметил ваши следы, когда ехал по прерии.

Поняв, что вы заблудились, я прискакал сюда, чтобы помочь вам.

— Это очень любезно с вашей стороны. Мы вам признательны, сэр. Меня зовут Пойндекстер — Вудли Пойндекстер из Луизианы. Я купил усадьбу на берегу Леоны, вблизи форта Индж. Мы надеялись добраться туда засветло. Как вы думаете, мы успеем?

— Разумеется. Если только будете следовать моим указаниям.

Сказав это, незнакомец отъехал на некоторое расстояние. Казалось, он изучает местность, стараясь определить, в каком направлении должны двигаться путешественники.

Застывшие на вершине холма лошадь и всадник представляли собой картину, достойную описания.

Породистый гнедой конь — даже арабскому шейху не стыдно было бы сесть на такого коня! — широкогрудый, на стройных, как тростник, ногах, с могучим крупом и великолепным густым хвостом. А на спине у него всадник — молодой человек лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, одетый в живописный костюм мексиканского ранчеро[1]: на нем бархатная куртка, брюки со шнуровкой по бокам, сапоги из шкуры бизона с тяжелыми шпорами; ярко-красный шелковый шарф опоясывает талию; на голове черная глянцевая шляпа, отделанная золотым позументом. Вообразите такого всадника, сидящего в глубоком седле мавританского стиля и мексиканской работы, с кожаным, украшенным тиснеными узорами чепраком, похожим на те, которыми покрывали своих коней конкистадоры. Представьте себе такого кабальеро — и пред вашим взором будет тот, на кого смотрели плантатор и его спутники.

А из-за занавесок кареты на всадника смотрели глаза, выдававшие совсем особое чувство. Первый раз в жизни Луиза Пойндекстер увидела человека, который, казалось, был реальным воплощением героя ее девичьих грез. Незнакомец был бы польщен, если бы узнал, какое волнение он вызвал в груди молодой креолки.

[1] Ранчеро — скотовод.

Но как мог он это знать? Он даже не подозревал о ее существовании. Его взгляд лишь скользнул по запыленной карете, — так смотришь на невзрачную раковину, не подозревая, что внутри нее скрывается драгоценная жемчужина.

— Клянусь честью! — сказал всадник, обернувшись к владельцу фургонов. — Я не могу найти никаких примет, которые помогли бы вам добраться до места. Но дорогу туда я знаю. Вам придется переправиться через Леону в пяти милях ниже форта, а так как я и сам направляюсь к этому броду, то вы можете ехать по следам моей лошади. До свиданья, господа!

Распрощавшись так внезапно, незнакомец пришпорил коня и поскакал галопом.

Этот неожиданный отъезд показался плантатору и его спутникам весьма невежливым. Но они не успели ничего сказать, как увидели, что незнакомец возвращается. Не прошло и десяти секунд, как всадник снова был с ними. Все недоумевали, что заставило его вернуться.

— Боюсь, что следы моей лошади вам мало помогут. После пожара здесь успели побывать мустанги. Они оставили тысячи отпечатков своих копыт. Правда, моя лошадь подкована, но ведь вы не привыкли различать следы, и вам будет трудно разобраться, тем более что на сухой золе все лошадиные следы почти одинаковы.

— Что же нам делать? — спросил плантатор с отчаянием в голосе.

— Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, но я не могу сопровождать вас. Я должен срочно доставить в форт важное донесение. Если вы потеряете мой след, держитесь так, чтобы солнце было у вас справа, а ваши тени падали налево, под углом около пятнадцати градусов к линии движения. Миль пять двигайтесь прямо вперед. Затем вы увидите верхушку высокого дерева — кипариса. Вы узнаете его по красному цвету. Направляйтесь прямо к этому дереву. Оно стоит на самом берегу реки, недалеко от брода.

Молодой всадник уже натянул поводья и готов был снова ускакать, но что-то заставило его сдержать коня.

Он увидел темные блестящие глаза, глядевшие из-за занавесок кареты, — в первый раз он увидел эти глаза.

Обладательница их скрылась в тени, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть лицо необычайной красоты. Кроме того, он заметил, что прекрасные глаза устремлены в его сторону и что они смотрят на него взволнованно, почти нежно.

Невольно он ответил восхищенным взглядом, но, испугавшись, как бы это не сочли дерзостью, круто повернул коня и снова обратился к плантатору, который только что поблагодарил его за любезность.

— Я не заслуживаю благодарности, — сказал незнакомец, — так как оставляю вас на произвол судьбы, но, к несчастью, я не располагаю свободным временем.

Он посмотрел на часы, как будто сожалея, что ему придется ехать одному.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Пойндекстер. — Я надеюсь, что, следуя вашим советам, мы не собьемся с пути. Солнце нам поможет.

— Боюсь, как бы не изменилась погода. На севере собираются тучи. Через час они могут заслонить солнце... во всяком случае, это произойдет раньше, чем вы достигнете места, откуда виден кипарис... Я не могу вас так оставить... Впрочем, — сказал он после минуты размышления, — я придумал: держитесь следа моего лассо!

Незнакомец снял с седельной луки свернутую веревку и, прикрепив один конец к кольцу на седле, бросил другой на землю. Затем, изящным движением приподняв шляпу, он вежливо поклонился — почти в сторону кареты, — пришпорил лошадь и снова поскакал по прерии.

Лассо, вытянувшись позади лошади ярдов на двенадцать, оставило на испепеленной поверхности прерии полосу, похожую на след проползшей змеи.

— Удивительно странный молодой человек! — сказал плантатор, глядя вслед всаднику, скрывшемуся в облаке черной пыли. — Мне следовало бы спросить его имя.

— Удивительно самодовольный молодой человек, я бы сказал, — пробормотал Колхаун, от которого не ускользнул взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты, так же как и ответный взгляд кузины. — Что касается его имени, то о нем, пожалуй, и не стоило спрашивать. Наверняка он назвал бы вымышленное. Техас переполнен такими франтами, которые, попав сюда, обзаводятся новыми именами, более благозвучными, или же меняют их по каким-нибудь другим причинам.

— Послушай, Кассий, — возразил молодой Пойндекстер, — ты к нему несправедлив. Он, по-моему, человек образованный, джентльмен, вполне достойный носить самое знатное имя.

— «Джентльмен»! Черт возьми, вряд ли! Я никогда не встречал джентльмена, который рядился бы в мексиканские тряпки. Бьюсь об заклад, что это просто какой-нибудь проходимец.

Во время этого разговора прекрасная креолка выглянула из кареты и с нескрываемым интересом провожала глазами удалявшегося всадника.

Не этим ли следует объяснить язвительный тон Колхауна?

— В чем дело, Лу? — спросил он почти шепотом, подъезжая вплотную к карете. — Ты, кажется, очень торопишься? Может быть, ты хочешь догнать этого наглеца? Еще не поздно — я дам тебе свою лошадь.

Девушка откинулась назад, очевидно недовольная не только словами, но и тоном кузена. Но она не показала виду, что рассердилась, и не стала спорить — она выразила свое недовольство гораздо более обидным образом. Звонкий смех был единственным ответом, которым она удостоила кузена.

— Ах, так... Глядя на тебя, я так и подумал, что тут что-то нечисто. У тебя был такой вид, словно ты очарована этим щеголеватым курьером. Он пленил тебя, вероятно, своим пышным нарядом? Но знай, что это всего лишь ворона в павлиньих перьях, и мне, верно, еще придется содрать их с него и, быть может, с куском его собственной кожи.

— Как тебе не стыдно, Кассий! Подумай, что ты говоришь!

— Это тебе надо подумать о том, как ты себя ведешь, Лу. Удостоить своим вниманием какого-то бродягу, ряженого шута! Я не сомневаюсь, что он простой почтальон, нанятый офицерами форта.

— Почтальон, ты думаешь? О, как бы я хотела получать любовные письма из рук такого письмоносца!

— Тогда поспеши и скажи ему об этом. Моя лошадь к твоим услугам.

— Ха-ха-ха! Как же ты несообразителен! Если бы я даже и захотела, шутки ради, догнать этого почтальона прерии, то на твоей ленивой кляче мне это вряд ли удалось бы. Он так быстро мчится на своем гнедом, что, конечно, они оба исчезнут из виду, прежде чем ты успеешь переменить для меня седло. О нет! Мне его не догнать, как бы мне этого ни хотелось.

— Смотри, чтобы отец не услышал тебя!

— Смотри, чтобы он тебя не услышал, — ответила девушка, заговорив теперь уже серьезным тоном. — Хотя ты мой двоюродный брат и отец считает тебя верхом совершенства, я этого не считаю, о нет! Я никогда не скрывала этого от тебя — не так ли?

Колхаун только нахмурился в ответ на это горькое для него признание.

— Ты мой двоюродный брат — и только, — продолжала девушка строгим голосом, резко отличавшимся от того шутливого тона, которым она начала беседу. — Для меня ты больше никто, капитан Кассий Колхаун! И не пытайся, пожалуйста, быть моим советчиком. Только с одним человеком я считаю своим долгом советоваться, и только ему я позволю упрекать себя. А поэтому прошу тебя, мастер[1] Каш, воздержаться от подобных нравоучений. Я никому не стану давать отчет в своих мыслях, так же как и в поступках, до тех пор, пока не встречу достойного человека. Но не тебе быть моим избранником!

---

[1] Мастер — обращение к мальчику из богатой семьи; негры-невольники произносили «масса» и называли так хозяев.

Закончив свою отповедь, девушка снова откинулась на подушки, смерив капитана взглядом, полным негодования и презрения. Потом она задернула занавески кареты, давая этим понять, что больше не желает с ним разговаривать.

Крики возниц вывели капитана из оцепенения. Фургоны снова двинулись в. путь по мрачной прерии, которая едва ли была мрачнее мыслей Кассия Колхауна.

Глава III

ПУТЕВОДНАЯ СТРЕЛКА

Путешественники больше не беспокоились о дороге: след лассо тянулся непрерывной змейкой и был так отчетливо виден, что даже ребенок не сбился бы с пути.

Он не шел по прямой, а извивался между зарослями кустарников. Порой, когда путь лежал по местности, где не было деревьев, он отклонялся в сторону. Делалось это не случайно: в таких местах были глубокие овраги и другие препятствия, — змейка следа огибала их, показывая дорогу фургонам.

— Как это предусмотрительно со стороны молодого человека! — сказал Пойндекстер. — Право, я очень жалею, что мы не узнали его имени. Если он служит в форте, мы еще встретимся с ним.

— Без сомнения! — воскликнул Генри. — И я буду этому очень рад.

Луиза сидела, откинувшись на спинку сиденья, — она слышала разговор между отцом и братом, но ничего не сказала, только в ее взгляде можно было прочесть, что она всем сердцем разделяет надежду брата.

Радуясь скорому окончанию трудного путешествия, а также возможности до захода солнца увидеть свои новые владения, плантатор был в прекрасном настроении. Этот гордый аристократ вдруг удостоил своим снисходительным вниманием всех окружающих: непринужденно болтал с надсмотрщиком, остановился пошутить с дядюшкой Сципионом, едва ковылявшим на покрытых

волдырями ногах, подбодрил тетушку Хлою, которая ехала с младенцем на руках.

«Чудесно! — может воскликнуть посторонний наблюдатель, введенный в заблуждение такой необычайной сценой, столь старательно изображаемой писаками, подкупленными самим сатаной. — В конце концов, как прекрасны патриархальные нравы рабовладельцев! И это после всего, что мы говорили и сделали для уничтожения рабства! Попытка разрушить это древнее здание — достойный краеугольный камень рыцарственной нации — лишь филантропическая блажь, излишняя чувствительность. О вы, фанатики, стремящиеся к уничтожению рабства! Почему вы восстаете против него? Разве вы не знаете, что одни должны страдать, должны работать и голодать, чтобы другие наслаждались роскошью и бездельем? Разве вы не знаете, что одни должны быть рабами, чтобы другие были свободными?»

Эти речи, несущие страдания миллионам, за последнее время раздаются слишком часто. Горе человеку, который произносит их, и нации, которая их слушает!

* * * * * * * * *

Хорошее настроение плантатора, казалось, разделяли все его спутники, за исключением Колхауна. Оно отражалось на лицах невольников, которые считали Пойндекстера источником своего счастья или несчастья — всемогущим почти, как бог.

Они любили его меньше, чем бога, но боялись больше, хотя его нельзя было назвать плохим хозяином — по сравнению с другими рабовладельцами. Он не находил особого удовольствия в истязании своих рабов и был доволен, когда видел, что они сыты и одеты, что кожа их лоснится от жира. Ведь по этим признакам судили о благосостоянии его самого — их господина. Он иногда учил их плетью — уверяя, что это оказывает на них благотворное действие, — однако на коже его невольников не было ни одного рубца от жестоких истязаний, а этим мог похвастаться далеко не всякий рабовладелец штата Миссисипи.

Стоит ли удивляться, что в обществе такого «примерного» хозяина все были в хорошем настроении и даже невольники, заразившись общей радостью, принялись весело болтать!

Однако благодушное настроение длилось недолго. Оно было прервано не внезапно и не по вине тех, кто его разделял: причиной были обстоятельства, которые от них не зависели.

Как и предсказал незнакомец, солнце скрылось раньше, чем показался кипарис.

Но это не должно было бы вызвать беспокойства: след лассо был по-прежнему хорошо виден, и ориентироваться по солнцу не было необходимости. Однако тучи, затянувшие небо, угнетающе подействовали на путников.

— Можно подумать, что уже наступили вечерние сумерки, — сказал плантатор, вынимая свои золотые часы, — а между тем всего лишь три часа. Наше счастье, что этот молодой человек помог нам. Если бы не он, мы до заката проплутали бы по этой выжженной прерии. Пожалуй, пришлось бы заночевать прямо на пепле...

— Ну и черная была бы постель! — шутливо отозвался Генри, чтобы придать разговору более веселый характер. — Ух, и страшные бы я видел сны, если бы пришлось так спать!

— И я тоже, — добавила сестра, выглядывая из-за занавесок и всматриваясь в даль. — Я уверена, что мне приснились бы Плутон [1] и Прозерпина [2] в аду.

— Хи-хи-хи! — осклабился черный кучер, числившийся в книгах плантаций как Плутон Пойндекстер. — Мисса Луи увидит меня во сне на этой черной прерии! Вот чудно́ так чудно́! Хи-хи-хи!

— Слишком рано вы начали смеяться, — раздался мрачный голос капитана, подъехавшего во время этого разговора. — Смотрите, как бы вам и в самом деле не пришлось ночевать в этой черной прерии! Хорошо, если не случится еще чего-нибудь похуже.

---

[1] Плутон — в древнегреческой мифологии бог ада.
[2] Прозерпина — богиня ада.

— Что ты хочешь этим сказать, Каш? — спросил плантатор.

— Я хочу сказать, дядя, что этот молодчик обманул нас. Я не могу еще этого утверждать, но похоже, что дело скверно. Мы проехали уже больше пяти миль... около шести, должно быть, а где же кипарис, о котором он говорил? Кажется, у меня зрение не хуже, чем у других, но, как я ни всматривался в даль, я не обнаружил никакого дерева.

— Но зачем же ему обманывать нас?

— Ах, «зачем»! В том-то и дело, что у него может быть для этого немало причин.

— Назови нам хотя бы одну из них, — раздался серебристый голос из кареты, — мы с интересом послушаем.

— Еще бы: ты будешь слушать с особым интересом все, что касается этого субъекта, — иронически ответил Колхаун, — а если я выскажу свои соображения, ты со свойственной тебе снисходительностью назовешь это ложной тревогой!

— Это будет зависеть от того, что ты скажешь, мастер Кассий. Мне кажется, что тебе следует испытать нас. Не можем же мы думать, что ты, военный и такой опытный путешественник, поддался ложной тревоге!

Колхаун понял злую насмешку и, вероятно, воздержался бы от дальнейших объяснений, если бы на этом не настоял Пойндекстер.

— Послушай, Кассий, объясни же, в чем дело? — серьезно спросил плантатор. — То, что ты нам сказал, вызывает больше чем простое любопытство. Какую цель мог преследовать этот молодой человек, давая нам ложные указания?

— Ну что же, дядя... — сказал Колхаун не столь заносчиво, как раньше, — я ведь не утверждаю этого, я только высказываю свое предположение.

— Какое же?

— Ну, мало ли что может случиться! В этих прериях нередко нападают на караваны — и не только на такие, как наш, но и на караваны посильнее нашего, — грабят и убивают.

— Упаси боже! — с притворным испугом воскликнула Луиза.

— Индейцы? — сказал Пойндекстер.

— Иногда бывает, что и индейцы, но часто за индейцев выдают себя белые, и не только мексиканцы. Для этого нужно лишь немного коричневой краски, парик из лошадиного хвоста, несколько перьев для головного убора и побольше наглости. Если нас ограбит банда «белых индейцев», — а это не раз случалось, — то винить нам будет некого, кроме самих себя: мы будем лишь наказаны за наивную доверчивость к первому встречному.

— Боже мой, Кассий! Ведь это серьезное обвинение. Неужели ты хочешь сказать, что этот курьер — если он действительно курьер — заманивает нас в западню?

— Нет, дядя, я этого не говорю. Я только говорю, что такие вещи бывали; возможно, он нас и заманивает...

— Возможно, но маловероятно, — раздался из кареты голос, полный язвительной насмешки.

— Нет, — воскликнул Генри, который хотя и ехал немного впереди, но слышал весь разговор, — твои подозрения несправедливы, Кассий! Это клевета. И я могу это тебе доказать. Посмотри-ка сюда.

Юноша сдержал лошадь, указывая на предмет у края тропы, который он перед этим внимательно рассматривал. Это был колоннообразный кактус; его зеленый, сочный ствол уцелел от огня.

Но Генри Пойндекстер обращал внимание своих спутников не на самое растение, а на небольшую белую карточку, наколотую на один из его шипов. Тот, кто знаком с обычаями цивилизованного общества, сразу узнал бы, что это визитная карточка.

— Посмотрим, что там написано, — сказал юноша, подъезжая ближе; он прочитал вслух: — «Кипарис виден».

— Где? — спросил Пойндекстер.

— Здесь нарисована рука, — ответил Генри. — Нет сомнения, что палец указывает на кипарис.

Все стали смотреть в направлении, обозначенном на карточке.

Если бы светило солнце, кипарис можно было бы увидеть с первого же взгляда. Но еще недавно синее, небо теперь стало свинцово-серым, и, сколько путешественники ни напрягали зрение, на горизонте нельзя было разглядеть ничего, напоминающего верхушку дерева.

— Ничего там нет, — уверенным тоном заявил Колхаун. — Я убежден, что это лишь новая хитрость этого бродяги.

— Ты ошибаешься, — ответил голос, который так часто противоречил Кассию. — Посмотри в бинокль. Если тебе не изменило твое превосходное зрение, ты увидишь на горизонте что-то очень похожее на дерево, на высокое дерево — наверно, это кипарис. Ведь я никогда не видела кипариса на болотах Луизианы.

Колхаун не захотел взять бинокль из рук кузины — он знал, что Луиза говорит правду, и ему не надо было лишних доказательств.

Тогда Пойндекстер взял бинокль, наладил его по своим близоруким глазам и отчетливо увидел кипарис, возвышавшийся над прерией.

— Правильно, — сказал он, — кипарис виден. Незнакомец оказался честным человеком. Ты был к нему несправедлив, Каш. Мне не верилось, чтобы он мог сыграть над нами такую злую шутку... Слушайте, мистер Сансом! Отдайте распоряжение возницам — надо двигаться дальше.

Колхаун злобно пришпорил лошадь и поскакал по прерии; ему больше не хотелось ни разговаривать, ни оставаться в обществе своих спутников.

— Дай мне посмотреть на эту карточку, Генри, — тихо сказала Луиза. — Мне хочется увидеть стрелку, которая так помогла нам. Сними ее оттуда — незачем оставлять ее на кактусе, раз мы увидели дерево.

Генри исполнил просьбу сестры, ни на минуту не задумавшись над ее тайным смыслом.

Он снял карточку с кактуса и бросил ее на колени Луизе.

— Морис Джеральд! — прошептала креолка, увидя на обратной стороне имя. — Морис Джеральд! — повторила она взволнованно, пряча карточку на груди. —

Кто бы ты ни был, откуда бы ты ни пришел, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал, с этих пор у нас одна судьба! Я чувствую это — я знаю это так же ясно, как вижу небо над собой! О, какое грозное небо! Не будет ли такой же моя неизвестная судьба?

Глава IV

ЧЕРНЫЙ НОРД

Словно зачарованная сидела Луиза во власти своих грез. Она сжимала виски тонкими пальцами, и, казалось, все силы ее души были устремлены на то, чтобы понять прошлое и проникнуть в будущее.

Однако ее мечты скоро были прерваны. Она услыхала возгласы, в которых слышалась тревога.

Луиза узнала обеспокоенный голос брата:

— Посмотри, отец! Разве ты их не видишь?

— Где, Генри, где?

— Там, позади фургонов... Теперь ты видишь?

— Да, я что-то вижу, но я не могу понять, что это такое. Они выглядят, как... — Пойндекстер на минуту остановился озадаченный. — Я, право, не понимаю, что это такое...

— Водяные смерчи? — подсказал Колхаун, который, увидев странное явление, снизошел до того, чтобы присоединиться к компании, собравшейся около кареты. — Но этого не может быть — мы слишком далеко от моря. Я никогда не слыхал, чтобы они появлялись в прерии.

— Что бы это ни было, но они движутся, — сказал Генри. — Смотрите! Они приближаются друг к другу и снова расходятся. Если бы не это, можно было бы принять их за огромные обелиски из черного мрамора.

— Великаны или черти! — смеясь, заметил Колхаун. — Сказочные чудовища, которым вздумалось прогуляться по этой жуткой прерии.

Капитан в отставке с трудом заставлял себя шутить. Как и всех остальных, его угнетало тяжелое предчувствие.

И неудивительно.

С северной стороны над прерией внезапно появилось несколько совершенно черных колонн — их было около десяти. Ничего подобного никто из путешественников никогда раньше не видел. Эти огромные столбы то стояли неподвижно, то скользили по обугленной земле, как великаны на коньках, изгибаясь и наклоняясь друг к другу, словно в фантастических фигурах какого-то странного танца. Представьте себе легендарных титанов, которые ожили на прерии Техаса и плясали в неистовой вакханалии.

Было вполне естественно, что путешественников охватила тревога, когда они заметили это невиданное явление, никому из них не известное. Все были уверены, что надвигается стихийное бедствие.

При первом же появлении этих загадочных фигур обоз остановился; негры-пешеходы, так же как и возницы, вскрикнули от ужаса; лошади заржали, дрожа от страха; мулы пронзительно заревели.

Со стороны черных башен доносился какой-то гул, похожий на шум водопада, по временам прерывавшийся треском как бы ружейного выстрела или раскатом отдаленного грома.

Шум нарастал, становился более отчетливым. Неведомая опасность приближалась.

Путешественники остолбенели от ужаса, и Колхаун не составил исключения — он уже больше не пытался шутить. Все взоры обратились на свинцовые тучи, заволакивающие небо, и на черные громады, которые приближались, казалось, для того, чтобы раздавить путников.

В эту гнетущую минуту вдруг раздался крик с противоположной стороны, и, хотя в нем слышалась тревога, он все же нес успокоение.

Обернувшись, путники увидели всадника, мчащегося к ним во весь опор.

Лошадь была черная, как сажа, такого же цвета был и всадник, не исключая лица. Но, несмотря на это, его узнали: это был тот самый незнакомец, по следу которого они ехали.

Девушка в карете первая узнала его.

— Вперед! — воскликнул незнакомец, приблизившись к каравану. — Вперед, вперед! Как можно скорее...

— Что это такое? — растерянно спросил плантатор, охваченный страхом. — Нам грозит опасность?

— Да. Я не ждал этого, когда оставил вас. Только достигнув реки, я увидел грозные признаки.

— Чего, сэр?

— Норда.

— Вы так называете бурю?

— Да.

— Я никогда не слыхал, что норд может быть опасен — разве только кораблям на море, — вмешался Колхаун. — Я, конечно, знаю, что он несет с собою пронизывающий холод, но...

— Не только холод, сэр. Он принесет кое-что похуже, если вы не поспешите укрыться от него... Мистер Пойндекстер, — обратился всадник к плантатору нетерпеливо и настойчиво, — вы и все ваши люди в опасности. Норд не всегда бывает страшен, но этот... Взгляните! Вы видите эти черные смерчи?

— Мы смотрим на них и не можем понять, что это такое...

— Это вестники бури, и сами по себе они не опасны. Но посмотрите вон туда... Видите ли вы эту черную тучу, заволакивающую небо?.. Вот чего вам надо бояться! Я не хочу пугать вас, но должен сказать, что она несет с собой смерть. Она движется сюда. Спасение только в быстроте. Поторопитесь, а то будет поздно. Через десять минут она будет здесь — и тогда... Скорее, сэр, умоляю вас! Прикажите вашим возницам погонять изо всех сил. Само небо велит вам!

Подчиняясь этим настойчивым требованиям, плантатор отдал распоряжение двигаться и гнать обоз с предельной скоростью.

Ужас, который обуял как животных, так и возниц, сделал излишним вмешательство кнутов.

Карета и всадники по-прежнему ехали впереди. Незнакомец держался позади, как бы охраняя караван.

Время от времени он натягивал поводья, оглядывался и каждый раз проявлял все бо́льшую тревогу.

Заметив это, плантатор подъехал к нему и спросил:

— Опасность еще не миновала?

— К сожалению, не могу вам сказать ничего утешительного. Я рассчитывал, что ветер переменит направление.

— Ветер? Я не замечаю никакого ветра.

— Не здесь. Вон там страшный ураган, и он несется прямо к нам... Боже мой, он приближается с невероятной быстротой! Вряд ли мы успеем пересечь выжженную прерию...

— Что же делать? — воскликнул плантатор в ужасе.

— Нельзя ли заставить ваших мулов бежать еще быстрее?

— Нет, они и так уже выбиваются из сил.

— В таком случае, я боюсь, что ураган настигнет нас...

Высказав это мрачное предположение, всадник обернулся еще раз и посмотрел на черные смерчи, как бы определяя скорость их движения.

Складки, которые обозначились вокруг его рта, выдали что-то более серьезное, чем недовольство.

— Да, уже поздно! — воскликнул он, вдруг прервав свои наблюдения. — Они движутся быстрее нас, гораздо быстрее... Нет надежды уйти от них!

— Боже мой, сэр! Разве опасность так велика? Неужели мы не можем ничего сделать, чтобы избежать ее? — спросил плантатор.

Незнакомец ответил не сразу. Несколько мгновений он молчал, как будто о чем-то напряженно думая, — он уже больше не смотрел на небо, взгляд его блуждал по фургонам.

— Неужели же нет никакой надежды? — повторил плантатор.

— Нет, есть! — радостно ответил всадник; казалось, какая-то счастливая мысль озарила его. — Надежда есть. Я не подумал об этом раньше. Нам не удастся уйти от бури, но избежать опасности мы можем. Быстрее, мистер Пойндекстер! Отдайте распоряжение вашим лю-

дям окутать головы лошадей и мулов, иначе животные будут ослеплены и взбесятся. Одеяла, платки — все годится. Когда это будет сделано, пусть все забираются в фургоны. Нужно только, чтобы навесы были плотно закрыты со всех сторон. О карете я позабочусь сам.

Сделав эти указания, всадник поскакал вперед, в то время как Пойндекстер с надсмотрщиком отдавали необходимые распоряжения возницам.

— Сударыня, — подъезжая к карете, сказал всадник со всей любезностью, какую позволяли обстоятельства, — вы должны задернуть все занавески. Ваш кучер пусть войдет в карету... И вы также, господа, — сказал он, обращаясь к Генри, Колхауну и только что подъехавшему Пойндекстеру. — Места всем хватит. Только скорее, умоляю вас! Не теряйте времени. Через несколько минут буря разразится над нами.

— А вы, сэр? — с искренней озабоченностью спросил плантатор человека, который столько сделал, чтобы избавить их от грозящей беды. — Как же вы?

— Обо мне не беспокойтесь: я знаю, что́ надвигается. Не впервые я встречаюсь с этим... Прячьтесь, прячьтесь, умоляю вас! Нельзя терять ни секунды. Вы слышите завывание? Скорее, пока на нас не налетела пылевая туча!

Плантатор и Генри быстро соскочили с лошадей и вошли в карету. Колхаун упрямо продолжал сидеть в седле. Почему он должен бояться какой-то воображаемой опасности, от которой не прячется этот человек в мексиканском костюме?

Незнакомец велел надсмотрщику залезть в ближайший фургон, чему тот беспрекословно повиновался. Теперь можно было подумать и о себе.

Молодой человек быстро развернул свое серапе — оно было прикреплено к седлу, — набросил его на голову лошади, обмотал концы вокруг ее шеи и завязал узлом. С не меньшей ловкостью он развязал свой шарф из китайского шелка и обтянул его вокруг шляпы, заткнув один конец за ленту, а другой спустив вниз,—таким образом, получилось нечто вроде шелкового забрала.

— Сударыня, — подъезжая к карете, сказал

Прежде чем совсем закрыть лицо, он еще раз обернулся к карете и, к своему удивлению, увидел, что Колхаун все еще сидит верхом на лошади. Поборов в себе невольную антипатию к этому человеку, незнакомец настойчиво сказал:

— Спрячьтесь же, сэр, умоляю вас! Иначе через десять минут вас не будет в живых.

Колхаун повиновался: признаки надвигающейся бури были слишком очевидны; с показной медлительностью он слез с седла и забрался в карету, под защиту плотно задернутых занавесок.

. . . .

То, что произошло дальше, с трудом поддается описанию. Никто не видел зрелища разыгравшейся стихии, так как никто не смел взглянуть на него. Но, если бы кто-нибудь и осмелился, он все равно ничего не увидел

всадник, — вы должны задернуть занавески.

бы. Через пять минут после того, как были обвязаны головы мулов, караван окутала кромешная тьма.

Путешественники видели лишь самое начало урагана. Один из надвигавшихся смерчей, натолкнувшись на фургон, рассыпался густой черной пылью — казалось, что с неба пошел пороховой дождь. Но это было лишь начало.

Ненадолго показался просвет, и путников обдало горячим воздухом, словно из жерла печи. Затем со свистом и воем подул порывистый ветер, неся леденящий холод; завывания его были так оглушительны, что, казалось, все трубы Эола[1] возвещают о появлении Короля Бурь.

Через мгновение норд настиг караван, и путешественники, остановившиеся на субтропической равнине,

[1] Эол — в греческой мифологии бог ветра.

попали в мороз, подобный тому, который сковывает ледяные горы на Ледовитом океане.

Все окутал мрак, ничего не было слышно, кроме свиста ветра и его глухого рева, когда он налетал на навесы фургонов.

Мулы, инстинктивно повернувшись к нему задом, стояли притихшие. Голоса людей, взволнованно разговаривавших в карете и фургонах, заглушались воем урагана.

Все щели были закрыты, потому что стоило только высунуться из-за полотняного навеса, как можно было задохнуться. Воздух был весь насыщен пеплом, поднятым бушующим ветром с выжженной прерии и превращенным в мельчайшую смертоносную пыль.

Больше часа носились в воздухе черные облака пепла; все это время путешественники просидели, не смея выглянуть наружу.

Наконец около самых занавесок кареты раздался голос незнакомца.

— Теперь можно выйти, — сказал он, отбрасывая шелковый шарф со своего лица. — Буря не прекратилась, она будет длиться до конца вашего путешествия и еще дня три. Но бояться больше нечего. Пепел весь сметен. Он пронесся вперед, и вряд ли вы настигнете его по эту сторону Рио-Гранде.

— Сэр, — сказал плантатор, поспешно спускаясь по ступенькам кареты, — мы вам обязаны...

— ...жизнью! — воскликнул Генри, найдя нужное слово. — Я надеюсь, сэр, что вы окажете нам честь назвать свое имя.

— Морис Джеральд, — ответил незнакомец. — Хотя в форту меня обычно называют Морисом-мустангером[1].

— Мустангер! — презрительно пробормотал Колхаун, но настолько тихо, что услышать его могла только Луиза.

«Всего лишь мустангер», — разочарованно подумал про себя аристократ Пойндекстер.

---

[1] Мустангер — охотник за дикими лошадьми, мустангами.

— Теперь я вам больше не нужен. Дорогу вы найдете без меня и моего лассо, — сказал охотник за дикими лошадьми. — Кипарис виден, держите прямо на него. Перейдя реку, вы увидите флаг, развевающийся над фортом. Вы успеете закончить путешествие до наступления темноты. Я же спешу и должен распрощаться с вами.

Если мы вообразим себе сатану верхом на адском коне, то довольно точно представим себе Мориса-мустангера, когда он во второй раз покидал плантатора и его спутников.

Однако ни запачканное пеплом лицо, ни скромная профессия не могли уронить мустангера в глазах Луизы Пойндекстер — он уже завоевал ее сердце.

Когда Луиза услышала его имя, она прижала карточку к груди и в задумчивости прошептала так тихо, что никто, кроме нее самой, не мог услышать:

— Морис-мустангер, ты покорил сердце креолки! Боже мой, боже мой! Он слишком похож на Люцифера[1], могу ли я презирать его!

Глава V

ЖИЛИЩЕ ОХОТНИКА ЗА МУСТАНГАМИ

Там, где Рио-де-Нуэсес (Ореховая река) собирает свои воды из сотни речек и ручейков, испещряющих карту, словно ветви большого дерева, лежат удивительно живописные места. Это холмистая прерия, по которой разбросаны дубовые и ореховые рощи, то здесь, то там вдоль берегов сливающиеся в сплошные зеленые массивы леса.

Местами этот лес сменяется густыми зарослями, где среди всевозможных видов акации растет копайский бальзам, креозотовый кустарник, дикое алоэ; там же встречаются экзотическое растение цереус, всевозможные кактусы и древовидная юкка.

---

[1] Люцифер — по преданию, архангел, восставший против бога и низвергнутый в ад.

Эти колючие растения не радуют земледельца, потому что они обычно растут на тощей земле; зато для ботаника и любителя природы здесь много привлекательного — особенно когда цереус раскрывает свои огромные, словно восковые цветы, или же фукиера, высоко поднявшись над кустарником, выбрасывает, словно развернутый флаг, свое великолепное алое соцветие.

Но есть там и плодородные места, где на известково-черноземной почве растут высокие деревья с пышной листвой: индейское мыльное дерево, гикори[1], вязы, дубы нескольких видов, кое-где встречаются кипарисы и тополя; этот лес переливается всеми оттенками зелени, и его по справедливости можно назвать прекрасным.

Ручьи в этих местах кристально чисты — они отражают сапфировую синеву неба. Облака почти никогда не заслоняют солнце, луну и звезды. Здесь не знают болезней — ни одна эпидемия не проникла в эти благословенные места.

Но цивилизованный человек еще не поселился здесь, и по-прежнему лишь одни краснокожие команчи[2] пробираются по запутанным лесным тропам, и то лишь когда верхом на лошадях они отправляются в набег на поселения Нижней Нуэсес, или Леоны. Неудивительно, что дикие звери избрали эти глухие места своим пристанищем. Нигде во всем Техасе вы не встретите столько оленей и пугливых антилоп, как здесь. Кролики все время мелькают перед вами; немного реже попадаются на глаза дикие свиньи, хорьки, суслики.

Красивые пестрые птицы оживляют ландшафт. Перепела, шурша крыльями, взвиваются к небу; королевский гриф парит в воздухе; дикий индюк огромных размеров греет на солнце свою блестящую грудь у опушки ореховой рощи; а среди перистых акаций мелькает длинный, похожий на ножницы хвост птицы-портнихи, которую местные охотники называют «райской птицей».

Великолепные бабочки то порхают в воздухе, широ-

---

[1] Гикори — американское ореховое дерево.
[2] Команчи — индейское племя.

ко расправив крылья, то отдыхают на цветке и тогда кажутся его лепестками. Огромные бархатистые пчелы жужжат среди цветущих кустарников, оспаривая право на сладкий сок у колибри, которым они почти не уступают в величине.

Однако не все обитатели этих прекрасных мест безвредны. Нигде во всей Северной Америке гремучая змея не достигает таких размеров, как здесь; она прячется среди густой травы вместе с еще более опасной мокасиновой змеей. Здесь жалят ядовитые тарантулы, кусают скорпионы; а многоножке достаточно проползти по коже, чтобы вызвать лихорадку, которая может привести к роковому концу.

По лесистым берегам рек бродят пятнистый оцелот, пума[1] и их могучий родич—ягуар; именно здесь проходит северная граница его распространения.

По опушкам лесных зарослей скрывается тощий техасский волк, одинокий и молчаливый, а его сородич, трусливый койот, рыщет на открытой равнине с целой стаей своих собратьев.

В этой же прерии, где рыскают такие свирепые хищники, на ее сочных пастбищах пасется самое благородное и прекрасное из всех животных, самый умный из всех четвероногих друзей человека — лошадь.

Здесь живет она, дикая и свободная, не знающая капризов человека, незнакомая с уздой и удилами, с седлом и вьюком.

Но даже в этих заповедных местах ее не оставляют в покое. Человек охотится за ней и укрощает ее. Здесь была поймана и приручена прекрасная дикая лошадь. Она попалась в руки молодому охотнику за лошадьми Морису-мустангеру.

* * * * * * * * *

На берегу Аламо, кристально чистого притока Рио-де-Нуэсес, стояло скромное, но живописное жилище, одно из тех, каких много в Техасе.

---

[1] Оцелот и пума (кугуар) — хищники из семейства кошачьих.

Это была хижина, построенная из расщепленных пополам стволов древовидной юкки, вбитых стоймя в землю, с крышей из штыковидных листьев этой же гигантской лилии.

Щели между жердями, вопреки обычаям западного Техаса, были не замазаны глиной, а завешены с внутренней стороны хижины лошадиными шкурами, которые были прибиты не железными гвоздями, а шипами мексиканского столетника.

Окаймлявшие речную долину обрывы изобиловали растительностью, послужившей строительным материалом для хижины, — юккой, агавой и другими неприхотливыми растениями; а внизу плодородная долина на много миль была покрыта прекрасным лесом, где росли тутовые деревья, гикори и дубы. Лесная полоса, собственно, ограничивалась долиной реки; вершины деревьев едва достигали верхнего края обрыва.

В массив леса со стороны реки местами вдавались небольшие луга, или саванны, поросшие сочнейшей травой, известной у мексиканцев под названием «грама».

На одной из таких полукруглых полянок — у самой реки — приютилось описанное нами незамысловатое жилище; стволы деревьев напоминали колонны, поддерживающие крышу лесного театра.

Хижина стояла в тени, спрятанная среди деревьев. Казалось, это укромное место было выбрано не случайно. Ее можно было видеть только со стороны реки, и то лишь в том случае, если встать прямо против нее. Примитивная простота постройки и поблекшие краски делали ее еще более незаметной.

Домик был величиной с большую палатку. Кроме двери, в нем не было других отверстий, если не считать трубы небольшого очага, сложенного у одной из стен. Деревянная рама двери была обтянута лошадиной шкурой и навешена при помощи петель, сделанных из такой же шкуры.

Позади хижины находился навес, подпертый шестью столбами и покрытый листьями юкки; он был обнесен небольшой изгородью из поперечных жердей, привязанных к стволам соседних деревьев.

Такой же изгородью был обнесен участок леса около акра величиной, расположенный между хижиной и отвесным берегом реки. Земля там была изрыта и испещрена множеством отпечатков копыт и местами совершенно утоптана; нетрудно было догадаться, что это кораль: загон для диких лошадей — мустангов.

Действительно, внутри этого загона находилось около десятка лошадей. Их дикие, испуганные глаза и порывистые движения не оставляли сомнения в том, что они только недавно пойманы и что им нелегко переносить неволю.

Убранство хижины не лишено было некоторого уюта и комфорта. Стены украшал сплошной ковер из мягких блестящих шкур мустангов. Шкуры — черные, гнедые, пегие и белоснежные — радовали глаз: видно было, что их подобрал человек со вкусом.

Мебель была чрезвычайно проста: кровать — обтянутые лошадиной шкурой козлы, два самодельных табурета — уменьшенная разновидность того же образца, и простой стол, сколоченный из горбылей юкки, — вот и вся обстановка. В углу виднелось что-то вроде второй постели — она была сооружена из тех же неизбежных лошадиных шкур.

Совершенно неожиданными в этой скромной хижине были полка с книгами, перо, чернила, почтовая бумага и газеты на столе.

Здесь были еще другие вещи, не только напоминавшие о цивилизации, но говорившие даже об утонченном вкусе: прекрасный кожаный сундучок, двуствольное ружье, серебряный кубок чеканной работы, охотничий рог и серебряный свисток.

На полу стояло несколько предметов кухонной утвари, преимущественно жестяных; в углу — большая бутыль в ивовой плетенке, содержащая, по-видимому, напиток, более крепкий, чем вода из Аламо.

Остальные вещи были здесь более уместны: мексиканское, с высокой лукой, седло, уздечка с оголовьем из плетеного конского волоса, такие же поводья, два или три серапе, несколько мотков сыромятного ремня.

Таково было жилище мустангера, таково было его

внутреннее устройство и все, что в нем находилось, — за исключением двух его обитателей.

На одном из табуретов посреди комнаты сидел человек, который никак не мог быть самим мустангером. Он совсем не был похож на хозяина. Наоборот, по всей его внешности — по выражению привычной покорности — можно было безошибочно сказать, что это слуга.

Однако он вовсе не был плохо одет и не производил впечатление человека голодного или вообще обездоленного. Это был толстяк с копной рыжих волос и с красным лицом; на нем был костюм из грубой ткани — наполовину плисовый, наполовину вельветовый. Из плиса были сшиты его штаны и гетры; а из вельвета, когда-то бутылочно-зеленого цвета, но уже давно выцветшего и теперь почти коричневого, — охотничья куртка с большими карманами на груди. Фетровая шляпа с широкими опущенными полями довершала костюм этого человека, если не упомянуть о грубой коленкоровой рубашке с небрежно завязанным вокруг шеи красным платком и об ирландских башмаках.

Не только ирландские башмаки и плисовые штаны выдавали его национальность. Его губы, нос, глаза, вся его внешность и манеры говорили о том, что он ирландец.

Если бы у кого-нибудь и возникло сомнение, то оно сразу рассеялось бы, стоило толстяку открыть рот, чтобы начать говорить — что он и делал время от времени, — с таким произношением говорят только в графстве Голуэй. Можно было подумать, что ирландец разговаривает сам с собой, так как в хижине, кроме него, как будто никого не было. Однако это было не так. На подстилке из лошадиной шкуры перед тлеющим очагом, уткнувшись носом в золу, лежала большая собака. Казалось, она понимала язык своего собеседника. Во всяком случае, человек обращался к ней, как будто ждал, что она поймет каждое слово.

— Что, Тара, сокровище мое, — воскликнул человек в плисовых штанах, — хочешь назад в Баллибаллах? Небось рада бы побегать во дворе замка по чис-

тым плитам! И подкормили бы тебя там как полагается, а то, глянь-ка, кожа да кости — все ребра пересчитаешь. Дружочек ты мой, мне и самому туда хочется! Но кто знает, когда молодой хозяин решит вернуться в родные места! Ну ничего, Тара! Он скоро поедет в поселок, старый ты мой пес, обещал и нас захватить — и то ладно. Черт побери! Вот уже три месяца, как я не был в форту. Может, там я и встречу какого-нибудь дружка среди ирландских солдат, которых сюда на днях прислали. Ну уж и выпьем тогда! Верно, Тара?

Услышав свое имя, собака подняла голову и фыркнула, как будто хотела сказать «да».

— Да и теперь бы неплохо промочить горло, — продолжал ирландец, бросая жадный взгляд в сторону бутыли. — Только бутыль-то ведь уже почти пустая, и молодой хозяин может хватиться. Да и нечестно пить не спросясь. Правда, Тара?

Собака опять подняла морду над золой и опять фыркнула.

— Ведь ты в прошлый раз сказала «да»? И теперь говоришь то же самое? А, Тара?

Собака снова издала тот же звук, который мог быть вызван либо небольшой простудой, либо пеплом, который попадал ей в ноздри.

— Опять «да»? Так и есть! Вот что эта немая тварь хочет сказать! Не соблазняй меня, старый воришка! Нет-нет, ни капли виски. Я только выну пробку из бутыли и понюхаю. Наверняка хозяин ничего не узнает; а если бы даже и узнал — он не рассердится. Только понюхать — это ведь не беда.

С этими словами ирландец встал и направился в угол, где стояла бутыль.

Несмотря на все заверения, в его движениях было что-то вороватое — то ли он сомневался в своей честности, то ли сомневался, хватит ли у него силы воли противостоять соблазну.

Он постоял немного, прислушиваясь, обернувшись к двери; потом поднял соблазнявший его сосуд, вытащил пробку и поднес горлышко к носу.

Несколько секунд он оставался в этой позе; среди

тишины только время от времени раздавалось фырканье, подобное тому, которое издавала собака и которое ирландец истолковывал как утвердительный ответ на свои сомнения. Этот звук выражал удовольствие от ароматного крепкого напитка.

Однако это успокоило его лишь на короткое время; постепенно дно бутылки поднималось все выше, а горлышко с той же скоростью опускалось прямо к вытянутым губам.

— Черт побери! — воскликнул ирландец еще раз, взглянув украдкой на дверь. — Плоть и кровь не устоят против запаха этого чудесного виски — как не попробовать его! Куда ни шло! Я только одну каплю, лишь бы смочить кончик языка. Может быть, обожгу язык... ну да ладно.

И горлышко бутыли пришло в соприкосновение с губами; но, очевидно, дело шло не о «капле, чтобы смочить кончик языка», — послышалось бульканье убывающей жидкости, говорившее о том, что ирландец, видно, решил промочить как следует всю гортань и даже больше.

Чмокнув с удовлетворением несколько раз, он заткнул бутыль пробкой, поставил ее на место и снова уселся на свой стул.

— Ах ты, старая плутовка, Тара! Это ты ввела меня в искушение. Ну ничего, хозяин не узнает. Все равно он скоро поедет в форт и сможет сделать новый запас.

Несколько минут ирландец сидел молча. Думал ли он о своем проступке или просто наслаждался действием алкоголя, — кто знает?

Вскоре он опять заговорил:

— И что это мастера Мориса так тянет в поселок? Он сказал, что отправится туда, как только поймает крапчатого мустанга. И на что ему вдруг так понадобилась эта лошадка? Это неспроста. Хозяин уже три раза охотился за ней и не смог набросить веревку на шею этой дикой твари, — а ведь сам-то был на гнедом, вот как! Он говорит, что разобьется в лепешку, а все-таки поймает ее, ей-богу! Скорее бы уж, а то как бы не

пришлось нам с тобой проторчать здесь до того самого утра, когда начнется Страшный суд... Шш! Кто там?

Это восклицание вырвалось у ирландца потому, что Тара соскочила со своей подстилки и с лаем бросилась к двери.

— Фелим! — раздался голос снаружи. — Фелим!

— Вот и хозяин, — пробормотал Фелим, вскакивая со стула и направляясь следом за собакой к выходу.

Глава VI

КРАПЧАТЫЙ МУСТАНГ

Фелим не ошибся: это был голос его хозяина, Мориса Джеральда.

Выйдя за дверь, слуга увидел приближающегося мустангера. Как и следовало ожидать, он возвращался домой верхом на своей лошади; но теперь гнедой, весь мокрый от пота, казался почти черным, бока и шея у него были взмылены.

Гнедой был не один. На туго натянутом, привязанном к седельной луке лассо он вел за собой товарища — вернее, пленника. Кожаный ремень, туго обхватывавший челюсть пойманного мустанга, придерживался другим прикрепленным к нему ремнем, который был переброшен через голову на шею, непосредственно за ушами животного.

Это был мустанг совершенно необычайной окраски. Даже среди огромных табунов, пасущихся в прериях, где встречаются лошади самых неожиданных мастей, такая масть была редкой.

Лошадь была темно-шоколадного цвета с белыми пятнами, разбросанными так же равномерно, как темные пятна на шкуре ягуара. Оригинальная окраска лошади сочеталась с безупречным сложением. Она была широкогруда, с крутыми боками, стройными тонкими ногами и головой, которая могла бы служить образцом лошадиной красоты; крупная для мустанга, она была гораздо меньше обыкновенной английской лошади, да-

же меньше гнедого — тоже мустанга, который помог захватить ее в плен.

Красавица лошадь была кобылой; она принадлежала к табуну, который любил пастись у истоков Аламо, где мустангер три раза безуспешно преследовал ее.

Только на четвертый раз Морису посчастливилось. Чем вызвано неудержимое желание поймать именно эту лошадь, оставалось тайной мустангера.

Фелим еще ни разу не видел своего хозяина таким довольным — даже когда Морис возвращался с охоты, как это часто бывало, с пятью или шестью пойманными мустангами.

И никогда еще Фелим не видел такой красивой пленницы, как крапчатая кобыла. Ею залюбовался бы и не такой знаток лошадиной красоты, как бывший грум замка Баллах.

— Гип, гип, ура! — закричал Фелим, как только увидел пленницу, и подбросил вверх свою шляпу. — Слава пресвятой деве и святому Патрику [1], мистер Морис поймал наконец крапчатую! Это кобыла, черт возьми! Ну и лошадка!.. Не диво, что вы так гонялись за ней. Ей-богу! У нас на ярмарке в Баллиносло мы могли бы заломить за нее любую цену, и ее бы у нас все равно с руками оторвали. Ну и лошадка!.. Куда же мы ее поставим? В кораль со всеми?

— Нет, там ее могут залягать. Привяжем лучше под навесом. Кастро, как гостеприимный хозяин, уступит ей свое место, а сам проведет ночь под открытым небом. Видел ли ты, Фелим, когда-нибудь такую красавицу... я хотел сказать — такую красивую лошадь?

— Никогда, мистер Морис, никогда в жизни! А я видел много породистых лошадок в Баллибаллахе. У, прелесть, так бы и съел ее! Только у нее такой вид, что она сама, того и гляди, кого-нибудь съест. Вы ее еще совсем не объезжали?

— Нет, Фелим, я займусь ею, когда у меня будет побольше времени. Это надо сделать как следует. Ведь страшно испортить такое совершенство. Я начну объезжать ее, когда отведу в поселок.

[1] Святой Патрик считался покровителем Ирландии.

— А когда вы туда собираетесь?

— Завтра. Мы должны выехать на заре, чтобы к вечеру добраться до форта.

— Вот это хорошо! Я рад не за себя, а за вас, мастер Морис. Известно ли вам, что у нас виски уже на исходе? Об этом можно судить по тому, как оно в бутыли бултыхается. Эти плуты в форте здорово надувают: они и разбавляют и не доливают. Галлон английского виски мы пили бы раза в три дольше, чем эту американскую «дрянь», как сами янки ее окрестили.

— Насчет виски не беспокойся, Фелим. Там ведь хватит и на сегодня и чтобы наполнить наши фляги для завтрашнего путешествия. Не унывай, старый Баллибаллах! Пойдем-ка сперва устроим крапчатую лошадку, а потом у нас будет время поговорить о новом запасе целебного напитка, который, я знаю, ты любишь больше всего на свете, если не считать самого себя.

— И вас, мастер Морис! — добавил Фелим посмеиваясь.

Мустангер улыбнулся и соскочил с седла.

* * * * * * * * *

Крапчатую кобылу поставили под навес, а Кастро привязали к дереву. Фелим стал чистить его по всем правилам, которые приняты в прерии.

Утомленный до изнеможения, мустангер бросился на свою постель из лошадиной шкуры. Ни за одним мустангом ему не приходилось гоняться так долго, как за крапчатой кобылой. Чем была вызвана такая настойчивость, об этом не знал никто на свете — ни Фелим, ни Кастро, его верный конь, — никто, кроме него самого.

Несмотря на то что ему пришлось провести несколько дней в седле, из них три последних — в непрерывной погоне за крапчатой кобылой, несмотря на страшную усталость, мустангер не мог уснуть.

Время от времени он вставал и начинал ходить взад и вперед по хижине, как будто чем-то сильно взволнованный.

Уже несколько ночей он страдал от бессонницы, во-

рочаясь с боку на бок, так что не только его слуга Фелим, но даже собака Тара стала удивляться поведению хозяина.

Слуга мог бы подумать, что хозяин горит нетерпением поймать крапчатую кобылу, если бы он не знал, что лихорадочное беспокойство его господина началось раньше, чем он узнал о ее существовании.

Только несколько дней спустя после возвращения мустангера из форта крапчатая кобыла впервые попалась ему на глаза, так что это не могло быть причиной перемены его настроения.

Казалось, удачная охота, вместо того чтобы успокоить его, вызвала обратное действие. Так, по крайней мере, думал Фелим. Наконец он решился, пользуясь правом молочного брата, спросить мустангера, что с ним случилось.

Когда тот снова стал ворочаться с боку на бок, раздался голос слуги:

— Мастер Морис, что с вами? Скажите мне, ради бога!

— Ничего, Фелим, ничего. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Да как же не спросить? Вы же ни на минуту не сомкнули глаз с того самого дня, как в последний раз вернулись из поселка. Что-то отняло там у вас сон. Неужто вы мечтаете об одной из этих мексиканских девушек — «мучаче», как их тут называют? Нет, я этому не поверю. Потомку древнего рода Джеральдов этак не годится.

— Глупости, дружок! Тебе всегда что-нибудь мерещится. Дай-ка лучше мне закусить. Не забывай, что я с утра ничего не ел. Что у тебя найдется в кладовой?

— Признаться, у нас запасы невелики. Ведь за те три дня, что вы ловили этого мустанга, ничего не прибавилось. Есть немного холодной оленины и кукурузного хлеба. Если желаете, я разогрею мясо в горшке.

— Хорошо, я могу подождать.

— А не легче ли вам будет ждать, если вы сначала смочите горло этим снадобьем?

— Что ж, я не прочь.

— Чистого или с водой?

— Стакан грога. Только принеси холодной воды из ручья.

Фелим взял серебряный кубок и уже собрался было идти, как вдруг Тара с громким лаем бросилась к двери. Фелим с некоторой опаской направился к выходу.

Лай собаки сменился радостным повизгиванием, как будто она приветствовала старого друга.

— Это старый Зеб Стумп, — сказал Фелим, выглянув за дверь, и спокойно вышел. У него было два намерения: во-первых, приветствовать гостя и, во-вторых, выполнить приказание хозяина.

Человек, который появился у дверей хижины, был так же не похож ни на одного из ее обитателей, как и они друг на друга.

Ростом он был не меньше шести футов. На нем были сапоги из дубленой кожи аллигатора; в широкие голенища были заправлены штаны из домотканой шерсти, когда-то покрашенные в соке кизила, но теперь уже потерявшие от грязи свой цвет. Прямо на тело была надета рубашка из оленьей кожи, а поверх нее — выцветшая зеленая куртка, сшитая из байкового одеяла с вытертым ворсом. Сильно потрепанная порыжевшая войлочная шляпа дополняла его скромный костюм.

Снаряжение Зеба Стумпа было обычным для лесных охотников Северной Америки. Сумка с пулями и большой, изогнутый серпом рог для пороха были подвешены с правой стороны на ремешке, перекинутом через плечо; куртка была перехвачена широким кожаным поясом; на нем висели кожаные ножны, из которых высовывалась грубая рукоятка большого охотничьего ножа, сделанная из оленьего рога.

В отличие от большинства техасских охотников, он никогда не носил ни мокасин, ни гетр, ни длинной рубахи из оленьей кожи, отороченной бахромой. На его скромной одежде не было вышивки, на охотничьем снаряжении — украшений. Все просто, почти невзрачно, как будто Зеб осуждал всякое франтовство.

Даже ружье — его верное оружие, главное орудие его ремесла — выглядело, как длинный брусок железа,

прикрепленный к неотполированной коричневой деревяшке. Когда хозяин ставил ружье на землю, то дуло доходило ему до плеча.

Охотнику, одежду и оружие которого мы только что описали, было на вид лет пятьдесят. Кожа у него была смуглая, а черты лица на первый взгляд казались суровыми.

Однако, приглядевшись, вы начинали чувствовать, что этот человек не лишен спокойного юмора. Лукавый огонек в его маленьких серых глазах говорил о том, что старый охотник ценит хорошую шутку и сам не прочь пошутить.

Фелим уже упомянул его имя: это был Зебулон Стумп, или «Старый Зеб Стумп», как его называли в узком кругу знакомых. Когда его спрашивали, откуда он родом, он всегда отвечал: «Кентуккиец по рождению и воспитанию».

Зеб Стумп родился и вырос в штате Кентукки и провел свою молодость среди девственных лесов нижней Миссисипи, занимаясь исключительно охотой. Теперь, на склоне лет, он продолжал это же занятие, но уже в дебрях юго-западного Техаса.

Тара прыгала и всячески по-собачьи приветствовала старого охотника; сразу было видно, что Зеб Стумп и ее хозяин — приятели.

— Здорово! — лаконично сказал Зеб, загораживая дверь хижины своей могучей фигурой.

— Здравствуйте, мистер Стумп! — ответил мустангер, вставая навстречу гостю. — Заходите и садитесь.

Охотник не заставил себя просить — он перешагнул порог и, неуклюже повернувшись, уселся на неустойчивом табурете, на котором раньше сидел Фелим. Сиденье было таким низким, что колени Стумпа очутились почти на уровне его подбородка, а длинный ствол ружья, словно пика, возвышался на несколько футов над головой.

— Черт бы побрал эти табуретки, — заворчал он, явно недовольный таким положением, — да и вообще все стулья! На что лучше бревно: чувствуешь по крайней мере, что оно под тобой не проломится.

— Садитесь сюда, — сказал хозяин, указывая на кожаный чемодан в углу. — Он понадежней.

Старый Зеб не заставил себя уговаривать, встал, выпрямился во весь рост и пересел на чемодан.

— Пешком, мистер Стумп, как всегда?

— Нет, со мной кляча; я привязал ее к дереву. Я не охотился.

— Вы, кажется, никогда не охотитесь верхом, не правда ли?

— Что я, дурак? Те, кто охотится верхом на лошади, круглые дураки.

— Но ведь в Техасе все так делают.

— Все или не все, но это дурацкий обычай, обычай ленивых дураков. На своих двоих я подстрелю больше дичи за один день, чем верхом за целую неделю. Конечно, для вас лошадь необходима, у вас дичь другая; но ежели выслеживать медведя, оленя или дикого индюка, то на лошади их всех распугаешь. Свою старую кобылу я держу только для того, чтобы перевозить на ней добычу.

— Вы говорите, она тут? Фелим поставит ее под навес. Ведь вы переночуете у нас?

— По правде сказать, я с этим намерением и приехал. О моей лошади не беспокойтесь: она хорошо привязана. Позже я ее пущу на пастбище.

— Не хотите ли закусить? Фелим как раз готовит ужин. К сожалению, ничего, кроме оленины, не могу вам предложить.

— Что может быть лучше хорошей оленины! Разве что медвежатина... Только эту дичь надо хорошенько поджаривать на горячих угольях. Давайте я помогу стряпать... Мистер Фелим, сходите-ка к моей кляче и принесите индейку — она привязана к луке седла; я подстрелил ее по дороге.

— Чудесно! — воскликнул мустангер. — Наши запасы совсем истощились. Последние три дня я охотился за одним редкостным мустангом и не брал с собой ружья. Фелим и я, да и Тара тоже, совсем изголодались за это время.

— А что это за мустанг? — с интересом спросил

охотник, не обращая никакого внимания на последнее замечание.

— Темно-шоколадная кобыла с белыми пятнами. Прекрасная лошадь!

— Черт побери, парень! Да ведь это как раз то дело, которое и привело меня сюда!

— Правда?

— Я видел этого мустанга. Кобыла, вы говорите? Этого я не знал, она ни разу не подпустила меня к себе ближе чем на полмили. Я видел ее несколько раз в прерии и решил, что вам стоит ее изловить. И вот почему. После того как мы с вами в последний раз виделись, я был на Леоне. Туда приехал один человек, которого я знавал еще на Миссисипи. Это богатый плантатор; он жил на широкую ногу. Немало оленей и индюков поставлял я ему. Его зовут Пойндекстер.

— Пойндекстер?

— Да. Это имя знают все на берегах Миссисипи — от Орлеана до Сент-Луиса. Тогда он был богат; да и теперь, видно, не беден, так как привел с собой добрую сотню негров. Кроме того, с ним приехал племянник, по имени Колхаун, у которого водятся деньжата, и делать парню с ними нечего, разве что отдать своему дядюшке взаймы; и отдаст — правда, не без задней мысли: парень себе на уме. Теперь я скажу, что привело меня к вам. У этого плантатора есть дочка, большая охотница до лошадей. В Луизиане она ездила на самых бешеных, каких только можно было найти. Она услышала, как я рассказывал старику о крапчатом мустанге, и не давала отцу покоя, пока он не обещал ей, что не пожалеет денег за эту лошадь. Он сказал, что даст двести долларов. Конечно, все здешние мустангеры, как только об этом узнают, сейчас же погонятся за лошадкой; и вот, не сказав никому ни слова, я поскакал сюда на своей старой кобыле. Поймайте крапчатую — и двести долларов будут у вас в кармане! Зеб Стумп ручается за это.

— Не пройдете ли вы со мной, мистер Стумп? — сказал молодой ирландец, вставая с табурета и направляясь к двери.

Охотник пошел за ним, несколько удивленный неожиданным приглашением.

Морис повел своего гостя к навесу и спросил:

— Похожа эта лошадь на того мустанга, о котором вы говорили, мистер Стумп?

— Провались я на месте, если это не он! Уже пойман! Тебе повезло, парень, — двести долларов как с неба свалились. Черт побери, ведь она стоит каждого цента этих денег! Ну и красивая же скотина! Вот будет радость для мисс Пойндекстер!

Глава VII

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Узнав, что крапчатый мустанг уже пойман, старый охотник пришел в прекрасное расположение духа.

Его настроение стало еще лучше благодаря содержимому бутыли, в которой, вопреки опасениям Фелима, нашлось каждому «по глотку» для аппетита перед индейкой, потом по второму, чтобы запить ее, и еще по нескольку за трубкой.

Оживленная беседа за ужином — по обычаю жителей прерии — касалась главным образом индейцев и случаев на охоте.

Поскольку Зеб Стумп был своего рода ходячей охотничьей энциклопедией, не мудрено, что он говорил больше всех и рассказывал такие истории, что Фелим ахал от изумления.

Однако беседа прекратилась еще задолго до полуночи. Возможно, что опорожненная бутыль заставила собеседников подумать об отдыхе; но была и другая, более правдоподобная причина. Наутро мустангер собирался отправиться на Леону, и всем им предстояло рано встать, чтобы приготовиться к путешествию. Дикие лошади еще не были приручены, и их нужно было связать друг с другом, чтобы они в пути не разбежались; и еще много всяких хлопот предстояло до отъезда.

Охотник привязал свою кобылу на длинную верев-

ку, чтобы она могла пастись, и вернулся в хижину со старым пожелтевшим одеялом, которое обычно служило ему постелью.

— Ложитесь на мою кровать, — любезно предложил ему хозяин, — а я постелю себе на полу лошадиную шкуру.

— Нет, — ответил гость. — Ни одна из ваших полочек не годится Зебу Стумпу для спанья. Я предпочитаю землю — на ней и спится лучше и никуда не свалишься.

— Если вам так нравится, ложитесь на полу; вот здесь будет хорошо, я дам вам шкуру.

— Не тратьте зря времени, молодой человек. Я не привык спать на полу. Моя постель — зеленая трава прерии.

— Не собираетесь же вы спать под открытым небом?! — воскликнул изумленный мустангер, увидя, что гость с перекинутым через плечо одеялом направляется к выходу.

— Вот именно собираюсь.

— Но послушайте, ведь ночь очень холодная, вы продрогнете, как во время норда.

— Пустяки. Лучше продрогнуть, чем спать в духоте под крышей.

— Вы шутите, мистер Стумп?

— Молодой человек! — торжественно сказал охотник. — Зеб Стумп за последние шесть лет ни разу не проводил ночь под крышей. Когда-то у меня было что-то вроде дома — дупло старой смоковницы. Это было на Миссисипи, когда еще моя старуха была жива; я завел это жилище ради нее; когда она умерла, я перебрался сначала в Луизиану, а потом сюда. С тех пор моя единственная крыша и днем и ночью — синее небо Техаса.

— Если вы предпочитаете спать снаружи...

— Да, предпочитаю, — коротко ответил охотник, переступая порог и направляясь к лужайке, расстилавшейся между хижиной и речкой.

С ним было не только его старое одеяло — на руке у него висело кабриэсто — веревка ярдов в семь длиной, сплетенная из конского волоса. Обычно ее употребляли

для того, чтобы привязывать лошадь на пастбище, но сейчас она предназначалась для другой цели.

Внимательно осмотрев освещенную луной траву, он тщательно уложил на земле веревку, окружив ею пространство диаметром в несколько футов. Перешагнув через веревку, он завернулся в одеяло, спокойно улегся и через минуту, казалось, уже спал.

Судя по его громкому дыханию, он, должно быть, на самом деле спал. Зеб Стумп благодаря крепкому здоровью и спокойной совести всегда засыпал сразу.

Однако отдыхать ему пришлось недолго. Пара удивленных глаз следила за каждым его движением: это были глаза Фелима О'Нила.

— Святой Патрик, — прошептал он, — для чего это старик огородился веревкой?

Любопытство ирландца некоторое время боролось с чувством вежливости, но потом первое взяло верх; едва лишь охотник захрапел, как Фелим подкрался к нему и стал его трясти, чтобы получить ответ на заинтересовавший его вопрос.

— Будь ты проклят, ирландский осел! — воскликнул Стумп с явным неудовольствием. — Я думал, что уже утро... Для чего я кладу вокруг себя веревку? Для чего же еще, как не для того, чтобы оградить себя от всяких гадов?

— От каких гадов, мистер Стумп? От змей, что ли?

— Ну конечно, от змей, черт бы тебя побрал! Отправляйся-ка спать.

Несмотря на то что его обругали, Фелим вернулся в хижину очень довольный. «Если не считать индейцев, хуже всего в Техасе ядовитые змеи, — ворчал он, разговаривая сам с собой. — Я еще ни разу не выспался как следует с тех пор, как сюда попал. Вечно только и думаешь о них или видишь их во сне. Как жаль, что святой Патрик не посетил Техас, прежде чем отправился на тот свет!» [1]

Фелим, живя в уединенной хижине, мало с кем

[1] По преданию, святой Патрик уничтожил в Ирландии всех ядовитых змей.

встречался и потому не знал о магических свойствах веревки из конского волоса.

Он не замедлил использовать приобретенные знания. Прокравшись тихонько в дом, чтобы не разбудить заснувшего хозяина, Фелим снял висевшую на стене веревку; затем снова вышел за дверь и выложил ее кольцом вокруг стен, постепенно разматывая на ходу.

Закончив эту процедуру, ирландец переступил порог хижины, шепча:

— Наконец-то Фелим О'Нил будет спать спокойно, сколько бы ни было змей в Техасе!

После этого монолога в хижине водворилась полная тишина. Земляк святого Патрика, не боясь больше вторжения пресмыкающихся, моментально заснул, растянувшись на лошадиной шкуре.

Некоторое время казалось, что все наслаждаются полным отдыхом, включая Тару и пойманных мустангов. Тишину нарушала только старая кобыла Стумпа, которая все еще щипала сочную траву на пастбище.

Скоро, однако, обнаружилось, что старый охотник не спит. Он ворочался с боку на бок, как будто какая-то беспокойная мысль лишила его сна.

Перевернувшись раз десять, Зеб сел и недовольно посмотрел вокруг.

— Черт бы побрал этого нахального ирландского дурня! — процедил он сквозь зубы. — Разогнал мне сон, проклятый! Надо бы его вытащить и швырнуть в речку, чтобы проучить. Руки так и чешутся! Я этого не сделаю только из уважения к его хозяину... Наверно. я так и не усну до утра.

При этих словах охотник еще раз завернулся в одеяло и снова лег.

Однако уснуть ему не удалось: он ерзал, ворочался с боку на бок; наконец опять сел и заговорил сам с собой.

На этот раз угроза выкупать Фелима в ручье прозвучала более определенно и решительно.

Казалось, охотник еще колебался, когда он вдруг заметил что-то, изменившее ход его мыслей. Футах в двадцати от того места, где он сидел, по траве сколь-

зило длинное тонкое тело; в его блестящей чешуе отражались серебристые лучи месяца, и пресмыкающееся нетрудно было определить.

— Змея! — шепотом произнес Зеб, когда его глаза остановились на пресмыкающемся. — Любопытно, какая это ползает здесь по ночам... Слишком велика для гремучки; правда, в этих краях встречаются гремучие змеи почти такой же величины. Но у этой слишком светла чешуя, да и тонка она телом для гремучей. Нет, это не она... А-а, теперь я узнаю гадину! Это «курочка» ищет яйца. Ах ты, бестия! И ведь ползет прямо на меня...

В его тоне не чувствовалось испуга: Зеб Стумп знал, что змея не переползет через волосяную веревку, а, коснувшись ее, поползет обратно, как от огня. Под защитой этого магического круга охотник мог спокойно следить за непрошеным гостем, если бы это была даже самая ядовитая змея.

Но она не была ядовитой. Это был всего лишь у́ж и притом самый безобидный, из той разновидности змей, которые в просторечии называются «курочками», несмотря на то что в списке североамериканских змей они числятся среди самых крупных.

На лице Зеба отразилось любопытство, и то не слишком большое. Охотник не удивился и не испугался даже тогда, когда у́ж подполз к самой веревке и, немного приподняв голову, ткнулся прямо в нее.

После этого вообще нечего было бояться; змея тотчас же повернула и поползла обратно.

Секунду или две охотник просидел неподвижно, следя за тем, как змея уползает. Казалось, он был в нерешительности — преследовать ли ее, чтобы уничтожить, или же оставить в покое. Если бы это была гремучая, копьеголовая или мокасиновая змея, он бы наступил ей на голову тяжелым каблуком своего сапога. Но безобидной змее «курочке» ему не за что было мстить. Это было ясно из слов, которые охотник пробормотал, пока змея медленно уползала:

— Бедная тварь! Пусть себе ползет восвояси. Правда, она высасывает индюшечьи яйца и этим сокращает

индюшечий род, но ведь это ее единственная пища, и нечего мне на нее сердиться. Но на этого проклятого дурака я чертовски зол. Вот с ним мне хотелось бы рассчитаться, лишь бы не обидеть его хозяина!.. Есть! Здорово придумал!

При этих словах старый охотник вскочил на ноги, выражение его лица стало лукавым и веселым, и он побежал за уползающим ужом.

Нескольких шагов было достаточно, чтобы догнать змею. Зеб бросился на нее, растопырив все десять пальцев. Через секунду ее длинное блестящее тело уже извивалось в его руке.

— Ну, мистер Фелим, — воскликнул Зеб, — теперь держись! Если я не напугаю твою трусливую душу так, что ты не заснешь до самого утра, то я простофиля, который не может отличить сарыча от индюка. Погоди же!

И охотник направился к хижине; тихонько прокравшись под ее тенью, он пустил ужа внутрь круга из веревки, которым Фелим оградил свое жилище.

Вернувшись на свое травяное ложе, охотник еще раз натянул одеяло и пробормотал:

— «Курочка» не переползет через веревку — это наверняка; ясно и то, что она облазит все, ища выхода. И если змея через полчасика не заберется на этого ирландского дурня, то Зеб Стумп сам дурень... Стой! Что это? Черт побери, неужто уже?

Если бы охотник хотел сказать еще что-нибудь, то все равно ничего не было бы слышно, потому что поднялся такой неистовый шум, который мог бы разбудить все живое на Аламо и на расстоянии нескольких миль в окружности.

Сначала раздался душераздирающий крик, или, вернее, вопль — такой, какой мог вырваться только из глотки Фелима О'Нила.

Затем голос Фелима потонул в хоре собачьего лая, лошадиного фырканья и ржания; это продолжалось без перерыва несколько минут.

— Что случилось? — спросил мустангер, соскочив с кровати и ощупью пробираясь к охваченному ужасом

слуге. — Что на тебя нашло? Или ты увидел привидение?

— О, мастер Морис, хуже! На меня напала змея! Она меня всего искусала!.. Святой Патрик, я бедный, погибший грешник! Я, наверно, сейчас умру...

— Искусала змея? Покажи где? — спросил Морис, торопливо зажигая свечу.

Вместе с охотником, который уже успел появиться в хижине, он стал осматривать Фелима.

— Я не вижу никаких укусов, — продолжал мустангер, после того как тщательно осмотрел все тело слуги.

— Нет даже царапины, — коротко отозвался Стумп.

— Не укусила? Но она ползала по мне, холодная, как подаяние.

— А была ли тут змея? — спросил Морис с сомнением в голосе. — Может быть, тебе все это только приснилось, Фелим?

— Какое там приснилось, мастер Морис! Это была настоящая змея. Провалиться мне на этом месте!

— Может, и была змея, — вмешался охотник. — Посмотрим — авось найдем ее. Чудно́ все же! Кругом вашего дома лежит веревка из конского волоса. Как же это гадюка могла перебраться через нее?.. Вон, вон она!

Говоря это, охотник указал в угол комнаты, где, свернувшись кольцом, лежала змея.

— Да это всего лишь «курочка»! — продолжал Стумп. — Она не опаснее голубя. Искусать она не могла, но мы все равно с ней расправимся.

С этими словами охотник схватил ужа, высоко поднял и бросил оземь с такой силой, что почти лишил его способности двигаться.

— Вот и все, мистер Фелим, — сказал Зеб, наступая змее на голову своим тяжелым каблуком. — Ложись и спи спокойно до утра: змеи тебя больше не тронут.

Подталкивая ногой убитого ужа и весело посмеиваясь, Зеб Стумп вышел из хижины; снова растянулся он на траве во весь свой огромный рост и на этот раз наконец заснул.

Глава VIII

МНОГОНОЖКА

После расправы со змеей все успокоились. Вой собаки прекратился вместе с воплями Фелима. Мустанги снова спокойно стояли под тенью деревьев.

В хижине водворилась тишина; только время от времени было слышно, как ерзал ирландец на подстилке из мустанговой шкуры, не веря больше в защиту веревки из конского волоса.

Снаружи тишину нарушал лишь один звук, совсем не похожий на шорохи, доносившиеся из хижины. Это было нечто среднее между мычаньем аллигатора и кваканьем лягушки; однако, поскольку этот звук вылетал из ноздрей Зеба Стумпа, вряд ли он мог быть чем-нибудь иным, нежели здоровым храпом заснувшего охотника. Его звучность говорила о том, что Зеб крепко спит.

Охотник заснул почти сразу, как только снова улегся внутри веревочного кольца. Шутка, которую он сыграл с Фелимом, чтобы отомстить за прерванный сон, успокоительно подействовала на него, и он теперь наслаждался полным отдыхом.

Почти целый час длился этот дуэт; время от времени ему аккомпанировали крики ушастой совы и заунывный вой койота.

Но вот снова зазвучал хор. Запевалой, как и в прошлый раз, был Фелим.

— Спасайте, погибаю! — закричал неожиданно ирландец, разбудив не только своего хозяина в хижине, но и гостя на лужайке. — Святая дева! Заступница чистых душ! Спаси меня!

— Спасти тебя? От кого? — спросил Морис Джеральд, снова вскочив с постели и торопливо зажигая свет. — Что случилось?

— Другая змея, ваша милость. Ох! Ей-богу, гадюка, зловреднее той, которую убил мистер Стумп. Она искусала мне всю грудь. Место, где она проползла, горит, будто кузнец из Баллибаллаха обжег меня раскаленным железом.

— Будь ты проклят, олух! — закричал Зеб Стумп, появляясь в дверях с одеялом на плече. — Второй раз ты будишь меня, дурак!.. Прошу прощения, мистер Джеральд! Известно, что дураков во всех странах хватает — и в Америке, и в Ирландии, — но такого идиота, как Фелим, я еще не встречал. Это сущее несчастье! Вряд ли нам сегодня удастся заснуть, если мы не утопим его в речке.

— Ох, милый Стумп, не говорите так! Клянусь, что здесь опять змея! Я уверен, что она еще в хижине. Только минуту назад я чувствовал, как она ползала по мне.

— Это тебе приснилось, наверно? — сказал охотник полувопросительно и более спокойно. — Говорю тебе, что ни одна техасская змея не переползет через волосяную веревку. Та наверняка была уже в хижине до того, как ты положил лассо. Вряд ли тут спрятались две сразу. Сейчас поищем...

— О господи! — кричал ирландец, задирая рубашку. — Вот он, след змеи, как раз на ребрах! Значит, была здесь вторая! О пресвятая дева, что со мной будет? Жжет, как огнем!

— Змея? — воскликнул Стумп, приближаясь к перепуганному ирландцу и держа над ним свечу. — Как же, змея! Нет, черт побери, клянусь, что это не змея! Это хуже!

— Хуже змеи? — воскликнул Фелим в отчаянии. — Хуже, вы сказали, мистер Стумп? Вы думаете, это опасно?

— Как тебе сказать... Все зависит от того, найду ли я кое-что поблизости и скоро ли. Если нет, то я не отвечаю...

— О мистер Стумп, не пугайте меня!

— В чем дело? — спросил Морис, увидев на груди Фелима ярко-красную полосу, словно проведенную раскаленной спицей. — Что же это, в конце концов? — повторил он с возрастающим беспокойством, заметив, как озабоченно смотрит охотник на странный след. — Я ничего подобного не видел. Это опасно?

— Очень, мистер Джеральд, — ответил Стумп, по-

манив мустангера за дверь хижины и говоря шепотом, чтобы не услышал Фелим.

— Но что же это такое? — взволнованно повторил Морис.

— След ядовитой многоножки.

— Ядовитая многоножка! Она его укусила?

— Нет, не думаю. Но этого и не требуется. Хватит того, что многоножка проползла—это может быть смертельно.

— Боже милосердный! Это так опасно?

— Да, мистер Джеральд. Не раз я видел, как здоровый человек отправлялся на тот свет с такой полосой. Нужно помочь и поскорее, а то у него начнется страшный жар, а потом помутится рассудок. все равно как после укуса бешеной собаки. Но не надо пугать беднягу, пока я не выясню, нельзя ли ему помочь. В этих краях встречается трава — вернее, одно целебное растение, и если мне удастся быстро его найти, тогда вылечить Фелима будет нетрудно. На беду, луна скрылась, и придется искать на ощупь. Я знаю, что на обрыве много этого зелья. Идите, успокойте парня, а я посмотрю, что можно сделать. Через минутку я вернусь...

Этот шепот за дверью ничуть не успокоил Фелима, а, наоборот, привел его в паническое состояние. Не успел старый охотник отправиться на поиски лечебного растения, как ирландец выбежал из хижины, вопя еще жалобнее.

Прошло немало времени, прежде чем Морису удалось успокоить своего молочного брата, убедив его, что опасности нет никакой, хотя он сам вовсе не был в этом уверен.

Скоро в дверях появился Зеб Стумп; по спокойному выражению его лица нетрудно было догадаться, что целебное растение найдено. В правой руке охотник держал несколько овальных листьев темно-зеленого цвета, густо и равномерно усаженных острыми шипами. Морис узнал в них листья кактуса орегано.

— Не бойся, мистер Фелим, — сказал старый охотник, переступая порог хижины. — Теперь бояться не-

чего. Я достал цветочек, который живо вытянет жар из твоей крови, быстрее, чем огонь сожжет перо... Перестань выть, говорят тебе! Ты разбудил всех птиц, зверей и гадов на двадцать миль вверх и вниз по реке. Если ты будешь продолжать, сюда сбегутся все команчи, а это, пожалуй, будет похуже, чем след стоногой твари... Мистер Джеральд, пока я буду готовить припарку, найдите чем его перевязать.

Прежде всего охотник снял ножом шипы. Затем, удалив кожицу, он нарезал кактус тонкими ломтиками, разложил их на приготовленной мустангером чистой тряпке и ловко приложил эту «припарку», как он ее назвал, к багровой полосе на теле Фелима.

Кактус быстро оказал свое действие — его сок был хорошим противоядием. И Фелим, успокоенный уверенностью, что опасность осталась позади, а также от усталости, забылся крепким освежающим сном. После неудачной попытки найти многоножку — отвратительное пресмыкающееся, которое, в отличие от змеи, не боится переползать через волосяную веревку, — врач-самоучка вернулся на свою лужайку, где спокойно проспал до утра.

. . . .

Едва рассвело, все трое были на ногах. Фелим уже оправился от перенесенной лихорадки и позабыл все страхи. Позавтракав остатками жареного индюка, они стали спешно готовиться к отъезду. Вместе со старым охотником бывший грум из Баллибаллаха готовил диких лошадей к путешествию через прерию, привязывал их друг к другу. Морис тем временем занимался своим конем и крапчатой кобылой. Особенно большое внимание он уделял прекрасной пленнице: он тщательно расчесывал ее гриву и хвост и счищал с блестящей шерсти пятна грязи — следы упорной погони, свидетельствовавшие о том, как трудно было накинуть лассо на ее гордую шею.

— Бросьте! — сказал Зеб, не без удивления наблюдая за мустангером. — Зря вы так стараетесь. Вудли Пойндекстер не из тех, кто отказывается от своего сло-

ва. Вы получите двести долларов — поверьте старому Зебу Стумпу. Черт возьми, она и стоит этих денег!

Морис ничего не ответил, но, судя по улыбке, заигравшей в уголках его рта, можно было догадаться, что кентуккиец совсем не понял причины его особенного внимания к крапчатому мустангу.

Не прошло и часа, как мустангер уже двинулся в путь на своем гнедом коне, ведя за собой на лассо крапчатую кобылу. Сзади резвой рысью бежал табун, за которым присматривал Фелим.

Зеб Стумп на своей старой кобыле с трудом поспевал за ними.

Позади, осторожно ступая по колючей траве, трусила Тара.

Никто не остался охранять хижину: они просто закрыли дверь, обтянутую конской шкурой, чтобы внутрь не забрались четвероногие обитатели прерии. И теперь тишина, царившая кругом, нарушалась лишь криком ушастой совы, визгом пумы и заунывным лаем голодного койота.

Глава IX

ПОГРАНИЧНЫЙ ФОРТ

На высоком флагштоке форта Индж развевается флаг, усеянный звездами; он отбрасывает колеблющуюся тень на своеобразную, удивительную панораму.

Это картина настоящей пограничной жизни — правдиво передать ее могла бы, пожалуй, только кисть Вернэ Младшего, — жизни полувоенной, полугражданской, наполовину дикой, наполовину цивилизованной; картина, пестрящая людьми разнообразного цвета кожи и в самых разнообразных костюмах, людьми всех профессий и положений в обществе.

И самый форт имеет столь же необычный вид. Звездный флаг развевается не над бастионами с зубчатыми стенами, он отбрасывает свою тень не на казематы или потайные ходы: здесь нет ни рвов, ни валов — ничего, что напоминало бы крепость. Это просто часто-

кол из стволов алгаробо, внутри которого находится навес — конюшня для двухсот лошадей. За его пределами — десяток построек незатейливой архитектуры, обыкновенные хижины-хакале с плетеными, обмазанными глиной стенами; самая большая из них — казарма. За ними расположены госпиталь, интендантские склады; с одной стороны гауптвахта, с другой, на более видном месте, — офицерская столовая и квартиры. Все чрезвычайно просто: оштукатуренные стены выбелены известкой, которой изобилуют берега Леоны; все чисто и опрятно, как и полагается крепости, в которой военные носят мундиры большой цивилизованной нации. Таков форт Индж.

На некотором расстоянии видна другая группа построек, не больше той, которая называется фортом. Они тоже находятся под покровительством американского флага; и, хотя непосредственно над ними он не развевается, ему они обязаны своим возникновением и существованием. Это зародыш одного из тех поселков, которые обычно появляются вблизи американских военных постов, быстро развиваются и в большинстве случаев становятся маленькими городками, а иногда и большими городами.

В настоящее время население поселка состоит из маркитанта, на складе которого хранятся припасы, не числящиеся в военном пайке; хозяина гостиницы и бара, привлекающего бездельников своими полочками, уставленными гранеными бутылками; кучки профессиональных игроков, очищающих при помощи фараона и монте[1] карманы офицеров местного гарнизона; двух десятков черноглазых сеньорит сомнительной репутации; такого же количества охотников, погонщиков, мустангеров и людей без определенных занятий, которые в любой стране, как правило, слоняются возле военных лагерей.

Домá этого небольшого поселка расположены в некотором порядке. По-видимому, все они — собственность одного предпринимателя. Они стоят вокруг «площади», где вместо фонарей и статуй торчат над вытоп-

[1] Фараон и монте — азартные карточные игры.

танной травой высохший ствол кипариса и несколько кустов.

Леона в этом месте — еще почти ручей; она течет позади форта и поселка. Впереди расстилается равнина, покрытая яркой изумрудной зеленью и очерченная вдали более темной полосой леса, где могучие дубы, гикори и вязы борются за существование с колючими кактусами и со множеством вьющихся и ползучих растений-паразитов, почти неизвестных ботанику. К югу и востоку на берегу речки разбросаны дома. Это усадьбы плантаторов; некоторые из них выстроены недавно и не претендуют на какой-либо стиль, другие более вычурной архитектуры — по-видимому, уже солидного возраста. Один из них особенно обращает на себя внимание. Представьте себе большое здание с плоской крышей и зубчатым парапетом; его белые стены резко выделяются на зеленом фоне леса, обступающего дом с трех сторон. Это асиенда [1] Каса-дель-Корво.

Вы поворачиваетесь к северу, и перед вашими глазами неожиданно вырастает одиноко стоящая конусообразная гора; она возвышается над равниной на несколько сот футов; позади нее в туманной дали вырисовывается ломаная линия Гвадалупских гор — горного хребта, венчающего высокое, почти неисследованное плоскогорье Льяно-Эстакадо.

Посмотрите выше, и вы увидите небо — полусапфировое, полубирюзовое. Днем оно совершенно чистое и безоблачное, и только золотой шар солнца сияет на нем. Ночью оно усеяно звездами, словно выкованными из светлой стали; а четко очерченный диск луны кажется здесь совсем серебряным.

Взгляните вниз в тот час, когда уже исчезли луна и звезды, когда ветерок, насыщенный ароматом цветов, дует с залива Матагорда, налетает на звездный флаг и разворачивает его в утреннем свете, — взгляните, и вы увидите картину настолько яркую и живую, капризную по очертаниям и краскам, пестрящую всевозможными одеждами, что описать ее невозможно.

[1] А с и е н д а — поместье; так же называется и помещичий дом в Мексике, Техасе и Южной Америке.

Вы заметите военных: голубую форму пехотинцев Соединенных Штатов, синие мундиры драгун и светлые, почти неуловимого зеленого цвета, мундиры конных стрелков. По форме одеты только дежурные офицеры, начальник караула и сами караульные. Их товарищи, пользуясь свободным временем, бродят около казарм или под навесом конюшни в красных фланелевых рубашках, мягких шляпах и нечищеных сапогах.

Они болтают с людьми, одетыми совсем не по-военному. Это высокие охотники в рубахах из оленьей шкуры и таких же гетрах; пастухи, мустангеры, одетые, как мексиканцы; настоящие мексиканцы в широких штанах, с серапе на плечах, в сапогах с огромными шпорами и в небрежно заломленных набекрень глянцевых сомбреро. Они разговаривают с индейцами, которые пришли в форт для торговли или мирных переговоров; их палатки виднеются невдалеке. Фигуры индейцев, с накинутыми на плечи красными, зелеными и голубыми одеялами, кажутся необычайно живописными и почти классически красивыми; даже нелепая разрисовка, которой они изуродовали свою кожу, и слипшиеся от грязи черные длинные волосы, удлиненные еще прядями конских волос, не могут испортить их строгой красоты.

Вообразите себе эту пеструю толпу в разнообразных костюмах, говорящих о национальности, профессии и положении их хозяев; добавьте еще чернокожих сынов Эфиопии — офицерских грумов или слуг соседнего плантатора; представьте себе, как они стоят небольшими группками и беседуют или фланируют по равнине между фургонами; представьте себе две шестифунтовые пушки на колесах и рядом повозки с боеприпасами; одну или две белые палатки, занятые офицерами, предпочитающими из оригинальности спать под прикрытием парусины; винтовки караульных, составленные в пирамиды. Представьте себе все это, и перед вашими глазами развернется картина военного форта, находящегося на границе Техаса, на самой окраине цивилизации.

Неделю спустя после того, как плантатор из Луизианы приехал в свой новый дом, на плац-параде перед фортом Индж стояли три офицера и смотрели в сторону асиенды Каса-дель-Корво.

Они все были молоды — старшему не больше тридцати лет.

Погоны с двумя нашивками у первого указывали на его капитанский чин; второй, с одной поперечной нашивкой, был старшим лейтенантом; третий, судя по его гладким погонам, был, по-видимому, только младшим лейтенантом.

Они были свободны от дежурства и разговаривали о новых обитателях Каса-дель-Корво — плантаторе из Луизианы и его семье.

— Будем праздновать новоселье, — сказал капитан пехоты, имея в виду приглашение, полученное всеми офицерами гарнизона. — Сначала обед, а потом танцы. Настоящее событие! Там мы встретим, наверно, всех местных аристократов и красавиц.

— Аристократов? — смеясь, отозвался лейтенант драгунского полка. — Не думаю, что здесь много аристократов, а красавиц, наверно, и того меньше.

— Вы ошибаетесь, Генкок. На берегах Леоны можно найти и тех и других. Сюда перекочевали из Соединенных Штатов люди с большим весом в обществе. Мы встретим их на празднике у Пойндекстера, в этом я не сомневаюсь. Относительно аристократизма не беспокойтесь: у самого хозяина его столько, что хватит с избытком на всех гостей. Что же касается красавиц, бьюсь об заклад, что его дочка лучше любой девушки по эту сторону реки Сабинас! Племяннице интенданта наверняка придется уступить ей свое место первой красавицы.

— Вот как!.. — выразительно протянул лейтенант стрелкового полка; по тону его можно было понять, что эти слова задели его за живое. — Значит, мисс Пойндекстер должна быть чертовски хороша.

— Она необыкновенно хороша, если только не подурнела с той поры, как я видел ее в последний раз на балу у Лафурша. Там было несколько молодых креолов,

которые добивались ее внимания, и дело чуть не дошло до дуэли.

— Кокетка, должно быть? — заметил стрелок.

— Ни капли, Кроссмен. Напротив, уверяю вас. Она девушка серьезная и не допускает излишней фамильярности — унаследовала гордость своего отца. Это фамильная черта Пойндекстеров.

— Девица как раз в моем вкусе, — шутливо заметил молодой драгун, — и если она так хороша собой, как вы говорите, капитан Слоумен, то я, наверно, влюблюсь в нее. Мое сердце, слава богу, свободно, не то что у Кроссмена.

— Послушайте, Генкок, — ответил пехотный офицер, человек практичный, — я не люблю держать пари, но готов поставить любую сумму, что, увидев Луизу Пойндекстер, вы этого больше сказать не сможете, — конечно, если будете искренни.

— Не беспокойтесь обо мне, пожалуйста, Слоумен! Я слишком часто бывал под огнем прекрасных глаз, чтобы их бояться.

— Но не таких прекрасных.

— Черт побери! Вы заставите человека влюбиться в девушку, прежде чем он взглянул на нее. Если верить вашим словам, она редкая красавица.

— Да, вы не ошиблись. Она была такой, когда я видел ее в последний раз.

— Давно ли это было?

— Бал у Лафурша? Дайте вспомнить... Года полтора назад. Вскоре после того, как мы вернулись из Мексики. Она тогда только начала выезжать; о ней говорили: «Загорелась новая звезда, рожденная для света и для славы».

— Полтора года — это большой срок, — рассудительно заметил Кроссмен. — Большой срок для девушки — особенно креолки: ведь их часто выдают замуж в двенадцать лет вместо шестнадцати. Ее красота уже могла потерять свою свежесть.

— Ни чуточки. Я мог бы зайти к ним, чтобы проверить, но думаю, что они сейчас хлопочут по хозяйству и, наверно, им не до гостей. Впрочем, на днях у них по-

бывал майор, и он так много говорил о необыкновенной красоте мисс Пойндекстер, что чуть не поссорился с супругой.

— Клянусь честью, — воскликнул драгун, — вы так заинтриговали меня, что я, кажется, уже почти влюблен!

— Прежде чем вы окончательно влюбитесь, я должен предупредить вас, — сказал пехотный офицер серьезным тоном, — что вокруг розы есть шипы — другими словами, в семье есть человек, который может причинить вам неприятности.

— Брат, наверно? Так обычно говорят о братьях.

— У нее есть брат, но не в нем дело. Это чудесный, благородный юноша, единственный из Пойндекстеров, которого не гложет червь гордости.

— Тогда ее аристократический папаша? Не думаю, чтобы он стал отказываться жить под одной крышей с Генкоками.

— Я в этом не уверен... Не забывайте, что Генкоки — янки, а плантатор — благородный южанин! Но я говорю не про старого Пойндекстера.

— Кто же тогда эта загадочная личность?

— Ее двоюродный брат — Кассий Колхаун. Очень неприятный субъект.

— Я, кажется, слыхал это имя.

— И я тоже, — сказал стрелок.

— О нем слыхал каждый, кто так или иначе был причастен к мексиканской войне, то есть кто участвовал в походе Скотта. Кассий Колхаун оставил по себе дурную память. Он уроженец штата Миссисипи и во время войны был капитаном в полку миссисипских волонтеров. Только его чаще встречали за карточным столом в игорном доме, чем в казармах. Было у него одно — два дельца, которые составили ему репутацию дуэлянта и задиры. Но эту славу он приобрел еще до мексиканской войны. В Новом Орлеане он слыл опасным человеком.

— Ну и что? — сказал молодой драгун несколько вызывающе. — Кому какое дело, опасный человек мистер Кассий Колхаун или безобидный! Мне это, право,

безразлично. Ведь вы же говорите, что он ей всего лишь двоюродный брат.

— Не совсем так... Мне кажется, что он к ней неравнодушен.

— И пользуется взаимностью?

— Этого я не знаю. Но, по-видимому, он любимец ее отца. И мне даже объяснили — правда, под большим секретом — причину этой симпатии. Обычная история — денежная зависимость. Пойндекстер теперь уже не так богат, как раньше, иначе мы никогда не увидели бы его здесь.

— Если его дочь так обаятельна, как вы говорите, то надо думать, что Кассий Колхаун тоже скоро появится здесь.

— «Скоро»! Это все, что вам известно? Он уже здесь. Он приехал вместе со всей семьей и теперь поселился с ними. Некоторые предполагают, что они вместе купили плантацию. Сегодня утром я видел его в баре гостиницы —он пьянствовал, задирал всех и хвастал, как всегда.

— У него смуглый цвет лица, на вид ему лет тридцать, темные волосы и усы, носит синий суконный сюртук полувоенного покроя, у пояса револьвер Кольта — так?

— Вот-вот! И еще кривой нож, если заглянуть за отворот сюртука. Это он самый.

— Субъект довольно неприятного вида, — заметил стрелок, — и если он такой хвастун и задира, то наружность не обманывает.

— К черту наружность! — с раздражением воскликнул драгун. — Офицерам армии дяди Сэма вряд ли подобает пугаться наружности. Да и самого задиры тоже. Если он вздумает задирать меня, то узнает, что я умею спускать курок быстрее, чем он...

В это время рожок протрубил сбор к утреннему смотру — церемонии, которая соблюдалась в маленьком форту так же строго, как если бы там стоял армейский корпус. И три офицера разошлись, каждый к своей роте, чтобы приготовить ее к смотру, который производил майор, командир форта.

Глава X

КАСА-ДЕЛЬ-КОРВО

Поместье, или асиенда, Каса-дель-Корво протянулось по лесистой долине Леоны более чем на три мили и уходило к югу в прерию на шесть миль.

Дом плантатора, обычно, хотя и неправильно, тоже называемый асиендой, стоял на расстоянии пушечного выстрела от форта Индж, откуда была видна часть его белых стен; остальную же часть асиенды заслоняли высокие деревья, окаймляющие берега реки.

Местоположение асиенды было необычно и, несомненно, выбрано из соображений обороны, ибо в те времена, когда закладывался фундамент дома, колонисты опасались набегов индейцев; впрочем, эта опасность грозила им и теперь.

Река делает здесь крутую излучину в форме подковы или дуги в три четверти круга; на ее хорде, или, вернее, на примыкающем к ней параллелограмме, и была построена асиенда. Отсюда и название «Каса-дель-Корво» — «Дом на излучине».

Фасад дома обращен в сторону прерии, которая расстилается перед ним до самого горизонта; по сравнению с этим великолепным лугом королевский парк покажется совсем маленьким.

Архитектурный стиль Каса-дель-Корво, как и других больших помещичьих домов Мексики, можно назвать мавританско-мексиканским.

Дом — одноэтажный, с плоской крышей — асотеей, обнесенной парапетом. Внутри находится вымощенный плитами двор — «патио» — с фонтаном и лестницей ведущей на асотею. Массивные деревянные ворота главного входа; по обе стороны от них — два или три окна защищенных железной решеткой. Таковы характерные особенности мексиканской асиенды. Каса-дель-Корво мало чем отличалась от этого типа старинных зданий разбросанных по всей огромной территории Испанской Америки.

Такова была усадьба, недавно приобретенная луизианским плантатором.

До сих пор не произошло никаких перемен ни во внешнем виде дома, ни внутри него, если не говорить о его обитателях. Лица полуанглосаксонского, полуфранко-американского типа мелькают в коридоре и во дворе, где раньше можно было встретить лишь чистокровных испанцев; а вместо богатого, звучного языка Андалузии здесь теперь раздается резкий, гортанный полутевтонский язык и только изредка музыкальная креоло-французская речь.

За стенами дома, в покрытых юкковыми листьями хижинах, где раньше жили пеоны [1], произошли более заметные перемены.

Там, где высокий, худой вакеро [2] в черной глянцевой шляпе с широкими полями и в клетчатом серапе на плечах, звеня шпорами, важно расхаживал по прерии, теперь ходит надменный надсмотрщик в синей куртке или плаще, щелкая своим кнутом на каждом углу; там, где краснокожие потомки ацтеков [3], едва прикрытые овчиной, грустно бродили около своих хакале, теперь черные сыны и дочери Эфиопии с утра до вечера болтают, поют и пляшут, как бы опровергая суждение, что рабство — это несчастье.

К лучшему ли эта перемена на плантациях Каса-дель-Корво?

Было время, когда англичане ответили бы на этот вопрос «нет» с полным единодушием и горячностью, не допускающей сомнения в искренности их слов.

О человеческая слабость и лицемерие! Наша так долго лелеянная симпатия к рабам оказалась лишь притворством.

Оказавшись на поводу у олигархии [4] — не у старой аристократии нашей страны, потому что она не могла бы проявить такого коварства, а у олигархии буржуазных дельцов, которые пробрались к власти в стране, —

---

[1] Пеон — поденщик, полевой рабочий, находившийся в полурабской зависимости от помещика-испанца.

[2] Вакеро (исп.) — пастух.

[3] Ацтеки — индейцы, в древности населявшие Мексику.

[4] Олигархия (греч. — власть немногих) — политическое и экономическое господство, правление небольшой кучки эксплуататоров.

на поводу у этих рьяных заговорщиков против народных прав, Англия изменила своему принципу, так громко ею провозглашенному, подорвала к себе доверие, оказанное ей всеми нациями [1].

* * * * * * * * *

Совсем о другом думала Луиза Пойндекстер, когда она задумчиво опустилась в кресло перед зеркалом и велела своей горничной Флоринде одеть и причесать себя для приема гостей.

Это было примерно за час до званого обеда, который давал Пойндекстер, чтобы отпраздновать новоселье. Не этим ли следовало объяснить некоторое беспокойство в поведении молодой креолки? Однако у Флоринды были на этот счет свои догадки, о чем свидетельствовал происходивший между ними разговор.

Хотя вряд ли это можно было назвать разговором: Луиза просто думала вслух, а ее служанка вторила ей, как эхо. В течение всей своей жизни молодая креолка привыкла смотреть на рабыню, как на вещь, от которой можно было не скрывать своих мыслей, так же как от стульев, столов, диванов и другой мебели в комнате. Разница заключалась лишь в том, что Флоринда все же была живым существом и могла отвечать на вопросы.

Минут десять после того, как Флоринда появилась в комнате, она без умолку болтала о всяких пустяках, а участие в разговоре самой Луизы ограничивалось лишь отдельными замечаниями.

— О мисс Луи, — говорила негритянка, любовно расчесывая блестящие пряди волос молодой госпожи, — ну и чудесные у вас волосы! Словно испанский мох, что свешивается с кипариса. Только они у вас другого цвета и блестят, точно сахарная патока.

Луиза Пойндекстер, как уже упоминалось, была креолка, а потому вряд ли нужно говорить, что ее волосы были темного цвета и пышные, «словно испанский

---

1 Англия, с одной стороны, боролась против работорговли, а с другой — покупая хлопок у рабовладельцев, поддерживала противников уничтожения рабства.

мох», как наивно выразилась негритянка. Но они не были черными; это был тот густой каштановый цвет, который встречается иногда в окраске черепахи или пойманного зимой соболя.

— Ах, — продолжала Флоринда, взяв тяжелую прядь волос, которая отливала каштановым цветом на ее черной ладони, — если бы у меня были ваши красивые волосы, а не эта овечья шерсть, они все были бы у моих ног, все до одного!

— О чем ты говоришь? — спросила молодая креолка, точно очнувшись от грез. — Что ты сказала? У твоих ног? Кто?

— Ну вот, разве мисс не понимает, что я говорю?

— Право, нет.

— Я заставила бы их влюбиться в меня. Вот что!

— Но кого же?

— Всех белых джентльменов! Молодых плантаторов! Офицеров форта — всех, всех подряд! С вашими волосами, мисс Луи, я бы их всех заполонила!

— Ха-ха-ха!—рассмеялась Луиза, взглянув на Флоринду и представив ее со своей шевелюрой. — Ты думаешь, что ни один мужчина не устоял бы перед тобой, если бы у тебя были мои волосы?

— Нет, мисс, не только ваши волосы, но и ваше личико, ваша кожа, белая, как алебастр, ваша стройная фигура и ваши глаза... О мисс Луи, вы такая замечательная красотка! Я слыхала, как это говорили белые джентльмены. Но мне и не надо слышать, что они говорят, — я сама вижу.

— Ты научилась льстить, Флоринда.

— Нет, мисса, что вы! Ни одного словечка лести, ни одного слова! Клянусь вам! Клянусь апостолами!

Тому, кто лишь раз взглянул на Луизу, не нужны были клятвы негритянки, чтобы поверить в искренность ее слов, какими бы восторженными они ни были. Сказать, что Луиза Пойндекстер прекрасна, — значило только подтвердить общее мнение окружающего ее общества. Красота Луизы Пойндекстер поражала всех с первого взгляда, но трудно было подобрать слова, чтобы дать о ней представление. Перо не может описать

прелести ее лица. Даже кисть дала бы лишь слабое представление о ее облике, и ни один художник не мог бы изобразить на безжизненном полотне волшебный свет, который излучали ее глаза — казалось, освещая все лицо. Черты его были классическими и напоминали излюбленный Фидием и Праксителем тип женской красоты. И в то же время во всем греческом пантеоне нет никого похожего на нее, потому что у Луизы Пойндекстер было не лицо богини, а гораздо более привлекательное для простых смертных — лицо женщины.

На восторженные уверения Флоринды девушка ответила веселым смехом, в котором, однако, не слышалось сомнения. Молодой креолке не нужно было напоминать о ее красоте. Луиза знала, что она прекрасна, и не раз бросала пристальный взгляд в зеркало, перед которым ее причесывала и одевала служанка. Лесть негритянки мало тронула ее, не больше, чем ласка баловня спаньеля, и дочь плантатора снова задумалась; из этого состояния ее вывела болтовня служанки.

Флоринду это не смутило, она не замолчала. Горничную, очевидно, мучила какая-то тайна, которую ей хотелось разгадать во что бы то ни стало.

— Ах, — продолжала она, как будто разговаривая сама с собой, — если бы Флоринда была хоть наполовину так хороша, как молодая мисса, она бы ни на кого не смотрела и ни по ком бы не вздыхала!

— Вздыхала? — повторила Луиза, удивленная ее словами. — Что ты хочешь этим сказать?

— Боже мой, мисс Луи, Флоринда не такая уж слепая и не такая глухая, как вы думаете! Она давно замечает, что вы все сидите на одном месте и не пророните ни словечка, только вздыхаете, да так глубоко! Этого не бывало, когда мы жили на старой плантации в Луизиане.

— Флоринда, я боюсь, что ты теряешь рассудок, или ты его уже в Луизиане потеряла! Может быть, здешний климат плохо действует на тебя?

— Честное слово, мисс Луи, вы должны об этом спросить себя. Не сердитесь на меня, что я с вами так попросту разговариваю. Флоринда — ваша рабыня и

любит вас, как черная сестра. Она горюет, когда вы вздыхаете. Потому она так и говорит с вами. Вы не сердитесь на меня?

— Конечно, нет. За что мне на тебя сердиться, девочка? Я не сержусь, я же не говорила, что сержусь. Только ты ошибаешься. То, что ты видела и слышала, — всего лишь твоя фантазия. Ну, а вздыхать мне некогда. Сейчас мне хватит и других дел — ведь нужно будет принять чуть ли не сотню гостей, и почти все они незнакомые. Среди них будут молодые плантаторы и офицеры, которых ты поймала бы, если бы у тебя были мои волосы. Ха-ха! А у меня нет никакого желания очаровывать их, ни одного из них! Так что поскорее причесывай мои волосы, только не плети из них сетей.

— О мисс Луи, вы правду говорите? — спросила негритянка с нескрываемым любопытством. — И вы говорите, что ни один из этих джентльменов вам не нравится? Но ведь будут два — три очень-очень красивых! Этот молодой плантатор и те два красивых офицера. Вы ведь знаете, про кого я говорю. Все они так ухаживали за вами. Вы уверены, мисса, что ни об одном из них вы не вздыхаете?

— Опять о вздохах! — рассмеялась Луиза. — Довольно, Флоринда, мы теряем время. Не забывай, что у нас сегодня будет больше ста гостей и мне нужно хотя бы полчаса, чтобы подготовиться к такому большому приему.

— Не беспокойтесь, мисс Луи, не беспокойтесь! Мы поспеем вовремя. Вас одеть нетрудно — мисса хороша в любом наряде. Вы все равно будете первой красавицей, даже если наденете простое платье сборщицы хлопка!

— Как ты научилась льстить, Флоринда! Я подозреваю, что тебе что-то от меня надо. Может быть, ты хочешь, чтобы я помирила тебя с Плутоном?

— Нет, мисса, Плутон никогда больше не будет моим другом. Плутон оказался таким трусом, когда на нас налетела буря в черной прерии! О, мисс Луи, что бы мы только делали, если бы не подоспел тот молодой джентльмен на гнедой лошади!

— Если бы не он, милая Флоринда, наверно, никого из нас здесь не было бы.

— О мисса, а какой же он красавец! Вы помните его лицо? Его густые волосы совсем такого же цвета, как ваши, только вьются они немного вроде моих. И что тот молодой плантатор или офицер из форта по сравнению с ним! Пусть наши негры говорят, что он просто белый бродяга, — так что из этого? Он такой красавец, он заставит любую девушку вздыхать. Очень, очень пригожий малый!

До последней минуты молодая креолка сохраняла спокойствие. Теперь оно было нарушено. Случайно или намеренно, но Флоринда коснулась самых сокровенных дум своей молодой госпожи.

Луизе не хотелось открывать свою тайну даже рабыне, и она обрадовалась, когда со двора донеслись громкие голоса, — это был благовидный повод поскорее закончить туалет, а вместе с ним и разговор, который ей не хотелось продолжать.

Глава XI

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

— Эй ты, черномазый, где твой хозяин?

— Масса Пойндекстер, сэр? Старый или молодой?

— На что мне молодой? Я спрашиваю о мистере Пойндекстере. Где он?

— Да-да, сэр, они оба дома, то есть их обоих нет дома — ни старого хозяина, ни молодого масса Генри. Они там, внизу, — у речки, где делают новую ограду. Да-да, они оба там.

— Внизу, у речки? Далеко ли это отсюда, как ты думаешь?

— О сэр! Негр думает, что это мили за три или четыре, если не дальше.

— За три или четыре мили? Да ты совсем дурак! Разве плантация мистера Пойндекстера тянется так далеко? А, насколько мне известно, он не из тех, кто

ставит ограды на чужой земле. Вот что: скажи-ка лучше, когда он вернется? Уж это ты должен знать.

— Они оба должны скоро воротиться — и молодой хозяин и старый, и масса Колхаун тоже. Будет большой праздник в этом доме — понюхайте, как пахнет из кухни! И чего только там не готовят сегодня — и жареное и вареное, и целые туши, запеканки и курятина! Пир у нас будет не хуже, чем, бывало, на Миссисипи. Честь и слава масса Пойндекстеру! Он старик что надо, да-да, незнакомец! Что же вас не позвали на праздник — или вы не друг старого хозяина?

— Черт тебя побери, негр, разве ты меня не помнишь? А я вот всматриваюсь в твою черную физиономию и узнаю тебя.

— Господи! Неужели это масса Стумп, который привозил оленину и индюков на старые плантации? Вот так так — и правда! Право же, масса Стумп, негр помнит вас так хорошо, как будто было позавчера. Вы, кажется, заходили на днях, но меня здесь не было. Я кучер теперь — сижу на козлах кареты, в которой ездит молодая хозяйка плантации, красавица мисса Лу. Ей-богу, масса, лучше ее не найти! Люди говорят, что Флоринда ей в подметки не годится... Ну, ничего, масса Стумп, вы лучше подождите малость — старый хозяин вот-вот будет дома.

— Ладно, если такое дело, я подожду, — ответил охотник, неторопливо слезая с седла. — Слушай, — продолжал он, передавая негру поводья, — дай-ка ей штучек шесть початков кукурузы. Я проскакал на скотине больше двадцати миль с быстротой молнии — старался для твоего хозяина.

— О, мистер Зебулон Стумп, это вы? — раздался серебристый голосок, и на веранде появилась Луиза Пойндекстер. — Я так и думала, что это вы, — продолжала она, подходя к перилам, — хотя и не ожидала увидеть вас так скоро. Вы как будто сказали, что собираетесь в далекое путешествие. Но я очень рада, что вижу вас здесь; папа и Генри тоже будут вам рады... Плутон, иди сейчас же к кухарке Хлое и узнай, чем она может накормить мистера Стумпа... Вы ведь не обе-

дали, не правда ли? Вы весь в пыли — наверно, приехали издалека?.. Послушай, Флоринда, беги к буфету и принеси чего-нибудь выпить. У мистера Стумпа, наверно, сильная жажда — ведь сегодня такой жаркий день... Что вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет? Ах да, теперь я вспоминаю — вы предпочитаете мононгахильское виски. У нас, кажется, найдется... Посмотри, Флоринда, что там есть... Поднимитесь на веранду, мистер Стумп, и присядьте, пожалуйста. Вы хотели видеть отца? Он должен вернуться с минуты на минуту. А я постараюсь пока занять вас.

Если бы молодая креолка кончила говорить и раньше, она все равно не получила бы ответа сразу. Даже и теперь Стумп заговорил только через несколько секунд. Он стоял, не сводя с нее глаз, и как будто онемел от восхищения.

— Боже милостивый, мисс Луиза! — наконец выговорил он. — Когда я видел вас на Миссисипи, я думал, что вы самое прекрасное создание на земле. А теперь я уверен, что вы самое прелестное создание не только на земле, но и в небесах! Иосафат!

Старый охотник не преувеличивал. Только что причесанные волосы молодой креолки блестели, ее щеки после холодной воды горели ярким румянцем. Стройная, в легком платье из белой индийской кисеи, Луиза Пойндекстер действительно казалась первой красавицей на земле, а может быть, и на небе.

— Иосафат! — снова воскликнул охотник. — Мне случалось на своем веку видеть женщин, которые казались мне красивыми, и моя жена была недурна собой, когда я впервые встретил ее в Кентукки, — все это так. Но я скажу вот что, мисс Луиза: если взять всю их красоту и соединить в одно, то все равно не получилось бы и тысячной части такого ангела, как вы.

— Ай-яй-яй, мистер Стумп, мистер Стумп, от вас я этого не ожидала! Как видно, Техас научил вас говорить комплименты. Если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, вы лишитесь своей репутации правдивого человека. Теперь я уже совсем убеждена, что вам необходимо как следует выпить... Скорей, Фло-

ринда!.. Вы, кажется, сказали, что предпочитаете виски?

— Если я и не сказал, то, во всяком случае, подумал, а это почти одно и то же. Да, мисс, я отдаю предпочтение нашему отечественному напитку перед всеми иностранными и никогда не пройду мимо него, если только увижу. В этом отношении Техас меня не переделал.

— Масса Стумп, подать вам воды, чтобы разбавить? — спросила Флоринда, появляясь со стаканом, наполовину наполненным виски.

— Что ты, голубушка! Зачем мне воды! Она мне надоела за сегодняшний день. С самого утра у меня во рту не было ни капли вина, даже запаха не слышал.

— Дорогой мистер Стумп, но ведь виски невозможно так пить — оно обожжет вам горло. Возьмите немного меду или сахару.

— Зачем же переводить добро, мисс! Виски — прекрасный напиток и без этих снадобий, особенно после того, как вы на него взглянули. Сейчас увидите, могу ли я пить его неразбавленным. Давайте попробуем!

Старый охотник поднес стакан к губам и, сделав три—четыре глотка, вернул его пустым Флоринде. Громкое чмокание почти заглушило невольные возгласы удивления, вырвавшиеся у молодой креолки и ее служанки.

— Обожжет мне горло, вы сказали? Нисколько. Оно только промыло мне глотку, и теперь я могу разговаривать с вашим папашей относительно крапчатого мустанга.

— Ах да! А я совсем забыла... Нет, я не то хотела сказать... Я просто думала, что вы не успели еще ничего узнать. Разве есть какие-нибудь новости об этом красавце?

— Красавце — это правильно сказано.

— Вы слыхали что-нибудь новое об этом мустанге, после того как были у нас?

— Не только слыхал, но видел его и даже руками трогал.

— Неужели?

— Мустанг пойман.

— В самом деле? Какая чудесная новость! Как я рада, что увижу этого красавца, и как хорошо будет проехаться на нем! С тех пор как я в Техасе, у меня не было ни одной хорошей лошади. Отец обещал мне купить этого мустанга за любую цену. Но кто этот счастливец, которому удалось настичь его?

— Вы хотите сказать, кто поймал лошадку?

— Да-да! Кто же?

— Ну конечно, мустангер.

— Мустангер?

— Да, и такой, который и верхом ездит и лассо бросает лучше всех в здешней прерии. А еще хвалят мексиканцев! Никогда я не видел ни одного мексиканца, который так искусно управлялся бы с лошадьми, как этот малый, а в нем нет ни капли мексиканской крови, — ручаюсь головой!

— А как его зовут?

— Как его зовут? Должен признаться, что фамилии его я никогда не слыхал, а имя его — Морис. Его тут все зовут Морис-мустангер.

Старый охотник не был настолько наблюдателен, чтобы уловить, с каким напряженным интересом был задан этот вопрос. Он также не заметил, что на щеках девушки вспыхнул яркий румянец, когда она услыхала его ответ.

Однако ни то, ни другое не ускользнуло от внимания Флоринды.

— О мисс Луи, — воскликнула она, — ведь так зовут того храброго молодого джентльмена, который спас нас в черной прерии!

— И то правда! — воскликнул охотник, избавив молодую креолку от необходимости отвечать. — Только сегодня утром он рассказал мне эту историю, как раз перед нашим отъездом. Это он самый. Он-то и поймал крапчатого мустанга. Сейчас парень на пути к вам — гонит лошадку и еще около дюжины мустангов — и должен быть здесь до наступления сумерек. А я поспешил на своей старой кобыле вперед, чтобы рассказать об этом вашему отцу. Я знаю, что, как только об этой

лошадке узнают в форте и на плантациях, ее быстро перехватят. Я это сделал для вас, мисс Луиза, — помню, как вы заинтересовались моим рассказом о ней. Ну ничего, теперь не беспокойтесь, все будет в порядке — старый Зеб Стумп ручается за это.

— О, как вы добры, мистер Стумп! Я вам очень, очень благодарна! Но теперь я должна вас на минутку оставить. Извините меня. Отец скоро вернется. У нас сегодня званый обед. Мне надо распорядиться по хозяйству... Флоринда, скажи, чтобы мистеру Стумпу подали завтрак. Иди и распорядись поскорее... Да, вот еще что, мистер Стумп, — продолжала девушка, подходя к охотнику и понизив голос: — если молодой... молодой джентльмен приедет, когда здесь будут гости — он, вероятно, незнаком с ними, — последите, пожалуйста, чтобы о нем позаботились. Здесь, на веранде, у нас вино, тут же будет и закуска. Вы понимаете, о чем я говорю, дорогой мистер Стумп?

— Черт меня побери, если я что-нибудь понимаю, мисс Луиза! Я понимаю вас, когда речь идет о выпивке и прочем, но про какого молодого джентльмена вы говорите, этого я никак не возьму в толк.

— Ну как же вы не понимаете! Молодой джентльмен — молодой человек, который должен привести мустангов.

— А-а! Морис-мустангер! Вы, стало быть, про него говорите? Должен сказать, что вы не ошиблись, называя его джентльменом, хотя редко о каком мустангере можно так сказать, но этот парень — джентльмен во всем: по рождению, воспитанию и поведению, несмотря на то что он охотник за лошадьми, да к тому же ирландец.

Глаза Луизы Пойндекстер заблестели от радости, когда она услышала мнение старого охотника о Морисе-мустангере.

— Но знаете, — продолжал Зеб, у которого, казалось, возникло какое-то сомнение, — я вам скажу по-дружески: этого парня обидит гостеприимство из вторых рук. Ведь он, как у нас, бывало, говорили в Миссисипи, «горд, как Пойндекстер». Простите, мисс Луи-

за, что у меня так вырвалось. Я забыл, что разговариваю с мисс Пойндекстер — не с самым гордым, но с самым красивым членом этой семьи.

— О мистер Стумп, мне вы можете говорить все, что хотите. Вы знаете, что на вас, на нашего милого великана, я не обижусь.

— У кого повернется язык сказать что-нибудь обидное для вас, мисс Луиза?

— Благодарю, благодарю! Я знаю ваше благородное сердце, вашу преданность. Может быть, когда-нибудь, мистер Стумп... — она говорила нерешительно, — мне понадобится ваша дружба.

— Она не заставит себя ждать — это Зеб Стумп может вам обещать, мисс Пойндекстер.

— Спасибо! Тысячу раз спасибо!.. Но что вы хотели сказать? Вы говорили о гостеприимстве из вторых рук?

— Да, говорил.

— Что вы имели в виду?

— Я хотел сказать: не будет толку, если я предложу Морису-мустангеру что-нибудь выпить или закусить в вашем доме. Разве только ваш отец сам предложит ему, а не то он уйдет, не дотронувшись ни до чего. Вы понимаете, мисс Луиза, ведь он не такой человек, которого можно отослать на кухню.

Молодая креолка не сразу ответила — она как будто о чем-то задумалась.

— Ну хорошо, не беспокойтесь, — сказала она наконец, и по тону ее можно было догадаться, что колебания ее кончились. — Хорошо, мистер Стумп, не угощайте его. Только дайте мне знать, когда он приедет. Но, если это будет во время обеда, он, конечно, поймет, что никто не сможет выйти к нему, — тогда, пожалуйста, задержите его немного. Вы обещаете мне это?

— Ну конечно, раз вы меня просите.

— Спасибо. Только обязательно дайте мне знать, когда он придет. Я сама предложу ему закусить.

— Боюсь, мисс, как бы вы не отбили у него аппетит. Даже голодный волк потеряет охоту к еде, когда увидит вас или услышит ваш звонкий голосок. Когда

я сюда пришел, я был так голоден, что готов был целиком проглотить сырого индюка. А теперь мне еда ни к чему, хоть целый месяц могу теперь не есть.

В ответ Луиза разразилась звонким смехом и показала охотнику на противоположный конец двора, где из дверей кухни появилась Флоринда с подносом в руках, а за ней следовал Плутон — тоже с подносом, но только пошире и более основательно нагруженным.

— Ах вы, милый великан! — с притворным упреком сказала креолка. — Не верится мне, что вы так легко теряете аппетит... А вот и Плутон с Флориндой! То, что они несут, составит вам более веселую компанию, чем я. И поэтому я вас оставляю. До свидания, Зеб! До свидания!

Эти слова были произнесены веселым тоном; Луиза беззаботно прошла через веранду, но, очутившись одна в своей комнате, снова погрузилась в глубокое раздумье.

«Это моя судьба. Я чувствую, я знаю это. Мне страшно идти ей навстречу, но я не в силах избежать ее. Я не могу и *не хочу*!» — прошептала она.

Глава XII

УКРОЩЕНИЕ ДИКОЙ ЛОШАДИ

Асотея — самая приятная часть мексиканского дома: ее пол — плоская крыша асиенды, а потолок — синий купол неба. В хорошую погоду — а в этом благодатном климате погода всегда хорошая — асотею предпочитают гостиной.

Там в послеобеденные часы, когда заходящее солнце заливает розовым светом снежные вершины гор Орисаба, Попокатепетль, Талука и горы Близнецов, мексиканский кабальеро щеголяет перед прекрасной сеньоритой своим украшенным вышивкой нарядом, дымя ей прямо в лицо сигарой. Черноглазая красавица снисходительно слушает тихие любовные признания, а может быть, не слушает, а только притворяется и груст-

но глядит на далекую асиенду, где живет тот, кому отдано ее сердце.

Проводить часы сумерек на крыше дома — это приятный обычай, которому следуют все, кто поселился в мексиканской асиенде. Вполне естественно, что и семья луизианского плантатора следовала ему.

И в этот вечер, после того как столовая опустела, гости собрались не в гостиной, а на крыше. Заходящее солнце осветило косыми лучами такое оживленное и блестящее общество, какое едва ли когда-нибудь собиралось на асотее Каса-дель-Корво. Гости прогуливались по ее мозаичному полу, стояли группами или же, остановившись у парапета, смотрели вдаль. Даже в старые времена, когда прежний владелец принимал у себя местных идальго [1] самой голубой крови во всей Коауиле и Техасе, — даже тогда не собирался здесь такой цвет мужества и красоты, как в этот вечер.

Общество, которое собралось в Каса-дель-Корво, чтобы поздравить Вудли Пойндекстера с переездом в его техасское поместье, принадлежало к избранному кругу не только Леоны, но и других более отдаленных мест. Здесь были гости из Гонсалеса, из Кастровилла и даже из Сан-Антонио — старые друзья плантатора, которые, так же как и он, переселились в юго-западный Техас; многие из них проскакали более ста миль верхом, чтобы присутствовать на этом торжестве.

Плантатор не пожалел ни денег, ни трудов, чтобы придать празднеству пышность. Блестящие мундиры и эполеты приглашенных офицеров, военный оркестр, прекрасные старые вина погребов Каса-дель-Корво — все это придавало пиршеству блеск, еще не виданный на берегах Леоны.

Но главным украшением общества была прелестная дочь плантатора. Слава о ее красоте достигла Техаса раньше, чем она сама успела приехать из Луизианы, где считалась первой красавицей. Молодая хозяйка дома появлялась то здесь, то там среди гостей, прекрасная, как богиня, с улыбкой королевы на устах.

---

[1] Идальго — испанский дворянин.

Сотни глаз были устремлены на нее: одни следили за ней с восхищением, другие — с завистью.

Но была ли она счастлива?

Этот вопрос может показаться странным, почти нелепым. Окруженная друзьями, поклонниками, — один из которых был давно уже страстно влюблен, другие только начинали влюбляться, — поклонниками, среди которых были молодые плантаторы, адвокаты, начинающие свою карьеру и уже известные государственные деятели, сыны Марса, носящие оружие или недавно его снявшие, — могла ли она не быть счастливой? Только посторонний мог задать этот вопрос — человек, не знакомый с характером креолок и особенно с характером Луизы Пойндекстер.

В блестящей толпе гостей был человек, знакомый и с тем и с другим, который жадно ловил каждый ее жест и старался разгадать его значение. Это был Кассий Колхаун.

Он следовал за ней повсюду и не на близком расстоянии, как тень, но украдкой, незаметно переходя с места на место; наверху ли, внизу ли, стоя прислонившись в углу с видом притворной рассеянности, он ни на минуту не отводил глаз от прекрасной креолки, словно сыщик.

Как ни странно, он не обращал внимания на то, что она говорила в ответ на комплименты, которыми ее засыпали кавалеры, добиваясь ее улыбки, — даже серьезное ухаживание молодого драгуна Генкока как будто не беспокоило Колхауна. Все это он слушал без видимого волнения, как обычно слушают разговоры, не представляющие никакого интереса ни для себя, ни для друзей.

И только когда все поднялись на асотею, Кассий Колхаун выдал себя: окружающие не могли не заметить того упорного, испытующего взгляда, каким он следил за Луизой, когда та подходила к парапету и всматривалась в даль. Гости, стоявшие вблизи, поймали не один такой взгляд, потому что не раз повторялось движение, которое вызывало его.

Каждые несколько минут молодая хозяйка Каса-

дель-Корво приближалась к парапету и смотрела вдаль, через равнину, словно чего-то искала на горизонте.

Почему она делала это, никто не знал, и никого это не беспокоило. Никого, кроме Кассия Колхауна. У него же были подозрения, которые терзали его.

А когда по прерии в золотых лучах заходящего солнце замелькали какие-то силуэты и наблюдавшие с асотеи скоро различили табун лошадей, сопровождаемый несколькими всадниками, отставной капитан уже не сомневался, что знает, кто скачет во главе этой кавалькады.

Но еще задолго до того, как табун лошадей привлек внимание гостей, Луиза заметила его по облаку пыли, поднявшемуся на горизонте. Правда, оно было тогда еще настолько маленьким и неясным, что увидеть его мог только тот, кто напряженно ждал его появления. С этой минуты молодая креолка, непринужденно болтая с подругами, исподтишка следила за приближающимся облаком пыли; она уже догадывалась, чем оно было вызвано, но думала, что знает это только она одна.

— Дикие лошади! — объявил майор, комендант форта Индж, посмотрев в бинокль. — Кто-то ведет их сюда, — сказал он, вторично поднимая бинокль к глазам. — А! Теперь я вижу: это Морис-мустангер — он иногда поставляет нам лошадей. Он как будто бы едет прямо сюда, мистер Пойндекстер.

— Очень возможно, если это тот молодой человек, которого вы только что назвали, — ответил владелец Каса-дель-Корво. — Этот мустангер взялся доставить мне десятка два—три лошадей и, вероятно, уже ведет их... Да, так и есть, — сказал он, посмотрев в бинокль.

— Я уверен, что это он! — воскликнул сын плантатора. — Я узнаю в этом всаднике Мориса Джеральда.

Дочь плантатора тоже могла бы это сказать, но она не показала виду, что сколько-нибудь заинтересована происходящим. Она заметила, что за ней неустанно следят злые глаза двоюродного брата.

Наконец табун приблизился. Впереди действительно скакал Морис-мустангер; он вел за собой на лассо крапчатого мустанга.

— Что за чудесная лошадка! — раздалось несколько голосов, когда дикого мустанга, встревоженного необычной обстановкой, подвели к дому.

— А ведь стоит спуститься вниз, чтобы посмотреть на эту дикарку, — заметила жена майора, дама с восторженным характером. — Давайте сойдем вниз. Как вы думаете, мисс Пойндекстер?

— Если хотите, — послышался ответ молодой хозяйки среди целого хора настойчивых голосов.

— Спустимся вниз, скорее спустимся!

Под предводительством жены майора дамы сбежали вниз по каменной лестнице. Мужчины последовали за ними. Через несколько минут мустангер, все еще верхом на лошади, очутился вместе со своей пленницей в самом центре изысканного общества.

Генри Пойндекстер опередил всех и дружески приветствовал мустангера.

Луиза обменялась с Морисом лишь легким поклоном. Оказать больше внимания торговцу лошадьми, даже если считать, что он был удостоен чести знакомства с ней, она не решилась, так как вряд ли это понравилось бы обществу.

Из всех дам одна лишь жена майора поздоровалась с мустангером приветливо, но это было сделано свысока и в тоне ее звучала снисходительность. Зато он был вознагражден быстрым и выразительным взглядом молодой креолки.

Впрочем, благосклонность сквозила во взгляде не только одной Луизы. По правде сказать, даже несмотря на запыленный костюм, мустангер был очень хорош собой. Долгий путь как будто нисколько не утомил его. Степной ветер разрумянил лицо молодого ирландца; сильная, бронзовая от загара шея подчеркивала мужественную красоту юноши. Пыль, приставшая к его густым кудрям, не смогла скрыть их блеск и красоту. Во всей его стройной фигуре чувствовались необыкновенная выносливость и сила. Не одна пара женских глаз

украдкой глядела на него, стараясь поймать его взгляд. Хорошенькая племянница интенданта восхищенно улыбалась ему. Говорили, что и жена интенданта посматривала на него, но это, по-видимому, была лишь клевета, исходившая от супруги доктора, известной в форте сплетницы.

— Нет сомнения, — сказал Пойндекстер, осмотрев пойманного мустанга, — что это именно та лошадь, о которой мне говорил Зеб Стумп.

— Да, она и есть та самая, — ответил старый охотник, подходя к Морису, чтобы помочь ему. — Совершенно правильно, мистер Пойндекстер, это та самая лошадь. Парень поймал ее, прежде чем я успел приехать к нему. Хорошо, что я подоспел вовремя: лошадка, пожалуй, могла попасть в другие руки, а это огорчило бы мисс Луизу.

— Это верно, мистер Стумп. Вы очень внимательны ко мне. Право, не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за вашу доброту, — сказала Луиза.

— «Отблагодарить»! Вы хотите сказать, что желали бы сделать мне что-нибудь приятное? Это вам нетрудно, мисс. Ведь я-то ничего особенного и не сделал — прокатился по прерии, вот и все. А полюбоваться на такую красотку, как вы, да еще в шляпе с пером и в юбке с длинным хвостом, который развевается позади вас, верхом на этой кобыле — за такую плату Зеб Стумп согласился бы пробежаться до самых Скалистых гор и обратно!

— О мистер Стумп, какой вы неисправимый льстец! Посмотрите вокруг, и вы найдете многих, более меня достойных ваших комплиментов.

— Ладно, ладно! — ответил Зеб, бросив рассеянный взгляд на дам. — Я не отрицаю, что здесь много красоток — черт побери, много красоток! Но, как говорили у нас в Луизиане, Луиза Пойндекстер только одна.

Взрыв смеха, в котором можно было различить лишь немного женских голосов, был ответом на галантную речь Зеба.

— Я вам должен двести долларов за эту лошадь, — сказал плантатор, обращаясь к Морису и указывая на

крапчатого мустанга. — Кажется, о такой сумме договаривался с вами мистер Стумп?

— Я не участвовал в этой сделке, — ответил мустангер, многозначительно, но любезно улыбаясь. — Я не могу взять ваших денег. Эта лошадь не продается.

— В самом деле? — сказал Пойндекстер, отступая назад с видом уязвленной гордости.

Плантаторы и офицеры не могли скрыть своего крайнего удивления, услышав ответ Мориса. Двести долларов за необъезженного мустанга, тогда как обычная цена от десяти до двадцати! Мустангер, вероятно, не в своем уме.

Но Морис не дал им возможности рассуждать на эту тему.

— Мистер Пойндекстер, — продолжал он с прежней любезностью, — вы так хорошо заплатили мне за других мустангов и даже раньше, чем они были пойманы, что разрешите мне отблагодарить вас и сделать подарок, как у нас в Ирландии говорят, «на счастье». По нашему ирландскому обычаю, когда торговая сделка на лошадей происходит на дому, подарок делают не тому, с кем заключают сделку, а его жене или дочери. Разрешите мне ввести этот ирландский обычай в Техасе?

— Разумеется! — раздалось несколько голосов.

— Я не возражаю, мистер Джеральд, — ответил плантатор, поступаясь своим консерватизмом перед общим мнением. — Как вам будет угодно.

— Благодарю, джентльмены, благодарю! — сказал мустангер, покровительственно взглянув на людей, которые считали себя выше его. — Эта лошадь и будет подарком «на счастье». И, если мисс Пойндекстер согласится принять ее, я буду чувствовать себя более чем вознагражденным за три дня непрерывной охоты за этой дикаркой. Будь она самой коварной кокеткой, и тогда вряд ли было бы труднее ее покорить.

— Я принимаю ваш подарок, сэр, и принимаю его с благодарностью, — впервые заговорила молодая креолка, непринужденно выступая вперед. — Но мне кажется... — продолжала она, указывая на мустанга и в то

же время вопросительно смотря в глаза мустангеру, — мне кажется, что ваша пленница еще не укрощена? Она дрожит от страха перед неизвестным будущим. Вероятно, еще постарается сбросить узду, если она ей придется не по нраву, и что я, бедняжка, тогда буду делать?

— Правильно, Морис, — сказал майор, совсем не поняв тайного смысла этих слов и обращаясь к тому, кто один только и мог разгадать их значение. — Мисс Пойндекстер права. Мустанг еще совсем не объезжен — это ясно каждому. А ну-ка, любезный друг, поучите его немного!.. Леди и джентльмены! — обратился майор к окружающим. — Это стоит посмотреть, особенно тем, кто еще не видел подобного зрелища... Ну-ка, Морис, садитесь на нее и покажите нам, на что способны наездники прерий. Судя по ее виду, вам предстоит нелегкая задача.

— Вы правы, майор, задача действительно не из легких! — ответил мустангер, бросив быстрый взгляд, но не на четвероногую пленницу, а на молодую креолку.

Собрав все свои силы, чтобы не выдать себя, девушка, дрожа, отступила назад и скрылась в толпе гостей.

— Ничего, Морис, ничего! — твердил майор успокаивающим тоном. — Хоть глаза ее и горят огнем, бьюсь об заклад, что вы выбьете из нее дурь. Попытайтесь-ка!

Не принять предложения майора мустангер не мог — ему не позволила профессиональная гордость. Это был вызов его ловкости, мастерству наездника: завоевать себе признание в прериях Техаса не так-то легко.

Морис выразил согласие тем, что ловко соскочил с седла и, передав поводья своей лошади Зебу Стумпу, подошел к крапчатому мустангу.

Молодой охотник не стал терять время на какие-либо приготовления, он только попросил освободить место. Это было выполнено мгновенно: бóльшая часть гостей, в том числе все дамы, вернулись на асотею.

Морис Джеральд вскочил на спину мустанга только с куском лассо в руках, которое он набросил петлей на

Впервые дикая лошадь почувствовала на себе человека.

его нижнюю челюсть и затянул на голове в виде уздечки.

Впервые дикая лошадь почувствовала на себе человека, в первый раз ей было нанесено подобное оскорбление.

Пронзительный злобный визг показал, какое негодование вызвало у нее это посягательство на свободу.

Лошадь встала на дыбы и несколько секунд сохраняла равновесие в этом положении. Всадник не растерялся и обхватил ее шею обеими руками. С силой сжимая ее горло, он вплотную прильнул к ней. Не сделай он этого, лошадь могла бы броситься на спину и раздавить под собой седока.

После этого мустанг начал бить задом — прием, к которому всегда прибегают в подобных случаях дикие лошади. Это поставило всадника в особенно трудное положение: он рисковал быть сброшенным. Уверенный в своей ловкости, мустангер отказался от седла и стремян, а сейчас они бы ему очень помогли; но укротить оседланную лошадь не сочли бы в прерии за подвиг.

Он справился и так. Когда лошадь стала бить задом, мустангер быстро перевернулся на ее спине, руками обхватил ее за бока и, упершись пальцами ног в ее лопатки, не дал себя сбросить.

Два или три раза повторил мустанг эту попытку, но каждый раз вынужден был уступить ловкости наездника. И наконец, словно поняв тщетность своих усилий, взбешенная лошадь перестала брыкаться и, сорвавшись с места, помчалась таким галопом, словно собиралась унести всадника на край света.

Где-то эта скачка должна была кончиться, но лишь вне поля зрения собравшихся, которые остались на асотее, ожидая возвращения мустангера. Многие высказывали предположения, что он может быть убит или по крайней мере изувечен. Среди присутствующих один человек тайно желал этого, а для другого это было почти равносильно собственной смерти. Почему Луиза Пойндекстер, дочь гордого луизианского плантатора, известная красавица, которая могла бы выйти замуж за самого знатного и богатого человека, почему она

позволила себе увлечься или даже просто мечтать о бедном техасском охотнике — это была тайна, которую не могла разгадать даже она сама, несмотря на свой незаурядный ум.

Может быть, она еще не зашла так далеко, чтобы влюбиться. Сама она этого не думала.

Она сознавала только, что в ней вспыхнул какой-то странный интерес к этому удивительному человеку, с которым она познакомилась при таких романтических обстоятельствах и который так сильно отличался от заурядных людей, составлявших так называемое избранное общество.

И она сознавала, что этот интерес, вызванный словом, взглядом, жестом, услышанным или замеченным среди выжженной прерии, вместо того чтобы погаснуть, день ото дня становился все больше.

И сердце Луизы забилось сильнее, когда Морис-мустангер снова появился на лошади, но теперь уже не дикой, а укрощенной: она не пыталась сбросить его, а притихла и покорно признала в нем своего хозяина.

Молодая креолка испытала то же чувство, хотя этого никто не заметил и она сама этого не сознавала.

— Мисс Пойндекстер, — сказал мустангер, соскакивая с лошади и не обращая внимания на встретивший его гром рукоплесканий, — могу ли я попросить вас подойти к лошади, набросить ей на шею лассо и отвести в конюшню? Если вы это сделаете, она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого станет покорна вашей воле, стоит вам лишь напомнить ей о том, что впервые лишило ее свободы.

Чопорная красавица возмутилась бы таким предложением, кокетка отклонила бы его, а робкая девушка испугалась бы.

Но Луиза Пойндекстер, правнучка французской эмигрантки, ни минуты не колеблясь, без тени жеманства или страха, встала и покинула своих аристократических друзей. Следуя указаниям мустангера, она взяла веревку, сплетенную из конского волоса, набросила ее на шею укрощенного мустанга и отвела его в конюшню Каса-дель-Корво.

Слова мустангера звучали у нее в ушах, эхом отдаваясь в сердце: «Она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого станет покорна вашей воле, стоит вам лишь напомнить ей о том, что впервые лишило ее свободы».

Глава XIII

ПИКНИК В ПРЕРИИ

Первые розовые лучи восходящего солнца озарили флаг форта Индж; более слабый отблеск упал на плацпарад перед офицерскими квартирами.

Он осветил небольшой фургон, запряженный парой мексиканских мулов. Судя по тому, с каким нетерпением мулы били копытами, вертели хвостами и поводили ушами, можно было заключить, что они давно уже стоят на месте и ждут не дождутся, когда настанет время двинуться в путь. Поведение мулов предупреждало зевак, чтобы они не подходили близко и не попадались им под копыта.

Собственно говоря, зевак и не было, если не считать человека огромного роста, в войлочной шляпе, в котором, несмотря на слабое освещение, нетрудно было узнать старого охотника Зеба Стумпа.

Он не стоял, а сидел верхом на своей старой кобыле, которая проявляла куда меньше желания тронуться в путь, чем мексиканские мулы или ее хозяин.

Но вокруг кишела лихорадочная суета. Люди быстро сновали взад и вперед — от фургона к дверям дома и затем обратно к фургону.

Их было человек десять; они отличались друг от друга одеждой и цветом кожи. В большинстве это были солдаты нестроевой службы. Двое из них, вероятно, были поварами, а еще двух—трех можно было принять за офицерских денщиков.

Среди них важно расхаживал взад и вперед франтоватый негр; его самоуверенный вид можно было объяснить только тем, что он состоял в лакеях у майора — коменданта форта. Командовал этой пестрой кучкой

людей сержант, у которого соответственно его чину были три нашивки на рукаве; ему было поручено нагрузить фургон всякого рода напитками и провизией — короче говоря, всем необходимым для пикника.

Пикник устраивался на широкую ногу, о чем можно было судить по количеству и разнообразию припасов, погруженных в фургон: там стояли корзинки и корзиночки всех видов и размеров и продолговатый ящик с двенадцатью бутылками шампанского; а жестяные банки, выкрашенные в ярко-коричневый цвет, и неизбежные коробки сардин говорили о лакомствах, привезенных в Техас издалека.

Несмотря на обилие вин и всяких деликатесов, один из хлопотавших здесь остался недовольным. Этим разочарованным гурманом был Зеб Стумп.

— Послушай-ка, — обратился он к сержанту, — в этом фургоне чего-то не хватает. Мне сдается, что в прерии найдется кое-кто, кому не по вкусу всякие заграничные штучки, вроде этого шампэня, и кто предпочитает пойло попроще.

— Предпочитает пойло шампанскому? Вы про лошадей говорите, мистер Стумп?

— К черту твоих лошадей! Я не про лошадиное пойло говорю, а про мононгахильское виски.

— А, теперь все понятно! Вы правы, мистер Стумп... Про виски не следует забывать, Помпей. Кажется, там припасена бутыль для пикника.

— Так точно, сержант! — раздался голос чернокожего слуги, приближавшегося с большой бутылью. — Вот эта самая виски.

Считая, что теперь сборы закончены, старый охотник стал проявлять признаки нетерпения.

— Ну-как, сержант, все готово? — сказал он, нетерпеливо переминаясь в стременах.

— Не совсем, мистер Стумп. Повар говорит, что нужно еще цыплят дожарить.

— Провались эти цыплята вместе с поваром! Что они сто́ят по сравнению с диким индюком наших прерий! А как подстрелишь птицу, если солнце пропутешествовало по небу с десяток миль? Майор заказал мне

достать хорошего индюка во что бы то ни стало. Черт побери! Это не так-то просто после восхода солнца, да еще когда эта колымага тащится по пятам. Не думайте, сержант, — птицы не такие дураки, как солдаты форта. Из всех обитателей прерии дикий индюк самый умный, и, чтобы его провести, нужно встать по крайней мере вместе с солнцем, а то и раньше.

— Верно, мистер Стумп. Я знаю, майор рассчитывает на ваше искусство и надеется попробовать индюка.

— Еще бы! А может, он еще хочет, чтобы я доставил ему язык и окорок бизона, хотя эта скотина в южном Техасе уже лет двадцать как уничтожена? Правда, я слыхал, что европейские писатели, а особенно французы, пишут в своих книжках совсем другое... ну, это уж на их совести. В этих краях теперь нет бизонов... Здесь водятся медведи, олени, дикие козлы, много диких индюков, но, чтобы подстрелить дичь к обеду, надо позавтракать до рассвета. Мне необходимо иметь запас времени, иначе я не обещаю вести вашу компанию, да еще по дороге охотиться за индюками. Так вот, сержант, если хочешь, чтобы знатные гости жевали индюка за сегодняшним обедом, давай команду трогаться.

Убедительная речь старого охотника подействовала на сержанта, и он сделал все, что от него зависело, чтобы поскорее двинуться в путь вместе со всеми белыми и черными помощниками. И вскоре после этого обоз с провизией, предводительствуемый Зебом Стумпом, уже двигался через широкую равнину, расстилающуюся между Леоной и Рио-де-Нуэсес.

* * * * * * * * *

Не прошло и двадцати минут после отъезда фургона с провизией, как на плац-параде стало собираться общество, которое выглядело несколько иначе.

Появились дамы верхом на лошадях, но их сопровождали не грумы, как это бывает во время охоты в Англии, а друзья или знакомые, отцы, братья, женихи, мужья. Почти все, кто был на новоселье у Пойндекстера, собрались здесь.

Приехал и сам плантатор, его сын Генри, племянник Кассий Колхаун и дочь Луиза. Молодая девушка была верхом на крапчатом мустанге, который привлек к себе общее внимание на празднике в Каса-дель-Корво.

Пикник устраивался, чтобы отблагодарить Пойндекстера за его гостеприимство; майор и офицеры были хозяевами, плантатор и его друзья — приглашенными. Для увеселения гостей решили устроить охоту за дикими лошадьми — великолепное, редкостное зрелище.

Местом для такой охоты могла быть только прерия, где водились дикие мустанги, — милях в двадцати к югу от форта Индж. Поэтому и нужно было отправиться в путь пораньше и взять достаточное количество провизии.

Как только солнечные лучи заиграли на зеркальной глади Леоны, участники пикника уже готовы были отправиться в путь в сопровождении двадцати драгун, которым было отдано распоряжение держаться позади. Как и у слуг, у них был свой проводник, но не старый следопыт в выцветшей куртке, в поношенной войлочной шляпе, ехавший на кляче, а молодой всадник в живописном костюме, на великолепном коне, вполне достойный быть проводником такого изысканного общества.

— Пора, Морис! — крикнул майор, видя, что все уже в сборе. — Мы готовы следовать за вами... Леди и джентльмены! Этот молодой человек прекрасно знает повадки и привычки диких лошадей. Никто в Техасе не сможет лучше показать нам охоту на них, чем Морис-мустангер.

— Я не заслуживаю таких похвал, — ответил молодой ирландец, вежливо поклонившись обществу. — Я только обещаю показать вам, где водятся мустанги.

«Как он скромен!» — подумала Луиза, вся дрожа при одной только мысли о том, чему боялась верить.

— Поехали! — скомандовал майор, и веселая кавалькада во главе с Морисом Джеральдом тронулась в путь.

* * * * * * * * *

Для жителей Техаса проехать до завтрака двадцать миль по прерии — сущая безделица.

Не прошло и трех часов, как кавалькада достигла цели своего путешествия, которое прошло вполне благополучно, если не считать того, что под конец все сильно проголодались.

К счастью, фургон с провизией не заставил себя ждать, и еще задолго до полудня оживленная компания расположилась закусить в тени огромного гикори на берегу Рио-де-Нуэсес.

В пути ничего особенного не произошло. Мустангер в роли проводника скакал, как всегда, впереди; остальные участники пикника, не считая одного или двух, почти не замечали его, за исключением тех случаев, когда он поражал всех своим мастерством наездника, легко перескакивая ручьи или овраги, в то время как другие искали брода или объезжали препятствие.

Можно было бы заподозрить его в хвастовстве — в желании порисоваться. Кассий Колхаун высказал такое мнение. Возможно, что на этот раз отставной капитан сказал правду.

Но кто стал бы осуждать за это мустангера? Были ли вы когда-нибудь на охоте в Англии, где со всех сторон горделиво кивают шляпы с перьями и по траве тянутся шлейфы амазонок? Вы говорите, что были, и что же? Будьте осторожны и не упрекайте напрасно техасского мустангера. Подумайте, он ведь был под огнем двадцати пар прекрасных глаз — некоторые из них сияли, как звезды. Вспомните, что среди них были глаза Луизы Пойндекстер, и едва ли вы будете удивляться желанию мустангера блеснуть.

И некоторые другие всадники с не меньшей настойчивостью стремились показать свою удаль и мужество. Молодой драгун Генкок не раз старался доказать, что он не новичок в верховой езде, а лейтенант стрелковых войск время от времени покидал племянницу интенданта, чтобы продемонстрировать свое искусство наездника; а когда он слышал восхищенный шепот, он не всегда смотрел в сторону той, которой, по мнению всех, было отдано его сердце.

О, дочь Пойндекстера! И в салонах цивилизованной Луизианы, и в прериях дикого Техаса твое присутствие вызывает бурю. Где бы ты ни появилась, пробуждаются романтические мечты и начинают бушевать страсти.

Глава XIV

МАНАДА

Будь Морис Джеральд полным властелином прерии и если бы все обитатели ее были покорны ему, он не мог бы выбрать более удачного места для охоты за дикими лошадьми, чем то, к которому он привел путешественников.

Едва лишь запенилось в бокалах вино из немецких погребков Сан-Антонио и синева неба стала казаться глубже, а зелень еще изумруднее, как «Mustenos!» заглушил гул голосов, и полувысказанные признания были прерваны взрывом веселого смеха. Это крикнул мексиканский вакеро, который был послан дозорным на холм неподалеку.

Морис, приглашенный к столу в качестве гостя, быстро допил свой стакан и, вскочив на лошадь, крикнул:

— Cavallada? [1]

— Нет, — ответил мексиканец, — manada.

— Что они там болтают? — спросил Колхаун.

— Mustenos — по-мексикански значит «мустанги», — ответил майор, — а манадой они называют табун диких кобыл. В эту пору кобылы держатся вместе, отдельно от жеребцов, если только...

— Если что? — нетерпеливо спросил капитан Колхаун, прерывая объяснение.

— Если только на них не нападают ослы, — ответил майор.

Все засмеялись.

Между тем манада приближалась.

— На коней! — раздались со всех сторон голоса.

---

[1] Cavallada (исп.) — стадо диких жеребцов.

Едва ли можно было успеть сосчитать до ста, как удила были уже во рту лошадей, не успевших прожевать кукурузу, уздечки переброшены через их плечи, еще влажные от быстрой скачки в духоте тропического утра, и все были уже в седлах, готовые мчаться вперед.

В это время дикий табун появился на гребне возвышенности, на которой только что стоял дозорный. А он — мустангер по профессии — был уже в седле и в одно мгновение оказался среди табуна, пытаясь набросить лассо на одного из мустангов. Дико храпя, лошади мчались бешеным галопом, словно спасаясь от какого-то страшного преследователя. Все время испуганно косясь назад, не замечая ни фургона, ни всадников, они неслись вперед.

— За ними кто-то гонится, — сказал Морис, заметив беспокойное поведение животных. — Что там такое, Креспино? — крикнул он мексиканцу, которому с холма было видно, кто преследует табун.

В ожидании ответа все притихли. На лицах многих отразились тревога и даже страх. Не индейцы ли гонятся за мустангами?

— Un asino cimmaron, — послышался малоутешительный ответ мексиканца. — Un macho [1], — прибавил он.

— Да, так я и думал. Надо остановить негодяя, иначе он испортит нам всю охоту. Когда дикий осел гонится за табуном, мустангов не остановишь никакими силами. Далеко ли он?

— Совсем близко, дон Морисио. Он бежит прямо на меня.

— Попробуй набросить на него лассо. Если не удастся, стреляй. От него надо избавиться.

Почти никто из присутствующих не понял, кто преследует лошадей. Только мустангер знал, что означают слова: «Un asino cimmaron».

— Объясните, Морис, в чем дело, — сказал майор.

— Посмотрите туда, — ответил мустангер, указывая на вершину холма.

---

[1] Дикий осел. Самец (исп.).

Этих двух слов было достаточно. Все взоры устремились на гребень холма, где с быстротой птицы неслось животное, считающееся образцом медлительности и глупости.

Дикий осел очень сильно отличался от своего забитого собрата — домашнего осла. Дикий осел был почти такой же величины, как мустанги, за которыми он гнался. Если он и не бежал быстрее самого быстрого из них, то, во всяком случае, не отставал. Эта живая картина возникла на фоне зеленой прерии с молниеносной быстротой. Наблюдавшие не успели обменяться и несколькими словами, как дикие кобылы оказались почти рядом с ними. Тут, точно впервые заметив группу всадников, мустанги забыли о своем ненавистном преследователе и повернули в сторону.

— Леди и джентльмены! Оставайтесь на месте! — закричал Джеральд, обращаясь к всадникам, пробовавшим сдержать своих лошадей. — Я знаю, где излюбленное пастбище этого табуна. Мустанги помчались туда. Мы отправимся за ними, и там у нас будет хорошая возможность поохотиться. Если же мы начнем охоту сейчас, они скроются вон в тех зарослях, и тогда мы вряд ли их снова увидим... Ну-ка, сеньор Креспино! Пусти пулю в этого негодяя. Ведь он на расстоянии выстрела, не так ли?

Мексиканец снял с седла свое короткоствольное ружье, быстро вскинул его, прицелился и выстрелил в дикого осла.

Осел заревел, но это был, видимо, только вызов с его стороны. Он остался невредим: Креспино промахнулся.

— Надо остановить его, — воскликнул Морис, — иначе он будет гнаться за мустангами до самой ночи!

Резким движением мустангер пришпорил лошадь. Как стрела, помчался Кастро в погоню за ослом, который, невзирая ни на что, продолжал свое преследование.

Короткая скачка наперерез ослу — и гнедой вынес хозяина на расстояние, с которого можно было бросить лассо. Еще мгновение — и петля с молниеносной быстротой просвистела над длинными ушами.

Бросая лассо, Морис сделал полуоборот, — Кастро повернулся, как будто на шарнирах, и затем так же послушно остановился и весь напрягся, ожидая рывка.

На секунду все затаили дыхание, когда осел, кинувшись вперед, натянул веревку. Потом он поднялся на дыбы и тяжело опрокинулся на спину, точно пораженный пулей в самое сердце.

Однако осел был еще жив — туго затянувшаяся вокруг его шеи петля только придушила его. Острым мачете [1] мексиканец перерезал ему горло.

* * * * * * * * *

Это происшествие задержало начало охоты. Все ждали, что теперь предпримет Морис-мустангер.

Он соскочил с седла и подошел к убитому ослу, чтобы взять свое лассо... Но тут в движениях ирландца почувствовалась поспешность, очевидно вызванная какой-то новой тревогой.

Он бросился к своему коню.

Только немногие из присутствующих заметили неожиданную торопливость мустангера — большинство были заняты своими испуганными лошадьми. Те же, кто заметил, были удивлены. Мустангер незадолго перед этим сам уговаривал их не торопиться. Они не видели причины для такой резкой перемены в его поведении, разве только она была вызвана тем, что Луиза Пойндекстер, внезапно отделившись от группы всадников, понеслась бешеным галопом, как будто решив перегнать всех в погоне за табуном.

Но охотник за дикими лошадьми знал, что это не так. Такой невежливый поступок едва ли был намеренным со стороны всадницы. Скорее в нем был повинен крапчатый мустанг. Морис заметил, что промчавшаяся манада была та самая, к которой мустанг еще недавно принадлежал. Несомненно, увидев товарищей, он помчался со своей всадницей на спине, чтобы присоединиться к ним.

---

[1] Мачете (исп.) — большой, тяжелый нож.

Так думал Морис-мустангер. Скоро и остальные пришли к тому же выводу.

В рыцарском порыве вслед за девушкой бросились почти все охотники — впереди Колхаун, Генкок и Кроссмен, а за ними около десятка молодых людей — плантаторов, адвокатов, чиновников. Каждый мечтал о том, что ему повезет и он догонит беглянку.

Однако почти никто из них не был серьезно встревожен — все знали, что Луиза Пойндекстер прекрасная наездница; перед ней расстилалась огромная равнина, гладкая, как дорожка ипподрома; мустанг будет скакать, пока не устанет; сбросить всадницу он не может; вряд ли Луизе грозит серьезная опасность...

Только один человек не разделял этого мнения. Он первый проявил тревогу — это был сам мустангер.

Он тронулся с места последним, так как задержался, свертывая лассо. Когда он вскочил в седло и понесся вдогонку, между ним и остальными охотниками было уже около двухсот ярдов.

Впереди всех сломя голову мчался Колхаун, не щадя ни себя, ни своего коня; драгун и стрелок несколько отстали; сзади скакали остальные участники состязания.

Морис постепенно обогнал всех и, пришпорив своего коня, поскакал впереди капитана.

Когда гнедой заслонил удалявшегося крапчатого мустанга, Колхаун, шипя от злобы, послал ему вслед проклятие.

Полуденное солнце осветило совершенно необычную картину. Табун диких лошадей мчался с невероятной быстротой по обширной прерии. Лошадь из этого табуна с девушкой на спине следовала за ними на расстоянии четырехсот ярдов. На таком же расстоянии от нее на гнедом коне скакал молодой человек в живописном наряде, стараясь догнать ее; позади него — целая вереница всадников, штатских и военных. А позади всех мчался полным галопом отряд драгун, только что отделившийся от группы возбужденно жестикулировавших мужчин и женщин, которые тоже сидели на лошадях, но не двигались с места.

Через двадцать минут картина изменилась. Действующие лица на великолепном зеленом ковре прерии были те же, а их расположение стало иным, во всяком случае, расстояние между ними увеличилось: манада выиграла расстояние у крапчатого мустанга, крапчатый мустанг — у гнедого, а соперников последнего уже совсем не было видно, и лишь парящий в сапфировом небе орел мог различить их своим зорким глазом.

Дикие лошади, крапчатый мустанг со своей всадницей, гнедой конь и его всадник остались одни среди простора саванны.

Глава XV

БЕГЛЯНКА НАСТИГНУТА

На протяжении еще одной мили погоня продолжалась без особых перемен.

Дикие кобылы мчались по-прежнему быстро, но больше уже не визжали и не проявляли страха. Позади слышалось отрывистое ржание крапчатого мустанга, но бывшие подруги как будто не замечали его. Всадница сидела спокойно, не проявляя тревоги.

Гнедой был встревожен, хотя и не так, как его хозяин, который, казалось, был близок к отчаянию.

— Быстрей, Кастро! — воскликнул Морис с некоторым раздражением в голосе. — Что с тобой сегодня? Не забывай, что ты догнал ее в прошлый раз, хотя и с трудом. Но ведь теперь она с седоком. Посмотри туда, глупое животное! Эта всадница мне дороже всего на свете, за нее я отдал бы и твою и свою жизнь... Крапчатая кобыла как будто стала проворней. Может быть, оттого, что она объезжена? Или лошади вообще бегают быстрее с седоком на спине? Что, если я потеряю ее из виду? Это в самом деле начинает выглядеть неприятно! Она может попасть в очень трудное положение. Хуже того: ей грозит опасность. Серьезная опасность. Если я потеряю ее из виду, наверняка случится беда.

Рассуждая шепотом сам с собой, Морис мчался, не отрывая глаз от все удаляющейся всадницы. По време-

нам он измерял беспокойным взглядом разделявшее их пространство.

«Не закричать ли? — вдруг мелькнуло у него в голове. — Звук голоса, может быть, и долетит до нее, но вряд ли она расслышит слова и поймет предостережение?» И Морис не окликнул Луизу не только из этих соображений — он не терял еще надежды с минуты на минуту догнать ее, а кроме того, он знал, что не словами, а только действием можно остановить мустанга.

Пока он подбадривал себя мыслью, что вот-вот приблизится настолько что сможет, накинув лассо на шею мустанга, заставить его повиноваться... Однако теперь надежда постепенно угасала.

Они неслись сейчас среди перелесков, густо покрывавших здесь прерию и местами сливавшихся в сплошные заросли. Это вызвало у мустангера новую тревогу. Крапчатая кобыла могла свернуть в какую-нибудь чащу или просто исчезнуть из виду среди зарослей.

Диких кобыл уже почти не было видно. Вряд ли их бывшая подруга сможет догнать табун.

Однако опасность от этого не уменьшится. Заблудится ли девушка в прерии или в лесной чаще или же окажется среди табуна диких лошадей — все это одинаково страшно. И вдруг он подумал о еще более грозной опасности, такой страшной, что, охваченный сильнейшей тревогой, в ужасе воскликнул:

— Силы небесные! Что, если сюда забегут жеребцы?! Ведь это их излюбленное место. Они были здесь неделю назад. А сейчас, именно в этом месяце, они бесятся!

Снова шпоры мустангера вонзились в бока гнедого. Кастро, мчавшийся во весь опор, повернул голову и с упреком посмотрел через плечо.

В эту напряженную минуту гнедой и его хозяин потеряли диких кобыл из виду, — и крапчатый мустанг, вероятно, тоже. Ничего сверхъестественного в этом не было — они скрылись в чаще.

Исчезновение табуна произвело на крапчатого мустанга магическое действие — он вдруг замедлил шаг и через минуту совсем остановился.

Морис, шпоря своего коня, галопом вылетел на поляну и увидел, что крапчатый мустанг стоит там неподвижно, а Луиза невозмутимо сидит в седле, словно поджидая мустангера.

— Мисс Пойндекстер! — с трудом выговорил он, подъезжая. — Как я рад, что лошадь снова покорна вам! Я был очень обеспокоен...

— Чем, сэр? — спросила девушка.

— Той опасностью, которая грозила вам, — ответил он, несколько озадаченный.

— О, благодарю вас, мистер Джеральд! Но разве мне грозила опасность?

— «Грозила опасность»! — повторил ирландец с возрастающим изумлением. — Верхом на дикой лошади, которая понесла, среди пустынной прерии!..

— Пустяки! Вы думаете, она могла меня сбросить? Но ведь я хорошая наездница.

— Я это знаю, мисс Пойндекстер, но представьте себе, что вы заблудились бы в зарослях, где и коренной техасец с трудом находит дорогу, — вряд ли вам помогло бы тогда ваше искусство наездницы.

— О, так вы думали, что я заблудилась? Вот чего мне надо было опасаться!

— Не только этого. Предположим, вы могли столкнуться с...

— с индейцами? — быстро проговорила Луиза, не дав мустангеру закончить фразу. — А если бы это и случилось? Ведь у нас теперь мир с команчами. Я думаю, что они не причинили бы мне никакого вреда. Так сказал майор, когда мы ехали сюда. Даю вам слово, что я была бы даже рада такой встрече и, во всяком случае, не стала бы избегать ее. Как бы мне хотелось видеть этих благородных дикарей, мчащихся верхом на лошадях по родной прерии! Но не таких, каких я видела на днях в поселке, одурманенных «огненной водой» бледнолицых.

— Я восхищен вашей отвагой, мисс Пойндекстер, но, если бы я имел честь быть одним из ваших друзей, я посоветовал бы вам быть немного осторожнее. «Благородный дикарь» не всегда бывает трезвым и в прерии

и не всегда столь благороден, как вы думаете. И если бы вы повстречались с ним...

— ...и он позволил бы себе что-нибудь, я ускакала бы от него и вернулась бы к своим друзьям. На такой быстроногой лошади, как моя милая Лу́на, вряд ли кому удастся догнать меня. Ведь и вам, мистер Джеральд, нелегко это далось? Не правда ли?

Мустангер смотрел на креолку широко открытыми глазами, полными изумления и недоумения.

— Неужели вы хотите сказать,— наконец вымолвил он, — что могли остановить мустанга? Разве он не понес вас? Значит ли это, что...

— Нет, нет, нет! — быстро ответила всадница, немного смутившись. — Мустанг действительно понес меня, но только вначале, а потом я... я увидела — уже под конец, — что могу остановить его, натянув поводья. Я так и поступила — вы ведь видели, не правда ли?

— И вы могли остановить его раньше?

Этот вопрос был вызван неожиданной догадкой, и мустангер с волнением ждал ответа.

— Быть может... Стоило мне покрепче натянуть поводья... Но должна признаться, мистер Джеральд, что я очень люблю мчаться быстрым галопом, в особенности по прерии, где нет опасности раздавить чью-нибудь курицу или поросенка.

Морис был изумлен. Его родина славилась смелыми женщинами, умеющими справиться с самой горячей лошадью. но никогда еще не встречал он такой отважной и искусной наездницы.

Удивление, смешанное с восхищением, помешало ему ответить сразу.

— По правде сказать, — продолжала девушка с чарующей простотой, — я не жалела о том, что лошадь понесла. Пустая болтовня и бесконечные комплименты утомят кого угодно. Мне захотелось подышать свежим воздухом и побыть одной. Так что, в конце концов, мистер Джеральд, все вышло очень удачно.

— Вам хотелось побыть одной? — спросил мустангер с разочарованным видом. — Простите, что я нарушил ваше уединение. Уверяю вас, мисс Пойндекстер, я

следовал за вами только потому, что, по моему мнению, вам грозила опасность.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр. И, так как теперь я знаю, что опасность действительно была, я искренне благодарна вам. Вы ведь имели в виду индейцев?

— Нет, я, собственно, думал не об индейцах.

— Какая-нибудь другая опасность? Скажите, пожалуйста, какая, и впредь я буду более осторожна.

Морис ответил не сразу. Неожиданный звук заставил его обернуться, он словно не расслышал вопроса собеседницы.

Креолка поняла, что внимание мустангера чем-то отвлечено, и тоже стала прислушиваться. До ее слуха донесся пронзительный визг, за ним еще и еще, потом послышались удары копыт... Звуки нарастали, сотрясая тихий воздух.

Для охотника за лошадьми это не было загадкой, и слова, которые сорвались с его уст, были прямым, хотя и непреднамеренным, ответом на вопрос креолки.

— Дикие жеребцы! — воскликнул он взволнованным голосом. — Я знал, что они должны быть в этих зарослях... Так оно и есть!

— Это та опасность, о которой вы говорили?

— Да.

— Но ведь это только мустанги! Что же в них страшного?

— Обычно их нечего бояться. Но именно теперь, в это время года, они становятся свирепыми, как тигры, и такими же коварными. Разъяренный дикий жеребец опаснее волка, пантеры или медведя.

— Что же нам делать? — спросила в испуге Луиза и подъехала поближе к человеку, который однажды уже выручил ее из беды; с тревогой глядя ему в глаза, она ждала ответа.

— Если они нападут, — ответил Морис, — у нас будет только два выхода. Первый — это взобраться на дерево, бросив наших лошадей на растерзание.

— А второй? — спросила креолка со спокойствием, которое говорило о мужестве, способном выдержать

самое тяжелое испытание. — Все, что угодно, только бы не оставлять наших лошадей! Это недостойный выход из положения.

— Мы и не можем этого сделать. Поблизости не видно ни одного подходящего дерева, и, если они на нас нападут, нам остается только положиться на быстроту наших лошадей. К сожалению, — продолжал он, внимательно оглядев крапчатую кобылу, а затем своего коня, — им слишком много досталось за сегодняшний день, и оба сильно устали. В этом-то и беда. Дикие жеребцы вряд ли утомлены...

— Не пора ли нам трогаться?

— Пока нет. Чем больше наши лошади отдохнут, тем лучше. Жеребцы, может быть, еще и не свернут в нашу сторону. А если и свернут, это еще не значит, что они на нас бросятся. Все зависит от того, в каком они настроении. Если они грызутся между собой, то могут напасть на нас. Они становятся тогда бешеными и бросаются на своих собратьев, даже если у тех седоки на спине... Да, так оно и есть! Они дерутся между собой. Слышите, как они ржут? Они направляются сюда!

— Мистер Джеральд, так почему бы нам сейчас же не поскакать в противоположную сторону?

— Сейчас нет смысла. Впереди — открытая равнина, и скрыться негде. Они будут там, прежде чем мы успеем отъехать на достаточное расстояние, и скоро догонят нас. Место, куда мы должны направиться — единственное безопасное место, о котором я могу вспомнить, — лежит в другом направлении. Судя по звукам, они сейчас как раз отрезали нам дорогу туда. Если мы выедем слишком рано, то столкнемся с ними. Нам надо выждать, а потом попытаться проскользнуть позади них. Если нам это удастся и если они не догонят нас на протяжении двух миль, то мы достигнем места, где будем в не меньшей безопасности, чем за изгородью кораля в Каса-дель-Корво. Уверены ли вы, что справитесь с вашим мустангом?

— Вполне, — быстро ответила креолка; перед лицом опасности притворство было забыто.

Глава XVI

ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ ДИКИМИ МУСТАНГАМИ

Всадники настороженно сидели в своих седлах. Луиза волновалась меньше, чем мустангер, потому что она доверилась ему. Она не вполне понимала, какая опасность им грозит, но догадывалась, что опасность эта очень серьезна, раз такой человек, как Морис Джеральд, проявляет тревогу. Сознание, что эта тревога отчасти вызвана страхом за нее, вопреки всему, наполняло ее сердце радостью.

— Теперь, пожалуй, мы можем рискнуть, — еще раз прислушавшись, сказал Морис. — Они как будто уже миновали ту поляну, через которую лежит наш путь. Умоляю, будьте внимательны! Твердо сидите в седле и крепко держите поводья. Там, где дорога позволит, скачите со мной рядом и ни в коем случае не отставайте больше чем на длину хвоста моей лошади. Мне придется ехать впереди, чтобы показывать путь... Вот они направились к нашей поляне... Почти достигли ее края... Теперь пора!

В глубокую тишину прерии вдруг ворвался неистовый шум, словно из переполненного сумасшедшего дома. Пронзительное ржание диких жеребцов напоминало крики буйных маньяков, только эти звуки были во много раз сильнее. Им вторил громовой топот копыт, свист и треск ломающихся веток, дикое храпенье, сопровождаемое резким лязганьем зубов, глухими ударами копыт по ребрам и крупам и пронзительным визгом злобы и боли. От этих оглушительных звуков дрожало все кругом и, казалось, сама земля колебалась на своей орбите.

Эти звуки свидетельствовали о неистовой схватке диких жеребцов. Их еще не было видно, но они приближались, пробиваясь сквозь заросли и ни на мгновение не прекращая драки.

Едва Морис подал знак трогаться, как пестрый табун диких лошадей появился в узком проходе между зарослями. Еще мгновение — и с неудержимостью горной лавины они вырвались на открытую поляну.

Это была живая лавина самых красивых созданий, которые только существуют в природе, — ибо даже человек должен уступить им первое место. Я не говорю о замученной лошади цивилизованного мира, лошади с худой спиной, кривыми ногами и опущенной головой, лошади, изуродованной ножницами барышника или грума, — нет, речь идет о дикой лошади саванны, рожденной среди зеленых просторов и выросшей на свободе, как полевой цветок.

Нет более великолепного зрелища, чем табун диких жеребцов, скачущих по прерии; особенно в то время, когда в них бушует страсть и они готовы уничтожить друг друга.

Но это прекрасное зрелище пугает человека — оно слишком ужасно, чтобы им мог спокойно любоваться мужчина, не говоря уже о робкой женщине. Особенно, когда зритель смотрит на табун диких мустангов с открытого места и рискует сам стать жертвой их нападения.

Вот что грозило всаднику на гнедом коне и всаднице на крапчатом мустанге. Всадник по опыту знал, как опасно такое положение; всадница же не могла не догадаться об этом.

— Сюда! — крикнул Морис и пришпорил коня, чтобы обогнуть табун. — О боже! Они заметили нас! Скорей, скорей, мисс Пойндекстер! Помните, что дело идет о вашей жизни!

Но слова были излишни. Поведение жеребцов достаточно убедительно показывало, что только быстрота может спасти крапчатого мустанга и его всадницу.

Выскочив на открытое место и увидев оседланных лошадей, дикие жеребцы внезапно прекратили свою драку. Они остановились, словно по приказу опытного вожака, и вытянулись в один ряд, как кавалерийский отряд, остановленный в пылу атаки.

На время их взаимная ненависть, казалось, была забыта, как будто они собирались напасть на общего врага или же сопротивляться общей опасности.

Задержка, возможно, произошла от удивления; но, так или иначе, она была на руку беглецам. В эти не-

Началось отчаянное состязание в скачке

сколько секунд всадникам удалось обогнуть неприятеля и очутиться у него в тылу, на пути к спасению.

Однако только на пути к спасению. Удастся ли им ускакать от преследователей, оставалось неясным, потому что дикие жеребцы, заметив их хитрость, храпя и визжа, бросились за ними с явным намерением догнать.

Началась стремительная, безудержная погоня через просторы прерии, отчаянное состязание в быстроте между лошадьми без седоков и лошадьми с седоками.

Время от времени Морис оглядывался, и, хотя расстояние, которое им удалось выиграть вначале, не уменьшалось, выражение его лица по-прежнему было тревожным. Будь он один, он не беспокоился бы ни минуты. Он знал, что гнедой — ведь он был тоже мустангом — никому не даст себя обогнать. Беда была в том, что Луна замедляла бег — она скакала медленнее, чем когда бы то ни было, как будто вовсе не хотела спасаться от преследователей.

между дикими жеребцами и двумя всадниками.

«Что это может означать? — недоумевал мустангер, сдерживая лошадь, чтобы не обгонять свою спутницу.— Если нас что-нибудь задержит при переправе, мы погибнем. Доро́га каждая секунда».

— Они еще не догоняют нас, не так ли? — спросила Луиза, заметив, что мустангер встревожен.

— Пока еще нет. К несчастью, впереди серьезное препятствие. Я знаю, что вы прекрасная наездница, но ваша лошадь... В ней я не уверен. Вы ее лучше знаете. Сможет ли она перепрыгнуть через...

— Через что, сэр?

— Вы сейчас увидите. Мы уже недалеко от этого места.

И они продолжали скакать бок о бок галопом, делая почти милю в минуту.

Как и говорил мустангер, они скоро увидели препятствие. Это был огромный овраг, зияющий среди необозримой прерии. Он был не менее пятнадцати футов в

ширину, столько же в глубину и тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз.

Если бы всадники повернули направо или налево, это дало бы жеребцам возможность сократить путь по диагонали; дать им это преимущество было равносильно самоубийству.

Овраг необходимо перескочить, иначе мустанги настигнут их. Только прыжок в пятнадцать футов длиной мог спасти беглецов. Морис знал, что гнедой не подведет — ему не раз приходилось делать такие прыжки. Но крапчатая кобыла?

— Как вы думаете, сможет ли она взять это препятствие? — с беспокойством спросил мустангер, когда они подъехали к отвесному краю оврага.

— Не сомневаюсь, — уверенно ответила Луиза.

— Но удержитесь ли вы на ней?

— Ха-ха-ха! — иронически засмеялась креолка. — Это очень странный вопрос для ирландца. Я уверена, что ваши соотечественницы сочли бы эти слова оскорблением. Даже я, уроженка болотистой Луизианы, не считаю их слишком любезными. Удержусь ли я? Да я удержусь на ней, куда бы она меня ни понесла!

— Но, мисс Пойндекстер, — пробормотал Морис, все еще не доверяя силам крапчатого мустанга, — а вдруг она не справится? Если вы хоть сколько-нибудь в ней сомневаетесь, не лучше ли оставить ее здесь? Я знаю, что моя лошадь легко перенесет нас обоих на ту сторону. Пожертвовав мустангом, мы, вероятно, избавимся и от дальнейших преследований. Дикие жеребцы...

— Оставить Луну! Бросить ее на растерзание бешеным жеребцам! Нет-нет, мистер Джеральд! Мой мустанг мне слишком дорог. Мы вместе перескочим пропасть, если только сможем. А если нет, то вместе сломаем себе шею... Ну, моя хорошая! Летим! Вот тот, кто охотился за тобой, поймал и покорил тебя. Покажи ему, что ты еще не совсем порабощена, что ты можешь, если нужно, сбросить с себя дружеское или вражеское иго. Покажи ему один из тех прыжков, которые мы так часто с тобой делали за последнюю неделю. Ну, милая, летим!

И отважная креолка, не дожидаясь ободряющего примера, смело подскакала к краю зияющего оврага и взяла это препятствие одним из тех прыжков, которые они с Луной «так часто делали за последнюю неделю».

У мустангера было три мысли — вернее, три чувства, когда он следил за этим прыжком. Первое из них — изумление, второе — преклонение, третье не так просто было определить. Оно зародилось, когда прозвучали слова: «Мой мустанг мне слишком дорог».

«Почему?» — задумался он, когда летел на гнедом над оврагом.

Но, хотя они удачно преодолели препятствие, это не обеспечило безопасность беглецам. Диких жеребцов овраг остановить не мог. Морис это хорошо знал и оглядывался назад с не меньшей тревогой, чем раньше.

Пожалуй, он был встревожен еще сильнее. Задержка, хотя и очень незначительная, дала преимущество их преследователям. За все время погони жеребцы еще ни разу не были так близко. Они перелетят через овраг без всякого промедления одним уверенным прыжком.

А что тогда? Мустангер задал себе этот вопрос и побледнел, не находя ответа.

Взяв препятствие, мустангер не остановился ни на секунду и продолжал скакать галопом; позади него совсем близко, как и раньше, скакала его спутница. Однако в движениях ирландца не было прежней уверенности — казалось, он колеблется и никак не может прийти к решению.

Едва отъехав от оврага, Морис натянул поводья и повернул коня, как будто решил скакать обратно.

— Мисс Пойндекстер, — сказал он своей спутнице, которая уже успела поравняться с ним, — поезжайте вперед одна.

— Но почему, сэр? — спросила она, дернув уздечку и резко остановив мустанга.

— Если мы не расстанемся, жеребцы нас догонят. Надо что-то предпринять, чтобы остановить взбесившийся табун. Сейчас еще есть одна возможность. Ради бога, не задавайте вопросов! Десять потерянных секунд — и будет уже поздно. Посмотрите вперед — види-

те блестящую поверхность воды? Это пруд. Скачите прямо туда. Там вы очутитесь между двумя высокими изгородями. У пруда они сходятся. Вы увидите ворота и около них жерди. Если я не подоспею, скачите прямо в этот загон, сойдите с лошади и загородите вход жердями.

— А вы, сэр? Вы подвергаетесь большой опасности...

— Не бойтесь за меня. Один я ничем не рискую. Если бы не крапчатый мустанг... Скорее же, вперед! Не упускайте из виду пруда. Пусть он служит вам маяком. Не забудьте загородить вход в загон. Скорее же! Скорее!

Одну — две секунды девушка колебалась, не решаясь расстаться с человеком, который ради ее спасения готов отдать свою жизнь.

К счастью, она не принадлежала к числу тех робких девиц, которые в трудную минуту теряют голову и тянут ко дну своего спасителя. Она верила своему советчику, верила в то, что он знает, как поступить, и, снова пустив лошадь галопом, направилась к пруду.

А Морис повернул свою лошадь и поскакал назад, к оврагу, через который они только что перескочили.

Расставшись со своей спутницей, мустангер вынул из седельной сумки самое совершенное оружие, которое когда-либо поднималось против обитателей прерии — для атаки или защиты, — против индейцев, бизонов или медведей. Это был шестизарядный револьвер системы полковника Кольта. Не какая-нибудь дешевая подделка, под видом усовершенствования, фирмы Дина, Адамса и им подобных, а подлинное изделие «страны мускатных орехов» [1] с клеймом «Хартфорд» на казенной части.

— Они будут прыгать в том же узком месте, где и мы, — пробормотал он, следя за табуном, все еще находившимся по ту сторону. — Если мне удастся уложить хоть одного из них, это может остановить других или задержать их настолько, что мустанг успеет ускакать. Их вожак — вот этот гнедой жеребец. Он, конечно,

[1] «Страной мускатных орехов» называется в Америке штат Коннектикут, где в городе Хартфорде находится оружейный завод.

прыгнет первым. Мой револьвер бьет на сто шагов. Теперь пора!

Едва успели прозвучать последние слова, как раздался треск револьвера. Самый крупный из жеребцов — гнедой — покатился по траве, преградив путь остальным.

Несколько мустангов, мчавшихся за ним, сразу остановились, а потом и весь табун.

Мустангер не стал следить за дальнейшим поведением жеребцов и больше не стрелял. Воспользовавшись их замешательством и не теряя времени, он повернул на запад и поскакал вслед за крапчатым мустангом, который уже приближался к сверкающему пруду.

Дикие жеребцы больше не преследовали беглецов — возможно, гибель вожака испугала их или им помешал его труп, загородивший путь в единственном месте, где можно было перескочить через овраг.

Морис спокойно скакал за своей спутницей.

Он догнал ее у самого пруда. Она точно выполнила все его указания, за исключением одного. Вход был открыт, жерди валялись на земле. Девушка все еще сидела в седле, но тревога уже не терзала ее сердца. Однако она не находила слов, чтобы выразить Морису свою благодарность.

Опасность миновала.

Глава XVII

ЛОВУШКА ДЛЯ МУСТАНГОВ

Теперь, когда им больше ничто не грозило, молодая креолка с интересом огляделась вокруг.

Она увидела небольшое озеро, или, говоря по-техасски, пруд; берега его были покрыты бесчисленными следами лошадиных копыт — по-видимому, это было любимое место водопоя мустангов. Высокая изгородь из жердей окружала водоем и двумя расходящимися крыльями тянулась далеко в прерию, образуя как бы воронку, в самой горловине которой были ворота; когда

их загораживали жердями, они замыкали изгородь, и лошади не могли ни войти, ни выйти.

— Что это? — спросила девушка, указывая на изгородь.

— Это ловушка для мустангов, — сказал Морис.

— Ловушка для мустангов?

— Кораль для ловли диких лошадей. Они бродят между крыльями изгороди, которые, как вы видите, далеко уходят в прерию. Их привлекает вода или же мустангеры просто загоняют их сюда. Тогда вход в кораль загораживается, и здесь их уже нетрудно поймать при помощи лассо.

— Бедные животные! Этот кораль принадлежит вам? Ведь вы мустангер? Вы нам так сказали?

— Да, я мустангер, но не охочусь этим способом. Я люблю одиночество и редко работаю вместе с другими мустангерами, поэтому я не могу пользоваться коралем, для которого нужно по крайней мере двадцать загонщиков. Мое оружие, если только можно его так назвать, — вот это лассо.

— Вы так искусно им владеете! Я слыхала об этом, да и сама видела.

— Вы очень добры. Однако я не заслуживаю этой похвалы. В прериях есть такие мексиканцы, которые словно родились с лассо в руках. И то, что вы называете искусством, показалось бы им просто неповоротливостью.

— Мне кажется, мистер Джеральд, что вы из скромности переоцениваете своих соперников. Я слышала совсем другое.

— От кого?

— От вашего друга мистера Зебулона Стумпа.

— Ха-ха! Старый Зеб — плохой авторитет, когда дело касается лассо.

— Я бы хотела тоже научиться бросать лассо, — сказала молодая креолка, — но говорят, что это занятие для девушки неприлично. Не понимаю, что в нем плохого, а это так интересно!

— Неприлично? Это такой же невинный спорт, как катанье на коньках или стрельба из лука. Я знаком с

одной девушкой, которая прекрасно владеет этим искусством.

— Она американка?

— Нет, мексиканка и живет на Рио-Гранде. Иногда она приезжает к нам на Леону: здесь живут ее родственники.

— Она молодая?

— Да, примерно ваша ровесница, мисс Пойндекстер.

— Высокая?

— Немного ниже вас.

— Но, конечно, гораздо красивее? Я слыхала, что мексиканки своей красотой намного превосходят нас, скромных американок.

— Мне думается, что креолки не входят в эту категорию, — с изысканной вежливостью ответил ирландец.

— Интересно, смогла бы я научиться бросать лассо? — продолжала молодая креолка, как будто не заметив комплимента. — Не поздно ли мне за это браться? Я слыхала, что мексиканцы начинают с детства, поэтому они и достигают такой удивительной ловкости.

— Конечно, не поздно, — поспешил ответить Морис. — Пройдет год — два, и вы научитесь хорошо бросать лассо. Я, например, всего лишь три года занимаюсь этим делом, и...

Он замолчал, так как ему не хотелось показаться хвастуном.

— А теперь вы владеете лассо лучше всех в Техасе? — закончила собеседница, угадав не высказанную им мысль.

— Нет-нет! — смеясь, запротестовал он. — Это старик Зеб так считает, а он судит о моем искусстве, вероятно принимая свое за образец.

«Что это — скромность? — недоумевала креолка. — Или этот человек смеется надо мной? Если бы это было так, я сошла бы с ума».

— Вам, наверно, хочется вернуться к вашим друзьям? — сказал Морис, заметив ее рассеянность. — Ваш отец, вероятно, уже беспокоится, что вас так долго нет. Ваш брат, ваш кузен...

— Да, вы правы, — поспешила она ответить тоном,

в котором прозвучала нотка не то обиды, не то досады. — Я не подумала об этом. Спасибо, сэр, что вы напомнили мне о моих обязанностях. Пора возвращаться.

Они опять вскочили на лошадей. Неохотно подобрала Луиза поводья, как-то медлительно вдела ноги в стремена; казалось, ей хотелось побыть еще немного в ловушке для мустангов.

* * * * * * * * *

Когда они снова выехали в прерию, Морис направился со своей спутницей к месту пикника самой короткой дорогой.

Их обратный путь лежал через живописное место, известное в Техасе как «сорняковая прерия». Так назвали ее пионеры-поселенцы, словарь которых не отличался особой изысканностью.

Уроженка Луизианы увидела вокруг себя огромный сад, где цвело множество ярких цветов, — сад, граничащий с голубым сводом неба, насаженный и выращенный самой природой.

Эта живописная местность оказывала облагораживающее влияние на многих даже самых прозаических людей. Я видел, как неграмотный зверолов, обычно не замечавший никакой красоты, останавливался посреди сорняковой прерии и, окруженный цветами, которые касались его груди, долго любовался на чудесные венчики, колышущиеся на бесконечном пространстве; и сердце его становилось более отзывчивым...

— Как здесь хорошо! — воскликнула в восторге креолка, невольным движением останавливая лошадь.

— Вам нравится здесь, мисс Пойндекстер?

— Нравится? Это не то слово, сэр. Я вижу перед собой все, что только есть самого чудесного и прекрасного в природе: зеленую траву, деревья, цветы, — все, что мы выращиваем с таким трудом и все-таки никогда не достигаем равного. Здесь ничего не добавишь — этот сад безупречен!

— Здесь не хватает домов.

— Но они испортили бы пейзаж. Мне нравится,

когда не видно домов и черепичных крыш, и трубы не торчат среди живописных силуэтов деревьев. Под их сенью мне хотелось бы жить, под их сенью мне хотелось бы...

Слово «любить», витавшее в ее мыслях, готово было сорваться с ее губ.

Но она вовремя удержалась и заменила его словом совсем другого значения — «умереть».

Со стороны молодого ирландца было жестоко не признаться девушке в том, что и он чувствовал то же. Этим и объяснялось его пребывание в прерии. Если бы не подобное же увлечение, доходившее почти до страсти, вероятно, он никогда не стал бы «Морисом-мустангером».

Романтическое чувство не может уживаться с притворством. Оно скоро исчезает, если не находит себе опору в самой жизни. Мустангеру было бы неприятно признаться даже самому себе, что он охотится за дикими лошадьми только для времяпрепровождения — для того, чтобы иметь предлог не покидать прерию. Сначала, быть может, он и согласился бы на такое признание, но за последнее время он проникся гордостью профессионального охотника.

Его ответ прозвучал прозаично и холодно:

— Боюсь, мисс, что вам скоро надоела бы такая суровая жизнь — без крова, без общества, без...

— А вам, сэр? Почему она не надоедает вам? Ваш друг мистер Стумп говорил мне, что вы ведете такой образ жизни уже несколько лет. Это правда?

— Совершенно верно — другая жизнь меня не привлекает.

— О, как бы я хотела сказать то же самое! Как я вам завидую! Я уверена, что была бы бесконечно счастлива среди этой чудной природы.

— Одна? Без друзей? Даже без крова над головой?

— Я этого не говорила... Но вы не сказали мне, как вы живете. Есть ли у вас дом?

— Он не заслуживает такого громкого названия, — смеясь, ответил мустангер. — Лачуга, пожалуй, более подходящее слово для того, чтобы составить представ-

ление о моем хакале — одном из самых скромных жилищ в нашем крае.

— Где же оно находится? Недалеко от тех мест, где мы сегодня были?

— Не очень далеко отсюда — не больше мили. Видите вершины деревьев на западе? Они укрывают мою хижину от солнца и защищают ее от бурь.

— Да? Как бы мне хотелось взглянуть на нее! Простая хижина, вы говорите?

— Именно.

— Стоящая в уединении?

— Нет ни одного жилища ближе десяти миль от нее.

— Среди деревьев? Живописная?

— Это уж как кому покажется.

— Мне хотелось бы посмотреть на нее, чтобы иметь свое мнение. Только одна миля отсюда, вы говорите?

— Миля туда, миля обратно — всего две.

— Пустяки, это займет не больше двадцати минут.

— Я боюсь, что мы злоупотребим терпением ваших близких.

— А может быть, вашим гостеприимством? Простите, мистер Джеральд, — продолжала девушка, и легкая тень омрачила ее лицо, — я не подумала об этом. Вероятно, вы живете не один? В вашей хижине есть еще кто-нибудь?

— О да! Я поселился здесь не один. Со мной...

Прежде чем мустангер закончил свою речь, в воображении Луизы встал образ девушки ее лет, только полнее, с бронзовым оттенком кожи, с миндалевидным разрезом глаз. Зубы у нее, должно быть, белее жемчуга, на щеках алый румянец, волосы, как хвост Кастро, бусы на шее, браслеты на ногах и руках, замысловато вышитая короткая юбочка, мокасины с бахромой на маленьких ножках. Таким представила себе Луиза второго обитателя хижины мустангера.

— Может быть, появление гостей, особенно незнакомых, будет не совсем удобно?

— Напротив, он всегда очень рад гостям, будь то незнакомые или же друзья. Мой молочный брат очень

общительный человек, но ему, бедняге, теперь мало с кем приходится встречаться.

— Ваш молочный брат?

— Да. Его зовут Фелим О'Нил. Как и я, он уроженец Изумрудного Острова [1], графства Голуэй. Только в его речи ирландский акцент еще слышнее, чем в моей.

— О, как бы мне хотелось его послушать! Ведь диалект графства Голуэй очень своеобразен. Не правда ли?

— Мне трудно об этом судить, я ведь сам оттуда. Но если вы согласитесь на полчасика воспользоваться гостеприимством Фелима, то сможете составить собственное мнение.

— С огромным удовольствием! Это так ново! Пусть отец и остальные подождут. Там много дам и без меня, или пусть они займутся поисками наших следов. Это будет не менее интересно, чем обещанная охота на мустангов. А я с радостью воспользуюсь вашим приглашением.

— Боюсь только, что я ничего не смогу вам предложить. Фелим несколько дней оставался один. Сам же он не охотник, и, наверно, наша кладовая пуста. Хорошо, что вы успели закусить перед этой ужасной скачкой.

Конечно, не кладовая Фелима заставила Луизу Пойндекстер свернуть с пути. Не слишком сильно интересовало ее и произношение ирландца. И не желание увидеть хижину мустангера руководило ею. Ее толкало чувство, которому она была не в силах противиться, словно она верила, что это ее судьба.

* * * * * * * * *

Луиза посетила одинокую хижину на Аламо, побывала под ее кровлей. Она с интересом разглядывала ее необычную обстановку и была приятно поражена, обнаружив в хижине книги, бумагу, письменные принадлежности и другие мелочи, которые свидетельствовали об

---

[1] Изумрудный Остров — поэтическое название Ирландии.

образованности хозяина хакале. С видимым удовольствием слушала она забавную речь Фелима; не отказалась и от всяких угощений, за исключением того, что ее больше всего уговаривали попробовать: капельки освежающего напитка из «этой вот бутыли». И наконец, веселая и оживленная, она уехала.

Но ее оживление было мимолетным. Приподнятое настроение, вызванное новизной впечатлений, исчезло. Снова проезжая по прерии, усыпанной цветами, она глубоко задумалась. И вдруг у нее мелькнула мысль, которая обдала ее сердце мучительным холодом.

Мучилась ли она оттого, что заставила так долго тревожиться своего отца, брата и друзей? Или, быть может, она стала беспокоиться, боясь, что ее поведение сочтут легкомысленным?

Нет, не это мучило Луизу. Облако, омрачившее ее лицо, было вызвано другой и гораздо более удручающей мыслью. Весь день по дороге от форта к месту пикника, при встрече на поляне, во время отчаянного бегства от диких жеребцов, когда он был ее защитником, в минуты отдыха у озера, на обратном пути в прерии, под его скромной кровлей — все это время Морис Джеральд был с нею только вежлив и корректен.

Глава XVIII

РЕВНОСТЬ ИДЕТ ПО СЛЕДАМ

Из сорока всадников, бросившихся спасать Луизу, только немногие заехали далеко. Потеряв из виду дикий табун, крапчатого мустанга и мустангера, они стали терять из виду и друг друга. Вскоре они уже рассыпались в прерии поодиночке, по двое или же группами в три—четыре человека. Большинство из них, не имея опыта следопыта, потеряли следы манады и направились по другим — может быть, оставленным той же манадой, только раньше.

Драгуны во главе с молодым офицером, только что окончившим военное училище в Уэст-Пойнте, тоже

потеряли след табуна и свернули в сторону по ответвляющемуся старому следу; за драгунами направились и большинство гостей.

Они ехали по холмистой прерии, кое-где перерезанной полосами кустарника; заросли и холмы заслоняли всадников, и скоро они потеряли друг друга из виду. Минут двадцать спустя после начала погони птица, парившая в небе, могла бы увидеть с полсотни всадников, по-видимому выехавших из одного места, но теперь скакавших в разные стороны.

Лишь один всадник мчался в нужном направлении. Он ехал на сильном рыжем коне — правда, не отличавшемся красотой, но зато выносливом и быстром. Синий, полувоенного покроя сюртук и синяя фуражка свидетельствовали о том, что всадник этот не кто иной, как отставной капитан Кассий Колхаун. Это он гнал свою лошадь по верным следам; хлыстом и шпорами Колхаун заставлял ее бежать во весь опор. Его же самого подгоняла мысль, острая, как шпоры, — она заставляла его напрягать все силы, чтобы достичь цели.

Как голодная гончая, мчался он по следу, вытянув вперед голову, в надежде, что будет вознагражден за свои усилия.

Он даже сам как следует не представлял, к чему все это приведет; и только по зловещему взгляду, который время от времени он бросал на рукоятки пистолетов, торчавших из кобуры, можно было догадаться, что он задумал что-то недоброе.

Если бы не одно обстоятельство, Колхаун сбился бы с пути, как и другие. Его вели хорошо знакомые следы двух лошадей. Один, который был побольше, он помнил с мучительной ясностью. Он видел этот отпечаток на пепле выжженной прерии. Что-то заставило его тогда запомнить эти следы, и теперь он легко узнавал их.

Наконец отставной капитан прискакал к зарослям и скоро оказался на поляне, где так неожиданно остановился крапчатый мустанг. До этого места ему нетрудно было ориентироваться, но здесь он встал в тупик. Среди отпечатков копыт диких кобыл следы подков все еще были видны, но здесь лошади уже не бежа-

ли галопом. Всадники тут остановились и стояли бок о бок.

Куда же теперь? Среди следов манады уже больше не было заметно отпечатков подков; их вообще нигде не было видно. Земля вокруг была твердая и усыпана галькой. Только лошадь, скачущая быстрым галопом, могла бы оставить на ней след, но не бегущая спокойной рысцой.

Когда крапчатая кобыла и гнедой тронулись с этого места, они ехали спокойным шагом на протяжении нескольких десятков ярдов, прежде чем поскакали галопом, направляясь к ловушке для диких лошадей.

Нетерпеливый преследователь был озадачен. Он все кружил и кружил по следам диких кобыл и снова возвращался, не находя направления, в котором поскакали подкованные лошади.

Он был окончательно сбит с толку и уже начинал сильно тревожиться, когда увидел одинокого всадника, приближавшегося к нему.

В огромном, неуклюжем человеке, с длинной бородой, верхом на самой нелепой кляче, какую можно было найти в окрестностях на расстоянии ста миль, нетрудно было узнать старого охотника. Кассий Колхаун был знаком с Зебулоном Стумпом, а Зеб Стумп с Кассием Колхауном еще задолго до того, как они ступили на землю Техаса.

— Ну что, мистер Колхаун, догнали вы мисс Луизу? — спросил старый охотник с необычной для него серьезностью. — Нет, не догнали, — продолжал он, взглянув на растерянное лицо Колхауна и сделав соответствующий вывод. — Черт побери, хотел бы я знать, что с ней случилось? Странно, неужто у такой наездницы, как она, эта проклятая кобыла могла понести?.. Ну, ничего, большой беды не может быть. Мустангер, конечно, поймает кобылу своим лассо и положит конец ее дури. А почему вы тут остановились?

— Не могу понять, в каком направлении они поскакали. По этим следам можно догадаться, что они здесь останавливались. Но я не вижу, куда следы идут дальше.

— Да-да, так и есть, мистер Колхаун. Они здесь стояли, и очень близко друг к дружке. Больше они не скакали по следам диких кобыл. Это наверняка. Так куда же они делись?

Зеб Стумп вопросительно посмотрел на землю, словно ожидая ответа от нее, а не от Колхауна.

— Нигде не вижу их следов, — сказал отставной капитан.

— Не видите? А я вот вижу. Гляньте-ка сюда! Вон они, где трава примята.

— Не вижу.

— Ну вот еще! Глядите хорошенько! Большая подкова, а вот сбоку маленькая. Они ускакали вон туда. Значит, они мчались за дикими кобылами лишь до этого места. Поедем по их следам?

— Конечно!

Без дальнейших разговоров Зеб Стумп направился по новым следам — быть может, и незаметным для других, но не ускользнувшим от его глаз.

Скоро и его спутник смог разглядеть их: это было в том месте, где Морис и Луиза снова поскакали галопом, спасаясь от жеребцов, и где следы подкованных лошадей глубоко врезались в землю, поросшую травой.

Через некоторое время они снова затерялись, или, вернее, стали заметны лишь для глаза такого опытного следопыта, как Зеб Стумп, который различил их среди сотни отпечатков копыт, оставленных на примятой траве.

— Ого! — вдруг с удивлением воскликнул старый охотник. — Что же здесь происходило? Что-то занятное...

— Это же отпечатки копыт диких кобыл, — сказал Колхаун. — Они как будто сделали круг и вернулись обратно.

— Если они это и сделали, то лишь после того, как всадники пронеслись мимо. Должно быть, дело приняло другой оборот.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что теперь уже не всадники гнались за кобылами, а кобылы за ними.

— А откуда вы это знаете?

— Да разве вы не видите, что следы подков затоптаны кобылами... Да какие там кобылы — ведь это следы больших копыт! Они на целый дюйм больше. Здесь побывал табун жеребцов. Иосафат! Неужели же они...

— Что «они»?

— Погнались за крапчатой. А если так, то мисс Пойндекстер грозила опасность. Поедем дальше.

Не дожидаясь ответа, старый охотник затрусил мелкой рысцой, а Колхаун последовал за ним, добиваясь объяснения этих загадочных слов. Но Зеб только махнул рукой, как бы говоря: «Не приставай, я очень занят».

Некоторое время его внимание было совершенно поглощено изучением следов. Различить отпечатки подков было нелегко, так как они были затоптаны жеребцами. Но охотнику то тут, то там удавалось заметить их, пока он продвигался вперед по-прежнему мелкой рысью. Лишь после того, как Зеб остановил свою кобылу на расстоянии ста ярдов от оврага, с его лица сошла тревога; только теперь он согласился наконец дать разъяснения.

— Ах, вот в чем дело! — сказал Колхаун, услышав их. — А почему вы думаете, что они спаслись?

— Посмотрите сюда!

— Мертвый жеребец... И убитый совсем недавно... Что это значит?

— То, что мустангер убил его.

— И, по вашему мнению, так напугал остальных, что они прекратили погоню?

— Погоню-то они прекратили, но остановил их, видно, не выстрел, а вот эта штука — труп жеребца. Черт побери, ну и прыжок!

Зеб указал на зияющий овраг, к краю которого они подъехали.

— Вы же не думаете, что они перескочили? — спросил Колхаун. — Это невозможно!

— Перескочили, как пить дать. Разве вы не видите следов их лошадей не только здесь, но и по ту сторону? И мисс Пойндекстер первая. Иосафат! Что за девуш-

ка! Они оба должны были перескочить, прежде чем застрелили жеребца, иначе им это не удалось бы. Только здесь и можно было перескочить. Молодчина мустангер! Уложил жеребца как раз у самого узкого места.

— Вы думаете, что он и моя кузина вместе перескочили овраг?

— Не совсем вместе, — ответил Зеб, не подозревая, почему Колхаун его так допрашивает. — Я уже сказал, что крапчатая перескочила первой. Посмотрите, вон там ее следы — по ту сторону оврага.

— Вижу.

— А разве вы не видите, что они перекрыты следами лошади мустангера?

— Да-да!

— Жеребцы не прыгали на ту сторону, ни один из всего табуна. Дело, видно, было так: парень перескочил и послал пулю в эту скотину. Это было все равно, что закрыть за собой ворота. Увидев, что вожак упал, жеребцы остановились и побежали обратно. Вот здесь и следы вдоль оврага.

— Может быть, они перебрались в другом месте и продолжали преследование?

— Если бы так, им пришлось бы пробежать десять миль, прежде чем вернуться сюда: пять вверх по оврагу и пять назад. Но ничего этого не было, мистер Колхаун. Не беспокойтесь, они больше не преследовали мисс Луизу. Перескочив через овраг, они с мустангером поскакали рядышком; совсем спокойно, как два барашка. Опасность для них миновала; а теперь они уже, наверно, поехали туда, где стоит фургон с припасами.

— Едем! — сказал Колхаун с прежним нетерпением, как будто его кузине все еще угрожала опасность. — Едем, мистер Стумп! Как можно быстрее.

— Не спешите, сделайте милость, — ответил Зеб, спокойно слезая и доставая нож. — Подождите минут десять.

— Подождать? Чего ради? — раздраженно спросил Колхаун.

— Надо снять шкуру с этого жеребца. Хорошая шкура! Я получу за нее в нашем поселке не меньше пя-

ти долларов. А пять долларов не каждый день найдешь в прерии.

— Будь она проклята, эта шкура! — со злобой отозвался Колхаун. — Едем, бросьте это!

— И не подумаю, — с невозмутимым хладнокровием сказал Зеб, вспарывая острым лезвием шкуру на брюхе убитого животного. — Вы можете ехать, если вам нужно, мистер Колхаун, а Зеб Стумп не тронется с места до тех пор, пока не взвалит шкуру на спину своей кляче.

— Ну послушайте, Зеб, что толку говорить, чтобы я возвращался один? Вы же знаете, что я не найду дорогу.

— Пожалуй, это похоже на правду. Да я и не говорил, что вы найдете.

— Ну, послушайте же, упрямый вы старик! Время очень дорого мне именно сейчас. А вы провозитесь со шкурой целых полчаса.

— Меньше двадцати минут.

— Пусть двадцать минут. Но для меня двадцать минут куда дороже пяти долларов. Вы ведь сказали, что такова цена этой шкуры? Бросьте ее здесь, а я обещаю уплатить вам за нее.

— Так-с. Это чертовски великодушно! Только мне что-то не хочется воспользоваться вашим предложением. Это была бы подлость с моей стороны — принять деньги за такое дело, тем более что мы знакомы и нам по пути. С другой стороны, я не могу допустить, чтобы шкура, стоимостью в пять долларов, сгнила бы здесь, не говоря уже о том, что ее могут растерзать грифы, прежде чем мне случится снова побывать в этих местах.

— Черт знает что такое! Но что же мне делать?

— Вы торопитесь? Так-с... Жаль, что я не могу сопровождать вас... Стойте! Незачем вам дожидаться меня. Вы сами найдете дорогу к месту пикника очень просто. Смотрите, вон там дерево на горизонте, — видите, высокий тополь?

— Да, вижу.

— Так-с... Узнаёте? Это чудно́е растение больше похоже на колокольню, чем на дерево.

— Да-да, теперь узнаю. Ведь мы промчались совсем близко от него, когда преследовали диких кобыл.

— Совершенно верно. Что же вам мешает теперь вернуться этой же дорогой, мимо тополя, и ехать по следам кобыл, только в обратную сторону? Так вы и приедете к месту пикника и увидите там мисс Пойндекстер и всю веселую компанию, выпивающую эту французскую ерунду — шампэнь. И пусть себе пьют на здоровье, лишь бы не вспомнили о виски, а то мне нечем будет промочить горло, когда я вернусь.

Колхаун уже давно не слушал цветистую речь старого охотника. Стоило ему узнать дерево, видневшееся на горизонте, как он пришпорил своего рыжего коня и поскакал галопом, оставив старика Зеба за его работой.

— Иосафат! — воскликнул охотник, подняв голову и заметив, что капитана и след простыл. — Не требуется особого ума, чтобы понять, из-за чего эта горячка; хоть я не больно догадлив, но сдается мне, что это самая настоящая ревность, которая рыщет по следам.

* * * * * * * * *

Зеб Стумп не ошибся. Именно ревность заставила Кассия Колхауна поспешить в обратный путь, бешеная ревность. Впервые она начала мучить его в выжженной прерии; с каждым днем она становилась все сильнее, разжигаемая не только тем, что он действительно видел, но также и тем, что ему чудилось; и теперь наконец она подавила в нем все другие чувства.

Мустангер подарил Луизе крапчатого мустанга и приучил его к седлу, а она приняла этот подарок, даже не пытаясь скрыть своей радости. Эти и некоторые другие наблюдения подействовали на уже разыгравшееся воображение капитана, и он проникся уверенностью, что Морис-мустангер стал его главным соперником.

Скромное положение охотника за лошадьми, казалось, не должно было бы давать серьезных оснований не только для такой уверенности, но даже и для подозрений.

Наверно, это и было бы так, если бы Колхаун не знал хорошо характер Луизы Пойндекстер; с детских лет она проявляла полную независимость, ей свойственна была смелость, граничащая с безрассудством, — едва ли можно было надеяться, что она посчитается с обычаями своей среды. Для большинства женщин ее круга бедность и незнатность охотника за лошадьми могли бы послужить преградой если не для неравного брака, то по крайней мере для опрометчивых поступков; но Колхаун, стараясь представить в своем ревнивом воображении поведение Луизы, не мог надеяться и на это.

Взволнованный событиями дня, так неудачно сложившегося для него, Колхаун скакал к месту пикника. Не спуская глаз с дерева, похожего на колокольню, он отыскал следы манады; теперь он уже не мог заблудиться. Ему оставалось только вернуться по собственным следам.

Он ехал быстрой рысью — гораздо быстрее, чем хотел бы его усталый конь. Всадника подгоняли мрачные мысли. Уже больше часа они всецело владели им — их горечь он еще сильнее ощущал в своем одиночестве среди окружающей тишины. Колхауна не обрадовала даже встреча с двумя всадниками, которые показались вдали и ехали в том же направлении. Он сразу узнал их, хотя видел только спины, и то издалека. Это были виновники его горьких размышлений.

Так же как и он, они возвращались по следам диких кобыл, на которые они только что выехали, когда он их заметил. Они ехали рядом, бок о бок. Видимо, увлеченные каким-то интересным разговором, они не заметили догонявшего их одинокого всадника.

В отличие от него, они, казалось, не слишком торопились вернуться к обществу и ехали медленно; крапчатый мустанг то и дело замедлял шаг.

Их позы, их явное невнимание к окружающему и, наконец, их медлительность, — все это настолько усилило подозрения капитана, что он почти потерял самообладание.

Подъехать галопом и грубо прервать их нежную

беседу было первое, что пришло ему в голову. Еще раз он заставил свою измученную лошадь скакать быстрее.

Однако через несколько секунд Колхаун натянул поводья, как будто переменив решение. До всадников не долетел еще топот копыт его лошади, хотя капитан теперь был всего лишь ярдах в двухстах от них. До него уже доносился серебристый голосок его кузины, которая, по-видимому, говорила больше, чем ее собеседник. Как интересен для них был этот разговор, если они даже не заметили его приближения!

Если бы ему удалось подслушать, о чем они говорят! На первый взгляд казалось, что из этого ничего не выйдет. Но почему бы не попробовать?

По-видимому, они настолько увлечены беседой, что такая возможность не исключена. Трава саванны мягка, как бархат, и легкие удары копыт совсем беззвучны.

Колхаун был охвачен таким нетерпением, что не мог ехать шагом; но его рыжий конь охотно пошел иноходью, обычным аллюром лошадей Юго-Западных штатов.

Едва поднимая копыта над землей, почти скользя по траве, он продвигался бесшумно, но быстро — настолько быстро, что через несколько секунд уже догнал крапчатую кобылу и гнедого коня мустангера.

Тогда капитан заставил своего коня замедлить шаг и идти в ногу с ними; сам же он наклонился вперед и с напряженнем прислушивался.

Судя по его позе, он готов был разразиться самой грубой руганью или же, быть может, схватиться за нож или револьвер.

Его дальнейшее поведение зависело от того, что он услышит.

Но ничего не случилось. Хотя два всадника, поглощенные своей беседой, были глухи к окружающему, слух их лошадей оказался более чутким, и, когда усталый рыжий конь, перейдя на шаг, тяжело ударил копытом, крапчатый мустанг и гнедой конь вскинули головы и громко заржали. План Колхауна потерпел неудачу.

— А! Кузен Каш! — воскликнула Луиза, обернувшись к капитану, и в тоне ее прозвучало не столько

удивление, сколько досада. — Ты здесь? А где отец, Генри и остальные?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь, Лу? Я знаю о них столько же, сколько и ты.

— Неужели? Я думала, что ты выехал нам навстречу. И они тоже... Ах, твоя лошадь вся в пене! Она выглядит так, словно ты скакал на ней долго, как и мы.

— Ты права. Я с самого начала бросился за тобой в надежде помочь тебе.

— В самом деле? А я и не знала, что ты ехал за нами. Спасибо, кузен. Я только что благодарила мистера Джеральда, который тоже поехал за мной и любезно спас меня и Луну от очень большой неприятности — вернее, от ужасной опасности. Представь себе, за нами погнались дикие жеребцы, и мы мчались от них, буквально спасая свою жизнь.

— Я это знаю.

— Так, значит, ты видел, как они гнались за нами?

— Нет. Я узнал об этом по следам.

— По следам? И тебе удалось разобраться в них?

— Да, благодаря разъяснениям Зеба Стумпа.

— О! Он был с тобой? И вы ехали по следам до... до какого места?

— До оврага. Зеб мне сказал, что ты перескочила через него. Это правда?

— Луна перескочила.

— И ты была в седле?

— Конечно! Что за странный вопрос, Кассий! — сказала она, смеясь. — Или, по-твоему, я должна была ухватиться за ее хвост?.. А ты тоже перескочил? — спросила креолка, внезапно меняя тон. — И ехал по нашим следам дальше?

— Нет, Лу. От оврага я направился прямо сюда, предполагая, что ты вернешься раньше меня. Вот так мы и встретились с тобой.

Луиза, казалось, была удовлетворена этим ответом.

— Ах, так! Хорошо, что ты догнал нас. Мы ехали медленно. Луна, бедняжка, очень устала. Не знаю, как только она доберется до Леоны...

С той минуты как Колхаун присоединился к ним,

мустангер не проронил ни слова. Без видимого сожаления он оставил общество молодой креолки и молча поехал впереди, снова вернувшись к своей роли проводника.

Несмотря на это, капитан не спускал с него испытующего взгляда. А когда Колхаун ловил — или думал, что уловил восторженный взгляд Луизы, направленный в ту же сторону, — его глаза загорались дьявольской злобой.

Длительное путешествие трех всадников могло бы привести к трагическому концу. Однако появление участников пикника предупредило такую развязку. Беглянку встретили хором восторженных возгласов, на время разогнавших другие мысли.

Глава XIX

ВИСКИ С ВОДОЙ

В поселке, возникшем вблизи форта Индж, гостиница была самым заметным зданием. Впрочем, это характерно для всех городов Техаса, выстроенных за последние сорок лет. Лишь в немногих старых городах, основанных испанцами, крепости и монастыри господствовали над другими зданиями; но теперь и там они уступили свое первенство, а иногда и сами превратились в гостиницы.

Хотя гостиница форта Индж и являлась самым большим зданием в поселке, тем не менее она была невелика и не представляла собой ничего примечательного. Едва ли она претендовала на какой-либо архитектурный стиль. Это была деревянная постройка в форме буквы «Т», сооруженная из обтесанных бревен. Продольную часть здания занимали комнаты для приезжающих, а поперечная представляла одно большое помещение, в котором находился буфет, или, как его называют в Америке, бар. Здесь пили, курили и, не стесняясь, плевали на пол.

Перед входом в гостиницу на дубу со спиленной вер-

шиной раскачивалась вывеска, на которой с обеих сторон был изображен герой, нашедший славу в этих краях, — генерал Захарий Тейлор[1]. Под портретом — название гостиницы: «На привале».

Если вы когда-нибудь путешествовали по Южным или Юго-Западным штатам Америки, вы не нуждаетесь в описании буфета. В этом случае ничто не изгладит из вашей памяти бара гостиницы, в которой вы имели несчастье остановиться. Стойка тянется через всю комнату вдоль стены, на которой красуются полочки, уставленные графинами и бутылками, содержащими жидкость не только всех цветов радуги, но и всевозможных их сочетаний. За стойкой снует элегантный молодой человек — так называемый бармен; только не назовите его трактирщиком, иначе вы рискуете получить бутылкой по зубам. Этот элегантный молодой джентльмен одет в голубую сатиновую блузу, или в куртку из белого полотна, или, быть может, просто в рубашку из линобатиста с кружевом, загофрированным бог весть когда. Этот элегантный молодой человек, смешивая для вас «шерри коблер», смотрит вам прямо в глаза и разговаривает с вами о политике, в то время как лед, вино и вода, переливаясь из стакана в стакан, искрятся и создают что-то вроде радужного сияния за его плечами или же ореол, окружающий его напомаженную голову. Если вы путешествовали по Южным штатам Америки, вы, конечно, не забыли его? А если так, то мои слова напомнят вам его и окружающую обстановку: бар, которым он управляет среди полочек и разноцветных бутылок; вы вспомните стойку, пол, посыпанный белым песком, где иногда валяются окурки сигар и видны коричневые плевки; вы вспомните также и запах мяты, полынной водки и лимонной корки, жужжащие рои обыкновенных черных мух, мясных мух и больно жалящих москитов. Все это должно было врезаться в вашу память.

---

[1] Захарий Тейлор (1786—1850) — американский генерал, принимавший участие в войне с Мексикой (1846—1848). Впоследствии президент США.

Хотя гостиница «На привале» и мало чем отличалась от других подобных заведений Техаса, она все же имела свои особенности. Ее хозяином был не оборотистый янки, а немец, вполне оправдывавший репутацию своих соотечественников, которые считаются поставщиками лучших продуктов. Он сам прислуживал в своем баре; и, когда вы входили туда, вам приготовлял напиток не элегантный молодой джентльмен с душистой шевелюрой и в рубашке с рюшами, а степенный немец, который выглядел так трезво, словно он никогда не пробовал — несмотря на соблазн выпить по оптовой цене — ароматных напитков, которыми угощал своих клиентов. Местные жители называли его коротко: «Доффер», хотя у себя на родине он был известен под фамилией Обердофер.

Была и еще одна особенность у этого бара, впрочем присущая не только ему одному. Как уже известно, гостиница имела форму буквы «Т»; бар находился в поперечном помещении, стойка тянулась вдоль стены, примыкавшей к главному зданию. На каждом конце бара была дверь, выходившая на площадь.

Такое расположение дверей диктовалось особенностями местного климата: там, где термометр шесть месяцев в году показывает в тени больше 30 градусов, необходимо позаботиться о хорошей циркуляции воздуха.

Гостиницы Техаса, как, впрочем, и все гостиницы Соединенных Штатов, служат одновременно биржей и клубом. Должно быть, именно из-за удобства и дешевизны гостиниц клубов в Америке почти нет.

Даже в больших городах атлантического побережья клуб вовсе не является необходимостью. Умеренные цены в отелях, их превосходная кухня и элегантная обстановка мешают процветанию клубов, которые в Америке прозябают и будут прозябать как нечто ей чуждое.

Это замечание все же главным образом касается южных и юго-западных городов, где кабачки и бары являются излюбленным местом свиданий и отдыха. Здесь собираются пестрые компании. Гордый плантатор не гнушается, — потому что не смеет гнушаться, — пить в одной комнате с бедняками, часто такими же гордыми,

как и он. В баре гостиницы «На привале» можно встретить представителей всех классов и профессий, которые имеются в поселках, но только не крестьян — в этих краях нет крестьян. Их нет в Соединенных Штатах, их нет и в Техасе.

Вероятно, с того самого дня, как Доффер повесил свою вывеску, в его баре еще ни разу не собиралось столько посетителей, как в вечер после описанного пикника, когда его участники вернулись в форт Индж.

Почти все они, за исключением дам, сочли необходимым закончить вечер в баре. Как только стрелка голландских часов, нежно тикавших среди разноцветных бутылей, подошла к одиннадцати, в бар один за другим стали заходить посетители. Офицеры форта, плантаторы, живущие по соседству, маркитанты, поставщики, шулера и люди без определенных занятий входили друг за другом. Каждый направлялся прямо к стойке, заказывал свой любимый напиток, а затем присоединялся к какой-нибудь компании.

Одна из этих компаний обращала на себя особое внимание. В ней было человек десять, половина из которых носила мундир. К последним принадлежали три офицера, уже знакомые читателю: капитан пехотинец и два лейтенанта — драгун Генкок и стрелок Кроссмен.

С ними был еще один офицер, постарше их возрастом и чином — он носил погоны майора. А так как он был старшим по чину в форте Индж, то лишним будет добавлять, что он командовал гарнизоном.

Разговор носил вполне непринужденный характер, как будто все они были молодыми лейтенантами. Они беседовали о событиях истекшего дня.

— Скажите, пожалуйста, майор, — спросил Генкок, — вы, наверно, знаете, куда ускакала мисс Пойндекстер?

— Откуда же мне знать? — ответил офицер, к которому был обращен вопрос. — Спросите об этом ее кузена, мистера Кассия Колхауна.

— Мы спрашивали его, но толком ничего не добились. Он, кажется, знает не больше нас. Он встретил их на обратном пути и то недалеко от нашего бивуака.

Они отсутствовали очень долго и, судя по их взмыленным лошадям, ездили куда-то далеко. За это время они могли бы съездить на Рио-Гранде и даже дальше.

— Обратили ли вы внимание на лицо Колхауна, когда он вернулся? — спросил пехотный капитан. — Он был мрачен, как туча, и, по-видимому, его тревожило что-то весьма неприятное.

— Да, вид у него действительно был очень понурый, — ответил майор. — Но, надеюсь, капитан Слоумен, вы не приписываете это...

— Ревности? Я в этом не сомневаюсь. Ничего другого не может быть.

— Как? К Морису-мустангеру? Что вы! Невозможно! Во всяком случае, неправдоподобно!

— Но почему, майор?

— Мой дорогой Слоумен, Луиза Пойндекстер — леди, а Морис Джеральд...

— Может быть, джентльмен — ведь видимость бывает обманчива.

— Фу, — с презрением сказал Кроссмен, — торговец лошадьми! Майор прав: это неправдоподобно.

— Ах, джентльмены! — продолжал пехотный офицер, многозначительно покачав головой. — Вы не знаете мисс Пойндекстер так, как я ее знаю. Это очень эксцентричная молодая особа, чтобы не сказать больше. Вы, должно быть, и сами это заметили.

— Да что вы, Слоумен! — поддразнил его майор. — Боюсь, что вы не прочь посплетничать. Наверно, сами влюбились в мисс Пойндекстер, хотя и прикидываетесь женоненавистником? Приревнуй вы ее к лейтенанту Генкоку или к Кроссмену, если бы его сердце не было занято другой, это было бы понятно, но к простому мустангеру...

— Этот мустангер ирландец, майор. И у меня есть основания предполагать, что он...

— Кто бы он ни был... — прервал майор, мельком взглянув на дверь. — Вот он, пусть сам и ответит. Он прямой человек, и от него вы узнаете обо всем, что, по-видимому, вас так сильно интересует.

— Вряд ли, — пробормотал Слоумен, когда Генкок

и еще два — три офицера направились было к мустангеру с намерением последовать совету майора.

Молча пройдя по посыпанному песком полу, Морис подошел к стойке.

— Стакан виски с водой, пожалуйста, — скромно обратился он к хозяину.

— Виски с водой? — повторил тот неприветливо. — Вы желаете виски с водой? Это будет стоить два пенни стакан.

— Я не спрашиваю вас, сколько это стоит, — ответил мустангер. — Я прошу дать мне стакан виски с водой. Есть оно у вас?

— Да-да! — поторопился ответить немец, испуганный резким тоном. — Сколько угодно, сколько угодно виски с водой! Пожалуйста!

В то время как хозяин наливал виски, мустангер вежливо ответил на снисходительные кивки офицеров. Он был знаком с большинством из них, так как часто приезжал в форт по делам.

Офицеры уже готовы были обратиться к нему с вопросом, как посоветовал майор, когда появление еще одного посетителя заставило их на время отказаться от своего намерения.

Это был Кассий Колхаун. В его присутствии вряд ли было удобно заводить такой разговор.

Подойдя с присущим ему надменным видом к группе военных и штатских, Кассий Колхаун поклонился, как обычно здороваются в тех случаях, когда вместе был проведен весь день и люди расставались лишь на короткое время. Если отставной капитан был и не совсем пьян, то, во всяком случае, сильно навеселе. Его глаза возбужденно блестели, лицо было неестественно бледно, фуражка надета набекрень, и из-под нее выбилось на лоб две — три пряди волос, — было ясно, что он выпил больше, чем требовало благоразумие.

— Выпьем, джентльмены! — обратился он к майору и окружавшей его компании, подходя к стойке. — И выпьем как следует, вкруговую, чтобы старик «Доннерветтер» не мог сказать, что он зря жжет для нас свет. Приглашаю всех!

— Идет, идет! — ответило несколько голосов.

— А вы, майор?

— С удовольствием, капитан Колхаун.

Согласно установившемуся обычаю, вся компания, которая собралась выпить, вытянулась вереницей около стойки, и каждый выкрикивал название напитка по своему вкусу. Разных сортов было заказано столько, сколько человек было в этой компании. Сам Колхаун крикнул:

— Бренди! — И тут же добавил: — И плесните туда виски.

— Бренди и виски ваш заказ, мистер Колхаун? — сказал хозяин, подобострастно наклоняясь через стойку к человеку, которого все считали совладельцем большого имения.

— Пошевеливайся, глупый немец! Я же сказал — бренди.

— Хорошо, герр Колхаун, хорошо! Бренди и виски, бренди и виски! — повторял немец, торопясь поставить графин перед грубым посетителем.

Компания майора, присоединившись к двум — трем уже стоявшим у стойки гостям, не оставила и дюйма свободного места.

Случайно или намеренно, но Колхаун, встав позади всех в приглашенной им компании, очутился рядом с Морисом Джеральдом, который спокойно стоял в стороне, пил виски с водой и курил сигару. Оба они как будто не замечали друг друга.

— Тост! — закричал Колхаун, беря стакан со стойки.

— Давайте! — ответило несколько голосов.

— Да здравствует Америка для американцев и да сгинут всякие пришельцы, особенно проклятые ирландцы!

Произнеся этот оскорбительный тост, Колхаун сделал шаг назад и локтем толкнул мустангера, который только что поднес стакан к губам.

Виски выплеснулось из стакана и залило мустангеру рубашку.

Была ли это случайность? Никто ни минуты не со-

мневался в противном. Сопровождаемое таким тостом, это движение могло быть только намеренным и заранее обдуманным.

Все ждали, что Морис сейчас же бросится на обидчика. Они были разочарованы и удивлены поведением мустангера. Некоторые даже думали, что он безмолвно снесет оскорбление.

— Если только он промолчит, — прошептал Генкок на ухо Слоумену, — то его стоит вытолкать в шею.

— Не беспокойтесь, — ответил пехотинец тоже шепотом. — Этого не будет. Я не люблю держать пари, как вам известно, но я ставлю свое месячное жалованье, что мустангер осадит его как следует. И ставлю еще столько же, что Кассий Колхаун не обрадуется такому противнику, хотя сейчас Джеральда как будто больше беспокоит рубашка, чем нанесенное ему оскорбление. Ну и чудак же он!

Пока они перешептывались, человек, который оказался в центре общего внимания, невозмутимо стоял у стойки.

Он поставил свой стакан, вынул из кармана шелковый носовой платок и стал вытирать вышитую грудь рубашки.

В его движениях было невозмутимое спокойствие, которое едва ли можно было принять за проявление трусости; и те, кто сомневался в нем, поняли, что они ошиблись. Они молча ждали продолжения.

Ждать пришлось недолго. Все происшедшее, включая перешептывания, длилось не больше двадцати секунд; после этого началось действие, вернее — раздались слова, которые были прологом.

— Я ирландец, — сказал мустангер, кладя платок в карман.

Ответ казался очень простым и немного запоздалым, но все поняли его значение. Если бы охотник за дикими лошадьми дернул Кассия Колхауна за нос, от этого не стало бы яснее, что вызов принят. Лаконичность только подчеркивала серьезность намерений оскорбленного.

— Вы? — презрительно спросил Колхаун, повернув-

шись к нему и подбоченившись. — Вы? — продолжал он, меряя мустангера взглядом. — Вы ирландец? Не может быть, я бы никогда этого не подумал. Я принял бы вас за мексиканца, судя по вашему костюму и вышивке на рубашке.

— И какое вам дело до моего костюма, мистер Колхаун! Но так как вы залили мою рубашку, то разрешите мне ответить тем же и смыть крахмал с вашей.

С этими словами мустангер взял свой стакан и. прежде чем отставной капитан успел отвернуться, выплеснул ему в лицо остатки недопитого виски, отчего Колхаун стал неистово кашлять и чихать, к удовольствию большинства присутствующих.

Но шепот одобрения тотчас же замер. Теперь было не до разговоров. Возгласы сменились гробовой тишиной. Все понимали, что дело приняло серьезный оборот. Ссора должна была кончиться дуэлью. Никакая сила не могла ее предотвратить.

Глава XX

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Получив душ из виски, Колхаун схватился за револьвер и вынул его из кобуры. Но, прежде чем наброситься на своего противника, он задержался, чтобы вытереть глаза.

Мустангер уже вынул такое же оружие и теперь стоял, готовый ответить выстрелом на выстрел.

Самые робкие из завсегдатаев бара в панике бросились к дверям, толкая друг друга.

Некоторые остались в баре: одни — просто от растерянности, другие — потому, что были более хладнокровны и мужественны и сознавали, что во время бегства могут получить пулю в спину.

Опять наступила полная тишина, длившаяся несколько секунд. Это был тот промежуток, когда решение рассудка еще не претворилось в действие — в движение.

Может быть, при встрече других противников этот интервал был бы короче: два более непосредственных и менее опытных человека тут же спустили бы курки. Но не Колхаун и Джеральд. Они неоднократно были свидетелями уличных схваток и принимали в них участие, они знали, как опасно в таких случаях торопиться. Каждый решил стрелять только наверняка. Этим и объяснялось промедление.

Для тех же, кто был снаружи и даже не осмеливался заглянуть в дверь, эта задержка была почти мучительной.

Треск револьверных выстрелов, который они рассчитывали в любой момент услышать, разрядил бы напряжение. И они были почти разочарованы, когда вместо выстрела раздался громкий и властный голос майора, одного из тех немногих, кто остался в баре.

— Стойте! — скомандовал он тоном человека, который привык, чтобы ему повиновались, и, обнажив саблю, разделил ею противников. — Не стреляйте, я приказываю вам обоим! Опустите оружие, иначе, клянусь богом, я отрублю руку первому, кто дотронется до курка! Остановитесь, говорю я вам!

— Почему? — закричал Колхаун, побагровев от гнева. — Почему, майор Рингвуд? После подобного оскорбления, да еще черт знает от кого...

— Вы зачинщик, капитан Колхаун.

— Ну так что же? Я не из тех, кто сносит оскорбления! Уйдите с дороги, майор! Эта ссора вас не касается, и вы не имеете права вмешиваться!

— Вот как? Ха-ха! Слоумен, Генкок, Кроссмен! Вы слышите? Я не имею права вмешиваться... Отставной капитан Кассий Колхаун, не забывайте, где вы находитесь. Не воображайте, что вы в штате Миссисипи, среди ваших «благородных южан», истязающих рабов. Здесь, сэр, военный форт. Здесь действуют военные законы, и вашему покорному слуге поручено командование этим фортом. Поэтому я приказываю вам положить ваш револьвер в кобуру, из которой вы его достали. И сию же секунду, иначе я отправлю вас на гауптвахту, как простого солдата!

Колхаун схватился за револьвер.

— Неужели? — прошипел Колхаун. — В какую прекрасную страну вы собираетесь превратить Техас! Значит, человек, как бы он ни был оскорблен, не имеет права драться на дуэли без вашего на то разрешения, майор Рингвуд? Вот каковы здешние законы?

— Отнюдь нет, — ответил майор. — Я никогда не препятствую честному разрешению ссоры. Никто не запрещает вам и вашему противнику убить друг друга, если это вам нравится. Но только не сейчас. Вы должны понять, мистер Колхаун, что ваши забавы опасны для жизни других людей, ни в какой мере в них не заинтересованных. Я вовсе не намерен подставлять себя под пулю, предназначенную для другого. Подождите, пока мы все отойдем на безопасное расстояние, и тогда стреляйте сколько душе угодно. Теперь, сэр, надеюсь, вы удовлетворены?

Если бы майор был обыкновенным человеком, вряд ли это распоряжение было бы выполнено. Но к его авторитету старшего офицера форта добавлялось еще уважение к человеку почтенного возраста, к тому же прекрасно владеющему оружием и — как хорошо было известно всем — не позволяющему пренебрегать своими приказаниями. Он обнажил свою саблю не ради пустой угрозы.

Противники знали это. Они одновременно опустили революьверы дулом вниз, но продолжали держать их в руках.

Колхаун стоял, нахмурив брови, стиснув зубы, как хищный зверь, которому помешали напасть на его жертву. Мустангер же подчинился распоряжению спокойно, без видимого раздражения.

— Полагаю, вы твердо решили драться на дуэли? — сказал майор, хорошо понимая, что надежды на примирение почти нет.

— Я не буду на этом настаивать, — скромно ответил Морис. — Если мистер Колхаун извинится за свои слова и поступок...

— Он должен это сделать: он первый начал! — вмешались несколько свидетелей ссоры.

— Никогда! — заносчиво ответил отставной капи-

тан. — Кассий Колхаун не привык извиняться, да еще перед такой ряженой обезьяной!

— Довольно! — закричал ирландец, в первый раз обнаружив гнев. — Я хотел дать ему возможность спасти свою жизнь. Он отказался от этого. И теперь, клянусь всеми святыми, один из нас не выйдет живым из этой комнаты! Майор, настоятельно прошу вас и ваших друзей уйти отсюда! Я не могу больше терпеть его наглость!

— Ха-ха-ха! — раздался презрительный смех Колхауна. — «Возможность спасти свою жизнь»! Уходите отсюда, все уходите! Я покажу ему!

— Стойте! — закричал майор, не решаясь повернуться спиной к дуэлянтам. — Так не годится. Вы можете спустить курки на секунду раньше, чем следует. Мы должны выйти, прежде чем вы начнете... Кроме того, джентльмены, — продолжал он, обращаясь к присутствующим в комнате, — ведь надо, чтобы соблюдались правила дуэли. Если они собираются драться, пусть и та и другая сторона будет в одинаковых условиях. Оба должны быть прежде всего одинаково вооружены, и надо, чтобы они начали по-честному.

— Конечно! Вы правы! — отозвалось человек десять присутствующих. Все смотрели на дуэлянтов и ждали, как они к этому отнесутся.

— Надеюсь, ни один из вас не возражает? — продолжал майор вопросительно.

— Я не могу возражать против справедливого требования, — ответил ирландец.

— Я буду драться тем оружием, которое держу в руке! — злобно сказал Колхаун.

— Согласен. Это оружие и меня устраивает, — раздался голос противника.

— Я вижу, у вас обоих шестизарядные револьверы Кольта номер два, — сказал майор. — Пока что все в порядке. Вы вооружены одинаково.

— Нет ли у них еще какого-нибудь оружия? — спросил молодой Генкок, подозревая, что у Колхауна под полой сюртука спрятан нож.

— У меня больше ничего нет, — ответил мустан-

гер с искренностью, которая не оставляла сомнений в правдивости его слов.

Все посмотрели на Колхауна, который медлил с ответом. Он понял, что должен сознаться.

— Конечно, — сказал он, — у меня есть еще нож. Надеюсь, вы не собираетесь его отнимать? Мне кажется, что каждый вправе пользоваться оружием, которое у него имеется.

— Но, капитан Колхаун, — продолжал Генкок, — у вашего противника нет ножа. Если вы не боитесь драться с ним на равных условиях, то должны отказаться от вашего ножа.

— Да, конечно! — закричало несколько голосов. — Он должен, конечно!

— Давайте-ка его сюда, капитан Колхаун, — настаивал майор. — Шесть зарядов должны удовлетворить любого здравомыслящего человека, и незачем будет прибегать к холодному оружию. Ведь прежде чем вы кончите стрелять, один из вас...

— Ко всем чертям! — крикнул Колхаун, расстегивая сюртук. Достав нож, он швырнул его в противоположный угол бара и вызывающим голосом сказал: — Для этой расфуфыренной птицы он мне не нужен — я покончу с ним первым же выстрелом!

— Хватит еще времени поговорить, после того как вы докажете это на деле. И не воображайте, что ваши хвастливые слова испугали меня... Скорее, джентльмены! Я должен положить конец этому бахвальству и злословию!

— Собака! — свирепо прошипел «благородный южанин». — Проклятая ирландская собака! Я отправлю тебя выть в твою конуру! Я...

— Стыдитесь, капитан Колхаун! — прервал его майор при общем возмущении. — Это лишние разговоры. Так держать себя в порядочном обществе непристойно. Потерпите минуту и тогда говорите, что вам вздумается... Теперь, джентльмены, еще одно, — сказал он, обращаясь к окружающим: — надо взять с них обещание, что они не начнут стрелять до тех пор, пока мы все не уйдем отсюда.

Сразу возникли затруднения. Как начать дуэль? Простого обещания при столь разгоревшихся страстях было мало. По крайней мере, один из соперников вряд ли стал бы дожидаться разрешения спустить курок.

— Начинать надо по сигналу, — продолжал майор. — И ни один из них не должен стрелять раньше. Может ли кто-нибудь предложить, какой дать сигнал?

— Мне кажется, что я могу, — сказал рассудительный капитан Слоумен, выступая вперед. — Пусть мистер Колхаун и мистер Джеральд выйдут вместе с нами. Если вы заметили, на противоположных концах этого бара есть двери с каждой стороны. Обе совершенно одинаково расположены. Пусть они потом снова войдут: один в одну дверь, а другой — в другую, и начнут стрелять только тогда, когда переступят порог.

— Замечательно! Как раз то, что надо, — послышались голоса.

— А что должно послужить сигналом? — повторил свой вопрос майор. — Выстрел?

— Нет, колокол гостиницы.

— Лучше нельзя и придумать, великолепно! — сказал майор, направляясь к одной из дверей, ведущих на площадь.

— Майн готт [1], майор! — закричал хозяин бара, выбегая из-за своей стойки, где до этого он стоял, совершенно оцепенев от страха. — Майн готт! Неужели же они будут стрелять в моем баре? Ах! Они разобьют все мои бутылки, и мои красивые зеркала, и мои хрустальные часы, которые стоили сто... двести долларов! Разольют мои лучшие вина... Ах, майор! Это разорит меня. Что же мне делать? Майн готт! Ведь это...

— Не беспокойтесь, Обердофер, — отозвался майор, останавливаясь. — Я не сомневаюсь, что все ваши убытки будут возмещены. Но, во всяком случае, вы сами должны куда-нибудь спрятаться. Если вы останетесь в вашем баре, в вас наверняка всадят пулю, а это, пожалуй, будет хуже, чем то, что разобьются ваши бутылки.

---

[1] Майн готт! (нем.) — Боже мой!

С этими словами майор оставил растерявшегося хозяина гостиницы и поспешил на улицу, где уже встретил соперников, которые только что вышли в разные двери.

Обердофер недолго стоял посреди своего бара. Не успела наружная дверь захлопнуться за майором, как внутренняя захлопнулась за хозяином гостиницы. И бар, сверкающий лампами, бутылками и дорогими зеркалами, погрузился в глубокую тишину, среди которой слышалось лишь равномерное тиканье часов под хрустальным колпаком.

Глава XXI

ДУЭЛЬ В БАРЕ

Выйдя из гостиницы, майор не стал больше принимать участия в этом происшествии.

Коменданту форта не подобало поощрять дуэль, хотя бы даже наблюдая, чтобы не нарушались ее правила. Этим занялись молодые офицеры, которые тут же приступили к делу.

Времени для этого потребовалось немного. Условия были уже оговорены. Оставалось только поручить кому-нибудь из присутствующих позвонить в колокол, что явилось бы сигналом для начала дуэли.

Это было нетрудно, поскольку не имело значения, кто позвонит. Даже ребенок мог бы подать сигнал к началу этой ужасной схватки.

Если бы посторонний наблюдатель случайно очутился в этот момент на площади перед гостиницей «На привале», он был бы очень озадачен тем, что там происходило. Ночь была довольно темная, но все же можно было различить толпу людей недалеко от гостиницы. Большинство из них носили военную форму: здесь были не только те офицеры, которые вышли из бара, но и другие, а также свободные от несения службы солдаты, которые услышали, что на площади что-то происходит. Женщины — жены солдат, прачки и несколько бойких сеньорит сомнительной репутации, —

наспех одевшись, выбежали на улицу и расспрашивали тех, кто опередил их, о причинах шума.

Разговаривали шепотом. Было известно, что на площади присутствуют майор и другие представители власти, — это сдерживало зрителей.

Толпа собралась не у самой гостиницы, а на открытом месте, ярдах в двенадцати от нее. Все, не отрываясь, смотрели на гостиницу, захваченные волнующим зрелищем. Они следили за двумя мужчинами, стоявшими поодаль друг от друга, у противоположных концов бревенчатого здания, в котором находился бар.

Несмотря на то что эти два человека были разделены толстыми бревенчатыми стенами и не видели друг друга, их движения были одинаковы, словно вызывались одними и теми же побуждениями. Каждый стоял у двери, через которую вырывался яркий свет, падавший широкими полосами на крупный гравий площади. Они стояли не прямо против входа, а немного сбоку — в стороне от света. Оба слегка пригнулись, словно бегуны перед стартом, готовые ринуться вперед. Оба сосредоточенно смотрели в бар, откуда доносилось лишь тиканье часов. По их позам можно было догадаться, что они готовы войти туда и ждут лишь условленного сигнала.

В одежде этих двух людей не было ничего лишнего, ничего, что могло бы помешать движениям, — они были без шляп, в одних рубашках; их лица и позы говорили о непоколебимой решимости.

Угадать их намерения было нетрудно. Посторонний наблюдатель, случайно оказавшийся на площади перед гостиницей, с первого взгляда мог бы понять, что речь идет о жизни и смерти. Поднятые револьверы в руках, напряженность поз, тишина, царившая в толпе любопытных, и, наконец, сосредоточенный интерес, с которым все смотрели на этих двух людей, яснее всяких слов говорили, что здесь происходит нечто ужасное. Короче говоря: это была схватка, исходом которой могла быть смерть.

Настал решающий момент. Дуэлянты напряженно смотрели на дверь, в которую они должны были войти

и, быть может, никогда не вернуться. Они ждали только сигнала, чтобы переступить порог и начать поединок, который будет роковым для одного из них, а может быть, и для обоих.

Ожидали ли они роковых слов: «Раз-два-три — стреляй!»

Нет. Был назначен другой сигнал, и он прозвучал. Чей-то громкий голос крикнул:

— Звони!

У столба, на котором висел колокол, можно было различить три или четыре темные фигуры. После приказа они зашевелились. Вместе с движением их рук, едва заметным в темноте, раздался звонкий удар колокола. Этот звук, обычно весело созывавший людей к обеду, теперь был сигналом к началу смертельного боя.

Звон продолжался недолго. После первого же удара люди, дергавшие веревку, увидели, что в их услугах больше нет необходимости. Противники бросились в бар, раздался сухой треск револьверных выстрелов, дребезжанье разбитого стекла, и звонившие поняли, что они производят только лишний шум. Бросив веревку, они, как и все остальные зрители, стали прислушиваться.

Никто, кроме самих участников, не видел, как происходила эта странная дуэль.

При первом же ударе колокола противники вошли в бар. Ни один из них не задержался снаружи. Поступить так — означало бы прослыть трусом. Сотня глаз следила за ними, и зрители знали условия дуэли: ни тот, ни другой не должен стрелять, прежде чем переступит порог.

Как только они вошли, сразу же раздались первые выстрелы. Комната наполнилась дымом. Оба остались на ногах, хотя оба были ранены. На белый песок пола брызнула кровь.

Вторые выстрелы также последовали одновременно, но они были сделаны уже наугад, так как дуэлянтам мешал дым.

Затем раздался одиночный выстрел, сразу за ним другой, потом наступила тишина.

Перед этим было слышно, как враги двигались по комнате. Теперь этого звука больше не было.

Наступила глубокая тишина. Убили ли они друг друга? Нет. Вновь раздавшийся двойной выстрел оповестил, что оба живы. Пауза объяснялась тем, что противники пытались найти друг друга и напряженно всматривались сквозь завесу дыма. Оба молчали и не шевелились, чтобы не выдать, где каждый из них находится.

Снова наступила тишина, на этот раз более длительная. Она оборвалась двойным выстрелом, за которым последовал шум падения двух тяжелых тел.

Затем послышалось барахтанье, стук опрокинутых стульев и еще один выстрел — одиннадцатый. Он был последним.

Толпа любопытных видела только облака порохового дыма, выплывавшие из дверей, тусклое мерцание ламп и время от времени вспышку света, сопровождающуюся треском, — и все.

Слышали они гораздо больше: звон вдребезги бьющегося стекла, грохот падающей мебели, опрокинутой в жестокой борьбе, топот ног по деревянному полу и время от времени сухой треск револьверного выстрела. Но голосов тех, чья взаимная ненависть привела к этой схватке, не было слышно.

Никто из стоявших не знал, что происходило внутри бара, только по звуку выстрелов можно было понять, как протекает дуэль. Они сосчитали одиннадцать. Затаив дыхание все ждали двенадцатого.

Но вместо выстрела послышался голос мустангера:

— Мой револьвер у вашего виска! У меня осталась еще одна пуля. Просите извинения — или вы умрете!

Толпа поняла, что дуэль близится к концу. Некоторые смельчаки заглянули внутрь. Они увидели противников, распростертых на дощатом полу. Оба были в крови, оба тяжело ранены; белый песок вокруг них покраснел от крови; на нем были видны извилистые следы там, где они подползали друг к другу, чтобы выстрелить в последний раз; один, в вельветовых брю-

ках, опоясанный красным шарфом, слегка приподнявшись над другим и приставив револьвер к его виску, грозил ему смертью.

Такова была картина, которую увидели зрители, когда сквозняк рассеял пороховой дым и позволил им различить, что делается внутри бара.

Тут же послышался и другой голос, голос Колхауна. В его тоне уже не было заносчивости. Это был просто жалобный шепот:

— Довольно... Опустите револьвер... Извините...

Глава XXII

ЗАГАДОЧНЫЙ ПОДАРОК

Дуэль для Техаса не диво. По истечении трех дней о ней уже перестают говорить, а через неделю никто даже и не вспоминает о происшедшем, за исключением, конечно, участников и их близких.

Так бывает даже в том случае, если на дуэли дрались люди уважаемые и занимающие видное положение в обществе. Если же дуэлянты — неизвестные бедняки или приезжие, одного дня бывает достаточно, чтобы предать забвению их подвиги. Они остаются жить лишь в памяти противников — чаще одного, уцелевшего, и еще, пожалуй, в памяти неудачливого зрителя, получившего шальную пулю или удар ножа, предназначавшийся не ему.

Не раз мне приходилось быть свидетелем «уличных схваток», разыгрывавшихся прямо на мостовой, где ни в чем не повинные, беззаботно гулявшие горожане бывали ранены или даже убиты в результате этих своеобразных дуэлей.

Я никогда не слышал, чтобы виновники несли наказание или возмещали бы материальные убытки, — на эти происшествия смотрят обычно как на «несчастные случаи». Несмотря на то что Кассий Колхаун, так же как и Морис Джеральд, сравнительно недавно появился в поселке, — причем Морис только время от

времени приезжал в форт, — их дуэль вызвала необычайный интерес, и о ней говорили в течение целых девяти дней. Неприятный, заносчивый нрав капитана и таинственность, окружавшая мустангера, вероятно, послужили причиной того, что эта дуэль заняла совершенно особое место: об этих двух людях, об их достоинствах и недостатках, говорили много дней спустя после их ссоры и горячее всего там, где пролилась их кровь,— в баре гостиницы.

Победитель завоевал всеобщее уважение и приобрел новых друзей; на стороне его противника были только немногие. Большинство остались довольны исходом дуэли: несмотря на то что Колхаун только недавно переехал в эти края, своей дерзкой наглостью он успел восстановить против себя не одного завсегдатая бара.

Все считали, что молодой ирландец хорошо его проучил, и говорили об этом с одобрением.

Как переносил Кассий Колхаун свое поражение, никто не знал; его больше не видели в гостинице «На привале», но причина его отсутствия была понятна: тяжелые, почти смертельные раны надолго приковали его к постели.

Несмотря на то что раны Мориса не были такими тяжелыми, как у его противника, он тоже был прикован к постели. Ему пришлось остаться в гостинице Обердофера — в скромном номере, потому что даже слава победителя не изменила обычного небрежного отношения к нему ее хозяина.

После дуэли он потерял сознание от большой потери крови. Его нельзя было никуда перевозить. Лежа в неуютном номере, он мог бы позавидовать заботам, которыми был окружен его раненый соперник. К счастью, с мустангером был Фелим, иначе положение его было бы еще хуже.

— Святой Патрик! Ведь это же безобразие! — вздыхал верный слуга. — Сущее безобразие — впихнуть джентльмена в такую конуру! Такого джентльмена, как вы, мистер Морис. И еда никуда не годится, и вино. Хорошо откормленный ирландский поросенок, навер-

но, отвернулся бы от того, чем тут нас кормят. И как вы думаете, что этот старый Доффер говорил внизу...

— Я не имею ни малейшего представления и мне совершенно безразлично, дорогой Фелим, что говорил Обердофер внизу, но если ты не хочешь, чтобы он слышал, что́ ты говоришь наверху, то умерь, пожалуйста, свой голос. Не забывай, дружище, что перегородки здесь — это только дранка и штукатурка.

— Черт бы побрал эти перегородки! Вам все равно, что о вас болтают? А мне наплевать, что меня слышат. Все равно этот немец обращается хуже некуда. Я все-таки скажу — вам это нужно знать.

— Ну ладно. Что же он говорил?

— А вот что. Я слыхал, как он говорил одному приятелю, что заставит вас заплатить не только за номер, за еду и стирку, но и за все разбитые бутылки, зеркала и за все, что было поломано и разбито в тот вечер.

— Заставит заплатить меня?

— Да, вас, мастер Морис. И ничего не потребует с янки. Ведь это подлость! Только проклятый немец мог такое придумать! Пусть платит тот, кто заварил эту кашу, а не вы, потомок Джеральдов из Баллибаллаха!

— А ты не слышал, почему он считает, что я должен платить за все?

— Как же, мастер Морис! Этот жулик говорил, что вы — синица в руках и что он не выпустит вас, пока вы всего не заплатите.

— Ничего, он скоро увидит, что немножко ошибся. Пусть лучше он подает счет журавлю в небе. Я согласен уплатить половину причиненных убытков, но не больше. Можешь ему это передать при случае. А по совести говоря, Фелим, не знаю, как я даже это смогу сделать... Наверно, много вещей было перебито и переломано. Мне помнится, что-то здорово дребезжало, когда мы дрались. Кажется, разбилось зеркало или часы, или что-то в этом роде...

— Большое зеркало, мастер Морис, и что-то стеклянное, что было на часах. Говорят, что оно стоит двести долларов. Враки! Наверно, не больше половины.

— Пусть так, для меня сейчас и это тяжело. Боюсь, Фелим, что тебе придется съездить на Аламо и привезти все наши сокровища. Чтобы уплатить этот долг, мне необходимо будет расстаться со своими шпорами, серебряным кубком и, быть может, с ружьем.

— Только не это, мастер Морис! Как мы будем жить без ружья?

— Как-нибудь проживем, дружище. Будем есть конину — лассо нам поможет.

— Ей-же-ей, прокормимся не хуже, чем на той бурде, что подает нам старый Доффер! У меня всякий раз после обеда болит живот.

Вдруг без всякого стука открылась дверь, и на пороге появилась неопрятная фигура — женщина или мужчина, трудно было сразу сказать; в жилистой руке она держала плетеную корзинку.

— Ты что, Гертруда? — спросил Фелим, который, по-видимому, уже знал, что перед ним служанка.

— Джентльмен передал это, — ответила она, протягивая корзинку.

— Какой джентльмен, Гертруда?

— Не знаю его. Я никогда раньше его не видела.

— Передал джентльмен? Кто же это может быть? Фелим, посмотри, что там.

Фелим открыл корзинку; в ней было много всякой всячины: несколько бутылок вина и прохладительных напитков, уложенных среди всевозможных сладостей и деликатесов — изделий кондитера и повара. Не было ни письма, ни даже записочки, однако изящная упаковка не оставляла сомнений, что посылка приготовлена женской рукой.

Морис перебрал и пересмотрел все содержимое корзинки — по мнению Фелима, чтобы определить, во что все это обошлось. Но на самом деле мустангер думал совсем о другом — он искал записку.

Но в корзинке не оказалось ни клочка бумаги, ни даже визитной карточки. Щедрость этого подарка, который, надо сказать, был очень кстати, не оставлял сомнений, что его прислал богатый человек. Но кто же это мог быть?

Когда Морис задавал себе этот вопрос, в его воображении вставал прекрасный образ, и мустангер невольно связывал его с неизвестным благодетелем. Неужели это была Луиза Пойндекстер?

Несмотря на некоторую неправдоподобность, он все же хотел верить, что это так, и, пока он верил, сердце его трепетало от счастья.

Однако чем больше он думал, тем больше сомневался, и от его уверенности осталась лишь неопределенная, призрачная надежда.

— «Джентльмен передал», — повторил Фелим, не то разговаривая сам с собой, не то обращаясь к хозяину. — Гертруда сказала, что это джентльмен. Видно, добрый джентльмен. Но только кто?

— Не имею ни малейшего представления, Фелим. Может быть, кто-то из офицеров форта? Хотя сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них мог проявить ко мне такое внимание.

— Само собой разумеется, это не они. Офицеры и вообще мужчины тут ни при чем.

— Почему ты так думаешь?

— Почему я так думаю? Ох, мастер Морис, вам ли это спрашивать? Ведь это дело женских пальчиков. Ей-ей! Гляньте-ка, до чего аккуратно завернуто. Никогда мужчине так не сделать. Да-да, это женщина и, смею вас уверить, настоящая леди.

— Глупости, Фелим! Я не знаю ни одной леди, которая могла бы проявить ко мне такое участие.

— Не знаете? Вот уж неправда, мастер Морис! А я знаю. И если бы она не позаботилась о вас, то это было бы черной неблагодарностью. Разве вы не спасли ей жизнь?

— О ком ты говоришь?

— Как будто вы сами не догадываетесь, сударь! Я говорю о той красотке, что была у нас в хижине: прискакала на крапчатом, которого вы ей подарили и даже гроша ломаного за него не взяли. Если это не ее подарок, то Фелим О'Нил самый большой дурень во всем Баллибаллахе!.. Ах, мастер Морис, заговорил я о родных краях, и вспомнились мне те, кто там живет... А что бы

сказала голубоглазая красотка, если бы только узнала, в какой опасности вы находитесь?

— Опасность? Да все уже прошло. Доктор сказал, что через недельку можно будет выходить. Не тужи, дружище!

— Нет, я не про то. Не об этой опасности я говорил. Сами знаете, о чем я думаю. Нет ли у вас сердечной раны, мистер Морис? Иной раз прекрасные глаза ранят куда больнее, чем свинцовая пуля. Может, кто-нибудь ранен вашими глазами потому и прислал все это?

— Ты ошибаешься, Фелим. Наверно, корзину прислал кто-нибудь из форта. Но, кто бы это ни был, я не вижу причин, почему мы должны церемониться с ее содержимым. Давай-ка попробуем.

Больной получил очень большое удовольствие, лакомясь деликатесами из корзинки, но мысли его были еще приятнее — он мечтал о той, чья забота была ему так дорога.

Неужели этот великолепный подарок сделала молодая креолка — кузина и, как говорили, невеста его злейшего врага?

Это казалось ему маловероятным.

Но если не она, то кто же?

Мустангер отдал бы лошадь, целый табун лошадей, лишь бы подтвердилось, что щедрый подарок прислан Луизой Пойндекстер.

* * * * * * * * *

Прошло два дня, а тайна оставалась нераскрытой.

Вскоре больного опять порадовали подарком. Прибыла такая же корзинка с новыми бутылками и свежими лакомствами.

Они опять начали расспрашивать служанку, но результаты были те же: «Джентльмен привез, незнакомый джентльмен, тот же самый, что и тогда». Она могла только добавить что он был «очень черный», что на нем была блестящая шляпа и что он подъехал к гостинице верхом на муле.

Казалось, Морис не был доволен этим описанием не-

известного доброжелателя; но никому, даже Фелиму, не поверил он своих мыслей.

Два дня спустя после того, как была получена третья корзинка, доставленная тем же джентльменом в блестящей шляпе, Морису пришлось забыть свои мечты. Это нельзя было объяснить содержимым корзинки, которое ничем не отличалось от прежних. Дело скорее было в письме, привязанном лентой к ее ручке.

— Это всего лишь Исидора, — пробормотал Морис, взглянув на подпись.

Потом, равнодушно развернув листок, стал читать написанное по-испански письмо. Вот оно — в точном переводе.

«Дорогой сеньор!

В течение недели я гостила у дяди Сильвио. До меня дошли слухи о вашем ранении, а также о том, что вас плохо обслуживают в гостинице. Примите, пожалуйста, этот маленький подарок, как память о той большой услуге, которую вы мне оказали. Я пишу уже в седле. Через минуту я уезжаю на Рио-Гранде.

Мой благодетель, спаситель моей жизни... больше того — моей чести! До свидания, до свидания!

Исидора Коварубио де Лос-Льянос».

— Спасибо, спасибо, милая Исидора! — прошептал мустангер, складывая письмо и небрежно бросая его на одеяло. — Всегда признательная, внимательная, добрая! Не будь Луизы Пойндекстер, может быть, я полюбил бы тебя!

Глава XXIII

КЛЯТВА МЕСТИ

Томившийся в своей комнате Колхаун, наверно, позавидовал бы такому вниманию. Несмотря на то что он лежал дома и был окружен роскошью, он не мог утешать себя мыслью, что есть кто-то на свете, кто привязан к нему. Черствый эгоист, он не верил в дружбу — и у него не было друзей; прикованный к постели, мучимый

страхом, что его раны могут оказаться смертельными, он терзался сознанием, что всем совершенно безразлично, останется ли он жив или умрет.

Если к нему и проявляли какое-то внимание, то только в силу родственных обязанностей. Иначе и не могло быть. Его поведение в отношении двоюродной сестры и двоюродного брата вряд ли могло вызвать их привязанность. Его дядя, гордый Вудли Пойндекстер, испытывал к нему отвращение, смешанное со страхом.

Правда, это чувство появилось совсем недавно. Как уже известно, Пойндекстер был должником своего племянника. Долг был так велик, что фактически Кассий Колхаун стал владельцем асиенды Каса-дель-Корво и мог в любую минуту объявить себя ее хозяином.

За последнее время Колхаун пустил в ход все свое влияние, чтобы добиться руки Луизы, — он уже давно был страстно влюблен в нее. Скоро он понял, что ему вряд ли удастся получить ее согласие, потому что она в ответ на его ухаживания даже не пыталась скрывать свое равнодушие. Поэтому он решил добиться ее согласия через отца, хорошо сознавая свою власть над ним.

Неудивительно, что к отставному капитану во время его тяжелой болезни было проявлено меньше симпатии, чем это могло быть при других обстоятельствах.

Пока больной чувствовал, что ему грозит смерть, он был как будто мягче к окружающим. Но это длилось недолго. Как только Колхаун почувствовал, что начинает выздоравливать, к нему сразу вернулась вся его дикая необузданность, усиленная горьким сознанием недавнего поражения.

Всю жизнь он любил щеголять своей наглостью и верховодить в любой компании, которая собиралась около него. Сознание, что никто в Техасе больше не поверит в его доблесть, причиняло ему несказанные мучения.

Появиться в роли потерпевшего поражение перед всеми дамами и, главное, перед той, которую он обожал, сознавать, что виновником его поражения был безвестный авантюрист, которого он считал своим соперником в любви,—это было выше его сил. Даже обыкновенному

человеку было бы тяжело под таким душевным гнетом, — Колхаун же не находил себе места.

Он вовсе не собирался смириться с этим, как поступил бы обыкновенный человек, — он решил мстить. Поэтому, едва избавившись от страха за свою жизнь, он начал упорно размышлять о мести.

Морис-мустангер должен умереть! И если не от его руки, то от руки кого-нибудь другого. Найти соучастника не так уж трудно. В обширных прериях Техаса наемные убийцы встречаются не реже, чем в итальянских городах. Увы, нет такого уголка на всем земном шаре, где золото не управляло бы кинжалом убийцы! А у Колхауна золота было больше чем достаточно, чтобы подкупить какого-нибудь негодяя.

В уединении своей комнаты, выздоравливая от ран, Колхаун обдумывал план убийства мустангера.

Он не собирался этого делать сам, потому что боялся новой встречи со столь грозным противником — даже в том случае, если бы ему удалось напасть на него врасплох. Поражение сделало его трусливым, и он хотел найти исполнителя — руку, которая нанесла бы удар за него. Где же его искать?

К несчастью, он знал или, быть может, ему только казалось, что он знал подходящего человека. Это был мексиканец, в то время находившийся в поселке, — такой же мустангер, как и Морис, но один из тех, от кого молодой ирландец держался в стороне.

Как правило, люди этой своеобразной профессии пользовались в Техасе дурной славой. Ремеслом мустангера обычно занимались мексиканцы или метисы; однако нередко бывало, что этим делом увлекался француз или американец. Это были обычно подонки цивилизованного общества, нередко преступники, которые волнениями опасной охоты, быть может, заглушали упреки совести.

Когда мустангеры появлялись в поселках, они досаждали мирным жителям своими постоянными драками и дебошами. Повстречаться же с ними в пустынной прерии нередко было опасно для жизни. В истории Техаса неоднократно упоминаются случаи, когда компа-

ния мустангеров превращалась на время в разбойничью банду; переодетые и загримированные индейцами, они часто грабили путешественников.

Кассий Колхаун вспомнил об одном из таких головорезов. Он вспомнил, что встречался с ним неоднократно в баре гостиницы, видел его и в тот вечер, когда дрался на дуэли. Этот мустангер был одним из тех, кто нес его домой на носилках. Припомнилось ему также, с какой злобой говорил мексиканец о Морисе Джеральде.

Потом Колхаун узнал, что мексиканец ненавидит Мориса почти так же, как он сам.

На нем и остановил свой выбор Колхаун. Он вызвал мексиканца к себе и после этого часто разговаривал с ним, запершись в своей комнате.

У окружающих не возникло никаких подозрений. Впрочем, Колхаун об этом и не беспокоился. Его посетитель торговал лошадьми и рогатым скотом — у них могли быть дела. Такое объяснение выглядело вполне естественным. Даже сам мексиканец вначале думал именно так, потому что при их первых встречах разговор носил почти исключительно деловой характер. Хитрый южанин не собирался выдавать свои намерения малознакомому человеку. И только после одной очень выгодной для мексиканца сделки, за бутылкой вина, Колхаун стал осторожно допытываться, как относится мексиканец к Морису-мустангеру.

Беседа убедила отставного капитана, что на этого человека он может положиться, что он окажет ему любую услугу, вплоть до убийства.

Мексиканец не скрывал своей ненависти к молодому мустангеру. И, хотя он не сказал ничего определенного о причине этой ненависти, Кассий Колхаун по некоторым намекам понял, что причина у них одна и та же — то, что уже издревле, со времен Трои, вызывает ссоры между мужчинами: женщина!

Прекрасной Еленой в данном случае оказалась одна черноокая сеньорита с берегов Рио-Гранде, которую Морис время от времени навещал. Она стала предпочитать общество мустангера-ирландца обществу своего

соотечественника. Мексиканец не назвал имени девушки, а Колхаун и не старался узнать его, но, слушая рассказ, втайне надеялся, что девица, которая отвергла мексиканца, покорит сердце его соперника.

Пока капитан выздоравливал, он несколько раз виделся с человеком, которого хотел сделать орудием своей мести, и у них была полная возможность обо всем договориться.

Договорились они или нет и каковы были их дьявольские намерения, осталось известно только им одним. Окружающие лишь заметили, что Кассий Колхаун и Мигуэль Диас, по прозванию Эль-Койот [1], постоянно бывают вместе, и все удивлялись этой странной дружбе.

Глава XXIV

НА АСОТЕЕ

На техасских плантациях нет бездельников. День начинается с восходом солнца. Колокол, гонг или пастуший рожок, созывая черных невольников на работу, поднимает и рабовладельцев с их удобных постелей.

Так было в Каса-дель-Корво при старых хозяевах. Семья американского плантатора не изменила этому обычаю — правда, не из желания следовать традиции, но по требованию самой природы. Ароматное утро солнечного Техаса, где царит почти непрерывная весна, жаль проводить в постели. Отдыхают в полдень, когда все в природе никнет под жгучими лучами солнца.

На рассвете же все с новой радостью встречают восходящее светило. Тропические птицы расправляют свои яркие крылья, цветы — влажные от росы лепестки, как бы в ожидании жгучего поцелуя первых солнечных лучей. Все живое снова славит солнце.

Прекрасна, как птицы, порхающие в рощах Техаса, нежна, как цветы, расцветающие в его долинах, была девушка, которая появилась на крыше дома Каса-дель-Корво.

---

[1] Эль-Койот (исп.) — степной волк.

Сама Аврора, встающая со своего ложа, вряд ли выглядела свежее, чем молодая креолка, когда она смотрела на розовую завесу, из-за которой медленно поднимался золотой диск солнца.

Она стояла на восточной стороне асотеи; ее рука лежала на каменном парапете, еще влажном от ночной росы. Перед ее глазами был сад, расположенный в излучине реки, над ним откос противоположного берега, а еще дальше широко расстилалась прерия.

Смотрела ли она на чудесный вид, которым нельзя было не любоваться? Нет.

Она не замечала и восходящего солнца, хотя казалось, что она, словно язычница, молится ему.

Слушала ли она мелодичное пение птиц, звенящее над садом и рощей?

Нет, она ничего не слышала и ничего не замечала. Ее взгляд был рассеян, и мысли ее были далеко.

Казалось, ни ясное утро, ни пение птиц не радовали ее — тень печали лежала на прекрасном лице.

Она была одна, никто не заметил ее грусти и не спросил, чем она вызвана.

Невольно сорвавшийся шепот выдал ее тайну:

— Может быть, он тяжело ранен? Может быть, смертельно?

О ком говорила она с таким волнением?

О человеке, который лежал совсем близко внизу, в одной из комнат асиенды, — о своем кузене Кассии Колхауне?

Вряд ли это было так. Еще накануне доктор сказал, что больной на пути к выздоровлению, что опасности для жизни больше нет. И если бы кто-нибудь подслушал ее монолог, который она продолжала тем же грустным голосом, то он убедился бы, что она говорила о ком-то другом.

— Я не могу даже никого послать к нему. Я никому не доверяю. Где он теперь? Наверно, ему нужна помощь, участие... Если бы я могла послать ему хотя бы весточку так, чтобы никто не знал! И куда пропал Зеб Стумп?

Девушке почему-то казалось, что Зеб может по-

явиться с минуты на минуту, и она стала смотреть на равнину, по ту сторону реки, где вдоль берега тянулась дорога. Это была проезжая дорога между фортом Индж и плантациями на нижней Леоне; она пересекала прерию на некотором расстоянии от реки и приближалась к ней только в одном месте — там, где русло делало резкий изгиб, врезаясь в крутой берег. В направлении к форту дорога была видна на протяжении полумили, ее пересекала тропинка, которая вела через брод к асиенде. Вниз по реке, приблизительно на таком же расстоянии, саванна переходила в заросли, за которыми уже ничего не было видно.

Молодая креолка смотрела в сторону форта Индж, откуда мог приехать Зеб Стумп, но ни его и никого другого не было видно.

Это не должно было бы огорчить ее. Ведь он не обещал приехать. Она смотрела в этом направлении чисто инстинктивно.

Но что-то более сильное, чем инстинкт, заставило ее через некоторое время обернуться и устремить взгляд в противоположную сторону.

Если она надеялась там кого-нибудь увидеть, то на этот раз ожидания не обманули ее. Из зарослей появился всадник. Креолке сначала показалось, что это мужчина в костюме, напоминающем арабский. Но потом она рассмотрела, что это женщина, которая сидит на лошади по-мужски. Лицо всадницы было почти все закрыто прозрачным шарфом. Но Луиза все же заметила красивый овал смуглого лица, яркий румянец на щеках, блестящие, как звезды, глаза.

Ни эксцентричная манера ездить верхом, ни шарф, ниспадавший с плеч всадницы, не помешали Луизе заметить, что она хорошо сложена.

За незнакомкой, отставая от нее ярдов на пятнадцать, ехал человек на муле; по тому, что он держался на почтительном расстоянии, а также по одежде всадника можно было догадаться, что это ее слуга.

— Кто эта женщина? — прошептала Луиза Пойндекстер и быстро поднесла к глазам лорнет, чтобы лучше разглядеть удивительную всадницу. — Кто же

она? — повторила креолка свой вопрос более спокойным тоном, опустив лорнет и продолжая рассматривать всадницу невооруженным глазом. — Мексиканка, конечно, а всадник на муле — ее слуга. Какая-нибудь знатная сеньора, наверно. Я думала, что они все переехали в Мексику... В руках у ее спутника корзинка. Интересно, что в ней такое? И зачем они едут в форт или в поселок? Уже третий раз на этой неделе я вижу, как она проезжает мимо нас. Она живет, вероятно, где-нибудь на плантациях, расположенных ниже по реке. Что за эксцентричная манера ездить верхом! Я слыхала, что это принято у мексиканок. Что, если бы и я стала так ездить? Несомненно, так удобнее. Но в Штатах сочли бы такую езду неженственной. Воображаю, как возмутились бы наши пуританские мамаши! Ха-ха-ха! Можно представить себе их ужас!..

Но смех сразу оборвался. Выражение лица креолки мгновенно изменилось, словно кочующая тучка заволокла диск солнца. Но это не была грусть, которая перед этим омрачала лицо девушки, хотя, судя по внезапно побледневшим щекам, ею овладело не менее серьезное чувство.

Причину этой перемены можно было бы связать только с движениями задрапированной шарфом всадницы на том берегу реки. Из лесных зарослей выскочила вилорогая антилопа. Не успела она сделать первый прыжок, выскочив из-за лошади, как та галопом помчалась вдогонку за испуганным животным. Наездница, сорвав с лица вуаль, сделала в воздухе несколько кругообразных движений правой рукой.

— Что она делает? — прошептала девушка на асотее. — А! Да ведь это лассо!

Сеньора не замедлила показать, с каким совершенством она владеет этим национальным оружием; она ловко набросила лассо на шею антилопы и затянула петлю. Оглушенное животное упало.

Быстро подъехавший слуга соскочил со своего мула и, наклонившись над вытянувшимся вилорогом, ударом ножа заколол его, затем, взвалив тушу на спину мула, он снова вскочил в седло и поехал за всадницей.

А сеньора уже успела свернуть лассо и, опустив на лицо шарф, продолжала путь как ни в чем не бывало.

Тень набежала на лицо креолки в тот момент, когда петля лассо взвилась в воздух. Эта тень была вызвана не удивлением, нет, — совсем иным чувством, мыслью гораздо более неприятной.

И, хотя рука с лорнетом заслоняла лицо Луизы, все же можно было заметить, что оно оставалось печальным, пока всадники не скрылись из виду, и даже после того, как они исчезли среди акаций.

«Неужели же, неужели это она? Моих лет, сказал он, ростом немного ниже меня. Все это вполне подходит, насколько я могу судить на таком расстоянии. Живет на Рио-Гранде, время от времени гостит на Леоне у родственников. Кто же это? И почему я не спросила у него, как ее зовут? Неужели же, неужели это *она?»*

Глава XXV

НЕОТДАННЫЙ ПОДАРОК

Еще несколько минут после того, как сеньора с лассо и ее слуга исчезли из виду, Луиза продолжала стоять в раздумье. Ее унылая поза и выражение лица говорили о том, что мысли девушки не стали веселее.

Нет, наоборот. Один или два раза до этого в ее воображении уже вставал образ искусной наездницы, и не раз она задумывалась над тем, зачем молодая мексиканка едет в эту сторону. После случая с антилопой ее догадки перешли в подозрения.

Луиза вздохнула с облегчением, когда из зарослей — как раз в том месте, где скрылись два всадника, — показался еще один; она обрадовалась еще больше, когда заметила, что он свернул на тропинку, ведущую к асиенде. Подняв лорнет, креолка узнала в нем Зеба Стумпа. Ее лицо просветлело и стало почти веселым. Она сочла хорошим предзнаменованием, что в грустные минуты сомнений появлялся этот честный обитатель лесов.

— Как раз тот, кого я ждала! — с радостью воскликнула девушка. — Возможно, через него я смогу послать весточку; и, может быть, он скажет, кто эта сеньора? Он, наверно, встретился с ней на дороге. Это даст мне возможность, не вызывая подозрений, начать разговор на эту тему. После того, что произошло, я должна быть осторожна даже с ним. О, если бы я была уверена, что нравлюсь *ему*, я не стала бы беспокоиться! Как ужасно его равнодушие! И ко мне, Луизе Пойндекстер! Нет, так больше продолжаться не может: я должна освободиться от этого ига хотя бы ценой разбитого сердца!

Вряд ли следует объяснять, что человек, о нежной дружбе которого так мечтала Луиза, был отнюдь не Зеб Стумп.

В это время охотник уже подъехал к самой асиенде и остановил лошадь.

— Дорогой мистер Стумп! — радушно приветствовал его голос, который старый охотник так любил слушать. — Как я рада вас видеть! Слезайте с лошади и идите ко мне сюда. Я знаю, что вам любой подъем нипочем и вы не испугаетесь этой каменной лестницы. Отсюда такой прекрасный вид, вы не пожалеете!

— Увидеть вас, мисс Луиза, будет для меня лучшим вознаграждением; ради этого я согласен залезть не только на крышу этого дома, но и на пароходную трубу... Одну минуточку, я только отведу свою старую кобылу в конюшню и тут же приду — это будет сделано в мгновение ока.

Соскочив со своей клячи, он обратился к ней с такими словами:

— Не унывай, старушка! Держи выше голову, и, может быть, Плутон угостит тебя кукурузой на завтрак.

— Эгей! Масса Стумп! — раздался голос чернокожего кучера, только что появившегося во дворе. — Негр сделает это самое — даст ей досыта желтой кукурузы. Эгей! А вы ступайте к молодой мисса. Плутон присмотрит за кобылой.

— Черт побери, ты негр хоть куда! В следующий раз, Плутон, когда я забреду в эти края, я подарю те-

бе опоссума с таким нежным мясом, как у двухлетней курицы. Вот что я обещаю тебе!

Сказав это, Зеб стал подниматься по каменной лестнице, перескакивая через две—три ступеньки. Он быстро поднялся на асотею, где молодая хозяйка дома еще раз радостно приветствовала гостя.

Старый охотник сразу заметил, как сильно была взволнована девушка, когда она вела его в дальний угол асотеи, и понял, что приглашен сюда не только для того, чтобы полюбоваться красивым видом.

— Скажите мне, мистер Стумп... — сказала Луиза, ухватившись за рукав его куртки и вопросительно заглядывая в серые глаза охотника, — вы, наверно, все знаете? Как его здоровье? Опасно ли он ранен?

— Если вы спрашиваете о мистере Колхауне...

— Нет-нет, о нем я все знаю! Я говорю не о нем.

— Но, мисс Луиза, я знаю еще только одного человека из наших мест, который был тоже ранен, — это Морис-мустангер. Так, может, вы о нем спрашиваете?

— Да-да, о нем. Вы понимаете, что, хотя он и поссорился с моим двоюродным братом, я не могу оставаться безучастной к нему. Вы ведь знаете, что Морис Джеральд спас меня — можно сказать, дважды вырвал из когтей смерти. Скажите, он очень опасно ранен?

Это было сказано с таким волнением, что шутки оказались неуместны. Зеб поспешил ответить:

— Да нет же, никакой опасности нет. Одной пулей прострелило ему ногу выше щиколотки: эта рана не опаснее царапины. Вторая попала в мякоть левой руки. И тут тоже ничего серьезного. Только крови он потерял порядочно. Теперь он уже совсем молодец и через несколько дней сможет встать с постели. Парень говорит, что если бы он проехался верхом по прерии, так это излечило бы его скорее, чем все доктора Техаса. Я тоже так думаю. Но его лечит хирург форта, и он пока вставать не разрешает.

— А где он сейчас?

— В гостинице. Там же, где они стрелялись.

— Там, наверно, плохо ухаживают за ним? Я слыхала, что эта гостиница никуда не годится. Его, навер-

но, кормят совсем не так, как надо кормить больного... Подождите минутку, мистер Стумп, я сейчас вернусь. Мне хочется послать ему кое-что. Я знаю, что вы это сделаете для меня. Не правда ли? Я уверена в этом.

Не дожидаясь ответа, Луиза направилась к лестнице и быстро спустилась вниз. Скоро она вернулась, держа в руке большую корзину, нагруженную всякими лакомствами и напитками.

— Милый мистер Стумп, вы ведь передадите это мистеру Джеральду? Сюда Флоринда положила всякие пустячки: немного освежающих напитков, немного варенья и еще кое-что. Во время болезни хочется полакомиться, а в гостинице вряд ли можно достать что-нибудь вкусное. Только не говорите ему, от кого это, и никому не говорите! Хорошо? Я знаю, что вы не скажете, мой добрый великан!

— Вы можете положиться на старика Зеба Стумпа, мисс Луиза. Ни одна душа не узнает, от кого эти лакомства, только, поверьте, у парня всего вдоволь. Ему так много привозят всякой всячины, что он мог бы накормить целую ватагу сластоежек.

— А! Ему уже привозят! Кто же?

— А вот этого Зеб Стумп не может сказать, потому что сам не знает. Я только слыхал, что корзинки с едой передавал мексиканец, чей-то слуга, а от кого — не знаю. Я и сам его видел. Только несколько минут назад встретил его недалеко от вашей асиенды; он, должно быть, сопровождал девушку, которая сидела на лошади по-мужски, — большинство мексиканок так ездят. Я думаю, он ее слуга, потому что ехал сзади; в руках у него была корзинка, точь-в-точь такая, какую мистер Морис только недавно получил. Стало быть, он опять вез разные разности для больного.

В дальнейших расспросах не было нужды. Эти слова объяснили слишком много, все стало мучительно ясно: у Луизы Пойндекстер есть соперница. Мексиканка с лассо, вероятно, была возлюбленной, а может быть, и невестой мустангера.

И не случайно, — хотя Зеб Стумп и мог так подумать, — корзинка, которую креолка, не выпуская из

рук, поставила на парапет, выскользнула и упала вниз на каменные плиты двора. Бутылки разлетелись мелкими осколками, а их содержимое хлынуло волной вдоль стены.

Хотя движение руки, опрокинувшее корзину, казалось нечаянным, непроизвольным, однако оно было точно рассчитано. Перегнувшись через парапет, Луиза посмотрела вниз и почувствовала, что и сердце ее разбито, как осколки стекла, которые блестят на камнях.

— Ах, как жаль! — сказала девушка, стараясь не выдать своего волнения. — Все пропало! Что скажет Флоринда? Ну, ничего, мистер Джеральд, по вашим словам, окружен таким вниманием, что вряд ли мой подарок ему нужен. Я рада, что его не забывают, — ведь он так много сделал для меня. Но только, пожалуйста, мистер Стумп, ни слова никому! Не говорите и о том, что я спрашивала о нем. Ведь он дрался на дуэли с моим двоюродным братом, и это может вызвать ненужные разговоры. Вы обещаете, милый Зеб?

— Готов хоть поклясться! Ни одного слова никому, мисс Луиза. Можете положиться на старика Зеба.

— Я знаю это. Пойдемте же отсюда. Солнце начинает сильно припекать. Спустимся вниз и посмотрим, не найдем ли мы там вашего любимого мононгахильского виски. Пойдемте!

Молодая креолка, притворяясь веселой, прошла через асотею скользящей походкой и, напевая «Новоорлеанский вальс», стала спускаться по лестнице. Старый охотник с удовольствием принял это приглашение и последовал за Луизой; хотя он уже давно привык со стоическим равнодушием относиться к женским чарам и мысли его в эту минуту были сосредоточены главным образом на обещанном любимом напитке, он все же залюбовался красивыми плечами девушки, словно выточенными из слоновой кости.

Но любоваться ему пришлось недолго: Луиза распрощалась с ним, как только они спустились вниз. После того как Зеб невольно выдал ей тайну мустангера, общество старого охотника уже больше не интересовало ее. Она оставила его наслаждаться виски,

а сама поспешила к себе в комнату, чтобы скрыть от всех свое горе.

Первый раз в жизни Луиза Пойндекстер испытывала муки ревности. Это была ее первая настоящая любовь — ибо она полюбила Мориса Джеральда.

«Заботливость мексиканской сеньориты едва ли можно объяснить простой дружбой. Вероятно, их связывают более тесные узы», — так размышляла удрученная креолка.

Судя по тому, что Морис говорил ей и что она видела собственными глазами, сеньора с лассо — именно та женщина, которая должна была завоевать любовь такого человека.

Ее фигура, приближенная лорнетом, показалась Луизе безукоризненной. Лица ей не удалось хорошенько рассмотреть. Было ли оно так же прекрасно? Было ли оно таким, что могло очаровать человека, так хорошо владеющего своими страстями, как Морис Джеральд?

Луиза не находила себе покоя. Она горела нетерпением снова увидеть мексиканку и рассмотреть ее лицо. Как только Зеб Стумп уехал, она распорядилась оседлать крапчатого мустанга, переехала вброд речку и поднялась на противоположный берег.

Направляясь в сторону форта, она, как и предполагала, встретила мексиканскую сеньору, которая ехала обратно, — нет, не сеньору, если говорить точнее, а сеньориту — девушку ее лет.

Там, где они встретились, дорога была затенена деревьями, и мексиканка ехала с открытой головой, небрежно отбросив шарф на плечи. Пышные черные, цвета воронова крыла, волосы обрамляли прелестное смуглое личико.

Обе девушки, следуя правилам приличия, обменялись лишь беглым взглядом. Но, отъехав немного, как та, так и другая не могла удержаться от желания украдкой рассмотреть соперницу, и обе обернулись.

По-видимому, их мысли были не столь уж различны. Не только Луиза слыхала о мексиканской сеньорите, но и та знала о ее существовании.

Мы не станем передавать, что думала сеньорита после этой встречи. Достаточно будет сказать, что мысли креолки стали еще мрачнее, чем до прогулки, и что поза ее на обратном пути в Каса-дель-Корво выдавала глубокое отчаяние. «Как хороша! — подумала она, проехав мимо девушки, которую считала своей соперницей. — Да, слишком хороша, чтобы быть ему только другом».

Луиза пыталась быть беспристрастной, мысленно разговаривая сама с собой, иначе она была бы более сдержанна в похвалах мексиканской сеньорите.

«Можно ли сомневаться, в каких они отношениях! — продолжала она. — Он любит ее! Он любит ее! Это объясняет его равнодушие ко мне. А я, безумная, хотела найти счастье в этом роковом чувстве! Надо забыть его, сбросить эти путы со своего сердца! Забыть! Легко сказать, но могу ли я это сделать? Я не должна с ним больше встречаться. По крайней мере, это в моих силах. После того, что произошло, он больше не появится у нас в доме. Наши встречи могут быть только случайными, а я буду всячески избегать их. О Морис Джеральд, укротитель диких коней, ты покорил сердце, которое будет страдать долго и, быть может, никогда не забудет этого урока!»

Глава XXVI

СНОВА НА АСОТЕЕ

Забыть горячо любимого человека невозможно. Время, конечно, — хороший целитель для сердца, не получившего ответа в любви, а разлука помогает еще больше. Но ни время, ни разлука не могут заглушить тоски о потерянном возлюбленном или же успокоить сердце, не знавшее счастливой любви.

Луизе Пойндекстер нелегко было бороться с овладевшим ею чувством: хотя оно вспыхнуло недавно, но пламя разгоралось быстро, преодолевая все преграды. Это чувство стало настолько сильным, что девушку больше не смущали такие препятствия, как недоволь-

ство отца или неравенство их общественного положения. И, встреть она взаимность, ни то, ни другое не остановило бы ее. Она уже достигла совершеннолетия, и согласие отца не было для нее обязательным; что же касается второго препятствия, то человек, искренне любящий, не боится пренебречь общественными предрассудками. Любви не свойственна такая мелочность. Во всяком случае, ее не было в глубоком чувстве Луизы Пойндекстер. Это не было первым разочарованием в жизни Луизы. Но это было первое разочарование, которое грозило нарушить ее душевный покой. И она это понимала. Она предвидела, что ее ждут страдания, но надеялась, что время исцелит эту рану.

Вначале ей казалось, что она заглушит боль сердца силой воли, что ей поможет ее прирожденная жизнерадостность. Но шли дни, а облегчения не наступало. Она не могла изгнать из памяти образ человека, который целиком завладел ее мечтами.

В иные минуты Луиза ненавидела его, или, вернее, хотела ненавидеть. Тогда ей казалось, что она могла бы убить его или, если бы его убивали на ее глазах, не сделала бы попытки прийти ему на помощь. Но это были лишь мимолетные настроения, которые сменялись более спокойными размышлениями, и тогда она считала, что сама во всем виновата и должна терпеть.

Чем больше она думала, тем больше сознавала, что, будь он даже ее злейшим врагом, врагом всего человечества — самим Люцифером, с которым она когда-то его сравнила, — она все равно не перестала бы любить его.

Презирать и ненавидеть Мориса Луиза была не в силах. Она лишь пыталась быть к нему равнодушной. Но это была тщетная попытка.

Каждый день Луиза много раз поднималась на асотею и смотрела на дорогу, где она впервые увидела свою соперницу. Больше того: несмотря на свое решение избегать встреч с человеком, который сделал ее несчастной, она садилась на лошадь и ездила по дороге, по улицам поселка с одним только намерением — встретить его.

Через три дня после неприятного открытия она снова увидела с асотеи мексиканскую сеньориту, направляющуюся к форту, в сопровождении того же слуги с корзинкой в руках. Наблюдая за ними, Луиза дрожала от ревности, завидуя той, которая предвосхитила ее заботу о больном.

Луиза знала теперь о ней больше, чем прежде, хотя и не очень много. Это была донья Исидора Коварубио де Лос-Льянос, дочь владельца большой асиенды на Рио-Гранде и племянница асиендадо, чье поместье было расположено в миле от Каса-дель-Корво ниже по течению Леоны.

Молодая мексиканка пользовалась репутацией эксцентричной особы, хорошо владеющей лассо, способной укротить любого дикого мустанга, но не свои капризы.

Эти сведения не уничтожили ревнивых подозрений креолки — наоборот, они укрепили их.

Ей нравились такие черты характера. Она сама любила независимость. Луизе казалось, что это должно нравиться и другим. Морис Джеральд вряд ли составлял исключение.

Прошло еще несколько дней, но девушка с лассо больше не показывалась.

«У него зажили раны, он уже больше не нуждается в неустанной заботе», — так размышляла креолка, стоя на асотее. Она всматривалась в даль, держа перед глазами лорнет.

Это было утром, вскоре после восхода солнца, в час, когда обычно проезжала всадница.

Девушка смотрела в ту сторону, откуда раньше появлялась ее соперница.

Случайно взглянув в противоположную сторону, Луиза вдруг замерла, не веря своим глазам. Она увидела Мориса Джеральда верхом на лошади — он приближался со стороны форта.

Хотя он сидел в седле несколько напряженно и ехал медленной рысью, это, без сомнения, был он. Луиза ясно увидела его через лорнет и сразу заметила, что его левая рука в лубке.

Узнав его, молодая креолка спряталась за парапет, и из ее груди вырвался подавленный крик.

Чем был вызван этот грустный возглас? Тем ли, что девушка заметила раненую руку, или она разглядела в лорнет болезненную бледность лица?

Нет. Это не был крик жалости или удивления — это был стон наболевшего сердца.

Больной был на пути к выздоровлению. Он больше не нуждался в заботах сестры милосердия. Теперь он ехал к ней сам.

Притаившись за парапетом асотеи, под прикрытием цветущей юкки, Луиза следила за проезжающим всадником; подняв к глазам лорнет, она могла уловить каждое его движение, даже выражение лица.

Она почувствовала некоторое облегчение, заметив, что он бросил несколько взглядов на Каса-дель-Корво, и ей стало еще приятней, когда Морис остановился в тени деревьев придорожной рощицы и долго, внимательно смотрел в сторону асиенды.

У Луизы мелькнула надежда, что он думал о ней, когда глядел на асиенду.

Но это был лишь проблеск радости, гаснущий словно солнечный свет во время затмения, который снова сменился мрачной тоской.

Морис Джеральд пришпорил коня и скрылся в зарослях чапараля, в которых терялась дорога.

Куда же он ехал? Конечно, навестить донью Исидору Коварубио де Лос-Льянос.

И можно ли было утешаться тем, что не прошло и часа, как он уже проехал обратно? Ведь они могли встретиться в ближнем лесу — почти на глазах у ревнивой соперницы, заслоненные лишь легкой листвой.

Ее не утешило и то, что, проезжая мимо, мустангер опять взглянул на асиенду, опять остановился за рощей и долго смотрел в сторону Каса-дель-Корво.

Этот взгляд был насмешливым, а может быть, торжествующим. Конечно, Морис может торжествовать. Но зачем такая жестокость? Зачем он остановился здесь, когда на его губах еще не остыли поцелуи Исидоры?

Глава XXVII

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

Луиза Пойндекстер опять на асотее, опять одна со своим горем. Широкая каменная лестница приводила ее на место, где ее ждали всё новые и новые испытания. Уже не раз давала она себе клятву, что не будет подниматься туда — по крайней мере, в ближайшее время. Но ее воля уступала чему-то более сильному, и клятва нарушалась на следующий же день, прежде чем солнце успевало осушить росу на траве прерии.

Как и накануне, она стояла на асотее, всматриваясь в дорогу по ту сторону реки. Как и накануне, она увидела проезжающего всадника с рукой на перевязи. Как и накануне, она пригнулась, прячась за парапетом.

Всадник ехал в том же направлении, как и накануне; он бросил, как и накануне, взгляд на асиенду и, остановившись за рощицей, долго смотрел в сторону Каса-дель-Корво.

Надеждой и страхом затрепетало сердце молодой креолки. Она уже готова была показаться из-за своего прикрытия, но страх одержал верх, а через минуту всадник уже уехал.

Куда?

Конечно, на свидание с доньей Исидорой Коварубио де Лос-Льянос.

Можно ли в этом сомневаться!

Как бы то ни было, она скоро это узнает. Не прошло и двадцати минут, как на той же дороге появилась другая лошадь, леопардовой масти, со всадницей на спине.

Ревнивое сердце креолки не могло дольше мучиться сомнениями. Никакая правда не могла причинить ей бо́льших страданий, чем те, которые она испытывала от своих подозрений. И Луиза решила узнать правду — быть может, роковую для ее гаснущей надежды.

Девушка направилась в заросли, где двадцать минут назад скрылся мустангер. Она ехала под колеблющимися тенями акаций, по мягкой траве у края дороги, чтобы лошадь случайно не ударила копытом о камень. Пе-

ристые ветви акации спускались так низко, что цеплялись за перья ее шляпы. Всадница сидела, пригнувшись в седле, словно опасаясь, что ее заметят, и в то же время сама внимательно смотрела вперед.

Она поднялась на вершину холма, откуда была видна вся окрестность. Перед ней был дом, окруженный высокими деревьями. Это была богатая асиенда. Луиза знала, что здесь живет дон Сильвио Мартинес, дядя Исидоры.

На равнине виднелись и другие дома, но только на этот дом, только на дорогу к нему был устремлен тревожный взор креолки.

Некоторое время она продолжала наблюдать, но никто не появлялся ни в асиенде, ни около нее. На дороге, ведущей к усадьбе, так же как и на проезжей, тоже никого не было видно. По лугу бродило несколько лошадей, но все они были не оседланы.

«Сеньорита могла выехать ему навстречу... Или Морис зашел к ним в дом?

Где они сейчас? В лесу или в доме? Если они в лесу, то знает ли об этом дон Сильвио? Если же Морис в гостях у них, то как к этому относится дядя Исидоры, и вообще дома ли он сам?»

Размышления Луизы были прерваны ржанием лошади и позвякиванием подков о камень на дороге.

Луиза посмотрела вниз. Мустангер поднимался прямо к ней по обрывистому склону. Она могла бы заметить его и раньше, если бы не всматривалась так внимательно в даль.

Он был по-прежнему один; и не было никаких оснований предполагать, что он недавно расстался с кем-то и тем более с возлюбленной.

Прятаться было поздно. Крапчатый мустанг уже ответил на приветствие старого знакомого. Всадница была вынуждена остаться на месте, поджидая мустангера.

— Здравствуйте, мисс Пойндекстер, — сказал он, подъезжая. В прерии не принято, чтобы дамы здоровались первыми. — Вы одна?

— Одна, сэр. Почему вы удивляетесь?

— Заросли — не очень подходящее место для таких

прогулок. Впрочем, вы мне как-то говорили, что вам нравятся прогулки в одиночестве.

— Вам они тоже как будто нравятся, мистер Джеральд. Только вряд ли вы страдаете от одиночества... Не так ли?

— Я езжу один именно потому, что люблю одиночество. К сожалению, мне приходится жить в гостинице. Там настолько шумно, что и здоровому человеку тяжело, — а я это особенно остро чувствую. Поэтому прогулка верхом по этим тихим местам доставляет мне несказанное наслаждение. Прохладная тень акаций и ветерок, неутомимо играющий веерообразной листвой, могут восстановить силы даже умирающего. Вы не находите?

— Вам лучше судить об этом, — смущенно ответила Луиза. — Ведь вы так часто посещаете эти места...

— Часто! Я только второй раз проезжаю здесь, с тех пор как снова смог сесть в седло... Но, простите, мисс Пойндекстер... откуда вы знаете, что я проезжал здесь?

— Ах, — ответила Луиза, краснея и бледнея, — я не могла не заметить этого! Я привыкла проводить бóльшую часть дня на асотее. Там так приятно — чудесный вид, и особенно хорошо по утрам, когда дует прохладный ветерок и пение птиц доносится со всех сторон из сада... С нашей крыши далеко видна эта дорога. И я видела вас, когда вы проезжали мимо, то есть пока вы не скрылись под тенью акаций.

— Значит, вы видели меня? — сказал Морис, смутившись. Но его смущение было вызвано не ее последней фразой, которой он просто не понял: он вспомнил, как смотрел на асиенду, остановившись за рощицей.

— Ну конечно. Ведь дорога проходит в шестистах ярдах от нашего дома. Я даже смогла разглядеть ту сеньориту, которая проезжала здесь верхом, хотя ее лошадь не так заметна, как ваша. Я видела, как она искусно набросила лассо на шею бедной маленькой антилопы, и сразу догадалась, что это та самая молодая девушка, о талантах которой вы мне так любезно рассказывали.

— Исидора?

— Исидора!

— Ах, да! Она ведь здесь гостила некоторое время.

— И была очень внимательна к мистеру Джеральду?

— Да, вы правы, она действительно была очень добра, хотя я еще не имел возможности поблагодарить ее. Несмотря на ее дружеское отношение ко мне, она ненавидит нас, иностранцев-захватчиков, и никогда не согласилась бы переступить порог гостиницы мистера Обердофера.

— В самом деле? Наверно, она предпочитает видеться с вами под тенью акаций?

— Я совсем не видел ее — во всяком случае, уже много месяцев — и, вероятно, не увижу еще долго: она вернулась домой на Рио-Гранде.

— Это правда, мистер Джеральд? Вы не видели ее с тех пор... Она уехала от своего дяди?

— Да, она уехала! — ответил Морис с удивлением.— Конечно, я ее не видел и узнал, что она здесь гостила, только потому, что, пока я лежал, она присылала мне всякие лакомства, которые, по правде сказать, были очень кстати. Кухня гостиницы Обердофера не заслуживает особых похвал, да и его отношение ко мне оставляет желать лучшего. Донья Исидора, надо сказать, очень щедро отблагодарила меня за ту маленькую услугу, которую я ей когда-то оказал.

— Услугу? Можно спросить какую, мистер Джеральд?

— Конечно. Это вышло случайно. Мне посчастливилось однажды вырвать донью Исидору из рук индейцев — Дикого Кота и его соплеменников, семинолов. Они напали на нее, когда она ехала от Рио-Гранде к берегам Леоны навестить своего дядю, дона Сильвио Мартинеса, — вон там виднеется его дом. Негодяи были пьяны, и ей угрожала если не смерть, то во всяком случае большая опасность. Бедняжке было бы очень трудно ускользнуть от них, если бы я не подоспел вовремя.

— Это вы называете маленькой услугой? Вы очень скромны, мистер Джеральд. Если бы я попала в подобное положение и кто-нибудь спас меня, то...

— Чем бы вы отплатили ему? — спросил мустангер с волнением.

— Я полюбила бы его, — быстро ответила Луиза.

— Если это так, — прошептал Морис, наклонившись к Луизе, — я отдал бы полжизни, чтобы увидеть вас в руках Дикого Кота и его пьяных товарищей, и еще полжизни, чтобы спасти вас от них!

— Это правда, Морис Джеральд? Не шутите — ведь я не ребенок. Я хочу знать правду! Скажите, вы искренни со мной?

— Поверьте мне, это правда!

Луиза Пойндекстер приподнялась в стременах и положила руку на плечо мустангера. Отвечая на его поцелуй, она горячо прошептала:

— Я люблю тебя!

Глава XXVIII

ОТНЯТОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

С тех пор как в Техасе появились англосаксонские переселенцы, — можно даже сказать, со времени колонизации Техаса потомками конквистадоров, что случилось на столетие раньше, — самым важным для ее жителей были отношения с индейцами.

Были ли индейцы, законные хозяева страны, в состоянии войны с переселенцами или же с ними удавалось заключить перемирие, — все равно они оставались постоянной темой разговоров. В первом случае толковали о нависшей опасности, во втором — обсуждался вопрос, надолго ли краснокожие вожди решили закопать свои томагавки [1].

Эта тема обсуждалась везде и всюду — за завтраком, обедом или ужином. В асиенде ли плантатора или же в лачуге охотников слова «медведь», «пума», «пекари» [2] произносились реже и с меньшим страхом, чем слово

[1] Томагавк — индейское оружие: маленький топорик. «Закопать томагавк» — значит заключить мир.

[2] Пекари — американская дикая свинья.

— Чем бы вы отплатили ему? — спросил мустангер.

«индеец». Индейцами в Техасе пугали детей, но и родители боялись их не меньше.

Даже высокие каменные стены Каса-дель-Корво, делавшие асиенду похожей на крепость, не избавили ее обитателей от страхов, волновавших население всей пограничной полосы.

До сих пор семья Пойндекстера имела лишь слабое представление об индейцах, и то только понаслышке; но день за днем она все больше узнавала о «грозе здешних мест».

Они уже начинали верить, что эта опасность не простая выдумка; а если кто-нибудь еще сомневался, то письмо от майора, коменданта форта, присланное недели через две после пикника, должно было рассеять последние сомнения.

Письмо привез конный стрелок рано утром. Оно было вручено плантатору, когда тот садился за сервированный для завтрака стол, вокруг которого уже собралась вся его семья: дочь Луиза, сын Генри и племянник Кассий Колхаун.

— Поразительные новости! — воскликнул Пойндекстер, быстро пробежав глазами бумагу. — И весьма неприятные, если это правда. Но раз майор так уверен, сомневаться не приходится.

— Неприятные новости, папа? — спросила дочь, сильно покраснев, а сама подумала: «Что мог майор написать? Я встретила его вчера в зарослях. Он видел меня с... Неужели об этом? Боже, если отец узнает!..»

— «Команчи на тропе войны» — вот что пишет майор, — сказал Пойндекстер.

— И только-то? — непроизвольно вырвалось у Луизы, как будто в этом известии не было ничего тревожного. — Ты напугал нас. Я думала, случилось что-нибудь более страшное.

— Более страшное? Что за глупости ты болтаешь, дитя мое! В Техасе нет ничего страшнее команчей на тропе войны, нет ничего опасней.

Возможно, Луиза с этим не согласилась, подумав о других опасностях, избежать которых было не легче.

Может быть, она вспомнила табун диких жеребцов или след лассо на выжженной прерии. Она ничего не ответила.

Разговор продолжал Колхаун:

— А майор уверен, что индейцы решили начать войну? Что он пишет, дядя?

— Пишет, что уже несколько дней ходили эти слухи, но он не придавал им особого значения. Теперь же все подтвердилось. Вчера вечером в форт явился Дикий Кот — вождь семинолов — со своими соплеменниками. Они сообщили, что по всему Техасу команчи в своих селениях поставили раскрашенные шесты и целый месяц пляшут танец войны, что несколько отрядов уже двинулись в поход и каждую минуту могут появиться на Леоне!

— А сам Дикий Кот разве лучше? — спросила Луиза, вспомнив случай, рассказанный мустангером. — Неужели этому предателю можно доверять? Судя по всему, он такой же враг белым, как и своим соплеменникам.

— Ты права, дочка. Майор в постскриптуме дает ему точно такую же характеристику. Он советует быть осторожным с этим двуличным негодяем, который, конечно, перейдет на сторону команчей, как только это ему покажется выгодным... Ну что ж, — продолжал плантатор, откладывая в сторону письмо и возвращаясь к своему кофе и вафлям, — я надеюсь, что мы совсем не увидим здесь краснокожих — ни команчей, ни семинолов. Надо думать, что, выйдя на тропу войны, команчи отступят перед зубчатыми парапетами Каса-дель-Корво и не посмеют тронуть нашу асиенду...

В это время в дверях столовой, где они сидели за завтраком, показалась черная физиономия кучера, и разговор перешел на другую тему.

— Что тебе надо, Плутон? — спросил его Пойндекстер.

— Хо-хо! Масса Вудли, этому малому совсем ничего не надо. Я только заглянул; только надо сказать мисс Луи: пусть скорее кончает завтрак — крапчатая стоит с седлом на спине и ждет, чтоб ей сунули железку в рот.

Крапчатая не хочет стоять на камнях, рвется на мягкую траву прерии.

— Ты едешь кататься, Луиза? — спросил плантатор с явным неудовольствием.

— Да, папа. Я хотела проехаться.

— Нельзя!

— Вот как!

— Пойми меня: я не хочу, чтобы ты ездила одна. Это неприлично.

— Почему ты так думаешь, папа? Ведь я часто ездила одна.

— Да, к сожалению, слишком часто.

Последнее замечание заставило девушку слегка покраснеть, хотя она не была уверена, что имеет в виду отец.

Но Луиза не стала допытываться. Наоборот, она предпочла замять этот разговор, что было ясно по ее ответу.

— Если ты против, папа, я не буду больше кататься по прерии. Но неужели ты решил держать меня взаперти, когда вы, мужчины, ездите по делам? Вот какую жизнь я должна вести в Техасе!

— Ты меня не так поняла, Луиза. Я вовсе не против того, чтобы ты выезжала на прогулки, но пусть тебя кто-нибудь сопровождает. Выезжай с Генри или с Кассием. Я только запрещаю тебе ездить одной. На это у меня есть причины.

— Причины? Какие?

Этот вопрос невольно сорвался с губ Луизы. Она тут же пожалела, что не сдержалась. Она со страхом ждала ответа.

Но он немного успокоил ее.

— Какие же еще причины тебе нужны? — сказал плантатор, видимо с облегчением ссылаясь на удобный повод. — Да прежде всего вот это письмо майора. Не забывай, что Техас — это не Луизиана, где девушка может ехать спокойно куда ей только заблагорассудится, не боясь, что ее оскорбят или ограбят. Здесь же, в Техасе, даже ее жизни грозит опасность. Например, индейцы.

— Индейцев мне нечего бояться — я никогда не отъезжаю от дома дальше чем на пять миль.

— На пять миль! — саркастически воскликнул отставной капитан. — Это то же самое, что отъехать на пятьдесят миль, кузина Лу. Ты с таким же успехом можешь встретить индейцев на расстоянии ста шагов от ворот дома, как и на расстоянии ста миль. Когда они на тропе войны, их можно ждать в любом месте и в любое время. По-моему, дядя Вудли прав: крайне безрассудно тебе ездить одной.

— О, ты так думаешь? — резко сказала креолка, с презрением взглянув на двоюродного брата. — Не скажете ли вы мне, сэр, чем вы сможете мне помочь, если я действительно встречу команчей? Хотя я уверена, что этого не может случиться. Хорошо же мы будем выглядеть — вдвоем среди военного отряда раскрашенных дикарей! Ха-ха! В опасности окажешься ты, а не я. Я-то ускачу, а ты останешься с ними. Вот уж действительно опасность — на расстоянии пяти миль от дома! Поищика в Техасе всадника — не исключая и дикарей, — который мог бы догнать меня на моей милой Луне! Тебе это вряд ли удастся, Каш!

— Замолчи, дочка! — строго сказал Пойндекстер.— Я не хочу слушать такую нелепую болтовню... Не обращай на нее внимания, Кассий. И, помимо индейцев, здесь много всякого сброда — их следует опасаться не меньше. Запомни: я запрещаю тебе ездить далеко, как ты это делала раньше!

— Пусть будет по-твоему, папа, — покорно ответила Луиза, вставая из-за стола.—Конечно, я послушаюсь тебя, но знай, что я могу заболеть, если мне придется сидеть дома... Иди, Плутон, — обратилась она к негру, который все еще стоял в дверях и улыбался. — Отведи Луну в кораль, на пастбище — куда хочешь. Пусть она бежит в свою родную прерию, если это ей нравится. Она мне больше не нужна.

С этими словами девушка гордо вышла из комнаты, предоставив мужчинам, которые все еще сидели за столом, размышлять над ее словами.

Но это не были ее последние слова. Когда она спе-

шила по коридору в свою комнату, у нее сорвалось шепотом несколько вопросов, на которые ничего определенного нельзя было ответить:

— Что отец мог узнать? Может быть, это только подозрения? Кто мог ему рассказать? Знает ли он о нашей встрече?

Глава XXIX

ЭЛЬ-КОЙОТ У СЕБЯ

Колхаун встал из-за стола почти так же внезапно, как и Луиза. Но, в отличие от нее, он не прошел к себе, а вышел из дому.

Он все еще страдал от ран, но значительно окреп и мог уже ходить по саду, дойти до конюшни, до кораля поблизости от дома...

Но на этот раз он отправился дальше. Под влиянием ли услышанного или в связи с полученным известием, но слабость, казалось, оставила его, и, опираясь на палку, он пошел по направлению к форту Индж.

Пройдя по пустырю, лежавшему на полпути между асиендой и фортом, он, прихрамывая, подошел к зарослям акации, приютившимся под тенью других, более высоких деревьев. В самой гуще зелени стояла сплетенная из прутьев и обмазанная глиной хижина — хакале, типичное жилище юго-западного Техаса.

Это обиталище было вполне под стать хозяину, Мигуэлю Диасу — жестокому полудикарю, недаром заслужившему прозвище «Эль-Койот».

Далеко не всегда этого волка можно было найти в его логовище, — хакале Мигуэля Диаса, пожалуй, не заслуживало лучшего названия, — здесь он только иногда ночевал. Лишь изредка, после удачной охоты, он мог позволить себе пожить немного около поселка, предаваясь грубым развлечениям.

Колхауну повезло: он застал хозяина дома, хотя и навеселе, — это, впрочем, было его обычное состояние. Правда, мексиканец не был вдребезги пьян, он успел хорошенько выспаться и немного прийти в себя.

— А, это вы, сеньор! — закричал Эль-Койот, увидев в дверях гостя. — Какими судьбами? Берите стул. Вот он стоит. Стул! Ха-ха-ха!

Эль-Койот расхохотался, глядя на предмет, который он назвал стулом. Это был просто череп мустанга, который использовался для сидения. Грубо сколоченный стол из горбылей юкки второй такой же череп, и служившая постелью куча тростника, на которой лежал хозяин, завершали обстановку жилища Мигуэля Диаса.

Утомленный длинной прогулкой, Колхаун воспользовался приглашением и опустился на череп. Не теряя времени, он сразу приступил к делу.

— Сеньор Диас, — сказал он, — я пришел сюда для...

— Сеньор американо! — воскликнул полупьяный мустангер, прервав объяснения. — Карамба! [1] Знаю, знаю, зачем вы пожаловали! К чему лишние церемонии! Я должен убрать с дороги этого дьявола ирландца!

— Так!

— Так вот, я же обещал вам сделать это за пятьсот долларов, когда придет время и подвернется случай. Мигуэль Диас всегда держит слово. Только время еще не пришло и удобного случая не было. Черт возьми! Убить человека, как полагается, требует умения. Даже в прериях нападают на след. А если узна́ют, то для меня это не шутки! Вы забываете, сеньор капитан, что я мексиканец. Будь я американец, как вы, то легко укокошил бы дона Морисио. Стоит только сказать, что была ссора, и я вышел бы сухим из воды. Проклятие! Для мексиканцев другой закон. Если кто-нибудь из нас вонзит мачете в сердце человека, это назовут убийством. И тогда вы, американцы, в вашем глупом суде с двенадцатью «честными присяжными» постановите: «Повесить». Карамба! Меня это не устраивает. Я ненавижу этого ирландца, как и вы, но лезть в петлю не собираюсь. Я должен выждать, пока придет время и подвернется удобный случай — черт побери, и время и случай!

---

[1] Черт побери! (исп.)

— И то и другое пришло! — воскликнул Колхаун, наклонившись к мексиканцу. — Вы сказали, что легко смогли бы это сделать, если бы только начались неприятности с индейцами.

— Конечно, я это говорил, и если бы это было так, то...

— Значит, вы еще не знаете новостей?

— Каких новостей?

— Да ведь команчи на тропе войны!

— Черт возьми! — воскликнул Эль-Койот, вскакивая со своей тростниковой постели со стремительностью волка, почуявшего добычу. — Святая дева! Неужто это правда, сеньор?

— Не больше и не меньше. Эта весть только что получена в форту. У меня сведения от самого коменданта.

— Тогда... — ответил мексиканец в раздумье, — тогда дон Морисио может умереть. Команчи могут убить его. Ха-ха-ха!

— Вы уверены в этом?

— Я был бы больше уверен, если бы за его скальп заплатили тысячу долларов, а не пятьсот.

— Он стоит этой суммы.

— Какой суммы?

— Тысячи долларов.

— Вы обещаете?

— Да.

— В таком случае, команчи снимут с него скальп, сеньор капитан! Можете возвращаться в Каса-дель-Корво и спать спокойно. Будьте уверены, что, как только представится случай, ваш враг останется без волос. Вы понимаете меня?

— Да.

— А теперь готовьте вашу тысячу долларов.

— Они ждут вас.

— Карамба! Я их живо заработаю! До свидания, будьте здоровы... Пресвятая дева! — воскликнул бандит, как только его посетитель ушел. — Вот повезло! Получить тысячу долларов за то, чтобы укокошить человека, которого я хотел убить даром! Команчи на тропе войны! Карамба! Неужели это правда? Если так, то

надо достать свой костюм для этого маскарада. Три долгих года перемирия с индейцами он валяется у меня без дела. Да здравствуют индейцы на тропе войны! И пусть увенчается успехом мой маскарад!

Глава XXX

ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА

Луиза Пойндекстер, увлекаясь теми видами спорта, которые принято считать мужскими, конечно, не пренебрегала и стрельбой из лука. Она в совершенстве владела этим искусством.

Обращаться с луком она научилась у индейцев племени юма; последние остатки этого некогда могучего племени можно до сих пор встретить в дельте Миссисипи, у залива Атчафалая, и в окрестностях Пойнт Купе.

Она привезла свой лук из Луизианы, но он долго лежал без дела, даже нераспакованный. С тех пор как она переехала в Техас, у нее еще не было случая вспомнить о нем. Красивый лук из апельсинового дерева и оперенные стрелы, забытые, валялись в кладовой.

Но пришло время, когда она вспомнила о них. Это было вскоре после разговора за завтраком, когда отец запретил ей выезжать одной на прогулки.

Она беспрекословно подчинилась этому приказанию; больше того, она не только перестала выезжать одна, но и вообще отказалась от верховой езды.

Крапчатый мустанг уныло стоял в конюшне или бегал по коралю, удивляясь, почему он больше не чувствует на спине седла — единственного напоминания о том, что он пленник.

Но Луиза не забывала своей любимицы. Правда, она больше не ездила кататься, но все же ежедневно навещала Луну и следила за тем, чтобы ее хорошо кормили. Лошадь кормили лучшим зерном из закромов Каса-дель-Корво, самой сочной травой саванны, поили студеной водой Леоны.

Плутон старательно ухаживал за ней. Он так усердно тер ее скребницей и щетками, что шерсть ее блестела не хуже, чем кожа его черного лица.

Почти все свободное время Луиза отдавала теперь стрельбе из лука.

Местом для упражнений ей служил сад с прилегающими зарослями. С трех сторон его подковой охватывала река; с четвертой он замыкался задней стеной асиенды.

Сад был очень стар; об этом свидетельствовали не только могучие деревья, но и потрескавшиеся статуи, которые украшали его. Они были сделаны резцом испанских мастеров и изображали героев далекого прошлого. Здесь вы могли увидеть великого Кондэ, Кампеадора [1], Фердинанда и его энергичную королеву; великого мореплавателя, которому принадлежит честь открытия Америки; двух знаменитых конквистадоров Кортеса и Пизарро; и прославленную своей красотой и преданностью любимому человеку индианку Малинче [2].

Но не среди этих каменных изваяний упражнялась Луиза в стрельбе из лука, хотя не раз можно было видеть, как она стоит перед статуей Малинче, рассматривая ее прекрасное лицо. Луиза не находила в себе силы упрекать красавицу индианку за то, что она полюбила испанского полководца. Молодая креолка чувствовала в глубине души, что не ей упрекать Малинче. Ведь и она сама, забыв обо всем на свете, отдала свое сердце человеку, далеко не столь знаменитому, как Кортес, хотя, по ее мнению, не менее заслуживающему славы.

Нет, не среди этих статуй Луиза Пойндекстер занималась стрельбой из лука. Она уходила под тень высоких деревьев, которые, следуя изгибу реки, образовали полукруглую рощу между берегом и садом. Здесь росли посаженные несколько столетий назад самой при-

---

[1] Кондэ (1621—1686) — французский полководец. Сид Кампеадор (1040—1089) — знаменитый испанский рыцарь, прославившийся в войнах с маврами.

[2] Малинче (Марина) — переводчица Кортеса, ставшая потом его женой.

родой тутовые деревья, кедры и гикори, которые пощадил садовник, когда он разбивал сад.

Креолка любила сидеть под зелеными сводами этих лесных великанов или бродить по берегу прозрачной реки, которая сонно струилась мимо.

Здесь Луиза могла быть совсем одна, а в последнее время она искала уединения. Отец даже в минуты самого сурового настроения не стал бы возражать против этого. Он был спокоен за нее: стены Каса-дель-Корво, на которые невозможно было взобраться без помощи высокой лестницы, глубокая и широкая река были ее надежной защитой. Плантатор не только не возражал против этих уединенных прогулок, но, наоборот, был доволен ими. Возникшие было у него подозрения, для которых, надо сказать, имелись основания, начали рассеиваться.

В конце концов это могло быть лишь обычной сплетней. Возможно, он стал жертвой злых языков. Очень вероятно, что встреча его дочери с Морисом-мустангером не была преднамеренной. Ведь могли же они случайно встретиться в зарослях! И едва ли Луизе было удобно не поздороваться с человеком, который дважды спас ей жизнь. Вероятно, она просто еще раз выразила ему свою признательность.

То, что она безропотно отказалась от верховой езды, казалось, подтверждало это предположение. Обычно она смирялась не так легко — значит, эти поездки не были ей особенно дороги.

Так рассуждал любящий отец, у которого не было другого способа разобраться в характере своей дочери. Если бы они жили в другой стране или принадлежали к другому кругу, он, быть может, задал бы прямой вопрос и потребовал бы прямого ответа. Но на Миссисипи это не принято; там десятилетний сын или дочь, которой еще не исполнилось пятнадцати, возмутились бы и назвали бы это допросом с пристрастием.

Едва ли Вудли Пойндекстер мог рассчитывать на дочернее почтение Луизы. Его красавица дочь за последние годы привыкла к поклонению и комплиментам, а это часто портит человека.

Несмотря на то что он был ее отцом и, по закону, имел над ней власть, он прекрасно понимал, насколько эта власть призрачна.

Поэтому он был доволен ее послушанием и радовался, что теперь, вместо безудержной скачки по прерии, она довольствуется прогулками в саду, где развлекается стрельбой из лука по маленьким птичкам, которые, на свою беду, приближаются к ней.

Почему вы рассуждаете так наивно, пятидесятилетний отец? Разве вы забыли свою молодость, забыли, как вы мечтали, как вы обманывали и притворялись, какие «сказки» научились рассказывать, чтобы скрыть то, что, возможно, было самым благородным чувством в вашей жизни!

Но отец красавицы Луизы, казалось, ни о чем не вспоминал, хотя ему было что вспомнить. Он забыл все, что тогда волновало его, иначе он нашел бы случай, чтобы пойти за дочерью в сад и, не выдавая своего присутствия, посмотреть, что она делает в зарослях кустарника, окаймляющих берег реки.

Тогда он узнал бы, что Луиза совсем не столь жестока, как могло показаться, — она целилась не в птиц, которые так доверчиво порхали вокруг нее. Не для этого натягивала она лук; привязав клочок бумаги к наконечнику стрелы, она посылала ее в рощу на противоположном берегу реки.

И он заметил бы нечто еще более интересное: через некоторое время эта же стрела, словно недовольная тем местом, куда она попала, возвращалась в руки девушки с тем же — или, быть может, похожим — клочком бумаги, привязанным к ее наконечнику.

Непосвященному наблюдателю эти полеты стрелы могли показаться странным, даже сверхъестественным явлением. Но так как посторонних наблюдателей не было, то удивляться было некому. А двум участникам этой игры, по очереди натягивавшим лук и посылавшим взад и вперед одну и ту же стрелу, все было понятно.

Любовь смеется над препятствиями.

Лишенные возможности видеться, Морис и Луиза придумали эту воздушную почту.

Глава XXXI

УДАЧНАЯ ПЕРЕПРАВА

Воздушная почта существовала недолго. Разве могут влюбленные довольствоваться перепиской, оставаясь на расстоянии полета стрелы! Любящие сердца должны гореть и биться совсем близко.

Морис Джеральд и Луиза Пойндекстер не могли больше переносить разлуку. Наконец они встретились— не в предательском свете солнца, но в тиши полуночи, и только звезды были немыми свидетелями их тайны. Уже дважды виделись они в роще за садом. Дважды они обменялись любовными клятвами при мерцающем свете звезд. Они условились о третьем свидании.

А у плантатора, который так гордился своей дочерью, не было и тени подозрения, что она жестоко обманывает его. Его дочь, его единственная дочь, гордая аристократка, красивая и одаренная, которая могла бы сделать блестящую партию, любит простого охотника за лошадьми! Если бы ему это приснилось, он вскочил бы со своей мягкой постели, как от звуков трубы, возвещающей конец мира. У него не возникло ни малейшего подозрения. Все это было слишком неправдоподобным, слишком чудовищным. И если бы такая мысль пришла ему в голову, она показалась бы ему нелепой.

Он был доволен той безропотной покорностью, с которой дочь приняла его последнее запрещение. Ему, правда, было бы приятнее, если бы она более точно исполнила его желание и не отказалась совсем от прогулок по прерии, но ездила бы в сопровождении брата или кузена. Она же до сих пор не соглашалась на это, а он не настаивал. Он охотно уступил ее капризу. Ведь пока Луиза оставалась дома, не могло возникнуть никаких новых сплетен. Ее уступчивость настолько обезоружила его, что он почти жалел о своем запрещении. Успокоившись, он уже подумывал о том, чтобы его отменить.

* * * * * * * * *

Была одна из тех лунных ночей, которые бывают только на юге; такая ночь, когда серебристый диск лу-

ны плавно скользит по сапфировому небу, а горы в прозрачном воздухе вырисовываются так ясно, что, кажется, можно коснуться их рукой; когда ветерок затихает и большие листья тропических деревьев замирают в неподвижности, словно прислушиваясь к удивительному хору ночных голосов зверей, птиц, пресмыкающихся и насекомых.

Это была такая ночь, когда хочется гулять вдвоем с той единственной ненаглядной, которая по какому-то таинственному велению природы завладела вашим сердцем, когда вы мечтаете о том, чтобы белые руки обвились вокруг вашей шеи и прекрасные глаза смотрели на вас с тем волнующим выражением, которое милее всего бывает при таинственном свете луны...

Уже давно барабан пехотинцев и горн кавалеристов возвестили о том, что гарнизону форта Индж пора ложиться спать. Короче говоря, было уже около полуночи, когда от дверей гостиницы Обердофера отъехал всадник. Он поехал по дороге вдоль Леоны и скоро оставил за собой поселок.

Как уже упоминалось, эта дорога проходила мимо асиенды Каса-дель-Корво по противоположному берегу реки. Упоминалось также, что она пересекала полосу открытой прерии, где была одна небольшая роща.

Эта одинокая купа деревьев, одна из тех, которые жители прерии называют островками леса, стояла у дороги, по которой скакал всадник, только что выехавший из поселка.

Доехав до рощи, всадник соскочил с лошади и привязал ее к дереву. Затем он снял с луки седла длинную веревку, сплетенную из конского волоса, свернул ее кольцом и, надев на руку, бесшумно прошел через рощу к реке.

Прежде чем выйти из-под прикрытия густой тени деревьев, он вопросительно посмотрел на небо и на ярко светившую луну. Во взгляде его мелькнула тревога.

— Нет смысла ждать, пока эта красавица скроется, — озабоченно пробормотал он. — Видно, она решила не ложиться до самого утра.

Потом он поглядел на открытое место, отделявшее

его от воды. На противоположном берегу темнела асиенда Каса-дель-Корво.

— Что, если сейчас кто-нибудь там не спит?.. Вряд ли это вероятно в такой поздний час. Конечно, если кого-нибудь мучит нечистая совесть... Ба! Да ведь там есть такой человек! Если он не спит, то наверняка заметит меня. Если бы это касалось только меня, я бы ничуть не беспокоился. Что делать? Надо рисковать — другого выхода нет. Луна зайдет только через несколько часов, а на небе нет ни облачка. Я не могу заставлять Луизу ждать. Ничего не поделаешь, будь что будет!

С этими словами он быстро, но осторожно пересек открытое место и подошел к крутому обрыву над рекой.

Не задерживаясь здесь, он ловко спустился по извилистой, но, очевидно, хорошо ему знакомой тропинке к самой воде.

Через минуту он уже стоял на берегу, как раз напротив того места, где в тени огромного тополя покачивался на воде маленький челнок.

Некоторое время человек внимательно всматривался в заросли на противоположном берегу, по-видимому проверяя, не прячется ли там кто-нибудь.

Убедившись, что в зарослях никого нет, он взял свое лассо и, сделав несколько круговых движений, перекинул его через реку.

Петля захлестнула колышек на носу челнока, и человек перетащил его к себе; он прыгнул в него, взял весла, которые лежали на дне, и, вставив их в уключины, переправился на другой берег, подведя челнок к месту, где он стоял раньше.

Выйдя на берег, он вытащил челн на песок, чтобы его не унесло течением. Потом ночной гость Каса-дель-Корво прокрался в тень тополя; казалось, он ждал либо условного сигнала, либо появления кого-то, с кем заранее договорился встретиться.

Если бы кто-нибудь заметил его в эту минуту, то мог бы принять его за вора, который собирается ограбить Каса-дель-Корво. Но, услышав шепот, срывавшийся с уст незнакомца, он понял бы, что все подозрения его несправедливы. Правда, он мечтал о сокровище,

скрытом за стенами дома, но это были не деньги, не драгоценности, не фамильное серебро — это была хозяйка дома.

Вряд ли нужно объяснять, что человек, который оставил свою лошадь в роще и так удачно переправился через реку, был Морис-мустангер.

Глава XXXII

СВЕТ И ТЕНЬ

Недолго пришлось Морису ждать под тополем. В то самое мгновение, когда он прыгнул в челнок, одно из окон асиенды, выходившее в сад, тихонько приоткрылось и не закрывалось некоторое время, как будто кто-то хотел выйти и колебался, не зная, свободен ли путь.

Маленькая белая рука с драгоценными кольцами на тонких пальцах придерживала открытую раму, освещенную луной; через несколько минут стройный силуэт девушки появился на лестнице, которая вела в сад.

Это была Луиза Пойндекстер.

Несколько секунд она стояла прислушиваясь. Всплеск весла? Не почудилось ли ей это? Цикады наполняли воздух своим неугомонным стрекотаньем, и легко можно было ошибиться. Впрочем, это не имело значения. Условленный час настал, а она не принадлежала к тем, кто требует пунктуальности, и кроме того, только что провела в ожидании целых два часа, которые показались ей вечностью.

Неслышно спустилась Луиза по каменной лестнице, проскользнула в сад, тихонько прошла через кустарник, мимо статуй и наконец очутилась под тополем. Здесь ее встретили объятия мустангера.

Счастливые минуты летят быстро, и скоро приходит час расставания.

* * * * * * * * *

— Завтра ночью мы опять увидимся, милый? Завтра ночью?

— Если бы я только мог, я сказал бы тебе: да, завтра, и послезавтра, и опять, и опять, моя любимая!

— Но почему же? Почему ты не можешь этого сказать?

— Завтра утром я уезжаю на Аламо.

— Вот как! Разве это необходимо?

Вопрос прозвучал невольным упреком. Каждый раз, когда она слышала упоминание об уединенной хижине на Аламо, в ней просыпалось какое-то неприятное чувство. Но почему? Ее встретили там радушно. Казалось бы, это посещение могло стать одним из самых приятных воспоминаний ее жизни. Но это было не так.

— Мне действительно нужно туда поехать.

— Нужно? Тебя там ждут?

— Только мой слуга Фелим. Надеюсь, что с ним ничего не случилось. Я отослал его туда дней десять назад, еще до этих слухов об индейцах.

— Только Фелим и больше никто? Ты говоришь правду, Морис? Милый, не обманывай меня! Только он, ты сказал?

— Почему ты спрашиваешь об этом, Луиза?

— Я не могу тебе сказать почему. Я бы умерла от стыда, если бы призналась в том, что мне иногда приходит в голову.

— Не бойся, скажи мне все, что ты думаешь. Я не мог бы ничего скрыть от тебя. Ну, говори же, радость моя!

— Ты этого хочешь, Морис?

— Конечно, хочу. Я уверен, что разрешу все твои недоумения. Ведь если кто-нибудь узнает о наших встречах, их могут дурно истолковать. Поэтому я и уезжаю на Аламо.

— Чтобы там остаться?

— Всего лишь на один или два дня. Только для того, чтобы собрать свои вещи и сказать последнее прости моей жизни в прерии.

— Вот как?

— Ты, кажется, удивлена?

— Нет! Только недоумеваю. Я не могу понять тебя, и, вероятно, мне это никогда не удастся.

— Но ведь все очень просто. Я принял важное решение и знаю, что ты простишь меня, когда я тебе о нем скажу.

— Простить тебя, Морис! За что?

— За то, что я не открыл тебе моей тайны. Я не тот, за кого ты меня принимаешь...

— Но ведь ты такой, каким мне кажешься: благородный, смелый, красивый, необыкновенный человек. О Морис! Если бы ты только знал, как ты дорог мне и как я тебя люблю!

— Голубка моя, не больше, чем я тебя, но ради нашего счастья мы должны решиться на разлуку.

— На разлуку?

— Да, любимая. Но мы расстанемся ненадолго.

— На сколько?

— На время, которое понадобится пароходу, чтобы пересечь Атлантический океан туда и обратно.

— Целая вечность! Но зачем?

— Мне необходимо съездить на родину — в Ирландию, в страну, которую здесь презирают, как ты сама знаешь. Всего лишь двадцать часов назад я получил оттуда важное известие. И я спешу туда поехать и надеюсь по возвращении доказать твоему гордому отцу, что бедный мустангер, который завоевал сердце его дочери... Завоевал ли я его, Луиза?

— Нужно ли тебе об этом спрашивать! Ты знаешь, что покорил мое бедное сердце и ему никогда не вырваться из этой неволи. Не смейся надо мной, Морис,— я навеки твоя раба!

Снова объятия, снова нежные поцелуи и любовные клятвы.

Затихло стрекотанье кузнечиков в зеленой траве, замолкли цикады на листьях деревьев, не доносились больше крики пересмешника с макушки высокого тополя, и козодой взлетел еще выше в лунном свете; казалось, все в природе притихло, чтобы не мешать влюбленным...

Но нет, не поэтому наступила тишина: раздался шум шагов по усыпанной гравием дорожке, и, несмотря на то что они были легки и почти бесшумны и услышать

их можно было, только обладая очень острым слухом, именно из-за них умолкли ночные голоса.

Но влюбленные ничего не слышали. Они не видели и темной тени человека — или, быть может, дьявола, — которая скользила среди цветов, то замирая у статуи, то прячась в кустарнике, пока, наконец, не остановилась за деревом — шагах в десяти от того места, где они обменялись поцелуем. В минуты счастья, когда все кругом затихло, они совсем не подозревали, что эта тишина помогает подслушать их любовные признания, а предательская луна выдает каждое движение.

Человек, черной тенью скрывавшийся за деревом, подслушал каждое их слово, даже любовные вздохи и шепот; а в серебристом свете луны он отчетливо видел их малейшие жесты.

Нужно ли говорить, кто был этот гнусный шпион? Имя Кассия Колхауна напрашивается само собой.

Это был он.

Глава XXXIII

МУЧИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

Как случилось, что кузен Луизы Пойндекстер бодрствовал в такой поздний час ночи, или, вернее, в такой ранний час утра? Был ли он предупрежден об этом свидании или же у него просто возникли какие-то необъяснимые подозрения, которые заставили его выйти из спальни и пойти проверить, все ли благополучно в саду?

Другими словами, случайно ли он заметил влюбленных или действовал по заранее обдуманному плану?

Справедливо первое — чистая случайность, или, вернее, случайность вместе с лунной ночью помогли отставному капитану открыть тайну, которая жгла теперь его душу адским огнем.

Стоя в полночь на асотее, куда он поднялся, сам не зная зачем, и отравляя благоухающий ароматом цереуса ночной воздух дымом своей сигары, Кассий Колхаун, по-видимому, ничем особенно не был встревожен. Раны, нанесенные ему мустангером, уже зажили; правда,

мысль о поражении все еще мучила его, но горечь воспоминаний до некоторой степени смягчалась надеждой на месть, для осуществления которой уже были сделаны первые шаги.

Колхаун, как и отец Луизы, был очень доволен, что она отказалась от своих далеких прогулок верхом, — именно по его совету Пойндекстер запретил дочери ездить одной. Так же как и отец Луизы, он не подозревал, чем было вызвано ее увлечение стрельбой из лука, и смотрел на это, как на невинную забаву. Он даже стал льстить себя надеждой, что равнодушие Луизы могло быть в конце концов притворством с ее стороны или просто плодом его фантазии. За последнее время она была менее резка с ним, и он уже готов был усомниться в своих ревнивых предположениях.

До сих пор у него не было никаких доказательств, что она увлечена молодым ирландцем; а так как за последнее время ничего, что вызвало бы новые подозрения, не произошло, то он решил, что это была лишь ложная тревога.

Успокоенный этими мыслями, Колхаун поднялся на асотею; он небрежно зажег сигару и курил ее с беззаботным видом, не оставлявшим сомнений, что он пришел сюда в этот поздний час без всякого дела. Возможно, что ему захотелось уйти из своей душной комнаты и подышать свежим воздухом или, быть может, полюбоваться чудесной луной, хотя такие романтические желания были не в его характере.

Как бы там ни было, он зажег сигару, оперся о парапет асотеи и стоял, повернувшись лицом к реке.

Он не встревожился, увидев всадника на противоположном берегу реки, только что выехавшего из зарослей и продолжавшего свой путь по открытой равнине. Эта дорога была ему хорошо известна. Он решил, что какой-то путник хочет воспользоваться прохладой ночи, а такая ночь могла соблазнить даже самого усталого человека отказаться от отдыха. Это мог быть сосед-плантатор, возвращающийся домой из поселка, где он задержался на лишний час, зайдя в бар гостиницы.

Днем, быть может, он узнал бы всадника, но при

лунном свете мог лишь различить, что это был человек верхом на лошади.

Отставной капитан машинально следил за ним взглядом, как порой, задумавшись о чем-то, следят за щепкой, уносимой волной вниз по течению.

Только когда всадник, приблизившись к роще, свернул в нее, Колхаун заинтересовался его поведением.

— Что бы это могло означать? — пробормотал он, быстро бросив окурок сигары. — Черт возьми! Он спешился! — продолжал он, когда незнакомец уже без лошади появился на ближней опушке рощи. — Направляется сюда, прямо к излучине... Спустился с обрыва и так быстро, что, по-видимому, он хорошо знает дорогу. Неужели он думает забраться в сад? Но как?.. Вплавь? Боюсь, что такая игра не стоит свеч. Не вор ли это?

Это была первая догадка Колхауна, но он отказался от нее почти тотчас же, как она пришла ему в голову. Правда, в испано-американских странах даже нищие ездят верхом, тем более мог себе это позволить вор.

И все же казалось маловероятным, что человек в полночь прискачет на лошади воровать фрукты или овощи.

«Но что же ему здесь нужно?»

То, что он оставил лошадь в роще, а сам пробирался к реке пешком — и очень осторожно, насколько можно было разглядеть при неверном свете луны, — заставляло сомневаться в честности его намерений и говорило скорее о каком-то злом умысле.

Что это за умысел?

Человек исчез под обрывом, и Колхаун уже не мог больше его видеть с асотеи. Заросли, окаймлявшие противоположный берег, скрыли неизвестного.

«С какой целью он там бродит?»

Отставной капитан уже в десятый раз задавал себе этот вопрос, все больше и больше тревожась, когда вдруг он услышал плеск, словно кто-то нырнул в воду. Звук был негромкий, но очень четкий.

— Всплеск весла... — пробормотал он. — Клянусь всеми святыми, он перетянул челнок и переправляется прямо в сад! Что же, наконец, ему здесь понадобилось?

Не желая больше оставаться на крыше и ломать себе голову в догадках, Колхаун решил потихоньку спуститься вниз, разбудить мужчин и пойти всем вместе на облаву.

Он уже поднял руку с парапета и собрался идти, когда до него долетел новый звук, заставивший его снова наклониться и посмотреть в сад. Этот звук совсем не был похож на удар весла и доносился не с реки. Послышался скрип не то дверных петель, не то открываемого окна. Скрип раздался внизу, почти под тем местом, где стоял Колхаун.

Когда он перегнулся через парапет, чтобы узнать, в чем дело, лицо его стало бледным, как луна, которая осветила его; сердце болезненно сжалось.

Окно было открыто в спальне его кузины Луизы. Он знал это окно. Девушка уже стояла на ступеньках лестницы, ведущей в сад, и, видимо, собиралась спуститься...

В белом, падающем свободными складками платье, с небольшим платком на голове, она напоминала прелестную нимфу ночи, которую луна одела серебристым сиянием.

Колхаун сразу понял, что ее появление как-то связано с человеком, который переправлялся через реку.

А кем мог быть этот человек? Кем, как не Морисом-мустангером! Тайное свидание! В этом не могло быть никаких сомнений — белое платье бесшумно мелькнуло в саду и исчезло в тени деревьев на берегу.

Словно пораженный громом, Колхаун стоял на асотее в каком-то оцепенении. Только после того, как белое платье исчезло в саду и послышался тихий разговор, долетавший из-за деревьев, он пришел в себя и решил, что надо действовать.

Он уже не собирался никого будить — во всяком случае, не сейчас. Он первый должен стать свидетелем позора кузины — и тогда... и тогда...

В эту минуту он не был в состоянии строить какие-то определенные планы; и, слепо следуя своему гнусному порыву, он второпях спустился с асотеи, прошел через весь дом и вышел в сад.

Его охватила неожиданная слабость — у него даже подкашивались ноги, когда он спускался по каменной лестнице. Они продолжали дрожать и когда он спешил по дорожкам сада и когда он, прокравшись за ствол дерева, никем не замеченный, наблюдал сцену, которая ранила его в самое сердце.

Он слышал их клятвы, их любовные признания, решение мустангера уехать завтра на рассвете, его обещание скоро вернуться и полувысказанные мечты о будущем. С горечью слушал он, как Луиза пыталась уговорить мустангера не уезжать и как, наконец, Морис увидил ее в необходимости этого отъезда.

Он был свидетелем их последнего нежного объятия, которое заставило его с раздражением топнуть ногой по гравию, отчего и замолкли в испуге цикады.

Почему в эту минуту он не бросился вперед и не положил конец мучительному для него свиданию, почему не вонзил нож в своего соперника, повергнув его безжизненным к своим ногам и к ногам его возлюбленной? Почему он не сделал этого с самого начала? Разве ему нужны были еще какие-нибудь доказательства? Не потому ли, что при свете луны он заметил, как блестел за поясом мустангера шестизарядный револьвер Кольта?

Как бы то ни было, несмотря на жгучее желание отомстить, что-то не только удержало капитана от мести, но и заставило удалиться в самый мучительный для него миг — миг последнего объятия; он бросился домой, оставив влюбленных в неведении, что за ними следили.

Глава XXXIV

«РЫЦАРСКИЕ» ПОБУЖДЕНИЯ

Куда же направился Кассий Колхаун?

Конечно, не в свою спальню. Разве мог спать человек, терзаемый такими муками!

Он спешил в комнату своего двоюродного брата, Генри Пойндекстера.

Не теряя времени, чтобы взять свечу, он шел быстрыми шагами по извилистым коридорам.

Свеча, впрочем, и не понадобилась.

Ставни не были закрыты, и лунные лучи, проникая сквозь оконные решетки, достаточно хорошо освещали комнату.

Можно было различить ее скромную обстановку: умывальник, небольшой столик, несколько стульев и кровать с пологом из кисеи для защиты от надоедливых москитов.

Юноша спал тем беззаботным сном, каким наслаждаются только люди с чистой совестью. Его красивая голова спокойно лежала на подушке, по которой раскинулись в беспорядке густые блестящие кудри. Колхаун приподнял кисею, и лунный луч упал на лицо юноши, осветив его мужественные, благородные черты. Как не похоже было это лицо на лицо склонившегося над ним двоюродного брата, тоже красивое, но отмеченное печатью низменных страстей!

— Проснись, Генри, проснись! — будил кузена Колхаун, тряся его за плечо.

— А? Это ты, Каш? Что такое? Надеюсь, не индейцы?

— Хуже, гораздо хуже! Скорее! Вставай и посмотри... Скорее, а то будет поздно! Вставай и посмотри на свой позор, на позор своей семьи! Скорее же, иначе имя Пойндекстеров станет посмешищем всего Техаса!

После такого предупреждения, конечно, никому из членов семьи Пойндекстеров не захотелось бы спать. Юноша сразу вскочил и с недоумением посмотрел на кузена.

— Не теряй времени на одевание! — заявил взволнованный Колхаун. — Впрочем, надень панталоны — и хватит. К черту одежду — сейчас не до этого! Скорее! Скорее!

Через секунду Генри был уже одет в свой обычный незатейливый костюм — панталоны и блузу из хлопчатобумажной ткани — и уже спешил за кузеном в сад, все еще не понимая, зачем тот разбудил его так бесцеремонно.

— В чем дело, Кассий? — спросил он, когда Колхаун знаком дал ему понять, что нужно остановиться. — Скажи, что все это означает?

— Посмотри сам... Стань ближе ко мне. Взгляни через этот просвет между деревьями, туда, где обычно стоит твоя лодка. Видишь там что-нибудь?

— Что-то белое... Как будто женское платье... Это женщина?

— Ты прав — это женщина. Как ты думаешь, кто она?

— Не знаю. Ну, кто же это?

— Рядом с ней другая фигура, темная.

— А это как будто мужчина... Да, мужчина.

— А кто он, как ты думаешь?

— Откуда мне знать, Каш? А ты знаешь?

— Да, знаю. Этот мужчина — Морис-мустангер.

— А женщина?

— *Луиза, твоя сестра, в его объятиях.*

Словно раненный в сердце, юноша пошатнулся, а затем бросился вперед.

— Стой! — сказал Колхаун, удерживая его. — Ты забываешь, что ты безоружен, а мустангер вооружен. Возьми вот это и это, — продолжал он, передавая ему свой нож и револьвер. — Я хотел сам пустить их в ход, но подумал, что лучше будет, если это сделаешь ты как брат и защитник своей сестры. Вперед, Генри! Только смотри не попади в нее! Подкрадись тихонько. И как только они разойдутся, стреляй ему в живот. А если все шесть пуль не прикончат его, тогда заколи ножом! Я буду поблизости и приду к тебе на помощь, если понадобится. Вперед! Подкрадись к этому мерзавцу и отправь его в ад!

Генри Пойндекстер не нуждался в этих подлых наставлениях. Забыв обо всем, он бросился вперед и через несколько секунд уже был около сестры:

— Низкий негодяй! — закричал он, встав перед мустангером. — Выпусти мою сестру из твоих грязных объятий!.. Луиза, отойди в сторону и дай мне убить его! Отойди, сестра, отойди!

Если бы Луиза послушалась, Мориса Джеральда

через мгновение уже, вероятно, не было бы в живых; он смог бы избежать смерти, только если бы у него поднялась рука на Генри: при том искусстве, с каким мустангер владел своим револьвером, он успел бы выстрелить первым.

Вместо того чтобы вынуть револьвер из кобуры или вообще как-нибудь защищаться, Морис-мустангер пробовал освободиться из объятий девушки, которая продолжала стоять, прильнув к нему, — только за ее жизнь он боялся.

Генри понимал, что, если он выстрелит в мустангера, он рискует убить сестру; опасаясь этого, юноша медлил спускать курок.

Это промедление спасло всех троих. Молодая креолка, быстро оценив положение, вдруг оставила возлюбленного и схватила брата за руки. Она знала, что Морис не будет стрелять, нужно было только остановить Генри.

— Беги, беги!—закричала она мустангеру, стараясь удержать брата, который был вне себя от гнева. —Генри заблуждается, я все ему объясню. Скорее, Морис, скорее спасайся!

— Генри Пойндекстер, — сказал молодой ирландец, уже готовый повиноваться ей, — вы напрасно считаете меня негодяем. Дайте мне время, и я докажу, что ваша сестра правильнее поняла меня, чем ее отец, брат или кузен. Если через шесть месяцев вы не убедитесь, что я достоин ее доверия, ее любви, то можете убить меня при первой встрече, как трусливого койота, который попался вам на пути. А пока прощайте!

Слушая мустангера, Генри постепенно перестал вырываться из рук сестры — пожалуй, более сильных, чем его собственные.

Его попытки освободиться становились все слабее и наконец совсем прекратились в тот момент, когда с реки донесся плеск воды, возвещавший, что человек, нарушивший покой Каса-дель-Корво, возвращается в дикую прерию, которая стала его второй родиной.

Впервые мустангер возвращался со свидания таким способом. Два предыдущих раза он переплывал реку в

Юноша медлил спускать курок

челноке, и нежная женская рука с помощью маленького лассо, которое ей подарили вместе с мустангом, затем подтягивала хрупкое суденышко к месту его постоянного причала.

— Брат, ты несправедлив к нему! Уверяю тебя, ты несправедлив! — воскликнула Луиза, как только мустангер скрылся из виду. — О Генри, дорогой, если бы ты только знал, как он благороден! У него никогда и в мыслях не было обидеть меня; вот только сейчас он рассказал мне, что́ собирается сделать, чтобы предупредить сплетни — я хочу сказать, чтобы сделать меня счастливой. Поверь мне, брат, он джентльмен! Но все равно, кем бы он ни был, — пусть даже простолюдином, за которого ты его принимаешь, — я не могу не любить его!

— Луиза, скажи мне правду. Говори со мной так, как если бы ты говорила сама с собой. Из того, что я видел здесь, я, больше чем из твоих слов, понял, что ты любишь его. Скажи, не злоупотребил ли он твоей доверчивой любовью?

— Нет! Нет! Нет! Клянусь тебе! Он слишком благороден. Зачем ты так незаслуженно оскорбил его, Генри?

— Я оскорбил его?

— Да, Генри, грубо, несправедливо.

— Я готов извиниться перед ним. Я догоню его и попрошу прощенья за свою несдержанность. Если ты говоришь правду, сестра, я должен это сделать. Я немедленно догоню его. Ты ведь знаешь, что он понравился мне с первой встречи. А теперь, дорогая Луиза, я провожу тебя в дом. Иди к себе и ложись. А сам я немедленно отправлюсь к гостинице и, может быть, еще застану его там. Я не найду себе покоя, пока не извинюсь перед ним за свою грубость!

Возвращаясь домой, Генри бережно вел сестру под руку; он сожалел о своем поступке, и гнев его исчез без следа. Юноша спешил вернуться в асиенду, рассчитывая сейчас же отправиться вдогонку за мустангером и извиниться за то, что, погорячившись, незаслуженно обидел его.

Когда брат и сестра вошли в дом, третий человек,

который до этого крадучись пробирался через кусты, выпрямился и пошел вслед за ними по каменным ступенькам. Это был их кузен Кассий Колхаун.

Он тоже задумал отправиться вслед за мустангером.

Глава XXXV

НЕГОСТЕПРИИМНЫЙ ХОЗЯИН

«Жалкий трус! Дурак! Сам я тоже дурак, что понадеялся на него. Я должен был предвидеть, что она сумеет уговорить этого щенка и даст негодяю возможность улизнуть. Я мог бы сам выстрелить в него из-за дерева, убить, как крысу, не рискуя ровно ничем, даже своим именем! Дядя Вудли только поблагодарил бы меня за это, все оправдали бы мой поступок. Моя кузина, девушка из знатной семьи, обманута каким-то бродягой — торговцем лошадьми! Кто бы осудил меня? Такой случай, черт побери! И как я упустил его? А теперь неизвестно, когда он снова представится».

Так размышлял отставной капитан, следуя на некотором расстоянии за Луизой и Генри, которые направились к дому.

— Неужели этот желторотый птенец говорил серьезно? — бормотал он про себя, входя во двор. — Неужели он собирается извиниться перед человеком, который одурачил его сестру? Это было бы очень смешно, если бы не было так печально. Судя по шуму в конюшне, он действительно поскачет извиняться... Так и есть — он седлает свою лошадь.

Дверь конюшни, как это было принято в мексиканских поместьях, выходила на мощеный двор. Она была полуоткрыта; но в тот момент, когда Колхаун взглянул на нее, кто-то толкнул ее изнутри и широко открыл. На пороге появился человек, который вел за собой оседланную лошадь.

На голове этого человека была панама, на плечах — плащ. Колхаун сразу узнал своего двоюродного брата и его вороного коня.

— Дурак! Так, значит, ты выпустил его! — злобно проворчал капитан, когда юноша приблизился. — Верни мне нож и револьвер. Эти игрушки не для твоих нежных ручек. Почему ты не пустил их в ход, как я тебе сказал? Почему ты свалял такого дурака?

— Да, я действительно свалял дурака, — спокойно сказал молодой плантатор. — Я это знаю. Я грубо и незаслуженно оскорбил порядочного человека.

— «Оскорбил порядочного человека»! Ха-ха-ха! Ты с ума сошел!

— Я действительно был бы сумасшедшим, если бы последовал твоему совету, Кассий. К счастью, я не зашел так далеко. Но все-таки успел наделать столько глупостей, что вполне заслужил название дурака; и все же, я надеюсь, он поймет, что я погорячился, и извинит меня. Во всяком случае, я еду сейчас же, не теряя ни минуты.

— Куда ты едешь?

— Вдогонку за Морисом-мустангером, чтобы извиниться перед ним за свой недостойный поступок.

— «Недостойный поступок»! Ха-ха-ха! Ты, конечно, шутишь?

— Нет. Я говорю совершенно серьезно. Поедем вместе, и ты сам это увидишь.

— Тогда я еще раз скажу, что ты действительно сумасшедший. И не только сумасшедший, но круглый идиот!

— Ты не очень вежлив, кузен Кассий; хотя после того, что я сам наговорил, охотно прощаю тебе твою резкость. Может быть, когда-нибудь и ты последуешь моему примеру и извинишься за свою грубость.

С этими словами благородный юноша вскочил на коня и быстро выехал из ворот асиенды.

Колхаун стоял не двигаясь, пока топот копыт удалявшейся лошади не замер вдали.

Потом, словно очнувшись, он решительным шагом направился через веранду в свою комнату; скоро он вышел в старом плаще, прошел в конюшню и оседлал своего коня. Он провел его по мощенному камнем двору осторожно, словно вор. Только за воротами асиенды, где

начиналась мягкая трава, Колхаун вскочил в седло и пришпорил коня.

Милю или две он ехал по той же дороге, что и Генри Пойндекстер, но явно не собирался догонять его: топота копыт коня Генри уже давно не было слышно, а Колхаун ехал медленной рысью.

Отставной капитан ехал вверх по реке. На полпути к форту он остановил лошадь и, окинув внимательным взглядом заросли, круто свернул на боковую тропу, ведущую к берегу.

— Не все еще потеряно, только теперь это обойдется дороже, — бормотал он про себя.—Это будет мне стоить тысячу долларов. И пусть! Надо, наконец, отделаться от этого проклятого ирландца, который отравляет мне жизнь! По его словам, рано утром он будет на пути к своей хижине. В котором часу, интересно знать? Для жителей прерий, кажется, встать на рассвете — это уже поздно. Ничего, у нас еще хватит времени! Койот успеет опередить Мориса. Это, видно, та дорога, по которой мы ехали на охоту за дикими лошадьми. Он говорил о своей хижине на Аламо. Так называется речка, на берегу которой мы устраивали пикник. Его лачуга, наверно, недалеко оттуда. Эль-Койот должен знать, где она стоит; во всяком случае, он знает, как туда добраться. Для нас этого уже достаточно. Зачем нам лачуга? Хозяин просто до нее не доедет: ведь по дороге ему могут встретиться индейцы — и даже наверно встретятся.

В эту минуту отставной капитан подъехал к хижине, но не к той, о которой думал, а к хакале мустангера-мексиканца, — она-то и была целью его путешествия.

Соскочив с седла и привязав уздечку к ветке дерева, он подошел к двери.

Она была открыта настежь. Изнутри доносился звук, в котором нетрудно было узнать храп.

Но это был не храп человека, спящего спокойным, глубоким сном. Он то умолкал, то сменялся каким-то хрюканьем, переходившим в нечленораздельные восклицания, в которых с некоторым трудом можно было

разобрать ругательства. Не оставалось сомнений, что хозяин хакале изрядно выпил.

— Силы ада! Тысяча чертей! — бормотал спящий и тут же начинал взывать чуть ли не ко всему католическому пантеону: — Иисус! Святая дева! Святая Мария! Матерь божия!

Колхаун остановился на пороге и прислушался.

— Про-про-кля-тие! — услышал он. — Хорошие новости, клянусь кровью Христовой! Да, сеньор американо! Новости прекрасные! Индейцы... Эти... команчи на тропе войны. Да благословит бог команчей!

— Этот мерзавец вдребезги пьян! — сказал Колхаун вслух.

— Эй, сеньор! — воскликнул мексиканец, наполовину разбуженный звуком человеческого голоса. — Кому такая честь?.. Нет, не то! Я счастлив вас видеть, я, Мигуэль Диас, Эль-Койот, как меня называют бродяги. Ха-ха-ха! Койот! Ба, а как вас зовут? Ваше имя, сеньор? Тысяча чертей, кто вы такой?

Приподнявшись на своем тростниковом ложе, Эль-Койот некоторое время сидел, тупо глядя на нежданного гостя, прервавшего его пьяные сновидения.

Но это продолжалось недолго. Бормоча что-то непонятное, мексиканец снова растянулся на постели. Громкий раскатистый храп возвестил, что хозяин больше не сознает присутствия своего гостя.

— Вот и еще одна возможность потеряна! — разочарованно прошипел Колхаун, поворачиваясь, чтобы выйти. — Трезвый дурак и пьяный негодяй — ничего не скажешь, ценные помощники для осуществления моих планов! Проклятие! Всю ночь мне не везет! Пройдет по крайней мере три часа, пока эта свинья проспится. Целых три часа! Тогда будет слишком поздно, слишком поздно...

С этими словами Колхаун взял своего коня под уздцы и остановился, словно в нерешительности.

— Здесь оставаться нет никакого смысла. Уже начнет светать, когда он придет в себя. С таким же успехом я могу вернуться домой и ждать там, или же...

Он не высказал вслух новой мысли, которая пришла

ему в голову. Но какова бы она ни была, его колебания кончились.

Резким движением сорвав уздечку с ветки, Колхаун вскочил в седло и поскакал в сторону, противоположную той, откуда он приехал к хакале Эль-Койота.

Глава XXXVI

ТРОЕ НА ОДНОМ ПУТИ

Никто не станет отрицать, что поездка верхом по прерии — одно из приятнейших удовольствий на свете.

Если у вас хорошая лошадь, сзади к седлу привязан туго набитый мешок с припасами, у луки болтается полная фляжка, а из седельной кобуры торчит туго набитый портсигар, вы можете быть уверены, что такое путешествие вам не наскучит.

А друг, который скачет бок о бок с вами, если он, так же как и вы, любит природу, превратит это трудное путешествие в незабываемое удовольствие.

Но если с вами будет та, кому вы отдали свое сердце, вы испытаете радость, которая останется в вашей памяти на всю жизнь.

О, если бы такое милое общество было уделом всех путешественников по прерии, то глухие просторы западного Техаса были бы наводнены туристами! Огромная дикая равнина покрылась бы бесчисленными тропами, а саванна кишела бы высокомерными франтами.

Но лучше, чтобы все оставалось так, как есть. Когда вы направляетесь в прерию, стоит вам выехать за черту поселений и свернуть в сторону от «большой дороги», обозначенной следами пяти—шести лошадей, которые прошли здесь раньше вашей, — и вы будете ехать часами, неделями, месяцами, а может быть, и целый год, не повстречав ни одного человека.

Только тот, кто сам путешествовал по огромной равнине Техаса, может оценить всю ее необъятность: при виде ее вас охватывает чувство, подобное тому, которое испытываешь, созерцая бесконечность.

Вероятно, легче всего меня поймет моряк. Как корабль, который может пересечь Атлантический океан — даже по самым оживленным водным путям, — не встретив ни одного паруса, так и человек может месяцами ехать по прерии юго-западного Техаса в полном одиночестве. Но даже океан не создает впечатления такого бесконечного пространства. Путешествуя по океану, вы не замечаете, что продвигаетесь вперед. Обширная лазорево-синяя поверхность с опрокинутым над ней куполом, тоже лазоревым, но только чуть светлее, все время вокруг вас и над вами, и вы не видите перемен. Вам начинает казаться, что вы стоите неподвижно в центре огромного круга, под огромным сводом, и у вас нет возможности воспринять целиком всю грандиозность нескончаемого водного простора.

Иное дело — в прерии. «Островки леса», холмы, деревья, точно вехи, сменяют друг друга и говорят вам о том, что вы преодолеваете необъятное пространство.

Путешественник по прерии — и особенно в юго-западном Техасе — редко любуется ее дикой прелестью в одиночестве; те, кому приходится бросать вызов опасностям, таящимся в диких равнинах, где обитают команчи, ездят вдвоем, втроем, но чаще компаниями по десять—двадцать человек.

Но все-таки здесь иногда можно встретить одинокого путешественника. Так, например, в ту ночь, когда разыгралась драма в саду Каса-дель-Корво, по меньшей мере три путника поодиночке пересекали равнину, простирающуюся к юго-западу от берегов Леоны.

В ту минуту, когда Колхаун, досадуя на неудачу, покидал хакале мустангера-мексиканца, можно было видеть, как первый путник выезжал из поселка по направлению к реке Нуэсес или одному из ее притоков.

Пожалуй, лишним будет добавлять, что он ехал верхом, так как в Техасе пешеходы встречаются лишь в городах и на плантациях.

Всадник сидел на прекрасной лошади; ее ровный, упругий шаг говорил о том, что она способна выдержать долгое путешествие.

Предполагалось ли такое путешествие или нет, труд-

но было сказать. Всадник был одет так, как обычно одевается любой техасец, собирающийся проехать десяток-другой миль. Вероятнее всего, он возвращался домой. Вряд ли в такой поздний час он выехал из дому. Серапе, небрежно наброшенное на плечи, быть может, предназначалось только для защиты от ночной росы.

Но так как в эту ночь роса не выпадала, то возможно, что всадник действительно собрался в далекий путь, тем более что в том направлении, куда он ехал, поблизости не было ни одного селения.

Несмотря на это, он совсем не спешил, словно ему было безразлично, когда он достигнет цели своего путешествия. Наоборот, казалось, он был погружен в воспоминания, которые так сильно захватили его, что он не обращал никакого внимания на окружающее.

Конь был предоставлен самому себе, поводья висели свободно, но он не останавливался, а шел уверенным шагом, словно по знакомой тропе.

Так ехал первый путник, не подгоняя своего коня ни хлыстом, ни шпорами, пока не исчез в туманной дали, едва освещенной месяцем.

* * * * * * * * *

Почти в ту самую минуту, когда первый всадник скрылся из виду, на окраине поселка появился второй и поехал по той же дороге — словно они сговорились.

Судя по его одежде, он, вероятно, тоже отправился в дальний путь.

На нем был темный широкий плащ, ниспадавший сзади свободными складками на круп лошади.

В отличие от первого, этот всадник явно куда-то торопился и все время подгонял своего коня хлыстом и шпорами.

Казалось, он хотел кого-то догнать. Возможно, он догонял первого всадника... Судя по его поведению, это было вполне вероятно. Время от времени он наклонялся вперед и внимательно всматривался в даль, как будто ждал, что увидит силуэт, вырисовывающийся на фоне неба.

Вскоре второй всадник тоже исчез и как раз в том же месте, где скрылся из виду его предшественник. Так показалось бы тому, кто наблюдал бы за ним из форта или поселка.

* * * * * * * * *

И по странному совпадению, — если это было совпадением, — как раз в тот момент, когда скрылся второй всадник, на окраине маленького техасского селения показался третий; он стал продвигаться в том же направлении, что и два первых.

Как и они, он был одет так, словно отправился путешествовать. На нем был ярко-красный плащ, совершенно скрывавший его фигуру. Из-под широкой полы виднелось короткое охотничье ружье, лежащее поперек седла.

Как и первый всадник, он ехал медленно — даже для человека, которому предстоит еще долгий путь. Тем не менее он проявлял большое беспокойство и этим напоминал всадника, который ехал непосредственно впереди него.

Однако в поведении этих двух людей была и большая разница. В то время как всадник в темном плаще, казалось, догонял кого-то, всадник в красном, наоборот, постоянно оборачивался, как будто его интересовало лишь то, что происходило сзади.

Иногда он оглядывался, приподнимаясь в стременах, иногда поворачивал коня, внимательно всматриваясь в дорогу, по которой только что проехал, и все время прислушиваясь, как будто ждал, что вот-вот кто-то его догонит...

Продолжая то и дело оборачиваться, и этот всадник скоро скрылся вдали; он не догнал никого, но и его никто не догнал.

* * * * * * * * *

Разделенные почти одинаковым расстоянием, три всадника двигались по прерии, не видя друг друга.

И никто не мог бы сразу охватить взглядом всех троих или даже двоих, разве только сова с вершины ка-

кого-нибудь высокого холма или козодой, охотящийся в небесах за ночными бабочками.

* * * * * * * * *

Час спустя, когда три путешественника отъехали от форта Индж на десять миль, их взаимное положение значительно изменилось.

Первый всадник только что подъехал к длинной просеке, врезавшейся наподобие аллеи в гущу лесных зарослей, которые простирались направо и налево, насколько хватал глаз. Просеку можно было бы сравнить с широким проливом: ее зеленая поверхность была обрамлена более темной зеленью деревьев, точно поверхность воды, граничащая с берегом. Заходившая луна освещала ее примерно на полмили. Дальше просека круто сворачивала в черную тень деревьев.

Прежде чем въехать в эту просеку, первый из трех всадников явно проявил нерешительность: он сдержал своего коня и секунду или две всматривался в даль. Его внимание было сосредоточено на дороге среди лесных зарослей, назад он не оборачивался.

Но он колебался недолго.

Приняв решение, он пришпорил коня и поехал вперед.

И как раз в этот момент его заметил всадник в черном плаще, ехавший за ним по той же дороге; теперь он был от него на расстоянии только полумили.

Увидев его, всадник в черном плаще слегка вскрикнул. Казалось, он был доволен, что наконец догоняет человека, за которым едет уже десять миль. Погнав коня еще быстрее, он тоже въехал в просеку. Но первый всадник уже исчез в черных тенях на повороте.

Второй всадник без колебаний последовал за ним и скоро также исчез из виду.

Прошло довольно много времени, прежде чем этого места достиг третий всадник.

Он не въехал в лес, как первые два всадника, а повернул в сторону, к опушке; здесь он привязал свою лошадь и через заросли наискосок вышел на просеку.

По-прежнему он оглядывался назад, словно то, что делалось там, интересовало его гораздо больше происходящего впереди. Он подошел к затененному месту просеки и скрылся в темноте, как и первые всадники.

* * * * * * * * *

Прошел час, а неугомонный хор ночных голосов в зарослях, дважды прерванный стуком лошадиных копыт и один раз шагами человека, продолжал звучать.

Но вот лесные голоса снова замолкли; на этот раз они оборвались все сразу и надолго. Звук, заставивший их умолкнуть, не был похож ни на топот лошадиных копыт, ни на шорох шагов человека, ступающего по мягкой траве. Это был сухой треск ружейного выстрела.

И подобно тому, как по мановению дирижерской палочки мгновенно обрывается игра оркестра, так и певцы прерии все сразу замолкли, услышав этот резкий звук, который внушал им особый страх.

Перестала мяукать тигровая кошка в зарослях, не стало слышно завываний койота, бродившего по опушке леса, и даже ягуар, которому не страшен никакой лесной зверь, тоже испугался выстрела и перестал рычать.

Но за выстрелом не последовало ни стонов раненого человека, ни визга подстреленного животного, и ягуар, набравшись храбрости, снова стал пугать обитателей леса своим хриплым рычаньем.

Друзья и враги — птицы, звери, насекомые, пресмыкающиеся, — не обращая внимания на его далекий рев, доносившийся издалека, снова завели свой оглушительный концерт. И скоро в зарослях установился обычный шум, и, даже стоя рядом, надо было кричать, чтобы услышать друг друга.

Глава XXXVII

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Колокол Каса-дель-Корво дважды прозвонил, приглашая к завтраку, а еще раньше протрубил рожок, созывая невольников с дальних уголков плантации.

Те, кто работал вблизи, расположились около своих хижин на траве или на бревнах и принялись за еду.

Семья плантатора, собравшись в столовой, уже готова была сесть за стол, но оказалось, что не все еще в сборе.

Не было Генри.

Сначала этому не придали никакого значения, и все ждали, что он вот-вот появится.

Но прошло несколько минут, а Генри все не было. Плантатор с некоторым удивлением сказал, что не в привычках сына опаздывать к столу.

На юго-западе Америки принято, что к утреннему завтраку вся семья собирается в определенный час и все вместе садятся за стол. Этот обычай возник в связи с некоторыми особенностями местного меню. «Виргинский бисквит», вафли, гречневые оладьи — все это вкусно только прямо с огня. И час, когда завтракают в столовой, — час мучений для кухарки у раскаленной плиты.

Лентяи, которые любят поспать и опаздывают к завтраку, рискуют получить холодные оладьи или остаться без вафель, — вот почему на южных плантациях таких лентяев мало.

Поэтому и в самом деле могло показаться странным, что Генри Пойндекстера все еще не было за столом.

— Куда же пропал мальчик? — ни к кому не обращаясь, спросил отец уже в четвертый раз.

Ни Колхаун, ни Луиза ничего не ответили. Луиза и сама задала такой же вопрос. Однако в ее взгляде и в тоне сквозило что-то странное, но это можно было заметить, лишь внимательно всмотревшись в ее лицо.

Едва ли это объяснялось отсутствием ее брата за завтраком. Такой пустяк вряд ли мог кого-нибудь взволновать, а Луиза в эту минуту, несомненно, была сильно взволнована.

Чем же? Никто не спросил ее. Отец не заметил ничего странного в ее взгляде, и тем более кузен, который сам старался скрыть какую-то неприятную мысль под маской напускного спокойствия.

С тех пор как Колхаун вошел в столовую, он не произнес еще ни одного слова и, вопреки своей привычке, ни разу не посмотрел на Луизу.

Сидя за столом, он заметно нервничал и, когда появлялся слуга, раз или два даже вздрогнул.

Не оставалось сомнений, что он чем-то сильно взволнован.

— Очень странно, что Генри опоздал к завтраку, — чуть ли не в десятый раз повторил плантатор. — Неужели он еще спит?.. Нет, Генри никогда не встает так поздно. Но если он даже куда-нибудь ушел, то он должен был услышать рожок... Может быть, он все-таки в своей комнате... Плутон!

— Я здесь, масса Вудли! Вы меня звали?

На Плутона, кроме обязанностей кучера, были возложены также обязанности лакея, прислуживающего за столом.

— Пойди в спальню Генри и, если он там, скажи ему, что мы уже кончаем завтракать.

— Его там нет, масса Вудли.

— Разве ты был у него в комнате?

— Да... нет, я хотел сказать — нет. Я не был у него в комнате, но я был в конюшне — хотел накормить его лошадь, масса Вудли. Нет ее там не было все утро — я встал чуть свет. И седла нет, и уздечки нет, и массы Генри тоже нет. Он выехал, когда еще все в доме спали.

— Ты в этом уверен? — спросил плантатор, серьезно взволнованный таким сообщением.

— Еще бы нет, масса Вудли! Там в конюшне только лошадь массы Колхауна. Крапчатая бегает в загоне, вороного массы Генри нигде не видно.

— Это еще не означает, что мистера Генри нет в его комнате. Иди сейчас же и посмотри.

— Иду сию же минуту, масса! Увидите, Плутон правду говорит. Молодого джентльмена там нет. Масса Генри там, где его лошадь.

— Ничего не могу понять... — сказал плантатор, когда Плутон вышел из комнаты. — Генри уехал из дому, да еще ночью. Куда же он поехал? Я не могу себе

представить, к кому бы он мог поехать в такое позднее время. Он отсутствовал, по словам негра, всю ночь. Наверно, был в форте с молодежью. Надеюсь, не в баре...

— О нет, он, конечно, туда не поедет, — вмешался Колхаун, озадаченный как будто не меньше самого плантатора. Однако он не стал высказывать никаких предположений и ни слова не сказал о сцене, разыгравшейся в саду.

«Надеюсь, Кассий об этом ничего не знает, — подумала Луиза. — Если так, то все может остаться тайной между мной и братом. Я всегда сумею уговорить Генри... Но почему же его до сих пор нет? Я не ложилась всю ночь, ожидая его. Он, наверно, догнал Мориса, и они побратались. Я надеюсь, что это так, хотя местом их примирения мог оказаться и бар. Генри очень воздержан, но под влиянием таких переживаний он мог изменить своим привычкам. И его нельзя за это осуждать, тем более что в таком обществе с ним не случится ничего дурного.

Трудно сказать, как далеко зашли бы размышления Луизы, если бы они не были прерваны появлением Плутона.

Вид у него был такой сосредоточенный, словно он собирался сообщить что-то очень важное.

— Ну что же, — закричал плантатор, не дав ему заговорить, — там он?

— Нет, масса Вудли! — взволнованно ответил негр. — Там его нет, массы Генри нет. Но... — продолжал он нерешительно, —Плутону грустно сказать это... Его лошадь там...

— Его лошадь там? Надеюсь, не в его спальне?

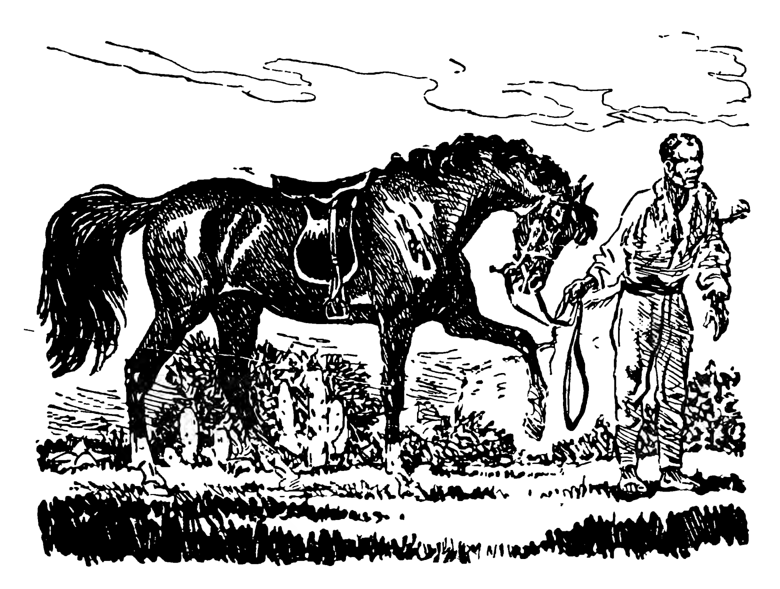
— Нет, масса. И не в конюшне. Она около ворот.

— Его лошадь у ворот? Но почему тебе грустно говорить об этом?

— Потому что, масса Вудли, потому что... лошадь эта массы Генри... потому что вороной...

— Да говори же ты толком, косноязычный! Что «потому что»? Надеюсь, голова у лошади цела? Или, может быть, она потеряла хвост?

— О, масса Вудли, негр не этого боится! Пусть бы

То, что они увидели, могло вызвать

лошадь потеряла голову и хвост. Плутон боится, что она потеряла своего всадника.

— Что? Лошадь сбросила Генри? Чепуха, Плутон! Невозможно, чтобы лошадь сбросила такого наездника, как мой сын. Невозможно!

— Я и не говорю, что сбросила. Я боюсь беды похуже этой. Дорогой старый масса, я больше ничего не скажу! Выйдите, пожалуйста, к воротам и посмотрите сами.

Сбивчивая речь Плутона и особенно его тон и жесты встревожили всех: не только плантатор, но и его дочь и племянник быстро встали со своих мест и поспешили к воротам асиенды.

То, что они увидели, могло вызвать лишь самые мрачные предположения.

Один из негров-невольников стоял, держа за уздечку оседланную лошадь. Она была совсем мокрой от ночной росы, и, очевидно, рука грума еще не касалась

лишь самые мрачные предположения.

ее. Лошадь била копытом и храпела, словно она только что спаслась от какой-то страшной опасности. Она была забрызгана чем-то темным — темнее росы, темнее ее шерсти: плечи, передние ноги, седло были в темных пятнах запекшейся крови.

Откуда примчалась эта лошадь?

Из прерии. Негр поймал ее на равнине, когда она с волочащимися между ног поводьями, руководимая инстинктом, бежала домой — к асиенде.

Кому она принадлежала?

Этого вопроса никто не задал. Все знали, что это лошадь Генри Пойндекстера.

Никто не спросил, чьей кровью запачкана лошадь. Все трое подумали об одном человеке: о сыне, о брате, о кузене.

Бурые пятна, на которые они смотрели полными отчаяния глазами, были пятнами крови Генри Пойндекстера. Они не сомневались в этом.

Глава XXXVIII
НА ПОИСКИ

Быстро, но, по-видимому, верно истолковав мрачные свидетельства, обезумевший от горя отец вскочил в окровавленное седло и поскакал к форту.

Колхаун последовал за ним.

Весть о случившемся скоро облетела всю округу. Быстрые всадники разнесли ее вверх и вниз по реке, к самым отдаленным плантациям.

Индейцы вышли на тропу войны — они снимают скальпы, уже совсем поблизости, — Генри Пойндекстер стал их первой жертвой.

Генри Пойндекстер — благородный и великодушный юноша, у которого не было ни одного врага во всем Техасе. Кто же еще, кроме индейцев, мог пролить эту невинную кровь? Только команчи могли быть так жестоки.

Никто из всадников, собравшихся на площади форта Индж, не сомневался, что это преступление совершено команчами. Не знали только — как, когда и где.

Капли крови ясно отвечали на первый вопрос. Хозяин лошади был застрелен или пронзен копьем. Кровавых пятен больше всего было с правой стороны, где они выглядели так, словно что-то их смазало; то же было заметно и на плече лошади и на крыле седла; по-видимому, этот след оставило тело всадника, соскользнувшее на землю.

Некоторые из присутствующих, умудренные опытом пограничной жизни, довольно уверенно определяли даже время, когда было совершено преступление.

По их словам, кровь была пролита не больше десяти часов назад.

Был уже полдень. Следовательно, убийство было совершено в два часа ночи.

Третий вопрос был, пожалуй, самым важным, во всяком случае теперь, когда преступление уже было совершено.

Где оно было совершено? Где искать труп?

И, наконец, где искать убийц?

Эти вопросы обсуждал совет военных и плантаторов, спешно созванный в форте Индж; председателем был комендант форта; убитый горем отец безмолвно стоял рядом с ним.

Где же искать преступников и место преступления?

На компасе прерий, так же как и на компасе, указывающем путь мореплавателям, тридцать два румба; поэтому экспедиция, отправляющаяся на поиски военного отряда команчей, может выбирать среди тридцати двух возможных направлений, из которых только одно правильное.

Все знали, что команчи живут на западе. Но это было слишком неопределенно, так как они кочевали на пространстве в сотни миль.

Кроме того, индейцы вышли на тропу войны, и на такое изолированное поселение, как на Леоне, они могли напасть и с востока: это была обычная стратегическая хитрость команчей — опытных воинов.

Ехать наобум было бы просто неразумно, а как узнать, который из тридцати двух возможных путей правильный?

Предложение разделиться на небольшие группы и поехать в разные стороны не встретило одобрения, и майор его отклонил.

Индейцев могла быть целая тысяча, а против них удалось бы выслать отряд человек в сто — не больше; пятьдесят драгун из форта и примерно столько же всадников с плантаций. Необходимо было держаться всем вместе, иначе, в случае нападения, отряд легко уничтожат по частям.

Довод сочли основательным. Даже убитый горем отец и кузен, который, казалось, был не менее опечален, согласились подчиниться благоразумному мнению большинства, поддержанному самим майором.

Итак, было решено, что на розыски надо отправиться одним сильным отрядом.

Но в каком же направлении? Об этом все еще продолжали спорить.

Рассудительный капитан Слоумен предложил расспросить, в каком направлении поехал в последний раз

человек, который, как предполагают, убит. Кто же последний видел Генри Пойндекстера?

Прежде всего обратились с расспросами к его отцу и двоюродному брату.

Плантатор в последний раз видел сына за ужином и предполагал, что после этого тот пошел спать.

Ответ Колхауна был уклончивым. Он беседовал со своим кузеном несколько позже, и у него создалось впечатление, что после того, как они распрощались, юноша пошел к себе.

Почему Колхаун скрыл то, что действительно произошло? Почему он умолчал о сцене в саду, свидетелем которой был?

Не потому ли, что боялся оказаться в унизительном положении, рассказав о той роли, которую сыграл в ней?

Как бы то ни было, но он скрыл правду, и ответ, который он дал, вызвал у присутствующих сомнение.

Ложь стала бы более очевидной, если бы у них были основания для подозрений или если бы было больше времени для размышления. Но неожиданно дело получило совершенно новый оборот. Хозяин гостиницы, Обердофер, не дожидаясь приглашения, сам пришел на это совещание. Пробравшись через толпу, он объявил, что хочет сообщить важные сведения, которые, вероятно, помогут ответить на вопрос, когда в последний раз видели Генри Пойндекстера и в каком направлении он выехал.

На ломаном английском языке немец рассказал следующее. Морис-мустангер, который жил в его гостинице после дуэли с капитаном Колхауном, в этот вечер куда-то уехал, что было уже не в первый раз за последнее время.

Вернулся он очень поздно. Хозяин еще не ложился спать, так как в баре кутила молодежь. Мустангер спросил счет, чего он давно уже не делал, и, к удивлению хозяина, уплатил по нему все до последнего цента.

Где он достал эти деньги и почему так поспешно уехал, одному богу известно. Он же, Обердофер, знает только, что Морис Джеральд, покидая его гостиницу,

захватил с собой все свое снаряжение, словно отправляясь на охоту за дикими мустангами.

Поэтому хозяин гостиницы решил, что мустангер отправился на охоту.

Но какое же отношение все это имело к делу? Очень большое. Хотя выяснилось это только в самом конце объяснения, когда свидетель перешел наконец к более существенным фактам, а именно: двадцать минут спустя после того, как уехал мустангер, в дверь постучал Генри Пойндекстер — он хотел видеть мистера Мориса Джеральда. Когда ему сказали, что тот уехал, и объяснили, в какую сторону и когда, молодой Пойндекстер быстро поскакал в указанном направлении, как бы намереваясь догнать мустангера.

Это было все, что знал Обердофер, и все, что он смог рассказать.

Хотя в полученных сведениях и были некоторые неясности, все же из них можно было исходить, приступая к розыскам. Если Генри Пойндекстер уехал вместе с Морисом-мустангером или же вслед за ним, то, значит, его надо искать на той же дороге, по которой должен был ехать мустангер.

Знает ли кто-нибудь, где дом Мориса-мустангера?

Никто точно этого не знал; некоторые предполагали, что это, должно быть, где-то в окрестностях Нуэсес, на ее притоке Аламо.

Итак, чтобы найти следы пропавшего юноши или его труп, решено было двинуться в сторону Аламо: быть может, там найдут и труп Мориса-мустангера. И тогда надо будет отомстить за зверское убийство двоих, а не одного.

Глава XXXIX

ЛУЖА КРОВИ

Несмотря на то что этот отряд был многочисленнее обычного отряда пограничных жителей, разыскивающих заблудившегося соседа, он продвигался с чрезвычайной осторожностью.

Для этого были серьезные основания: индейцы на тропе войны.

Вперед были высланы разведчики и следопыты, на обязанности которых лежало находить следы и разгадывать их значение.

В прерии, простирающейся почти на десять миль к западу от Леоны, они не нашли никаких следов. Земля там была такая твердая и сухая, что на ней оставила бы отпечатки копыт только лошадь, скачущая галопом. Но таких следов там не было.

В десяти милях от форта равнину пересекали лесные заросли, которые тянулись далеко на северо-запад и юго-восток — настоящие техасские джунгли, где деревья сплошь обвиты лианами, что делает этот лес почти непроходимым как для человека, так и для лошади.

Через эти заросли, как раз по прямой от форта, шла просека — наиболее короткий путь к реке Нуэсес. Окаймленная правильными рядами деревьев, просека производила впечатление настоящей аллеи. Быть может, это была старая военная тропа команчей, проложенная во время их походов на Тамаулипас, Коауилу и Нуэво Леон? [1]

Следопыты знали, что эта просека выходит на Аламо, и повели отряд по ней.

Вскоре всадники заметили, что один из следопытов, который отправился вперед пешком, стоит на опушке, поджидая их.

— В чем дело? — спросил майор, обогнав остальных и подъезжая к нему. — Следы?

— Да, майор, и очень много. Посмотрите сюда! Вот тут, где земля мягкая, видите?

— Следы лошади.

— Двух лошадей, майор,— сказал следопыт, почтительно поправляя майора.

— Верно, двух.

— Дальше как будто четыре следа, но они оставле-

---

[1] Тамаулипас, Коауила и Нуэво Леон — штаты Мексики.

ны все теми же двумя лошадьми. Они идут сперва вверх по этой просеке и затем возвращаются назад.

— Хорошо, Спенглер. Что ты об этом скажешь?

— Я по просеке далеко не ходил, и многое еще остается загадочным, — ответил Спенглер, который служил разведчиком в форте,—но тем не менее очевидно, что тут убили человека.

— Какие у тебя доказательства? Разве ты нашел труп?

— Нет.

— Так что же ты нашел?

— Кровь — целую лужу крови, точно ее выпустили из жил бизона. Идите и посмотрите сами. Но,—продолжал он шепотом, — если вы хотите, чтобы я как следует разобрался в следах, прикажите остальным не подъезжать ближе. Особенно тем, кто впереди.

Очевидно, это замечание относилось к плантатору и его племяннику, потому что следопыт украдкой посмотрел на них.

— Хорошо! — ответил майор. — Не беспокойся, Спенглер, тебе никто не помешает... Джентльмены! Я прошу вас несколько минут не трогаться с места. Дальше ехать нельзя, потому что Спенглеру надо разобраться в следах. Он может взять с собой только меня.

Приказ майора был облечен в вежливую форму просьбы, потому что он говорил с людьми, ему непосредственно не подчиненными. Но все беспрекословно выполнили это распоряжение и остались на своих местах, в то время как сам майор отправился вслед за разведчиком.

Проехав шагов пятьдесят, Спенглер остановился.

— Видите, майор? — сказал он, указывая на землю.

— Тут и слепой увидит, — ответил офицер. — Лужа крови, и ты прав — такая большая, что можно подумать, будто здесь зарезали бизона. Если же это кровь человека, то можно не сомневаться, что его уже нет в живых.

— Он умер раньше, чем эта кровь потемнела, — сказал следопыт.

— Как ты думаешь, Спенглер, чья это кровь?

— Это кровь того, кого мы разыскиваем: сына старика плантатора. Поэтому я не хотел, чтобы отец шел с нами.

— Мне кажется, от него не надо скрывать правду. Все равно он ее со временем узнает.

— Это правильно, майор. Но все-таки нам надо сначала выяснить, как убили парня, а вот в этом-то я и не могу разобраться.

— Не можешь разобраться? Он убит индейцами, конечно! Его же убили команчи?

— Только не они, — уверенно ответил следопыт.

— Почему ты так думаешь, Спенглер?

— Если бы здесь были индейцы, то мы нашли бы следы не двух, а сорока лошадей.

— Это верно. Сомнительно, чтобы команчи рискнули нападать в одиночку.

— Ни один из команчей, майор, и вообще никто из индейцев не совершал этого убийства. На просеке видны следы только двух лошадей. Вы видите, это следы подков, эти же отпечатки ведут и обратно. Команчи не ездят на подкованных лошадях, разве только на краденых. И на той и другой лошади были белые всадники, а не краснокожие. Один ряд следов оставлен большим мустангом, другой — американской лошадью. Когда они ехали к западу, мустанг шел впереди, это можно определить по тому, что его следы перекрыты. На обратном пути впереди была американская лошадь, а мустанг шел за ней; но сказать, на каком расстоянии один всадник следовал за другим, пока трудно. Наверно, разобраться будет легче, если мы отправимся к месту, где оба они повернули назад. Это должно быть недалеко.

— Хорошо, едем туда, — сказал майор. — Я сейчас распоряжусь, чтобы никто не следовал за нами.

Отдав распоряжение громким голосом, чтобы все его услышали, майор поехал за Спенглером.

Следы были заметны еще на протяжении почти четырехсот ярдов; но майор мог различить их только на более мягкой земле — в тени деревьев. Следопыт сказал, что его предположение подтвердилось: в направ-

лении к западу мустанг шел впереди, а на обратном пути он был позади американской лошади.

Дальше этого места следов не было; здесь обе лошади повернули назад.

Прежде чем отправиться в обратный путь, они простояли некоторое время под большим тополем. Земля вокруг, вся изрытая копытами, красноречиво говорила об этом.

Спенглер сошел с лошади и стал внимательно изучать следы.

— Они были здесь вместе, — сказал он через несколько минут, продолжая разглядывать землю. — И довольно долго. Но оба оставались в седлах и спокойно разговаривали. Это еще больше запутывает дело. Должно быть, они поссорились после...

— Если ты говоришь правду, Спенглер, то ты настоящий колдун! Скажи, пожалуйста, как ты узнал все это?

— По следам, майор, по следам! Это очень просто. Я вижу, что следы местами перекрывают друг друга. Значит, лошади были здесь одновременно, но им не стоялось, и они перебирали ногами. Всадники оставались здесь довольно долго — успели выкурить по целой сигаре. Вот здесь и окурки. Тем, что от них осталось, и трубки не набить.

Следопыт наклонился, поднял окурок сигары и передал ее майору.

— Поэтому, — продолжал следопыт, — я и решил, что всадники не могли быть враждебно настроены друг к другу. Люди не курят вместе, если собираются через минуту перерезать друг другу глотку или размозжить голову. Ссора могла произойти только после того, как сигары были выкурены. Что она произошла, в этом я не сомневаюсь. И один из них прикончил другого—это так же верно, как то, что вы сидите в седле. Кто погиб — нетрудно догадаться. Бедный мистер Пойндекстер больше никогда не увидит своего сына!

— Все это очень загадочно, — заметил майор.

— Да, черт возьми!

— Но тело — где же оно может быть?

— Вот над этим-то я и ломаю себе голову. Если бы убили индейцы, то меня нисколько не удивило бы, что труп пропал. Они могли унести его с собой. Но здесь не было индейцев — ни одного краснокожего не было. Поверьте мне, майор, что один из этих двух всадников прихлопнул другого. Но что он сделал с трупом, вот этого я не понимаю! И, наверно, только он сам может это сказать.

— Чрезвычайно странно! — воскликнул майор. — Чрезвычайно загадочно!

— Может быть, нам еще и удастся разгадать эту тайну, — продолжал Спенглер. — Надо найти следы лошадей после того, как они ускакали с места, где было совершено преступление. Может, и удастся что-нибудь узнать... Здесь нам больше нечего делать. Давайте возвращаться, майор. Надо ему сказать?

— Мистеру Пойндекстеру?

— Да.

— Ты убежден, что убитый его сын?

— Ну нет! Этого я не могу утверждать. Я только убежден в том, что старик Пойндекстер подъедет сюда на одной из двух лошадей, которые были свидетелями преступления, — на американской лошади. Я сравнивал следы. И если только молодой Пойндекстер сидел именно на этой лошади, то я боюсь, что мало надежды увидеть его живым. Очень подозрительно, что второй поехал следом за ним.

— Спенглер, есть ли у тебя какие-нибудь предположения, кто был этот второй?

— Никаких. Если бы не рассказ старика Доффера, я никогда не вспомнил бы о Морисе-мустангере. Правда, это след подкованного мустанга, но я не могу ручаться, что это именно его мустанг. Вряд ли... Молодой ирландец, правда, не стерпит обиды, но, мне кажется, он не из тех, кто убивает из-за угла.

— Я думаю, ты прав.

— Так вот, если молодой Пойндекстер был убит и убил его Морис Джеральд, то между ними, наверно, был честный поединок, и сын плантатора оказался побежденным. Вот как я это понимаю. Но вот исчезнове-

ние трупа — а потеряв две кварты[1] крови, ни один человск не выживет — ставит меня в тупик. Надо пойти дальше по следам. Может, они и приведут нас к разгадке... Сказать старику, что я думаю?

— Нет, пожалуй, не стоит. Он уже достаточно много знает. Ему легче будет прийти к этой ужасной правде постепенно. Не говори ему ничего о том, что мы видели. Вернись к тому месту, где кровь, и поищи обратный след, а я постараюсь провести отряд вслед за тобой так, чтобы никто ничего не заметил.

— Хорошо, майор, — сказал следопыт. — Мне кажется, я догадываюсь, куда поведет обратный след. Дайте мне десять минут на это дело и трогайтесь в путь по моему сигналу.

Сказав это, Спенглер поехал обратно к луже крови. Там после беглого осмотра он повернул в боковую просеку.

В условленное время раздался его громкий свист. Судя по звуку, следопыт отошел почти на целую милю и теперь находился где-то в стороне от места ужасного преступления.

Услышав сигнал, майор, который уже успел вернуться к своему отряду, отдал распоряжение двигаться. Он ехал рядом со стариком Пойндекстером и несколькими другими богатыми плантаторами, но никого не посвятил в загадочное открытие следопыта.

Глава XL

МЕЧЕНАЯ ПУЛЯ

Прежде чем отряд догнал разведчика, случилось небольшое происшествие. Майор повел своих людей не по просеке, а напрямик через лес. Этот путь был выбран не случайно: майор хотел избавить отца от лишних страданий, помешав ему увидеть кровь—кровь его сына, как предполагал следопыт. Ужаснсе место осталось в стороне; никто, кроме майора и следопыта,

[1] Кварта — 2,14 литра.

не знал о печальном открытии, и отряд продвигался вперед в счастливом неведении.

Они пробирались по узкой звериной тропе, так что два всадника едва могли ехать рядом; местами тропа расширялась в полянки, но через несколько ярдов опять сужалась и уходила в заросли.

Когда всадники выехали на одну из полянок, какой-то зверь выскочил из кустов и бросился бежать по траве. Красновато-желтая шкура грациозного зверя была испещрена узорами темных пятен; его гладкое цилиндрическое тело с длинным хвостом на гибких сильных ногах казалось олицетворением быстроты и силы. Это был ягуар — зверь, редкий даже в такой глуши.

Соблазн для охотников оказался слишком велик, и, несмотря на мрачность задачи экспедиции, двое выстрелили вслед убегающему животному.

Это были Кассий Колхаун и молодой плантатор, ехавший рядом с ним.

Ягуар свалился мертвым; пуля прошла вдоль всего спинного хребта хищника.

Кому из двух принадлежала честь удачного выстрела? Оба, и Колхаун и молодой плантатор, приписывали ее себе. Они стреляли вместе, но в цель попала только одна пуля.

— Я вам докажу! — уверенно заявил отставной капитан, слезая с лошади.

Подойдя к убитому ягуару, он достал нож и, обратившись к присутствующим, сказал:

— Пуля находится в теле животного, не так ли, джентльмены? Если эта пуля моя, то на ней будут мои инициалы — «К. К.» с полумесяцем. Мои пули сделаны по специальному заказу, и я всегда могу узнать убитую мной дичь.

Колхаун хвастливо поднял извлеченную пулю—нетрудно было догадаться, что он сказал правду. Более любопытные подошли посмотреть: пуля действительно была помечена инициалами Колхауна, и спор, таким образом, закончился не в пользу молодого плантатора.

Вскоре после этого отряд подъехал к месту, где ждал следопыт, который и повел его дальше.

Здесь уже не было отпечатков копыт двух подкованных лошадей. Можно было разглядеть лишь след одной лошади, но он был так мало заметен, что местами рассмотреть его мог лишь следопыт.

След этот шел через заросли, время от времени выходил на полянки и наконец, описав круг, вывел их на ту же просеку, только несколько дальше к западу.

Хотя Спенглер и не был первоклассным следопытом, он ехал по этому следу так быстро, что остальные едва поспевали за ним.

Он уже догадывался, какая лошадь оставила этот след. Он знал, что это был мустанг, который стоял под тополем, в то время как его всадник курил сигару, — тот самый мустанг, чьи глубокие отпечатки копыт остались на земле, пропитанной человеческой кровью.

Пока следопыт оставался один, он прошел также и по следу американской лошади. Он понял, что этот след приведет обратно в прерию, по которой они ехали сюда, и затем, вероятно, к плантациям на Леоне.

Но след мустанга, казалось, обещал гораздо больше, и Спенглер снова занялся им; этот след мог привести к разгадке кровавой тайны, а быть может, даже к логову убийцы.

Но он озадачил следопыта не меньше, чем перекрывающие друг друга следы двух лошадей.

Он тянулся не прямо, как это обычно бывает, когда управляет лошадью всадник: он то извивался, то петлял, то шел прямо, то кружил, как будто на мустанге не было всадника либо всадник заснул в седле.

Мог ли быть таким след лошади, на которой скакал преступник, спешивший скрыться после только что совершенного убийства?

Спенглер так не думал. Он вообще не знал, что и думать. Он был совершенно сбит с толку, о чем откровенно сказал майору, когда тот спросил его о характере следа.

Однако то, что вскоре предстало перед его глазами и что одновременно увидели все спутники, не только помогло раскрыть тайну, а, наоборот, сделало ее еще более необъяснимой.

Больше того: догадки и размышления вдруг превратились во всепоглощающий ужас. И никто не стал бы утверждать, что для этого не было оснований.

Неужели вы не ужаснулись бы, если бы увидели всадника, уверенно сидящего в седле, с ногами, вдетыми в стремена, крепко держащего в руках поводья, и на первый взгляд такого же, как сотни других, но, присмотревшись внимательней, заметили бы в нем какую-то странность и вдруг поняли бы, что у него не хватает... головы!

Именно такое зрелище и предстало их взорам. Резким движением все они одновременно осадили лошадей, словно перед зияющей пропастью.

Солнце уже заходило, его огненный диск почти касался травы, и красные лучи били прямо в глаза, ослепляя и не давая ничего рассмотреть. Тем не менее все ясно увидели, что странная фигура, представшая перед их глазами, — всадник без головы.

Если бы только один из присутствовавших заявил, что он видел всадника без головы, его, наверно, осмеяли бы и назвали сумасшедшим. Даже если бы это утверждали двое, их тоже обвинили бы в безумии.

Но то, что одновременно увидели все, не могло подлежать сомнению, и, наоборот, если кто-нибудь стал бы отрицать это, то сумасшедшим сочли бы его.

Но никто не усомнился. Все напряженно смотрели в одну сторону — на то, что было либо всадником без головы, либо умело сделанным чучелом.

Было ли это чучело? А если нет, то что же?

Этот вопрос возник у всех одновременно. И так как никто не мог найти ответа даже для самого себя, то все молчали.

Военные и штатские молча сидели в седлах, ожидая объяснения, которого не мог никто дать.

Были слышны только подавленные возгласы удивления и ужаса. Но никто не высказал никакой догадки.

Всадник без головы — призрачный или реальный — в ту минуту, когда они его увидели, въезжал в просеку, на противоположном конце которой остановился отряд. Если бы он продолжал свой путь, то подъехал бы прямо

к ним, — конечно, если бы у них хватило мужества дождаться его.

Но он остановился почти одновременно с ними и, казалось, глядел на них с таким же недоверием, как они на него.

Наступила такая тишина, что было слышно, как упал в траву окурок сигары. Вот тогда-то те немногие, у кого хватило храбрости, смогли рассмотреть странного наездника, но большинство дрожали от страха, потеряв всякую способность соображать. Но и те, кто осмелился взглянуть на эту таинственную фигуру, стараясь понять, что же это такое, были ослеплены лучами заходящего солнца. Они только увидели силуэт большой красивой лошади со всадником на спине. Тело человека было труднее разглядеть, так как он был закутан во что-то вроде плаща, ниспадающего с плеч.

Но какое все это имело значение, если у всадника не было головы? Человек без головы, верхом на лошади, сидит в седле с непринужденным изяществом; на его каблуках блестят шпоры, в одной руке зажаты поводья, другая же, как и полагается, свободно опущена на бедро.

Что же это такое? Не привидение ли? Разве это может быть живым человеком?

Те, кто смотрел на него, были людьми, которые не верили ни в призраки, ни в сверхъестественные видения. Многим из них не раз приходилось в дикой глуши бороться с самыми суровыми и неожиданными капризами природы. Не таким людям верить в привидения!

И все же при виде столь необычайного явления даже самые здравомыслящие стали сомневаться в его реальности и повторяли про себя:

«Это привидение. Конечно, это не может быть человеком!»

Величина всадника без головы подтверждала догадки, что перед ними сверхъестественное явление. Он казался вдвое больше обыкновенного человека на обыкновенной лошади. Он был скорее похож на великана на гигантском коне; возможно, это было обманчивым впечатлением, которое объяснялось преломлением солнеч-

ных лучей, проходивших горизонтально через колеблющийся воздух над раскаленной равниной.

Но сейчас было не до рассуждений, не было даже времени, чтобы как следует разглядеть это чудовищное видение, на которое все присутствующие устремили взгляды, заслоняя рукой глаза от слепящего солнца.

Ни цвета его одежды, ни масти его лошади нельзя было различить. Видны были только очертания его фигуры — черный силуэт на золотом фоне неба. Но какой стороной он к ним ни поворачивался, это было все то же необъяснимое явление — всадник без головы.

Что же это такое? Не привидение ли? Разве это может быть живым человеком?

— Это дьявол на лошади! — вдруг крикнул один из бывалых пограничных жителей, которого ничем нельзя было испугать. — Клянусь, это сам дьявол!

Его грубый смех, сопровождаемый ругательством, еще сильнее испугал более робких из присутствующих и, казалось, произвел впечатление даже на всадника без головы. Он круто повернул свою лошадь, а она дико заржала и поскакала прочь.

Всадник без головы помчался прямо к солнцу и вскоре скрылся из виду, словно въехал в сверкающий диск.

Глава XLI

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА

Отряд всадников, возглавляемый майором, был не единственным, выехавшим из форта Индж в это знаменательное утро.

Гораздо раньше, почти на самом рассвете, по тому же направлению — к реке Нуэсес — проследовал небольшой отряд из четырех человек.

Он вряд ли выехал на поиски трупа Генри Пойндекстера. В тот ранний час еще никто не подозревал, что юноша убит или хотя бы пропал. Лошадь без седока еще не принесла печальную весть. Поселок спал, не зная, что пролита невинная кровь.

Несмотря на то что оба отряда выехали из одного и того же места и в одном и том же направлении, между всадниками этих отрядов не было ничего общего. Те, которые выехали раньше, были испанцы, или, вернее, в их жилах испанская кровь была смешана с ацтекской, — другими словами, это были мексиканцы.

Чтобы заметить это, не требовалось ни особых знаний, ни наблюдательности, достаточно было лишь взглянуть на них. Их манера ездить верхом, узкие бедра, особенно заметные благодаря высоким седлам, накинутые на плечи яркие серапе, бархатные брюки, большие шпоры на сапогах и, наконец, черные сомбреро с широкими полями — все это выдавало в них мексиканцев или же людей, которые переняли обычаи мексиканцев.

Но четыре всадника, бесспорно, были мексиканцами. Смуглая кожа, черные, коротко подстриженные волосы, острые бородки, правильный овал лица — все это характерно для людей испано-ацтекского типа, живущих теперь на древней земле Монтесумы [1].

Один из всадников был более крепко сложен, чем его спутники. Его лошадь была лучше других, костюм богаче, оружие более тонкой работы, да и по всему остальному было видно, что он предводитель этой четверки.

Ему было под сорок, хотя он выглядел моложе благодаря гладкой коже щек и тщательно подстриженным коротким бакенбардам.

Его можно было бы, пожалуй, назвать красивым, если бы не холодный, тяжелый взгляд и не угрюмое выражение лица, выдававшее грубость и жестокость его натуры.

Даже улыбка красиво очерченного рта с двумя ровными рядами белых зубов не могла сгладить этого впечатления — в ней было что-то сатанинское.

Не за наружность назвали его товарищи именем животного, хорошо известного на равнине Техаса. Он

---

[1] Монтесума — верховный вождь ацтеков в период завоевания Мексики испанцами.

получил незавидное прозвище Эль-Койота за свой характер и поведение.

Как случилось, что Эль-Койот ехал по прерии так рано утром — по-видимому, совсем трезвый, да еще во главе отряда? Ведь всего несколько часов назад он лежал в своем хакале пьяным и не только не сумел вежливо принять гостя, но даже, кажется, не понял, что к нему пришли.

Эту внезапную и до некоторой степени странную перемену не так уж трудно объяснить. Достаточно будет рассказать, что́ произошло с того момента, как Колхаун уехал от него, и до нашей встречи с Эль-Койотом и тремя его соотечественниками.

Уезжая, Колхаун не закрыл дверь хакале, и она оставалась открытой до утра, а Эль-Койот продолжал спать.

На рассвете он проснулся от холода и сырости. Это немного протрезвило его. Вскочив с кровати, он начал, шатаясь, ходить по хижине, проклиная холод и дверь, которая этот холод впустила.

Можно было подумать, что он тут же закроет ее. Однако он этого не сделал. Дверь была единственным отверстием, дававшим доступ свету, если не считать щелей в старых стенах, — а свет был нужен, чтобы выполнить намерение, ради которого он встал.

Но серый свет раннего утра, проникавший через открытую дверь, еще слабо освещал хижину. Эль-Койот шарил кругом, спотыкаясь и ругаясь, пока, наконец, не нашел того, что искал: большую тыквенную бутыль с двумя отверстиями, посредине перехваченную ремешком, — она служила сосудом для воды, но чаще для спиртных напитков.

Запах, который распространился кругом, когда мексиканец откупорил бутыль, говорил о том, что в ней совсем недавно была водка; но из яростной ругани ее владельца стало ясно, что теперь она уже пуста.

— Тысяча чертей! — закричал он, со злобным разочарованием встряхивая бутыль, чтобы окончательно убедиться, что в ней ничего нет. — Ни капли! Блоху и ту не утопишь! А мой язык прилипает к зубам. Глотка

горит, точно через нее пропустили целую жаровню горячих углей. Черт побери! Я не могу больше терпеть. Что же делать? Уже светает. Придется отправиться в поселок. Может, сеньор Доффер уже открыл свою западню, чтобы ловить ранних пташек. Если так, то к нему явится койот!

Повесив бутыль на шею и набросив серапе, Эль-Койот отправился в поселок.

Гостиница была на расстоянии всего лишь нескольких сот ярдов от его хакале, на том же берегу реки; эта тропа была так хорошо ему знакома, что он смог бы пройти по ней с завязанными глазами. Через двадцать минут он уже, шатаясь, приближался к вывеске «На привале».

Ему посчастливилось: Обердофер хлопотал в баре, обслуживая ранних гостей — нескольких солдат, которые тайком ушли из казарм, чтобы промочить горло после сна.

— Майн готт, мистер Диас! — сказал хозяин, приветствуя нового гостя и бесцеремонно оставляя шестерых клиентов, пивших в кредит, ради одного, который, как он знал, заплатит наличными. — Майн готт! Вы ли это так рано на ногах? Я знаю, чего вы хотите. Вы хотите, чтобы я наполнил вашу тыквенную бутыль мексиканской водкой аг... аг... Как вы это называете?

— Агвардиенте! Вы угадали, кабальеро. Это как раз то, чего я хочу.

— Один доллар! Это стоит один доллар.

— Карамба! Я платил достаточно часто, чтобы помнить цену. Вот вам монета, а вот посуда. Наполните ее, да поживее!

— Вы торопитесь, герр Диас? Я не заставлю вас ждать. Собираетесь поохотиться в мустанговой прерии? Боюсь, что ирландец опередил вас. Он уехал еще ночью. Он покинул мой дом уже после полуночи — поздний час для путешествия. Странный человек этот мустангер — мистер Морис Джеральд! Никто никогда не знает, чего от него ждать. Но я ничего не могу сказать против него. Он был хорошим постояльцем, расплатился по своему большому счету, как богатый человек, и у него еще мно-

го осталось. Майн готт, его карманы были набиты долларами!

Мексиканец живо заинтересовался сообщением о том, что ирландец поехал в «мустанговую прерию», как выразился Обердофер. Свой интерес он выдал сначала легким возгласом удивления, а потом и нетерпением, которое сквозило во всех его жестах, пока он слушал болтовню немца.

Однако он постарался скрыть свое волнение. Вместо того чтобы расспрашивать Обердофера, он ответил с небрежным видом:

— Это меня не касается, кабальеро. В прерии достаточно мустангов — хватит для всех, чтобы поохотиться. Поживее, сеньор, давайте мое агвардиенте.

Немного огорченный, что ему не дали посплетничать, немец быстро наполнил тыквенную бутыль. Не пытаясь больше продолжать разговор, он протянул ее мексиканцу, взял доллар, швырнул его в ящик с деньгами и вернулся к солдатам, более разговорчивым, потому что они пили в кредит.

Несмотря на жажду, Диас вышел из бара, не открывая бутыли и как будто даже забыв о ней.

Он был теперь взволнован чем-то, что было сильнее желания выпить.

Он не сразу вернулся домой, а зашел сначала в три хижины на окраине поселка, в которых жили такие же любители легкой наживы, и только после этого отправился в свое хакале.

На обратном пути Эль-Койот заметил следы подкованной лошади и увидел, что ее привязывали к дереву вблизи хакале.

— Карамба! Капитан-американец был здесь сегодня ночью. Черт побери! Я что-то смутно вспоминаю, но мне казалось, что я это видел во сне. Догадываюсь, зачем он сюда приезжал. Он узнал об отъезде дона Морисио. Он, верно, еще заедет, когда решит, что я уже проспался. Ха-ха! Все будет сделано и без него. Мне не потребуется его дальнейших указаний. Тысяча долларов! Вот это деньги! Как только я их получу, я поеду на Рио-Гранде и попробую поладить с Исидорой.

Произнеся этот монолог, Эль-Койот остался в своем хакале лишь столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы наспех проглотить несколько кусков жареного мяса и запить их хорошим глотком агвардиенте. Затем он поймал и оседлал свою лошадь, надел огромные шпоры, привязал к седлу маленький карабин, сунул в кобуры по револьверу, прицепил к поясу мачете в кожаных ножнах, вскочил в седло и быстро ускакал.

Перед тем как выехать в прерию, он еще раз заехал на окраину поселка и там дождался всадников, которые должны были сопровождать его и которых он уже предупредил, что их помощь понадобится в одном тайном деле.

Трое приятелей Эль-Койота, казалось, уже были посвящены в его планы. Во всяком случае, они знали, что местом действия будет Аламо. Когда в начале пути Диас свернул в сторону, они крикнули ему, что он едет не по той дороге.

— Я хорошо знаю Аламо, — сказал один из них, тоже мустангер. — Не раз я охотился там за лошадьми. Это место лежит на юго-запад отсюда. Самая близкая дорога туда идет вон через ту просеку. Вы взяли слишком на запад, дон Мигуэль.

— Вот как? — презрительно сказал Диас. — Вы, должно быть, американец, сеньор Висенте Барахо. Вы забываете, что наши лошади подкованы. Индейцы не ездят прямо из форта Индж на Аламо, чтобы... Надеюсь, вы понимаете меня?

— Верно! — ответил Барахо. — Прошу прощенья, дон Мигуэль! Карамба! Я об этом и не подумал.

Без дальнейших пререканий трое сообщников Эль-Койота последовали за ним. Они ехали молча, пока, наконец, не достигли лесных зарослей на несколько миль дальше просеки, о которой упомянул Барахо.

Оказавшись под прикрытием леса, все четверо сошли с лошадей и привязали их к деревьям; после этого они приступили к делу, которое можно сравнить только с тем, что происходит за кулисами провинциального театра перед представлением мелодрамы из жизни дикарей.

Глава XLII

ГРИФЫ СЛЕТАЮТСЯ

Стая черных грифов, кружащих над прерией, — картина обычная для южного Техаса, и тот, кто путешествовал там, конечно, видел это зрелище.

Слетевшись целыми сотнями, они описывают в воздухе широкие круги и спирали; они то спускаются вниз, почти касаясь травы, то вдруг взвиваются вверх на неподвижно распростертых крыльях, — на фоне неба отчетливо выделяются их зубчатые контуры.

Путешественник, который увидит это впервые, невольно остановит свою лошадь, чтобы понаблюдать за птицами. Даже тот, для кого стая грифов не новость, невольно задумается: для чего собрались эти хищники?

Ведь эти мерзкие птицы слетаются неспроста. И увидит ли путешественник или нет, он знает, что на земле, как раз на том месте, над которым кружат хищники, лежит убитое животное, а может быть, и человек, мертвый или умирающий.

* * * * * * * * *

Наутро после той мрачной ночи, когда три всадника пересекли равнину, эту картину можно было наблюдать над зарослями, куда они въехали. Стая черных грифов кружила над макушками деревьев в том месте, где просека делала поворот.

На рассвете ни одного грифа еще не было видно. Но не прошло и часа после восхода солнца, как сотни грифов уже парили здесь на широко распростертых крыльях; их черные тени скользили по яркой зелени леса.

Техасец, попав в просеку и заметив эту зловещую стаю, сразу догадался бы, что здесь побывала смерть.

Проехав дальше, он нашел бы подтверждение этому — лужу крови, затоптанную лошадиными копытами.

Но хищники кружили не над самой лужей. Центром описываемых ими кругов, казалось, было место немного в стороне среди деревьев; там, наверно, и находилась привлекавшая их добыча.

В этот ранний час не было ни одного путника — ни техасца, ни чужестранца, чтобы проверить правильность этого предположения; и, тем не менее, это была правда.

В лесу на расстоянии четверти мили от лужи крови лежало то, что привлекало внимание хищников. Но это был не зверь, а человек — красивый юноша, лицо которого оставалось прекрасным и в смерти.

Но был ли он мертв?

На первый взгляд казалось, что он умер, и черные птицы тоже считали его мертвым. Его неподвижность и неестественная поза убеждали их в этом.

Он лежал на спине, запрокинув голову, не закрывая лица от солнца. Его руки и ноги были неподвижно распростерты на каменистой земле, словно он потерял способность владеть ими.

Вблизи рос огромный старый дуб, но юноша не был защищен его тенью — он лежал за пределами лиственного шатра, и лучи солнца, только что начавшие проникать в чащу, скользили по бледному лицу, которое казалось еще бледнее от отсвета белой панамы, лишь слегка прикрывавшей лоб.

Его черты не были искажены смертью, но еще меньше было похоже на то, что он спит. Глаза его были лишь полузакрыты, и под ресницами виднелись расширенные остекленевшие зрачки.

Был ли он мертв?

Несомненно, черные птицы считали его мертвым

Но они ошиблись.

Разбудил ли юношу луч солнца, упавший на полузакрытые веки, или отдых восстановил его силы, но он пошевелился и широко открыл глаза.

Вскоре он немного приподнялся и, опираясь на локоть, недоумевающе посмотрел вокруг.

Грифы взвились высоко в воздух и некоторое время не спускались.

— Умер я или жив? — прошептал юноша. — Сон это или явь? Что это? Где я?

Солнечный свет ослеплял его. Он прикрыл глаза рукой, но и тогда видел все как в тумане.

— Деревья надо мной, вокруг меня... подо мной, кажется, камни — недаром у меня болят все кости. Лесная чаща... Как я попал сюда?

— Вспомнил! — сказал он после минутного размышления. — Я ударился головой о дерево. Вот оно — и тот самый сук, который выбил меня из седла. Левая нога болит. Да, помню, — я стукнулся о ствол. Черт побери, она, кажется, сломана...

Юноша попытался встать. Но это ему не удалось. Больная нога отказывалась служить — от ушиба или вывиха она сильно распухла в колене.

— Где же вороной? Убежал, конечно. Теперь он уже, наверно, в конюшне Каса-дель-Корво. А впрочем, какая разница — все равно я не мог бы сесть в седло, если бы даже он стоял здесь рядом... А тот? — добавил он немного погодя. — О боже, что это было за зрелище! Неудивительно, что вороной испугался... Что же мне делать? Нога, должно быть, сломана. Без посторонней помощи я не могу двинуться с места. Нет никакой надежды, что кто-нибудь сюда придет. Во всяком случае, не раньше, чем я стану добычей этих отвратительных птиц. Фу, что за мерзкие твари! Они разевают клювы, как будто уже собираются позавтракать мной!.. Долго ли я здесь лежал? Солнце поднялось не очень высоко. Я сел в седло на рассвете. Наверно, я пролежал без сознания около часа. Черт возьми, дело плохо... Нога, по-видимому, сломана, судя по тому, как она болит, а хирурга здесь нет. Каменистая постель в глуши техасских зарослей... Они тянутся на много миль — нечего и думать самому отсюда выбраться. И никто сюда не придет. На земле — волки, а в воздухе — грифы... И как это я не подобрал поводьев?! Быть может, я в последний раз сидел в седле...

Лицо молодого человека омрачилось. Оно становилось все печальнее, по мере того как он осознавал опасность положения, в которое попал из-за простой случайности.

Еще раз он попробовал встать, с большим трудом поднялся, но тут же обнаружил, что служить ему может только одна нога, — на другую нельзя было ступить.

Пришлось опять лечь.

Так он пролежал еще часа два. Время от времени он принимался звать на помощь. Наконец, убедившись, что его никто не услышит, он перестал кричать.

Крик вызвал жажду или, быть может, ускорил ее появление — при состоянии, в котором он находился, она была неизбежна.

Жажда росла и наконец заглушила все остальные ощущения, даже боль в ноге.

— Я погибну от жажды, если останусь здесь, — шептал раненый. — Надо попробовать добраться до воды. Насколько я помню, где-то поблизости есть ручей. Я доберусь до него хотя бы ползком — на коленях и на руках. На коленях? Но ведь я могу опираться только на одно колено... Все равно надо попытаться. Чем дольше я пробуду здесь, тем будет хуже. Солнце начинает палить. Оно уже жжет мне голову. Я могу потерять сознание, и тогда — волки, грифы...

Он вздрогнул от ужасной мысли и замолчал.

Через некоторое время раненый снова заговорил:

— Если бы только я знал дорогу! Я хорошо помню этот ручей. Он течет в сторону меловой прерии где-то на юго-восток отсюда. Попробую ползти в этом направлении. К счастью, я могу теперь ориентироваться по солнцу. Если мне удастся добраться до воды, то, может быть, все еще и обойдется. Только бы хватило сил!

С этими словами он начал пробираться через заросли; волоча больную ногу, он полз по каменистой земле, словно огромная ящерица, у которой перебили позвоночник.

Он полз и полз...

Это было мучительно, но ужас перед тем, что его ожидало, был еще мучительней и гнал его вперед.

Он хорошо знал, что неизбежно умрет от жажды, если не найдет воды. Эта мысль заставляла его снова ползти.

Ему часто приходилось останавливаться и отдыхать, чтобы собраться с силами. Человеку трудно передвигаться на четвереньках, особенно, когда одна нога отказывается служить.

Юноша продвигался медленно, страдая от боли. Это было особенно мучительно, потому что раненый сомневался, верное ли он выбрал направление. Только страх смерти заставлял его продолжать путь.

Раненый прополз уже около четверти мили, как вдруг у него мелькнула мысль, что он может попробовать другой способ передвижения:

«Я смог бы, пожалуй, встать, если бы только у меня был костыль... Слава богу, я не потерял нож!.. А вот и подходящее деревце — молодой дубок».

Он вытащил из-за пояса охотничий нож, срезал деревце и сделал что-то вроде костыля, так что можно было опираться на развилок.

С помощью костыля юноша встал на ноги и заковылял дальше.

Он знал, что опаснее всего менять направление, и поэтому, как и раньше, пошел на юго-восток.

Это было не так просто. Солнце — его единственный компас — достигло высшей точки своего пути, а в широтах южного Техаса в это время года полуденное солнце стоит почти в зените. Кроме того, путнику часто приходилось сворачивать с прямого направления, чтобы обойти непролазную чащу. Правда, находить дорогу ему помогал легкий уклон местности; он знал, что, следуя ему, может прийти к воде.

Так, понемногу пробираясь вперед, часто останавливаясь для непродолжительного отдыха, он прошел целую милю и тут наткнулся на звериную тропу. Правда, она была еле заметна, но шла прямо и, по-видимому, вела к водопою — к какому-нибудь ручью, болотцу или роднику.

Он был бы рад любому из них. Не обращая больше внимания ни на солнце, ни на уклон, раненый пошел по тропе.

Время от времени он возвращался к своему первому способу передвижения — полз на четвереньках, так как идти, опираясь на костыль, было очень утомительно.

Но скоро радость сменилась разочарованием: тропа затерялась на поляне, окруженной густой стеной зарос-

лей. К своему отчаянию, юноша понял, что пошел не в ту сторону.

Как ни тяжело это было, но пришлось повернуть обратно, другого выхода не было. Оставаться на поляне было равносильно самоубийству.

Он поплелся назад по тропе и миновал то место, где впервые вышел на нее. Подгоняемый мучительной жаждой, раненый напрягал последние силы, но с каждой минутой их становилось все меньше.

Деревья, между которыми ему приходилось пробираться, были по большей части акации, перемежающиеся с кактусами и агавой. Они почти не защищали от лучей полуденного солнца, которые легко проникали сквозь ажурную листву и жгли его, как огонь.

Он обливался пóтом, жажда становилась все мучительней, пока не стала просто нестерпимой.

Ему не раз попадались на глаза сочные плоды мескито; чтобы их сорвать, нужно было лишь протянуть руку. Но юноша знал, что они приторно-сладкие и не утоляют жажду; что не поможет ему и едкий сок кактуса или агавы.

В довершение всех бед, несчастный заметил, что поврежденная нога совсем перестает его слушаться. Она сильно распухла. Каждый шаг причинял ему невероятную боль. Если даже он и на пути к ручью, хватит ли у него сил добраться до него? Если нет, это означает верную гибель. Оставалось одно: лечь здесь, среди зарослей, и умереть.

Смерть придет не сразу. Хотя у него невыносимо болела ушибленная голова и разбитое колено, он знал, что эти повреждения не смертельны. Ему грозила самая мучительная и жестокая из всех смертей — смерть от жажды.

Эта мысль заставила раненого напрячь последние силы. И, несмотря на то что он продвигался медленно и испытывал при этом тяжкие страдания, он упорно брел и брел вперед.

А черные грифы всё парили над ним, не отставая и не перегоняя. Они пролетели уже больше мили, но ни один не оставил преследования. Число их даже увели-

чивалось: завидев добычу, к стае присоединились новые хищники. И, хотя добыча была еще жива и двигалась, инстинкт подсказывал птицам, что конец ее близок.

Их черные тени снова и снова мелькали на тропе, по которой брел раненый. Казалось, что это реет сама смерть...

Вокруг была полная тишина: грифы летают бесшумно и даже, предвкушая добычу, не оглашают воздух криками. Палящее солнце угомонило кузнечиков и лягушек; даже безобразная рогатая ящерица дремала в тени камня.

Единственными звуками, которые нарушали тишину молчаливого леса, был шорох одежды страдальца, цеплявшейся за колючие растения, и изредка его крик, когда он тщетно взывал о помощи.

Шипы кактусов и агавы исцарапали его лицо, руки и ноги, не оставив живого места, и кровь смешивалась с по́том.

Раненый уже был близок к отчаянию — вернее, он уже отчаялся; в полном изнеможении, в последний раз напрасно позвав на помощь, он упал ничком на землю, не веря больше в возможность спасения.

Но вполне веро́ятно, что именно это и спасло его. Ухо его прижалось к земле, и он услыхал слабый, едва различимый звук.

И, как ни был слаб этот звук, раненый услышал его, потому что именно этого звука он так напряженно ждал, — это было журчанье воды.

Вскрикнув от радости, он вскочил на ноги, словно был здоров, и пошел на этот звук.

Он налегал на свой импровизированный костыль с удвоенной силой; казалось, даже больная нога стала его лучше слушаться: бодрость и любовь к жизни боролись со слабостью и страхом смерти.

Любовь к жизни одержала верх.

Через десять минут раненый уже лежал, растянувшись на траве около прозрачного ручья, и недоумевал, как простая жажда могла причинить такие страшные мучения.

Глава XLIII

КУБОК И БУТЫЛЬ

Заглянем в хижину мустангера. Опять его верный слуга сидит на табурете посреди комнаты. Опять его собака лежит перед очагом, уткнувшись носом в теплый пепел.

Человек и собака находятся почти на том же расстоянии друг от друга, как и в прошлый раз; их позы почти те же. И все же в хижине заметны большие перемены.

Обитая лошадиной шкурой дверь по-прежнему висит на петлях. По-прежнему на стенах блестит ковер из шкур мустангов. Тот же простой стол, та же постель, те же два табурета, та же шкура, на которой обычно спит Фелим.

Но другое «имущество», прежде выставленное напоказ, теперь исчезло: не видно на стене ружья, не видно серебряного кубка, охотничьего рога. Нет ни седла, ни уздечки, нет веревки, серапе. Книги, чернила, перья, бумага тоже куда-то исчезли.

Можно подумать, что хакале ограбили индейцы.

Впрочем, нет, — иначе Фелим не сидел бы так невозмутимо на своем табурете и у него на голове не было бы копны рыжих волос.

Хотя со стен все снято, но все вещи остались в хижине, только находятся в другом месте. На полу в беспорядке лежит несколько тюков и свертков, перевязанных веревкой, и среди них кожаный сундучок. По-видимому, вещи уложены для предстоящего переезда.

Несмотря на все эти перемещения, большая бутыль с виски по-прежнему стоит в углу на своем обычном месте. Фелим видит ее чаще, чем любой другой предмет в комнате, потому что, куда бы он ни смотрел, его взор возвращается к соблазнительному сосуду в ивовой плетенке.

— А, мое сокровище, вот ты где! — произносит он, вероятно в двадцатый раз посматривая на бутыль. — Ведь в твоем прекрасном животике больше двух кварт, а тебе небось от этого никакого проку нет. Вот если бы

хоть десятая часть попала в мой желудок, это было бы не вредно для пищеварения! Не так ли, Тара? Как ты думаешь, старый мой песик?

Услыхав свое имя, собака подняла голову и вопросительно посмотрела кругом, как бы спрашивая, чего от нее хотят.

Поняв, что слуга разговаривает сам с собой, она снова улеглась.

— Можешь не отвечать, старина! Я и сам это знаю. Ей-ей, хорошо бы пропустить стаканчик! Но я не смею и капли выпить после того, что мне сказал хозяин. Ну, и намучился же я сегодня с этими сборами — прямо язык прилип к гортани, как будто я пытался проглотить липкий пластырь! Какая досада, что мистер Морис взял с меня слово не трогать бутыли! И кому она теперь нужна? Он же сам сказал, что, когда вернется из поселка, пробудет здесь только одну ночь. Небось двух кварт он за один вечер не выпьет! Разве только старый греховодник Ступм с ним приедет... Черт бы побрал этого пьяницу! Он вылакает и больше! Одно утешение: слава богу, наконец-то мы вернемся в наш старый Баллибаллах! Вот уж когда напьюсь я настоящего ирландского виски, а не этой американской чепухи! Гип-гип, ура! Только подумаешь, и то уже сердце радуется! Гип-гип, ура!

Подбрасывая свою войлочную шляпу под потолок, размечтавшийся ирландец еще несколько раз прокричал «ура». Потом, немного успокоившись, он некоторое время просидел в молчании, как бы мысленно перебирая те удовольствия, которые ждут его в Баллибаллахе.

Но скоро его мысли вернулись в хижину и снова обратились к бутыли в углу. На этот раз он смотрел на нее с еще большей жадностью.

— Сокровище ты мое! — сказал Фелим, обращаясь к бутыли. — Уж очень ты хороша собой! Ведь ты же не выдашь меня, если я тебя разок поцелую? Только один поцелуй! Что же в этом плохого? Даже хозяин ничего не скажет, если вспомнит, как мне пришлось повозиться. Сколько пыли я наглотался! А потом, он и не рас-

считывает, конечно, что я сдержу свое слово на этот раз, — ведь мы же уезжаем. А как не промочить горло на дорогу? Без этого нельзя — пути не будет. Я так и скажу хозяину — авось он не рассердится. Да вот еще что: ведь он опоздал уже на целых десять часов. Скажу, что выпил лишь капельку, потому что очень о нем беспокоился. Наверняка он ничего не скажет. Я только понюхаю немного, а уж там — как судьбе угодно будет... Лежи, Тара, я никуда не ухожу.

Собака поднялась, видя, что Фелим направился к двери.

Но Тара не поняла намерений Фелима. Он вышел лишь посмотреть, не видно ли хозяина на тропе, которая ведет к хижине, и не помешает ли он ему осуществить задуманное.

Убедившись, что никого нет, Фелим прошмыгнул в угол, открыл бутыль, поднес ее к губам и выпил далеко не «капельку».

Поставив бутыль на место, ирландец снова сел на табурет.

Довольно долго он просидел молча; потом снова заговорил сам с собой, то и дело обращаясь с вопросами к Таре и к бутыли в ивовой плетенке.

— Не могу понять, почему так долго нет хозяина! Сказал, что вернется к восьми утра, а теперь шесть вечера, если только техасское солнце не врет. Небось его что-то задержало... Как ты думаешь, Тара?

На этот раз Тара утвердительно фыркнула — ей в нос попал пепел.

— Святой Патрик! Не случилось ли чего? Что же будет с нами, Тара? Ах ты, старый мой пес! Тогда нам с тобой долгонько не видать Баллибаллаха. Разве только если продать хозяйские вещи? Кубок из чистого серебра — он один оплатит нам дорогу. Черт побери, вот что мне пришло в голову: ведь я никогда еще не пил из этой красивой посудины! Наверняка выпивка вкуснее покажется. Надо попробовать — сейчас как раз удачное время.

Говоря это, он достал кубок из чемодана, еще раз открыл бутыль и налил полстакана виски.

Выпив все залпом, Фелим почмокал губами, словно определяя качество напитка.

— Черт его знает, вкуснее ли так, — сказал он, все еще держа в одной руке кубок, а в другой бутыль. — Пожалуй, что из самой бутыли вкуснее, если только мне память не изменяет. Надо попробовать из той и из другой посудины зараз, а тогда только и можно сказать, из какой вкуснее.

Ирландец поднес бутыль к губам и после нескольких глотков поставил ее на место.

Потом он снова задумчиво почмокал, как настоящий знаток.

— А ведь я опять ошибся, — сказал он, покачав головой. — Совсем не верно. Из серебра-таки вкуснее. Или это мне почудилось? Надо проверить: придется еще раз выпить чуточку из кубка, — ведь я пил дважды из бутыли и только один раз из серебряной посудины. Справедливость дороже всего — так уж повелось на белом свете. И почему я должен обращаться хуже с этой чудесной кружечкой, чем с большой бутылью в плетенке? Так не годится, черт побери!

Серебряный кубок снова появился на сцене, и снова часть содержимого бутыли была перелита в него, для того чтобы без задержки попасть в ненасытную глотку сомневающегося знатока.

Решил ли он в конце концов в пользу кубка или принял сторону бутыли — так и осталось неизвестным. Отведав виски в четвертый раз, ирландец как будто сообразил, что на время хватит, и отставил оба сосуда.

Тут его осенила мысль, и, вместо того чтобы вернуться к своему табурету, он решил выйти из хижины и посмотреть, не едет ли хозяин.

— Пойдем, Тара! — закричал он, направляясь к дверям. — Пойдем, старый пес, поднимемся на обрыв и посмотрим, не видно ли на равнине хозяина. Мастеру Морису будет приятно, если он увидит, что мы с тобой о нем беспокоимся.

Пройдя через поросшую лесом речную долину, ирландец в сопровождении собаки поднялся по откосу и очутился на границе прерии.

Перед его глазами лежала довольно пустынная равнина. Она простиралась на восток на расстояние около мили.

Заходящее солнце светило ему в спину; небо было безоблачно. На плоской равнине кое-где торчали кактус или одинокая юкка. Больше ничто не заслоняло дали. Даже койот не мог бы пробежать здесь незамеченным.

На самом горизонте виднелась темная полоса — лес или заросли по берегам какого-нибудь ручья.

Фелим молча смотрел в ту сторону, откуда должен был приехать хозяин.

Ждать ему пришлось недолго. Из-за деревьев на горизонте показался всадник, направлявшийся к Аламо. Хотя их разделяла еще целая миля, верный слуга сразу узнал в нем своего хозяина. Полосатое серапе, сотканное индейцами племени навахо, которое Морис всегда брал с собой в дорогу, нельзя было не узнать. Его яркие полосы — красные, белые, синие — отчетливо выделялись на темном фоне равнины.

Правда, Фелима удивило, почему хозяин набросил серапе на плечи в такой душный вечер, вместо того чтобы свернуть его и привязать к седлу.

— Тара, песик мой! Чудно что-то! Сейчас такая жара, что впору на камнях варить мясо, а он этого будто и не замечает. Не схватил ли он простуду в этой конуре у Обердофера? Наша хибарка — настоящий дворец по сравнению с ней. Свинья и та не захотела бы там жить.

Фелим некоторое время молча наблюдал за всадником. Тот приближался...

Слуга снова заговорил, но уже совсем другим тоном. Хотя в его голосе еще слышались не то удивление, не то шутливость, но это была вымученная шутливость.

— Господи, боже мой! — воскликнул он. — Что же это он придумал? Натянул серапе на голову... Нет, это он, наверно, шутит, Тара. Он хочет, чтобы мы с тобой удивились. Ему вздумалось подшутить над нами... Господи, что это? Похоже, что у него нет головы. Право, нет! Что же это значит? Пресвятая дева! Ведь, если

не знать, что это хозяин, можно до смерти напугаться! Да хозяин ли это? Наш хозяин вроде повыше. А голова? Святой Патрик, спаси нас и помилуй, где же она? Вряд ли под серапе. Не похоже как будто... Что же все это значит, Тара?

Тон ирландца снова изменился — в нем слышался ужас; соответственно изменилось и выражение его лица. Собака, стоявшая немного впереди Фелима, тоже была встревожена. Она чуть присела и, казалось, готова была прыгнуть вперед. Испуганными глазами она уставилась на всадника, который был теперь уже на расстоянии каких-нибудь полутораста шагов.

Когда Фелим задал последний вопрос, закончивший длинную тираду, Тара жалобно завыла, будто отвечая ему.

Вслед за этим собака, словно почуяв недоброе, сорвалась с места и бросилась навстречу странной фигуре, которая вызвала такое недоумение и у Фелима и у нее.

На бегу она отрывисто взвизгивала; этот визг был совсем не похож на тот бархатистый, ласковый лай, каким она обычно приветствовала возвращающегося домой мустангера.

Когда она, не переставая визжать, подбежала к всаднику, гнедой, в котором Фелим уже давно узнал лошадь хозяина, круто повернул и поскакал обратно.

Когда лошадь поворачивалась, Фелим увидел — или ему показалось, что он увидел, — то, от чего кровь застыла в его жилах и мороз пробежал по коже.

Это была голова — голова всадника, но не на ее законном месте — не на плечах, а в его руке, у передней луки седла!

Когда лошадь повернулась к нему боком, Фелим увидел — или ему показалось, что он видит, — страшное, окровавленное лицо, наполовину заслоненное кобурой.

Больше он ничего не видел. В следующую секунду Фелим повернулся спиной к равнине и помчался вниз по откосу со всей скоростью, на которую только были способны его подкашивающиеся ноги.

Глава XLIV

ЧЕТВЕРО КОМАНЧЕЙ

Фелим бежал, не останавливаясь и не оглядываясь; его рыжие волосы встали дыбом и чуть было не сбросили шляпу с головы. Прибежав в хижину, он закрыл дверь и забаррикадировал ее тюками и свертками, которые лежали на полу.

Но и после этого он не чувствовал себя в безопасности. Разве могла защитить дверь, хотя бы даже запертая на засов, против привидения?

А то, что он видел, конечно было привидением. Разве кто-нибудь когда-нибудь встречал такое? Человек едет верхом на лошади и держит в руке собственную голову! Разве кто-нибудь когда-нибудь слыхал о таком? Конечно, нет — во всяком случае, не Фелим О'Нил.

Вне себя от ужаса, он метался по хижине: то садился на табурет, то снова вскакивал и подкрадывался к двери, не смея, однако, ни открыть ее, ни даже заглянуть в щелку.

Порою он дергал себя за волосы, судорожно сжимал руками виски и протирал глаза, точно стараясь убедиться, что он не спал и на самом деле видел эту жуткую фигуру.

Только одно обстоятельство немного успокаивало Фелима: спускаясь по откосу, он, пока голова его была еще над краем обрыва, оглянулся и увидел, что всадник без головы уже далеко от Аламо и скачет галопом к лесу.

Если бы не это воспоминание, ирландец, метавшийся по хижине, был бы перепуган еще больше.

Долго он был не в силах говорить и только иногда испускал какие-то бессвязные восклицания.

Через некоторое время к Фелиму вернулось если не спокойствие, то, по крайней мере, способность рассуждать, и он снова обрел дар речи. Тут посыпались бесконечные вопросы и восклицания. На этот раз он обращался только к самому себе. Тары не было около него, и она не могла принять участия в разговоре.

Он говорил тихим шепотом, словно опасаясь, что его кто-нибудь подслушивает за стеной хакале.

— Господи, боже ты мой! Не может быть! Это не он! Святой Патрик, защити меня! Но кто же тогда? Ведь все было как у него! Лошадь, полосатое серапе, гетры на ногах, да и сама голова... вот разве только лицо не его. На лицо я тоже посмотрел, да только не разобрал, — где уж там, когда оно все в крови! Ах! Это не мог быть мастер Морис! Нет! Нет! Это был сон. Я спал, и мне все привиделось. А может, виски виновато? Но я не был настолько пьян, чтобы такое почудилось. Два раза глотнул из кубка, два раза из бутыли — вот и все. От этого я не стал бы пьян. Я выпивал вдвое больше — и то ничего, даже язык не заплетался. Ей-богу! А если я был пьян, то как же я теперь трезвый? Ведь не прошло и получаса, как я видел все это, а я трезв, как судья. Кстати, вот и сейчас-то не худо бы выпить капельку. А то ведь я глаз не сомкну всю ночь и все буду думать. Что это за наваждение? И где хозяин, если это не он? Святой Патрик! Охрани бедного, одинокого грешника — ведь кругом него только духи и привидения...

После этого обращения к католическому святому ирландец с еще большим благоговением обратился за помощью к другому богу, издревле известному под именем Вакха [1].

Последний услышал его мольбы. Уже через час после того, как Фелим преклонил колени перед алтарем языческого божества, представленного в образе бутыли с мононгахильским виски, он освободился от всех страданий и лежал на полу хакале, позабыв не только о зрелище, которое насмерть перепугало его, но даже о собственном существовании.

* * * * * * * * *

В хижине Мориса-мустангера не слышно ни звука — даже часы не напоминают своим тиканьем о том, что время уходит в вечность и что еще одна ночь спустилась на землю.

---

[1] Вакх — в греческой мифологии бог вина.

Звуки слышны лишь снаружи. Но это привычные звуки — ночные голоса леса: журчит ручей, шепчутся встревоженные ветерком листья, стрекочут цикады. Изредка раздаются крики какого-нибудь зверя...

Наступила полночь, но от только что взошедшей яркой луны светло, как утром. Серебристые лучи, освещая землю, проникают в самую чащу леса и бросают полосы света среди черных теней деревьев.

Отдавая предпочтение тени перед светом, продвигаются несколько всадников.

Их немного — всего лишь четверо, но вид их внушает страх. Обнаженные красные тела, татуировка на щеках, огненные перья, торчащие на голове, сверкающее оружие в руках — все это свидетельствует о дикой и опасной силе.

Откуда они?

Они в военном наряде команчей. Взгляните на их раскраску, головной убор с орлиными перьями, обнаженные руки и грудь, штаны из оленьей кожи — и вы сразу узнаете в них индейцев, которые вышли на разбой.

Это, должно быть, команчи; а если так, то они приехали с запада.

Куда они едут?

На этот вопрос ответить еще легче. Всадники направляются к хижине, где лежит мертвецки пьяный Фелим. По-видимому, цель их набега — хакале Мориса Джеральда.

Можно ли сомневаться, что их намерения враждебны! Недаром они в военном наряде и подкрадываются с такой осторожностью.

Недалеко от хакале они соскакивают со своих лошадей, привязывают их к деревьям и дальше идут пешком.

Они продвигаются крадучись, стараются не шуршать опавшей листвой и держатся в тени; часто останавливаются, зорко всматриваясь в темноту, прислушиваясь; главарь подает команду жестами. По всему видно, что они хотят пробраться к хижине незаметно для тех, кто находится внутри.

И, кажется, это им вполне удается. Они стоят у стены, и, судя по всему, их никто не увидел.

В хижине такая же полная тишина, какую соблюдают они сами. Оттуда не доносится ни одного звука, даже пения сверчка.

А ведь один из обитателей хижины дома. Однако человек может напиться до того, что потеряет способность не только говорить и храпеть, но даже громко дышать; именно до такого состояния и дошел Фелим.

Четверо команчей подкрадываются к двери и осторожно осматривают ее.

Она заперта, но по бокам ее есть щели.

К этим щелям они прикладывают уши и, притаившись, слушают.

Не слышно ни храпа, ни дыхания.

— Возможно... — шепчет главарь одному из товарищей на чистейшем испанском языке, — возможно, что он еще не вернулся домой. Хотя, казалось бы, ему уже давно пора быть тут. Может быть, он снова куда-нибудь уехал? Помнится, за домом должен быть навес для лошадей. Если мустангер в хижине, то мы найдем там его гнедого. Подождите здесь, друзья, пока я схожу и посмотрю.

Нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы обследовать примитивную конюшню. Она была пуста.

Столько же времени потребовалось на то, чтобы осмотреть тропинку, которая вела к конюшне. На ней не было лошадиных следов — во всяком случае, свежих.

Убедившись в этом, главарь вернулся к своим товарищам, которые все еще стояли у двери.

— Проклятие! — воскликнул он, уже не понижая голоса. — Его здесь нет и сегодня не было.

— Надо бы войти в хижину и удостовериться, — предложил один из воинов на хорошем испанском языке. — Что дурного, если мы посмотрим, как ирландец устроил свое жилье в прерии?

— Само собой, — ответил третий тоже на языке Сервантеса. — Давайте-ка заглянем и в его кладовую. Я так голоден, что способен есть сырое мясо.

— Клянусь богом! — прибавил четвертый, и последний, на том же благозвучном языке. — Я слыхал, что у него есть и свой погребок. Если это так...

Главарь не дал ему закончить фразу. Напоминание о погребке произвело на него магическое действие, и он тут же приступил к делу.

Он толкнул дверь ногой.

Но она не открылась.

— Карамба! Она заперта изнутри. Чтобы в его отсутствие никто не мог войти — ни львы, ни тигры, ни медведи, ни бизоны, ни — ха-ха-ха! — индейцы!

Еще один сильный удар ногой по двери. Но она не поддается.

— Забаррикадирована, и чем-то довольно тяжелым — толчком не откроешь. Ладно, посмотрим, в чем там дело.

Он вынимает мачете из ножен. В шкуре мустанга, натянутой на легкую раму, появляется большая дыра. В нее индеец просовывает руку и ощупью исследует препятствие.

Тюки и свертки быстро сдвинуты с места, и дверь распахивается.

Дикари входят. Через раскрытую дверь в хижину врывается лунный свет.

Там, растянувшись на полу, лежит человек.

— Черт побери!

— Он спит?

— Умер, наверно, а не то он нас услышал бы.

— Нет, — сказал главарь, нагибаясь над лежащим, — всего только мертвецки пьян. Это слуга мустангера. Я его знаю. Судя по нему, видно, что хозяина дома нет и давно не было. Надеюсь, эта скотина не опустошил весь погреб, чтобы довести себя до такого блаженного состояния... Ага, бутыль! Благоухает, как роза. Слава мадонне Гваделупской, осталось и на нашу долю.

В несколько секунд остатки виски были выпиты. Каждому хватило приложиться по одному разу, а на долю главаря пришлось и больше, — несмотря на его высокое положение, у него не хватило такта, чтобы протестовать против неравного дележа.

Что же дальше?

Рано или поздно хозяин дома должен вернуться.

Гости, безусловно, хотят с ним повидаться, — иначе зачем бы они пришли сюда в такой поздний час? Особенно ждет встречи с ним главарь.

Что нужно четырем индейцам от Мориса-мустангера?

Это можно узнать из их разговора — им нечего скрывать друг от друга.

Они хотят убить его!

Это нужно главарю; остальные — только соучастники и помощники.

Дело слишком серьезное, тут не до шуток. Он получит за это тысячу долларов, а кроме того, удовлетворит свою жажду мести. Три его сообщника получат по сотне долларов.

Для читателя, наверно, уже ясно, кто скрывается под маской индейцев. Эти команчи — всего лишь мексиканцы, их главарь — Мигуэль Диас, мустангер.

— Надо устроить засаду, — говорит Эль-Койот. — Теперь он уже, наверно, скоро вернется. Вы, Барахо, поднимитесь на обрыв и следите, когда он появится на равнине. Остальные пусть остаются со мной. Он приедет со стороны Леоны. Мы можем встретить его под откосом у большого кипариса. Это самое подходящее место.

— Не лучше ли нам прикончить этого? — предлагает кровожадный Барахо, указывая на Фелима — к счастью, не сознающего, что происходит вокруг.

— Мертвый не выдаст! — присоединяется другой заговорщик.

— Наоборот, мертвый-то и выдаст, — возразил Диас. — И зачем? Он и так не лучше мертвого, пьяница несчастный. Пусть себе живет. Я подрядился убить только его хозяина. Идите-ка, Барахо. Быстрей, быстрей! Отправляйтесь на обрыв. Дон Морисио может появиться с минуты на минуту. Надо действовать без промаха. Может быть, нам никогда больше не представится такой случай. Лезьте на обрыв. При таком освещении вы увидите его издалека. Как только

Жизнь Фелима висит на волоске.

заметите его, бегите к нам. Не мешкайте, чтобы мы успели устроить засаду у кипариса.

Барахо подчиняется, но с видимой неохотой. Ему не повезло в прошлую ночь — он много проиграл в монте Эль-Койоту, и ему хочется отыграться. Он хорошо знает, чем займутся его товарищи.

— Быстрей же, сеньор Висенте! — командует Диас, заметив его колебания. — Если мы потерпим неудачу, вы потеряете больше, чем могли бы выиграть в монте. Идите же! — продолжает Эль-Койот подбадривающим тоном. — Если он не появится в течение часа, кто-нибудь сменит вас. Идите!

Барахо подчиняется; выйдя из хижины, он направляется на свой пост — на обрыв.

Остальные располагаются в хижине, где они уже зажгли свечу.

На столе перед ними появляется не ужин, а колода испанских карт — неизменный спутник каждого мексиканского бродяги.

Дама и валет уже на столе, и игра в монте начинается. В азарте игры незаметно летит время. Проходит час...

Эль-Койот держит банк.

Крики: «Дама бита!», «Валет выиграл!» — то и дело раздаются в стенах хижины, обтянутых лошадиными шкурами.

Серебряные доллары звенят на столе. Тихо шуршат карты.

Но вот игру прерывает громкий вопль.

Это вскрикнул очнувшийся пьяница, обнаружив странное общество, собравшееся под крышей хакале.

Игроки вскакивают из-за стола, и все трое обнажают мачете. Жизнь Фелима висит на волоске.

Только случайность спасает ирландца.

В дверях появляется запыхавшийся Барахо.

Собственно говоря, никакие объяснения не нужны, но он с трудом шепчет:

— Едет! Уже приближается к обрыву... Скорей, друзья, скорей!

Ирландец спасен. Убивать его нет времени, даже

если бы это и имело смысл. Им предстоит более выгодное убийство.

Через несколько секунд ряженые уже у подножия откоса, по которому должен спуститься всадник.

Они устраивают засаду под большим кипарисом и ждут приближения жертвы.

Скоро раздается топот копыт. Слышен стук подков, но звуки долетают неравномерно, точно лошадь скачет по неровной поверхности. Наверно, всадник спускается по откосу.

Но его еще не видно. Склон погружен во мрак, так же как и затененная деревьями речная долина, и лишь рядом с тем местом, где прячутся убийцы, лежит узкая полоса лунного света. Но тропа проходит не там. Всаднику придется проехать в тени кипариса.

— Не убивайте его! — шепчет Мигуэль Диас повелительным тоном. — Он мне нужен живым — часа на два. У меня есть на то свои причины. Хватайте его и лошадь. Это не опасно — ведь мы нападем неожиданно и застигнем его врасплох. А если он будет сопротивляться, мы его пристрелим. Но первым стреляю я!

Сообщники обещают выполнить этот приказ.

Скоро им предоставляется возможность доказать искренность их обещания. Тот, кого они ждут, уже спустился с откоса и въезжает в тень кипариса.

— Клади оружие! Слезай! — кричит Эль-Койот, хватая лошадь под уздцы, а трое остальных бросаются на всадника.

Тот не оказывает никакого сопротивления — не отбивается, не хватается за нож, не стреляет и даже не вскрикивает от негодования.

Перед ними — всадник, твердо сидящий в седле; они касаются его руками, но он словно ничего не чувствует.

Сопротивляется только конь. Он становится на дыбы, пятится и тянет за собой нападающих прямо в полосу лунного света.

Боже милостивый! Что это такое?

Мексиканцы все, как один, отшатываются, с криком бросаются прочь. Это крик дикого ужаса.

Ни секунды дольше не остаются они под кипари-

сом — они бегут со всех ног к чаще, где привязаны их лошади.

С лихорадочной поспешностью они вскакивают в седло и быстро мчатся прочь.

Они увидели то, что поразило ужасом и более отважные сердца: они увидели всадника без головы.

Глава XLV

ОБОРВАВШИЙСЯ СЛЕД

Было ли это привидение? Ведь не могло же это быть человеком!

Такой вопрос задавали себе Эль-Койот и его охваченные ужасом товарищи. Об этом же спрашивал себя и перепуганный Фелим, пока у него совсем не помутилось в голове от неоднократного обращения к бутыли и он не забыл на время свои страхи.

О том же думали и сто других людей, которые видели всадника без головы, — те, кто ехал с майором.

Этот жуткий призрак появился перед их глазами в более ранний час и в месте, которое отстояло на пять миль дальше к востоку.

Он появился с запада, — солнце слепило им глаза: они различили только его силуэт и не увидели ничего, что делало его похожим на Мориса-мустангера.

Фелим смотрел на всадника без головы, стоя спиной к заходящему солнцу; ирландец заметил в нем большое сходство со своим хозяином, хотя и не был уверен, что это действительно он.

Четыре мексиканца, знавшие Мориса-мустангера по виду, взглянув на странного всадника при свете луны, пришли к тому же заключению.

И Фелим и мексиканцы испытали при виде всадника без головы дикий ужас.

Хотя участники поисков и не были так напуганы этим загадочным явлением, но и они не знали, как его объяснить.

До момента его исчезновения никто из них и не

пытался искать объяснения, если не считать шутливого замечания техасского старожила.

— Что вы об этом думаете, господа? — спросил майор, обращаясь к своим спутникам. — Признаюсь, я совершенно озадачен.

— Проделка индейцев? — предположил кто-то. — Приманка, чтобы завлечь нас в засаду?

— Плохая приманка, сказал бы я, — заметил другой. — Меня, во всяком случае, такая приманка не привлечет.

— Я полагаю, что индейцы тут ни при чем, — сказал майор. — Что ты по этому поводу думаешь, Спенглер?

Следопыт только покачал головой.

— Может ли это быть переряженный индеец? — снова обратился к нему майор.

— Я знаю не больше вашего, майор, — ответил следопыт. — Наверно, что-нибудь в этом роде. Одно из двух: либо это человек, либо чучело.

— Конечно, это чучело, — отозвались несколько человек с заметным облегчением.

— Кто бы он ни был — человек, дьявол или чучело, — заявил член отряда, первым высказавший свое мнение, — я не вижу, почему бы нам не узнать, куда ведет его след, если, конечно, он оставляет следы.

— Мы скоро это узнаем, — ответил Спенглер. — След, по которому мы идем, ведет в ту сторону. Можно двигаться, майор?

— Конечно. Подобный пустяк не должен мешать нашим поискам. Вперед!

Всадники поскакали вперед, некоторые из них не без колебания. В отряде были люди, которые быстро повернули бы обратно, будь они предоставлены самим себе. К ним принадлежал и Колхаун. Когда он увидел всадника без головы, он оцепенел от страха; его глаза вдруг остекленели, губы побелели, нижняя челюсть отвисла, и он с трудом сдерживал дрожь.

Его искаженное страхом лицо, конечно, привлекло бы внимание, если бы не общее смятение. Но все, не отрывая глаз, смотрели на всадника без головы, пока

странный призрак не исчез. Когда же отряд двинулся вперед, отставной капитан держался в задних рядах, и никто не обращал на него внимания.

Спенглер был прав: то место, где таинственный всадник простоял некоторое время, лежало как раз на пути отряда.

Но там не оказалось никаких следов, словно это действительно был призрак.

Впрочем, объяснялось это очень просто. В том месте, где лошадь повернула, — и еще на много миль дальше, — поверхность земли была густо усыпана белой галькой. Охотники называли это место «меловой прерией». Кое-где камни были смещены и поцарапаны — по-видимому, подковой. Однако только глаз опытного следопыта мог различить эти следы.

Пропал и след, по которому они шли, — след подкованного мустанга; земля была сильно изрыта недавно побывавшим здесь диким табуном, и поэтому отыскать какой-то определенный след было невозможно.

Они могли бы отправиться дальше, в том направлении, куда поехал всадник без головы. Солнце, а позже вечерняя звезда указывали бы им путь. Но их интересовал всадник на подкованном мустанге, и полчаса гаснувшего дневного света были потеряны на тщетные поиски — след затерялся в меловой прерии.

Когда солнце село, Спенглер сказал, что больше ничего сделать нельзя.

Оставалось только вернуться к лесу и расположиться бивуаком на опушке.

Решено было возобновить поиски на рассвете.

Однако этого сделать не удалось — во всяком случае, в намеченное время. Помешало неожиданное обстоятельство.

Не успели они разбить лагерь, как появился курьер с депешей для майора. Бумага была из штаба в Сан-Антонио-де-Бехар от командующего округом. Она была послана в форт, а оттуда привезена сюда.

Майор отдал приказ седлать коней, и, прежде чем успел высохнуть пот на усталых лошадях, драгуны уже снова сидели на них.

Депеша извещала о появлении команчей в окрестностях Сан-Антонио, в пятидесяти милях к востоку от Леоны.

Теперь это уже не было пустыми разговорами. Набег начался поджогами и убийствами.

Майор получил распоряжение, не теряя времени, собрать отряд и прислать его в Сан-Антонио. Этим и объяснялся поспешный отъезд драгун.

Конечно, поиски следов могли бы продолжать плантаторы, но дружба и даже родительская любовь склоняются перед необходимостью: они отправились, захватив с собой лишь ружья, и теперь голод гнал их домой.

Отказываться от поисков никто не собирался. Они должны были возобновиться, лишь только участники сменят лошадей и запасутся провизией, и продолжатся, как все заявили, «пока несчастный юноша не будет найден».

Несколько человек остались со Спенглером, чтобы пройти по следу американской лошади, который, по мнению следопыта, должен был привести назад к Леоне. Остальные отправились в форт вместе с драгунами.

Прежде чем распрощаться с Пойндекстером и его друзьями, майор рассказал им о печальных открытиях, сделанных Спенглером. Сам он больше не мог принимать участия в поисках и считал, что те, кто будет их продолжать, должны знать об этом важном обстоятельстве.

Ему было неприятно вызывать подозрения против молодого ирландца, к которому он питал симпатию, но долг был превыше всего. И, хотя майор не верил в виновность Мориса-мустангера — вернее, считал ее маловероятной, тем не менее он вынужден был признать, что против Мориса имеются серьезные улики.

Но плантатор и его друзья ни на минуту не усомнились в виновности мустангера. Теперь, когда стало очевидно, что индейцы здесь ни при чем, Морис Джеральд был во всеуслышание объявлен убийцей.

В том, что было совершено убийство, никто не сомневался. Рассказ Обердофера освещал начало трагедии. Лошадь Генри Пойндекстера с окровавленным

седлом была свидетельством ее конца. Промежуточные звенья были без труда восстановлены отчасти на основании находок Спенглера, отчасти просто по догадкам.

Однако никто серьезно не задумался, что могло толкнуть мустангера на это преступление. Ссора с Колхауном казалась всем достаточной причиной. Очевидно, Джеральд перенес свою вражду к Колхауну на всю семью Пойндекстеров.

Это было нелогично, но люди, которые ищут преступника, редко рассуждают логично. Они думают только о том, чтобы наказать его.

С этой мыслью участники поисков расстались; они должны были снова встретиться на следующее утро и отправиться по следам и, живыми или мертвыми, найти двух пропавших людей.

* * * * * * * * *

Те, кто остался со Спенглером, расположились лагерем на полянке, выбранной майором.

Их было всего человек десять. В более сильном отряде теперь не было нужды. Команчей в этих местах больше уже не ждали. Не предвиделось и других опасностей. С тем, что им было поручено, справились бы двое или трое.

Некоторые остались из любопытства, другие — просто за компанию. Это были по большей части молодые сыновья плантаторов; официальным главой этого отряда был Колхаун, но подразумевалось, что руководить поисками будет следопыт Спенглер.

Расставшись с товарищами, они не легли спать, а расположились у ярко пылающего костра.

Еды и вина было вдоволь — драгуны, возвращавшиеся в форт, оставили им свои запасы и полные фляги.

Однако, несмотря на это и на веселое потрескивание огня, настоящего оживления не было.

У всех на душе была тяжесть, мешавшая им наслаждаться удовольствием, выше которого, вероятно, нет ничего на земле.

Что перед ним тихие радости домашнего очага! Временами в просторах прерии я и сам тосковал о них. Но теперь, оглядываясь назад и беспристрастно сравнивая то и другое, я не могу не воскликнуть: «Верните мне костер и моих товарищей-охотников, дайте мне еще раз посидеть с ними у потрескивающего огня — и я отдам вам все накопленное мною богатство и всю мою ненужную славу! Я буду счастлив отдать вам все это вместе с заботой и трудом, которые требуются, чтобы удержать их».

Мрачное настроение молодежи объяснить было легко: они все еще не могли оправиться от ужаса, который внушил им всадник без головы.

Они ломали себе голову, пробуя объяснить случившееся, иногда даже подсмеивались над таинственным призраком, но никак не могли освободиться от гнетущего чувства, и ни одна догадка их не удовлетворяла. И Спенглер и Колхаун разделяли общее настроение.

Последний, казалось, был мрачнее всех. Он сидел, нахмурившись, в тени деревьев, поодаль от костра, и, с тех пор как уехали драгуны, не проронил ни слова. По-видимому, ему не хотелось присоединяться к тем, кто грелся у пылающего огня; он предпочитал уединение, как будто опасаясь любопытных взглядов.

Взгляд его по-прежнему блуждал, а лицо сохраняло след пережитого ужаса.

— Послушайте, Каш Колхаун! — закричал ему один из молодых людей, уже сильно опьяневший. — Идите-ка сюда, старина, и выпейте с нами. Мы все сочувствуем вашему горю и поможем вашей семье отомстить убийце. Но не нужно так поддаваться печали! Идите сюда и хлебните виски. Это будет вам очень полезно, уверяю вас!

То ли Колхауну понравилась причина, которой объясняли его уединение, то ли ему на самом деле вдруг захотелось побыть в компании, но он принял приглашение и, подойдя к костру, сел рядом с остальными. Однако, прежде чем сесть, он выпил глоток из протянутой ему фляги.

С этой минуты он изменился, как по волшебству.

Его мрачное настроение рассеялось, он стал так весел, что вызвал даже удивление у окружающих. Такое поведение казалось неуместным для человека, у которого лишь утром, как предполагали, был убит двоюродный брат.

Придя как гость, он скоро стал вести себя как хозяин. После того как все фляги были осушены, капитан стал разливать вино из своих, запас которых казался неистощимым. Из его вместительных седельных сумок появлялась фляга за флягой, оставленные его многочисленными друзьями, уехавшими с майором.

Собравшиеся у костра молодые техасские повесы, воодушевленные примером своего предводителя, не отказались от его угощения; они болтали, пели, плясали и хохотали. Потом усталость взяла свое: они расположились на траве и заснули; некоторых из них, возможно, впервые в жизни мучили пьяные кошмары.

Отставной капитан улегся последним.

Лег он последним, но встал первым. Едва только окончился кутеж, едва только раздался храп его собутыльников, возвестивший, что они заснули, он поднялся и крадучись стал пробираться среди них.

Такой же осторожной поступью он прошел на край лагеря — туда, где была привязана к дереву его лошадь.

Отвязав поводья и бросив их на шею коня, он вскочил в седло и бесшумно уехал.

По его поведению не было заметно, что он пьян. Наоборот, он казался вполне трезвым и действовал, очевидно, по заранее намеченному плану.

Какому же?

Может быть, он отправился на розыски тела из любви к погибшему брату? Или хотел показать особое рвение, отправившись один?

Судя по срывавшимся у него фразам, можно было подумать, что им действительно руководили подобные намерения.

— Слава богу, светит луна, и в моем распоряжении добрых шесть часов. Пока эти юнцы проспятся, хватит времени обыскать каждый уголок зарослей на две ми-

ли в окружности; и, если только труп там, я обязательно найду его. Но что же это могло означать? Если бы это видел только я, то подумал бы, что сошел с ума. Но ведь все видели, все до одного! Силы небесные! Что же это может быть?

Не успел он произнести эти слова, как с его губ сорвался крик удивления и ужаса. Он круто остановил лошадь, словно ему грозила смертельная опасность.

Колхаун ехал по боковой тропе к уже известной нам просеке. Он как раз сворачивал на нее, когда вдруг увидел, что едет по лесу еще кто-то.

Другой всадник, на коне, по-видимому, не хуже его собственного, ехал по просеке — не медленным шагом, как он, а быстрой рысью.

Еще задолго до того, как неизвестный всадник успел приблизиться, Колхаун разглядел, что у него нет головы.

Ошибки быть не могло: бледные лучи луны освещали только плечи всадника — головы не было. Это не могло быть иллюзией, созданной лунным светом. Колхаун уже видел эту фигуру при ярком солнечном свете.

Но теперь Колхаун увидел больше — он увидел голову: она висела у бедра всадника, наполовину прикрытая кобурой, запачканная кровью, страшная... Он узнал лошадь, полосатое серапе на плечах всадника, гетры из шкуры ягуара — весь костюм Мориса-мустангера.

У Колхауна было достаточно времени, чтобы все подробно рассмотреть. Скованный ужасом, он стоял на боковой тропе, не в силах двинуться с места. Лошадь, казалось, разделяла испуг своего хозяина. Дрожа всем телом, она тоже не делала никаких попыток убежать, даже когда всадник без головы вдруг остановился перед ними и его гнедой конь, храпя, встал на дыбы.

Только после того как гнедой с диким ржанием, которому эхом ответил вой бежавшей за ним собаки, повернул и поскакал дальше по просеке, — только тогда Колхаун пришел в себя и снова обрел способность говорить.

— Господи! — вскрикнул он дрожащим голосом. — Что все это значит? Что это — человек или дьявол? Или весь этот день был только жутким сном? Или я сошел с ума? Сошел с ума, сошел с ума!

После этой бессвязной речи Колхаун решительно дернул поводья и круто повернул лошадь; он поскакал обратно той же дорогой, но только гораздо быстрее, повидимому отказавшись от своего намерения. Он ни разу не остановился, пока не вернулся в лагерь.

Здесь, тихонько прокравшись к костру, он лег рядом со своими спящими собутыльниками. Но заснуть ему не удалось — ни на минуту не сомкнул он глаз; его трясло, как в лихорадке. Наступившее утро осветило мертвенную бледность его лица и блуждающие, полубезумные глаза.

Глава XLVI

ТАЙНОЕ ПРИЗНАНИЕ

На рассвете в асиенде Каса-дель-Корво и вокруг нее царило лихорадочное возбуждение.

Во дворе толпились люди со всевозможным оружием. У одних были длинные охотничьи ружья или двустволки, у других — пистолеты, револьверы, у третьих — большие ножи или даже томагавки.

Не меньшим разнообразием отличалась и их одежда: красные фланелевые рубашки, куртки из цветных байковых одеял и кентуккской бумазеи, коричневые брюки из домотканой шерсти и голубые бумажные, войлочные шляпы и кожаные шапки, высокие сапоги из дубленой кожи и гетры из оленьей шкуры. Такое сборище сильных, вооруженных людей можно было нередко видеть в пограничных селениях Техаса.

Ни пестрота их одежды, ни оружие ничего не говорили о цели, с которой они собрались. Будь их намерения самыми мирными, они все равно пришли бы вооруженные и в такой же одежде.

Но мы знаем, для чего они здесь собрались.

Большинство из них ездили накануне с драгунами;

теперь к ним присоединились и другие — жители отдаленных плантаций, а также охотники, которых накануне не было дома.

Количество людей, толпившихся в это утро во дворе Каса-дель-Корво, было больше, чем накануне, хотя тогда в поисках участвовали еще и солдаты.

Военных в толпе не было совсем, но среди собравшихся были члены добровольной милиции, которые, хотя и не принадлежали к регулярной армии, назывались «регулярниками».

Они не отличались о остальных ни одеждой, ни оружием, — посторонний ни за что не узнал бы регулярника, — но они все были знакомы друг с другом.

Все говорили об убийстве — об убийстве Генри Пойндекстера; то и дело слышалось имя Мориса-мустангера.

Оживленные толки вызвало также появление в прерии загадочного всадника без головы. Те, кто накануне видел его, рассказывали о нем тем, кого там не было.

Некоторые сначала не верили, считая этот рассказ шуткой. Однако им скоро пришлось сдаться перед единодушным свидетельством очевидцев, и существование всадника без головы было признано всеми.

Конечно, начались попытки разгадать это удивительное явление и были выдвинуты самые разные предположения. Но только одно из них казалось более или менее правдоподобным — это известное уже предположение пограничного жителя, что лошадь была настоящая, а всадник — чучело.

Для чего и кем это было сделано, никто даже и не пытался объяснить.

Дело, которое собрало этих людей, не требовало особых приготовлений. Все были уже готовы.

Их лошади стояли перед асиендой; некоторых держали под уздцы слуги плантатора, но большинство было привязано к чему попало.

Все знали, зачем они собрались, и ждали только, чтобы Вудли Пойндекстер, который возглавлял отряд, подал знак к отправлению.

Плантатор медлил, надеясь, что найдется провод-

ник, который мог бы указать путь на Аламо и привести отряд к хижине Мориса-мустангера.

Такого человека среди присутствующих не оказалось. Плантаторы, лавочники, юристы, охотники, торговцы лошадьми и рабами — все одинаково плохо знали долину Аламо.

Только один человек в поселке мог бы взять на себя обязанность проводника — старый Зеб Стумп. Но Зеба Стумпа нигде не могли отыскать. Он ушел на охоту, и те, кого за ним послали, один за другим возвращались ни с чем.

Правда, одна из обитательниц асиенды могла бы привести отряд к жилищу предполагаемого убийцы. Но Вудли Пойндекстер не знал этого.

И хорошо, что не знал. Если бы у гордого плантатора хоть на миг возникли подозрения, что его дочь может быть проводником к уединенной хижине на Аламо, он горевал бы не только о погибшем сыне, но и о заблудшей дочери.

Последний из посланных на поиски Зеба Стумпа вернулся к асиенде без него. Ждать больше не стали — жажда мщения была слишком велика. Отряд тронулся в путь.

* * * * * * * * *

Не успели они отъехать от Каса-дель-Корво, как те двое, кто мог бы указать им дорогу на Аламо, встретились в стенах самой асиенды.

Эта встреча не была ни тайной, ни преднамеренной. Она была случайной. Зеб Стумп только что вернулся с охоты и принес на асиенду дичь, добытую с помощью его не знающего промаха ружья.

Для Зеба Стумпа Луиза Пойндекстер была, конечно, дома. Больше того: ей очень хотелось поговорить с ним, так хотелось, что накануне весь день, с самого восхода солнца и до заката, она не спускала глаз с дороги за рекой.

Едва шумный отряд успел скрыться из виду, как Луиза, снова поднявшись на асотею, заметила охотни-

ка, медленно приближавшегося верхом на своей старой кобыле, нагруженной обильной добычей. Зеб Стумп, несомненно, направлялся к асиенде.

Луиза очень обрадовалась, увидев огромную, неуклюжую фигуру. Она знала, что это надежный друг, которому можно поверить самые сокровенные тайны, а у нее была тайна, которую она хотела ему поверить, тайна, которая вот уже сутки мучила ее.

Еще задолго до того, как Зеб Стумп появился во дворе, девушка уже спустилась на веранду, чтобы встретить его.

Веселый и беспечный, приближался охотник к асиенде, очевидно ничего не подозревая о событии, погрузившем весь дом в глубокую печаль.

Когда он заметил, что ворота заперты на засов, на лице его появилось недоумение.

Это было необычно — во всяком случае, при новых владельцах асиенды.

Угрюмое лицо негра, который встретил Зеба Стумпа в воротах, еще больше удивило его.

— Что с тобой, дружище Плутон? Ты выглядишь словно енот, у которого отрубили хвост. И почему это у вас среди бела дня вдруг ворота на запоре? Надеюсь, ничего не случилось?

— Ох, масса Стумп, случилось! Именно случилось, несчастье случилось! Этому малому тяжко говорить, — большое, большое несчастье!

— Несчастье? — воскликнул охотник. — Какое несчастье, негр? Говори же скорее, ведь ничего не может быть страшнее того, что написано у тебя на лице! Не случилось ли чего с твоей молодой хозяйкой? Мисс Луиза...

— С мисс Луизой ничего не случилось. Но вроде этого... Молодая мисс дома. Войдите, масса Стумп. Она сама скажет вам про несчастье.

— А твой хозяин? Он дома?

— Нет-нет! Его сейчас нет. Масса сейчас далеко от дома. Уехал четверть часа назад. Его нет сейчас дома. Он уехал в прерию, где дикие лошади. Туда, где была охота месяц назад. Вы ведь знаете, масса Зеб?

— В прерию, где дикие лошади? Что понесло его туда? Кто же поехал с ним?

— С ним масса Колхаун и много других белых джентльменов. С ним много народу поехало.

— Ну, а ваш молодой мастер Генри — он, наверно, тоже поехал с ними?

— Ох, масса Стумп, это и есть наше горе! Вся наша беда. Масса Генри уехал тоже. И больше не вернулся обратно. Лошадь прибежала домой, вся вымазанная кровью. Люди говорят, что масса Генри помер!

— Умер? Ты, наверно, шутишь? Или же всерьез говоришь?

— Ох, масса Стумп! Очень горько этому малому говорить, но это сама правда. Все поехали искать, где он лежит.

— На, отнеси это на кухню. Здесь индюк и дикие куры. Где мисс Луиза?

— Я здесь, мистер Стумп. Идите сюда! — ответил серебристый голосок, хорошо знакомый охотнику, но на этот раз такой грустный, что Зеб Стумп с трудом узнал его. — Увы! Все, что Плутон вам сказал, — все это правда. Мой брат пропал. Его никто не видел с позавчерашнего вечера. Его лошадь вернулась домой с пятнами крови на седле. О Зеб, даже страшно подумать!

— Еще бы! Он уехал куда-то, а его лошадь вернулась одна... Я не хочу причинить вам лишней боли, мисс Луиза, но, раз поиски продолжаются, может быть, я смогу помочь, а для этого мне надо знать подробности.

Луиза рассказала Зебу все, что знала. Она умолчала только о сцене в саду и о том, что ей предшествовало. В подтверждение того, что Генри, наверно, поехал за мустангером, она сослалась на рассказ Обердофера.

Ее голос прерывался от нестерпимого горя, которое сменилось негодованием, когда она заговорила о том, что убийцей ее брата считают Мориса.

— Это ложь! — вскричал охотник, разделяя ее возмущение. — Клевета! Подлец это придумал! Еще чего! Мустангер не из тех, кто пойдет на такое дело. И зачем ему это? Если бы еще между ними была неприязнь — так ведь ее же не было! Я отвечаю за мустангера — он

не раз хвалил мне вашего брата. Правда, он терпеть не мог вашего двоюродного брата, — а кто его любит, хотел бы я знать? Простите, что я так говорю вам. Вот если бы между вашим братом и мустангером произошла ссора, то...

— Нет-нет! — закричала креолка, выдав себя в порыве горя. — Все было улажено. Генри хотел извиниться, он сам сказал, что неправ, а Морис...

Удивленный взгляд собеседника заставил ее замолчать. Закрыв лицо руками, она зарыдала.

— Эх, эх! — пробормотал Зеб. — Значит, между ними все-таки что-то было... Вы сказали, мисс Луиза, что была... ссора между вашим братом и...

— Милый, милый Зеб! — воскликнула она, отнимая руки от лица и глядя прямо в глаза великану-охотнику. — Обещайте мне, что вы сохраните мою тайну! Обещайте мне как друг, как честный и порядочный человек. Вы обещаете, правда?

Охотник вместо обещания поднял свою огромную руку и затем выразительно ударил себя по левой стороне груди.

Через пять минут он был уже посвящен в тайну, которую женщина редко поверяет мужчине и открывает лишь тому, кто действительно заслуживает самого глубокого доверия.

Зеб Стумп удивился этому признанию меньше, чем можно было ожидать; он только пробормотал про себя: «Я так и думал, что тут что-то будет, — особенно после той скачки по прерии».

— Что же тут такого, мисс Луиза! — продолжал он сочувственно. — Стыдиться здесь нечего — вот что я вам скажу. Женщина всегда остается женщиной, в прерии так же, как и везде на свете. И, если вы отдали свое сердце мустангеру, это еще не значит, что вы сделали плохой выбор. Хоть он и ирландец, да не из простых, уж вы мне поверьте! А все остальное, что вы мне рассказали, подтверждает то, что я говорил: он не мог совершить этого преступления, если только оно вообще было совершено. Какие есть доказательства? Только то, что лошадь вернулась с пятнами крови на седле?

— Увы, найдены и другие улики. Его вчера искали целый день. Долго ехали по следам и что-то нашли, но не сказали — что. По-моему, отец не хотел, чтобы я об этом знала, а других я боялась спросить. Они снова поехали сегодня, незадолго перед тем, как я увидела вас на дороге.

— А мустангер? Что он говорит в свое оправдание?

— О, я думала, что вы знаете! Ведь его тоже не могут найти. Боже мой, боже мой! Может быть, и он погиб от той же руки, которая убила моего брата!

— Так, значит, они ездили по следам? Наверно, по следам мустангера? Если только он жив, он в своей хижине на Аламо. Почему они не поехали туда?.. А, понимаю! Ведь, кроме меня, никто не знает толком, где это. И если их ведет молокосос Спенглер, то он, конечно, потеряет след в меловой прерии. Так они опять туда же поехали?

— Да. Я слышала, как кто-то из них упомянул об этом.

— Ну, если они поехали на поиски мустангера, поеду и я. Бьюсь об заклад, я найду его раньше их!

— Потому-то мне и хотелось вас видеть. С отцом сейчас поехало много всякого сброда. Я слышала, как они ругались, когда уезжали. Среди них были те, которых называют регулярниками. Они говорили о линчевании. Некоторые из них клялись, что будут мстить без пощады. О боже! Что, если они найдут его и Морис не сможет как следует доказать свою невиновность!.. В порыве необузданной злобы — а ведь среди них еще Кассий Колхаун! — вы представляете, что они могут с ним сделать?! Милый Зеб, ради меня, ради него, — ведь он ваш друг! — поскорее поезжайте на Аламо! Их непременно надо опередить и предупредить Мориса. Ваша лошадь не из быстроногих. Возьмите мою, возьмите любую из нашей конюшни...

— Вы правы, — прервал ее охотник, собираясь уходить. — Это действительно может кончиться плохо для парня; я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему. Не беспокойтесь, мисс Луиза. Времени хватит, — они еще поплутают по прерии, пока найдут хижину.

Я успею доехать и на своей старушке, а к вашей крапчатой у меня душа не лежит. Моя-то стоит оседланная, если только Плутон не расседлал ее. Не горюйте — может, с вашим братишкой ничего дурного и не случилось. А что Морис-мустангер чист, это для меня ясно как божий день.

Сказав это, старый охотник неуклюже поклонился и вышел; а девушка убежала к себе в комнату, чтобы успокоить свое взволнованное сердце молитвой о спасении любимого.

Глава XLVII

ПЕРЕХВАЧЕННОЕ ПИСЬМО

Подгоняемые паническим страхом, Эль-Койот и трое его товарищей кинулись к своим лошадям и кое-как вскарабкались в седла.

Они и не думали возвращаться к хижине мустангера. Наоборот, они хотели только одного — как можно дальше уехать от уединенного жилища и от его хозяина, который появился перед ними в таком странном облике.

В том, что это был «дон Морисио», никто из них не сомневался. Все четверо знали его, Диас — лучше других, но каждый из них достаточно хорошо, чтобы узнать во всаднике без головы ирландца. Они узнали его лошадь, гетры, серапе работы индейцев навахо, отличавшееся от обычных мексиканских серапе своим ярким рисунком, и, наконец, его голову.

Они не задержались, чтобы рассмотреть лицо. На голове все еще была шляпа — черное глянцевое сомбреро, которое обычно носил Морис-мустангер. Они видели, как оно заблестело, попав в полосу лунного света.

Кроме того, они увидели большую собаку, и Диас сразу узнал в ней собаку ирландца. Со свирепым рычаньем пес кинулся на них. Правда, это было уже излишне, так как они и без того бросились бежать.

Четыре всадника во весь опор промчались по лесным зарослям низины и поднялись в прерию по обрыви-

стому склону, минуя место, где предполагали совершить убийство.

Но и там они не остановились, а продолжали скакать галопом, пока не очутились снова в лесных зарослях, где недавно так ловко перерядились в команчей.

Обратная метаморфоза была совершена гораздо быстрее и с меньшей тщательностью. Водой из фляг они торопливо смыли военную раскраску, быстро вытащили из дупла свои обычные костюмы, с не меньшей поспешностью переоделись и поскакали к Леоне.

На обратном пути они говорили только о всаднике без головы. Охваченные ужасом мексиканцы никак не могли себе объяснить это сверхъестественное явление. Так ничего и не решив, они распрощались на окраине поселка и разошлись по своим хижинам.

— Проклятие! — воскликнул Эль-Койот, переступив порог своего хакале и бросившись на тростниковую постель. — Едва ли уснешь после этого. Господи, что за страшилище! Кровь стынет в жилах! И нечем отогреться — фляга пуста. Бар закрыт. Все спят. Матерь божия! Что бы это могло быть? Привидение? Нет. Я ведь сам трогал его тело, и Висенте тоже схватил его с другого бока. Не могли же мы ошибиться! А если это чучело, то для чего и кому оно нужно? Кому, кроме меня и моих товарищей, понадобилось устраивать маскарад в прерии? Тысяча чертей! Какая жуткая маска!.. Стой, да не опередили ли меня? Может, кто-нибудь другой уже заработал тысячу долларов? Может, это был ирландец, убитый, обезглавленный, с собственной головой в руках? Нет, не может быть — чудовищно, неправдоподобно, невероятно! Тогда что же?.. Ага, понял! Его могли предупредить о нашем посещении или, во всяком случае, он мог что-нибудь заподозрить. И эта комедия была разыграна, чтобы испугать нас. Наверно, он же сам и был свидетелем нашего постыдного бегства. Проклятие! Но кто мог выдать нас? Никто. Ведь никто не знал о моем плане. Как же он мог тогда подготовить такую дьявольскую шутку?.. Ах да, я забыл! Ведь мы ехали по прерии среди бела дня. Нас могли видеть и разгадать наши намерения. Ну конечно же! А потом, пока мы пе-

реодевались в лесу, он и успел все подготовить. Другого объяснения нет. Дураки! Испугались чучела! Карамба! Это ему не поможет. Завтра же снова отправлюсь на Аламо. Я заработаю эту тысячу, хотя бы мне понадобился для этого год! Впрочем, дело не в деньгах. Хватит того, что я потерял Исидору. Может, это и не так, но даже подозрение невыносимо. Если я только узнаю, что она любит его, что они встречались после того, как... О боже! Я сойду с ума! И в своем безумии уничтожу не только человека, которого ненавижу, но и женщину, которую люблю! О донья Исидора Коварубио де Лос-Льянос! Ангел красоты и демон коварства! Я могу задушить тебя в объятиях или заколоть кинжалом! То или другое должно быть твоей судьбой. И тебе предоставляю я выбор!

Эта угроза, а также объяснение таинственного явления несколько успокоили его, и он скоро заснул.

Проснулся он, когда к нему в дверь заглянул утренний свет и вместе с ним посетитель.

— Хосе! — воскликнул Эль-Койот с удивлением и заметной радостью в голосе. — Это ты?

— Да, сеньор, это я.

— Рад видеть тебя, друг Хосе. Донья Исидора тоже здесь? Я хочу сказать — на Леоне?

— Да, сеньор.

— Так скоро? Ведь еще не прошло и двух недель, как она уехала отсюда, не так ли? Меня не было в поселке, но я слыхал об этом. Я ждал от тебя весточки. Почему же ты мне не писал?

— Только потому, сеньор дон Мигуэль, что не было, с кем послать. Мне нужно было сообщить вам кое-что, чего нельзя доверить чужому. К сожалению, вы не поблагодарите меня за то, что я вам расскажу. Но моя жизнь принадлежит вам, и я обещал, что вам будет известно все.

Эль-Койот подскочил как ужаленный:

— Про него и про нее! Я вижу это по твоему лицу. Твоя госпожа встречалась с ним?

— Нет, сеньор. По крайней мере, насколько я знаю, они не виделись после той первой встречи.

— Что же тогда? — спросил Диас с видимым облегчением. — Она была здесь, пока он жил в гостинице? Что-нибудь произошло?

— Да, дон Мигуэль. Три раза я отвозил ему корзинку с лакомствами от доньи Исидоры. В последний раз было приложено и письмо.

— Письмо! Ты знаешь содержание, ты читал его?

— Благодаря вам, благодаря вашей доброте к бедному мальчику, я смог это сделать и даже смог переписать его.

— Оно с тобой?

— Да! Вот видите, дон Мигуэль, вы не зря посылали меня в школу! Вот что донья Исидора писала ему.

Диас нетерпеливо выхватил у него записку и с жадностью стал читать. Но она как будто даже успокоила его.

— Карамба! — равнодушно сказал он, складывая письмо. — В этом нет ничего особенного, друг Хосе. Она лишь благодарит его за оказанную услугу. Если это все...

— Нет, еще не все, сеньор дон Мигуэль. Из-за этого я к вам и пришел! У меня поручение в поселок. Прочитайте.

— А! Другое письмо?

— Да, сеньор. На этот раз подлинное письмо, а не мои каракули.

Диас дрожащими руками взял протянутый ему листок бумаги, развернул и стал читать:

«Сеньору дону Морисио Джеральду.

Дорогой друг, я снова здесь, в гостях у дяди Сильвио. Жить без вестей от вас я больше не в силах. Неизвестность убивает меня. Сообщите мне, поправились ли вы после вашей болезни? О, если бы это было так! Как я хочу посмотреть вам в глаза — в ваши красивые, выразительные глаза, чтобы убедиться, что вы совсем здоровы! Умоляю вас, подарите мне эту радость. Через полчаса я буду на вершине холма, за домом моего дяди.

Приходите же, я жду вас!

Исидора Коварубио де Лос-Льянос».

— Проклятие! Любовное свидание! — негодующе воскликнул Диас. — Этого иначе не назовешь. И назначает его — она. Ха! Ее приглашение будет принято; только не тем, кому оно любезно предназначено. Опоздания не будет ни на минуту, и, клянусь богом мести... Слушай, Хосе! Эта записочка ни к чему. Того, кому она адресована, уже нет ни в поселке, ни где-нибудь поблизости. Бог знает, где он сейчас. В этом есть какая-то тайна. Но ничего. Иди в гостиницу и все равно спроси, там ли он. Ты должен выполнить поручение. Письма не бери — оставь его у меня. Я тебе его отдам, когда ты зайдешь на обратном пути, и ты вернешь его своей хозяйке. Вот тебе доллар — выпей в баре. У сеньора Доффера прекрасное агвардиенте. Прощай!

Хосе не стал спрашивать объяснений и, взяв свой доллар, молча вышел из хакале.

Не успел он скрыться из виду, как Диас тоже покинул свое жилище. Второпях оседлав лошадь, он вскочил на нее и поехал в противоположном направлении.

Глава XLVIII

ИСИДОРА

Солнце только что поднялось над горизонтом; его круглый диск, словно щит из червонного золота, засиял над самой травой прерии. Золотые лучи проникали сквозь гущу лесных зарослей, там и сям разбросанных по саванне. Капли росы все еще висели на акациях, отягощая их перистую листву и заставляя ветви клониться к земле — деревья словно оплакивали разлуку с ночью, с ее влажным прохладным ветерком, боялись встречи со жгучим зноем дня. Птицы уже щебетали на ветках — разве могли они спать в сиянии такой зари! Но вряд ли где-нибудь, кроме прерий Техаса, можно встретить в этот ранний час бодрствующего человека. В этих краях час солнечного восхода — самое приятное время дня и мало кто проводит его в постели или в уединении комнаты.

На берегу Леоны, в трех милях ниже форта Индж, показался человек, который пренебрег сном ради прогулки по зарослям чапараля. Он не идет пешком, он сидит на горячей лошади, которой не нравится, когда сдерживают ее шаг. По этому описанию вы, может быть, подумаете, что всадник — мужчина; но ведь действие происходит в южном Техасе, где все еще живут испано-мексиканцы, и вполне возможно, что всадник — женщина. Этому предположению не противоречат ни круглая шляпа на голове всадника, ни серапе, из-за утренней прохлады наброшенное на плечи, ни то, что он сидит в седле по-мужски — манера ездить верхом, которую в Европе считают для женщин неприличной.

Присмотревшись внимательнее, вы убедитесь, что это действительно женщина. Взгляните на маленькую ручку, которая держит поводья, на маленькую ножку в стременах, на изящную, женственную фигуру, вырисовывающуюся даже под тяжелым серапе, и, наконец, на великолепные, свернутые узлом блестящие волосы, которые выбиваются из-под полей сомбреро.

Теперь уже не остается сомнений, что перед вами женщина, хотя некоторые ее привычки необычны для женщины. Это донья Исидора Коварубио де Лос-Льянос.

Ей уже минуло двадцать лет — по мексиканским понятиям, ее нельзя назвать юной. Жгучая брюнетка, она очень хороша собой. Но красота ее — это красота тигрицы, внушающая скорее страх, чем нежную любовь.

Взгляните ей в глаза, и вы сразу почувствуете незаурядный для женщины характер: твердость, решимость, не знающая предела отвага отражаются на прекрасном лице. В нежных, словно выточенных, чертах вы не найдете никаких признаков слабости, ни тени пугливости. Алый румянец, разлитый по смуглой коже, не исчезнет даже в минуту смертельной опасности.

Девушка едет одна по лесистой долине Леоны. Невдалеке виден дом, но она удаляется от него. Это асиенда ее дяди, дона Сильвио Мартинеса, из ворот которой она недавно выехала.

Непринужденно и уверенно сидит молодая мекси-

канка в седле. Под ней горячий конь, он порывается встать на дыбы; но вам нечего беспокоиться о молодой всаднице — она прекрасно справляется с ним.

Легкое, как раз по силам девушки, лассо висит на седельной луке; оно аккуратно свернуто: видно, что Исидора не жалеет для этого времени и, должно быть, хорошо умеет пользоваться им. И это действительно так — она бросает его с ловкостью профессионального мустангера. Исидора гордится своим искусством — это одно из ее любимых развлечений.

Она едет не по большой дороге вдоль берега реки, а по боковой тропе, которая ведет от асиенды ее дяди и соединяется с большой дорогой только около вершины близлежащего холма — вернее, обрывистого берега речной долины.

Тропинка круто поднимается вверх — так круто, что лошадь начинает тяжело дышать. Наконец всадница достигает вершины обрыва, где проходит проезжая дорога.

Исидора натягивает поводья, но не для того, чтобы дать лошади отдохнуть, а потому, что она достигла цели своей поездки.

Вблизи дороги — круглая поляна в два или в три акра величиной; она покрыта травой. Это словно прерия в миниатюре. Колючие заросли, совсем не похожие на лес, из которого Исидора только что выехала, окружают поляну со всех сторон. Три едва заметные тропинки расходятся от нее в разных направлениях, прорезая чащу кустарника.

На середине поляны Исидора натягивает поводья и треплет свою лошадь по шее, чтобы успокоить ее. Хотя вряд ли это нужно — крутой подъем настолько утомил коня, что он уже не рвется вперед и не проявляет нетерпения.

— Я приехала раньше назначенного часа! — воскликнула молодая всадница, доставая из-под своего серапе золотые часы. — А может быть, он и вовсе не приедет? Ах, только бы он достаточно окреп, чтобы приехать!.. Я вся дрожу. Или это дышит моя лошадь? О нет, это меня бьет лихорадка. Я никогда еще не

испытывала такого волнения. Это страх? Да, вероятно. Как странно, что я боюсь любимого человека, единственного человека, которого я когда-либо любила! Ведь нельзя же назвать любовью то, что я испытывала к дону Мигуэлю. Это был самообман. Как хорошо, что я от этого избавилась! На свое счастье, я увидела, что он трус. Это открытие низвело героя моих романтических грез с его пьедестала. Как я рада этому! Теперь я ненавижу дона Мигуэля, потому что он, кажется, стал... Святая мадонна, неужели это правда, что он стал разбойником! Но я не испугалась бы встречи с ним даже в этом уединенном месте. Боже мой, бояться того, кого любишь, кого считаешь благородным и добрым, и в то же время не испытывать страха перед тем, кого глубоко ненавидишь, зная, что он жесток и коварен! Непонятно! Непостижимо! И все-таки в этом нет ничего непонятного. Я дрожу не от страха перед опасностью, а от боязни оказаться нелюбимой. Вот почему я сейчас дрожу. Вот почему я не могу спокойно спать по ночам с того дня, когда Морис Джеральд освободил меня из рук пьяных дикарей. Я никогда не говорила ему о своих чувствах. И я не знаю, как он примет мое признание. Но он все-таки должен узнать. Я не могу больше терпеть эту мучительную неизвестность. Я предпочитаю отчаяние, даже смерть, если только мои мечты обманут меня... А! Я слышу топот копыт! По дороге скачет лошадь. Это он? Да! Я вижу сквозь деревья яркие цвета нашего национального костюма. Морису Джеральду нравится носить этот костюм. Неудивительно — он так ему к лицу. Святая дева! Я закутана в серапе, на голове моей сомбреро. Он примет меня за мужчину! Долой эту безобразную маску! Я женщина, и с цолжен увидеть перед собой женщину!

В одно мгновение Исидора срывает с себя серапе и шляпу — даже на сцене перевоплощение едва ли могло произойти быстрее. И вот на фоне густых колючих зарослей вырисовывается легкая женственная фигура и прекрасная голова, достойная резца Кановы [1].

[1] **Канова** Антонио (1757—1822) — знаменитый итальянский скульптор.

Слегка привстав в стременах и наклонившись вперед, прекрасная всадница вся превратилась в ожидание.

Вопреки всему, она не обнаруживает и тени страха. Губы не дрожат, на лице не заметно бледности.

Наоборот, в ее взгляде, устремленном вперед, — призыв гордой любви, призыв орлицы, ожидающей своего орла.

Но вдруг во всем ее облике происходит внезапная перемена. Она узнает приближающегося всадника. Золотое шитье ввело ее в заблуждение. Всадник в мексиканском наряде — не Морис Джеральд, а Мигуэль Диас.

Радость на ее лице сменяется унынием. Девушка опускается в седло, и вздох, вырывающийся из ее груди, — почти крик отчаяния. На ее лице не видно страха, только разочарование и обида.

Эль-Койот заговорил первым:

— Ах, это вы, сеньорита! Кто бы ожидал увидеть вас в таком уединенном месте — розу среди этих колючих зарослей!

— А какое, собственно, вам до этого дело, дон Мигуэль Диас?

— Странный вопрос, сеньорита. Конечно, это мое дело, и вы сами это знаете. Вы прекрасно знаете, как безумно я вас люблю. Дураком я был, когда признался в этом и объявил себя вашим рабом. Вот это-то и охладило так быстро ваши чувства.

— Вы ошибаетесь, сеньор. Я никогда не говорила вам, что люблю вас. Если я сказала, что восхищаюсь вашим искусством наездника, вы не имели права толковать мои слова иначе. Я восхищалась вашим искусством, а не вами. И, кроме того, это было три года назад. Я тогда была еще девочкой, в том возрасте, когда такие вещи производят сильное впечатление, когда мы настолько глупы, что ценим больше внешний блеск, а не душевные качества. Но теперь я стала старше, и вполне естественно, что ко многому отношусь иначе.

— Черт побери, но почему же вы внушали мне ложные надежды? Помните день клеймения скота, когда

я укротил самого неистового быка и усмирил самую дикую лошадь вашего отца? Ведь ни один вакеро не смел подойти к ним. В этот день вы улыбнулись мне и поглядели на меня с любовью. Не отрицайте этого, донья Исидора! Я достаточно хорошо знаю людей и легко мог угадать по вашему лицу, что вы думали и что чувствовали. Но сейчас вы изменились. Почему же? Потому, что я был покорён вашими чарами. или, вернее, потому, что имел глупость признаться в этом. И вы, как это обычно бывает у женщин, потеряли интерес к побежденному. Ведь это так, сеньорита, не отрицайте!

— Нет, это не так, дон Мигуэль Диас. Я никогда ни словом, ни взглядом не признавалась вам в любви. Вы были для меня просто искусным наездником и благородным кабальеро. Во всяком случае, так мне тогда казалось. Но кем вы стали теперь? Вы знаете, что о вас говорят здесь и на Рио-Гранде?

— Я не считаю нужным отвечать на клевету — исходит ли она от предателей-друзей или от лживых врагов. Я здесь для того, чтобы получать объяснения, а не давать их.

— От кого?

— От вас, прелестная донья Исидора.

— Вы слишком самоуверенны, дон Мигуэль Диас. Не забывайте, сеньор, с кем вы разговариваете! Вспомните, что я дочь...

— ...одного из самых гордых асиендадо в Тамаулипас и племянница не менее гордого плантатора в Техасе. Я обо всем этом подумал. Вспомнил также, что когда-то и я владел асиендой, а сейчас я — всего лишь охотник за лошадьми. Карамба! Это не беда! Вы не из тех женщин, которые могут презирать человека только из-за того, что он небогат. Бедный мустангер, по-видимому, может так же рассчитывать на вашу благосклонность, как и владелец сотни табунов. И у меня есть доказательство вашего великодушия.

— Какое доказательство? — быстро спросила девушка, в первый раз проявляя беспокойство. — Где это доказательство великодушия, которое вы так любезно мне приписываете?

— В этом очаровательном письме. Вот оно, у меня в руках, подписанное доньей Исидорой Коварубио де Лос-Льянос. Письмо, адресованное такому же бедному мустангеру, как и я. Вряд ли необходимо давать его вам в руки. Ведь вы можете узнать его и на расстоянии?

Она узнала письмо. Гневный взгляд, брошенный на Диаса, показал это.

— Как оно попало к вам? — спросила Исидора, не пытаясь скрыть своего негодования.

— Это неважно. Оно у меня, а я давно этого добивался. Не для того, чтобы узнать, что вы перестали интересоваться мною — для меня это было ясно и так, — но чтобы иметь доказательство, что вы увлечены другим. Оно говорит о том, что вы любите его, яснее не скажешь. Вы мечтаете посмотреть в его красивые глаза. Так знайте же, что вы никогда не увидите их!

— Что это значит, дон Мигуэль Диас?

Голос ее слегка дрогнул, словно она боялась услышать ответ. И неудивительно: выражение лица Эль-Койота внушало страх.

Заметив ее испуг, он сказал:

— Ваши опасения вполне справедливы. Если я потерял вас, донья Исидора, то никому другому вы тоже не будете принадлежать — так я решил.

— Не понимаю...

— Я уже сказал: никто другой не назовет вас своей, и, уж конечно, не Морис-мустангер.

— Вот как!

— Да! Именно так. Обещайте мне, что вы никогда больше не встретитесь с ним, или вы не уйдете с этого места!

— Вы шутите, дон Мигуэль!

— Нет, я говорю совершенно серьезно, донья Исидора.

Искренность этих слов не подлежала сомнению. Несмотря на трусость мексиканца, взгляд его выражал холодную и жестокую решимость, а рука уже взялась за рукоятку мачете.

Даже отважной Исидоре стало не по себе. Она ви-

дела, что ей грозит опасность, избежать которую нелегко. С самого начала эта встреча ее встревожила, но она надеялась, что появление Мориса прервет неприятный разговор и даст ему другое направление.

Молодая мексиканка жадно прислушивалась, не раздастся ли топот коня, и время от времени бросала взгляд на заросли в ту сторону, откуда она ждала этого звука.

Теперь эта надежда рухнула. Раз письмо оказалось в руках мексиканца, значит оно не попало к тому, кому было адресовано.

Ждать помощи было бесполезно, и она подумала о бегстве.

Но это было сопряжено с трудностями и большой опасностью. Она могла бы повернуть лошадь и ускакать, но при этом рисковала получить пулю в спину, так как рукоятка револьвера была не дальше от руки Эль-Койота, чем рукоятка мачете.

Исидора вполне оценила всю опасность положения. Любая другая женщина на ее месте растерялась бы, но Исидора Коварубио даже и виду не показала, что угроза произвела на нее хоть какое-нибудь впечатление.

— Чепуха! — воскликнула она с хорошо разыгранным недоверием. — Вы шутите, сеньор. Вы хотите испугать меня. Ха-ха-ха! Но почему мне бояться вас? Я езжу на лошади не хуже вас. И лассо я бросаю так же легко и так же далеко, как и вы. Посмотрите, как ловко я умею с ним обращаться!

С улыбкой произнося эти слова, девушка сняла лассо с седельной луки и стала раскручивать его над головой, как бы демонстрируя свое искусство.

Диас и не догадывался, что у нее были совсем другие намерения. Он был озадачен поведением Исидоры и молча смотрел на нее.

Только когда мексиканец почувствовал, что петля лассо затягивается вокруг его локтей, он понял все, но защищаться было уже поздно. В следующее мгновение его руки были плотно прижаты к бокам и он уже не мог достать ни своего мачете, ни револьвера.

Он хотел было освободиться от петли, но, прежде

Эль-Койот казался мертвым.

чем успел схватиться за лассо, сильным толчком был сброшен с седла и без сознания растянулся на земле.

— Ну, дон Мигуэль Диас, — воскликнула Исидора, повернув лошадь, — не грозите мне больше! И не пытайтесь освободиться! Пошевелите только пальцем — и я поскачу вперед! Коварный злодей! Несмотря на твою трусость, ты хотел убить меня, я прочла это в твоих глазах. Но наши роли переменились, и теперь...

Не слыша ответа, она замолчала, все еще туго натягивая лассо и не спуская глаз с упавшего человека.

Эль-Койот неподвижно лежал на земле. Падение с лошади оглушило его — он не только не мог говорить, но и ничего не сознавал. Он казался мертвым.

— Святая дева! Неужели я убила его! — воскликнула Исидора, осадив свою лошадь немного назад, но все еще не поворачивая ее и готовая в любую минуту пуститься вскачь. — Я не хотела этого, хотя имела на это полное право — ведь он же собирался убить меня... Умер ли он или притворяется, чтобы я подошла к нему? Пусть это решают другие. Я могу теперь смело ехать домой — он меня не догонит. Слуги из асиенды успеют развязать его. Всего хорошего, дон Мигуэль Диас!

С этими словами Исидора вытащила из-за корсажа небольшой кинжал, перерезала веревку около самой седельной луки и, по-видимому не чувствуя упреков совести, поскакала домой, так и не освободив лежащего на земле Диаса от лассо.

Глава XLIX

ЛАССО РАЗВЯЗАНО

Встревоженный орел с криком взвивается в небо. Испуганный гневными голосами, он покинул сук на старом тополе и летит на разведку.

Один взмах могучих крыльев — и он уже парит высоко в небе, зорко осматривая поляну и окружающие ее заросли. На поляне он видит распростертого на земле и, по-видимому, мертвого человека; рядом бегает конь и

громко ржет. В зарослях он видит двух всадниц. Одна с непокрытой головой, с развевающимися по ветру волосами, сидя в седле по-мужски, галопом скачет от поляны. Другая всадница на пятнистой лошади сидит боком в дамском седле и направляется к поляне; на ней амазонка и шляпа; едет она более медленным аллюром, но вид у нее тоже взволнованный.

Вот что видит орел со своей высоты.

Обе всадницы нам знакомы. Та, которая скачет от поляны, — Исидора Коварубио де Лос-Льянос, а та, которая направляется к ней, — Луиза Пойндекстер.

Уже известно, почему первая из них покинула поляну. Остается объяснить, почему вторая едет туда.

* * * * * * * * *

После разговора с Зебом Стумпом молодая креолка вернулась к себе в комнату и, опустившись на колени перед статуей мадонны, начала молиться. Как все креолы, она была католичкой и твердо верила в заступничество святых. Странной и печальной была ее молитва: она просила святую деву за человека, которого считали убийцей ее брата.

Она ни минуты не сомневалась, что он невиновен в этом ужасном преступлении. Это было невероятно. Если бы у нее возникли хотя бы малейшие подозрения, ее сердце не выдержало бы такого испытания.

Она не просила мадонну помиловать его. Она просила небеса защитить его от врагов — от ее друзей.

Рыдания заглушали шепот молитвы. Луиза нежно любила брата и была глубоко потрясена его смертью, но эта печаль не могла заглушить другого чувства, более сильного, чем узы крови. Горюя о погибшем брате, девушка молилась о спасении возлюбленного.

Когда она поднялась с колен, взгляд ее случайно упал на лук, который так часто помогал ей посылать нежные весточки любимому человеку.

«О, если бы я могла послать стрелу, чтобы предупредить его об опасности!»

Эта мысль вызвала другую: не осталось ли следов их

тайной переписки в том месте, где они обменивались стрелами?

Луиза вспомнила, что в последний раз Морис переплыл реку, вместо того чтобы переправиться в лодке. Его лассо, наверно, осталось в челне.

Накануне, потрясенная горем, она не подумала об этом.

Лассо могло выдать тайну их ночных свиданий, о которой знали, как она полагала, только они сами и тот, чьи уста навеки умолкли.

Солнце поднялось уже довольно высоко и ярко светило через стеклянную дверь. Луиза распахнула ее, чтобы спуститься в сад и пройти к лодке. Но на веранде она остановилась, услыхав доносившиеся сверху голоса.

Разговаривали двое: ее горничная Флоринда и чернокожий кучер, которые в отсутствие хозяина решили подышать свежим воздухом на асотее.

Внизу можно было отчетливо слышать каждое слово, но Луизу мало интересовал их разговор. Только когда до ее слуха донеслось знакомое имя, она стала прислушиваться.

— Они говорят об этом Джеральде. Морис Джеральд — его имя. Говорят, что он ирландец, но если это правда, то он совсем не такой, как те ирландцы, которых я видел в Новом Орлеане. Он больше похож на джентльмена-плантатора. Вот на кого он похож!

— Ты не думаешь, Плутон, что он убил массу Генри?

— Вот еще что придумала! Он убил массу Генри! Может, еще скажешь, что я убил массу Генри? Будет такая же неправда... Ой, смотри, Флоринда! Ведь это он — легок на помине. Смотри, Флоринда, смотри вон туда!

— Куда?

— Вон туда, на тот берег. Видишь, мужчина на лошади! Это и есть Морис Джеральд, тот самый человек, которого мы встретили в черной прерии. Тот самый, который подарил мисс Лу крапчатую лошадь. Тот самый, которого сейчас все ищут. Они не там его ищут. Они не найдут его в прерии сегодня!

— А ты этому не рад, Плутон? Я уверена, что он не виноват. Он такой красивый и храбрый! Никогда он не мог...

Луиза не стала слушать дальше. Она вернулась в дом и прошла на асотею. Когда она поднималась по лестнице, сердце ее билось так сильно, что его удары, казалось, заглушали звук ее шагов. С большим трудом ей удалось скрыть свое волнение от слуг.

— Почему вы так громко разговариваете? Что вы там увидели? — спросила Луиза, скрывая свои чувства под напускной строгостью.

— Мисс Луиза, посмотрите-ка туда! Молодой джентльмен...

— Какой молодой джентльмен?

— Тот самый, которого разыскивают, тот самый...

— Я никого не вижу.

— Он сейчас за деревьями. Смотрите туда, туда! Вон черная шляпа, бархатная куртка и блестящие серебряные пуговицы. Это он — тот самый молодой джентльмен.

— Ты, верно, ошибаешься, Плутон. Здесь многие так одеваются. Расстояние слишком велико, чтобы узнать человека, особенно теперь, когда его уже почти не видно... Все равно, Флоринда, беги вниз, приготовь мою шляпу и амазонку. Я хочу проехаться верхом. А ты, Плутон, оседлай мне Луну, только скорее! Я боюсь, что солнце поднимется слишком высоко. Ну, живо, живо!

Как только слуги спустились по лестнице, Луиза еще раз подошла к парапету; она с трудом переводила дыхание от бурного волнения. Теперь ей никто не помешает рассмотреть хорошенько, кто там, на холме, среди зарослей.

Но было уже поздно: всадник скрылся.

«Сходство большое и в то же время это как будто не он. Если это Морис Джеральд, то зачем бы ему ехать туда?»

И сердце ее сжалось. Она вспомнила, что однажды уже задавала себе этот вопрос.

Она больше не стала задерживаться на асотее. Че-

рез десять минут Луиза уже была на другом берегу, в зарослях, где скрылся всадник.

Она ехала быстро, внимательно глядя вперед.

Поднявшись на обрыв над долиной Леоны, Луиза вдруг натянула поводья. До нее донеслись чьи-то голоса...

Она прислушалась. Хотя звуки были едва слышны, все же можно было различить два голоса: женщины и мужчины.

Какого мужчины, какой женщины? Ее сердце снова сжалось.

Девушка подъехала ближе. Снова остановилась... Снова прислушалась...

Говорили по-испански. Это ее не успокоило. С Исидорой Коварубио де Лос-Льянос Морис Джеральд стал бы говорить по-испански. Креолка знала этот язык достаточно хорошо, чтобы понять смысл разговора. Но она была еще слишком далеко и не могла разобрать слов. Голоса звучали возбужденно, словно говорившие были охвачены гневом, — это вряд ли было неприятно Луизе.

Она подъехала еще ближе; еще раз натянула поводья... еще раз прислушалась. Мужского голоса уже не было слышно. Голос женщины звучал отчетливо и твёрдо — казалось, она грозила.

Потом наступила тишина, прерванная коротким топотом копыт, и затем снова тишина; затем прозвучал голос женщины — вначале громкий, словно угрожающий, потом приглушенный, как будто она разговаривала сама с собой, — и опять тишина, прерванная топотом копыт, словно лошадь, удаляясь, скакала галопом.

Вот и все, да еще крик парившего над поляной орла, которого вспугнули сердитые голоса.

Голоса доносились с поляны, хорошо знакомой Луизе: с этим местом у нее были связаны дорогие воспоминания. Девушка еще раз остановилась, почти на самой опушке. Она боялась ехать дальше, боялась узнать горькую правду...

Наконец она перестала колебаться и выехала на поляну.

Там взад и вперед бегала оседланная лошадь. На земле лежал какой-то человек, руки которого были стянуты лассо. Рядом валялись сомбреро и серапе, но, повидимому, принадлежавшие не ему. Что же здесь могло произойти?

Мужчина был одет в живописный мексиканский костюм. На лошади — нарядный чепрак мексиканской работы.

Сердце Луизы наполнилось радостью. Мертв этот человек или жив, но он безусловно тот, кого она видела с асотеи, и не Морис Джеральд.

До последней минуты Луиза всем сердцем надеялась, что это не он, и ее надежды сбылись.

Она подъехала ближе и взглянула на распростертого человека; посмотрела на его лицо, которое было обращено вверх, потому что он лежал на спине. Ей показалось, что она где-то видела его, хотя и не была в этом уверена.

Было ясно, что он — мексиканец. Не только одежда, но и черты лица выдавали испано-американский тип.

Его наружность показалась ей довольно красивой.

Но не это заставило Луизу соскочить с лошади и с участием наклониться над ним. Она поторопилась помочь ему, радуясь, что он оказался не тем, кого она боялась найти здесь.

— Кажется, он жив, — прошептала она. — Да, он дышит.

Петля лассо душила его. В одно мгновение Луиза ослабила ее; петля поддалась легко.

«Теперь он может дышать свободнее. Но что же тут произошло? На него набросили лассо, когда он сидел на лошади, и стащили на землю? Это наиболее вероятно. Но кто это сделал? Я слышала здесь женский голос — я не могла ошибиться... Но вот мужская шляпа и серапе, которые принадлежат не ему. Может быть, здесь был другой мужчина, который уехал с женщиной? Но отсюда ускакала только одна лошадь... А, он приходит в себя! Слава богу! Я сейчас все узнаю».

— Вам лучше, сэр?

— Сеньорита, кто вы? — спросил дон Мигуэль Диас,

поднимая голову и с беспокойством озираясь вокруг.— Где она?

— О ком вы говорите? Я никого здесь не видела, кроме вас.

— Карамба! Как странно! Разве вы не встретили женщину верхом на серой лошади?

— Я слышала женский голос, когда подъезжала сюда.

— Правильнее сказать — дьявольский голос, потому что Исидора Коварубио де Лос-Льянос настоящий дьявол!

— Разве это сделала она?

— Будь она проклята! Да!.. Где же она? Скажите мне, сеньорита.

— Я не знаю. Судя по топоту ее лошади, она спустилась по склону холма. Наверно, это так, потому что я подъехала с другой стороны.

— А!.. Вниз по склону холма — значит, она поехала домой... Вы были очень добры, сеньорита, освободив меня от этой петли, — я не сомневаюсь, что это сделали вы. Может быть, вы не откажете и помочь мне сесть на лошадь? Я надеюсь, что смогу удержаться в седле. Здесь, во всяком случае, мне нельзя больше оставаться. Мои враги недалеко... Пойди сюда, Карлито! — сказал он лошади и как-то особенно присвистнул. — Подойди поближе, не бойся этой прекрасной сеньориты. Не она сыграла с нами эту злую шутку. Ну, иди сюда, мой конь, не бойся!

Лошадь, услышав свист, подбежала к хозяину, который уже поднялся на ноги, и позволила ему взять себя под уздцы.

— Если вы мне поможете, добрая сеньорита, я, пожалуй, смогу сесть в седло. Как только я буду на лошади, мне нечего опасаться преследования.

— Вы думаете, что вас будут преследовать?

— Кто знает? Как я уже сказал вам, у меня есть враги. Впрочем, неважно... Я чувствую еще большую слабость. Вы ведь не откажетесь помочь мне?

— Я охотно окажу вам любую помощь, какая только в моих силах.

— Очень вам признателен, сеньорита!

С большим трудом удалось молодой креолке подсадить мексиканца в седло. Он покачнулся, но удержался в нем.

Подобрав поводья, он сказал:

— Прощайте, сеньорита! Я не знаю, кто вы. Вижу только, что вы не мексиканка. Американка, я думаю... Но это все равно. Вы так же добры, как и прекрасны. И, если только когда-нибудь представится случай, Мигуэль Диас отплатит вам за эту услугу.

Сказав это, Эль-Койот тронул поводья; он с трудом удерживал равновесие и поэтому ехал шагом.

Несмотря на это, он скоро скрылся из виду, — деревья заслонили его, как только он пересек поляну.

Он поехал не по одной из трех дорог, а по узкой, едва заметной тропе.

Молодой креолке все это показалось сном, и скорее странным, чем неприятным.

Но эта иллюзия быстро рассеялась, когда она подняла и прочитала валявшееся на земле письмо, потерянное Диасом. Письмо было адресовано «дону Морисио Джеральду» и подписано «Исидора Коварубио де Лос-Льянос».

Луиза взобралась в седло почти с таким же трудом, как только что уехавший мексиканец.

Переезжая Леону на обратном пути в Каса-дель-Корво, она остановила лошадь посередине реки и в каком-то оцепенении долго смотрела на поток, пенящийся у ее ног. На ее лице было выражение глубокого отчаяния. Будь это отчаяние хоть немного глубже — и воды Леоны сомкнулись бы над ее головой.

Глава L

СХВАТКА С КОЙОТАМИ

Лиловые тени техасских сумерек уже спускались на землю, когда раненому, проделавшему мучительный путь сквозь колючие заросли, наконец удалось добраться до ручья.

Он утолил жажду и растянулся на траве, забыв о своей тревоге.

Нога болела, но не очень сильно. О будущем он сейчас не думал — он слишком устал.

Ему хотелось только одного — отдохнуть; и прохладный ветерок, покачивавший перистую листву акации, убаюкивал его.

Грифы улетели на ночлег в заросли; избавленный хоть на время от их зловещего присутствия, он скоро заснул.

Но спал он недолго. Снова разболелись раны и разбудили его. Именно боль, а не лай койотов, не давала ему спать до утра.

Он не боялся койотов, которые рыскали кругом; они, как шакалы, нападают только на мертвых или на умирающих, а он знал, что рана его не смертельна.

Ночь тянулась мучительно долго; страдальцу казалось, что день никогда не наступит.

Утро пришло наконец, но и оно не принесло радости — вместе с ним опять появились черные птицы, а койоты не ушли. Над ним в ярком свете нового дня снова парили грифы, а вокруг него повсюду раздавалось отвратительное завывание койотов.

Он подполз к ручью и снова напился.

Теперь он почувствовал голод и огляделся в поисках пищи.

Неподалеку рос гикори. На его ветках футах в шести над землей висели орехи.

Раненому удалось доползти до дерева, хотя это причинило ему мучительные страдания.

Костылем он сшиб несколько орехов и немного утолил голод.

Что же делать дальше?

Уйти отсюда было невозможно. Малейшее движение причиняло ему невыносимую боль, напоминая о том, что он совершенно не способен передвигаться.

Он до сих пор не знал, что случилось с его ногой, — она так распухла, что он ничего не мог прощупать. Все же ему казалось, что у него раздроблено или вывихнуто колено. И в том и в другом случае пройдет

много дней, прежде чем он сможет владеть ногой. А что ему делать до тех пор?

Несчастный почти не надеялся на помощь. Ведь он кричал до хрипоты, но никто не услышал; и, несмотря на это, время от времени снова раздавался его глухой крик — это были слабые проблески надежды, борющейся с отчаянием.

Он был вынужден оставаться на месте. Придя к этому заключению, юноша растянулся на траве, решив терпеть, пока хватит сил.

Ему потребовалась вся сила воли, чтобы вынести эти страдания, и все-таки с его губ иногда срывались стоны.

Совершенно измученный болью, он уже не замечал, что делается вокруг. Черные птицы по-прежнему кружили над ним; но он уже привык к этому и не обращал на них внимания даже тогда, когда свист их крыльев раздавался над самой его головой.

Но что это? Какие-то новые звуки?

Послышался топот маленьких ног по песчаному берегу ручейка, он сопровождался прерывистым дыханием.

Раненый оглянулся, чтобы узнать, в чем дело.

«А, это только койоты», — подумал он, увидев десятка два этих животных, снующих взад и вперед по берегу.

До сих пор юноша не испытывал страха перед этими трусливыми животными — он презирал их. Но он встревожился, заметив их свирепые взгляды и угрожающее поведение. Сомневаться не приходилось — они готовились к нападению. Он вспомнил, как ему рассказывали, что эти животные, обычно трусливые и безвредные, набрасываются на человека, когда он слаб и не может защищаться, особенно если их возбуждает запах крови.

А он был весь изранен шипами кактусов. Его одежда пропиталась кровью. В душном воздухе распространялся тяжелый запах, и койоты не могли не почуять его. Очевидно, этот запах дразнил хищников, доводя их до неистовства.

Как бы то ни было, юноша не сомневался, что они собираются на него напасть.

У него не было другого оружия, кроме охотничьего ножа, который он, к счастью, не потерял. Его ружье и револьвер были привязаны к седлу, и лошадь ускакала вместе с ними.

Раненый вытащил нож и, опираясь на правое колено, приготовился защищаться.

Минута промедления — и было бы уже поздно. Ободренные безнаказанностью, осмелевшие от запаха крови, который усиливался по мере их приближения, подгоняемые врожденной свирепостью, койоты наконец бросились на раненого человека.

Шестеро волков одновременно впились зубами в его руки, ноги и тело.

Рванувшись, он стряхнул их и нанес несколько ударов ножом. Один или два были ранены и с визгом отскочили. Но на него уже набросились другие...

Борьба стала отчаянной, смертельной. Несколько хищников были убиты, но остальные продолжали атаку, казалось, с еще большим ожесточением.

Началась свалка. Койоты лезли друг на друга, чтобы вцепиться в жертву. Нож поднимался и опускался, но руки человека слабели, и удары все реже достигали цели.

Он терял последние силы. Смерть смотрела ему в глаза...

И в эту роковую минуту юноша вскрикнул. Как ни странно, это не был крик отчаяния — это был крик радости. И еще удивительнее, что, услышав его, койоты отступили.

Схватка прекратилась. На короткое время водворилась тишина. Но не возглас человека был причиной этой перемены, а то, что его вызвало.

Послышался топот лошади, за которым последовал громкий собачий лай.

Раненый продолжал кричать, взывая о помощи. Лошадь, казалось, была совсем близко. Вряд ли всадник мог не услышать его.

Но ответа не было. Всадник проехал мимо.

Топот копыт становился все глуше... Отчаяние снова овладело юношей.

А хищники, набравшись храбрости, еще раз ринулись в атаку.

Снова разгорелась жестокая борьба. Несчастный потерял последнюю надежду и продолжал защищаться, движимый только отчаянием.

И вдруг койоты отпустили жертву: на сцене появилось новое действующее лицо, и раненый воспрянул духом.

Всадник остался глухим к его крикам, но собака пришла на помощь. Огромная собака с громким лаем стремительно выскочила из кустов.

— Друг! Какое счастье! Друг!

Собака, выбравшись из чащи, перестала лаять и с открытой пастью бросилась на койотов, уже отступавших в испуге.

Вот один уже у нее в зубах. Она встряхивает его словно крысу, и через секунду он уже корчится на земле с переломанной спиной.

Другого постигает та же участь. Третьей жертвы не было: испуганные койоты, поджав хвосты, с визгом убежали. Все они скрылись в густых зарослях.

Юноша больше ничего не видел — силы оставили его. Он только протянул руку, с улыбкой обнял своего спасителя и, что-то ласково прошептав, впал в забытье.

* * * * * * * * *

Однако он скоро пришел в себя.

Приподнявшись на локте, он огляделся. Он увидел страшную кровавую картину. Но если бы он не терял сознания, то был бы свидетелем еще более жуткого зрелища.

Во время его обморока через поляну проехал всадник. Это его конь топотом своих копыт спугнул койотов, это он остался глух к мольбам о помощи. Всадник прискакал слишком поздно и не для того, чтобы помочь. По-видимому, он просто хотел напоить лошадь.

Лошадь вошла в ручей, напилась, вышла на проти-

воположный берег, пробежала по поляне и скрылась в зарослях.

Всадник не обратил внимания на распростертое тело, только лошадь фыркнула, увидев его, и испуганно покосилась на трупы койотов.

Лошадь была не очень крупная, но прекрасно сложена. О всаднике сказать этого было нельзя — у него отсутствовала голова.

Впрочем, голова была, но не на своем месте. Она находилась у передней луки седла, и казалось, что всадник держит ее в руке.

Страшное зрелище!

Когда всадник без головы проезжал через поляну, собака с лаем проводила его до опушки зарослей — она давно бегала за ним по пятам, скитаясь там, где скитался он.

Но теперь она отказалась от этой бесплодной дружбы; она вернулась к раненому и улеглась рядом с ним.

Как раз в эту минуту сознание вернулось к нему, и он вспомнил все, что было раньше.

Приласкав собаку, он прикрыл плащом голову, защищаясь от палящего солнца, и заснул.

Собака лежала у ног раненого и тоже дремала; но она часто просыпалась, поднимала голову и злобно рычала, когда грифы шуршали крыльями слишком близко над ее головой.

Молодой человек бредил. С его губ срывались какие-то странные слова: то любовные клятвы, то бессвязные речи о каком-то убийстве.

Глава LI

ДВАЖДЫ ПЬЯНЫЙ

Вернемся снова в уединенную хижину на Аламо, так внезапно покинутую картежниками, которые расположились под ее кровом в отсутствие хозяина.

Близился полдень следующего дня, а хозяин все еще не возвращался. Бывший грум Баллибаллаха по-

прежнему был единственным обитателем хижины. По-прежнему он лежал пьяный, растянувшись на полу. Правда, с тех пор, как мы его видели в последний раз, он уже успел протрезвиться, но теперь был снова пьян после нового обращения к богу вина.

Чтобы объяснить все, надо рассказать, что произошло дальше в ту ночь, когда игроки в монте так неожиданно бежали из хижины.

Вид трех краснокожих дикарей, сидевших за столом и поглощенных игрой в карты, протрезвил Фелима больше, чем сон.

Несмотря на явный комизм этой сцены, Фелим не заметил в ней ничего смешного и приветствовал непрошеных гостей неистовым воплем.

Но в том, что за этим последовало, не было уже ничего смешного. Впрочем, что именно последовало, он ясно себе не представлял. Он помнил только, что трое раскрашенных воинов внезапно прекратили игру, швырнули карты на пол и, нагнувшись над ним, стали размахивать ножами. Потом к ним вдруг присоединился четвертый, и все они, толкая друг друга, выбежали из хижины.

Все это произошло в течение каких-нибудь двадцати секунд. И, когда он опомнился, в хакале уже никого не было.

Спал он или бодрствовал? Спьяну он видел все это или во сне? Произошло ли это на самом деле или было новым, непостижимым для ума явлением, вроде того, которое до сих пор стояло перед его глазами?

Нет, это не могло ему померещиться. Он видел дикарей слишком близко, чтобы сомневаться в их реальности. Он слышал, как они разговаривали на непонятном языке. Это наверняка было индейское наречие. Кроме того, на полу валялись карты.

Фелим и не подумал поднять хотя бы одну из них, чтобы узнать, настоящие ли они. Он был для этого достаточно трезв, но у него не хватало мужества. Разве мог он быть уверен, что эти карты не обожгут ему пальцы? Как знать — ведь они могли принадлежать самому дьяволу.

Несмотря на путаницу в мыслях, Фелим все же сообразил, что оставаться в хижине опасно. Раскрашенные картежники могут вернуться, чтобы продолжать игру. Они оставили здесь не только свои карты, но и все имущество мустангера. Правда, что-то заставило их внезапно удалиться, но они могут так же внезапно и вернуться.

При этой мысли ирландец решил действовать. Погасив свечу, чтобы его никто не заметил, он крадучись выбрался из хижины.

Через дверь он выйти не осмелился. Луна ярко освещала лужайку перед домом. Дикари могли быть где-нибудь поблизости...

Он выбрался через заднюю стену, сорвав одну из лошадиных шкур и протиснувшись между жердями.

Очутившись снаружи, Фелим скользнул в тень деревьев.

Он не успел еще далеко отойти, как заметил впереди что-то темное. Он услышал, как несколько лошадей грызут удила и бьют копытами. Фелим остановился и спрятался за ствол кипариса.

Скоро ирландец убедился, что это действительно лошади. Ему показалось, что их было четыре. Они, несомненно, принадлежали тем четырем воинам, которые превратили хижину мустангера в игорный дом. По-видимому, лошади были привязаны к дереву, но ведь хозяева могли быть рядом...

При этой мысли Фелим хотел уже повернуть назад. Но вдруг он услышал голоса, доносившиеся с противоположной стороны, — голоса нескольких человек, говоривших повелительным и угрожающим тоном.

Потом последовали крики ужаса и лай собаки. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь треском ломающихся ветвей, точно несколько человек в паническом страхе бежали сквозь кусты.

Фелим продолжал прислушиваться; шум становился все громче, — бегущие приближались к кипарису.

Кипарис был окружен молодыми побегами, в черной тени которых и укрылся Фелим.

Едва успел слуга спрятаться, как появились четыре

незнакомца и, не останавливаясь, кинулись к лошадям.

Пробегая мимо, они обменялись несколькими словами, которых ирландец не понял; но в их тоне звучал ужас. Лихорадочная поспешность этих людей подтвердила его предположение. По-видимому, они бежали от какого-то врага, который напугал их до смерти.

Рядом с кипарисом была небольшая поляна, ярко освещенная луной. Четыре беглеца должны были пересечь эту поляну, чтобы добраться до своих лошадей. И, когда они попали в полосу лунного света, Фелим отчетливо увидел их обнаженные красные спины.

Он узнал в них четырех индейцев, которые так бесцеремонно расположились в хижине мустангера.

Фелим оставался в своем тайнике до тех пор, пока по доносившемуся топоту не определил, что всадники поднялись по крутому откосу на равнину и быстрым галопом помчались прочь, явно не собираясь возвращаться.

Тогда он вышел из своего убежища и, всплеснув руками, воскликнул:

— Святой Патрик! Что же это означает? Что этим чертям здесь понадобилось? И кто гонится за ними? Ясно, что кто-то здорово их напугал. Не тот ли самый? Клянусь, что это он! Я слышал, как рычала собака, а ведь она убежала за ним. О господи, что же это такое? А вдруг он, в погоне за ними, прискачет сюда?

Боязнь повстречаться с загадочным всадником заставила Фелима снова спрятаться под деревом. В трепетном ожидании он простоял еще некоторое время.

— В конце концов, это, наверно, всего лишь шутка мастера Мориса. Он возвращался домой, и ему захотелось напугать меня. Хорошо, что он подоспел как раз вовремя и напугал краснокожих — ведь они собирались ограбить и убить нас. Дай-то боже, чтобы это был он! Только я ведь его уже давно видел... Сколько же времени прошло? Помню, что выпил я изрядно, а теперь хоть бы в одном глазу... Да, не нашли ли они мою бутыль, эти индейцы? Я слыхал, что они любят это зелье не меньше нас, белых. Да ведь если они отыскали бу-

тыль, то там, наверно, и капли не осталось! Надо вернуться и проверить. Их теперь нечего бояться. Они так понеслись, что теперь и след их уже простыл.

Снова выбравшись из своего убежища, Фелим направился к хакале.

Он пробирался с опаской и несколько раз останавливался, чтобы проверить нет ли кого-нибудь поблизости.

Успокаивая себя правдоподобным объяснением случившегося, Фелим все же по-прежнему боялся новой встречи с всадником без головы, который дважды появлялся около хижины и теперь мог быть уже внутри.

Если бы не надежда найти «капельку» в бутыли, он, пожалуй, не решился бы до утра вернуться домой. Однако желание выпить было сильнее страха, и Фелим, хотя и нерешительно, вошел в темную хижину.

Света он не зажег — в этом не было нужды: он достаточно хорошо знал хижину и особенно то место, где обычно стояла бутыль.

Но в заветном углу бутыли не оказалось.

— Черт бы их побрал! — воскликнул он с досадой. — Похоже, что они до нее добрались! А то — почему ее нет на месте? Я оставил ее там. Отлично помню, что оставил ее там... Ах, вот ты где, моя драгоценная! — продолжал он, нащупав наконец ивовую плетенку. — Да ведь они осушили ее, скоты эдакие! Чтоб на том свете черти припекли этих краснокожих воров! Украсть вино у спящего! Ах ты, господи! Что же мне теперь делать? Опять спать ложиться? Да разве заснешь без выпивки с мыслями о них и о том, другом? А ведь ни капли не осталось... Стой! Пресвятая дева, святой Патрик и все остальные! Что это я говорю? А полная фляга! Я ведь ее в чемодане запрятал. Наполнил до самого горлышка, чтобы дать мастеру Морису в дорогу, когда он в последний раз собирался в поселок. А он забыл ее захватить с собой. Помилуй бог, если только индейцы добрались своими грязными лапами до нее, я сойду с ума!.. Гип-гип, ура! — закричал Фелим после того, как некоторое время рылся в чемодане. — Ура! Вот счастье-то! Краснокожим невдо-

мек было сюда заглянуть. Фляга полна — никто и не дотронулся до нее! Гип-гип, ура!

После этого радостного открытия ирландец пустился плясать по темной хижине.

Затем наступила тишина, потом скрипнула отвинчиваемая пробка, и громкое бульканье возвестило, что жидкость быстро переливается из узкого горлышка фляги в горло ирландца.

Через некоторое время этот звук сменился чмоканьем и возгласами удовольствия.

Бульканье сменялось чмоканьем, а чмоканье — бульканьем до тех пор, пока не раздался стук упавшей на пол пустой фляги.

После этого пьяные выкрики некоторое время чередовались с пением, диким хохотом и бессвязными рассуждениями о краснокожих и безголовых всадниках, повторяясь все тише и тише, пока, наконец, пьяное бормотание не перешло в громкий храп.

Глава LII

ПРОБУЖДЕНИЕ

Второй сон Фелима длился дольше первого. Уже близился полдень, когда он наконец очнулся, и то от ведра холодной воды, вылитой ему прямо на голову. Это отрезвило его не хуже, чем вид краснокожих дикарей.

Душ ему устроил Зеб Стумп.

Выехав из ворот Каса-дель-Корво, старый охотник направился самой короткой дорогой, или, вернее, тропой, к реке Нуэсес.

Не тратя времени на изучение следов, он пересек прерию и выехал к известной читателю просеке.

Сопоставляя слова Луизы Пойндекстер с тем, что он сам знал о людях, которые отправились на поиски, старый охотник понял, что Морису грозит опасность.

Вот почему он торопился приехать на Аламо раньше их; вот почему он старался избежать встречи с ними по дороге.

Он знал, что, если он встретится с отрядом, никакие увертки не помогут, и ему волей-неволей придется указать дорогу к жилищу предполагаемого убийцы.

На повороте просеки Зеб, к своему огорчению, увидел сбившихся в кучу «регулярников» — они, по-видимому, изучали следы.

Старого охотника утешало только то, что сам он остался незамеченным.

— Черт бы их побрал! — пробормотал он с горечью. — Как это я не догадался, что могу встретить их здесь! Теперь надо вернуться и ехать другой дорогой. Это задержит меня на час. Поворачивай, старуха! Нам с тобой не повезло. Тебе придется сделать лишних шесть миль. Живей, моя кобылка! Назад! Но-но!

Сильным рывком натянув поводья, Зеб заставил кобылу повернуть и поскакал обратно.

Выехав из просеки, он направился сначала вдоль опушки, а потом снова въехал в заросли по той же тропе, которой накануне воспользовались Диас и трое его сообщников. Отсюда он скакал без остановок и приключений, пока не спустился в долину Аламо.

Недалеко от хижины мустангера он слез с лошади и со своей обычной осторожностью продолжал путь пешком.

Дверь, обтянутая лошадиной шкурой, была закрыта, но в ней зияла дыра. Что бы это могло значить?

Зеб не только не мог ответить на этот вопрос, но даже не знал, что предположить.

Еще с большей осторожностью стал он подкрадываться к хижине, — можно было подумать, что он выслеживает антилопу.

Охотник обошел хижину под прикрытием деревьев и пробрался к навесу позади нее; опустившись на колени, он стал прислушиваться.

Перед его глазами была щель — там, где одна из жердей была сдвинута, — а лошадиная шкура сорвана. Зеб посмотрел на нее с удивлением, но, прежде чем он успел догадаться, что тут произошло, из хакале донесся звучный храп — так храпеть мог только Фелим.

Зеб Стумп заглянул в щель и действительно увидел спящего на полу Фелима.

Теперь предосторожности были излишни. Охотник поднялся на ноги и, снова обогнув хижину, вошел через дверь, которая оказалась незапертой.

Прежде чем будить Фелима, он внимательно осмотрел все, что лежало на полу.

— Вещи-то упакованы! — удивился он. — А! Вспоминаю: парень говорил, что собирается на днях уехать отсюда. Этот молодец не просто спит, а мертвецки пьян. Ну и разит от него! Интересно, оставил ли он хоть каплю виски? Вряди ли... А вот и бутыль без пробки валяется, рядом фляга — тоже совсем пустая. Черт бы побрал этого пьяницу — он способен поглотить не меньше жидкости, чем вся меловая прерия!.. Испанские карты! Целая колода валяется на полу. Что он с ними делал? Должно быть, выпивая, раскладывал пасьянс. Но кто прорезал дыру в двери и откуда эта щель в стене? Наверно, он сможет мне объяснить. Разбужу его и спрошу... Фелим! Фелим!

Ирландец не пошевелился.

— Эй, Фелим! Фелим!

Ответа опять не последовало. Охотник закричал так громко, что голос его был, вероятно, слышен на расстоянии полумили, но Фелим продолжал безмятежно спать.

Зеб стал изо всех сил трясти пьяницу; в ответ послышалось лишь какое-то бурчанье, но оно сейчас же перешло в прежний раскатистый храп.

— Если бы не его храп, я подумал бы, что он умер. Но он мертвецки пьян, в этом нет сомнения. Как же привести его в чувство? Растолкать — ничего не получится. Черт побери, попробую-ка вот что...

Взгляд старого охотника остановился на стоявшем в углу ведре. Оно было до краев наполнено водой, которую Фелим принес из ручья и, на свою беду, не успел еще израсходовать.

Зеб с усмешкой поднял ведро и выплеснул всю воду прямо в физиономию спящего.

Это привело к желаемым результатам: если холод-

ный душ и не протрезвил Фелима, то, во всяком случае, разбудил его. Испуганный вопль ирландца слился с веселым хохотом старого охотника.

Наконец оба успокоились и могли приступить к серьезному разговору.

Фелим все еще находился под влиянием пережитых ужасов и был очень рад Зебу Стумпу, несмотря на бесцеремонную шутку, которую тот сыграл с ним.

Не дожидаясь вопросов, он начал подробно рассказывать — насколько позволяли ему заплетающийся язык и затуманенный мозг — о странных видениях и происшествиях, которые чуть не лишили его рассудка.

От него Стумп впервые услышал о всаднике без головы.

Несмотря на то что в окрестностях форта Индж и по всей Леоне стало уже известно о появлении этой странной фигуры, Зеб не встретил еще никого, кто бы мог сообщить ему эту из ряда вон выходящую новость; старый охотник проехал по поселку еще на заре и никуда не заходил, кроме Каса-дель-Корво. Он разговаривал только с Плутоном и с Луизой Пойндекстер; но ни слуга, ни молодая хозяйка асиенды еще ничего не слыхали о странном всаднике, которого накануне встретил отряд майора. Плантатор по той или иной причине умолчал о нем, а его дочь ни с кем больше не разговаривала.

Сначала Зеб посмеялся над «человеком без головы» и назвал это «пьяными бреднями Фелима».

Однако, когда Фелим стал настаивать, что это правда, охотник призадумался, особенно сопоставляя это с другими известными ему обстоятельствами.

— Ну вот, как я мог ошибиться! — доказывал ирландец. — Разве я не видел мастера Мориса так же ясно, как вижу вас! Видел все, кроме головы. Но и голову потом увидел, когда он повернул лошадь, чтобы ускакать. На нем были его мексиканское серапе и гетры из пятнистой шкуры. И мог ли я не узнать его красивого коня! И я же говорю вам, что Тара убежала за ним. Потом я слышал, как она рычала на индейцев.

— Индейцы? — воскликнул охотник, недоверчиво

качая головой. — Индейцы, которые играют испанскими картами? Белые индейцы наверно.

— Вы думаете, что это были не индейцы?

— Неважно, что я думаю. Сейчас нет времени рассуждать об этом. Рассказывай дальше, что ты видел и слышал.

Когда Фелим наконец закончил свое повествование, Зеб не стал больше задавать вопросов. Он вышел из хижины и сел на траву.

Ему хотелось разобраться в своих мыслях, а он, по его собственному признанию, не умел этого делать взаперти.

Вряд ли нужно говорить, что рассказ Фелима еще больше все запутывал.

До этого надо было объяснить лишь исчезновение Генри Пойндекстера; теперь дело осложнялось еще тем, что и мустангер не вернулся домой, хотя, по словам слуги, он должен был приехать еще накануне утром.

Совсем загадочным был удивительный рассказ о том, что мустангера видели в прерии верхом на лошади, но без головы или, вернее, с головой, которую он держал в руке. Это могла быть только какая-то шутка.

Однако странное время для шуток — ведь только что совершено убийство, и половина жителей поселка ищет виновника преступления. Особенно маловероятно, чтобы такую шутку сыграл предполагаемый убийца.

Перед Зебом Стумпом раскрылась картина странного сцепления обстоятельств или, вернее, какого-то нагромождения событий. Происшествия без видимых причин, причины без видимых следствий, преступления, совершенные по непонятным побуждениям. Необъяснимые, сверхъестественные явления...

Ночное свидание Мориса Джеральда с Луизой Пойндекстер, ссора с ее братом, узнавшим об этой встрече, отъезд Мориса в прерию, Генри, отправившийся вдогонку, чтобы просить у Джеральда прощения, — все это было вполне естественно и понятно.

Но дальше начинались путаница и противоречия.

Зеб Стумп знал о расположении Мориса Джеральда к Генри Пойндекстеру. Морис неоднократно говорил о юноше и никогда не обнаруживал и тени вражды; наоборот, он всегда восхищался великодушным характером Генри.

Предположение, что Морис мог внезапно превратиться из друга юноши в его убийцу, казалось слишком неправдоподобным. Зеб поверил бы этому лишь в том случае, если бы увидел все собственными глазами.

Проведя целых полчаса в размышлениях, Зеб, несмотря на свой ясный и острый ум, так и не смог разобраться во всех этих запутанных обстоятельствах.

Только в одном он не сомневался: четыре всадника, которые, по его мнению, не могли быть индейцами, сделали набег на хижину мустангера и, возможно, были как-то причастны к убийству. Однако появление этих людей в хакале и отсутствие его хозяина навели Стумпа на еще более грустные предположения: ему казалось теперь, что убит не один человек и что в лесных зарослях следует разыскивать два трупа.

При этой мысли тяжелый вздох вырвался из груди старого охотника. Он любил молодого ирландца почти отеческой любовью, и мысль о том, что Морис Джеральд предательски убит в глухой чаще и что тело его терзают грифы и койоты, причиняла старику невыносимую боль.

Еще раз обдумав это, он снова вздохнул. Наконец мучительная тревога заставила его вскочить на ноги, и он начал быстро ходить взад и вперед, бормоча клятвы мести.

Старый охотник был так поглощен печалью и гневом, что не заметил, как мимо него пробежала собака мустангера.

Когда Фелим приветствовал ее радостным криком, Зеб Стумп обернулся, но, казалось, не обратил на нее внимания. Он вышел из задумчивости, только когда Фелим, вскрикнув от изумления, позвал его.

— Что такое, Фелим? Что случилось? Змея тебя укусила?

— Мистер Стумп, поглядите на Тару! Смотрите, у

нее на шее что-то привязано! Этого не было, когда она ушла. Как вы думаете, что это?

Действительно, на шее собаки был ремешок из оленьей кожи, а под ним торчало еще что-то — какой-то маленький пакетик.

Зеб вытащил нож и наклонился к собаке; та в испуге попятилась, но потом, поняв, что ее не обидят, позволила подойти к себе.

Охотник разрезал ремешок и развернул пакетик — в нем была визитная карточка.

На карточке было что-то написано, как будто красными чернилами, но на самом деле кровью.

Любой охотник, даже живущий в самой глуши, умеет читать. Зеб не был исключением. Он довольно быстро разобрал красные каракули. У него вырвался радостный крик:

— Он жив, Фелим! Он жив! Посмотри на это... Э, да ты ведь неграмотный! Спасибо старику учителю, что заставил меня выдолбить весь букварь. Ну, да не об этом речь. Он жив! Он жив!

— Кто? Мастер Морис? Слава тебе господи...

— Стой! Сейчас не до молитв. Достань одеяло и ремни. А я пока схожу за своей кобылой. И поживее! Если мы потеряем полчаса, то будет уже поздно.

Глава LIII

КАК РАЗ ВОВРЕМЯ

— Если мы потеряем полчаса, то будет уже поздно.

С этими словами старый охотник выбежал из хижины. Он был прав, но не совсем: нельзя было терять не только получаса, но даже полминуты. Когда охотник произносил эти слова, человеку, написавшему записку кровью, опять грозила смертельная опасность — его снова окружили койоты.

Но не этого должен был он бояться. Ему предстояла смертельная схватка с еще более страшным врагом.

Для читателя, наверно, уже ясно, что раненый че-

ловек в панаме и плаще — Морис Джеральд. После описанной схватки с койотами, закончившейся благополучно благодаря вмешательству верной Тары, он решил, что теперь можно отдохнуть.

Зная, что верный пес защитит его как от крылатых, так и от четвероногих хищников, молодой человек скоро забылся глубоким сном.

Когда он проснулся, то почувствовал, что силы отчасти вернулись к нему, и смог спокойно обдумать свое положение.

Собака спасла его от койотов; нет сомнения, что он может рассчитывать на нее и в случае новых нападений. Но что же дальше? Ведь она не в силах помочь ему добраться до хижины, а оставаться здесь — значит умереть от голода или от ран.

Раненый поднялся на ноги, но зашатался от слабости и, сделав один — два шага, принужден был снова лечь.

В эту тяжелую минуту его вдруг осенила счастливая мысль: «Тара может отнести в хижину записку».

— Если бы я только мог заставить ее уйти! — сказал он, испытующе глядя на собаку. — Поди сюда, моя хорошая, — продолжал он, обращаясь к своему бессловесному другу. — Я хочу, чтобы ты была моим почтальоном и отнесла письмо. Понимаешь? Погоди, пока я напишу, тогда я объясню тебе получше... Хорошо, что у меня с собой визитные карточки, — сказал он, нащупывая бумажник. — Карандаша нет. Но это не беда. Чернил тут хватит. А вместо пера мне послужит шип вот этой агавы.

Он подполз к растению, отломил один из шипов, которыми заканчивались длинные листья, окунул его в кровь койота, вынул карточку и стал писать.

Кончив письмо, раненый взял обрывок ремешка и обвязал его вокруг шеи собаки; тщательно завернув карточку в кусочек клеенки, оторванной от подкладки панамы, он заткнул пакетик за самодельный ошейник.

Теперь оставалось заставить собаку отнести это послание.

Это было трудно. Верный пес, несмотря на свой не-

заурядный ум, никак не мог понять, почему он должен покинуть в беде того, кому был так беззаветно предан. Не помогли ни ласки, ни уговоры.

И только после того, как человек, совсем недавно спасенный им, с притворной злобой закричал на него и ударил костылем, — только после этого пес покорился и ушел.

Несмотря на свою преданность, Тара не выдержала такого обращения. Обиженная, она поплелась в заросли, иногда оборачиваясь и бросая на хозяина взгляды, полные упрека.

— Бедняга! — с сожалением сказал Морис, когда она скрылась из виду. — Это все равно, что ударить себя или самого близкого друга. Ну, ничего, я не останусь у нее в долгу, если мне доведется ее снова увидеть. А теперь мне надо подумать о защите от новых нападений койотов. Они наверняка явятся, заметив, что я остался один.

Он знал, что надо делать.

Вблизи стояло дерево гикори, о котором уже упоминалось. На высоте шести — семи футов от его ствола почти параллельно отходили два толстых сука.

Мустангер снял плащ, расстелил его на траве и проколол ножом несколько дырочек в полах.

Потом он размотал свой шелковый шарф и разорвал его по длине на две полосы.

После этого он растянул плащ между ветвями и привязал его к ним полосками шарфа. Получилось что-то вроде гамака, в котором мог поместиться взрослый человек.

Морис знал, что койоты не умеют лазить по деревьям и что, устроившись на этой висячей постели, он может совершенно спокойно наблюдать за их стараниями добраться до него.

Он устроил это приспособление, так как был уверен, что койоты вернутся. И действительно, вскоре они снова показались из чащи: они выходили с опаской и, сделав шаг-два, останавливались, чтобы осмотреться, а затем продолжали подкрадываться к месту недавней битвы.

Убедившись, что собаки нет, они скоро собрались всей стаей. Морис стал свидетелем проявления отвратительной жестокости этих трусливых животных.

Сначала они с противоестественной жадностью пожрали трупы своих погибших собратьев; это было проделано с такой быстротой, что зритель, наблюдавший с дерева, вряд ли успел бы сосчитать до двадцати.

Потом внимание койотов привлек человек. Подвешивая свой гамак, мустангер не пытался замаскировать его — он подвесил его достаточно высоко, и ему казалось, что другие меры предосторожности не нужны.

Темный плащ с лежащим в нем человеком бросался в глаза.

По-видимому, вкус крови еще больше раздразнил аппетит хищников, и они стояли теперь под деревом, облизываясь после своего страшного обеда. Это было отвратительное зрелище.

Морис почти не обращал на них внимания, даже когда койоты подпрыгивали, пытаясь вцепиться в него или подняться по стволу дерева. Он был уверен, что ему ничего не грозит.

Однако существовала опасность, о которой он забыл.

Он вспомнил о ней, только когда койоты отказались от бесплодных попыток и, тяжело дыша, улеглись под деревом.

Из всех зверей, обитающих в прерии и зарослях чапараля, койот — самый хитрый. Охотники скажут вам, что «хитрее этой твари нет». Он хитер, как лиса, и свиреп, как волк. Его можно приручить, но в любое время он готов укусить руку, которая ласкает его. Ребенок может прогнать его палкой, но он не колеблясь нападет на раненого или обессиленного путника. В одиночку он пуглив, как заяц; но в стае, — а они всегда нападают стаей, — его трусость не так заметна. Порой, сильно изголодавшись, койот проявляет свирепость, которую можно принять за храбрость.

Но самое страшное в койоте — его хитрость; вспомнив об этом, мустангер начал тревожиться.

Когда хищники поняли, что им не добраться до че-

ловека, — а на это потребовалось немного времени, — стая не разбежалась, но уселась на траве; а из зарослей выбегали всё новые койоты. Не оставалось сомнений, что они решили взять его измором.

Казалось, это не должно было бы встревожить мустангера, поскольку они не могли добраться до гамака.

Он бы и не беспокоился, если бы ему снова не захотелось пить.

Он рассердился на себя за свою непредусмотрительность: почему он не подумал об этом, прежде чем забраться на дерево! Взять с собой запас воды было бы нетрудно. Ручей был рядом, а вогнутые листья агавы могли послужить сосудами.

Но теперь было уже поздно. Вода у подножия дерева дразнила его, и жажда от этого становилась еще мучительнее. Добраться до ручья он мог только через кольцо койотов, а это означало верную смерть. Он почти не надеялся, что собака вернется и второй раз спасет его; и совсем не надеялся на то, что записка попадет в руки человеку, которому она предназначалась. Было сто шансов против одного, что этого не случится.

После большой потери крови жажда бывает особенно сильной. Муки несчастного становились все нестерпимее. Долго ли суждено им продолжаться?

На этот раз у мустангера начался бред. Ему казалось, что уже не сто, а целая тысяча волков окружает дерево. Они придвигались все ближе и ближе. Глаза их горели страшным огнем. Красные языки касались плаща, в ткань впивались острые зубы. Раненый уже чувствовал зловонное дыхание хищников...

В минуту просветления он понял, что все это галлюцинация: койоты, которых по-прежнему было только сто, продолжали лежать на траве, ожидая развязки. Она наступила прежде, чем у мустангера снова начался бред. Он увидел, что все койоты внезапно вскочили и убежали в чащу.

Было ли это галлюцинацией? Нет, теперь он не бредил.

Что же могло спугнуть их?

В схватке с хищником Мориса

Морис радостно вскрикнул. Наверно, вернулась Тара. А может быть, с ней и Фелим. Ведь времени прошло достаточно, чтобы собака успела доставить записку. Койоты сторожили его уже больше двух часов.

Морис приподнялся и, перегнувшись через сук, окинул взглядом поляну. Ни собаки, ни слуги не было видно. Ничего, кроме ветвей и кустов.

Он прислушался. Ни звука, кроме завывания койотов, которые, очевидно, все еще продолжали отступать. Уж не бредит ли он снова? Что могло обратить их в бегство?

Но все равно дорога свободна. Теперь можно было подойти к ручью. Вода сверкала перед его глазами. Ее журчание ласкало слух.

Он спустился с дерева и, пошатываясь, направился к берегу.

Но, прежде чем наклониться к воде, Морис еще раз оглянулся. Даже мучительная жажда не заставила его

ждала неминуемая гибель.

забыть загадку, которую он пытался разрешить. Как объяснить эту внезапную перемену?

По-прежнему надеясь, что койотов испугала собака, он все-таки испытывал тревогу. Предчувствие его не обмануло. Среди зелени блеснула желтая пятнистая шкура. Длинное гибкое тело выползало из кустов, изгибаясь, как змея. Сомнений не оставалось — это был «тигр» Нового Света, внушающий не меньший ужас, чем его азиатский родич — ягуар.

Его появление объяснило, почему разбежались койоты.

Намерения хищника были очевидны: он тоже почуял кровь и спешил к месту, где она была пролита.

Ягуар не спускал глаз с человека; он шел прямо на него сначала медленно, припадая к земле, потом быстрее и быстрее, готовясь к прыжку.

Взбираться на дерево было бесполезно: ягуар лазает по деревьям, как кошка. Мустангер знал это.

Впрочем, все равно было поздно. Зверь уже оказался между мустангером и деревом, которое служило ему убежищем, а другого подходящего вблизи не было.

Но Морис и не думал об этом; он вообще потерял способность мыслить — отчасти от потрясения, отчасти потому, что его мозг был затуманен лихорадкой.

Чисто инстинктивно он бросился прямо в ручей и остановился, только когда вода дошла ему до пояса.

Если бы Морис мог рассуждать, он понял бы, что это бесполезно, — ведь ягуар не только лазает по деревьям, как кошка, но и плавает, как выдра. Он так же опасен в воде, как и на суше.

Морис не думал об этом. Он только бессознательно чувствовал, что мелкий ручей едва ли спасет его. Он перестал в этом сомневаться, когда ягуар, дойдя до воды, подобрался, готовясь к прыжку.

Морис в отчаянии ждал.

Защищаться он не мог: у него не было ни ружья, ни револьвера, ни ножа, ни даже костыля. В рукопашной схватке с хищником его ждала неминуемая гибель.

Дикий крик вырвался у несчастного, когда он увидел, что пятнистый зверь взвился в воздух.

Одновременно раздался визг ягуара, и, промахнувшись, зверь тяжело упал в воду.

На крик мустангера, точно эхо, ответил крик из зарослей, но еще раньше прозвучал сухой треск выстрела.

Огромная собака выскочила из кустов и прыгнула в ручей, туда, где исчез под водой ягуар. К берегу быстро приближался человек гигантского роста. Другой, поменьше, следовал за ним, оглашая воздух торжествующими возгласами.

Раненому показалось, что он бредит, а потом его сознание окончательно помутилось. Он хотел задушить ласкавшегося к нему верного пса и отбивался от сильных объятий друга, который поднял его и бережно вынес на берег.

Страшная действительность сменилась для него ужасами горячечных кошмаров.

Глава LIV

ПАЛАНКИН ПРЕРИИ

Это Зеб Стумп вынес мустангера на берег.

Прочитав записку, старый охотник поспешил к месту, которое было в ней указано.

К счастью, он подоспел на расстояние ружейного выстрела как раз в ту секунду, когда ягуар готовился прыгнуть.

Пуля не остановила прыжка страшного хищника — его последнего прыжка, — хотя и попала прямо в сердце.

Но это выяснилось потом, — пока надо было думать о другом. Когда старый охотник бросился в воду, чтобы убедиться, что его выстрел был смертельным, он сам подвергся нападению; но в него вцепились не когти ягуара, а руки человека, которого он только что спас.

Правда, нож мустангера остался на берегу; но безумец чуть не задушил Зеба. Охотнику пришлось бросить ружье и собрать все свои силы, чтобы отразить неожиданное нападение.

Борьба продолжалась довольно долго. Наконец Зебу удалось схватить молодого ирландца в свои сильные объятия и отнести на берег.

Но на этом дело не кончилось; как только Морис почувствовал себя свободным, он кинулся к гикори с такой быстротой, словно больная нога больше не мешала ему.

Охотник угадал его намерение. Благодаря своему высокому росту он увидел окровавленный нож, лежавший на плаще. За ним-то и бежал мустангер.

Зеб бросился вдогонку; еще раз схватил он безумца в свои медвежьи объятия и оттащил его от дерева.

— Лезь на дерево, Фелим! — закричал Зеб. — И скорее спрячь нож. Парень лишился рассудка. От него так и пышет жаром. У него горячка...

Фелим немедленно повиновался и, вскарабкавшись на дерево, взял нож.

Но борьба на этом не окончилась. Больной снова ки-

нулся душить своего спасителя — он громко кричал, грозил и дико вращал глазами.

Минут десять длилась эта отчаянная схватка.

Наконец мустангер в полном изнеможении опустился на траву; по его телу пробежала судорожная дрожь, он глубоко вздохнул и затих, словно жизнь покинула его.

Фелим принялся громко причитать над ним.

— Перестань завывать, проклятый дурень! — закричал Зеб. — От одного твоего воя можно помереть. Это обморок. Он мне наставил таких синяков, что с ним уж наверно ничего серьезного нет... Ну конечно, — продолжал он, наклонившись над больным и внимательно осматривая его. — Я не вижу ни одной опасной раны. Правда, колено сильно распухло, но кость цела, иначе он не смог бы ступить на ногу. А все остальное пустяки — царапины. Только откуда они? Ведь ягуар его не задел! Пожалуй, они больше похожи на следы когтей домашней кошки. А, все понятно! Прежде чем сюда явился ягуар, парню пришлось отбиваться от койотов. Кто бы подумал, что у этих трусливых тварей хватит храбрости напасть на человека! А вот нападают, если им встретится калека вроде него, — черт бы их побрал!

Охотник разговаривал сам с собой, потому что Фелим, обрадованный тем, что хозяин не только не умер, но и вообще вне опасности, перестал причитать и с ликующими возгласами, прищелкивая пальцами, пустился в пляс.

Его радостное возбуждение передалось и Таре. Вдвоем с Фелимом они исполнили что-то вроде залихватской ирландской джиги.

Зеб не обращал внимания на это комическое представление; он еще раз наклонился над неподвижно лежащим мустангером и снова стал его осматривать.

Убедившись, что опасных ран нет, Зеб Стумп поднялся и начал рассматривать валявшиеся на земле вещи. Он обратил внимание на панаму, которая все еще оставалась на голове мустангера, и у него появилась странная мысль.

Шляпы из гуакильской травы, неправильно называе-

мые панамами, не были редкостью в этих местах. Но охотник знал, что молодой ирландец обычно носил мексиканское сомбреро — головной убор совершенно другого типа. Впрочем, мустангер мог изменить своей привычке.

Однако Зебу показалось, что он уже видел эту шляпу раньше, но на другой голове.

Он наклонился и взял ее в руки — конечно, не из желания проверить, честным ли путем досталась она ее теперешнему владельцу. Ему хотелось найти разгадку тайны, или, вернее, целого ряда таинственных происшествий, над которыми он тщетно ломал голову. Заглянув внутрь панамы, охотник заметил клеймо фабриканта шляп в Новом Орлеане и надпись, сделанную от руки: «Генри Пойндекстер».

Теперь он стал исследовать плащ. На нем Стумп тоже увидел приметы, доказывавшие, что он принадлежал тому же владельцу.

— Очень странно! — пробормотал старик, глядя на землю и глубоко задумавшись. — Шляпы, головы и все прочее... Шляпы не на тех головах, головы не на своих местах! Ей-богу, здесь что-то нечисто! Если бы у меня не ныл синяк, который мне поставил под левым глазом этот молодец, я бы, пожалуй, усомнился, на месте ли мой собственный череп. От него ждать объяснений сейчас не приходится, — добавил Зеб, взглянув на Мориса. — Разве только после того, как у него пройдет горячка. А кто знает, когда это будет?.. Ладно, — продолжал охотник после некоторой паузы. — Здесь больше делать нечего. Его надо доставить в хижину. Он писал, что не может сделать ни шагу. Это только горячка придала ему сил, да и то ненадолго. Нога еще больше распухла. Придется его нести...

Охотник, казалось, задумался, как это осуществить.

— Этот все равно ничего не придумает, — продолжал он, взглянув на Фелима, который весело болтал с Тарой. — У пса больше мозгов, чем у него. Ну да ладно. Зато нести будет он — придется ему попотеть. Как же тут быть? Надо положить его на носилки. Пара шестов и плащ или одеяло, которое захватил Фелим, —

вот и готово. Да, так и сделаем. Носилки — это как раз то, что нам сейчас нужно.

Теперь ирландец был призван на помощь.

Они срезали и обстругали два деревца, каждое футов десять длиной, поперек них привязали еще два, покороче, сверху растянули сначала одеяло, а потом плащ.

Таким образом были сооружены простые носилки, способные выдержать больного или пьяного.

И надо признаться, мустангер больше напоминал пьяного, потому что он снова начал буйствовать и его пришлось привязать к носилкам.

Эти носилки несли не два человека, как обычно, а человек и лошадь. Передние концы шестов были привязаны к кобыле Зеба, а задние поддерживал Фелим, которому, как и обещал старый охотник, «пришлось попотеть».

Сам же Зеб шел впереди, избрав более легкую роль — вожатого.

Такой способ передвижения нельзя было назвать новым изобретением. Зеб соорудил грубое подобие мексиканского паланкина, который ему, наверно, приходилось видеть на юге Техаса. Разница была лишь в том, что в данном случае отсутствовал обычный балдахин и вместо двух мулов в упряжке шли человек и кобыла.

В этом импровизированном паланкине Морис Джеральд был доставлен в свою хижину.

* * * * * * * *

Уже спустилась ночь, когда эта странная процессия добралась до хакале мустангера.

Сильные, но нежные руки охотника бережно перенесли раненого на его постель из лошадиных шкур.

Мустангер не понимал, где он находится, и не узнавал друзей, склонившихся над ним. Он все еще бредил, но больше не буйствовал. Жар немного спал.

Он не молчал, но и не отвечал на обращенные к нему ласковые вопросы; а если и отвечал, то до смешного нелепо; однако слова его были настолько страшны, что

не только не вызывали улыбки, а наводили на грустные мысли.

Друзья мустангера как умели перевязали его раны, и теперь оставалось только ждать наступления утра.

Фелим улегся спать, а Зеб остался у постели мустангера.

Обвинять Фелима в эгоизме было бы несправедливо; его послал спать Зеб, заявив, что нет смысла сидеть около больного вдвоем.

У старого охотника были для этого свои соображения. Он не хотел, чтобы бред больного слышал кто-нибудь, кроме него, — даже Фелим.

И никто, кроме него, не слышал, о чем всю ночь напролет бредил мустангер.

Старый охотник слышал слова, которые его удивляли, и совсем не удивлявшие его имена. Для него не было неожиданностью, что мустангер то и дело повторял имя Луизы, сопровождая его любовными клятвами.

Но часто с уст больного срывалось и другое имя, и тогда речь его становилась иной.

Это было имя брата Луизы.

И слова, сопровождавшие его, были мрачными, бессвязными, почти бессмысленными.

Зеб Стумп сопоставлял все слышанное с уже известными ему фактами, и, прежде чем дневной свет проник в хакале, он уже не сомневался, что Генри Пойндекстера нет в живых.

Глава LV

ДЕНЬ НОВОСТЕЙ

Дон Сильвио Мартинес был одним из немногих мексиканских богачей, не покинувших Техас после захвата страны американцами.

Он мало интересовался политикой, был человеком миролюбивым, уже пожилым и довольно легко примирился с новым положением вещей. Переход в новое подданство, по его мнению, более чем окупался без-

опасностью от набегов команчей, опустошавших страну до прихода новых поселенцев.

Дикари, правда, не были еще окончательно усмирены, но нападения их стали гораздо реже. Это было уже значительным достижением по сравнению с прошлым.

Дон Сильвио был «ганадеро» — крупным скотоводом. Его пастбища простирались на много миль в длину и ширину, а его табуны и стада исчислялись тысячами голов.

Он жил в длинном, прямоугольном одноэтажном доме, скорее напоминавшем тюрьму, чем жилое здание. Со всех сторон асиенда была окружена загонами для скота — коралями.

Старый владелец асиенды, убежденный холостяк, вел спокойную и уединенную жизнь. С ним жила его старшая сестра. Только когда к ним в гости с берегов Рио-Гранде приезжала их хорошенькая племянница, тихая асиенда оживала.

Исидоре здесь всегда были рады; она приезжала и уезжала, когда ей заблагорассудится, и в доме дяди ей позволяли делать все, что вздумается. Старику нравилась жизнерадостность Исидоры, потому что он сам был далеко не мрачным человеком. Те черты ее характера, которые в других странах могли бы показаться неженственными, были естественны в стране, где загородный дом сплошь и рядом превращался в крепость, а домашний очаг орошался кровью его хозяев.

Дон Сильвио Мартинес сам провел бурную молодость среди опасностей и тревог, и храбрость Исидоры, порой граничащая с безрассудством, не только не вызывала его неудовольствия, но, наоборот, нравилась ему.

Старик любил свою племянницу, как родную дочь. Никто не сомневался, что Исидора будет наследницей всего его имущества. Неудивительно, что все слуги асиенды почитали ее, как будущую хозяйку. Впрочем, ее уважали не только за это: ее беззаботная смелость вызывала всеобщее восхищение, и в поместье нашлось бы немало молодых людей, которые, пожелай она этого, не остановились бы и перед убийством.

Мигуэль Диас говорил правду, когда утверждал, что ему грозит опасность. У него для этого были все основания. Если бы Исидоре вздумалось послать вакеро своего дяди, чтобы они повесили Диаса на первом попавшемся дереве, это было бы исполнено без промедления.

Неудивительно, что он так торопился уехать с поляны.

Как уже упоминалось, Исидора жила по ту сторону Рио-Гранде, милях в шестидесяти от асиенды Мартинеса. Это, однако, не мешало ей часто навещать своих родственников на Леоне.

Она ездила сюда не из корыстных соображений. Она не думала о наследстве — ее отец был тоже очень богат. Она просто любила дядю и тетку. Кроме того, ей нравились поездки от одной реки к другой; она нередко проезжала это расстояние за один день и часто без провожатых.

За последнее время Исидора стала все чаще гостить на Леоне. Не потому ли, что она еще больше привязалась к техасским родственникам и хотела утешить их старость? Или, быть может, что-нибудь другое влекло ее туда?

Ответим с той же прямотой, которая была свойственна характеру Исидоры. Она приезжала на Леону в надежде встретиться с Морисом Джеральдом. Столь же откровенно можно сказать, что она любила его. Возможно, из-за дружеской услуги, которую он ей оказал когда-то; но вернее будет предположить, что сердце отважной Исидоры покорила смелость, которую он тогда проявил.

Хотел ли он ей понравиться — кто знает... Он отрицал это, но трудно поверить, чтобы кто-нибудь мог взглянуть в глаза Исидоры равнодушно.

Морис, быть может, сказал правду. Но нам было бы легче поверить ему, если бы он встретился с Луизой Пойндекстер прежде, чем познакомился с Исидорой.

Однако, судя по всему, у мексиканской сеньориты есть основания предполагать, что Морис к ней неравнодушен.

Исидора больше не находит себе покоя. Ее горячий характер не терпит неопределенности. Она знает, что любит мустангера. Она решила признаться в своей любви и потребовать прямого ответа: любима она или нет? Поэтому она и назначила Морису Джеральду свидание, на которое он не мог приехать.

Этому помешал Мигуэль Диас.

Так думала Исидора, когда она оставила поляну и помчалась к асиенде своего дяди.

* * * * * * * * *

Исидора гонит серого коня галопом.

Ее голова обнажена, прическа растрепалась; густые черные волосы рассыпались по плечам, не прикрытым ни шарфом, ни серапе. Последнее она забыла на поляне вместе с сомбреро.

Ее глаза возбужденно блестят; щеки разгорелись ярким румянцем.

Мы знаем теперь почему.

Понятно также, почему она едет с такой быстротой: она сама об этом сказала. Приближаясь к дому, Исидора натягивает поводья. Лошадь замедляет бег, идет рысью, потом шагом и наконец останавливается посреди дороги.

По-видимому, всадница изменила свои намерения или остановилась, чтобы обдумать свои планы. Исидора размышляет.

«Пожалуй, лучше его не трогать. Это вызовет скандал. Пока никто ничего не знает о... к тому же я единственный свидетель. Ах, если бы я могла рассказать обо всем любезным техасцам, то одних моих показаний было бы достаточно, чтобы жестоко наказать его! Но пусть он живет. Он негодяй, но я не боюсь его. После того, что произошло, он не посмеет подойти ко мне близко. Пресвятая дева! И как только я могла хотя бы на минуту им увлечься!.. Надо послать кого-нибудь освободить его. Человека, который сохранил бы мою тайну. Бенито, управляющего. Он отважный и верный человек. Слава богу, вон он! Как всегда, считает скот».

— Бенито! Бенито!

— К вашим услугам, сеньорита.

— Бенито, мой друг, я хочу просить тебя об одном одолжении. Ты не откажешься помочь мне?

— Рад исполнить ваше распоряжение, — отвечает мексиканец, низко кланяясь.

— Это не распоряжение: я прошу оказать мне услугу.

— Приказывайте, сеньорита.

— Ты знаешь то место на вершине холма, где сходятся три дороги?

— Так же хорошо, как корали асиенды вашего дядюшки.

— Прекрасно. Отправляйся туда. Ты найдешь там на земле человека — руки у него связаны лассо. Освободи его, и пусть идет на все четыре стороны. Если он ушибся, то помоги ему как можешь. Только не говори, кто тебя послал. Может быть, ты его знаешь? Пожалуй, да, но это неважно. Ни о чем не спрашивай его. И не отвечай на его вопросы, если он вздумает тебя расспрашивать. Как только он встанет, пусть убирается куда хочет. Ты понял меня?

— Да, сеньорита. Ваши распоряжения будут выполнены в точности.

— Спасибо, друг Бенито. Еще одна просьба: о том, что ты для меня сделаешь, должны знать только трое, больше никто. Третий — это тот человек, к которому я тебя посылаю. Остальных двух ты знаешь.

— Понимаю, сеньорита. Ваша воля для меня закон.

Бенито отъезжает верхом на лошади, хотя об этом можно было бы и не упоминать, потому что люди его профессии редко ходят пешком, даже если им предстоит путь всего в одну милю.

— Подожди! Еще одно! — окликает его Исидора. — Ты увидишь там серапе и шляпу — захвати их с собой. Они мои. Я тебя подожду здесь или встречу на дороге.

Поклонившись, Бенито отъезжает. Но его опять останавливают:

— Я передумала, сеньор Бенито, — я решила ехать с тобой.

Управляющий дона Сильвио уже привык к капризам племянницы своего хозяина. Он беспрекословно повинуется и снова поворачивает лошадь к холму.

Девушка следует за ним. Она сама велела ему ехать впереди. На этот раз у нее есть основания не придерживаться аристократического обычая.

Но Бенито ошибся. Сеньорита Исидора сопровождает его не из-за каприза: у нее для этого есть серьезные причины. Она забыла не только свое серапе и шляпу, но и записку, доставившую ей столько неприятностей.

Об этом Бенито не должен знать — она не может доверить ему всего. Эта записка вызовет скандал, более неприятный, чем ссора с доном Мигуэлем Диасом.

Она возвращается в надежде забрать с собой письмо. Как глупо, что она раньше об этом не подумала...

Но как попало письмо в руки Эль-Койота? Он мог получить его только от Хосе!

Значит, ее слуга — предатель? Или же Диас, повстречавшись с ним, силой заставил его отдать письмо?

То и другое правдоподобно.

От Диаса вполне можно ожидать такого поступка; что же касается Хосе, то уже не первый раз у нее есть основания подозревать его в вероломстве.

Так размышляет Исидора, поднимаясь по склону холма.

Наконец они уже на вершине и въезжают на поляну; Исидора теперь едет рядом с Бенито.

Мигуэля Диаса на поляне нет — там вообще никого нет, и — что огорчает ее гораздо больше — нигде не видно записки. На траве лежат ее сомбреро, ее серапе, обрывок ее лассо — и больше ничего.

— Ты можешь вернуться домой, сеньор Бенито. Человек, который упал с лошади, наверно, уже пришел в себя и, по-видимому, уехал. И очень хорошо. Но не забывай, друг Бенито, что все должно остаться между нами. Понимаешь?

— Понимаю, донья Исидора.

Бенито уезжает и скоро скрывается за гребнем холма.

* * * * * * * * *

Исидора одна на поляне.

Она соскакивает с седла, набрасывает на себя серапе, надевает сомбреро и снова превращается в юного идальго. Медленно садится она в седло; мысли ее, по-видимому, витают где-то далеко.

В эту секунду на поляне появляется Хосе. Она немедленно спрашивает его:

— Что ты сделал с письмом, плут?

— Я доставил его, сеньорита.

— Кому?

— Я оставил его в... в гостинице, — говорит он, запинаясь и бледнея. — Дона Морисио я не застал.

— Это ложь, мерзавец! Ты отдал его дону Мигуэлю Диасу. Не отрицай! Я видела это письмо в его руках.

— О сеньорита, простите, простите! Я не виноват, уверяю вас, я не виноват!

— Глупец, ты сам себя выдал. Сколько заплатил тебе дон Мигуэль за твою измену?

— Клянусь вам, госпожа, это не измена! Он... он... заставил меня... угрозами, побоями. Мне... мне ничего не заплатили.

— Тогда я тебе заплачу. Больше ты у меня не служишь. А в награду вот тебе — вот и вот!

Раз десять повторяет она эти слова, и каждый раз ее хлыст опускается на плечи слуги.

Он пробует бежать. Напрасно! Она нагоняет его, и он останавливается из страха попасть под копыта разгоряченной лошади.

Только когда на смуглой коже появляются синие рубцы, истязание кончается.

— А теперь убирайся! И не попадайся мне больше на глаза. Пошел прочь!

Как испуганная кошка, Хосе убегает с поляны; он рад, что может скрыть свой позор в колючих зарослях.

Исидора тоже недолго остается на поляне — ее гнев сменяется глубокой печалью. Ей не только не удалось осуществить свое намерение, но ее сердечная тайна попала в руки предателей.

Она снова едет домой.

Вокруг асиенды царит смятение.

Пеоны, вакеро и слуги асиенды мечутся между полем, коралем и двором и в ужасе кричат.

Мужчины вооружаются. Женщины на коленях взывают к небесам о защите.

— Что случилось? — с недоумением спрашивает Исидора у попавшегося навстречу управляющего.

— Где-то в прерии убили человека, — отвечает он. — Убит американец, сын плантатора, недавно поселившегося в асиенде Каса-дель-Корво. Говорят, это дело рук индейцев.

Индейцы!

Это слово объясняет смятение, охватившее слуг дона Сильвио.

Тот факт, что кого-то убили — весьма незначительное происшествие в этой стране необузданных страстей, — не вызвал бы такого волнения, особенно если убит чужой — «американо».

Но весть о том, что появились индейцы, — это уже совсем другое дело. Это — опасность.

На Исидору эти новости производят совсем другое впечатление. Она не боится дикарей. Но имя погибшего вызывает воспоминания о мучительных подозрениях. Она знает, что у него есть сестра, которую все считают замечательной красавицей. Она сама видела ее и должна была признать, что это правда.

Но мучит ее другое: говорят, что эту несравненную красавицу видели в обществе Мориса Джеральда. И, услышав о смерти ее брата, Исидора снова вспомнила свои ревнивые подозрения.

Но скоро это чувство уступает место тому равнодушию, с которым мы обычно относимся к судьбе незнакомых нам людей.

Проходит несколько часов, и равнодушие сменяется мучительным интересом — точнее, страшными предчувствиями. Распространяются новые слухи. Убийство совершено не команчами, а *Морисом-мустангером!* Индейцев же поблизости нет.

Эти новые сведения успокаивают слуг дона Сильвио, но оказывают совсем другое действие на его племянницу. Она не находит себе места. Полчаса спустя Исидо-

ра останавливает свою лошадь около дверей гостиницы Обердофера.

Уже несколько недель по неизвестным причинам Исидора усердно изучала «язык американцев». Ее запас английских слов, хотя еще и очень скудный, оказывается достаточным для того, чтобы расспросить — не об убийстве, но о предполагаемом убийце.

Хозяин, зная, кто перед ним, отвечает на ее вопросы с заискивающей вежливостью. Она узнает, что Морис Джеральд уже выехал из гостиницы, а кроме того, выслушивает все известные подробности убийства.

С печалью в сердце возвращается мексиканка на асиенду своего дяди. Там опять царит смятение. Причина нового беспокойства может показаться смешной, но суеверные пеоны придерживаются другого мнения.

Их встревожил новый невероятный слух: где-то около реки Нуэсес видели человека без головы, который ехал по прерии верхом. Несмотря на кажущуюся нелепость этого слуха, сомневаться не приходится. Об этом знает весь поселок, а кроме того, пастухи дона Сильвио, искавшие заблудившийся скот, сами видели страшного всадника и, бросив поиски, помчались прочь от него, как будто это был дьявол.

Все три пастуха готовы поклясться, что они говорят правду. Но их испуганный вид лучше любой клятвы. К вечеру вся асиенда полна страшными слухами.

Но ничто не может остановить капризную племянницу дона Сильвио, которая, несмотря на уговоры дяди и тетки, решила вернуться на Рио-Гранде. Ее не пугает, что в прерии, через которую лежит ее путь, убили человека. Еще меньше беспокоит ее призрак всадника без головы, которого видели там. То, что пугает большинство, Исидоре кажется только интересным.

Она собирается ехать одна. Дон Сильвио предлагает ей охрану из десяти вооруженных до зубов вакеро.

Исидора отказывается наотрез.

Не возьмет ли она с собой Бенито?

Нет, она предпочитает ехать одна. Она так решила.

* * * * * * * * *

На следующее утро Исидора отправляется в путь. Едва рассвело, она уже в седле. Не проходит и двух часов, как она приближается, но не к берегам Рио-Гранде, а к берегу Аламо.

Почему она сделала такой крюк? Не заблудилась ли она?

Нет, заблудившийся путник выглядит совсем иначе. Правда, ее лицо печально, но на нем не заметно растерянности. Да и лошадь ее бежит вперед уверенно, подчиняясь руке седока.

Нет, Исидора не заблудилась. Она знает дорогу.

Лучше было бы для нее, если бы она заблудилась...

Глава LVI

ВЫСТРЕЛ В ДЬЯВОЛА

Всю ночь больной не сомкнул глаз. Он то затихал, то метался в безумном бреду.

Всю ночь старый охотник не отходил от него и слушал его бессвязные речи.

Услышанное только подтвердило его предположение о том, что Морис влюблен в Луизу и что ее брат убит!

Последнее в любом случае опечалило бы старого охотника, но в соединении со всеми известными ему фактами, еще и встревожило его.

Он думал о ссоре... шляпе... плаще... Мысли Зеба метались в лабиринте ужасных догадок. Никогда в жизни не был он так сбит с толку. Он застонал, чувствуя свое бессилие.

Он не следил за дверью, так как знал, что если «регулярники» и придут, то, во всяком случае, не ночью.

Только один раз он вышел: это было под утро, когда лунный свет уже смешивался с первыми лучами зари.

Он вышел потому, что его встревожил протяжный, заунывный вой Тары, бродившей среди зарослей; через секунду собака испуганно вбежала в хижину.

Погасив свечу, Зеб тихонько вышел и стал прислушиваться.

Ночные голоса леса молчали — не оттого ли, что завыла собака? Но почему она завыла?

Охотник сначала взглянул на лужайку перед домом, потом на опушку леса, затем стал всматриваться в темную стену деревьев. Ничего особенного он не заметил — все было, как всегда.

Мрачными контурами выделялся утес на фоне неба, по бокам его чернели вершины деревьев. Между силуэтами вершин виднелся просвет шагов в пятьдесят, — охотник знал, что это край верхней равнины.

Луна ярко освещала край обрыва, и на фоне неба даже змея, казалось, не могла бы проползти незамеченной.

Но и там никого не было видно.

Но зато кое-что можно было услышать. Со стороны равнины донесся тихий звук — как будто лошадь ударила подковой о камень.

Так решил Зеб, напряженно прислушивавшийся, не повторится ли звук.

Он не повторился; но старый охотник не ошибся в своем предположении — из-за вершин деревьев показалась лошадь, идущая вдоль обрыва.

На лошади сидел человек. И лошадь и всадник темными силуэтами вырисовывались на светлеющем небе. Лошадь была безупречна, как изваяние тончайшей работы. Очертания всадника были видны только от седла и до плеч; ноги терялись в тени животного; однако поблескивающие шпоры и стремена показывали, что ноги у всадника были. Но над плечами не было ничего.

Зеб Стумп протер глаза и посмотрел, снова протер и снова посмотрел, но видение оставалось все тем же. Если бы он повторил это восемьдесят раз, то все равно перед глазами его была бы все та же фигура — всадник без головы.

Сомневаться было невозможно. Он видел, как лошадь шла по краю обрыва медленным, но уверенным шагом; однако топота ее копыт не было слышно, словно она не шла, а скользила, как силуэт в театре теней.

Это видение не было мимолетным: Зеб довольно долго смотрел на него — во всяком случае, достаточно дол-

го, чтобы разглядеть все до мелочей, достаточно долго, чтобы убедиться, что это не мираж, не обман зрения, не иллюзия.

Оно исчезало медленно и постепенно: сначала скрылась голова лошади, потом ее шея, передняя часть корпуса, потом всадник — призрачный, чудовищный образ, — и, наконец, круп лошади и ее длинный развевающийся хвост.

— Иосафат!

Это восклицание сорвалось с уст Зеба Стумпа не потому, что он был удивлен исчезновением всадника. В нем не было ничего странного. Призрак скрылся за кулисами — другими словами, за верхушками деревьев, поднимающимися над обрывом.

— Иосафат!

Дважды вырвался у охотника его любимый возглас и оба раза с выражением безграничного изумления и ужаса.

О чувствах охотника легко было догадаться и по его виду: несмотря на всю его храбрость, он вздрогнул, и даже губы, коричневые от табачного сока, побелели.

Некоторое время Зеб стоял совершенно безмолвно, точно онемев.

Наконец он снова обрел дар речи.

— Черт побери! — пробормотал он очень тихо, все еще не отводя глаз от того места, где только что исчез лошадиный хвост. — Ирландец все-таки был прав. Я думал, что это ему спьяну почудилось! Но нет! Он на самом деле видел, так же как и я. Неудивительно, что малый испугался. У меня у самого до сих пор все поджилки трясутся. Иосафат! Что же это может быть?.. Что же это может быть? — повторил Зеб после некоторого раздумья. — Пожалуй, я добьюсь разгадки! Будь это днем или если бы он был ближе, я бы мог хорошенько рассмотреть его. А почему бы мне не подойти к нему поближе? Черт побери, попробую. Не съест же он меня, если даже это сам дьявол! А если это действительно дьявол, то я еще проверю, нельзя ли выбить черта из седла пулей. Что же, пойдем и познакомимся с этой нечистью, кто бы он ни был.

С этими словами охотник направился к тропинке, которая вела к обрыву.

Ему не нужно было возвращаться за ружьем — он захватил его, когда выскочил из хижины, услышав вой собаки.

Если всадник без головы был существом из плоти и крови, а не выходцем с того света, Зеб Стумп вполне мог рассчитывать на новую встречу с ним.

Когда охотник смотрел на него из дверей хакале, всадник ехал прямо к лощине, по которой можно было спуститься с верхней равнины в долину Аламо. Зеб пошел по той же тропе, рассчитывая встретиться с всадником без головы на краю обрыва, если только тот не переменит направления или не перейдет со своей спокойной иноходи на галоп.

Охотник быстро прикинул, какое расстояние ему надо будет преодолеть и сколько потребуется для этого времени.

Его расчет оказался точным. Когда его голова была почти на уровне равнины, он увидел возвышающиеся над ней плечи всадника.

Еще один шаг вверх по тропе — и открылась вся фигура всадника.

Еще шаг — и лошадь вырисовалась на фоне неба от челки до копыт.

Лошадь остановилась над самым обрывом, видимо собираясь опуститься вниз. Наверно, всадник из осторожности натянул поводья? Или она услышала шаги охотника? Вероятнее всего, она его почуяла.

Как бы то ни было, она стояла прямо перед охотником.

Увидев этот странный силуэт, Зеб остановился. У всякого другого на его месте, наверно, волосы поднялись бы дыбом. Даже у Зеба «мурашки побежали по спине», как он сам потом признался.

Однако охотник твердо решил выполнить намерение, которое привело его сюда: узнать, кто это — человек или дьявол.

Не теряя времени, Зеб вскинул ружье к плечу; его взгляд скользил вдоль ствола; луна светила так ярко,

что можно было прицелиться прямо в грудь всадника без головы.

Еще мгновение — и пуля пронзила бы его сердце; но у охотника вдруг мелькнула мысль:

«А что, если это будет убийство?»

Зеб опустил ружье и минуту колебался.

— Может, это человек? — пробормотал он. — Хотя что-то не похоже... Вряд ли под этой мексиканской тряпкой хватит места для головы. Если это в самом деле человек, то у него, я полагаю, должен быть язык, только где он может помещаться — не знаю... Эй, незнакомец! Поздненько же вы катаетесь! И где это вы забыли свою голову?

Ответа не последовало. Только лошадь фыркнула, услышав человеческий голос. И все.

— Вот что, незнакомец! С вами разговаривает старый Зеб Стумп из штата Кентукки. Он не из тех, над кем можно шутки шутить. Я хочу, чтобы вы объяснились начистоту. Карты на стол, а то потеряете и их и ставку! Ну, отвечайте же, или я выстрелю!

Снова никакого ответа. Даже лошадь только встряхнула головой, по-видимому уже привыкнув к голосу Зеба.

— И черт с тобой! — закричал охотник, выведенный из себя молчанием, которое показалось ему оскорбительным. — Даю тебе еще шесть секунд, и, если ты мне не ответишь, я стреляю! Если ты чучело, то это тебе не повредит. А если дьявол, то тем более. Но ежели ты человек, а прикидываешься мертвецом, то заслуживаешь пули за такую дурь. Ну, отвечай! — продолжал он с возрастающим раздражением. — Отвечай, тебе говорят!.. Не хочешь? Ладно! Я стреляю! Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

В ту секунду, когда должно было бы прозвучать «семь», если бы счет продолжался, раздался резкий треск выстрела, свист пули и затем глухой удар — это свинец попал во что-то твердое.

Выстрел, казалось, не дал никаких результатов — только лошадь испуганно заржала. Всадник же продолжал спокойно сидеть в седле.

В звучном ржании лошади Зебу почудилась насмешка.

Впрочем, и лошадь как будто не очень испугалась. В ее звучном ржании охотнику почудилась насмешка.

И все же она сорвалась с места и умчалась диким галопом, оставив Зеба в таком глубоком изумлении, какого ему еще не приходилось испытывать.

Несколько секунд после выстрела Зеб Стумп не поднимался с колена.

Если до выстрела у него по спине бегали мурашки, то теперь его пробрала холодная дрожь. Он был не только изумлен — он оцепенел от ужаса. Старый охотник был вполне уверен, что его пуля попала в сердце всадника или, во всяком случае, в то место, где у человека должно быть сердце.

Был ли это человек? Зеб решил, что нет. И эта мысль, быть может, успокоила бы его, если бы не лошадь, не дикое, сатанинское ржание, от которого у него до сих пор стыла кровь и он дрожал, как в лихорадке. Зеб хотел бежать, но не мог встать. И он продолжал стоять на одном колене, в полном оцепенении глядя вслед чудовищному всаднику, пока тот не исчез в залитых лунным светом просторах прерии. Только тогда он оправился настолько, что смог вернуться в хижину.

Лишь очутившись под ее кровом, он пришел в себя и смог спокойно подумать об этом странном происшествии. Он не сразу освободился от мысли, что видел самого дьявола. Но по здравом размышлении он пришел к выводу, что это невероятно. Но никакого другого объяснения ему найти не удалось.

— Вряд ли... — продолжал он все еще с сомнением в голосе, — вряд ли это может быть выходец с того света, — а то как бы я услышал, что пуля об него шлепнулась? Ясно, что свинец попал в какое-то тело, — а ведь духи бестелесные... Ладно! — закончил охотник, по-видимому отказавшись от попытки найти объяснение этому странному явлению. — Нечего больше ломать себе голову! Одно из двух: либо это чучело, набитое тряпками, либо сам сатана!

* * * * * * * * *

Когда Зеб вошел в хижину, вместе с ним туда прокрался голубой утренний свет.

Пора было будить Фелима, чтобы тот посидел с больным. Ирландец уже совсем протрезвился и, чувствуя себя немного виноватым, потому что долго спал, был рад принять на себя эту обязанность.

Но, прежде чем уступить ему место, старый охотник сам заново перевязал раны. Зебу были хорошо известны лечебные свойства растений. Вблизи рос кактус нопаль, сок которого — отличное средство для заживления ран. Старик знал, что, если приложить его к ране, она через сутки начнет затягиваться, а через три дня совсем заживет.

Как и большинство местных жителей, Зеб глубоко верил в целебные свойства кактусов, и, если бы поблизости был хоть десяток докторов, он не позвал бы к больному ни одного из них. Он был убежден, что Морису Джеральду не грозит опасность — по крайней мере, от ран.

Опасность была — но другая.

— Ну, мистер Фелим, — сказал Зеб, заканчивая перевязку, — мы сделали все, чтобы залечить раны, а теперь надо подумать, как бы накормить больного... Ты говоришь, что у тебя нет никакой еды?

— Хоть шаром покати, мистер Стумп. Хуже того: и выпить нечего — ни капли во всем доме.

— Это ты, негодяй, все вылакал! — сердито закричал Зеб. — Если бы не ты, виски хватило бы на все время, пока парень будет поправляться. Что же теперь делать?

— Вы зря меня обижаете, мистер Стумп. Я выпил только из маленькой фляги. Это индейцы осушили большую бутыль. Честное слово!

— Нечего врать-то! Ты бы не свалился только от того, что было в фляжке. Я слишком хорошо знаю твою ненасытную утробу, чтобы поверить этому. Ты немало хлебнул и из большой бутыли.

— Клянусь всеми святыми!

— Пошел ты к черту со своими святыми! В них только дураки верят... Ладно, хватит болтать! Ты высо-

сал все виски — и дело с концом. За двадцать миль за ним не поедешь, а ближе нигде не достать. Придется обойтись без него.

— Как же теперь быть?

— Молчи и слушай, что я тебе скажу. Без выпивки мы обойдемся, но я не вижу смысла подыхать с голоду. Наш больной совсем отощал. Да и я так голоден, что готов съесть хоть койота, а уж от индюка подавно не отвернусь. Ты посиди около парня, а я отправлюсь на речку и посмотрю, не удастся ли чего подстрелить.

— Не беспокойтесь, мистер Стумп, я сделаю все, что надо. Честное слово...

— Замолчи и дай мне договорить!

— Ей-ей, больше ни словечка не скажу.

— Да заткнись же! Запомни хорошенько: если кто сюда забредет, пока меня нет, — дай мне знать. Только не теряй ни минуты.

— Можете быть уверены.

— Смотри же, не подведи!

— Не подведу; только как это сделать, мистер Стумп? Может, вы зайдете далеко и не услышите, как я буду кричать. Как же тогда?

— Вряд ли мне придется идти далеко — на заре дикого индюка у реки подстрелить нетрудно. А впрочем, как знать? — продолжал Зеб после минутного размышления. — Найдется ли у тебя в хижине ружье? Пистолет также годится.

— Ни того, ни другого нет. Хозяин взял их с собой. Должно быть, он оставил их в поселке.

— Плохо дело. Ведь я и в самом деле могу не услышать твоего крика.

Зеб уже переступил было порог, но потом остановился и задумался.

— Есть! — воскликнул он после некоторого размышления. — Придумал! Видишь мою старую кобылу?

— Как же не видеть, мистер Стумп? Конечно, вижу.

— Ладно. А колючие кактусы на краю поляны видишь?

— Вижу.

— Молодчина! Теперь слушай. Поглядывай за

дверь. Если кто появится, пока меня нет, беги прямо к кактусу, срежь ветку, да выбирай поколючее, и ткни ее под хвост моей кобыле.

— Господи! Для чего же это?

— Ладно, придется объяснить тебе, — сказал Зеб в раздумье, — а то ты, чего доброго, все напутаешь. Видишь ли, Фелим, мне надо знать, если кто-нибудь сюда заглянет. Я далеко не пойду, но все же может случиться, что я тебя не услышу. Пусть кричит кобыла — у нее, пожалуй, голос погромче твоего. Понял, Фелим? Смотри же, сделай все, как я тебе сказал!

— Ей-же-ей, сделаю!

— Смотри не забудь. От этого может зависеть жизнь твоего хозяина.

С этими словами старый охотник закинул за плечо свое длинное ружье и вышел из хижины.

— А старик-то не дурак, — сказал Фелим, как только Зеб отошел на такое расстояние, что уже не мог слышать его голоса. — Но почему он опасается, что хозяину будет плохо, если сюда кто-то придет? Он даже сказал, что от этого будет зависеть его жизнь. Да, он так сказал. Он мне сказал, чтобы я поглядывал за дверь. Небось он хотел, чтобы я сразу это сделал. Так я пойду погляжу.

Фелим вышел на лужайку и окинул внимательным взглядом все тропы, которые вели к хижине.

Потом он вернулся и встал на пороге, как часовой.

Глава LVII

УСЛОВЛЕННЫЙ СИГНАЛ

Фелиму недолго пришлось стоять на страже. Не прошло и десяти минут, как он услышал стук копыт. Кто-то приближался к хижине.

У Фелима сильно забилось сердце.

Густые деревья мешали ему разглядеть всадника, и он никак не мог определить, что это за гость. Однако по топоту копыт он догадался, что едет кто-то один; но

как раз это и напугало его. Он меньше встревожился бы, если бы услышал, что скачет отряд. Хотя он уже хорошо знал, что мустангер лежит в хижине, ему очень не хотелось снова встречаться со всадником, который был так похож на его хозяина, если не считать головы.

Сначала Фелим хотел было перебежать лужайку и выполнить распоряжение Зеба. Однако испуг приковал его к месту, и раньше, чем он успел собраться с духом, он убедился, что его опасения напрасны: у незнакомого всадника была голова.

— Вон она — у него на плечах, — сказал Фелим, когда всадник показался из-за деревьев и остановился на противоположном конце поляны. — Настоящая голова, да еще с красивым лицом, только не слишком веселым. Можно подумать, что бедняга недавно схоронил свою бабушку! А ножки-то какие крохотные... Святые угодники, да это женщина!

Пока ирландец рассуждал — то про себя, то вслух,— всадник проехал еще несколько шагов и снова остановился.

На этом расстоянии Фелим окончательно убедился, что он правильно определил пол неизвестного всадника, хотя тот сидел на лошади по-мужски и на нем была мужская шляпа и серапе, что могло ввести в заблуждение и более искушенного человека.

Это действительно была женщина. Это была Исидора.

* * * * * * * * *

Фелим впервые увидел мексиканку, так же как и она его. Они никогда раньше не встречались. Он правильно заметил, что лицо ее не было веселым. Напротив, оно было печальным, даже больше того — на нем лежала печать отчаяния.

Когда Исидора показалась из-за деревьев, во взгляде ее сквозило опасение. Когда она выехала на поляну, лицо ее не просветлело — на нем появилось удивление, смешанное с разочарованием.

Вряд ли она была удивлена, увидев хижину: Исидора знала о ее существовании. Она-то и была целью ее

путешествия. Девушку, вероятно, удивила странная фигура на пороге. Это был не тот, кого она ожидала здесь встретить.

В нерешительности она подъехала поближе, чтобы расспросить его.

— Не ошиблась ли я? — спросила Исидора «по-американски». — Простите, но я... я думала, что дон Морисио живет здесь.

— Дон Моришо, вы сказали? Нет. Здесь такого нет. Дон Моришо? Я знал одного по фамилии Мориш, он жил недалеко от Баллибаллаха. Я хорошо запомнил этого парня, потому что он надул меня однажды при покупке лошади. Только имя-то его было не Дон, а Пат. Пат Мориш его звали.

— Дон Морисио. Мо-рис, Мо-рис.

— А, Морис! Может быть, вы спрашиваете о моем хозяине, мистере Джеральде?

— Да-да! Сеньор Зераль.

— Ну, если вам нужен мистер Джеральд, то он как раз живет в этой самой хижине, вернее — заезжает сюда после охоты на диких лошадей. Он поселился здесь только на время своей охоты. Ах, если бы вы видели его красивый замок там, на родине, в старой Ирландии! Посмотрели бы на голубоглазую красотку! Бедняжка небось слезами заливается, ожидая его возвращения. Ах, если б вы только видели ее!

Несмотря на ирландский акцент Фелима, мексиканка поняла его.

Ревность — хороший переводчик. Что-то вроде вздоха вырвалось у Исидоры, когда Фелим произнес коротенькое слово «ее».

— Я вовсе не хочу видеть «ее», — поспешила ответить она. — Я хочу видеть его. Он дома?

— Дома ли он? Вот это прямой вопрос. Предположим, я скажу вам, что он дома. Что же тогда?

— Я хочу его видеть.

— Ах, вот оно что! Придется вам подождать. Сейчас не время для гостей: к нему можно пустить только доктора или священника, моя красавица. А вас я не пущу.

— Но мне очень нужно повидать его, сеньор!

— Гм... вам нужно видеть его? Это я уже слышал. Только вам не удастся. Фелим О'Нил редко отказывает красавицам, особенно таким черноглазым, как вы. Но что поделаешь, если нельзя!

— Но почему нельзя?

— На это есть много причин! Первая — потому, что сейчас он не может принять гостей, и особенно даму.

— Но почему же, сеньор, почему?

— Потому что он не одет как следует. На нем одна рубашка, если не считать тряпья, которым мистер Ступм его всего обмотал. Черт побери! Этого, пожалуй, хватило бы, чтобы сшить ему целый костюм — сюртук, жилет и брюки.

— Сеньор, я вас не понимаю...

— Ах, не понимаете! Разве я недостаточно ясно сказал, что он в постели?

— В постели, в этот час! Надеюсь, ничего не...

— ...случилось, вы хотели сказать? К несчастью, случилось, да еще такое, что ему придется пролежать много недель.

— О сеньор, неужели он болен?

— Вот это-то самое и есть. Но что же делать, голубушка, скрывать этого не стоит, — ему-то ни легче, ни хуже не будет от того, что я сказал. Хоть в глаза ему это скажи, он спорить не будет.

— Значит, он болен. Скажите мне, сеньор, чем он болен и почему он заболел?

— Хорошо. Но я могу ответить только на один ваш вопрос — на первый. Его болезнь произошла от ран, а кто их нанес, бог знает. У него болит нога. А кожа у него такая, точно его сунули в мешок с десятком злых кошек. Клочка здоровой кожи, даже величиной в вашу ладошку, и то не найдется. Хуже того — он не в себе.

— Не в себе?

— Вот именно. Он болтает, как человек, который накануне хватил лишнего и думает, что за ним гоняются с кочергой. Капля винца, кажется мне, была бы для него лучшим лекарством, — но что поделаешь, когда его нет! И фляжка и бутыль — все пусто. А у вас

с собой нет хоть маленькой фляжки? Немножко агвардиенте — так, кажется, по-вашему? Мне приходилось пить дрянь и похуже. Глоточек этой жидкости наверняка очень помог бы хозяину. Скажите правду, сударыня: есть ли с вами хоть капелька?

— Нет, сеньор, у меня нет ничего такого. К сожалению, нет.

— Жаль! Обидно за мастера Мориса. Это было бы ему очень кстати. Но что поделаешь, придется обойтись и так.

— Но, сеньор, неужели правда, что мне нельзя его видеть?

— Конечно. Да и к чему? Он ведь все равно не отличит вас от своей прабабушки. Я же вам говорю — он весь изранен и не в себе.

— Тем более я должна его видеть. Может быть, я могу помочь ему. Я в долгу перед ним...

— А, вы ему должны и хотите заплатить? Ну, это совсем другое дело. Но тогда вам незачем его видеть. Я его управляющий, и все его дела идут через мои руки. Правда, я не умею писать, но могу поставить кресты на расписке, а этого вполне достаточно. Смело платите эти деньги мне — даю вам слово, что мой хозяин второй раз их не потребует. Сейчас это будет кстати — мы скоро уезжаем, и нам деньги нужны. Так вот, если деньги с вами, то остальное мы достанем — бумагу, перо и чернила найдем в хижине. Я вам мигом дам расписку.

— Нет, нет, нет! Я не о деньгах говорила. Это долг благодарности.

— Ах, только и всего! Ну, этот долг нетрудно заплатить. И расписки не требуется. Но сейчас платить такие долги не время. Хозяин все равно ничего не поймет. Когда он придет в себя, я скажу ему, что вы тут были и расплатились.

— Но все-таки можно видеть его?

— Говорю вам, что сейчас нельзя.

— Но я должна его видеть!

— Вот еще — должны! Меня поставили караулить и строго приказали никого не впускать.

— Но это ко мне не относится. Ведь я же его друг. Друг дона Морисио.

— Откуда мне это знать? Хоть личико у вас очень хорошенькое, вы можете оказаться его злейшим врагом.

— Но я должна его видеть, должна! Я этого хочу — и увижу!

При этих словах Исидора соскочила с лошади и направилась к двери.

Ее решительный и гневный вид показал ирландцу, что пора выполнить распоряжение Зеба Стумпа. Не теряя времени, он поспешил в хижину и вышел оттуда, вооруженный томагавком; он хотел было проскочить мимо незваной гостьи, но вдруг остановился, увидев, что она целится в него из револьвера.

— Брось топор! — закричала Исидора. — Негодяй, попробуй только замахнись на меня — и ты умрешь!

— На вас, сударыня? — пробормотал Фелим, немного оправившись от испуга. — Святая дева! Я взял это оружие совсем не для того, чтобы поднять его против вас. Клянусь вам всеми святыми!

— Для чего же вы его взяли? — спросила мексиканка, поняв свою ошибку и опуская револьвер. — Почему вы так вооружились?

— Клянусь вам, только для того, чтобы выполнить распоряжение: мне надо срезать кактус — вон он там растет — и сунуть его под хвост вот этой лошади. Ведь вы же не станете возражать против этого?

Сеньорита замолчала, удивленная этим странным намерением.

Поведение ирландца было слишком нелепо, чтобы заподозрить его в коварстве. Его вид, поза, жесты были скорее комическими, чем угрожающими.

— Молчание — знак согласия. Благодарю вас, — сказал Фелим, больше не опасаясь получить пулю в спину.

Он перебежал лужайку и в точности выполнил все наставления старого охотника.

Мексиканка сначала молчала от удивления, но потом она продолжала молчать, так как говорить было бесполезно.

Едва Фелим выполнил распоряжение охотника, как раздался визг кобылы, сопровождаемый топотом ее копыт; им вторил заунывный вой собаки; и сейчас же целый хор лесных голосов — птиц, зверей и насекомых — подхватил этот неистовый концерт, перекричать который было не под силу простому смертному.

Исидора стояла в молчаливом недоумении. Ничего другого ей не оставалось. До тех пор, пока продолжался этот адский шум, не стоило и пытаться что-нибудь спрашивать.

Фелим вернулся к дверям хакале и снова занял сторожевой пост у двери с удовлетворенным видом актера, хорошо сыгравшего свою роль.

Глава LVIII

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Целых десять минут длился этот дикий концерт: кобыла визжала, как недорезанный поросенок, а собака вторила ей заунывным воем, которому отвечало эхо по обоим берегам ручья.

Эти звуки разносились на целую милю. Зеб Стумп вряд ли зашел дальше и непременно должен был их услышать.

Не сомневаясь, что Зеб не замедлит прийти, Фелим твердо стоял на пороге, надеясь, что незнакомка не повторит попытки войти — хотя бы до тех пор, пока он не будет освобожден от обязанностей часового.

Несмотря на все уверения мексиканки, он все еще подозревал ее в коварных замыслах; иначе почему бы Зеб так настаивал, чтобы его вызвали?

Сам Фелим уже оставил мысль о сопротивлении. Ему все еще мерещился блестящий револьвер, и он совсем не хотел ссориться с этой странной всадницей; он без разговоров пропустил бы ее в хижину.

Но был еще один защитник, который более решительно охранял вход в хакале и которого не испугала бы целая батарея тяжелых орудий. Это была Тара.

Протяжный, заунывный вой собаки то и дело сменялся отрывистым злобным лаем. Она тоже почувствовала недоверие к незваной гостье — поведение мексиканки показалось собаке враждебным. Тара загородила собой Фелима и дверь и, обнажив свои острые клыки, ясно дала понять, что проникнуть в хижину можно только через ее труп.

Но Исидора и не думала настаивать на своем желании. Удивление было, пожалуй, единственным чувством, которое она в эту минуту испытывала.

Она стояла неподвижно и молча. Она выжидала. Несомненно, после такого странного вступления должен был последовать соответствующий финал. Сильно заинтригованная, она терпеливо ждала конца этого спектакля.

От ее прежней тревоги не осталось и следа. То, что она видела, было слишком смешным, чтобы испугать, и в то же время слишком непонятным, чтобы вызвать смех.

На лице человека, который вел себя так странно, не было заметно улыбки — оно оставалось совершенно серьезным. Было ясно, что этот чудак совсем и не думал шутить.

Она продолжала недоумевать, пока между деревьями не показался высокий человек в выцветшей куртке и с длинным ружьем в руках. Он почти бежал.

Он направлялся прямо к хижине. Когда девушка увидела незнакомца, на ее лице появилось выражение тревоги, а маленькая рука крепче сжала револьвер.

Это было сделано отчасти из предосторожности, отчасти машинально. И неудивительно: кто угодно встревожился бы, увидев суровое лицо великана, быстро шагавшего к хижине.

Однако, когда он вышел на поляну, на его лице появилось не меньшее удивление, чем то, которое было написано на лице девушки.

Он что-то процедил сквозь зубы, но среди все еще продолжавшегося шума его слова нельзя было расслышать, и только по жестам можно было предположить, что вряд ли они были особенно вежливыми.

Он направился к лошади, которая по-прежнему визжала, и сделал то, чего никто, кроме него, не посмел бы сделать — он поднял хвост у обезумевшей кобылы и освободил ее от колючек, которые так долго ее терзали.

Сразу воцарилась тишина, потому что остальные участники хора, привыкнув к дикому ржанию кобылы, давно уже замолкли.

Исидора все еще ничего не могла понять и, только бросив взгляд на комическую фигуру в дверях хижины, догадалась, что толстяк удачно выполнил какое-то поручение.

Но от самодовольства Фелима не осталось и следа, как только Стумп с грозным видом повернулся к хижине. Даже присутствие красавицы не могло остановить потока его ругани.

— Ах ты, болван! Идиот ирландский! Для чего, спрашивается, ты меня вызвал сюда? Я только что прицелился в огромного индюка, фунтов на тридцать, не меньше. Проклятая кобыла спугнула его, прежде чем я успел спустить курок. Теперь пропал наш завтрак!

— Но, мистер Стумп, вы же сами приказали мне! Вы сказали, что если кто-нибудь придет сюда...

— Ну и дурень же ты! Неужели же это касалось женщины?

— Но откуда я мог знать, что это женщина? Вы бы посмотрели, как она сидит на лошади! Совсем как мужчина.

— Не все ли равно, как она сидит на лошади? Да разве ты раньше не замечал, садовая голова, что все мексиканки так ездят? Сдается мне, что ты на бабу похож куда больше, чем она; а уж глупее ее ты раз в двадцать. В этом я уверен. А ее я видел несколько раз, да и слыхал о ней кое-что. Не знаю, каким ветром ее сюда занесло. И вряд ли от нее это узнаешь — она говорит только на своем мексиканском наречии. А я его не знаю и знать не хочу.

— Вы ошибаетесь, мистер Стумп. Она говорит и по-английски... Правда, сударыня?

— Немножко по-английски, — ответила мексиканка, которая до сих пор слушала молча. — Чуть-чуть.

— Вот те и на! — воскликнул Зеб, слегка смутившись. — Извините меня, сеньорита. Вы немножко болтаете по-английски? Мучо боно — тем лучше. В таком случае, вы можете сказать мне, зачем вы сюда пожаловали. Не заблудились ли вы?

— Нет, сеньор... — ответила она, помолчав.

— Так, значит, вы знаете, где вы?

— Да, сеньор... Да... Это дом дона Морисио Зераль?

— Да, это так. Лучше-то вам его имени не произнести... Эту хижину трудно назвать домом, но он действительно здесь живет. Вы хотите видеть ее хозяина?

— О сеньор, да! Я для этого и приехала.

— Ну что ж, я не стану возражать. Ведь вы ничего плохого не задумали? Но только — что пользы? Он же не отличит вас от своей подметки.

— Он болен? С ним случилось несчастье? Вот он сказал мне об этом.

— Да, я ей сказал об этом, — отозвался Фелим.

— Так и есть, — ответил Зеб. — Он ранен. И как раз сейчас он немножко бредит. Я думаю, серьезного ничего нет. Надо надеяться, что он скоро придет в себя.

— О сеньор, я хочу быть его сиделкой, пока он болен! Ради бога, разрешите мне войти, и я стану ухаживать за ним. Я его друг, верный друг.

— Что же, я в этом не вижу ничего плохого. Говорят, это женское дело — ухаживать за больными. Правда, я сам не проверял этого с тех пор, как похоронил свою жену. Если вы хотите поухаживать за ним — пожалуйста, раз вы его друг. Можете побыть с ним, пока мы вернемся. Только последите, чтобы он не свалился с кровати и не сорвал свои повязки.

— Доверьтесь мне, сеньор. Я буду оберегать его, как только могу. Но скажите: кто его ранил? Индейцы? Но ведь их нет поблизости. Он с кем-нибудь поссорился?

— Об этом, сеньорита, вы знаете столько же, сколько и я. У него была схватка с койотами. Но у него разбито колено, и койоты тут ни при чем. Я нашел его вчера незадолго до захода солнца в зарослях. Он стоял по пояс в ручье, а с берега на него уже собрался прыгнуть пятнистый зверь, которого вы, мексиканцы, называете

тигром. Ну, от этой опасности я его спас. Но что было раньше, это для меня тайна. Парень потерял рассудок, и сейчас от него ничего не узнаешь. Поэтому нам остается только ждать.

— Но вы уверены, сеньор, что у него нет ничего серьезного? Его раны не опасны?

— Нет. Его немного лихорадит. Ну, а что касается ран, так это просто царапины. Когда он придет в себя, все будет в порядке. Через недельку он будет здоров, как олень.

— О, я буду заботливо ухаживать за ним!

— Вы очень добры, но... но...

Зеб заколебался. Внезапная мысль осенила его. Вот что он подумал:

«Это, должно быть, та самая девица, которая посылала ему гостинцы, когда он лежал у Обердофера. Она в него влюблена — это ясно, как божий день. Влюблена по уши. И другая тоже. Ясно и то, что мечтает он не об этой, а о другой. Если она услышит, как он будет в бреду говорить о той—а он всю ночь только ее и звал,— ведь это ранит ее сердечко. Бедняжка, мне ее жаль — она, кажется, добрая. Но не может же мустангер жениться на обеих, а американка совсем его заполонила. Неладно все это получилось. Надо бы уговорить эту черноглазую уйти и не приходить к нему — по крайней мере, пока он не перестанет бредить о Луизе».

— Вот что, мисс, — обратился наконец Стумп к мексиканке, которая с нетерпением ждала, чтобы он заговорил: — не лучше ли вам отправиться домой? Приезжайте сюда, когда он поправится. Ведь он даже не узнает вас. А оставаться, чтобы ухаживать за ним, незачем, он не так серьезно болен и умирать не собирается.

— Пусть не узнает. Я все равно должна за ним ухаживать. Может быть, ему что-нибудь понадобится? Я обо всем позабочусь.

— Раз так, то оставайтесь, — сказал Зеб, как будто какая-то новая мысль заставила его согласиться.—Дело ваше! Но только не обращайте внимания на его разговоры. Он будет говорить об убийстве и мало ли о

чем... Так часто бывает, когда человек бредит. Вы не пугайтесь. Он, наверно, будет говорить и об одной женщине — он все ее вспоминает.

— О женщине?

— Да. Он ее все кличет по имени.

— Ее имя? Сеньор, какое имя?

— Должно быть, это имя его сестры. Я даже уверен в том, что сестру-то он и вспоминает.

— Мистер Ступм, если вы про мастера Мориса рассказываете... — начал было Фелим.

— Замолчи, дурень! Не суйся, куда не надо. Не твоего ума это дело. Пойдем со мной, — сказал он, отходя и увлекая за собой ирландца. — Я хочу, чтобы ты со мной немножко прошелся. Я убил гремучку, когда поднимался вверх по ручью, и оставил ее там. Захвати ее домой, если только какая-нибудь тварь уже не утащила ее. А то мне, может, и не удастся подстрелить индюка.

— Гремучка? Гремучая змея?

— Вот именно.

— Но вы же не станете есть змею, мистер Ступм? Ведь эдак можно отравиться.

— Много ты понимаешь! Там яда уже не осталось. Я отрубил ей голову, а вместе с ней и весь яд.

— Фу! Я все равно лучше с голоду помру, чем возьму в рот хоть кусочек!

— Ну, и помирай себе на здоровье! Кто тебя просит ее есть? Я только хочу, чтобы ты принес змею домой. Ну, идем, и делай, что тебе велят. А то я заставлю тебя съесть ее голову вместе с ядом и с ядовитым зубом!

— Честное слово, мистер Ступм, я совсем не хотел вас ослушаться! Я сделаю все, что вы скажете. Я готов даже проглотить змею целиком! Святой Патрик, прости меня, грешника!

— К черту твоего святого Патрика! Идем!

Фелим больше не спорил и покорно отправился за охотником в лес.

* * * * * * * * *

Исидора вошла в хижину и наклонилась над постелью больного. Страстными поцелуями покрыла она его

горячий лоб и запекшиеся губы. И вдруг отшатнулась, точно ужаленная скорпионом.

То, что заставило ее отшатнуться, было хуже, чем яд скорпиона. Это было всего лишь одно слово — одно коротенькое слово.

Стоит ли этому удивляться! Как часто от короткого слова «да» зависит счастье всей жизни! И часто, слишком часто, такое же короткое «нет» влечет за собой страшное горе.

Глава LIX

ВСТРЕЧА В ХАКАЛЕ

День, когда Луиза Пойндекстер освободила Мигуэля Диаса, был для нее мрачным днем — вероятно, самым мрачным во всей ее жизни.

Накануне печаль о потерянном брате сливалась с тревогой о любимом. Но теперь это горе усугубилось черной ревностью.

Горе, страх, ревность — не слишком ли это много для одного сердца?

Вот что испытывала Луиза Пойндекстер, прочтя письмо, содержавшее доказательства измены ее возлюбленного.

Правда, письмо было написано не им, и доказательства нельзя было считать прямыми.

Однако в порыве гнева молодая креолка об этом сначала не подумала. Судя по письму, отношения между Морисом Джеральдом и мексиканкой были более нежными, чем он говорил. Значит, Морис обманывал ее.

Иначе зачем бы эта женщина стала с такой дерзкой откровенностью писать о своих чувствах, о его «красивых, выразительных глазах»?

Это письмо не было дружеским — оно дышало страстью. Так поняла эти строки креолка — ведь и ее сердце сгорало от любви.

И, кроме того, в нем говорилось о свидании! Правда, мексиканка только просила о нем. Но это лишь форма, кокетство уверенной в себе женщины. Заканчивалось

письмо уже не просьбой, а приказанием: «Приходите же, я жду вас».

Прочтя эти строки, Луиза судорожно смяла письмо. В этом жесте чувствовалась не только ревность, но и жажда мести.

— Да, теперь мне все ясно! — воскликнула она с горечью. — Не впервые он получает такое письмо, они уже встречались на этом месте. «На вершине холма, за домом моего дяди» — достаточно такого неясного указания! Значит, он часто бывал там.

Но скоро гнев сменился глубоким отчаянием. Ее чувство было смято, растоптано, как листок бумаги, валявшийся у ее ног.

Ею овладели грустные думы. В смятении она принимала самые мрачные решения. Она вспомнила любимую Луизиану и захотела вернуться туда, чтобы похоронить свое тайное горе в монастыре. Если бы в этот час глубокой скорби монастырь был поблизости, она, вероятно, ушла бы из отцовского дома, чтобы искать приюта в его священных стенах. Это был действительно самый мрачный день в жизни Луизы.

После долгих часов отчаяния она немного успокоилась и стала рассуждать разумнее. Она снова перечитала письмо, обдумывая каждое слово.

У нее возникла надежда, что Мориса Джеральда не было в поселке. Такое предположение казалось едва ли вероятным. Странно, если бы этого не знала женщина, которая назначала свидание и так уверенно ждала своего возлюбленного. Но все-таки он мог уехать — он ведь собирался уехать.

Проверить свои сомнения для Луизы Пойндекстер, дочери гордого плантатора, было очень трудно, но другого выхода не оставалось. И, когда сумерки сгустились, она проехала на своем крапчатом мустанге по улицам поселка и остановилась у дверей гостиницы на том самом месте, где всего лишь несколько часов назад стоял серый жеребец Исидоры.

Поселок в этот вечер был совершенно безлюден. Одни отправились на поиски преступника, другие — в поход против команчей. Обердофер был единственным

свидетелем неосторожного поступка Луизы. Впрочем, хозяин гостиницы не увидел в нем ничего предосудительного; ему казалось вполне естественным, что сестра убитого юноши хочет узнать новости; именно этим он объяснил себе ее появление.

Туповатый немец и не подозревал, с каким удовлетворением слушала Луиза Пойндекстер его ответы в начале разговора; еще меньше мог он догадаться, какую боль причинил ей случайным замечанием, положившим конец их разговору.

Услышав, что не она первая наводит справки о Морисе-мустангере, что еще одна женщина уже задавала те же вопросы, Луиза, снова охваченная отчаянием, повернула свою лошадь обратно к Каса-дель-Корво.

Всю ночь металась Луиза в бессоннице и не могла найти покоя. В короткие минуты забытья ее мучили кошмарные сновидения.

Утро не принесло ей успокоения, но с ним пришла решимость — твердая, смелая, почти дерзкая.

Поехать одной к берегам Аламо — значило для Луизы Пойндекстер нарушить все правила приличия. Но именно это она намеревалась сделать.

Некому было удержать ее, запретить ей эту поездку. Поиски продолжались всю ночь, и отряд еще не вернулся, в Каса-дель-Корво о нем не было никаких известий. Молодая креолка была полной хозяйкой асиенды и своих поступков, и только она сама знала, что толкнуло ее на этот отчаянный шаг.

Но об этом нетрудно было догадаться.

Луиза Пойндекстер была не из тех, кто может оставаться в неуверенности. Даже любовь, подчиняющая самых сильных, не могла сделать ее покорной. Она должна узнать правду! Может быть, ее ждет счастье, а может быть, гибель всех ее надежд. Даже последнее казалось ей лучше мучительных сомнений.

Она рассуждала почти так же, как и ее соперница!

Разубеждать Луизу было бы бесполезно. Даже слово отца не могло бы ее остановить.

* * * * * * * * *

Заря застала Луизу в седле. Выехав из ворот Каса-дель-Корво, она направилась в прерию по уже знакомой тропе.

Сердце ее не раз трепетало от сладостных воспоминаний, когда она проезжала по знакомым и дорогим местам.

В такие минуты она забывала о муках, заставивших ее предпринять эту поездку, думала только о свидании с любимым и мечтала спасти его от врагов, которые, быть может, уже окружили его.

Несмотря на тревогу о возлюбленном, это были счастливые минуты, особенно если сравнить их с теми часами, когда ее терзали мысли о его измене.

Двадцать миль отделяли Каса-дель-Корво от уединенной хижины мустангера.

Такое расстояние могло показаться целым путешествием для человека, привыкшего к европейской верховой езде. Но для жителей прерии нетрудно преодолеть это расстояние за два часа — они мчатся так, словно гонятся за лисой или оленем.

Такое путешествие не скучно даже на ленивом коне, но на быстроногой крапчатой красавице Луне, которая рвалась в родную прерию, оно кончилось быстро — быть может, слишком быстро, к несчастью для нашей наездницы.

Как ни была измучена Луиза, она теперь не испытывала отчаяния — в ее печальном сердце сиял луч надежды.

Но он погас, едва она ступила на порог хакале. Подавленный крик вырвался из ее уст — казалось, сердце ее разорвалось.

В хижине была женщина!

За мгновение перед этим у нее тоже вырвался крик, и возглас Луизы показался его эхом — так похожа была звучавшая в них боль.

И словно второе, более отчетливое эхо, раздался новый крик Исидоры: обернувшись, она увидела женщину, чье имя только что произнес больной, — ту «Луизу», которую он звал с любовью и нежностью в бреду жестокой горячки.

Для молодой креолки все стало мучительно ясно.

Для молодой креолки все стало ясно, мучительно ясно. Перед ней была женщина, написавшая любовное письмо. Свидание все-таки состоялось! Быть может, в той ссоре на поляне участвовал еще и третий — Морис Джеральд? Не этим ли объясняется его состояние: Луиза успела увидеть, что Морис, весь забинтованный, лежит в постели.

Да, это она написала записку, это она называла его «дорогой» и восторгалась его глазами, это она звала его на свидание; а теперь она около него, нежно ухаживает за ним — значит, он принадлежит ей. О, эта мысль была слишком мучительна, чтобы выразить ее словами!

Не менее ясны и не менее мучительны были и выводы Исидоры. Она уже знала, что для нее нет надежды. Слишком долго ловила она бессвязные речи больного, чтобы сомневаться в горькой правде. На пороге стояла соперница, которая вытеснила ее из сердца мустангера.

Лицом к лицу, со сверкающими глазами стояли они друг перед другом, взволнованные одним и тем же чувством, потрясенные одной и той же мыслью.

Обе влюбленные в одного и того же человека, обе терзаемые ревностью, они стояли около него — а он, увы, не сознавал присутствия ни той, ни другой.

Каждая считала другую своей счастливой соперницей. Луиза не слыхала тех слов, которые утешили бы ее, тех слов, которые до сих пор звучали в ушах Исидоры, терзая ее душу. Обеих переполняла ненависть, безмолвная и потому еще более страшная. Они не обменялись ни словом. Ни одна из них не просила объяснений, ни одна из них не нуждалась в объяснении. Бывают минуты, когда слова излишни. Это было столкновение оскорбленных чувств, выраженное только ненавидящими взглядами и презрительным изгибом губ.

Но они стояли так лишь одно мгновение.

Потом Луиза Пойндекстер повернулась и направилась к выходу. В хижине Мориса Джеральда нет места для нее!

Исидора тоже вышла, почти наступая на шлейф своей соперницы. Та же мысль гнала и ее: в хижине Мориса Джеральда нет места для нее!

Казалось, они обе торопились как можно скорее покинуть то место, где разбились их сердца.

Серая лошадь стояла ближе, крапчатая — дальше. Исидора первая вскочила в седло. Когда она проезжала мимо Луизы, та тоже уже садилась на лошадь.

Снова соперницы обменялись взглядами — ни один из них нельзя было назвать торжествующим, но в них не видно было и прощения. Взгляд креолки был полон грусти, гнева и удивления. Последний же взгляд Исидоры, сопровождавшийся вульгарным ругательством, был полон бессильной злобы.

Глава LX

ПРЕДАТЕЛЬНИЦА

Если бы можно было сравнивать явления внешнего мира с переживаниями человека, то трудно было бы найти более резкий контраст, чем ослепительный блеск солнца над Аламо и мрак в душе Исидоры, когда она покидала хакале мустангера. Бешеные страсти бушевали в ее груди, и сильнее всех была жажда мести. В ней она находила какое-то горькое удовольствие — это чувство спасало ее от отчаяния. Иначе тяжесть ее горя была бы невыносима.

Терзаемая мрачными мыслями, ехала она в тени деревьев. И они не стали радостней, когда, подъехав к обрыву, она увидела сияющее голубое небо — ей показалось, что оно смеется над ней.

Исидора остановилась у подножия склона. Над ней простирались огромные темные ветви кипариса. Их густая тень была ближе тоскующему сердцу, чем радостные лучи солнца.

Но не это заставило ее остановить коня. В голове ее мелькнула мысль чернее тени кипариса. Об этом можно было судить по ее нахмурившемуся лбу, по сдвинутым бровям над черными сверкающими глазами и по злобному выражению лица.

— Почему я не убила ее на месте? — прошептала

она. — Может быть, еще не поздно вернуться? Но что изменится, если я убью ее? Ведь этим не вернешь его сердца. Оно для меня потеряно, потеряно навсегда! Ведь эти слова вырвались из глубины его души. Только она живет в его мечтах! Для меня не осталось надежды! Нет, это он должен умереть! Это он сделал меня несчастной... Но, если я убью его, что тогда? Во что превратится моя жизнь? В нестерпимую пытку!.. А разве сейчас это не пытка? Я не могу больше выносить эти мучения! И мне нет другого утешения, кроме мести. Не только она, но и он — оба должны умереть! Но не сейчас, а тогда, когда он сможет понять, от чьей руки он гибнет! Святая дева, дай мне силы отомстить!

Исидора шпорит лошадь и быстро поднимается по крутому откосу.

Выехав на верхнюю равнину, она не останавливается и не дает лошади отдохнуть, а мчится бешеным галопом по прерии, по-видимому сама не зная куда. Ни голос, ни поводья не управляют лошадью, и только шпоры гонят ее вперед.

Предоставленный самому себе, конь мчится по той же дороге, по которой прискакал сюда. Она ведет к Леоне. Но туда ли он должен нести свою хозяйку?

Всаднице, кажется, все равно. Опустив голову, погрузившись в глубокие думы, она не замечает ничего, даже бешеного галопа своей лошади. Не замечает она и приближающейся к ней темной вереницы всадников, пока конь, фыркнув, не останавливается как вкопанный.

Тогда она видит в прерии конный отряд.

Индейцы? Нет, белые — судя не столько по цвету кожи, сколько по седлам и посадке; это подтверждается и бородами, но цвета кожи нельзя разобрать под густым слоем пыли.

— Техасцы, — бормочет Исидора.—Наверно, отряд, разыскивающий команчей... Но индейцев здесь нет. Если в поселке говорят правду, они уже далеко отсюда.

Мексиканке не хочется с ними встречаться. В другое время она не стала бы избегать их, но в минуту горя ей неприятны вопросы и любопытные взгляды.

Есть время скрыться. Она все еще находится среди кустов. По-видимому, всадники не видят ее. Свернув в заросли, можно остаться незамеченной.

Но не успела Исидора этого сделать, как ее конь громко заржал. Двадцать других лошадей отвечают ему.

Все же еще можно ускакать. Ее, несомненно, будут преследовать. Но догонят ли, особенно по этим извилистым тропинкам, так хорошо ей знакомым?

С этой мыслью она уже поворачивает лошадь, но тотчас снова останавливает ее и спокойно ожидает несущийся к ней отряд. Ее слова объясняют, почему она это сделала.

— Они слишком хорошо одеты для простых охотников. Это, должно быть, отряд, о котором я слышала,— во главе с отцом... Да-да, это они. Вот возможность отомстить! Это воля божья.

Вместо того чтобы свернуть в заросли, Исидора выезжает на открытое место и с решительным видом направляется навстречу всадникам. Она натягивает поводья и ждет их приближения. У нее созрел предательский план.

Через минуту мексиканку со всех сторон окружают всадники.

Их человек сто, они вооружены самым разнообразным оружием, одеты пестро. Единственно, что делает их похожими друг на друга, — это налет бурой пыли на их одежде и суровое выражение лица, едва смягченное чуть заметным любопытством.

Очутившись в таком обществе, кто угодно испугался бы, тем более женщина, но Исидора не проявляет и тени страха. Она не считает опасными людей, которые так бесцеремонно окружили ее. Некоторых из них она знает по виду. Но пожилого человека, который, должно быть, возглавляет отряд и сейчас обращается к ней с вопросом, она никогда раньше не видела, хотя догадывается, кто он. Это, вероятно, отец убитого юноши, отец девушки, которую она хотела бы видеть убитой или, во всяком случае, опозоренной.

Какой благоприятный случай!

— Вы говорите по-французски, мадемуазель? —

спрашивает ее Вудли Пойндекстер, полагая, что этот язык она скорее поймет.

— Очень немного, сеньор. Лучше говорите по-английски.

— По-английски? Тем лучше для нас. Скажите мне, мисс, вы никого не видели здесь? Я хочу сказать — не встретили ли вы какого-нибудь всадника или, быть может, вы заметили чей-нибудь лагерь?

Исидора либо колеблется, либо обдумывает свой ответ.

Плантатор вежливо продолжает свои расспросы:

— Разрешите спросить вас, где вы живете?

— На Рио-Гранде, сеньор.

— Вы сейчас прямо оттуда?

— Нет, с Леоны.

— С Леоны!

— Это племянница старого Мартинеса, — объясняет один из присутствующих. — Его плантации граничат с вашими, мистер Пойндекстер.

— Да-да, это верно. Я племянница дона Сильвио Мартинеса.

— Вы едете прямо из его асиенды? Простите мою настойчивость, но поверьте, мисс, мы расспрашиваем вас не из праздного любопытства. Нас побуждают к этому очень серьезные причины.

— Да, я еду прямо из асиенды Мартинеса, — отвечает Исидора, словно не заметив его последних слов. — Я выехала из дома моего дяди ровно два часа назад.

— Тогда, без сомнения, вы слыхали, что совершено убийство?

— Да, сеньор. Вчера в доме дяди Сильвио об этом говорили.

— Но сегодня, когда вы выехали, не было ли каких-нибудь свежих новостей в поселке? У нас были вести оттуда, но более ранние. Вы ничего не слышали, мисс?

— Я слышала только, что на розыски убийцы поехал отряд. Ваш отряд, сеньор?

— Да-да, наверно, они имели в виду нас... Вы больше ничего не слышали?

— О да, но только очень странное, сеньоры, настолько странное, что вы подумаете — я шучу.

— Что же такое? — спрашивают человек двадцать одновременно, с напряженным любопытством глядя на прелестную всадницу.

— Говорят, что видели кого-то без головы... на лошади... где-то тут... Господи помилуй! Мы, должно быть, поблизости от этого места. Это где-то около Нуэсес, недалеко от брода, где дорога поворачивает на Рио-Гранде. Так говорили вакеро.

— Ах, так, значит, его видели какие-то вакеро?

— Да, сеньоры, их было трое, и они клянутся, что видели его.

Исидору несколько удивляет то странное спокойствие, с каким выслушали техасцы ее рассказ. Кто-то объясняет причину этого:

— Мы тоже его видели, этого всадника без головы, только издалека. А ваши вакеро близко его видели — они разобрали, что это такое?

— Святая мадонна, нет!

— А вы этого не знаете, мисс?

— Что вы, нет! Я только слышала об этом, как уже сказала. Но что оно такое, кто знает!

Некоторое время все молчат, задумавшись.

Потом плантатор продолжает расспросы:

— Вы никого не встретили в этих местах, мисс?

— Нет, встретила.

— Кого же? Не будете ли вы так добры описать...

— Женщину.

— Женщину? — повторяют несколько голосов.

— Да, сеньоры.

— Какую женщину?

— Американку.

— Американку? Здесь? Одну?

— Да.

— Кто же это?

— Кто знает?

— Вы не знаете ее? А как она выглядит?

— Как она выглядит?

— Да, как она была одета?

— В костюм для верховой езды.
— Значит, она ехала верхом?
— Да.
— Где же вы ее встретили?
— Недалеко отсюда, по ту сторону зарослей.
— В каком направлении она ехала? Там есть какое-нибудь жилище?
— Только одно хакале.

Пойндекстер поворачивается к одному из членов отряда, знающему испанский язык:

— Что такое хакале?
— Они так называют свои лачуги.
— Кому принадлежит это хакале?
— Дону Морисио, мустангеру.

Торжествующий гул раздается в толпе. После двухдневных неустанных поисков, столь же бесплодных, как и упорных, они наконец напали на след убийцы.

Те, кто сошел с лошадей, снова вскакивают в седла, готовые двинуться в путь.

— Прошу прощения, мисс Мартинес, но вы должны показать нам дорогу к этому месту.

— Мне придется сделать для этого крюк. Ну хорошо, едемте! Я провожу вас, если вы этого хотите.

В сопровождении ста всадников Исидора снова пересекает полосу зарослей.

Она останавливается на западной опушке. Между ними и Аламо простирается открытая прерия.

— Вон там, — говорит Исидора, — видите черную точку на горизонте? Это макушка кипариса. Он растет в долине Аламо. Поезжайте туда. Рядом с ним откос, по которому вы сможете спуститься с обрыва. Немного дальше вы найдете хакале, о котором я говорила.

Дальнейшие указания не требуются. Почти забыв о той, которая показала им дорогу, всадники мчатся по прерии, направляясь к кипарису.

Только один не двинулся с места: не тот, кто возглавляет отряд, но человек, который не меньше его заинтересован в происходящем, — и даже больше, когда речь зашла о женщине, которую видела Исидора. Он знает язык Исидоры так же хорошо, как свой родной.

— Скажите мне, сеньорита, — обращается он к мексиканке почти умоляющим тоном,— заметили вы лошадь, на которой ехала эта женщина?

— Конечно! Кто бы мог ее не заметить!

— Ее масть? — спрашивает он, задыхаясь от волнения.

— Крапчатый мустанг.

— Крапчатый мустанг? О боже! — со стоном восклицает Кассий Колхаун и мчится догонять отряд.

Исидоре становится ясно, что еще одно сердце охвачено тем неугасимым пламенем, перед которым все бессильно, кроме смерти.

Глава LXI

АНГЕЛ, СОШЕДШИЙ НА ЗЕМЛЮ

Быстрое и неожиданное бегство соперницы поразило Луизу Пойндекстер. Она уже готова была пришпорить Луну, но задержалась в нерешительности, ошеломленная происшедшим.

Только минуту назад, заглянув в хижину, она увидела эту женщину, которая, по-видимому, чувствовала себя там хозяйкой.

Как понять ее внезапное бегство? Чем объяснить этот взгляд, полный злобной ненависти? Почему в нем не было торжествующей уверенности, сознания своей победы?

Взгляд Исидоры не оскорбил креолку — наоборот, он внушил ей тайную радость. И, вместо того чтобы умчаться в прерию, Луиза Пойндекстер снова соскользнула с седла и вошла в хижину.

Увидев бледность мустангера, его дико блуждающие глаза, креолка на время забыла свою обиду.

— Боже мой! — воскликнула она, подбегая к постели. — Он ранен... умирает... Кто это сделал?

Единственным ответом было какое-то бессвязное бормотанье.

— Морис! Морис! Ответь мне! Ты не узнаешь меня? Луизу! Твою Луизу! Ты ведь называл меня так!

— Ах, как вы прекрасны, ангелы небес! Прекрасны... Да-да, такими вы кажетесь, когда смотришь на вас. Но не говорите, что нет подобных вам на земле; это неправда. Там много красавиц, но я знаю одну, которая еще более прекрасна, чем вы, ангелы небесные! Я говорю о красоте; доброта — это другое дело; о доброте я не думаю — нет-нет!

— Морис, дорогой Морис, почему ты так говоришь? Ты ведь не на небесах. Ты здесь со мной — с твоей Луизой.

— Я на небесах... да, на небесах! Но я не хочу оставаться на небесах, если ее здесь нет. Это, может быть. и приятное место, но только не тогда, когда ее нет со мной. Если бы она была здесь, мне ничего больше не было бы нужно. Послушайте, ангелы, вы, что кружитесь вокруг меня! Вы прекрасны, я этого не отрицаю; но нет ни одного среди вас прекраснее ее — моего ангела! О, я знаю и дьявола, красивого дьявола. Но я мечтаю только об ангеле прерий.

— Помнишь ли ты ее имя?

Наверно, никто еще не ждал с таким волнением ответа от человека, который бредил в тяжком забытьи. Луиза наклонилась над ним и, не сводя с него глаз, вся обратилась в слух.

— Имя? Имя? Как будто кто-то из вас спросил об имени? Разве у вас есть имена? Ах, да, вспоминаю: Михаил, Гавриил, Азраил — мужские, всё мужские имена. Ангелы, но не такие, как мой ангел, — она женщина. Ее зовут...

— Как?

— Луиза... Луиза... Луиза... Зачем мне скрывать, ведь вам известно все, что делается на земле. Вы, конечно, знаете ее — Луизу? Вы должны ее знать: ее нельзя не любить всем сердцем, как я... всем, всем сердцем...

Никогда еще слова любви не доставляли Луизе столько радости. Даже когда она услышала их впервые под тенью акаций, когда они были произнесены в полном сознании, — даже тогда они не были ей так дороги. О, как она была счастлива!

Снова нежные поцелуи покрыли горячий лоб больного и его запекшиеся губы. Но на этот раз над ним склонилась та, которая не могла услышать ничего, что заставило бы ее отшатнуться.

Луиза только выпрямилась; торжествуя, стояла она, прижав руку к сердцу, словно стараясь успокоить его биение. Она боялась только, чтобы эти счастливые минуты не пролетели слишком быстро.

Увы, ее опасения оправдались — на порог упала тень. Это была тень человека; через минуту сам человек уже стоял в дверях.

В наружности вошедшего не было ничего страшного.

Наоборот, его лицо, фигура, костюм были просто смешны — и особенно по контрасту с несчастьями последних дней. Этот чудак держал в одной руке томагавк, а в другой — огромную змею; какую — нетрудно было определить по хвосту, оканчивавшемуся роговыми трещотками.

Комическое впечатление еще усиливалось благодаря выражению растерянности и удивления, которое появилось на его лице, когда, переступая порог хижины, он увидел новую гостью.

— Господи! — воскликнул он, роняя змею и томагавк и широко открыв глаза. — Я, наверно, сплю! Так оно и есть! Ведь не может же быть, что это вы, мисс Пойндекстер? Не может этого быть!

— Но это так и есть, мистер О'Нил. Как нелюбезно с вашей стороны забыть меня так скоро!

— Забыть вас? Что вы, мисс! В этом меня невозможно обвинить. Наш брат ирландец не из таких; если хоть разок взглянул на ваше красивое лицо, не забудет до гробовой доски. Зачем далеко ходить! Вот он, например, только и бредит вами.

Фелим многозначительно посмотрел на кровать. Луиза затрепетала от радости.

— Но что же это означает? — продолжал Фелим, вспомнив о загадочном превращении. — А где же этот паренек или женщина, кто бы это ни был? Вы здесь видели женщину, мисс Пойндекстер?

— Видела.

— Да? А где же она?

— Уехала.

— Уехала! Значит, она сама не знает, чего хочет. Я оставил ее в хижине только десять минут назад. Она сняла свою шляпку... что я! — мужскую шляпу — и расположилась здесь вроде надолго. Так вы сказали, она уехала? Вот счастье-то! Я совсем не жалею об этом! От такой женщины лучше быть подальше. Вы не поверите, мисс Пойндекстер, ведь она подставила свой револьвер прямо мне под нос!

— Почему?

— Только потому, что я не пускал ее в хижину. Но она все равно вошла. Когда вернулся Зеб, он не стал ей препятствовать. Она сказала, что мистер Джеральд ее друг и что она хочет ухаживать за ним.

— Ах, вот как? Это странно, очень странно, — пробормотала креолка в раздумье.

— Правильно вы сказали. Здесь происходит много странного. Конечно, это не о вас, мисс. Я очень рад, что вы здесь; я уверен, что и хозяин очень обрадуется.

— Милый Фелим, расскажите же мне, что случилось?

— Ладно, мисс, но для этого вам придется снять шляпку и остаться здесь подольше. Я до ночи не успею рассказать всего, что произошло с позавчерашнего дня.

— Кто здесь был за это время?

— Кто здесь был?

— Кроме...

— Кроме этого парня-женщины?

— Да, был ли еще кто-нибудь здесь?

— О, много еще всякого народу! И кого только тут не было! Во-первых, был один, который направился было сюда, но до хижины не доехал. Я боюсь рассказывать вам про него. Это может вас испугать, мисс.

— Расскажите. Я не боюсь.

— Ну хорошо, только я сам не могу разобраться, что такое это было: человек верхом на лошади, но без головы.

— Без головы?!

— А что всего удивительнее, — продолжал ирландец, — он был вылитый мастер Морис. Он был верхом на его лошади, и мексиканское одеяло было на плечах — все, как всегда, когда он выезжает. Если бы вы только знали, как я испугался — душа в пятки ушла!

— Но где же вы его видели, мистер О'Нил?

— Вон там, на обрыве. Я вышел встречать хозяина — он обещал вернуться в то утро из поселка. Сначала я думал, что это он и едет. И вдруг подъезжает этот... без головы... останавливается на минутку, а потом мчится галопом как сумасшедший, а Тара с воем — за ним. Так и мчались они по равнине, пока не скрылись с моих глаз. Тогда я вернулся сюда, в хижину, заперся и лег спать. И вдруг — как раз когда я заснул и мне приснилось, как... Извините, мисс, вы ведь устали, даже на минутку не присели — все время на ногах. Снимите вашу красивую шляпку с пером и садитесь на сундучок — это будет поудобнее, чем на табурете. Садитесь, прошу вас, ведь я еще не все рассказал.

— Не беспокойтесь обо мне. Продолжайте. Кто же еще, кроме этого странного всадника, был здесь? Это, наверно, кто-нибудь подшутил над вами?

— Подшутил? То же самое сказал мне и старик Зеб.

— Значит, и он был здесь?

— Да, но только после того, как сюда приходили другие...

— Другие?

— Да, мисс. Зеб пришел только вчера утром. Они же навестили меня в ночь накануне, в очень поздний час. Понимаете ли, я спал сладким сном, а они пришли и разбудили меня.

— Но кто они, эти «другие»?

— Да индейцы же!

— Индейцы?

— Ну да! Целое племя! Представьте себе, мисс, как я уже вам сказал, я спал сладким сном. Вдруг слышу — кто-то разговаривает в хижине прямо над моей головой, потом шелест бумаги, как будто кто-то тасует карты... Святой Патрик, а это что?

— Что?

— Разве вы ничего не слышали?.. Вот и опять! Топот лошадей! Они около хижины...

Фелим бросился к двери.

— Святой Патрик! Нас окружили со всех сторон всадники. Их целая тысяча, и еще подъезжают... Это, наверно, те, о которых Зеб... Надо, значит, его вызвать. О господи! Того и гляди, не успею!

Ирландец схватил ветку кактуса, которую для удобства принес с собой, и выбежал из хижины.

— Ах! — воскликнула креолка. — Это они! Мой отец, а я здесь... Что сказать? Святая дева, охрани меня от позора!

Луиза инстинктивно бросилась к двери и заперла ее, но тут же поняла, что это бесполезно. Тех, кто был снаружи, подобное препятствие вряд ли могло остановить. Она заметила в стене щель. Бежать?

Поздно! Топот копыт уже раздавался позади хижины. Всадники окружили хакале со всех сторон.

Да и все равно ее крапчатый мустанг привязан около хакале; не узнать его они не могли.

Но и другая, более великодушная мысль удерживала девушку от бегства: ее возлюбленному грозит опасность, от которой его не спасет даже бессознательное состояние; кто, кроме нее, может его защитить?

«Пусть я потеряю свое доброе имя, — подумала креолка, — потеряю отца, друзей, всех — только не его! Это моя судьба. Пусть позор, но я буду ему верна».

Луиза встала около постели больного, готовая пожертвовать ради него даже жизнью.

Глава LXII

НАПРЯЖЕННОЕ ОЖИДАНИЕ

Никогда еще около хижины мустангера не раздавалось такого топота копыт — даже в дни, когда его кораль был полон только что пойманными дикими лошадьми.

Фелима, выбежавшего из двери, останавливают несколько десятков голосов.

Самый громкий и властный принадлежит, по-видимому, предводителю отряда:

— Остановись, негодяй! Бежать бесполезно! Еще один шаг — и ты будешь убит! Остановись, говорят тебе!

Ирландцу, который кинулся к кобыле Зеба Стумпа, привязанной по ту сторону поляны, пришлось остановиться.

— Поверьте, джентльмены, я совсем не собирался бежать, — произносит он дрожащим голосом при виде свирепых лиц и наведенных на него ружей. — У меня таких намерений вовсе не было. Я только хотел...

— ...сбежать, если тебе удастся. Начал ты неплохо... Сюда, Дик Треси! Свяжи-ка его!.. Помоги ему, Шелтон! Черт побери, уж больно чудаковат этот простофиля! Вряд ли это тот, которого мы ищем.

— Конечно, нет! Это его слуга.

— Эй, вы там, за хижиной! Не спускайте с нее глаз. Мы его еще не поймали. Смотрите лучше, чтобы и мышь не проскочила... А теперь отвечай: кто там внутри?

— Внутри? В хижине, что ли?

— Отвечай, дурак! — говорит Треси, хлестнув ирландца веревкой. — Кто внутри хижины?

— О господи! Тут уж не до шуток. Ну ладно. Во-первых, мой хозяин...

— Странно... Что это такое? — спрашивает только что подъехавший Вудли Пойндекстер, заметив крапчатого мустанга. — Ведь это... лошадь Луизы?

— Да, это она, дядя, — отвечает Кассий Колхаун, который подъезжает вместе с плантатором.

— Кто же привел ее сюда?

— Наверно, сама Лу.

— Что за ерунда! Ты шутишь, Каш?

— Нет, дядя, я говорю совершенно серьезно.

— Ты хочешь сказать, что моя дочь была здесь?

— Была? Она и теперь здесь — я в этом не сомневаюсь.

— Невозможно!

— Посмотрите-ка туда!

Дверь только что взломали. В хижине видна женская фигура.

— Моя дочь!

Пойндекстер быстро соскакивает с лошади и поспешно направляется к хакале. Колхаун следует за ним. Оба входят в хижину.

— Луиза, что это значит?.. Раненый? Кто это? Генри?

Прежде чем ему успевают ответить, плантатор замечает шляпу и плащ Генри.

— Это он! Он жив! Слава богу!

Пойндекстер бросается к постели.

Радость его мгновенно угасла. Бледное лицо на подушке — не лицо его сына. Плантатор со стоном отшатнулся.

Колхаун, кажется, взволнован не меньше. У него вырывается крик ужаса. Съежившись, он потихоньку выходит из хижины.

— О боже! Что же это? — шепчет плантатор. — Что же это? Можешь ли ты мне объяснить, Луиза?

— Нет, отец. Я здесь всего несколько минут. Я нашла его уже в таком состоянии. Он бредит, ты сам слышишь.

— А... а... Генри?

— Я ничего не узнала. Мистер Джеральд был один, когда я вошла. Его слуги не было, он только что вернулся. Я еще не успела расспросить его.

— Но... но... как ты сюда попала?

— Я не могла оставаться дома. Неизвестность была слишком мучительна. Подумай — совсем одна, терзаемая мыслью, что мой несчастный брат...

Пойндекстер смотрит на дочь растерянным и все еще вопрошающим взглядом.

— Я подумала, что Генри, может быть, здесь.

— Здесь! Но откуда ты знала об этой хижине? Кто указал тебе дорогу? Ты ведь здесь одна!

— Я знала дорогу. Ты помнишь день охоты, когда меня понес мустанг? На обратном пути мистер Дже-

ральд показал мне, где он живет. И я решила, что смогу снова отыскать это место.

К недоумению Пойндекстера примешивается новое чувство: он угрюмо хмурится. Но что его встревожило, он не говорит.

— Это был неосмотрительный поступок, дочь моя, легкомысленный и даже опасный. Ты вела себя, как глупая девчонка. Уезжай, скорее уезжай! Здесь не место для девушки. Садись на свою лошадь и возвращайся домой. Тебя кто-нибудь проводит. Ты можешь увидеть здесь неподходящие для тебя вещи. Ну, иди же!

Отец выходит из хижины, дочь следует за ним с явной неохотой. Так же неохотно она подходит к лошади.

Всадники уже спешились и толпятся на поляне перед хижиной. Здесь собрались все. Колхаун рассказал им о положении дел. В часовых нет необходимости.

Они стоят кучками; некоторые молчат, другие разговаривают. Многие толпятся около Фелима, который лежит на земле связанный. Его расспрашивают, но, кажется, не особенно ему верят.

При появлении отца с дочерью все поворачиваются в их сторону, но молчат, хотя сгорают от нетерпения узнать, что же происходит.

Большинство из них знают девушку в лицо. Всем известно ее имя, многие слышали о ее красоте. Все удивлены, больше того — поражены, увидев ее здесь. Сестра убитого в доме убийцы!

Теперь больше чем когда-либо все они убеждены, что виновник преступления — мустангер. Колхаун рассказал о шляпе и плаще, найденных в хакале, и о самом убийце, раненном в смертельной схватке.

Но почему же Луиза Пойндекстер здесь и одна? Почему ее не сопровождает ни слуга, ни кто-нибудь из родственников? Она здесь гостья — так, по крайней мере, это выглядит.

Ее двоюродный брат ничего не объясняет — должно быть, он не может объяснить. А отец — может ли он? Судя по его смущенному лицу — вряд ли.

В толпе начинают шептаться, но ни одна догадка не высказывается вслух. Даже эти грубые люди боят-

ся оскорбить отцовские чувства, и все терпеливо ждут объяснений.

— Садись на лошадь, Луиза. Мистер Янси проводит тебя домой.

Молодой плантатор, к которому обращаются с этой просьбой, очень обрадован. Он — один из тех, кто особенно завидует мнимому счастью Кассия Колхауна.

— Но, отец, — возражает девушка, — почему мне не подождать тебя? Ведь ты же долго здесь не останешься?

Янси начинает беспокоиться.

— Я так хочу, Луиза, и этого достаточно.

Луиза подчиняется — правда, очень неохотно и даже не пытаясь скрыть свое недовольство от любопытных зрителей.

Наконец они уезжают; молодой плантатор едет впереди, Луиза медленно следует за ним. Янси едва сдерживает свою радость, она — свою печаль.

Янси скорее огорчен, чем обижен грустным настроением своей спутницы. Ведь у нее такое горе!

Но он ошибается, полагая, что знает его причину. Если бы он посмотрел внимательнее в глаза Луизы Пойндекстер, то прочел бы в них страх перед будущим, а не печаль о прошлом.

Они едут между деревьями, но до них еще доносятся голоса с поляны.

Вдруг лицо креолки проясняется — оно словно озаряется какой-то радостной мыслью или, быть может, надеждой.

Луиза в задумчивости останавливает лошадь. Ее спутник вынужден сделать то же.

— Мистер Янси, — говорит девушка после некоторого молчания, — у моего седла ослабла подпруга. Мне неудобно сидеть. Будьте добры, подтяните ее.

Янси соскакивает с лошади и проверяет подпругу. Ему кажется, что туже затягивать ее незачем. Но он этого не говорит, растягивает пряжку и начинает изо всех сил затягивать ремень.

— Погодите, — говорит всадница. — Дайте я сойду, вам будет удобнее.

Не дожидаясь помощи, Луиза соскакивает на землю и становится около мустанга.

Молодой человек продолжает изо всей силы затягивать ремень. После продолжительных усилий, весь красный от напряжения, он наконец застегивает ремень на следующую дырочку.

— Теперь, мисс Пойндекстер, мне кажется, все хорошо.

— Да, так будет хорошо, — отвечает она, положив руку на седло и подергав его. — По правде сказать, жаль уезжать отсюда так скоро. Я только что сюда приехала и мчалась во весь опор; моя бедная Луна еще не успела отдышаться. Давайте остановимся здесь ненадолго, а она тем временем отдохнет. Ведь жестоко заставлять ее скакать обратно без передышки.

— Но ваш отец... его желание было, чтобы вы...

— Чтобы я сейчас же вернулась домой? Пустяки. Ему просто не хотелось, чтобы я оставалась среди этой грубой толпы. Вот и все. Теперь, раз я уехала с поляны, он не будет ничего иметь против нашей задержки... Как здесь красиво! И так прохладно в тени деревьев! А в прерии солнечный зной нестерпим. Побудем здесь немного и дадим Луне отдохнуть... Ах, мистер Янси, посмотрите, какие красивые рыбки в реке! Вон там, видите, с серебристой чешуей?

Молодой плантатор польщен. Почему его прелестная спутница захотела побыть с ним? Ему кажется, что он знает ответ на этот вопрос.

Он не заставляет себя долго упрашивать:

— Приказывайте, мисс Пойндекстер. Я с радостью побуду здесь, сколько вам захочется.

— Только до тех пор, пока Луна отдохнет. Я едва успела сойти с лошади, когда подъехал ваш отряд. Посмотрите на Луну — бедняжка все еще тяжело дышит после долгой скачки.

Янси совершенно безразлично, как дышит крапчатый мустанг, но он рад исполнить малейшее желание своей спутницы.

Они останавливаются на берегу ручья.

Молодой плантатор немного удивлен, заметив, что

его спутница совсем не обращает внимания ни на рыбок, ни на крапчатого мустанга; это только радовало бы его, если бы она была внимательнее к нему. Однако Луиза не смотрит на него и не слушает его слов. Ее глаза устремлены в пространство, а слух напряженно ловит каждый звук, доносящийся с поляны.

И Янси тоже невольно прислушивается к голосам. Он знает, что около хижины начинается суд Линча с «регулярниками» в роли присяжных.

Из-за деревьев доносятся возбужденные голоса. В них звучит жестокая решимость.

Оба прислушиваются; молодая креолка — как трагическая актриса за кулисами театра, ожидающая своего выхода.

Доносятся речи; можно различить несколько мужских голосов; потом еще один, который говорит дольше других.

Луиза узнает этот голос. Это голос ее кузена Кассия: он на чем-то гневно настаивает, а потом словно убеждает своих слушателей сделать что-то, чего они не хотят.

Но вот он кончил. Тотчас же раздаются бурные возгласы одобрения; один зловещий голос звучит громче других.

Прислушиваясь, Янси забывает о присутствии своей прелестной спутницы.

Он вспоминает о ней, только когда видит, что она неожиданно вскакивает с места и стремительно бежит к хакале.

Глава LXIII

СУД ЛИНЧА

Громкий крик, заставивший молодую креолку так внезапно покинуть своего спутника, был одновременно и решением присяжных и приговором.

Слово «повесить» звучало у нее в ушах, когда она бросилась к хижине мустангера.

Наблюдая с притворным интересом за игрой сереб-

ристых рыбок, она думала только о том, что в эту минуту происходило перед хакале. Хотя деревья заслоняли от нее поляну, она знала, кто находится на ней, и могла по доносившимся оттуда словам представить себе ход событий.

Приблизительно в ту минуту, когда она соскочила с лошади, перед хакале разыгралась сцена, которую следует вкратце описать.

Люди, оставшиеся на поляне, уже не стояли отдельными кучками — они столпились в круг.

В центре толпы возвышалась внушительная фигура начальника «регулярников» и около него три или четыре его помощника; рядом с ними стояли Вудли Пойндекстер и Кассий Колхаун. Последние присутствовали, по-видимому, лишь как свидетели развертывающейся драмы; решающее слово принадлежало другим. Это было судебное разбирательство по обвинению в убийстве — суд Линча. В качестве судьи выступал начальник «регулярников». Вся толпа, за исключением двух обвиняемых, играла роль присяжных.

Обвиняемые — Морис Джеральд и его слуга Фелим. Они — внутри круга. И тот и другой лежат на траве, связанные сыромятными ремнями по рукам и ногам. Их даже лишили возможности говорить. Фелима заставили замолчать угрозами, а его хозяин молчит потому, что в рот ему вставили деревянный кляп. Это сделано для того, чтобы он своим безумным бредом не мешал говорить другим. Туго стянутые ремни не могут парализовать движений больного. Два человека держат Мориса за плечи, третий сидит на его ногах. Только его глаза могут свободно двигаться; он вращает ими, бросает на свою стражу дикие, безумные взгляды, которые трудно выдержать.

В убийстве обвиняется только один из пленников; другого считают просто соучастником, и то под сомнением.

Допрашивают одного слугу. Ему предлагают сообщить все, что он знает, и все, что он может сказать в свою защиту. Ведь задавать вопросы его хозяину бесполезно.

Рассказ Фелима слишком неправдоподобен, чтобы ему можно было поверить; хотя самое неправдоподобное в нем — упоминание о всаднике без головы — вызывает наименьшие сомнения.

Фелим не может объяснить это загадочное явление; его показания лишь подтверждают предположение, что этот призрак как-то связан с убийством. Его рассказ об индейцах и схватке с ягуаром называют «сплошной выдумкой, сочиненной с целью ввести суд в заблуждение».

Судебное разбирательство длится не больше десяти минут, но присяжные уже составили свое мнение.

Большинство окончательно убеждаются в том, что Генри Пойндекстер убит и что Морис Джеральд ответствен за его смерть.

Каждое обстоятельство, уже ранее известное, вновь обсуждено и взвешено; к ним присоединяются новые улики, только что обнаруженные в хакале: там найдены плащ и шляпа.

Объяснения Фелима, сбивчивые и нескладные, не внушают доверия. Может ли быть иначе? Ведь это вымысел соучастника. Некоторые просто не хотят слушать — это те, кто кричит в нетерпении: «Повесить убийцу!»

Должно быть, приговор уже предрешен. На земле лежит веревка с петлей на одном конце. Правда, это только лассо, но для такой цели оно подходит как нельзя лучше. Горизонтальный сук растущей вблизи смоковницы вполне может заменить виселицу.

Производится опрос присяжных. Восемьдесят из ста заявляют, что Морис Джеральд должен умереть. Его час, по-видимому, пробил...

И все же приговор не приводится в исполнение. Лассо лежит в бездействии на траве.

Почему все сторонятся этого кожаного ремня, словно он ядовитая змея, до которой никто не смеет дотронуться?

Большинство высказались за смертный приговор. Некоторые подкрепили свое решение грубыми ругательствами. Почему же приговор не приводится в исполнение?

Почему? Да потому, что нет полного единодушия. Не все согласны с приговором.

Среди присяжных есть и такие, которые против казни Мориса. Их меньшинство, однако они сказали свое «нет» с не меньшей решительностью.

Из-за этого-то и произошла задержка казни.

Среди меньшинства и сам судья — Сэм Мэнли, начальник «регулярников». Он еще не произнес приговора и даже не принял решения присяжных.

— Сограждане! — кричит он толпе, воспользовавшись моментом, когда его могут услышать. — Мне кажется, что у нас нет достаточных доказательств. Надо выслушать обвиняемого — конечно, когда он будет в состоянии говорить. Сейчас, как вы сами видите, допрашивать его бесполезно. Поэтому я предлагаю отложить разбирательство этого дела до...

— Что за смысл откладывать? — прерывает его громкий протестующий голос Кассия Колхауна. — Вам хорошо разглагольствовать, Сэм Мэнли! Но, если бы подло убили вашего друга, сына или брата, вы рассуждали бы иначе. Что вам еще нужно, чтобы убедиться в виновности этого негодяя? Дополнительные доказательства?

— Вот именно, капитан Колхаун.

— Есть ли они у вас, мистер Кассий Колхаун? — спрашивает из толпы чей-то голос с сильным ирландским акцентом.

— Может быть, и есть.

— Тогда поделитесь с нами.

— Видит бог, доказательств больше чем достаточно. Даже присяжные из его собственных глупых соотечественников...

— Возьмите свои слова обратно! — кричит тот же голос. — Помните, мистер Колхаун, вы в Техасе, а не на Миссисипи! Запомните это, или ваш язык не доведет вас до добра!

— Я вовсе не хотел кого-нибудь оскорбить, — говорит Колхаун, стараясь выйти из неприятного положения, в которое попал из-за своей антипатии к ирландцам, — даже англичанина, если здесь есть англичане.

— Это — дело другое! — отвечает несколько успокоенный ирландец.

— Итак, я говорил, что доказательств достаточно, даже больше, чем надо. Но, если вам их мало, я могу представить и другие.

— Давайте выкладывайте! — кричат несколько десятков голосов, потому что Колхаун, кажется, все еще колеблется.

— Джентльмены! — говорит наконец Колхаун, обращаясь к толпе, как будто он собирается произнести речь. — То, что я скажу сейчас, я мог бы сказать вам давно. Но я надеялся, что это не понадобится. Вы все хорошо знаете, что произошло между этим человеком и мной, и я не хотел, чтобы меня сочли злопамятным. Я не таков. И если бы я не был уверен, что именно он совершил убийство, так же как уверен в том, что моя голова у меня на плечах...

Колхаун начинает запинаться, видя, что невольно сорвавшаяся фраза произвела странное впечатление на окружающих; да и ему самому становится не по себе.

— Если бы, — продолжает он, — я не был в этом уверен, я ничего не сказал бы о том, что видел или, вернее, слышал — ведь дело было ночью.

— Что же вы слышали, мистер Колхаун? — спрашивает Сэм Мэнли, возвращаясь к обязанностям судьи.— Ваша ссора с обвиняемым, о которой, мне кажется, все присутствующие знают, не имеет никакого отношения к вашим показаниям. Никто не собирается обвинить вас из-за этого в лжесвидетельстве. Пожалуйста, продолжайте. Что вы слышали, когда и где?

— Начну с указания времени. Это было в ту ночь, когда пропал мой двоюродный брат, но, понятно, мы не обнаружили этого до утра. В ночь на среду.

— В ночь на среду? Дальше.

— Я уже пошел к себе в комнату: я думал, что и Генри пошел в свою. Было нестерпимо жарко, одолевали москиты, спать было невозможно. Я встал, зажег сигару, покурил немного в комнате, но потом решил выйти на крышу. Вы, наверно, знаете, что на старой асиенде плоская крыша? Вот я и пошел туда, чтобы побыть

на свежем воздухе. Это было около полуночи или немного раньше — точно не могу сказать, так как я довольно долго ворочался на постели и не следил за временем. Только я успел выкурить сигару и уже хотел было достать другую, как услыхал со стороны реки голоса. Два голоса. Они доносились с того берега — как мне показалось, с дороги, ведущей в поселок. Я, наверно, не услышал бы их и не смог бы отличить один от другого, если бы они говорили спокойно. Но это был громкий, раздраженный разговор; ясно было, что происходит ссора. Я подумал, что это пьяницы, возвращающиеся из бара Обердофера, и перестал обращать на них внимание. Однако, прислушиваясь, я узнал один из голосов, а затем другой. Первый был голос моего двоюродного брата Генри, второй — вот этого человека, убийцы...

— Продолжайте, мистер Колхаун. Мы хотим сначала выслушать ваши показания, а свое мнение вы выскажете потом.

— Вы понимаете, джентльмены, что я был немало удивлен, услышав голос моего двоюродного брата: я думал, что он давно уже спит. Однако я был уверен, что это именно он, и даже не пошел в его комнату проверить. Не менее ясно было для меня и то, что вторым из споривших был этот мустангер. Мне показалось особенно странным, что Генри, против обыкновения, вышел в такой поздний час. Но факт оставался фактом, ошибки тут быть не могло. Я стал прислушиваться, чтобы узнать, о чем они спорят. Голоса доносились слабо, и я не мог понять, о чем они говорили. Мне удалось разобрать только, что Генри ругает мустангера, словно тот оскорбил его первым, потом отчетливо донеслись угрозы мустангера. Каждый громко назвал другого по имени, и тут уж у меня не осталось никаких сомнений, что это именно они. Мне следовало бы пойти туда и выяснить, в чем дело, но я был в ночных туфлях; и, пока я надевал сапоги, все уже стихло. Я ждал Генри около получаса, но он не возвращался. Тогда я решил, что он отправился в бар, где мог встретить знакомых из форта и просидеть долго, и лег спать... Итак, джентль-

мены, я рассказал вам все, что знаю. Бедный Генри не вернулся в Каса-дель-Корво: никогда больше он не ложился в свою постель. Его постелью в ту ночь была прерия или заросли, а где именно — знает только этот человек!

Драматическим жестом он указал на мустангера. А тот только повел дикими, блуждающими глазами, проявляя полное безразличие к ужасному обвинению и не чувствуя на себе гневных взглядов, обращенных на него со всех сторон.

Обстоятельная речь Колхауна произвела впечатление. Никто больше не сомневался в том, что мустангер виновен. Последовал новый взрыв негодования.

— Повесить! Повесить! — кричат со всех сторон.

Даже сам судья, кажется, начинает колебаться. Возражающих становится еще меньше. Уже не восемьдесят, а девяносто из ста повторяют роковое требование. Волна озлобленных голосов заглушает более спокойные.

По толпе проходит движение. Напряжение растет, скоро оно достигает предела.

Какой-то негодяй кидается к веревке. Он только что отошел от Колхауна, пошептавшись с ним, хотя этого никто не заметил. Он берет лассо, наклоняется и быстро надевает петлю на шею по-прежнему ничего не сознающему осужденному.

Никто не вмешивается. У этого человека за поясом торчат кинжал и револьверы, и ему предоставлена свобода действий; у него нашлись и помощники из таких же негодяев, как и он, — из тех, кто только что стерег пленника.

Остальные спокойно стоят и смотрят на происходящее — большинство с немым одобрением, некоторые же даже подбадривают палачей злобными возгласами: «Вздерни его! Вешай!»

Некоторые ошеломлены; несколько человек жалеют мустангера, но никто не осмеливается встать на его защиту.

На его шею накинута петля. Другой конец веревки уже заброшен на сук...

Скоро Морис Джеральд расстанется с жизнью!

Глава LXIV

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

«Скоро Морис Джеральд расстанется с жизнью!» — так думал каждый из участников трагедии, разыгравшейся на лесной поляне. Никто не сомневался, что пройдет еще одна минута — и они увидят, как его тело повиснет на суку смоковницы.

Но тут произошла непредвиденная задержка.

Одновременно и, можно сказать, на той же сцене был разыгран и фарс. Но благодаря тому, что на этот раз трагедия всецело завладела вниманием присутствующих, комедия осталась без зрителей.

Тем не менее артисты фарса отнеслись к своим ролям вполне серьезно. Их было двое: человек и кобыла. Фелим снова сыграл сцену, поразившую Исидору.

Доводы Колхауна еще более разожгли жажду мести и сосредоточили внимание толпы только на главном преступнике. Слуга никого не интересовал, никто не думал, был он или не был сообщником, — все смотрели только на мустангера.

А когда палачи стали прилаживать веревку, о Фелиме совсем забыли, и он не преминул этим воспользоваться.

Катаясь по траве, он ослабил стягивавшую его веревку, освободился от нее и потихоньку прополз между ног зрителей.

Никто не заметил его маневра. В страшном возбуждении люди толкали друг друга, не отрывая глаз от смоковницы. Можно было подумать, что Фелим, воспользовавшись удобным случаем, спасает свою жизнь и уже больше не заботится о хозяине. Правда, он не мог ему ничем помочь и знал это. Он высказал в защиту хозяина все доводы, какие у него были; дальнейшее вмешательство с его стороны не только было бы бесполезно, но могло еще больше раздражить обвинителей. Его бегство никто не назвал бы предательством — его гнал инстинкт самосохранения. Так рассуждал бы случайный свидетель.

Но он был бы неправ. Преданный слуга вовсе не со-

бирался предоставить своего хозяина его судьбе. Наоборот, он снова пытался спасти Мориса Джеральда от неминуемой смерти. Он знал, что один ничего не сможет сделать. Все надежды он возлагал на Зеба Стумпа и потому решил вызвать его как можно скорее уже известным нам способом, который оказался таким удачным.

Выбравшись из толпы, Фелим тихонько скользнул в лес и, прячась за деревьями, стал пробираться к месту, где паслась старая кобыла.

Вдоль всей опушки леса к деревьям были привязаны верховые лошади. Они загораживали Фелима, и ему удалось добраться до кобылы незамеченным.

Но здесь он обнаружил, что не захватил с собой необходимых приспособлений. Он выронил ветку кактуса, когда его схватили, и она так и валялась под ногами толпы. Отправиться за ней было бы слишком рискованно. У него не было ни ножа, ни другого орудия, чтобы срезать еще одну ветку кактуса.

Он остановился в печальном раздумье, не зная, что предпринять. Но только на мгновение: времени терять было нельзя. Каждая минута промедления могла стать роковой для его хозяина. Его надо было спасти во что бы то ни стало. С этой мыслью Фелим бросился к кактусу и голыми руками отломил одну из его колючих ветвей.

Его пальцы были изодраны в кровь. Но можно ли было обращать внимание на такие пустяки, когда дело шло о жизни его молочного брата! Ирландец помчался к кобыле и, рискуя, что она его лягнет, сунул ей под хвост орудие пытки.

К этому времени петля была уже надета на шею мустангера и тщательно проверена; другой конец веревки, переброшенный через сук смоковницы, держали добровольные палачи, у которых, казалось, руки чесались скорее дернуть ее. В их взглядах и позах чувствовалась жестокая решимость. Они ждали только команды.

Собственно, никто не имел права отдать такую команду. Из-за этого-то и произошла задержка. Никто не хотел брать на себя ответственность за роковой сигнал. Хотя все они считали осужденного преступником и

верили, что он убийца, но взять на себя обязанности шерифа никто не решался. Даже Колхаун отступил.

Это происходило не из-за недостатка злой воли — в этом нельзя было упрекнуть ни отставного капитана, ни многих из присутствующих. Задержка объяснялась отсутствием соответствующего исполнителя. Это было лишь затишье во время грозы — затишье перед новым сильным ударом грома.

Воцарилась гробовая тишина. Все знали, что они перед лицом смерти — смерти в ее самой ужасной и отвратительной личине. Большинство чувствовали себя причастными к ней, и никто не сомневался, что она близка.

Они стояли молча и неподвижно, ожидая развязки.

Но, вместо того чтобы увидеть, как Морис Джеральд повиснет на суку, они стали свидетелями совсем другого зрелища; оно было настолько нелепым, что нарушило мрачную торжественность минуты и задержало казнь.

Старая кобыла — все знали, что она принадлежит Зебу Стумпу, — вдруг словно взбесилась. Она начала плясать по траве, высоко подбрасывая задние ноги и оглашая поляну неистовым ржанием. Стоявшая рядом сотня лошадей вторила ей, подражая ее бешеной пляске.

Сцена перед хижиной изменилась как будто по мановению волшебной палочки. Не только казнь мустангера была приостановлена, но им вообще на время перестали интересоваться.

Однако в происшедшей перемене не было ничего комичного. Наоборот, на всех лицах отразилась тревога, раздались испуганные крики.

«Регулярники» бросились кто к оружию, кто к лошадям.

— Индейцы!

Это восклицание было у всех на устах, хотя его нельзя было расслышать из-за шума. Только нападение команчей могло вызвать такое смятение.

Некоторое время люди с криками метались из стороны в сторону по поляне или стояли молча с испуган-

ными лицами. Многие, отвязав своих лошадей, укрылись за ними от индейских стрел.

Только немногим из присутствующих приходилось попадать в подобные переделки; большинство же, неискушенные в таких делах, были охвачены ужасом.

Смятение длилось до тех пор, пока все лошади не попали в руки к хозяевам и не успокоились. Только одна продолжала ржать — старая кобыла, которая начала концерт. Тогда и обнаружили настоящую причину тревоги, а, кроме того, заметили, что Фелим исчез.

Он предусмотрительно спрятался в кустах, и это его спасло.

Человек двадцать с возмущением схватились за ружья и прицелились в виновницу переполоха. Но, раньше чем они успели спустить курки, кто-то из стоявших поблизости набросил лассо на шею лошади и заставил ее замолчать.

* * * * * * * * *

Спокойствие восстанавливается, и все возвращаются туда, где лежит осужденный. Толпа по-прежнему озлоблена. Нелепое происшествие не показалось им смешным — совсем наоборот.

Некоторые стыдятся малодушия, проявленного ими во время ложной тревоги. Другие недовольны тем, что были прерваны мрачные приготовления.

Они возобновляются, раздаются ругательства и гневные возгласы.

Жаждущая мести толпа смыкается вокруг осужденного — актеры страшной трагедии опять заняли свои места.

Снова добровольные палачи берутся за веревку, опять у каждого из присутствующих мелькает одна и та же мысль:

«Скоро Морис Джеральд расстанется с жизнью!»

О счастье! Ужасная церемония снова прервана.

Как не похожа на смерть светлая стройная фигура, вырвавшаяся из-под тени деревьев на яркий солнечный свет.

Женщина! Прелестная женщина!

Это только мелькнувшая мысль; никто не решается заговорить. Все по-прежнему стоят неподвижно, но выражение их лиц как-то странно изменилось. Даже самые грубые считаются с присутствием этой незваной гостьи. Они смущены и словно чувствуют себя виноватыми.

Она пробегает сквозь толпу молча, не глядя ни на кого, и наклоняется над осужденным, все еще распростертым на траве.

Быстрым движением она хватает лассо обеими руками и вырывает его у растерявшихся палачей.

— Техасцы! Трусы! — кричит она, глядя на толпу. — Позор!

Все словно съеживаются от ее гневного упрека.

— И это, по-вашему, суд? Обвиняемый осужден без защитника, не получив возможности сказать ни одного слова в свое оправдание. И это вы называете правосудием! Техасским правосудием! Вы не люди, а звери! Убийцы!

— Что это значит? — негодует Пойндекстер. Он бросается вперед и хватает дочь за руку. — Ты лишилась рассудка, Лу! Как ты попала сюда? Разве я не приказал тебе ехать домой? Уезжай, сию же минуту уезжай! И не вмешивайся в то, что тебя не касается!

— Отец, это меня касается!

— Тебя касается? Как?.. Ах, правда, ты сестра. Этот человек — убийца твоего брата.

— Я не верю, я не могу поверить... Это неправда! Что могло его толкнуть на преступление?.. Техасцы, если вы люди, то не поступайте, как звери. Пусть будет справедливый суд, а тогда... тогда...

— Над ним был справедливый суд! — кричит какой-то верзила, очевидно кем-то подученный. — В его виновности сомневаться не приходится. Это он убил вашего брата. И очень нехорошо, мисс Пойндекстер, — простите, что я так говорю, — но нехорошо, что вы заступаетесь за него.

— Правильно! — присоединяются несколько голосов.

— Да свершится правосудие! — выкрикивает кто-то торжественную судебную формулу.

— Да свершится! — подхватывают остальные.

— Простите, мисс, но мы должны просить вас удалиться отсюда... Мистер Пойндекстер, пожалуй, вам следует увести вашу дочь.

— Пойдем, Лу! Здесь не место для тебя. Ты должна уйти... Ты отказываешься? Боже милостивый! Ты отказываешься мне повиноваться?.. Кассий, возьми ее за руку и уведи прочь... Если ты не уйдешь добровольно, нам придется увести тебя силой. Ну будь же умницей! Сделай то, о чем я тебя прошу. Уходи же!

— Нет, отец! Я не хочу. Я не уйду до тех пор, пока ты мне не пообещаешь, пока все не пообещают...

— Мы ничего не можем обещать вам, мисс, как бы нам этого ни хотелось. Да и вообще это не женское дело. Совершено преступление, убийство, вы это сами знаете. Убийце нет пощады!

— Нет пощады! — повторяют двадцать гневных голосов. — Повесить его! Повесить!

Присутствие женщины больше не сдерживает толпу. Быть может, все происшедшее даже приблизило роковую минуту. Теперь мустангера ненавидит не только Кассий Колхаун. Завидуя счастью охотника за лошадьми, его возненавидели и другие.

Кассий Колхаун, повинуясь распоряжению Пойндекстера, уводит, или, вернее, тащит, Луизу прочь с поляны. Она вырывается из рук, которые так ненавидит, заливается слезами и громко протестует против бесчеловечной казни.

— Изверги! Убийцы! — срывается у нее с уст.

Она не может вырваться, ее никто не слушает. Ее выводят из толпы, и она теряет надежду помочь человеку, за которого готова отдать жизнь.

Колхауну приходится выслушать много горького; она осыпает его словами, полными ненависти.

Уверенность в мести — плохое утешение для него. Его соперник скоро умрет; но разве от этого что-нибудь изменится? Он может убить возлюбленного Луизы, но его она никогда не полюбит.

Глава LXV

ЕЩЕ ОДНА НЕПРЕДВИДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

В третий раз зрители и актеры страшной трагедии занимают свои места.

Лассо снова забрасывается на сук смоковницы. Те же два палача хватают свободный конец. Теперь они туго его натягивают.

В третий раз у всех мелькает мысль:

«Скоро Морис Джеральд расстанется с жизнью!»

Смерть мустангера кажется неминуемой. Даже любовь не сумела спасти его. Какая же еще сила может предотвратить роковой конец?

Спасти его невозможно — для этого уже нет времени. В суровых взглядах зрителей не видно сострадания — одно нетерпение. Палачи тоже торопятся, словно боясь новой задержки. Они орудуют веревкой с ловкостью опытных профессионалов. Судя по их физиономиям, для них это дело привычное.

Не пройдет и шестидесяти секунд, как все будет кончено.

— Эй, Билл, ты готов? — спрашивает один палач другого, по-видимому решив не дожидаться команды.

— Да, — отвечает Билл. — Вздернем этого негодяя!

Веревку дергают, но недостаточно сильно, чтобы поднять с земли тело осужденного. Петля затягивается вокруг его шеи, немного приподнимает его голову — и все. Только один из палачей потянул веревку.

— Тащи же ты, проклятый! — кричит Билл, удивленный бездействием своего помощника. — Чего зеваешь?

Билл стоит спиной к лесу и не замечает появившегося из-за деревьев человека, увидев которого другой палач выпускает веревку и застывает на месте.

— Ну, давай! — кричит Билл. — Раз, два — тяни!

— Не выйдет! — раздается громовой голос; высокий человек с ружьем в руке вышел из-за деревьев, и через мгновение он уже в самой гуще толпы. — Не выйдет! — повторяет он, наклоняясь над распростертым человеком и направляя дуло своего длинного

ружья в сторону палачей. — Еще чуть-чуть рано, по моим расчетам. Эй, Билл Гриффин, если ты затянешь эту петлю хоть на одну восьмую дюйма, то получишь свинцовую пилюлю прямо в живот, и вряд ли ты ее переваришь! Отпустите, вам говорят!

Даже дикий визг старой кобылы не произвел на толпу такого сильного впечатления, как появление ее хозяина — Зеба Стумпа. Его знали почти все присутствующие; его уважали и многие боялись.

К последним относились Билл Гриффин и его помощник. Когда раздалось приказание: «Отпустите!» — они сразу поняли опасность и бросили лассо; теперь оно валяется на траве.

— Что вы за ерунду затеяли, ребята? — продолжает охотник, обращаясь к онемевшей от удивления толпе. — Неужели вы всерьез собрались его вешать? Не может этого быть!

— Именно это мы и хотели сделать, — раздается суровый голос.

— А почему бы и нет? — спрашивает другой.

— Почему бы и нет? Почему бы вам не повесить без суда гражданина Техаса?

— Если уж на то пошло — он не техасец! Да и, кроме того, его судили, судили по всем правилам.

— Вот как! Человек, лишенный рассудка, приговорен к смерти! Отправляют его на тот свет, когда он ничего не сознает! И это вы называете — судить по всем правилам?

— Ну и что? Мы же знаем, что он виноват. Мы все в этом уверены.

— Уверены? Вот как! С тобой, Джим Стордас, не стоит говорить. Но ты, Сэм Мэнли, и вы, мистер Пойндекстер, — не может быть, чтобы вы согласились на это. Ведь это же, попросту говоря, убийство...

— Ты не все знаешь, Зеб Стумп, — перебивает его Сэм Мэнли, желая оправдать свое согласие на казнь. — Известны факты...

— К черту ваши факты! А также и выдумки. Я не хочу ничего слышать! У нас хватит времени в этом разобраться, когда будет настоящий суд, против

Высокий человек с ружьем в руке вышел из-за деревьев.

которого, конечно, никто возражать не станет: парень все равно бежать не может. Кто-нибудь против?

— Вы слишком много берете на себя, Зеб Стумп, — возражает Кассий Колхаун. — И какое вам до этого дело, хотел бы я знать? Убитый не был вам ни сыном, ни братом, ни даже двоюродным братом, а то вы, вероятно, заговорили бы иначе. Не вижу, каким образом это вас касается.

— Зато я вижу, как оно меня касается; во-первых, этот парень — мой друг, хотя он и недавно поселился в наших краях, и, во-вторых, Зеб Стумп не потерпит подлости, хотя бы и в прериях Техаса.

— Подлости? Вы называете это подлостью?.. Техасцы, неужели же вы робеете перед этим болтуном? Пора довести дело до конца. Кровь убитого взывает о мести. Беритесь за веревку!

— Только попробуйте! Клянусь, что первый, кто посмеет, свалится прежде, чем успеет схватиться за нее! Вы можете повесить несчастного так высоко, как вам нравится, но не раньше, чем Зебулон Стумп свалится мертвым на траву и несколько человек из вас рядом с ним. А ну-ка! Кто первый возьмется за веревку?

После слов Зеба наступает гробовая тишина. Люди не двигаются с места — отчасти опасаясь принять вызов, отчасти из уважения к мужеству и великодушию охотника. Многие все-таки сомневаются в справедливости того, на что подстрекает их Колхаун.

Старый охотник умело использует их настроение.

— Назначьте над парнем справедливый суд, — требует он. — Давайте отвезем его в поселок, и пусть его судят там. У вас нет неопровержимых доказательств, что он участвовал в этом грязном деле, и будь я проклят, если я поверю этому, не убедившись собственными глазами! Я знаю, как он относился к молодому Пойндекстеру. Он вовсе не был его врагом — наоборот, всегда говорил о нем с восхищением, хотя и повздорил немного с его двоюродным братом.

— Вы не знаете, мистер Стумп, — возражает Сэм Мэнли, — того, что нам недавно рассказали.

— Что же это?

— Показания, которые свидетельствуют как раз об обратном. У нас есть доказательства не только того, что между Джеральдом и молодым Пойндекстером была вражда, но что была ссора, которая произошла именно в эту ночь.

— Кто это сказал, Сэм Мэнли?

— Я сказал это! — отвечает Колхаун, выступая вперед, чтобы Зеб его заметил.

— Ах, это вы, мистер Кассий Колхаун? Вы знаете, что между ними была вражда. А вы видели ссору, о которой рассказывали?

— Я этого не говорил. А кроме того, я вовсе не собираюсь отвечать на ваши вопросы, Зеб Стумп. Я дал свои показания тем, кто имел право их требовать, и этого достаточно... Я думаю, джентльмены, вы все согласны с вынесенным решением. Я не понимаю, почему этот старый дурень вмешивается...

— «Старый дурень»! — кричит охотник. — Вы называете меня старым дурнем? Клянусь, что вам еще придется взять эти слова обратно! Это говорит Зебулон Стумп из Кентукки. Ну, да всему свое время. Придет и ваш черед, мистер Кассий Колхаун, и, может быть, раньше, чем вы думаете... А что касается ссоры между Генри Пойндекстером и этим парнем, — продолжает Зеб, обращаясь к Сэму Мэнли, — я не верю ни одному слову. И никогда не поверю, пока не будет более убедительных доказательств, чем пустая болтовня мистера Колхауна. Его слова противоречат тому, что я знаю. Вы говорите, у вас есть новые факты? У меня они тоже есть. И факты, которые, мне кажется, могут пролить некоторый свет на это таинственное дело.

— Какие факты? — спрашивает Сэм Мэнли. — Говори, Стумп.

— Их несколько. Прежде всего вы сами видите, что парень ранен. Я не говорю о царапинах. Это его потрепали койоты, почуяв, что он ранен. Но посмотрите на его колено. Это уж никак не работа койотов. Что ты думаешь по этому поводу, Сэм Мэнли?

— Это... Ребята думают, что это случилось во время схватки между ним и...

— Между ним и кем? — резко спрашивает Зеб.

— И человеком, который пропал.

— Да, таково наше мнение, — говорит один из «регулярников». — Мы все знаем, что Генри Пойндекстер не позволил бы себя убить, как теленка. Между ними была драка, и мустангер ударился коленом о камень. Вот оно и распухло. Кроме того, на лбу у него синяк — похоже, что от рукоятки револьвера. А откуда царапины, мы не знаем — может, от колючек или от когтей койотов, как ты говоришь. Этот дурак плел тут что-то о ягуаре, но нас не проведешь.

— О каком дураке ты говоришь? Об ирландце Фелиме? А где он?

— Удрал, спасая свою шкуру. Мы разыщем его, как только покончим с этим делом. Накинем на него петлю, и тогда он скажет правду.

— Если о ягуаре, то вы ничего нового не узнаете. Я сам видел эту тварь и едва поспел, чтобы спасти парня от его когтей. Но не в этом дело. Что еще рассказывал Фелим?

— Длинную историю про каких-то индейцев. Но кто этому поверит!

— Что же, он и мне рассказал то же самое. Все это похоже на правду. Он говорил, что они играли в карты. Вот смотрите, я нашел полную колоду в хижине на полу. Это испанские карты.

Зеб вытаскивает из кармана колоду карт и протягивает ее Сэму Мэнли.

Карты оказываются мексиканскими, какие обычно употребляются для игры в монте: дамы на них изображены верхом, пики обозначаются мечом, а трефы — огромным молотом.

— Где это слыхано, чтобы команчи играли в карты? — раздался голос, который высмеял показания об индейцах. — Чушь!

— Чушь, по-твоему? — отзывается один из старых охотников, которому пришлось пробыть около года в плену у команчей. — Может быть, это и чушь, но тем не менее это правда. Не раз мне приходилось видеть, как они играли в карты на шкуре бизона вместо стола.

Играли в это самое мексиканское монте, которому они, наверно, научились у своих пленников — их насчитывается до трех тысяч в разных племенах. Как бы то ни было, — заканчивает старик, — команчи играют в карты, это истинная правда.

Зеб Стумп рад этому заявлению — оно на пользу обвиняемому. Тот факт, что в окрестностях побывали индейцы, меняет дело. До сих пор все думали, что они разбойничают далеко от поселка.

— Конечно, это так, — подхватывает Зеб, используя этот аргумент, чтобы убедить присутствующих в необходимости отложить судебное разбирательство. — Здесь были индейцы, или, во всяком случае, кто-то сильно на них похожий... Иосафат! Откуда это она скачет?

В это мгновение со стороны обрыва отчетливо доносится топот копыт.

Для всех теперь ясно, почему Зеб прервал свою речь: вдоль обрыва во весь карьер мчится лошадь. Верхом на ней женщина — ее волосы развеваются, шляпа болтается за спиной на шнуре.

Лошадь мчится таким бешеным галопом и так близко от края обрыва, словно всадница не может с ней справиться. Но нет. Судя по поведению всадницы, это не так — ее, по-видимому, не удовлетворяет эта скорость, и она то и дело подгоняет своего коня хлыстом, шпорами и окриками.

Это ясно для зрителей внизу на поляне, но они не понимают, почему она скачет над самым обрывом. Они стоят в молчаливом изумлении — но не потому, что не знают, кто это. Все узнали ее с первого взгляда. Смелая всадница — та самая женщина, которая указала им путь к хижине.

Глава LXVI

ПРЕСЛЕДУЕМАЯ КОМАНЧАМИ

Это Исидора появилась так неожиданно и так странно. Что заставило ее вернуться? И почему она скакала таким бешеным галопом?

Чтобы объяснить это, мы должны вернуться к ее мрачным размышлениям, которые были прерваны встречей с техасцами.

Когда Исидора галопом удалялась от берегов Аламо, она и не думала оглядываться, чтобы проверить, следует ли за ней кто-нибудь. Поглощенная мрачными мыслями о мести, она продолжала свой путь и ни разу не обернулась.

То, что Луиза Пойндекстер как будто тоже собиралась покинуть хакале, мало утешало мексиканку. С женской проницательностью она угадывала причину, но сама-то она слишком хорошо знала, что это лишь недоразумение. И Исидора злорадствовала при мысли, что ее соперница, не зная своего счастья, страдает так же, как и она сама.

Кроме того, у нее появилась надежда, что все случившееся может оттолкнуть сердце гордой креолки от человека, к которому она снизошла, но это была слабая, шаткая надежда. По собственному опыту она знала, что для любви не существует сословных преград. Она сама была тому примером. Но Исидора надеялась, что их встреча в хакале причинила боль ненавистной сопернице и может разрушить ее счастье.

Мексиканка с мрачной радостью думала об этом, когда встретила отряд.

Когда она повернула обратно вместе с ними, настроение ее изменилось. Луиза должна была возвращаться той же дорогой, что и она. Но на тропе никого не было видно.

Креолка, наверно, передумала и осталась в хижине и, возможно, сейчас ухаживает за больным, о чем так мечтала сама Исидора.

Теперь мексиканка утешала себя мыслью, что уже близка минута, когда она опозорит соперницу, отнявшую ее счастье.

Вопросы, которые задавали ей Пойндекстер и его спутники, многое объяснили Исидоре, и все стало окончательно ясно после расспросов Колхауна. Когда отряд удалился, она некоторое время оставалась на опушке зарослей, колеблясь, ехать ли ей на Леону или вер-

нуться к хакале и самой быть свидетельницей той бурной сцены, которая благодаря ее содействию должна была там разыграться.

* * * * * * * * *

Исидора на опушке зарослей, в тени деревьев. Она сидит на серой лошади; ноздри мустанга раздуваются, он косит испуганным глазом вслед только что уехавшему отряду, который догоняет одинокий всадник. Мустанг, быть может, недоумевает, почему ему приходится скакать то туда, то обратно; впрочем, он привык к капризам своей хозяйки.

И она смотрит в ту же сторону — на вершину кипариса, поднимающуюся над обрывом долины Аламо.

Она видит, как отряд спускается в лощину и последним — человек, который так подробно расспрашивал ее. Когда его голова скрывается за краем обрыва, Исидоре кажется, что она осталась одна среди этих просторов.

Но она ошибается.

Некоторое время она в нерешительности остается на месте.

Вряд ли можно позавидовать ее мыслям. Может быть, она уже отомщена, но это ее не радует. Пусть она унизила соперницу, которую ненавидит, но ведь она, быть может, погубила человека, которого любит. Несмотря на все, что произошло, она по-прежнему любит его.

— Пресвятая дева! — шепчет она в лихорадочной тревоге. — Что я сделала? Если только эти свирепые судьи признают его виновным, чем это кончится? Его смертью! Пресвятая дева, я не хочу этого! Только не от их руки! Нет-нет! Какие у них жестокие, суровые лица! Когда я показала им дорогу, как быстро бросились они вперед, сразу позабыв обо мне! Они уже заранее решили, что дон Морисио должен умереть. Он здесь всем чужой, уроженец другой страны. Один, без друзей, окруженный только врагами... Что мне пришло в голову! Тот, который последним остановил меня, —

не двоюродный ли брат убитого? Теперь я понимаю, почему он меня расспрашивал. Его сердце жаждало мщения — так же как и мое...

Взор девушки блуждает по прерии. Серый мустанг по-прежнему неспокоен, хотя отряд уже давно исчез из виду. Он чувствует, что его всадница чем-то встревожена. Конь первый замечает опасность — он вдруг тихонько ржет и поворачивает голову в сторону зарослей, как будто указывая, что враги приближаются оттуда.

Кто же это?

Обеспокоенная поведением мустанга, Исидора тоже оборачивается и всматривается в тропинку, по которой только что проехала. Это дорога на Леону. Она видна только на двести ярдов, и затем ее заслоняет кустарник. На ней никого не видно, кроме двух или трех тощих койотов, которые жмутся в тени деревьев, обнюхивая следы лошадей, надеясь найти что-нибудь съедобное. Нет, не они встревожили серого коня. Он видит их, но что из этого? Волк прерий для него — слишком обычное зрелище. Он почуял или услышал что-то другое.

Исидора прислушивается, но пока нет ничего тревожного. Отрывисто лает койот — это тоже не страшно, особенно среди бела дня. Больше она ничего не слышит.

Ее мысли снова возвращаются к техасцам. И особенно к тому, кто последним оставил ее. Она задумывается, зачем он так подробно ее расспрашивал, но конь прерывает ее размышления. Почему же ее мустанг проявляет нетерпение, не хочет стоять на месте, храпит и, наконец, ржет громче, чем раньше?

На этот раз ему отвечает ржание нескольких лошадей, которые, по-видимому, скачут по дороге, но пока они все еще скрыты зарослями. Тут же доносится их топот.

Потом снова все затихает. Лошади либо остановились, либо пошли шагом.

Исидора предполагает первое. Она думает, что всадники остановили лошадей, услышав ржание ее коня. Она успокаивает его и прислушивается. Из зарослей

долетает какой-то слабый гул. Можно различить несколько приглушенных мужских голосов.

Вскоре они замолкают, и в зарослях опять воцаряется тишина. Всадники, кто бы они ни были, наверно, остановились в нерешительности.

Исидору это не удивляет и не тревожит.

Кто-нибудь едет на Рио-Гранде или, быть может, это отставшие всадники отряда техасцев. Они услышали ржание лошадей и остановились — наверно, из осторожности; это понятно: известно, что индейцы сейчас на тропе войны.

Вполне естественно, что и ей надо быть осторожной, кто бы ни были эти неизвестные всадники. С этой мыслью Исидора тихо отъезжает в сторону и останавливается под прикрытием акации. Здесь она опять прислушивается.

Вскоре она замечает, что всадники приближаются к ней, но не по дороге, а через чащу зарослей. Кажется, они разделились и стараются ее окружить. Она догадывается об этом потому, что тихий топот копыт доносится с разных сторон; всадники сохраняют глубокое молчание — это либо предосторожность, либо хитрость. Нет ли у них враждебных намерений?

Быть может, они тоже заметили ее, услышали ржание ее мустанга? Они, должно быть, окружают, чтобы наверняка захватить ее.

Откуда ей знать, какие у них намерения?

У нее есть враги, и особенно опасен один из них — дон Мигуэль Диас. Кроме того, и команчей всегда следует опасаться, тем более что они на тропе войны.

Исидору охватывает тревога. До сих пор она была спокойна, но теперь поведение всадников кажется ей подозрительным. Будь это обыкновенные путники, они продолжали бы ехать по дороге, а не подкрадывались бы через заросли.

Она осматривает место, в котором притаилась: легкая перистая листва акации не скроет ее, если они проедут близко.

По топоту копыт ясно, что всадники приближаются. Сейчас они ее увидят...

Исидора шпорит лошадь, выезжает из зарослей и мчится по открытой прерии к Аламо.

Она решила отъехать на двести — триста ярдов, чтобы ее не могли достать ни стрела, ни пуля, и тогда остановиться, чтобы узнать, кто приближается — друзья или враги.

И, если это окажутся враги, она положится на своего быстроногого мустанга, который примчит ее под защиту техасцев.

Но она не останавливается: всадники вырываются из зарослей; они показались в разных местах, но все мчатся прямо к ней.

Обернувшись, она видит бронзовую кожу полуобнаженных тел, военную раскраску на лицах и огненные перья в волосах.

— Индейцы... — шепчет мексиканка, еще сильнее шпорит коня и во весь опор мчится к кипарису.

Быстрый взгляд через плечо убеждает ее, что за ней гонятся, хотя она и так уже знает это. Они уже близко — настолько близко, что, вопреки своему обычаю, не оглашают воздух военным кличем.

Их молчание свидетельствует о том, что они хотят взять ее в плен и договорились об этом заранее.

До сих пор Исидора почти не боялась встречи с индейцами. В течение ряда лет они жили в мире как с техасцами, так и с мексиканцами. Но теперь перемирие кончилось. Исидоре грозит смерть.

* * * * * * * * *

Вперед по открытой равнине мчится Исидора; восклицаниями, хлыстом, шпорами гонит она своего коня.

Слышен только ее голос. Те, кто гонится за ней, безмолвны, как призраки.

Она оглядывается второй раз. Их всего только четверо; но четверо против одного — это слишком много, и особенно против одной женщины.

Единственная надежда — техасцы.

Исидора мчится к кипарису.

Глава LXVII

ИНДЕЙЦЫ

Всадница, преследуемая индейцами, уже на расстоянии трехсот ярдов от края обрыва, над которым возвышается кипарис.

Она снова оглядывается.

«Я пропала! Спасенья нет!»

Индеец, скачущий впереди, снимает лассо с луки седла и вертит им над головой.

Прежде чем девушка достигнет лощины, петля лассо обовьется вокруг ее шеи. И тогда...

Вдруг счастливая мысль осеняет Исидору.

До спуска еще далеко, но обрыв рядом. Она вспоминает, что он виден из хижины.

Всадница быстро дергает поводья и резко меняет направление; вместо того чтобы ехать к кипарису, она скачет прямо к обрыву.

Ее преследователи озадачены и в то же время рады — они хорошо знают местность и теперь уверены, что девушка от них не ускользнет.

Главарь снова берется за лассо, но не бросает его, так как уверен в успехе.

— Карамба! — бормочет он.— Еще немного — и она сорвется в пропасть!

Но он ошибается: Исидора не срывается в пропасть. Она снова резко дергает поводья, делает еще один быстрый поворот и вот уже мчится вдоль обрыва настолько близко к самому краю, что привлекает внимание техасцев; тогда-то Зеб и восклицает в волнении: «Иосафат!»

И, словно в ответ на это восклицание старого охотника, или, вернее, на следующий за ним вопрос, до них доносится крик смелой всадницы:

— Индейцы! Индейцы!

Тот, кто пробыл хотя бы три дня в южном Техасе, понимал эти слова, на каком бы языке они ни были произнесены. Это сигнал тревоги, который вот уже в течение трехсот лет раздается на протяжении трех тысяч миль пограничной полосы на трех разных язы-

ках — французском, испанском и английском. «Les Indiens!», «Los Indios!», «The Indians!»

Только глухой или очень глупый человек не понял бы этих слов, не почувствовал бы скрывающейся за ними опасности.

Для тех, кто стоит внизу у дверей хакале и слышит этот возглас, перевода не требуется. Они сразу поняли, что женщину, у которой вырвался этот крик, преследуют индейцы.

Едва успели они осознать это, как до них снова донесся тот же голос:

— Техасцы! Друзья! Спасите! Спасите! Меня преследуют индейцы! Они совсем близко!

Хотя она и продолжает кричать, но различить ее слов уже нельзя. Но больше и нет нужды объяснять, что происходит на верхней равнине.

Вслед за всадницей в просвете между вершинами деревьев появляется мчащийся бешеным галопом индеец. На фоне синего неба четко вырисовывается его силуэт.

Как пращу, кружит он петлю лассо над своей головой. Он так поглощен преследованием, что, кажется, не обратил внимания на слова девушки, — ведь, когда она звала техасцев на помощь, она не задержала коня. Он мог подумать, что эти слова обращены к нему, что это ее последняя мольба о пощаде, произнесенная на непонятном ему языке.

Он догадывается, что ошибся, когда снизу доносится резкий треск ружейного выстрела, а может быть, немного раньше, — когда жгучая боль в руке заставляет его выронить лассо и в недоумении оглянуться вокруг.

Он замечает в долине облачко порохового дыма. Одного взгляда достаточно, чтобы изменить поведение индейца. Он видит сотню вооруженных людей.

Его три товарища замечают их одновременно с ним.

Точно сговорившись, все четверо поворачивают лошадей и мчатся прочь с такой же быстротой, с какой прискакали сюда.

— Какая досада! — говорит Зеб Стумп, вновь заряжая ружье. — Если бы ей не грозила смерть, я дал бы им спуститься к нам. Попадись они в плен, мы могли бы кое-что узнать относительно нашего загадочного дела. Но теперь их уже не догнать.

* * * * * * * * *

Появление индейцев меняет настроение толпы, находящейся около хижины мустангера.

Те, кто считает Мориса Джеральда убийцей, теперь остаются в меньшинстве. Наиболее уважаемые из присутствующих думают, что он невиновен.

Колхаун и его сообщники уже больше не хозяева положения. По предложению Сэма Мэнли суд откладывается.

Очень быстро составляется новый план действий. Обвиняемого перевезут в поселок, и там будет проведено судебное разбирательство согласно законам страны.

А теперь пора заняться индейцами, так внезапно опрокинувшими все планы и изменившими настроение собравшихся.

Преследовать их? Разумеется.

Но когда? Сейчас?

Осторожность подсказывает, что нет.

Видели только четверых, но они могли быть авангардом четырех сотен.

— Подождем, пока к нам спустится женщина, — советует кто-то из более робких. — Они ведь не преследуют ее больше. Кажется, я слышу топот копыт ее лошади — наверно, она спускается по склону. Она должна хорошо знать дорогу — ведь она же сама нам ее указала.

Этот совет кажется разумным большинству из присутствующих. Они не трусы. Однако лишь некоторые из них участвовали в настоящих схватках с индейцами; многие вообще видели только тех индейцев, которые приезжали торговать в форт.

Итак, предложение принято. Все ждут Исидору.

Все уже около своих лошадей. Некоторые прячутся за деревьями, опасаясь, что вместе с мексиканкой или вслед за ней может появиться отряд команчей.

Тем временем Зеб Стумп вынимает кляп изо рта временно помилованного пленника и развязывает туго затянутую веревку.

Луиза с напряженным вниманием следит за ним, но она не помогает ему. Она уже сделала все, что могла, — быть может, слишком открыто. Она больше не хочет привлекать к себе внимание.

Но где же племянница дона Сильвио Мартинеса?

Ее все еще нет. Не слышно больше стука копыт ее лошади. У нее было достаточно — более чем достаточно — времени, чтобы доскакать до хакале.

Это вызывает удивление, тревогу, страх.

На многих мексиканка произвела сильное впечатление, это и неудивительно: в толпе есть и ее старые поклонники, и те, кто увидел ее впервые.

Неужели ее захватили в плен?

Этот вопрос возникает у всех. Но никто не может на него ответить.

Техасцы чувствуют упреки совести. Ведь это к их благородству и мужеству взывала девушка: «Техасцы! Друзья! Спасите!»

Неужели же эта красавица в плену у дикарей?

Они напряженно прислушиваются; у многих сердце сжимается от тревоги.

Но ничего не слышно. Ни топота копыт, ни женского голоса — ничего, кроме звяканья уздечек их собственных лошадей.

Неужели ее захватили в плен?

Весь гнев, скопившийся в их груди, направлен теперь не на мустангера, а на исконных врагов.

Наиболее молодые и пылкие не могут больше пребывать в неизвестности; они вскакивают в седла и громогласно объявляют о своем решении отыскать девушку, спасти ее или погибнуть.

Кто станет возражать им? Те, кто преследовал девушку, могут оказаться теми, кого они разыскивают, — убийцами Генри Пойндекстера.

Никто их не останавливает. Они отправляются искать Исидору — преследовать разбойников прерий.

Возле хижины остаются немногие; среди них Зеб Стумп.

Старый охотник не высказал своего мнения, стоит ли преследовать индейцев: он промолчал. Кажется, что его единственная забота — помочь больному, который все еще без сознания и которого все еще стерегут «регулярники».

Но не только Зеб остается верен мустангеру в его несчастье. Ему верны еще двое. Прелестная девушка по-прежнему не спускает с него глаз, хотя и принуждена скрывать свое горячее участие. Второй — неуклюжий, забавный человек у изголовья больного, которого он называет мастером Морисом: это Фелим. Все это время он просидел, прячась в густой листве развесистого дуба, молча наблюдая за всем происходящим. Изменение обстановки позволило ему наконец без риска спуститься на землю, и он начинает ухаживать за хозяином, вместе с которым пересек Атлантический океан.

Дальнейшие события будут развиваться уже далеко от берегов Аламо. Через час хижина опустеет, и Морису-мустангеру, быть может, никогда уже не придется жить под ее гостеприимным кровом.

Глава LXVIII

ДВОЙНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Поход против команчей длился очень недолго — не больше трех или четырех дней. Оказалось, что индейцы вовсе и не собирались начинать войну. Набег был совершен отрядом юношей, которых должны были принять в число воинов; они хотели отпраздновать это событие, добыв несколько скальпов и угнав какое-нибудь стадо или табун.

Такие мелкие нападения краснокожих — довольно обычное явление в Техасе. Часто они устраиваются без

ведома вождя и старейшин племени, подобно тому как молодой офицер может уйти тайком из лагеря вместе с дюжиной товарищей и захватить в плен вражеский патруль. Эти набеги обычно совершают молодые воины, отправившиеся на охоту, когда им хочется вернуться домой не только с дичью, но и с другими трофеями; об их похождениях остальные воины чаще всего узнают только много времени спустя. В противном случае, их остановили бы старейшины, которые, как правило, против таких разбойничьих набегов, потому что считают их не только неразумными, но и опасными для всего племени, хотя и готовы их одобрить в случае благополучного исхода.

На этот раз молодых команчей перехватил эскадрон конных стрелков среди холмов Сан-Саба. Они были вынуждены бросить угнанный скот, но сами спаслись, ускакав в ущелья Льяно-Эстакадо.

Преследовать индейцев на этом бесплодном плоскогорье представлялось рискованным, так как трудно было наладить снабжение войск, и, хотя родные погибших требовали немедленной мести, им отвечали, что к карательной экспедиции надо хорошенько подготовиться.

Поскольку команчи отступили за пределы нейтральной полосы, войскам оставалось только вернуться в свои лагеря и ждать дальнейших распоряжений командования.

Войска форта Индж, охранявшие пограничную полосу вплоть до реки Нуэсес, вернувшись в лагерь, с удивлением узнали, что могли бы встретиться с индейцами, никуда не уезжая. Молодые офицеры, жаждущие подвигов — в том числе Генкок, — которые не находили себе места от досады, услышав, что за Леоной видели краснокожих, воспрянули духом.

Но их постигло еще одно разочарование: в этот же день вернулся собранный из штатских отряд, преследовавший замеченных вблизи Аламо команчей, и сообщил, что никаких индейцев там и не бывало.

Их заявление подтверждалось вещественными доказательствами — париками из конского волоса, петуши-

ными перьями, выкрашенными в зеленый и красный цвет, штанами из оленьей шкуры, мокасинами и несколькими пакетиками красок. Все это было найдено в дупле старого тополя.

О новом походе против индейцев нечего было и мечтать. Искателям геройских подвигов пришлось смирить свои порывы и удовлетвориться мирной жизнью, тем более что за последнее время даже в этой глуши произошло немало интересных и таинственных событий, о которых можно было подумать и поговорить. Прежде всего — недавний приезд на Леону замечательной красавицы; затем — таинственное исчезновение и предполагаемое убийство ее брата; далее — еще более таинственное появление всадника без головы; очередная история о белых, переодетых индейцами, и, наконец, последняя новость — заподозренный в убийстве Генри Пойндекстера человек пойман и находится на их же гауптвахте в состоянии буйного помешательства.

Разочарованным воинам рассказали и другие интересные новости, так что жаловаться на скуку им не приходилось. Имя Исидоры Коварубио де Лос-Льянос, этой коварной красавицы, тоже все время упоминалось в разговорах. Ходили слухи, что она имеет какое-то отношение к тайне, занимавшей все умы.

Все разыгравшиеся на Аламо события — захват больного мустангера в его хижине, решение повесить его, вмешательство Луизы Пойндекстер, предстоящий пересмотр дела, отложенного благодаря отважному заступничеству Зеба Стумпа, — все это дало повод к нескончаемым пересудам и сплетням.

Однако наиболее оживленные споры разгорелись вокруг вопроса о виновности мустангера, обвиняемого в убийстве Генри Пойндекстера.

— Убийство, — сказал философски настроенный капитан Слоумен, — это преступление, на которое, по-моему, Морис-мустангер не способен. Мне кажется, я его достаточно хорошо знаю, чтобы утверждать это.

— Вы не можете отрицать, — возразил Кроссмен, — что все улики против него. Его виновность почти несомненна.

Кроссмен никогда не был расположен к молодому ирландцу. Ему однажды показалось, что племянница интенданта, красавица форта, слишком благосклонно посмотрела на этого безвестного искателя приключений.

— Я не считаю, что эти улики достаточны, — ответил Слоумен.

— Но ведь не приходится сомневаться в том, что молодой Пойндекстер убит. Это бесспорно. Так кто же еще мог это сделать? Колхаун клянется, что он слышал, как его кузен поссорился с Джеральдом.

— Милейший Колхаун поклянется в чем угодно, если только ему это выгодно, — вмешался драгун Генкок. — Кроме того, у него были недоразумения с мустангером, и поэтому его показания не заслуживают особого доверия. Не так ли?

— Предположим, что между молодым Пойндекстером и мустангером произошла ссора, — продолжал пехотный офицер. — Что же из этого следует? Это еще не доказывает, что мы имеет дело с убийством.

— Значит, вы предполагаете, что у мустангера с Пойндекстером была дуэль?

— Что-нибудь в этом роде возможно и даже вероятно. Этого я не отрицаю.

— Но из-за чего у них могла произойти ссора? — спросил Генкок. — Я слышал, что молодой Пойндекстер хорошо относился к мустангеру, хотя тот и ранил Колхауна. Из-за чего они могли поспорить?

— И это спрашиваете вы, лейтенант Генкок? — многозначительно сказал Слоумен. — Разве мужчины ссорятся из-за чего-нибудь, кроме...

— ...кроме как из-за женщины? — вмешался драгун. — Но из-за какой женщины, я не могу понять. Не из-за сестры же Пойндекстера!

— Кто знает! — ответил Слоумен, пожимая плечами.

— Какая нелепость! — воскликнул Кроссмен. — Охотник за лошадьми посмел мечтать о мисс Пойндекстер? Невероятно!

— Какой вы ярый аристократ, Кроссмен. Разве вы

не знаете, что любовь по самой своей природе — демократка, что она смеется над вашими надуманными теориями о социальном неравенстве? В данном случае я не берусь ничего утверждать. Ведь ссора могла произойти и не из-за мисс Пойндекстер. На Леоне немало и других девушек, которые сто́ят ссоры, не говоря уж о дамах нашего форта...

— Капитан Слоумен! — сердито прервал его Кроссмен. — Меня удивляют ваши рассуждения. Наши дамы вряд ли будут вам признательны за такие оскорбительные намеки.

— Какие намеки, сэр?

— Неужели вы думаете, что хотя бы одна из них снизошла бы до разговора с этим человеком?

— С каким? Я назвал двоих.

— Вы меня достаточно хорошо понимаете, Слоумен, а я вас. Наши дамы, несомненно, будут весьма польщены тем, что их имена упоминаются рядом с именем этого темного авантюриста-конокрада, подозреваемого в убийстве.

— Мориса-мустангера подозревают в убийстве, но все остальное к нему не относится. Он не конокрад и не авантюрист. Что же касается вашего утверждения, будто ни одна из наших дам не снизойдет до разговора с ним, то в этом — как и во многом другом — вы ошибаетесь, мистер Кроссмен. Я его лучше знаю, и я утверждаю, что он воспитан не хуже любого из нас. Нашим дамам незачем бояться знакомства с ним; и, раз уж вы коснулись этой темы, могу добавить, что вряд ли они — по крайней мере, некоторые из них — испугались бы этого. Морис-мустангер, как я сам видел, в присутствии наших дам всегда помнил свое место. А кроме того, я сильно сомневаюсь, что его интересует какая-нибудь из них.

— В самом деле? Какое счастье для того, кто мог бы оказаться его соперником!

— Пожалуй, — спокойно ответил Слоумен.

— А может быть... — сказал Генкок, желая замять неприятный разговор, — может быть, причина этой предполагаемой ссоры была прекрасная сеньорита, о

которой сейчас так много говорят? Я ее никогда не видел, но то, что я о ней слышал, позволяет думать, что из-за нее могла бы произойти не одна дуэль.

— Все может быть... — протянул Кроссмен, обрадованный предположением, что красивый ирландец мечтает вовсе не о племяннице интенданта.

— Его заперли на гауптвахте, — сообщил Генкок новость, которую он только что узнал (разговор этот происходил вскоре после их возвращения из похода против команчей). — С ним его чудак слуга. Майор отдал распоряжение удвоить охрану. Что это значит, капитан Слоумен? Вы, наверно, это можете объяснить лучше других. Ведь не ждут же, что он попытается бежать!

— Не думаю, — ответил Слоумен, — особенно если принять во внимание, что он не знает, где находится. Я только что был там, чтобы посмотреть на него. У него настолько помрачен рассудок, что он не узнал бы самого себя в зеркале.

— Помрачен рассудок?.. Что вы хотите этим сказать? — спросили Генкок и другие офицеры, которые еще не знали всех подробностей случившегося.

— У него горячка — он бредит.

— Неужели же из-за этого усилена охрана? Чертовски странно! Должно быть, сам майор немного помешался.

— Может быть, это предложение, или, вернее, распоряжение, майорши? Ха-ха-ха!

— Но что это означает? Неужели наш старик действительно опасается, что мустангер сбежит оттуда?

— По-моему, дело не в этом. Он, по-видимому, больше опасается, что кто-нибудь ворвется туда.

— Ах, вот как!

— Да, для Мориса-мустангера безопаснее находиться под замком. По поселку бродят подозрительные личности, и снова начались разговоры о суде Линча. Либо «регулярники» жалеют, что отложили расправу, либо кто-то их настраивает против мустангера. Ему повезло, что старый охотник вступился за него и что мы вернулись вовремя. Еще один день — и мы не застали

бы Мориса Джеральда в живых. Теперь, во всяком случае, беднягу будут судить честно.

— Когда же суд?

— Как только к нему вернется сознание.

— Этого, может быть, придется ждать целый месяц, если не больше.

— А может быть, все пройдет через несколько дней или даже часов. Раны его, по-видимому, не так уж серьезны. Больше пострадал его рассудок — очевидно, не от них, а от какого-то душевного потрясения. Все может измениться за один день. И, насколько мне известно, «регулярники» требуют, чтобы его судили немедленно, как только он придет в себя. Ждать, когда у него заживут раны, они не намерены.

— Может быть, ему удастся оправдаться? Надеюсь, так и будет, — сказал Генкок.

— Не думаю, — ответил Кроссмен, покачав головой. — Поживем — увидим.

— А я в этом уверен, — сказал Слоумен. Но в тоне его слышалась не столько уверенность, сколько желание, чтобы это было так.

Глава LXIX

ТАЙНА И ТРАУР

В асиенде Каса-дель-Корво царит печаль. Между членами семьи — какие-то загадочные отношения.

Их осталось только трое. Видятся они гораздо реже, чем раньше, а при встречах держатся очень холодно. Они видятся только за столом и говорят тогда только о самом необходимом.

Понять причину этой печали нетрудно; до некоторой степени понятна и их молчаливость.

Смерть, в которой больше уже никто не сомневается, — смерть единственного сына, единственного брата, неожиданная и загадочная, — страшный удар и для отца и для сестры.

Эта же смерть может объяснить и мрачное уныние Кассия Колхауна, двоюродного брата убитого.

Но дело не только в этом. Они сдержанны друг с другом даже в тех редких случаях, когда им приходится говорить о семейной трагедии.

Помимо общего горя, у каждого из них есть еще какая-то своя тайная печаль, которой он не делится и не может поделиться с остальными.

Гордый плантатор не выходит теперь из дому. Он часами шагает по комнатам и коридорам. Тяжесть горя сломила его гордость и грозит разбить сердце. Однако старика гнетет не только тоска о погибшем сыне; невнятные проклятия, срывающиеся порой с его губ, выдают и другие чувства.

Колхаун все время куда-то уезжает, как и раньше; он появляется, только когда надо садиться за стол или ложиться спать, — и то не всегда.

Как-то раз он отсутствовал весь день и почти всю ночь. Никто не знает, где он был; и ни у кого нет права спрашивать его об этом.

Луиза почти все время проводит в своей комнате. Иногда, правда, она поднимается на асотею и стоит там одна, о чем-то размышляя.

Там, под сводом синего неба, ей легче переносить свои страдания — тоску о погибшем брате, страх потерять любимого и, быть может, неприятные мысли о скандале, уже связанном с ее именем.

Последнее меньше всего беспокоит ее. Больше всего ее волнует страх за любимого; печаль о погибшем брате, такая мучительная вначале, стала понемногу утихать.

Но тревога о возлюбленном с каждым часом становится сильнее.

Луиза знает, что Морис Джеральд заперт в крепких стенах военной гауптвахты.

То, что эти стены неприступны, ее не беспокоит; наоборот, она боится, что они недостаточно крепки. Для этого у Луизы есть основания. До нее дошли ужасные слухи.

Поговаривают о новом суде Линча; на этот раз в качестве судьи выступит не Сэм Мэнли и присяжными будут не «регулярники», а негодяи, не знающие, что

такое совесть, которых всегда можно найти в пограничных селениях, особенно вблизи военного поста.

У многих эти разговоры вызывают удивление. Трудно понять, почему арестованного должны снова судить не по закону.

Факты, выяснившиеся за последнее время, не меняют дела; во всяком случае, нет никаких новых доказательств его виновности.

Хотя четыре всадника и не были индейцами — что доказано находкой в дупле, — тем не менее вполне возможно, что в смерти Генри Пойндекстера повинны они. Кроме того, нет ни малейшей связи между ними и мустангером — не больше, чем если бы они были настоящими команчами.

Почему же тогда опять вспыхнула эта неприязнь к арестованному?

Все это настолько странно, что многих ставит в тупик.

Лишь немногие знают или подозревают разгадку этой страшной тайны; пожалуй, всего только трое: Зеб Стумп и Луиза Пойндекстер; третий — Кассий Колхаун.

Наблюдательный охотник заметил кое-что подозрительное в поведении Мигуэля Диаса и его приятелей, которые неожиданно завязали дружбу с десятком таких же отпетых негодяев — «грозы» поселка. Зеб выяснил также, что их подстрекатель — отставной капитан волонтеров Кассий Колхаун.

Зеб Стумп поделился своими открытиями с молодой креолкой, которая поняла всю их важность; это-то и вызвало в ней мучительную тревогу.

Жадно ловит она новые слухи, напряженно глядит на дорогу, ведущую к форту, точно ждет вестника, который принесет ей оттуда либо смертный приговор, либо надежду на жизнь.

Она не смеет показываться около гауптвахты. Вход туда охраняется часовым, а кругом люди — толпа праздных зевак, которые во всех странах находят какое-то мрачное удовольствие быть вблизи тех, кто совершил преступление.

А этот осужденный вызывает особый интерес, потому что он сумасшедший, или хотя бы временно лишился рассудка.

Дверь гауптвахты, несмотря на присутствие часовых, все время осаждается бездельниками, прислушивающимися к бреду безумца. Пройти сквозь эту толпу под огнем любопытных взглядов — значит для Луизы Пойндекстер рисковать своей репутацией.

Если бы Луиза была предоставлена самой себе, это соображение, возможно, ее не остановило бы, но за ней следит отец, у которого и так уже возникли подозрения. А кроме того, еще один родственник не менее рьяно оберегает ее честь в глазах общества. Ей не позволят это сделать.

Ей остается только сидеть дома; то, запершись в своей комнате, она ищет утешения в воспоминаниях о словах, которые она слышала на Аламо у постели больного; то на асотее перебирает в памяти счастливые минуты, проведенные среди акаций; то снова горюет при мысли, что тот, кто покорил ее гордое сердце, теперь унижен, опозорен, брошен в тюрьму и, быть может, выйдет оттуда лишь для того, чтобы умереть.

Как счастлива была Луиза, когда на четвертый день утром в Каса-дель-Корво появился Зеб Стумп и принес известие, что «отряд вернулся в форт»!

А это говорило о многом. Теперь уже не надо было опасаться жестокого намерения вырвать арестованного у стражи — не для того, чтобы спасти его, а для того, чтобы погубить.

— Можете больше не беспокоиться, — сказал Зеб с уверенностью в голосе. — Теперь эта опасность миновала, мисс Луиза, — я принял меры.

— Меры? Но какие, Зеб?

— Прежде всего я повидался с майором сразу же, как только он вернулся, и мы поговорили с ним по душам. Я рассказал ему всю эту историю, все, что мне самому известно. К счастью, он не настроен против мистера Мориса, а, сдается мне, по-прежнему хорошо к нему относится. Потом я рассказал про эту грязную банду американцев, мексиканцев и прочих. Не забыл и

про негодяя Диаса — пожалуй, самого опасного из них. И вот майор распорядился удвоить охрану.

— Как я рада! Так вы думаете, что теперь их можно больше не опасаться?

— Если вы говорите о шайке мистера Мигуэля Диаса, то могу поклясться, что нет. Пусть он сам сначала выберется из тюрьмы.

— Что? Диас в тюрьме? Как? Когда? Где?

— Вы задали мне сразу три вопроса, мисс Луиза. Ну что ж! Для удобства давайте начнем с последнего. Значит, вы спрашиваете — где? В этих местах только одна тюрьма, другой нет. Я хочу сказать, что это гауптвахта форта. Он там.

— Вместе с...

— Я знаю, кого вы хотели назвать. Да, вы угадали. Они в одном доме, хотя и не в одной комнате. Между ними перегородка, но через нее все слышно; можно было бы переговариваться, если бы только они захотели. Вместе с мексиканцем сидят и трое его окаянных приятелей. Ну, уж эти-то, наверно, найдут о чем потолковать.

— Это хорошая новость, Зеб. Вы вчера мне сказали, что Диас изо всех сил старался...

— ...сам угодить в тюрьму. Это ему здорово удалось. Или кто-нибудь ему помог.

— Но скажите же: как, когда?

— Ох, как вы торопитесь, мисс Луиза! Дайте хоть дух перевести. Ваш второй вопрос — когда? И на это нетрудно ответить. Этого негодяя поймали и посадили час назад. Я видел, как за ним захлопнулась дверь гауптвахты. После этого я прямо направился сюда.

— Но вы еще не сказали, почему его арестовали.

— Не успел еще, мисс Луиза. Это длинная история — ее не скоро расскажешь. Хотите ли выслушать теперь или после...

— После чего, мистер Стумп?

— Как вам сказать... мисс Луиза, я думал... после того, как я отведу в конюшню свою старую кобылу. Ей, видно, хочется немножко пожевать чего-нибудь вроде кукурузы и хлебнуть какого-нибудь пойла. Мы ведь с

ней долго были в пути и только час назад вернулись в форт.

— Простите меня, дорогой мистер Стумп! Я не подумала об этом... Плутон, отведи лошадь мистера Стумпа в конюшню и смотри накорми ее хорошенько... Флоринда! Флоринда!.. А что можно вам предложить, мистер Стумп?

— Не беспокойтесь обо мне, мисс Луиза, спасибо вам большое. Я думал только о кобыле. Что же касается меня, то часика два я еще могу обойтись без еды. Но, если в вашем доме есть что-нибудь вроде мононгахильского виски, это было бы мне, старику, очень полезно для поддержания духа.

— Мононгахильского виски? Сколько угодно. Но, может быть, вас угостить чем-нибудь получше?

— Лучше мононгахильского виски?!

— Да. Не хотите ли хересу, шампанского или коньяка? Если вы его предпочитаете.

— Нет, не надо мне этих французских вин, пусть их пьют, кому нравится. Может, у французов и есть вкусные вина, — а уж если есть, я уверен, что они найдутся в доме Пойндекстера, — но я пробовал только те, которыми угощает маркитант в форте. Будь это лекарство — дело другое: они могут вывернуть все кишки у крокодила. Нет, будь она проклята, эта французская бурда и особенно коньяк! И что может быть лучше чистого кукурузного сока, который привозят из Питтсбурга на реке Мононгахиле!

— Флоринда! Флоринда!

Горничной можно было и не говорить, зачем ее звали. Присутствие Зеба Стумпа достаточно красноречиво указывало, зачем ее зовут. Не дожидаясь распоряжения, она вышла и через минуту вернулась с графином, наполненным тем, что старый охотник называл «чистым кукурузным соком», но что на самом деле было продуктом переработки ржи.

Зеб не заставил себя упрашивать. Скоро жидкость в графине убыла на одну треть. Две трети он оставил для того, чтобы освежаться во время длинного рассказа, к которому уже готов был приступить.

Глава LXX

«ИДИТЕ, ЗЕБ, И ДА ПОМОЖЕТ ВАМ БОГ!»

Старый охотник не любил ничего делать второпях. Это сказывалось даже в его манере пить; и теперь, как всегда, он медленно смаковал свое виски.

Креолка, сгорая от нетерпения, не стала дожидаться, пока он сам заговорит.

— Скажите, милый Зеб, — сказала она, отослав служанку, — почему арестовали этого мексиканца? Мигуэля Диаса, я хочу сказать. Мне кажется, что я кое-что о нем знаю.

— Не вы одна, мисс Луиза, — многие знают проделки этого негодяя. Ваш брат... Но об этом пока не будем говорить. А Зеб Стумп знает или сильно подозревает, что Мигуэль Диас имел какое-то отношение к... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Продолжайте, мистер Стумп!

— Так вот. Вскоре после того, как мы вернулись с Аламо, явились и парни, которые поскакали в погоню за индейцами; они обнаружили, что это были вовсе не индейцы. Вы это, конечно, слыхали, мисс Луиза. Вещи, найденные в дупле дерева, ясно говорят, что те, кого мы видели над обрывом, не были краснокожими. Я и сам об этом подумал, когда нашел в хижине карты.

— Значит, это они явились ночью в хакале, это их видел Фелим?

— Без сомнения. Это те же самые мексиканцы.

— А почему вы думаете, что они мексиканцы?

— Очень просто. Я сам убедился в этом. Я выследил, куда скрылся каждый из этой шайки.

Молодая креолка больше не задавала вопросов. Рассказ Зеба пробудил в ней новую надежду. Она терпеливо ждала его продолжения.

— Видите ли, мисс Луиза, карты и некоторые их слова, которые Фелим повторил мне как сумел, навели меня на мысль, что эти люди — мексиканцы. Убедившись в этом, я уже легко мог догадаться, откуда приблизительно они могли явиться. Я достаточно хорошо знаю местных мексиканцев, чтобы по описанию узнать

каждого из четверки. Их индейские тряпки меня не провели. Кроме того, одному из них я поставил свою метку.

— Вашу метку? Как же это, Зеб?

— Помните, я выстрелил?

— Я видела, как вы спустили курок, но тех, в кого вы стреляли, не видела, — я ведь стояла за деревьями.

— Так вот, мисс Луиза, когда старик Стумп спускает курок, пуля редко летит мимо цели. Я знал, что попал в этого прохвоста. Стрелять-то пришлось издалека, и пуля была уже на излете, но я знал, что она его зацепила. Я видел, как он дернулся, и подумал: «Если только в той шкуре не пробито дыры, то я готов поменяться с ним своей». После этого вернулись наши молодцы и рассказали нам о белых, а не о краснокожих. Я уже знал, кто были эти индейцы, и мог бы изловить их, но я этого не сделал.

— Но почему же, мистер Стумп? Ведь, может быть, это те же люди, которые убили моего бедного брата!

— Вот именно потому-то я их пока и не трогал. Была еще и другая причина. Мне не хотелось уходить далеко от форта — я боялся, как бы в мое отсутствие не произошло чего плохого. Вы понимаете? Да и помимо всего, я считал, что еще рано доводить дело до конца. Мне хотелось сделать это без промаха.

— И вы это сделали?

— Еще бы! Видите ли, погода стояла сухая, и я особенно не торопился сделать то, что решил. Итак, я дождался возвращения солдат и тогда мог спокойно оставить мистера Мориса под надежной охраной. Только после этого я оседлал свою старую кобылу и отправился туда, где нашли все эти парики и перья. Я легко нашел это место по описаниям тех, кто там побывал. Их вел этот желторотый Спенглер, и я знал, что они и половины следов не заметили, так что для меня там тоже достаточно осталось. Я не ошибся. Любой дурак, который когда-нибудь был в прерии, мог бы найти обратные следы этих фальшивых команчей. Любой лавочник смог бы проследить их по прерии, а вот мистер Спенглер и остальные не смогли. Я шутя все проверил,

хотя следы были сильно затоптаны. Я проследил путь каждой из четырех лошадей до ее конюшни.

— А потом?

— Потом я поговорил с майором, и через полчаса все четыре красавца очутились за решеткой. Главаря схватили первым, иначе он мог бы улизнуть. Я был прав, утверждая, что оставил на мистере Мигуэле Диасе свою метку. Пуля попала ему в правую руку. Поэтому-то он и выронил лассо.

— Значит, это был он? — невольно сорвалось у Луизы, и она задумалась. — Очень странно, — продолжала она тихо, как будто разговаривая сама с собой. — Ведь это его я видела на поляне в зарослях. Да, без сомнения. А эта мексиканка — Исидора... Ах! Здесь кроется какая-то темная тайна! Кто сможет ее разгадать?.. Скажите мне, милый Зеб, — обратилась Луиза к охотнику, подойдя к нему поближе, — эта мексиканка... эта сеньорита, я хочу сказать... которая была там... часто она бывала у него?

— У кого? Про кого вы спрашиваете, мисс Луиза?

— У мистера Джеральда.

— Может быть, и часто, а может быть, и нет — ни то, ни другое мне не известно. Я ведь и сам редко там бывал. Я охочусь обычно не в тех местах. Только иногда, бывало, забреду туда для разнообразия, подстрелить дикого индюка или оленя — на этой речке их много водится. Если вы спрашиваете мое мнение, так я думаю, что эта девица никогда раньше там не бывала. По крайней мере, я об этом ничего не слыхал. А Фелим, уж наверно, проболтался бы. Я слыхал только об одной особе женского пола, которая приезжала в гости в эту хибарку.

— Кто? — быстро спросила креолка и сейчас же пожалела об этом. Яркая краска выступила у нее на щеках, когда она заметила многозначительный взгляд Зеба. — Но это неважно, — продолжала она, не дожидаясь ответа. — Так вы думаете, Зеб, что эти люди, эти мексиканцы, замешаны в убийстве моего брата?

— Сказать вам правду, мисс Луиза, я просто не знаю, что и думать... В прериях еще никогда не случа-

лось такого таинственного происшествия. Иногда мне кажется, что это работа мексиканцев; иногда в голову приходят другие мысли, и тогда мне кажется, что к этому черному делу приложил руку кто-то другой. Я пока не скажу, кто.

— Только не он, Зеб, только не он!

— Нет, это не мустангер — он тут совсем ни при чем. Хотя очень многое и говорит против него, я ни на минуту не усомнился в его невиновности.

— Да, но как он сможет это доказать? Говорят, что все улики против него. И никто не хочет сказать ни слова в его защиту.

— Нет, это не совсем так. Мне еще не удалось как следует выяснить это дело — все времени не хватало: не спускал глаз с тюрьмы и со всех прочих, — но теперь у меня есть эта возможность, и я ее не упущу. Прерия — это большая книга, мисс Пойндекстер, интересная большая книга, надо только уметь читать по ней. Хотя Зеб Стумп и не слишком большой грамотей, но эту премудрость он постиг; ему, может быть, удастся найти свидетельства, разбросанные по траве прерии. Может быть, удастся что-нибудь узнать на берегах Аламо...

— Вы думаете, что сможете найти какие-нибудь следы?

— Надо будет съездить и хорошенько везде поглядеть — особенно на том месте, где я нашел мустангера в когтях ягуара. Следовало бы отправиться туда еще раньше, но я уже сказал вам, почему не мог этого сделать. Слава богу, что за это время не было ни капли дождя, и даже следы, сделанные неделю назад, можно будет прочитать так же легко, как вчерашние. Конечно, не всякий в них разберется... Ну, а теперь мне пора в путь, мисс Луиза. Я заехал к вам на минуточку — рассказать, что делается в форте. Нельзя терять времени. Меня пустили сегодня утром к мистеру Морису; у него в голове начинает проясняться. Этого только и ждут, чтобы потребовать суда. Может быть, это произойдет через каких-нибудь три дня. А мне необходимо вернуться к началу суда.

— Идите, Зеб, и да поможет вам бог в этом добром деле! Возвращайтесь с доказательствами его невиновности. Я буду вечно вам благодарна, как за... нет, больше, чем за спасение моей жизни.

Глава LXXI

РЫЖИЙ КОНЬ

Воодушевленный этими горячими словами, охотник поспешил к конюшне, где стояла его неуклюжая кобыла. Она жевала кукурузу, на которую Плутон не поскупился.

И Плутон был здесь же, возле лошади. Обычно разговорчивый, грум был на этот раз очень молчалив. Повидимому, он был чем-то удручен.

Понять его состояние было нетрудно. Потеря горячо любимого молодого хозяина, горе молодой хозяйки, которой он также был очень предан, презрительные насмешки Флоринды, за последнее время то и дело бранившей его, и, вероятно, удар сапогом Кассия Колхауна, который теперь вел себя так, словно асиенда принадлежала ему, — все это вполне могло объяснить грустное настроение Плутона.

Зеб был так занят собственными мыслями, что не заметил унылой физиономии невольника. Второпях он даже не дал своей кобыле как следует подкрепиться кукурузой. Схватив лошадь за морду, Зеб вставил ей между зубами ржавые удила, просунул ее длинные уши сквозь потрескавшиеся ремешки оголовья, быстро повернул ее и уже готов был вывести из конюшни.

Кобыла упиралась — редко когда ей приходилось жевать такой вкусный корм, — и Зебу пришлось изо всей силы дернуть ремешок уздечки, чтобы отвести упрямое животное от кормушки.

— Ой-ой, масса Стумп, — вмешался Плутон, — почему вы так торопитесь? Бедная кобыла еще голодная. Пусть бы наелась досыта кукурузы. Это ей не повредило бы.

— У меня нет времени, я отправляюсь в далекий путь. Мне надо проскакать миль сто, а времени остается меньше двух часов.

— Что вы, масса Стумп! Больно шибко скакать придется. Вы не шутите?

— Нет, я говорю серьезно.

— Удивительно, до чего быстро ездят по этим прериям! Вот и та лошадка, наверно, проскакала миль двести за одну ночь.

— Какая лошадка?

— А вот рыжая, та, что стоит дальше всех от дверей. Лошадь массы Колхауна.

— Почему ты думаешь, что она проскакала двести миль?

— Потому что она была вся в мыле. Она очень устала, еле плелась за мной, когда я повел ее поить к речке. Спотыкалась, как новорожденный теленок. Ой, как она была измучена!

— Когда это было, Плутон?

— Когда? Дайте подумать... Ну да, конечно, это было, когда пропал масса Генри, — рано утром, через час, как солнце показалось на небе. Я не видел рыжего раньше — я вышел на рассвете. А когда пришел в конюшню, увидел лошадь всю мокрую, точно она переплыла речку, и всю в пене; и она задыхалась так сильно, как будто только что пробежала четыре мили на скачках в Новом Орлеане.

— Кто же ездил на ней в ту ночь?

— Не знаю, масса Стумп. Только никто на ней не ездит, кроме массы Колхауна. Хо, хо! Никто не смеет даже сесть на нее.

— Значит, он и ездил на ней?

— Я не знаю, масса Стумп, ничего не знаю. Не видел, чтоб капитан ее выводил, не видел, как она обратно попала.

— Если ты только говоришь, что она была вся взмыленная, значит, кто-то должен был на ней ездить.

— Да-да! Кто-то ездил.

— Послушай, Плутон. Я думаю, что ты говоришь правду и действительно не знаешь, кто ездил на ры-

жем в ту ночь. Но как тебе кажется, кто бы это мог быть? Ты ведь знаешь, что мистер Пойндекстер мой друг, и я не хочу, чтобы кто-то без спросу брал его лошадей, так же как и лошадей капитана Колхауна. Это кто-нибудь из негров с плантаций увел потихоньку бедное животное и обскакал на нем всю прерию вдоль и поперек. Ведь правда?

— Нет, масса Стумп, негр не думает, чтоб это было так. Неграм с плантаций сюда ходить запрещено. Они не посмели бы войти в конюшню. Никакой негр с плантаций не уводил рыжего.

— Черт побери, кто же на нем ездил? Может быть, это был надсмотрщик? Что ты на это скажешь?

— Нет, и не он.

— Так, значит, это сам хозяин коня, больше некому. Если так, тогда мне нечего беспокоиться. Он имеет право скакать на своей лошади куда ему вздумается. Это уж не мое дело.

— И не мое, масса Стумп. Ох, как жалко, что мне это не пришло в голову сегодня утром!

— Почему ты жалеешь об этом? Что такое случилось сегодня утром?

— Ох, что случилось сегодня утром! Большое несчастье с этим негром! Очень большое несчастье!

— Да что такое?

— Ах, масса Стумп, меня пнули сегодня. Как раз через часок после полудня.

— Пнули?

— Так, что я полетел по всей конюшне.

— А, понимаю: тебя лягнула лошадь. Которая?

— Не угадали. Вовсе не лошадь, а ее хозяин — хозяин всех лошадей в этой конюшне, кроме вот этой крапчатой. Это масса Колхаун меня бил ногой.

— Из-за чего же, черт побери? Ты, наверно, чего-нибудь натворил, дружище?

— Негр не сделал ничего плохого. Он только спросил капитана, что случилось с его лошадью тогда ночью; спросил, почему она пришла такая измученная. А он сказал, что не мое дело, и дал мне пинка; потом стал стегать плетью; потом он мне грозил. Ска-

зал, что если я еще заикнусь об этом, то он даст мне сто ударов бичом. Он ругался. Ох, как он ругался! Плутон никогда еще не видел массы Колхауна таким сердитым, никогда в жизни!

— Где же он сейчас? Его нигде не видно сегодня. А раз рыжий здесь, значит, он никуда не уехал.

— Ей-богу, масса Стумп, его сейчас нет здесь; он только что уехал. Он теперь все время куда-то уезжает и долго не возвращается.

— Верхом?

— Да. Он ездит теперь на сером. Рыжего больше не берет. С той самой ночи он только один раз ездил на нем. Может быть, он хочет, чтобы рыжий отдохнул.

— Послушай-ка, Плутон, — сказал Зеб после нескольких минут раздумья, — пожалуй, действительно будет лучше, если моя старая кобыла еще немного подкрепится кукурузой. Недаром говорят: «Тише едешь — дальше будешь». Пускай поест в свое удовольствие. А пока она жует, и я могу заняться тем же. Сбегай-ка на кухню и посмотри, не найдется ли чего закусить. Кусок холодного мяса и ломоть хлеба — больше ничего и не надо. Твоя хозяйка хотела угостить меня, но я боялся опоздать и отказался. А теперь вот, пока поджидаю свою скотинку, могу и я поглодать косточку — веселее будет.

— Правильно, масса Стумп, я сбегаю в одну секунду.

С этими словами Плутон поспешил через двор на кухню. Зеб Стумп остался один в конюшне.

Как только негр вышел, на лице старого охотника не осталось и тени того безразличия, с каким он закончил разговор. Это было напускное безразличие, о чем нетрудно было догадаться, глядя теперь на его сосредоточенное лицо.

Зеб прошел по каменным плитам конюшни до стойла, где был рыжий жеребец.

Конь бросился в сторону и, дрожа всем телом, прижался к стене — наверно, он испугался того решительного вида, с каким охотник приблизился к нему.

— Стой спокойно, глупая ты скотина! — заворчал

Зеб. — Я не сделаю тебе ничего дурного. А норов-то у тебя совсем как у твоего хозяина! Тихо, я тебе говорю! Дай осмотреть твои подковы.

Сказав это, Зеб наклонился и попробовал поднять переднюю ногу лошади. Это ему не удалось: лошадь вдруг начала бить копытами и фыркать, словно чего-то опасаясь.

— Будь ты проклят, урод ты этакий! — сердито закричал Зеб. — Не можешь постоять минуту спокойно! Никто не собирается тебя обижать. Ну-ну, не балуй, милый! — заговорил он ласково. — Я только посмотрю, как ты подкован.

Он снова попытался поднять ногу жеребца, но тот не дался.

— Вот уж этого я никак не ждал, — пробормотал Зеб, оглядываясь кругом, словно в надежде найти выход из затруднения. — Что делать? Позвать на помощь негра нельзя. Он ничего не должен знать об этом. Надо поторопиться, чтобы он не застал меня врасплох, а то он обо всем догадается. Черт бы побрал эту скотину! Как же мне осмотреть ее ноги?

Несколько минут охотник простоял молча — он был сильно озадачен.

— Будь она проклята, эта негодная тварь! — снова воскликнул он. — Так и хочется убить ее на месте!.. А, есть! Придумал! Только бы негр мне не помешал. Будем надеяться, что Флоринда его задержит. Ну, подожди ты у меня, я тебя заставлю стоять спокойно или придушу! С этим ошейником ты у меня не очень-то повертишься!

Говоря это, Зеб снял со своего седла лассо и набросил петлю на шею рыжего жеребца. Потом он сильно потянул веревку за другой конец.

Лошадь захрапела и стала биться в стойле. Но скоро храп перешел в свистящий звук, с трудом вылетавший из ее ноздрей. Ярость лошади перешла в ужас.

Зеб мог теперь спокойно войти в стойло. Привязав покрепче конец веревки, он стал быстро, но внимательно осматривать каждое копыто. Он замечал форму копыт, подковы, количество и взаимное расположение

гвоздей — короче говоря, все, что могло бы помочь ему распознать следы этой лошади.

Когда очередь дошла до левой задней ноги, которую Зеб осматривал последней, он вдруг вскрикнул от удивления и радости. Это восклицание вырвалось у старого охотника при виде поломанной подковы: почти целой четверти ее не хватало на копыте — подкова переломилась на втором гвозде.

— Если бы я знал, что ты такая, — пробормотал он, обращаясь к поломанной подкове, — я бы не стал утруждать себя и не изучал бы другие. Вряд ли можно не узнать твои отпечатки. Но все же, чтобы действовать наверняка, я захвачу тебя с собой.

При этих словах Зеб вытащил свой огромный охотничий нож, подсунул его под подкову, снял ее и вместе со всеми гвоздями положил в один из бездонных карманов своей куртки. Затем проворным движением охотник развязал веревку, и рыжий наконец смог вздохнуть свободно.

Минуту спустя появился Плутон с обильным обедом. На подносе красовался и стакан виски. Зеб немедленно принялся за еду, не заикнувшись о том, что произошло в конюшне, пока Плутон отсутствовал.

Однако тот сразу заметил, что с рыжим творится что-то неладное: он стоял, дрожа всем телом, и испуганно оглядывался кругом.

— Ой-ой! — воскликнул негр. — Что же это с ним такое? Похоже, что он боится вас, масса Стумп.

— Может быть... — протянул Зеб с показным равнодушием. — Пожалуй, он немного побаивается меня. Он попробовал укусить мою старую кобылу, а я за это хлестнул его разок-другой веревкой. Вот это ему и не понравилось.

Плутон был вполне удовлетворен таким объяснением, и разговор на эту тему закончился.

— Скажи-ка, Плутон, — снова заговорил Зеб, — кто подковывает ваших лошадей? Наверно, у вас работают свои кузнецы?

— Как же — свои работают. Желтый Джек подковывает их. А почему вы это спрашиваете, масса Стумп?

— Да мне надо подковать мою старую кобылу. Наверно, Джек не откажется это сделать для меня?

— Еще бы, конечно.

— Сколько времени, ты думаешь, понадобится, чтобы подковать ее на две ноги?

— О, совсем немного, масса Стумп! Джек — хороший кузнец, это все говорят.

— А готовые подковы у него есть? Давно он подковывал ваших лошадей?

— Уже больше недели прошло с тех пор, масса Зеб. Самой последней он подковал лошадь мисс Луизы, крапчатую красавицу. Но это ничего не значит — у него еще есть готовые подковы. Я это знаю хорошо, — ведь ему надо подковать рыжего. У него одна подкова поломана. Уже десять дней, как это случилось. Мастер Колхаун велел, чтобы сняли эту подкову. Сегодня утром я слышал, как он говорил Джеку.

— Пожалуй, у меня действительно маловато времени, — сказал Зеб, как бы внезапно меняя свое намерение. — Лучше отложим это дело с подковами до моего возвращения. Авось моя старуха и так обойдется. Мы поедем по прерии, дорога там мягкая, и с ней ничего не случится.

Зеб вышел из конюшни во двор и посмотрел на небо:

— Да, пора двигаться. Нельзя терять ни минуты. Ну, теперь, голубушка, довольно жевать! Придется вместо кукурузы взять в зубы эту железку. Вот молодчина!

Разговаривая так то с Плутоном, то с лошадью, Зеб снова надел уздечку, вывел лошадь за ворота, вскочил в седло и тронул поводья.

Глава LXXII

ЗЕБ СТУМП ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Выехав из ворот Каса-дель-Корво, старый охотник отправился вверх по берегу реки в сторону форта.

Не прошло и четверти часа, как он уже был там. Со-

скочив с седла, Зеб пошел по направлению к квартире майора.

Старому охотнику нетрудно было добиться свидания с комендантом форта Индж. Военные относились к Зебу Стумпу с уважением, и вход для него был открыт в любой час — он мог войти без пароля и не соблюдая других формальностей, установленных для посторонних. Часовые пропустили его, как своего. С дежурным офицером он обменялся приветствием; адъютант же немедленно доложил о нем майору.

По первым же словам, с которыми майор обратился к охотнику, видно было, что он его ждал:

— А, мистер Стумп! Рад вас видеть так скоро. Разобрались ли вы в этом странном деле? Судя по вашему быстрому возвращению, я догадываюсь, что есть новости. Надеюсь, что-нибудь благоприятное для этого несчастного молодого человека? Несмотря на то что многое говорит против него, я все же придерживаюсь своего прежнего мнения — он не виновен. Так что же вы узнали?

— Должен вам сказать, майор, — произнес Зеб, — что никаких особых новостей у меня пока еще нет, но все же я счел нужным завернуть в форт, хотя и не собирался этого делать, пока не поезжу по прерии. Я зашел поговорить с вами.

— Очень хорошо сделали. Я вас слушаю.

— Я хочу просить вас, чтобы вы оттянули, насколько возможно, начало судебного разбирательства. Я знаю, что тут кое-кто будет торопить вас, но я также знаю, что это в вашей власти и что вы будете рады это сделать.

— Вы правы: я буду рад сделать все, что в моих силах, мистер Стумп. Но ведь вы знаете, что в нашем государстве военные власти всегда подчиняются гражданским, за исключением тех случаев, когда вводится военное положение; от этого же сохрани нас бог даже и здесь, в Техасе. Я имею право препятствовать нарушению законов, но не могу идти против самого закона.

— Вовсе и не надо, чтобы вы нарушали закон. Ничего такого не надо, майор. Нужно только, чтобы вы по-

шли против тех, кто хочет забрать закон в свои руки и извратить его в свою пользу. А у нас в поселке такие люди есть, и, если им не помешать, они наверняка это сделают. Особенно опасен один, и я знаю, кто он, — во всяком случае, я догадываюсь.

— Кто же это?

— Я знаю, майор, что на вас можно положиться.

— Мистер Стумп, можете быть уверены, что все останется между нами. Говорите спокойно.

— Так вот, я думаю, что человек, который совершил это убийство, — не Морис-мустангер.

— Как вы уже знаете, это и мое мнение. Это все, что вы можете мне сообщить?

— Я мог бы и еще кое-что добавить, майор. Но, думается, что пока не стоит — ведь это только мои предположения, они могут оказаться ошибкой. Лучше будет, если я промолчу о них, пока не съезжу на Нуэсес. После этого я с радостью расскажу вам все то, что знаю.теперь, и то, что мне, быть может, удастся узнать в прерии.

— Что касается меня, я охотно соглашусь ждать вашего возвращения, тем более что вы действуете в интересах справедливости. Но чего вы от меня хотите?

— Только задержать начало суда, майор, больше ничего.

— На сколько? Вы знаете, что судебное разбирательство должно идти своим законным порядком. Я не могу ничего приказывать окружному судье, хотя, вероятно, он прислушается к моему мнению. Но на него могут повлиять те, кто требует скорее покончить с этим делом.

— Я знаю, о ком вы говорите. Знаю их вожака; и, может быть, раньше, чем окончится суд, он сам окажется на скамье подсудимых.

— Вот как! Вы, значит, не думаете, что эти четверо мексиканцев... совершили это...

— Я не могу еще сказать, майор, так это или нет. Я знаю только, что они причастны к этому делу, но не думаю, чтобы они были главарями. Главаря-то я и хочу найти. Можете ли вы обещать мне три дня?

— Три дня? Для чего?

— Оттянуть на три дня начало суда.

— Я думаю, что мне удастся это сделать. Он арестован военными властями. Если бы даже верховный суд потребовал, чтобы мустангер был выдан гражданским властям, на три дня я всегда смогу это задержать. Я вам это обещаю.

— Поговоришь с вами, майор, и прямо хочется, чтобы было введено военное положение! Бывают случаи, когда это лучше всего, хотя нам, свободным гражданам, оно и не нравится. Мне остается вам сказать, что если вы задержите суд дня на три, то на скамью подсудимых может сесть не тот, кто сейчас арестован, а кто-то другой, хоть он пока и не знает, что его подозревают. Не спрашивайте меня, кто это. Только скажите, дадите ли вы мне три дня?

— Я вам это обещаю, мистер Стумп. Даже если это будет грозить мне отставкой, даю вам слово офицера, что в течение трех дней Морис-мустангер не выйдет с гауптвахты. Виновен он или нет, но это время он будет под моей защитой.

— Вы хороший человек, майор! И провались я на этом месте, если когда-нибудь не докажу, насколько я вам благодарен! Мне больше нечего сказать вам, только прошу вас — сохраните все в тайне. Есть люди, которые, если только узнают, что я собираюсь делать, перевернут небо и землю, чтобы помешать мне.

— От меня они ничего не узнают, мистер Стумп. Вы можете спокойно положиться на мое слово.

— Я знаю, майор, я знаю это. Спасибо вам за доброе участие! Побольше бы в Техасе таких, как вы!

Простившись с майором, охотник вышел на площадь, где его ждала старая кобыла.

Выехав из поселка, он свернул на ту же дорогу, по которой приехал сюда.

Недалеко от границы плантаций Пойндекстера Зеб, оставив позади долину Леоны, поднялся по крутому склону на верхнюю равнину.

Он доехал до опушки зарослей и остановился там в тени акации. Охотник не слез с лошади и как будто не

собирался этого сделать. Сидя в седле, он наклонился немного вперед и смотрел на землю тем рассеянным взглядом, каким обычно смотрят люди в минуту раздумья.

— Черт побери! — бормотал он. — Интересно... Лошадь Колхауна отсутствовала в ту ночь и вернулась домой вся взмыленная. Что это означает? Будь я проклят, если он не причастен к этому делу! Я бы так и подумал, только слишком уж нелепо предполагать, что Колхаун убил своего двоюродного брата. Конечно, он способен на любое злодейство, но только если оно ему выгодно. А какая ему выгода от этого? Если бы асиенда переходила к Генри, то еще можно было бы понять. Но это же не так. Старому Пойндекстеру не принадлежит больше ни одного акра этой земли, так же как и ни одного негра. Это я наверняка знаю. Все захватил этот мерзавец. Для чего же ему нужно было отделаться от двоюродного брата? Вот что вносит путаницу в мои предположения. Насколько я знаю, между ними никогда не было вражды. Девица-то его, конечно, недолюбливает, и это ему не нравится. Но зачем бы ему убивать ее брата? А тут еще замешался мустангер, потом ссора, о которой Луиза мне сказала, фальшивые индейцы, эта мексиканская девица, всадник без головы и черт знает что еще! Иосафат! Это может запутать мозги самому лучшему адвокату Техаса... Однако нельзя терять времени. С этой подковой в руках мне, может быть, удастся найти ключ к разгадке кровавой истории. Но куда ехать? — Зеб посмотрел кругом, как будто ища ответа. — Нет смысла начинать поиски в окрестностях форта или поселка. Там вся земля изрыта копытами лошадей, как в загоне. Лучше всего сразу отправиться в прерию и выехать к дороге на Рио-Гранде. Там я могу наткнуться на след, который ищу. Да, это будет лучше всего.

Как будто вполне удовлетворенный этим решением, старый охотник подобрал поводья и поехал по краю зарослей.

Проехав около мили в сторону реки Нуэсес, Зеб круто повернул на запад; сделал он это со спокойствием, го-

ворившим, что он действует по заранее обдуманному плану.

Теперь его путь пересекал под прямым углом все тропинки, которые вели к Рио-Гранде.

В то же время изменились и поза охотника, и выражение его лица. Он больше не смотрел рассеянно по сторонам. Наклонившись, Зеб внимательно всматривался в траву перед собой.

Он проехал так около мили, как вдруг что-то заставило его встрепенуться и быстро натянуть поводья.

Кобыла с удовольствием остановилась. Зеб соскочил с седла, сделал два шага вперед и опустился на колени. Потом, вынув из кармана подкову, он приложил ее к отпечатку копыта, отчетливо выделявшемуся на траве.

— Точь-в-точь! — воскликнул охотник торжествующе, взмахнув рукой. — Черт возьми, если это не так!.. Как раз! — продолжал он после того, как приложил сломанную подкову к неполному отпечатку и снова поднял ее. — Так вот они, следы предателя, а может быть, и убийцы!

Глава LXXIII

ОСТРОВОК В ПРЕРИИ

Табун в сто, а иногда и больше голов, привольно пасущийся в прерии, — зрелище, конечно, великолепное, но оно не удивит и не поразит пограничного жителя Техаса. Наоборот, он был бы удивлен гораздо больше, если бы увидел, что в прерии пасется одинокая лошадь. В первом случае он просто подумал бы: «Табун мустангов». Во втором у него возникла бы целая вереница недоуменных мыслей. Это может быть либо дикий жеребец, изгнанный из табуна, либо верховая лошадь, ушедшая далеко от стоянки какого-нибудь путника.

Опытный житель прерии сразу определит, что это за лошадь.

Если она пасется с удилами во рту и с седлом на спине, тогда сомнений не будет. Ему придется заду-

маться только над тем, как ей удалось убежать от своего хозяина.

Но, если всадник сидит в седле, а лошадь все-таки пасется, тогда остается только подумать: он — просто садовая голова и лентяй, который не догадается сойти, чтобы не мешать своей лошади пастись.

Однако если окажется, что у всадника нет никакой головы, даже и садовой, тогда возникает тысяча предположений, из которых ни одно, наверно, не будет близко к истине.

Именно такая лошадь и такой всадник появились в прериях юго-западного Техаса в 185... году. Точный год неизвестен, но, во всяком случае, это было в 50-х годах.

Место можно указать более точно: его встречали в зарослях и на открытой прерии, примерно в границах площади в двадцать на двадцать миль между Леоной и Рио-де-Нуэсес.

Всадника без головы видели многие люди и в разное время. Во-первых, те, кто искал Генри Пойндекстера и его предполагаемого убийцу. Во-вторых, слуга Мориса-мустангера. В-третьих, Кассий Колхаун во время своих ночных скитаний в лесных зарослях. В-четвертых, мнимые индейцы — той же ночью. И, наконец, Зеб Стумп — в следующую ночь.

Но были и другие люди, которые видели всадника без головы в других местах и при других обстоятельствах: охотники, пастухи, объездчики. Всем этот загадочный всадник внушал ужас, для всех он был необъяснимой тайной.

О нем говорили не только на Леоне, но и в более отдаленных местах. Слухи распространились на юг, до берегов Рио-Гранде, а на север — до Сабайнала. Никто не сомневался в том, что странного всадника действительно видели. Сомневаться в этом — значило бы отвергать свидетельство двухсот людей, которые готовы были поклясться, что это правда, а не игра воображения. Никто и не отрицал, что его действительно видели. Оставалось только найти объяснение этому странному и противоестественному явлению.

Высказывалось множество догадок, более или менее правдоподобных, более или менее нелепых. Одни считали это «хитростью индейцев», другие — чучелом; некоторые думали, что это настоящий всадник, чья голова спрятана под серапе, в котором проделаны две дырочки для глаз. А кое-кто упорно держался мнения, что всадник без головы сам дьявол.

Кроме попыток объяснить это загадочное явление, передавали еще всякие подробности. Одним казалось, что им удалось увидеть голову или очертания ее на груди под серапе. Другие утверждали, что они разглядели голову в руке всадника; а некоторые добавляли, что на ней была шляпа — черное глянцевое сомбреро, обшитое золотым позументом.

Кроме того, многие пытались разгадать, какая связь существует между появлением всадника и таинственным убийством молодого Пойндекстера.

Почти все были уверены, что связь между этими двумя тайнами, безусловно, есть, но какая — объяснить не мог никто. А тот, кто мог пролить на это некоторый свет, все еще был в горячке.

В таких пересудах прошла неделя, в течение которой призрачного всадника видели еще много раз: то он мчался быстрым галопом, то ехал тихим шагом по открытой прерии; его лошадь то останавливалась и осматривалась, то опускала голову и усердно щипала сочную траву.

О всаднике без головы рассказывали много самых фантастических и нелепых историй, повторять которые нет нужды; однако следует привести один истинный эпизод, весьма существенный для нашего странного повествования.

* * * * * * * * *

Среди простора открытой прерии виднеется небольшая, в три — четыре акра, дубрава. Житель прерии назовет ее островком; и, глядя на огромный зеленый океан вокруг этого клочка леса, нельзя не согласиться, что это сравнение удачно.

Недалеко от дубравы, на расстоянии каких-нибудь двухсот ярдов, спокойно пасется лошадь. Это та самая лошадь, на которой ездит всадник без головы; таинственный наездник по-прежнему сидит на ней; с тех пор как его видели впервые, ни в его костюме, ни в позе как будто бы не произошло никаких перемен. Полосатое серапе по-прежнему спускается с его плеч; на ногах по-прежнему гетры из шкуры ягуара.

Он сидит, слегка наклонившись вперед, словно для того, чтобы лошади удобнее было щипать траву. Поводья, которые всадник не то держит в руке, не то зацепил за луку седла, достаточно длинны, чтобы не мешать ей.

Те, кто уверял, что видели его голову, говорили правду; правы также и те, кто утверждал, что на ней черное сомбреро, отделанное золотым позументом.

Голова прижата к левому бедру всадника, подбородком она почти касается его колена. Ее можно видеть, только глядя на всадника слева, и то не всегда, так как иногда голову прикрывает край серапе.

Иногда можно видеть и лицо. Черты его красивы, но выражение ужасно; посиневшие губы полуоткрытого рта застыли в жуткой улыбке, обнажив два ряда белых зубов.

Хотя внешность самого всадника как будто осталась прежней, но тем не менее что-то изменилось.

До сих пор он ездил один, теперь у него появились спутники.

Вряд ли их можно назвать приятной компанией — десяток койотов сопровождает его по пятам, прыгая около него.

Нет сомнения, что это не нравится лошади: она фыркает и бьет копытом, когда кто-нибудь из них подходит слишком близко.

Но всадник не обращает на них внимания, так же как и на стаю больших черных птиц, кружащих над его плечами. Даже когда самая дерзкая из них осмелилась сесть на него, он и тогда не поднял руки, чтобы ее прогнать.

Три раза эта птица садилась на него: сначала на

правое плечо, потом на левое и, наконец, посредине, па том месте, где должна была быть голова.

Птица недолго остается на этом странном насесте. Всадник к этому равнодушен, но лошадь встает на дыбы и неистовым ржанием отгоняет грифов — правда, ненадолго.

На коне, то спокойно пощипывающем сочную траву прерии, то нетерпеливо отгоняющем волков и коршунов, безучастный ко всему, медленно объезжает дубраву всадник без головы.

Глава LXXIV

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Странное зрелище, о котором только что шла речь, было настолько страшным, что не казалось нелепым. На него нельзя было смотреть без содрогания и ужаса.

А смотрел ли на него кто-нибудь, кроме койотов на земле и коршунов в небе?

Да. Его видел человек, который — единственный во всем Техасе — отчасти уже разгадал эту тайну.

Но и для него не все еще было ясно. Он знал только, что всадник без головы не был ни чучелом, ни дьяволом. Но и этот человек испытывал ужас при виде страшного всадника. Он знал, кто перед ним, и все-таки дрожал.

Он смотрел на всадника без головы с опушки лесного островка, прячась в тени деревьев.

Несмотря на страх и желание остаться незамеченным, он, словно притягиваемый каким-то магнитом, все время следовал за всадником без головы по внутреннему кругу, не обгоняя и не отставая.

Более того, ведь он увидел страшного всадника до того, как сам въехал в дубраву. Он заметил его издалека и мог бы легко избежать встречи с ним. Но вместо этого он решительно повернул к нему.

Он продвигался осторожно, держась за деревьями, словно охотник, выслеживающий пугливого оленя, с

той только разницей, что охотник за оленем никогда не испытывает такого страха. Очутившись среди деревьев, он, несмотря на свой страх, вздохнул с облегчением — теперь он, по крайней мере, перестал бояться неудачи.

Вряд ли он проехал десять миль по прерии без всякой цели; недаром он продвигался столь осторожно, по самой мягкой траве, под прикрытием кустов чапараля — так, чтобы никому не попасться на глаза и не выдать своего присутствия хрустом веток.

Стоило немного понаблюдать за человеком, передвигавшимся по опушке лесного островка, чтобы понять смысл его поведения. Его глаза были устремлены на всадника без головы, он напряженно следил за его передвижениями и сообразовался с ними.

Сначала казалось — его главным чувством был страх. Через некоторое время страх сменился нетерпением, которое заставило его действовать смелее. Такая перемена в настроении человека, прятавшегося в дубраве, произошла оттого, что всадник без головы упорно не приближался к ее опушке ближе чем на двести ярдов.

Это настолько раздражало преследователя, что он то и дело начинал бормотать ругательства. Впрочем, он всегда уснащал ими свою речь.

— Ах ты, чертова тварь! Подойди она поближе хотя бы на двадцать ярдов, я бы мог в нее попасть. Выстрелить сейчас — значит только спугнуть ее, а второго такого случая может никогда больше не представиться. Черт побери! Если бы не эти двадцать ярдов!

Как будто желая проверить свой расчет, говорящий еще раз прикинул расстояние, отделявшее его от всадника без головы. Свое короткое охотничье ружье он все время держал наготове со взведенным курком.

— Нет смысла, — пробормотал он после некоторого размышления. — Пуля будет на излете и не ранит лошадь, а только испугает ее. Надо набраться терпения и подождать, пока она подойдет поближе. Проклятые волки! Все из-за них... До тех пор, пока они ходят за ней, лошадь будет держаться вдали от леса. Такова повадка всех техасских мустангов, черт бы их побрал!.. А нельзя ли ее как-нибудь приманить? — продолжал он, немного

помолчав. — Может быть, она пойдет на мой зов?.. Сомнительно. За последнее время она отвыкла от звука человеческого голоса и только испугается, пожалуй. И от моей лошади она тоже шарахнется, как в тот раз. Правда, тогда это было при лунном свете, и, кроме того, за ней гналась собака. Не мудрено, что лошадь одичала, таская на себе черт знает что. Ведь это же не может... нет! В конце концов, это чья-то проделка... чья-то дьявольская проделка!

При этих словах говоривший натянул поводья. Наклонившись вперед, чтобы лучше видеть, он продолжал всматриваться в странного всадника, медленно огибавшего дубраву.

— Это, несомненно, его лошадь. Его седло, серапе — все его. Как же они попали к другому?

После нескольких минут молчания он снова заговорил:

— Фокус или нет, но дело плохо. Тот, кто это подстроил, должен знать все, что произошло тогда ночью. Если пуля там, ее надо достать. Какой я был дурак, что хвастал этим! Вот уж действительно везет, как утопленнику... Нет, она ближе не подойдет. Она явно боится леса. Все мустанги чувствуют себя увереннее на открытом месте. Что же делать? Может быть, лошади все же приятно будет услышать человеческий голос? Если бы только она подошла на двадцать ярдов ближе, все было бы в порядке. Черт побери, попробую...

Подъехав немного ближе к опушке, он стал подзывать лошадь:

— Поди-ка, умница! Подойди, хорошая лошадка!

Из этого ничего не вышло — лошадь не только не подошла, а, наоборот, испугалась; едва она услышала этот зов, как выронила траву изо рта, затрясла головой и испуганно захрапела; казалось, она боялась этого звука гораздо больше, чем койотов и коршунов.

Ведь она была мустангом, и для нее человек был злейшим врагом — особенно человек верхом на лошади; и теперь она почуяла близость этого врага.

Она не остановилась, чтобы рассмотреть, что это за человек и что это за лошадь. Для нее это были враги.

По-видимому, и всадник думал так же, потому что он не натянул поводья и не остановил ее; предоставленная самой себе, она умчалась в прерию.

С грубым ругательством незадачливый преследователь выехал из дубравы.

Он снова выругался, увидев, что выпущенная им пуля не попала в цель, а всадник без головы уже вне досягаемости.

Глава LXXV

ПО СЛЕДУ

Зеб Стумп недолго оставался на том месте, где обнаружил отпечатки сломанной подковы.

Шести секунд ему оказалось достаточно, для того чтобы сличить подкову с отпечатком. Затем он сейчас же поднялся на ноги и пошел по следу. Он шел пешком. Старая кобыла послушно следовала за ним на почтительном расстоянии.

Зеб прошел больше мили, замедляя шаг там, где отпечатки были мало заметны, и опять ускоряя его, когда следы становились яснее.

Как археолог, найдя в развалинах древнего города глиняную табличку, читает иероглифы, которые понятны только ему, так и Зеб Стумп читал таинственные знаки на земле прерии.

Поглощенный этим занятием, охотник, казалось, ничего не замечал. Он не смотрел ни на безграничную зеленую саванну вокруг, ни на синее, безоблачное небо над головой. Он сосредоточенно вглядывался в траву под ногами.

Внезапно раздавшийся звук заставил его поднять голову.

Это был выстрел из ружья, но настолько далекий, что прозвучал он как осечка.

Зеб инстинктивно остановился и поднял глаза, но не выпрямился.

Старый охотник быстрым взглядом осмотрел горизонт в той стороне, откуда донесся звук.

Голубоватый дымок, все еще сохраняя шарообразную форму, медленно поднимался к небу. Под ним темнела полоска далекой дубравы.

С того места, где стоял Зеб, и темное пятно леса, и дымок от выстрела, и звук его могли быть замечены только опытным следопытом.

Но Зеб видел дымок и слышал выстрел.

— Чертовски странно! — пробормотал он, продолжая стоять в позе огородника, сажающего капустную рассаду. — Чертовски странно, чтобы не сказать больше. И кому это вздумалось охотиться в таком месте? Ведь там же никакой дичи не водится — не оправдаешь пороху и на один выстрел. Я бывал в этом леске. Кроме койотов, там ничего нет. И чем только они там питаются?.. А-а! — продолжал он после некоторого молчания. — Какой-нибудь лавочник из поселка, уехавший в «экскурсию», как они выражаются, лупит по этим тварям, а потом будет хвастать, что охотился на волков. Что ж, пусть охотится — это меня не касается... Э! Сюда кто-то едет! Шпорит лошадь, словно за ним черти гонятся... Что? С места не сойти, это безголовый!

Старый охотник был прав. И кто не узнал бы всадника, который только что отделился от облачка порохового дыма и скакал во весь опор к тому месту, где стоял Зеб!

Это был не кто иной, как всадник без головы.

И не было сомнений, что он скачет прямо к Зебу, словно увидел его.

В пределах Техаса едва ли можно было найти более отважного человека, чем старый охотник. Он не боялся встречи ни с ягуаром, ни с пумой, ни с медведем, ни с бизоном; не пугали его и индейцы. Он, пожалуй, не растерялся бы при встрече с отрядом команчей, но при виде этого одинокого всадника Зеб потерял самообладание.

Закаленный жизнью среди дикой природы, верный ученик этого мудрого учителя Зеб Стумп, однако, не был лишен некоторых суеверных предрассудков. И у кого их нет!

Старый охотник не боялся ни человека, ни зверя, но перед сверхъестественным он отступил. Да и кто угодно испугался бы призрачного всадника, который неудержимо мчался вперед, словно неся с собой смерть.

Зеб Стумп не просто отступил — дрожа от ужаса, он стал искать, где бы спрятаться.

Задолго до того, как всадник без головы мог его заметить, он укрылся в росших неподалеку кустах.

Но ведь его могла выдать оседланная кобыла. Нет, прежде чем скорчиться в своем убежище, Зеб принял меры предосторожности.

— Ложись! — крикнул он своей верной лошади, которая хотя и не умела говорить, зато прекрасно понимала его. — На землю, живо, а то смотри провалишься в преисподнюю!

Словно испугавшись этой угрозы, кобыла сразу же опустилась на передние колени, а затем, подобрав задние ноги, улеглась на траве, словно расположившись на отдых после трудового дня.

Едва только Зеб и его лошадь успели спрятаться, как мимо них галопом проскакал таинственный всадник.

Он мчался во весь опор и, по-видимому, не собирался останавливаться, чему Зеб был очень рад.

Всадник без головы поехал в этом направлении совершенно случайно, а вовсе не потому, что увидел охотника или его тощую кобылу.

Но, как ни испугался Зеб, он все же успел рассмотреть загадочного всадника, прежде чем тот скрылся из виду.

И то, что было тайной для всех, перестало быть тайной для Зеба Стумпа.

Когда лошадь поравнялась с кустами, где спрятался Зеб, ветер отогнул край серапе, и под ним охотник увидел хорошо знакомый ему костюм. Это была голубая блуза со складками на груди; несмотря на покрывавшие ее багровые пятна, старый охотник узнал эту блузу.

Но он не был уверен, что узнал лицо, упиравшееся подбородком в бедро всадника.

В этом не было ничего странного. Даже любящая мать, так часто любовавшаяся прекрасным лицом сына, теперь не узнала бы его.

Зеб тоже не узнал его — он догадался. Лошадь, седло, полосатое серапе, небесно-голубая куртка и такие же брюки, даже шляпа на голове — все это было знакомо ему; он узнал и фигуру всадника, который сидел выпрямившись в седле. Голова должна была принадлежать этому же человеку, несмотря на свое непонятное смещение.

Это не было мимолетным видением — Зеб хорошо рассмотрел страшного всадника: хотя он мчался галопом, но зато проехал всего в десяти шагах от старого охотника.

Но он ни словом, ни движением не попытался остановить удалявшегося всадника; только потом, поняв, кто этот всадник, он с грустью прошептал:

— Иосафат! Так, значит, это правда! Бедный паренек! Убит!

Глава LXXVI

В МЕЛОВОЙ ПРЕРИИ

Долго следил Зеб Стумп из своего убежища за удалявшимся всадником, который продолжал мчаться галопом. И, лишь когда он скрылся за группой акаций, старый охотник поднялся на ноги и выпрямился во весь рост.

Он простоял так секунду или две, обдумывая, что делать дальше.

Это страшное и неожиданное происшествие сбило его с толку.

Надо ли идти дальше по следу сломанной подковы или же за всадником без головы?

Первый след может открыть многое; второй как будто обещает еще больше.

Быть может, ему удастся захватить всадника и узнать тайну его скитаний.

Размышляя таким образом, Зеб чуть было не забыл

про облачко дыма и про выстрел, который раздался в прерии.

Но скоро его мысли снова обратились к ним.

Поглядев туда, где он видел дымок, охотник заметил нечто такое, что вновь заставило его пригнуться и с особой тщательностью укрыться под акациями; старая кобыла продолжала лежать, и о ней можно было не беспокоиться.

На этот раз Зеб увидел человека верхом на лошади — настоящего всадника, с головой на плечах.

Он все еще был далеко и едва ли успел заметить среди акаций высокую фигуру охотника и тем более кобылу, лежащую на земле. Он их и не заметил — во всяком случае, судя по его поведению.

Всадник сидел, наклонившись вперед, и внимательно всматривался в землю.

Нетрудно было определить, чем он был занят. Зеб Стумп догадался об этом с первого взгляда: неизвестный ехал по следу всадника без головы.

— Ах, вот оно что! — прошептал Зеб. — Не мне одному хочется разгадать эту тайну. Кому же еще?

Зебу недолго пришлось теряться в догадках. Всадник ехал рысью, так как следы были свежие и очень заметные; вскоре он подъехал так близко, что охотник без труда мог его разглядеть.

— Иосафат! — пробормотал Зеб. — Как же я не догадался об этом раньше! И, если я не ошибаюсь, это еще одно звено, которое поможет мне собрать всю цепь необходимых доказательств... Лежи смирно, скотинка! Попробуй только шевельнись! Если ты задрыгаешь своими длинными ногами, я перережу тебе глотку!

После этого обращения к кобыле Зеб умолк и, спрятав голову в зелени акации, стал внимательно следить из-за перистой листвы за приближающимся всадником.

Это был человек, которого, раз увидев, трудно было забыть. Хотя ему едва исполнилось тридцать лет, на его лице уже лежала неизгладимая печать дурных страстей. Сейчас он выглядел озабоченным — очевидно, какая-то мучительная тревога давно уже не давала ему покоя, хотя он не терял надежды избавиться от нее.

Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не печать порочности, которая выдавала в нем негодяя.

Костюм? Но стоит ли вообще описывать его! Синий суконный сюртук полувоенного покроя, фуражка, пояс, на котором висели охотничий нож и два револьвера, — обо всем этом уже упоминалось при описании костюма и оружия капитана Кассия Колхауна.

Это был он.

Зеб уклонился от встречи с Колхауном не потому, что тот был вооружен; хотя старый охотник и питал к нему неприязнь, но у отставного капитана не было никаких оснований считать его своим врагом. Зеб оставался в тени деревьев только для того, чтобы лучше видеть все происходящее.

Продолжая всматриваться в след всадника без головы, Колхаун проехал мимо.

Не выходя из своего укрытия, Зеб Стумп провожал его взглядом до тех пор, пока те же акации, за которыми исчез первый всадник, не заслонили своей ажурной зеленью и капитана.

* * * * * * * * *

Новые мысли зароились в голове старого охотника — ему нужно было заново взвесить все обстоятельства.

Если и раньше были основания ехать по следу всадника без головы, то теперь их стало вдвое больше.

Зеб раздумывал недолго. Он стал собираться, чтобы последовать за Кассием Колхауном. Сборы были несложны: Зеб взял в руки поводья и пнул ногой старую кобылу, после чего она сразу поднялась на ноги. Охотник стоял около нее, готовый вскочить в седло и выехать на открытую поляну, как только Колхаун скроется из виду.

Зеб, и не видя Колхауна, мог легко узнать, куда тот направился. Двух свежих следов ему было вполне достаточно — он мог ехать по ним с такой же уверенностью, как если бы скакал бок о бок со всадником без головы или со всадником без сердца.

Полагаясь на свой опыт, старый охотник вышел из своего убежища и отправился вслед за Кассием Колхауном.

* * * * * * * * *

Однако на этот раз Зеб Стумп ошибся. Он понял это, когда обогнул рощу акаций, за которой скрылись оба всадника.

Дальше простиралась полоса меловой прерии, которую всадник без головы уже успел миновать.

Зеб догадался об этом, увидев, что Колхаун едет зигзагами, словно пойнтер, рыскающий по жнивью в поисках куропатки. Капитан потерял след и пытался найти его.

Охотник из-за акаций украдкой следил за каждым его движением.

Попытка капитана не увенчалась успехом. На меловой прерии ничего нельзя было прочесть — по крайней мере, такому неопытному следопыту, как Кассий Колхаун.

Изъездив этот участок вдоль и поперек, он, по-видимому, решил отказаться от своего намерения и, сердито пришпорив коня, умчался в сторону Леоны.

Как только Колхаун скрылся из виду, Зеб тоже принялся искать потерянный след, но, несмотря на все свое искусство, он должен был сдаться.

Залитая солнцем белая поверхность прерии слепила глаза, и разобрать что-нибудь было невозможно.

Делать было нечего, — старый охотник решил повернуть обратно и снова заняться тем следом, который он на время оставил.

Теперь он был уже совершенно уверен, что его ждут интересные открытия.

Скоро Зеб вернулся к следу сломанной подковы.

Не теряя времени, он быстрым шагом пошел вперед. Кобыла по-прежнему следовала за ним.

Только один раз Зеб остановился — это было на месте, где к следу, по которому он шел, присоединился след двух других лошадей.

С этого места все три следа то шли параллельно на

расстоянии около двадцати ярдов, то сходились и перекрывали друг друга.

Все лошади были подкованы; охотник остановился, чтобы присмотреться к отпечаткам. Из двух новых лошадей одна была американской породы, другая — мустанг, хотя и очень крупный: его копыта были почти такого же размера, как и у американской лошади.

Зеб не сомневался, что знает этих лошадей. Ему не пришлось ломать голову, чтобы догадаться, какая из них прошла здесь первой. Для него это так было ясно, словно он сам их видел. Он знал, что мустанг был впереди остальных двух — на каком именно расстоянии, он пока еще не мог определить, но безусловно дальше, чем это бывает во время прогулки верхом в компании друзей. Американская лошадь прошла второй, и последним был конь со сломанной подковой — тоже американский.

Все три лошади прошли здесь в разное время и поодиночке. Зеб Стумп определил это с такой же легкостью и точностью, с какой мы определяем время по часам или температуру по термометру.

— Неплохо, — сказал Зеб и с довольным видом отправился дальше.

Старая кобыла брела за ним по пятам, словно стараясь идти с ним в ногу.

— Здесь они разошлись, — сказал охотник, опять останавливаясь и рассматривая землю под ногами. — Мустанг и американская лошадь пошли вместе — то есть в одном направлении. Сломанная подкова свернула в сторону. Интересно знать: для чего? Никогда в жизни я не видел таких запутанных следов. Они поставили бы в тупик самого Даниэля Буна [1]. По какому пойти сперва? Если я пойду по этим двум, то мне уже заранее известно, куда они приведут — к той самой луже крови. Посмотрим, не приведет ли туда же и третий... Направо, старушка, и держись ближе ко мне, а то потеряешься, и койоты поживятся твоим жирком!

---

[1] Даниэль Бун (1735—1820) — американский исследователь и следопыт.

Упомянув о «жирке» старой кобылы, охотник расхохотался и пошел по следу третьей лошади.

След тянулся вдоль опушки зарослей, к которым все три переплетающихся следа приблизились как раз там, где находилась хорошо знакомая читателю широкая просека.

В двухстах ярдах от нее след сломанной подковы сворачивал в чащу, и, пройдя еще шагов пятьдесят, Зеб нашел место, где лошадь была привязана к дереву.

Он увидел, что дальше лошадь не ходила; отсюда же шел и обратный след к прерии, хотя и в несколько ином направлении.

Но ее хозяин отправился дальше пешком. Следы человеческих ног были отчетливо видны в русле пересохшего ручья, около которого и была привязана лошадь.

Оставив свою старую кобылу в этой же «конюшне», охотник пошел по следу спешившегося человека.

Скоро он обнаружил, что их было два: один вел вперед, другой — обратно.

Зеб пошел по первому.

Он нисколько не был удивлен, когда след вывел его на просеку неподалеку от места, где раньше была лужа крови, теперь уже давно вылизанная койотами.

След, вероятно, доходил до самой лужи, но теперь земля на просеке была изрыта сотнями лошадиных копыт.

Но, прежде чем Зеб пошел дальше, он сделал еще одно очень важное открытие. В густых кустах он заметил место, где, по-видимому, довольно долго простоял какой-то человек. Травы там не было, и рыхлая земля была совершенно утоптана, судя по всему — подошвами сапог или ботинок.

Отпечатки этих же подошв вели отсюда к луже крови — один след шел туда, другой, такой же, обратно. А на ветке дерева поблизости Зеб нашел то, чего не удалось обнаружить ни отряду майора, ни их проводнику Спенглеру: это был клочок бумаги, закопченный и наполовину обгоревший, — по-видимому, пыж.

Он повис на ветке акации, зацепившись за шип.

Старый охотник снял бумажку с колючки, распра-

вил ее на своей мозолистой ладони и прочел на измятом и обгоревшем листке хорошо знакомое имя, фамилию и чин, которые начинались с букв: «К. К. К.».

Глава LXXVII

ЕЩЕ ОДНО ЗВЕНО

Когда Зеб Стумп разбирал то, что было написано на бумаге, на его лице отразилось не столько удивление, сколько удовлетворение.

— Это клочок конверта, — пробормотал Зеб, — он говорит о многом. Из него можно узнать больше, чем из того, что было внутри. Использован вместо пыжа... Ну что же, так ему, подлецу, и надо! Пусть знает, как употреблять всякий хлам вместо куска промасленной оленьей кожи, которым пользуются все порядочные люди... Почерк женский, — продолжал охотник, снова всматриваясь в бумажку. — Это ничего не значит. Адресовано-то ему — значит, ему и принадлежит. Эту штучку надо сохранить!

При этих словах старый охотник вынул из кармана кожаный кисет, где хранилось его огниво, и бережно спрятал туда найденную бумажку.

— Ну что ж, старина Зебулон Стумп, — снова заговорил он, — похоже на то, что тебе удастся неплохо разобраться в этой таинственной путанице. Хотя коечто и остается еще неясным, кое-где обрываются нити, но это ничего. Человек, которого убили, кто бы он ни был, лежал вон там, где была лужа крови. Человек же, который убил, кто бы он ни был, стоял за этой акацией. Если бы не напортили эти молокососы, мне удалось бы узнать еще кое-что. Теперь же ничего не поделаешь — все следы затоптаны. Идти дальше в этом направлении незачем. Лучше всего будет теперь пойти по обратному следу, если это только возможно, и узнать, куда лошадь со сломанной подковой отвезла своего хозяина после охоты. Итак, старина Стумп, вам придется направиться по следу сапог.

И с этими словами старый охотник пошел назад по тем же следам, которые привели его на просеку. Отпечатков почти не было видно, но Зебу они уже не были нужны.

Он успел еще раньше заметить, что человек, которому принадлежал след, в конце концов вернулся к месту, где была привязана его лошадь.

Однако в одном месте эти два следа расходились: на пути попалось непроходимое сплетение кустов, и предполагаемому убийце пришлось его обогнуть. Потом оба следа опять сошлись, но только после того, как обратный след вывел охотника на большую поляну, которую Зеб внимательно осмотрел.

На ней он заметил ясные следы, но уже совсем другие. Это была хорошо протоптанная тропинка, которая пересекала поляну.

Зеб увидел, что по ней несколько дней назад прошли подкованные лошади; их-то следы и привлекли его внимание.

Он мог бы без ошибки сказать не только, в какой день, но даже в какой час прошли здесь лошади; чтобы узнать это, ему достаточно было бы внимательно взглянуть на отпечатки копыт.

Но на этот раз ему и так все было ясно. Он знал, что это были следы лошадей небольшого отряда, оставшегося со Спенглером, когда майор со своими драгунами вернулся в форт.

Зеб уже слышал об этом дополнительном исследовании, о том, как Спенглер и его товарищи проследили обратный путь лошади Генри Пойндекстера до того места, где негр поймал ее на границе плантации.

Большинству людей вторичное исследование показалось бы излишним, но Зеб Стумп придерживался другого мнения. Он стоял в нерешительности, поглядывая на следы.

— Если бы я только знал, что у меня хватит на это времени, — пробормотал он, — я бы сначала проверил этот след. Как знать... может, тут еще что-нибудь интересное найдется. Но едва ли я успею, а поэтому лучше сразу заняться лошадью со сломанной подковой.

Зеб уже повернулся, чтобы уйти с поляны, когда его остановила новая мысль:

— В конце концов, я легко найду его в любое время. Я и так знаю, куда он ведет, словно сам ехал рядом с негодяем, который его оставил, — прямо в конюшню Каса-дель-Корво. Чертовски обидно оставлять вот этот след, раз я уже здесь! Он может заставить меня пропутешествовать еще десять миль, а на это вряд ли хватит времени. Черт побери, все же надо пройти хоть немного! Пусть старая кобыла подождет, пока я вернусь.

И Зеб отправился по следу лошадей Спенглера и его спутников.

Но не их следы он изучал. Все его внимание было сосредоточено на следах лошади Генри Пойндекстера. И, хотя отряд проехал здесь позже и местами сильно затоптал след, который так интересовал охотника, тем не менее он без особого труда различал его. Как сказал бы он сам, любой молокосос смог бы сделать то же. Лошадь молодого плантатора скакала галопом. Следопыты ехали шагом.

Насколько Зеб Стумп смог разобраться, лошади отряда не останавливались и не отъезжали в сторону. Лошадь Генри Пойндекстера в одном месте сошла с тропы.

Это было в трех четвертях мили от просеки.

Мчавшаяся галопом лошадь не остановилась, но метнулась в сторону, словно чего-то испугалась — волка, ягуара, пумы или другого хищника.

Дальше она по-прежнему мчалась галопом.

Отряд Спенглера проехал дальше, не остановившись, чтобы узнать, почему лошадь бросилась в сторону.

Но Зеб Стумп был более любознателен и задержался здесь.

Это был песчаный участок, усеянный камнями и лишенный травы. Над ним возвышалось огромное дерево с горизонтально вытянутыми ветвями. Один сук нависал над тропинкой так низко, что всаднику нельзя было бы проехать, не нагнув головы. Зеб Стумп внима-

тельно осмотрел его. Он заметил, что на нем повреждена кора; хотя ссадина была невелика, она, по-видимому, возникла от удара какого-то твердого тела.

— Это сделано человеческой головой, — заметил охотник. — По эту сторону сука на лошади сидел человек, по ту его уже на ней не было. Никто не смог бы выдержать такого удара и остаться в седле.

— Ура! — торжествующе воскликнул он после того, как внимательно осмотрел землю под деревом. — Я так и думал. Вот и отпечаток на том месте, где он упал. А вот здесь он полз. Теперь я понимаю, откуда эта загадочная шишка. Я знал, что она не от когтей хищников; и не похоже было, что она от удара камнем или палкой. Вот обо что он ее набил!

Просияв от радости, Зеб легкой походкой направился дальше, но не по тропе, а по следу человека, выбитого из седла.

Зеб следовал указаниям — может быть, незаметным для непосвященного, но для него столь же ясным, как надписи на придорожных столбах. Надломленная ветка, оборванные усики ползучих растений, борозды на земле — все говорило о том, что здесь пробирался человек. Более того, след ясно показывал, что человек не мог идти и полз.

Зеб Стумп проследил путь несчастного до берега ручья.

Дальше идти не было нужды. Он связал еще одну оборванную нить. Еще немного — и все доказательства будут в его руках.

Глава LXXVIII

МЕНА ЛОШАДЬМИ

Разочарованный Колхаун угрюмо выругался и повернул коня от меловой прерии, где затерялись следы всадника без головы.

«Какой смысл ехать дальше? Неизвестно, куда он ускакал. Увижу ли я его снова или нет — это дело случая. Быть может, встречу его опять у речки? Но что

толку? Мустанг все равно меня к себе не подпускает, как будто догадывается о моих намерениях. Он хитрее даже диких мустангов — наверно, хозяин научил его этим повадкам. Один удачный выстрел — и я прекратил бы его странствия. Подкрасться к нему, по-видимому, невозможно. А разве догонишь его в открытой прерии на этом неуклюжем муле? Рыжий, правда, выносливее, но едва ли быстрее. Надо будет испытать его завтра — с новой подковой... Если бы я только мог достать такого быстроногого коня, который догнал бы мустанга, я не пожалел бы денег. В поселке наверняка есть что-нибудь подходящее. Надо разузнать. Пусть он обойдется в двести, даже в триста долларов!»

Рассуждая сам с собой, Колхаун покинул меловую прерию, — его мрачное лицо удивительно контрастировало с ее сверкающей белизной.

Он ехал быстро, не щадя своего коня, уже измученного путешествием, судя по хлопьям пены и истерзанным шпорами бокам, на которых выступили свежие капли крови, когда он ускорил шаг, направляясь к Каса-дель-Корво.

Не прошло и часа, как он уже въезжал в рощу акаций, примыкающую к плантации Пойндекстера. Это была хорошо знакомая Колхауну тропа — он проезжал здесь, хотя и на другой лошади.

Пересекая пересохший от долгой засухи ручей, он очень удивился, заметив в илистом русле следы подков, одна из которых была сломана. След был старый — по-видимому, он появился здесь дней восемь назад. Но Колхаун остановился не для того, чтобы определить, когда именно был оставлен след, — он мог назвать даже час.

Он сошел с лошади, чтобы стереть эти следы. Лучше было бы для него, если бы он этого не делал. Его каблук раздавил засохшую грязь, выдав, кто ехал на лошади со сломанной подковой. А сзади приближался человек, который не упустит эту улику.

Отставной капитан вскочил в седло и поехал дальше, очень довольный своей сообразительностью.

От этих приятных размышлений его отвлек стук ло-

шадиных копыт. Самой лошади еще не было видно за деревьями.

Топот приближался. По размеренному ритму можно было догадаться, что на лошади кто-то едет.

Через мгновение Колхаун увидел перед собой Исидору Коварубио де Лос-Льянос. Она заметила его в ту же секунду.

Эта встреча была странной случайностью, и она пробудила в каждом из них странные мысли.

Исидора вспомнила, что Колхаун влюблен в женщину, которую она ненавидит, а Колхаун — что Исидора влюблена в человека, которого он не только ненавидит, но решил погубить.

Они знали об этом отчасти по слухам, отчасти по личным наблюдениям и впечатлениям от двух случайных встреч. Каждый из них хорошо знал о несчастной любви другого, и в то же время каждый думал, что о его чувстве другой не догадывается.

Казалось бы, что при таких обстоятельствах они едва ли могли чувствовать симпатию друг к другу. Никому — будь то мужчина или женщина — не нравится, когда преклоняются перед его соперником. Только стремление к мести, рожденное ревностью, могло бы объединить их; но это был бы мрачный союз.

До сих пор Исидора Коварубио де Лос-Льянос и Кассий Колхаун не чувствовали друг друга союзниками.

Оба они, вероятно, были бы рады избежать этой встречи, особенно Исидора.

Мексиканка не чувствовала особого расположения к отставному кавалерийскому капитану. Помимо его любви к ее сопернице, у нее была и другая причина не желать встречи с ним.

Она вспомнила, как ее преследовали ряженые индейцы и чем все это кончилось. Она знала, что у техасцев возникло много разных предположений о ее внезапном исчезновении после того, как она позвала их на помощь.

Она никому не собиралась рассказывать, что заставило ее так поступить, и ее беспокоило, как бы человек,

ехавший ей навстречу, не стал расспрашивать ее об этом.

Исидора собиралась ограничиться кивком головы, проезжая мимо, — совсем не заметить Колхауна было бы невежливо. И он, вероятно, сделал бы то же самое, если бы его не осенила совершенно неожиданная мысль. Эта мысль не была связана с Исидорой: ее ослепительная красота не трогала его.

Отставной капитан не собирался ухаживать за Исидорой, когда, загородив ей лошадью дорогу, натянул поводья, снял фуражку и, вежливо поклонившись, заговорил с ней.

Исидоре ничего не оставалось, как ответить.

— Простите меня, сеньорита, — сказал Колхаун, поглядывая не на всадницу, а на лошадь, — я знаю, что мне, человеку, с которым вы совсем не знакомы, не следовало бы останавливать вас...

— Можете не извиняться, сеньор. Мы ведь с вами как будто уже встречались — в прерии около Нуэсес.

— Да-да... вы правы, — запинаясь, сказал Колхаун, который предпочел бы, чтобы она забыла об этом. — Я желал бы поговорить с вами не о той встрече, а о том, как вы промчались по краю обрыва. Мы все были поражены вашим внезапным исчезновением.

— В этом не было ничего удивительного, кабальеро. Пуля, пущенная кем-то из вас, освободила меня от преследователей. Я увидела, что они повернули обратно, и решила продолжать свой путь.

Колхаун, по-видимому, не был особенно огорчен ее уклончивым ответом. Он еще не начинал разговор на интересующую его тему и не терял надежды добиться своего.

О чем он собирался говорить, нетрудно было догадаться, стоило лишь взглянуть, как он смотрел на лошадь Исидоры с видом не то знатока, не то жокея.

— Я не говорю, сеньорита, что был одим из тех, кто удивился вашему внезапному исчезновению. Я решил, что у вас были на то свои причины. Ведь я видел, как вы мчались по краю обрыва, и, признаюсь, после этого не беспокоился о вас. Меня, как и всех остальных, по-

разило ваше изумительное уменье ездить верхом. И что за лошадь у вас была! Казалось, что она летела, а не скакала. Если я не ошибаюсь, вы и сейчас на ней. Простите, что я спрашиваю вас о таких пустяках.

— На ней? Дайте вспомнить... я езжу на многих. Да, мне кажется, вы правы. Да-да, конечно. Я вспоминаю, как она предала меня.

— Предала вас? Как же так?

— Даже дважды. В первый раз, когда приближался ваш отряд. Во второй — когда индейцы... ах, да, не индейцы, как мне потом сказали! — подкрадывались ко мне через заросли.

— Но как же она вас предала?

— Она заржала. Она не должна была этого делать. Ее достаточно долго учили, что этого делать нельзя... Ну ничего. Как только я вернусь на Рио-Гранде, я больше на ней ездить не стану. Пусть возвращается на пастбище!

— Простите меня, сеньорита, но, по-моему, это очень грустно.

— Что грустно?

— Что такой великолепный конь не будет больше ходить под седлом. Я многое дал бы, чтобы только обладать им.

— Вы шутите, кабальеро! Что в нем особенного? Только что он немного красивее и быстрее других мустангов. У моего отца пять тысяч таких, и многие из них красивее и, без сомнения, быстрее его. Он, правда, вынослив и хорош для больших переездов, поэтому я и еду на нем сейчас — я возвращаюсь домой на Рио-Гранде. Если бы не это, я с удовольствием отдала бы его вам или любому, кому он так же сильно понравился бы... Стой смирно, моя лошадка! Посмотри, вот человек, которому ты нравишься больше, чем мне.

Последние слова были обращены к мустангу, который, казалось, как и его хозяйка, с нетерпением ждал конца разговора.

Колхаун же, наоборот, хотел во что бы то ни стало продолжить этот разговор или, по крайней мере, закончить его не так.

— Простите меня, сеньорита... — сказал он, принимая деловой вид, но с некоторой нерешительностью в голосе. — Если вы так низко цените вашего серого мустанга, то я охотно обменялся бы с вами. Правда, моя лошадь не отличается красотой, однако наши техасские барышники предлагали за нее хорошую цену. Пусть она и не из быстрых, но смею уверить, что она благополучно доставит вас до дому и хорошо будет вам служить и дальше.

— Что вы, сеньор! — удивленно воскликнула Исидора. — Обменять вашего великолепного американского коня на мексиканского мустанга? Ваше предложение мне кажется просто шуткой. Знаете ли вы, что на Рио-Гранде за одну вашу лошадь дадут три, а то и шесть мустангов?

Колхаун знал это очень хорошо. Но в то же время он знал, что мустанг Исидоры ему нужнее целой конюшни таких лошадей, как его серый жеребец. Ведь он сам был свидетелем необыкновенной быстроты этого питомца прерий, не говоря уже о том, что слыхал о нем от других. И не только своего «великолепного коня» — любую сумму денег в придачу готов он был отдать за этого мустанга.

На его счастье, мексиканке и в голову не пришло «запрашивать» — Исидору никак нельзя было назвать корыстолюбивой. В конюшнях — вернее, на пастбищах ее отца — насчитывалось до пяти тысяч лошадей. Зачем же ей отказывать человеку в такой небольшой просьбе, хотя бы незнакомому и, может быть, даже врагу!

Она и не отказала.

— Если это не шутка, сеньор, — сказала она, — то пожалуйста.

— Я говорю совершенно серьезно, сеньорита.

— Тогда берите, — сказала она, соскакивая с седла и начиная расстегивать подпругу. — Седлами нам нельзя обменяться: ваше для меня слишком велико.

Колхаун так обрадовался, что не находил слов благодарности. Он поспешил помочь ей снять седло, а потом снял свое.

Не прошло и пяти минут, как мена лошадьми состоялась. Седла и уздечки остались за старыми хозяевами.

Исидоре все это показалось очень забавным. Она с трудом удерживалась от смеха.

Колхаун же относился к этому совсем иначе — слишком серьезна была его цель.

Они расстались, сказав лишь обычное «до свидания». Исидора поехала на американской лошади, а капитан продолжал путь к асиенде Каса-дель-Корво на сером мустанге.

Глава LXXIX

НЕУТОМИМЫЙ СЛЕДОПЫТ

Зеб вернулся к месту, где была привязана его кобыла. Заросли были ему хорошо известны, и он пошел к просеке напрямик.

Он снова отправился по следу сломанной подковы, в полной уверенности, что след этот приведет его к Каса-дель-Корво.

След шел вдоль дороги, соединяющей переправу через Рио-Гранде и форт Индж. Эта дорога была шириной в полмили — явление, обычное для Техаса, где каждый путник едет где хочет, придерживаясь лишь общего направления.

Лошадь со сломанной подковой бежала по краю этой дороги.

Но на расстоянии четырех — пяти миль от форта Индж она вдруг свернула под таким углом, что должна была выйти прямо к плантации Пойндекстера. Зеб был в этом настолько уверен, что почти не смотрел на землю, а ехал вперед быстро, как будто его путь был отмечен дорожными столбами.

Хотя Зеб был убежденным противником верховой езды, на этот раз он не погнушался закончить свой путь в седле — долгие странствования пешком по прерии и лесным зарослям сильно утомили его. Только время от времени бросал он взгляд на землю, но не для

того, чтобы убедиться, не сбился ли он со следа сломанной подковы, а в надежде узнать что-нибудь новое.

Местами земля в прерии была настолько тверда, что на ней не осталось следов. Неопытный человек мог бы подумать, что он первый проезжает здесь. Но Зеб Стумп был опытным следопытом: он с точностью до дюйма знал, где снова увидит след на более влажной и мягкой почве.

Если случалось иногда, что старый охотник терял след, он быстро находил его, сделав зигзаг.

Уверенно, хотя и осторожно, охотник приблизился к плантации Пойндекстера. Над верхушками акаций показался зубчатый парапет асотеи; и вдруг что-то, что он увидел на дороге, сразу изменило его поведение: вместо того чтобы оставаться на своей кобыле, он соскочил с седла, забросил поводья ей на шею и, обогнав ее, отправился по следу пешком.

Кобыла, не останавливаясь, покорно поплелась за ним, как будто она привыкла к таким неожиданным капризам хозяина.

Неискушенному глазу трудно было бы определить, почему Зебу понадобилось так неожиданно сойти с лошади. Это произошло в месте, где, казалось, не ступала нога ни человека, ни животного. Только из слов Зеба, когда он соскакивал с седла, можно было понять, в чем дело.

— Его след! Возвращается домой, — произнес охотник тихим размеренным голосом и медленно пошел по следу.

Скоро след привел его в рощу и еще через несколько минут заставил остановиться так внезапно, словно колючие заросли стали совершенно непроходимыми как для него, так и для его кобылы.

Однако это было не так. Перед ним по-прежнему была открытая дорога — даже слишком открытая. Именно это и заставило его остановиться.

Перед ним лежала ложбина, в которой виднелось русло почти пересохшего ручья — только кое-где остались небольшие лужи. По грязи русла ходил человек, ведя за уздечку лошадь.

В поведении лошади не было ничего странного — она просто следовала за своим спешившимся всадником.

Но что делал человек? Его движения были непонятными и озадачили бы непосвященного зрителя.

Но Зеб Стумп не был озадачен — во всяком случае, не больше, чем на одну секунду.

Он почти сразу разгадал намерение этого человека и пробормотал:

— Стирает след сломанной подковы или же пробует это сделать! Бесполезно, мистер Колхаун, совсем бесполезно! Взамен вы оставили здесь следы своих ног. Меня не обманешь. И я пройду по ним хоть до самого ада!

Когда охотник закончил свою речь, тот, к кому она была обращена, кончив свою работу, вскочил в седло и поехал дальше.

Зеб отправился вслед за ним пешком; по-видимому, он не старался держать Колхауна в поле зрения. Для старого охотника в этом не было нужды: он был уверен, что не потеряет след капитана.

Охотник шел спокойно, считая, что теперь уже не придется останавливаться до самой асиенды.

Но Зеб Стумп ошибся. Кто мог предвидеть случайную встречу Кассия Колхауна с Исидорой Коварубио де Лос-Льянос!

Но, несмотря на удивление, Зеб сумел не выдать своего присутствия. Наоборот, он стал еще более осторожным.

Обернувшись, охотник шепнул какое-то заклинание на ухо кобыле и стал тихонько пробираться вперед под прикрытием акаций.

Послушная кобыла бесшумно следовала за ним.

Скоро Зеб остановился; остановилась и лошадь, словно его тень.

Густая стена зелени отделяла охотника от оживленно беседовавшей пары.

Он не мог выглянуть из своего укрытия, боясь выдать себя, но зато слышал все, о чем они говорили.

Он оставался на месте, прислушиваясь, пока не со-

стоялся обмен лошадьми, и еще немного после этого. И, только когда они поехали каждый в свою сторону, Зеб вышел из своей засады.

Остановившись на том месте, где только что была заключена сделка, он посмотрел по сторонам и воскликнул:

— Иосафат! Заключен союз между двумя дьяволами. Хотел бы я знать, кто из них остался в барыше!

Глава LXXX

БДИТЕЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВОРОТАМИ

Прошло некоторое время, прежде чем Зеб Стумп показался из чащи, под прикрытием которой он наблюдал за обменом лошадьми. Он вышел из зарослей только тогда, когда и Исидора и Колхаун скрылись из виду. Но Зеб не поехал ни за той, ни за другим; он остался на месте, как будто в нерешимости, за кем из них следовать.

Однако это было не совсем так: он остался на месте, чтобы «хорошенько все обдумать», как обычно выражаются.

Его мысли занимала только что состоявшаяся сделка: он слышал весь разговор и просьбу Колхауна. Вот это-то и озадачило Зеба, или, вернее, вызвало его размышления. Зачем понадобилось Колхауну меняться лошадьми?

Зеб знал, что мексиканка говорила правду: действительно, американская лошадь стоила гораздо дороже мустанга. Он также знал, что Кассий Колхаун не из тех, кого можно «надуть» при обмене лошадьми. Почему же он пошел на такую невыгодную сделку?

Старый охотник снял свою войлочную шляпу и дважды провел рукой по взъерошенным волосам, потом погладил бороду и поглядел в землю, словно ища ответа в траве.

— Тут может быть только одно объяснение, — пробормотал он наконец. — Серый мустанг быстрее амери-

канского коня, в этом нет никакого сомнения. И мистер Каш облюбовал его для себя именно из-за этого. Иначе какого черта понадобилось ему отдавать лошадь, за которую где угодно в Техасе он может получить четыре мустанга, а в Мексике и вдвое больше? Сдается мне, что он выменял ее из-за ног. Но зачем?.. Ах, вот оно что! Я уже, кажется, догадываюсь. Ему нужна... хе-хе... да, теперь я понял... ему нужна лошадь, которая догонит этого безголового. Да, это именно то, что ему надо, — ясно, как божий день. Он было попробовал на американской лошади, но она оказалась тихоходом. Это я сам видел. Теперь он надеется, что догонит его на мустанге, если только тот попадется ему на глаза; наверняка Колхаун отправится на поиски. Он поехал сейчас в Каса-дель-Корво — видно, хочет немного перекусить. Долго он там не пробудет. Скоро кое-кто увидит его снова здесь в прерии, и это будет не кто иной, как Зебулон Стумп... А ну, скотинка, — продолжал он, повернувшись к своей кобыле, — ты думала, что пойдешь домой? Ошиблась, милая. Тебе придется попастись здесь еще часок-другой, а может, и всю ночь. Ну, ничего, моя старушка! Трава здесь неплохая, и у тебя хватит времени пощипать ее как следует... Вот так! Пасись, пока не наешься до отвала.

С этими словами Зеб снял с кобылы уздечку и забросил поводья на луку седла, чтобы они не мешали ей пастись. Потом Зеб оставил ее в чаще, там, где он недавно прятался, а сам отправился по следам Колхауна.

Через двести ярдов заросли кончились. За ними простиралась открытая равнина, на противоположном конце которой виднелась асиенда Каса-дель-Корво.

На фоне белого фасада виднелась фигура всадника, через минуту она исчезла в воротах.

Зеб знал, кто это.

— Отсюда, — пробормотал охотник, — я смогу увидеть, когда он выедет. Я дождусь его, если бы даже пришлось ждать до самого утра! Ну, надо набраться терпения...

Зеб сначала опустился на колени. Потом, поерзав

немного, он уселся, прислонившись спиной к стволу акации. После этого он вытащил из своего бездонного кармана сумку, в которой были кукурузная лепешка, большой кусок жареной свинины и фляжка — судя по запаху, с мононгахильским виски.

Съев половину лепешки и свинины, он уложил остальное в сумку и повесил ее на ветку над своей головой. Потом глотнул как следует из фляжки, закурил трубку, снова прислонился спиной к стволу акации и, скрестив на груди руки, стал смотреть на ворота Каса-дель-Корво.

Так он сидел часа два, не спуская глаз с асиенды.

В воротах мелькали люди — мужчины и женщины. Но даже на расстоянии по их скудной светлой одежде и темной коже можно было догадаться, что это слуги. Кроме того, все они были пешие. А тот, кого ждал Зеб, если и появился бы, то только верхом на лошади.

С заходом солнца Зеб прервал свои наблюдения, но только для того, чтобы найти более удобное место. Когда на землю спустились лиловые сумерки, он не торопясь поднялся на ноги и прислонился к дереву, как будто в этой позе ему было удобнее думать.

«Очень возможно, что эта лиса появится ночью, — рассуждал он про себя, — или же перед рассветом. А мне необходимо знать, в каком направлении он поедет... Нет смысла тащить кобылу за собой, — продолжал он, взглянув в том направлении, где оставил лошадь. — Она будет мне только мешать. Кроме того, ночи теперь лунные, и ее может заметить кто-нибудь из негров. Лучше оставить ее здесь — безопасней и есть где пастись».

Зеб направился к лошади, снял с нее седло, привязал ее на длинной веревке к дереву, потом снял с седла свое старое одеяло и, перебросив его через руку, пошел в сторону Каса-дель-Корво.

Он шел неровным шагом — то быстрее, то медленнее, поджидая, чтобы его скрыли надвигающиеся ночные тени.

Эта предосторожность не была излишней: предстояло пересечь открытый луг, где трудно было остаться

незамеченным. Там и сям виднелись одинокие деревца, но их разделяли слишком большие расстояния, и, пока он пробирался к ним, его легко могли увидеть из окон асиенды и тем более с асотеи.

Время от времени он совсем останавливался, выжидая, чтобы сгустились сумерки, стало темнее.

Когда погас последний луч заката, Зеб был не дальше двухсот ярдов от асиенды.

Старый охотник достиг цели своего путешествия — места, где ему, возможно, предстояло провести всю ночь.

Неподалеку рос низкий раскидистый куст; растянувшись под ним, Зеб снова стал следить за воротами Каса-дель-Корво.

* * * * * * * * *

За всю долгую ночь старый охотник ни разу не закрыл обоих глаз одновременно — какой-нибудь из них обязательно следил за воротами. И стоило взглянуть на необычайно серьезный вид старика, чтобы понять, что он был занят очень важным делом.

Вначале однообразие его бодрствования нарушалось гомоном голосов и время от времени взрывами смеха, доносившимися из хижин невольников. Но негры были более сдержанны, чем обычно. Не было слышно чистых напевов скрипки и звуков веселого банджо, обычно раздающихся по вечерам в негритянском поселке.

Мрачная тишина, царившая в «большом доме», не могла не подействовать на настроение невольников.

Около полуночи голоса людей замолкли, и покой ночи лишь изредка нарушался лаем собаки, откликавшейся на далекий вой койотов.

Зеб провел очень утомительный день, и его одолевал сон. Один раз, когда он уже совсем задремал, ему пришлось встать и размяться; затем он снова лег и, спрятав голову под куст, закурил свою трубку.

Всю ночь он не сводил глаз с больших ворот асиенды, но они, как он ясно видел при лунном свете, ни разу не открылись.

Утренняя заря, как раньше закат, заставила охотника снова переменить наблюдательный пункт.

Едва небо на востоке порозовело, Зеб тихонько встал, набросил на себя одеяло и, повернувшись спиной к Каса-дель-Корво, медленно удалился тем же путем, которым пришел сюда накануне вечером.

Снова он шел то медленно, то быстро, время от времени останавливаясь и оглядываясь назад.

Наконец Зеб добрался до акации, под которой он ужинал. Здесь, усевшись, как и накануне, он принялся за завтрак.

Вторая половина лепешки и остатки мяса быстро исчезли. За ними последовало и виски из фляги.

Зеб набил трубку и уже собирался было закурить ее, как вдруг быстро положил кремень и огниво в кисет.

В синей утренней дымке на серой стене Каса-дель-Корво появилось темное пятно — это открыли ворота.

Почти в ту же минуту из них выехал всадник на небольшой серой лошади, и ворота снова закрылись за ним.

Зеба это не интересовало. Он смотрел только, в каком направлении поедет ранний путник. На это ему не потребовалось и двадцати секунд. Голова лошади и лицо всадника были обращены в его сторону.

Он не стал тратить времени на то, чтобы разглядывать всадника и лошадь. Он не сомневался, что это был тот самый всадник, который проезжал по этому же месту на этой же лошади накануне вечером; он также не сомневался, что всадник снова проедет здесь.

Зеб поспешил к своей старой кобыле, быстро оседлал ее и отвел в такое место зарослей, откуда можно было наблюдать, оставаясь незамеченным.

Спрятавшись, старый охотник стал ждать приближения всадника на сером коне — он знал, что это Кассий Колхаун.

И он продолжал стоять до тех пор, пока тот не пересек полосу лесных зарослей и не скрылся в прерии, окутанной туманным светом раннего утра.

Только тогда Зеб Стумп вскарабкался в седло и,

уколов кобылу ножом, заменявшим ему шпору, поскакал вперед.

Он ехал за Кассием Колхауном, не стараясь держать его в поле своего зрения.

Зачем? Покрытая росой трава была для старого следопыта чистым листом, а следы серого мустанга — шрифтом, таким же четким, как строки напечатанной книги.

И он легко читал эти строки, когда его лошадь бежала рысью и даже галопом.

Глава LXXXI

ВВЕРХ НОГАМИ

Кассий Колхаун выехал из ворот Каса-дель-Корво в прерию, не подозревая, что его видел кто-нибудь, кроме Плутона, который оседлал ему серого мустанга.

Он ничего не заподозрил, и проезжая мимо места, где притаился в зарослях Зеб Стумп. Капитан предполагал, что в таком тусклом свете его никто не заметит.

Выбравшись из зарослей, Колхаун направился к берегам Нуэсес, его лошадь бежала быстрой рысью, временами переходя на галоп.

На протяжении первых восьми миль он мало интересовался тем, что делалось вокруг. Казалось, его удовлетворял случайный взгляд, брошенный вдаль — и только вперед. Он не смотрел ни направо, ни налево; и только один раз оглянулся назад — уже после того, как отъехал на некоторое расстояние от опушки зарослей.

Он еще не видел того, что все время занимало его мысли.

Что это, знал только он и еще один человек — Зеб Стумп.

Колхауну и в голову не приходило, что кто-то догадывался о цели его ранней поездки.

Хотя старый охотник основывался только на своих предположениях, он был так уверен, словно сам отставной капитан доверил ему свою тайну. Он знал, что

Колхаун отправился на поиски всадника без головы, надеясь, что на этот раз сможет его догнать.

Несмотря на то что серый мустанг мог бежать быстрее техасского оленя, Колхаун далеко не был уверен в успехе. Было весьма вероятно, что он не встретит сегодня свою дичь; вероятность, по его расчетам, была один против двух; об этом-то и размышлял он в пути.

Такая неопределенность беспокоила его; но, вспоминая происшествия последних дней, он продолжал надеяться.

Было одно место, где он уже дважды встречал того, кого искал. Может быть, ему повезет еще раз...

Это была зеленая лужайка на опушке зарослей, недалеко от начала просеки, на которой, как предполагали, произошло убийство.

«Как странно, что он всегда возвращается туда! — думал Колхаун. — Чертовски странно! Словно он знает... Глупости! Просто там трава сочнее и близко вода. Ну что же, надеюсь, что и сегодня он будет так же настроен и у меня будет возможность найти его. Если же нет, то мне придется искать его в зарослях, а это даже и днем удовольствие небольшое. Бр-р-р!.. А чего мне, собственно, бояться, раз мустангер уже в тюрьме? Какие улики? Один только кусочек свинца. Но его я достану, даже если бы мне пришлось загнать коня до смерти!»

— Силы небесные! Что это там?

Последние слова Колхаун произнес вслух, натягивая поводья так, что его мустанг чуть не встал на дыбы, и глядя вдаль полными ужаса глазами, которые, казалось, готовы были выскочить из орбит.

И неудивительно: картина, которую он увидел, привела бы в смятение самого мужественного человека.

Солнце поднялось над горизонтом как раз за спиной всадника. Прямо перед ним распростерлась полоса голубоватого тумана — испарений, поднимавшихся от зарослей, к которым он уже приблизился. Деревья были скрыты легкой сиреневой пеленой, верхний край которой сливался с небесной лазурью.

На фоне этой пелены или же за ней появилась дви-

жущаяся фигура, настолько странная, что она показалась бы Колхауну совершенно неправдоподобной, если бы он не видел ее раньше. Это был всадник без головы.

Но таким его еще не видел ни Колхаун и никто другой! Теперь всадник выглядел совсем иначе. Очертания были те же, но он стал в десять раз больше прежнего.

Это уже был не человек, а великан, и не лошадь, а животное с контурами лошади, но высотой с башню — огромное, как мастодонт.

И это было еще не все. В его облике произошла более значительная перемена, еще более необъяснимая. Он ехал уже не по земле, а по небу; и лошадь и человек передвигались вверх ногами. Копыта коня были отчетливо видны на верхнем крае пелены, а плечи всадника (я чуть было не сказал — голова) почти касались линии горизонта. Серапе, наброшенное на плечи, висело правильно по отношению к перевернутой фигуре, но вопреки закону тяготения. То же относилось и к поводьям, и к гриве, и к длинному хвосту лошади.

Вначале этот чудовищный образ, более призрачный, чем когда-либо, двигался медленно, неторопливым шагом. Колхаун глядел на него, оцепенев от ужаса.

И вдруг произошла внезапная перемена. Очертания чудовищного всадника мгновенно расплылись; лошадь повернула и побежала рысью в противоположном направлении, хотя копыта ее все еще касались неба.

Призрак испугался и спасался бегством!

Колхаун, оцепеневший от страха, не сдвинулся бы с места и дал бы ему ускакать, если бы не его серый мустанг; конь круто повернул, и отставной капитан оказался лицом к лицу с разгадкой.

Послышался легкий удар подковы по траве прерии. Колхаун понял, что недалеко настоящий всадник, если только можно назвать настоящим всадника, от которого упала такая чудовищная тень.

— Это мираж! — воскликнул капитан, выругавшись. — Какой же я дурак, что поддался такому обману! Вот он, виновник моего испуга! А ведь я только его и ищу! И так близко! Если бы я знал, я поймал бы

По прерии во весь опор мчались два всадника...

его, прежде чем он увидел меня. Ну, а теперь — вдогонку! И пусть мне придется скакать хоть на край Техаса, но я догоню его!

Понукание, хлыст, шпоры — все было пущено в ход. И через пять минут по прерии во весь опор мчались два всадника. Под каждым из них был быстроногий мустанг. Один всадник преследовал другого. Тот, кого преследовали, был без головы. А тот, кто преследовал,— с головой; в этой голове созрело безумное решение.

* * * * * * * * *

Погоня длилась недолго. Колхаун уже предвкушал победу...

Его лошадь бежала быстрее — быть может, потому, что он ее подгонял, или же потому, что гнедой не слишком испугался и не напрягал всех своих сил.

Было ясно, что серый мустанг нагоняет гнедого; наконец расстояние сократилось настолько, что Колхаун уже вскинул ружье.

и в голове преследователя созрело безумное решение.

Он хотел застрелить гнедого и этим положить конец преследованию.

Однако он не стрелял, боясь промахнуться. Наученный горьким опытом, он не спускал курка, стараясь подъехать поближе, чтобы бить наверняка.

Но, пока он колебался, гнедой со всадником без головы круто повернул в заросли.

Преследователь не ожидал этого маневра и отстал: только через полмили ему удалось опять сократить расстояние.

Он приближался к знакомому — слишком хорошо знакомому! — месту, где пролита была кровь.

При любых других обстоятельствах он постарался бы объехать его, но теперь он был весь поглощен одной мыслью, которая отвлекала его от воспоминаний и наполняла холодным страхом перед будущим. Только захват жуткого всадника мог бы успокоить его — тогда можно было бы устранить опасность, которая так пугала.

Колхаун нагнал всадника без головы. Раздувающиеся ноздри серого мустанга почти касались хвоста гнедого. Ружье уже было наготове в левой руке Колхауна, палец правой руки лежал на спуске. Он только выбирал, куда лучше стрелять.

Еще мгновение — и пуля пронзила бы мчавшуюся впереди лошадь; но она, словно почуяв опасность, сделала быстрый скачок в сторону и, лягнув в морду преследовавшего ее мустанга, с пронзительным злобным ржанием понеслась в другом направлении.

На минуту Колхаун был сбит с толку, так же как и его лошадь. Серый конь остановился и отказывался идти дальше, пока удар шпорой не заставил его снова помчаться галопом.

Теперь Колхаун гнал своего коня еще сильнее, чем прежде. Но гнедой уже не бежал по тропе, а направился к зарослям, — погоня опять могла кончиться ничем. До сих пор Колхаун надеялся на быстроту своего коня. Он не предвидел, что дело может принять такой оборот; в отчаянии он снова схватился за ружье.

К этому времени они уже мчались по опушке, и зеленые ветви наполовину скрывали всадника без головы. Был виден только круп лошади; в него-то и прицелился преследователь.

Облачко дыма вырвалось из дула ружья; одновременно раздался треск выстрела, и какой-то темный предмет, словно возникнув из этого дыма, с глухим стуком упал на землю.

Он подпрыгнул, покатился и остановился прямо под ногами лошади Колхауна. Остановился, но продолжал раскачиваться из стороны в сторону — как волчок, когда он перестает вертеться.

Серый мустанг захрапел и попятился. Всадник закричал от ужаса.

И неудивительно: внизу на траве лежала голова человека; на ней все еще крепко держалась шляпа, круглые твердые поля которой мешали голове принять устойчивое положение. Лицо было обращено прямо к Колхауну, мертвенно бледное, запачканное кровью, сморщенное; глаза были открыты, но мутны и безжиз-

ненны, словно стеклянные. Белые зубы сверкали между посиневшими губами, на которых, казалось, застыла беззаботная улыбка.

Вот что увидел Кассий Колхаун.

Он смотрел, дрожа от страха. Но не из-за того, что растерялся перед сверхъестественным, непостижимым, а потому, что хорошо знал, в чем дело.

Недолго стоял он перед этой безмолвной, но так много сказавшей головой. Прежде чем она перестала покачиваться в мягкой траве, Колхаун повернул лошадь, вонзил ей в бока шпоры и понесся бешеным галопом.

Он не преследовал всадника без головы, который где-то рядом пробирался через кусты. Колхаун мчался назад, назад к прерии, обратно в Каса-дель-Корво!

Глава LXXXII

СТРАННЫЙ СВЕРТОК

Выбравшись из зарослей, старый охотник неторопливо поехал по следу капитана, словно в его распоряжении был целый день и ему незачем было спешить.

Однако, внимательно всмотревшись в его лицо, можно было прочесть большое нетерпение и тревогу; он ерзал в седле и то и дело напряженно вглядывался в даль.

На след Колхауна Зеб почти не обращал внимания: чтобы не сбиться с него, ему достаточно было беглого взгляда. Идти по этому следу могла бы и одна кобыла — без него.

Однако старый охотник медлил не потому, что след был ясен, — наоборот, он предпочел бы не терять Колхауна из виду. Но тогда и тот мог бы заметить его, а это помешало бы Зебу достичь своей цели.

Эта цель была важнее всего, а о действиях Колхауна он мог узнать и не видя их — по следам.

Продвигаясь медленно и осторожно, но не останавливаясь ни на минуту, Зеб наконец приехал на то место, где Колхаун видел мираж.

Теперь дымка уже рассеялась, мираж исчез, и синий край неба касался зеленой прерии.

Но то, что Зеб увидел, заинтересовало его не меньше: два ряда отпечатков копыт, и второй прошла новая лошадь Колхауна — Зеб измерил ее следы.

Ему нетрудно было догадаться, какая лошадь прошла первой. Он знал ее следы так же хорошо, как следы собственной кобылы.

— Значит, этому негодяю все-таки удалось отыскать его, — сказал Зеб, всматриваясь в двойной след. — Но это еще не значит, — продолжал он в раздумье, — что он его поймал. А впрочем, кто знает? Мустанг мог подпустить его к себе, увидев, что под ним тоже мустанг; а если это так... если это так... Но что же я стою здесь? Сейчас не время топтаться на месте! Если Колхаун догнал его и добился чего хотел, тогда — ищи ветра в поле, мне уж ничего не удастся сделать. Надо торопиться! Поехали, моя старушка! Постарайся догнать ту серую лошадь, которая пробежала здесь полчасика назад. Покажи же, что ты умеешь бегать не хуже, чем она!

Однако охотник не пустил в ход ножа, а ударил кобылу в бок своей единственной шпорой, и лошадь побежала спокойной рысью. Большей скорости от нее пока и не требовалось. Зеб ехал по-прежнему осторожно и зорко смотрел вперед.

— Судя по направлению следа, — рассуждал старый охотник, — я могу определить довольно точно, куда он выйдет. Словно все пути там сходятся; туда же ехал и бедняга, которому не суждено было вернуться. Ну что ж! Если нельзя воскресить его, то надо отплатить тому негодяю, который отнял у него жизнь. Коекому, кто об этом еще и не подозревает,—тому самому... Стой! Вот и он! А вон и безголовый! Мчатся во весь опор! И, черт побери, серый нагоняет! Они не сюда едут — нам с тобой не нужно прятаться. Но все-таки стой спокойно! Двигаться сейчас нельзя, а то он нас заметит. Ну да, как же! Он слишком занят своей игрой и ничего не видит, кроме того, что прямо перед ним... Так... Я этого и ожидал — прямо в просеку. Ну, моя кобылка, поехали дальше!

Не спуская глаз с просеки, Зеб подъехал к лесу.

Несмотря на то что оба всадника уже давно скрылись за поворотом, охотник поехал не посредине просеки, а через кусты, которые ее окаймляли.

Он ехал так, чтобы видеть дорогу на некоторое расстояние вперед, и в то же время так, чтобы его и кобылы не было видно, если бы кто-нибудь поехал навстречу.

Правда, он никого не ожидал здесь встретить и меньше всего — человека, которого вскоре увидел.

Услышав выстрел, Зеб не удивился — он ждал его с той минуты, как увидел погоню; он скорее был удивлен, что не услышал его раньше. Когда раздался треск выстрела, охотник узнал звук охотничьего ружья, а ему было известно, кому это ружье принадлежало.

Но старый охотник был удивлен, когда владелец ружья выехал из-за поворота меньше чем через пять минут после выстрела; он мчался, словно спасаясь от опасности.

— Возвращается, и так скоро, — пробормотал Зеб, заметив Колхауна.— Странно... Что-то случилось, хе-хе! Удирает, точно за ним гонится нечистая сила! А может, это безголовый за ним теперь гонится? Долг платежом красен. Похоже на то. Я бы не пожалел серебряного доллара, чтобы на это посмотреть. Ха-ха-ха!

Еще задолго до этого охотник слез с седла и отвел кобылу подальше в заросли, чтобы их не заметил спасавшийся бегством всадник, который скоро должен был проехать мимо.

Но тот промчался в такой панике, что вряд ли заметил бы Зеба, даже если бы он стоял посреди просеки.

«Иосафат! — мысленно воскликнул охотник, когда увидел искаженное ужасом лицо Колхауна. — Если нечистая сила и не гонится за ним, то, значит, она в него вселилась. В жизни еще не видел такого страшного лица. Плохо придется его жене! Бедняжка мисс Пойндекстер! Авось ей удастся отвертеться и не выйти замуж за такого негодяя... В чем же все-таки дело? Никто вроде за ним не гонится, а он все еще продолжает улепетывать. Куда это он теперь несется? Надо проследить».

— А, возвращается домой! — воскликнул Зеб, выйдя на опушку и увидев, что Колхаун скачет галопом к асиенде Каса-дель-Корво. — Возвращается домой, это уж наверняка!.. А мы, старушка, — продолжал Зеб, когда серая лошадь скрылась из виду, — поедем в другую сторону и узнаем, зачем он стрелял.

* * * * * * * * *

Десять минут спустя Зеб слез с кобылы и поднял предмет, до которого без содрогания и отвращения вряд ли мог бы дотронуться даже самый храбрый человек.

Но Зеба волновали другие чувства. Он узнал черты знакомого ему лица, хотя кожа съежилась и засохшая кровь исказила их выражение; оно было ему дорого, даже мертвое и изуродованное.

Зеб попробовал снять шляпу с мертвой головы, но, несмотря на все усилия, ему это не удалось: так глубоко врезались края шляпы в распухшую кожу.

Зеб, не выпуская голову из рук, долго с нежностью всматривался в лицо погибшего.

— О господи! — произнес наконец охотник. — Что за подарок отцу и сестре! Пожалуй, не стоит везти ее к ним. Надо похоронить ее здесь и никому ни слова не говорить... Нет, так не годится. Что это я? Хоть это и не улика, но она может помочь кое в чем разобраться. Странный это будет свидетель, если представить ее на суд!

Сказав это, Зеб отвязал от седла старое одеяло и бережно завернул в него голову вместе со шляпой.

Потом, повесив этот странный сверток на луку, он сел на свою кобылу и в глубокой задумчивости выехал из леса.

Глава LXXXIII

ПРИЕЗЖИЕ ЮРИСТЫ

На третий день после того, как Морис Джеральд попал в военную тюрьму, лихорадка у него прошла, и он перестал бредить. На четвертый он был уже почти

здоров. На пятый день было назначено судебное разбирательство.

Такая спешка, которую в любом другом месте сочли бы необычной, была самым заурядным явлением для Техаса, где нередко судят и вешают убийцу в тот же день, когда было совершено преступление.

Многочисленные враги мустангера по каким-то соображениям требовали назначить день суда как можно скорее; друзья же, которых было значительно меньше, не могли выставить достаточно веских оснований, чтобы его отложить.

Большинство жителей поселка настаивали на немедленном суде над преступником, повторяя старую, как мир, фразу: «Кровь убитого вопиет об отмщении».

Сторонникам безотлагательного суда помогло случайное обстоятельство: главный судья округа как раз совершал свой объезд и собирался прибыть в форт Индж на этой неделе.

Вот почему дело Мориса Джеральда, как всякое дело об убийстве, должно было разбираться в самое ближайшее время.

А так как никто не возражал, то никто и не попросил об отсрочке. Суд был назначен на пятнадцатое число текущего месяца.

Обвиняемый имел право потребовать защитника, но в поселке не было своего адвоката: в этих пограничных областях адвокаты обычно ездят вместе с судьей, а судья еще не прибыл. Однако, чтобы защищать мустангера, в поселок явился известный адвокат из Сан-Антонио. Он заявил, что приехал сюда по собственному почину.

Это могло быть просто великодушием, а может быть, он хотел завоевать популярность перед выборами в конгресс; хотя поговаривали, что приехать его побудило золото, полученное из прекрасных рук.

«Если уж дождь начнется, то льет как из ведра». Эта поговорка, правильно характеризующая погоду Техаса, на этот раз оказалась верной и по отношению к юристам.

Накануне суда в форт Индж приехал еще один

юрист и заявил, что он тоже будет защищать обвиняемого.

Он проделал еще более далекий путь, чем адвокат из Сан-Антонио, — он покинул столицу Ирландии и пересек Атлантический океан, чтобы повидаться с человеком, которого обвиняли в убийстве.

Правда, последнего обстоятельства дублинский юрист не предвидел — он ехал к мустангеру по другому делу и был немало удивлен, когда в гостинице Обердофера, где он остановился, ему сказали, что Морис Джеральд сидит в тюрьме. Он еще больше удивился, узнав, в чем его обвиняют.

— Как! Потомок Джеральдов обвиняется в убийстве? Владелец замка Баллах и его чудесного парка! Да у меня с собой все документы! Проводите меня к нему! — потребовал он.

Хотя Обердофер и заподозрил, что его новый постоялец сумасшедший, он все-таки послал слугу проводить его до гауптвахты.

Если ирландский юрист и был сумасшедшим, в его безумии была система. Ему не только не отказали в свидании с заключенным, но, наоборот, разрешили навещать его в любое время.

Он получил это право, показав майору некоторые документы, которые помогли ему также установить дружеские отношения с адвокатом из Сан-Антонио.

Приезд ирландского юриста в такой напряженный момент вызвал массу толков в форте, в поселке и на окрестных плантациях. В баре Обердофера строились всякие предположения, так как сведения, полученные от хозяина, только разжигали интерес к ирландскому гостю.

Однако заокеанский законник оказался верным традициям своей профессии. За исключением вышеописанной маленькой оплошности в самом начале, когда он от удивления сказал лишнее, он замкнулся, словно устрица во время отлива.

Впрочем, у него не было времени для разговоров. Он приехал как раз накануне суда и считанные часы, которые были в его распоряжении, проводил либо в тюрь-

ме, беседуя с заключенным, либо наедине с юристом из Сан-Антонио. Ходили слухи, что Морис Джеральд поведал им какую-то чудовищную историю. Но подробностей никто не знал, и все сгорали от любопытства.

Эта история была известна только одному человеку — охотнику Зебу Стумпу, и он мог бы все подтвердить.

Возможно, знал ее и еще один человек, хотя ни обвиняемый, ни защитники ничего ему не рассказывали.

Зеб тоже не появлялся в их обществе. Он беседовал с ними только один раз. После этого охотник исчез, и его никто больше не видел ни у гауптвахты, ни в поселке. Все думали, что Зеб Стумп, как обычно, отправился на охоту.

Но все ошибались. На этот раз Зеб бродил по лесам не в поисках дичи — он отправился на охоту за всадником без головы.

Глава LXXXIV

НЕЖНЫЙ ПЛЕМЯННИК

«Слава богу, его судят завтра! Вряд ли кто-нибудь успеет за это время изловить проклятую лошадь! Надеюсь, ее никогда не поймают. А больше мне опасаться нечего. Без этого никто не разберется, что произошло. Пусть меня повесят, если я сам что-нибудь понимаю! Знаю только... Странно, зачем здесь появился этот ирландский крючкотвор? И еще этот — из Сан-Антонио? Кто его вызвал и зачем? Кто-то же ему платит! А впрочем, какая разница! Я все равно не боюсь! Как бы они ни вертели, а подозревать, кроме Джеральда, некого. Все улики против него; все этому верят. И его не могут не признать виновным. Только Зеб Стумп думает иначе. Вечно эта старая лиса сует нос куда не надо! Его давно не видно. Где он пропадает? Говорят, на охоте. Но сейчас для этого не время. А что, если он гоняется за ней? Что, если он ее поймает?.. Я бы сам попробовал еще раз, но сейчас уже поздно. Завтра к вечеру все будет кончено. А если потом... К черту, сейчас об этом незачем думать. Надо только, чтобы все было

в порядке теперь. А что будет после — неважно. Когда его повесят, вряд ли будут искать других виновников. Даже если и всплывет что-то подозрительное, они постараются это замять. А то им придется признать, что повесили невиновного... Кажется, с регулярниками все в порядке. Даже Сэм Мэнли больше не сомневается. Я убедил его, когда рассказал, что слышал той ночью. Слышал-то я, правда, меньше, чем рассказал, но и этого достаточно, чтобы сойти с ума. Ну, да что думать о прошлом! Она виделась с ним, и все тут. Но больше она никогда его не увидит, разве что на небесах. Что же, это будет зависеть от нее же самой... А может быть, она его вовсе не... Может быть, это была с ее стороны лишь признательность. Нет-нет! Из чувства простой признательности не встают с постели среди ночи, чтобы идти на свидание в сад. Она любит его, она любит его! Ну и пусть любит! Он никогда не будет ее мужем. Она никогда не увидит его, разве только, если будет продолжать упорствовать; и тогда лишь для того, чтобы помочь его обвинить. Одно ее слово — и петля затянется на его шее. И она произнесет его, если только не скажет другого слова, которого я у нее дважды просил. Третий раз будет последним. Еще один отказ — и я покажу им свою игру! Не только будет казнен этот ирландский авантюрист, но она сама станет виновницей его гибели. А плантация, дом, невольники — все...»

Рассуждения Колхауна были прерваны появлением плантатора.

— А, дядя Вудли! Вы-то мне и нужны.

Удрученный, безмолвный, бродил Вудли Пойндекстер по коридорам Каса-дель-Корво. Он вошел в комнату своего племянника случайно, без всякого определенного намерения.

— Нужен, Кассий? Зачем?

Убитый горем старик говорил покорно и даже заискивающе. Гордый Пойндекстер, перед которым трепетали двести невольников, теперь стоял перед своим собственным повелителем. Правда, это был его племянник, сын его сестры. Но от этого ему было не легче: он слишком хорошо знал характер Колхауна.

— Я хотел с вами поговорить относительно Лу, — ответил Колхаун.

Это была как раз та тема, которой Вудли Пойндекстер всячески избегал. Он боялся даже думать о ней, а тем более ее обсуждать и особенно с человеком, который начал этот разговор. Тем не менее плантатор не обнаружил удивления. Он и не был удивлен: он ждал этого разговора.

Тон Колхауна не предвещал ничего хорошего. В нем скорее звучало требование, чем просьба.

— Относительно Лу? О чем именно? — с притворным спокойствием спросил Пойндекстер.

— Так вот... — сказал Колхаун, как будто не решаясь начать этот разговор или же просто притворяясь, что колеблется. — Я... я хотел...

— Я предпочел бы... — сказал плантатор, воспользовавшись паузой, — я предпочел бы пока не говорить о ней.

Он сказал это почти умоляюще.

— Но почему же, дядя? — спросил Колхаун, которого это возражение рассердило.

— Ты сам знаешь, почему, Кассий.

— Я понимаю, что вам тяжело. Бедный Генри пропал, — предполагают, что он... Но он может еще вернуться, и все будет хорошо.

— Никогда! Мы никогда больше не увидим его — ни живым, ни мертвым. У меня больше нет сына!

— Но у вас есть дочь, а она...

— Она опозорила меня!

— Я этому не верю, нет...

— Как же иначе можно объяснить то, что я слышал, то, что я сам видел? Что могло заставить ее отправиться туда — за двадцать миль совсем одной, в хижину простого торговца лошадьми и сидеть у его изголовья? О боже! И почему она вступилась за него — за убийцу моего сына, своего брата? О боже!

— Первое, мне кажется, она объяснила удовлетворительно. (Но сам Колхаун не верил тому, что говорил.) Второе тоже понятно. Каждая женщина сделала бы то же самое. Во всяком случае, такая, как Лу.

— Таких, как она, нет! Это говорю я — ее отец! О, если бы я только мог поверить твоим словам! Моя бедная дочь! А ведь она должна была бы стать моим утешением теперь, когда у меня нет сына...

— Только от нее зависит найти вам сына... человека, уже близкого вам, который всеми силами постарается заменить погибшего. Я не хочу говорить загадками, дядя Вудли. Вы знаете, о чем я думаю. Мое решение твердо: я хочу, чтобы Лу стала моей женой.

Услышав это, плантатор не выказал ни малейшего удивления: он этого ждал. И все же его лицо стало еще более мрачным.

Было ясно, что мысль об этом браке ему неприятна. Это могло показаться странным. До последнего времени Пойндекстер был настроен иначе и неоднократно — правда, очень осторожно — пробовал уговаривать свою дочь выйти замуж за кузена.

До переезда в Техас Пойндекстер плохо знал своего племянника.

С тех пор как Колхаун достиг совершеннолетия, он, хотя и был гражданином штата Миссисипи, бо́льшую часть времени жил в Новом Орлеане, где у него было больше возможностей для кутежей. Он очень редко заезжал в гости на луизианскую плантацию дяди; но потом, когда Луиза из ребенка превратилась в красавицу девушку, Колхаун стал наезжать все чаще и гостить все дольше.

Затем Кассий около года воевал в Мексике и получил чин капитана. После военных подвигов он вернулся на родину с твердым намерением одержать победу над сердцем креолки.

С этих пор Колхаун почти не покидал дома своего дяди. Если он и не очаровал молодую девушку, то, во всяком случае, стал желанным гостем ее отца, потому что обладал верным средством добиться его расположения.

Когда-то богатый человек, плантатор за последние годы совсем разорился. Привычка жить на широкую ногу заставила его наделать долгов. Его племянник, наоборот, из бедняка стал богачом. Этим он был обязан

случаю. Вполне естественно, что между ними возникли деловые отношения.

В Луизиане мало кто догадывался, что Пойндекстер — должник своего племянника, там он пользовался всеобщим уважением; это удерживало и Колхауна от проявления его обычной надменности.

Только после переезда в Техас их отношения стали принимать те характерные черты, которые обычно складываются между должником и кредитором.

Эти отношения обострились еще сильнее после того, как Колхаун стал упорно ухаживать за Луизой, а она так же упорно отклонять его ухаживания.

Теперь плантатор получил возможность ближе узнать характер племянника; с каждым днем со времени приезда в Каса-дель-Корво его разочарование росло все более.

Ссора Колхауна с мустангером и ее развязка не увеличили уважения Пойндекстера к племяннику, хотя ему как родственнику и пришлось стать на сторону последнего.

Были и другие обстоятельства, которые усиливали его неприязнь к племяннику и делали этот брак нежелательным, несмотря на всю его выгоду.

Но, увы, было много причин, не позволявших отказать Колхауну наотрез.

Ответ Пойндекстера был продиктован больше нерешительностью, чем горем:

— Если я тебя правильно понимаю, Кассий, ты говоришь о свадьбе. Но разве время говорить об этом, когда в доме траур? Подумай, что скажут люди!

— Вы не поняли меня, дядя. Я говорил не о свадьбе. То есть не о немедленной свадьбе. Мне только хотелось бы получить какую-то уверенность, и я согласен ждать более подходящего момента.

— Я не понимаю тебя, Каш...

— Выслушайте меня, и я вам все объясню.

— Говори.

— Ну, так вот. Я решил жениться. Вы знаете, что мне уже скоро тридцать. В эти годы человеку надоедает слоняться по свету. Мне это чертовски надоело, и я хо-

чу обзавестись семьей. Я согласен, чтобы моей женой стала Луиза. Торопиться с этим не надо. Пока мне нужно только ее обещание — твердое и определенное, чтобы не оставалось никаких сомнений. Когда кончатся все эти неприятности, еще будет время поговорить о свадьбе и о прочем.

Слово «неприятности», да и вся остальная речь Колхауна оскорбили слух отца, оплакивающего сына. Возмущение пробудило былую гордость Пойндекстера.

Однако ненадолго. С одной стороны, ему представились плантации, рабы, богатство, положение в обществе, с другой — бедность, которая казалась гибелью.

Но все же он не окончательно сдался, о чем можно было судить по его ответу.

— Что же, Кассий, надо отдать тебе справедливость, ты говорил достаточно ясно. Но я не знаю, расположена ли к тебе моя дочь. Ты говоришь, что согласен, чтобы она стала твоей женой. Да, но согласна ли она? Я думаю, все зависит от этого.

— Я полагаю, дядя, это в большой мере зависит от вас. Вы отец и можете уговорить ее.

— Я в этом не уверен. Она не из тех, кого можно уговорить. И ты, Кассий, знаешь это не хуже меня.

— Я знаю только одно: что я твердо решил обзавестись семьей и хотел бы, чтобы хозяйкой Каса-дель-Корво стала Лу, а не какая-нибудь другая женщина.

Эти грубые слова больно ранили Вудли Пойндекстера. В первый раз ему дали понять, что он больше не хозяин Каса-дель-Корво. Хотя это был только намек, он прекрасно его понял.

Ему снова представились плантации, рабы, богатство, видное положение в обществе, и — бедность с ее невзгодами и унижениями.

Бедность казалась ему отвратительной, хотя и не более отвратительной, чем стоявший перед ним человек — его племянник, который хотел стать его сыном.

Добро в сердце Пойндекстера уступило злу. Он обещал помочь племяннику разрушить счастье своей дочери.

* * * * * * * * *

— Лу!

— Что, отец?

— У меня к тебе просьба.

— Какая, отец?

— Ты знаешь, что твой двоюродный брат Кассий любит тебя. Он готов умереть за тебя, и больше того — он хочет на тебе жениться.

— Но я не хочу выходить за него замуж. Нет, отец! Лучше умереть! Самонадеянный негодяй! Я предвижу, что это значит. И он передает мне свое предложение через тебя! Так скажи ему, что я готова бежать в прерию и зарабатывать свой хлеб охотой на диких лошадей, только бы не стать его женой! Передай ему это.

— Подумай сначала, дочка. Ты, наверно, не знаешь...

— что мой двоюродный брат — твой кредитор? Я знаю это, дорогой отец. Но я знаю также, что ты — Вудли Пойндекстер, а я — твоя дочь.

Этот намек попал в цель. Гордость плантатора снова проснулась, и он ответил:

— Милая моя Луиза! Как ты похожа на мать! А я сомневался в тебе. Прости меня, моя гордая девочка! Забудем прошлое. Решай сама. Ты вольна отказать ему.

Глава LXXXV

ДОБРЫЙ КУЗЕН

Луиза Пойндекстер воспользовалась свободой, которую предоставил ей отец. Не прошло и часа, как она наотрез отказала Колхауну.

Он уже в третий раз делал ей предложение. Правда, два первых раза он говорил иносказательно.

Это было в третий раз, и ответ должен быть последним.

Он был прост. Она коротко сказала: «Нет», и выразительно прибавила: «Никогда».

Она говорила прямо, не стараясь смягчить свои слова.

Колхаун выслушал ее без удивления. Вероятно, он ожидал отказа.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, он не побледнел и не обнаружил никаких признаков отчаяния, естественного в такую минуту. Он стоял перед красавицей кузиной, словно ягуар, готовый прыгнуть на свою жертву. Казалось, он хотел ей сказать: «Не пройдет и минуты, как ты запоешь другое».

Но он сказал:

— Ты шутишь, Лу?

— Нет, сэр. Разве мои слова похожи на шутку?

— Ты ответила, совсем не подумав.

— О чем?

— О многом.

— Именно?

— Прежде всего о том, как я тебя люблю.

Луиза промолчала.

— Я люблю тебя, — продолжал Колхаун, — люблю тебя так, Лу, как любят только раз! Эта любовь может умереть только вместе со мной. С твоей смертью она не угаснет...

Он замолчал, но ответа не последовало.

— Зачем рассказывать тебе историю моей любви! Она вспыхнула в тот день... нет, в тот час, когда я впервые увидел тебя. Помнишь, когда я приехал в дом твоего отца, шесть лет назад! Как только я соскочил с лошади, ты пригласила меня прогуляться с тобой по саду, пока накрывают на стол. Ты тогда была девочкой, подростком, но так же прекрасна, как теперь! Ты взяла меня за руку и повела по дорожке, усыпанной гравием, под тень каштанов, не подозревая, конечно, сколько волнения вызвало во мне прикосновение твоей ручки! Твоя милая болтовня оставила в моем сердце такой глубокий след, что его не могли стереть ни время, ни расстояние, ни даже кутежи...

Креолка продолжала слушать, но уже не столь безучастно. И едва ли нашлась бы женщина, которая не была бы польщена таким красноречивым и горячим признанием. Хотя в ее взгляде не было поощрения, но в нем мелькнула жалость. Но она ничего не сказала.

Колхаун продолжал:

— Да, Лу, это правда. Я испробовал и то, и другое, и третье. Шесть лет — это достаточно большой срок. От Миссисипи до Мексики — немалое расстояние, а я поехал туда только для того, чтобы забыть тебя. Но это не помогло. Вернувшись, я предался кутежам. Новый Орлеан это хорошо знает. Я не скажу, что чувство мое стало сильнее оттого, что я хотел заглушить его: сильнее оно стать уже не могло. С того самого часа, как ты взяла меня за руку и назвала кузеном — красивым кузеном, Лу! — я не помню, чтобы оно хоть сколько-нибудь изменилось. Только разве когда ревность заставила меня ненавидеть тебя так сильно, что я готов был убить тебя!

— Как ты можешь так говорить, Кассий! Это дико! Даже просто глупо!

— И в то же время это вполне серьезно. Я так ревновал тебя, что порой мне было трудно держать себя в руках. Скрыть же своего раздражения я не мог, и ты это хорошо знаешь.

— Но чем же я виновата, Кассий? Ведь я никогда не давала тебе повода думать...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Можешь не договаривать. Я сам договорю за тебя: «думать, что я любила тебя». Вот что ты хотела сказать. Я и не утверждаю этого, — продолжал он с возрастающим отчаянием. — Я не обвиняю тебя в том, что ты кокетничала со мной. Виноват бог, который наградил тебя такой красотой, или дьявол, который заставил меня взглянуть на тебя!

— Твои слова причиняют мне только боль. Я не думаю, что ты льстишь мне. Ты слишком горячо говоришь, чтобы подозревать тебя в этом. Но поверь, Кассий, тебе это только кажется, и ты легко можешь освободиться от своей фантазии. Ведь есть же много женщин гораздо красивее меня, которые были бы польщены таким признанием. Почему бы тебе не обратиться к ним?

— Почему? — с горечью повторил он. — Какой праздный вопрос!

— Я повторяю его и не считаю праздным. Ведь

я должна честно сказать тебе, Кассий, что не люблю тебя и никогда не полюблю.

— Значит, ты не выйдешь за меня замуж?

— Вот это уж совсем нелепый вопрос! Я тебе сказала, что не люблю тебя. И этого, мне кажется, достаточно.

— А я сказал, что люблю тебя! Но это лишь одна из причин, почему я хочу, чтобы ты стала моей женой, — есть еще и другие. Хочешь ли ты выслушать все?

Теперь Колхаун уже больше не просил. Он снова стал похож на ягуара.

— Ты сказал, что есть и другие причины? Назови их, я ничего не боюсь.

— Вот как! — усмехнулся он. — Ты не боишься?

— Нет, не боюсь. Чего мне бояться?

— Конечно, бояться надо не тебе, а твоему отцу.

— Говори. Все, что относится к отцу, касается и меня. Я — его дочь. Теперь, увы, единственное дитя... Продолжай, Кассий. Что за тучи собираются над ним?

— Не тучи, Лу, а нечто гораздо более серьезное и реальное. Трудности, с которыми он не в силах справиться. Ты заставляешь меня говорить о вещах, которые тебе вовсе не следует знать.

— О, неужели? Ты ошибаешься, кузен. Я все уже знаю. Мне известно, что мой отец запутался в долгах и что его кредитор — ты. Как я могла не заметить этого? Та надменность, с какой ты держишься в нашем доме, твоя заносчивость, даже в присутствии слуг, достаточно ясно показали им, что за этим что-то скрывается. Ты хозяин Каса-дель-Корво, я знаю это. Но надо мной ты не властен.

Колхаун был обескуражен этим смелым ответом. Карта, на которую он рассчитывал, по-видимому, не могла принести ему взятки. И он не стал с нее ходить. У него в руках был более сильный козырь.

— Вот как! — насмешливо ответил он. — Ну что же, пусть я не властен над твоим сердцем, но все же твое счастье в моих руках. Я знаю, из-за какого презренного негодяя ты мне отказала...

— О ком ты говоришь?

— Какая ты недогадливая!

— Да. Но, может быть, под презренным негодяем ты подразумеваешь себя? В таком случае, я догадаюсь легко. Описание достаточно точное.

— Пусть так, — ответил Колхаун, побагровев от ярости, но все еще сдерживаясь. — Раз ты считаешь меня презренным негодяем, то вряд ли я уроню себя в твоих глазах, если расскажу, что я собираюсь с тобой сделать.

— Сделать со мной? Ты слишком самоуверен, кузен. Ты разговариваешь, словно я твоя служанка или рабыня. К счастью, это не так!

Колхаун не выдержал ее негодующего взгляда и промолчал.

— Что же ты собираешься сделать со мной? Мне будет интересно это узнать, — продолжала она.

— Ты это узнаешь.

— Ты выгонишь меня в прерию или запрешь в монастырь? Или... может быть, в тюрьму?

— Последнее, наверно, пришлось бы тебе по душе, при условии, что тебя заперли бы в компании с...

— Продолжайте, сэр: какова будет моя судьба? Я сгораю от нетерпения, — сказала Луиза.

— Не торопись. Первое действие разыграется завтра.

— Так скоро? А где, можно узнать?

— В суде.

— Каким образом, сэр?

— Очень просто: ты будешь стоять перед лицом судьи и двенадцати присяжных.

— Вам угодно шутить, капитан Колхаун, но я должна сказать, что мне не нравится ваше остроумие.

— Остроумие здесь ни при чем... Я говорю совершенно серьезно. Завтра суд. Мистер Морис Джеральд... или как его там... предстанет перед ним по обвинению в убийстве твоего брата.

— Это ложь! Морис Джеральд не...

— ...не совершал этого преступления? Это надо доказать. Я же не сомневаюсь, что будет доказана его ви-

новность. И самые веские улики против него мы услышим из твоих же уст, к полному удовлетворению присяжных.

Точно испуганная газель, смотрела креолка на кузена широко раскрытыми, полными недоумения и тревоги глазами.

Прошло несколько секунд, прежде чем Луиза смогла заговорить. Она молчала, охваченная внезапно нахлынувшими сомнениями, подозрениями, страхами.

— Я тебя не понимаю... — сказала она наконец. — Ты говоришь, что меня вызовут в суд. Для чего? Хоть я и сестра того, кто... но я ничего не знаю и не могу ничего прибавить к тому, что известно всем.

— Так ли? Нет, тебе известно гораздо больше. Например, что в ночь убийства ты назначила Джеральду свидание в нашем саду. И никто не знает лучше тебя, что произошло во время этого тайного свидания. Как Генри прервал его, как он был вне себя от возмущения при мысли о позоре, который ложится не только на его сестру, но и на всю семью, как, наконец, он грозил убить виновника и как в этом ему помешало заступничество женщины, увлеченной этим негодяем. Никому также неизвестно, что произошло потом: как Генри сдуру бросился за этим мерзавцем и зачем он это сделал. Свидетелей этого было лишь двое.

— Двое? Кто же?

Вопрос был задан машинально и поэтому прозвучал почти спокойно.

Ответ был не менее хладнокровным:

— Один был Кассий Колхаун, другая — Луиза Пойндекстер.

Она не вздрогнула. Она не выразила никакого удивления. То, что было уже сказано, подготовило ее к этому. Она только вызывающе бросила:

— Ну?

— Ну, — подхватил Колхаун, обескураженный тем, что его слова не произвели впечатления, — теперь ты меня понимаешь...

— Не больше, чем прежде.

— Ты хочешь, чтобы я объяснил яснее?

— Как угодно.

— Хорошо. Есть только одна возможность спасти твоего отца от разорения, а тебя от позора. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется, понимаю.

— Теперь ты не откажешь мне?

— Теперь скорее, чем когда-либо.

— Пусть будет так. Значит, завтра... и это не праздные слова, — завтра в это время ты выступишь свидетелем в суде?

— Гнусный шпион! Прочь с моих глаз! Сию же минуту, или я позову отца!

— Не утруждай себя. Я не буду больше навязывать своего общества, если оно тебе так неприятно. Обдумай все хорошенько. Может быть, до начала суда ты еще изменишь свое решение. Если так, то, надеюсь, ты дашь мне знать вовремя. Спокойной ночи, Лу! Я иду спать с мыслью о тебе.

С этой насмешкой, почти столь же горькой для него, как и для нее, Колхаун вышел из комнаты. Вид у него был далеко не торжествующий.

Луиза прислушивалась, пока звук его шагов не замер.

Потом она беспомощно опустилась в кресло, словно гордые и гневные мысли, которые до сих пор поддерживали ее силы, вдруг исчезли. Крепко прижав руки к груди, она старалась успокоить сердце, терзаемое новым страхом.

Глава LXXXVI

ТЕХАССКИЙ СУД

Наступает утро следующего дня. Румяная заря, поднявшись из волн Атлантического океана, улыбается саванне Техаса.

Ее розовые лучи целуют песчаные дюны Мексиканского залива и почти в тот же миг освещают флаг форта Индж, в ста пятидесяти милях к востоку от залива Матагорда.

Утренний ветерок разворачивает полотнище поднимающегося флага.

Пожалуй, впервые звездному флагу предстояло развеваться над столь потрясающим спектаклем.

Можно сказать, что в эти ранние часы рассвета действие уже началось.

Вместе с первыми лучами зари со всех сторон появляются всадники, направляющиеся к форту. Они едут вдвоем, втроем, а иногда и группами по пять — шесть человек; прибыв на место, они спешиваются и привязывают лошадей к частоколу.

Потом они собираются в кучки на плац-параде и разговаривают или отправляются в поселок; все они, раньше или позже, по очереди заходят в гостиницу, чтобы засвидетельствовать почтение хозяину, который встречает их за стойкой бара.

Люди, собравшиеся здесь, принадлежат к разным национальностям — среди них можно встретить представителей почти любой страны Европы. Большинство из них — крепкий, рослый народ, потомки первых поселенцев, которые воевали с индейцами, и, вытеснив их с земли, орошенной кровью, построили бревенчатые хижины на месте, где были вигвамы, а потом занялись рубкой леса по берегам Миссисипи. Некоторые из присутствующих занимаются возделыванием кукурузы, другие предпочитают хлопок, а многие — из более южных мест — перебрались в Техас, чтобы заняться разведением сахарного тростника или табака.

Больше всего здесь плантаторов по призванию и склонностям, хотя вы встретите и скотоводов, и охотников, и лавочников, и всяких других торговцев, вплоть до торговцев невольниками.

Есть здесь и юристы, и землемеры, и спекулянты землей, и всяческие любители легкой наживы, готовые взяться за любое дело, будь то клеймение скота, поход против команчей или грабеж по ту сторону Рио-Гранде.

Их костюмы так же разнообразны, как и их занятия. Мы уже описывали их одежду — это те самые люди, которые собрались несколько дней назад во дворе Каса-

дель-Корво; разница лишь в том, что сегодня толпа многочисленнее.

Впрочем, у этого собрания есть и еще одна особенность: сегодня вместе с мужчинами приехали и женщины — жены, сестры, дочери. Некоторые из них на лошадях — они остались в седлах; мягкие, с опущенными полями шляпки защищают их глаза от ярких лучей солнца. Другие расположились под парусиновыми навесами фургонов или за более элегантными занавесками карет и колясок.

Все сгорают от нетерпения. На сегодня назначен суд, о котором так долго говорили во всей округе.

Пожалуй, излишне говорить, что судить будут Мориса Джеральда, которого обычно называют Морисом-мустангером.

Не стоит также добавлять, что его обвиняют в убийстве Генри Пойндекстера.

Многочисленная толпа собралась не потому, что совершено тяжкое преступление, и не из-за интереса к убитому или предполагаемому убийце, которых почти никто не знает.

Этот же суд — верховный суд округа Увальд — не раз разбирал здесь самые разнообразные преступления: воровство, мошенничество и, наконец, убийства, — но присутствовало обычно только несколько десятков человек, расходившихся еще до вынесения приговора.

Что же привлекло такую большую толпу? Целый ряд странных обстоятельств, загадочных, трагических и, возможно, связанных с преступлением, о которых так много говорили.

Нет необходимости перечислять эти обстоятельства: они уже известны читателю.

Все собравшиеся в форте Индж пришли сюда, надеясь, что предстоящий суд бросит свет на еще не разрешенную загадку.

Конечно, и среди этой толпы есть люди, которые пришли сюда не из пустого любопытства, а потому, что они искренне заинтересованы в судьбе обвиняемого. Есть здесь и другие, взволнованные более глубоким и скорбным чувством, — это друзья и родственники юно-

ши, которого считают убитым. Не надо забывать, что это пока еще не доказано.

Однако в этом никто не сомневается. Несколько не зависящих друг от друга обстоятельств позволяют предположить, что преступление было действительно совершено. Все убеждены в этом так, словно сами присутствовали при убийстве.

Они ждут только, чтобы услышать подробности, узнать, как это случилось, когда и из-за чего.

* * * * * * * * *

Десять часов. Суд уже начался.

В составе толпы не произошло особых перемен, только краски стали немного ярче: среди штатских костюмов показались военные мундиры. Распущенные после утренней поверки, солдаты решили присоединиться к зрителям. Они стояли рядом, солдаты и жители поселка, драгуны, стрелки, пехотинцы, артиллеристы рядом с плантаторами, охотниками, торговцами и искателями приключений, слушая, как глашатай суда возвещает о начале разбирательства. Они решили, что не уйдут отсюда, пока судья не произнесет последнюю мрачную формулу: «Да смилуется бог над вашей душой».

Никто из присутствующих не сомневается, что еще до наступления вечера он услышит эти страшные слова, обрекающие человека на смерть.

Хотят этого лишь немногие. Однако большинство зрителей уверены, что разбирательство окончится осуждением и что еще до захода солнца Морис Джеральд расстанется с жизнью.

* * * * * * * * *

Суд уже начался.

Вы, вероятно, представили себе большой зал с помостом и местом, огороженным перилами, внутри которого стоит стол, а с краю — сооружение, напоминающее кафедру в лекционном зале или в церкви.

Вы видите судей в горностаевых мантиях, адвокатов в седых париках и черных одеждах, секретарей, приставов, репортеров, полисменов в синих мундирах с блестящими пуговицами, а позади целое море голов и лиц, не всегда причесанных и не всегда чистых.

Вы замечаете, что присутствующие ведут себя очень сдержанно — не столько из вежливости, сколько из боязни нарушить порядок суда.

Но забудьте обо всем этом, если вы хотите иметь представление о суде на границе Техаса.

Здесь нет специального здания суда, хотя, правда, есть комната, в которой обычно происходят всякого рода собрания; там же устраиваются и заседания суда. День обещает быть очень жарким, и суд решил заседать под деревом.

Заседание происходит под огромным дубом, украшенным бахромой испанского мха; дуб стоит на краю плац-парада, и тень от него падает далеко на зеленую прерию. Под ним поставлен большой стол и десяток стульев; на столе — бумага, чернильница, гусиные перья, два потрепанных тома свода законов, графин с коньяком, несколько рюмок, ящик гаванских сигар и коробка фосфорных спичек.

За столом сидит судья. На нем нет ни горностаевой мантии, ни даже сюртука: из-за жары он решил слушать дело просто в рубашке. Вместо парика на голове у него сдвинутая набок панама, а в уголке рта с противоположной стороны лица словно для равновесия торчит наполовину выкуренная, наполовину сжеванная сигара.

Остальные стулья заняты людьми, костюмы которых ничего не говорят об их профессии. Это юристы, шериф и его помощник, комендант форта, полковой священник, доктор и несколько офицеров.

В стороне расположились еще двенадцать человек. Одни сидят на грубо сколоченной скамье, другие сидят или лежат на траве.

Это присяжные, которые так же обязательны для техасского суда, как и для английского, но в Техасе они гораздо более самостоятельны и не следуют слепо решению судьи, что слишком часто случается в Англии.

Вокруг судьи и присяжных теснится толпа, которую описать не так-то просто. Здесь охотничьи рубашки из оленьей кожи, куртки из одеял, хотя день выдался на редкость жаркий, белые полотняные блузы, а также голубые хлопчатобумажные рубашки из красной фланели и небеленого холста; драгунские, стрелковые, пехотные и артиллерийские мундиры — все сливается и смешивается в этом пестром собрании.

Кое-где видны короткие куртки и широкие сомбреро мексиканцев.

* * * * * * * * *

В большинстве собраний внутренний круг состоит из избранных.

Но в этом собрании получилось наоборот. Местная аристократия расположилась по внешнему кругу. Дамы, разодетые в свои лучшие наряды, стоят в фургонах или же сидят в более изящных экипажах, устроившись достаточно высоко, чтобы иметь возможность видеть поверх голов мужчин. Их глаза устремлены не на судью — на него они бросают лишь мимолетные взгляды. Они смотрят на группу из трех человек, находящихся вблизи присяжных и не очень далеко от ствола дерева. Один из них сидит, двое стоят. Тот, который сидит, — обвиняемый; двое стоящих — стража.

Первоначально за это убийство предполагали судить не только Мориса Джеральда, но и Мигуэля Диаса с его товарищами и Фелима О'Нила.

Однако в процессе предварительного следствия мексиканец и его три приятеля доказали свое алиби [1]. Они признались, что перерядились индейцами. Этот факт был уже доказан, так что ничего другого им и не оставалось делать. Но они выдали все это за шутку. А так как было установлено, что все четверо были дома в ночь исчезновения Генри Пойндекстера, а Диас к тому же мертвецки пьян, то дальше их и не допрашивали.

---

[1] Алиби (лат.) — доказанное отсутствие обвиняемого на месте преступления во время его совершения.

Что же касается Фелима, то его не сочли нужным посадить на скамью подсудимых, так как считали, что он будет более полезен в качестве свидетеля.

Итак, на скамье подсудимых только один Морис Джеральд, который был известен большинству присутствующих как Морис-мустангер.

Глава LXXXVII

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Только немногие из присутствующих лично знают обвиняемого. Но, с другой стороны, здесь мало людей, которые не слыхали о нем. Возможно, таких нет вовсе. Его имя стало широко известным недавно. До дуэли с Колхауном его знали только как хорошего охотника за лошадьми.

Все считали мустангера красивым, отважным юношей, любителем лошадей, всегда готовым оказать услугу хорошенькой девушке, добродушным и острым на язык, как большинство ирландцев.

Но ни в хорошем, ни в дурном он не доходил до крайностей. Его отвага редко бывала безрассудной, а разговоры не превращались в пустую болтовню. Его поведение было уравновешенным, так же сдержанна была и его речь, даже за стаканом вина, — качество, редкое среди ирландцев.

Никому не было известно, откуда он приехал, почему поселился в Техасе и избрал себе такое малопочтенное занятие.

Это казалось особенно странным для тех, кто знал, что он не только образован, но и прирожденный джентльмен, чему, впрочем, не придавали большого значения на границах Техаса, где сплошь и рядом потомственные аристократы из Франции и Англии в поте лица добывали свой хлеб.

К чему свидетельства о благородном происхождении, за исключением тех, на которые наложила свою печать сама природа? Таковы настроения этой дале-

кой, молодой страны. Этой печатью прирожденного благородства отмечен Морис Джеральд. Вряд ли кто-нибудь мог принять его за глупца или за негодяя.

И тем не менее Морис Джеральд стоит перед многочисленной толпой, заклейменный позором, обвиняемый в том, что глубокой ночью он пролил невинную кровь — убил человека!

Неужели это обвинение справедливо? Если это правда, то он погиб.

Вот о чем думают зрители.

Некоторые глядят на него с любопытством, другие — недоумевая, но большинство — со злобой.

Но вот еще одна пара глаз: они смотрят совсем не так, как другие, — в них вы прочтете и тревогу, и нежность, и вместе с тем непоколебимую твердость.

Многие заметили этот взгляд, потому что слишком прекрасно бледное лицо, полускрытое за занавесками кареты, чтобы на него не обратили внимания.

Но только немногие могут понять, что говорит этот взгляд. И к ним принадлежит сам обвиняемый. Когда он замечает бледную красавицу и ее взгляд, его сердце трепещет и переполняется гордостью; он даже на время забывает свое унизительное положение, грозящее ему страшной опасностью. В эту минуту он способен чувствовать только радость. Ему рассказали многое из того, что произошло, пока его сознание было омрачено. Он знает теперь, что прелестное, неземное видение было на самом деле прекрасной реальностью.

Женское лицо, сиявшее ему в его бреду, — это то же лицо, которое он видит за занавесками кареты. И он знает теперь, что среди озлобленной толпы у него есть друг, который будет верен до конца.

* * * * * * * * *

Судебное разбирательство начинается без особых формальностей. Судья снимает панаму и зажигает потухшую сигару. Затянувшись раз пять—шесть, он вынимает сигару изо рта, кладет ее на край стола и говорит:

— Господа присяжные! Мы собрались здесь, чтобы рассмотреть дело, подробности которого, надо полагать, вам всем известны. Убит человек — сын одного из наших наиболее уважаемых граждан; арестованный, которого вы видите перед собой, обвиняется в этом преступлении. Моя обязанность наблюдать за правильным ходом судебной процедуры, а вы должны будете взвесить улики и решить, справедливо ли обвинение.

Затем обвиняемому задают обычный вопрос:

— Признаете ли вы себя виновным?

— Нет, — твердо и с достоинством отвечает тот.

Кассий Колхаун и несколько головорезов, стоящих рядом с ним, недоверчиво усмехаются.

Судья молча берет сигару. Прокурор после нескольких предварительных замечаний приступает к опросу свидетелей обвинения.

Первым вызывают Франца Обердофера. После нескольких формальных вопросов относительно его имени, возраста и профессии ему предлагают рассказать все, что он знает об этом деле.

Показания Обердофера совпадают с тем, что он уже рассказывал раньше. В ночь, когда пропал молодой Пойндекстер, Морис Джеральд выехал из его гостиницы после полуночи, заплатив по счету; по-видимому, у него было много денег — Обердофер никогда раньше не видел у него такой суммы. Он направился домой — к берегам Нуэсес. Но он не сказал, куда едет. Между ним и свидетелем не было дружеских отношений. Свидетель только предполагает, что мустангер поехал в свою хижину, потому что накануне его слуга забрал вещи и увез их на муле — все, кроме того, что увез сам мустангер.

— Что же он увез с собой?

Свидетель точно не помнит. Он не уверен, было ли с ним ружье. Но, кажется, оно было привязано сбоку к седлу, по мексиканскому обычаю. Однако он может с уверенностью сказать, что у него был револьвер в кобуре и охотничий нож за поясом. На Джеральде, как всегда, был мексиканский костюм, на плечи было накинуто полосатое серапе. Свидетелю показалось странным,

что мустангер уехал так поздно ночью, тем более что сначала он собирался уехать утром.

Он отсутствовал весь вечер, но лошадь оставалась в конюшне гостиницы. Вернувшись, он немедленно расплатился по счету и уехал. Мустангер был очень возбужден и торопился, — однако он не был пьян. Он, правда, наполнил свою флягу, но в гостинице ничего не пил. Свидетель готов поклясться, что мустангер был совершенно трезв; он понял, что тот возбужден, по его поведению. Седлая коня, мустангер все время что-то говорил, и казалось, что он сердился. Свидетель не думает, что мустангер обращался к лошади, — нет, он полагает, что кто-то рассердил Джеральда и он досадовал на что-то, что произошло перед его возвращением в гостиницу.

Свидетель не знал, куда ходил Джеральд, только слышал потом, что он прошел по окраине поселка и отправился вдоль реки в направлении к плантации мистера Пойндекстера. В течение последних трех—четырех дней его часто видели в тех местах — днем и ночью, верхом на лошади и пешим, по пути туда и обратно.

Обердофера спрашивают о Генри Пойндекстере.

Юношу он знал мало, так как в гостинице тот почти не бывал. Он заехал в ночь, когда его видели в последний раз. Свидетель был удивлен его появлением отчасти потому, что не привык видеть его у себя, отчасти потому, что было уже поздно.

Молодой Пойндекстер не вошел в гостиницу, только заглянул в бар и вызвал хозяина к дверям.

Он хотел видеть мистера Джеральда. Он тоже показался свидетелю трезвым и возбужденным. А когда он узнал, что мустангер уже уехал, взволновался еще больше. Сказал, что ему очень нужно повидаться с Джеральдом именно в эту ночь, и спросил, в какую сторону тот поехал. Свидетель посоветовал ему придерживаться направления на Рио-Гранде, полагая, что мустангер поехал именно туда.

Молодой Пойндекстер сказал, что он знает дорогу, и сейчас же уехал, по-видимому намереваясь догнать мустангера.

Еще несколько вопросов — и допрос Обердофера заканчивается.

Его показания, в общем, неблагоприятны для обвиняемого; особенно подозрительным выглядит то, что Джеральд изменил час своего отъезда. Он казался возбужденным и сердитым, хотя, возможно, человек, который сам наивно признался, что недолюбливает обвиняемого, мог и преувеличить, но, как бы то ни было, это произвело особенно неблагоприятное впечатление на зрителей, судя по ропоту, пробежавшему по толпе.

Но почему же Генри Пойндекстер тоже был возбужден? Почему он так торопился догнать Джеральда и отправился за ним, невзирая на поздний час, вопреки своим привычкам?

Если бы, наоборот, Джеральд расспрашивал о юноше, чтобы отправиться вслед за ним, это было бы более понятно. Но даже и это не объяснило бы мотива убийства.

Вызывают еще несколько свидетелей. Однако их показания скорее в пользу обвиняемого. Они утверждают, что отношения между ним и человеком, в убийстве которого он обвиняется, были дружескими.

Наконец выступает свидетель, чьи показания бросают совсем иной свет на дело. Это капитан Кассий Колхаун.

Его рассказ совершенно меняет ход следствия. Он не только раскрывает мотив убийства, но и усугубляет тяжесть преступления.

После лицемерного вступления, в котором Колхаун выражает сожаление, что ему приходится говорить об этом, он рассказывает о свидании в саду, о ссоре, об уходе Джеральда, причем заявляет, что он ушел угрожая; о том, что Генри поехал догонять мустангера; он не рассказывает только об истинной причине, заставившей юношу поехать за мустангером, и о своем поведении в ту ночь.

Эти скандальные разоблачения вызывают общее удивление. Поражены все — судья, присяжные и толпы зрителей. Люди перешептываются, раздаются возгласы возмущения.

Гнев направлен не на того, кто дает показания, а на того, кто стоит перед ними, обвиненный теперь в двойном преступлении: он не только убил сына Пойндекстера, но и опозорил его дочь.

Во время этих страшных показаний раздался стон. Он вырвался из груди удрученного горем старика, — все знают, что это отец.

Однако глаза зрителей нёдолго задерживаются на Пойндекстере. Взоры скользят дальше — к карете, в которой сидит поразившая всех красавица.

Это странные взгляды — странные, но все же их можно объяснить, потому что в экипаже сидит Луиза Пойндекстер.

Интересно, по своей ли воле она здесь, по своему ли желанию?

Этот вопрос задают себе все, и в толпе снова пробегает ропот.

Недоумевать им приходится недолго. Им отвечает голос глашатая, произносящего:

— Луиза Пойндекстер!

Глава LXXXVIII

СВИДЕТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Прежде чем вызов был произнесен в третий раз, Луиза Пойндекстер уже вышла из экипажа.

В сопровождении судебного пристава она подходит к месту для свидетелей. Смело, без тени страха она поворачивается к толпе.

Все смотрят на нее: некоторые вопросительно, немногие, быть может, с презрением, большинство же с явным восхищением.

Но один человек смотрит на нее не так, как другие. В его взгляде светится нежная любовь и едва уловимая тревога. Это сам обвиняемый. Но она не смотрит на него и ни на кого другого. Кажется, она считает достойным своего внимания только одного человека — того, чье место она сейчас заняла. Она смотрит на Кассия

Колхауна, своего двоюродного брата, так, как будто хочет уничтожить его своим взглядом.

Съежившись, он скрывается в толпе.

* * * * * * * * *

— Где вы были, мисс Пойндекстер, в ночь исчезновения вашего брата? — спрашивает девушку прокурор.

— Дома, в асиенде моего отца.

— Разрешите вас спросить, спускались ли вы в ту ночь в сад?

— Да.

— Не будете ли вы так добры указать час?

— В полночь, если не ошибаюсь.

— Вы были одни?

— Не все время.

— Значит, часть времени кто-то был с вами?

— Да.

— Вы так откровенны, мисс Пойндекстер, что, вероятно, не откажетесь сообщить суду, кто это был.

— Конечно.

— Не назовете ли вы его имя?

— Их было двое. Один был мой брат.

— Но до прихода брата был кто-нибудь с вами в саду?

— Да.

— Мы хотели бы услышать его имя. Надеюсь, вы его не скроете.

— Мне нечего скрывать — это был мистер Морис Джеральд.

Этот ответ вызывает в толпе не только удивление, но и презрение и даже негодование.

Только на одного человека эти слова производят совсем другое впечатление — на обвиняемого: у него теперь более торжествующий вид, чем у его обвинителей.

— Разрешите вас спросить: была ли эта встреча случайна или же заранее условлена?

— Она была условлена.

— Мне придется задать вам нескромный вопрос — простите меня, мисс Пойндекстер, это мой долг. Каков

был характер или, лучше сказать, какова была цель вашей встречи?

Свидетельница колеблется, но лишь мгновение. Она выпрямляется и, бросив на толпу равнодушный взгляд, отвечает:

— Характер или цель — это в конце концов одно и то же. Я не собираюсь ничего скрывать. Я вышла в сад, чтобы встретиться с человеком, которого любила и люблю до сих пор, несмотря на то что он стоит здесь перед вами, обвиняемый в преступлении. Теперь, сэр, я надеюсь, вы удовлетворены?

— Нет, это еще не все, — продолжает допрос прокурор, не обращая внимания на ропот в толпе. — Мне надо задать вам еще один вопрос, мисс Пойндекстер... Я несколько отступаю от установленного порядка, зато мы выиграем время; мне кажется, что никто не будет возражать против этого... Вы слышали, что говорил свидетель, опрошенный до вас? Правда ли, что ваш брат и обвиняемый расстались враждебно?

— Правда.

Этот ответ взволновал толпу — она негодует. Ответ подтверждает показания Колхауна. Мотив убийства ясен. Зрители не ждут объяснений, которые собирается дать свидетельница. Слышатся возгласы: «Повесить! Повесить его тут же на месте!»

— Соблюдайте порядок! — кричит судья, вынимая изо рта сигару и бросая повелительный взгляд на толпу.

— Когда мой брат поехал за ним, он не был охвачен гневом. Он простил мистера Джеральда, — продолжала Луиза Пойндекстер, не дожидаясь вопросов. — Он хотел догнать его, чтобы извиниться...

— Я должен кое-что добавить, — вмешивается Колхаун, нарушая установленный порядок. — Они поссорились после. Я слышал их, стоя на асотее.

— Мистер Колхаун, — строго останавливает его судья, — если прокурор найдет нужным, он снова вызовет вас, а пока будьте добры не мешать.

Еще несколько дополнительных вопросов — и судья отпускает Луизу Пойндекстер.

Она возвращается к своей карете; тяжелый гнет ле-

жит на ее сердце. Девушка поняла, что, рассказав правду, она только повредила тому, кому хотела помочь, и себе самой; проходя сквозь толпу, она чувствует на себе презрительные взгляды.

Поклонники оскорблены ее выбором; ханжи шокированы откровенным признанием о свидании в саду; не обошлось и без зависти к «счастливчику», которого она так смело защищала.

* * * * * * * * *

Колхауна вызывают еще раз; новыми ложными показаниями он еще больше разжигает ненависть к обвиняемому. Все его показания — вымысел, но выглядят они правдоподобно.

Снова взрыв негодования. Снова раздается крик: «Повесить!» — еще настойчивее, с еще большей злобой.

Теперь, однако, крики сопровождаются действием. Мужчины снимают куртки, подбрасывают в воздух шляпы.

Женщины в фургонах и даже те, что сидят в каретах, разделяют бешеную злобу против обвиняемого — все, за исключением одной, скрытой занавесками.

Она тоже негодует, но по другой причине. И если она дрожит сейчас, то не от страха, а от горькой мысли, что сама же способствовала этому возмущению толпы. В эти тяжелые минуты Луиза вспоминает слова Колхауна: ее собственные показания докажут, что Морис Джеральд — убийца.

Шум все нарастает. И там и сям раздаются выкрики — новые обвинения по адресу мустангера; их цель — разжечь страсти толпы; шум переходит в рев.

В любую минуту место судьи Робертса может занять «судья Линч».

И тогда? Тогда с судебным разбирательством будет покончено; а так как приговор уже ясен, то останется только привести его в исполнение. В руках опытных палачей это займет немного времени. Несколько минут — и Мориса-мустангера повесят на ветке дуба, которая простирается над его головой.

Вот чего хочет толпа, и не хватает только, чтобы какой-нибудь дерзкий негодяй взял на себя инициативу.

Но, к счастью для обвиняемого, среди присутствующих есть люди, настроенные иначе. Их немного, но они решили не допустить такого конца.

Несколько военных обмениваются быстрыми фразами. Это офицеры форта во главе с комендантом. Это совещание длится всего несколько секунд, потом, по распоряжению майора, трубит горн.

И почти немедленно из-за частокола форта Индж показывается отряд из сорока конных стрелков. Выехав из ворот, они направляются прямо к дубу. Молча, руководимые инстинктом, они развертываются в цепь и окружают место суда.

Толпа утихает, ошеломленная неожиданностью. Толпа не только замолкла — она стала покорной: все прекрасно понимают значение предосторожности, заранее принятой майором.

Ясно, что о суде Линча теперь нечего и думать и что закон снова вступает в свои права.

Теперь уже никто не мешает судье Робертсу снова вернуться к исполнению своих обязанностей, от которых его так грубо оторвали.

— Сограждане! — с упреком кричит он толпе. — Нужно подчиняться требованиям закона. Техас не составляет исключения по сравнению с другими штатами. Нужно ли мне говорить вам об этом? Так неужели же вы будете вешать человека, даже не дав ему сказать ни одного слова в свое оправдание! Это было бы незаконно, несправедливо, это, попросту говоря, убийство!

— А разве он не совершил убийства? — кричит один из головорезов, стоящих вблизи Колхауна. — Надо ему отплатить тем же, что он сделал с молодым Пойндекстером.

— Это не доказано. Вы еще не слышали всех показаний. Надо послушать, что говорят свидетели другой стороны... Глашатай! — продолжает он. — Вызовите свидетелей защиты.

Глашатай вызывает Фелима О'Нила.

Сбивчивый рассказ слуги мустангера, полный про-

тиворечий, местами совершенно неправдоподобный, мало говорит в пользу его хозяина.

Адвокат из Сан-Антонио старается сократить его допрос — он возлагает больше надежд на другого свидетеля.

Его вызывают следующим:

— Зебулон Стумп!

Не отзвучал еще голос глашатая, как из толпы появляется огромная фигура — все узнают Зеба Стумпа, лучшего на Леоне охотника.

Сделав три — четыре шага вперед, Зеб занимает место, отведенное для свидетелей.

Ему, согласно установленному порядку, дают библию и предлагают ее поцеловать после того, как он произносит слова присяги.

Зеб чмокает книгу так звучно, что его поцелуй слышен даже тем, кто стоит у внешнего кольца толпы.

Несмотря на торжественность момента, раздаются смешки. Судья быстро водворяет тишину, чему, возможно, способствует сам Зеб, который внимательно всматривается в лица зрителей: не видно ли на чьих-нибудь губах насмешки. Характер старого охотника хорошо известен, и все знают, что Зеб не позволит смеяться над собой. Под его пытливым взглядом толпа снова становится серьезной.

После нескольких предварительных вопросов свидетелю предлагают дать показания по поводу странных обстоятельств, которые взволновали всю округу.

Зрители затаили дыхание и обратились в слух. Почти все уверены, что Зеб Стумп знает разгадку тайны.

— Ну что же, господин судья, — начинает старый охотник, глядя ему прямо в лицо, — я готов рассказать все, что знаю об этом деле. Но если вы и присяжные не возражаете, то я предпочел бы, чтобы сначала дал свои объяснения парень. После этого я дам свои, и это, вероятно, будет подтверждением его слов.

— О каком парне вы говорите? — спрашивает судья.

— О мустангере, конечно. О том самом, кого вы обвиняете в убийстве молодого Пойндекстера.

— Это несколько нарушит установленный порядок, — отвечает судья, — хотя, в конце концов, основное для нас — узнать правду. Что касается меня, то я не придаю значения формальной стороне дела, и если присяжные не возражают, то пусть будет по-вашему.

Двенадцать присяжных выражают согласие через своего старшину. Население пограничной полосы Техаса не придает особого значения формальностям: просьба Зеба удовлетворена.

Глава LXXXIX

РАССКАЗ ОБВИНЯЕМОГО

Посоветовавшись с защитником, обвиняемый соглашается воспользоваться словом, которое ему предоставляют.

По знаку судьи он выходит вперед, охрана следует за ним на расстоянии двух шагов.

Нужно ли говорить о том, что водворяется полное молчание? Даже древесные сверчки, которые без умолку стрекотали в зеленой листве дуба, замолкли, как будто испуганные тишиной, которая водворилась внизу. Все смотрят на мустангера, не отрывая глаз, и, затаив дыхание, напрягают слух, чтобы уловить первые слова показаний, которые можно назвать исповедью.

— Господин судья, господа присяжные! — говорит Джеральд. — Я чрезвычайно признателен, что вы дали мне возможность говорить; воспользовавшись этим правом, я не стану злоупотреблять вашим вниманием. Прежде всего я должен сказать, что, несмотря на ряд упомянутых здесь обстоятельств, которые кажутся вам странными и даже необъяснимыми, мой рассказ будет очень прост и поможет кое-что понять. Не все, что вы здесь слышали, — правда. Часть показаний лживы, как лжив и человек, который их давал.

Обвиняемый пристально смотрит на Кассия Колхауна; тот весь съежился от этого взгляда, как будто на него навели дуло револьвера.

— Я действительно встретился с мисс Пойндекстер. Эта благородная девушка своим великодушным признанием дала и мне возможность говорить здесь совершенно искренне, иначе я не сказал бы всей правды. Прошу вас верить всему, что я буду говорить. Верно также и то, что наше свидание было тайным и что оно было прервано человеком, который уже не может рассказать вам, что произошло дальше. Верно и то, что мы с ним поссорились, или, вернее, он рассердился на меня. Но неверно, что наша ссора потом возобновилась. И тот, кто клялся в том, не посмел бы этого сказать, если бы я имел возможность ответить ему так, как он того заслуживает.

Снова глаза обвиняемого устремляются на Колхауна, который все еще прячется в толпе.

— Наоборот, — продолжает Джеральд, — когда мы снова встретились с Генри Пойндекстером, он извинился передо мной; у меня же к нему были самые дружеские... я бы сказал — нежные чувства. Его нельзя было не любить. Простил ли я ему те несколько слов, которые вырвались у него сгоряча? Мне кажется, что вряд ли тут могут быть сомнения, — я был от всей души благодарен ему за это примирение...

— Значит, было примирение? — спрашивает судья, воспользовавшись паузой в рассказе. — Где оно произошло?

— Ярдах в четырехстах от места, где было совершено убийство.

Судья вскакивает. Вскакивают и присяжные. Зрители, которые стояли и раньше, выражают свое изумление по-иному; никто еще не упоминал о месте преступления и даже о том, что само преступление было совершено.

— Вы имеете в виду то место, где была лужа крови? — недоуменно спрашивает судья.

— Я имею в виду то место, где был убит Генри Пойндекстер.

Эти слова вызывают новую волну удивления среди зрителей — слышатся перешептывание и негромкие восклицания. Громче других раздается стон. Он вы-

Все смотрят на мустангера, не отрывая глаз, и, затаив

вается из груди Вудли Пойндекстера, который больше не может сомневаться в том, что у него нет сына. До этого в сердце отца все еще теплилась надежда, что Генри, может быть, еще жив, что он просто заболел или попал в плен к индейцам. До этой минуты еще не было явных доказательств смерти его сына, были лишь косвенные и не очень убедительные доводы. Но теперь слова самого обвиняемого уничтожают эту надежду.

— Значит, вы уверены, что Генри Пойндекстер мертв? — спрашивает прокурор.

— Совершенно уверен, — отвечает обвиняемый. — Если бы вы видели то, что видел я, вы поняли бы, насколько бесполезен ваш вопрос.

— Значит, вы видели труп?

— Я должен возразить против такого ведения допроса, — вмешивается защитник. — Это прямое нарушение процессуальных норм.

дыхание, напрягают слух, чтобы уловить первые слова.

— У нас этого не допустили бы,—добавляет ирландский юрист. — У нас прокурору не разрешили бы говорить до тех пор, пока не наступит время для перекрестного допроса.

— Таковы же законы и нашей страны, — говорит судья, строго глядя на нарушителя. — Обвиняемый, вы можете продолжать рассказ. Пока вы не кончите, вопросы вам имеет право задавать только ваш защитник. Продолжайте. Говорите все, что считаете нужным.

— Я говорил о примирении, — продолжает обвиняемый, — и сказал вам, где оно произошло. Я должен теперь объяснить, почему оно произошло именно там. Вы уже знаете, как мы расстались — мисс Пойндекстер, ее брат и я. Оставив их, я бросился вплавь через реку, отчасти потому, что был слишком взволнован, чтобы задумываться над тем, как мне переправиться, отчасти потому, что не хотел, чтобы стало известно, как я по-

пал в сад. У меня были для этого свои причины. Я пошел вверх по реке — к поселку. Ночь была очень теплой, это, наверно, многие из вас помнят, и, пока я дошел до гостиницы, моя одежда почти совсем высохла. Бар был еще открыт, и хозяин стоял за стойкой. Кров этот не был для меня особенно гостеприимным, и я решил тотчас же выехать на Аламо, чтобы воспользоваться прохладными часами ночи. Я уже отослал своего слугу вперед, сам же предполагал отправиться на следующее утро; но то, что произошло в Каса-дель-Корво, заставило меня поторопиться с отъездом, насколько это было возможно. Расплатившись с мистером Обердофером, я уехал...

— Откуда вы взяли деньги, которыми расплатились?.. — спрашивает прокурор.

— Я протестую! — прерывает его защитник.

— Вот так порядки! — восклицает ирландский юрист, вызывающе глядя на прокурора. — Если бы это происходило в нашем суде, с вами, пожалуй, поговорили бы иначе.

— Тише, джентльмены! — говорит судья повелительным тоном. — Пусть обвиняемый продолжает.

— Я ехал медленно. Спешить мне было незачем. Спать мне не хотелось, и было все равно, где провести ночь — в прерии или под крышей своего хакале. Я знал, что к рассвету доберусь до Аламо, и это меня вполне устраивало. Поглощенный своими мыслями, я не оглядывался назад — по правде сказать, я и не предполагал, что кто-нибудь едет за мной, — пока не проехал около полумили по лесу и не достиг дороги на Рио-Гранде. Тогда я услышал доносившийся сзади топот копыт. Я только что проехал поворот просеки, и увидеть всадника мне не удалось. Но я слышал, что он приближается рысью. Я подумал, что у догонявшего меня человека могут быть враждебные намерения, хотя это не особенно меня беспокоило. Больше по привычке, выработанной жизнью в прерии, по соседству с индейцами, я скрылся в чаще и стал ждать, пока незнакомый всадник не подъедет ближе. Скоро он появился. Можете представить мое удивление, когда вместо незнакомца я

увидел человека, с которым мы только недавно поссорились! Когда я говорю о ссоре, я имею в виду не себя, а его. Я не знаю, в каком настроении он был. Возможно, тогда его удержало только присутствие сестры, а теперь он потребует от меня удовлетворения за воображаемую обиду? Господа присяжные, я не буду скрывать, что подумал именно это. Я решил, что не стану прятаться, ибо совесть моя была чиста. Правда, я виделся с его сестрой тайно, но в этом были виновны другие, а не я и не она. Я любил ее всем сердцем, самой чистой и нежной любовью, как и сейчас люблю...

Хотя карета Луизы Пойндекстер стоит за кругом зрителей, девушка слышит каждое слово мустангера, а занавески задернуты неплотно, и она видит его лицо. Несмотря на печаль, сжимающую ее сердце, лицо девушки озаряется радостью, когда она слушает откровенные признания мустангера. Это — отзвук ее чувства. На бледных щеках вспыхнул яркий румянец, но это румянец не стыда, а гордого торжества.

Она не пытается скрывать этого. Наоборот, глядя на нее, можно подумать, что она вот-вот выскочит из кареты, бросится к человеку, которого судят за убийство ее брата, и с презрением бросит вызов самым беспощадным обвинителям.

Тень грусти снова омрачает ее лицо, но печаль эта вызвана не ревностью, — Луиза слишком хорошо помнит слова, подслушанные у постели больного. Можно ли в них сомневаться? Он повторил их теперь, когда его сознание не помрачено, когда ему грозит смерть, перед лицом которой не лгут.

Глава XC

ВНЕЗАПНЫЙ ПЕРЕРЫВ В ЗАСЕДАНИИ

Последние слова мустангера, которые доставили такую радость Луизе Пойндекстер, на большинство слушателей произвели совсем иное впечатление.

Такова одна из слабостей человеческой натуры: мы испытываем досаду, сталкиваясь с чужой любовью, особенно если это всепоглощающая страсть.

Объяснить это нетрудно: мы знаем, что влюбленные совсем не интересуются нами. Это старая история о самолюбии, уязвленном безразличием.

Даже те, кто равнодушен к чарам прелестной креолки, не могут побороть в себе зависть; те же, кто влюблен в нее не на шутку, оскорблены до глубины души тем, что они называют «наглым заявлением».

Если у обвиняемого нет других доказательств его невиновности, он поступил бы благоразумнее, если бы промолчал. Пока что своими показаниями он только подлил масла в огонь и нажил себе новых недоброжелателей.

Снова ропот в толпе. И опять шумят сообщники Колхауна.

Снова кажется, что разбушевавшаяся толпа учинит самосуд над Морисом Джеральдом, что его повесят, не выслушав до конца.

Но это только кажется. Майор бросает многозначительный взгляд в сторону своего отряда. Судья властно требует:

— Тише!

Шум стихает. Обвиняемый снова получает возможность говорить.

Он продолжает свой рассказ:

— Увидев, кто это, я выехал из чащи и остановил свою лошадь. Было достаточно светло, и он сразу узнал меня. Вместо неприятной встречи, которой я ожидал — и думаю, что имел достаточно оснований для этого, — я был очень обрадован и удивлен его приветливостью. Он дружески протянул мне руку и с первых же слов попросил у меня прощения за свою несдержанность. Нужно ли говорить, как горячо я пожал его руку! Я знал, что это рука верного друга; больше того, я лелеял надежду, что наступит день, когда она станет рукой брата. Я пожал ее тогда в предпоследний раз. В последний раз я сделал это очень скоро, когда мы пожелали друг другу спокойной ночи и расстались на лесной тропин-

ке, — я не думал, что мы расстаемся навеки... Господа присяжные! Я не стану отнимать у вас время пересказом разговора, который произошел между нами, — он не имеет никакого отношения к этому судебному разбирательству. Мы проехали некоторое расстояние рядом, а потом остановились под деревом. Тут мы обменялись сигарами и выкурили их. И, чтобы закрепить нашу дружбу, мы обменялись шляпами и плащами. С этим обычаем я познакомился у команчей. Я отдал Генри Пойндекстеру свое мексиканское сомбреро и полосатое серапе, а взамен я взял его плащ и его панаму. После этого мы расстались — он уехал, а я остался. Я сам не понимаю, почему остался там... Скорее всего, потому, что это место стало мне дорого — ведь там произошло примирение, которое было для меня такой радостной неожиданностью. Мне уже не хотелось продолжать свой путь на Аламо. Я был счастлив, и мне хорошо было под деревом. Соскочив с лошади, я привязал ее, потом завернулся в плащ и, не снимая шляпы, улегся на траве. Через несколько секунд я заснул. Редко когда сон одолевал меня так быстро. Всего лишь полчаса назад это было бы невозможно. Могу приписать это только чувству приятного успокоения после всех пережитых горьких волнений. Но спал я не очень крепко и недолго. Не прошло и двух минут, как меня разбудил ружейный выстрел. Правда, я не был вполне уверен, это могло мне показаться. Но поведение моей лошади доказывало обратное. Она насторожила уши и захрапела, как будто стреляли в нее. Я вскочил на ноги и стал прислушиваться.

Но так как больше ничего не было слышно и мустанг успокоился, я решил, что мы оба ошиблись. Я подумал, что лошадь почуяла близость бродившего в лесу зверя, а то, что показалось мне выстрелом, был просто треск сучка в чаще или, быть может, один из тех таинственных звуков — таинственных потому, что они остаются необъясненными, — которые так часто слышны в чаще зарослей. Я перестал об этом думать, снова лег на траву и снова заснул. На этот раз я проспал до самого утра и проснулся лишь от холодной сырости, про-

низавшей меня до костей. Оставаться дольше под деревом было уже неприятно. Я стал собираться в путь. Однако выстрел все еще звучал у меня в ушах — и даже громче, чем когда я слышал его в полусне. Мне казалось, что он донесся с той стороны, куда поехал Генри Пойндекстер. Было ли это плодом фантазии или нет, но я невольно связал этот выстрел с ним и не мог преодолеть в себе желания пойти и выяснить, в чем дело. Идти пришлось недолго. Силы небесные, что я увидел! Передо мной был...

— Всадник без головы! — кричит кто-то в толпе, заставляя всех невольно обернуться.

— Всадник без головы! — подхватывают пятьдесят голосов.

Что это, шутка, неуважение к суду?

Никто так не думает: к этому времени все уже увидали всадника без головы, который скачет по прерии.

— Вон он! Вон он! Туда! Туда!

— Нет, он едет сюда! Смотрите! Он скачет прямо к форту!

Это правда. Но уже через мгновение он останавливается прямо против толпы под деревом.

Лошади, наверно, не нравится картина, которую она увидела.

Она громко храпит, потом еще громче ржет и вот уже мчится во весь опор обратно в прерию.

Напряженный интерес к показаниям обвиняемого сразу угасает. Всем кажется, что в таинственном всаднике, случайно представшем перед ними, кроется объяснение всего происшедшего.

Большинство из присутствующих бросаются к своим лошадям. Даже присяжные не составляют исключения, и по крайней мере шестеро из двенадцати присоединяются к погоне.

Преследуемая лошадь останавливается только на мгновение — лишь для того, чтобы взглянуть на приближающихся всадников. Потом она круто поворачивает, дико ржет и во весь опор мчится дальше в прерию.

Преследователи с криками мчатся за ней.

Глава XCI

ПОГОНЯ ПО ЗАРОСЛЯМ

Всадники мчатся через прерию прямо к лесу, протянувшемуся милях в десяти от поселка.

Чем ближе к лесу, тем больше вытягивается толпа преследователей, превращаясь наконец в вереницу; лошади не выдерживают длительной неистовой скачки, и всадники отстают один за другим.

Лишь немногие доезжают до леса, и только двое успели увидеть, в каком месте зарослей исчез всадник без головы.

Ближе всех к нему всадник на сером мустанге; он гонит своего коня, не жалея ни шпор, ни хлыста, ни голоса.

Следом за ним, хотя и сильно отстав, скачет на старой кобыле высокий человек в войлочной шляпе и куртке из старого одеяла.

Никто бы не подумал, что его лошадь способна бежать так быстро. Не хлыстом, не шпорами, не понуканием гонит ее всадник. Он прибегает к более жестокому способу: время от времени он вонзает ей в круп лезвие острого ножа.

Эти два всадника — Кассий Колхаун и Зеб Стумп.

Кассию Колхауну помогает быстрота серого мустанга, которого он погоняет с такой решимостью, словно от этого зависит его жизнь.

Старый охотник, кажется, настроен не менее решительно. Вместо того чтобы ехать обычной неторопливой рысью и положиться на свое искусство следопыта, он, по-видимому, с не меньшей решимостью задался целью не выпускать Колхауна из виду.

Скоро они въезжают в заросли; остальные всадники теряют их из виду.

* * * * * * * * *

По густым зарослям мчатся три всадника — не по прямой, а по звериным тропам, то описывая кривые, то лавируя между деревьями.

Вперед мчатся они через кусты и лесные чащи, не

боясь ничего, не замечая колючих шипов кактуса и острых игл акаций.

Ветки трещат и ломаются на их пути; а птицы, испуганные таким грубым вторжением, улетают с громким криком в более безопасное место.

Высоко в небо взвилась стая черных грифов, с криком покинувших сухой сук. Инстинкт подсказывает им, что такая погоня должна кончиться чьей-нибудь смертью. Широко распластав крылья, черные птицы кружат над всадниками.

Преследуемый всадник теперь в более выгодном положении, чем те, что скачут сзади. Он сам выбирает свой путь, а они должны следовать за ним.

Хотя расстояние между всадниками не увеличилось, но среди деревьев преследователи скоро теряют его из виду, так же как и друг друга.

Только грифы видят всех троих сразу.

Находясь вне поля зрения преследователей, преследуемый оказывается в более выгодном положении. Он может мчаться во весь опор, а они теряют время на распознавание следов. Пока они могут ориентироваться по звукам — все еще слышен топот копыт и хруст веток; и, несмотря на это, передний преследователь начинает отчаиваться.

Ему кажется, что при каждом повороте он проигрывает расстояние — топота копыт впереди уже не слышно.

— Будь ты проклят! — восклицает Колхаун с отчаянием. — Опять уйдет! Это бы ничего, если бы, кроме меня, никого тут не было! Но теперь я не один. Этот старый черт уже в лесу. Когда я въезжал в чащу, он был всего в трехстах ярдах. Нельзя ли как-нибудь от него ускользнуть? Нет, он слишком хороший следопыт... А ведь, пожалуй, можно!

При этих словах Колхаун натягивает поводья и делает полуоборот, внимательно оглядывая тропу, по которой он только что проехал. Он всматривается взглядом человека, который мысленно начертал план и подыскивает подходящее место для его выполнения. Нервно хватается он за ружье; во всех его движениях

чувствуется лихорадочное нетерпение. Но он продолжает колебаться и после некоторого размышления отказывается от своего намерения.

— Нет, так не годится, — бормочет он. — Слишком много народу скачет за мной, кое-кто из них умеет разбираться в следах. Они наверняка найдут труп, да и выстрел услышат. Нет! Из этого ничего не выйдет.

Еще некоторое время он остается на месте и прислушивается. И впереди и позади тихо, и только вверху шуршат крылья грифов.

«Как странно, что черные птицы все время парят над ним! Да, он, конечно, появится здесь. Чертовски не повезло, что остальные так близко! Если бы не это, ему уж больше не пришлось бы за мной шпионить. И так просто!»

Не так просто, как вы думаете, Кассий Колхаун! И птицы, которые парят вверху — если бы только они обладали даром речи, — могли бы разуверить вас.

Они видят, что Зеб Стумп приближается; но он делает это так, что шагов его не слышно.

«Хорошо, если бы он сбился со следа! — продолжает размышлять Колхаун, снова поворачивая лошадь. — Во всяком случае, я сам должен идти по следу, пока не собьюсь, иначе кому-нибудь из этих дураков может повезти больше... Ну и болван же я, что потерял столько времени! Если я еще буду медлить, старый хрыч догонит меня, и тогда все будет потеряно. Черт побери, этого никак нельзя допустить!..»

Пришпорив своего мустанга, Колхаун мчится вперед так быстро, как это позволяет извилистая тропа.

Едва успевает он проехать двести шагов, как вдруг останавливается, вскрикнув от удивления и радости.

Перед ним, на расстоянии двадцати шагов, — всадник без головы. Он неподвижно стоит среди низких кустов, которые верхушками касаются его седла.

Голова лошади опущена; по-видимому, животное щиплет стручки акаций.

Так, по крайней мере, кажется Колхауну.

Он быстро вскидывает ружье, но сейчас же его опускает. Лошадь, в которую он было прицелился, уже

больше не стоит спокойно и не щиплет акации: она судорожно дергает скрытой в ветвях головой.

Колхаун догадывается, что поводья, переброшенные через седло, зацепились за ствол акации.

«Наконец-то попалась! Слава богу, слава богу!»

Колхаун бросается вперед, сдерживая торжествующий крик, чтобы его не услышали те, что позади. Через секунду капитан уже около всадника без головы — загадочного всадника, которого он так долго и тщетно преследовал!

Глава XCII

ВЫНУЖДЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Колхаун хватается за поводья.

Конь пробует вырваться, но не может — ему мешает зацепившиеся за акацию поводья; он только описывает круги вокруг куста, который его держит.

Его всадник ничего не замечает и не делает никаких попыток, чтобы избежать плена; он неподвижно сидит в седле, не мешая коню вертеться.

После некоторой борьбы гнедой покоряется и позволяет привязать себя.

Колхаун вскрикивает от радости.

Но мелькнувшая мысль заставляет его сразу замолчать: ведь он еще сделал не все, что задумал.

Что же он задумал?

Это известно только ему; и, судя по тому, как он озирается вокруг, нетрудно догадаться, что он не хотел бы, чтобы другие проникли в его тайну.

Внимательно осмотрев окружающие заросли и прислушавшись, он приступает к делу.

Человеку непосвященному его поведение показалось бы очень странным. Он достает нож, приподнимает полу серапе над грудью всадника без головы и наклоняется к нему, словно намереваясь вонзить лезвие в его сердце.

Нож уже занесен... Вряд ли что-нибудь может остановить его удар...

И все-таки рука не опускается. Ее останавливает раздающееся из зарослей восклицание, и на поляне появляется человек. Это Зеб Стумп.

— Прекратите эту игру! — кричит охотник, быстро пробираясь на лошади через низкий кустарник. — Прекратите, я говорю!

— Какую игру? — спрашивает отставной капитан в замешательстве, незаметно пряча нож. — О чем вы говорите? Эта скотина запуталась в кустах. Я боялся, что она снова удерет, и хотел перерезать ей глотку, чтобы положить конец ее штучкам.

— Ах, вот око что! Ну, а я полагаю, что резать ей глотку незачем. Можно обойтись и без этого. А впрочем, вы о какой глотке говорите — о лошадиной?

— Конечно.

— Само собой. Ведь над человеком эту операцию кто-то уже проделал — если это, конечно, человек. А как вам кажется, мистер Колхаун?

— Черт его знает! Я ничего не могу понять. У меня еще не было времени как следует взглянуть на него. Я только что его догнал... Силы небесные! — продолжает он с притворным удивлением. — Ведь это же тело человека-мертвеца!

— Последнее, пожалуй, верно. Вряд ли он может быть живым без головы на плечах. Под этой тряпкой как будто ничего не спрятано, а?

— Нет. Мне кажется, там нет ничего.

— Приподнимите ее немножко, и поглядим.

— Мне не хочется прикасаться к нему. У него такой жуткий вид!

— Странно! Минуту назад вы не были так брезгливы. Что это вдруг с вами стало?

— Ну... — запинаясь, произносит Колхаун, — я был возбужден погоней. Был очень зол на эту лошадь и решил положить конец ее фокусам...

— Ладно, — перебивает его Зеб, — тогда я сам этим займусь... Так, так... — продолжает охотник, подъезжая ближе и рассматривая страшную фигуру. — Да, это действительно тело человека. Мертвец, и совершенно одеревенелый... Стойте! — восклицает он, при-

поднимая полу серапе. — Да ведь это же труп того самого человека, убийство которого сейчас расследуется! Ваш двоюродный брат — молодой Пойндекстер. Это он!

— Кажется, вы правы... О боже, это действительно он!

— Иосафат! — продолжает Зеб, прикидываясь удивленным. — Ну и загадка! Ладно, нам нечего терять здесь время в размышлениях. Лучше всего будет, если мы доставим труп на место так, как он есть, в седле,— он, видно, сидит достаточно крепко. Коня этого я знаю; думаю, что за моей кобылой он пойдет не упрямясь... Ну-ка, старушка, поздоровайся с ним! Ну, не бойся! Разве ты не видишь, что это твой старый приятель? Правда, ему туговато пришлось за последнее время. Нет ничего удивительного, что ты его не узнала, — уж сколько времени его никто не чистил!

Пока охотник говорил, гнедой и старая кобыла коснулись друг друга мордами и дружелюбно фыркнули.

— Я так и думал! — восклицает Зеб, освобождая запутавшиеся в акации поводья. — В обществе моей кобылы гнедой спокойно пойдет за нами. Во всяком случае, нет необходимости резать ему глотку... Ну, а теперь, мистер Колхаун, — говорит охотник, испытующе глядя на него, — не думаете ли вы, что нам пора двинуться в путь? Суд, наверно, продолжается, а если так, то, конечно, мы можем там понадобиться. Мне кажется, что с нами теперь свидетель, который может пролить свет на это дело, и мустангера либо повесят, либо оправдают. Ну как, вы готовы ехать обратно?

— Разумеется! Вы правы, нам нет смысла оставаться здесь.

Зеб трогается первым, ведя за собой покорного пленника. Колхаун едет сзади медленно и, по-видимому, неохотно.

На крутом повороте, где тропинка огибает лесной островок, он останавливается и, кажется, колеблется — ехать ему вперед или поскакать обратно.

На его лице заметно сильное волнение.

Не слыша за собой топота копыт, Зеб Стумп догадывается, что его спутник остановился.

Охотник натягивает поводья, поворачивает кобылу и вопросительно смотрит на Колхауна. Он видит его взволнованное лицо и сразу догадывается, в чем дело.

Не говоря ни слова, старый охотник снимает ружье с левого плеча и кладет его на руку. Так он сидит, глядя в упор на отставного капитана кавалерии.

Зеб молчит. Слова не нужны, достаточно его жеста. Он яснее слов говорит: «Попробуй-ка вернуться!»

Колхаун, хотя и притворяется, что ничего не заметил, отлично все понял и молча продолжает путь.

Но теперь ему уже не удается ехать позади. У старого охотника возникли подозрения, и он находит предлог, чтобы ехать сзади, на что его спутнику волей-неволей приходится согласиться.

Они медленно продвигаются по лесу.

Приближаются к открытой прерии и наконец выезжают на нее.

Что-то, замеченное вдали, вызывает у Колхауна новый прилив страха — он опять натягивает поводья и задумывается.

Перед ним страшный выбор: скрыться ли в зарослях от людских глаз или же рискнуть пойти навстречу буре, которая так быстро надвигается на него?

Он отдал бы все, что у него есть, все, что он надеется получить в будущем, и даже Луизу Пойндекстер, лишь бы избавиться хоть на десять минут от ненавистного Зеба Стумпа, лишь бы остаться наедине со всадником без головы.

Но это невозможно. Зеб Стумп неумолим, и, хотя Колхаун старается не думать об этом, он чувствует, что старый охотник считает его настоящим пленником и при попытке бежать не задумываясь пошлет ему в спину пулю.

Но что может Зеб Стумп сказать или сделать? Вряд ли он догадывается о...

В конце концов, может быть, все еще обойдется благополучно?

Зеб, правда, что-то подозревает. Но стоит ли опасаться этого? Бояться подозрений должны только те, у кого нет друзей, а у Кассия Колхауна их достаточно.

Ему ничто не угрожает, если только не найдут... А много ли на это шансов? Один против десяти. Скорее всего, она не застряла и лежит теперь где-нибудь в чаще.

Ободренный этой надеждой, Колхаун успокаивается и с видом полного безразличия, скорее притворным, чем естественным, выезжает на открытую прерию; за ним следует Зеб Стумп на своей старой кобыле, в сопровождении гнедого с трупом Генри Пойндекстера.

Глава XCIII

ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЙ ТРУП

Судебное разбирательство было прервано, потому что две трети зрителей и половина присяжных бросились в погоню за таинственным всадником.

Это не отсрочка суда, а просто перерыв — неизбежный, а потому молчаливо принятый.

Проходит час. Судья за это время выкурил две сигары и выпил изрядное количество коньяку. Он непринужденно болтает с прокурором, с защитниками, с оставшимися присяжными и с теми из зрителей, которые пришли пешком или не захотели загонять своих лошадей.

Тему для разговоров найти нетрудно. Недавнее происшествие настолько загадочно, что о нем можно говорить не только целый час, но целую вечность.

Все ищут объяснения и с большим нетерпением ждут возвращения участников погони.

Они надеются, что всадник без головы будет наконец захвачен и что благодаря этому будет раскрыта не только его тайна, но в какой-то мере прояснится и тайна убийства.

Среди них есть один человек, который мог бы объяснить первое, хотя второе неизвестно и ему. Это обвиняемый. Как только ему дадут возможность, он продолжит свою исповедь.

А пока, по указанию судьи и по совету своего защитника, он хранит молчание.

Через некоторое время участники погони возвращаются. Не все вместе — группами, по мере того как они отстают.

Все говорят одно и то же: никто из них не подъехал к всаднику без головы достаточно близко, чтобы хоть что-нибудь добавить к тому, что уже известно. Его тайна так и осталась неразгаданной.

Скоро обнаруживается, что двое, те, кто первыми пустились в погоню, еще не вернулись. Это старый охотник и отставной капитан; последний раз их видели далеко впереди. Продолжают ли они еще погоню? Возможно, что их старания увенчались успехом...

Все вглядываются в прерию. Все надеются увидеть там двух самых упорных участников погони и с ними, может быть, всадника без головы.

Проходит час, а их все нет, — они не только не привели с собой долгожданного пленника, но и сами не показываются.

Следует ли дальше откладывать судебное разбирательство?

Прокурор настаивает на продолжении, защитник не менее горячо требует отсрочки до завтрашнего дня, поскольку еще не допрашивали важного свидетеля — Зеба Стумпа. Раздаются голоса, требующие продолжения разбирательства.

Крикуны добились своего. Решено возобновить заседание суда, поскольку можно пока обойтись без отсутствующего свидетеля. Возможно, что он еще успеет вернуться вовремя. Если же нет, то не поздно будет обсудить вопрос об отсрочке суда и потом.

Так решает судья. Присяжные его поддерживают. Публика — тоже.

Снова вызывают обвиняемого. Он продолжает свои показания, так неожиданно прерванные.

* * * * * * * * *

— Вы собирались рассказать нам, что вы увидели, — говорит защитник своему клиенту. — Продолжайте. Что же вы увидели?

— Я увидел человека, распростертого на траве.
— Спящего?
— Да, вечным сном.
— Мертвого?
— Больше, чем мертвого, если это возможно. Наклонившись над ним, я увидел, что у него отрублена голова.
— Отрублена голова?
— Да. Я этого не заметил, пока не нагнулся к нему. Он лежал ничком, и голова его находилась в самом естественном положении. Даже шляпа все еще была на ней. Я надеялся, что он спит, хотя и чувствовал, что тут что-то неладно. Руки его были безжизненно вытянуты и ноги тоже. Кроме того, на траве было что-то красное — при слабом утреннем свете я не сразу разглядел, что. Когда я наклонился, чтобы посмотреть, то почувствовал странный солоноватый запах — запах человеческой крови. Тут я уже перестал сомневаться, что передо мной труп. Я заметил глубокую рану поперек шеи с запекшейся в ней кровью. Потом я разглядел, что голова отрублена...

Собравшихся охватил ужас. Раздаются выкрики, обычные в подобных случаях.
— Вы узнали этого человека?
— Увы, да.
— Узнали, даже не посмотрев ему в лицо?
— Мне не нужно было этого делать. Его одежда достаточно ясно все объяснила.
— Какая одежда?
— Полосатое серапе на плечах и сомбреро на голове. Они принадлежали мне. Если бы не наш обмен, я подумал бы, что это лежу я сам. Это был Генри Пойндекстер.

Снова раздается душераздирающий стон — он заглушает взволнованный шепот толпы.
— Продолжайте, сэр, — говорит защитник. — Скажите, что еще вам удалось обнаружить?
— Когда я прикоснулся к телу, то почувствовал, что оно холодное и совершенно закоченело. Я понял, что он лежит так уже несколько часов. Кровь запеклась и

почти высохла: она стала совсем черной. Так, по крайней мере, мне показалось при сером утреннем свете — солнце тогда еще не взошло. Я мог легко ошибиться относительно причины смерти и подумать, что его убили, отрубив голову, но, вспомнив услышанный ночью выстрел, я подумал, что на теле должна быть еще одна рана. Так и оказалось. Когда я повернул труп на спину, то заметил в серапе дырочку. Ткань вокруг нее была пропитана кровью. Отбросив полу серапе, я заметил на его груди синевато-багровое пятно. Нетрудно было определить, что сюда попала пуля. Но раны на спине не было. По-видимому, пуля осталась в теле.

— Считаете ли вы, что причиной смерти была пуля, а не последующее отсечение головы?

— Рана, несомненно, была смертельной. Если смерть и не была мгновенной, то, во всяком случае, она должна была наступить через несколько минут или даже секунд.

— Вы сказали, что голова была отрублена. Что же, она была совсем отделена от тела?

— Совершенно, хотя и лежала вплотную к нему — так, словно после удара ни к телу, ни к голове никто не прикасался.

— Каким оружием, предполагаете вы, был нанесен этот удар?

— Мне кажется, топором либо охотничьим ножом.

— Не возникло ли у вас каких-нибудь подозрений, кто и почему мог совершить это гнусное преступление?

— Тогда нет; я был в таком ужасе, что не мог ни о чем думать. Я не верил своим глазам. Когда же я немного успокоился и понял, что Генри Пойндекстер убит, я сначала подумал, что это сделали команчи. Но в то же время скальп не был снят, и даже шляпа осталась на голове.

— Таким образом, вы решили, что индейцы к этому непричастны?

— Да.

— Вы заподозрили еще кого-нибудь?

— В ту минуту — нет. Я никогда не слыхал, чтобы

у Генри Пойндекстера были враги, ни здесь, ни вообще где бы то ни было. Но потом у меня возникли подозрения. Они остались у меня и до сих пор.

— Сообщите их суду.

— Я возражаю, — вмешивается прокурор. — Нам вовсе неинтересно знакомиться с подозрениями обвиняемого. Мне кажется, хватит того, что мы слушаем его весьма «правдоподобный» рассказ.

— Пусть он продолжает, — распоряжается судья, зажигая новую сигару.

— Расскажите, что вы делали дальше, — говорит защитник.

— Потрясенный всем, что мне пришлось увидеть, я сначала сам не знал, что мне делать. Я был убежден, что юноша убит преднамеренно — убит именно тем выстрелом, который я слышал. Но кто стрелял? Не индейцы — в этом я не сомневался. Я подумал, что это был какой-нибудь грабитель. Но это казалось столь же неправдоподобным. Мое мексиканское серапе стоило не менее ста долларов. Он, конечно, взял бы его. Да и вообще ни одна вещь не была взята, даже золотые часы остались в кармане и на шее поблескивала окровавленная цепочка. Я пришел к заключению, что убийство было совершено из мести. Я стал вспоминать, не приходилось ли мне слышать о том, что молодой Пойндекстер с кем-нибудь поссорился или что у него есть враги. Но мне ничего не припомнилось. Да и, кроме того, зачем убийце понадобилось отрубать голову? Это больше всего потрясло меня. Не найдя объяснения, я стал думать, что же мне делать. Оставаться около тела не имело смысла, так же как и похоронить его. Я решил было вернуться в форт за помощью, чтобы перевезти тело в Каса-дель-Корво. Но, если бы я оставил его в лесу, койоты могли обнаружить труп и вместе с грифами растерзать его, прежде чем я успел бы вернуться. В небе уже кружили грифы. По-видимому, они заметили его. Как ни было изувечено тело юноши, я не мог допустить, чтобы его изуродовали еще больше. Я подумал о любящих глазах, которые в слезах будут смотреть на него...

Глава XCIV

ТАЙНА ОТКРЫВАЕТСЯ

Обвиняемый замолчал. Никто не торопит его, не задает вопросов. Все понимают, что рассказ еще не окончен, и не хотят прерывать нить повествования, которое все больше захватывает их.

Судья, присяжные, зрители — все ждут затаив дыхание, не сводя глаз с обвиняемого.

В торжественной тишине опять раздается его голос.

— Потом мне пришла в голову мысль завернуть тело в серапе, которое все еще оставалось на нем, а сверху прикрыть моим плащом. Так я надеялся уберечь его от волков и грифов до тех пор, пока не вернусь с кем-нибудь, чтобы взять его из лесу. Я уже снял с себя плащ, но тут у меня созрел новый план, как мне показалось — более разумный. Вместо того чтобы возвращаться одному в форт, я решил взять с собой и тело покойного. Я подумал, что можно положить его поперек крупа лошади и привязать лассо. С этим намерением я привел своего коня и уже собрался было поднять труп, как вдруг заметил неподалеку другую лошадь — лошадь погибшего. Лошадь была совсем близко и спокойно паслась, словно ничего не произошло. Поводья волочились по земле, и мне нетрудно было ее поймать. Труднее было заставить лошадь стоять спокойно, особенно когда я подвел ее к тому, что лежало на траве. Держа поводья в зубах, мне удалось поднять тело юноши на лошадь и положить его поперек седла. Но труп все время соскальзывал — он уже одеревенел и не сгибался. К тому же лошадь не стояла на месте, почуяв страшную поклажу, которую она должна была везти. После нескольких неудачных попыток я увидел, что это ни к чему не приведет. Я уже готов был отказаться от своих намерений, когда мне пришла в голову еще одна более удачная мысль. Я вспомнил то, что мне пришлось когда-то читать о гаучо Южной Америки. Когда кто-нибудь из них умирает или становится жертвой несчастного случая где-нибудь в пампасах, гаучо перевозят погибшего товарища в его дом, усадив

верхом на лошадь, как живого, и привязав к седлу. Почему бы и мне не поступить так же с телом Генри Пойндекстера? Я сначала попытался усадить покойника на его собственную лошадь. Но седло оказалось недостаточно глубоким, а конь все еще не мог успокоиться, и у меня опять ничего не вышло. Оставалось только одно: чтобы добраться домой, надо было обменяться лошадьми. Я знал, что мой конь не будет сопротивляться; кроме того, глубокое мексиканское седло должно было прекрасно подойти для этой цели. Вскоре мне удалось усадить покойника в естественной позе. Одеревенелость, которая раньше мешала мне, теперь, наоборот, помогла. Я вставил его ноги в стремена и туго застегнул пряжки на гетрах — теперь устойчивость была обеспечена. После этого я отрезал кусок лассо и, опоясав им труп, прикрепил один конец к передней луке седла, а другой — к задней. Другим куском лассо я связал стремена под брюхом лошади, чтобы ноги не болтались. Оставалось придумать, как поступить с головой, которую тоже необходимо было взять. Я поднял ее с земли и попробовал снять шляпу. Но это было невозможно: кожа сильно распухла, и сомбреро туго сидело на голове. Убедившись, что шляпа не может соскочить, я привязал кусок шнура к пряжке, скреплявшей ленту, и привесил шляпу с головой к луке седла. На этом кончились мои приготовления к возвращению в форт. Не теряя времени, я вскочил на лошадь убитого и свистнул гнедому, чтобы он следовал за мной: он был к этому приучен. Так мы отправились к поселку... Не прошло и пяти минут, как я был выбит из седла и потерял сознание. Если бы не это обстоятельство, я не стоял бы здесь перед вами — во всяком случае, как обвиняемый.

— Выбиты из седла? — восклицает судья. — Как это произошло?

— Это была простая случайность, или, вернее, все произошло благодаря моей неосторожности. Вскочив на чужую лошадь, я не взял в руки поводья. Я привык управлять моей лошадью только голосом и коленями и пренебрег уздечкой. Я не предвидел того, что вскоре слу-

чилось. Не успели мы тронуться, как лошадь, на которой я сидел, повернула голову и вдруг, испугавшись чего-то, бросилась в сторону и помчалась бешеным галопом. Я сказал — «чего-то», но я хорошо знал, чего именно. Повернув голову, она увидела чудовищного всадника, который теперь при свете дня мог испугать не только любую лошадь, но и человека. Я схватился было за поводья; но, прежде чем я дотянулся до них, лошадь уже мчалась во весь опор. Сначала меня это мало встревожило. Я думал, что сейчас поводья будут у меня в руках и я остановлю ее. Но вскоре я обнаружил, что сделать это не так-то просто. Поводья соскользнули вперед, почти к самым ушам лошади, и, чтобы схватить их, мне нужно было лечь на ее шею. Пока я пытался поймать уздечку, я не следил за тем, куда мчала меня лошадь. Только когда меня больно хлестнула по лицу ветка, я заметил, что мы скачем уже не по просеке, а по зарослям. После этого у меня не было возможности ни смотреть по сторонам, ни ловить уздечку. Все мое внимание было поглощено тем, чтобы увертываться от веток акаций, которые, казалось, простирали свои колючие руки, чтобы стащить меня с седла. Я довольно успешно уклонялся от них, хотя и не мог избежать царапин. Но мне не удалось проскочить под суком огромного дерева, который протянулся поперек тропы так низко над землей, что приходился на уровне моей груди. Моя лошадь, видно снова чем-то испуганная, промчалась прямо под ним. Куда она ускакала дальше, я затрудняюсь сказать, — вы, наверно, знаете это лучше меня. Могу только сказать, что я остался лежать под этим деревом, с большой ссадиной на лбу и болезненной опухолью на колене. Однако я заметил это только часа два спустя. Когда ко мне вернулось сознание, я увидел, что солнце уже высоко, а надо мной кружат несколько десятков грифов. Я видел, как они вытягивали шеи, и мог сказать, кого они считают своей добычей.

Это зрелище, а также мучительная жажда заставили меня подумать о том, чтобы уйти. Но когда я поднялся на ноги, то обнаружил, что не могу сделать ни шагу.

Больше того — я едва мог стоять. Оставаться же на месте было равносильно смерти — так, по крайней мере, казалось мне тогда. Подгоняемый этой мыслью, я напряг все силы, чтобы добраться до воды. Мне помнилось, что где-то недалеко должен протекать ручей. То ползком на четвереньках, то опираясь на самодельный костыль, я наконец добрался до ручья. Утолив жажду, я почувствовал облегчение и скоро заснул. Проснувшись, я увидел, что окружен койотами. Их было не меньше двадцати; зная их трусость, я сначала не испугался; однако скоро мне пришлось изменить свое отношение к ним. Они увидели, что я ранен, и осмелели. Через некоторое время они накинулись на меня всей стаей. Единственное оружие, которое, по счастью, сохранилось у меня, был охотничий нож. Если бы не он, хищники разорвали бы меня на клочки и сожрали. Некоторое время я отбивался от них ножом и убил с полдюжины. Но, несмотря на это, схватка кончилась для меня плохо. От большой потери крови я сильно ослабел и скоро упал бы в изнеможении, если бы не счастливый случай...

Мустангер на минуту умолк, и зрители перевели дыхание.

— Меня нашла моя верная собака Тара, — продолжал Морис. — Она убежала из дому, вероятно, чтобы искать меня; хотя я и слыхал потом другое объяснение, но не буду сейчас затруднять им вашего внимания. Так или иначе, но собака нашла меня — и как раз вовремя, чтобы спасти. При ее приближении койоты разбежались, и я был спасен от ужасной судьбы. Потом я снова уснул, а может быть, потерял сознание. Когда я очнулся, то мог уже обдумать свое положение. Я знал, что собака должна была прибежать из дому; я знал также, что мое хакале находится на расстоянии нескольких миль и что Фелим, мой слуга, отвел ее туда накануне. Я решил послать ему весточку, использовав собаку в качестве почтальона. Я написал несколько слов на визитной карточке, случайно оказавшейся со мной. Хотя мне было хорошо известно, что мой слуга неграмотен, я не сомневался, однако, что он догадается, от кого за-

писка, увидев мою карточку, и найдет кого-нибудь, кто ее прочтет. Я был тем более уверен в этом, что писал кровью.

Для большей сохранности я завернул карточку в кусочек клеенки и привязал пакетик к ошейнику Тары. Мне стоило больших усилий заставить собаку уйти от меня. Но в конце концов она ушла; я надеялся, что она побежит домой. Оказалось, что моя весточка попала по назначению; хотя об этом я узнал только вчера. Вскоре после того, как собака убежала, я еще раз заснул, а когда проснулся, увидел перед собой нового страшного врага. Это был ягуар. Между нами произошла схватка; но чем она кончилась и как долго продолжалась, я не могу сказать. Пусть это объяснит вам мой отважный спаситель — Зеб Стумп, который, надеюсь, скоро вернется и расскажет обо всем, а также о многом другом, о чем я знаю не больше вас. Больше я ничего не помню, кроме тяжелых кошмаров, которые изредка перемежались счастливыми сновидениями, — я очнулся от них только позавчера и обнаружил, что нахожусь в тюрьме и обвиняюсь в убийстве... Я кончил, господа присяжные.

* * * * * * * * *

«Если это неправда, то хорошо придумано», — таково мнение судьи, присяжных и зрителей, когда обвиняемый кончил свой рассказ.

Многие поверили обвиняемому и отбрасывают мысль о вымысле: такой простой и подробный рассказ не мог бы выдумать человек, который только что оправился от горячки.

Совершенно невероятно, что он мог состряпать такую историю — вот к какому выводу приходит большинство.

Исповедь обвиняемого сделала гораздо больше для его оправдания, чем самые красноречивые выступления защитника.

Но все же это только его слова. Чтобы оправдать его, требуются еще подтверждающие показания свидетелей.

Где же тот свидетель, от которого столь многое зависит? Где Зеб Стумп?

Тысяча глаз всматривается в горизонт. Пятьсот человек нетерпеливо ждут старого охотника — с Кассием Колхауном или без него; со всадником без головы или без него — ведь он уже перестал быть загадкой.

Собравшиеся здесь знают, что в случившемся нет ничего невозможного. Это обитатели юго-западного Техаса, граничащего с Льяно-Эстакадо, откуда берет начало прозрачная река Леона и где Рио-де-Нуэсес собирает воды сотни кристальных ручейков; эти люди живут в стране, где разложение не является неизменным спутником смерти, где олень, подстреленный на бегу, или же дикий конь, случайно погибший в прерии, если только он не будет растерзан, через короткий промежуток времени бросит вызов закону разрушения и зубам койотов; где непохороненный и неприкрытый труп человека через сорок восемь часов станет похожим на египетскую мумию.

Мало найдется среди присутствующих людей, не знакомых с этой особенностью климата Техаса, той ее части, которая расположена вблизи горного хребта Сиерра Мадре и особенно среди отрогов Льяно-Эстакадо.

Если бы всадника без головы привели под дуб, никто не удивился бы, что на трупе Генри Пойндекстера почти не заметно признаков разложения. Эта часть рассказа не вызывает у слушателей никаких сомнений.

Их нетерпение вызвано другой причиной — оно вызвано подозрением, которое возникло в самом начале судебного разбирательства, и чем дальше, тем становилось сильнее, пока, наконец, не превратилось в уверенность.

Почти каждый из присутствующих сгорает от нетерпения услышать свидетеля, показания которого должны вернуть обвиняемому свободу или послать его на виселицу.

Вот почему все напряженно смотрят туда, где сапфировая синева неба растворяется в изумрудной зелени саванны.

Глава XCV

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Напряженное ожидание среди торжественной тишины длится целых десять минут.

Тишина время от времени нарушается отдельными восклицаниями. То тому, то другому чудится, что на горизонте показалась какая-то точка. Тогда по толпе проносится шум, и все становятся на цыпочки, чтобы лучше видеть. Уже трижды тревога оказывалась ложной. Терпение зрителей иссякает, но вдруг в четвертый раз раздаются возгласы, более громкие и более уверенные. И действительно, на горизонте показываются темные точки, которые быстро вырастают в движущиеся фигуры.

Громкое «ура» раздается под дубом, когда три всадника появляются из марева раскаленной солнцем прерии и приближаются к дереву.

Двух из них нетрудно узнать — это Зеб Стумп и Кассий Колхаун. Еще легче узнать третьего — слишком необычен его облик.

За первым возгласом толпы, приветствовавшей возвращение двух всадников, следует еще один, более бурный, вырвавшийся при виде их спутника, который так долго был предметом таинственных размышлений и странных предположений.

Хотя окружавшая его тайна теперь уже рассеялась, он все еще вызывает трепетный страх.

После громких приветствий наступает тишина — ее никто не нарушает до тех пор, пока всадники не подъезжают совсем близко; но и тогда раздается только робкий шепот, как будто мысли зрителей слишком сокровенны, чтобы произносить их громко.

Многие бросаются навстречу вновь прибывшим и в изумлении сопровождают их к дубу.

Три всадника останавливаются около толпы, которая тут же обступает их со всех сторон.

Двое соскакивают с лошадей. Третий остается в седле.

Колхаун отводит свою лошадь в сторону и исчезает

в толпе. Его присутствие никого уже больше не интересует. Все взоры, так же как и мысли, обращены к всаднику без головы.

Зеб Стумп, оставив свою старую кобылу, берет под уздцы лошадь всадника без головы и ведет ее к дубу, в тени которого заседает суд.

— Вот, господин судья и вы, двенадцать присяжных... — говорит старый охотник спокойно и властно, — вот свидетель, который, может быть, прольет свет на это темное дело. Допросите-ка его.

Раздается крик: «Боже мой, это он!» — и высокий старик, шатаясь, проходит вперед и останавливается около всадника без головы. Это его отец.

Издали доносится крик, переходящий в подавленный стон, словно женщина упала в обморок. Это его сестра.

Вудли Пойндекстера уводят. Он не сопротивляется и, по-видимому, даже не сознает, что происходит вокруг него. Его подводят к карете и усаживают рядом с дочерью.

Но карета не трогается с места. Луиза Пойндекстер сама правит лошадьми, и она не уедет отсюда до самого окончания суда, пока не будет объявлен приговор, пока не настанет час казни, — если таков будет конец.

Старому охотнику предлагают занять место свидетеля.

По распоряжению судьи допрос ведет защитник.

Он обходится без многих формальностей. Так как Зеб Стумп уже присягал, ему просто предлагают рассказать, что он знает об этом деле; ему предоставляют возможность говорить, как он хочет. Он же говорит очень короткими фразами, видимо предполагая, что так принято в суде.

— В первый раз я услыхал об этом страшном деле на второй день после исчезновения молодого Пойндекстера. Мне об этом сказали, как раз когда я возвращался с охоты. Мне сказали, что мустангера обвиняют в убийстве. Я знал, что он не такой человек, но, чтобы не думалось, поехал повидаться с ним. Дома был только один Фелим, его слуга. Парень был так напуган всякими происшествиями, что я почти ничего не мог понять

— Вот свидетель, который прольет свет на темное дело.

из того, что он мне рассказывал. Ну, пока мы говорили, прибежала собака — у нее на шее было что-то привязано; это была карточка мустангера. На ней оказались слова, написанные красными чернилами — попросту кровью. Эти слова говорили тому, кто мог читать по-писаному, где можно найти парня. Я отправился туда, взяв с собой Фелима и собаку. Мы пришли как раз вовремя, чтобы спасти мустангера из когтей одной из тех пятнистых пантер, которых мексиканцы называют тиграми; я же слыхал, как молодой ирландец называл их ягуарами. Я пустил пулю в эту пятнистую кошку. Тут ей и был конец. Ну, мы доставили мустангера в его хижину. Нам пришлось нести его вроде как на носилках, сам он не мог и шагу сделать. Да и с мозгами у него было неладно — парень соображал не лучше индюка в весеннюю пору. Так вот, привезли мы его домой; там он и лежал, пока не явился отряд, который его разыскивал...

Свидетель на минуту замолкает, как будто соображая, стоит ли ему рассказывать обо всех происшествиях, разыгравшихся в хижине мустангера. Не лучше ли будет умолчать о них?

Он выбирает последнее.

Однако это не нравится прокурору, и он начинает его допрашивать.

В конце концов он заставляет его рассказать все, что произошло до того момента, когда Мориса Джеральда заперли на гауптвахте.

— Ну, а теперь, — говорит Зеб Стумп, когда его кончают допрашивать, — вы заставили меня рассказать, что я знаю об этой стороне дела, но кое-что вам не пришло в голову спросить, и я хочу сам добавить.

— Продолжайте, мистер Стумп, — говорит защитник из Сан-Антонио.

— Так вот что. То, о чем я буду говорить, не столько касается подсудимого, сколько того человека, который должен занять его место. Я сейчас не стану называть его имя. Я только скажу о том, что мне удалось узнать. Вы же, присяжные, сами догадаетесь об остальном...

Старый охотник на минуту останавливается и переводит дыхание, как бы готовясь к пространной речи.

Никто не пытается ни прервать его, ни поторопить. Всем кажется, что он может открыть тайну убийства. Всадник без головы уже перестал быть тайной.

— Что же, друзья! — продолжал Зеб. — После того, что мне пришлось слышать, а главное — видеть, я понял, что молодого Пойндекстера больше нет в живых. Так же твердо я знал, что не мустангер, не Морис Джеральд совершил это подлое убийство. Кто же тогда? Вот вопрос, который мучил меня так же, как и многих из вас, кто над этим задумался. Не сомневаясь, что ирландец невиновен, я решил выяснить всю правду. Многое, черт возьми, было против него, этого я не отрицаю. И все же это не могло убедить меня. Я решил сам изучить следы в прерии. Я знал, что найду на том месте лошадиные следы, ведущие туда и обратно. Но, черт побери, там оказалось еще множество следов, идущих в разных направлениях, — если бы не это, все было бы просто. След одной лошади казался мне особенно интересным, и я решил пойти за ним хоть на край света. Это были следы американской лошади; одна подкова у нее была сломана. Вот эта самая подкова.

Свидетель запускает руку в глубокий карман своей куртки и не торопясь вытаскивает оттуда сломанную подкову.

Он поднимает ее достаточно высоко, чтобы судья, присяжные и все присутствующие могли ее видеть.

— Так вот, господин судья и господа присяжные, лошадь с поломанной подковой скакала по прерии в ту самую ночь, когда было совершено убийство. Она шла по следам убитого, а также и того человека, которого здесь обвиняют в убийстве. Она скакала за ними и остановилась недалеко от места преступления. Но ее хозяин пошел дальше пешком, и он шел до того места, где нашли лужу крови: пролитая кровь — это дело его рук. Убийца ехал на лошади со сломанной подковой...

— Продолжайте, мистер Стумп, — говорит судья. — Объясните, что означает ваше неожиданное заявление.

— А вот что: человек, о котором я говорю, спрятал-

ся в чаще и оттуда пустил пулю, от которой погиб молодой Пойндекстер.

— Какой человек? Кто он? Назовите его имя! Его имя! — закричало двадцать голосов сразу.

— Вы найдете его имя там.

— Где?

— В этом теле... Посмотрите сюда, — продолжает свидетель, указывая на труп. -- Видите красное пятно на полосатом серапе? Посредине пятна — дырочка. А на спине не видно отверстия. Так вот, я думаю, что пуля застряла в теле. Давайте-ка разденем его и посмотрим.

Никто не возражает. Несколько человек выступают вперед, среди них Сэм Мэнли. Они осторожно снимают серапе.

Кругом царит глубокая, торжественная тишина, не нарушаемая ни одним звуком. Лишь когда серапе уже снято, по толпе проносится шепот.

На трупе голубая блуза со складками на груди, застегнутая до самого верха; такого же цвета брюки с более светлой полоской вдоль шва; они видны только до колен, потому что на ногах у него — гетры из пятнистой шкуры.

Талия дважды опоясана куском веревки, сплетенной из конского волоса. Концы веревки привязаны к лукам седла; благодаря этому труп удерживается в сидячем положении. Дополнительно он укреплен другим куском той же веревки, которая привязана к стременам и проходит как подпруга под животом лошади.

Все так, как говорил обвиняемый, — нет только головы.

Где же она?

Никто не решается задать этот вопрос. Прислушиваясь к тому, что говорит Зеб Стумп, все внимательно рассматривают труп.

Он прострелен в двух местах: одна пуля попала выше области сердца, другая прострелила грудную клетку как раз над брюшной полостью.

Все взоры сосредоточены на нижней ране; вокруг простреленного отверстия запеклась кровь. Мягкая ткань блузы пропитана кровью.

Верхняя — это даже не рана, а просто небольшая дырочка в ткани, величиной с горошину, издали почти не заметная. Вокруг нее совсем нет крови.

— Это, — говорит Зеб Стумп, указывая на верхнее отверстие, — не имеет значения. Вы видите, что крови здесь нет, а это доказывает, что пуля попала уже в труп. Это я пустил ее ночью у обрыва. А вот вторая — это уже другое дело. Это и была смертельная рана. И если я не ошибаюсь, то вы найдете эту пулю здесь. Надо сделать надрез и посмотреть.

Предложение старого охотника не встречает возражений. Напротив, сам судья приказывает извлечь пулю.

Веревки развязаны, гетры расстегнуты, и труп снимают с седла.

Он кажется очень твердым, одеревенелым — руки и ноги его совсем не сгибаются. Но все же он очень легок, как будто весь высох, — его вес почти не превышает вес мумии!

Его бережно кладут на траву. Несколько человек молча склоняются над ним. Сэм Мэнли исполняет роль главного хирурга. По распоряжению судьи он делает надрез вокруг раны — той, у которой запеклась кровь.

Надрез проводится через ребра к легким.

В левом легком находят то, что искали. Острие охотничьего ножа касается чего-то твердого. Это похоже на свинцовую пулю. Так и есть!

Пулю вынимают, обтирают и передают присяжным.

Несмотря на то что она поцарапана винтовой нарезкой ружья, несмотря на зазубрину там, где она ударила по ребру, на ней все еще можно различить изображение полумесяца и буквы «К. К.».

Как много говорят эти инициалы! Среди тех, кто рассматривает их сейчас, некоторые помнят, что они слышали о них раньше. Они могут засвидетельствовать, кто хвастался такой меченой пулей во время охоты на ягуара.

Тот, кто хвастался тогда, теперь, должно быть, жалеет об этом.

Но где же он?

Этот вопрос уже начинают задавать в толпе.

— Как вы это объясняете, мистер Стумп? — спрашивает защитник.

— Да что тут говорить — дело простое! Всякому молокососу должно быть ясно, как день, что эта пуля убила молодого Пойндекстера.

— Но кто выстрелил, как вы думаете?

— Что же, это не менее ясно. Когда человек подписывает свое имя на письме, никто не ошибается, кем оно послано. Правда, здесь только первые буквы, но догадаться нетрудно — они говорят сами за себя.

— Я в этом ничего особенного не вижу, — вмешивается прокурор. — Пуля меченая, это правда, — на ней стоят буквы, которые могут иметь — а могут и не иметь — отношение к уважаемому местному жителю. Предположим даже, что это его инициалы и его пуля. И все-таки этим еще ничего не доказано. Убийство, совершенное краденым оружием, — довольно обычная история. Кто станет возражать против этого? Кроме того, — продолжает прокурор, — зачем было совершать это убийство человеку, на которого вы намекаете? Мы все знаем, чьи это инициалы. Я думаю, он сам не будет этого отрицать. Однако это еще ничего не доказывает. Других улик, позволяющих связать его имя с этим преступлением, нет.

— Вы так думаете? — спрашивает Зеб Стумп, который с нетерпением ждал, когда прокурор кончит. — А как вы назовете вот это?

При этих словах Зеб вынимает из своего кисета клочок смятой бумаги, почерневший от пороха.

— Я нашел это в зарослях около места убийства, — говорит старый охотник, передавая бумажку присяжным. — Она зацепилась за шип акации, а попала туда из дула того самого ружья, из которого вылетела и пуля. Насколько я понимаю, это клочок конверта, использованный вместо пыжа. Любопытно, что на нем стоит имя, которое вполне соответствует инициалам на пуле. Присяжные могут сами прочитать.

Старшина присяжных берет бумажку и, расправив ее, читает вслух:

— «Капитану Кассию Колхауну».

Глава XCVI

БЕЖАЛ!

Провозглашение этого имени производит на суд сильно впечатление.

Одновременно раздается дружный крик толпы. Это не крик удивления. Нет! Он говорит гораздо больше. Это оправдание обвиняемому и обвинение тому, кто был самым ярым из всех обвинителей.

Показания Зеба Стумпа доказали виновность Колхауна, но все заподозрили его уже раньше, и, по мере того как раскрывались факты, это подозрение росло. Теперь ни у кого нет сомнений, что Морис Джеральд невиновен и не его надо судить за убийство Генри Пойндекстера.

Все верят также, что убийца — Колхаун. Клочок обожженной бумаги — последнее звено в цепи доказательств, и хотя это только косвенная улика, а мотив преступления по-прежнему остается тайной, однако среди присутствующих едва ли найдется человек, который еще сомневается, кто совершил преступление.

После того как присяжные по очереди осмотрели конверт, свидетелю снова предоставили слово, поскольку он заявил, что еще не все сказал. Он говорит о том, как у него возчикли подозрения, которые и заставили его искать следы в прерии; о выстреле Колхауна из чащи и о том, как после этого капитан бросился в погоню, о мене лошадьми. Наконец он подробно рассказывает о сцене в зарослях, когда был пойман всадник без головы.

После этого он делает паузу, словно ждет вопросов.

Но на него уже больше не смотрят. Все знают, что он закончил свой рассказ, а если и нет, то доказательств все равно достаточно.

Присутствующие даже не хотят ждать, пока суд будет совещаться.

Такая задержка не по вкусу людям, которые только что были свидетелями, как правосудие едва не оказалось обманутым и они вместе с ним; и теперь, чувствуя упреки совести, они громко требуют:

— Освободите ирландца, он совершенно не виновен! Нам больше не нужно доказательств! Все ясно! Отпустите его!

Раздаются и другие, не менее настойчивые требования:

— Арестуйте Кассия Колхауна! Предайте его суду! Это он совершил преступление! Вот почему он всех натравливал на мустангера! Если он не виновен, то сможет это доказать. Его будут судить справедливо, но судить его необходимо. Мы ждем вашего слова, судья! Распорядитесь, чтобы Колхауна арестовали. Пусть место невиновного займет преступник!

Сначала раздается лишь несколько голосов, но потом этот крик подхватывают все собравшиеся.

Судья не смеет противиться воле подавляющего большинства, и Кассия Колхауна, вопреки установленному порядку, вызывают в суд.

Глашатай трижды выкликает его имя. Ответа нет. Все ищут глазами Колхауна.

Только Зеб Стумп смотрит в нужном направлении.

Охотник бежит к своей старой кобыле — она попрежнему стоит рядом с гнедым. С быстротой, поразившей всех присутствующих, Зеб вскакивает на спину своей лошади и отъезжает от дуба.

Одновременно все видят, как кто-то другой пробирается между лошадьми, привязанными в прерии. Он продвигается крадучись, словно боясь, что его заметят, но быстро и, очевидно, к определенному месту.

— Это он! Это Колхаун! — кричит кто-то.

— Собирается удрать! — кричит другой.

— За ним! — раздается строгий и повелительный голос судьи. — За ним, и приведите его сюда!

Повторять не приходится: не успели прозвучать последние слова, как десятки людей бросаются к своим лошадям.

Колхаун уже добежал до своего серого мустанга, который стоит с краю. Это тот самый мустанг, на котором он так недавно преследовал всадника без головы. Лошадь все еще оседлана и взнуздана.

Колхаун заметил смятение под деревом, и одновре-

менно до него донеслись крики — он понял, что его заметили.

Теперь уже незачем скрываться, и капитан одним прыжком оказывается в седле. Бросив назад дикий взгляд, он мчится в прерию.

Пятьдесят неистовых всадников несутся за ним, воодушевленные грозным напутствием:

— Привезите его живым или мертвым!

Эти суровые слова, кажется, произнес майор.

Но не все ли равно, кто это сказал? Преследователям вовсе не требуется официального приказа, они возмущены гнусным преступлением и хотят отомстить за Генри Пойндекстера, которого любили и уважали.

Никогда еще жизнь отставного капитана не была в такой опасности. Ни на кровавом поле боя при Буэна-Виста, ни тогда, когда он лежал в баре Обердофера и револьвер мустангера был приставлен к его виску.

Капитан это знает — вот почему он так гонит коня и только изредка бросает назад взгляды, которые полны злобы и страха.

Но отчаяния в его взгляде нет, хотя и странно, что вид мчавшихся за ним мстителей не лишил его последней надежды. Да, он еще надеется. Он знает, что сидит на быстром коне и что впереди лес.

Правда, до него десять миль. Но что такое десять миль! Он скачет со скоростью двадцати миль в час; через полчаса он будет уже в зарослях.

Не эта ли мысль поддерживает в нем бодрость?

Вряд ли. Он знает, что не может скрыться в чаще леса — ведь среди его преследователей не меньше десятка опытных следопытов во главе с самим Зебом Стумпом.

Что же тогда спасает его от отчаяния? Почему он не покоряется, казалось бы, неизбежной судьбе?

Или это просто слепой инстинкт самосохранения?

Совсем нет. Убийца Генри Пойндекстера — не сумасшедший. В своей попытке избежать страшного для него правосудия он не станет полагаться ни на своего быстроногого коня, который мчит его по прерии, ни на заросли впереди.

Но за лесом проходит граница — вот почему он надеется.

Собственно говоря, там две границы. Одна, которая разделяет две нации, именуемые цивилизованными. Между ними существует соглашение о выдаче преступников.

Впрочем, убийца может обмануть правосудие (как это часто делается), постоянно переходя границу и меняя национальность и место жительства.

Однако не этот путь избрал Колхаун. Как ни слабо соблюдается упомянутое соглашение между Техасом и Мексикой, он не решается положиться на это — он боится рисковать. Его страх понятен: это слишком опасная игра для человека, запятнанного таким ужасным преступлением.

Он скачет к Рио-Гранде, но не для того, чтобы перебраться через мексиканскую границу: он вспомнил о другой границе — о той, за пределами которой кочуют дикие команчи, ненавидящие всех людей с белой кожей. Но его они встретят как друга — ведь он пролил кровь одного из их врагов!

В вигваме индейца убийца может найти не только приют — он надеется на гостеприимство и на продолжение кровавой карьеры.

Вот почему Колхаун не теряет надежды на спасение, а поэтому и не поддается отчаянию; и, хотя он скачет по направлению к Рио-Гранде, он хочет под прикрытием леса свернуть в сторону Льяно-Эстакадо.

Он не боится опасностей этой ужасной пустыни; никакие будущие невзгоды не могут сравниться с тем, что ждет его позади. Может быть, потом он пожалеет о том, что потерял богатство, друзей, общественное положение, удобства цивилизации; больше того — ему грозит разлука с той, которую он так безумно любит и с которой, быть может, никогда больше не встретится.

Но сейчас нет времени подумать даже о ней. Этому низкому человеку жизнь дороже любви. Он думает, что впереди жизнь, и он знает, что сзади надвигается смерть.

* * * * * * * * *

Убийца мчится со всей скоростью, на которую способен его мексиканский мустанг, быстрый, как арабский конь.

Серому мустангу давно уже пора устать. С утра он проделал больше двадцати миль и притом весь путь галопом. Но он не проявляет никаких признаков утомления. Как и все мустанги, он может свободно пробежать пятьдесят и, если нужно, сто миль, не замедляя шага.

«Какое счастье, что я обменялся лошадью с мексиканкой! — думает Кассий Колхаун. — Если бы не ее мустанг, я уже стоял бы теперь в мрачной тени дуба, перед судьей и присяжными, слушая, как толпа требует моей смерти».

Кассий Колхаун больше не боится этой участи, он думает, что опасность миновала. Он оглядывается назад и видит, что всадники остались далеко позади.

Он смотрит вперед — над изумрудной зеленью саванны вырисовывается темная полоса леса. Колхаун не сомневается, что успеет достичь его и спастись.

Глава XCVII

ПОГОНЯ ЗА УБИЙЦЕЙ

Удастся ли преступнику спастись? Зрители наши не сомневаются в этом, видя, как Колхаун мчится прочь галопом; но в них пробуждается надежда, когда за ним бросается Зеб Стумп. Надежда эта крепнет, когда сотня всадников — военных и штатских — срывается с места и пускается в погоню.

Она переходит в уверенность, когда к погоне присоединяется еще один всадник; и, хотя он выехал последним, зрители уверены, что он перегонит всех, — ведь это Морис Джеральд верхом на своем быстроногом мустанге!

Все только что происшедшее под дубом означает не перерыв судебного разбирательства, но его прекращение.

Хоть об этом не было объявлено, Морис Джеральд знает, что он свободен, как этого требовала толпа.

Не теряя ни минуты, он бросается к гнедому мустангу, на котором еще так недавно ездил всадник без головы.

Гнедой узнал хозяина и, радостно заржав, рысью бежит к нему навстречу.

Как ни долга была разлука, нет времени, чтобы по-настоящему поздороваться. Только одно слово срывается с уст мустангера в ответ на приветственное ржание; в следующее мгновение он уже в седле и держит поводья. У него нет лассо; он просит тех, кто стоит поближе, не одолжит ли ему кто-нибудь свое.

Вот кто-то бросает ему свернутую кольцом веревку; еще мгновение — и мустангер ускакал.

Все глядят ему вслед, никто уже больше не сомневается в исходе. Преступнику не суждено скрыться, его догонят и приведут на суд в тень того самого дерева, под которым он еще недавно с таким рвением давал показания.

И схватит его тот, кому его лжесвидетельство грозило смертью.

Все взволнованно смотрят, как гнедой мчится по прерии.

* * * * * * * * *

Никто не обратил внимания на маленькую сценку, разыгравшуюся в тени дуба; но не потому, что это происходило в тени, а потому, что все смотрят в прерию, следя за погоней.

Кто-то смотрит туда же, в даль прерии, но не так, как другие. Это девушка напряженно глядит из-за занавесок кареты, и в ее глазах можно прочесть мысль, которой нет у других.

Не простое любопытство заставляет вздыматься ее грудь. В ее грустных глазах зажигается радость, когда она следит за преследователем, и сострадание, когда она смотрит на беглеца; с ее полуоткрытых уст слетает молитва: «Боже, смилостивься над преступником!»

* * * * * * * * *

Когда Морис выбирается из толпы, теперь рассыпавшейся по всему плац-параду, он видит, что отстал от последнего всадника на несколько сот ярдов.

Но это не пугает его: Морис знает, что на своем прекрасном коне он недолго останется позади.

Гнедой не обманывает его надежды. Как будто обрадованный освобождением от тяжелой, непонятной ноши, чувствуя живое прикосновение колена своего хозяина, благородный конь несется по прерии длинными прыжками, доказывая, что он по-прежнему силен, а ноги его сохранили свою гибкость.

Скоро Морис приближается к тем, кто скачет последними, перегоняет одного, потом другого и еще одного, пока не оказывается впереди всех.

Он мчится через холмы и овражки по мягкой траве и острым камням, пока, наконец, остальные не теряют его из виду, как давно уже потеряли Колхауна.

Только один из всех участников погони все еще видит его. Он сидит верхом на самой жалкой кляче, какую только можно себе представить. Чем объяснить, что она так быстро бежит? Ее подгоняет очень странная «шпора» — охотничий нож, который время от времени вонзается ей в круп. Так жестоко подгоняет свою лошадь Зеб Стумп. И, несмотря на это, старая кобыла не в силах состязаться с конем мустангера. Зеб и не рассчитывает на это: его единственное желание — не упустить гнедого из виду, и это ему удается.

И еще один человек видит мчащегося гнедого. Но он смотрит на него через плечо — это беглец.

Не успел Колхаун поверить в свое спасение, как, оглянувшись назад, он увидел гнедого и на нем не изуродованный труп, а еще более страшного для него всадника: Мориса-мустангера — человека, которого он чуть было не обрек на позорную смерть. Это — мститель, от которого не уйти.

Холодная дрожь пробегает по телу беглеца. Ему чудится. что он борется с самой судьбой и что нет смысла продолжать эту борьбу.

Отчаявшийся преступник не погоняет коня, не веря больше в спасение. Его душа объята страхом смерти.

Но тут он замечает, что заросли уже близко, и немного приободряется; он заставляет своего измученного коня сделать последнее усилие и направляется к лесу.

Перед ним открывается просека. Колхаун успевает проскакать по ней полмили. Он подъезжает к повороту. Дальше легко будет скрыться в зарослях.

Он слишком хорошо знает это место. Оно уже было роковым для него. Будет ли оно роковым и на этот раз?

Да! Он чувствует это и окончательно теряет самообладание. Стук копыт слышен совсем близко, раздается голос мстителя, требующего, чтобы он остановился.

Нет, он не успеет свернуть, не успеет скрыться! Вскрикнув, он останавливает коня. Это крик отчаяния и ненависти, подобный вою окруженного собаками ягуара. Крик сопровождается жестом, вслед за которым мелькает огонек, вырывается облачко дыма, раздается резкий треск — это выстрел из револьвера.

Но пуля не попадает в цель.

В ответ слышится свист, словно гибкий прут разрезает воздух, и как будто длинная змея взвивается вверх.

Колхаун видит ее сквозь пелену дыма. Змея падает прямо на него.

Нет уже времени второй раз спустить курок, нет даже времени увернуться от лассо: петля опускается на его плечи. Раздается крик: «Сдавайся, убийца!» Кассий Колхаун видит, что гнедой поворачивается, и в следующий миг ему кажется, словно его сбросили с эшафота.

Больше он ничего не слышит, не видит и не чувствует. Он был выбит из седла и, ударившись о землю, потерял сознание.

Глава XCVIII

ЕЩЕ ЖИВ

Убийца неподвижно лежит на земле. Его руки стянуты петлей лассо. Он кажется мертвым.

Но мустангер знает, что это лишь обморок — может быть, притворный, — и поэтому он остается в седле, держа лассо натянутым.

Петля лассо опускается на плечи преступника.

Гнедой, послушный воле хозяина, стоит неподвижно, каждую минуту готовый либо отступить назад, либо ринуться вперед.

На выстрел слетелись черные грифы — они вытянули свои голые шеи, чуя добычу.

Человеку в седле достаточно сделать одно движение шпорой — и они получат то, чего хотят.

— И он это заслужил, — бормочет про себя мустангер. — Страшно даже подумать, на какое преступление он решился! Убил своего двоюродного брата и отсек ему голову! Нет сомнения, и то и другое — дело его рук. Но зачем он это сделал? Это может объяснить только он сам... Я, кажется, догадываюсь. Я знаю, что он любит ее; может быть, брат мешал ему? Но как и почему? Это известно только ему.

— Ошибаешься, парень, — вдруг раздается чей-то голос. — Есть человек, который может ответить на все эти вопросы. Старый Зеб Стумп к вашим услугам. Но сейчас не время об этом говорить и здесь не место для таких разговоров. Мы должны доставить его к дубу, и там он получит, что ему полагается. Стоило бы проволочить его страшную образину на конце лассо!.. Впрочем, это так, к слову пришлось. Не нам с вами мстить за Генри Пойндекстера. Я думаю, этим займутся «регулярники».

— Но как мы доставим его? Серый уже ускакал.

— Очень просто, мистер Джеральд. Ведь это только обморок, а может быть, молодец просто притворяется. Если он не может дойти пешком, то пусть едет верхом — моя кобыла довезет его. Мне чертовски надоело седло. Кажется, и я тоже достаточно опротивел своей старухе — во всяком случае, моя «шпора». Если он не бросит валять дурака и не захочет сидеть, как полагается, то мы его взвалим поперек лошади, как тушу оленя... Стой! Он как будто приходит в себя... Вставайте-ка, дружище! — продолжает Зеб, схватив Колхауна за ворот и как следует тряхнув его. — Вставайте, вам говорят, и поедем! Вас ждут. Кое-кто хочет потолковать с вами.

— Кто? Где? — спрашивает пленник, приходя в се-

бя и озираясь в недоумении. — Кто хочет говорить со мной?

— Прежде всего я.

— А! Это вы, Зеб Стумп? И... и...

— И мистер Морис Джеральд, мустангер. Вы как будто встречали его раньше. Он тоже хочет потолковать с вами. А кроме того, еще много всякого народа там, около форта, ждет вас. Так что лучше вставайте поскорее, и поедемте с нами.

Колхаун медленно встает на ноги. Его руки крепко стянуты лассо.

— Моя лошадь? — воскликнул он, вопросительно озираясь. — Где моя лошадь?

— Кто ее знает, куда она удрала. Может, вернулась к себе домой, на Рио-Гранде. Вы ее здорово загоняли; бедная скотина, видно, прокляла ваш обмен и побежала к родным пастбищам, чтобы малость отдохнуть.

Колхаун с изумлением смотрит на старого охотника. Обмен? Даже это он знает!

— Ну-с, — продолжает Зеб с нетерпением, — неудобно заставлять суд ждать. Вы готовы?

— К чему?

— Во-первых, к тому, чтобы вернуться вместе со мной и с мистером Джеральдом. Во-вторых, что особенно важно, чтобы предстать перед судом.

— Перед судом? Мне предстать перед судом?

— Да, вам, мистер Кассий Колхаун.

— По какому обвинению?

— По обвинению в убийстве Генри Пойндекстера, вашего двоюродного брата.

— Это ложь! Подлая клевета! И тот, кто осмеливается утверждать это...

— Молчать! — повелительно кричит Зеб. — Не утомляйте себя разговорами. Если только Зеб Стумп не ошибается, вам придется еще много говорить. Ну, а теперь поедем. Судья ждет, ждут присяжные, да и «регулярники» тоже.

— Я не вернусь! — упрямо отвечает Колхаун. — Кто дал вам право приказывать мне? У вас есть приказ на арест?..

— А как же! — прерывает его Зеб. — Вот он, — продолжает охотник, берясь за свое ружье. — Вы это видите? Так что лучше бросьте болтать. Мне это надоело. Садитесь лучше на мою кобылу, и давайте спокойно двигаться в путь. А то, пожалуй, придется привязать вас к лошади, как обыкновенный тюк. Так или иначе, а вернуться вам придется.

Колхаун не отвечает. Он в отчаянии смотрит то на Стумпа, то на Джеральда, то вокруг себя, потом украдкой на свой второй револьвер, торчащий из нагрудного кармана сюртука; первый он выронил, когда его захлестнула петля. Он пытается достать его. Ему мешает лассо, а кроме лассо — старый Зеб, направивший на него дуло своего ружья.

— Пошевеливайтесь! — кричит охотник. — Влезайте на лошадь, мистер Колхаун! Кобыла ждет вас. В седло!

С механической покорностью, словно марионетка, подчиняется Колхаун приказу охотника. Он понимает, что всякая попытка сопротивляться означает неминуемую смерть.

Зеб Стумп берет кобылу под уздцы и ведет за собой.

Мустангер в задумчивости едет сзади. Он думает не о своем пленнике, а о той, чье самопожертвование сковало его сердце золотой цепью, разбить которую может только смерть.

Глава XCIX

ДВА ВЫСТРЕЛА

После второго неожиданного перерыва, менее длительного, чем первый, суд снова возобновил свое заседание под огромным дубом.

Наступил вечер. Косые лучи заходящего солнца проникают под густую крону.

На Мориса Джеральда уже не смотрят с угрозой со всех сторон — он полностью оправдан, и теперь он только свидетель.

Место обвиняемого занял Кассий Колхаун.

Но это единственная перемена. Судья тот же, те же присяжные, та же толпа. Разница в их отношении к обвиняемому.

Виновность подсудимого не вызывает сомнений. Все доказательства налицо; и, хотя большинство улик — косвенные, как это обычно бывает, когда разбирается дело об убийстве, они составляют неразрывную цепь, в которой не хватает только одного звена — мотива.

Что заставило Кассия Колхауна застрелить человека и потом отрубить ему голову? Показания Джеральда подтвердились при обследовании трупа — хирург форта установил, что голова была отрублена уже после того, как наступила смерть, причиной которой было пулевое ранение.

Почему Кассий Колхаун убил своего двоюродного брата? Почему он отрубил ему голову?

Никто не может ответить на эти вопросы, кроме самого убийцы.

Преступник скоро получит заслуженную кару, потому что выяснение мотива преступления не является обязательным. Судебное разбирательство закончилось быстро. Присяжные вынесли решение: «виновен». И судья, сняв панаму, уже собирается надеть черную шапочку — мрачную эмблему смерти, чтобы огласить приговор.

Соблюдая формальности, осужденному предоставляют последнее слово.

Он вздрагивает. Эта фраза судьи звучит в его ушах похоронным звоном. Он дико озирается, в глазах его отчаяние, но кругом он видит лишь суровые лица, на них не заметно ни сочувствия, ни сострадания.

Соучастники, подкупленные негодяи, которые до последнего момента поддерживали его, теперь уже не могут помочь ему — их сочувствие бесполезно. Они отступили перед величием закона и неумолимой очевидностью преступления.

Несмотря на свое богатство и высокое общественное положение, он одинок — у него нет ни друзей, ни сторонников. Такова участь убийц в Техасе.

Выражение его лица резко изменилось — вместо обычной надменности и заносчивости оно отражает малодушный страх.

Нужно ли этому удивляться? Он чувствует, что положение его безнадежно, что он стоит на краю могилы, перед лицом смерти, слишком страшным, чтобы взглянуть на него.

И вдруг его погасшие глаза оживают, словно какая-то мысль осенила его. У него такой вид, как будто он хочет в чем-то признаться. Будет ли это признанием вины? Хочет ли он облегчить свою совесть от гнета, который давит ее?

Зрители, угадывая его намерение, стоят затаив дыхание. Кажется, что даже цикады притихли.

Тишина нарушена голосом судьи:

— Что вы можете сказать в свое оправдание, чтобы облегчить свою участь? — спрашивает он.

— Ничего, — отвечает Колхаун. — Мне нечего сказать. Приговор справедлив. Я заслуживаю смертной казни.

Еще ни разу в течение дня, полного волнующих происшествий, присутствующие не были так ошеломлены, как сейчас. Они не в состоянии даже говорить. В полной тишине раздается голос осужденного; все ждут, что это будет исповедь.

— Это правда, — продолжает Колхаун: — я убил Генри Пойндекстера — застрелил его в чаще леса.

Зрители испускают невольный крик. Это скорее крик ужаса, чем негодования.

Так же непроизвольно вырывается и стон, — все знают, что это стон отца убитого.

Когда замирают эти звуки, ничто больше не мешает осужденному говорить.

— Я знаю, что я должен умереть, — продолжает Колхаун с показным безразличием. — Таков ваш приговор, и, судя по вашим лицам, вы не намерены изменить свое решение. После моего признания было бы нелепо рассчитывать на помилование. Я был плохим человеком и, несомненно, заслужил свою судьбу. Но все-таки я не такой злодей, как вы думаете, и не хочу ухо-

дить из жизни с позорным клеймом братоубийцы. Правда, он пал от моей руки. Вы спрашиваете, что толкнуло меня на преступление? У меня не было причины убивать его.

Зрители снова взволнованы: они удивлены, заинтригованы и недоумевают. Но все молчат, и никто не мешает преступнику говорить.

— Вы удивлены? Объяснение просто: я убил его по ошибке.

В толпе раздаются возгласы удивления, но все замолкают, когда Колхаун продолжает свою речь:

— Да, по ошибке. Трудно передать, что я пережил, когда обнаружил это. Я узнал о своей ошибке много времени спустя...

Осужденный поднимает глаза, словно надеясь на смягчение своей участи. Но на суровых лицах он не видит снисхождения.

— Я не отрицаю, — говорит Колхаун, — что был человек, которого я хотел убить. Не скрою также его имени. Вот он, этот презренный негодяй!

С ненавистью смотрит Колхаун на Мориса Джеральда. Тот отвечает ему спокойным и равнодушным взглядом.

— Да, я его хотел убить! На это у меня были свои причины, о них я не буду говорить. Сейчас это бесполезно. Я думал, что убил его. Как мог я предположить, что эта ирландская собака обменялась плащом и шляпой с моим двоюродным братом? Остальное вам известно. Я метил в своего врага, а попал в друга. Выстрел, повидимому, был роковым, и бедный Генри упал с лошади. Но для большей уверенности я вынул нож — проклятое серапе все еще обманывало меня — и отсек ему голову...

Зрители содрогаются от ужаса и кричат, требуя возмездия, по толпе пробегает ропот — напряжение спало.

Теперь уже нет ничего таинственного ни в самом убийстве, ни в мотиве, и Колхаун освобожден от дальнейших описаний своего страшного преступления.

— А теперь, — кричит он, когда волнение немного стихает, — вы знаете обо всем, что произошло, но вам еще неизвестно, чем это кончится! Вы видите, что я

стою на краю могилы, но я не спущусь в нее, пока и его не отправлю туда же!

Понять смысл этих слов, последних в жизни Колхауна, нетрудно. Сопровождающий их поступок объясняет все...

Во время своей речи Колхаун держал правую руку за левым бортом сюртука, и, кончив говорить, он выхватил револьвер.

Не успели зрители заметить револьвер, блеснувший в лучах заходящего солнца, как прогремели два выстрела.

Два человека падают ничком так близко, что их головы почти соприкасаются.

Один из них — Морис Джеральд, мустангер, другой — Кассий Колхаун, отставной капитан кавалерии.

Толпа окружает их — все думают, что оба мертвы. Среди напряженной тишины раздается крик женщины, исполненный такой безысходной тоски и горя, что, кажется, сердце ее разорвалось на части.

Глава С

РАДОСТЬ

Радость!

Да, именно это чувство испытала Луиза в тени огромного дуба, когда оказалось, что произошло только самоубийство, убийство же не удалось, что ее возлюбленный жив.

Даже печаль, вызванная трагическими происшествиями последних дней, не могла заглушить радости.

И кто осудит за это молодую девушку?

Только не я. И не вы, если будете искренни.

Радость ее стала еще больше, когда она узнала, что́ сохранило жизнь ее возлюбленному.

Рука убийцы не дрогнула. Он был в этом уверен, иначе он не поднес бы револьвера к своему виску и не спустил бы курка. Он целился прямо в сердце Мориса Джеральда, и пуля пронзила бы его, если бы не ударилась о медальон — подарок Луизы. Отскочив от него, она рикошетом ранила одного из зрителей.

Не прошел выстрел бесследно и для Мориса Джеральда, еще неокрепшего после болезни, — новое потрясение вызвало новое помрачение рассудка.

Но больной лежал теперь не в зарослях, где вокруг него рыскали койоты, а над ним кружили черные грифы, не в хижине и не в тюрьме, где за ним почти не было ухода.

Когда сознание вернулось к нему, он понял, что прелестное лицо, которое грезилось ему во сне, было не видением, но принадлежало первой красавице на Леоне — во всем Техасе, если хотите, — Луизе Пойндекстер.

Теперь уже никто не мешал ей ухаживать за больным.

Никто, даже отец. Пережитое горе сломило ложную гордость старика плантатора. Он уже не возражал против брака дочери с любимым человеком, хотя, по правде сказать, и возражать было нечего. Его зятем стал не безвестный Морис-мустангер, а ирландский баронет сэр Морис Джеральд.

Титул в Техасе не имеет никакой цены; не придавал ему значения и сам Морис. Зато он оказался обладателем большого состояния — чем не избалованы ирландские баронеты, — достаточно большого, чтобы выкупить имение Каса-дель-Корво, заложенное в свое время Вудли Пойндекстером, у наследника Кассия Колхауна.

Выяснилось, что Кассий Колхаун уже был женат, и его имущество отошло к сыну, который жил в Новом Орлеане.

После свадьбы Луиза и Морис Джеральд отправились путешествовать по Европе. Они побывали на родине Мориса, но снова вернулись в Техас — в асиенду Каса-дель-Корво.

Голубоглазая красавица, тоскующая в замке Баллах по молодому ирландцу, существовала только в буйном воображении Фелима. Или, быть может, это было юношеское увлечение, одно из тех, которые не выдерживают испытания разлуки. Как бы то ни было, за время пребывания в Ирландии у Луизы Пойндекстер — теперь ее надо называть леди Джеральд — ни разу не проснулось чувство ревности.

Только один раз это мучительное чувство снова овладело ею, но оно прошло быстро и бесследно, как тень.

Это было в тот день, когда ее муж вернулся домой, неся на руках красивую женщину. Кровь струилась из раны на ее груди. Она была еще жива, но минуты ее были сочтены.

На вопрос: «Кто сделал это?» — она могла ответить только: «Диас, Диас!»

Это были последние слова Исидоры Коварубио де Лос-Льянос.

Вместе со смертью Исидоры умерло и чувство ревности Луизы. Оно больше никогда не волновало ее сердца.

Ревность сменилась жалостью к несчастной. Молодая креолка сама помогала своему мужу оседлать гнедого мустанга, сама послала его в погоню за убийцей.

Луиза была рада, когда увидела, что он возвращается, ведя на лассо Диаса. Она не вступилась за мексиканца, когда спешно созванные «регулярники» повесили его тут же на дереве.

Была ли это жестокость? Нет, это была первобытная форма справедливости — «Око за око и зуб за зуб».

* * * * * * * * *

Прошло десять лет. Большие перемены произошли за это время в Техасе и особенно в поселениях на Леоне и Нуэсес.

Появились плантации там, где раньше были непроходимые заросли. Города выросли там, где в дикой прерии паслись когда-то табуны мустангов.

Вы услышите теперь новые имена и географические названия.

Но старая асиенда Каса-дель-Корво сохранила свое прежнее название. Там вы найдете и знакомых вам людей.

Хозяин асиенды — один из самых красивых мужчин в Техасе, его жена — одна из самых красивых женщин этого края. И он и она еще молоды.

Вы встретите там и седовласого старика аристократической внешности, очень любезного и разговорчивого.

Он поведет вас к коралям, покажет вам скот и будет с гордостью рассказывать о табунах лошадей, которые пасутся на пастбищах плантации.

Но больше всего он гордится своей дочерью — хозяйкой асиенды — и шестью прелестными малышами, которые льнут к нему и называют его дедушкой.

Если вы заглянете в конюшню, то увидите там старого знакомого — Фелима О'Нила. Он занимает должность главного конюха Каса-дель-Корво. Здесь же вы можете встретить и чернокожего Плутона, который теперь исполняет обязанности кучера и редко когда соблаговолит взглянуть на лошадь, прежде чем взберется на козлы и возьмет в руки вожжи.

Плутон женат. Его супруга — известная читателю Флоринда.

За обеденным столом в Каса-дель-Корво вы непременно услышите имя некоего охотника. За обедом вам обязательно сообщат, что этот жареный индюк или оленина — результат его не знающего промаха ружья. За обедом и особенно за вином вы услышите бесчисленные истории о Зебе Стумпе.

Правда, самого Зеба вы редко там встретите. Он уходит из асиенды, когда все ее обитатели еще в постели, и возвращается, когда они уже спят или ложатся спать. Но большой индюк или четверть туши оленя в кладовой доказывают, что он здесь был.

Во время пребывания в Каса-дель-Корво вы, наверно, услышите обрывки загадочной истории, ставшей почти легендой.

Слуги не откажутся рассказать вам ее всю — с начала до конца, но только шепотом. Это запрещенная тема, она вызывает грустные воспоминания у хозяев асиенды.

Это — повесть о всаднике без головы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНУ «ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ»

С первых страниц этой книги читатель захвачен искусно построенным сюжетом, основанным на раскрытии загадочного преступления. Вместе с тем, развивая запутанный сюжет, ведя читателя от эпизода к эпизоду, Майн Рид рисует во многом правдивую картину жизни Техаса 50-х годов. И в этом сильная сторона романа. Изображая Техас, романист дает почувствовать тяжелую долю народов страны, захваченной США [1]. Американские колонизаторы с презрением относятся к мексиканцам, видя в них существа «низшей расы». Беспощадно истребляют американцы индейцев, вытесняя с территорий, которые веками принадлежали индейским народам.

Американские колонизаторы Техаса — надменный плантатор Пойндекстер, пьяница и дуэлянт Колхаун — характерные фигуры американской жизни 40—50-х годов. Явно осуждая старика Пойндекстера, Майн Рид с особой резкостью говорит о Колхауне — это богач, шантажист, в прошлом участник разбойничьего похода в Мексику. Колхаун верит в силу своих капиталов, убежден в своей безнаказанности; он идет на любую подлость и наконец становится преступником. Колхаун, делец с замашками гангстера, — вполне реальный тип американского авантюриста, не однажды разоблаченного на страницах романов Майн Рида.

Толпа «регулярников», готовых учинить кровавую расправу, суд Линча над любым неугодным ей человеком — вот образец

---

[1] Техас, как и Калифорния, был окончательно отторгнут США от Мексики после американо-мексиканской войны 1846—1848 годов, в которой Майн Рид принимал участие.

американской «демократии», господствующей в Техасе. Картину американского хозяйничания в Техасе дополняет группа офицеров, изнывающих от гарнизонной службы и радующихся каждому скандалу как развлечению. Излюбленное их место — трактир, бар, на вывеске которого изображен «герой, нашедший славу в этих краях, — генерал Тейлор». Тут же найдет читатель преуспевающего коммерсанта Обердофера, интересы которого защищены флагом США.

Майн Рид показал, как под натиском американской колонизации гибнет старая жизнь Техаса. Разрушается прежний жизненный уклад, гибнут индейские племена; обнищание и разорение — удел мексиканских крестьян. Представителями вымирающих профессий оказываются и герои «Всадника без головы» — мустангер Морис Джеральд, укротитель диких лошадей, и старый охотник Зеб Стумп. Скоро в Техасе не за кем будет охотиться и некого будет укрощать — писатель сам говорит об этом в романе.

На сотни и сотни миль от городов и гаваней уходили первые поселенцы новых штатов Америки в поисках вольной жизни, в поисках средств существования, которые дали бы им возможность прожить, не попадая в кабалу к купцам и промышленникам. Но в эпоху Майн Рида американский купец, промышленник, крупный землевладелец уже всюду настигали и подчиняли себе этих некогда свободных тружеников и их потомков. Старый Зеб, обрисованный в романе с особой теплотой, пришел в Техас из Кентукки: видимо, там ему стало жить невмоготу. Впрочем, и здесь он вынужден перебиваться продажей дичи богатым помещикам. И Зеб и его молодой друг Морис-мустангер, укротитель диких лошадей, с точки зрения американских колонизаторов, — ничтожества, они бедняки. Вот этих людей, непритязательных, прямодушных, чуждых жажды наживы, никого не угнетающих и не пользующихся чужим трудом, Майн Рид наделил подлинными человеческими чувствами. Они неподкупны, честны, обладают чувством собственного достоинства. Это ясно обнаруживается в ссоре Джеральда с Колхауном, пытающимся оскорбить мустангера.

В романе нет героических образов, подобных Оцеоле — бесстрашному защитнику свободы индейцев. Но ирландец Джеральд вступается за честь своего народа, задетую Колхауном.

Джеральд противопоставлен в романе Колхауну и его собу-

тыльникам, старому Пойндекстеру и другим американским колонизаторам.

Действующие лица во «Всаднике без головы» описаны в несколько условной, внешне эффектной манере. Нечего искать глубокого анализа их переживаний, изображения их душевных противоречий. Это было выше возможностей писателя, да и не входило в план его повествования, в котором самое главное — события, а не чувства действующих лиц. Но красочные, хотя иногда и наивные портреты героев Майн Рида запоминаются. Во многом это объясняется конкретностью, с которой писатель говорит о реальных условиях жизни своих героев, об их привычках и занятиях, об их костюмах и жилищах. В книге есть этнографические описания нравов и костюмов экзотического Техаса, в котором причудливо смешались европейские и индейские обычаи.

Старый Пойндекстер особенно типичен на фоне усадьбы, среди толпы его невольников. Образ мустангера с особой четкостью выступает в степных сценах и в его скромном жилище. Обязательным фоном для Колхауна является бар, где происходит ссора с Джеральдом и дуэль.

Характеры действующих лиц во многом обрисованы через диалог, довольно богатый в романах Майн Рида. Драматический сюжет «Всадника без головы» дает большие возможности для острых диалогов, оживляющих повествование.

Сказалось в романе и обычное для Майн Рида мастерство писателя-пейзажиста. Описания природы Техаса, характерные климатические явления составляют живой фон действия. Роман и начинается с описания ночной степи, по которой движется странный всадник. Эта сцена написана рукой талантливого художника.

Во «Всаднике без головы», как и в других романах Майн Рида, много условного, надуманного, много литературных штампов его времени (это особенно относится к любовным эпизодам). Близкий к жизненной правде на лучших страницах книги, писатель нередко отходит от нее, вызывая улыбку и даже досаду читателя. Необязателен для развития сюжета эпизод с нападением ягуара на Джеральда — один из характерных для Майн Рида вставных охотничьих рассказов. Искусственно выглядит «счастливый» конец романа: бедняк мустангер неожиданно оказывается богатым баронетом, что делает возможным

его брак с дочерью Пойндекстера. Не развита сюжетная линия молодой мексиканки, влюбленной в Джеральда.

Но, несмотря на эти недостатки, «Всадник без головы» — живая книга. В ней осуждены бесчеловечные нравы буржуазной Америки, она проникнута верой в силы честных и смелых людей. Один из них — Зеб Стумп — открывает преступление Колхауна, спасает и оправдывает невинно осужденного Джеральда.

В этом романе выражены свойственная Майн Риду любовь к справедливости, критическое отношение к волчьим законам капитализма, симпатия к людям, которые страдают от них. Эти чувства согревают собою лучшие книги Майн Рида — среди них и «Всадник без головы», по праву считающийся одним из самых характерных произведений Майн Рида.

Р. Самарин

МАРОНЫ

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ
«МАРОНЫ»

П. Луганского

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ
«ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ»

Н. Кочергина

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
КАРТЫ, БУКВИЦЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ

С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ

Е. Труновым

ФРОНТИСПИС, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ

М. Латохиным и *В. Лопяло*

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ

В. Пахомова

МАЙН РИД

Собрание сочинений, том VI

МАРОНЫ,
ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

* * * * * * * * *

Ответственный редактор *О. А. Лаврова.*
Художественный редактор *В. В. Пахомов.*
Технический редактор *Н. З. Левинская.*
Корректоры
В. Л. Данилова и Т. П. Лейзерович.

* * * * * *

Сдано в набор 22/VIII 1958 г. Подписано к печати 27/X 1958 г. Формат 84 × 108¹/₃₂ — 62,5 печ. л. = 51,34 усл. печ. л. (47,4 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Цена 15 руб. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 904.

Майн
Рид

Цена 15 руб.

1958